ГОДЪ (Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на прежнихъ основаніяхъ) ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

9. ПРИ **1872.**

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречист. вор., д. Шиловой.

1872.

ЗАПИСКИ ВЕБЕРА

О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНІЯХЪ *)

385. Богатѣйшій военный корабль о 90 пушкахъ, построенный самимъ Его Величествомъ и одними Русскими мастерами, безъ пособія иноземцевъ, спущенъ впервыя на воду, и всѣ дивились отличной работѣ этого корабля. Корабль пошелъ въ водѣ такъ хорошо и благополучно, что его величество самъ махалъ шляпою и восклицалъ обычное: «Ура!» вмѣстѣ съ возгласами болѣе чѣмъ 20 тысячь человѣкъ, бывшихъ на берегу, и за тѣмъ дозволилъ взойти на бортъ корабля всѣмъ желающимъ, сколько могло ихъ помѣститься на немъ.

386. Когда, по спускѣ корабля, взошелъ на него царь, то здѣсь весьма благосклонно привѣтствовалъ его Московскій вице-царь Петръ (sic) Ѳедоровичь а адмиралъ попотчивалъ его за хорошую работу двумя серебренными кружками пива, на что знаменитый корабельный мастеръ отвѣчалъ благодарностію въ особенности Московскому вице-царю; но вслѣдъ за тѣмъ онъ помѣстился съ 8-ю Англійскими корабельными плотниками за особымъ столомъ и былъ чрезвычайно оживленъ и веселъ во все время обѣда и цѣлую ночь.

387. Молодой царевичь Петръ Петровичь также былъ принесенъ на корабль, и тамъ пили за его здоровье.

388. 20-го Іюля Его Величество плавалъ въ Кроншлотъ. Сооруженный тамъ въ минувшемъ году флотъ состоялъ изъ 22-хъ военныхъ кораблей, раздѣленныхъ на три эскадры, изъ которыхъ первая была подъ начальствомъ великаго адмирала Апраксина, вторая вице-адмирала Петра Михайлова (такъ назывался во флотѣ царь) и третья подъ начальствомъ контръ-адмирала, князя Александра Меншикова. Въ настоящее же время флотъ разросся до 40 военныхъ кораблей и 300 галеръ.

Сами по себѣ корабли были достоинства превосходнаго и снабжены всѣмъ необходимымъ, но старинная жалоба на то, что матросы не примѣнились и не могутъ еще управиться съ своимъ ремесломъ, продолжается и до сихъ поръ; ибо, хотя на весь флотъ и распредѣлены тысячи двѣ Нѣмецкихъ матросовъ, но такъ какъ большое число старыхъ матросовъ отпущены въ отставку, то этихъ однихъ новобранцевъ недостаточно для успѣшнаго исполненія маневровъ въ какой нибудь морской акціи. На три (сказанныя) эскадры посажены были два полка лейбъ-гвардіи для высадки ихъ въ Финляндіи, чтобы придать бо́льшую силу и вѣсъ словамъ Русскаго уполномоченнаго на Аландѣ, гдѣ въ это время происходилъ конгрессъ о мирѣ.

389. 27-го Іюля флотъ пустился въ море и уплылъ изъ виду у насъ.

---

*) Первые 384 параграфа помѣщены выше, стр. 1057 и 1334.

Послѣдняго числа Іюля мѣсяца прибылъ графъ Рейншильдъ изъ Казани, гдѣ онъ провелъ свой девятилѣтній плѣнъ, и переведенъ въ Або, для обмѣна на двухъ Русскихъ генераловъ, Головина и Трубецкаго, захваченныхъ въ плѣнъ въ 1702 году во время проигранной Русскими битвы при Нарвѣ.

390. Въ Августѣ послѣдовали мы за царемъ въ Ревель и совершили это путешествіе въ 60 миль сухимъ путемъ.

391. Его Царское Величество находился уже въ этомъ городѣ и 12-го Августа снова пустился въ море, осмотрѣвъ прежде въ Дагероэ на Лифляндскомъ берегу мѣсто, предположенное для устройства гавани, а равно и одно большое красивое по мѣстоположенію пространство, на горѣ, передъ Ревелемъ, для возведенія тамъ увеселительнаго зáмка (крѣпостцы) и разведенія богатаго сада; обѣ эти дорогія работы начаты и производились съ такою усиленною ревностію, что когда я въ 1719-го году былъ опять въ Ревелѣ, то нашелъ, что онѣ исполнены были уже почти до половины.

Изъ Петербурга получено было извѣстіе, что князь и генералъ-лейтенантъ Долгорукій (съ котораго орденъ Слона возвращенъ Датскому Двору) отвезенъ въ Казань, получивши, впрочемъ, сперва дозволеніе проститься съ ея величествомъ царицею; дозволеніе это онъ испрашивалъ сколько для того, чтобы въ трогательныхъ выраженіяхъ какъ нибудь оправдаться передъ царицею въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ былъ обвиненъ, столько и для того, чтобы высказать свои жалобы на то, что у него ничего на свѣтѣ не осталось, кромѣ бывшаго на немъ носильнаго платья. Царица обошлась съ нимъ весьма милостиво и послѣ свиданія послала ему на домъ 200 червонцевъ.

392. Такъ какъ Его Величество ничего не предпринималъ въ эту морскую кампанію, то онъ и возвратился въ Петербургъ, куда 15-го Сентября прибыли изъ Ревеля и мы. Не вдалекѣ отъ города Нарвы, въ одномъ селеніи, нашелъ я среди улицы лежащаго въ предсмертной агоніи одного крестьянина, который, заболѣвъ на работѣ на мызѣ Стрѣльнѣ, дотащился сюда, питаясь милостынею. Такъ какъ никто изъ крестьянъ этого селенія не оказалъ ему ни малѣйшей помощи, и проходящіе мимо даже не глядѣли на него, и конечно и не думали послать за мѣстнымъ Русскимъ священникомъ, который бы напутствовалъ его въ эти послѣднія его минуты, то я приказалъ принести нѣсколько водки, какъ лучшаго подкрѣпительнаго средства Русскихъ и заставилъ проходившихъ мимо нѣсколькихъ старухъ давать её по немножку больному; наконецъ съ великимъ трудомъ и давши денегъ на водку, я убѣдилъ одного солдата сходить за священникомъ. Но и тутъ священникъ не съ разу появился, а отговаривался занятіями своими въ полѣ и по дому, до тѣхъ поръ, пока я, посылая за нимъ безпрестанно, не пригрозилъ ему, что о его поступкѣ доведу до свѣдѣнія Его Величества, и тѣмъ заставилъ его, хоть съ кислою миною и нѣсколько поздно, явиться на мѣсто. Здѣсь, послѣ краткой молитвы, онъ велѣлъ разнять умирающему зубы и влилъ ему въ ротъ ложечку Причастія, послѣ чего проворно пошелъ прочь своею дорогою, ни самъ не позаботясь нисколько о тѣлѣ, ни другихъ, бывшихъ тутъ Русскихъ, не подвигнувъ увѣщаніемъ

своимъ оказать умершему долгъ христіанской любви, и своею недовольною миною далъ только мнѣ знать, что онъ мало благодаренъ мнѣ за причиненное ему безпокойство. Не знаю уже, послѣ отъѣзда моего, убралъ ли кто покойника и похоронили ли его.

393. Изъ Астрахани пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ капитанъ съ донесеніемъ, что обитающіе у Каспійскаго моря Калмыки продолжаютъ оказывать разныя противудѣйствія предпріятіямъ Русскихъ, что они обезглавили на торговой площади князя Александра Бекевича и голову его воткнули на шестъ, и что изъ высланнаго противъ Калмыковъ въ послѣднее время Русскаго войска, въ количествѣ 2000 человѣкъ большинство перебито и осталось только 400 человѣкъ. Такимъ образомъ, открытіе въ тамошнихъ странахъ золотаго песку, укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ и установленныя было торговыя сношенія съ Азіятскими областями встрѣчаютъ тамъ еще бо̀льшія противъ прежняго препятствія. Далѣе, мы узнали, что городъ Астрахань вслѣдствіе сильнаго пожара почти весь обращенъ въ пепелъ и отъ него осталась только треть. По дальнѣйшимъ сообщеніямъ этого капитана, въ Астрахани ожидаютъ бывшаго до сихъ поръ въ Испагани Французскаго посланника, который долженъ былъ возвращаться оттуда домой, черезъ Польшу.

394. Замѣшанный въ послѣднемъ большомъ слѣдственномъ дѣлѣ Кіевскій епископъ вытребованъ былъ оттуда въ Петербургъ, но на дорогѣ онъ умеръ, и полагали, что онъ самъ лишилъ себя жизни, отравившись ядомъ.

395. Изгнанный въ ссылку Долгорукій поселенъ близъ Казани въ имѣніи богача Строганова, гдѣ и долженъ былъ оставаться до конца своей жизни. Изъ Петербурга онъ долженъ былъ отправиться въ простомъ черномъ кафтанѣ, съ длинной бородой и (безъ парика) въ собственныхъ своихъ волосахъ, такъ что никто изъ знавшихъ его не могъ признать его.

396. Несчастная, извѣстная красотою своею супруга Кикина, казненнаго въ Москвѣ, проживала самымъ бѣдственнымъ образомъ, въ сообществѣ съ простолюдинами, въ душной, закоптѣлой, курной избѣ, гдѣ разрѣшилась отъ бремени и безъ сомнѣнія умерла бы, еслибъ Апраксинъ, съ соизволенія Двора, не посылалъ ей самаго необходимаго продовольствія и одежды.

397. Въ Петербургѣ одинъ Русскій священникъ задумалъ обогатиться посредствомъ устроенныхъ имъ нѣкоторыхъ чудесныхъ дѣйствій иконы Божіей Матери, обирая у легковѣрныхъ деньги ради чудотворной иконы; обманъ удался, и уже нѣсколько мѣсяцевъ къ нему въ домъ стекалось по этому случаю множество народу. Хотя продѣлку свою священникъ совершалъ въ великой тайнѣ, въ ночное время, и хотя онъ наказывалъ простодушнымъ и щедрымъ посѣтителямъ своимъ, приходившимъ поглядѣть на чудо, старательно сохранять тайну,— но дѣло дошло до свѣдѣнія Его Величества, и царь приказалъ привести къ себѣ во дворецъ сказаннаго священника, взять у него изъ дому чудотворную его икону, поставить передъ священникомъ, чтобы въ присутствіи Его Величества икона та совершила приписываемыя ей чудеса. Но священникъ тотчасъ же упалъ въ ноги сознался въ своемъ обманѣ, вслѣдствіе чего и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ его подвергли жестокому тѣлесному наказанію и за тѣмъ лишили сана.

Послѣ этого всѣмъ священникамъ дано было предостереженіе, чтобы они отнюдь не противились спасительнымъ распоряженіямъ царя против суевѣрія и ложныхъ чудесъ и чтобы они не укрѣпляли въ нихъ Русскій народъ, и безъ того склонный къ предразсудкамъ.

398. Того, ктобы дерзнувъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ усумниться въ чудотворной силѣ иконы Св. Маріи, находящей въ Москвѣ, народъ разтерзалъ бы на части; ибо онъ крѣпко вѣруетъ, что икону ту рисовалъ Апостолъ Лука и освятилъ на ней Св. Дѣву слѣдующими словами: «Да будутъ съ этимъ изображеніемъ мое милосердіе и моя сила»

399. Введеніе иконъ приписывается обыкновенно Василію (Basilides); но нѣкоторые Русскіе присвоиваютъ его святому Дамаскину (Domasceno). Первое мѣсто въ почитаніи Русскіе даютъ иконѣ Спасителя, второе Святой Дѣвѣ, и затѣмъ уже слѣдуетъ множество небесныхъ угодниковъ (святыхъ), которые, по мнѣнію ихъ, предстательствуютъ предъ Богомъ о спасеніи душъ человѣческихъ. Между всѣми святыми, Николаю Барійскому и Св. Сергію оказываютъ наибольшія и почти божескія чествованія.

400. Ото всякой бѣды и для всякаго предпріятія у Русскихъ есть особый святой заступникъ или покровитель, и вообще, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ царскіе указы не достигли еще полнаго приложенія и силы, суевѣріе народа еще такъ велико, что если напримѣръ кто нибудь увидитъ, что сосѣду его повезло счастіе въ торговлѣ, урожаѣ, воспитаніи дѣтей и проч. и проч., то онъ берётъ у него на прокатъ его икону святаго, покровителя жатвы или иную какую, и воздаетъ ей въ своемъ домѣ всевозможныя почести, для достиженія счастливаго успѣха въ своемъ предпріятіи. Другіе берутъ святаго (т. е. икону святаго) съ собою на поле и если въ это время кто нибудь придётъ къ нимъ на домъ и спроситъ: гдѣ же ихъ святой, то хозяйка-мать, или дѣти отвѣчаютъ обыкновенно: онъ, (т. е. святой) ,отправился въ поле.

401. Хожденіе на поклоненіе св. мощамъ также въ настоящее время значительно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ самъ Его Величество не ходитъ и не ѣздитъ вовсе на богомолье. Царь желалъ бы также отъучить Русскихъ и отъ ихъ суровыхъ постовъ, въ несоблюденіи которыхъ содѣйствуетъ имъ самъ собственнымъ примѣромъ; ибо такое строгое соблюденіе постовъ низвело въ могилу несчетное множество солдатъ, матросовъ и рабочихъ людей. Во время постовъ, войска часто стоятъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ мясомъ, а въ скоромные дни—въ мѣстахъ скудныхъ продовольствіемъ; поэтому, вслѣдствіе суевѣрнаго соблюденія Русскими постовъ, не всегда возможно бываетъ распорядиться такъ, чтобы войска воспользовались тою выгодою и продовольствіемъ, которыя иногда представляются къ ихъ услугамъ. Хотя Русскіе до настоящаго времени во многомъ отстали отъ своихъ прежнихъ обычаевъ; но именно въ постахъ они отнюдь не хотятъ дѣлать уступки, и тѣ знатные Русскіе, которые въ бытность мою въ Россіи, по болѣзненному состоянію своему, не могли не ѣсть мяса, потихоньку посылали большія деньги къ главному патріарху въ Константинополь, для того чтобы испросить у него разрѣшеніе на мясную пищу. Но такія посылки денегъ также воспрещены теперь, потому что царь хорошо еще помнитъ, какія великія

суммы извлечены были сказанными Восточными патріархами изъ Россіи въ то время, когда въ правленіе царя Θеодора призывали ихъ въ Москву для того, чтобы они укрѣпили своимъ авторитетомъ и приговоромъ новый указъ Русскихъ патріарховъ къ міранамъ, чтобы они крестились двумя перстами· ибо міряне рѣшительно не хотѣли исполнять этаго указа и желали оставаться при своемъ трехъперстномъ крестномъ знаменіи, какъ бы прообразующемъ Святую Троицу. Но наконецъ они принуждены были повиноваться, а остальные—отдѣлились отъ Русской церкви и пристали къ раскольникамъ, о которыхъ я упоминалъ выше и которые готовы лучше подвергнуться всевозможнымъ смертельнымъ казаніямъ, чѣмъ измѣнить обычное свое крестное знаменіе *).

402. Въ Нѣмецкой слободѣ случился пожаръ, который впрочемъ скоро былъ прекращенъ вслѣдствіе превосходнаго устройства пожарной команды; какой трудно найти гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ въ свѣтѣ. Такъ какъ Петербургъ стòилъ царю несказанныхъ суммъ, и царь положилъ много усилій и трудовъ, чтобы получить и удержать за собою этотъ гòродъ, бòльшая же часть домовъ въ немъ деревянные и только что выстроены, то Его Величество обратилъ всевозможную заботливость свою на то, чтобы принять мѣры противъ опасности отъ пожаровъ. Для этаго онъ обязалъ всѣхъ высшихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ, чиновъ отправлять на пожарахъ извѣстную должность, которую каждый долженъ былъ исполнять съ особымъ снарядомъ, или орудіемъ, и назначилъ извѣстное за это мѣсячное денежное вознагражденіе, изъ котораго и самъ получалъ свою долю, потому что дѣйствовалъ собственными руками при пожарныхъ случаяхъ, и даже нерѣдко съ крайнею опасностію для своей жизни взбирался на дома объятые пламенемъ, съ цѣлію возбудить Русскихъ слѣдовать примѣру его неустрашимости и оказать помощь погорѣвшимъ. Такимъ превосходнымъ порядкомъ пожаръ всегда быстро прекращается, какъ бы силенъ онъ ни былъ, и никогда еще при немъ не сгорало болѣе четырехъ или самое бòльшое пяти домовъ.

403. 9-го Ноября празднованъ былъ съ особымъ веселіемъ и великолѣпіемъ день рожденія царевича Петра Петровича, и праздникъ этотъ законченъ былъ ужиномъ.

404. Князь Масальскій приговоренъ былъ къ смертной казни за то, что обратилъ въ свою пользу болѣе 80-ти тысячь рублей изъ доходовъ отъ соляныхъ копей. Но онъ умеръ въ пятницу, наканунѣ дня, въ который назначено было исполненіе казни, и такъ какъ его похоронили, не донесши объ этомъ прежде царю, то, по повелѣнію царя тѣло Масальскаго вырыто было изъ могилы и повѣшено на висѣлицѣ.

405. Всѣмъ иностраннымъ негоціантамъ въ Петербургѣ было предписано, чтобы они внесли пошлины за всѣ, ввезенные ими въ страну, въ теченіи трехъ лѣтъ, товары, и пошлины эти царь повелѣлъ вносить непремѣнно Нѣмецкими специесъ-талерами, принимая ихъ не выше 50-ти копѣекъ за каждый талеръ, хотя по внутренней цѣнности они стòили 90 и больше копѣекъ. Сказанные купцы льстили было себя надеждою, что Его Величество, во вниманіе къ

*) Читатели замѣтятъ, что здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, Веберъ, по пословицѣ, слышалъ звонъ... *П. Б.*

великимъ издержкамъ и убыткамъ, съ которыми они завели торговлю въ Петербургѣ, если не вполнѣ освободитъ ихъ отъ пошлинъ за первые три года, то по крайней мѣрѣ сложитъ съ нихъ значительную часть этихъ пошлинъ. Но объ этомъ не хотѣли ничего и слушать, и не дозволяли даже ни малѣйшей отсрочки, вслѣдствіе чего всѣ остававшіяся еще пошлины взыскивали при посредствѣ воинской экзекуціи, а многіе купцы и просто взяты подъ стражу. Можно поэтому судить о той громадной прибыли, которая досталась царю изъ этихъ Нѣмецкихъ денегъ; взысканные специесъ-талеры, по оцѣнкѣ въ 50-ть копѣекъ каждый, перечеканены были въ Русскую монету такимъ образомъ, что изъ каждаго талера, вмѣстѣ съ примѣсью, получилось по 130 копѣекъ; слѣдовательно Его Царское Величество пріобрѣлъ этой операціею 70 процентовъ на каждый талеръ и насильственно привлекъ въ страну свою деньги, такъ какъ въ то время у него самаго, во всемъ его царствѣ, не разработывалось еще никакихъ серебряныхъ рудъ.

406. Въ настоящее время, впрочемъ, Его Величество имѣетъ уже болѣе вѣрныя свѣдѣнія о сокровищахъ, скрытыхъ подъ землею въ его обширномъ царствѣ и учрежденная имъ вновь Бергъ-коллегія не щадитъ никакихъ усилій для того, чтобы дѣлать дальнѣйшія разысканія этихъ сокровищъ и въ возможно скорѣйшемъ времени извлекать изъ нихъ предполагаемыя выгоды, какъ это ясно видно изъ слѣдующаго отрывка одного извѣстія изъ Петербурга, отъ 12-го Декабря 1720-го года:

«Его Царское Величество, съ неуто«мимымъ прилежаніемъ и въ высшей «степени достославно, заботится о бла«гѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ и о «пользѣ страны своей. Подобно тому «какъ онъ установилъ высшія го«сударственныя коллегіи, онъ учре«дилъ между прочимъ и особую Бергъ«коллегію и для присутствія въ ней «назначилъ такихъ людей, которые «обладаютъ не только надлежащими «достоинствами и опытностію, но и «пользуются достодолжнымъ уважені«емъ, и которые заложенныя Богомъ «и природою въ горахъ Россіи вели«кія металлическія сокровища обра«щаютъ къ надлежащей пользѣ. Та«кимъ образомъ, въ настоящее время «царь повелѣлъ уже устроить въ «своей резиденціи, въ Петербургѣ, «небольшой горный заводъ съ дву«мя плавильными печами, серебро-и «мѣдно-обжигательныя печи, бродиль«ный и сереброочистительный гор«ны, для того, чтобы съ одной сто«роны показать Русскимъ операціи, «какимъ образомъ разработываются «извлеченныя рудокопомъ изъ шахты «руды и розсыпи, а съ другой,— «чтобы нѣкоторымъ образомъ практи«чески обучить и пріохотить особен«но способныхъ Русскихъ людей къ «плавленію металловъ и вообще къ «горнозаводскому дѣлу».

407. Вновь учрежденная финансовая коллегія неутомимо трудилась надъ приведеніемъ въ лучшее состояніе царскихъ доходовъ и въ тоже время старалась искоренить множество злоупотребленій въ дѣлѣ финансовъ. Для этой цѣли Его Величеству было предложено: въ каждой провинціи посадить отъ 3-хъ до 4-хъ правителей (губернаторовъ, по образцу и правилу древнихъ Римлянъ), и назначить на эти мѣста такихъ людей, которые не только не были бы родственники между собою или друзья, но даже были бы врагами другъ съ

другомъ, и такимъ образомъ они могли бы смотрѣть одинъ за другимъ и доносить другъ на друга. Такое предложеніе, кажется, одобрено Его Величествомъ и онъ имѣетъ намѣреніе въ скоромъ времени избрать и назначить такихъ правителей или губернаторовъ.

408. Такъ какъ царю непремѣнно хотѣлось привести и Петербургъ въ такое состояніе, чтобы еще извѣстное время своей жизни имѣть удовольствіе пожить въ немъ, какъ въ порядочной резиденціи и въ отличномъ городѣ, то онъ далъ повелѣніе всему дворянству своей Русской имперіи, чтобы каждый дворянинъ къ будущей веснѣ прислалъ на работы въ Петербургъ нарочитое количество своихъ крестьянъ. Хотя противъ этаго распоряженія царю представили разнаго рода ходатайства и доводы, между прочимъ и то, что приращеніе Петербурга повлечетъ такимъ образомъ за собою раззореніе деревень, но всѣ эти доводы уважены не были.

409. Въ Декабрѣ прибыли изъ Швеціи въ Петербургъ обмѣненные на графа Рейншильда Русскіе плѣнные генералы: Головинъ и Трубецкій, и первый изъ нихъ пожалованъ кавалеромъ Св. Андрея, а другой назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, гдѣ онъ и теперь еще находится съ своею супругою и тремя дочерьми, которыя съ самаго ранняго дѣтства раздѣляли плѣнъ отца своего въ Стокгольмѣ и тамъ получили такое прекрасное воспитаніе, что по возвращеніи своемъ въ Россію могли пристыдить въ этомъ отношеніи многихъ Русскихъ. Братъ помянутаго сейчасъ Головина состоитъ генералъ-маіоромъ и очень любимъ царемъ за то, что во многихъ случаяхъ доказалъ ему свою вѣрность и храбрость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ царь послалъ его въ Венецію для изученія кораблестроенія и языка; но Головину эти порученія такъ не нравились, что онъ прожилъ цѣлые 4 года въ Венеціи, не выходя изъ комнаты, вслѣдствіе чего, по возвращеніи своемъ, ни слова не могъ сказать по италіански и не зналъ самыхъ первоначальныхъ пріемовъ кораблестроенія, за что царь, не лишивъ впрочемъ его своей милости, сдѣлалъ его, въ наказаніе и въ насмѣшку, главнымъ корабельнымъ надзирателемъ, придалъ ему титулъ князя Бааса (Baas) и велѣлъ снять съ него портретъ, съ приложеніями всѣхъ составныхъ частей корабля *).

410. 20-го Декабря, при стеченіи неописаннаго множества народа, приведены были на площадь, служащую мѣстомъ казни: Авраамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ, родной братъ отвергнутой царицы, Яковъ Пустынный (Pustinoi), духовный отецъ умершаго царевича, Иванъ Аѳонасьевъ, его маршалъ и fac-totum, Добровскій, придворный кавалеръ его, и Вороновъ, гофъ-мейстеръ его, вмѣстѣ съ другими 4-мя его слугами, и по прочтеніи имъ приговора состоявшаго въ томъ, что они присуждены къ колесованію, пятеро первые изъ нихъ обезглавлены были топоромъ, а остальнымъ четверымъ дарована была жизнь. Первый обезглавленъ былъ — духовный отецъ, потомъ Аѳонасьевъ, потомъ Лопухинъ, который, какъ и двое остальныхъ, должны были класть свою голову на плаху, обагренную уже кровью прежде нихъ казненныхъ. Князю Щербатову, близкому другу умершаго царевича, дарована была жизнь; но, по наказаніи его публично кнутомъ, ему отрѣзали

*) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ находится портретъ генерала-маіора Головина.

языкъ и носъ. Трое послѣднихъ были наказаны только кнутомъ, и изъ нихъ одинъ, родомъ Полякъ, бывшій переводчикомъ при царевичѣ, только силою былъ раздѣтъ и наказанъ. Пятеро-же Русскихъ, первыхъ, шли на смерть съ великимъ смиреніемъ, въ тепломъ благоговѣйномъ настроеніи, ни слова не сказавши ни съ кѣмъ изъ стоявшихъ кругомъ зрителей.

411. Этимъ кровавымъ зрѣлищемъ закончено дѣло несчастнаго царевича, и тѣ лица, которыя виновны были въ бѣгствѣ, или вообще въ преступленіяхъ царевича, или знали о немъ, подвергнуты были наказаніямъ.

Такимъ образомъ царевичь увлёкъ за собою въ своемъ паденіи большое число знатныхъ, а также и незнатныхъ людей, и именно: брата матери своей Лопухина, кавалера Кикина, епископа Ростовскаго, духовника отвергнутой царицы, своего собственнаго духовника Пустыннаго, епископа Кіевскаго (который потребованъ былъ въ Петербургъ и на дорогѣ, какъ полагаютъ, самъ отравилъ себя ядомъ), и наконецъ главнѣйшихъ служителей своихъ. Родная его мать и сводная сестра государя-отца, княжна Марія, царевичь Сибирскій, генералъ лейтенантъ князь Долгорукій, братъ его сенаторъ, князь Львовъ сосланы были въ ссылку. Подполковникъ Лопухинъ, княгиня Троекурова, княгиня Голицына, князь Щербатовъ— наказаны кто кнутомъ, кто батогами и большею частью осуждены на галеры.

412. Авраамъ Лопухинъ имѣлъ трехъ супругъ, изъ которыхъ первая была дочь покойнаго вице-царя Ромодановскаго, вторая—сестра князя Куракина и третья дочь другаго Русскаго вельможи, и эта послѣдняя, по осужденіи его, сама лишила себя жизни насильственною смертію, оставивъ послѣ себя двухъ дѣтей. Отъ втораго брака у Авраама осталась еще одна дочь, которая и живётъ въ Москвѣ. Тѣло послѣдней его жены, равно какъ и всѣхъ остальныхъ казненныхъ, нѣсколько дней лежало на торговой площади, выставленное на общественное позорище, и головы ихъ положены имъ въ руки; за тѣмъ тѣла́ эти воздѣты были на колеса.

413. Спустя часъ послѣ описанной казни, Его Царское Величество явился въ собраніе Сената и объявилъ, что такъ какъ онъ покончилъ съ преступленіемъ противъ величества достодолжными карами, то теперь хочетъ привлечь къ суду и заслуженнымъ наказаніямъ тѣхъ, которые высасывали жизненные соки страны и обогащались пóтомъ бѣдныхъ подданныхъ его. Съ этою цѣлію царь учредилъ судилище (трибуналъ), которое должно было изрѣчь свой приговоръ на основаніи Русскаго военнаго артикула (болѣе суроваго, чѣмъ артикулы другихъ странъ въ свѣтъ), и такимъ образомъ призваны были передъ такой военный судъ: князь Меншиковъ, великій адмиралъ Апраксинъ, братъ его (сенаторъ) и президентъ Сената, князь Долгорукій, вмѣстѣ со многими другими лицами, для отвѣта на тяжкія обвиненія фискаловъ.

414. Въ тоже время царь пожаловалъ тайнаго совѣтника Толстаго, за многія заслуги его, орденомъ св. Андрея, а капитана Румянцева произвелъ въ маіоры лейбъ-гвардіи и пожаловалъ ему двѣ тысячи крестьянъ.

Маіоръ Ушаковъ получилъ грамоту бригадира и также нѣсколько тысячь крестьянъ. Его Величество объявилъ при этомъ, что лица эти заслужили такую милость его своею вѣрною службою; но надо замѣтить здѣсь,

что двое первые изъ сихъ пожалованныхъ привезли изъ Неаполя царевича обратно въ отечество, а послѣдній въ теченіи года завѣдывалъ отправленіемъ всѣхъ казней въ Москвѣ и Петербургѣ.

415. Этимъ закончились кровавые суды, и я хочу заключить эту матерію приведеніемъ здѣсь приговора, произнесеннаго въ 1671-мъ году въ Москвѣ надъ великимъ бунтовщикомъ Стенькою Разинымъ, такъ какъ изъ него можно извлечь нѣкоторыя особенности о тогдашнемъ вѣрованіи въ святыхъ, о родѣ сентенцій и о средствахъ, употреблявшихся у Русскихъ противъ подобныхъ возмутителей. Процессъ этотъ, между прочимъ, происходилъ слѣдующимъ образомъ.

Пойманный Стенька Разинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Фролкою, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячь сбѣжавшагося народа, приведенъ былъ въ Москву, въ городскую думу, гдѣ онъ только и горевалъ, что о смерти своего брата, и когда случилось, что братъ этотъ, очень тяжело и горько страдалъ подъ пытками, то Стенька утѣшалъ его такими увѣщаніями: «Вспомни какимъ счастьемъ ты наслаждался, какою честью и уваженіемъ пользовался ты между своими, сколько тысячь народа было подъ твоею властію, и послѣ этаго тебѣ уже не слѣдуетъ огорчаться, принимая теперь горечь за извѣданную тобою сладость. У Русскихъ существуетъ особый родъ пытки, а именно: обриваютъ преступнику голову и каплютъ на неё холодною водою. Когда Стенькѣ и Фролкѣ обрили такимъ образомъ головы, то первый обратился къ послѣднему съ такою рѣчью: «Ну, братъ, я всегда слыхалъ, что въ священники не постригаютъ никого изъ необученыхъ людей. Мы оба съ тобою простые неученые люди, а тоже вотъ удостоились того, что намъ постригли головы». Черезъ четыре дня по прибытіи въ городъ Москву, Стеньку вывели съ братомъ на лобное мѣсто передъ Кремлемъ, гдѣ и совершена была надъ ними казнь, по прочтеніи имъ слѣдующаго приговора:

Копія съ приговора надъ Стенькою Разинымъ, объявленнаго ему въ Москвѣ, на мѣстѣ казни 6 Іюня 1671 года. *)

416. «Воръ и отступившій отъ Бога бунтовщикъ, Донской казакъ Стенька разинъ! Въ 7175 (1667) году, ты забылъ страхъ Божій и милость, оказанную тебѣ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ, великой, малой и бѣлой Россіи самодержцемъ, и возмутился противъ Его Царскаго Величества».

«Ты, вмѣстѣ съ другими собранными тобою казаками, бѣжалъ на рѣку Донъ совершать свои воровскія дѣла, ты причинилъ тамъ множеству людей великіе бѣды и убытки, разграбилъ пасады и большія барки съ соленою рыбою и солью, принадлежавшія патріаршему монастырю и многимъ купецкимъ людямъ, а также чинилъ и иныя подобныя насилія до самаго города Астрахани. Ты же воръ ограбилъ убилъ и за тѣмъ бросилъ въ воду между Астраханью и Чернымъ Яромъ, воеводу Его Царскаго Величества, Си-

*) Копія эта до словъ *Ты же воръ, забывши милостивую Великаго Государя пощаду*, переведена нами изъ Вебера, а далѣе, до конца, взята изъ 1-й книги 1869 года. Чтеній Обществ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, гдѣ этотъ интересный документъ помѣщенъ въ Смѣси на страницѣ 9-й и напечатанъ съ современнаго столбца, у котораго сказанное начало оторвано. *Примѣч. Перев.*

мона Беклоневича (Beklonewitz), посланнаго переговорить съ тобою. За тѣмъ ты убилъ Московскаго стрѣльца Сузора, который также былъ посланъ къ тебѣ. А когда изъ Астрахани посланы были въ городъ Янко воеводы и два полковника съ солдатами дружелюбно переговорить съ тобою, уговорить тебя, чтобъ ты бросилъ свои воровскія дѣла и посовѣтывать тебѣ, чтобы ты испросилъ прощеніе у Его Царскаго Величества, то ты повѣсилъ обоихъ полковниковъ и изъ Янко ушелъ съ казаками въ море, а оттолѣ опять явился на рѣку Волгу, раззорилъ тамъ всѣ рыбныя ловли и пожегъ Татарскія жилища. А также былъ ты воръ и подъ городомъ Терки (Terriki), и надѣлалъ тамъ въ окрестныхъ мѣстахъ много бѣды, равно какъ бывши на морѣ разбойничалъ во владѣніяхъ царя Персидскаго, грабилъ его подданныхъ, обиралъ товары тамошнихъ купцовъ и самихъ ихъ предавалъ лютой смерти».

«За тѣмъ, ты раззорилъ нѣсколько городовъ въ Персіи и тѣмъ причинилъ великія неудовольствія и несогласія между нею и Россіей. По твоимъ же воровскимъ подстрекательствамъ или приказамъ, Астраханскіе стрѣльцы перебили своихъ полковниковъ, присоединились къ тебѣ и въ различныхъ мѣстностяхъ учинили великіе грабежи. Съ своею шайкою захватилъ ты корабль Персидскаго царя, заграбилъ всѣ бывшіе на немъ товары и убилъ сына главнѣйшаго изъ купцовъ, вмѣстѣ съ другими Персіянами, и далѣе на морѣ и на рѣкѣ Волгѣ чинилъ великіе напасти, разбои и убійства. Въ 7177 (1669), году Астраханскій воевода, бояринъ Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, послалъ противъ тебя воеводу и стольника, князя Семена Львова (Lewof), съ войскомъ Его Царскаго Величества, который окружилъ тебя съ твоими казаками и всѣхъ васъ легко перебилъ бы до единаго; но увидя то, ты воръ съ твоими товарищами отправилъ къ тому воеводѣ двухъ изъ главнѣйшихъ слугъ твоихъ и во имя казаковъ своихъ ходатайствовалъ тогда, чтобъ Его Царское Величество простилъ и помиловалъ васъ, и ты обѣщалъ тогда, что всѣ вы вернётесь домой къ себѣ и напредки никакого зла болѣе чинить не будете, но станете вѣрно служить Его Царскому Величеству, не дадите никакого повода къ дальнѣйшимъ неудовольствіямъ между Его Царскимъ Величествомъ и царемъ Персидскимъ, и прекратите свои дальнѣйшіе воровскіе набѣги на рѣкѣ Волгѣ и на морѣ Каспійскомъ. Во всемъ этомъ тѣ два казака и дали присягу, и ты затѣмъ прислалъ къ Его Царскому Величеству еще семь своихъ человѣкъ, просить у царя прощенія. Но всё это, какъ послѣ ясно оказалось, былъ только обманъ съ твоей стороны противъ Его Царскаго Величества; ибо хотя царь и дозволилъ всѣмъ бывшимъ съ тобою изъ Астрахани идти свободно въ ихъ жилища, на Донъ; но не смотря на то, ты, презрѣвши достигнутую тобою милость царя, съ дороги повернулъ на рѣку Волгу, учинилъ тамъ великіе разбои, убилъ воеводу въ Царицынѣ и вездѣ совершалъ великое раззореніе».

«Въ 7178 году (иначе въ 1670) ты воръ, съ казаками твоими, также забылъ страхъ Божій, когда, бывши на Дону, и отпавъ отъ Святой, Вселенской, Апостольской Церкви, говорилъ хульныя рѣчи о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, запрещалъ строить церкви и отправлять по прежнему богослуженіе, прогналъ священниковъ, которые держались своей истинной вѣры и при-

казывалъ, чтобъ, вмѣсто обряда вѣнчанія, вступающіе въ бракъ бѣгали только вокругъ дерева *). Ты же воръ, забывши милостивую Великаго Государя пощаду, какъ тебѣ и товарищамъ твоимъ, вмѣсто смерти животъ данъ, измѣнилъ ему Великому Государю и всему Московскому государству, пошелъ на Волгу для своего воровства, и старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, перегрѣбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ. А также Донца Герасима Овдокимова, который посланъ былъ на Донъ съ его, Великаго Государя, милостивою грамотою къ атаману Ходневу Яковлеву, и казаковъ убилъ же и въ воду посадилъ, да и воеводу, который былъ на Дону, Ивана Хвостова, билъ и изувѣчилъ, и ограбилъ, и отъ тѣхъ побоевъ онъ умре. Тыжъ, воръ Степанъ, пришелъ подъ Царицынъ, говорилъ Царицынскимъ жилецкимъ и всякимъ людямъ и вмѣстилъ воровскія лести, будто я Царицынскихъ жителей и разныхъ людей *хочу предать лютой смерти*, а которые люди по Государеву милостивому указу посланы были на Царицынъ имъ же на оборону, и Царицынскіе жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ сдали, и ты воеводу Тимоѳея Тургенева и Царицынскихъ жителей, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ и посажалъ въ воду. *И ходилъ затѣмъ противъ ратныхъ людей Его Величества*, которые шли на службу Великаго Государя на Царицынъ съ головою стрѣлецкимъ Иваномъ Лопатинымъ, и съ полголовою Ѳедоромъ Якшинымъ и съ иными бился, и обманулъ и побилъ и голову стрѣлецкаго, Ивана Лопатина и сотниковъ и пятидесятниковъ, муча разными муками, посажалъ въ воду, и съ насадовъ Великаго Государя хлѣбные запасы и промышленныхъ людей всякіе товары поималъ, и съ Царицына пошелъ на Черный Яръ и на Черномъ Яру воеводу Ивана Сергѣевскаго и головъ стрѣлецкихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ Московскихъ, которые посланы были для бережения насадовъ съ княземъ Семеномъ, а его вы побили до смерти.»

«А какъ ты къ Астрахани пришелъ, и ты товарищей своихъ послалъ говорить и прельщать воровскихъ Астраханскихъ служивыхъ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ городъ сдали и боярина и воеводу выдали и въ городъ бы тебя пустили. И Астраханскіе служилые люди своровали, измѣнили Великому Государю, похотя къ твоему воровству пристати, на городъ воровъ пустили. Ты жъ, воръ, сложась въ Астрахани съ ворами жъ, боярина и воеводу, князя Семена Ивановича Прозоровскаго, взялъ и безбожно съ раскату бросилъ, и брата его, князя Михаила и дьяковъ и дворянъ, и полковниковъ и головъ стрѣлецкихъ Московскихъ и Астраханскихъ, дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, которые къ воровству твоему не пристали, и купецкихъ, и всякихъ чиновъ Астраханскихъ жителей, и торговыхъ людей, муча разными муками, побилъ, а иныхъ въ воду пометалъ мучительски и животы ихъ пограбилъ; и по томъ мученіи, церкви Божіи, и монастыри и великаго Государя казну въ Палатѣ и Таможнѣ и домы всякихъ чиновъ людей пограбилъ, а въ Приказной Палатѣ дѣла государственныя сжегъ и такое наругательство чинилъ, чего нигдѣ не ведется, и священниковъ и и иноковъ обнажа, безо всякаго стыда, и всякихъ чиновъ людей и животовъ,

*) Съ этихъ словъ идетъ уже взятое изъ Чтеній.

мучилъ разнымъ томленіемъ и муками, и самыхъ младенцевъ не щадилъ, и шахова величества купчинъ и торговыхъ людей и Невровъ, и Тезиковъ, и Армянъ, и Бухарцевъ, которые жили на время въ Астрахани, пріѣхали для торговыхъ промысловъ, многихъ побилъ и товары пограбилъ, съ шаховымъ величествомъ многую ссору учинилъ.»

«Ты жъ, воръ, не насытясь невинвинныхъ многихъ кровей и незлобивыхъ младенцевъ, дѣтей боярина, князя Ивана Семеновича Прозоровскаго велѣлъ, взявъ со двора, повѣсить черезъ городовую стѣну за ноги и сверхъ того мученія, одного велѣлъ казнить смертію, а другаго, по многихъ мукахъ изувѣча, отдалъ къ митрополиту, не чая его отъ такихъ мукъ жива.»

«А подъячихъ Астраханскихъ, которые служили Великому Государю, а къ твоему воровству не пристали, а были въ Приказной Палатѣ, велѣлъ тѣхъ мучить страшными муками, за ребра вѣшать, а которые помощію Божію отрывалися, и тѣхъ велѣлъ вѣшать за многія ребра, чтобъ скончались мучительскою томною смертію.»

«Ты жъ, воръ, въ Астрахани, послѣ побитія дворянъ и головъ стрѣлецкихъ и дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и всякихъ служилыхъ, и торговыхъ людей, женъ и дочерей выдалъ на поругательство богоотступниковъ и товарищей своихъ, такихъ же воровъ, насильствомъ, и священникомъ велѣлъ ихъ вѣнчать по твоей печати въ неволю, а не по архіерейскому благословенію, ругаясь святѣй Божіей церкви и преданію св. Апостоловъ и св. отецъ, вмѣняя тое тайну святаго супружества ни во что; а которые священники тебя не послушали, и тѣхъ сажалъ въ воду».

«Учиня такое кровопролитіе, изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову, и Саратовскіе жители тебѣ городъ сдали, по твоей воровской присылкѣ».

«А какъ ты, воръ, пришелъ на Саратовъ, и ты Государеву денежную казну, и хлѣбъ, и золотые, что были на Саратовѣ и дворцоваго промыслу, все пограбилъ, и воеводу Козьму Лутохина и дѣтей боярскихъ побилъ.»

«А съ Саратова пришелъ ты, воръ, къ Самарѣ, и Самарскіе жители городъ тебѣ сдали, по твоей воровской присылкѣ и умыслу и заводу, и ты государеву казну пограбилъ же, и воеводу Ивана Ефимова, и Самарцевъ, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ же.»

«А отъ Самары ты, воръ и богоотступникъ, съ товарищи подъ Симбирскій пришелъ, а пришедъ подъ Симбирскъ, съ государевыми разными людьми бился, и къ Симбирску приступалъ и посылалъ въ разныя города и мѣста своея братія воровъ, съ воровскими прелестными письмами.»

«И писалъ въ воровскихъ письмахъ, будто сынъ Великаго Государя нашего, благовѣрный нашъ царевичь и великій князь Алексѣй Алексѣевичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, нынѣ живъ, и будто, по указу Великаго Государя ты, воръ, идешь съ нимъ съ низу Волги къ Астрахани и подъ Москву, для того чтобъ побить на Москвѣ и въ городѣхъ бояръ и думныхъ, и ближнихъ, и приказныхъ людей, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ, и всякаго чину служивыхъ и торговыхъ людей, и людей боярскихъ будто за измѣну».

«А сынъ Великаго Государя нашего, благовѣрный государь нашъ царевичь, по волѣ Всемогущаго Бога,

оставя земное царство, преставился и пріялъ вѣчный покой небеснаго царствія; и преставленіе его въ государскихъ палатѣхъ при отцѣ его, при Великимъ Государѣ нашемъ, въ 178-го году (т. е. въ 1670), Генваря въ 17 числѣ, а тѣло погребено на Москвѣ, въ соборной церкви Архистратига Божія Михаила, съ прочими государскими родителями, Генваря въ 18 числѣ, а погребеніе было при отцѣ, при Великомъ Государѣ нашемъ въ 178 году, Генваря въ 18 числѣ; а погребеніе было при отцѣ его, государевѣ, при Государѣ нашемъ Царѣ полное, а на погребеніи его были святѣйшіе патріархи, Паисій Александрійскій и Іосафъ Московскій, собче съ освященнымъ соборомъ; да не токмо преставленіе и погребеніе сына Великаго Государя нашего, благовѣрнаго государя нашего полное *въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ вѣдомо. Но не смотря на то*, ты, воръ и измѣнникъ, забывъ страхъ Божій, такое велико дѣло учинилъ, хотя народъ возмутити и кровь пролити, чего и помыслить страшно».

«Да ты жъ, воръ, вмѣнилъ всякихъ людей на прелести, будто съ тобою монаха имѣлъ прельщать всякихъ людей. Аника-монахъ, по государеву указу, по суду святѣйшихъ патріарховъ и всего освященнаго собору, отъ патріаршаго престола посланъ на Бѣлоозеро въ Ѳерапонтовъ монастырь и нынѣ въ томъ монастырѣ».

«Ты жъ, воръ и богоотступникъ и единомышленники твои, письма воровскія, многія письма, въ полки боярина и воеводы, князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, съ товарищи, къ разнымъ людямъ, слалъ, хотя прельстити на прелесть и на измѣну многихъ людей.»

«И будучи ты, воръ, съ своимъ воровскимъ собраніемъ противъ воли Божіей ничего надъ Симбирскомъ не учинилъ, а милостію Божіею и Пречистыя Богородицы, надежды, христіанской помощницы, заступленіемъ и молитвами дивнаго въ чудесѣхъ преподобнаго отца Сергія, Радонежскаго чудотворца, а Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и его государскихъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго государя нашего царевича и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и благовѣрнаго государя нашего, царевича и великаго князя, Іоанна Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, счастіемъ и промысломъ, и службою Великаго государя разныхъ людей, подъ Симбирскомъ и во многихъ мѣстахъ ты, воръ, израненъ, и воровское твое собранье побиты многіе, а ты съ небольшими людьми ушелъ на низъ; а по чертѣ и въ иныхъ городѣхъ, по твоимъ воровскимъ присыльнымъ письмамъ, уклонились къ воровству, и во всѣхъ городахъ и мѣстахъ воеводъ и приказныхъ людей побилъ и въ воду пометалъ».

«А ты, воръ, Фролка, присталъ къ воровству брата своего, соединяся съ такими ворами, ходилъ, собрався, по разныхъ городѣхъ и въ иныя мѣста, и многое раззоренье чинилъ и людей побилъ».

«И въ той своей дьявольской надеждѣ ты, воръ и крестопреступникъ, Степанъ и Фролко и со единомышленниками своими, похотѣли св. церковь обругати, не вдався милости великаго Бога и заступленію Пресвятыя Богородицы, христіанскія надежды, и Московскихъ чудотворцевъ, къ царству-

ющему граду Москвѣ и ко всему Московскому государству, въ такую мерзость пришли, что *именемъ* Великаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и Пресвятыя Богородицы, христіанскія заступницы и надежды, уловяся на дьявольскія лести, и въ томъ своемъ воровствѣ со 175 году по нынѣшней по 179 годъ, Апрѣля по 14 день, не винились, кровь проливали, не щадя и самыхъ младенцевъ. *А въ нынѣшнемъ же 179 году, Апрѣля въ 14 числѣ*, милостію Божіею и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, христіанскія надежды и заступницы и дивнаго въ чудесѣхъ преподобнаго чудотворца Сергія молитвами и Великаго Государя (полное) и его государскихъ благородныхъ чадъ, благороднаго государя нашего (полное), и благовѣрнаго государя нашего царевича (полное) счастіемъ, и за молитвами великаго господина (полное) и всего освященнаго собору, и службою и радѣніемъ и промысломъ его, Великаго Государя, бояръ и воеводъ, и стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ и жильцовъ, и полковниковъ рейтарскихъ пѣхотныхъ головъ и полуголовъ, и сотниковъ Московскихъ , стрѣльцовъ городовыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и иноземцевъ, и службою Московскихъ стрѣльцовъ и выборныхъ полковъ солдатъ и боярскихъ людей, а въ таможенныхъ и въ денежныхъ палатахъ, тѣхъ его, Великаго Государя, разныхъ людяхъ на жалованьи гостей и гостиныхъ сотенъ, и дворцовыхъ слободъ, и черныхъ сотенъ жилецкихъ людей и всѣхъ православныхъ христіанъ, вы, воры, и крестопреступники, и измѣнники, и губители христіанскихъ душъ съ товарищи своими, подъ Симбирскомъ и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ побиты».

«А нынѣ, великою милостію Всемогущаго Бога къ Великому Государю (полное) службою и радѣніемъ Донскаго атамана Ходнева Яковлева и всего войска сами вы пойманы и приведены къ Великому Государю къ Москвѣ, и на Москвѣ *на пыткѣ*, въ томъ своемъ воровствѣ винились, и за такія ваши злыя и мерзкія предъ Господомъ Богомъ дѣла и къ Великому Государю (полное) за измѣну, и ко всему Московскому государству за разоренье, по указу Великаго Государя, бояре приговорили казнить злою смертію, четвертовать, а тебѣ, Фролку, голову отсѣчь».

417. Князь Гагаринъ смѣщенъ съ губернаторства Сибирскаго, и на мѣсто его поставленъ князь Черкасскій.

418. Бывшаго доселѣ Рижскимъ губернаторомъ князя Голицына царь назначилъ губернаторомъ въ Астрахань, а на его мѣсто въ Ригу посадилъ князя Репнина.

419 Его Царское Величество закончилъ этотъ 1718-й годъ въ совершенномъ здоровьи, но событія этого года были такъ достопамятны, что одинъ хорошій мой пріятель, попавшій на пути своемъ изъ Ревеля на отвратительный ночлегъ, на которомъ несносныя мошки или комары, водящіеся тамъ лѣтомъ во множествѣ, не дали ему уснуть ни минуты, выразилъ въ стихахъ свое меланхолическое настроеніе, по поводу сказанныхъ событій и стихи эти переслалъ въ въ Германію къ одному своему благодѣтелю (*).

(*) Въ подлинникѣ эти стихи приложены въ текстѣ; вѣроятно они принадлежатъ перу самаго Вебера, потому что въ нихъ упоминаются событія, изложенныя уже авторомъ въ текстѣ; а именно: о тревогахъ въ Москвѣ, объ отсутствіи въ ней увеселеній, въ теченіе 1718 г, о казняхъ; за тѣмъ о Бухарцѣ Батутѣ, о бѣдственномъ состояніи Эстляндіи и нако-

420. 4-го Января (1719) совершены были великолѣпные похороны бывшаго царскаго лейбъ-медика и совѣтника, Арескина, умершаго въ Олонецкѣ. Похоронная процессія направлялась въ новый Александро-Невскій монастырь, лежащій въ 7-ми верстахъ отъ Петербурга.

Его Царское Величество слѣдовалъ за тѣломъ, отслушавъ прежде въ домѣ покойнаго надгробное служеніе и слово реформатскаго священника, на Голландскомъ языкѣ, и приказалъ самъ закрыть тамъ гробъ, по изъявленіи знаковъ своей милости къ умершему, а также и къ кавалеру Стерлингу, который, по назначенію Его Величества, распоряжался исполненіемъ завѣщанія покойнаго. Тѣло несли придворные медики и знатнѣйшіе хирурги одѣтые въ черныхъ мантіяхъ до самаго моста въ Нѣмецкой слободѣ, въ сопровожденіи безчисленнаго множества народа, освѣщаемые 200 факелами а отъ этаго моста тѣло поставлено на сани, на которыхъ и везено было уже до помянутаго монастыря. Здѣсь, въ монастырѣ уже, отъ самыхъ воротъ до часовни, стояли по обѣимъ сторонамъ солдаты, тоже съ факелами, неугасаемыми на вѣтру, и Его Величество сопровождалъ гробъ, держа въ рукѣ, по Русскому обычаю, восковую горящую свѣчу, до самаго могильнаго склепа, сдѣланнаго между склепами царевны Наталіи и Голландскаго контръ-адмирала (шут-би-нахта).

Сопровождавшія тѣло лица, между которыми были реформатскій и лютеранскій священники, получили подарки флеромъ и золотыми кольцами, на которыхъ вырѣзаны были имя и день смерти покойнаго; также были и угощаемы богатымъ пиромъ.

Въ оставленномъ послѣ себя завѣщаніи Арескинъ отказалъ: матери своей и сестрѣ чистыя деньги; старшей царевнѣ—имѣнье и крестьянъ; Эдинбургскому госпиталю въ Шотландіи—деньги, вырученныя отъ принадлежавшей ему мебели. Библіотеку его царь подарилъ младшему доктору Блюментросту, теперешнему своему лейбъ-медику, братъ котораго отправляетъ такую же должность при царицѣ. Проживающіе въ Петербургѣ Якобиты чванились флеромъ въ память Арескина, какъ большимъ почетнымъ знакомъ, и отличались тѣмъ отъ истинныхъ Великобританскихъ подданныхъ, равно какъ скорбѣли о надеждахъ, погребенныхъ ими съ Арескинымъ.

Начертанный на гробѣ Арескина девизъ: «Я мыслю болѣе, чѣмъ говорю (Je pense plus que je ne parle) далъ поводъ одному Нѣмецкому перу къ слѣдующему четверостишію:

Es gedacht Areskin mehr, als dem Medico gehörte,
Praetendirte, dass man ihn als geheimden Rath verehrte;
Doch weil er dem Praetendenten Gut mit Unrecht zugedacht.
Hat der Tod Praetensiones an den rechten Mann gemacht.

т. е. Арескинъ замышлялъ о большемъ, чѣмъ подобаетъ медику; претендовалъ, что его пожалуютъ въ тайные совѣтники; но такъ какъ въ претендентѣ онъ смѣшивалъ правду съ кривдою, то смерть перенесла его претензіи на честнаго человѣка.

421. Начало 1719-го года по новому календарю праздновалось съ необычайною торжественностію, и Его

нецъ о нетлѣнномъ трупѣ дѣвицы Лоденъ. Стиховъ этихъ, не представляющихъ никакого интереса, мы не переводимъ. *Прим. Церев.*

Величество, по отслушаніи божественной литургіи, при пушечной пальбѣ отправился въ домъ Сената, гдѣ князь Меншиковъ давалъ роскошный обѣдъ. За столомъ пилось здоровье, и провозглашалось желаніе, чтобы этотъ 1719 годъ для Его Величества былъ также счастливъ и замѣчателенъ, какъ и 1709-й годъ.

Праздникъ заключился наконецъ блистательнымъ фейерверкомъ, который представлялъ двухъ великановъ, поддерживавшихъ столбы царства и Фортуну, сидящую на зміѣ. Между разными глубокомысленными изрѣченіями Его Величества, на этомъ праздникѣ, замѣчательно слѣдующее: царь уподобилъ себя патріарху Ною, который съ негодованіемъ взиралъ до сихъ поръ на древній Русскій міръ, теперь же онъ возъимѣлъ надежду, съ помощію учрежденныхъ вновь коллегій, привести свое государство въ новое, лучшее состояніе.

Въ началѣ этого мѣсяца объявленъ былъ состоявшійся въ Сенатѣ приговоръ нѣкоторымъ высоко поставленнымъ подсудимымъ и прежде всего — князю Меншикову; этимъ первымъ приговоромъ повелѣвалось именно, чтобы князь, обвиняемый въ злоупотребленіяхъ по управленію ввѣреннаго ему казнохранилища, отдалъ свою шпагу и ожидалъ бы дальнѣйшаго наказанія. По объявленіи князю этаго приговора, онъ подвергнутъ былъ гражданскому аресту и отосланъ для этого къ себѣ на домъ. При выходѣ изъ Сената, съ нимъ встрѣтился старый президентъ сената, Долгорукій, который также вызывался для объявленія состоявшагося надъ нимъ приговора. Но этотъ старый князь защищалъ свое дѣло съ такимъ побѣдоноснымъ краснорѣчіемъ, что наряженные надъ нимъ судьи сочли за благоразумнѣйшее, донести обо всѣхъ этихъ объясненіяхъ Его Величеству, прежде чѣмъ объявлять приговоръ надъ княземъ. Наконецъ, въ приговорѣ значился и генералъ-адмиралъ Апраксинъ; о немъ постановлено, что, по приведеніи въ извѣстность Его Царскимъ Величествомъ ввѣреннаго ему Апраксину управленія, онъ, въ силу сентенціи, состоявшейся надъ нимъ, признанъ лишеннымъ всѣхъ имѣній своихъ и достоинствъ и также, подъ строгимъ домашнимъ арестомъ, долженъ былъ ожидать дальнѣйшихъ о немъ повелѣній. По объявленіи Апраксину этого приговора, онъ, отдавши шпагу свою, также удалился изъ Сената домой.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что послѣ такой строгой сентенціи надъ этими обвиненными вельможами, надо было ожидать, что они по крайней мѣрѣ будутъ удалены отъ всѣхъ должностей своихъ. Но къ удивленію всѣхъ и каждаго, прежнія заслуги ихъ и вѣрная служба, а равно различныя представленія въ пользу ихъ со стороны Его Величества, возъимѣли такую силу и вліяніе, что и князь Меншиковъ, и великій адмиралъ, по испрошеніи ими всенижайшаго прощенія, были помилованы, съ обложеніемъ только значительнаго денежнаго взысканія.

422. Состоявшій на царской службѣ Англичанинъ, контръ-адмиралъ Паддонъ (Paddon), умеръ скоропостижно, и погребеніе тѣла его совершено было съ великимъ почетомъ, въ высокомъ присутствіи Его Величества, всѣхъ наличныхъ иностранныхъ министровъ, въ сопровожденіи множества морскихъ офицеровъ и другихъ почетныхъ чиновъ и знаковъ почести. Какимъ уваженіемъ пользовался

этотъ Англичанинъ, можно, между прочимъ, видѣть и изъ того, что Его Царское Величество провожалъ тѣло его, пѣшкомъ, отъ дома покойнаго до самой новой церкви, по ту сторону рѣки Невы, на разстояніи цѣлой доброй полумили. Помянутая сейчасъ церковь заложена и построена во имя св. Самсона и въ память дня Полтавской битвы; при ней отведено и кладбище для чужестранцевъ, такъ какъ Русскія лѣтописи приписываютъ св. Самсону особое значеніе и гостепріимное покровительство по отношенію къ иностранцамъ.

Оставшаяся вдова Паддона получила отъ щедротъ Его Величества вспомоществованіе на отправленіе похоронъ, въ тысячу рублей; и затѣмъ ей назначена пожизненная пенсія, ежегодно половинное жалованье, которое получалъ покойный мужъ ея.

423. Сынъ несчастнаго Валахскаго господаря Кантакузина (Cantaguzenie), задушеннаго въ Портѣ, бѣжавши съ матерью своею изъ Турціи, обратился къ покровительству Его Царскаго Величества, который и принялъ его къ себѣ на службу офицеромъ въ гвардію въ Преображенскій полкъ. Онъ нашелъ также великую помощь и у родственника своего, бывшаго Молдавскаго господаря, Димитрія Кантемира, о которомъ я говорилъ уже выше, а теперь вспомнилъ еще и то, что Кантемиръ этотъ, въ 1712-мъ году, въ надеждѣ, что дѣла на Прутѣ пойдутъ благопріятнѣе для Россіи, предложилъ Его Царскому Величеству Молдавію, за что и получаетъ ежегодный пансіонъ по 20,000 рублей, не считая имѣній, дарованныхъ ему въ Россіи и въ Украйнѣ, и именуется обыкновенно въ бумагахъ наслѣднымъ княземъ Молдавіи; онъ претендуетъ также и на титулъ свѣтлости. У Его Царскаго Величества онъ находится въ великомъ почетѣ, ибо царь увѣренъ, что Молдавія и Валахія навѣрное были бы завоеваны, еслибъ послѣдовали совѣту этого воспитаннаго при Турецкомъ Дворѣ государственнаго мужа.

Этотъ Кантемиръ человѣкъ ученый, знающій многіе языки и состоитъ членомъ Берлинскаго общества знаній. Его Турецкая исторія, ожидающая издателя, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, посвящена имъ, въ знакъ его преданности Римской имперіи, блаженной памяти Леопольду и заключаетъ въ себѣ много государственныхъ тайнъ Оттоманской Порты.

424. Посланный въ Персію Артемій Волынскій снова возвратился въ Петербургъ, но о порученіи его ничего нельзя было узнать тогда: приняты были, или нѣтъ предложенія его о торговомъ договорѣ. Говорили только, что онъ имѣлъ шесть отдѣльныхъ аудіенцій у шаха Софи и отпущенъ со всѣми подобавшими ему почётными знаками и обрядностью.

425. Въ Астраханскомъ царствѣ еще открытъ цѣлебный колодезь, и изъ Москвы посланъ туда докторъ Шауберъ, для доставленія объ этомъ колодезѣ точныхъ свѣдѣній.

Въ началѣ Февраля, Его Царское Величество отправился на Олонецкія лечебныя воды, въ сопровожденіи ея величества царицы и вдовствующей герцогини Курляндской. Маіоръ лейбъ-гвардіи Измайловъ, двоюродный братъ того Измайлова, который въ 1701-мъ году посланъ былъ къ Прусскому Двору, для поздравленія отъ имени Его Царскаго Величества съ коронованіемъ, и оттуда ко Двору Датскому, назначенъ Его Царскимъ Величествомъ

посланникомъ въ Китай, и упомянутый выше Ланге, совершившій уже разъ это далекое путешествіе, получилъ повелѣніе сопровождать маіора Измайлова въ Китай. Сдѣлано распоряженіе о передачѣ Измаилову дорогихъ подарковъ для Китайскаго императора, которые большею частію состояли изъ токарныхъ издѣлій, изготовленныхъ самимъ царемъ, отличнымъ мастеромъ этого дѣла.

426. По послѣднимъ сообщеніямъ Китайскихъ миссіонеровъ извѣщалось, что Китайскій народъ возмутился противъ своего верховнаго повелителя, вслѣдствіе повышенія налоговъ и упадка отъ того торговли. Подобное же несчастіе случилось и въ Персіи, по смерти шаха (Chams) въ Шамахіи, и такъ какъ Арабы въ тоже время двинулись войной на Персію, а подданные въ Персіи сверхъ того угнетены были страшною бѣдностію и недостаткомъ въ деньгахъ, поэтому и полагали, что трону Софи угрожаетъ опасность гораздо бо̀льшая, чѣмъ вначалѣ это думали. Бѣдность въ этомъ послѣднемъ государствѣ, какъ описываютъ, дошла до того, что Софи повелѣлъ разрывать могилы богатыхъ покойниковъ и обирать съ ихъ тѣлъ всѣ богатыя украшенія и другія драгоцѣнности.

427. Эти послѣднія извѣстія извлекаю я изъ Латинскаго письма отъ одного іезуита, писаннаго изъ Испагани въ Петербургъ, и въ письмѣ этомъ между прочимъ упоминалось также, что процвѣтавшая въ Персіи прежде шелковая торговля пришла въ совершенный упадокъ до того, что въ послѣдній годъ мало, или даже и вовсе, не вывозилось оттуда никакихъ дорогихъ матерій.

Недостатокъ въ деньгахъ также и въ Архангельскѣ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ былъ въ то время до того значителенъ, что трудно было добыть у купцевъ въ займы денегъ, съ процентами по 15 со ста въ годъ, подъ надежнымъ обезпеченіемъ. Виною тому были монополіи и мануфактуры, которыя въ прошломъ только году, на пошлинѣ въ Ригѣ, причинили убытку царской казнѣ до 80-ти тысячъ рублей въ таможенныхъ деньгахъ.

428. Вновь вычеканенные рубли подвергнуты были изслѣдованію, по распоряженію Коммерцъ-коллегіи, и найдены мало-цѣнными и низко-пробными. Вслѣдствіе этого сказанная Коллегія признала необходимымъ представить Его Царскому Величеству донесеніе о томъ вредѣ, который наносится этимъ обществу.

Малоцѣнность новыхъ монетъ была не безъизвѣстна царю, но въ то время рудники были еще не въ состояніи, посредствомъ богатой добывки, доставлять потребныя на обиходъ суммы. Пониженіе курса иностранныхъ червонцевъ, которые, самое бо̀льшее, ходили по 190 копѣекъ, причинило коммерческому дѣлу также немаловажный убытокъ, потому что Русскія деньги удерживали полную свою стоимость, а внутренняго достоинства, вслѣдствіе примѣси, не имѣли.

Его Царское Величесство приказалъ составить для себя разнаго рода модели вновь исправленныхъ сооруженій въ крѣпостяхъ Шлюссельбургѣ, Нарвѣ, Ревелѣ, Пернавѣ и проч., для того, чтобы можно было вывести надлежащее сужденіе о ихъ слабыхъ сторонахъ Кромѣ того одинъ Нѣмецкій архитекторъ, Матреновъ (Matrenove), нынѣ уже умершій, изготовилъ модель для предполагаемой къ постройкѣ на Васильевскомъ островѣ обсерваторіи, которая назначена для

совмѣстнаго помѣщенія библіотеки, естественной и анатомической кунстъ-камеры и Готторпскаго глобуса.

429. Русскій генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ скончался въ Польшѣ, а также и Шведскій генералъ Левенгауптъ закончилъ жизнь свою въ плѣну, въ Москвѣ и такимъ образомъ не дождался конца Сѣверной войны, котораго онъ такъ сильно желалъ.

430. Одинъ миссіонеръ, капуцинъ, родомъ Италіянецъ, человѣкъ лѣтъ за шестьдесятъ, уже нѣсколько недѣль проживалъ здѣсь въ ожиданіи Его Царскаго Величества, у котораго имѣлъ намѣреніе испросить разрѣшенія построить въ Астрахани церковь для католической общины, состоявшей уже тамъ изъ 90 семействъ или домовъ, частію Австрійцевъ садоводовъ, частію же Баварскихъ солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ со Шведами. Передъ этимъ онъ долго жилъ въ Персіи и часто бывалъ тамъ на волосъ отъ смерти; вообще же это былъ весьма ученый и свѣдущій въ медицинѣ патеръ или священникъ. Послѣднимъ искусствомъ, т. е. медициною люди этаго ордена стараются наиболѣе войти въ довѣріе Персіянъ, при чемъ, приглашаемые въ качествѣ врачей, они вписываютъ въ церковныя книги многихъ больныхъ дѣтей Персидскихъ и втайнѣ крестятъ ихъ. По этому случаю, упомянутый миссіонеръ разсказалъ мнѣ замѣчательный примѣръ, а именно: такъ какъ ему угрожало наказаніе (битьё по пятамъ до смерти) за одного такого Персіянина, втайнѣ крещенаго имъ въ христіане, то магометанинъ тотъ, котораго имя было вписано въ метрическую о крещеніи книгу, хотя самъ онъ не зналъ о томъ и постоянно исповѣдывалъ магометанскую вѣру, не только просилъ за патера, но въ добавокъ внесъ еще тайно за него штрафныя, наложенныя на патера, деньги, 5 тысячь цехиновъ, и послѣ того всегда оказывалъ вѣрную дружбу христіанамъ, по тайному влеченію своей совѣсти.

Тайные изъ Персіянъ христіане собираются потихоньку, покрайней мѣрѣ однажды въ годъ, въ домъ къ подобнымъ патерамъ, и отправляютъ тамъ католическое богослуженіе; но наружно они должны показывать себя магометанами, имѣть по нѣскольку жёнъ, хотя при крещеніи своёмъ обязуются изъ этихъ жёнъ держать только одну въ брачномъ состояніи; за такое снисхожденіе или уступку возникъ ожесточенный споръ у іезуитовъ съ членами другихъ орденовъ, такъ какъ снисхожденіе угрожало великою опасностью христіанству. Умершій два года тому назадъ, великій казнохранитель Персидскаго государства также былъ въ тайнѣ христіаниномъ, и такіе-то тайные христіане, въ случаѣ, если кто нибудь изъ нихъ обнаружитъ чѣмъ свое тайное исповѣданіе, всегда причиняютъ миссіонерамъ наибольшую опасность и много жестокихъ разслѣдованій; въ тоже время прирожденные христіане георгіанцы, если они исправно вносятъ свою подать и остерегаются въ рѣчахъ своихъ говорить дурно о магометанской вѣрѣ, нисколько не преслѣдуются во внѣшнемъ богослуженіи.

431. Одинъ, прибывшій изъ Персіи съ посольствомъ, другъ мой сообщилъ мнѣ полный, теперь употребляемый титулъ Шаха Госсейна Шузени, въ томъ видѣ, какъ его пишутъ подданные въ своихъ прошеніяхъ къ нему, и титулъ этотъ пишется слѣдующимъ образомъ:

«Божіею милостію возвеличенный и благословеніями небеснаго царя прообразующій отблескъ Бога, обла-

датель цѣлаго міра, глава земнаго шара, всѣхъ царей царь, средоточіе, передъ которымъ преклоняются всѣ народы, самодержецъ высокопрославленной въ цѣломъ свѣтѣ Персидской монархіи, наслѣдникъ Дарія и храбраго Хозроя, содержащій въ себѣ врата неба, всепресвѣтлѣйшій и наивысочайшій шахъ султанъ Шузени, слѣдамъ коня котораго всѣ люди должны приносить жертвы». Самъ же шахъ подписывается такъ: «наименьшая рука пресвѣтлѣйшаго пророка Али».

432. По смерти Шведскаго короля и по разрывѣ Аландскаго трактата, стали дѣлать необычайныя приготовленія и снаряженія къ предстоящей кампаніи, для удовлетворенія которыхъ поручено двумъ приказамъ или канцеляріямъ вымѣнять огромную сумму червонцевъ по 195 копѣекъ за каждый; кромѣ того не только конфискованъ былъ весь хлѣбъ, ссыпанный въ амбары или магазины, но и особымъ приказомъ всѣмъ и каждому было повелѣно объявить свой запасъ соли и уступать ее по установленной таксѣ Его Царскому Величеству, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, конфискаціи той соли и наложенія другихъ чувствительныхъ взысканій.

Сверхъ того Русскимъ купцамъ поручено было накупить на семь тысячъ рублей овечьихъ шкуръ и сдать ихъ на пергаментную фабрику, съ тѣмъ, чтобы подѣлать изъ нихъ картуши и патроны; ибо полагали, что порохъ лучше можно сохранять въ такихъ патронахъ, чѣмъ въ жестяныхъ, или картонныхъ.

Его Царское Величество принялъ рѣшеніе этимъ лѣтомъ сдѣлать сильную высадку, съ 26,000 чел. войска въ Швецію, ибо полагалъ, что не оставалось уже никакого другаго средства для того, чтобы принудить это королевство къ скорому и основательному миру. Между тѣмъ новоизбранная королева, принцесса Ульрика, не только извѣстила форменною грамотою Его Царское Величество о смерти короля, но и увѣряла при томъ, что она охотно готова возобновить между обоими государствами прежнюю обязательную дружбу и сосѣдство, для чего вскорѣ и хотѣла послать своего совѣтника и министра Ліліенштедта на островъ Аландъ, для новаго утвержденія трактата.

433. 23-го Марта умершій 90-ти лѣтній Англичанинъ Кравать (Cravat) также почтенъ былъ при погребеніи высокимъ присутствіемъ Его Царскаго Величества и всего Двора. Скончался онъ послѣ 70-лѣтней службы въ Русскомъ царствѣ переводчикомъ и за преклонностію лѣтъ своихъ давно уже пользовался жалованными ему деньгами.

434. Титулярный графъ и церемоній-мейстеръ увеселеній, Ла-Коста (La Costa), Португалецъ, забавнымъ поведеніемъ своимъ на Олонецкихъ лечебныхъ водахъ, на которыхъ онъ по неволѣ долженъ былъ держать добрую діэту, такъ съумѣлъ услужить царю, что Его Величество обнадежилъ его сдѣлать и объявить его вскорѣ королемъ Самоѣдовъ, должность, которая всегда сопряжена съ званіемъ совѣтника увеселеній. Торжественное коронованіе его должно было совершиться по прибытіи 24 оленей и столькихъ же крестьянъ-Самоѣдовъ. Жалости бываетъ достойно, когда новый король на первомъ же испытаніи подвергается несчастію, и когда необузданныя животныя, олени, не поймутъ условнаго языка, въ которомъ король должёнъ быть силенъ, или когда онъ не удержитъ въ саняхъ надлежащаго равновѣсія. По достовѣрному

описанію одного Лапландскаго евангелическаго священника, въ этой ѣздѣ на саняхъ случается не мало опасностей: потому что олень бѣжитъ неудержимо и останавливается только на примѣченномъ имъ мѣстѣ; когда путникъ усядется, взявши въ руки свои двѣ жерди, которыми онъ поддерживаетъ въ равновѣсіи сани, олень пускается въ бѣгъ, летитъ неудержимо до извѣстнаго мѣста, гдѣ и останавливается. Но если сѣдокъ не поостережётся и опрокинется, то лишается всякой надежды сдержать своего оленя, который безостановочно продолжаетъ свой путь.

435. Расположенная на квартирахъ въ Петербургской и Новгородкой губерніяхъ милиція получила въ настоящее время повелѣніе скорымъ маршемъ направиться въ Ревель, а равно и корпусу Репнина, стоявшему до сихъ поръ у Данцига, велѣно ускорить маршъ къ Ревелю же, потому что этотъ городъ и Петербургъ были сборными пунктами, откуда должны были сѣсть на корабли войска, назначенныя для подкрѣпленія Финляндской арміи, которая въ этомъ году возрасла до 50,000 человѣкъ.

436. Въ Русской печати вышло небольшое, листковъ въ 40, сочиненіе, написанное самымъ бойкимъ перомъ Русской канцеляріи и содержащее въ себѣ точныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ настоящей Сѣверной войны; главною же задачей этого сочиненія было доказать, что завоеванія, совершенныя въ этой войнѣ Русскими, внѣ Финляндіи, Его Царское Величество имѣетъ полное право считать возвращеніемъ только прежде отторгнутыхъ отъ Россіи владѣній. Поводомъ къ этому Русскому возраженію (которое имѣется въ виду перевести съ Русскаго на Нѣмецкій языкъ и распространить въ публикѣ), была *Deductio*, или доказательство, составленное однимъ Шведскимъ ученымъ и касающееся провинцій Кареліи и Ингерманландіи. Въ Дедукціи этой приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о древней Русской исторіи, и такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще не напечатана, то привожу её здѣсь вполнѣ; изъ этихъ двухъ сочиненій покрайней мѣрѣ можно видѣть, какъ основательны бываютъ иногда доказательства той или другой партіи и на чемъ основывается авторитетъ исторіи [1]).

437. Тайный секретарь Шафировъ, братъ вице-канцлера, при разборѣ находящихся въ архивѣ Русской канцеляріи въ Москвѣ дѣлъ, нашелъ связку съ письмомъ императора Максимиліана 1-го къ Русскому царю Василію, въ которомъ Максимиліанъ даетъ Василію титулъ императора. Письмо это Его Царское Величество велѣлъ показывать въ подлинникѣ всѣмъ и каждому, и я снялъ съ него слѣдующую копію [2]).

438. 1-е Апрѣля сего 1719-го года отпраздновано было къ великому удовольствію царя и доставило прибывшему изъ Германіи силачу Симсону

---

[1]) Такъ какъ Дедукція эта не принадлежитъ самому Веберу и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія общеизвѣстныя, но излагаемыя съ цѣлію доказать, что завоеванныя Петромъ Прибалтійскія земли искони принадлежали Швеціи, короли которой имѣли даже такое же право на Русскій престолъ, какъ и Михаилъ Ѳедоровичь, то мы не сочли нужнымъ переводить ее здѣсь. *Прим. Переводч.*

[2]) Копію эту приводить здѣсь мы также считаемъ излишнимъ. Содержаніе письма заключается въ томъ, что Максимиліанъ заявляетъ свою дружбу и взаимное содѣйствіе Василію противъ Польскаго короля Сигизмунда, захватившаго многія земли у Нѣмцевъ и Русскихъ; при чемъ называетъ в. кн. Василія Императоромъ и цѣлуетъ, въ нерушимости вѣрной дружбы, крестъ. Письмо писано въ 1514 году по Р. Х. *Примѣч. Перев.*

подарокъ въ нѣсколько сотенъ рублей· По приказанію царя, на представленіе опытовъ прославленной силы Нѣмца, должны были собраться всѣ знатные люди, даже сама вдовствующая царица и царевны ея. Партеръ и ложи переполнены были зрителями до того, что многіе запоздавшіе должны были возвратиться домой, по недостатку мѣстъ. Всѣ зрители съ нетерпѣніемъ смотрѣли на приготовленія къ зрѣлищу, пока наконецъ не появилась на сценѣ парящая въ воздухѣ машина, съ надписью на ней огромными буквами: «Апрѣль». Въ заключеніе явился забавникъ-Нѣмецъ (буфонъ), благодарилъ публику въ рѣчи за подарокъ ради 1-го Апрѣля и приглашалъ её на завтра, на болѣе веселое представленіе.

439. Въ прошедшемъ году, въ ночь на 1-е Апрѣля, по приказанію царя, былъ зажжёнъ находившійся нѣсколько вдали домъ и били тревогу въ барабаны; на пожарѣ присутствовалъ самъ царь, который, во изъявленіе своего удовольствія, приказалъ тогда раздать нѣсколько бочекъ пива и водки сбѣжавшимся въ большемъ количествѣ солдатамъ для тушенія этого пожара на 1-е Апрѣля.

440. Многіе Русскіе помянутаго выше силача считали колдуномъ за его необычайную силу, и были даже гг. епископы, которые полагали, что силачь Симсонъ можетъ поднять зубами подмостки (скамью), на которыя становится обыкновенно Русскій дьяконъ съ книгою Евангелія.

441. Такія мнѣнія побудили царя приказать важнѣйшимъ духовнымъ особамъ пожаловать въ театръ, чтобъ показать имъ необыкновенную силу Симсона, и лица эти были въ высшей степени поражены сказанною силою и должны были признаться, что никогда ничего подобнаго не видывали.

442. Царь города Москвы, Ромодановскій, помогая Его Величеству, приложилъ всѣ силы свои къ царёвымъ, чтобы поставить на грудь Симсону наковальню, которую тотъ свободно поднималъ на воздухъ и на которой, поставленной уже у него на груди, онъ давалъ разщепливать толстыя желѣзныя шины. Его Величество усиливался также вырвать обѣими руками палку, которую Симсонъ держалъ въ зубахъ торчмя, но нашелъ, что силачь стоялъ при этомъ не шелохнувшись, и палку вытянуть у него царь не смогъ. Послѣ этаго Симсонъ, можетъ быть для того, чтобъ выказать силу самаго царя, взялъ палку въ зубы поперекъ и велѣлъ тянуть её у него двумъ здоровымъ молодцамъ, въ которыхъ, онъ, Симсонъ, не только не встрѣтилъ такого сильнаго сопротивленія, какое встрѣтилъ у царя, но еще обоихъ этихъ молодцевъ началъ таскать по сценѣ, по собственному произволу, куда хотѣлъ, какъ двухъ безсильныхъ дѣтей. На мое замѣчаніе по поводу этаго представленія, Его Величество сказалъ, что главное участіе принимала тутъ сила этого человѣка, и лишь ничтожную долю составляло искусство его.

443. Неожиданная кончина провозглашеннаго уже наслѣднымъ царевичемъ, Петра Петровича, послѣдовавшая 6-го Мая, повергла Дворъ въ великое смущеніе и глубокую печаль. Царевичь былъ почти четырьмя недѣлями моложе великаго князя, оставшагося отъ умершаго царевича Алексѣя Петровича, но никогда не выказывалъ въ себѣ такой особенной живости, которою отличался этотъ послѣдній великій князь. Не смотря на то, что недостатка въ заботливомъ воспи-

таніи и всевозможномъ ободреніи и возбужденіи никогда не было, но всё таки, въ то время, когда помянутый великій князь уже говорилъ, ходилъ и учился разнаго рода упражненіямъ, Петръ Петровичь, напротивъ, постоянно оставался слабымъ и болѣзненнымъ.

444. Погребеніе этого неутѣшно и горько оплакиваемаго наслѣднаго царевича совершалось 8-го Мая, въ 3 часа послѣ обѣда съ торжественными церемоніями, при пушечной пальбѣ, Впереди шли гренадеръ-офицеры гвардіи, съ своимъ отрядомъ изъ 240 человѣкъ, держа оружія на погребеніе. Оберъ-офицеры этого войска всѣ одѣты были въ черное, съ флеромъ на шляпахъ и шпагахъ; унтеръ-офицеры и солдаты съ флеромъ только на каскахъ. За этимъ отрядомъ слѣдовали 50 Преображенцевъ, съ горящими факелами; за тѣмъ пѣвчіе и духовенство, пѣвшіе попеременно свои погребальные гимны. Гробъ и колесница обиты были алымъ бархатомъ, съ золотой бахрамой или обшивкой, и на нихъ лежали государственные знаки. Его Величество сопровождали знатнѣйшіе придворные чины, одѣтые всѣ въ черныя, траурныя мантіи. Потомъ слѣдовали Русскіе и иностранные министры и другіе военные и гражданскіе чины, въ несмѣтномъ количествѣ, въ черныхъ одеждахъ и длинныхъ мантіяхъ. Процессія шла пѣшкомъ до р. Невы, гдѣ тѣло принято было на погребальную шлюпку, на которой помѣстились и важнѣйшія особы процессіи; остальные провожатые переплыли рѣку на собственныхъ своихъ шлюпкахъ. По совершеніи Русскаго богослуженія въ Александроневскомъ монастырѣ и предавши въ томъ же монастырѣ тѣло землѣ, Его Величество возвратился на тойже погребальной шлюпкѣ назадъ и тотчасъ же поспѣшилъ къ своей безутѣшной супругѣ, въ присутствіи которой выказывалъ особую бодрость и твердость духа.

445. Если бъ это печальное событіе не случилось, то Его Величество намѣревался въ этотъ день спустить вновь выстроенный военный корабль въ 90 пушекъ и праздновать свадьбу привезеннаго изъ Парижа Французскаго великана, Сенъ Жана, съ такою же почти долгою невѣстою изъ Финокъ, къ чему всё уже было изготовлено; но оба эти дѣла, по сказанному прискорбному событію, были теперь отложены на нѣкоторое время.

446. Тѣмъ иностранцамъ, которые приглашены были на царскую службу въ коллегіяхъ, было предписано, чтобы они прямо и немедленно объявили, желаютъ ли они обязаться пожизненно служить у царя. Многіе изъ нихъ не захотѣли принять это условіе и просили объ отпускѣ ихъ, по окончаніи договорнаго срока, на который они поступили. Большинство, впрочемъ, напротивъ, будучи Шведскими вассалами и плѣнными, согласились на предложенное имъ условіе, такъ какъ, по предстоящему заключенію мира, одни изъ нихъ могли подвергнуться строгой отвѣтственности по возвращеніи въ отечество, а другіе не предвидѣли въ немъ для себя никакого лучшаго положенія.

447. Всѣмъ тѣмъ іезуитамъ, которые по рекомендаціи Римско-Императорскаго Двора уже нѣсколько лѣтъ проживали въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Архангельскѣ, также было объявлено, чтобы они, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между императорскимъ и царскимъ Дворами, не замедлили оставить Русское государство; но предварительно, изъ про-

живавшихъ въ Петербургѣ іезуитовъ, патеръ Энгель, съ товарищемъ своимъ, взяты были подъ стражу. Это повелѣніе Его Величество приказалъ объявить въ католическихъ церквахъ и въ тоже время совѣтнику канцеляріи Степанову велѣлъ обревизовать письмоводство и кореспонденцію патера.

Содержаніе помянутаго объявленнаго повелѣнія было слѣдующее: «Его Императорское Величество всег«да пребывалъ въ дружбѣ съ Импера«торскимъ Дворомъ до тѣхъ поръ, «пока императорскій резидентъ Плей«еръ не завёлъ съ Русскими поддан«ными вредныхъ сношеній. Поэтому, «Его Царское Величество принуж«денъ былъ искать отозванія этого «резидента, что̀ и послѣдовало, но та«кимъ образомъ, что резиденту дозво«лено было 4 недѣли, и даже сверхъ «того еще опредѣленное время, оста«ваться въ Петербургѣ и продолжать «свою кореспонденцію. Резидентъ же «нашъ Веселовскій въ Вѣнѣ и агентъ «въ Бреславлѣ, напротивъ того, дол«жны были немедленно оставить стра«ны, въ коихъ они находились. Такъ «какъ Императорскій Дворъ заявилъ «себя въ этомъ отношеніи столь враж«дебно, то и Его Царское Величество «заблагоразсудилъ употребить ска«занныя репрессаліи, и этимъ объяв«леніемъ строго повелѣвается всѣмъ «іезуитамъ оставить Русское государ«ство въ теченіи 4-хъ дней, по вос«послѣдованіи этого объявленія, ибо «всѣму свѣту хорошо извѣстны вред«ныя продѣлки іезуитовъ, а равно и «то, какъ любятъ они вмѣшиваться «въ дѣла политическія».

448. Впрочемъ католической общинѣ предоставлена свобода приписывать къ себѣ лицъ и другихъ орденовъ, только съ условіемъ, чтобы лица эти не пользовались покровительствомъ Императорскаго Двора и призываемы были въ Петербургъ не изъ заподозрѣнныхъ уже провинцій.

449. Италіянскій капуцинъ, домогавшійся въ теченіи довольно продолжительнаго времени дозволенія построить монастырь и церковь въ Астрахани, встрѣтилъ въ Русскомъ духовенствѣ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ предполагалъ.

450. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ получилъ свои указы и наставленія о томъ, какимъ образомъ Его Величество желалъ произвесть перевозку цѣлой арміи въ Финляндію, и съ первымъ транспортомъ должны были перевезтись туда 20 тысячъ пѣхоты и 6 тысячъ драгунъ. Для этого потребны были: 28 ранговыхъ кораблей, 180 галеръ и 300 плоскодонныхъ судовъ, при чемъ адмиралъ и послѣ, при высадкѣ уже войскъ въ Швеціи, долженъ былъ принять самъ главное начальство, которое удерживалъ и на сухомъ пути, во всё время кампаніи.

451. Генералъ-маіоръ Геннингъ отправился въ Германію, Францію и Италію, чтобы вездѣ, на издержки царя, пріобрѣтать рисунки всякаго рода полезныхъ и любопытныхъ машинъ и заказать тамъ и постройку моделей съ этихъ рисунковъ. Это двухъ-годичное путешествіе Геннинга имѣло между прочимъ главною цѣлію точнѣе обозрѣть и изучить иноземное горнозаводское дѣло и пригласить на царскую службу возможно большее количество свѣдущаго въ томъ народа.

452. 30-го Мая праздновался день рожденія Его Царскаго Величества съ обычною торжественностію, и продолжавшійся дотолѣ трауръ былъ прекращенъ. Радость этого дня не

мало увеличилась, когда во время обѣденнаго пиршества прибылъ изъ Ревеля капитанъ-лейтенантъ въ качествѣ курьера, съ извѣстіемъ, что капитанъ Шапюзо (Chapuzeau) завоевалъ и привезъ съ собою три Шведскихъ капера, изъ которыхъ самый тяжелый былъ о 52-хъ пушкахъ, средній о 24-хъ и самый меньшій о 12-ти пушкахъ. Курьеръ этотъ, по ходатайству Его Царскаго Величества, какъ вице-адмирала передъ царемъ Москвы, былъ произведенъ этимъ послѣднимъ въ капитаны, и государственный вице-канцлеръ баронъ Шафировъ пожалованъ въ тоже время орденомъ св. Андрея. Послѣдняя награда очень не понравилась тѣмъ, которые старались до сихъ поръ елико возможно ослабить кредитъ этаго министра въ глазахъ Его Царскаго Величества. Вечеромъ этого торжественнаго дня Его Величество со всѣмъ Дворомъ своимъ отправился въ Адмиралитетъ и приказалъ тамъ спустить на воду вновь выстроенный, о 66-ти пушкахъ, военный корабль, на которомъ за тѣмъ была сильнѣйшая попойка.

453. 2-го Іюня Его Величество отправился впередъ въ Петергофъ, куда послѣ обѣда пустились и 30 галеръ, съ войскомъ до 5,000 человѣкъ, при громѣ пушекъ и обычныхъ сигналахъ.

454. Посолъ погибшаго вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, Калмыцкаго князя Бустугана (Bustugan), въ Іюнѣ мѣсяцѣ, прибылъ въ Петербургъ и представилъ свою вѣрительную грамоту великому адмиралу Апраксину, братъ котораго былъ прежде губернаторомъ Казанскимъ и Астраханскимъ. Аудіенція его у великаго адмирала была такъ забавна, что я не могу отказать себѣ въ желаніи привести здѣсь главнѣйшія обстоятельства оной.

Послѣ устнаго привѣтствія, онъ вручилъ адмиралу голову сахару и шелковый платокъ, въ чемъ и состояли всѣ его подарки, и за тѣмъ вытащилъ изъ своего кармана измятое письмо, которое прочитано и переведено было тутъ же переводчикомъ. Начальныя слова письма были слѣдующія:

«Когда ты здоровъ,—то и я здоровъ. И когда я здоровъ — то и ты также здоровъ».

Остальное заключалось еще въ болѣе странныхъ любезностяхъ, и строчки въ письмѣ выведены были не горизонтально, но столбиками отвѣсно, сверху внизъ, а наконцѣ приложена простая краснаго цвѣта печать. По окончаніи имъ привѣтственной рѣчи, адмиралъ, вмѣсто отвѣта, приказалъ подать ему чару водки, посредственной величины; и къ немалому удивленію своему замѣтилъ, что посолъ возвратилъ её не тронувъ и, какъ охотникъ до горячаго напитка, попросилъ чару побольше. Тотчасъ же подали большой серебряный бокалъ, наполненный такимъ количествомъ водки, отъ котораго опьянѣли бы четверо здоровыхъ Русскихъ молодцовъ. Но господинъ посолъ вылилъ её всю до капли въ желудокъ, не поморщившись, и хотя присутствовавшіе при этомъ думали, что водочный огонь задушитъ его, но оказалось, что всё это ему было ни по чемъ и онъ совершенно разумно, какъ и до этаго, отвѣчалъ въ разговорѣ г-ну адмиралу.

Усѣлись за столъ, и здѣсь этотъ министръ варваровъ тотчасъ же обнаружилъ, что онъ не привыкъ ни къ какимъ деликатнымъ кушаньямъ, потому что, изъ разставленныхъ всякаго рода лакомыхъ угощеній и хлѣб-

наго печенья, онъ накинулся только на самыя простыя и грубыя даже кушанья, при чемъ заявилъ еще свое неудовольствіе на то, что толмача его, котораго онъ привезъ съ собою изъ Саратова, оставляли голоднымъ; а такъ какъ, не смотря на это заявленіе, на толмача всё таки вниманія не обратили, то г-нъ посолъ полѣзъ своими руками во всѣ блюда, которыя только онъ могъ достать, набралъ полныя руки кушанья и щедро надѣлилъ ими стоявшаго позади него переводчика своего. Хотя всё находившееся при этомъ общество непрестанно хохотало надъ поведеніемъ этихъ людей, но Калмыки нисколько этимъ не смущались, и посолъ потребовалъ себѣ еще горшокъ меду, который онъ и опорожнилъ разомъ, съ отвратительными гримасами и облизалъ себѣ губы, точно обезьяна. Едва кончилъ онъ съ медомъ, какъ осушилъ еще четверть штофа водки, разбавленной на одну треть Французскимъ виномъ; но сперва хорошенько понюхалъ её и за тѣмъ сталъ пить не переставая, пока не осушилъ четверть до дна. Когда же выпитое имъ множество крѣпкихъ напитковъ отуманило наконецъ его, и онъ началъ сопѣть и ртомъ и носомъ, адмиралъ попробовалъ завести съ нимъ рѣчь о государственныхъ дѣлахъ страны его и выговорить при этомъ то или другое условіе по его сообщенію; но у варвара этого осталось еще настолько разсудка, что хотя онъ и отвѣчалъ на вопросы адмирала, но извиняясь, и объявилъ адмиралу, что, выпивши, нельзя толковать ни о какихъ важныхъ дѣлахъ, и что нужно отложить эти толки до завтрашняго утра. Такимъ образомъ онъ походилъ въ этомъ на древнихъ Германцевъ, о которыхъ Тацитъ говоритъ: deliberant dum fingere nesciunt, constituunt dum errare non possunt (ведутъ рѣчи въ пьянствѣ, а постановляютъ дѣло, когда ошибиться уже не могутъ).

Послѣ стола адмиралъ сунулъ послу въ руку червонецъ на наёмъ судна, чтобы отъѣхать домой. Этимъ подаркомъ онъ остался очень доволенъ, но на прощаніи захватилъ со стола непочатый еще пирогъ и передалъ его своему толмачу; затѣмъ поплелся съ этимъ послѣднимъ на общественный рынокъ, усѣлся тамъ съ нимъ на землю и съ неописаннымъ аппетитомъ упряталъ еще и этотъ пирогъ, въ присутствіи множества сбѣжавшагося туда народа.

Не слѣдуетъ удивляться скудости угощенія, которымъ удостоили сказаннаго Калмыцкаго посланника, ибо народецъ-Калмыки непривычны къ роскоши, и братъ адмирала, когда еще состоялъ Астраханскимъ губернаторомъ, выдавалъ на содержаніе пріѣзжавшимъ туда Татарскимъ посламъ по 5-ти копѣекъ или даже по полутора гроша въ день, по старымъ Русскимъ постановленіямъ, и подъ конецъ только по щедрости своей прибавлялъ имъ столько же прямо отъ себя.

455. Между прочимъ Калмыки весьма многочисленный и сильный народъ, и описаніе, составленное о нихъ нѣсколько недѣль тому назадъ однимъ анонимнымъ писателемъ, очень согласно съ тѣми извѣстіями о нихъ, которыя я пріобрѣлъ въ Петербургѣ. Вотъ содержаніе этого описанія.

456. «Между верховьями рѣкъ Тобола и Оби до озера Ямушова (Jamouschova) обитаютъ Калмыки. Этотъ многочисленный и сильный народъ обладаетъ всею страною между Монголіею и Волгою до Астрахани и раздѣляется на безчисленное множество ордъ, изъ которыхъ каждая упра-

вляется своимъ особымъ ханомъ (Cham) Самый высшій изъ хановъ этихъ есть Отегіуртиканъ (Otehiourtikan) славящійся тѣмъ, что происходитъ отъ великаго Тамерлана. Онъ властвуетъ всюду, надо всѣми; но позволяетъ платить ежегодную дань Москвитянамъ и Узбеку. Этотъ главный ханъ держитъ великолѣпный дворъ, ѣстъ на золотѣ и одежды носитъ изъ серебряной парчи».

«Что касается до религіи ихъ, то обрѣзанія у нихъ нѣтъ, какъ у другихъ магометанъ; но они тоже не ѣдятъ свинаго мяса и говорятъ, что Богъ ихъ есть святой Николай. Кромѣ того у нихъ есть одинъ святой, котораго они называютъ своимъ патріархомъ, (можетъ быть это есть Далай-Лама, какъ повѣствуютъ другіе), и къ нему ежегодно ходятъ на поклоненіе, молятся ему и приносятъ покаяніе».

«Ямушово озеро богато доброкачественною, твердою солью и состоитъ во владѣніи Калмыковъ. Русскіе ежегодно приходятъ сюда на 20-ти или на 25 дощаникахъ или судахъ, съ конвоемъ до 2,500 солдатъ, по рѣкѣ Иртышу; идутъ часть дороги сухимъ путемъ и достигаютъ до самаго озера, гдѣ у береговъ порубаютъ соль, будто лёдъ, и нагружаютъ ею суда свои. Рѣдкій годъ проходитъ, чтобы у нихъ не происходило нѣкоторыхъ столкновеній съ Калмыками, которые недозволяютъ имъ вывозить добытую ими соль, но тѣмъ не менѣе,вывозъ соли продолжается, хотя и противъ ихъ воли».

«На пути изъ Ямушова озера внизъ по рѣкѣ Иртышу лежитъ городъ Тора, на небольшой рѣкѣ, Торою же именуемой. Это самое крайнее Русское мѣсто, граничащее съ владѣніями Калмыцкаго князя Бустухана».

«Жители въ этихъ Калмыцкихъ владѣніяхъ называются Барабинзи или Барабанцихъ (Barabanzich), и населяютъ они страну отъ города Торы на востокъ до рѣки Оби, рѣки Тонъ (Ton) и города Томска. Страна эта не гористая, но ровная, поросшая превосходными кедрами, лиственницами, березами, елями и разными кустарниками, и вся эта растительность перерѣзывается множествомъ ручьевъ, чистыхъ, подобныхъ кристалу».

«Эта страна, Барнабу, удобна для путешествія какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время, и зимой даже удобнѣе, ибо Обь, черезъ Сургутъ и Нарынь (Narin), не доступна въ зимнее время, вслѣдствіе чего путешествующіе по Сибири пользуются дорогою на Томскъ и Енисей».

«Народецъ Барабинзи есть племя Калмыцкое, платящее Русскому царю и Бустухану подушную подать, каждому по равной части. Они имѣютъ у себя трехъ главныхъ начальниковъ, по имени Тайши; первый называется Карзагачъ (Karsagaz), второй—Байкишъ (Baikisch) и третій Байдукъ. Эти три владѣльца получаютъ съ Барабинцевъ подати и доставляютъ Русскому царю слѣдуемую ему часть. Первый Карзагачъ доставляетъ собранную имъ царскую часть податей въ городъ Тору; Байкишъ—въ крѣпостцу Телуву (Teluva) и Байдукъ—въ крѣпость Куленбу (Kulenba), и всѣ эти подати уплачиваются именно мѣхами. Вообще же нація эта—злой и неспокойный народъ, живетъ подобно Сибирскимъ Татарамъ въ деревянныхъ избахъ, устроенныхъ весьма низко на землѣ. О печахъ они не имѣютъ понятія, но въ избахъ у нихъ устроенъ родъ трубы, или дымовое отверстіе. Когда дрова, сложенныя внутри избы, прогорятъ, дымовое отверстіе закрывает-

ся, и хозяева довольствуются однимъ углемъ, около котораго и обогрѣваются до тѣхъ поръ, пока жаръ въ угляхъ совсѣмъ не потухнетъ. У нихъ нѣтъ городовъ, или иныхъ постоянныхъ мѣстопребываній; но лѣтомъ живутъ они въ легко-устроенныхъ навѣсахъ и палаткахъ, которые они умѣютъ проворно раскидывать и убирать. На зиму собираются они опять въ свои теплыя деревянныя избы. Питаются они дичиною, охотно занимаются земледѣліемъ, сѣютъ овесъ, ячмень и гречиху. Рожь, или ржаной хлѣбъ не ставятъ они ни во что; если имъ дадутъ этаго хлѣба, то на вкусъ онъ, по видимому, имъ нравится; но жуютъ они его и странно какъ-то перебрасываютъ его языкомъ во рту, какъ бы нѣчто жидкое, или колючее; за тѣмъ выплевываютъ его и счищаютъ языкъ, какъ бы на немъ было что нибудь такое, чего они не. могутъ пропустить себѣ въ желудокъ Воздѣлываемый ими ячмень они мочатъ сперва въ водѣ, потомъ просушиваютъ его немного и обколачиваютъ (молотятъ) до тѣхъ поръ, пока не отскочетъ мякина, или щелуха; за тѣмъ этотъ щелученый ячмень они сушатъ и поджариваютъ даже, въ желѣзномъ, раскаленномъ котлѣ, и когда онъ сдѣлается такой жесткій и твердый, какъ кость, то его ѣдятъ въ такомъ высушенномъ видѣ, такъ что онъ хруститъ у нихъ на зубахъ. Это и составляетъ ихъ хлѣбъ. Они употребляютъ въ пищу и саранну, или луковицу желтой лиліи, сушатъ её, потомъ толкутъ, варятъ съ молокомъ и ѣдятъ вмѣсто молочной каши. Пьютъ они кумысъ, или водку изъ кобыльяго молока, затѣмъ пьютъ куразу (kuraza), или черный чай, доставляемый имъ Булгарами. Одежда ихъ какъ мужская, такъ и женская, на манеръ Монгольской и Калмыцкой. Они имѣютъ по стольку жёнъ, сколько могутъ только прокормить ихъ. Оружіе ихъ, какъ и у всѣхъ Татаръ—лукъ и стрѣлы. Они держатъ много скота, лошадей, верблюдовъ коровъ, овецъ; но свиней не держатъ и не ѣдятъ. Ежегодно они добываютъ охотой множество прекраснаго мѣху: соболей, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ, лисицъ, рысей, (россомахъ), бобровъ, норокъ, выдръ и проч. и пр. и этими мѣхами уплачиваютъ свои подушныя подати».

«Когда они выходятъ на охоту, то берутъ съ собою въ кустарникъ такъ называемаго шайтана. Этотъ шайтанъ вырѣзывается ими изъ дерева довольно грубо, какъ только возможно вырѣзать его ножемъ, и затѣмъ на него надѣвается одежда изъ матеріи всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, на подобіе одежды Русскихъ женщинъ. Идола этого ставятъ они въ особо устроенный для того ящикъ и везутъ на особыхъ саняхъ. Первое, что̀ изловятъ они на охотѣ, что̀ бы это ни было, они приносятъ въ жертву этому деревянному шайтану. Если охота доставитъ имъ хорошую и богатую добычу, съ радостію возвращаются они домой, ставятъ своего идола и съ его ящикомъ на высокое мѣсто въ своей хижинѣ, обвѣшиваютъ его спереди и сзади, сверху и снизу, соболемъ, куницей и всякаго рода мѣхами, въ благодарность за то, что онъ доставилъ имъ такой счастливый уловъ; и эти прекрасные мѣха такъ и остаются на шайтанѣ, портятся и дѣлаются ни къ чему негодными: ибо Барабинцы покрываютъ вѣчнымъ стыдомъ того, кто эти пожертвованныя шайтану вещи отберетъ у него назадъ и продастъ. Поэтому-то, на этихъ идолахъ всегда можно увидѣть навѣшен-

ныя во множествѣ старыя, изъѣденныя червями шкуры».

457. Послѣ того какъ царь приказалъ поднять якорь цѣлому флоту и отплылъ въ море, отправились 18-го Іюня и мы въ Ревель и пробыли тамъ цѣлое лѣто, и въ продолженіи того времени, какъ царь совершалъ хорошо извѣстную всѣмъ высадку въ Швецію, обратилъ тамъ въ пепелъ множество городовъ, селеній и лѣсовъ и раззорилъ нѣсколько мѣдныхъ заводовъ, въ Ревелѣ во всё это время было мало достопримѣчательнаго.

458. Шведскіе плѣнные, которые призваны были изъ Сибири въ Петербургъ на службу, въ учрежденныя вновь коллегіи: военную, государственную, юстицъ-коллегію, финансовую, адмиралитетскую, горнозаводскую и въ другія, жили надеждою, что получатъ полную свободу, или же, по взятіи съ нихъ присяги, они будутъ помѣщены въ Лифляндскихъ имѣніяхъ.

459. По разсказамъ нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ Петербурга, вновь поставленный тамъ полицмейстеръ распоряжался въ высшей степени самовластно и почти ежедневно подвергалъ наказанію и сѣкъ кнутомъ человѣкъ по шести и болѣе, обоего пола. Такъ, недавно еще одна извѣстная непотребная женщина была наказана тамъ по три удара кнутомъ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, каковая необычная кара была совершенною новостію: ибо ремесло, за которое сказанная женщина была наказана, пользуется въ Россіи совершенною свободою. При дальнѣйшихъ распросахъ объ этомъ происшествіи, я узналъ, что случилось это потому, что помянутая женщина одержима была заразительною болѣзнію и заразила множество народу лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, такъ что до 500 человѣкъ этого полка должны были остаться на излѣченіи.

460. Вновь учрежденное и до тѣхъ поръ невѣдомое въ Россіи устройство полиціи принесло уже немало пользы, особенно по отношенію къ общественной безопасности; изъ Петербурга увѣдомляютъ, что ночные караулы установлены тамъ на подобіе Гамбургскихъ.

461. Такъ какъ Его Царское Величество запретилъ своимъ подданнымъ производить торговлю изъ Украйны въ Петербургъ, а городъ Бреславль не могъ обойтись безъ нея, особенно безъ торговли юфтью, то Русскіе полагали, что отмѣна этого запрещенія была бы достаточнымъ средствомъ для того, чтобы уладить дѣла́ обоихъ Дворовъ, Его Царскаго и Императорскаго.

462. Іезуиты въ Петербургѣ совершенно были освобождены изъ подъ стражи; только патеръ Энгель долженъ былъ дать клятву въ томъ, что враждовать и вредить впередъ не будетъ. Въ числѣ прочихъ непріятностей, Русское духовенство особенно озадачено было тѣмъ, что патеръ Францъ въ письмѣ своемъ очень ужъ нагло злословилъ однаго Русскаго епископа. — Впрочемъ, іезуиты не смѣли еще выѣзжать изъ Петербурга впредь до полученія извѣстій о томъ, что слѣдствіе объ Украинскихъ и Московскихъ патерахъ окончилось. Между тѣмъ, Капуцинскій патеръ, ходатайствовавшій о свободномъ отправленіи католическаго исповѣданія въ Астрахани, совсѣмъ завладѣлъ Петербургскою католическою церковью и всею принадлежавшею ей утварью, и выписалъ кромѣ того многія приношенія изъ Польши и другихъ странъ.

463. Въ Ревель пришло царское повелѣніе, чтобы шесть поименован-

ныхъ царемъ дворянъ и столькоже искусныхъ секретарей немедленно прибыли изъ Эстляндіи въ Финляндію, и явились бы къ ланд-гёфингу (Land-Höfing), или губернатору Абовскому, графу Дугласу. Такъ какъ эти 12 человѣкъ, имѣя въ Эстляндіи помѣстья и семьи и не зная законовъ Финской земли, съ великимъ принужденіемъ и неохотой оставляли свое отечество, и въ Финляндіи, между тѣмъ, многіе способные и свѣдующіе въ дѣлахъ страны своей дворяне шатались безъ мѣстъ, то и заключали, что такую перемѣну лицъ Его Царское Величество задумалъ по какимъ нибудь важнымъ причинамъ и что онъ не хотѣлъ довѣрить никакихъ должностей природнымъ Финляндцамъ.

464. Настоящія требованія царя шли не далѣе Выборга, Кексгольма и Савелакса, съ ихъ округами; эти три мѣстности составляютъ лучшую часть Финляндіи и управлялись до сихъ поръ просто Русскими комендантами.

465. Собственно же великое герцогство Финляндія имѣетъ во главѣ своей ландъ - гефинга - Дугласа; но такъ какъ по трудности занятій управленія, онъ былъ не въ состояніи завѣдывать всѣми 4-мя губерніями или областями этаго герцогства и привести въ лучшее состояніе доходы страны, то отправленные изъ Ревеля дворяне должны были раздѣлить между собою эти 4 губерніи и управлять ими въ качествѣ лагмановъ (Lagemänner). Такъ какъ должность эта дворянская, то лагманъ и земскій воевода (Land-Drost) имѣютъ въ Германіи одинаковое значеніе.

466. Ходило предположеніе, что это неожиданное нововведеніе было политическимъ пріемомъ, съ цѣлію ускорить исполненіе Аландскаго договора и внушить Шведамъ опасеніе въ томъ, что если они вскорѣ не объявятъ добровольной уступки земель, завоеванныхъ Русскими отъ Риги до Выборга, то царь будетъ непріятно пораженъ и возмётъ назадъ свое заявленное имъ, предложеніе: возстановить собственно герцогство Финляндское, и рѣшится удержать за собою всё.

467. До насъ дошелъ также слухъ о томъ, что Его Царское Величество, въ Рогервикѣ, прежде отправленія своего въ Анго (Ango), осматривалъ положеніе тамошней (т. е. Рогервикской) гавани и поручилъ одному Итальянскому инженеру начать тамъ постройку укрѣпленія. Это будетъ одна изъ самыхъ большихъ и лучшихъ гаваней, и царь можетъ не только помѣстить въ ней нѣсколько сотъ кораблей, но и вводить въ нее корабли болѣе удобнымъ образомъ, чѣмъ въ Ревельскую гавань, ибо при входѣ въ послѣднюю всегда нужно имѣть два вѣтра. Така какъ устье, или дистанція входа при Рогервикѣ шире чѣмъ на пушечный выстрѣлъ и имѣетъ большую глубину, то Эстляндцы полагаютъ, что сказанная постройка скоро будетъ приведена въ исполненіе.

468. Его Царское Величество назначилъ бывшаго до сихъ поръ Псковскаго епископа Прокоповича епископомъ Дерптскимъ и Ревельскимъ.

Архіепископъ Рязанскій, Стефанъ, какъ выше сказано, состоитъ экзархомъ патріаршаго престола; за нимъ слѣдуютъ архіепископы: Ставропольскій, Ѳивейскій (Fibaisky) и проч., а за сими епископы: Псусскій (Psusky), Сарскій (Sarsky), Суздальскій, Ростовскій, Тверскій, Новгородскій, Кіевскій, Псковскій, Казанскій, Астраханскій, Тобольскій, Ревельскій и Ка-

рельскій. За тѣмъ идутъ архимандриты и игумены (аббаты и пріоры), попы и протопопы. Всѣ исчисленные здѣсь духовные чины проповѣдываніемъ вовсе не занимаются, вслѣдствіе чего народъ не слышитъ никакихъ поученій и пребываетъ въ грубомъ невѣжествѣ. Но въ послѣднее время Его Царское Величество, усмотрѣвъ пользу проповѣдыванія и слышавъ самыя назиданія проповѣдниковъ во время своего путешествія, приказалъ обучить нѣсколько поповъ въ Кіевѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, приспособивъ ихъ къ проповѣдническому дѣлу; такимъ образомъ, между прочими и одинъ Греческій монахъ Ѳеофилактъ ежедневно читаетъ теперь въ Петербургѣ поученія, въ которыхъ выказываетъ замѣчательные образцы своей учености и краснорѣчія. Но этотъ Ѳеофилактъ, равно какъ и все остальное духовенство, строго воздерживаются отъ различныхъ богословскихъ споровъ или преній и оставляютъ въ покоѣ всѣ другія религіи, такъ какъ они есть.

469. Въ 1717-мъ году изъ Сорбоны представленъ былъ царю проэктъ о томъ, какимъ способомъ можно было бы соединить въ одну Римско-католическую и Русскую церкви, сдѣлавъ потребныя для того съ обѣихъ сторонъ уступки. Но кто имѣетъ свѣдѣнія объ обѣихъ этихъ религіяхъ, и кто въ особенности знаетъ правила нынѣ правящаго царя, тотъ легко пойметъ невозможность этого предположенія. Царю необходимо то, чтобы пребывающее въ темномъ невѣжествѣ его духовенство само пріобрѣтало надлежащія познанія, внушало ихъ, вмѣстѣ со страхомъ Божіимъ, своимъ слушателямъ и вразумило бы этихъ послѣднихъ въ необходимости повиновенія Богу и своему государю; ото всѣхъ же споровъ и преній ему нужно, чтобы духовенство его воздерживалось и стремилось бы по возможности соединять въ себѣ только простую вѣру съ святою жизнію (fidem simplicem cum vita sancta).

Введеніе Римско-католической вѣры было бы сѣменемъ вѣчныхъ споровъ и непремѣнно нарушило бы церковный и свѣтскій миръ, невозмутимо державшійся до сихъ поръ въ Россіи, а вслѣдствіе сего, безъ сомнѣнія, подвергло бы опасности и то прочное положеніе, въ которое царь поставилъ себя по отношенію къ Русскому духовенству и къ вѣрному стороннику этого духовенства, сельскому сословію. Еще менѣе можно было бы предполагать, что съ католическою вѣрою внѣдрится въ Россіи больше знаній, такъ какъ въ настоящее время царь, и безъ того, частію распространилъ уже ихъ своими достохвальными учрежденіями, частіюже продолжаетъ дальнѣйшее ихъ распространеніе призывомъ многихъ ученыхъ людей со всего свѣта, и посылкою своихъ кандидатовъ въ иностранные университеты. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обученія своихъ подданныхъ и вслѣдствіе ограниченія въ Россіи авторитета патріарха, а еще болѣе вслѣдствіе теперешняго устройства Русской арміи, значеніе духовной власти подвергнется еще бо́льшей зависимости, которой никогда не потерпятъ ни папа, ни какой духовный совѣтъ и вообще духовенство, въ пріобрѣтенныхъ уже ими правахъ по дѣламъ вѣры.

О такихъ важныхъ пунктахъ, какъ на примѣръ о бракѣ священниковъ, свято соблюдаемомъ въ Россіи, а равно и о другихъ, въ которыхъ обѣ церкви разнствуютъ и нелегко могутъ придти къ единенію, говорить здѣсь ниче-

го не стану; замѣчу только, что царь никогда и не помышлялъ о такомъ соединеніи церквей, и поэтому всѣ слухи и сужденія объ этомъ приказалъ объявить ложными и неосновательными.

470. Въ Августѣ возвратились мы въ Петербургъ, гдѣ застали нѣсколькихъ Рижскихъ и Ревельскихъ депутатовъ, которые представили отъ имени ратуши своей разныя прошенія, по случаю стѣсненія у нихъ въ Финляндіи торговыхъ дѣлъ. Рижскій Сенатъ, по милости Его Царскаго Величества, удержалъ за собой свои великія привилегіи, равно какъ и тамошнимъ членамъ ратуши оставлено на будущее время дарованное имъ нѣкогда Швеціей дворянство, за заслуги, оказанныя ими въ прежнихъ войнахъ съ Русскими *)

471. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, мнѣ сообщили слѣдующее свѣдѣніе о состояніи Русской арміи, въ какомъ находилась она въ 1717 году.

Пѣхота.

Полки.	Батальоны
1. Преображенскій	4
2. Семеновскій	3
3. Ингерманландскій	3
4. Астраханскій	2
5—9 Гренадерскіе полки	10
10. Московскій	2
11. Петербурскій	2
12. Троицкій	2
13. Лефортовскій	2
14. Бутырскій	2
15. Кіевскій	2
16. Нарвскій	2
17. Ярославскій	2
18. Новгородскій	2
19. Смоленскій	2
20. Казанскій	2
21. Сибирскій	2
22. Псковскій	2
23. Ростовскій	2
24. Лудскій (Ludsky)	2
25. Вологодскій	2
26. Галицкій	2
27. Черниговскій	2
28. Невскій	2
29. Владимірскій	2
30. Вазскій (Wasky).	2
31. Выборгскій	2
32. Шлиссельбургскій	2
33. Копорскій	2
34. Воронежскій	2
35. Рязанскій	2
36. Азовскій	2
37. Архангельскій	2
38. Тобольскій	2
39. Перновскій	2
40. Бѣлогородскій	2
41. Нижегородскій	2
42. Велико-Лукскій	2

Конница.

1. Эскадронъ } князя Меншикова.
2. Эскадронъ }
3. Лейбъ-гвардія
4. 5. 6. 7. Четыре полка гренадеръ, по четыре роты каждый.
8. Московскій полкъ.
9. Кіевскій.
10. Сибирскій.
11. Новгородскій.
12. Ингерманландскій.
13. Астраханскій.
14. Казанскій.
15. Нижегородскій.
16. Рязанскій.
17. Архангельскій.
18. Тульскій.
19. Вологодскій.

*) Здѣсь Веберъ прилагаетъ Латинскій текстъ привелегіи, дарованной Рижскому Сенату Карломъ, сыномъ Густава, въ 1660-году, которую переводить считаемъ излишнимъ. *Пр. Переводч.*

20. Ярославскій
21. Ростовскій.
22. Лудскій (Ludsky).
23. Псковскій.
24. Нарвскій.
25. Невскій.
26. Тверскій.
27. Каргопольскій.
28. Олонецкій (Oloridsky).
29. Володимірскій.
30. Троицкій.
31. Ново-Троицкій.
32. Азовскій.
33. Вятскій.
34. Тобольскій.

Пѣхотные и кавалерійскіе полки не одинаковой силы и такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ состоитъ свыше 1200 человѣкъ и даже болѣе, то приблизительно, по представленному выше списку, можно считать всего войска до 90,000 человѣкъ, хотя впрочемъ, вся армія въ послѣдніе два или три года измѣнилась, и численность ея возрасла такимъ образомъ до 100,000 человѣкъ.

Я уже выше говорилъ, что черные полки, родъ земской милиціи, въ этомъ числѣ считаться не должны, а тѣмъ болѣе войска Татарскія, Калмыцкія и Казацкія. Изъ простыхъ солдатъ плѣнныхъ Шведовъ, многіе взяты на службу въ черные полки въ Казани и въ другихъ городахъ; другіе распредѣлены по деревнямъ, нѣкоторые работаютъ при крѣпостяхъ, а половина всѣхъ повымерла; такимъ образомъ изъ однихъ плѣнныхъ Шведовъ, взятыхъ только подъ Полтавой, списокъ которымъ прилагается ниже, весьма немногіе лишь воротились домой *).

*) Этого списка тоже не считаемъ нужнымъ приводить. *П. Б.*

472. Въ Петербургѣ одна карлица разрѣшилась отъ бремени и произвела на свѣтъ подобную себѣ крошку. Такъ какъ эти маленькія созданія вступаютъ другъ съ другомъ въ бракъ, то поэтому въ Россіи встрѣчается такое множество карловъ, что нѣтъ почти ни одного знатнаго вельможи, у котораго, при хозяйкѣ дома, не состоялъ карликъ или карлица, почему вовсе не трудно было въ 1710-мъ году, при одномъ бракосочетаніи карловъ собрать ихъ 72 человѣка. Обстоятельства этой замѣчательной свадьбы были слѣдующія.

Когда Его Царское Величество задумалъ свадьбу карловъ, то назначилъ для нея день 13-го (24) Ноября 1710 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ бракосочетанія герцога *). Наканунѣ этаго дня, двое пропорціонально сложенныхъ карликовъ разъѣзжали вездѣ, съ приглашеніемъ почетныхъ гостей на свадьбу, въ небольшой, трехколесной коляскѣ, которую везла прекрасная лошадь, увѣшанная пестрыми бантами; передъ коляской ѣхали верхами, по Русскому обычаю, два прекрасно разодѣтыхъ офиціанта. Въ день назначенный для брака, оба карлика, женихъ и невѣста, передъ обѣдомъ были обвѣнчаны въ Русской крѣпостной церкви, по Русскому обряду. Впереди шелъ малютка-карликъ, великолѣпно одѣтый, въ качествѣ маршала, съ своимъ маршальскимъ посохомъ или жезломъ, на которомъ висѣлъ длинный, соразмѣрный съ посохомъ, хвостъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ. Вслѣдъ за карликомъ - маршаломъ шествовали женихъ и невѣста, также великолѣпно разодѣтые. За тѣмъ уже шелъ Его Царское Величество, сопровождаемый своими Русскими ми-

*) Курляндскаго, съ Анною Ивановною.

нистрами, князьями, боярами, офицерами и множествомъ другихъ господъ, такъ какъ присутствовавшіе на свадьтѣ карлики, мужескаго и женскаго пола, всѣхъ 72 человѣка, состояли при Его Величествѣ царѣ, при вдовствующей царицѣ, при князѣ и княгинѣ Меншиковыхъ и при другихъ вельможахъ, большею же частію привезены на этотъ случай нарочно изъ внутреннихъ областей Россіи, нѣкоторые даже изъ мѣстъ за 200 и болѣе миль. Наконецъ слѣдовало громадное множество любопытныхъ зрителей. Въ церкви карлики заняли самое среднее мѣсто и когда священникъ спросилъ карлика-жениха, желаетъ ли онъ имѣть въ бракѣ за собою свою невѣсту, тотъ звонкимъ голосомъ отвѣчалъ: «хочу её и никого другую». Когда же священникъ спросилъ невѣсту: «желаетъ ли она жениха своего имѣть мужемъ и не обѣщала ли она кому другому?» та отвѣчала: «это хорошее дѣло, и я согласна». Только такое ея согласіе было едва слышно, и присутствующіе отъ всего сердца смѣялись надъ такимъ ея отвѣтомъ. Его Царское Величество въ знакъ высокой милости своей самъ держалъ вѣнецъ надъ невѣстою, по Русскому обычаю. По окончаніи обряда вѣнчанія, всѣ отправились водою во дворецъ князя Меншикова, по прибытіи въ который сѣли за столъ. Для этого обѣденнаго стола занята была таже самая зала, въ которой Его Величество угощалъ свадебныхъ гостей при бракосочетаніи герцога Курляндскаго. Женихъ и невѣста, вмѣстѣ со всею остальною компаніею карликовъ, одѣтыхъ въ нарядныя и богатыя Нѣмецкія платья, размѣщены были за нѣсколькими столами, по среди покоя.

Надъ мѣстами жениха и невѣсты, сидѣвшихъ за особыми столами, устроены были два небольшіе шелковые балдахина, и гдѣ сидѣла невѣста, придѣланы три маленькія лавровыя коронки, одна надъ невѣстой, остальныя двѣ надъ дружками невѣсты; а надъ женихомъ сплетеный лавровый вѣнецъ. Для распоряженій и угощенія за столами, также какъ было и на свадьбѣ у герцога Курляндскаго, суетился маршалъ, съ 8-ю подмаршалами, всѣ карлики (которые, въ знакъ ихъ распорядительской должности, имѣли на правыхъ рукахъ кокарды изъ хмѣлю и разноцвѣтныхъ лентъ). Весьма озабоченные, они бѣгали всюду, угощали вездѣ гостей, хохотали и дѣлали такъ много шуму и гаму, что какъ будто они одни и были въ этой комнатѣ. Карликъ-крайчій, сидѣвшій между двумя подружками невѣсты, также получилъ отъ нихъ въ почетъ кокарду, за что̀, въ знакъ признательности и благодарности, онъ воздалъ каждой изъ нихъ по поцѣлую. По всемъ четыремъ стѣнамъ комнаты стояли узкіе, такъ сказать, одно-крайніе столы, за которыми помѣстились Его Величество съ герцогомъ Курляндскимъ, съ иностранными и своими министрами, генералами, съ герцогинею Курляндскою, принцессою сестрою ея, съ знатнѣйшими Русскими дамами, и наконецъ съ остальными князьями, боярами, Русскими и Нѣмецкими офицерами, которые всѣ размѣстились такимъ образомъ, что всѣ сидѣли вокругъ спинами къ стѣнѣ, чтобы всё было свободно видно, и чтобъ всѣ могли лучше любоваться на бѣготню и суетню карликовъ. Заздравные тосты началъ малютка-маршалъ, который съ своимъ жезломъ и 8-ю подмаршалами, подошелъ къ столу Его Величества; всѣ девятеро поклонились царю до

земли и опорожнили разомъ свои стаканы, какъ бы и самые большіе люди сдѣлали это. При этомъ, музыканты, находившіеся въ передней комнатѣ, заиграли на своихъ рожкахъ и трубахъ.

За домомъ хотя и стояло нѣсколько небольшихъ пушекъ, но стрѣлять изъ нихъ не стрѣляли, такъ какъ молодой сынъ князя Меншикова былъ при смерти болѣнъ(въ тотъ же день онъ и скончался). По уборкѣ столовъ танцовали одни карлики, но всё въ порядкѣ, по Русскому обычаю, и продолжались эти танцы до 11-ти часовъ ночи, и во всё это время карлики очень веселились по своему и веселили другихъ. Какія чудныя штуки, гримасы и позитуры, за танцами и за столомъ, выдѣлывали эти малютки, легко себѣ представить, и какъ забавили и смѣшили эти ихъ продѣлки всѣхъ высокихъ, знатныхъ свадебныхъ гостей, въ особенности же самаго Его Царское Величество! Притомъ, въ числѣ этихъ 72-хъ карловъ было такое разнообразіе породъ и множество такихъ странныхъ фигуръ, что безъ смѣху нельзя было смотрѣть на нихъ. Одни были съ высокими горбами и маленькими ножками, другіе съ толстыми брюхами, третьи съ искривленными ногами, какъ у барсучьихъ собакъ, иные съ огромными широкими головами, криворотые, и длинноухіе, другіе съ маленькими глазками, раздутыми щеками и множество другихъ уморительныхъ образинъ. Поздно вечеромъ женихъ и невѣста отвезены въ царскій домъ, гдѣ приготовлена была для нихъ постель въ царской опочивальнѣ. Остальные карлики развезены всѣ по домамъ своимъ.

Такимъ образомъ закончилась эта свадьба въ миніатюрѣ, какъ рѣдкостный случай, на которомъ сошлось 72 карлика, къ великому удовольствію свадебныхъ гостей и остальныхъ бывшихъ тутъ зрителей. Потѣха эта, впрочемъ, заказана была для увеселенія блаженной памяти герцога Курляндскаго и супруги его, княгини Анны, племянницы царя; бракосочетаніе же свѣтлѣйшей четы праздновалось передъ этимъ, съ слѣдующею торжественностію.

473. Когда 11-е Ноября (или 31-е число Октября) 1710 года назначено было днемъ совершенія бракосочетанія герцога Курляндскаго, въ Петербургѣ, то за два дня до этого, 4 каммеръгера, два по одну сторону, а другіе два по другую стороны рѣки Невы, разъѣзжали въ каретахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, къ иностраннымъ и своимъ министрамъ, равно и къ другимъ государственнымъ чиновнымъ особамъ, съ приглашеніями на свадебное торжество. За тѣмъ, въ сказанный, назначенный для свадьбы день, около 9 часовъ утра, Его Царское Величество, въ качествѣ оберъ-маршала, сопровождаемый 24-мя подмаршалами и нѣсколькими знатными господами и кавалерами, отправился на нѣсколькихъ шлюпкахъ въ домъ вдовствующей царицы.

Впереди ѣхало общество Нѣмцевъ изъ 12 музыкантовъ, съ рожками и трубами; за тѣмъ слѣдовалъ царь, окруженный нѣсколькими шлюпками; царская барка плыла въ серединѣ ихъ. Гребцы одѣты были въ красные бархатные матроскіе кафтаны, обложенные золотыми позументами, съ большими серебряными на груди щитами, на которыхъ изображенъ былъ царскій гербъ. Его Царское Величество также одѣтъ былъ въ красный кафтанъ, съ соболевою опушкою, опоясанъ серебрянною шпажною пе-

ревязью, на которой висѣла серебряная же шпага, а черезъ плечо надѣта голубая лента ордена св. Андрея; на головѣ у него былъ бѣлый парикъ, безъ шляпы, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, на которомъ висѣла и развѣвалась длинная кисть изъ разноцвѣтныхъ лентъ богато-вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Когда Его Царское Величество прибылъ къ вдовствующей царицѣ, гдѣ уже собрались свѣтлѣйшая невѣста съ своими сестрами, съ сестрами Его Величества и съ знатнѣйшими Русскими дамами, всѣ богато-одѣтыя въ Нѣмецкія платья, то его встрѣтили и привѣтствовали нѣсколько Русскихъ вельможъ и кавалеровъ, которые и сопроводили его въ покои къ вдовствующей царицѣ. Пробывши здѣсь около получаса, всѣ отправились потомъ на суда. Его Величество съ маршальскимъ жезломъ шелъ впереди; потомъ слѣдовали: свѣтлѣйшая невѣста между двумя сестрами-княжнами, съ вдовствующей царицей, къ сказанной выше баркѣ; другія же дамы и Русскіе знатные господа и кавалеры отправились на шлюпкахъ. За тѣмъ Его Величество поплылъ во дворецъ герцога Курляндскаго, гдѣ также были уже въ сборѣ иностранные министры и множество знатныхъ вельможъ и офицеровъ. Помянутые выше музыканты, съ своими рожками и трубами, плыли впереди, а за ними царь съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, сопровождаемый множествомъ знатнѣйшихъ господъ. Его княжеская свѣтлость (герцогъ Курляндскій), съ бывшими при немъ господами, вышелъ на встрѣчу къ Его Царскому Величеству и препроводилъ его къ себѣ въ большой залъ. Свѣтлѣйшая невѣста со всѣми прочими дамами оставалась между тѣмъ на водѣ въ баркѣ и шлюпкахъ. По угощеніи здѣсь Его Царскаго Величества разставленными сладостями (конфектами) и холодными кушаньями, отправились всѣ въ барку, и болѣе 50-ти шлюпокъ пустились внизъ по рѣкѣ, ко дворцу князя Меншикова, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Помянутые музыканты съ своими рожками и трубами.

2) Его Величество, въ качествѣ оберъ-маршала, съ подмаршалами и нѣкоторыми важнейшими чинами, съ министрами и кавалерами.

Свѣтлѣйшая невѣста съ вдовствующей царицей, съ другими княжнами и большою свитою дамъ.

Чужестранные и Русскіе министры, наличные генералы, офицеры и множество Русскихъ князей, бояръ и другихъ господъ.

Прибывши ко дворцу князя Меншикова, всѣ вышли на берегъ, и впереди пошли знатные господа и министры. Его Царское Величество, занимавшій въ тоже время и мѣсто отца, и князь Меншиковъ повели въ серединѣ между собою герцога Курляндскаго, а за тѣмъ слѣдовала свѣтлѣйшая невѣста, сопровождаемая великимъ адмираломъ графомъ Апраксинымъ и великимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ; потомъ вдовствующая царица съ княжнами, остальныя Русскія придворныя и другія дамы, а наконецъ кавалеры, офицеры и другія особы и придворные чины, Русскіе и Нѣмцы, въ громадномъ числѣ. Всѣ были богато разодѣты въ Нѣмецкія платья; свѣтлѣйшая невѣста въ бѣломъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ золотомъ, въ длинной изъ краснаго бархата мантіи, подбитой горностаемъ, которую впрочемъ она, садясь за столъ, сняла, а на головѣ прекрасная бриліантами унизанная владѣльческая ко-

рона; герцогъ же былъ въ бѣломъ кафтанѣ, вышитомъ золотомъ.

Только что вошли всѣ во дворъ, какъ раздались барабаны и трубы, и рота гвардіи Преображенскаго полка отдала честь оружіемъ и забила въ барабаны же. Въ такомъ торжественномъ порядкѣ процессія направилась въ особую небольшую комнату, гдѣ и совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія Русскимъ архимандритомъ.

На половинѣ комнаты, въ одной сторонѣ стоялъ красный бархатный балдахинъ, съ устланнымъ на полу Турецкимъ ковромъ, а подлѣ балдахина, къ углу, небольшое отдѣленье, съ шелковыми обоями, составляющее часовню или капеллу. Съ передней стороны часовни, у входа, по Русскому обыкновенію, довольно изрядно нарисовано нѣсколько святыхъ на шелковой занавѣсѣ, или шпалерѣ, съ надписями на Русскомъ языкѣ. Внутри часовни виденъ былъ небольшой столъ, или алтарь, на которомъ находился серебряный ящикъ, или ковчежецъ, а въ немъ, т. е. въ ящикѣ, ихъ Богъ; тутъ же на столѣ лежала большая, окованная серебромъ книга (Евангеліе) стояла зажженая свѣча и двѣ большія княжескія короны. Вѣнчаніе совершалъ архимандритъ на Русскомъ языкѣ, повторявшій, впрочемъ, всё служеніе и на Латинскомъ языкѣ. Во время вѣнчанія сказанныя княжескія короны держали, надъ княжною князь Меньшиковъ, а надъ герцогомъ одинъ капитанъ корабля. NB. При этой церемоніи изъ пушекъ вовсе не стрѣляли, что̀ впослѣдствіи объяснилось простымъ упущеніемъ.

Послѣ вѣнчанія тотчасъ же пошли къ столу, для котораго приготовлены были двѣ большія комнаты. Въ первой, главнѣйшей, въ глубинѣ ея, у стѣны, находился балдахинъ изъ краснаго бархата, и подъ нимъ большой овальный столъ, къ которому, какъ къ брачному столу, Его Царское Величество повелъ герцога, какъ жениха, и свѣтлѣйшую княжну, какъ невѣсту; эту послѣднюю по правую, а герцога по лѣвую руку. Напротивъ сѣли сестры невѣсты, княжны, и за тѣмъ вдовствующая царица, сестры царя и остальныя дамы. Надъ свѣтлѣйшею невѣстою и надъ ихъ высочествами, сестрами ея, устроена была корона, свитая изъ лавровыхъ листьевъ а надъ герцогомъ, по древне-римскому обычаю, сплетеный лавровый вѣнецъ. Подлѣ этого стола стояли вдоль еще два большіе овальные стола, изъ которыхъ за однимъ помѣстились Русскія княгини, боярыни и другія знатнѣйшія придворныя дамы, а за другимъ нѣсколько Русскихъ и Нѣмецкихъ кавалеровъ; у стѣны, при входѣ въ комнату, насупротивъ стола новобрачныхъ, стоялъ еще большой овальный же столъ, за которомъ сидѣли князь Меншиковъ, знатнѣйшіе Русскіе и иноземные министры и нѣкоторые генералы. Въ другой же комнатѣ стояло два длинныхъ, узкихъ стола, со скамейками для бояръ и для остальныхъ Русскихъ и Нѣмецкихъ господъ офицеровъ и служителей.

Для угощенія этихъ свадебныхъ гостей вокругъ столовъ ходилъ самъ Его Царское Величество, лично, какъ оберъ-маршалъ, съ маршальскимъ жезломъ. Ему помогали 24-ре подмаршала или шафера, которые, равно какъ и самъ Его Величество, въ знакъ того, что они были распорядителями, имѣли на правыхъ рукахъ по розѣ, въ родѣ кокарды сдѣланной изъ брабантскихъ кружевъ и дорогихъ разноцвѣтныхъ лентъ. Его Величество самъ, стоя, провозглашалъ и предлагалъ заздравные тосты и былъ

при этомъ въ самомъ веселомъ настроеніи. Подмаршалы (которые частію были капитаны кораблей) передавали чары съ виномъ, свадебнымъ гостямъ, по Русскому обычаю. Кушанья за столомъ новобрачныхъ подавалъ первый камергеръ Его Царскаго Величества. При тостахъ за здоровье всякій разъ палили залпомъ изъ 11 пушекъ; а при тостѣ за здоровье Его Величества, какъ шутъ-би-нахта или вице-адмирала, лейбъ-яхта, называемая Лизетта, выпалила разомъ изъ 14 пушекъ. Для этой цѣли на площади противъ дома Меншикова, поставлены были 15 металлическихъ шести-фунтовыхъ пушекъ, а другія 15 желѣзныхъ пушекъ помѣщены были насупротивъ, на рѣкѣ, на сказанной яхтѣ, которая сверху донизу увѣшена была множествомъ развѣвавшихся разноцвѣтныхъ флаговъ и вымпеловъ.

Послѣ стола танцовали попольски и пофранцузски до 2-хъ часовъ ночи. Въ два часа новобрачные препровождены Его Царскимъ Величествомъ и знатнѣйшими особами въ опочивальню, гдѣ на столѣ разставлены были разные конфекты. Женихъ и невѣста и нѣкоторые кавалеры и дамы присѣли здѣсь и выпили по нѣскольку рюмокъ вина. Посидѣвши такъ съ четверть часа, всѣ встали, и женихъ и невѣста пошли въ двѣ особыя комнаты раздѣться, а остальное общество разъѣхалось по домамъ. Когда новобрачные раздѣлись, то вдовствующая царица и княжны, сестры невѣсты, препроводили сперва невѣсту въ постель; а немного спустя, царь препроводилъ туда же и жениха.

На слѣдующій день князь Меншиковъ опять давалъ обѣдъ въ своемъ дворцѣ. Но прежде чѣмъ сѣли за столъ, Его Царское Величество сорвалъ вѣнокъ, который наканунѣ висѣлъ надъ герцогомъ и затѣмъ, когда герцогъ съ герцогиней хотѣли было уже сѣсть за столъ, онъ научилъ перваго (т. е. герцога), чтобы онъ самъ сорвалъ также по Русскому обычаю корону, которая висѣла наканунѣ надъ невѣстой, что̀ герцогъ и хотѣлъ тотчасъ же исполнить, но такъ какъ корона была довольно крѣпко привязана, то онъ быстро схватилъ ножъ и отрѣзалъ её. Другія же двѣ короны, висѣвшія наканунѣ надъ незамужними княжнами, оставлены нетронутыми на своихъ мѣстахъ. Въ числѣ блюдъ, принесенныхъ только на показъ на два главныхъ стола, были два пирога огромной величины, каждый около пяти четвертей, которые, простоявши нѣкоторое время на столѣ, при снятіи кушаній, вскрыты были Его Величествомъ, и изъ каждаго пирога появилось по одной карлицѣ, превосходно разодѣтыхъ. Его Величество перенёсъ карлицу со стола князя Меншикова на столъ новобрачныхъ, и здѣсь эти двѣ малютки протанцовали менуэтъ. Во время стола пили множество тостовъ, при чемъ всякій разъ играли на трубахъ, били въ барабаны и стрѣляли по обыкновенію изъ пушекъ, гораздо чаще и больше, чѣмъ въ предшествовавшій день. Послѣ танцевъ, продолжавшихся около 2-хъ часовъ, зажженъ былъ фейерверкъ, горѣвшій часа полтора и прошедшій не совсѣмъ благополучно, ибо Его Величество чуть было не пострадалъ отъ огня, зажигая фейерверкъ. Фейерверкъ этотъ состоялъ изъ 3-хъ главныхъ огненныхъ изображеній, приготовленныхъ на рѣкѣ, на нарочно устроенныхъ для того паромахъ. Между прочимъ было одно, вензелевое изображеніе обоихъ княже-

скихъ новобрачныхъ особъ, съ гербами ихъ, которые на цѣпи держалъ Купидонъ, какъ бы парящій въ воздухѣ, и на изображеніи этомъ была слѣдующая надпись, съ обозначеніемъ года:

Principes amoris foedere juncti *).

Другая картина изображала Купидона, кующаго на наковальнѣ два сердца, съ надписью на Русскомъ языкѣ: «изъ двухъ дѣлаю одно». По сожженіи фейерверка и по окончаніи танцевъ, продолжавшихся за тѣмъ еще съ часъ времени, ихъ свѣтлости новобрачные, сопровождаемые нѣкоторыми министрами и придворными чинами, отправились къ себѣ домой, гдѣ стоялъ столъ, уставленный конфектами и разными холодными кушаньями. Остальные, присутствовавшіе на иллюминаціи, иностранные министры и другіе гости также хотѣли было сопроводить свѣтлѣйшую чету въ ихъ домъ, но такъ какъ уже было очень поздно, то новобрачные уволили ихъ отъ этого. На 3-й день, т. е. 13-го (2-го) Ноября, придворный пасторъ его свѣтлости герцога Курляндскаго читалъ проповѣдь на благословеніе новобрачныхъ, и текстъ рѣчи заимствованъ былъ имъ изъ 12-го псалма, стихи 5-й и 6-й.

Въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье герцогъ давалъ обѣдъ Его Царскому Величеству, всей царской фамиліи и знатнѣйшимъ придворнымъ дамамъ, иноземнымъ министрамъ и другимъ кавалерамъ. Царь, съ своими 24-мя свадебными подмаршалами, сидѣлъ за однимъ столомъ, дамы за другимъ, а князь Меншиковъ, герцогъ Курляндскій, иностранные и Русскіе министры за третьимъ столомъ.

*) Государи, соединенные союзомъ любви.

Черезъ четырнадцать дней послѣ этого бракосочетанія, новобрачнаго герцога Курляндскаго постигла страшная горячка, отъ которой онъ и умеръ на дорогѣ въ Курляндію, въ Дудергофѣ. Овдовѣвшая супруга его живетъ теперь въ своемъ вдовьемъ мѣстопребываніи, въ Митавѣ, въ которой она и пребываетъ постоянно.

474. Въ это время, уже начались громадныя работы по проведенію канала у Ладожскаго озера, на которомъ ежедневно работало по 12-ти тысячъ человѣкъ. Надо замѣтить, что Волга соединяется съ Ладожскимъ озеромъ рѣкой Тверцой, впадающей въ Волгу, затѣмъ рѣкой Мстой, впадающей въ Волховъ, который изливается уже въ Ладожское озеро; и до сихъ поръ, съ помощію этого воднаго пути, доставлялись въ Петербургъ весь корабельный лѣсъ, хлѣбъ и всѣ Персидскіе товары, привозимые черезъ Каспійское море. Но такъ какъ плаваніе по Ладожскому озеру такъ опасно, что въ немъ ежегодно гибнетъ по нѣскольку сотъ баркасовъ и другихъ Русскихъ судовъ, отъ чего и Его Царское Величество и купцы терпятъ неисчислимые убытки, то послѣ долгихъ соображеній и совѣщаній нашли наконецъ за лучшее: изъ Волхова, впадающаго въ Ладожское озеро, провести, на протяженіи 8-ми миль, вдоль берега помянутаго озера каналъ въ рѣку Неву, при Шлиссельбургѣ, чтобы такимъ образомъ суда не имѣли надобности плыть по Ладожскому озеру. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, работы надъ каналомъ должны быть вполнѣ окончены текущимъ лѣтомъ, и поэтому торговыя сообщенія Остъ-Зея съ Каспійскимъ моремъ, а слѣдовательно и съ Персіей и со всей Россіею, приведены теперь въ прочное и безопасное положеніе. При этомъ всё таки

остается еще одно слѣдующее неудобство, что суда, идущіе изъ Казани, почти два года должны проводить въ пути, частію отъ трудности плыть вверхъ по рѣкѣ, противъ теченія, частію же и отъ того, что на каналѣ, соединяющемъ Волгу съ Волховымъ, по мелководью его, нужно стоять и ждать до тѣхъ поръ, пока не разольются рѣки, и тогда только, когда вслѣдствіе разлива рѣкъ наводнятся шлюзы, и суда могутъ продолжать свой путь.

Этимъ соединеніемъ съ Волгою достигнуто то, что подрядчики доставляютъ изъ Казани въ Петербургъ всё количество корабельнаго дубоваго лѣсу, потребное для постройки одного шестидесяти, или семидесяти-пушечнаго военнаго корабля, за 12 или 14 тысячь рублей, и такъ какъ всѣ остальные, необходимые для сооруженія и вооруженія такого корабля матеріалы, безъ исключенія, царь получаетъ и приказываетъ обдѣлывать въ своихъ земляхъ, то не трудно исчислить, что флотъ его стоитъ ему гораздо дешевле, чѣмъ другимъ морскимъ державамъ. Рекруты, назначенные для поступленія въ матросы, помѣщаются теперь въ Петербургѣ на бойеры (суда, которыхъ тамъ нѣсколько сотенъ) и на этихъ-то бойерахъ они обучаются первымъ матросскимъ пріемамъ, послѣ чего, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переводятся отсюда во флотъ, а на ихъ мѣста, на бойеры, набираются другіе новые. Бойеры эти принадлежатъ одни царю, большая же часть придворнымъ вельможамъ и купцамъ, которые всѣ обязаны, по сигналу, данному тремя выстрѣлами изъ пушки, подъ страхомъ взысканія, высылать свои суда и людей своихъ на рѣку-Неву для упражненій, и случается это такъ часто, какъ только подуетъ хорошій вѣтеръ, и царю захочется позабавиться этимъ небольшимъ мореплаваніемъ.

475. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ снова я выѣхалъ изъ Петербурга и, простоявши еще до Марта 1720-го года на сѣверныхъ квартирахъ, отправился въ Германію, гдѣ при заканчиваніи этаго дневника или журнала, попалось мнѣ вышедшее на Французскомъ языкѣ описаніе путешествія Корнеля Ле-Бруина, черезъ Россію въ Персію. Такъ какъ высокая цѣна этой книги, по причинѣ содержащихся въ ней нѣсколькихъ сотенъ рисунковъ, не для всѣхъ доступна, то мнѣ захотѣлось взять еще на себя нѣсколько труда сдѣлать извлеченіе изъ его любопытныхъ замѣчаній о Россіи, написанныхъ имъ въ 1702-мъ году, въ особенности о тѣхъ ея мѣстностяхъ, въ которыхъ я не былъ и вообще о томъ, что̀ тамъ было въ то время, когда Петербургъ еще не былъ построенъ, и всё это представить здѣсь, въ заключеніе, на Нѣмецкомъ языкѣ, благосклонному читателю (*).

(*) Здѣсь собственно и оканчиваются Записки Вебера, заключающіяся въ переводимой нами первой части его *Преобразованной Россіи*. Но въ концѣ этой части онъ прилагаетъ еще сказанное извлеченіе свое изъ путешествія *Корнеля-Ле Бруина* въ Персію, черезъ Россію. Извлеченія этаго мы здѣсь не приводимъ, потому что одновременно съ этимъ въ 1-й книгѣ сего 1872-го года: *Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, печатается, въ нашемъ же переводѣ съ Французскаго языка, *Пребываніе Корнеля-Ле Бруина въ Россіи*. И такъ, желающихъ ближе и не въ извлеченіи только ознакомиться съ этимъ любопытнымъ описаніемъ самаго Бруина, отсылаемъ къ сказанной книгѣ Чтеній Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ. — Затѣмъ Веберъ прилагаетъ Проектъ Сорбонскаго договора о соединеніи Римско-Католической и Греко-Російской вѣръ, на Латинскомъ языкѣ, и описаніе Петербурга на Нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ первое изъ этихъ приложеній не принадлежитъ перу Вебера, а во

476. Его Царское Величество, Петръ Алексѣевичь, сынъ Великаго Князя Алексѣя Михаиловича и Натальи Кириловны, дочери бывшаго тогда перваго министра, Кирилы Полуехтовича Нарышкина, родился 30-го Мая 1672-го года. Такъ какъ онъ бывалъ въ Германіи и во многихъ другихъ земляхъ, что онъ его образъ жизни (привычки) и наружный видъ всѣмъ извѣстны. Можно, впрочемъ, прибавить еще къ этому то, что ходитъ онъ обыкновенно въ простомъ платьѣ, не любитъ никакого штата или излишней прислуги, что онъ великій врагъ безполезной роскоши и праздности, и напротивъ очень расположенъ къ людямъ трудолюбивымъ. Самъ онъ понапрасну времени не тратитъ, но постоянно занимается то тѣмъ, то другимъ. Когда онъ живетъ въ своей новой столицѣ, Петербургѣ, то утромъ въ 3 или 4 часа обыкновенно присутствуетъ въ совѣтѣ; за тѣмъ посѣщаетъ кораблестроеніе, распредѣляетъ тамъ работы и самъ принимаетъ въ нихъ своеручное участіе, такъ какъ основательно знаетъ эти работы, отъ мельчайшихъ до самыхъ большихъ вещей. Въ 9 или въ 10 часовъ онъ упражняется на токарномъ станкѣ, на которомъ вытачиваетъ чрезвычайно изящныя токарныя издѣлія. Послѣ этаго, около 11 часовъ, на скоро обѣдаетъ, отдыхаетъ немного по Русскому обычаю и остальное послѣобѣденное до вечера время проводитъ въ обозрѣніи построекъ и въ другихъ подобныхъ занятіяхъ; вечеромъ же отправляется съ визитомъ или на вечерній столъ къ кому нибудь, чѣмъ и заканчиваетъ день, не засиживаясь поздно. Ночью предается обычному сну.

Царь—большой любитель спекулятивныхъ, математическихъ и механическихъ знаній и не уступитъ въ нихъ никакому знатоку. Онъ не любитъ никакой охоты, игръ и другихъ подобныхъ веселыхъ развлеченій, но предпочитаетъ занятія болѣе солидныя и питаетъ особенное расположеніе къ людямъ, имѣющимъ дѣло съ водою. На этой стихіи онъ неустрашимъ до того, что когда другіе, во время сильной и страшной бури, растеряются и считаютъ уже всё погибшимъ, онъ одинъ сохраняетъ совершенную бодрость духа: самъ берется за руль, распоряжается всѣмъ, что нужно и пристыжаетъ своею находчивостію лучшихъ мореходовъ.

Изъ иностранныхъ языковъ онъ хорошо знаетъ Нѣмецкій и Голландскій, но охотнѣе и лучше говоритъ на своемъ родномъ, Русскомъ языкѣ. Въ своихъ установленіяхъ и учрежденіяхъ онъ чрезвычайно остроуменъ и если уже хорошо обдумалъ какое нибудь предпріятіе, то тотчасъ же и приводитъ его въ дѣйствіе. Въ военныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ, на сухомъ пути и на морѣ, онъ весьма свѣдущъ. Такъ какъ онъ взялъ на себя трудъ прослужить всѣ военныя степени отъ мушкетера, барабанщика и простаго матроса, и дѣйствительно прошелъ всѣ эти степени, получая даже жалованье за свою службу въ этихъ простыхъ чинахъ, то не удивительно, что онъ, какъ государь, одаренный еще сверхъ того отъ Бога великими способностями, долженъ быть свѣдущъ и опытенъ во всѣхъ дѣлахъ и понимать ихъ основательнѣйшимъ образомъ. Люди,

---

второмъ онъ лишь дополняетъ бывшее уже на Русскомъ языкѣ описаніе Петербурга, вышедшее въ 1716-мъ году, то переводить оба эти послѣднія приложенія считаемъ излишнимъ. Наконецъ, въ заключеніе, Веберъ приводитъ свои собственныя описанія: Личности царя Петра I-го и острова Ретусари (Retusari); описанія эти приводимъ здѣсь въ переводѣ. *Примѣч. Переводч.*

имѣвшіе до него дѣло въ этихъ его занятіяхъ по службѣ, должны были обращаться къ нему уже не какъ къ Его Царскому Величеству, но сообразно съ занимаемою имъ должностью и писать къ нему въ такихъ случаяхъ такъ: Государь (господинъ) мой вице-адмиралъ, или господинъ мой генералъ-лейтенантъ. Кромѣ того онъ имѣетъ обширныя богословскія познанія (о Богѣ и существѣ Его), и потому конечно преобразуетъ и улучшитъ многіе недостатки и шарлатанство, которыхъ не чужда Греческая вѣра; такъ, онъ уже и теперь многое отмѣнилъ въ ней, и между прочимъ, въ обрядѣ крещенія повелѣлъ, чтобы вступающаго въ Русскую вѣру не окунали болѣе въ дѣйствительности троекратно въ водѣ. Относительно строгости постовъ онъ также ввёлъ порядочныя измѣненія, въ особенности въ войскахъ, каковому доброму примѣру слѣдуютъ все болѣе и чаще тѣ, которые видѣли не одно только свое отечество Россію. Равнымъ образомъ онъ приказываетъ священникамъ и вообще духовенству, чтобы они, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ, читали бы въ Русскихъ церквяхъ и проповѣди, чего до сихъ поръ въ Россіи не слыхивали: ибо все богослуженіе тамъ ограничивалось только чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ и обѣднею. А Какъ и то и другое совершается тамъ на древнеславянскомъ языкѣ, то изъ всей службы мало понимаютъ какъ тѣ, которые читаютъ и вообще совершаютъ служеніе, такъ и тѣ, которые оное слушаютъ. Имѣя это въ виду, царь повелѣлъ перевести на обыкновенный Русскій языкъ Библію, которая также употребляется тамъ на Славянскомъ языкѣ, и потому очень непонятна, и этотъ новый переводъ напечатать въ новой типографіи и издать въ свѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ указъ, чтобы на будущее время попы, и вообще всѣ принадлежащіе къ духовенству, обучались наукамъ и пріобрѣтали бы въ нихъ какія нибудь познанія: ибо изъ Русскаго духовенства рѣдко найдешь человѣка, который бы зналъ что нибудь болѣе простаго чтенія посдавянски.

Какимъ образомъ Его Царское Величество старается самъ завести и установить разныя важныя дѣла и учрежденія; съ какою великою ревностію онъ изъискиваетъ способы образовать свой народъ; какъ онъ въ настоящее время, при всѣхъ Европейскихъ и Азіатскихъ дворахъ, во всѣхъ концахъ и углахъ свѣта, имѣетъ своихъ пословъ и уполномоченныхъ, а равно какъ Русскіе бояре теперь должны ѣздить за границу и обучаться тамъ, для того чтобъ сдѣлаться способными ко всякому дѣлу, на водѣ и на сушѣ, обо всемъ этомъ сообщены уже въ этомъ журналѣ достаточныя свѣдѣнія.

Объ островѣ Ретусари (Retusari) слѣдуетъ добавить здѣсь еще то, что онъ лежитъ прямо въ верху, или въ началѣ Остъ-Зея, или же, точнѣе говоря въ устьѣ Финскаго залива. Хотя тотчасъ же вверху острова, къ востоку, лежитъ опять большое море (озеро, но это не настоящее Остъ-Зее, а только переднее, или внутреннее море, изъ чего видно, что Петербургъ стоитъ не у Остъ-Зея, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ онаго.

Самъ по себѣ островъ безплоденъ, и на немъ не произрастаетъ ни хлѣбъ и никакое другое растѣніе. Настоящее теченіе, или потокъ идетъ около южной стороны острова, но составляетъ довольно узкій проходъ, имѣющій впрочемъ достаточную глубину для проѣзда большихъ военныхъ кораблей;

съ сѣверной же его стороны, по причинѣ мелководья потока, никакіе суда проходить не могутъ. Отсюда и происходитъ, что мѣсто это чрезвычайно удобно для безопасной гавани царскаго флота, такъ какъ представляетъ для атаки только одну узкую дорогу, и потому оно по справедливости можетъ быть названо Кроншлотомъ или оплотомъ, оградою города Петербурга. Въ прежнее время островъ этотъ былъ необитаемъ, или покрайней мѣрѣ заселенъ былъ не болѣе, какъ какою нибудь парою бѣдныхъ рыболововъ. Но когда Его Царское Величество нашелъ островъ весьма удобнымъ для своихъ цѣлей, то съ тѣхъ поръ тамъ не только устроена настоящая гавань для его флота, но и самый островъ снабженъ крѣпостью, и на немъ раскинулся большой городъ, который обыкновенно называютъ Кроншлотомъ (хотя собственно этимъ именемъ называется только крѣпость), а Русскіе и просто зовутъ его Котловый островъ (котелъ-островъ).

Гавань довольно обширна и глубока и находится у южнаго берега острова въ открытомъ морѣ. Такъ какъ къ сторонѣ материка глубина постоянно уменьшается и до такой степени, что къ материку нельзя подойти ни на какомъ суднѣ, то если хотятъ выйти на берегъ, нужно приставать къ большому перешейку, или плотинѣ. Здѣсь-то преимущественно и стоитъ царскій флотъ, зимою и лѣтомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ флотъ этотъ замѣтно увеличился и возросъ уже до 40 слишкомъ ранговыхъ кораблей, а въ тоже время когда шесть лѣтъ тому назадъ устроена была гавань и въ Ревелѣ, то теперь бо̀льшая часть кораблей находится уже въ этой гавани. Все таки это есть и остается настоящая Петербургская гавань, хотя городъ Петербургъ и отстоитъ отъ Кроншлота на 4 Нѣмецкія мили. Крѣпость, которая собственно и носитъ названіе Кроншлота, стоитъ противъ Ингерманландскаго берега или южной стороны, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ острова, среди моря, на песчаной отмели, которую сильный морской потокъ, стремящійся здѣсь въ тѣснинѣ, увеличиваетъ все болѣе и болѣе. Крѣпость походитъ на круглую башню, о трехъ ходахъ, или терасахъ одна надъ другою, и снизу до верху обильно снабжена пушками. Фундаментъ въ ней сдѣланъ зимою на льду каменными ящиками, и на этомъ-то фундаментѣ возведено потомъ все зданіе изъ лѣсу и земли. Такъ какъ на островѣ, противъ крѣпости, находятся двѣ батареи о 10-ти и 12-ти пушкахъ, и сверхъ того большой морской мостъ или голова гавани, снабженъ 40, 50, а въ случаѣ надобности и бо̀льшимъ числомъ пушекъ, то по этому входъ въ потокъ, или въ дорогу къ Петербургскому переднему морю (взморью), весьма хорошо защищенъ и прикрытъ съ обѣихъ сторонъ, а въ тоже время и самые корабли, стоящіе въ тамошней гавани, могутъ также дѣлать свое дѣло.

Что̀ касается до города Ретусари, или Кроншлота, то относительно краткости времени, съ котораго онъ началъ строиться, онъ уже довольно обширенъ, и въ особенности очень богатъ числомъ домовъ. Но дома́ эти разбросаны, и городъ открытъ кругомъ, не обведенъ ни рвами, ни заборомъ, и самые дома́ деревянные, кромѣ громаднаго дома князя Меншикова, возведеннаго изъ камня, съ двумя флигелями, и нижній этажъ этаго зданія опредѣленъ для купечества, а два верхніе для палатъ князя. Сверхъ того и самъ царь повелѣлъ возвести

тамъ 4 большія, каменныя зданія для отдачи въ наймы купцамъ и для склада товаровъ этихъ купцовъ.

Въ 1718-мъ году тамъ закончена постройка Русской церкви, которая представляетъ собою довольно изящное зданіе. Евангелическаго исповѣданія иностранцы отправляютъ свое богослуженіе тамъ въ одномъ частномъ домѣ.

Такъ какъ флотъ большею частію имѣетъ здѣсь, какъ мы сказали уже, свое мѣсто стоянки, или прибѣжища и кромѣ того, здѣсь же находится и важнѣйшій морской магазинъ, то легко понять, что мѣстечко это должно быть довольно уже многолюдно. И хотя жизненные припасы здѣсь немилосердно дороги, ибо на островѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, и нѣтъ на немъ ни коровы, ни теленка, и все это нужно бываетъ вывозить изъ Петербурга, и слѣдовательно часто случаются недостатки во многомъ, тѣмъ не менѣе со дня на день народонаселеніе прибываетъ, и люди стараются основать тамъ себѣ мѣсто жительства.

За исключеніемъ этой дороговизны образъ жизни на островѣ Ретусари точно такой же, какъ и въ Петербургѣ. Такъ какъ островъ этотъ заселенъ людьми всевозможныхъ націй, то по этому тамъ встрѣчаются и всякаго рода хозяйства, или домоводства, и каждый живётъ тамъ по своему, какъ можетъ. Въ особенности же для каждой націи тамъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ городахъ и земляхъ Его Царскаго Величества, предоставляется свобода вѣроисповѣданія, т. е. свободное отправленіе своего богослуженія. Лютеранская община имѣла прежде здѣсь своего проповѣдника; но такъ какъ получаемаго имъ содержанія было ему недостаточно, то въ 1714-мъ году онъ самъ уволился отъ этой должности. Вскорѣ послѣ того нашелся одинъ изъ Шведскихъ плѣнныхъ, родомъ изъ Кёнигсберга, который, въ качествѣ лейтенанта, захваченъ былъ въ плѣнъ въ Польшѣ и сидѣлъ уже нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ заключеніи, потомъ получилъ свободу проживать гдѣ нибудь въ Россіи, чѣмъ и какъ онъ хочетъ и можетъ. Этотъ-то плѣнникъ явился наконецъ на островъ Ретусари и такъ какъ въ то время тамъ не было ни одного духовника, то онъ не только снабжалъ общины трехъ различныхъ вѣроисповѣданій своими проповѣдями, но и совершалъ у нихъ службу и таинства и крестилъ дѣтей въ ту, или другую вѣру, въ какую пожелаютъ родители. Но послѣ двухълѣтняго таковаго служенія это ремесло его было ему наконецъ воспрещено; и такъ какъ онъ не зналъ, куда дѣться и чѣмъ жить, то его опять пристроили и взяли въ лейтенанты.

Ширина Кроншлота до Ингермаландскаго берега простирается на добрую Нѣмецкую четверть мили. Какъ широкая рѣка Нева имѣетъ настоящее свое впаденіе въ Остъ-Зее въ этой полосѣ, или мѣстности, то самая глубокая вода, или самое глубокое мѣсто находится близь острова и идетъ не далѣе двухъ тысячъ шаговъ; остальное состоитъ изъ песчаныхъ балокъ и отмелей; точно также и на сѣверной сторонѣ острова, большое мелководье, и теченіе тамъ едва замѣтно. Съ этой же стороны, гдѣ находится настоящее впаденіе, глубина и теченіе весьма быстры и сильны, до того, что здѣсь бываетъ чрезвычайно трудно проходить судну, и въ особенности противъ вѣтра.

Весь путь вдоль морскаго берега (именно на югъ отъ Кроншлота къ Петербургу, или до Петербурга) усѣянъ сплошными увеселительными до-

мами и дворцами, одинъ подлѣ другаго. Когда Его Царское Величество взялъ Ингерманландію, то онъ раздарилъ всѣ помѣстья этой страны своимъ чинамъ, знатнымъ и малымъ. Эту же береговую полосу онъ велѣлъ разбить на извѣстные участки въ 500 сажень ширины и въ 2000 саж. длины, и роздалъ ихъ частью сенаторамъ и боярамъ, частію маловажнымъ придворнымъ слугамъ и нѣкоторымъ офицерамъ, и на этихъ-то участкахъ каждый, по своему желанію и возможности, построилъ себѣ или увеселительный замокъ, или дворецъ, или простой жилой домъ, такъ что на всѣхъ 4 миляхъ по берегу домà стоятъ другъ подлѣ друга.

Такъ какъ мѣстность эта расположена такимъ образомъ, что, въ тысячѣ шагахъ отъ моря, берегъ вездѣ имѣетъ почти одинаковую высоту, на которой цѣлымъ рядомъ лежатъ дворцы и увеселительные домà, то легко себѣ представить, что видъ отъ дворцовъ, съ самой высоты берега, а равно и со стороны тѣхъ, которые плывутъ по морю, т. е. и видъ съ моря, долженъ быть весьма красивъ, когда все это представится взору въ одномъ большомъ полу-кругѣ. Эта полоса страны есть наилучшая, и на ней въ изобиліи находится все, что нужно: хорошія поля, луга, пастбища, лѣсъ, рыба и разная пернатая дичь. Было бы излишнимъ подробно описывать здѣсь всѣ сказанные дворцы и дачи, и потому скажу нѣсколько словъ только о 3-хъ изъ нихъ. Первый дворецъ и садъ князя Меншикова, Ораніенбаумъ, лежитъ прямо насупротивъ Кроншлота. Это мѣстечко вообще чрезвычайно пріятное, и князь Меншиковъ, для большаго удобства, приказалъ устроить здѣсь мостъ, длиною въ 300 шаговъ, прямо выдающійся въ море, на которомъ, иначе, по мелководью, нельзя было бы и плавать и приставать въ этомъ мѣстѣ на судахъ. Дворецъ сооруженъ изъ камня, въ три этажа, съ двумя длинными флигелями, выведенными оваломъ. Впрочемъ, садъ, идущій отъ дворца къ морю, до сихъ поръ еще не приведенъ окончательно въ надлежащее состояніе.

Въ полуторѣ мили отсюда лежитъ Петергофъ, царскіе сады и увеселительные дворцы. Одинъ изъ этихъ садовъ находится на высотѣ берега, а другой, въ 600 шагахъ отъ перваго, раскинутъ у самаго моря, и оба уже большею частію совершенно готовы. Мѣстечко это полюбилось царю преимущественно передъ всѣми другими, и потому онъ приложилъ и прилагаетъ всё свое стараніе сдѣлать изъ него всё хорошее. Для этой цѣли, подъ горою, передъ однимъ дворцомъ, устроенъ большой гротъ, съ двойнымъ каскадомъ, изъ котораго грота проведенъ большой и глубокій каналъ прямо въ море, и по этому-то каналу изъ моря можно проплыть до грота и до самаго дворца, стоящаго на горѣ, на высотѣ 60-ти футовъ.

Оба дворца, какъ верхній, на горѣ, такъ и нижній, стоящій у моря, выведены изъ камня, совсѣмъ уже готовы, и хотя не велики, но чрезвычайно изящно построены и считаются лучшими во всей странѣ, за исключеніемъ дворцовъ, принадлежащихъ князю Меншикову.

Хотя вся мѣстность эта, сама по себѣ, наилучшая и красивѣйшая на всемъ берегу обтекающаго здѣсь моря, но она еще болѣе прелестна потому, что изъ находящихся на высотѣ берега увеселительныхъ домовъ можно обозрѣвать на далекое пространство, какъ Петербургъ и Кроншлотъ, такъ и всѣ суда, проходящіе по морю.

Въ милѣ отъ Петергофа лежитъ мыза Стрѣльна, вновь устроенный садъ и дворецъ Его Царскаго Величества. Сперва у царя былъ здѣсь только деревянный простой домъ; но когда онъ нашелъ тутъ же, у рѣчки Стрѣльны, впадающей въ море, чрезвычайно понравившееся ему мѣстоположеніе, то онъ рѣшился возвести здѣсь великолѣпнѣйшій царскій дворецъ, развести при немъ садъ и вообще сдѣлать изъ этого мѣстечка другой Версаль.

Прежде около этого мѣста, по мелководью, нельзя было пристать къ берегу даже на самомъ маленькомъ суднѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ извѣстный генералъ-маіоръ, изъ Нѣмцевъ, возвелъ, прямо въ открытое море, главную плотину изъ фашиннику и земли, шириною въ 20 шаговъ и длиною въ 700 шаговъ, съ той поры весьма удобно можно плавать теперь за этой плотиной на всевозможныхъ судахъ. Вначалѣ полагали, правда, невозможнымъ, чтобы такая плотина устояла; но въ настоящее время, по трехъ-лѣтнему опыту, пришли къ убѣжденію, что самые сильнѣйшіе бури и ураганы, отъ которыхъ терпѣли и ломались почти всѣ находящіеся тамъ вокругъ мосты, плотины и водяныя постройки, не сдѣлали сказанной плотинѣ ни малѣйшаго вреда, такъ что возведеніе ея считается теперь самой лучшей водной работой, и способъ устройства ея оказывается самый прочный и дешевый, даже для устройства самихъ морскихъ гаваней; особенно же, когда фундаментъ однажды уже заложенъ, то этимъ способомъ, съ меньшимъ трудомъ и издержками исправляется самая плотина, дѣлаются отъ времени до времени надлежащія насыпи или возвышенія, и такимъ образомъ устраняются всѣ поврежденія, причиненныя моремъ, и самая плотина можетъ быть совершенно прочна и безопосна.

Садъ при этомъ дворцѣ разбитъ чрезвычайно обширный, и со временемъ изъ него можетъ образоваться нѣчто необычайное, такъ какъ, по плану, онъ долженъ всё болѣе и болѣе усовершенствоваться, и царь не щадитъ никакихъ издержекъ для доведенія его до совершенства. Начало этому саду положено до сихъ поръ тѣмъ, что въ немъ планируютъ теперь землю нѣсколько тысячь рабочихъ и посажено тоже нѣсколько тысячь липъ; но главное что̀ сдѣлано тамъ, теперь состоитъ въ томъ, что стесана и снесена, съ великимътрудомъ, возвышающаяся тамъ гора и обдѣлана въ видѣ амфитеатра; на горѣ этой и предполагается воздвигнуть роскошнѣйшій дворецъ.

Такъ какъ у царя нѣтъ недостатка ни въ хорошихъ мастерахъ-строителяхъ, ни въ рабочихъ людяхъ всякаго рода, ни во всѣхъ потребныхъ для возведенія разныхъ зданій матеріалахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти начатыя работы въ этой мѣстности, равно какъ и всѣ остальныя предпріятія въ Петербургѣ, приведутся непремѣнно въ исполненіе въ теченіи немногихъ даже лѣтъ, и такимъ образомъ изъ прежней пустынной Ингерманландіи возникнетъ восьмое чудо свѣта.

Конецъ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1811—1871.

Veritas, temporis filia.

Aulus Gellius.

Mihi Galba, Otho, Vitellius, nec beneficio, nec injuriâ cogniti.

Tacitus.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я жилъ долго и вращался въ различныхъ слояхъ общества; много видѣлъ и слышалъ, многое на самомъ себѣ испыталъ и, находясь нерѣдко въ особенныхъ, иногда въ исключительныхъ положеніяхъ, видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ много такого, что̀ кромѣ меня или не могло быть извѣстно никому, или было извѣстно немногимъ.

Я имѣлъ обыкновеніе изъ происходившаго вокругъ меня записывать то, что̀ было болѣе выдающагося въ людяхъ и въ событіяхъ, особенно все, что̀ могло послужить къ обобщенію моихъ студій надъ характерами и къ уразумѣнію сущности событій: ибо совершившіеся факты имѣли для меня значеніе лишь видимыхъ проявленій дѣйствующей чрезъ нихъ причины, значеніе указаній для изслѣдованія (на сколько это возможно) причинъ и заключающагося въ нихъ внутренняго смысла. Изъ такого матерьяла составились эти воспоминанія прожитой эпохи.

Въ составленіи, такъ сказать, свода изъ разрозненныхъ, бѣглыхъ замѣтокъ, въ сочетанія ихъ по предметамъ въ отдѣльные разсказы, я не держался никакой системы. Каждая статья составляетъ особое цѣлое. Когдаже случается, что между нѣкоторыми изъ нихъ существуетъ естественная связь, и одна статья восполняется другою, то на это указано ссылками въ приличныхъ мѣстахъ.

Что̀ касается до современныхъ мнѣ личностей, то я не писалъ ихъ біографій, а ограничивался замѣчательнѣйшими фактами изъ ихъ жизни и характеристическими чертами какъ ихъ самихъ, такъ и моихъ къ нимъ отношеній.

Въ этихъ очеркахъ я считалъ нужнымъ, говоря о главномъ лицѣ, упоминать, въ видѣ вводныхъ статей или въ примѣчаніяхъ, о тѣхъ, которыя были съ нимъ въ соприкосновеніи. Я думаю, что это не лишнее какъ потому, что такіе вспомогательные очерки составляютъ какъ бы декоративную обстановку, изъ которой главный субъектъ выходитъ болѣе рельефно, такъ и потому, что самыя эти второстепенныя личности почему нибудь заслуживаютъ воспоминанія о нихъ.

Въ этой работѣ, такъ какъ она не автобіографія, я по возможности избѣгалъ эготизма. Въ разсказахъ я ввожу свою личность и говорю о себѣ лишь на столько, сколько это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, для группировки подробностей, а главное, для сохраненія въ разсказахъ того отпечатка живой дѣйствительности, котораго никакое искусство поддѣлать не въ состояніи и который происходитъ только отъ личнаго присутствія дѣятеля или очевидца.

При этомъ я мало заботился о литературной отдѣлкѣ. Вообще я такого мнѣнія, что въ обработкѣ матерьяловъ, накопившихся въ долгое время изъ бѣглыхъ записокъ, набросанныхъ въ тѣ

самые моменты, когда насъ поразило событіе или встрѣтилась замѣчательная личность, нужно стараться сохранить дѣвственный характеръ того необдуманнаго перво-произвольнаго впечатлѣнія (impression spontanée, prime-sautière) подъ вліяніемъ котораго писалась замѣтка, безъ предвзятой мысли, что она когда либо увидитъ свѣтъ.

Занимаясь настоящимъ трудомъ, я глубоко былъ проникнутъ сознаніемъ важности частныхъ, безъискусственныхъ записокъ для современной исторіи, какъ ее понимаютъ въ наше время, когда она перестала быть сухою эфемеридою событій и жизнеописаніемъ знаменитостей. Теперь требуется отъ нея, чтобы она представляла полную картину жизни даннаго народа, со всѣми ея элементами нравовъ, образованія, общественнаго быта и мышленія. Сознаніе такой важности естественно соединялось во мнѣ съ сознаніемъ долга быть строго-правдивымъ. Въ этомъ качествѣ я конечно могу поручиться вполнѣ только за случаи, въ которыхъ я былъ очевидцемъ или дѣйствующимъ лицемъ. Остальное я записывалъ на основаніи общей извѣстности (notoriété publique), общественной молвы и наконецъ наиболѣе достовѣрныхъ слуховъ. По моему мнѣнію и такія, менѣе доказанныя, данныя не должны теряться безслѣдно. Искусный историкъ съумѣетъ извлечь изъ нихъ если не прямую, то косвенную пользу; они ему пригодятся, хотя бы какъ матерьялъ красокъ для вѣрнаго колорита эпохи.

Я никогда не былъ систематическимъ мизантропомъ; отъ своей эпохи и своихъ современниковъ не ждалъ и не требовалъ болѣе, чѣмъ они могли дать. Поэтому, если изъ моихъ „Воспоминаній“ вышло болѣе картинъ Теніерова или Гогартова жанра, чѣмъ высоко-историческаго стиля, то въ этомъ вина не моя. Я могу увѣрить, что не карикатурилъ умышленно, но за то и не украшалъ ничего, а списывалъ съ натуры, что было и какъ было.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦЕВЪ. [1])

Expende Annibalem,
Quot libras in duce summo invenies? [2])

Juvenalis.

Въ „Воспоминаніяхъ“ Н. И. Греча, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, описаны подробности, касающіяся происхожденія, воспитанія и служебной дѣятельности этого (какъ Гречь говоритъ) одного „изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“.

Гречь, какъ современникъ, гораздо старше меня. Онъ раздѣляетъ публичную и частную жизнь Новосильцева на два періода: первый со времени вступленія его на публичное поприще, вполнѣ блистательный; другой, начавшійся около 1809—1810 г. или не много ранѣе, когда онъ сталъ предаваться страсти къ крѣпкимъ напиткамъ. Несравненно менѣе славный, но однакожъ и въ этой эпохѣ, не смотря на пагубную слабость, Новосильцевъ не переставалъ проходить свое служебное поприще и занималъ въ немъ значительныя положенія.

Къ сожалѣнію, я зналъ Новосильцева въ этомъ второмъ уже періодѣ его жизни. Моя встрѣча съ нимъ и личныя отношенія имѣли мѣсто въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и съ этого времени записаны у меня подробности объ немъ, мало извѣстныя, почерпнутыя частью изъ личнаго съ нимъ обращенія, частью же изъ подлинныхъ дѣлъ и другихъ не менѣе достовѣрныхъ источниковъ.

Новосильцевъ, въ то время уже сенаторъ, былъ приближеннымъ лицемъ

---

[1]) Я не слѣдую хронологическому порядку; статьи помѣщаются по мѣрѣ ихъ изготовленія.

[2]) Взвѣсь Ганнибала; сколько фунтовъ окажется въ высокомъ вождѣ? *Ювеналъ.*

къ главнокомандовавшему арміею Царства Польскаго Великому Князю Константину Павловичу, состоя императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ новоучрежденнаго Царства. Около 1820 года Великому Князю подчинены были войска отдѣльнаго Литовскаго корпуса, и въ административномъ порядкѣ присоединенныя отъ Польши губерніи, западныя, югозападныя и Бѣлорусскія. Понятно, что для тамошняго края Новосильцевъ былъ большою фигурою.

Въ 1819 или 1820 году пожалована ему была въ 12-ти лѣтнюю аренду (продолженную, по истеченіи этого срока, еще на 12 лѣтъ) такъ называемая Слонимская экономія, большое казенное имѣніе, состоявшее изъ уѣзднаго города Слонима, многихъ фермъ и деревень и приносившее до 125,000 руб. ассигнац. годоваго дохода. Оно нѣкогда принадлежало Польскому магнату, великому Литовскому гетману, князю Михаилу Огинскому, который, въ послѣдніе годы царствованія короля Станислава Августа, и самъ поселился въ уѣздномъ городѣ. Это была резиденція по истинѣ царская, по своей пышности, роскоши и изяществу. Довольно сказать, что Огинскій имѣлъ собственную Италіянскую оперу и собственный балетъ; и та и другая, по сказаніямъ старожиловъ, были изъ лучшихъ въ Европѣ, такъ какъ магнатъ тратилъ на нихъ огромныя деньги. Лица, составлявшія многочисленную дворню вельможи (большею частію Чехи) нажившіяся въ его службѣ, построили себѣ домá въ Слонимѣ и поселились въ немъ съ семействами на всегда. Нѣкоторые ихъ потомки сдѣлали карьеры въ государственной службѣ, и теперь еще одинъ считается знаменитостію въ своей специальности (медицинѣ).

Отъ Огинскаго, вѣроятно по праву наслѣдства, Слонимская экономія перешла къ графинѣ Мнишекъ, а ею отдана была въ продолжительное арендное содержаніе знаменитому тамошнему помѣщику, бывшему долгое время уѣзднымъ предводителемъ дворянства, д. с. с. Войцеху Пусловскому. Со смертію графини, не знаю по какому случаю, экономія поступила въ казну и отъ нея уже передана была Новосильцеву.

Тутъ между нимъ и Пусловскимъ завязалось чрезвычайно сложное дѣло, возбужденное управляющимъ, назначеннымъ отъ новаго владѣльца, о раззореніи якобы Пусловскимъ экономіи и о слѣдующей отъ него громадной суммѣ вознагражденія. Дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ и кончилось ничѣмъ, такъ какъ повѣренные Новосильцева не могли доказать своихъ извѣтовъ. Пусловскій былъ женатъ на родной сестрѣ князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, въ то время министра финансовъ въ Царствѣ Польскомъ, и упомянутое дѣло было едва ли не первою причиною непримиримой вражды между княземъ и Новосильцевымъ, продолжавшейся по самую смерть послѣдняго, также и причиною неблаговоленія Великаго Князя къ Любецкому *)

Эти подробности были нужны для объясненія частаго пребыванія Новосильцева въ Слонимѣ и моего съ нимъ соприкосновенія. Въ то время я былъ 18-ти лѣтній юноша, только что возвратившійся изъ Виленскаго университета и занималъ должность письмоводителя или, какъ она тогда называлась, дворянскаго секретаря при уѣздномъ предводителѣ (маршалѣ), моемъ родственникѣ, Броньскомъ.

Первый пріѣздъ Новосильцева въ городъ Слонимъ ознаменовался слѣдующею особенностію.

Около того времени (1820—1821) франкъ-масонство въ тамошнемъ краѣ было въ полномъ разгарѣ. Высшее правительство не очень къ нему благоволило, хотя еще и не рѣшалось на формальное запрещеніе. Ближайшая къ Слониму ложа была въ Новогрудкѣ. Многіе Слонимскіе помѣщики, и я въ числѣ ихъ, принадлежали къ ней и бывали на ея засѣданіяхъ. Но какъ для этого нужно бы-

*) Смотри мои воспоминанія о Любецкомъ въ слѣдующихъ выпускахъ Русскаго Архива.

ло ѣздить за 60 верстъ, то мы и положили основать ложу въ самомъ Слонимѣ, имѣя для этого требуемое уставомъ число членовъ. Городничій этого города, вмѣстѣ и уѣздный исправникъ, бывшій Наполеоновскій офицеръ, Винцентій Конопка (братъ извѣстной красавицы Юліи, по первому мужу Калиновской, по второму графини Татищевой, жены нашего посланника въ Вѣнѣ) предложилъ для совѣщанія о новой ложѣ собраться у него въ домѣ. Онъ забылъ, что ему по должности надо было встрѣтить на границѣ уѣзда Новосильцева (котораго пріѣздъ былъ назначенъ на тотъ же день) и провожать его. Мы собрались у Конопки въ 12-мъ часу утра. Это было лѣтомъ. Во избѣжаніе любопытства *профановъ*, всѣ ставни были затворены.

Въ самое время нашихъ совѣщаній происходилъ первый въѣздъ Новосильцева въ городъ. Проѣзжая по главной улицѣ и и видя закрытыя ставни дома, онъ спросилъ, чей домъ? Когда же ему сказали, что это квартира городничаго, то Новосильцевъ вообразилъ себѣ, что городничій умеръ и тѣмъ объяснилъ себѣ его отсутствіе на границѣ уѣзда. Новосильцевъ располагалъ остановиться у него; но, считая его покойникомъ, поѣхалъ къ предводителю дворянства Броньскому. При первомъ знакомствѣ, онъ извинялся, что не остановился у городничаго и сказалъ тому причину. Но тутъ и узналъ онъ истину, при чемъ ему сказали, что и секретарь предводителя участвуетъ въ собраніи.

Когда я возвратился въ свою канцелярію, которая была въ помѣщеніи предводителя, то послѣдній представилъ меня гостю-сановнику. Я не мало удивился, когда Новосильцевъ, съ обычною своею вѣжливостью, сказавъ: „Enchanté de faire votre connaissance“ [3]), прибавилъ съ ироническою усмѣшкою: „Je vous fais mon compliment, Monsieur; vous commencez de bonne heure, vous irez loin“[4]). Недоумѣвая, къ чему этотъ комплиментъ относится, я отвѣчалъ поклономъ и молчалъ. Но Новосильцевъ въ слѣдъ за этимъ сказалъ: „J'apprends avec plaisir, qu'un jeune homme comme vous a déjà eu le temps de finir ses études, et d'entrer dans la société de Francs-maçons [5]).

Хотя я и зналъ, что самъ онъ былъ масонъ, но не подалъ ему братскаго знака и только сказалъ, что я былъ принятъ въ общество по особому случаю.

Такова была моя первая встрѣча съ Новосильцевымъ. Въ послѣдствіи, не смотря на различіе возрастовъ и общественныхъ положеній, мы съ нимъ довольно сблизились (какъ объ этомъ ниже), и онъ всегда оказывалъ ко мнѣ свое расположеніе и даже нѣкоторую симпатію, если у такого дипломата, какимъ былъ Новосильцевъ, могло быть хотя одно искреннее чувство. И дѣйствительно, когда я обдумываю теперь подробности тогдашняго политическаго положенія и послѣдовавшихъ событій, то мнѣ становится понятными ласки Новосильцева. Они были не безъ нѣкотораго разсчета, такъ какъ относились къ молодому человѣку изъ поколѣнія, только что окончившаго курсъ университета и именно Виленскаго, сохранившему въ этомъ поколѣніи много друзей и извѣстную степень вліянія.

Нуждаясь въ службѣ для поправленія домашнихъ дѣлъ, оставленныхъ отцомъ (скончавшимся въ 1814 г.) довольно разстроенными, я бы очень легко могъ воспользоваться расположеніемъ Новосильцева и при немъ самомъ, или чрезъ него устроить мою служебную карьеру. Онъ и ждалъ только того, чтобы я попросилъ его и издалеча давалъ мнѣ это понять. Я оцѣнялъ всю пользу положенія, но удержался по различнымъ уваженіямъ. Однимъ изъ нихъ (и въ этомъ я теперь чистосердечно признаюсь) было, что въ то время никто изъ порядочныхъ людей не вступалъ въ такъ на-

[3]) Восхищенъ тѣмъ, что узнаю васъ.

[4]) Поздравляю васъ, милостивый государь; вы начинаете спозаранку; вы пойдете далеко.

[5]) Съ удовольствіемъ узнаю, что такой молодой человѣкъ успѣлъ уже окончить свое ученіе и вступить въ общество Франъ-Масоновъ.

зывавшуюся *казенную* службу. Такъ служить и получать чины предоставлялось исключительно мѣщанамъ и самой мелкой шляхтѣ. Быть можетъ, что я бы превозмогъ этотъ предразсудокъ, но были еще и другія личныя препятствія. Пусловскій, съ которымъ Новосильцевъ велъ ожесточенный процессъ, былъ опекуномъ сперва моимъ, а потомъ оставался опекуномъ моихъ несовершеннолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, и моей матери [6]). При томъ онъ и шуринъ его, князь Любецкій, были задушевные други съ моимъ покойнымъ отцомъ, такъ что, поступя на службу къ отъявленному ихъ врагу, я нашелся бы, относительно ихъ, въ крайне-неловкомъ положеніи.

Но главное уваженіе, меня удерживавшее, было — обстановка Новосильцева. Штатъ и частной, и оффиціальной службы при немъ состоялъ (кромѣ одного, о которомъ ниже) изъ лицъ самыхъ нехорошихъ. Управлявшіе подареннымъ ему староствомъ и повѣренные, возбудившіе тяжбу съ Пусловскимъ, были люди грубые, безнравственные, отвратительные экземпляры, почти совершенно изчезнувшаго уже типа крючкотворцевъ стараго закала, выгнанные за пьянство изъ службы ябедописцы. Люди эти и срамили, и безсовѣстно обкрадывали своего довѣрителя, и трудно было понять, какъ человѣкъ такого полёта, какъ Новосильцевъ, могъ терпѣть при себѣ подобный антуражъ. Казалось даже, что онъ нарочно искалъ и подбиралъ подъ статъ личный составъ для подобнаго вертепа. Такъ, въ повѣренные свои по тяжебнымъ дѣламъ, производившимся въ тогдашнихъ гласныхъ судахъ, онъ взялъ адвоката, не практиковавшаго уже потому, что онъ былъ, по суду, двукратно отрѣшенъ *ab omni activitate* [7]) за преварикацію (преданіе своего довѣрителя противной сторонѣ). Такое пристрастіе Новосильцева къ дурнымъ людямъ вошло въ тамошнемъ околодкѣ въ пословицу. О какомъ нибудь мерзавцѣ говорилось: „онъ годится въ Новосильцевскую псарню“. Разъ, въ бытность его въ Слонимѣ, появился нѣкто Пинскій помѣщикъ, князь Игнатій Г.*** Между мѣстными жителями онъ не имѣлъ почти никого знакомаго, но объ немъ шла самая дурная слава. Извѣстно было, что онъ когда-то былъ въ военной службѣ, а изъ его подвиговъ разсказывали положительный фактъ, что въ 1812 году, съ отрядомъ казаковъ, онъ разъѣзжалъ по своему уѣзду, нападалъ на домы помѣщиковъ и въ числѣ ихъ ограбилъ до нитки престарѣлаго роднаго своего дядю. Когда его увидѣли въ Слонимѣ, всѣ стали догадываться, что онъ ищетъ мѣста у Новосильцева, и всѣ почти навѣрно предполагали, что по своимъ прецедентамъ успѣетъ въ этомъ. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло недѣли, какъ почтенный нашъ князь красовался уже въ штатѣ сенатора. Довольно было одного этого, чтобы объяснить, почему я не пожелалъ дѣлать карьеру въ средѣ такихъ товарищей.

Выше сказано, что я началъ знать Новосильцева во второмъ періодѣ его жизни, то есть въ самомъ, по словамъ современниковъ, невыгодномъ для этого государственнаго человѣка, когда онъ сталъ уже предаваться пьянству и когда въ самомъ его характерѣ начали проявляться дурныя стороны. Надо полагать, что въ первое десятилѣтіе царстдованія Императора Александра I, когда онъ былъ въ милости у Государя и постоянно занимался исполненіемъ важныхъ порученій и въ Петербургѣ, и за границею, дурныя наклонности и нравственные недостатки подавлялись въ немъ силою громаднаго разума, которымъ онъ обладалъ и самою необходимостью

[6]) Извѣстно, что, по дѣйствовавшему въ то время Статуту Литовскому, женщины всю свою жизнь (и какъ дѣти и дѣвицы, и какъ жены и какъ вдовы) оставались подъ опекою.

[7]) Отъ всякаго веденія дѣлъ.

положенія. Когда мы приписываемъ разуму то, что Новосильцевъ дѣятельностію своего не только съ пользою служилъ Отечеству, но и заслуживалъ всеобщее для себя уваженіе, однимъ словомъ, что онъ былъ хорошимъ и добрымъ человѣкомъ, потому что былъ очень уменъ, то мы не думаемъ сказать парадоксъ. По нашему разумѣнію, добродѣтель есть верхъ интеллигенціи и когда говорятъ: „вотъ человѣкъ умный, но злой", то говорятъ нѣчто въ родѣ нонсенса.

Но, какъ видно, и тотъ великій умъ, который Новосильцевъ имѣлъ, не былъ настолько великъ, чтобы изъ него сдѣлать вполнѣ праваго человѣка. И какъ только онъ по обстоятельствамъ нашелся въ положеніи самостоятельномъ, безъ контроля, несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ притупила въ немъ предохранительную силу разума, и вышли наружу всѣ тѣ дурныя стороны его личности, которыя до того были въ немъ какъ бы усыплены и которыми омрачается второй и послѣдній періодъ его жизни.

Если я говорю, что положеніе его сдѣлалось самостоятельнымъ, то это слѣдуетъ разумѣть о времени, когда вслѣдствіе Вѣнскаго конгресса учреждено было въ 1815 году Царство Польское, когда Великій Князь Константинъ Павловичъ назначенъ былъ главнокомандующимъ Польскою арміею, и Новосильцевъ находился въ Варшавѣ въ званіи императорскаго комиссара, то есть прокурора интересовъ Имперіи въ соприкосновеніяхъ ихъ съ дѣйствіями мѣстнаго правительства и съ мѣстными же интересами края. Великій Князь занимался исключительно военною частію; всѣ же дѣла, касавшіяся гражданскаго управленія Царства и, по подчиненіи Константину Павловичу западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерній, и дѣла этихъ губерній, находились, хотя и неоффиціально, въ рукахъ Новосильцева. Когда однакожъ мы его знали въ нашемъ городкѣ, онъ еще въ тамошнихъ губерніяхъ не имѣлъ оффиціальнаго характера. Онъ прибылъ въ Слонимъ, какъ частный человѣкъ, какъ владѣлецъ экономіи. Только въ послѣдствіи, по отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ въ 1822 году, онъ чрезъ годъ послѣ того назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, и тутъ дѣятельность его приняла свой истинный характеръ и рѣзко обозначилась на судьбахъ тогдашняго молодаго поколѣнія.

Возвратимся къ пребыванію его въ Слонимскихъ владѣніяхъ, въ качествѣ сельскаго хозяина и промышленника, такъ какъ онъ завелъ на форштатѣ города большую суконную фабрику.

Не смотря на то, что въ городѣ и уѣздѣ было нѣсколько порядочныхъ и пріятныхъ помѣщичьихъ домовъ, Новосильцевъ съ ними не знакомился. Онъ бывалъ въ городѣ только у начальника Литовской уланской дивизіи, генерала Влодека и у предводителя Броньскаго; изъ уѣздныхъ помѣщиковъ онъ изрѣдка посѣщалъ въ мѣстечкѣ Деречинѣ князя Франциска Сапѣгу, который также проводилъ иногда у него по нѣскольку дней. Но у Броньскаго Николай Николаевичъ бывалъ каждый, или почти каждый, вечеръ. Вотъ какъ происходили эти бесѣды.

Сенаторъ (такъ его всѣ называли) являлся около 7—8 часовъ. Послѣ этого приказано было не принимать уже никого изъ постороннихъ. Если я былъ дома, то долженъ былъ оставаться; если меня не было, то за мною посылали. Хотя я, какъ очень молодой и скромный человѣкъ, могъ принимать лишь очень ограниченное участіе въ бесѣдѣ этихъ господъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ лѣтъ, но они вѣроятно по аксіомѣ „tres faciunt collegium" [8]) признавали, что мое присутствіе было нужно, какъ необходимый минимумъ для составленія настоящаго conversazione [9]). Вслѣдъ за прибытіемъ сенатора, на кругломъ столѣ предъ диваномъ,

---

[8]) Безъ троицы домъ не строится.
[9]) Собесѣдованія.

на которомъ садились онъ и хозяинъ, являлся подносъ съ огромнымъ чайникомъ, сахарницею, лимоннымъ сокомъ, сливками, разными печеніями и двумя бутылками: одной — стараго Ямайскаго рома, другой—какого нибудь Французскаго вина. Эта послѣдняя бутылка была для Броньскаго; онъ, изъ приличія, для поддержанія компаніи, наливалъ себѣ рюмку, и она оставалась недопитою до конца; Ямайка же предоставлялась въ полное распоряженіе сановитаго гостя, и онъ пользовался ею безцеремонно. Я одинъ пилъ настоящій чай.

По мѣрѣ того, какъ бутылка опорожнялась, оживлялась бесѣда. Броньскій, умный человѣкъ, прекрасно поддерживалъ ее; я, разумѣется, безмолвно слушалъ и изрѣдка только вставлялъ свое слово. Разговоръ былъ въ высшей степени интересный, хотя въ немъ, такъ какъ онъ возобновлялся ежедневно, было много повтореній. Есть книжка одного изъ современныхъ Французскихъ писателей подъ заглавіемъ: „Ce qu'il ya dans une bouteille d'encre [10]). Книжка пустая; но если бы при нашемъ тріо спрятанъ былъ за ширмою стенографъ, то изъ его записокъ составилась бы очень любопытная книга. Заглавіе готово: Ce qu'il a dans une bouteille de rhum“ [11]).

Происходившему въ маленькомъ Литовскомъ городкѣ минуло уже болѣе полувѣка, но впечатлѣнія, воспринимавшіяся тогда моимъ молодымъ организмомъ, такъ глубоко врѣзались у меня въ памяти, что и теперь, когда это пишу, они живо представляются воображенію. Я вижу передъ собою круглый столъ, покрытый цвѣтною скатертью, чайникъ, изъ котораго, какъ бы для очистки совѣсти, подливается въ стаканъ немного чаю, и пресловутую бутылку, часто и усердно нагибаемую, и за нею, въ полутѣни, синебагровое лицо государственнаго сановника, знаменитаго дипломата, Европейскаго дѣятеля, а теперь буквально управляющаго судьбами отчасти Царства, а вполнѣ и безусловно девяти губерній [12]). Мнѣ слышится его рѣчь, постепенно, съ прогрессіею опьяненія, измѣняющая свой діапазонъ, затрудняющаяся при выходѣ съ разбухшаго языка, изъ посинѣлыхъ губъ, но, при своей алкоолической откровенности, всетаки исполненная ума и ѣдкаго сарказма.

Въ концѣ концовъ, когда въ бутылкѣ не оставалось уже ничего, или почти ничего, рѣчь переходила въ невнятное лепетаніе; глаза то закрывались, то открывались, голова наклонялась до самаго стола и опять приподымалась. Тогда хозяинъ вставалъ; гость этимъ приходилъ на минуту въ себя и, простившись, старался также встать, но это не удавалось. Призывали дюжаго лакея Петручка, испытаннаго въ подобныхъ дѣлахъ. Онъ поднималъ гостя на ноги, бралъ его подъ одну руку, Броньскій подъ другую и выводили на подъѣздъ, гдѣ дожидались уже зимою сани, а лѣтомъ низкая линейка предводителя. Сенаторъ никогда не бралъ съ собою экипажа, ни лакея. Усадивши его, Петручекъ садился съ одной, а я съ другой стороны и, отвезши его домой, въ палацъ бывшій гетмана Огинскаго, мы сдавали его на руки ожидавшей прислугѣ. На обратномъ пути Петручекъ и кучеръ никогда не забывали философически замѣтить: „чтн, еслибы это такъ нашъ братъ“?!... Только разъ случилось, что сенаторъ взбунтовался и рѣшительно объявилъ, что хочетъ идти домой пѣшкомъ. Я, съ помощію Петручка, отвелъ его не безъ большаго затрудненія. Шествіе по дурно вымощеннымъ улицамъ было по истинѣ „скачкою съ препятствіями“. (Подобная честь досталась мнѣ въ Вильнѣ въ Іюлѣ 1822 года. Объ этомъ будетъ

[10]) Чтó содержится въ бутылкѣ чернилъ.
[11]) Что содержится въ бутылкѣ рома.

[12]) Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дѣйствовала конституція 1815 года и былъ независимый гласный судъ, власть Великаго Князя, сирѣчь Новосильцева, была только полицейско-административная; но въ западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, состоявшихъ на военномъ положеніи, власть эта и въ административномъ и въ судебномъ отношеніяхъ не была ничѣмъ ограничена.

ниже). При свиданіи, на другой вечеръ, Новосильцевъ никогда не забывалъ сказать: „Savez vous, cher maréchal, qu'hier je suis rentré de chez vous, avec une petite pointe...... Mais ce que votre jamaique est excellent, et vous étiez si soigneux de ma tasse.“ *) (Безстыдная клевета: гость все время угощался самъ). И таже сцена повторялась точь въ точь и заключалась подобнымъ же финаломъ.

Независимо отъ психическихъ студій, которыя я тогда дѣлалъ надъ знаменитымъ субъектомъ, разыгрывавшимъ такую жалкую роль передъ моими молодыми глазами, я чувствовалъ всю важность случая, представлявшагося мнѣ для извлеченія пользы изъ его вакхическихъ нескромностей. Когда послѣ quantum sufficit [14]) возліяній, наступала минута сердечныхъ изліяній, я (какъ говорятъ Французы) переходилъ весь въ уши, старался не уронить ни одного слова, и въ туже ночь записывалъ слышанное. Постараюсь здѣсь воспроизвести сущность этого. Буквальная точность утомляла бы повтореніями; поэтому, хорошо подумавши, я и не жалѣю о неимѣніи стенографа.

Новосильцевъ рѣдко и какъ-то неохотно говорилъ о своемъ дальнемъ прошедшемъ, о дипломатическихъ похожденіяхъ; рѣдко упоминалъ о Наполеонѣ, съ которымъ однакожъ не разъ былъ въ личномъ соприкосновеніи. Онъ признавалъ въ немъ большой умъ (это и безъ Новосильцева было извѣстно), но опредѣлялъ его такъ: „Это умъ чрезвычайно обширный, но недовольно глубокій. Qui trop embrasse, mal étreint [15]), прибавлялъ онъ. Взглядъ его онъ уподоблялъ тому недостатку зрѣнія, которое называется vue presbyte, противуположному vue myope (близорукость). Держа всегда глаза устремленныя вдаль и стараясь обнять умомъ вселенную, онъ легко упускалъ изъ виду то, что́ было такъ сказать, подъ ногами, а это нѣчто часто и было существенное. Отсюда его грубыя ошибки“. Изъ всего тона его сужденій о Наполеонѣ видно было то, что̀ впрочемъ извѣстно изъ современныхъ мемуаровъ, именно: что въ своихъ сношеніяхъ Новосильцевъ испыталъ отъ императора Французовъ какую-то, какъ говорятъ, *непріятность*. Это вѣроятно было тогда, когда Наполеонъ, вслѣдствіе неудавшихся переговоровъ съ Новосильцевымъ, такъ неблагопріятно и рѣзко выражался объ Императорѣ Александрѣ I.

Но главный, самый интересный и чаще другихъ повторявшійся предметъ разговоровъ, были разсужденія Новосильцева объ учрежденіи Императоромъ Александромъ Царства Польскаго. Онъ вообще не одобрялъ этого достопамятнаго акта и находилъ его неполитичнымъ въ отношеніи и къ Россіи, и къ Европѣ. Смотря по степени дѣйствія рома, онъ, на различныхъ стадіяхъ своего настроенія, выражался объ этомъ различно, хотя всегда въ одинаковомъ духѣ. Послѣ втораго или третьяго стакана онъ начиналъ уже отзываться о Государѣ все менѣе и менѣе почтительно, называлъ его слабымъ и непослѣдовательнымъ мечтателемъ и упрекалъ въ недальновидности.

Относительно этого послѣдняго недостатка онъ позволялъ себѣ пріятно подшучивать надъ Государемъ. Онъ говорилъ: „Ничего въ свѣтѣ Александръ Павловичъ такъ не боится, какъ карбонаризма съ тѣхъ поръ, какъ этотъ элементъ, сбросивъ маску, сталъ дѣйствовать открыто въ Италіи. (Тогда именно возгорѣлась было революція Пепе). Неменѣе безпокоятъ Государя и Нѣмецкіе тугендбунды. Всего этого онъ не предвидѣлъ, когда учреждалъ Царство Польское съ либеральною конституціею. Теперь карбонаріи, иллюминаты, буршеншафты и тугендбунды слились для

[13]) Знаете, любезный предводитель, вчера я возвратился отъ васъ нѣсколько не-свой... Но у васъ такая превосходная Ямайка, и вы такъ заботились о моей чашкѣ.

[14]) Вдоволь.

[15]) Кто слишкомъ много захватываетъ, тотъ мало удерживаетъ.

него въ огромный кошмаръ, который преслѣдуетъ его денно и ночно. Теперь Государь много бы далъ за то, чтобы могъ передѣлать то, что имъ сдѣлано. Онъ чувствуетъ, что много потерялъ въ глазахъ Россіи и жестоко оскорбилъ Русское народное чувство, сказавъ въ своей торжественной рѣчи, что даетъ конституцію Полякамъ потому, что признаетъ ихъ довольно развитыми, довольно зрѣлыми для принятія этого благодѣянія. Ничего не могло быть неполитичнѣе со стороны Монарха нераздѣльнаго государства, какъ вводить такое неравенство политическихъ правъ между соплеменными подданными своими, и за меньшинствомъ установлять торжественно такое преимущество надъ огромнымъ большинствомъ".

Когда Броньскій возражалъ, что быть можетъ Государь не могъ сдѣлать иначе, что могъ быть къ этому приневоленъ силою на Конгрессѣ: то Новосильцевъ отвергалъ это и утверждалъ, что учрежденіе Царства было плодомъ мысли и непринужденной воли самаго Александра Павловича, что это былъ опытъ осуществленія въ маломъ видѣ задушевной либеральной мечты его молодости; что тутъ впрочемъ дѣйствовали внушенія нѣкогда близкихъ къ Государю Поляковъ Адама Чарторижскаго и Михаила Огинскаго. Что касается до Конгресса, то Новосильцевъ утверждалъ (въ противность нѣкоторымъ современнымъ публицистамъ), что члены Конгресса не только не одобряли учрежденія Царства по начертанному Императоромъ плану, но были этому противны, и Александръ только при тогдашнемъ огромномъ вліяніи своемъ на обще-европейскія дѣла могъ осуществить свое предположеніе.

Новосильцевъ очень не любилъ Поляковъ и не скрывалъ этого передъ нами, особенно когда при третьемъ стаканѣ являлась „in pontcho veritas“ [16]). Съ свойственною ему проницательностію онъ предвидѣлъ будущія событія и часто повторялъ: „Александръ Павловичъ ошибается, если думаетъ, что Поляки будутъ ему благодарны. Имъ нужно не то; они мечтаютъ о такой Польшѣ, какая была во времена Сигизмундовъ и о королѣ-Пястѣ, а не о Русскомъ Императорѣ".

По этому случаю Бронскій и я заговорили разъ о титулѣ, принятомъ Императоромъ. Новосильцевъ согласился съ нами, что Поляки не могли быть довольны тѣмъ, что Александръ Павловичъ, предъ ними и Европою, назывался королемъ (Król, Roi), а предъ Русскими царемъ. Это не одно и тоже, — Полякамъ было извѣстно, что порусски государи Прусскій, Шведскій и др. называются королями; знали и то, что въ полномъ Императорскомъ титулѣ „царь Польскій" стоитъ о бокъ, или даже ниже, царя Казанскаго и Астраханскаго. То, что ихъ отечество въ политической іерархіи сравнено съ тремя или четырьмя изъ 50 губерній, не могло не быть чувствительнымъ для ихъ народной гордости. Новосильцевъ сказалъ: Oui, vous avez raison, c'est encore une de ses demi-mesures, si chères à notre gracieux Souverain, et celle-ci a cela de particulier, qu'en mécontentant les uns, elle ne satisfait pas les autres. („Да вы правы; это еще одна изъ тѣхъ, любимыхъ нашимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, полумѣръ. Но эта имѣетъ еще ту особенность, что въ однихъ возбуждаетъ неудовольствіе, а другихъ не удовлетворяетъ"). Къ этому Николай Николаевичъ прибавилъ, что титулъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ преній. Вліятельные Поляки протестовали, но такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ ни слова порусски, то ихъ легко было успокоить, особенно когда въ какомъ-то плохенькомъ лексиконѣ показали, что Русскій царь по французски переводится Roi. Были и кромѣ Поляковъ такіе, которые протестовали; они говорили, что это двуличіе, что титулъ — царь — отзывается какъ бы ложнымъ стыдомъ, боязливостію, даже неискрен-

[16]) Правда въ пуншѣ.

ностію, что, на подобіе Австрійскаго государя, прекрасно звучалъ бы титулъ Императорско-королевскаго Всероссійскаго Величества. Однакожъ противное мнѣніе одержало верхъ; это была уступка Русскому народному чувству, довольно уже встревоженному дарованіемъ Полякамъ конституціонной хартіи. Тутъ былъ еще разчетъ на малограмотность массы народа. Она не имѣла понятія, что̀ такое конституція и хартія, но видя только, что въ императорскомъ титулѣ къ существовавшимъ царствамъ: Сибирскому, Казанскому и пр. прибыло еще новое, должна было совершенно этимъ успокоиться и даже радоваться.

Разговоры о тогдашнихъ Польскихъ дѣлахъ Новосильцевъ переплеталъ колкими насмѣшками надъ характеромъ народа вообще и надъ разными болѣе выдавшимися личностями. Любимыми жертвами его шутокъ были извѣстные патріоты: Юліанъ Нѣмцевичъ, Іосифъ Выбицкій, Александръ Ходкевичъ, Каетанъ Козмянъ и Ѳома Вавржецкій [17]). Надъ послѣднимъ онъ особенно острился за его пристрастіе ко всему Литовскому. Когда шли совѣщанія о томъ, какой въ новомъ Царствѣ долженъ быть законъ, то Вавржецкій всѣми силами настаивалъ на введеніи тамъ дѣйствовавшаго въ то время во всѣхъ западныхъ, югозападныхъ, Бѣлорусскихъ и даже Малороссійскихъ губерніяхъ, Литовскаго Статута. До того въ Варшавскомъ герцогствѣ, изъ котораго и образовано было новорожденное Царство, дѣйствовалъ Наполеоновъ кодексъ. Вавржецкій ставилъ Статутъ выше этого кодекса. „О Статутъ Литовскій! (восклицалъ передъ нами Новосильцевъ, передразнивая Вавржецкаго), во всей Европѣ, во всемъ мірѣ нѣтъ закона лучше этого геніальнаго произведенія Льва Сапѣги“ Однакожъ оставленъ былъ кодексъ, и онъ, какъ извѣстно, большею частію дѣйствуетъ въ Царствѣ и до сихъ поръ.

Естественно, что въ бесѣдахъ Новосильцева весьма часто сходилъ разговоръ на производимое съ Пусловскимъ дѣло о раззореніи имъ, будтобы, Слонимской экономіи. Въ этихъ случаяхъ положеніе Броньскаго бывало затруднительно. Хотя онъ и былъ убѣжденъ, что навѣтъ Новосильцева и все дѣло, затѣянное его повѣренными, несправедливо и имѣетъ цѣлью лишь то, чтобы *сорвать* порядочный кушъ съ богатаго Пусловскаго; но онъ, какъ тонкій дипломатъ, не осмѣливался высказать прямо свое убѣжденіе, а съ другой стороны, въ моемъ присутствіи, не могъ и говорить противъ Пусловскаго, которому онъ, Броньскій, былъ много обязанъ и который имѣлъ также сильную протекцію въ Любецкомъ. Между этими Сциллою и Харибдою Броньскій, le rhum aidant [18]), лавировалъ довольно искусно.

О Любецкомъ, въ то время министрѣ финансовъ въ Царствѣ, Новосильцевъ говорилъ съ явною ненавистью, съ затаенною злобою, но довольно осторожно. Любецкій былъ сила; онъ прославился тѣмъ, что создалъ и въ короткое время поставилъ въ блестящее положеніе финансы Царства, развилъ торговую и фабричную промышленность до неожиданной никѣмъ степени, упрочилъ благосостояніе жителей введеніемъ поземельнаго кредитнаго общества и расширилъ до невѣроятныхъ размѣровъ полезныя для всей страны операціи Польскаго Банка. До того еще Любецкій отличился окончаніемъ, съ неожиданнымъ успѣхомъ и пользою, ликвидаціонныхъ расчетовъ Россіи съ Пруссіею и Австріею, по случаю Европейской войны 1813—1815 г. Онъ былъ лично извѣстенъ Государю и вполнѣ имъ оцѣняемъ. Новосильцеву удалось поссорить съ нимъ Великаго Князя, но и это не повело ни къ чему. Любецкій ни въ чемъ не уступилъ и остался цѣлъ и невредимъ, а своею твердостію и правотою создалъ

[17]) Литвинъ, наслѣдовавшій послѣ Косцюшки, въ послѣднія времена Польши, званіе диктатора (начальника народа).

[18]) Съ помощью рома.

себѣ такое положеніе, что Константинъ Павловичъ самъ сдѣлалъ первый шагъ для сближенія съ нимъ. Новосильцевъ побаивался его, при томъ зналъ, что вся провинція, гдѣ онъ находился, родина Любецкаго, стояла за послѣдняго.

Но всякій разъ, когда рѣчь доходила до Чарторижскаго, Новосильцевъ забывалъ свою дипломатію и не могъ удержать порывовъ обуревавшей его злобы. Лице его, вообще далеко не привлекательное, дѣлалось отвратительнымъ, по истинѣ страшнымъ. Косые глаза его искрились, ротъ искривлялся, синія губы тряслись, и изъ нихъ изливались потоки желчи. Новосильцевъ переставалъ быть человѣкомъ хорошаго общества, онъ унижалъ себя до непарламентарныхъ выраженій. Но это и были одни ругательства: онъ не могъ, или быть можетъ не хотѣлъ, сформулировать никакого положительнаго обвиненія противъ чести Чарторижскаго. Онъ только упрекалъ его въ неограниченномъ честолюбіи, въ неистовомъ Польскомъ патріотизмѣ [19].

Современникамъ было извѣстно и нѣкоторыми изъ нихъ записано, что Чарторижскій, когда былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и болѣе чѣмъ любимцемъ, *другомъ* Императора Александра 1-го, благопріятствовалъ карьерѣ Новосильцева. Они даже были товарищами по тому комитету, который составлялъ тайный совѣтъ Государя. Во всякомъ случаѣ еслибы къ Новосильцеву не благоволилъ Чарторижскій, то ему легко бы было устранить немилаго человѣка: онъ кого хотѣлъ выводилъ на сцену, или оставлялъ за кулисами [20]. Поэтому я не колеблюсь ненависть къ нему Новосильцева назвать неблагодарностью. Онъ не только расходился во взглядахъ съ своимъ большимъ, *старшимъ* товарищемъ, но всячески старался вредить ему, и этого нельзя отнести на счетъ высоко-развитаго въ немъ Русскаго патріотическаго антагонизма. У Новосильцева не было никакихъ убѣжденій; — одинъ колоссальный эгоизмъ. Надъ всѣми патріотизмами, какъ и надъ всѣми вѣрованіями, онъ всегда смѣялся. Это былъ вполнѣ Вольтеровскаго вѣка энциклопедистъ, съ немалою долею собственнаго цинизма.

Что же касается его неблагодарности къ Чарторижскому, то она даже не стоила того, чтобы изъ нея дѣлать особую студію; это вещь, до пошлости, обыкновенная. Кто пожилъ на свѣтѣ и наблюдалъ, тотъ знаетъ, что благодарность есть рѣдчайшее изъ человѣческихъ качествъ, и это естественно въ настоящемъ состояніи нашихъ обществъ. Въ составляющихъ ихъ единицахъ, по тѣмъ или по другимъ причинамъ, развился до всеобъемлющихъ размѣровъ элементъ гордости и себялюбія. Всѣ такъ себя настроили, что всякія удачи въ жизни приписываютъ однимъ себѣ, своимъ достоинствамъ, неудачи же сваливаютъ на другихъ. Въ такомъ настроеніи для благодарности не можетъ быть мѣста. Все добро, получаемое отъ другихъ, принимается какъ бы за дань, по праву слѣдующую. Признавать чьи либо благодѣянія было бы унижать себя, и потому понятно озлобленіе обязанныхъ противъ тѣхъ, кому они обязаны. Чрезвычайно рѣдкіе примѣры благодарности встрѣчаются лишь между лицами двухъ категорій: простодушныхъ, людей сердца, и людей на столько высшихъ, что у нихъ интеллигенція, выходя хотя и не отъ

---

[19]) Эта ненависть къ Чарторижскому въ глазахъ нашихъ дѣлаетъ честь Н. Н. Новосильцеву. Читатели наши припомнятъ переписку Чарторижскаго, напечатанную въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, и поймутъ, какъ долженъ былъ относиться къ нему человѣкъ видѣвшій близко его козни, стоявшій почти рядомъ съ нимъ подлѣ Трона и іезуитскими ухищреніями поставленный въ необходимость молчанія. *П. Б.*

[20]) Авторъ конечно ошибается. Если кому обязанъ былъ Новосильцевъ своимъ возвышеніемъ, то конечно другу государеву и своему родственнику, графу П. А. Строганову. Умозаключенія автора напоминаютъ похвальбу Густава III-го, который выставлялъ передъ Екатериною въ видѣ заслуги своей передъ нею то, что онъ не заключилъ союза съ Пугачевымъ. *П. Б.*

одной точки отправленія съ сердцемъ, но на извѣстной высотѣ, сходится съ его иррадіяціями: ибо, по нашему убѣжденію, любовь (которой органомъ, незнаю по чему, считаемъ сердце) и всѣ изъ любви вытекающія чувства, есть вмѣстѣ и врожденная стихія лучшихъ натуръ, и самая высшая степень, вѣнецъ интеллигенціи. Поэтому неудивительно, что люди безсердечные, или недостигшіе конечной высоты разума, неспособны къ благодарности. Что у Новосильцева не было сердца, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его жизнь; а что разуму его, хотя обширному, недоставало возвышенности, доказывается его циническимъ безвѣріемъ, котораго, въ своемъ провинціальномъ *неглиже*, онъ и не скрывалъ предъ нами. По всѣмъ этимъ премиссамъ, то, что за добро онъ платилъ злобою и ненавистью, было естественно и даже неминуемо.

Новосильцевъ тогда уже намекалъ, что Чарторижскій (въ то время еще попечитель Виленскаго учебнаго округа) развращаетъ политически учащуюся молодежь, особенно университетскую. Это, какъ послѣ оказалось, были только прелюдіи, только прологъ той грустной мелодрамы, которая въ слѣдующихъ за 1822 годахъ разыгралась съ Виленскими студентами. Но тогда, на conversazione у Броньскаго, никто въ этихъ намекахъ не могъ еще доискаться задней мысли и истинной ихъ цѣли. По этому я, какъ недавній Виленскій студентъ, считалъ моимъ долгомъ вступаться за свою „alma mater". Я говорилъ, что въ мое время ничего политическаго не было и въ мысли студентовъ, что Чарторижскій, одинъ разъ при мнѣ пріѣзжавшій въ Вильну, оставался короткое время, посѣщалъ лекціи, задавалъ намъ вопросы, и по видимому занимался одними науками. На это заявленіе сенаторъ отвѣчалъ двусмысленною улыбкою, значившею, что вы-де, г. кандидатъ философіи, или очень недальновидны, или очень хитры и прекрасно играете комедію.

Новосильцевъ, какъ уже сказано, слегка подшучивалъ надъ паническимъ страхомъ Государя на счетъ карбонаризма и вторженія его въ Россію. Онъ этимъ подавалъ видъ, какъ будтобы не раздѣляетъ этихъ опасеній; но быть можетъ, что по старой привычкѣ дипломата, онъ не высказывалъ своей на этотъ счетъ мысли. Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, что этотъ предметъ занимаетъ его болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ, чтобы это замѣчали. Нѣтъ невозможнаго, что чрезъ своихъ шпіоновъ, которыхъ всегда было при немъ по нѣскольку, онъ развѣдывалъ подъ рукою о настроеніи умовъ въ провинціи, а передо мною нарочно разыгрывалъ роль совершенно спокойнаго. Онъ зналъ о моихъ связяхъ съ молодымъ поколѣніемъ и чрезъ меня, быть можетъ, хотѣлъ увѣрить молодежь, что отъ него опасаться нечего, дабы этимъ, если что нибудь скрывается, вызвать усыпленныхъ на какой нибудь неосторожный поступокъ. Между тѣмъ, какъ видно, Новосильцевъ тогда уже замышлялъ воспользоваться преслѣдовавшимъ Государя (по его выраженію) кошмаромъ, для главной своей цѣли, окончательно погубить Чарторижскаго въ мнѣніи Монарха [21]).

Кстати о карбонаризмѣ. Извѣстно, что въ 1821 году наши войска посланы были въ помощь королю Неополитанскому въ борьбѣ его съ революціею Пепе; но они не дошли еще до мѣста, какъ въ данномъ королевскими войсками сраженіи революціонеры были разбиты на голову (они убитыми потеряли 60 человѣкъ) и всѣ разбѣжались; первый убѣжалъ самъ герой Пепе. Войска наши получили приказаніе возвратиться. Въ

[21]) Лучшимъ опроверженіемъ этихъ словъ служитъ вышеуказанная переписка Чарторижскаго съ Александромъ Павловичемъ, напечатанная нами нарочно безъ всякихъ пропусковъ. Изъ нея ясно видно, что не посторонніия вліянія, а переполненная мѣра терпѣнія и наглое іезуитство Чарторижскаго были виною того, что Государь, къ счастію Россіи и къ своему успокоенію, отбросилъ отъ себя прочь Польскаго змія. *П. Б.*

то самое время и Государь, возвращаясь съ конгресса въ Петербургъ, проѣзжалъ чрезъ Слонимъ. Надо сказать, что на городъ Слонимъ, чрезъ Нарву, Митаву, Ригу, Вильну, шелъ тогда самый главный трактъ, дорога изъ Петербурга въ западную Европу. Императоръ Александръ, такъ много въ то время путешествовавшій, часто проѣзжалъ чрезъ Слонимъ, но никогда тамъ не останавливался. По своему маршруту Государь ночевывалъ на второй станціи отъ города, въ Ружанѣ, мѣстечкѣ князя Сапѣги, у тамошняго приходскаго священника Бобровича, котораго очень любилъ; но разъ пріѣхавши засталъ его пьянымъ и съ тѣхъ поръ измѣнилъ маршрутъ и ночевывалъ уже на слѣдующей станціи, Межевичи (I).

Въ этотъ проѣздъ Александра Павловича, былъ въ Слонимѣ Новосильцевъ и встрѣтилъ Государя у почтовой станціи, гдѣ перепрягали лошадей. Тутъ же стояли предводитель Броньскій, городничій и я. Государь, выйдя на минуту изъ коляски, привѣтствовалъ Новосильцева и сказалъ: „Неаполитанцы скверный народъ, не хотѣли со мною драться.“ Новосильцевъ представилъ предводителя. „Ваша фамилія?“ спросилъ царь. „Броньскій“.—„Какъ, Броневскій?“—„Броньскій, Ваше Величество“. Этимъ разговоръ кончился, но эти Броньскій и Броневскій повторялись въ каждый проѣздъ Государя.

И еще, кстати о карбонаризмѣ, разскажу одинъ эпизодъ изъ пребыванія Новосильцева въ Слонимѣ, лично меня касающійся и доказывающій, что Новосильцевъ тогда уже имѣлъ секретную политическую миссію и что карбонаризмъ онъ трактовалъ не такъ легко, какъ хотѣлъ, чтобы это думали.

По моей должности секретаря предводительской канцеляріи, я имѣлъ очень много работы, такой работы, которой теперь и не существуетъ по этой части. Я имѣлъ одного помощника, и то мало способнаго. Мнѣ доставалось работать по цѣлымъ днямъ и часто по цѣлымъ ночамъ. Я уставалъ такъ, что принужденъ былъ каждую недѣлю, въ субботу вечеромъ, ѣздить для отдыха въ деревню, за 15 верстъ къ матушкѣ или за 3 версты къ дядѣ, возвращаясь на службу раннимъ утромъ въ понедѣльникъ. Я позволялъ себѣ это и въ большіе праздники; и наканунѣ лѣтняго торжественнаго праздника Бернардинскаго ордена, называемаго *Portiunculum*, я поѣхалъ къ матушкѣ.

Новосильцевъ былъ любитель нетолько вина и рома, но и прекраснаго пола. Въ пребываніе его въ Слонимѣ, правда, не было извѣстно, чтобы онъ имѣлъ что̀ называется „une maîtresse en titre“; онъ не бывалъ и въ домахъ, гдѣ бывали красивыя женщины, но все таки любилъ заглядывать подъ шляпки и не упускалъ случаевъ, гдѣ могъ, посмотрѣть на „хорошенькихъ“. Въ городѣ и уѣздѣ было ихъ немало, и все это должно было съѣхаться на „фестъ“ къ отцамъ Бернардинамъ въ церковь, въ центрѣ города. Новосильцевъ отправился туда и попалъ къ началу обѣдни. Въ церкви всѣ скамейки были заняты разряженными Слонимянками. Нашъ любитель изъщнаго пробрался сквозь толпу и сталъ между двухъ рядовъ скамеекъ. Насладившись въ волю лицезрѣніемъ красавицъ, онъ уже поворотился было къ выходу, когда, какъ на бѣду, въ серединѣ обѣдни, послѣ „Credo“, изъ за алтаря вышелъ какой-то пріѣзжій огромнаго роста Бернардинъ, въ нарядѣ проповѣдника и обратилъ его вниманіе. Монахъ направился къ амвону, и сенатору вздумалось послушать его проповѣдь.

Проповѣдникъ говорилъ о просвѣщеніи и, судя по разсказу Новосильцева, рѣчь его была очень либеральна. Въ ней были мѣста, обратившія особенное вниманіе сановитаго слушателя, будущаго попечителя учебнаго округа. Монахъ между прочемъ сказалъ, что тьма есть орудіе неволи, налагающей оковы на дражайшій даръ Божій, человѣческую свободу, и что одно лишь полное

просвѣщеніе можетъ сокрушить эти оковы и возвратить свободу человѣку, на которую онъ, по своему качеству сына Божія, искупленнаго Іисусомъ Христомъ, имѣетъ неотъемлемое право.

Прямо изъ церкви сенаторъ зашелъ къ Броньскому и засталъ у него гостей, нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ. Тутъ при всѣхъ сказалъ онъ съ своимъ Вольтеровскимъ риктусомъ: „Поздравляю васъ, г. предводитель, я не ожидалъ найти въ вашемъ уѣздѣ такой прогрессъ. Если ваши Бернардины [22]) такъ развиты, какъ тотъ, котораго проповѣдь я сейчасъ слышалъ, то на какой степени цивилизаціи должны стоять болѣе образованные классы?“ За тѣмъ онъ по своему разсказалъ сущность проповѣди, и вѣроятно въ его вольномъ переводѣ, при недостаточномъ знаніи Польскаго языка, рѣчь бѣднаго священника приняла другое значеніе: то, чтò онъ разумѣлъ о духовной и нравственной свободѣ и о религіозномъ просвѣщеніи, было перетолковано въ житейскій и политическій смыслъ.

Какъ бы то ни было, по всему было видно, что проповѣдь Бернардина глуко подѣйствовала на сенатора. Предводитель, Броньскій, по обыкновенію, отдѣлывался двусмысленными шуточками; но въ числѣ его гостей былъ одинъ, который, заискивая въ расположеніи Новосильцева и имѣя еще другую цѣль, пустился въ разглагольствованія объ опасномъ направленіи духа времени, о предосудительномъ образѣ мыслей молодежи и т. п. Сенаторъ недолго оставался у Броньскаго, а въ слѣдъ за нимъ пошелъ и этотъ господинъ, помѣщикъ и даже мой сосѣдъ по деревнямъ. Онъ прямо отправился къ Новосильцеву и сказалъ ему. „Вы, г. сенаторъ, очень справедливо обратили вниманіе на сегодняшнюю проповѣдь. Но знайте, что бѣдные Бернардины тутъ ни при чемъ; самъ проповѣдникъ, быть можетъ, и не понималъ того, чтò говорилъ. У насъ, въ нашемъ и въ нѣсколькихъ смежныхъ уѣздахъ, есть цѣлое агенство карбонаровъ, распространяющее всѣми средствами и всѣми путями революціонный духъ. Главные дѣятели: молодой П. (тутъ онъ назвалъ меня) и его дядя Б. Я имѣю даже нѣкоторыя данныя, по корымъ увѣренъ, что проповѣдь написалъ П., а самъ нарочно уѣхалъ, чтобы не быть въ церкви, когда она говорилась. Онъ уже не разъ дѣлалъ подобныя штуки; въ такомъ же духѣ пописывалъ онъ въ Виленскихъ журналахъ“ и т. п. Новосильцевъ поблагодарилъ доносчика, но подалъ видъ, какъ будто не совсѣмъ повѣрилъ сказанному имъ и прибавилъ, что знаетъ меня лично.

Однако въ этотъ же день секретарь Новосильцева Гомзинъ (единственный честный человѣкъ изъ его свиты) отправился къ предводителю и объявилъ ему *офиціально*, что сенаторъ поручилъ ему пересмотрѣть мои бумаги, но такъ чтобы ни я, и никто въ городѣ объ этомъ не узналъ. Выславши подъ разными предлогами моего помощника и всю прислугу, Гомзинъ съ предводителемъ, не мало испуганнымъ, отправились на поиски въ канцелярію, гдѣ была и моя квартира. Въ шкапу съ моими частными бумагами замокъ былъ поврежденъ, и всякій разъ, уѣзжая изъ города, я запечатывалъ дверцы бумажкою съ двумя облатками. Съ большою осторожностью перебрали не только мои частныя бумаги, но и всѣ дѣла, по листамъ и, разумѣется, не нашли ничего. Но для меня это было *не ничего*: они прочитали мою интимную переписку съ одною молодою дѣвушкою. Послѣ того Гомзинъ не разъ подшучивалъ надо мною по случаю моихъ сердечныхъ дѣлъ, и я терялся въ догадкахъ, какъ они ему стали извѣстны, когда мы ихъ такъ хорошо скрывали. Къ счастію, тетрадку съ бѣглыми записками о Новосильцевѣ я взялъ съ со-

---

[22]) Бернардины, орденъ ниществующій (mendicans) живущій однимъ подаяніемъ, считался менѣе образованнымъ, чѣмъ другіе монашескіе ордены, имѣвшіе поземельную собственность и капиталы.

бою въ деревню, для дополненія послѣднимъ разговоромъ у Броньскаго.

Гомзинъ отрапортовалъ о результатѣ *перлюстраціи* и прибавилъ отъ себя благопріятный обо мнѣ отзывъ. Мы часто встрѣчались съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ онъ ухаживамъ за хозяйкой, и онъ засвидѣтельствовалъ предъ сенаторомъ, что я былъ похвальнаго образа мыслей и отъявленный противникъ всякихъ революціонныхъ помысловъ, что̀ впрочемъ и была правда.

Возвратившись въ понедѣльникъ въ городъ, я нашелъ мой шкапъ по прежнему запечатаннымъ, а печатей не осматривалъ. Всѣ бумаги были на мѣстѣ. Только когда потребовались дѣла, то я замѣтилъ въ нихъ нѣкоторый безпорядокъ, но и это не возбудило во мнѣ подозрѣнія, такъ какъ въ шкапъ съ дѣлами ходилъ мой помощникъ. И такъ я ничего не зналъ изо всего, что̀ безъ меня происходило. Только чрезъ 26 лѣтъ послѣ этого случая разсказалъ мнѣ его тесть того чиновника, который дѣлалъ обыскъ, сенаторъ А. П. Дмитріевъ. Николай Николаевичъ продолжалъ быть по прежнему любезнымъ со мною. Предводитель же ничего мнѣ не сказалъ, потому что, какъ я послѣ узналъ, Новосильцевъ, не имѣвшій еще тогда никакого офиціальнаго характера въ тамошнемъ краѣ, формально требовалъ тайны.

Но каковъ тотъ прекрасный господинъ, который затѣялъ всю эту кутерьму съ цѣлью ложнымъ доносомъ погубить молодаго человѣка въ самомъ началѣ поприща? И что его побудило къ такому гнусному поступку? А вотъ что: онъ зналъ, что на приближавшихся дворянскихъ выборахъ я буду принадлежать къ противной ему партіи, я же располагалъ десятью голосами единомышленниковъ; а ему хотѣлось быть выбраннымъ въ одну изъ губернскихъ должностей. Онъ себѣ вообразилъ, что ему повѣрятъ на слово, а меня, еще во̀время для осуществленія его плановъ, сошлютъ куда нибудь. Разсчетъ былъ довольно правдоподобный; онъ почти навѣрно полагалъ, что сдѣлаютъ обыскъ и найдутъ что нибудь недоброе, хоть бы какіе нибудь стишки, ходившіе тогда по рукамъ; а тогда съ Великимъ Княземъ не шутили! Кто никогда не участвовалъ въ выборахъ, тотъ не пойметъ этого поступка, не можетъ составить себѣ понятія, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходятъ затаенныя провинціальныя озлобленія между враждующими партіями. По возвращеніи изъ Университета, я разъ уже голосовалъ въ своемъ уѣздѣ, и съ тѣхъ поръ дрязги мелкихъ интригъ и всякихъ сплетней, кишѣвшихъ между дворянами, за долго еще до срока, омерзительныя заискиванія кандидатовъ, наконецъ обстановка процесса вполнѣ разочаровали меня на счетъ самаго выборнаго начала, особенно когда я убѣдился, что, именно вслѣдствіе такихъ интригъ, результатъ никогда почти не соотвѣтствуетъ убѣжденію и желанію большинства. Съ тѣхъ поръ навсегда опротивили мнѣ и потеряли разумное значеніе всякіе выборы, начиная съ засѣдателей бывшаго нижняго земскаго суда и до императора Французовъ.

Возвратимся къ бесѣдамъ Новосильцева за пончомъ у Броньскаго. Послѣдній спрашивалъ, какъ это случилось, что при образованіи Царства Чарторижскій не былъ назначенъ намѣстникомъ? Всѣ знали о дружбѣ его съ Государемъ, и никто не сомнѣвался въ этомъ назначеніи. „Дружба, дружба! (отвѣчалъ съ своимъ риктусомъ Новосильцевъ) „tempi passati, cher maréchal, les jours se suivent et ne se ressemblent pas“ [23]). Тутъ онъ сталъ говорить, что Чарторижскій самъ повредилъ себѣ излишнею самоувѣренностію; Государь *узналъ*, что онъ заранѣе дѣлаетъ приготовленія къ занятію этого поста, что даже раздаетъ своимъ приближеннымъ

---

[23]) Времена прошедшія, любезный предводитель. Дни слѣдуютъ одинъ за другимъ, и не походятъ одинъ на другой.

мѣста и титулы, и т. п. При томъ Императору *не безъизвѣстны были* дѣйствія по учебному округу, гдѣ по вдохновенію попечителя заботились не столько о наукахъ, сколько о сохраненіи въ молодежи le feu sacré de l'ultrapolonisme“ [24]). Великій Князь также терпѣть не могъ Чарторижскаго. Да и было бы не согласно съ здравою политикою имѣть въ Царствѣ намѣстникомъ потомка такого рода, который въ прежнія времена не разъ посягалъ на Польскій престолъ. Потомокъ этотъ не преминулъ бы усвоить себѣ пріемы и разыгрывать роль царственной особы, въ ожиданіи того, когда показалось бы ему, что наступила пора провозгласить себя королемъ“.

Во всемъ этомъ, какъ всякій видитъ, насквозь просвѣчивали интрига самогоже Новосильцева и его наговоры Императору и Великому Князю [25]). Чарторижскій, удалившійся отъ двора и не бывъ ни въ чемъ открыто обвиняемъ, не могъ ни защищаться, ни оправдываться. Назначенъ былъ, какъ извѣстно, намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ Заіончекъ, старый, изувѣченный (безъ ноги) Польско-французскій генералъ, происходящій изъ мелкой шляхты, больше чѣмъ на половину офранцуженный, женатый даже на Француженкѣ, впрочемъ человѣкъ смирный и не дальнаго ума, однимъ словомъ, такой, какого нужно было Новосильцеву, для исполненія безпрекословно всѣхъ его внушеній. Прочіе министры, кромѣ Любецкаго, были подобраны подъ стать Заіонченку.

Новосильцевъ вообще не одобрялъ конституціонныхъ формъ правленія, пожалованныхъ Императоромъ новому царству, а въ особенности свободы печати. Сейму, какъ извѣстно, не было предоставлено парламентской иниціятивы, то есть, что никто изъ депутатовъ отдѣльно, и сеймъ въ полномъ составѣ, или его большинство, не имѣли права предлагать проекты. Всѣ проекты исходили отъ правительства, и сеймъ могъ только разбирать и дебатировать ихъ, и въ самыхъ основаніяхъ, и отдѣльно по статьямъ, принимать или отвергать ихъ. Новосильцевъ говорилъ, что рѣчь была о томъ, чтобы Польскому парламенту предоставить и законодательную иниціятиву. Этого сильно домогались вліятельные Поляки: Нѣмцевичъ, Ваврженкій, Выбицкій, Ходкевичъ и др.; но Государь послушался болѣе здравыхъ совѣтовъ, основанныхъ на знаніи исторіи и народнаго характера Поляковъ. По мнѣнію Новосильцева, и того, что̀ имъ было дано, слишкомъ много; они съумѣютъ злоупотребить и этимъ. „Государю хотѣлось сдѣлать *experimentum in anima vili* [26]), но этотъ опытъ не удался. Симптомы этого теперь уже являются“.

Къ сожалѣнію, предсказанія эти скоро начали сбываться. Въ Варшавѣ стали печатать такія вещи, что необходимо было ввести цензуру. Сеймъ въ своей стороны отличался въ томъ же духѣ. Подъ предводительствомъ братьевъ Немоіовскихъ и другихъ, составилась безразсудная оппозиція, со временемъ увлекшая за собою и большинство сейма. Всѣ проекты правительства отвергались. Въ дискуссіи по одному изъ нихъ (объ ограниченіи разводовъ между супругами) Винцентій Немоіовскій позволилъ себѣ личную, весьма неумѣстную, выходку противу Государя. Всего хуже то, что въ этомъ мало было искренняго убѣжденія, все дѣлалось для эффекта, изъ безразсуднаго тщеславія. А въ этой погонѣ за эффектомъ много виноватъ былъ прекрасный полъ. Подобные Немоіовскому энергумены въ салонахъ высшаго Варшавскаго свѣта принима-

---

[24]) Священный огонь крайней польщизны.

[25]) Мы признаемся въ нашей недальнозоркости и считаемъ эти слова бездоказательными. Ближайшее знакомство съ біографіею Александра Павловича показываетъ, напротивъ, что именно въ это время Новосильцевъ уже не былъ другомъ Государя и едва ли имѣлъ случаи для частныхъ собесѣдованій съ нимъ. *П. Б.*

[26]) Опытъ на живомъ тѣлѣ.

лись, какъ какіе нибудь герои. На засѣданія палатъ допускалась публика, и большинство ея составляла женская аристократія. Всякая оппозиціонная выходка вызывала громкіе знаки одобренія и чѣмъ рѣзче была эта выходка, чѣмъ язвительнѣе насмѣшка надъ правительствомъ, тѣмъ громче дамы кричали *браво*, тѣмъ усерднѣе махали платками. Нужно было положить этому конецъ, и въ одномъ изъ 1820-хъ годовъ изданъ былъ высочайшій указъ о недопущеніи публики на засѣданія.

Такъ мало по малу ограничивались свободы, дарованныя хартіею 1815 года. Поляки называли это нарушеніемъ конституціи и, въ послѣдствіи, этимъ оправдывали возстаніе 17 Ноября 1830 года, не сознавая, что всему этому виноваты были сами. Не правительство первое, а они первые нарушили конституцію, злоупотребляя предоставленными имъ свободами. Стѣснительныя мѣры вызваны были необходимостію прекратить скандалъ и, по всей справедливости, если можно было упрекнуть въ чемъ нибудь правительство, то развѣ въ излишнемъ долготерпѣніи, такъ какъ дурной примѣръ извращалъ все болѣе и болѣе бурный народный характеръ и настраивалъ на тотъ же діапазонъ умы въ западномъ и югозападномъ краѣ.

Изъ сказаннаго можно заключить, что пребываніе Новосильцева въ такомъ городкѣ, какъ Слонимъ, продолжавшееся иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, могло имѣть административно-политическую цѣль. Но можно также думать, что Слонимъ былъ его Капуа, куда онъ удалялся изъ Варшавы, дабы, за глазами Великаго Князя, свободно предаваться своей преобладающей страсти. Ямайскіе вечера у Броньскаго были только какъ бы прелюдіи къ систематическимъ попойкамъ, которыя онъ, по всѣмъ правиламъ искусства, устроивалъ нерѣдко у себя и которыя продолжались по нѣскольку сутокъ. Для этого онъ избиралъ себѣ изъ мѣстныхъ жителей уѣзда, безъ разбора чиновъ и общественнаго положенія, кого нибудь одного такого, о которомъ шла хорошая Вакхическая слава. Однимъ изъ наслажденій Новосильцова было *перепивать* такого силача. Когда таковый былъ найденъ, то всѣ дѣла откладывались, гостепріимный сановникъ запирался съ товарищемъ герметически, и тутъ выступало изъ береговъ разливное море всякихъ винъ, ромовъ, араковъ, коньяковъ. Всѣ тогда въ городѣ знали „que le roi s'amuse“ [27]; никто не смѣлъ безпокоить его никакими дѣлами, свита расходилась и разъѣзжалась во всѣ стороны дня на три, на четыре.

Такимъ образомъ Новосильцевъ запоилъ буквально до смерти помѣщика Павла Шумовича, слывшаго за самую крѣпкую голову. Но послѣ него онъ напалъ таки на своего. Это былъ приходскій священникъ мѣстечка Молчади, ксендзъ Родзевичъ. Онъ постоянно, во всѣхъ подобныхъ состязаніяхъ, перепивалъ Новосильцева и, когда тотъ лежалъ уже безъ чувствъ, достойный пастырь являлся въ городѣ у знакомыхъ бодрымъ и почти трезвымъ. Самъ сенаторъ смиренно признавалъ его своимъ побѣдителемъ.

Почти тоже самое случалось съ княземъ Францискомъ Сапѣгою, когда тотъ изъ своего Деречина пріѣзжалъ погостить у Новосильцева. Сапѣга, какъ и сенаторъ, долго жилъ въ Англіи и тамъ вытренировался въ благородномъ искусствѣ хорошо пить. За обѣдомъ пились только вина, любимыя Англичанами; непосредственно же послѣ кофея хозяинъ и гость помѣщались за столикомъ, на которомъ являлся одинъ огромный графинъ рома, другой воды и сосудъ съ мелкимъ сахаромъ. Но послѣдній былъ предназначенъ не для князя, который всегда пилъ Cold-without [28]). Тутъ шла оживленная бесѣда, оба были люди умные, остроумные, въ полномъ смыслѣ космополиты, безъ всякихъ предразсуд-

27) Что король увеселяется.
28) Холодный грогъ безъ сахару.

ковъ, какъ истые представители энциклопедистскаго вѣка, и оба много видали въ жизни. Не мудрено, что дуэтъ продолжался до поздняго вечера и что графинъ съ ромомъ имѣлъ еще своего преемника. Но всегда оканчивалось тѣмъ, что Сапѣга, уложивши своего „собутыльника“, приходилъ прямо отъ него къ Броньскому и разсказывалъ о своей побѣдѣ (II).

Всякій разъ, когда Сапѣга гостилъ у Новосильцева, они оба заходили къ Броньскому; тогда бесѣда еще болѣе оживлялась. Сапѣга былъ неистощимъ въ разсказахъ и остротахъ. Онъ безпощадно смѣялся надъ учрежденіемъ Царства Польскаго. „Эта игрушка, эта идиллія поэтическаго воображенія Александра (говорилъ онъ) дорого будетъ стоить Россія“. Особенно онъ осмѣивалъ добродушіе, съ которымъ Царству дарована была собственная, почти 40 тысячная армія. На одной изъ такихъ бесѣдъ былъ и начальникъ Литовской уланской дивизіи генералъ Влодекъ (III). При немъ и указывая на него, Сапѣга обратился къ Новосильцеву и сказалъ: „Вотъ еще образчикъ вашей глубокой политики. Мало того, что составили Польскую армію, еще одинъ цѣлый корпусъ назвали *Литовскимъ*, и одѣли его въ мундиры національныхъ Польскихъ цвѣтовъ: синій съ малиновымъ, синій съ желтымъ и т. д. Вамъ вѣрно хотѣлось, чтобы и Литовцы не забывали о своей уніи, о своей солидарности съ Поляками. Не удивляйтесь же послѣ того ничему, что̀ случится, а случится непремѣнно“. Тутъ Новосильцевъ и Влодекъ старались, хотя и слабо, протестовать, но неугомонный Сапѣга, обратясь къ послѣднему, сказалъ: „Помилуйте, генералъ, хотя вы и не принадлежите къ составу Польской арміи, но вы съ вашей дивизіей такое же Польское войско, какъ и то, которое въ Варшавѣ. Вы сами здѣшній уроженецъ и помѣщикъ. Кромѣ четырехъ-пяти Русскихъ, всѣ ваши офицеры и солдаты Поляки или Литовцы; изъ Русскаго языка въ вашей дивизіи остались только слова команды; во всей дивизіи не говорятъ иначе, какъ попольски; вы сами внѣ службы этимъ языкомъ разговариваете съ офицерами. Въ ихъ кругу говорить порусски считается дурнымъ тономъ“. Влодекъ опустилъ голову, отвѣчать было нечего; а Броньскій вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что надобно надѣяться, что Поляки наконецъ образумятся и останутся довольны и благодарны за то что̀ для нихъ сдѣлано.

Въ Маѣ 1822 г. случилось такъ, что дядѣ моему Б., человѣку очень достаточному, угрожало лишеніе всего состоянія, по дѣлу, производившемуся тогда въ Петербургѣ въ государственномъ контролѣ. Дѣло это было съ его стороны какъ нельзя болѣе правое, но по особымъ обстоятельствамъ принимало уже очень неблагопріятный оборотъ. Я разскажу, быть можетъ, особо очень замѣчательныя подробности этого дѣла и болѣе еще замѣчательное оригинальное обстоятельство, по которому я его выигралъ.

Петербургъ для всей Литвы былъ тогда terra incognita. Никто изъ насъ не имѣлъ тамъ никого знакомаго. Во всемъ кругѣ нашихъ мѣстныхъ отношеній я одинъ, по моей должности, обязанъ былъ знать и зналъ немного порусски, словомъ, я одинъ могъ въ этомъ случаѣ помочь дядѣ. Медлить нельзя было; наконецъ матушка приказала мнѣ исполнить просьбу дяди. Въ Іюнѣ тогожъ года я взялъ отставку и собрался ѣхать.

Естественно я рѣшился просить Новосильцева дать мнѣ наставленіе и рекомендательныя письма. Онъ былъ въ этомъ случаѣ очень любезенъ; сказалъ, что лучшая рекомендація была бы къ государственному контролеру, барону Кампенгаузену, но онъ съ нимъ почти незнакомъ. Онъ далъ мнѣ два письма, одно къ управлявшему тогда Придворною Конторою Альбедилю, а другое къ извѣстному въ свое время дѣльцу, сенатскому оберъ-секретарю, а въ то время оберъ-контролеру одного изъ департаментовъ контроля, Метлану. Не нуж-

но, кажется, прибавлять, что письмо къ первому чину Двора не послужило ни къ чему, и что только второе оказало дѣйствительную пользу. У меня былъ еще въ резервѣ членъ Государственнаго Совѣта, почтенный Василій Сергѣевичъ Ланской. Я не нуждался къ нему ни въ какой рекомендаціи: это былъ большой другъ покойнаго моего отца, также какъ и Пусловскаго и Любецкаго. Онъ подружился съ ними въ то время, когда былъ Гродненскимъ губернаторомъ.

При прощаніи, Новосильцевъ спросилъ меня, поѣду ли я на Вильну и когда я отвѣчалъ утвердительно и что долженъ пробыть тамъ нѣсколько дней, сенаторъ сказалъ, что и онъ на дняхъ поѣдетъ въ Вильну, гдѣ будетъ въ первый разъ; поэтому просилъ указать гостинницу, гдѣ бы ему остановиться. Собственно того, что̀ называется гостинница, въ Вильнѣ тогда почти не было, но можно было нанимать въ частныхъ домахъ меблированныя квартиры. Я указалъ на домъ аптекаря Велька на Нѣмецкой улицѣ.

На третій день послѣ этого, я отправился въ дорогу и доѣхалъ благополучно до послѣдней предъ Вильною станціи, Едлины. Но тамъ смотритель объявилъ мнѣ, что лошадей не дастъ, потому что каждый часъ ожидаютъ проѣзда Великаго Князя Константина Павловича въ Вильну. Напрасно я его увѣрялъ, что видѣлся съ Новосильцевымъ, что и рѣчи не было о путешествіи Великаго Князя. Смотритель былъ непреклоненъ. Я долженъ былъ цѣлый день просидѣть и ночевать на станціи. Это пребываніе осталось у меня въ памяти, потому что, для развлеченія въ моей тоскѣ, смотритель далъ мнѣ книгу „Тысяча и одна ночь“ въ плохомъ Польскомъ переводѣ, и я впервыя познакомился съ этимъ классическимъ сочиненіемъ, прочитавъ весь первый томъ.

На слѣдующее утро я искренно обрадованъ былъ прибытіемъ на станцію Новосильцева, ѣхавшаго со свитою въ Вильну. Я предчувствовалъ, что онъ меня освободитъ изъ заточенія. Que faites vous ici? [1]) воскликнулъ сенаторъ, увидѣвши меня. Я ему разсказалъ причину моей остановки; онъ засмѣялся и сказалъ: c'est un malentendu [2]). Позвали смотрителя, оробѣвшаго, когда онъ увидѣлъ, что я знакомъ съ сенаторомъ. Новосильцевъ велѣлъ дать мнѣ лошадей и сказалъ, что Великій Князь вовсе не поѣдетъ. Въ Вильнѣ я былъ у Новосильцева; онъ благодарилъ меня за указанную квартиру, которою былъ очень доволенъ, хвалилъ городъ и окрестности. Тогда было вакантное время Университета, студентовъ было мало, провинція вся разъѣхалась, оставались одни городскіе. Я провелъ нѣсколько дней съ этими товарищами, знакомыми и родными. Только что вышли изъ печати два томика перваго изданія стиховъ Мицкевича; самого его не было, онъ былъ уже въ Ковнѣ учителемъ Польской словесности въ тамошней гимназіи. Я пораженъ былъ геніальностію этого молодаго, скромнаго человѣка, съ которымъ въ Университетѣ сидѣлъ на одной скамейкѣ, но не былъ близко знакомъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ завязалась у меня съ Мицкевичемъ тѣсная дружба, когда онъ жилъ въ Петербургѣ. (См. главу III-ю, Воспоминанія о Мицкевичѣ).

Я уже собрался было въ дальнѣйшій путь и, запасшись еще нѣсколькими письмами Виленскихъ жителей къ Петербургскимъ знакомымъ, долженъ былъ ѣхать на другой день. Была прекрасная погода, и къ тому еще какой-то праздникъ. Всѣ Вильняне были на улицахъ и площадяхъ. Пообѣдавши съ тремя бывшими товарищами, мы отправились гулять въ ботаническій садъ; надобно было пройти всю Большую и Замко́вую улицу. Идемъ, разговариваемъ, встрѣчаемъ много знакомыхъ. Только вдругъ, вижу я издалека ярко алѣющую намъ на встрѣчу, хорошо знакомую физіономію. Съ конца Замко́вой улицы идетъ мой сенаторъ зигзагами, спотыкаясь на важ-

[1]) Что вы здѣсь дѣлаете?
[2]) Это недоразумѣніе.

домъ шагу, останавливаясь и оглядываясь на всѣ стороны. Онъ былъ во фракѣ съ звѣздами, въ бѣломъ галстукѣ; на немъ альмавива, распахнутая и влачащаяся по землѣ. Въ маломъ городѣ всякая новая фигура обращаетъ вниманіе, но эта обратила бы его и въ большомъ. Въ Вильнѣ никто еще не зналъ Новосильцева. Съ большимъ безпокойствомъ вижу я, какъ прохожіе разсматриваютъ его и отходятъ съ усмѣшкою. Наконецъ и мои товарищи увидѣли его и показываютъ мнѣ. Одинъ говоритъ: „Посмотри, пожалуста, что это за чучело?“ Въ эту минуту я хотѣлъ бы провалиться сквозь землю. Я норовилъ своротить въ сторону, но боковой улицы не было, а товарищи не пустили перейти чрезъ улицу. Вдругъ сенаторъ увидѣлъ и узналъ меня. Онъ остановилъ нашу группу и говоритъ мнѣ пофранцузски: „Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ, m-r Р.; я обѣдалъ у Корсакова (военнаго губернатора) и вообразите, выйдя отъ него, заблудился, да еще забылъ улицу и домъ, гдѣ живу. Будьте такъ добры, доведите меня“. Тутъ безъ церемоніи беретъ меня подъ руку. Я извинился предъ товарищами и поплелся съ моимъ сановникомъ обратно на Нѣмецкую улицу. Простившись съ нимъ въ Слонимѣ, могъ ли я думать, что мнѣ придется еще разъ въ жизни оказать ему такую же услугу, какую я тамъ столько разъ оказывалъ! Здѣсь же на бѣду и Петручка не было. Можно себѣ представить мое положеніе въ такой компаніи, въ городѣ, гдѣ меня всѣ знали, а его никто, и гдѣ на каждыхъ двадцати шагахъ попадались знакомые. Отведя домой моего дорогаго пупилля, я оттуда отправился въ ботаническій садъ, гдѣ засталъ еще товарищей и объяснилъ имъ все. Когда они отъ души смѣялись, я имъ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы тотъ, надъ которымъ теперь смѣетесь, не заставилъ васъ плакать“. Предсказанія мои, къ сожалѣнію, сбылись; въ числѣ этихъ молодыхъ людей было двое, которые года чрезъ полтора были отданы въ солдаты.

Этимъ впрочемъ окончились мои личныя отношенія къ Новосильцеву. Я уѣхалъ въ Петербургъ, тамъ кончилъ благополучно дѣло дяди, вступилъ вновь въ службу, въ которой потомъ оставался болѣе сорока лѣтъ, женился и пробылъ въ столицѣ сѣвера 40 лѣтъ почти безвыѣздно. На родинѣ я былъ разъ, въ исходѣ 1824 года, когда ѣздилъ въ отпускъ на два мѣсяца; въ другой разъ, въ 1851 г., возвращаясь изъ Варшавы, я пробылъ у покойной матушки десять дней. Въ первый разъ я видѣлъ Новосильцева только мелькомъ, на его балѣ, а во вторую мою поѣздку его уже не было въ живыхъ. Въ Петербургѣ, когда онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, мнѣ, по правдѣ сказать, совѣстно было являться у него въ качествѣ стараго знакомаго, такъ какъ съ этимъ знакомствомъ связаны были воспоминанія, которыя не могли быть пріятны первому сановнику Имперіи. Я разъ только былъ у него, и къ счастію, не заставъ дома, записался, онъ же меня къ себѣ не позвалъ. Изрѣдка встрѣчалъ я его въ свѣтѣ, на вечерахъ и балахъ; онъ всегда узнавалъ меня и былъ очень любезенъ, но я держалъ себя въ почтительномъ отдаленіи, подобавшемъ неизмѣримой безднѣ, отдѣляющей коллежскаго ассесора, столоначальника одного изъ министерствъ, отъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Онъ замѣчалъ это, и мое поведеніе, видимо, ему нравилось.

И такъ, дальнѣйшія мои сказанія о Новосильцевѣ будутъ уже основаны не на личныхъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, но на не менѣе достовѣрныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ подлинныхъ дѣлъ и дошедшихъ до меня положительныхъ свѣдѣній.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ возникло предчувствуемое мною еще въ Слонимѣ дѣло о студентахъ Виленскаго университета и нѣкоторыхъ гимназій тамошняго округа. Ректоромъ тогда былъ помѣщикъ Пинскаго уѣзда, старый докторъ философіи тогожъ уни-

верситета Твардовскій. Министромъ народнаго просвѣщенія, послѣ князя Голицына, былъ уже Шишковъ. Я зналъ хорошо и его, и его жену (объ этомъ въ своемъ мѣстѣ), и директора департамента, прекраснаго Дмитрія Ивановича Языкова, и начальника отдѣленія, въ вѣдѣніи котораго состоялъ Виленскій университетъ, Балемана, и агента попечителя, князя Чарторижскаго, Ипполита Блотницкаго. Хотя Виленское дѣло немало меня интересовало, но я чрезъ всѣхъ этихъ лицъ ничего положительнаго о немъ не могъ узнать, потому что и они ничего, или почти ничего, не знали. Министерство было устранено отъ всякаго вліянія на то, что дѣлалось въ Вильнѣ; Чарторыскій вышелъ въ отставку, попечителемъ назначенъ Новосильцевъ, и самъ онъ, съ назначенною имъ особою коммиссіею, производилъ слѣдствіе. Въ коммисіи главную роль игралъ Виленскій губернскій прокуроръ Ботвинко; рапорты посылались отъ Новосильцева прямо къ Государю, министерству же сообщали только къ свѣдѣнію о перемѣнахъ въ личномъ составѣ Университета, которыя дѣлались уполномоченнымъ для этого Новосильцевымъ. Такимъ же образомъ произносились и исполнялись приговоры о признанныхъ виновными. Всѣ однакожъ фазисы дѣла были частнымъ образомъ извѣстны въ Петербургѣ.

Въ Университетѣ, въ слѣдующемъ по моемъ выбытіи году ($18\ ^{17}/_{18}$) развился духъ большаго усердія къ наукамъ; нѣкоторые изъ студентовъ читали товарищамъ лекціи годигетики (науки слушанія съ пользою курсовъ). За этимъ или въ связи съ этимъ, главнѣйше по иниціативѣ Ѳомы Зана, лучшими изъ студентовъ признана необходимость строгой нравственности, трезвости, чистоты нравовъ. Единомышленники въ этомъ дали себѣ взаимно соотвѣтствующія обѣщанія и составили общество, принявшее названіе Променистыхъ (лучистыхъ, лучезарныхъ, прозводимое отъ названія въ физикѣ невѣсомыхъ веществъ свѣта, теплорода, електричества, магнетизма). Променистые учились отлично, вели себя, какъ траписты, пили одну воду, а вмѣсто студенческихъ оргій ходили за городъ въ мѣстность, называемую Рыбишки, любимую ботаниками, потому что въ ней сосредоточивается почти вся Литовская флора, и тамъ пили молоко и упражнялись въ гимнастическихъ играхъ. При встрѣчѣ съ распутною женщиною или съ разгульнымъ молодымъ человѣкомъ, они затыкали себѣ носъ. То, что́ я говорю объ ихъ цѣломудріи, до того справедливо, что я зналъ десятки такихъ Променистыхъ, которые до женидьбы не знали что́ такое женщина.

Общество это при ректорѣ Малевскомъ (1819—1820) не только не запрещалось, но было поощряемо, такъ какъ оно дѣйствительно очень хорошо вліяло на нравственность и успѣхи студентовъ въ наукахъ. Изъ 700—800 всѣхъ ихъ, Променистыхъ было около одной трети. Въ послѣдствіи изъ Променистыхъ составилось общество, какъ бы высшая степень, подъ названіемъ ***Филаретовъ***, а изъ среды послѣднихъ десять человѣкъ, или болѣе избранныхъ, приняли названіе ***Филоматовъ***. Променистые и Филареты были общества открытыя, Филоматы же составляли какъ бы верховный совѣтъ, управлявшій низшими степенями. Я все это говорю только по слухамъ и на основаніи того, что́, по показанію слѣдственной коммиссіи, было ею обнаружено. Эти послѣдніе фазисы студенческихъ сходокъ пришлись какъ разъ въ эпоху разгорѣвшагося въ Италіи карбонаризма, а въ Германіи тугенбундовъ, и это послужило поводомъ къ принятію строгихъ мѣръ въ Вильнѣ. Новосильцевъ съ жадностію воспользовался случаемъ, чтобы найти что нибудь къ обвиненію Чарторижскаго и къ тому постоянно направлялъ все производство слѣдствія *).

*) Намъ кажется, что каковы бы ни были личныя отношенія Новосильцева къ Чарторижскому, но въ этомъ случаѣ не могъ же Новосильцевъ дѣйствовать иначе, какъ про-

Мы не имѣли въ рукахъ документовъ и, при всей извѣстности намъ непохвальныхъ сторонъ характера главнаго дѣятеля, не беремся судить, на сколько справедливы слышанныя въ то время жалобы на пристрастіе и даже на жестокость слѣдователей. Чувство справедливости заставляетъ насъ признать, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, въ современномъ настроеніи Европейскихъ обществъ, правительство имѣло полное основаніе строго доискиваться духа и цѣли составлявшихся между Польскою молодежью обществъ. Но съ другой стороны достовѣрно и то, что самые тщательные розыски не открыли между Виленскими студентами противуправительственнаго заговора. Это доказывается самыми приговорами надъ подсудимыми. Главныя личности изъ Филаретовъ и Филоматовъ, Занъ, Чечотъ, Сузинъ, Мицкевичъ, Малевскій, Ежовскій, Будревичъ, Кулаковскій и др. подверглись только предупредительнымъ, административнымъ мѣрамъ. Они были разосланы на службу по разнымъ губерніямъ, въ томъ числѣ Мицкевичъ и Малевскій на службу въ Петербургъ; изъ нихъ кандидаты къ учительскому званію опредѣлены въ учительскія должности по разнымъ губернскимъ гимназіямъ. (IV). Виленскій университетъ былъ закрытъ и потомъ преобразованъ въ Медицинскую Академію. Было нѣсколько (почти все гимназистовъ) осужденныхъ въ солдаты, но все таки не за участіе въ какомъ либо заговорѣ, а за частныя ультра-патріотическія выходки, или за оскорбленіе письменно Императорскаго Величества.

Сами осужденные, сколько съ ними доводилось говорить, не обвиняли Новосильцева въ жестокости, а только въ чрезвычайной апатіи и бездѣйствіи. Увидѣвъ, что не удается ничего добиться противъ Чарторижскаго, онъ сталъ относиться къ дѣлу апатично и утверждалъ безразлично все, что дѣлала коммиссія. Впрочемъ ему тогда было не до того.

тивъ Чарторижскаго, коего вредное для Россіи управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ было уже очевидно. *П. Б.*

Въ Вильнѣ, съ давнихъ временъ, проживалъ послѣдній любимецъ Императрицы Екатерины II, свѣтлѣйшій князь Зубовъ. Это былъ большой оригиналъ. Не смотря на колоссальное состояніе, онъ не имѣлъ собственнаго *у себя*, жилъ всегда *на хлѣбахъ* въ чужомъ домѣ: прежде у графа Беннигсена, когда тотъ былъ Виленскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ послѣднее время у такого же военнаго губернатора, Римскаго-Корсакова. Онъ не былъ женатъ, но имѣлъ отъ разныхъ матерей пять или шесть человѣкъ дѣтей и обезпечилъ ихъ, положивъ въ банкъ на имя каждаго по милліону рублей ассигнаціями. На старости лѣтъ, когда ему было уже за 60, онъ влюбился въ дѣвицу В***, необыкновенной красоты, и женился на ней. Проживъ съ нею недолго и приживъ дочь, онъ умеръ, оставилъ вдовѣ громадное состояніе. Свѣтлѣйшая красавица проживала въ Вильнѣ въ самое то время, когда Новосильцевъ производилъ тамъ пресловутое свое слѣдствіе.

Философы, наблюдатели человѣческихъ дѣлъ, давно уже замѣтили, что волны моря житейскаго такъ перемѣшаны, что въ ихъ разливѣ на данное количество грустныхъ, трагическихъ и даже ужасныхъ, всегда приходится извѣстный процентъ комическихъ, и послѣднія являются неожиданно, въ самый разгаръ бури. Какъ бы въ подтвержденіе этого замѣчанія, грустная драма студенческаго дѣла внезапно оживилась такимъ веселымъ элементомъ, а доставилъ его тотъ самый, который и дѣло это затѣялъ.

Новосильцевъ влюбился въ княгиню такъ пламенно и безсмысленно, какъ лучше бы не сдѣлалъ ни одинъ изъ преслѣдуемыхъ имъ гимназистовъ, „un vrai amour de lycéen“ *), какъ говоритъ Бальзакъ. Съ этой минуты онъ почти уже не занимался дѣломъ и нашелся вполнѣ

*) Настоящая любовь лицеиста.

подъ туфлею коммиссіи: она дѣлала, что хотѣла.

Пріидетъ же такая блажь на стараго умнаго человѣка! Да и какъ ему было не сознавать, что онъ ни въ какомъ отношеніи княгинѣ не пара. Наружность его не только не имѣла ничего привлекательнаго, а напротивъ въ ней было что-то отталкивающее. Ему было за 50 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, болѣе чѣмъ плотный и при томъ неуклюжій, во рту одни остатки зубовъ, волосы на половину сѣдые. Лицо круглое, всегда красное, съ явнымъ отпечаткомъ его всѣмъ извѣстнаго порока: черты лица грубыя, носъ напоминающій своею формою картофель, глаза сѣрые косые, бѣгающіе на всѣ стороны. Общее выраженіе физіономіи очень непріятное, коварное, и притомъ въ немъ видѣлась смѣсь Бахуса съ Сатиромъ. Онъ не принадлежалъ къ аристократіи по рожденію, а состоянія, кромѣ жалованной аренды, не имѣлъ никакого.

Эта его любовная страсть, запоздалый цвѣтокъ глубокой осени жизни, была для жителей Вильны неисчерпаемымъ источникомъ смѣха. Чтобы прельстить молодую вдову и плѣнить ея сердце, Новосильцевъ, забывая свои лѣта и положеніе, пускался въ неимовѣрныя эксцентричности и на нихъ тратилъ большія деньги. Журналъ его ухаживаній за княгинею занялъ бы немало страницъ. Каждый день были новые праздники, сюрпризы, пикники, кавалькады, обѣды, балы и т. д. Въ гимнастической части этихъ увеселелій Новосильцевъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сдѣлался и лихимъ наѣздникомъ, и отчаяннымъ танцоромъ. Вообразите себѣ Бахуса съ сѣдыми волосами, какъ онъ трясся на лошади, или кружился въ танцѣ. Въ честь княгини онъ возобновилъ давно забытый менуэтъ и воображалъ себѣ, что танцуетъ его превосходно. Видя эти упражненія, не выдержалъ бы и самъ Гераклитъ; не удивительно, что вся Вильна безъ умолку хохотала, и что эхо этого хохота отзывалось въ Петербургѣ и Варшавѣ.

Поведеніе княгини въ этомъ случаѣ было какъ нельзя болѣе тонко и дипломатично. Повидимому, все это ее забавляло: но сомнительно, чтобы сѣдому Ловласу она подавала какія либо надежды.

Казалось, что Новосильцеву мало было Виленскаго горизонта; ему какъ бы захотѣлось позабавить на свой счетъ и свою столицу, Слонимъ. Вотъ какъ это было.

Княгиня куда-то проѣзжала черезъ Слонимъ. Новосильцевъ поспѣшилъ туда встрѣтить ее и вздумалъ дать въ честь ея большой балъ. Созвано было все лучшее общество уѣздовъ Слонимскаго и сосѣднихъ: Новогрудскаго и Волковыскаго. Я тогда, въ Январѣ 1825 года, находился въ отпуску у матушки. Балъ этотъ остался въ памяти у меня всего болѣе по слѣдующему курьёзу. Званнымъ гостямъ объявлено было, что мужчины должны быть въ башмакахъ. Исторія молчитъ о томъ, самъ ли сенаторъ „собственнымъ умомъ" до этого додумался или кто нибудь изъ его приближенныхъ подалъ ему эту свѣтлую мысль, только дѣло въ томъ, что такая программа застала приглашенныхъ въ расплохъ. Естественно, что въ уѣздныхъ городкахъ и безъ того въ мужскихъ башмакахъ чувствуется немалый недостатокъ; а для заказа новыхъ и для посылки въ Вильну не было уже времени. Стали прибѣгать къ хитростямъ: многія пары сапоговъ, съ помощію ножа, преобразованы были въ нѣчто болѣе похожее на туфли, чѣмъ на башмаки. Мущинъ на балѣ было до ста человѣкъ, а настоящихъ башмаковъ не было и десяти паръ; остальныя всѣ — явная и очень неискусная поддѣлка. Мнѣ, къ счастію, пришлись по ногамъ башмаки моей старушки-тетушки; я пришилъ къ нимъ какія-то пряжки, и вышло очень хорошо. Но никогда не забуду того комическаго эффекта, который представляло глазамъ множество мужскихъ ногъ,

обутыхъ такъ фантастически. Между парами этихъ ногъ наиболѣе выдающаяся была та, которою обладалъ упомянутый князь Г***, поступившій уже въ штатъ сенатора. Онъ, недолго думавши, явился на балъ въ галошахъ, а чтобы онѣ держались на ногахъ, намоталъ себѣ вѣрно на ноги множество тряпокъ или надѣлъ множество паръ чулокъ. Можно себѣ представить, какъ пластично выглядывали его ноги изъ подъ узенькихъ панталонъ: настоящій экземпляръ рѣдкой болѣзни элефантіазисъ. Къ довершенію комизма, нашъ князь, съ свойственнымъ ему апломбомъ, танцовалъ безъ устали. Виновница торжества не могла не замѣтить іовіальной его стороны; улыбка часто являлась на ея устахъ.

Сенаторъ танцовалъ мало; онъ все занятъ былъ княгинею, которая прошлась только съ нимъ въ польскомъ и въ одномъ кадрилѣ и потомъ объявила, что у нея болитъ голова.

Въ концѣ концовъ, всѣ эти усиленныя старанія маститаго Селадона, по видимому, немного подвигали его сердечные интересы. Онъ однакожъ не терялъ надежды и наконецъ формально предложилъ свѣтлѣйшей красавицѣ свою руку и сердце. Мы не знаемъ, какъ это было принято; достовѣрно то, что Новосильцевъ и послѣ продолжалъ свою кандидатуру, и мечта оставила его только тогда, когда княгиня вышла вторично за мужъ не за него. Но покончимъ съ комизмомъ. Пора перейти къ серьезнымъ чертамъ, дополняющимъ характеристику историческаго лица въ томъ второмъ періодѣ его жизни, въ которомъ я его зналъ и о которомъ такъ для него невыгодно отзываются современники.

Во время кончины Императора Александра I, я состоялъ на службѣ въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и въ томъ I-мъ его отдѣленіи, чрезъ которое, до разсылки по департаментамъ, переходили всѣ поступающія въ министерство бумаги. Это позволяло чиновникамъ 1-го отдѣленія знать движеніе дѣлъ по всему министерству. Впрочемъ дѣло, о которомъ я намѣренъ говорить, какъ заключающее общую мѣру, и производилось именно въ томъ же отдѣленіи.

До того времени, какъ извѣстно, Евреи не несли рекрутской повинности натурою, а за то платили двойную подушную подать, которой значительная недоимка постоянно числилась на нихъ. Императоръ Николай, вскорѣ послѣ своего воцаренія, объявилъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ непремѣнно желаетъ, чтобы съ Евреевъ набираемы были рекруты натурою, наравнѣ съ другими сословіями, подлежащими этой повинности и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сравнить ихъ съ тѣми же сословіями и въ платежѣ подушной подати. Такъ какъ часть Имперіи, въ которой исключительно позволено было жить Евреямъ, находилась подъ главнымъ начальствомъ Константина Павловича: то, не смотря на твердую волю Государя ввести эту мѣру немедленно, высшія государственныя приличія требовали, чтобы объ этомъ, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ *), предварительно сообщено было Его Императорскому Высочеству на его заключеніе. Въ такомъ смыслѣ отправленъ былъ отзывъ министра къ Великому Князю. Вскорѣ отъ него полученъ отвѣтъ, что дѣло это онъ поручилъ сенатору Новосильцеву, по ближайшей извѣстности ему быта жителей и вообще обстоятельствъ, касающихся западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерній и что соображенія сенатора по этому предмету онъ, Великій Князь, не преминетъ сообщить министру для довода Его Величеству.

Государь не дѣлалъ изъ этого тайны: всѣ знали и разсуждали о предстоящей рекрутчинѣ Евреевъ. Послѣдніе давно уже знали о томъ, что для нихъ готовится и имѣли въ Петербургѣ своихъ агентовъ для того, чтобы ударъ отвратить, или покрайней мѣрѣ отстрочить

*) Отрѣченіе Константина Павловича отъ престола и данной уже ему присяги.

*ad kalendas Graecas....**) Они вѣроятно успѣли бы въ этомъ, какъ успѣвали во многихъ другихъ своихъ дѣлахъ, еслибъ это не была мысль самаго Государя и непреклонная его воля.

Евреямъ очень не хотѣлось давать рекрутъ по разнымъ причинамъ. По врожденной трусости, они имѣютъ отвращеніе отъ военной службы; во всякомъ случаѣ принадлежать къ войску не собственно Израильскому противилось ихъ убѣжденіямъ; наконецъ они предвидѣли, что для набора рекрутъ произведена будетъ строгая поголовная повѣрка ихъ населенія, а это тоже противно ихъ религіозному предразсудку: никому не должно быть съ точностію извѣстно ихъ число. Объ этомъ предразсудкѣ всякій можетъ удостовѣриться, если въ собраніи Жидовъ станетъ ихъ по одному считать: они всѣ тотчасъ разбѣгутся. До того, они, благодаря широко въ то время развитому взяточничеству чиновниковъ, успѣвали скрывать численность своего населенія (можно безъ преувеличенія сказать) на половину, такъ что и двойная подушная подать не была въ сущности двойною, особенно когда недоимка съ нихъ по тѣмъ же причинамъ никогда не взыскивалась исправно.

Въ это самое время довольно часто приходилъ ко мнѣ одинъ Еврейскій сановникъ, раввинъ изъ Гродненской губерніи, Мордухъ Лейсбовичъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ кого-то изъ тамошнихъ. Это былъ человѣкъ довольно образованный, а главное, по своему, ученый. Я тогда много занимался изученіемъ Еврейской кабалы, въ которой Мордухъ былъ довольно свѣдущъ. Я пригласилъ его бывать у меня, и мы часто бесѣдовали съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ о предметахъ, касающихся этой тайной науки и религіи вообще. Онъ мнѣ былъ очень полезенъ въ моихъ изысканіяхъ, для разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ. Такъ началось между нами сближеніе и со стороны Мордуха откровенность. Онъ даже мечталъ кажется, что переспоритъ меня и обратитъ въ свою вѣру; и я, чтобы побольше отъ него вывѣдать, оставлялъ его въ этой мечтѣ.

Такъ какъ военная повинность съ Евреевъ была предметомъ общихъ толковъ, то мы часто объ ней говорили. Мордухъ былъ большой антагонистъ этой мѣры, называлъ ее несправедливою, крайне притѣснительною и былъ увѣренъ, что она вовсе не осуществится, или не скоро будетъ приведена въ дѣйство, а тѣмъ временемъ, говорилъ онъ, обстоятельства могутъ совсѣмъ измѣниться. По мнѣнію его, если бы кто хорошо объяснилъ Государю всю суть дѣла, то онъ вѣрно отказался бы отъ своей мысли.

Я конечно не говорилъ, что̀ дѣлается въ министерствѣ; но видно было, что Мордухъ былъ однимъ изъ Петербургскихъ агентовъ и безъ меня зналъ все, но былъ на столько деликатенъ, что не искушалъ меня. Когда я подшучивалъ надъ нимъ, говоря, что одинъ изъ его сыновей будетъ солдатомъ, то Мордухъ всегда съ таинственною миною отвѣчалъ: „ну, абацымъ“ (увидимъ).

Между тѣмъ проходили недѣли, прошло ихъ шесть, а пресловутыя „соображенія“ Новосильцева о Еврейскомъ вопросѣ, обѣщанныя Великимъ Княземъ, не присылались. Государь нетерпѣливо при каждомъ докладѣ спрашивалъ объ этомъ министра и велѣлъ сдѣлать повтореніе. Великій Князь отвѣчалъ, что сенаторъ собираетъ необходимыя данныя на мѣстѣ. Прошло еще около трехъ недѣль, и наконецъ въ одно прекрасное утро Государь велѣлъ министру, недожидаясь болѣе, заготовить къ подписанію Его Величества указъ Сенату о сравненіи Евреевъ по рекрутской повинности съ другими отправляющими ее сословіями, и мѣру эту привести въ дѣйствіе при первомъ общемъ наборѣ.

На другой день послѣ того, какъ былъ посланъ указъ, пришелъ ко мнѣ раввинъ. Я нарочно завелъ разговоръ

---
*) Въ долгій ящикъ.

о рекрутствѣ Евреевъ и увидѣлъ, что онъ ничего не знаетъ. Онъ опять съ усмѣшкою сказалъ свое вѣчное „абацымъ". Такъ какъ уже не было повода для дальнѣйшаго храненія пресловутой *канцелярской тайны*, то я сказалъ Мордуху, что дѣло кончено. Я не полагалъ, что это произведетъ такое впечатлѣніе на моего старозаконнаго гостя. Это было нѣчто ужасное: онъ весь задрожалъ, глаза его закатились, онъ почти упалъ въ обморокъ. Ему подали воды. Припадокъ разрѣшился жалобными воплями и рыданіемъ. Вслѣдъ за этимъ произошла въ немъ внезапная перемѣна: онъ всталъ, лицо его страшно искривилось. Онъ сталъ большими шагами ходить по комнатѣ и кого-то ругать, какъ говорятъ „на чемъ свѣтъ стоитъ". Я далъ ему успокоиться и спросилъ:

—Кого вы такъ честите, ребе Мордухъ?

—Какъ кого? Ну, этого..... (опять ругательства).

—Кого же наконецъ?

—Ну, вашего прекраснаго сенатора.

—За что, чѣмъ же онъ виноватъ?

—Какъ за что, за наши 20000 червонциковъ, ай, вай! Обманулъ, ободралъ, погубилъ..... Обѣщалъ, что ничего не будетъ..... Мы раввины наложили на всѣхъ Зыдковъ неборацковъ постъ подъ херимомъ на двѣ недѣли *), собрали и представили 20000..... и все полновѣсные, необрѣзанные, ни одного кульфона (обрѣзанный червонецъ).... ай, вай, гвалтъ, разбой.... хоть бы деньги назадъ отдалъ и т. д.

За достовѣрность факта пусть предъ потомствомъ отвѣчаетъ самъ Мордухъ; но историческая точность обязываетъ меня засвидѣтельствовать, что сцена была имъ разыграна въ порывѣ гнѣва какъ нельзя болѣе естественно и съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Онъ вѣроятно лгалъ, но въ этомъ случаѣ игрой своей онъ превзошелъ всѣхъ извѣстныхъ лицедѣевъ: Тальма, Гаррикъ, Кембль ему по колѣна.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ того, какъ отъ Сената были разосланы указы о наборѣ съ Евреевъ всѣмъ губернскимъ начальствамъ, въ томъ числѣ и Великому Князю, какъ главнокомандующему въ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ министерствѣ отъ Его Высочества полученъ отзывъ, съ приложеніемъ записки сенатора Новосильцева. Великій Князь писалъ, что въ то самое время, какъ онъ получилъ заключеніе сенатора по порученному ему дѣлу, пришелъ указъ Сената съ изображеніемъ Высочайшей воли. Ему оставалось уже только въ точности исполнить священную эту волю, и онъ сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе, но тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ препроводить записку сенатора для свѣдѣнія и соображенія.

Записка эта, довольно пространная, начиналась полнымъ одобреніемъ предполагаемой мѣры и разсужденіемъ о ея полезности. Вслѣдъ же за этимъ шли разные *но однакожъ, не смотря на то, тѣмъ не менѣе* и другія и подобныя оговорки съ выводами, составляющими болѣе чѣмъ противувѣсъ главному положенію. Былъ намекъ на всегдашнюю преданность Евреевъ Россійскому правительству, на оказанныя ими услуги, на неполитичность въ настоящихъ Европейскихъ обстоятельствахъ мѣры, долженствующей глубоко оскорбить болѣе милліона такого хитраго и мстительнаго народа, какъ Евреи и т. п. Заключеніе вытекало уже само собою, именно, что не пришло еще время для осуществленія мѣры, что введенію ея должны бы предшествовать разныя распоряженія, необходимыя для приготовленія Евреевъ къ такому коренному перевороту и т. д. Это былъ замѣчательный для меня, молодаго столоначальника, драгоцѣнный образчикъ ад-

*) Такимъ простымъ средствомъ Еврейскіе старшины собираютъ суммы, нужныя для подкупа по народнымъ дѣламъ. Евреи въ это время живутъ однимъ хлѣбомъ, а все, чего бы имъ стоило обыкновенное пропитаніе, вносятъ въ казну экстреннаго сбора.

министраціонной перипатетики. Сенаторъ не пожалѣлъ въ немъ всякихъ уловокъ своей привычной дипломатіи; словомъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ въ своемъ трудномъ положеніи. Ожесточеніе противъ него моего пріятеля Мордуха было несправедливо.

Теперь одинъ еще и послѣдній эпизодъ, округляющій характеристику моего героя.

Къ владѣемой Новосильцевымъ Слонимской экономіи принадлежало огромное количество лѣса. Онъ состоялъ въ одной межѣ; большая часть положена была по рѣкѣ Щарѣ. Съ одной стороны онъ примыкалъ къ сплошнымъ лѣсамъ, простирающимся до Бѣловѣжской Пущи, извѣстной родины зубровъ; съ другой онъ граничилъ съ лѣсами помѣстій, составлявшихъ нѣкогда графство Деревенское, въ томъ числѣ и съ нашими. Я хорошо зналъ большую часть этого казеннаго лѣса, не разъ въ немъ охотился и чаще далеко заходилъ въ него въ моихъ ботаническихъ поискахъ за рѣдкими растеніями, которыхъ не находилъ въ своихъ дачахъ. Этотъ казенный лѣсъ былъ въ полномъ смыслѣ великолѣпный и очень цѣнный по изобилію деревъ, составляющихъ то, что въ торговлѣ называется „товарнымъ лѣсомъ". Казнѣ цѣнность эта была хорошо извѣстна. Въ высочайшемъ пожалованіи Новосильцеву 12 лѣтней аренды было именно оговорено (какъ и при прежнемъ владѣніи Пусловскаго), что арендный владѣлецъ можетъ пользоваться только дровянымъ лѣсомъ, а строевымъ неиначе, какъ съ разрѣшенія Казенной Палаты, подъ наблюденіемъ мѣстнаго лѣснаго начальства и въ количествѣ исчисленномъ съ точностію для необходимыхъ построекъ въ деревняхъ и фермахъ экономіи; выдѣлка же товарнаго лѣса воспрещалась арендному владѣльцу безусловно. Пока я оставался въ тамошнемъ краѣ, запрещеніе это, сколько мнѣ извѣстно, сохранялось ненарушимо, покрайней мѣрѣ о противномъ ничего не было слышно.

Когда Новосильцевъ занималъ уже въ Петербургѣ высокій постъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, случилось, что начальникъ жандармской части въ западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, генералъ-маіоръ Дребушъ проѣзжалъ чрезъ Слонимъ въ началѣ весны, когда еще рѣки не совсѣмъ очистились отъ льда. На берегахъ рѣки Щары и Огинскаго канала лежало приготовленное для сплава за границу такое громадное количество товарнаго лѣса, что это поразило жандармскаго генерала. Онъ полюбопытствовалъ знать, чей это лѣсъ, и Жидки по секрету разсказали, что это лѣсъ изъ казенныхъ дачъ Слонимской экономіи и прибавили, что временный владѣлецъ ея не имѣетъ права выдѣлывать товарные брусья и бревна. Генералъ Дребушъ донесъ объ этомъ кому слѣдуетъ. Произведено было подъ рукою дознаніе, и оказалось, что подобная операція производится уже не въ первый разъ.

Мнѣ съ точностію неизвѣстно, какой оборотъ приняло это дѣло; говорили въ то время, что спрошенный Новосильцевъ отозвался незнаніемъ и сказалъ, что если что нибудь подобное было, то это дѣлалось безъ его вѣдома, главнымъ его повѣреннымъ Кукольникомъ.

Слышно было также, что спрошенный объ этомъ повѣренный представилъ подлинныя письма и квитанціи, изъ которыхъ было видно, что все дѣлалось съ вѣдома владѣльца и за лѣсъ получались имъ деньги. Все это я записываю только какъ общественную молву. Но достовѣрно то, что покуда Новосильцевъ жилъ, дѣло оставалось въ бездѣйствіи. По его же смерти оно сдѣлалось гласнымъ, когда тогдашній министръ имуществъ графъ Киселевъ далъ дѣлу ходъ и, по собраннымъ даннымъ, потребовалъ громаднаго вознагражденія казны за убытки. Вопросъ доходилъ до Государственнаго Совѣта, и тамъ послѣдовалъ тотъ замѣчательный случай, о которомъ въ свое время говорилъ весь

Петербургъ. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Всѣмъ была извѣстна непримиримая вражда, существовавшая между покойнымъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, тогда уже членомъ Совѣта. Никто не сомнѣвался, что послѣдній воспользуется случаемъ, чтобы хотя на памяти покойнаго выместить свою злобу. Всѣ думали, что графъ Киселевъ найдетъ въ князѣ сильную поддержку своего иска. Такое было общее убѣжденіе, когда, по выслушаніи доклада и устныхъ дополненій, со стороны министра имуществъ, князь Любецкій всталъ съ своего мѣста. Но каково же было общее удивленіе и разочарованіе, когда вмѣсто того, чтобы услышать подробности усиливающія обвиненія по ближайшей извѣстности князю мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ попросилъ позволенія сдѣлать министру нѣкоторые вопросы? Въ слѣдствіе этого между ними завязался слѣдующій діалогъ.

Князь Любецкій. Покойный, какъ изъ дѣла видно, отговаривался тѣмъ, что рубка казеннаго лѣса дѣлалась безъ его вѣдома, по распоряженію его повѣреннаго.

Графъ Киселевъ. Допустимъ, что это такъ; но и по смыслу законовъ, и по самому существу вещей, довѣритель отвѣчаетъ за дѣйствія своего повѣреннаго и за убытки, причиненные этими дѣйствіями третьей сторонѣ; слѣдовательно казна должна получить вознагражденіе изъ оставшагося послѣ графа Новосильцева имущества.

Князь. Ваше сіятельство настаиваете-ли на сформулированномъ вами общемъ положеніи?

Графъ. Конечно настаиваю.

Князь. И я самъ и, думаю, всѣ здѣсь согласны съ вами. Но изъ этого же положенія вытекаетъ, что если имѣніе графа Новосильцева, какъ довѣрителя г. Кукольника, должно отвѣчать за сдѣланныя послѣднимъ порубки: то и казна, какъ довѣрительница мѣстныхъ лѣсныхъ чиновниковъ, должна отвѣчать за допущеніе этихъ порубокъ. По этому вознагражденіе казны должно упадать на обѣ заинтересованныя стороны; и равно какъ наслѣдникамъ покойнаго предоставляется искать съ г на Кукольника причиненныхъ этимъ вознагражденіемъ убытковъ, точно такъ и казна имѣетъ право взыскать тѣ же убытки съ своихъ повѣренныхъ, своихъ чиновниковъ.

Сказавши это, князь сѣлъ среди знаковъ общаго удивленія отъ такого неожиданнаго исхода. Графъ Киселевъ не нашелъ ничего сказать въ опроверженіе.

Въ это засѣданіе дѣло рѣшено не было, и оно кажется кончилось ничѣмъ, и мнѣ неизвѣстно, воспользовался ли министръ имуществъ совѣтомъ князя Любецкаго касательно лѣсныхъ чиновниковъ. Впрочемъ, и то, и другое для насъ несущественно; намъ нужно было только описать этотъ послѣдній эпизодъ изъ жизни Николая Николаевича для полноты характеристики этой знаменитой личности.

Николай Николаевичъ имѣлъ на своей гербовой печати девизъ: „Honeste et publice“.

Ципринусъ.

Таково изображеніе Русскаго государственнаго человѣка, сдѣланное наблюдателемъ, передавшимъ можетъ быть и точно отдѣльныя черты, какія были доступны его наблюденію, но уже слишкомъ односторонне. Читатели припомнятъ мастерскіе разсказы о Новосильцевѣ другаго наблюдателя, тоже къ нему вовсе не расположеннаго. Неизвѣстный авторъ „Старой Записной Книжки“ (въ XIX Вѣкѣ кн. 2-я) вовсе не скрываетъ недостатковъ Новосильцева, но и не подыскиваетъ однихъ темныхъ сторонъ его личности и дѣятельности. У него были несомнѣнно стороны свѣтлыя, во вниманіе къ которымъ приближалъ его къ себѣ Александръ Павловичь и которыя дали ему первенствующее мѣсто при Николаѣ Павловичѣ. Мы усерднѣйше просимъ лицъ свѣдущихъ познакомить читателей Русскаго Архива съ этими свѣтлыми, г-номъ Ципринусомъ почти умолчанными, качествами Н. Н. Новосильцева.

Подлинныя бумаги о тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго

края при князѣ Чарторижскомъ, извлеченныя С. В. Шолковичемъ изъ архивнаго забвенія (благодаря содѣйствію П. Н. Батюшкова), доказываютъ несомнѣнно, что всѣ эти Филареты, Филоматы и т. п. имѣли положительно-вредные политическіе замыслы, и если можно въ чемъ упрекать Новосильцева, то развѣ въ излишней снисходительности. Онъ, и именно онъ, призывалъ милость царскую на Польскую молодежь (См. Памятники новой Русской Исторіи, изд. В. Кашпирева, II, 167—170). *П. Б.*

Примѣчанія.

(1) Исторія этого несчастнаго въ психологическомъ отношеніи замѣчательна; она близко подходитъ къ извѣстному фантастическому роману Люиса *Монахъ* (the Monk by Lewis) и однажды еще доказываетъ, что вымыселъ, хотя бы самый неправдоподобный, часто сходится съ дѣйствительностью. Ксендзъ Бобровичь началъ свое духовное поприще очень молодымъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ образцомъ скромности, святости и всѣхъ пастырскихъ добродѣтелей. Но не демонъ гордости, какъ Люисова монаха, искусилъ его. И въ этомъ случаѣ съ нимъ оправдалась въ тысячный разъ поговорка Видока: когда онъ былъ начальникомъ Парижской сыскной полиціи, всякій разъ, какъ ему доносили о новомъ происшествіи или случившемся несчастіи, онъ своимъ агентамъ говорилъ: Cherchez la femme (Ищите женщину).

Молодой настоятель Ружанскаго прихода былъ замѣчательно красивъ. Молодыя и немолодыя прихожанки заглядывались на него и просто влюблялись, когда онъ, по воскресеньямъ, говорилъ съ амвона проповѣдь съ истиннымъ талантомъ и прекрасною декламаціею. Одна изъ живущихъ въ самомъ городкѣ Ружанѣ дѣвица, не первой уже молодости, но очень красивая, Юлія К***, на исповѣди призналась ему, что влюблена въ него до безумія. Испуганный этимъ признаніемъ священникъ бросился бѣжать изъ конфессіонала, не удѣливъ кающейся отпущенія грѣховъ, заперся у себя, сказавшись больнымъ и показался не ранѣе, какъ въ слѣдующее воскресенье. Какую въ это время внутреннюю борьбу онъ выдержалъ, извѣстно одному Богу; только послѣдствія показали, что не побѣдителемъ вышелъ онъ изъ нея. Онъ сталъ посѣщать домъ Юліи, принимать ее у себя, и вскорѣ почти открыто завязался между ними романъ съ тѣми же послѣдствіями и возмутительными перипетіями, которыя такъ ярко обрисованы въ произведеніи Люиса. Года чрезъ два или болѣе, Юлія К. умерла отъ одной изъ этихъ перипетій. Любовникъ ея, отъ мученій совѣсти, впалъ почти въ помѣшательство и предался отчаянному пьянству. Онъ часто цѣлые дни и ночи проводилъ въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ его видѣли валяющимся по землѣ, вырывающимъ себѣ волосы, царапающимъ лицо. Онъ издавалъ нечеловѣческіе вопли, безсознательно крича: Юлія, Юлія! Ты погубила меня!

Съ нимъ случались и свѣтлые промежутки. Государь, ничего объ этой исторіи не знавшій, въ каждый свой проѣздъ останавливался у Бобровича на ночь, любилъ его за его умъ и красивую наружность, милостиво съ нимъ разговаривалъ и дѣлалъ дорогоцѣнные подарки. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока разъ, Государь, какъ уже сказано, не увидѣлъ его пьянымъ. Александръ Павловичъ имѣлъ къ пьянымъ непреодолимое отвращеніе.

Кстати объ этомъ отвращеніи, приведемъ здѣсь разсказанный намъ анекдотъ о томъ, какъ счастливо удалось Новосильцеву ускользнуть отъ его послѣдствій. Это было въ Варшавѣ, во время коронаціи Императора Александра 1-го какъ царя Польскаго. Одинъ Англійскій лордъ, прибывшій на это торжество, старый знакомый и „собутыльникъ“ Новосильцева, зазвалъ его къ себѣ обѣдать вдоемъ. Оба угостились до положенія ризъ. Новосильцевъ, оставивъ his lordship на столѣ или подъ столомъ, кое-какъ добрался до экипажа; но, пріѣхавъ домой, при выходѣ изъ кареты, былъ встрѣченъ фельдъегеремъ, за нимъ пріѣхавшимъ:

Государь требовалъ Новосильцева къ себѣ въ туже минуту. Дѣлать было нечего; надо опять садиться въ карету и ѣхать во дворецъ. Это былъ для Новосильцева ужасный моментъ. Но вотъ счастіе: въ передней встрѣчаетъ его царскій каммердинеръ съ тѣмъ, что Государь проситъ обождать, что Его Величество занятъ съ Австрійскимъ посломъ. Новосильцевъ попросилъ показать ему диванъ, чтобы немного отдохнуть. Онъ заснулъ съ четверть часа и всталъ совершенно *презентабельнымъ*; позвавъ его къ себѣ, Государь ничего не замѣтилъ.

(II) Князь Франц. Сапѣга генералъ отъ артиллеріи бывшей Польской Рѣчи Посполитой, переименованный изъ этого чина въ Россійскіе тайные совѣтники, былъ во многомъ подъ стать Новосильцеву. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи и усвоилъ себѣ пріемы тамошнихъ аристократовъ до того, что все родное въ немъ изгладилось. Въ молодости онъ много путешествовалъ, даже посѣтилъ Америку, что́ между тогдашними Литовскими помѣщиками составляло единственный примѣръ. Онъ довольно молодымъ женился на Пелагіи Потоцкой, извѣстной красавицѣ. Имѣлъ съ нею дочь Ангелику, вышедшую замужъ за князя Адама Чарторижскаго (того самаго, о которомъ говорится выше) и сына Евстафія, присоединившагося уже по смерти отца къ Польскому мятежу 1830 года.

Князь Францискъ, замѣтивъ въ своей женѣ симпатію къ одному дальнему родственнику его, князю Павлу Сапѣгѣ, самъ, какъ истый философъ, предложилъ ей развестись и выйти замужъ за того, кто ей былъ болѣе по сердцу. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ разводы между Польскими фамиліями, особенно высшихъ классовъ, были очень часты, и тогдашнее духовенство, проникнутое господствовавшимъ духомъ Французскаго энциклопедизма, не только не старалось препятствовать, но еще всячески содѣйствовало этому злоупотребленію, обратившемуся почти въ моду. Княгиня Пелагія развелась съ Францискомъ, вышла за Павла, и первый мужъ до того благопріятствовалъ этой новой комбинаціи, что преемнику своему, не имѣвшему никакого состоянія, подарилъ одно значительное изъ своихъ имѣній, Высокое-Литовское.

Чтобы дать понятіе о красотѣ Пелагіи (вдвойнѣ княгини Сапѣга), приведу здѣсь интересный въ психологическомъ отношеніи случай, имѣвшій мѣсто еще во время моего пребыванія въ Слонимскомъ уѣздѣ. Въ мѣстечкѣ Деречинѣ, резиденціи князя Франциска, въ его магнатскомъ палацѣ, была прекрасная картинная галлерея первыхъ художниковъ разныхъ школъ. Въ числѣ картинъ былъ портретъ во весь ростъ княгини Пелагіи, кисти извѣстнаго Лямпи (Lampi). Княгиня, въ самомъ цвѣту своей красоты, была представлена выходящею, полу-нагая, изъ ванны. Когда князя не бывало дома, то позволено было всѣмъ осматривать внутренніе покои палаца. Разъ, въ отсутствіе хозяина, проходила чрезъ Деречинъ партія рекрутъ, и ей въ этомъ мѣстечкѣ назначена была дневка. Провожавшій ее капитанъ какого-то пѣхотнаго полка, Мисюринъ, пошелъ осматривать палацъ. Портретъ княгини висѣлъ въ особой комнатѣ, гдѣ стояла и мраморная ванна, та самая, которая повторялась въ картинѣ. Когда Мисюринъ вошелъ туда и увидѣлъ изображеніе княгини, то такъ былъ пораженъ ея красотою, что просто остолбенѣлъ, и простоялъ такъ долго, что провожавшій его лакей долженъ былъ напомнить ему, что пора запирать покои. Капитанъ пришелъ рано на другой день и просилъ позволить ему посидѣть передъ портретомъ; ушелъ только, чтобы пообѣдать и возвратясь просидѣлъ до ночи. На третій день тоже самое. Онъ отпустилъ партію въ дальнѣйшій походъ съ подчиненнымъ офицеромъ, съ тѣмъ чтобы ее нагнать, но все таки оставался и по цѣлымъ днямъ просиживалъ предъ своимъ идеаломъ. Такъ прошло десять или болѣе дней, пока не возвра-

тился князь. Тутъ посѣщенія палаца прекратились, но Мисюринъ все таки оставался въ Деречинѣ. Когда князю разсказали объ этомъ чудакѣ, онъ послалъ за нимъ и объявилъ, что онъ можетъ во всякое время приходить смотрѣть портретъ. Оригиналъ былъ уже замужемъ за княземъ Павломъ. Мисюринъ широко пользовался позволеніемъ князя, котораго очень забавляла эта мономанія. Между тѣмъ влюбленнаго капитана исключили изъ службы. Князь Сапѣга, узнавъ, что ему нечѣмъ жить, назначилъ ему пожизненную пенсію по 100 червонцовъ въ годъ и квартиру въ одномъ флигелѣ палаца съ позволеніемъ проводить сколько захочетъ времени въ комнатѣ съ ванною и портретомъ. Мисюринъ совершенно помѣшался на этой одной идеѣ, чрезъ годъ или полтора заболѣлъ, у него отсохла рука, и вскорѣ потомъ онъ умеръ.

Князь Францискъ Сапѣга, собственникъ громадныхъ имѣній въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и на Жмуди (до 40000 душъ), въ двадцатыхъ годахъ отдыхалъ уже на лаврахъ въ своемъ Деречинѣ. Онъ былъ типъ человѣка безъ всякихъ правилъ, пресыщеннаго жизнью, того что̀ пофранцузски называется blazé. У себя онъ не принималъ почти никого, велъ жизнь одинокую и оригинальную. Такъ напримѣръ у него на конюшнѣ не было ни одной лошади, и такой магнатъ, когда куда нибудь выѣзжалъ, то нанималъ къ своему дормезу четверку Жидовскихъ лошадей, и его везъ Жидъ-оборванецъ. При его богатствѣ, полная независимость позволяла ему выказывать его циническую философію со всею откровенностью. Онъ не вѣрилъ ни во что, не уважалъ ничего и ничѣмъ не стѣснялся. Парижъ онъ оставилъ, какъ онъ говорилъ, только потому, что тамъ, въ домахъ публичной игры, ограничили ставку въ rouge et noir до 12000 франковъ. —Вы понимаете, говорилъ онъ, что послѣ этого, мнѣ нечего тамъ было дѣлать". Мнѣ, молодому человѣку, сказалъ разъ: „Знаете, г. П., чей я сынъ?" Я не зналъ что̀ отвѣчать.—„Я сынъ короля Станислава-Августа, прибавилъ князь, и если не вѣрите, такъ вотъ вамъ доказательство", тутъ вынулъ 6-ти злотовый талеръ съ изображеніемъ послѣдняго Польскаго короля. „Вотъ мой портретъ". И дѣйствительно, сходство было поразительно до тождества, не то̀лько въ чертахъ лица, но и въ выраженіи физіономіи.

Въ послѣдній разъ я увидѣлъ князя Франциска уже въ Петербургѣ, въ слѣдующей обстановкѣ. На полѣ у Петропавловской крѣпости (гдѣ теперь Александровскій паркъ) происходила лѣтомъ 1826 года экзекуція осужденныхъ Декабристовъ. Мало кому въ городѣ извѣстенъ былъ день и часъ этого акта, и я узналъ только случайно. Зрителей было очень немного, человѣкъ 200, 300, не болѣе. Я стоялъ у Троицкаго моста и смотрѣлъ въ бинокль. Когда послѣ всѣхъ другихъ перипетій (разжалованія, ломанія шпагъ, сожиганія на кострахъ мундировъ) дѣло дошло до вѣшанія и когда двое изъ повѣшенныхъ оборвались, это произвело на меня чрезвычайно непріятное впечатлѣніе: я рѣшился пройти смотрѣть на все по предначертанной программѣ и, согласно ей, настроилъ свою нервную систему, а тутъ вдругъ неожиданность, къ которой никто себя не приготовилъ. Но такое нервное потрясеніе было во̀ время остановлено; кто-то потрепалъ меня сзади по плечу. Оглядываюсь—это Францискъ Сапѣга, только наканунѣ пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ сердится не въ шутку и говоритъ: „Вотъ какъ у насъ ничего не умѣютъ сдѣлать! И на что это похоже? Я всталъ такъ рано, даже не дождался кофе. En bonne justice, на мѣсто упавшихъ надо бы палачей повѣсить. Почему ихъ сперва не послали поучиться въ Англію! Вотъ тамъ такъ славно вѣшаютъ, по всѣмъ правиламъ искусства. Сколько я тамъ видѣлъ прекрасныхъ экзекуцій! Это называется заставить человѣка „плясать ни на чемъ" (to dance on nothing); случись подобная неудача въ Англіи, то самъ палачь непремѣнно застрѣлился бы",

и т. д. Все это было сказано не съ притворнымъ гнѣвомъ, а съ глубокимъ чувствомъ негодованія.

Что́ касается до сына Франциска, князя Евстафія Сапѣги, то онъ ни физически, ни нравственно не имѣлъ съ отцомъ ни малѣйшаго сходства. Онъ былъ умный и добрый человѣкъ; воспитывался также въ Англіи и тамъ, молодымъ еще человѣкомъ, женился на богатой сиротѣ мисъ Пэкэтбомъ; никакого приданаго за нею принять не хотѣлъ, говоря, что онъ довольно богатъ и самъ за себя и за жену. Онъ скоро овдовѣлъ. Возвратясь въ отечество по смерти отца, въ 1828. г. онъ наслѣдовалъ его богатства; несмотря на то, онъ велъ жизнь тихую и скромную. Никто не знаетъ, что́ могло побудить его принять участіе въ сумасбродномъ Польскомъ мятежѣ 1830 года. Это тѣмъ непонятнѣе, что онъ никогда не раздѣлялъ образа мыслей повстанцевъ и что, бросивъ огромное состояніе, присталъ къ мятежу уже послѣ взятія Варшавы. Онъ, какъ эмигрантъ, удалился въ Англію; всѣ имѣнія его конфискованы.

Изъ его эмиграціи разсказываютъ слѣдующій замѣчательный эпизодъ.

Когда онъ прибылъ въ Лондонъ, два брата покойной его жены явились къ нему и сказали: „Вы отказались отъ суммы, слѣдовавшей изъ общаго имѣнія въ приданое нашей сестрѣ, потому что тогда были богаты. Теперь вы не вправѣ отказаться отъ того, что́ вамъ по закону слѣдуетъ. Приданое вашей жены было положено въ Банкъ, и вотъ билетъ, по которому можете получить его съ процентами“. Проценты эти увеличили капиталъ на громадную сумму; Сапѣга принялъ и опять сталъ богатымъ человѣкомъ.

(III) Влодекъ, отецъ извѣстной красавицы графини Завадовской, сынъ помѣщика Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи, воспитывался въ Петербургѣ и тамъ имѣлъ немалый успѣхъ. Въ чинѣ генералъ-маіора онъ былъ назначенъ въ Литовскій корпусъ начальникомъ уланской дивизіи. Дивизіонная квартира его была въ Слонимѣ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый и пріятный въ обществѣ, былъ знакомъ со всѣми порядочными домами въ городѣ и уѣздѣ, и всѣ его любили. Но онъ въ высшей степени былъ неспособенъ командовать такимъ войскомъ, какимъ была въ то время его дивизія. Въ ней было много офицеровъ и солдатъ вербованныхъ, сбродъ всякихъ народностей. Младшіе офицеры усердно практиковали старыя традиціи уланскаго ухарства и забіячества. Не проходило недѣли безъ какого нибудь столкновенія съ мирными жителями, безъ вопіющаго скандала, разыграннаго въ самомъ же городѣ, почти предъ глазами дивизіоннаго начальника. Добрый, но до крайности слабый, Влодекъ самъ не зналъ что́ ему дѣлать и въ подобныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ паллятивнымъ и смягчающимъ средствамъ: самъ лично ѣздилъ къ обиженнымъ шляхтѣ, мѣщанамъ и Жидамъ, выпрашивать для своихъ офицеровъ прощенія, чрезвычайно рѣдко рѣшался виновныхъ арестовать, но это вело только къ бо́льшему скандалу. Арестованный офицеръ справлялъ пиръ съ иллюминаціею и Жидовскими цимбалами, напаивалъ солдатъ бывшихъ въ караулѣ, самъ же въ халатѣ и ермолкѣ прогуливался по платформѣ гауптвахты, стоявшей по самой срединѣ города. Въ такихъ случаяхъ генералъ тщательно избѣгалъ проходить мимо гауптвахты. Когда кто-нибудь изъ офицеровъ слишкомъ уже набуянитъ, то, дабы избавиться отъ него, Влодекъ переводилъ его въ гвардію, что́ и поощряло другихъ слѣдовать его примѣру. Вообще по неспособности его командовать дивизіею, казалось, что начальство надъ нею было дано ему только для приготовленія дальнѣйшей карьеры. Въ послѣдствіи Влодекъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ; по усмиреніи же Польскаго мятежа 1830 года, назначенъ предсѣдателемъ Герольдіи Царства Польскаго, въ каковомъ званіи и умеръ въ Варшавѣ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ.

(IV) Подробности о Малевскомъ и Будревичѣ изложены въ примѣчаніяхъ къ воспоминаніямъ о Мицкевичѣ. Занъ, сосланный въ Оренбургъ, пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ тогдашняго генералъ-губернатора Перовскаго. Съ его разрѣшенія, Занъ устроилъ тамъ музей минералогическихъ и другихъ произведеній края. По ходатайству Перовскаго, ему было разрѣшено, въ тридцатыхъ годахъ, пріѣхать въ Петербургъ. Онъ былъ назначенъ библіотекаремъ Горнаго Корпуса, но вскорѣ потомъ впалъ въ умопомѣшательство. Позволено было вывезти его на родину. Онъ тамъ выздоровѣлъ и женился, но въ сороковыхъ годахъ умеръ. Ежовскій высланный въ Москву, былъ знаменитый латинистъ; онъ предпринялъ было обширный трудъ: Комментарій на Горація, на Польскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, и изъ нихъ первый былъ напечатанъ въ Вильнѣ. Тутъ вышла извѣстная, надѣлавшая много шума исторія съ Булгаринымъ. Ѳаддей Бенедиктовичъ, вовсе не латинистъ, разсчитывая на малую вообще извѣстность о Польской письменности въ Русскомъ обществѣ, вздумалъ воспользоваться трудомъ Ежовскаго. Онъ перевелъ на Русскій языкъ упомянутый первый томъ Комментарія и напечаталъ его подъ своимъ именемъ, какъ собственное сочиненіе, опубликовалъ и собралъ подписку на два тома. Но Ежовскій, по какимъ-то препятствіямъ, долго не издавалъ втораго тома, и наконецъ умеръ. Русскіе подписчики стали приставать къ Булгарину, требуя втораго тома. Чѣмъ такимъ онъ предъ ними оправдывался, мы не знаемъ; но скоро все обнаружилось, и это обстоятельство конечно не способствовало къ утвержденію репутаціи добросовѣстности автора Выжигина.

Странно, что Гречь, въ своихъ воспоминаніяхъ о Булгаринѣ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ, нисколько не щадя его, не говоритъ объ исторіи съ Комментаріемъ на Горація, которая однакожъ въ свое время была очень громка.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ЕГО ГВАРДЕЙСКИХЪ ОДНОКАШНИКОВЪ. *)

(Изъ „Воспоминаній В. П. Бурнашева, по его ежедневнику, въ періодъ времени съ 15 Сентября 1836 по 6-е Марта 1837 г.).

Въ одно воскресенье, помнится, 15-го Сентября 1836 года, часу во второмъ дня, я поднимался по лѣстницѣ конногвардейскихъ казармъ, въ квартиру добраго моего пріятеля А. И. Синицына, съ которымъ я года за два передъ тѣмъ познакомился у П. Н. Беклемишева и теперь шелъ къ нему приглашать на танцовальный вечеръ 17 Сентября къ общимъ нашимъ знакомымъ Масловымъ, тогда недавно водворившимся въ столицѣ, куда, для воспитанія дѣтей, они переселились изъ Рязани. Синицынъ въ эту пору только что былъ произведенъ въ поручики и назначенъ помощникомъ командира запаснаго эскадрона, т. е. такого эскадрона, который состоялъ изъ молодыхъ солдатъ и кантонистовъ, большинство коихъ готовилось въ музыканты, фельдшера, писаря и въ разныя другія полковыя должности, состоя преимущественно изъ грамотнаго люда. Подходя уже къ дверямъ квартиры Синицына, я почти столкнулся съ быстро сбѣгавшимъ съ лѣстницы и жестоко гремѣвшимъ шпорами и саблею по каменнымъ ступенямъ, молоденькимъ гвардейскимъ гу-

*) Хотя авторъ составлялъ эти свои воспоминанія по ежедневнику, но въ подробностяхъ онъ, очевидно, прибавляетъ то что ему приходило на память уже теперь, и потому, конечно, самъ не можетъ ручаться за дословную точность сообщаемыхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе духъ времени схваченъ такъ живо, и разсказъ такъ увлекателенъ, что читатели Р. Архива, надѣемся, на насъ не посѣтуютъ за помѣщеніе сихъ историческихъ повѣствованій. Кто знаетъ ближе и вѣрнѣе, да не поскупится на сообщеніе. *П. Б.*

сарскимъ офицеромъ въ треугольной, надѣтой съ поля, шляпѣ, бѣлый перистый султанъ которой развѣвался отъ сквознаго вѣтра. Офицеръ этотъ имѣлъ очень веселый, смѣющійся видъ человѣка, который сію минуту видѣлъ, слышалъ или сдѣлалъ что-то пресмѣшное. Онъ слегка задѣлъ меня или скорѣе мою камлотовую шинель на байкѣ (какія тогда были въ общемъ употребленіи) длиннымъ капишономъ своей распахнутой и почти распущенной сѣрой офицерской шинели съ краснымъ воротникомъ, и, засмѣявшись звонко на всю лѣстницу (своды которой усиливали звуки) сказалъ, вскинувъ на меня свои довольно красивые, живые, черные какъ смоль глаза, принадлежавшіе однако лицу блѣдному, нѣсколько скуластому, какъ у Татаръ, съ крохотными тоненькими усиками и съ короткимъ носомъ, чуть чуть приподнятымъ, именно такимъ, какой Французы называютъ nez à la cousine: „Извините мою гусарскую шинель, что она лѣзетъ безъ спроса цѣловаться съ вашимъ гражданскимъ хитономъ",—и продолжалъ быстро спускаться съ лѣстницы, все по прежнему гремя ножнами сабли, непристегнутой на крючокъ, какъ дѣлали тогда всѣ свѣтски благовоспитанные кавалеристы, носившіе свое шумливое оружіе съ большою аккуратностью и осторожностью, не позволяя ему ни стучать, ни гремѣть (Это было не въ тонѣ. Развеселый этотъ офицерикъ не произвелъ на меня никакого особеннаго впечатлѣнія, кромѣ только того, что взглядъ его мнѣ показался какимъ-то тяжелымъ, сосредоточеннымъ; да еще, врагъ всякихъ фамильярностей, я внутренно нашелъ странною фамильярность его со мною, котораго онъ въ первый разъ въ жизни видѣлъ, какъ и я его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я вошелъ къ Синицыну и засталъ моего добраго Аѳанасія Ивановича въ его шелковомъ халатѣ, надѣтомъ на палевую канаусовую съ косымъ воротомъ рубашку, занятаго прилежнымъ смахиваніемъ пыли метелкою изъ пѣтушьихъ перьевъ со стола, дивана и креселъ и выниманіемъ окурковъ маисовыхъ пахитосовъ, самаго толстаго калибра, изъ цвѣточныхъ горшковъ, за которыми патріархальный мой Аѳанасій Ивановичъ имѣлъ тщательный и старательный личный уходъ, опасаясь дозволять слугамъ касаться до его комнатной флоры, покрывавшей всѣ его окна, увѣшанныя кромѣ того щеголеватыми проволочными клѣтками, въ которыхъ распѣвали крикуньи-канарейки и, по временамъ, заливались два жаворонка, Датскій и Курскій.

— „Что это вы такъ хлопочете, Аѳанасій Ивановичъ?", спросилъ я, садясь въ одно изъ вольтеровскихъ креселъ, верхъ котораго прикрытъ былъ антимакассаромъ, чтобъ не испортилъ бы кто жирными волосами яркоцвѣтной штофной покрышки, впрочемъ и безъ того всегда покрытой бѣлыми каленкоровыми чахлами.

— „Да, какъ же (отвѣчалъ Синицынъ съ нѣсколько недовольнымъ видомъ) я, вы знаете, люблю, чтобъ у меня все было въ порядкѣ, самъ за всѣмъ наблюдаю; а тутъ вдругъ, откуда ни возьмись, влетаетъ къ вамъ товарищъ по школѣ, куритъ, сыпитъ пепелъ вездѣ, гдѣ попало, тогда какъ я ему указываю на пепельницу и въ добавокъ швыряетъ окурки своихъ проклятыхъ трабукосовъ *) въ мои цвѣточные горшки, и при всемъ этомъ безъ милосердія болтаетъ, лепечетъ, разсказываетъ всякія грязныя исторіи о Петербургскихъ продажныхъ красавицахъ, декламируетъ самые скверные Французскіе стишонки, тогда какъ самого-то Богъ наградилъ замѣчательнымъ талантомъ писать истинно-прелестные Русскіе стихи. Такъ, не бось, не допросишься, чтобъ что нибудь свое прочелъ! Лѣнивъ, пострѣлъ, лѣнивъ страшно, и что ни напишетъ,

*) Толстыя пахитосы въ маисовой соломѣ, въ родѣ нынѣшнихъ папиросовъ, явившихся въ Петербургѣ только въ концѣ сороковыхъ годовъ.

все или прячетъ куда-то, или жжетъ на раскурку трубокъ своихъ же сорви-головъ-гусаровъ. А вѣдь стихи-то его, это, просто, музыка! Да и распречестный малый, превосходный товарищъ! Вотъ даже сію минуту привезъ мнѣ какіе-то сто рублей, которые еще въ школѣ занялъ у меня „Курокъ"..... Да, вѣдь вы „Курка" не знаете: это одинъ изъ нашихъ школьныхъ товарищей, за котораго этотъ гусарчикъ, котораго вы вѣрно сейчасъ встрѣтили, расплачивается. Вы знаете, В** П**, я не люблю деньги жечь; но ей Богу, я сейчасъ предлагалъ этому сумасшедшему: „Майошка, напиши, братъ, сотню стиховъ о чемъ хочешь: охотно плачу тебѣ по рублю, по два, по три за стихъ съ обязательствомъ держать ихъ только для себя и для моихъ друзей, не пуская въ печать". Такъ нѣтъ, не хочетъ, капризный змѣенышъ этакой, не хочетъ даже „Уланшу" свою мнѣ отдать цѣликомъ и въ вѣрномъ оригиналѣ, и теперь даже божился, грѣховодникъ, что у него и „Монго" нѣтъ, между тѣмъ Коля Юрьевъ давно у него же для меня подтибрилъ копію съ „Монго". Прелесть, я вамъ скажу, прелесть, а все таки не безъ пакостной барковщины. C'est plus fort que lui! Еще у этого пострѣленка, косолапаго „Майошки", страстишка дразнить меня моею аккуратною обстановкою и приводить у меня мебель въ безпорядокъ, сорить пепломъ и, наконецъ, что ужъ изъ рукъ вонъ, просто сердце у меня вырываетъ, это то, что онъ портитъ мои цвѣты, рододендронъ вотъ этотъ, и какъ нарочно выбралъ же онъ рододендронъ, а не другое что, и забавляется, разбойникъ этакой, тѣмъ, что суетъ окурки въ землю, и не то, чтобы только снаружи, а расковыриваетъ землю, да и хоронитъ. Ну далеко ли до корня? Я ему резонъ говорю, а онъ заливается хохотомъ! Просто отпѣтый какой-то „Майошка", мой любезный однокашникъ".

И все это Аѳанасій Ивановичъ разсказывалъ, стараясь какъ можно тщательнѣе очистить поверхность земли въ горшкѣ своего любезнаго рододендрона, не поднимая на меня глазъ и устремивъ все свое вниманіе на цвѣточную землю и на свою работу; но, вдругъ замѣтивъ, что и я курю мои соломенки-пахитосы, онъ быстро взглянулъ, стоитъ ли въ приличномъ разстояніи отъ меня бронзовая пепельница. Вслѣдствіе этого не по натурѣ его быстраго движенія, я сказалъ ему:

— „Не опасайтесь, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, я у васъ не насорю. Но скажите пожалуйста, гость вашъ такъ васъ огорчившій, вѣдь это тотъ молоденькій гусаръ, что сейчасъ отъ васъ вышелъ хохоча?"

—„Да, да, отвѣчалъ Синицынъ, тотъ самый. И вышелъ злодѣй, съ хохотомъ отъ меня, восхищаясь тѣмъ, что доставилъ мнѣ своимъ визитомъ работы на добрый часъ, чтобъ за нимъ подметать и подчищать. Еще, слава Богу, ежели онъ мнѣ не испортилъ въ конецъ моего рододендрона. Я, вы знаете, не прочь принять товарища и угостить чѣмъ Богъ пошлетъ; но терпѣть не могу, когда пріятели нарушаютъ заведенный у меня порядокъ, и невольно въ такомъ разѣ отвѣчаю имъ словами мельника въ Сансуси изъ извѣстной исторической побасенки Андріё: „Chacun est maître dans sa maison!" *)

Спустя нѣсколько времени, добрѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, приведя все въ порядокъ, нѣсколько поуспокоился послѣ визита шаловливаго гусарчика, произведшаго у него такую кутерьму, и сидѣлъ уже, поджавши ноги, на диванѣ, усердно занимаясь другимъ важнымъ дѣломъ, расчесываніемъ волнистой шерсти великолѣпнаго своего Атаргуля (тогда романы Евгенія Сю были въ великой модѣ) эспаньоля тамнокофейной масти, пользовавшагося привилегіею ложиться съ ногами на диванъ; но, впрочемъ, и то правда, что щепетильно-аккуратный и

*) Всякій человѣкъ—господинъ въ своемъ домѣ.

опрятный какъ квакеръ или гернгутеръ, какъ его называли полковые товарищи, владѣлецъ этого изящнаго пса дозволялъ ему эту исключительную льготу не иначе, какъ по личномъ удостовѣреніи въ томъ, что тринадцатилѣтній мальчикъ-казачекъ, Ѳифка (т. е. Ѳеофилактъ), имѣвшій спеціальною обязанностью пестунство и уходъ за Атаргулемъ, старательно вытеръ лапы своего воспитанника послѣ каждаго его возвращенія со двора.

Чтобъ не играть долго въ молчанку, которая съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ была, впрочемъ, довольно обыкновенна, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько заинтересованный моею встрѣчею съ гусарскимъ офицеромъ, обратившимся ко мнѣ съ такою странною шуткою, я спросилъ Синицына: „Кто же этотъ гусаръ? Вы называете его „Маёшкой“; но это, вѣроятно, школьная кличка, nom de guerre?“ —„Лермонтовъ“, отвѣчалъ Синицынъ, „мы съ нимъ были вмѣстѣ въ кавалерійскомъ отдѣленіи школы; только онъ и нѣсколько другихъ юнкеровъ оставались въ школѣ послѣ меня, почему надѣли эполеты лишь въ прошломъ году. Я ихъ всѣхъ чинами перегналъ, потому что на дняхъ вѣдь меня произвели въ поручики, что̀ чудо изъ чудесъ у насъ въ конной гвардіи, гдѣ всѣ страхъ какъ засиживаются въ чинахъ, не то, что̀ въ кавалергардахъ, у которыхъ почти что̀ годъ, то чинъ: долго эти господа тамъ не служатъ, а больше все разлетаются въ адъютанты или выходятъ въ отставку и уѣзжаютъ за границу. Наши же всѣ служаки; къ томуже у насъ много Остзейцевъ, а эти какъ гдѣ засядутъ, такъ сидятъ тамъ крѣпко, стараясь перетащить къ себѣ побольше своихъ земляковъ“.

—„Вы говорили давича, любезнѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, спросилъ я, почти не слушая служебныхъ разсужденій моего собесѣдника, вы говорили, что этотъ гусарскій офицеръ, Лермонтовъ, пишетъ стихи?“

—„Да и какіе прелестные, увѣряю васъ, стихи, пишетъ онъ! Такіе стихи развѣ только Пушкину удавались. Стихи этого моего однокашника Лермонтова отличаются необыкновенною музыкальностью и пѣвучестью; они сами собою такъ и входятъ въ память читающаго ихъ. Словно арія или соната! Когда я слушаю, какъ читаетъ эти стихи хоть, напримѣръ, Коля Юрьевъ, нашъ же товарищъ, лейбъ-драгунъ, двоюродный братъ Лермонтова, также недурной стихотворецъ, но, главное, великій мастеръ читать стихи,—то, ей Богу, мнѣ кажется, что въ слухъ мой такъ и льются звуки самой высокой гармоніи. Я бѣшусь на Лермонтова главное за то, что онъ не хочетъ ничего своего давать въ печать и за то, что онъ повѣсничаетъ съ своимъ дивнымъ талантомъ и, по моему, просто на просто, оскорбляетъ божественный свой даръ, избирая для своихъ стихотвореній сюжеты совершенно нецензурнаго характера и вводя въ нихъ вѣчно отвратительную „барковщину“. Разъ какъ-то, въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ школѣ, Лермонтовъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о Кавказѣ, гдѣ онъ былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчишкой, написалъ цѣлую маленькую поэмку изъ восточнаго быта, свободную отъ проявленій грязнаго вкуса. И замѣтьте, что по его нѣжной природѣ это вовсе не его жанръ; а онъ себѣ его напускаетъ, и все изъ какого-то мальчишескаго удальства, безъ котораго эти господа считаютъ, что кавалеристъ вообще не кавалеристъ, а ужъ особенно ежели онъ гусаръ. И вотъ, эту-то поэмку у Лермонтова какъ-то хитростью удалось утащить его кузену Юрьеву. Завладѣвъ этою драгоцѣнностью, Юрьевъ полетѣлъ съ нею къ Сенковскому и прочелъ ее ему вслухъ съ тѣмъ мастерствомъ, о которомъ я уже вамъ говорилъ сейчасъ. Сенковскій былъ въ восторгѣ, просилъ Юрьева сказать автору, что его стихотворенія всѣ, сколько бы онъ ихъ ни давалъ, будутъ напечатаны, лишь бы только

цензура разрѣшила. А та-та и бѣда, что никакая въ свѣтѣ цензура не можетъ допустить въ печать хотя и очаровательные стихи, но непремѣнно съ множествомъ грязнѣйшихъ подробностей, противъ которыхъ кричитъ чувство изящнаго вкуса".

— „А, вотъ что, замѣтилъ я, такъ эта прелестная маленькая поэма „Гаджи-Абрекъ", напечатанная въ „Библіотекѣ для Чтенія" прошлаго 1835 года, принадлежитъ этому маленькому гусарику, который сейчасъ почти закуталъ меня капишономъ своей шинели и увѣрялъ меня, личность ему совершенно не знакомую, что его гусарскій плащъ цѣлуется съ моею гражданскою тогою, при чемъ употребилъ одинъ очень не цензурный глаголъ, который можетъ быть кстати развѣ только за жжонкой въ компаніи совершенно разнузданной. Кто бы могъ подумать, что такой очаровательный талантъ — принадлежность такого сорви-головы!"

— „Ну эта фарса съ шинелью очень похожа на Лермонтова, засмѣялся Синицынъ. За тѣмъ-то онъ все хороводится съ Константиномъ Булгаковымъ*), продѣлками котораго нынче полонъ Петербургъ, почему онъ, гусь лапчатый, остался лишній годъ въ школѣ. Однако, многоуважаемый В*** П***, я съ вами не согласенъ на счетъ вашего удивленія по поводу поэтическаго таланта, принадлежащаго сорви-головѣ, какъ вы сказали. Послѣ Пушкина, который былъ въ свое время сорви-головой, кажется, почище всѣхъ сорви-головъ бывшихъ, сущихъ и грядущихъ, нечего удивляться сочетанію талантовъ въ Лермонтовѣ съ страстью къ повѣсничанью и молодечеству. А только мнѣ больно то, что вѣтренность моего товарища-поэта можетъ помѣшать ему въ дальнѣйшемъ развитіи этого его дивнаго таланта, который ярко блещетъ даже въ такихъ его произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, его „Уланша". Маленькую эту шуточную поэмку невозможно печатать цѣликомъ; но однако въ ней бездна чувства, гармоніи, музыкальности, пѣвучести, картинности и чего-то такого, что такъ и хватаетъ за сердце".

— „Не помните ли вы, Аѳанасій Ивановичъ, спросилъ я, хоть нѣсколькихъ стиховъ изъ этой поэмки? Вы бы прекрасно угостили меня, прочитавъ изъ нея хоть какой нибудь отрывокъ."

— „Какъ не знать, очень знаю, воскликнулъ Синицынъ, и не только десятокъ или дюжину стиховъ, а всю эту поэмку, написанную подъ впечатлѣніями лагерныхъ стоянокъ школы въ Красномъ Селѣ, гдѣ между кавалерійскими нашими юнкерами (изъ которыхъ всего больше въ этотъ выпускъ случилось улановъ) славилась своею красотою и бойкостью одна молоденькая Красносельска. Главными друзьями этой деревенской Аспазіи были уланы наши, почему, въ нашемъ кружкѣ она и получила прозвище „Уланши." И вотъ ее-то, съ примѣсью всякой скарроновщины, воспѣлъ въ шуточной поэмкѣ нашъ „Майошка". Слушайте: я начинаю.

— „Прежде чѣмъ начать, перебилъ я, скажите на милость, почему юнкерà прозвали Лермонтова „Майошкой"? Что за причина этого собрике?"

— „Очень простая, отвѣчалъ Синицынъ. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ маленько кривоногъ, благодаря удару, полученному имъ въ манежѣ отъ раздразненной имъ лошади еще въ первый годъ его нахожденія въ школѣ; да къ томуже и порядкомъ, какъ вы могли замѣтить, сутуловатъ и неуклюжъ, особенно для гвардейскаго гусара. Вы знаете, что Французы, Богъ знаетъ почему, всѣхъ горбуновъ зовутъ Mayeux и что подъ названіемъ „Monsieur Mayeux" есть

*) Этотъ Булгаковъ, Константинъ, служившій въ Л. Гв. Московскомъ полку, хотя въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ числился въ Преображенскомъ полку, былъ знаменитъ своими разнообразными, иногда очень остроумными, проказами, почему онъ былъ въ милости у Великаго Князя Михаила Павловича, снисходительно относившагося къ шалостямъ молодежи, если шалости эти не проявляли ничего вреднаго.

одинъ романъ Рикера, въ родѣ Поль-де-Кока; такъ вотъ „Майошка“ косолапый уменьшительное Французскаго Mayeux“.

Давъ мнѣ это объясненіе, Синицынъ прочелъ наизустъ въ слухъ, отъ первой строки до послѣдней, всю поэмку Лермонтова, которая впослѣдствіи была напечатана, конечно, съ выпускомъ всего неудобопечатаемаго и черезъ чуръ скарронскаго, въ 1859 году въ „Библіографическихъ Запискахъ“ покойнаго А. Н. Аѳанасьева, труды котораго были такъ полезны исторіи отечественной и библіографіи.

Я съ большимъ удовольствіемъ прослушалъ стихотвореніе, въ которомъ нельзя не замѣтить и не почувствовать нѣсколькихъ очень бойкихъ стиховъ, преимущественно имѣющихъ цѣль чисто живописательную. Тогда Синицынъ вынулъ изъ своего письменнаго стола тетрадку почтовой бумаги, сшитую въ осьмушку, и сказалъ мнѣ:

—„По пословицѣ: „кормилъ до бороды, надо покормить до усовъ“. Вамъ, В*** П***, повидимому нравятся стишки моего однокашника, такъ я вамъ ужъ не наизустъ, а по этой тетрадкѣ прочту другіе его стихи, только что вчера доставленные мнѣ Юрьевымъ, для списка копіи. Это маленькое стихотвореніе Лермонтова называется: „Монго“ *).

—„Вотъ странное названіе!“, воскликнулъ я.

—„Да, отозвался Синицынъ, странное и источникъ котораго мнѣ не извѣстенъ. Знаю только, что это прозвище носитъ другъ и товарищъ дѣтства Лермонтова, теперешній его однополчанинъ, лейбъ-гусаръ же, Столыпинъ, красавецъ, въ котораго, какъ вы знаете, влюбленъ весь Петербургскій beau monde и котораго въ придачу къ прозвищу „Монго“, зовутъ еще le beau Столыпинъ и la coqueluche des femmes. То стихотвореніе Лермонтова, которое носитъ это названіе и написано имъ на дняхъ, имѣло, soit dit entre nous, основаніемъ то, что Столыпинъ и Лермонтовъ вдвоемъ совершили верхами, недѣль шесть тому назадъ, поѣздку изъ села Копорскаго близь Царскаго Села на Петергофскую дорогу, гдѣ, въ одной изъ дачь близь Краснаго Кабачка, все лѣто жила наша кордебалетная прелестнѣйшая изъ прелестныхъ Нимфа, Пименова, та самая, что̀ постоянно привлекаетъ всѣ лорнеты ложъ и партера, а въ знаменитой бенуарной ложѣ „волокитъ“ производитъ появленіемъ своимъ цѣлую революцію. Столыпинъ былъ въ числѣ ея поклонниковъ, да и онъ ей очень нравился; да не могъ же дѣвочкѣ со вкусомъ не нравиться этотъ писаный красавецъ, нечего сказать. Но громадное богатство пріѣзжаго изъ Казани нѣкоего, кажется, г-на Моисеева, чуть ли не изъ Іерусалимской аристократіи и принадлежащаго, кажется, къ почтенной плеядѣ откупщиковъ, понравилось дѣвочкѣ еще больше черныхъ глазъ „Монго“, съ которымъ однако шалунья тайкомъ видалась, и вотъ на одно-то изъ этихъ тайныхъ и неожиданныхъ красоткою свиданій отправились оба друга, то есть „Монго“ съ „Майошкой“. Они застали красавицу дома; она угостила ихъ чаемъ; Лермонтовъ скромно усѣлся въ сторонкѣ, думая о томъ, какое ужасное мученье (тутъ Синицынъ опустилъ глаза въ тетрадку и сталъ читать:)

Быть адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонёромъ,
Или на балѣ быть танцоромъ;
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!

*) Стихотвореніе это съ нѣкоторыми пропусками напечатано П. А. Ефремовымъ въ „Библіограф. Запискахъ“ 1861 г. № 20 и перепечатано въ „Собраніи стихотвореній Лермонтова“ 1862 г. редакціи Дудышкина. Т. I. стр. 192. Въ 1871 г. М. И. Семевскій съ нѣкоторыми дополненіями напечаталъ „Монго“ въ своихъ приложеніяхъ къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой“. Но и тутъ есть описка противъ того манускрипта, писаннаго рукою М. Ю. Лермонтова въ 1836 году и съ недѣлю находившагося у моего пріятеля А. И. Синицына, позволившаго мнѣ списать тогда же вѣрную копію.

Межъ тѣмъ „Монго" горитъ и таетъ...
Вдугъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ.
Девятимѣстная коляска,
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ.....
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнѣвъ боговъ!....."
То былъ Мойсеевъ съ своею свитой и проч.

—„Можете представить смущеніе посѣтителей и хозяйки! продолжалъ Синицынъ. Но молодцы-гусары, не долго думая, убѣдились, что (онъ снова прочелъ по рукописи:)

Осталось средство имъ одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный,
И не сдержать имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ!... И были таковы. *)

—„Вотъ вамъ вся драма этого милаго, игриваго, прелестнаго въ своемъ родѣ стихотворенія, которое я цѣликомъ сейчасъ вамъ прочту; извините, попортилъ эффектъ тѣмъ, что прочелъ эти отрывки."

Но благому намѣренію Аѳанасія Ивановича помѣшалъ вошедшій полковой берейторъ въ такомъ мундирѣ, какой, кажется, и нынче носятъ эти господа, т. е. въ такомъ, какой по сей часъ присвоенъ полковымъ капельмейстерамъ и похожій нѣсколько на конногвардейскій вицмундиръ формы того времени, только безъ эполетъ и съ шляпой безъ султана. Оказалось, что берейторъ изъ Нѣмцовъ пришелъ къ Аѳанасію Ивановичу приглашать его къ полковому командиру генералу барону Мейендорфу, прославившемуся во время Польской 1831 года войны своимъ дивнымъ изъ дивныхъ кавалерійскихъ подвигомъ на мосту подъ Гроховымъ **). На этотъ разъ дѣло шло о какомъ-то, принадлежащемъ Синицыну, выѣзжаемомъ молодомъ жеребцѣ Манфредѣ, котораго генералъ, кажется, желалъ пріобрѣсти за щедрую плату для своей превосходительной особы. Какъ бы то ни было, Синицынъ, отпустивъ тотчасъ берейтора, сталъ одѣваться въ вицъ-мундиръ. Я же, видя, что мнѣ необходимо прекратить мое посѣщеніе, всталъ и сказалъ Синицыну, охорашивавшемуся передъ зеркаломъ, причину моего визита. Причина эта была та, о которой я упомянулъ въ самомъ началѣ моей статьи, именно приглашеніе добрѣйшаго и любезнѣйшаго Аѳанасія Ивановича на танцовальный вечеръ Дмитрія Николаевича и Натальи Григорьевны Масловыхъ, назначенный дня черезъ два, именно 17 Сентября въ день Ангела ихъ второй дочери, Вѣры Дмитріевны *). Аѳанасій Ивановичъ принялъ безъ всякихъ жеманствъ и церемоній приглашеніе этого добрѣйшаго и истинно любезнаго и гостепріимнаго дома, о которомъ, какъ объ одномъ изъ тѣхъ Петербургскихъ домовъ, которые оставили во мнѣ наилучшее впечатлѣніе на всю мою жизнь, я распространюсь когда нибудь въ той моей статьѣ, которую озаглавлю: „*Свѣтская жизнь въ Петербургѣ въ 1830—1850 г.*", гдѣ я надѣюсь воспроизвести, разумѣется, съ точки зрѣнія собственныхъ, а не заимствованныхъ отъ кого бы то ни было впечатлѣній, тогдашнее житье-бытье въ Петербургѣ того не высшаго, но хорошаго средняго круга, въ которомъ я постоянно съ юношескихъ лѣтъ вращался и котораго многія черты проявлены уже мною въ прежнихъ моихъ статьяхъ и особенно въ той статьѣ, которая печатается въ „Русскомъ Вѣстникѣ" подъ названіемъ: „Воспоминанія изъ эпизодовъ моей частной и служебной дѣятельности съ 1834 по 1850 г."

*) Я намѣренно привожу здѣсь эти стихи, потому что у М. И. Семевскаго по рукописи П. А. Ефремова изложеніе въ нихъ неправильное и не достаетъ двухъ стиховъ, которые здѣсь напечатаны курсивомъ. В. Б.

**) Нынѣ генералъ отъ кавалеріи и оберъ-егермейстеръ. Нѣкогда это былъ прототипъ изящнѣйшаго гвардейскаго кавалериста и красавецъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ генерала Потемкина, урожденной Брискорнъ.

*) Она впослѣдствіи была замужемъ за ген. ад. Фроловымъ и умерла въ молодыхъ лѣтахъ еще.

Теперь же скажу о домѣ Масловыхъ только то, что глава этого семейства Д. Н. Масловъ, майоръ въ отставкѣ, былъ нѣкогда губернскимъ предводителемъ Рязанскаго дворянства и носилъ постоянно орденъ св. Анны, украшенный настоящими, какъ жаръ горѣвшими, алмазами, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ замѣнить стразами, потому что орденъ этотъ онъ получилъ отъ Императора Александра Павловича, посѣщавшаго Рязань въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Государь явилъ ему и его семейству другую милость, состоявшую въ томъ, что повелѣлъ всѣхъ сыновей Дмитрія Николаевича и Натальи Григорьевны, сколько бы ихъ у нихъ ни было (а ихъ было, кажется, шесть человѣкъ) зачислить въ Пажескій Корпусъ, гдѣ всѣ они и воспитывались. Въ то время когда я бывалъ въ этомъ пріятнѣйшемъ домѣ и, исполняя порученіе милѣйшей и добрѣйшей хозяйки, приглашалъ на танцовальный ихъ вечеръ Аѳанасія Ивановича Синицына,—трое изъ ихъ сыновей носили пажескій мундиръ, и старшій изъ нихъ, Михаилъ Дмитріевичъ, вскорѣ былъ назначенъ камеръпажомъ, а потомъ поступилъ въ Лейбъ-Гвардіи гусарскій полкъ, гдѣ, кажется, дослужился до полковниковъ. Говорю „кажется", потому что, поступивъ въ Апрѣлѣ 1839 года на службу въ Удѣльное Земледѣльческое Училище (чрезъ что я разорвалъ всѣ или почти всѣ мои свѣтскія сношенія и отношенія) я разстался съ многими домами, изъ числа которыхъ домъ Масловыхъ былъ тотъ, съ которымъ я разстался ранѣе, чѣмъ съ другими. Причиною тому была кончина добрѣйшей Натальи Григорьевны, изнемогшей отъ печали по замужней дочери Вѣрѣ. Старшая изъ дѣвицъ Масловыхъ, Евгенія Дмитріевна, оставшаяся во главѣ семейства, превосходная личность, какихъ мало на свѣтѣ, вышла впослѣдствіи въ Рязани замужъ за доктора Вѣнецкаго, овдовѣла и потомъ, какъ я слышалъ ,тоже умерла. Послѣ нея остался сынъ, бывшій въ Петербургскомъ университетѣ во время такъ называемой „студентской исторіи 1861 года". Въ 1862 или 1863 году въ „Иллюстрированной Газетѣ" В. Р. Зотова была статья, принадлежавшая этому молодому человѣку и изображавшая яркими красками одинъ изъ несчастныхъ случаевъ его крайней юности. Статья эта свидѣтельствовала о талантѣ молодаго человѣка, дальнѣйшая судьба котораго мнѣ неизвѣстна. По смерти матери, кажется, въ 1840 или 1841 году, все семейство разъѣхалось въ разныя стороны и, преимущественно, въ Рязань, куда Дмитрія Николаевича привлекали его хозяйственныя дѣла. Какъ бы то ни было, три или четыре года довольно короткаго знакомства въ этомъ домѣ, когда мнѣ было съ небольшимъ 25—26 лѣтъ, оставили въ памяти моей неизгладимыя черты, внесенныя мною въ мой ежедневный журналъ, который я постоянно велъ съ самыхъ почти отроческихъ лѣтъ.

Свѣтскій зимній сезонъ 1836—1837 годовъ начался для меня весело, пріятнымъ вечеромъ у Масловыхъ, гдѣ мы съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ проплясали, какъ теперь помню, не только всю ночь, но и часть утра, такъ что, не желая въ шесть часовъ утра будить мою семью, состоявшую изъ матери, постоянно больной и сестры, только что вышедшей преждевременно (по фантазіи матери) изъ Смольнаго, я поѣхалъ не ночевать (о снѣ и рѣчи не было, потому что уже въ 10 ч. необходимо должно было быть на службѣ въ военномъ министерствѣ) а пить кофе и завтракать къ Синицыну въ конногвардейскія казармы, гдѣ я и получилъ отъ Аѳанасія Ивановича дня на два подлинную тетрадку съ стихотвореніемъ „Монго" для снятія съ нея копіи. И вотъ, благодаря этой-то вѣрной, разпревѣрной копіи, тщательно списанной мастерски и каллиграфически однимъ изъ подчиненныхъ мнѣ тогда писарей (разумѣется, за довольно изрядное вознагражденіе), — я и могу теперь возстановить тѣ сти-

хи, которые оказываются выпущенными въ напечатанныхъ доселѣ. Въ это же утро А. И. Синицынъ далъ мнѣ, для списанія, еще одно юнкерское стихотвореніе Лермонтова подъ названіемъ: *Петергофскій праздникъ*; но это стихотвореніе, полное скарроновщины, мнѣ было не по сердцу, хотя и въ немъ есть мѣста истинно превосходныя, свидѣтельствующія о замѣчательномъ талантѣ автора. Достойно вниманія, что въ этой грязноватой поэмкѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ изображенъ юнкеръ Мартыновъ, вышедшій въ Гатчинскіе кирасиры, родной и старшій братъ Мартынова, имѣвшаго несчастіе убить на дуэли въ 1841 году Лермонтова.

Повторяю, зима 1836 и начала 1837 года была для меня одна изъ самыхъ веселыхъ въ моей жизни, отчасти можетъ быть потому, что мнѣ въ эту зиму привелось сопровождать на вечера и на балы, вмѣсто матери (какъ я выше сказалъ, почти постоянно больной) шестнадцатилѣтнюю монастырочку, мою сестрёнку, и, вспоминаю, что эта новая роль не то ментора, не то cavalieri-serventi, занимала и забавляла меня и оставила во мнѣ много, много впечатлѣній. Но, впрочемъ, вся эта разсѣянная жизнь, какую я велъ съ 17-го Сентября, не уклонила меня отъ моихъ обычныхъ занятій, посвящаемыхъ, правду сказать, слегка службѣ въ военномъ министерствѣ и, преимущественно, посѣщеніямъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, сотрудничеству въ „Журналѣ Общеполезныхъ свѣдѣній“ (отъ „Сѣв. Пчелы“ я тогда почти отсталъ) и изготовленію для книгопродавцевъ подъ разнообразными псевдонимами, всевозможныхъ книгъ, книжекъ и книжонокъ, что все вмѣстѣ давало мнѣ, какъ говорится, de quoi manger et boire*), имѣя на рукахъ семью и, главное, молоденькую дѣвушку-сестру, вступавшую въ свѣтъ и продолжавшую свое музыкальное воспитаніе для развитія весьма крупнаго и замѣчательнаго таланта, не утратившаго и понынѣ своей силы и очаровательной свѣжести. Среди всѣхъ этихъ проявленій моей постоянной и обычной дѣятельности, я посѣщалъ довольно часто Библіотеку „для чтенія“ (какъ будто библіотека для чего инаго какъ не для чтенія) Смирдина на Невскомъ въ домѣ Петропавловской церкви. Библіотекаремъ этой библіотеки, древнѣйшей въ Петербургѣ и созданной еще Плавильщиковымъ въ XVIII вѣкѣ, былъ знаменитый въ то время библіофилъ и библіоманъ, Өедоръ Фроловичъ Цвѣтаевъ, человѣкъ весьма недюжинный и владѣвшій такою удивительною памятью, какою щеголять могутъ лишь въ крайне ограниченномъ числѣ избранники. Память его была до того изумительна, что давала ему возможность безошибочно, наизусть, безъ всякой справки, указывать на страницы различныхъ мѣстъ изъ огромныхъ сочиненій и знать въ тончайшихъ подробностяхъ исторію каждаго маломальски рельефнаго изданія изъ числа тѣхъ нѣсколькихъ тысячь томовъ, какіе составляли библіотеку покойнаго А. Ф. Смирдина, лучшую въ городѣ. Къ тому же онъ до того сроднился съ этими книгами и размѣщеніемъ ихъ въ книгохранилищѣ, что зналъ, гдѣ которая изъ нихъ на полкахъ стоитъ и указывалъ ее своимъ юнымъ помощникамъ-мальчикамъ безъ запинки и затрудненія. Я былъ изъ числа многочисленныхъ посѣтителей, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, который пользовался добрымъ расположеніемъ, впрочемъ довольно угрюмаго и не слишкомъ-то общительнаго Өедора Фроловича, котораго въ то время зналъ и уважалъ весь читающій и въ особенности литературно-работающій Петербургъ, почему въ статьѣ моей, которая исподволь мною на 1873 годъ подготовляется, подъ названіемъ: *„Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“*, воспоминаніе о Өедорѣ Фроловичѣ займетъ не послѣднее мѣсто.

Пользуясь моимъ ежедневнымъ журналомъ, вспоминаю теперь, что 26 Ян-

---

*) Чѣмъ наѣсться и напиться.

варя 1837 года, я, имѣя порученіе отъ начальства, собрать свѣдѣнія печатныя и практическія (послѣднія, разумѣется, посредствомъ тогдашняго моего благопріятеля директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища М. А. Байкова) объ огородномъ производствѣ для составленія проекта записки о полковыхъ огородахъ,—зашелъ въ библіотеку Смирдина и принялся за каталогъ, дѣлая изъ него многочисленныя выметки. Вдругъ Өедоръ Фроловичъ, какъ бы ни къ селу-ни къ городу, спросилъ меня:

„А что, В*** П***, давно ли вы видѣлись съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ?“

— „Да ужъ давненько, отвѣчалъ я, недѣли три - четыре будетъ, кажется. Заѣзжалъ въ новый годъ, да они нынче, видно, по знатному, не принимаютъ. А что?„

— „Какъ что? да вы развѣ не знаете, продолжалъ Өедоръ Фроловичъ, по обыкновенію своему угрюмо, вѣдь онъ пораженъ страшнымъ ударомъ: его второй сынъ, этотъ молоденькій студеньтикъ, Николай, послѣ кратковременной болѣзни, умеръ третьяго дня; завтра его хоронятъ. Неужели вы ничего не знали? Понимаю! Тамъ, говорятъ, предоставлены разныя распоряженія по приглашеніямъ вашему недругу, Володѣ Строеву, этому „лѣвому Гречеву глазу съ бѣльмомъ“, какъ прозвалъ его хромой бѣсъ Воейковъ, и вотъ этотъ-то господинъ, видно, нарочно не послалъ къ вамъ билета, чтобы отсутствіе ваше произвело на отца непріятное впечатлѣніе и чтобы потомъ этимъ самымъ можно было васъ получше почернить въ глазахъ довѣрчиваго и слабохарактернаго Николая Ивановича. Поѣзжайте же туда, поѣзжайте непремѣнно, и постарайтесь, чтобы васъ тамъ видѣли“.

Меня очень поразило это извѣстіе, потому что хотя Коля Гречъ, восемнадцатилѣтній юноша, годами семью былъ меня моложе; но я искренно, отъ глубины души, любилъ его и находилъ неподдѣльное наслажденіе въ умно-веселой бесѣдѣ и любезномъ обращеніи этого не по лѣтамъ развитаго и образованнаго молодаго человѣка, въ которомъ самое дѣльное развитіе сочеталось съ милымъ, беззаботнымъ характеромъ и постоянною натуральною оживленностью, дѣйствовавшею на всѣхъ какъ-то заразительно. Онъ былъ стольже какъ его отецъ остроуменъ, съ тою однако разницею, что его остроуміе никогда никого не ранило, не оскорбляло, а, напротивъ, въ самой шуткѣ и даже насмѣшкѣ его, слышалось всегда какое-то необыкновенное добродушіе и милое простосердечіе. Не будучи поразительнымъ красавцемъ, этотъ розовый, свѣтло-кудрый юноша былъ очень недуренъ собою, и его симпатичные большіе, темно-голубые глаза оставляли невольно пріятнѣйшее впечатлѣніе въ каждомъ человѣкѣ, не лишенномъ эстетическаго чувства и любви ко всему истинно прекрасному. Ежели бы смерть не сразила его на девятнадцатомъ году жизни, изъ него вышелъ бы замѣчательный литературный дѣятель или превосходный драматическій артистъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ цвѣтущаго здоровьемъ и вполнѣ веселаго и счастливаго 6-го Декабря 1836 года въ Николинъ день, когда, не смотря на то, что Гречъ и его семейство были лютеране, отецъ и сынъ праздновали день своего Ангела по православному обычаю. На этотъ разъ именины Николая Ивановича и Николая Николаевича праздновались какъ-то особенно блистательно: съѣхалось безчисленное множество гостей, такъ что и большая зала, и зала-кабинетъ были заняты столами, за которыми обѣдало до двухсотъ человѣкъ. Передъ концомъ обѣда принесена была и подана Гречу цидулочка съ поздравленіемъ знаменитаго Пушкина. Тогда, конечно, никто не могъ подозрѣвать того ужаснаго событія, которое лишитъ черезъ полтора мѣсяца Россію одной изъ рельефнѣйшихъ ея знаменитостей. Впрочемъ, въ это время нѣкоторые знавшіе Пушкина и, между прочими, А. Ө. Во-

ейковъ, говорили мнѣ, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ постоянно далеко не такъ веселъ и оживленъ, какимъ видѣлъ я его прежде и даже за мѣсяцъ предъ тѣмъ на пятничномъ вечерѣ у А. Ѳ. Воейкова (См. „Мое знакомство съ Воейковымъ“ № 11 „Р. Вѣстн.“ 1871) какая-то туча была на челѣ великаго поэта. Алексѣй Николаев. Гречъ, старшій сынъ Греча (впослѣдствіи женившійся на разведшейся съ знаменитымъ Карломъ Брюловымъ красавицѣ, урожденной Тимъ, сестрѣ извѣстнаго художника и издателя „Художественнаго Листка“) а также покойный братъ Греча Павелъ Ивановичъ, тогда полковникъ Л. Гв. Финляндскаго полка, разсказывали мнѣ во время имениннаго праздника, 6-го Декабря, что за два дня до имянинъ у Николая Ивановича 4 Декабря праздновались имянины его жены Варвары Даниловны и вмѣстѣ съ тѣмъ день рожденіе одной изъ дочерей. Замѣчательно, что Гречъ и семейство его лютеране, а жена реформатка или кальвинистка, какъ я уже и замѣтилъ, имѣли странное обыкновеніе праздновать порусски свои имянины, дѣлаясь на эти дни православными. Въ домѣ Греча былъ семейный праздникъ, на которомъ были почти все свои, родные. Часовъ въ девять вечера, проѣзжая по Мойкѣ изъ Коломны въ Англійскій клубъ (бывшій тогда въ Демидовомъ переулкѣ) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ увидѣлъ сильное освѣщеніе у Греча и, думая найти у него литературное сборище объ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара, заѣхалъ изъ любопытства на минутку; но неожиданно попалъ на семейный праздникъ и былъ особенно восторженно принятъ своимъ страстнымъ поклонникомъ Колей Гречемъ, который не отставалъ отъ него и которому Пушкинъ выражалъ свою искреннюю симпатію. Пушкинъ не отказался отъ бокала шампанскаго и просилъ Колю прочесть отрывокъ изъ его „Бориса Годунова“, восхищался дикціей и вѣрностью интонаціи и предрекалъ, что изъ этого мальчика долженъ образоваться второй Гаррикъ или Тальма. Это послѣднее предсказаніе Пушкина (какъ говорили тогда домашніе Греча и въ томъ числѣ мнѣ собственно одна изъ его молоденькихъ родственницъ Розалія Р****тъ, съ которой я часто танцовывалъ на вечерахъ) очень не полюбилось тогдашней женѣ Греча, немножко жеманной и педантичной, но доброй Варварѣ Даниловнѣ, которая по поводу этого предсказанія сказала: „Ces poètes ont toujours des idées si barroques!“ (У этихъ поэтовъ всегда такія вычурныя идеи). Какъ бы то ни было, а Пушкинъ, какъ замѣтили многіе, былъ не въ своей тарелкѣ, и нѣкоторые тутъ же на вечерѣ относили это къ тому, что онъ, въ качествѣ камеръ-юнкера, долженъ былъ бывать на частыхъ церемоніяхъ во дворцѣ, чрезъ что утомлялся физически и нравственно. Но позднѣйшія событія злополучной катастрофы 27-го Января 1837 года уже въ концѣ 1836 года послужили поясненіемъ той мрачной задумчивости, которая отразилась на всемъ лицѣ впечатлительнаго поэта и заставила его въ нѣсколько дней постарѣть на нѣсколько лѣтъ. Пробывъ 4 Декабря у Греча съ полчаса, Пушкинъ удалился. Гречъ самъ проводилъ его въ прихожую, гдѣ лакей Пушкина подалъ ему медвѣжью шубу и на ноги надѣлъ мѣховые сапоги.—„Все словно бьетъ лихорадка, говорилъ онъ, закутываясь, все какъ-то вездѣ холодно и не могу согрѣться: а порой вдругъ невыносимо жарко. Нездоровиться что-то въ нашемъ медвѣжьемъ климатѣ. Надо на югъ, на югъ!..“ Онъ это быстро говорилъ въ прихожей, куда за нимъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, его братомъ и сыновьями, высыпало нѣсколько человѣкъ веселившейся молодежи. Юноша Коля Гречъ, прощаясь съ Пушкинымъ, тутъ же сказалъ ему совершенно безсознательно, по видимому: „Ахъ ежели бы мнѣ привелось увидѣть васъ, Александръ Сергѣевичъ, въ цвѣтущихъ долинахъ этого юга, куда вы хотите поѣхать!“—

„Гора съ горой не сходится, замѣтилъ, какъ-то грустно улыбаясь, Пушкинъ, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется. До свиданія, Тальма en herbe!“ И онъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ сѣсть въ карету, а Коля сбѣжалъ за нимъ и провожалъ, до тѣхъ поръ пока Пушкинъ не сѣлъ въ экипажъ. На дворѣ было холодно, градусовъ не менѣе двадцати, т. е. зимній Николинъ день того года вполнѣ оправдывалъ поговорку простонародья: „Никола съ гвоздемъ“. Возвратясь съ мороза въ теплыя комнаты, вѣтренный Коля вмѣсто того, чтобы тотчасъ выпить чего нибудь горячаго, отказался отъ чашки шоколада, разносимаго въ это время гостямъ, вмѣстѣ съ десертомъ, и порывисто устремился къ подносу, на которомъ высилась bombe à la Sardanapale изъ превосходнаго разноцвѣтнаго мороженаго. и наложилъ себѣ его цѣлую хрустальную тарелочку. Потомъ, когда нанятый скрипачь, сопровождавшій повсюду тогдашняго танцовальнаго учителя Дютака, напился такъ пьянъ пуншемъ, что, какъ говорится, лыкомъ не вязалъ, —къ ройялю, въ огромной залѣ, сѣлъ извѣстный въ то время фортепіанный учитель, бывшій впослѣдствіи содержателемъ музыкальнаго магазина, и понынѣ носящаго его фирму, Бернаръ, и заигралъ веселый вальсъ. Тотчасъ Коля взялъ одну изъ сестеръ и полетѣлъ съ нею, а за нимъ всѣ молодые люди, тутъ бывшіе, за тридцать пять лѣтъ предъ симъ находившіе въ танцахъ то чего въ нихъ нынче молодежь не находитъ, — поэтическое наслажденіе. Однако танцы подъ фортепіано что-то не клеились, и мало по малу общество разъѣзжалось, претекстуя, большею частью, зовъ на именинные вечера къ Русскимъ Варварамъ, pure sang, а Коля Гречъ продолжалъ злоупотреблять мороженымъ, увѣряя всѣхъ, что нѣтъ ничего лучше этихъ ледяныхъ комковъ противъ мучительнаго внутренняго жара. Было ль, не было ль это началомъ болѣзни, только помню, что я Колю Греча встрѣтилъ послѣ 6-го Декабря какъ-то на Невскомъ передъ Рождественскими праздниками и нашелъ, что онъ далеко не такой розовенькій, какимъ я его привыкъ видѣть. Онъ отвѣчалъ мнѣ на мой вопросъ о его здоровьи, что ему что-то не здоровится эту пору послѣ именинъ; но, что это все пустяки и, конечно, скоро пройдетъ. Во время Рождественскихъ праздниковъ, я во Французскомъ книжномъ магазинѣ Белизара (что нынѣ Мелье) въ д. Голландской церкви. выбиралъ хорошенькую, конечно, не слишкомъ дорогую книжку для кого-то изъ знакомыхъ малютокъ, и тутъ столкнулся съ старшимъ сыномъ Греча Алексѣемъ Николаевичемъ, находившимся тогда на службѣ въ качествѣ переводчика въ редакціи Journal de St. Pétersbourg. Онъ мнѣ передалъ, что братъ его, Коля, совсѣмъ нездоровъ и не выходитъ изъ комнаты. Я заѣхалъ къ Гречу въ первый день Новаго (1837) года. Въ тѣ времена было въ обычаѣ не принимать дѣлающихъ лично церемонные визиты, чтобъ не тревожить ихъ безпрестаннымъ скидываніемъ и надѣваніемъ шубъ, такъ какъ при большомъ знакомствѣ приходилось дѣлать до сотни въ день заѣздовъ. Я отдалъ человѣку въ передней мои визитныя карточки и спросилъ о здоровьи Николая Николаевича. Слуга отвѣчалъ, что всю пору сидѣли дома, а сегодня выѣхали съ визитами къ попечителю и къ ректору Университета, да еще въ два-три знакомыхъ дома.

— „Ну, значитъ, болѣзнь прошла“, подумалъ я и вовсе не безпокоился объ Колѣ Гречѣ, почему тѣмъ больше 26 Января поразила меня вѣсть о его смерти, переданная мнѣ Цвѣтаевымъ.

Все эти мысли и воспоминанія наполняли мою голову. пока я шелъ по Мойкѣ отъ Полицейскаго моста къ дому Греча, на Мойкѣ же противъ самаго пѣшеходнаго почтамскаго мостика рядомъ съ громаднымъ Юсуповскимъ палаццомъ *).

*) Нынче весь этотъ домъ, принадлежащій другому владѣльцу, занятъ подъ огром-

Съ грустнымъ чувстомъ вошелъ я въ переднюю, гдѣ засталъ въ это время одного только стараго слугу Греча, хорошо извѣстнаго всѣмъ знакомымъ и вообще посѣтителямъ Николая Ивановича. Плёрёзы на воротникѣ и на рукавахъ чернаго платья этого преданнаго слуги, носившаго Колю нѣкогда на рукахъ, произвели на меня непріятное впечатлѣніе съ первой минуты моего входа въ этотъ домъ скорби. Старикъ узналъ меня тотчасъ и, принявъ мою шубу, повѣшенную имъ на вѣшалку, сказалъ, замѣтивъ разстройство на моемъ лицѣ:

— „Вы, конечно, все знаете и пришли проститься съ нашимъ ангельчикомъ". И добрый человѣкъ, не выдержалъ, залился слезами. Я не могъ удержать моихъ слезъ, и съ участіемъ обнялъ этого вѣрнаго и преданнаго служителя, который продолжалъ: — „Вы, сударь, „никого изъ семейства теперь не увидите: всѣ умаялись эти дни ужасно, и докторъ далъ даже Николаю Ивановичу какихъ-то капель, чтобъ онъ могъ заснуть. И вотъ теперь онъ, бѣдный, у себя на верху въ спальнѣ спитъ. Алексѣй Николаевичъ поѣхалъ по этимъ все дѣламъ, по похороннымъ-то; Варвара Даниловна совсѣмъ расхворались, Катерина Ивановна (т. е. сестра Греча) все хлопочетъ и мечется изъ угла въ уголъ; а дѣвицы наши (т. е. дочери Греча) гостятъ у дядюшки, у генерала-то Андрея Яковлевича (Ваксмута)". Все это старикъ мнѣ разсказывалъ передъ самыми дверями кабинета-залы, запертыми на ключь.

—„Лишняго люда, толковалъ старикъ, бережно отворяя дверь,. Николай Ивановичъ-то не приказали пускать смотрѣть на нашего покойника. У насъ у Русскихъ, конечно, обычай тотъ, что на покойника глазѣть, словно на чудо какое всѣ идутъ; а у нихъ, у лютеранъ, другіе, изволите видѣть, порядки: они не такъ-то любятъ, когда люди изъ одного любопытства только смотрятъ на ихъ усопшаго".

Огромная зала-кабинетъ, въ которой я такъ часто проводилъ пріятно вечера, на этотъ разъ была не совсѣмъ свѣтла, потому что всѣ окна ея и стеклянная дверь на балконъ въ садъ были завѣшаны бѣлыми сторами, зеркала обтянуты были чернымъ коленкоромъ, равно и какія только были тутъ картины. Большой столъ былъ сдвинутъ къ самой двери и освобожденъ отъ книгъ и бумагъ, а подлѣ стола стояла длинная темнозеленая кушетка, въ головахъ которой было поставлено довольно большое серебряное распятіе на черномъ постаментѣ, въ видѣ гранитнаго камня. На кушеткѣ этой лежалъ во весь ростъ, прямо и граціозно, словно заснулъ отъ усталости, Коля Гречъ въ своемъ студентскомъ мундирѣ съ васильковымъ воротникомъ и золотыми петлицами. Руки въ бѣлыхъ перчаткахъ были скрещены на груди. На покойникѣ не было никакого покрова, кромѣ легкой бѣлой дымки, которую старикъ-служитель бережно снялъ съ тѣла, и тогда, указывая мнѣ на сапоги покойника, сказалъ шопотомъ: „Въ послѣдній разъ ужъ со всѣмъ моимъ усердіемъ постарался для моего голубчика молодаго барина, и ужъ такъ вычистилъ, какъ, право, кажется, при жизни его никогда не чистилъ". При другихъ обстоятельствахъ, наивность эта, можетъ быть, разсмѣшила бы меня; но на этотъ разъ я не могъ смѣяться, да и вообще относиться легко къ чему бы то ни было. Я глядѣлъ на милаго усопшаго юношу, такъ много обѣщавшаго и заявившаго о себѣ въ жизни уже столько хорошихъ задатковъ прекраснаго будущаго. Болѣзнь и смерть не успѣли обезобразить милыя черты этого добраго, слегка улыбавшагося тогда, какъ бы восковаго лица, съ закрытыми глазами, окаймленными длинными вѣками.

Рѣдко случается видѣть такого изящнаго покойника, какимъ былъ этотъ рановременно скончавшійся юноша. Онъ

ную центральную кассу частной купли и продажи.

нисколько, кромѣ нѣкоторой желтоватой прозрачности нѣжной кожи на лицѣ, не былъ похожъ на мертваго. Вся кушетка, на которой онъ лежалъ, покрыта была множествомъ гирляндъ, вѣнковъ и букетовъ изъ натуральныхъ цвѣтовъ, которые въ разнообразныхъ вазахъ и сосудахъ разставлены были въ нѣсколько рядовъ на столѣ. Это были, большею частью, луковичныя цвѣтущія растенія, наполнявшія огромную комнату своими ароматами; а нѣсколько тропическихъ растеній у самаго изголовья и въ ногахъ склоняли свои громадные листья надъ покойнымъ, который, при жизни, страшно любилъ цвѣты, растенія и вообще все относящееся къ ботаникѣ. Я довольно долго любовался добрымъ Колей, свѣтлорусые кудри котораго, завитые самою природою, лежали слегка разметавшись на бѣлой атласной подушкѣ и, казалось, что вотъ сейчасъ онъ отворитъ этотъ пріятный ротикъ, теперь слегка закрытый и все таки улыбающійся, до того, что на щекахъ остались слѣды ямокъ.

—„Вотъ, шепталъ старикъ-слуга, вотъ такъ онъ и умиралъ, сердечный, все улыбался, увѣряя, что ему хорошо, очень хорошо; но потомъ, обращаясь къ отцу, сказалъ: „Увидишь Пушкина, Александра Сергѣевича, скажи ему, что Богу не угодно было, чтобы я пошелъ на театральную сцену, потому что я ухожу не въ театральную, а въ настоящую жизнь“.—Что̀ онъ, сердечный, хотѣлъ этимъ сказать, я ничего не понялъ; но все таки я записалъ себѣ на память въ календарѣ на листочкахъ эти его слова и не забуду ихъ. Вотъ поуспокоится Николай Ивановичь, такъ я спрошу его, что̀ это была за притча такая?“

Поцѣловавъ нѣсколько разъ въ холодный лобъ милаго Колю, сотворивъ крестное знаменіе по православному обычаю и даже склонясь на паркетъ, къ великому удовольствію старика слуги, который и самъ при этомъ исполнялъ тоже, казалось, съ чувствомъ особеннаго наслажденія,—я вышелъ въ передъзалу, а старикъ-слуга заперъ снова бережно дверь на ключь.

— „Когда хоронятъ?“, спросилъ я.

— „Завтра часа въ четыре по полудни, отвѣчалъ словоохотливый служитель, пріѣдетъ Нѣмецкій пасторъ, и при немъ въ гробъ положатъ. Гробъ чорный бархатный, весь какъ облитый серебряными басонами, готовъ у гробовщика еще со вчера; да вотъ Николай Ивановичь не хотятъ въ гробъ покойничка положить. Они говорятъ: „Пока Коля лежитъ на кушеткѣ, мнѣ все сдается, что онъ еще встанетъ; а ежели ляжетъ въ гробъ, то уже конецъ всякой надеждѣ на воскресеніе.“ Они не велѣли и на столъ-то класть тѣло, а чтобъ лежало вотъ какъ есть теперь на кушеткѣ, именно на той, на которой покойничекъ любилъ отдыхать, когда бывало вернется съ катка, что ли. Охъ! ужъ этотъ катокъ!“ *)

— „А что, спросилъ я машинально.

— „Да то-съ, отвѣчалъ онъ, что, кажется, Николай Николаевичь и простуду-то схватилъ на каткѣ этомъ проклятомъ. Впрочемъ началась-то простуда у него поистинѣ съ 4 Декабря, т. е. съ того самаго вечера какъ наканунѣ имянинъ, когда у насъ танцы были, пріѣзжалъ этотъ сочинитель-то Пушкинъ къ намъ, а нашъ-то молоденькій баринъ проводилъ его до экипажа. На дворѣ было холодно, да вѣтрено таково: онъ и схватилъ себѣ болѣзнь, да подмогъ ей еще этимъ проклятымъ каткомъ, о которомъ нашъ Ѳадей Венедиктовичь похвалы расписываетъ въ нашей „Пчелкѣ,“ а самъ, не бось, не пускается на немъ кататься:

*) Въ тѣ времена обычай кататься на конькахъ въ публикѣ еще не входилъ въ моду, и былъ во всемъ Петербургѣ только одинъ всего катокъ, принадлежавшій какому-то Англійскому обществу конкобѣжцевъ и устроенный на Невѣ противъ Англійской набережной. Но и въ то время Булгаринъ въ своемъ субботнемъ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“ настаивалъ постоянно на пользѣ и необходимости этого упражненія.

боится видно, что жиру-то у него тогда сойдетъ знатно.“

На слѣдующій день, 27 Января, я, облекшись въ приличный, по тогдашнимъ понятіямъ, трауръ, т. е. весь въ черномъ до перчатокъ включительно, въ бѣломъ галстукѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ-цилиндрѣ и съ большимъ крепо вымъ бантомъ на правомъ обшлагѣ фрака, часу въ пятомъ, явился въ домъ Н. И. Греча, гдѣ нашелъ бѣднаго этого отца въ самомъ убійственномъ состояніи нравственной убитости. Онъ, бѣдный, казалось мнѣ, постарѣлъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ и безпрестанно бросался къ покойнику, уже положенному въ гробъ. Стеченіе посѣтителей было огромное: всѣ родственики, друзья и знакомые (а послѣднихъ у Греча было множество) почти весь городъ, и, достойно вниманія, что не было почти человѣка, который не раздѣлилъ бы съ Николаемъ Ивановичемъ искренно его печали. Особенно рельефно и трогательно проявлялись студенты здѣшняго университета, все малодёжь такая прекрасная, впечатлительная и державшая себя съ милою юношескою задушевностью. Гробъ былъ поставленъ на колесницу съ балдахиномъ, и она двинулась, предшествуемая факельщиками съ настоящими дымящимися факелами, потому что въ то время нынѣшнихъ фонарей (нововведенія начала пятидесятыхъ годовъ) еще не было. Студенты окружали колесницу съ обѣихъ сторонъ, а за гробомъ тотчасъ шло семейство съ громадною толпою посѣтителей, въ числѣ которыхъ я увидѣлъ, кромѣ многихъ изъ пишущей братіи, почти всѣхъ драматическихъ артистовъ сценъ Русской Французской и Нѣмецкой; сверхъ того тутъ было не мало музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ. Однимъ словомъ, кажется, весь интеллектуальный и артистическій Петербургъ находился на этомъ трогательномъ погребеніи, и каждый старался показаться кому нибудь изъ членовъ семейства, чтобы быть замѣченнымъ и чтобы чрезъ то выразить какъ свои симпатіи къ покойному юношѣ, такъ и заявить горестному отцу и всему семейству свое искреннее участіе въ этой потерѣ. У лютеранъ въ церкви гроба не открываютъ, почему Гречъ и всѣ близкіе къ усопшему окончательно простились съ нимъ еще на дому, гдѣ крышка гроба была уже навсегда завинчена.

Скрежетъ винтовъ дѣйствовалъ на всѣхъ предстоявшихъ, болѣе или менѣе уже разстроенныхъ, самымъ непріятнымъ образомъ. Это была самая страшная для родителей и родственниковъ минута. Николай Ивановичъ нѣсколько минутъ оставался въ обморокѣ. Когда его привели въ чувство, то доктора (а ихъ тутъ было множество) уговаривали его остаться дома, лечь въ постель и не ѣздить ни въ церковь, ни на кладбище. Но послѣ обморока, онъ вдругъ какъ будто оживился и воскликнулъ: „Я не только буду сопровождать Колю моего до послѣдняго его жилища, но ни за что не сяду въ карету, а непремѣнно пойду пѣшкомъ: это даже будетъ мнѣ полезно“. И дѣйствительно, видно это было ему хорошо, потому что Николай Ивановичъ, не взирая на то, что зимній день былъ довольно холодный, хотя и совершенно безвѣтренный, все время шелъ отъ своего дома до Петропавловской церкви на Невскомъ проспектѣ близъ Полицейскаго моста, безъ шляпы, въ легкой шубѣ въ накидку и, съ свойственною ему словоохотливостью, бойко хотя и въ полголоса разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ лицъ, къ нему подходившихъ, разумѣется, преимущественно, о сынѣ, котораго онъ страстно любилъ и котораго такъ преждевременно лишился, именно въ ту минуту когда только что началъ возлагать надежды на улыбавшуюся ему блестящую будущность. Достойно вниманія, что карьера знаменитаго драматическаго артиста, которую за полтора почти мѣсяца предъ тѣмъ, 4-го Декабря 1836 года, предрекалъ ему Пушкинъ, вовсе не казалась Гречу для сына его невозможною и, идучи за гробомъ своего Коли,

онъ объ этомъ говорилъ съ окружавшими его, вспоминая порученіе, данное ему покойнымъ за немного часовъ до конца, о томъ, чтобъ сказать Пушкину, что „ему не удалось войти въ театральную, лицедѣйную жизнь, потому что онъ уходитъ въ жизнь настоящую, въ которой нѣтъ ничего лицедѣйнаго". При этомъ Гречъ спросилъ: „Послано ли было приглашеніе къ Александру Сергѣевичу? Онъ такъ любилъ Колю моего!"

— „Какъ же, было послано съ курьеромъ изъ нашего министерства, а не по городской почтѣ", сказалъ Николай Ивановичъ Юханцовъ, служившій тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Греча, по редакціи Journal de St. Pétersbourg помощникомъ редактора, графа Сансе.

— „Но только, продолжалъ Юханцовъ конфиденціально, какъ мнѣ говорилъ курьеръ, котораго я посылалъ къ Александру Сергѣевичу, тамошнее лакейство ему сказывало, что ихъ баринъ эти дни словно въ какомъ-то разстройствѣ: то пріѣдетъ, то уѣдетъ куда-то, загонялъ нѣсколько парныхъ мѣсячныхъ извощиковъ, а когда бываетъ дома, то свищетъ нѣсколько часовъ сряду, кусаетъ ногти, бѣгаетъ по комнатамъ. Никто ничего понять не можетъ, что съ нимъ дѣлается".

— „Вѣрно, пишетъ новую поэму", сказалъ Гречъ, никуда столько дней не выѣзжавшій, а потому и не знавшій ничего о тогдашнихъ городскихъ слухахъ, противъ своего обычая знать все первому.—„Я знаю, онъ обыкновенно такъ ведетъ себя, пока новое произведеніе создается въ головѣ его. Ежели онъ что нибудь превосходное напишетъ, не въ родѣ, конечно, всего того, что по червонцу за стихъ недавно продавалъ нашему добрѣйшему Александру Филипповичу (Смирдину) *), да напечатаетъ въ своемъ „Современникѣ" хоть въ видѣ приложенія, то журналъ этотъ вдругъ дойдетъ до десяти или двѣнадцати тысячъ подписчиковъ. Ежели Сведенборгисты не врутъ, и душа дѣйствительно живетъ такою же загробною жизнью, какъ мы здѣсь, то моему Колѣ будетъ наслажденіе прочесть на томъ свѣтѣ въ его новой жизни то, что написалъ оставшійся здѣсь обожаемый имъ Пушкинъ".

Николай Ивановичъ Юханцовъ, облагодѣтельствованный Гречемъ и сильно къ нему привязанный, всегда отличавшійся холодностью формъ, имѣвшихъ въ себѣ много педантичнаго и напускнаго, искренно любилъ Греча, а потому, замѣтивъ изъ этихъ словъ его расположеніе къ собесѣдованію, долженствовавшему разсѣять его мрачныя мысли, сказалъ полутаинственно, что въ городѣ относительно А. С. Пушкина идутъ иные толки, а именно, что поговариваютъ о какихъ-то домашнихъ, очень прискорбныхъ, недоразумѣніяхъ, о какихъ-то подметныхъ и другихъ письмахъ, даже толкуютъ, что все это можетъ кончиться дуэлью между Пушкинымъ и какимъ-то кавалергардскимъ офицеромъ Дантесомъ, который приходится, съ лѣвой стороны, близкою родней; просто побочнымъ сыномъ Голландскому посланнику барону Гекерену.

Эта городская сплетня могла бы, конечно, больше заинтересовать Греча, даже во время печальнаго шествія за гробомъ сына; да дѣло въ томъ, что разсказъ Юханцова совпалъ именно съ тою минутою, когда церемонія остановилась у портала Петропавловской церкви, и множество лицъ бросилось къ гробу, чтобъ внести его въ церковь и поставить на возвышенный катафалкъ, противъ котораго съ каѳедры пасторъ

*) Это могъ быть намекъ на слабѣйшее изъ самыхъ слабыхъ произведеній А. С. Пушкина, именно поэму „Анжело" съ безчисленнымъ множествомъ стиховъ, оплаченныхъ по червонцу, что составило, какъ тогда говорили, сумму вдвое бо́льшую той, какую до тѣхъ поръ Пушкинъ выручилъ продажею права изданія книгопродавцамъ за всѣ свои безсмертныя творенія. В. Б. Пушкинъ, напротивъ, рѣдко довольный своими произведеніями, очень высоко цѣнилъ „Анжело". *П. Б.*

произнесъ свою рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ, полную чувства и высокихъ христіанскихъ понятій.

По окончаніи рѣчи, продолжавшейся, (по обычаю Нѣмецкихъ пасторовъ) почти до семи часовъ, покрытый гирляндами и вѣнками гробъ, снятый съ катафалка, былъ снова принятъ множествомъ посѣтителей. Проталкиваясь въ толпѣ довольно густой, чтобъ участвовать въ отдавіи послѣдняго долга покойному, столь любимому мною, юношѣ, я нечаянно очутился на томъ мѣстѣ въ головахъ, гдѣ придерживалъ посеребренную скобу скорбный отецъ, предавшійся въ это время снова всей своей горести. Публики было такъ много, что несшимъ гробъ двигаться было трудно, какъ ни старались студенты, бывшіе, бо̀льшею частью, въ ногахъ, раздвигать толпу, прося всѣхъ посторониться. Мы шли шагъ за шагомъ. Въ это время Гречъ взглянулъ въ сторону и увидѣлъ меня. Замѣтивъ на лицѣ моемъ искреннее разстройство, а не напускную печаль и увидѣвъ, что глаза мои были красны и опухли отъ слезъ, которыхъ я не могъ удержать, Николай Ивановичъ привѣтливо протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Спасибо! Вы одинъ изъ тѣхъ, которые всею душею любили моего Колю. Я слышалъ, вы вчера посѣтили его и долго оставались при немъ. Спасибо, спасибо! Всѣмъ, всѣмъ благодаренъ отъ души! Это стеченіе здѣсь всѣхъ любившихъ моего Колю хоть сколько нибудь успокоиваетъ меня. Надо испытать горе, чтобъ узнать друзей“. Онъ говорилъ это, плача почти на взрыдъ. Кто-то, не помню, кажется ежели не ошибаюсь, генералъ Андрей Яковлевичъ Ваксмутъ, который былъ женатъ на меньшой сестрѣ Греча, умершей за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, сказалъ ему, что въ числѣ посѣтителей, провожающихъ Колю, явились даже тѣ, которые считаются его журнальными врагами, и что это доказательство того, что война изъ за мнѣній не измѣняетъ чувствъ человѣческихъ въ людяхъ порядочныхъ.

— „Тѣмъ болѣе мнѣ жаль, отозвался Николай Ивановичъ, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго боготворилъ мой Коля, о которомъ онъ говорилъ въ послѣдніе часы своей жизни, не захотѣлъ почтить сегодня насъ своимъ присутствіемъ. Но вѣдь всѣ эти господа-аристократы мнятъ о себѣ такъ много и считаютъ себя людьми другой кости“.

Въ этотъ моментъ произошло какое-то движеніе, совершенно неожиданное; сбоку чрезъ толпу кто-то пробирался съ великимъ усиліемъ, чрезъ что толпа сперлась, сомкнулась близь гроба, и я, совершенно неожиданно для себя, былъ оттѣсненъ въ сторону, такъ что волею неволею долженъ былъ податься назадъ къ самому катафалку и никакъ не могъ разглядѣть, кто именно подошелъ къ Гречу и сказалъ тогда ему довольно громко:

— „Николай Ивановичъ! Не грѣшите на бѣднаго Пушкина, не упрекайте его въ аристократизмѣ, благодаря которому теперь, когда вы здѣсь оплакиваете сына, вся Россія оплакиваетъ Пушкина. Да, — онъ сегодня дрался на дуэли и палъ отъ смертельной пули, которую не могли вынуть *).

Тогда до слуха моего дошли слова Греча: „Велика, ужасна моя потеря, но потеря Пушкина Россіею ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это несчастіе нашей литературы! Это народная утрата!“... Дальнѣйшихъ словъ я не могъ разслышать за сдѣлавшимся смятеніемъ, среди котораго раз-

*) Въ то время я уже велъ мой ежедневникъ; но тогда, конечно, и въ голову мнѣ не приходило, что эти „Записки“, когда нибудь, 35 или болѣе лѣтъ спустя, будутъ въ печати, какъ мои личныя „Воспоминанія“. Ежели бы я имѣлъ это въ виду, то, конечно, справился бы подробно о томъ, кто именно былъ этотъ вѣстникъ. Суматоха, произведенная въ то время извѣстіемъ о смерти Пушкина, который тогда впрочемъ былъ еще только жестоко, хотя и смертельно, раненъ, не дала мнѣ возможности справиться, кто именно былъ этотъ вѣстникъ гибели нашего безцѣннаго поэта.

давались только слова, долетавшія до моего слуха: „Кто смѣлъ убить Пушкина? — Не можетъ быть, чтобъ это былъ Русскій человѣкъ!“—На это слышался отвѣтъ откуда-то: „Французъ Дантесъ, офицеръ нашей гвардіи и полотеръ въ аристократіи“. —„Смерть убійцѣ Пушкина!“

— „Не съ однимъ, съ сотнями ему придется стрѣляться. — Мы найдемъ его!“—Опять слышался голосъ и, какъ казалось мнѣ, все одинъ и тотъ же: „Онъ арестованъ, онъ на гауптвахтѣ“.— „Ему по военнымъ законамъ крѣпостныя работы“.—„Мы и въ Динабургѣ найдемъ его!“ Опять слышались голоса: „Это не возвратитъ Россіи Пушкина“.— „Русскіе люди отмстятъ иностранцу“.— Изъ толпы опять кто-то спокойно замѣтилъ: „Какъ иностранца, не давшаго присяги, его вышлютъ только за границу“.—„Наши пули и тамъ отыщутъ его!“, раздавались молодые голоса. —Мнѣ казалось, что у гроба милаго мальчика, съ которымъ Пушкинъ еще недавно былъ такъ благосклонно ласковъ, гремѣла месть за кровь невозвратимаго поэта. Въ этихъ отрывочныхъ восклицаніяхъ, въ эту торжественно-печальную минуту было что-то особенно торжественное и значительное.

Среди всей этой суматохи наконецъ гробъ вынесли изъ церкви и поставили на колесницу, которая медленнымъ шагомъ четырехъ траурныхъ лошадей двинулась къ кладбищу. Гречъ продолжалъ идти непосредственно за гробомъ; но онъ шелъ уже въ шляпѣ и разговаривалъ довольно громко и свободно съ окружавшими его о Пушкинѣ. Молодые студенты были очень раздражены и, какъ говорили тогда въ городѣ, это восторженное настроеніе на похоронахъ сына Греча, проявленное, при полученіи извѣстія (правда преждевременнаго) о смерти Пушкина, было основною причиною тѣхъ чисто-жандармскихъ мѣръ, какія 29 Января, въ день смерти Пушкина и потомъ 1-го Февраля, въ ночь выноса тѣла его въ Придворную Конюшенную церковь, были приняты правительствомъ, во избѣжаніе какой нибудь восторженной ребяческой демонстраціи.

Во время движенія погребальной процессіи по Невскому Проспекту, когда уже совершенно стемнѣло и фонари зажглись по улицамъ, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ тогдашнихъ моихъ по военному министерству сослуживцевъ, Александръ Александровичъ Пейкеръ и предложилъ мнѣ отстать отъ церемоніи, тѣмъ болѣе, что съ нашей стороны долгъ покойному Колѣ отданъ; а вмѣсто путешествія на кладбище ѣхать теперь же въ домъ княгини Волхонской на Мойкѣ близь Пѣвческаго моста, гдѣ квартировалъ Пушкинъ, чтобъ узнать, точно ли онъ скончался или еще живъ. Я принялъ это предложеніе, и мы въ собственныхъ саняхъ Александра Александровича поѣхали къ означенному дому. Но мы нашли всю Мойку покрытую густыми толпами публики, среди которой тогдашніе полиціанты, въ треуголкахъ и красныхъ воротникахъ съ блестящимъ серебрянымъ шитьемъ, уговаривали публику не толпиться и расходиться. Оставивъ сани, мы съ Пейкеромъ осторожно протискивались въ толпѣ, поминутно слыша восклицанія, на право и налѣво: „Какая ужасная потеря!“ „Это цѣлое событіе!“—„И за какой вдоръ, за какое-то салонное недоразумѣніе“. — „Охъ! ужъ эти женщины, всему онѣ причина!“ — „Да, да, правду говаривалъ Фуше: „Cherchez la femme!“ — „Говорятъ, осталось четверо малютокъ.“ — „Да, онъ смертельно раненъ; но живъ еще.“—„Богъ милостивъ, проживетъ еще на радость Россіи: у меня вонъ братъ съ пулей въ груди прожилъ двадцать лѣтъ, только все страдалъ одышкой“. — „Оно такъ; но здѣсь пуля вошла въ кишки и, кажется, произвела гангрену.“ — „Пока я здѣсь толкаюсь, уже три флигель-адъютанта изъ дворца пріѣзжали.“ — „Государь Императоръ, слышно, очень опечаленъ“.— Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ обры-

вочнымъ фразамъ, мы, наконецъ, пробрались къ самому подъѣзду, но на лѣстницу попасть никакъ не могли: тутъ стояли жандармы и полицейскіе офицеры и рѣшительно никого, безъ особаго приказа, не пускали. Стоя у подъѣзда, мы выжидали, не увидимъ ли кого изъ знакомыхъ, кто бы могъ дать намъ сколько нибудь точныя свѣдѣнія. Я узналъ сходившаго съ лѣстницы и садившагося въ сани свиты его величества генералъ-маіора Семена Алексѣевича Юрьевича, котораго встрѣчалъ иногда у тогдашняго Петербургскаго губернатора М. Н. Жемчужникова. Генералъ Юрьевичъ (за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умершій въ чинѣ генерала-отъ инфантеріи и совершенно слѣпой) состоялъ тогда при Особѣ Государя Наслѣдника Цесаревича. Садясь въ сани, ему поданные, онъ успѣлъ только сказать, обратясь ко мнѣ: „Надежда плохая! Больнаго я не видѣлъ; но Василій Андреевичъ (Жуковскій) въ отчаяніи. Ѣду во дворецъ разсказать Его Высочеству все, что знаю. Его Высочество очень, очень опечаленъ". — Спустя нѣсколько минутъ, къ подъѣзду подлетѣли сани парой съ пристяжной на отлётъ, какъ тогда бо̀льшею частью ѣздили въ Петербургѣ. Изъ саней выскочилъ флигель-адъютантъ въ треугольной шляпѣ съ поля съ черным пѣхотнымъ султаномъ. Оказалось, что это бывшій однополчанинъ Александра Александровича Пейкера, служившаго прежде въ гвардіи и въ гвардейскомъ штабѣ. Они дружески поздоровались и шопотомъ что-то поговорили. Я только разслышалъ слова флигель-адъютанта: „Велѣно переговорить сейчасъ съ Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ и съ Николаемъ Ѳедоровичемъ. Oh! c'est une histoire, cousue d'intriges! (О! это исторія, сплетенная изъ интригъ!)". — Послѣ этой краткой бесѣды шопотомъ, лицо добраго и чувствительнаго сослуживца моего, Александра Александровича приняло видъ еще болѣе прежняго грустный и даже какъ бы убитый. Онъ мнѣ только тихонько сказалъ: „Разскажу, когда будемъ одни". И онъ точно потомъ разсказалъ мнѣ отчасти то, что̀ вскорѣ узналъ весь городъ и что̀ впослѣдствіи, кажется, въ 1867 году, было подробно кѣмъ-то описано въ брошюрѣ, посвященной этому замѣчательному поединку, въ которомъ Пушкинъ очевидно искалъ смерти.

Мы уже собирались съ Пейкеромъ оставить нашъ постъ на подъѣздѣ квартиры умиравшаго поэта, какъ съ лѣстницы сбѣжалъ придворный лакей въ красной ливреѣ съ треуголкой въ галунѣ и крикнулъ на подъѣздѣ: „Карету лейбъ-медика Арендта". Придворная карета парой въ шорахъ, съ кучеромъ въ такой же треуголкѣ и красной ливреѣ, двинулась къ подъѣзду, гдѣ тотчасъ явился толстенькій, красный какъ ракъ Николай Ѳедоровичъ Арендтъ, всегда веселый и беззаботный, ласковый и простодушный, теперь нахмуренный и со слезами на глазахъ. Онъ привѣтливо, но печально отвѣчалъ на поклонъ знакомаго ему Пейкера и на вопросъ его: „Ну что, ваше превосходительство?", отвѣчалъ съ свойственною ему порывистостью:

— „Ну то, что очень плохо! Наша вся медицина ничего не сдѣлаетъ безъ царя Небеснаго. Земной же царь Русскій излилъ всю милость свою на страдальца и вниманіемъ своимъ помогаетъ бѣдному Александру Сергѣевичу. Чего добраго, царскія слова совершатъ чудо и возвратятъ Россіи Пушкина!".

— „Ура! ура! нашему Государю!", невольно вырвалось у Пейкера, когда карета Арендта отъѣзжала уже скорой рысью, а стоявшій около насъ неизвѣстный намъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, бравый и, судя по длиннымъ усамъ, отставной военный, снявъ шляпу и махая ею, гаркнулъ: „Ура!", въ полной увѣренности, что Арендтъ сообщилъ хорошую вѣсть о здоровьи драгоцѣннаго больнаго. Толпа, запружавшая улицу, услышавъ этотъ родной возгласъ, при-

нялась орать „Ура!“, не зная въ чемъ дѣло, но также махая шапками и шляпами. Бывшій тутъ жандармскій полицейскій офицеръ, т. е. въ ярко-свѣтло-голубомъ мундирѣ безъ аксельбантовъ (какіе присвоены были тогда лишь жандармамъ III Отдѣленія) очень сконфузился этой внезапной демонстраціей и просилъ публику радоваться, не нарушая уличнаго благочинія. Пейкеръ, нечаянная причина этого шума, почувствовавъ неосторожность своего возгласа, хотя и основаннаго на самомъ патріотическомъ чувствѣ, шепнулъ мнѣ, что намъ пора по домамъ, и мы разстались съ милымъ и многолюбимымъ мною Александромъ Александровичемъ, съ которымъ увидѣлись на другой день, какъ водится, въ залахъ военнаго министерства, гдѣ въ этотъ и въ послѣдующіе дни, разумѣется, главнымъ предметомъ всѣхъ нашихъ разговоровъ былъ обожаемый всѣми нами Пушкинъ, скончавшійся, какъ извѣстно, 29 Января.

Памятенъ мнѣ день 27 Января 1837 года еще тѣмъ, что проведенный мною отчасти на похоронахъ искренно любимаго мною юноши, отчасти у подъѣзда дома, гдѣ умиралъ тогда безсмертный Русскій поэтъ, день этотъ законченъ былъ мною совершенно противуположно,—въ качествѣ будущаго шафера на сговорномъ вечерѣ тогдашняго моего хорошаго и короткаго пріятеля, съ которымъ я началъ службу мою въ 1828 году подъ общимъ начальствомъ Д. Г. Бибикова. Этотъ тогдашній мой пріятель, будучи въ тѣ дни секретаремъ при директорѣ департамента внѣшней торговли и редакторомъ „Коммерческой Газеты“, квартировалъ вмѣстѣ съ своею почтенною родительницею, незабвенною, и добрѣйшею и очень типичною старушкою Надеждою Григорьевною, въ домѣ Офросимова на углу Царицына Луга и Мойки, противъ театральнаго моста, въ третьемъ этажѣ, гдѣ были очень обширныя залы, и въ этихъ-то залахъ счастливый молодой женихъ, бывшій немного старше меня, принималъ свою, блиставшую юностью и миловидностью, невѣсту, только что оставившую учебную скамью Смольнаго монастыря, настоящую Смольяночку. Катастрофа, совершившаяся съ Пушкинымъ, не могла же, при всемъ благоговѣніи къ поэту, остановить семейное торжество въ домѣ, не связанномъ съ нимъ никакими родственными узами, кромѣ тѣхъ узъ искренняхо, глубокосердечнаго уваженія и любви, какія нравственно связывали всю мыслящую, интеллигентную Россіею съ поэтомъ. Во время сговорнаго бала мы всѣ часто вспоминали о Пушкинѣ и старались оправдать нашу веселость утѣшительными извѣстіями, полученными о состояніи здоровья несчастнаго поэта, которому впрочемъ въ ночь съ 27 на 28 Января дѣйствительно было получше, въ чемъ еще завѣрилъ всѣхъ насъ добрѣйшій Николай Ѳедоровичъ Арендтъ, другъ этого семейства, пріѣхавшій, какъ теперь помню, въ два часа ночи прямо къ ужину и кушавшій съ аппетитомъ, возбужденнымъ тревожнымъ днемъ и проблескомъ надежды на спасеніе Пушкина. Я передалъ при немъ тутъ же послѣдствія того „Ура!“, которое сорвалось у Пейкера вслѣдствіе его ему разсказа о милостяхъ къ Пушкину Императора, и добрякъ Николай Ѳедоровичъ смѣялся, говоря, что завтра же разскажетъ объ этомъ фипрофно ея величеству Государынѣ Императрицѣ.

Не могу еще здѣсь не вспомнить того, что во время мазурки на этомъ передъ-свадебномъ дружескомъ балѣ, какъ дамы такъ и кавалеры, участвуя въ фигурѣ, требующей раздачи различныхъ названій, выбирали эти названія изъ стихотвореній Пушкина, какъ: Бахчисарайскій Фонтанъ, Онѣгинъ, Татьяна, Кавказскій Плѣнникъ, Цыгане, Русланъ, Людмила и пр. и пр. Я, какъ недавній сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“ и никогда въ дни моего сотрудничества не любившій знаменитаго Ѳаддея Венедиктовича Булгарина, назвалъ себя Косичкинымъ, такъ какъ подъ этимъ псевдонимомъ Пушкинъ разилъ Булгарина въ

своей съ нимъ полемической схваткѣ, печатанной въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, прозвавъ его Фиглярипымъ. Пришлось однако mettre les points sur les i, объяснить дамамъ эту журнальную суть псевдонима Косичкина.

Тотъ, кто 27 Января 1837 года праздновалъ свой сговоръ съ бѣлокурой, голубоглазой избранницей своего сердца, Г. П. Н****ъ здравствуетъ и понынѣ, находясь на высотахъ административной гіерархіи, въ качествѣ статсъ-секретаря и члена Государственнаго Совѣта. Онъ, можетъ быть, случайно, среди своихъ государственныхъ занятій и окруженный многочисленнымъ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ сыновей на службѣ, замужнихъ дочерей и даже изъ внучатъ, — прочтетъ не безъ удовольствія эти строки въ „Воспоминаніяхъ Петербургскаго старожила“, тогдашняго шафера и недавняго, въ тѣ времена, сослуживца его высокопревосходительства.

Надежды врачей и друзей Пушкина не оправдались: онъ скончался, какъ извѣстно, 29 Января въ 3-мъ часу дня. Толпа публики стѣною стояла противъ оконъ, завѣшанныхъ густыми занавѣсами и шторами, стараясь проникнуть въ комнаты, гдѣ выставлено было тѣло на вѣки умолкшаго пѣвца, чтобъ проститься съ нимъ; но впускъ былъ затруднителенъ, и нужно было даже пользоваться какою нибудь протекціею, чтобъ привести въ исполненіе это столь естественное желаніе всякаго Русскаго человѣка, маломальски не холодно относившагося къ очаровательной Пушкинской поэзіи. Наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, мнѣ это удалось, при содѣйствіи спускавшагося въ то время съ лѣстницы адъютанта военнаго министра, капитана гвардейской конной артиллеріи, графа Штакельберга *). Въ это время, когда графъ Штакельбергъ оказывалъ мнѣ свое содѣйствіе, о томъ же сталъ его просить армейскій уланскій офицеръ съ бѣлыми отворотами на синемъ мундирѣ, и съ бѣлою уланскою шапкою на головѣ, и въ офицерѣ этомъ я узналъ одного изъ частыхъ посѣтителей танцовальныхъ вечеровъ полковника Вильгельма Ивановича Карлгофа, гдѣ мы съ нимъ нерѣдко встрѣчались. То былъ сынъ знаменитаго патріота 1812 года, добрѣйшаго и чрезвычайно своеобразнаго человѣка и извѣстнаго нашего писателя, Сергѣя Николаевича Глинки, Владиміръ Сергѣевичъ, помнится, любившій отчасти пописывать стихи и печатавшій ихъ въ альманахахъ и журналахъ того времени.—Мы нашли темнофіолетовый бархатный гробъ съ тѣломъ Пушкина, въ полутемной комнатѣ, освѣщенной только красноватымъ и мерцающимъ огнемъ отъ нѣсколькихъ десятковъ восковыхъ церковныхъ свѣчей, вставленныхъ въ огромные шандалы, обвитые крепомъ. Комната эта, помнится, желтая, по видимому, была столовая, такъ какъ въ ней стоялъ огромный буфетъ. Окна, два или три на улицу, были завѣшаны, а на какую-то картину, писанную масляными красками и на довольно большое зеркало, были наброшены простыни. Гробъ стоялъ на катафалкѣ въ двѣ ступеньки, обитомъ чернымъ сукномъ съ серебряными галунами. Катафалкъ помѣщенъ былъ противъ входной двери; въ ногахъ былъ налой, у котораго дьячекъ въ черномъ плисовомъ стихарѣ съ серебряными же галунами, стоя спиною къ входныхъ дверямъ, читалъ псалтырь. Тѣло покойника, сплошь прикрытое бѣлымъ крепомъ, было почти все задернуто довольно подержаннымъ парчевымъ палевымъ покровомъ, по видимому, взятымъ на прокатъ отъ гробовщика или изъ церкви. Вошедшій одновременно съ нами лакей въ глубокомъ трауръ, бережно и крестясь, отложилъ покровъ и крепъ, чрезъ что, при красноватомъ свѣтѣ восковыхъ церковныхъ большихъ и малыхъ свѣчей, открылся до пояса нашъ обожаемый поэтъ, на котораго мы оба,

*) Онъ недавно умеръ въ качествѣ посла во Франціи въ послѣдніе уже дни второй Имперіи, будучи генералъ-адъютантомъ и въ чинѣ генерала отъ артиллеріи.

В. С. Глинка и я, жадно устремили наши глаза, не забывъ однако совершить обычное поклоненіе до земли и цѣлованіе образа на груди усопшаго. Могу сказать положительно, что въ 2 часа по полудни 30 Января, когда я видѣлъ тѣло безсмертнаго поэта, кромѣ обыкновенной восковой мраморности вполнѣ застывшаго трупа съ прочно и крѣпко закрытыми глазами и ртомъ чуть чуть отверстымъ, обнаруживавшимъ прекрасные зубы, никакихъ другихъ признаковъ мертвенности и разрушенія замѣтно не было. Лицо было необыкновенно спокойно и очень серіозно, но ни сколько не мрачно. Великолѣпные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушкѣ, а густыя бакенбарды окаймляли впалыя щеки до подбородка, выступая изъ подъ высокозавязаннаго чернаго широкаго галстука. На Пушкинѣ былъ любимый его темнокоричневый *) сюртукъ, въ какомъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, при жизни его, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года, на одномъ изъ Воейковскихъ вечеровъ, о чемъ я подробно разсказалъ въ XI № „Русскаго Вѣстника" 1871 года въ статьѣ моей: „Знакомство съ Воейковымъ". Что на покойникѣ Пушкинѣ въ гробу былъ не черный, а темнокоричневый съ отливомъ сюртукъ, то это подтвердилъ и тотъ слуга его, который былъ при насъ во все время, пока мы съ Глинкой грустно-внимательно глядѣли на черты нашего угасшаго поэта и какъ бы врѣзывали ихъ себѣ въ память. Ежели бы я умѣлъ сколько нибудь правильно владѣть орудіями живописи, карандашемъ или кистью, то на память могъ бы возсоздать портретъ Пушкина въ гробу такой, который былъ бы несравненно лучше той литографіи, какая нѣсколько дней послѣ его смерти явилась во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ и была далеко не удовлетворительна ни въ смыслѣ сходства, ни въ смыслѣ искусства художника. Около получаса простояли мы тутъ, не сводя глазъ съ покойнаго Александра Сергѣевича, при чемъ Глинка, знавшій наизустъ всего почти Пушкина, читалъ полушопотомъ, словно молитву, отрывки изъ различныхъ его стихотвореній, преимущественно тѣ, въ которыхъ поэтъ жалуется на жизнь и не находитъ въ ней ничего привлекательнаго. Наконецъ старый слуга напомнилъ, что намъ пора удалиться, потому что сейчасъ начнется панихида для семейства и для близкихъ друзей покойнаго, которые уже собрались въ сосѣдней комнатѣ. Бросивъ послѣдній взглядъ на лицо Пушкина, лежавшаго въ гробу и помолясь, мы вышли.

*) А не черный, какъ это, кажется, въ „Русскомъ Архивѣ" описывалъ почтенный баронъ Бюлеръ.

Когда съ Глинкою, оба полные думъ о Пушкинѣ, мы сошли съ лѣстницы и вышли на улицу, гдѣ у подъѣзда все еще толпилось нѣсколько десятковъ человѣкъ и между ними замѣтны были синіе воротники и треуголки студентовъ, — намъ привелось услышать замѣчанія публики, обращенныя къ намъ, о томъ, что и для того, чтобъ поклониться праху великаго поэта земли Русской, нужна протекція; потому что все, касающееся погребенія Пушкина, поручено жандармскому генералу Дубельту, распоряжающемуся тутъ вполнѣ пополицейски. Въ тѣ времена такія рѣчи сходили съ рукъ, и никто на такое ворчанье публики не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; а когда о чемъ нибудь довольно рѣзкомъ по части городской болтовни докладывали Императору Николаю Павловичу, то, какъ нерѣдко разсказывали тогда, онъ улыбался, приговаривая: „Пусть квакаютъ!" или иногда употреблялъ въ отвѣтъ окончаніе басни Крылова „Слонъ и Моська", т. е.: „А онъ идетъ себѣ, идетъ, и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ". Настоящія строгости полицейскаго надзора, породившія въ Петербургскомъ обществѣ нѣкоторую опасливость и осторожность и отразившіяся на всемъ бытѣ общественномъ, начались лишь съ 1848 года, отчасти благодаря Февральской революціи, произ-

ведшей броженіе во всей Европѣ, въ особенности же благодаря открытію гнуснаго и нелѣпаго заговора, извѣстнаго подъ названіемъ „Заговора Общества Петрашевскаго“.

И такъ мы съ Глинкой, выйдя изъ подъ воротъ отъ подъѣзда, пошли рядомъ, имѣя одну дорогу.

— „У меня въ карманѣ, сказалъ Глинка, любившій тщеславиться тѣмъ, что онъ достаетъ прежде многихъ различные стихи, пользовавшіеся рукописной славой, прелестные стихи, которые вчера только ночью написалъ одинъ лейбъ-гусаръ, тотъ самый Лермонтовъ, котораго маленькая поэмка Гаджи-Абрекъ и еще кое-какіе стишки были напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и которые тотъ, чьи останки мы сейчасъ видѣли, признавалъ блестящими признаками высокаго таланта. Судьбѣ угодно было чтобъ этотъ Лермонтовъ оправдалъ слова безсмертнаго поэта и написалъ на его. вкончину стихи высокаго совершенства Хотите, я вамъ ихъ прочту?“

— „Сдѣлайте одолженіе прочтите, Владиміръ Сергѣевичъ, сказалъ я, да только какъ же читать-то на морозѣ? А вотъ вѣдь мы въ двухъ шагахъ отъ кондиторской Вольфа (у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), зайдемте туда, велимъ дать намъ по стакану кофе и займемся этими стихами“.

— „Ловко ли будетъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ, читать эти стихи въ публичномъ мѣстѣ? Впрочемъ, въ нихъ нѣтъ ничего такого, что могло бы произвести въ какомъ нибудь маломальски разумномъ мушарѣ злую мысль сдѣлать на насъ доносъ. Въ нихъ лишь выражается рѣзко и сильно та скорбь, которую чувствуетъ каждый изъ насъ по случаю этой несчастной катастрофы, вмѣстѣ съ гнѣвомъ на общество, не умѣвшее защитить поэта отъ безвыходной случайности, а также и на безсовѣстнаго иноземца, дерзнувшаго пустить роковую пулю не на воздухъ, а въ сердце великаго поэта“.

— „Ну, такъ, чтожъ, замѣтилъ я, вы мастерски читаете, прочтите Бога ради мнѣ эти стихи, которые я тотчасъ тамъ же и спишу“.

Мы вошли въ кондитерскую, гдѣ встрѣтили двухъ-трехъ знакомыхъ намъ молодыхъ людей и между ними добрѣйшаго барона Егора Ѳедоровича Розена, что-то декламировавшаго посреди кучки военной и статской молодежи. Онъ, какъ извѣстно, говорилъ и читалъ всегда съ своимъ особеннымъ оригинальнымъ акцентомъ и съ тѣмъ восторженнымъ завываньемъ, которое Французы называютъ hoquet dramatique, т. е. драматическою икотою. Но свои собственныя произведенія милѣйшій баронъ читалъ уже обыкновенно съ такимъ паѳосомъ, что трудно было удержаться, слушая его, ежели не отъ смѣха, то по крайней мѣрѣ отъ улыбки. Оказалось, что онъ читалъ стихи своего творенія на смерть Пушкина, и въ стихахъ этихъ была страшная кутерьма, представлявшая смѣсь миѳологіи Греческой съ Славянскою, Германскаго мистицизма и Русскаго молодечества, историческихъ воспоминаній и біографическихъ подробностей о Лицеѣ, о Крымѣ, Кавказѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Все вмѣстѣ былъ громкій наборъ фразъ и словъ трескучихъ и эффектныхъ, съ стихомъ трудно вырубленнымъ, то риѳмованнымъ очень рѣзко, то бѣлымъ, то гекзаметромъ: но въ этомъ хаосѣ искрились двѣ-три счастливыя мысли, которыя, впрочемъ, всего менѣе привлекали вниманіе самого автора, а подмѣчались только слушателями. Когда онъ кончилъ и, поздоровавшись съ нами, узналъ, что мы сейчасъ отъ Пушкина, при гробѣ котораго остались бы долго, ежели бы не долженствовавшая начаться панихида, онъ вдругъ вспомнилъ, что самъ приглашенъ Васильемъ Андреевичемъ (Жуковскимъ) на эту панихиду къ Пушкину, почему, сильно дрыгнувъ своими серебряными майорскими эполетами, накинулъ шинель съ бобровымъ (и очень потертымъ) воротникомъ, надѣлъ на голову шляпу съ когда-то бѣлымъ иста-

сканнымъ султаномъ, и простился со всѣми нами. Гремя шпорами и саблей, собрался онъ уходить, какъ вдругъ извѣстный въ нашемъ кругу шутникъ, острякъ и весельчакъ, мой сослуживецъ по военному министерству и какъ бы сотоварищъ Пушкину, хотя одного изъ позднѣйшихъ выпусковъ Царкосельскаго Лицея (т. е. кажется, 1835 года) молодой человѣкъ, Левъ Львовичъ Карбоньеръ (сынъ извѣстнаго инженернаго Француза генерала) остановилъ Розена, слегка прикоснувшись къ капишону его военной шинели и, обращаясь къ нему съ самымъ серьознымъ видомъ, слегка заикаясь и пришепетывая, сказалъ: „Баронъ! Послѣ панихиды вы, вѣроятно, будете всему тамъ обществу читать ваши стихи?“ — „Непремѣнно“, отвѣчалъ Розенъ.—„Ну такъ вотъ что, господа, продолжалъ Карбоньеръ, идемъ всѣ къ дому Пушкина, чтобъ имѣть счастье первымъ быть свидѣтелями того чуда, какое тамъ непремѣнно, увѣряю васъ, совершится. По моему твердому убѣжденію, стихи барона Егора Ѳедоровича таковы, каковы были звуки голоса Орѳея: они способны воскрешать мертвыхъ, и имъ мы будемъ обязаны тѣмъ, что нравственно-безсмертный поэтъ нашъ во истину въ тѣлесахъ даже окажется безсмертнымъ!“

— „У этого мальчишки, крикнулъ Розенъ, вдругъ побагровѣвъ, ничего нѣтъ святаго. Онъ глумится надъ всѣмъ на свѣтѣ и не понимаетъ того, что тѣло тлѣнъ, а душа безсмертна, и потому я увѣренъ, что точно душа моего безцѣннаго Пушкина на лонѣ царя Небеснаго сладко улыбнется моимъ стихамъ“.

Онъ уже былъ за дверью кондиторской, и до него, къ счастью, не долетѣли слова скептика Карбоньера: „Не только улыбнется, расхохочется до упаду!“

Между тѣмъ мы съ Глинкой удалились въ заднюю комнату, гдѣ намъ былъ поданъ кофе и гдѣ Глинка очень хорошо прочелъ мнѣ извѣстное, находящееся нынѣ въ полномъ собраніи стихотвореній Лермонтова (1863 г.), а тогда только что явившееся и расходившееся въ рукописи стихотвореніе на смерть Пушкина, оканчивавшееся тогда словами: „И на устахъ его печать“.

Прослушавъ съ наслажденіемъ эти стихи, я тотчасъ досталъ въ кондитерской же перо, бумаги, чернилъ и быстро списалъ съ стиховъ этихъ копію, пока Глинка пилъ кофе, куря бывшій тогда en vogue „Жуковъ“ (въ особенности послѣ моей статьи съ біографическими подробностями о Васильѣ Григорьевичѣ Жуковѣ, нѣкогда бывшемъ деревенскомъ мальчишкѣ-свинопасѣ въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, напечатанной въ 1831 году въ знаменитой въ тѣ времена „Сѣверной Пчелѣ“).

Нѣсколько дней послѣ этого дня, когда уже А. И. Тургеневъ отвезъ на почтовыхъ тѣло Пушкина въ монастырь Святыя Горы подлѣ его родоваго имѣнія въ Псковской губерніи, гдѣ онъ писалъ, какъ извѣстно, своего „Онѣгина“, начали по городу ходить еще совершенно новые стихи Лермонтова, въ дополненіе къ первымъ и начинавшіеся словами: „А вы надменные потомки!“... Стихи эти жадно списывались другъ у друга; но мнѣ какъ-то никакъ не удалось ихъ имѣть въ копіи, хотя я слышалъ ихъ изъ устъ многихъ, но какъ нарочно все изъ устъ такихъ людей, которымъ не могъ заставить ихъ себѣ продиктовать.

Въ одно воскресенье, уже въ концѣ поста, кажется на Вербной, я обѣдалъ у Петра Никифоровича Беклемишева, и встрѣтился тамъ съ Аѳанасьемъ Ивановичемъ Синицынымъ, который тутъ говорилъ намъ, что онъ былъ аудиторомъ военнаго суда надъ кавалергардскимъ поручикомъ Дантесомъ. Въ числѣ гостей, какъ теперь помню, былъ молодой, очень молодой Семеновскій офицеръ Линдфорсъ съ золотымъ аксельбантомъ Военной Академіи. Этотъ молодой человѣкъ съ восторгомъ говорилъ о Пушкинѣ и въ юношескомъ увлеченіи своемъ увѣрялъ, что непремѣнно надо Дантеса за убійство славы Россіи не просто выслать за границу, какъ это рѣшили, а

четвертовать, т. е. предать такой казни, которая не существуетъ съ незапамятныхъ временъ и пр. При этомъ онъ изъ стиховъ Лермонтова бойко и восторженно читалъ тѣ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ такъ достается Дантесу. За тѣмъ онъ сказалъ, что Лермонтовъ написалъ еще 16 новыхъ стиховъ, обращенныхъ къ нашей бездушной и эгоистичной аристократіи, которые онъ Линдфорсъ знаетъ наизустъ. Я и нѣкоторые другіе, бывшіе тутъ, молодые люди стали просить Линдфорса продиктовать намъ эти стихи. Не успѣвъ хорошо заучить эти стихи, Линдфорсъ сбивался, и никто изъ насъ не могъ ничего записать толково. Само собою разумѣется, что весь этотъ разговоръ и эти тирады читаемыхъ рукописныхъ стиховъ совершались не въ гостиной и не въ столовой, а до обѣда, на половинѣ молодаго Беклемишева, Николая Петровича, тогда штабъ-ротмистра Харьковскаго бѣлаго уланскаго полка (того самаго, въ которомъ служилъ и Глинка) и носившаго аксельбантъ Военной Академіи. Дѣло въ томъ, что въ присутствіи стариковъ, особенно такого придворнаго старика, какимъ былъ шталмейстеръ Двора Его Величества Петръ Никифоровичъ Беклемишевъ, этого рода бесѣды считались „либеральною" контрабандою въ тѣ времена, когда либерализмъ, т. е. маломальское проявленіе самобытности, считался на ряду съ государственными преступленіями. Почтеннѣйшіе старички въ наивности своей называли все это un arrière-goût du décabrisme de néfaste mémoire" *)

Въ то время какъ бѣсновался Линдфорсъ, Синицынъ, всегда спокойный и сдержанный, шепнувъ мнѣ, что онъ имѣетъ кое-что мнѣ сказать на единѣ, вышелъ со мною въ пустую тогда бильярдную и чтобъ никто не подумалъ, что мы секретничаемъ, предложилъ мнѣ, проформы ради, шарокатствовать, дѣлая видъ, будто играемъ партію.

— „Я съ намѣреніемъ, сказалъ Синицынъ, удалилъ васъ отъ того разговора, какой тамъ завязался между молодыми людьми, еще не знающими, что случилось съ авторомъ этихъ дополнительныхъ стиховъ, съ тѣмъ самымъ Лермонтовымъ, котораго, помнится, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ вы встрѣтили на моей лѣстницѣ. Дѣло въ томъ, что онъ написалъ эти дополнительные 16 стиховъ, вслѣдствіе какого-то горячаго спора съ своимъ родственникомъ. Стихи эти у меня будутъ сегодня вечеромъ въ вѣрномъ спискѣ, и я ихъ вамъ дамъ списать даже сегодня же вечеромъ, потому что здѣсь теперь намъ долго гостить не придется: послѣ обѣда всѣ разъѣдутся, такъ какъ хозяева званы на soirée de clôture *) къ Опочининымъ. Мы же съ вами, ежели хотите, поѣдемъ ко мнѣ, и у меня вы и прочтете и спишите эти стихи, да еще и познакомитесь съ авторомъ, ихъ добрѣйшимъ нашимъ „Майошкой" и съ его двоюроднымъ братомъ Юрьевымъ. Оба они обѣщали мнѣ провести у меня сегодняшній вечеръ и разсказать про всю эту исторію съ этими 16-ю стихами, ходившими нѣсколько уже времени по городу, пока не подвернулись подъ недобрый часъ Государю Императору, который такъ за нихъ прогнѣвался на Лермонтова, что, какъ водится у насъ, тѣмъ же корнетскимъ чиномъ перевелъ его въ Нижегородскіе драгуны на Кавказъ съ приказаніемъ ѣхать туда немедленно. Но старуха-бабушка Лермонтова, всѣми уважаемая Елизавета Алексѣевна Арсеньева (урожденная Столыпина) успѣла упросить, чтобъ ему предоставлено было остаться нѣсколько деньковъ въ Петербургѣ, и вотъ вечеръ одного изъ этихъ дней, именно сегодняшній, „Майошка" обѣщалъ подарить мнѣ. Стихи Лермонтова не только добавочные эти шестнадцать, но и все стихотвореніе на смерть Пушкина, сдѣлались контро-

---

*) Отрыжка декабризма злосчастной памяти.

*) Заключительный вечеръ сезона.

бандой и преслѣдуются жандармеріей, что, впрочемъ, не только не мѣшаетъ, но способствуетъ весьма сильному распространенію копій. А все таки лучше не слишкомъ-то бравировать, чтобъ не имѣть какихъ нибудь неудовольствій. Вотъ причина, почему я позволилъ себѣ отвлечь васъ отъ того кружка изъ половины Николая Петровича".

Я дружески поблагодарилъ Аѳанасья Ивановича за его вниманіе, повторивъ пословицу: „Береженаго Богъ бережетъ", и мы вмѣстѣ перешли въ столовую, гдѣ какой-то сенаторъ съ тремя звѣздами и съ Нѣмецкою, выпарившеюся изъ моей памяти, фамиліею, разсказывалъ очень положительно о разныхъ городскихъ новостяхъ и, между прочимъ, томъ, что одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, недовольный тѣмъ, что будто бы Пушкинъ палъ жертвою какихъ-то интригъ, написалъ „самые революціонные стихи" и пустилъ ихъ по всему городу; онъ достоинъ былъ за это надѣть бѣлую лямку; но вмѣсто всего того, что „сорванецъ этотъ" заслуживалъ, Государь, по неисчерпаемому своему милосердію, только перевелъ его тѣмъ же чиномъ въ армію на Кавказъ. Пылкій Линдфорсъ не утерпѣлъ и сталъ было доказывать превосходительному звѣздоносцу изъ Нѣмцевъ, что стихи вовсе не „революціонные" и въ доказательство справедливости своихъ словъ, задекламировалъ было:

„А вы, надменные потомки,
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ!"

какъ вдругъ почтенный Петръ Никифоровичъ, громко засмѣявшись, остановилъ порывъ юноши и вперилъ въ него свои строгіе глаза, хотя все лицо его для всѣхъ сохраняло видъ веселости.

— „Помилуй Богъ, воскликнулъ онъ посуворовски, стихи, стихи, у меня за столомъ стихи! Нѣтъ, душа моя, мы люди не поэтическіе, а я хозяинъ-хлѣбосолъ люблю, чтобъ гости кушали во здравіе мою хлѣбъ-соль такъ, чтобъ за ушами пищало. А тутъ вдругъ ты со стихами: всѣ заслушаются, и никто не узнаетъ вполнѣ вкуса этого фрикасе изъ перепелокъ, присланныхъ мнѣ замороженными изъ Воронежскихъ степей".

И тотчасъ хозяинъ-хлѣбосолъ, перебивъ весь разговоръ о новостяхъ и о контробандныхъ стихахъ, самымъ подробнымъ образомъ сталъ объяснять трехзвѣздному сенатору и дамамъ всѣ высокія достоинства перепеловъ и самый способъ ихъ ловли соколами съ такими любопытными и живописными подробностями, что, по истинѣ, гости всѣ отъ мала до велика слушали съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ мастерской разсказъ хозяина, по видимому, страстнаго степнаго охотника.

Послѣ кофе гости, большею частью все интимные (какъ всегда у Петра Никифоровича было) зная, что старикъ-хозяинъ и его молоденькія дочки должны до выѣзда въ гости, онъ выспаться богатырски, а онѣ заняться серьезно туалетомъ,—поразъѣхались. Мы съ Синицынымъ также улетучились, и мигомъ его лихая пара рыжихъ казанокъ умчала насъ въ плетеныхъ санкахъ въ конногвардейскія казармы, гдѣ въ квартирѣ Аѳанасія Ивановича насъ встрѣтилъ товарищъ его, однокашникъ по школѣ, прапорщикъ лейбъ-гвардіи драгунскаго, расположеннаго въ Новгородской губерніи, полка Николай Дмитріевичъ Юрьевъ, двоюродный братъ и закадычный другъ Лермонтова, превосходный малый, почти постоянно проживавшій въ Петербургѣ, а не въ мѣстѣ расположенія своего полка, на скучной стоянкѣ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Пріѣзжая въ столицу, Николай Дмитріевичъ обыкновенно нигдѣ не останавливался, какъ у своего кузена и друга „Майошки", который, хотя и служилъ въ Царскосельскихъ лейбъ-гусарахъ, но почти никогда не былъ въ Царскомъ, а пребывалъ постоянно у бабушки Елизаветы Алексѣевны.

— „А что же, Майошка?" спросилъ

Синицынъ Юрьева, познакомивъ насъ взаимно, послѣ чего Юрьевъ отвѣчалъ:

„Да что, братъ Синицынъ, „Майошка“ въ отчаянiи, что не могъ сопутствовать мнѣ къ тебѣ: бабушка не отпускаетъ его отъ себя ни на одинъ часъ, потому что на дняхъ онъ долженъ ѣхать на Кавказъ за лаврами, какъ онъ выражается“.

—„Экая жалость, что „Майошка“ измѣнничаетъ сказалъ Синицынъ. А какъ бы хотѣлось на послѣдкахъ отъ него самого услышать разсказъ о томъ, какъ надъ нимъ вся эта бѣда стряслась“.

—„Ну, замѣтилъ Юрьевъ, ты братъ Синицынъ, видно все еще не узналъ вполнѣ нашего „Майошку“: вѣдь онъ очень не податливъ на разсказы о своей особѣ, да и особенно при новомъ лицѣ“.

—„Это новое лицо, объяснялъ Синицынъ, приглашено мною и есть мой искреннѣйшій прiятель, хотя и не нашъ братъ военный, и при В*** П*** можно намъ бесѣдовать на распашку. Къ томуже вѣдь и онъ немножко военный, продолжалъ мой добрѣйшій Аѳанасій Ивановичь, похихикивая по своему обыкновенiю: онъ служитъ въ военномъ министерствѣ и можетъ носить, когда хочетъ и носитъ когда бываетъ на службѣ, военный мундиръ, со шпорами даже“.

—„О! моя воинственность, засмѣялся я, мнѣ клиномъ пришлась съ перваго раза, какъ только я въ прошломъ году въ Мартѣ мѣсяцѣ въ нее облекся. За тѣмъ вся моя воинская сбруя покоится у швейцара военнаго министерства, и я въ нее наряжаюсь исключительно только на службѣ въ дни нашихъ засѣданій“.

Въ это время лакей Синицына, въ деньщичьей формѣ конногвардейскаго полка, состоявшей въ то время изъ синяго вицмундира*) съ сѣрыми рейтузами, украшенными красными лампасами, но въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ, подавалъ намъ чай на довольно большомъ серебрянномъ подносѣ во вкусѣ рококо, съ такою же сахарницею и сухарницею.

—„Какой же ты, посмотрю я, аристократъ-сибаритъ, улыбался Юрьевъ, принимая и ставя на столъ, покрытый ковровою салфеткою, свой стаканъ чая. Какое это все у него историческое серебро! Вотъ увидѣла бы бабушка Елизавета Алексѣевна, тотчасъ поставила бы тебя намъ съ Мишей въ образецъ порядочности, любви къ комфорту и умѣнья уважать преданья старины глубокой. А мы, правда, порядкомъ и строгостью быта нашего съ кузёномъ не отличаемся“.

—„Ну еще ты, Николай Дмитрiевичъ, замѣтилъ Синицынъ, такъ себѣ, не совсѣмъ безпорядочный человѣкъ, покрайней мѣрѣ, ежели не бережливъ съ своими вещами, то не портишь чужихъ: а ужъ „Майошка“ просто бѣдовый. Былъ у меня это онъ какъ-то разъ осенью, да вотъ именно когда онъ съ вами, В*** П***, повстрѣчался на лѣстницѣ у самыхъ почти моихъ дверей и чуть не сбилъ васъ съ ногъ. Прiѣхалъ ко мнѣ онъ въ ту пору съ уплатою какихъ-то ста рублей, которые когда-то въ Школѣ я одолжилъ „Курку“ *). А „Майошка“ вздумалъ принимать на свою шею нѣкоторые изъ долговъ нашего длиноносаго князька. Такъ, право, хоть я и не транжиръ, а охотно забылъ бы объ этихъ деньгахъ, лишь бы „Майошка“ не проказилъ у меня такъ, какъ онъ тогда тутъ развозился, приводя у меня весь мой мобилье въ содомъ и гоморъ“.

—„Ха! Ха! Ха!, хохоталъ Юрьевъ, узнаю его: у него преглупая страсть, за которую ужъ мы съ нимъ не разъ спорили дружески, страсть приводить въ безпорядокъ все то, что носитъ отпечатокъ,

---

*) Деньщики л. гв. коннаго полка носили юберроки не темнозеленые, а синiе на томъ основанiи, какъ гласитъ полковое преданiе, что разъ какъ-то синяго сукна было въ уланскiй полкъ доставлено изъ коммисарiата слишкомъ много противъ пропорцiи, и Великiй Князь Константинъ Павловичь, въ тѣ времена инспекторъ всей кавалерiи, не желая отсылать излишекъ обратно, велѣлъ экипировать имъ деньщиковъ л. гв. коннаго полка.

*) Прозвище школьное одного князя Ш-аго, съ длиннымъ носомъ.

какъ у тебя, дружище, твой мобилье, щепетильности и педантичности".

—„Да ужъ это куда ни шло, продолжалъ сѣтовать Синицынъ, а скверно то, что онъ засыпалъ пепломъ, да еще горячимъ, отъ своихъ маисовыхъ сигареттъ корни только что пересаженнаго въ горшокъ рододендрона, и вотъ это прелестное растеніе погибло".

—„О!, воскликнулъ пылкій и быстрый въ своихъ движеніяхъ Юрьевъ, этому горю твоему, Синицынъ, я помогу: въ Нессельродовскихъ оранжереяхъ учится садоводству одинъ изъ бабушкиныхъ парнишекъ, сестра котораго у бабушки подгорничной и съ тѣмъ вмѣстѣ моя преданная подруга. Вотъ тебѣ мое честное слово: у тебя на дняхъ будетъ рододендронъ на славу. А такъ вы служите въ военномъ министерствѣ? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и можетъ быть, знаете Акинѳія Петровича Суковкина?" *)

—„Какъ не знать, отвѣчалъ я, это одинъ изъ лучшихъ моихъ сослуживцевъ. Онъ премилый и прелюбезный человѣкъ".

—„И препріятный собесѣдникъ, продолжалъ Юрьевъ; онъ бываетъ иногда у бабушки Арсеньевой и всегда разсказываетъ что нибудь забавное. Такъ на дняхъ, онъ разсказывалъ, что къ нимъ въ министерство поступилъ какой-то угловатый семинаристъ и облекся во всю форму. Но какъ ему ни толковали во всѣхъ тонкостяхъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, нося шляпу адъютантской формы, которая никогда не поворачивается, при отдаваніи чести царской фамиліи или высшему начальству,—семинаристъ, при первой встрѣчѣ съ Императоромъ, забылъ всѣ наставленія, данныя ему адъютантомъ военнаго министра и, видя, что всѣ поворачиваютъ шляпы по формѣ, повернулъ свою, и его кокарда очутилась сзади на затылкѣ, а широкая сторона шляпы была спереди. Къ счастью, Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа: „изволили смѣяться", какъ говорится въ „Горе отъ ума" Грибоѣдова, и еще Его Величество изволилъ сказать: „А! Чернышевскій новобранецъ!" Этотъ комическій разсказъ Акинѳія Петровича, съ различными ужимками и фарсами, заставилъ хохотать всю нашу честную компанію почти до слезъ; а бабушка еще плакала отъ умиленія, находя, что notre Souverain est vraiment d'une bonté angélique *), точно ужъ будто слѣдовало за эту неловкость бѣднаго семинариста въ Сибирь ссылать".

Синицынъ, знавшій, что происшествіе это было не съ семинаристомъ какимъ-то, а со мною, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1836 года, я въ первый разъ въ жизни облачился въ военную форму и наткнулся на Невскомъ Проспектѣ на Императора, ужасно переконфузился, увѣряя Юрьева, что все это выдумка Суковкина и что никогда ничего подобнаго не было.

— „Вы, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, сказалъ я, чего добраго, думаете, что разсказъ этотъ меня огорчаетъ, тогда какъ я самъ его при васъ повторялъ не разъ, чтобы посмѣшить общество, у Беклемишевыхъ, у Карлгофа, у Бороздиныхъ, у Масловыхъ, вездѣ, гдѣ мы съ вами встрѣчаемся. Да и чему тутъ конфузиться? Ежели вы давно не слыхали этого анекдота о шляпѣ и о шинелѣ, закинутой мною на манеръ Римской тоги, то только потому, что разсказывать все объ одномъ и томъ же значитъ хотѣть надоѣсть своимъ знакомымъ, да еще и потому, что эти мои комическіе разсказы объ этомъ случаѣ съ подражаніями Величкину, Дюру и Рязанцеву **) дошли, кажется, до нашего графа Александра Ивановича (т. е. Чернышева, тогда еще не бывшаго княземъ) и не совсѣмъ ему понравились, о

*) Умеръ, кажется, въ 1861 или 1862 году, будучи статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ.

*) Нашъ Государь, по истинѣ ангельской доброты.

**) Тогдашніе корифеи нашей комической сцены.

чемъ я узналъ конфиденсіально отъ нашего вице-директора, добрѣйшаго Николая Александровича Бутурлина. Въ разсказѣ сослуживца моего Акинѳія Петровича все передано какъ нельзя вѣрнѣе, кромѣ только того, что, ради красоты слога, ему вздумалось замаскировать меня семинаристомъ, какимъ, какъ вамъ извѣстно, я никогда не бывалъ".

Юрьевъ, какъ человѣкъ больше товарища своего Синицына знакомый съ условіями хорошаго общества, понялъ сразу, что разсказъ этотъ не могъ быть мнѣ обиденъ ни на волосъ; но со всѣмъ тѣмъ не счелъ нужнымъ продолжать его, а только сказалъ:

— „Въ первый разъ, что я у бабушки увижусь съ Акинѳіемъ Петровичемъ, скажу ему, что онъ напрасно переиначилъ историческую истину своего забавнаго анекдота, потому что я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ настоящимъ дѣйствующимъ лицомъ, бывшимъ героемъ въ комедіи съ переодѣваньемъ, которую можно назвать „Шляпою на выворотъ" и прибавлю, съ вашего позволенія, что это дѣйствовавшее тогда лицо ничего общаго съ его бурсакомъ не имѣетъ".

— „А теперь, Юрьевъ, приставалъ Синицынъ, идемъ къ цѣли: разскажи намъ всю суть происшествія со стихами, которые были причиною, что нашъ „Майошка" изъ лейбъ-гусаровъ такъ неожиданно попалъ въ Нижегородскіе драгуны тѣмъ же чиномъ, т. е. изъ поповъ въ дьяконы, какъ говорится".

— „Къ твоимъ услугамъ", отозвался Юрьевъ, закуривая трубку на длинномъ чубукѣ, поданномъ ему казачкомъ Синицына, который самъ однако никогда ничего не курилъ, но для гостей держалъ всегда табакъ и чубуки въ отличномъ порядкѣ, соблюдаемомъ этимъ 14 лѣтнимъ пострѣленкомъ, прозваннымъ чубукши-паша.

— „Дѣло было такъ, продолжалъ Юрьевъ, затянувшись и обдавъ насъ густымъ облакомъ ароматнаго дыма. Какъ только Пушкинъ умеръ, Лермонтовъ, какъ и я, какъ я думаю, всѣ мы, люди земли не Нѣмецкой, приверженецъ и обожатель поэзіи Пушкина, имѣлъ случай, незадолго до этой роковой катастрофы, познакомиться лично съ Александромъ Сергѣевичемъ, и написалъ извѣстное теперь почти всей Россіи стихотвореніе на смерть Пушкина, стихотвореніе, надѣлавшее столько шума и, не смотря на то, что нигдѣ не напечатанное, поставившее вдругъ нашего школьнаго поэта почти въ уровень въ тѣмъ, кого онъ въ своихъ великолѣпныхъ стихахъ оплакивалъ. Намъ говорили, что Василій Андреевичъ Жуковскій относился объ этихъ стихахъ съ особеннымъ удовольствіемъ и призналъ въ нихъ не только зачатки, но все проявленіе могучаго таланта, а прелесть и музыкальность версификаціи признаны были знатоками явленіемъ замѣчательнымъ, изъ ряду вонъ. Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій сказалъ въ разговорѣ съ бабушкой, гдѣ-то въ реюньонѣ, что многіе выражаютъ только сожалѣніе о томъ, зачѣмъ энергія мысли въ этомъ стихотвореніи не довольно выдержана, чрезъ что замѣтна та рѣзкость сужденій, какая слишкомъ рельефируетъ самый возрастъ автора. Говорятъ (правда ли, нѣтъ ли, не знаю) это ничто иное какъ придворное повтореніе мнѣнія самаго Императора, прочитавшаго стихи со вниманіемъ и сказавшаго будто бы: „Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина!"—На дняхъ, еще до катастрофы за прибавочные стихи, нашъ Шлиппенбахъ *) былъ у бабушки и разсказывалъ ей, что его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ отозвался въ разговорѣ съ нимъ о Лермонтовѣ такъ: „Ce poète en herbe va donner de beaux fruits" **). А потомъ, смѣясь, прибавилъ:

---

*) Баронъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ, нѣкогда директоръ Гв. Шк. Подпр. и Юнкеровъ, а потомъ директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса. Умеръ генералъ-лейтенантомъ въ 1859 году здѣсь въ Петербургѣ.

**) Эта Французская игра словъ непереводима порусски; но въ ближайшемъ смыслѣ это

„Упекуж̂ъ его на гауптвахту, ежели онъ взводу вздумаетъ въ стихахъ командовать, чего добраго!“ Въ большемъ свѣтѣ вообще выражалось сожалѣніе только о томъ, что авторъ стиховъ слишкомъ будто бы рѣзко отозвался о Дантесѣ, выставивъ его ничѣмъ инымъ, какъ искателемъ приключеній и почти chevalier d' industrie. За этого Дантеса весь нашъ бомондъ, особенно же юбки. Командиръ лейбъ-гусаровъ. Х—ъ за большимъ званымъ ужиномъ сказалъ, что, не сиди Дантесъ на гауптвахтѣ и не будь онъ впередъ назначенъ къ высылкѣ за границу съ фельдъегеремъ, кончилось бы тѣмъ, что какъ Пушкинъ вызвалъ его, такъ онъ вызвалъ бы Лермонтова за эти „ругательные стихи“. А, по правдѣ, что въ нихъ ругательнаго этому Французишкѣ, который срамилъ собою и гвардію, и первый гвардейскій кавалерійскій полкъ, въ которомъ числился?“

— „Правду сказать, замѣтилъ Синицынъ, я насмотрѣлся на этого Дантесишку во время военнаго суда. Страшная Французская бульварная сволочь съ смазливой только рожицей и съ бойкимъ говоромъ. На первый разъ онъ не зналъ, какой результатъ будетъ имѣть судъ надъ нимъ, думалъ, что его, безъ церемоніи, разстрѣляютъ и въ тайномъ казематѣ засѣкутъ казацкими нагайками. Дрянь! Растерялся, блѣднѣлъ, дрожалъ. А какъ провѣдалъ чрезъ своихъ друзей, въ чемъ вся суть-то, о! тогда поднялся на дыбы, захорохорился, чортъ былъ ему не братъ и осмѣлился даже сказать, что такихъ версификаторовъ, какимъ былъ Пушкинъ, въ его Парижѣ десятки. Вѣдь вы, господа, всѣ меня знаете за человѣка миролюбиваго, не даромъ Великій Князь, съ перваго раза, окрестилъ меня, „кормилицей Лукерьей“; но ей Богу, будь этотъ Французишка не подсудимый, а на свободѣ,—я такъ и далъ бы ему плюху за его нахальство и за презрѣніе къ нашему хлѣбу-соли“*).

— „Ну вотъ же видишь, подхватилъ съ живостью Юрьевъ, ужъ на что ты, Синицынъ, кротокъ и добръ, а и ты хотѣлъ этого фанфарона наказать. Послѣ этого чего мудренаго, что такой пламенный человѣкъ, какъ Лермонтовъ, не на шутку озлился, когда до него стали съ права и слѣва доходить слухи о томъ, что въ высшемъ нашемъ обществѣ, которое Русское только по названію, а не въ душѣ и не на самомъ дѣлѣ, потому что оно вполнѣ офранцужено отъ головы до пятокъ, идутъ толки о томъ, что въ смерти Пушкина, къ которой всѣ эти сливки высшаго общества относятся крайне хладнокровно, надо винить его самаго, а не тѣ обстоятельства, въ которыя онъ былъ поставленъ, не тѣ интриги великосвѣтскости, которыя его доканали, раздувъ пламя его и безъ того всепожирающихъ страстныхъ стремленій. Все это ежедневно раздражало Лермонтова, и онъ, всегда такой почтительный къ бабушкѣ нашей, раза два съ трудомъ сдерживалъ себя, когда старушка говорила при немъ, что покойный Александръ Сергѣевичъ не въ свои сани сѣлъ и, сѣвши въ нихъ, не умѣлъ ловко управлять своенравными лошадками, мчавшими его и намчавшими, наконецъ, на тотъ сугробъ, съ котораго одна дорога была только въ пропасть. Съ старушкой нашей Лермонтовъ конечно не спорилъ, а только кусалъ ногти и уѣзжалъ со двора на цѣлые сутки. Бабушка замѣтила это и, не желая печалить своего Мишу, ни слова уже не говорила при немъ о свѣтскихъ толкахъ; а эти толки подѣйствовали на Лермонтова до того сильно, что недавно онъ занемогъ даже. Бабушка испугалась, докторъ призналъ разстройство нервовъ и прописалъ усиленную дозу валерьяны; заѣхалъ другъ всего Петербурга, добрѣйшій Николай Ѳедоро-

---

значитъ: „Отъ этого молодаго поэта можно ожидать замѣчательныхъ произведеній“.

*) Другіе болѣе достовѣрные разсказы свидѣтельствуютъ что Дантесъ не только не позволялъ себѣ подобныхъ выходокъ, но просилъ Государя позволить ему перейти на службу солдатомъ на Кавказъ, дабы доказать, какъ онъ чувствуетъ великость причиненнаго имъ Русской землѣ горя. *П. Б.*

вичъ Арендтъ и, не прописывая никакихъ лекарствъ, вполнѣ успокоилъ нашего капризнаго больнаго своею бесѣдой, разсказавъ ему всю печальную эпопею тѣхъ двухъ съ половиною сутокъ съ 27 по 29 Января, которые прострадалъ раненый Пушкинъ. Онъ все, все, все, что только происходило въ эти дни, часъ въ часъ, минута въ минуту, разсказалъ намъ, передавъ самыя завѣтныя слова Пушкина. Нашъ другъ еще больше возлюбилъ своего кумира послѣ этого откровеннаго сообщенія, обильно и безъискусственно вылившагося изъ доброй души Николая Ѳедоровича, не умѣвшаго сдержать своихъ словъ.

Лермонтовъ находился подъ этимъ впечатлѣніемъ, когда явился къ намъ нашъ родня Н. А. С., дипломатъ, служащій подъ начальствомъ графа Нессельроде, одинъ изъ представителей и членовъ самаго, что ни есть, нашего высшаго круга, но, впрочемъ, джентльменъ во всѣмъ значеніи этого слова. Узнавъ отъ бабушки, занявшейся съ бывшими въ эту пору гостями, о болѣзни Мишеля, онъ поспѣшилъ навѣдаться объ немъ и вошелъ неожиданно въ его комнату, минутъ десять по отъѣздѣ Николая Ѳедоровича Арендта. По поводу городскихъ слуховъ о томъ, что вдова Пушкина едва ли долго будетъ носить трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу, С. расхваливалъ стихи Лермонтова на смерть Пушкина; но только говорилъ, что напрасно Мишель, апоѳеозируя поэта, придалъ слишкомъ сильное значеніе его невольному убійцѣ, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться. Honneur oblige!..... Лермонтовъ сказалъ на это, что Русскій человѣкъ, конечно чистый Русскій, а не офранцуженный и испорченный, кукую бы обиду Пушкинъ ему ни сдѣлалъ, снесъ бы ее, во имя любви своей къ славѣ Россіи и никогда не поднялъ бы на этого великаго представителя всей интеллектуальности Россіи своей руки. С. засмѣялся и нашелъ, что у Мишеля раздраженіе нервовъ, почему лучше оставить этотъ разговоръ и перешелъ къ другимъ предметамъ свѣтской жизни и къ новостямъ дня. Но „Майошка" нашъ его не слушалъ и, схвативъ листъ бумаги, что-то быстро по немъ чертилъ карандашемъ, ломая одинъ за другимъ и переломавъ такъ съ полдюжины. Между тѣмъ, С.. замѣтивъ это, сказалъ, улыбаясь и полушопотомъ: „La poésie enfante!" *); потомъ, поболтавъ еще не много и обращаясь уже только ко мнѣ, собрался уходить и сказалъ Лермонтову: „Adieu, Michel!", но нашъ Мишель закусилъ уже поводья, и гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ сердито взглянулъ на С. и бросилъ ему: „Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію секунду не выйдете отсюда". — С. не заставилъ себя приглашать къ выходу дважды и вышелъ быстро, сказавъ только: „Mais il est fou à lier". **) Четверть часа спустя, Лермонтовъ, переломавшій столько карандашей, пока тутъ былъ С. и потомъ писавшій совершенно спокойно на бѣло перомъ то, что въ присутствіи непріятнаго для него гостя писано имъ было такъ отрывисто, прочиталъ мнѣ тѣ стихи, которые, какъ ты знаешь, начинаются словами: „А, вы, надменные потомки!" и въ которыхъ такъ много силы.

—„Я отчасти знаю эти стихи, сказалъ Синицынъ, но не имѣю вѣрной копіи съ нихъ. Пожалуйста, Юрьевъ, ты, который такъ мастерски читаешь всякіе стихи, прочти намъ эти, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой", главное „съ разстановкой", а мы съ В***П*** ихъ спишемъ подъ твой диктантъ". — „Изволь, отозвался Юрьевъ, вотъ они".

Мы тотчасъ вооружились листами бумаги и перьями, а Юрьевъ декламировалъ, повторяя каждый стихъ:

---

*) Поэзія разрѣшается отъ бремени.
**) Но вѣдь онъ просто бѣшеный.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судъ: онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла все знаетъ напередъ.
И вы напрасно тутъ прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

Когда мы съ Синицынымъ записали послѣдній стихъ, то оба съ неподдѣльнымъ и искреннимъ чувствомъ выражали нашъ восторгъ къ этимъ звучнымъ и сильнымъ стихамъ. Юрьевъ продолжалъ:—„Я тотчасъ списалъ съ этихъ стиховъ, не выходя изъ комнаты Лермонтова, пять или шесть копій, которыя немедленно развезъ къ нѣкоторымъ друзьямъ. Эти друзья, частью сами, частью при помощи писцовъ, написали еще изрядное количество копій, и дня черезъ два или три почти весь Петербургъ читалъ и зналъ „дополненіе къ стихамъ Лермонтова на смерть Пушкина“. Когда старушка-бабушка узнала объ этихъ стихахъ, то старалась всѣми силами, нельзяли какъ нибудь, словно фальшивыя ассигнаціи, исхитить ихъ изъ обращенія въ публикѣ; но это было рѣшительно невозможно: они распространялись съ быстротою, и вскорѣ ихъ читала уже вся Москва, гдѣ старики и старухи, преимущественно, на Тверской, объявили ихъ чисто революціонерными и опасными. Прочелъ ихъ и графъ Бенкендорфъ, но отнесся къ нимъ какъ къ поэтической вспышкѣ, сказавъ Дубельту: „Самое лучшее на подобныя легкомысленныя выходки не обращать никакого вниманія: тогда слава ихъ скоро померкнетъ; ежели же мы примемся за преслѣдованіе и запрещеніе ихъ, то хорошаго ничего не выйдетъ, и мы только раздуемъ пламя страстей“.—Стихи эти читалъ даже Великій Князь Михаилъ Павловичъ и только сказалъ смѣясь: „Эхъ, какъ же онъ расходился! Кто подумаетъ, что онъ самъ не принадлежитъ къ высшимъ дворянскимъ родамъ?“—Даже до насъ доходили слухи, что Великій Князь, при встрѣчѣ съ Бенкендорфомъ, шепнулъ ему, что желательно, чтобъ этотъ „вздоръ“, какъ онъ выразился, не обезпокоилъ вниманія Государя Императора. Однимъ словомъ, стихи эти, переписываемые и заучиваемые всѣми повсюду, въ высшихъ сферахъ считались ребяческою вспышкою, а въ публикѣ, хотя и не громко, но признавались за произведеніе геніальное. Государь объ нихъ ничего не зналъ, потому что графъ Бенкендорфъ не придавалъ стихамъ значенія, пока дней пять или шесть назадъ былъ раутъ у графа Ф., гдѣ былъ и графъ Бенкендорфъ въ числѣ гостей. Вдругъ къ нему подходитъ извѣстная Петербургская болтунья и, какъ ее зовутъ, la lèpre de la société [1]), Х., разносительница новостей, а еще болѣе клеветъ и пасквилей по всему городу и, подойдя къ графу, эта несносная вѣстовщица вдругъ говоритъ: „А вы вѣрно читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ и въ которыхъ la crème de la noblesse [2]) отдѣланы на чемъ свѣтъ стоитъ?“—„О какихъ стихахъ вы говорите, сударыня?“, спрашиваетъ графъ. —„Да о тѣхъ, что написалъ гусаръ Лермонтовъ и которые начинаются стихами: „А вы, надменные потомки!, т. е. ясно мы всѣ, toute l'aristocratie russe“. Бенкендорфъ ловко далъ тотчасъ другое направленіе разговору и столько же ловко постарался уклониться отъ своей собесѣдницы, которую, какъ извѣстно, послѣ всѣхъ ея продѣлокъ, особенно послѣ ея попрошайничествъ, нигдѣ не принимаютъ, кромѣ дома ея сестры, графини Ф., которая сама бѣдняжка въ отчаяніи отъ такого кровнаго родства. Однако послѣ этаго разговора на раутѣ, графъ Бен-

[1]) Проказа общества.
[2]) Сливки (верхушки) дворянства,

кендорфъ на другой же день передъ отправленіемъ своимъ съ докладомъ къ Государю Императору, сказалъ Дубельту: „Ну, Леонтій Васильевичъ, что будетъ, то будетъ, а послѣ того, что X. знаетъ о стихахъ этого мальчика Лермонтова, мнѣ не остается ничего больше, какъ только сейчасъ же доложить объ нихъ Государю“. Когда графъ явился къ Государю и началъ говорить объ этихъ стихахъ въ самомъ успокоительномъ тонѣ, Государь показалъ ему экземпляръ ихъ, сейчасъ имъ полученный по городской почтѣ, съ гнусною надписью: „Воззваніе къ революціи“. Многіе того мнѣнія, что это работа de la lèpre de la société, которая, недовольная уклончивостью графа на раутѣ, чѣмъ свѣтъ послала копію на Высочайшее имя въ Зимній Дворецъ, при чемъ, конечно, въ отдѣленіи городской почты въ Главномъ Почтамтѣ, повѣренный далъ вымышленный адресъ, и концы въ воду, но естественно не для жандармеріи, которая имѣетъ свое чутьё. Какъ бы то ни было, Государь былъ разгнѣванъ, принялъ дѣло серьознѣе, чѣмъ представлялъ графъ и велѣлъ Великому Князю Михаилу Павловичу немедленно послать въ Царское Село начальника штаба гвардіи Петра Ѳедоровича Веймарна для произведенія обыска въ квартирѣ корнета Лермонтова. Веймарнъ нашелъ прежде всего, что квартира Лермонтова уже много дней не топлена, потому что самъ хозяинъ ея проживаетъ постоянно въ Петербургѣ у бабушки. Начальникъ штаба дѣлалъ обыскъ и опечатывалъ все, что нашелъ у Лермонтова изъ бумагъ, не снимая шубы. Между тѣмъ дали знать Мишѣ, онъ поскакалъ въ Царское и повезъ туда съ полною откровенностью весь свой портфель, въ которомъ, впрочемъ, всего больше было конечно барковщины; но однако, прискакавшій изъ Царскаго фельдъегеръ отъ начальника штаба сопровождалъ полковаго адъютанта и жандармскаго офицера, которые приложили печати свои къ бюро, къ столамъ, къ комодамъ въ нашемъ аппартаментѣ. Бабушка была въ отчаяніи; она непремѣнно думала, что ея Мишеля арестуютъ, что въ крѣпость усадятъ; однако все обошлось даже безъ ареста, только велѣно было ему отъ начальника штаба жить въ Царскомъ, занимаясь впредь до повелѣнія прилежно царской службой, а не „сумазбродными стихами“. Вслѣдъ за этимъ сдѣлано по гвардіи строжайшее распоряженіе о томъ, чтобы офицеры всѣхъ загородныхъ полковъ отнюдь не смѣли отлучаться изъ мѣстъ ихъ квартированія иначе какъ съ разрѣшенія полковаго командира, который даетъ письменный отпускъ, и отпускъ этотъ офицеръ долженъ предъявлять въ ордонансъ-гаузѣ и въ гвардейскомъ штабѣ. Просто исторія! Мнѣ это также не по шерсти, ей Богу. И все это изъ за стиховъ „Майошки“. Однако, нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ приказъ: „Л. гв. гус. полка корнетъ Лермонтовъ переводится прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ“. Сначала было приказано выѣхать ему изъ Петербурга черезъ 48 часовъ, т. е. въ столько времени, во сколько можетъ быть изготовлена новая форма, да опять спасибо бабушкѣ: перепросила, и кажется, нашъ „Майошка“ проведетъ съ нами и Пасху. Теперь вѣдь Вербная недѣля, ждать не долго“.

—„Бѣдный“, жаль мнѣ его, сказалъ Синицынъ, а со всѣмъ тѣмъ хотѣлось бы видѣть его въ новой формѣ: куртка съ кушакомъ, шаравары, шашка черезъ плечо, киверъ гречневикомъ изъ чернаго барашка съ огромнымъ козырькомъ. Все это преуморительно сидѣть будетъ на немъ“.

—Не уморительнѣе юнкерскаго ментика, замѣтилъ Юрьевъ, въ которомъ онъ не мало таки времени щеголялъ въ школѣ. Но страшно забавенъ въ этой Кавказской формѣ Костька Булгаковъ!“

„-Какъ, развѣ и онъ угодилъ на Кавказъ? спросилъ Синицынъ, для компаніи что ли?

—„О нѣтъ, онъ на Кавказъ не назначенъ, сказалъ Юрьевъ, а только съ

этой Кавказской формой Лермонтова удралъ презабавную и довольно нелѣпую, въ своемъ родѣ, штуку. Заѣзжаетъ онъ на дняхъ къ намъ и видитъ весь этотъ костюмъ, только что принесенный отъ портнаго и изъ магазина офицерскихъ вещей. Тотчасъ давай примѣрять, на своей карапузой фигурѣ, куртку съ кушакомъ, шашку на портупеѣ черезъ плечо и баранью шапку. Смотрится въ зеркало и находитъ себя очень воинственнымъ въ этомъ нарядѣ. При этомъ у него мелькаетъ блажная мысль выскочить въ этомъ переодѣваньи на улицу и, пользуясь отсутствіемъ какъ Лермонтова, такъ и моимъ, глухой къ убѣжденіямъ Вани *), садится на перваго подвернувшагося у подъѣзда лихача и несется на немъ по Невскому. Между тѣмъ „Майошка" ѣздилъ по своимъ дѣламъ по городу, и на бѣду наѣхалъ у Англійскаго магазина, гдѣ кое-что закупалъ, на Великаго Князя Михаила Павловича, который остановилъ его и, грозя пальцемъ, сказалъ: „Ты не имѣешь права щеголять въ этой лейбъ-гусарской формѣ, когда долженъ носить свою Кавказскую: объ тебѣ давно ужъ былъ приказъ".—„Виноватъ, Ваше Высочество, не я, а тотъ портной, который меня обманываетъ. Между тѣмъ, по дѣламъ не терпящимъ отлагательства, необходимо было выѣхать со двора", былъ отвѣтъ Лермонтова. — „Смотри же, поторопи хорошенько твоего портнаго, замѣтилъ Великій Князь: онъ такъ неисполнителенъ вѣрно потому что, чего добраго, подобно тебѣ шалуну, строчитъ какую нибудь поэму или оду. Въ такомъ родѣ я до него доберусь. Но во всякомъ случаѣ, чтобъ я тебя больше не встрѣчалъ въ этой не твоей формѣ".—„Слушаю, Ваше Высочество", рапортовалъ Лермонтовъ, „сегодняже покажусь въ городѣ Кавказцемъ". — „Сегодня, такъ значитъ экипировка готова?", спросилъ Великій Князь. — „Постараюсь, въ исполненіе воли Вашего Высочества изъ невозможнаго сдѣлать возможное", пробарабанилъ Лермонтовъ, и Его Высочество, довольный молодецкимъ отвѣтомъ, уѣхалъ. Онъ отправлялся въ Измайловскія казармы, почему кучеръ его, проѣхавъ часть Невскаго Проспекта (встрѣча съ Лермонтовымъ была противъ Англійскаго магазина) повернулъ за Аничковымъ мостомъ на Фонтанку, и тутъ едва подъѣхали сани Великаго Князя къ Чернышеву мосту, отъ Садовой въ перерѣзъ мимо театральнаго дома, стрѣлой несутся сани, и въ саняхъ Кавказскій драгунъ, лорнирующій внимательно окна театральной школы. Великій Князь, зная, что во всемъ Петербургѣ въ это время Нижегородскаго драгуна *) не находится кромѣ Лермонтова и удивляясь быстротѣ, съ которою послѣдній успѣлъ перемѣнить костюмъ, велѣлъ кучеру догнать быстро летѣвшаго Нижегородскаго драгуна; но куда!, у лихача былъ какой-то двужильный рысакъ, который могъ бы, кажется, преміи выигрывать на бѣгахъ, и баранья шапка мигомъ скрылась изъ глазъ. Нечего было дѣлать: Великій Князь оставилъ перегонку и отправился въ Измайловскія казармы, гдѣ въ этотъ день былъ какой-то экстраординарный смотръ. Послѣ смотра Великій Князь подозвалъ къ себѣ подпоручика Ф****, изъ нашихъ подпрапорщиковъ и, спросивъ его, знаетъ ли онъ квартиру Лермонтова живущаго у нашей бабушки Арсеньевой, велѣлъ ему ѣхать туда сейчасъ и узнать отъ него, какъ онъ успѣлъ такъ скоро явиться въ новой Кавказской формѣ близь Чернышева моста, тогда какъ не больше десяти минутъ Его Высочество оставилъ его у Полицейскаго моста; и о томъ, что узнаетъ, донести тотчасъ его Высочеству въ Михайловскомъ дворцѣ. Измайловецъ къ намъ пріѣхалъ въ то время, какъ

---

*) Камердинеръ М. Ю. Лермонтова, нѣсколько помоложе его, всегда находившійся при немъ въ школѣ и носившій деньщичью форму.

*) Они въ ту пору въ Петербургѣ были очень рѣдки, какъ и вообще всѣ Кавказцы, обращавшіе на себя на улицахъ вниманіе публики.

только Булгаковъ возвратился и, при общемъ хохотѣ, снималъ Кавказскіе доспѣхи, разсказывая, какъ, благодаря лихому рысаку своего извощика Терешки, онъ далъ утечку отъ Великаго Князя. Вслѣдствіе всего этого доложено было Его Высочеству, что Лермонтовъ, откланявшись ему, полетѣлъ къ своему неисправному портному, у котораго будто бы были и всѣ вещи обмундировки и, напугавъ его именемъ Великаго Князя, ухватилъ тамъ все, что̀ было готоваго и поскакалъ продолжать свою дѣловую поѣздку по Петербургу, уже въ бараньей шапкѣ и въ шинелѣ драгунской формы. Великій Князь очень доволенъ былъ исполнительностью Лермонтова, никакъ не подозрѣвая, что онъ у Чернышевато моста видѣлъ не Лермонтова, а шалуна Булгакова".

Въ это время когда Юрьевъ кончалъ свой разсказъ, въ сосѣдней комнатѣ, которая была прямо изъ прихожей, проходная зала, служившая Синицыну вмѣстѣ и столовой, началъ слышаться тотъ легкій шумъ, который бываетъ, когда накрываетъ и собираетъ не очень ловкая прислуга, собираетъ на столъ, для обѣда или для ужина. Мои часы показывали десять часовъ вечера, и по звону хозяйскихъ огромныхъ стѣнныхъ часовъ, я убѣдился въ томъ, что мои съ часами Аѳанасія Ивановича минута въ минуту. Вдругъ во время звона часовъ, между нами неожиданно явился новый собесѣдникъ, плотный, коренастый, небольшаго роста, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, изрыжа-бѣлокурый съ темносѣрыми глазами и чертами лица довольно нѣжными и благообразными. Онъ былъ въ вицъмундирѣ конногвардейскаго полка, въ каскѣ (тогдашней формы, съ высокимъ гребнемъ и съ мѣднымъ крестомъ впереди), въ шарфѣ, припалашѣ, волочившемся и гремѣвшемъ. Оказалось, что то былъ ротмистръ и эскадронный командиръ, помнится, Хрущовъ, дежурный въ этотъ день по полку, очень милый и приличный господинъ, который, снимая каску и отстегивая портупею палаша, обращаясь къ Синицыну съ милою, задушевною, но отнюдь не съ нахальною, фамильярностію, сказалъ:

—"Cher Синицынъ, я голоденъ, какъ собака, и пришелъ къ вамъ сдѣлать страшную брешу вашему ужину. Да представьте, какая фарса: мой поваръ напился мертвецки пьянъ, и ведро воды самой холодной, вылитое на его голову, не могло отрезвить его. Можно бы послать въ какой нибудь отель за парою котлетъ; да пока принесутъ сюда изъ Морской, все будетъ холодно и сально. А между тѣмъ, гляжу изъ дежурной комнаты, и вижу свѣтъ въ окнахъ милѣйшаго нашего ассесора въ военной судной комиссіи надъ убійцей Пушкина, такъ жестоко расхлёстаннымъ Лермонтовымъ. И вотъ я къ вамъ какъ снѣгъ на голову, мой любезнѣйшій однополченецъ, Аѳанасій Ивановичъ."

—"А я, захихикалъ Синицынъ, какъ истый Русскій человѣкъ, хотя и съ малою толикою хохлячины, очень люблю снѣгъ, гораздо больше дождя, особенно такой хорошій Русскій снѣгъ. Но вы, ротмистръ, для меня всегда дорогой и пріятный, хотя, къ сожалѣнію, очень рѣдкій гость. Однако, господа, позвольте васъ познакомить."

Когда мы были взаимно представлены и когда ротмистръ Хрущовъ вспомнилъ, что онъ меня встрѣчалъ у Николая Александровича Бутурлина, онъ замѣтилъ, что, кажется, когда онъ входилъ въ комнату, ему послышалось имя извѣстнаго enfant terrible de la garde,—Кости Булгакова. Синицынъ подтвердилъ это и объяснилъ въ десяти словахъ новую шалость Булгакова съ Кавказскою формою Лермонтова.

—" Tant va la cruche à l'eau, qu'elle se brise" *), замѣтилъ Хрущовъ, и помяните мое слово, что Булгаковъ столько повѣсничаетъ, и такъ отчаянно, что наконецъ разомъ ему придется за все

*) Повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить.

поплатиться. Вы слышали его недавнюю фарсу съ длиною сюртучныхъ полъ?"

И онъ разсказалъ одну изъ сотенъ Булгаковскихъ продѣлокъ того времени. Мы посмѣялись этому разсказу, и когда перешли въ столовую, гдѣ насъ ожидало преизрядное блюдо отбивныхъ котлетъ, дежурный по полку ротмистръ доказалъ, что ему хотѣлось ѣсть и что аппетитъ у него богатырскій, да и мы всѣ акомпанировали ему не дурно, нечего сказать, не отказываясь отъ лафита и д'икема, которыми гостепріимный хозяинъ наполнялъ усердно наши стаканы, восклицая, отъ времени до времени, съ изъявленіемъ сожалѣнія, что между нами нѣтъ милаго Миши Лермонтова, котораго при постороннемъ и старшемъ офицерѣ онъ не находилъ удобнымъ величать, по юнкерски, „Майошкой," отъ какого названія замѣтно воздерживался и Юрьевъ, его кузёнъ и другъ. Но когда Аѳанасій Ивановичъ откупорилъ бутылку шампанскаго, извѣстнаго тогда подъ фирмою champagne rosé (которое было нѣчто въ родѣ кремана, но однако не креманъ) и предложилъ тостъ за здоровье скоро отъѣзжающаго на Кавказъ однокашника, то прозвище „Майошки" сорвалось съ языка у него и было повторено Юрьевымъ, объяснившимъ Хрущеву, что тамъ они въ школѣ, гдѣ всѣмъ давались клички и собрике, прозвали Лермонтова по причинѣ его сутуловатости и даже неуклюжести, при ростѣ весьма не богатырскомъ. Это подало поводъ Юрьеву и Синицыну распространиться въ воспоминаніяхъ о различныхъ случаяхъ изъ школьной ихъ жизни, заставлявшихъ весело смѣяться Хрущева и меня.

—„А вотъ, братъ Синицынъ, говорилъ Юрьевъ, ты, кажется, не знаешь о нашей юнкерско-офицерской продѣлкѣ на Московской заставѣ въ первый годъ, т. е. въ 1835 году, нашего съ Лермонтовымъ производства въ офицеры. Продѣлка эта названа была нами, и именно Лермонтовымъ „*всенародною энциклопедіею именъ*."

—„Нѣтъ, не знаю, отозвался Синицынъ, разскажи, пожалуста."

—„Разъ какъ-то Лермонтовъ зажился на службѣ дольше обыкновеннаго (началъ Юрьевъ) а я былъ въ городѣ, пріѣхавъ, какъ водится, изъ моей скучной Новгородской стоянки. Бабушка соскучилась безъ своего Мишеля, пребывавшаго въ Царскомъ и кутившаго тамъ на пропалую въ веселой компаніи. Писано было въ Царское; но „Майошка" и ухомъ не велъ, все никакъ не пріѣзжалъ. Наконецъ рѣшено было его оттуда притащить въ Петербургъ bon gré, mal gré [1]). Въ одно прекрасное Февральское утро честной масляниицы, я, по желанію бабушки, распорядился, чтобъ была готова извощичья молодецкая тройка съ пошевнями, долженствовавшая мигомъ доставить меня въ Царское, откуда рѣшено было привезти le déserteur [2]), который, масляница на проходѣ, не пробовалъ еще у бабушки новоизобрѣтенныхъ блиновъ ея повара Тихоныча, да къ томуже и прощальные дни близки были, а Мишенька все въ письмахъ своихъ увѣряетъ, что онъ штудируетъ въ манежѣ службу царскую, при чемъ всякій разъ проситъ о присылкѣ ему малыхъ толикъ деньжатъ. Въ деньжатахъ, конечно, отказа никогда не было; но надобно же въ самомъ дѣлѣ и честь знать. Тройка моя уже была у подъѣзда, какъ вдругъ швейцарскій звонъ объявляетъ мнѣ гостей, и пять минутъ спустя, ко мнѣ вваливается съ смѣхомъ и грохотомъ и cliquetis des armes [3]), какъ говоритъ бабушка, честная наша компанія, предводительствуемая Костей Булгаковымъ, тогда еще подпрапорщикомъ Преображенскаго полка, а съ нимъ подпрапорщикъ же лейбъ-егерь Гвоздевъ [4]),

[1]) Хочетъ не хочетъ. [2]) Бѣглеца. [3]) Бряканье оружія.

[4]) Павелъ Александровичъ Гвоздевъ, братъ того Александра Александровича, который былъ впослѣдствіи директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и погибъ такою трагическою смертію, какъ говорили тогда, въ припадкѣ ипохондріи, подъ колесами вагона Николаевской желѣзной

да юнкеръ лейбъ уланъ М***скій *). Только что они явились, о чемъ узнала бабушка, тотчасъ явился къ намъ завтракъ съ блинами изобрѣтенія Тихоныча и съ разными другими масляничными снадобьями, а бабушкинъ камердинеръ, взявъ меня въ сторону, почтительнѣйше донесъ мнѣ по приказанію ея превосходительства Елизаветы Алексѣевны, что не худо бы мнѣ ѣхать за Михаиломъ Юрьевичемъ съ этими господами, на какой конецъ явится еще наемная тройка съ пошевнями. Предложеніе это принято было, разумѣется съ восхищеніемъ и увлеченіемъ, и вотъ двѣ тройки съ нами четырьмя понеслись въ Царское Село. Когда мы подъѣхали къ заставѣ, то увидѣли, что на офицерской гауптвахтѣ стоятъ Преображенцы, и караульнымъ офецеромъ одинъ изъ нашихъ недавнихъ однокашниковъ, князь Н*****, веселый и добрый малый, который, увидѣвъ между нами Булгакова, сказалъ ему: „Когда вы будете ѣхать всѣ обратно въ городъ, то я васъ, господа, не пропущу черезъ шлахбаумъ, ежели Костя Булгаковъ не въ своемъ настоящемъ видѣ, то есть, на шестомъ взводѣ, какъ ему подобаетъ быть.“—Мы, хохоча, дали слово, что не одинъ Булгаковъ, а вся честная компанія съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ, будетъ проѣзжать въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа, а ему предоставитъ честь и удовольствіе наслаждаться въ полной трезвости обязанностями службы царю и отечеству.—Въ Царскомъ мы застали у „Майошки“ пиръ горой и, разумѣется, всѣми были приняты съ распростертыми объятіями, и насъ принудили впрочемъ, конечно, не дѣлая большихъ усилій для этого принужденія, принять участіе въ балтазаровой пирушкѣ, кончившейся непремѣнною жжонкою, при чемъ обнаженныя гусарскія сабли играли не послѣднюю роль, служа усердно своими невинными лезвеями вмѣсто подставокъ для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффекта ради, были вынесены всѣ свѣчи и карсели. Эта поэтичность всѣхъ сильно воодушевила и настроила на стихотворный ладъ. Булгашка сыпалъ Французскими стишонками собственной фабрикаціи, въ которыхъ перемѣшаны были les rouges hussards, les bleus lanciers, les blancs chevaliers gardes, les magnifiques grenadiers, les agiles chasseurs со всякимъ невообразимымъ вздоромъ въ родѣ Mars, Paris, Apollon, Henri IV, Louis XIV, la divine Natascha, la suave Lisette, la succulente Georgette и пр., а „Майошка“ изводилъ карандаши, которые я ему починивалъ и соорудилъ въ стихахъ застольную пѣсню въ самомъ, что ни есть, скарроновскомъ родѣ, и потомъ эту пѣсню мы пѣли громчайшимъ хоромъ, такъ что, говорятъ, безногій Царскосельскій бѣсъ сильно встревожился въ своей придворной квартирѣ и, не зная на комъ сорвать свое отчаяніе, велѣлъ отпороть двухъ или трехъ дворцовыхъ истопниковъ; словомъ шла „гусарщина“ на славу. Однако, нельзя же было не ѣхать въ Петербургъ и непремѣнно вмѣ-

дороги въ 1862 году. Этотъ Гвоздевъ, даровитый, добрый и умный малый, но необыкновенно впечатлительный и вспыльчивый, изъ подпрапорщиковъ л. гв. Егерьскаго полка былъ въ 1835 году переведенъ въ армію юнкеромъ же на Кавказъ. Потомъ онъ вышелъ въ отставку, служилъ по статской службѣ, при протекціи брата и умеръ въ молодыхъ еще годахъ, т. е. моложе 30 лѣтъ. Когда былъ въ Петербургѣ шумъ и гвалтъ по поводу стиховъ графини Ев. Петр. Растопчиной, напечатанныхъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ Булгаринымъ, думавшимъ угодить ими правительству, не зная, что стихи эти подъ названіемъ „Баронъ“, были направлены противъ Императора Николая Павловича, явилось слѣдующее довольно бойкое четверостишіе:

> Шутить я не привыкъ.
> Я самъ великій баринъ,
> И за дерзскій свой языкъ,
> Заплатитъ... Булгаринъ.

(Стихи эти были написаны именно этимъ Пав. Ал. Гвоздевымъ).

*) Ал. М. М—скій, нынѣ полковникъ въ отставкѣ, мой добрый знакомецъ. Онъ сообщилъ въ печати нѣкоторыя замѣчательныя подробности о Лермонтовѣ, въ приложеніяхъ къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой“.

стѣ съ Мишей Лермонтовымъ, что было условіемъ бабушки sine qua non. Къ нашему каравану присоединилось еще нѣсколько гусаръ, и мы собрались, рѣшивъ взять съ собою на дорогу корзину съ полъ-окорокомъ, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ и съ добрымъ запасомъ различныхъ ликеровъ, ратафій, бальзамовъ и дюжиною шампанской искрометной влаги, никогда Шампаньи, конечно, не видавшей. Передъ выѣздомъ заявлено было „Майошкой" предложеніе дать на заставѣ оригинальную записку о проѣзжающихъ, записку въ которой каждый изъ насъ долженъ былъ носить какую нибудь вымышленную фамилію, въ которой слова „дуракъ", „болванъ", „скотъ" и пр. играли бы главную роль съ передѣлкою характеристики какой либо національности. Булгаковъ это понялъ сразу, и объявилъ за себя, что онъ marquis de Gloupignon (маркизъ Глупиньонъ). Его примѣру послѣдовали другіе, и явились: донъ Скотилло, бояринъ Болванешти, фанаріотъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, панъ Глупчинскій, синьоръ Глупини, паничь Дураленко и наконецъ чистокровный Россійскій дворянинъ Скотъ Чурбановъ. Послѣднюю кличку присвоилъ себѣ Лермонтовъ. Много было хохота, по случаю этой, по выраженію Лермонтова „всенародной энциклопедіи фамилій". На самой серединѣ дороги вдругъ наша бѣшеная скачка была остановлена тѣмъ, что упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ, говорю четырехъ, потому что къ нашимъ двумъ въ Царскомъ присоединилось еще двѣ тройки гусаръ. Кучеръ объявилъ, что надо „сердечнаго" распречь и освѣжить снѣгомъ, такъ какъ у него „родимчикъ". Не бросить же было коня на дорогѣ, и мы порѣшили остановиться и воспользоваться какимъ-то торчавшимъ на дорогѣ балаганомъ, мѣстомъ, служившимъ для торговли, а зимою пустымъ и остающимся безъ всякаго употребленія. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, мы занялись устройствомъ балагана, т. е. размѣстили тамъ разныя доски, какія нашли, на полѣнья и снарядили что-то въ родѣ стола и табуретовъ. Затѣмъ зажгли тѣ фонари, какіе были съ нами и приступили къ нашей корзинѣ, занявшись содержаніемъ ея прилежно, впрочемъ, при помощи нашихъ возницъ, кушавшихъ и пившихъ съ увлеченіемъ. Тутъ было рѣшено, въ память нашего пребыванія въ этомъ балаганѣ, написать на стѣнѣ его, хорошо выбѣленной, углемъ всѣ наши псевдонимы, но въ стихахъ, съ тѣмъ, чтобъ каждый написалъ одинъ стихъ. Насъ было десять человѣкъ, и написано было десять нелѣпѣйшихъ стиховъ, изъ которыхъ я помню только шесть; остальные четыре выпарились изъ моей памяти, къ горю потомства, потому что, когда я лѣтомъ того же года хотѣлъ убѣдиться, существуютъ ли на стѣнѣ балагана наши стихи, имѣлъ горе на дѣлѣ сознать тщету славы: ихъ уничтожила новая штукатурка въ то время, когда балаганъ, пустой зимою, сдѣлался временною лавочкою лѣтомъ.

Гостьми былъ полонъ балаганъ.
Болванешни, Молдаванъ,
Стоялъ съ осанкою воинской;
Болванопуло было Грекъ,
Чурбановъ, Русскій человѣкъ,
Да былъ еще Полякъ Глупчинскій.

— „Такимъ образомъ, продолжалъ Юрьевъ, ни Испанецъ, ни Французъ, ни Хохолъ, ни Англичанинъ, ни Итальянецъ въ память мою не попали и исчезли для исторіи. Когда мы на гауптвахтѣ, въ два почти часа ночи, предъявили караульному унтеръ-офицеру нашу шуточную записку, онъ имѣлъ видъ почтительнаго недоумѣнія, глядя на красныя гусарскія офицерскія фуражки; но кто-то изъ насъ, менѣе другихъ служившій Вакху (какъ говаривали наши отцы) указалъ служивому оборотную сторону листа, гдѣ всѣ наши фамиліи и ранги, правда, не выше корнетскаго, были ясно прописаны.

— „Но все таки, кричалъ Булгаковъ, непремѣнно покажи записку караульно-

му офицеру и скажи ему, что Французскій маркизъ былъ на шестомъ взводѣ.“— „Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Преображенецъ и крикнулъ караульному у шланбаума: „Бомвысь!“, и мы влетѣли въ городъ, гдѣ вся честная компанія разъѣхалась по квартирамъ, а Булгаковъ ночевалъ у насъ. Утромъ онъ пресеріозно и пренастоятельно увѣрялъ бабушку, добрѣйшую старушку, не умѣющую сердиться на наши проказы, что онъ весьма дѣйствительно маркизъ де Глупиньонъ“.

— „Ну эта Булгаково-Лермонтовская и compagnie шутка на заставѣ, сказалъ ротмистръ Хрущевъ, была совершенно невиннымъ фарсомъ развеселившихся юношей, кончившаяся общимъ смѣхомъ. А вотъ, въ двадцатахъ годахъ, была, какъ разсказывалъ мнѣ мой старикъ дядя, здѣсь въ Петербургѣ иная шутка, имѣвшая иныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, послѣ Семеновской исторіи, всѣ офицеры этого, въ тѣ времена самаго блестящаго и наилучше составленнаго, полка, были переведены въ армію тѣми же чинами, а на мѣста ихъ изъ арміи съ повышеніемъ двумя чинами были переведены въ гвардію въ Семеновскій полкъ самые заскорузлые армейцы, отчасти бурбоны, отчасти такіе, которые были плохими кадетами въ корпусахъ и потому не только свѣтскимъ лоскомъ, но и никакою начитанностью не отличались. Ихъ въ Петербургѣ нигдѣ не принимали, и они вели жизнь самую замкнутую въ своемъ тѣсномъ полковомъ кружкѣ; но всѣ они были хорошими фронтовиками и нерѣдко на смотрахъ и парадахъ поставлялись начальствомъ въ примѣръ гвардейцамъ. Это послѣднее обстоятельство досадовало многихъ, и бѣднымъ Семеновцамъ то и дѣло, что приходилось испытывать на на себѣ то, что называется des niches, des tours des pages *). И дѣйствительно, офицеры гвардейскаго корпуса другихъ полковъ, вышедшіе изъ Пажескаго Корпуса, ставили Семеновцамъ новаго закала преловкія подножки. Одна изъ этого рода подножекъ, исполненная шалуномъ въ родѣ нынѣшняго Булгакова, какихъ тогда было безъ числа, жутко пришлась одному изъ новыхъ Семеновцевъ, какому-то поручику гвардіи, разсчитывавшему дослужить въ Семеновскомъ полку до штабсъ-капитана, перейти снова въ армію маіоромъ и тогда гдѣ-то въ Весьегонскѣ или Царевококшайскѣ, что ли, сочетаться бракомъ съ дочерью благочиннаго протопопа, имѣвшаго кругленькое состояніе и объявившаго этому гусю, что онъ Акулю благословитъ за него тогда, когда увидитъ его маіоромъ съ пышными эполетами и командиромъ команды внутренней стражи съ яркожелтыми воротниками на сѣрыхъ мундирахъ. Старикъ зналъ, гдѣ раки зимуютъ; потому что эти командиры „канареечныхъ командъ“ въ тѣ времена разживались быстро и безопасно. Такимъ образомъ, Семеновская исторія годовъ на пятнадцать, по крайней мѣрѣ, укоротила срокъ, въ который бывшій прапорщикъ могъ сдѣлаться обладателемъ Акули и ея движимаго и недвижимаго состоянія, при чемъ больше было шансовъ и на сохраненіе красоты вожделѣнной невѣсты. И вотъ поручикъ гвардіи, т. е. капитанъ арміи, мечтающій о томъ, какъ бы ему поскорѣе добраться до вожделѣнныхъ маіорскихъ эполетъ, исправенъ по службѣ, какъ никто, надѣясь схватить за отличіе штабсъ-капитанскій рангъ, который для него лучше всего на свѣтѣ. Особенно исправенъ и строгъ онъ бываетъ въ караулѣ на заставахъ, гдѣ соблюдаетъ такое педантство, что городской плацъ-маіоръ, читая въ дневномъ приказѣ, что на такой-то заставѣ стоитъ этотъ Семеновскій поручикъ, говоритъ бывало своимъ плацъ-адъютантамъ съ ярко-оранжевыми воротниками: „Сегодня на эту заставу хоть и не ѣздить: самъ воинскій артикулъ тамъ въ кара-

*) Продѣлки съ насмѣшкою, пажескія штуки.

улѣ". Разъ стоитъ этотъ „самъ артикулъ" у Тріумфальныхъ воротъ, которые однако артикулъ иначе какъ „Крахмальными" не умѣлъ назвать. Несется въ столицу по Петергофской дорогѣ преотличная карета шестерикомъ, четверня рядомъ, а форейторъ на уносныхъ. Унтеръ-офицеръ изъ грамотныхъ съ аспидной доской въ рукѣ подбѣжалъ къ каретѣ и спрашиваетъ, какъ водится: „кто изволитъ ѣхать?" а между тѣмъ заглянулъ въ карету,— и такъ и обмеръ: сидитъ въ каретѣ баринъ въ завиткахъ барашкомъ, напудренный словно въ снѣгу или въ мукѣ и въ мундирѣ золотомъ расшитомъ по алому бархату. Два лакея въ чудесныхъ ливреяхъ съ треуголками, а одинъ изъ нихъ говоритъ: „Изволитъ ѣхать его графское сіятельство Рохусъ-фонъ-Пумперникель." Ундеръ трепетной рукой записываетъ и трижды спрашиваетъ: „Какъ-съ? Чтобъ не ошибиться-съ! Господинъ поручикъ больно-съ строги". Лакей такой добрый, самъ помогъ записать „Рохусъ-фонъ Пумперникель." И унтеръ заоралъ: „Бомвысь!", вытянувшись въ струночку. Шлахбаумъ взлетѣлъ, карета проскакала въ городъ, увозя молодаго гвардейца изъ камеръпажей, переодѣтаго во взятый у костюмёра театральный костюмъ Французскаго виконта съ напудреннымъ парикомъ и назвавшимся именемъ главнаго дѣйствующаго лица изъ имѣвшей тогда такой же успѣхъ Нѣмецкой комедіи-фарса, какъ теперь, напримѣръ хоть „Ложа перваго яруса" на представленіе Тальони" *). Въ роли этой, говорятъ старожилы, былъ неподражаемъ актеръ Нѣмецкой труппы Линденштейнъ, восхищавшій весь Петербургъ. Но Семеновецъ-офицеръ не могъ знать городскихъ новостей, какъ бы онѣ громки ни были, и радовался тому, что важнаго графа такъ живо пропустилъ. Но радость его была непродолжительна, потому что комендантъ Башуцкій, одинъ изъ Гатчинцевъ, Павловскихъ временъ, какъ прочелъ на слѣдующее утро рапортъ караульнаго офицера, какъ тотчасъ уразумѣлъ, что тутъ кроется шалость чья нибудь, и тотчасъ снесся съ дивизіоннымъ начальникомъ, по распоряженію котораго поручика, мечтавшаго о маіорскихъ эполетахъ, упекли подъ арестъ куда-то въ Чекуши на пять дней съ наставленіемъ стараться понимать, что бываютъ фамильи вымышленныя, собственно для театра или для романовъ, а другія настоящія. Загоревалъ поручикъ гвардіи особенно потому, что арестъ этотъ ставилъ точку съ запятой въ его производствѣ за отличіе въ штабсъ-капитаны, чрезъ что могло сильно отдалиться маіорство, совпадающее съ обладаніемъ рукою Акули. Какъ только выпустили поручика изъ подъ ареста и возвратили ему шпагу, то практики ради, его опять назначили въ караулъ уже на Московскую заставу, гдѣ онъ поклялся всѣми прелестями Акули, протопопской дочки, быть съ Нѣмецкими фамиліями очень осторожнымъ. И вотъ изъ города уже, а не въ городъ карета шестерикомъ, и въ каретѣ сидитъ господинъ пожилыхъ лѣтъ въ трехъ звѣздахъ, въ мундирѣ штатскомъ и съ лентою алою черезъ плечо. Фамилія оказывается еще сложнѣе, еще труднѣе прежней театральной: баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ фонъ Кампенгаузенъ. Нашъ поручикъ говоритъ себѣ: „Нѣтъ, дудки; два раза шалуны меня не проведутъ. Не высь! А карету съ бариномъ подъ конвоемъ трехъ казаковъ препроводить къ его провосходительству господину коменданту, который ужъ выучитъ забавника всякія дьявольскія фамиліи выдумывать". Сидящій въ каретѣ звѣздоносецъ приходитъ въ отчаяніе, когда видитъ, что казаки съ пиками и нагайками не на шутку распоряжаются съ его кучеромъ и форейторомъ. Онъ кричитъ офицеру, что онъ государственный контролеръ, т. е. министръ и членъ Государственнаго Совѣта и ѣдетъ въ Царское Село къ Государю Императору съ докладомъ. Поручикъ непреклоненъ, слышать нечего не хочетъ,

*) А нынче, напримѣръ „Прекрасная Елена" или „Фаустъ на изнанку."

и министра государственнаго контроля Донцы сволокли по всему городу въ Ордонансъ-Гаузъ къ коменданту, который не зналъ, какъ извиниться передъ его высокопревосходительствомъ, а поручика гвардіи засадили на двѣ недѣли на гауптвахту съ занесеніемъ въ формуляръ его оплошности. Говорятъ, бѣдняга не вытерпѣлъ и вышелъ въ армію капитаномъ, не потерявъ надежды однако быть когда нибудь маіоромъ.—Однако, господа, второй часъ ночи: надо дать покой нашему любезному хозяину, спасшему меня отъ голодной смерти".

За тѣмъ поблагодаривъ хозяина и простясь съ нами, ротмистръ пошелъ въ свою дежурную комнату, Юрьевъ поѣхалъ къ Лермонтову, жившему у бабушки Арсеньевой; а я, какъ обыкновенно въ случаяхъ такихъ позднихъ бдѣній внѣ дома, заночевалъ подъ дружескимъ кровомъ моего любезнаго Аѳанасія Ивановича, имѣя въ карманѣ экземпляръ вполнѣ вѣрный стиховъ Лермонтова, перекинувшихъ его изъ гвардіи въ армію.

Владиміръ (Петр.) Бурнашевъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА (1831)

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ, съ названьемъ гражданина!

Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ!
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы какъ твой спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной.

Но ты простишь мнѣ!—я-ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?

Однакожъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?

Ты свѣтомъ осужденъ... А что̀ такое свѣтъ? —
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ.

Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей.
Ты счастливѣй меня: теперь передъ тобой
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.

Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,

О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?

О, если такъ, то небо не сравняю
Я съ этою землею, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мѣрѣ я—люблю!

Этотъ стихотворный набросокъ отысканъ и прочтенъ П. А. Ефремовымъ въ черновыхъ рукописяхъ поэта, относящихся къ 1831 году. Онъ важенъ въ смыслѣ біографическомъ. Мать Лермонтова, будучи единственною дочерью энергической женщины Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, воспитанная въ богатствѣ и барской обстановкѣ, полюбила простаго армейскаго офицера и, сколько извѣстно, обвѣнчалась съ нимъ противъ воли родителей, къ смущенію знатной и богатой родни. Молодая Марья Михаиловна Лермонтова скончалась (1817), когда сыну ея (род. въ Москвѣ Октября 3-го 1814) не было трехъ лѣтъ. Началась обыкновенная борьба между бабушкою (которая по смерти дочери перенесла всю свою любовь на единственнаго внука) и ненавистнымъ зятемъ, уже Тульскимъ помѣщикомъ. Отъ 5 Іюня 1817 г. Сперанскій пишетъ къ А. А. Столыпину (брату бабушки Арсеньевой): „Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына, едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ“. (Р. Арх. 1870, стр. 1136). Мы не знаемъ и просимъ знающихъ дать намъ знать, когда именно умеръ отецъ Лермонтова и чтò онъ былъ за человѣкъ (такъ какъ отзывъ Сперанскаго могъ быть пристрастенъ); но очевидно, что положеніе высоко-одареннаго мальчика между аристократическою бабушкою и какимъ-то рѣдко видаемымъ, бѣдно обстановленымъ, отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, коего появленіе въ родномъ домѣ непріятно бабушкѣ. Этимъ объясняется болѣзненная неровность въ характерѣ Лермонтова. Внимательный разыскатель найдетъ въ его произведеніяхъ и другіе намеки на эти семейныя отношенія; въ стихахъ нынѣ отысканныхъ они выражены довольно явственно. Стихи эти написаны 17-ти лѣтнимъ Лермонтовымъ, можетъ быть, по поводу кончины отца.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ фамильномъ имени поэта звучитъ что-то иноязычное, восточное или Финское. На такое же происхожденіе указываютъ и черты лица его по портрету, приложенному ко второй части его сочиненій (Спб. 1863). Сколько намъ извѣстно, Лермонтовы—коренные Костромичи. Въ спискѣ кадетовъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, изданномъ въ 1761 году, мы встрѣтили Юрья Лермонтова (стр. 227) кадетомъ 1740 года. *П. Б.*

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библіографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу* или въ *книжный магазинъ И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ (Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на прежнихъ основаніяхъ) ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

10. 1872.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречист. вор., д. Шиловой.

1872.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива **семь** рублей.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ОСИПА АЛЕКСѢЕВИЧА ПОЗДѢЕВА КЪ ЕГО ДРУЗЬЯМЪ.

Пересматривая переписку масоновъ, хранящуюся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, и остановившись преимущественно на письмахъ шестидесяти-лѣтняго старика Осипа Алексѣевича Поздѣева, бывшаго руководителемъ и начальникомъ масоновъ Александровскаго времени, мы сочли не лишнимъ выбрать изъ нихъ нѣкоторыя, имѣющія общій интересъ и касающіяся современныхъ Поздѣеву политическихъ событій и распоряженій правительства. 1812 годъ съ его погромомъ, отъ котораго пострадали и личные интересы Поздѣева, живо и ярко рисуется въ этихъ письмахъ. Поздѣева поражаетъ быстрый поворотъ дѣла; онъ не думалъ, чтобъ Французы могли добраться до Москвы, до „сердца Россіи", какъ ее называетъ Осипъ Алексѣевичъ. Горько стало ему за Москву. Какъ мистикъ, кромѣ дѣйствительныхъ несчастій, навлеченныхъ этимъ событіемъ, онъ видитъ въ немъ зарю новыхъ, сильнѣйшихъ; смотритъ на эти несчастія съ религіозной точки зрѣнія, какъ на кару, посланную отъ Бога, и за благополучное окончаніе дѣлъ Александра I-го воздаетъ благодарность Всевышнему. Когда Сенатъ и Синодъ подняли вопросъ, какое вещественное изъявленіе благодарности придумать для Императора Александра Павловича, то и Поздѣевъ принялъ участіе въ рѣшеніи этого вопроса. Слѣдствіе погрома 1812-го года, т. е. разореніе Московскихъ жителей, близко касалось и его лично; почему онъ, хотя подъ видомъ общественныхъ интересовъ, хлопочетъ о снятіи поземельнаго налога съ жителей Москвы, о чемъ пишетъ къ своимъ вліятельнымъ знакомымъ, черезъ которыхъ онъ всегда дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ. Но хуже погрома Французскаго отдалась на Поздѣевѣ и растревожила его вѣсть о волѣ крестьянъ; тутъ онъ собираетъ все свое краснорѣчіе, всѣ свои доводы, чтобы убѣдить важныхъ сановныхъ лицъ въ ужасныхъ, по его мнѣнію, неминуемыхъ послѣдствіяхъ такого необдуманнаго якобы распоряженія правительства.

Екатерина Н-ва.

1. *Къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому* [1]).

Изъ Москвы. Генваря 29-го 1811 года.

Вы изволите писать, что Французы до Балтійскаго моря домежевались; а можетъ быть такъ, какъ въ газетахъ пишутъ, что Наполеонъ обѣщаетъ въ 5 лѣтъ каналомъ соединить рѣки, по коимъ суда могутъ ходить изъ Парижа въ Балтійское море, то вѣдь этимъ долго обманывать нельзя: карта земель всѣмъ извѣстна, и мѣста знаемы. Зачнутъ ли скоро дѣлать? И похоже ли это на правду? А вѣдь коли это сдѣлаютъ, это нехудо будетъ, что изъ такого отдаленнаго государства будутъ вещи подвозить къ намъ близко, не подвергая ихъ бурямъ и разбитіямъ (*т. е.*) [2]) людей и вещи. А что Наполеонъ дотянулся до Балтійскаго моря, то думаете ли, что онъ сталъ сильнѣе? Всякій чѣмъ больше растягивается, тѣмъ паче слабѣетъ. А что надлежитъ до Русскихъ, Богъ милостивъ! Нечего опасаться. 1-е [3]), что по прошлой недавней войнѣ онъ (*Наполеонъ*) знаетъ: что̀ этакую даль вести, чтобы встрѣтить этакое сопротивленіе? Будьте увѣрены, что

[1]) Графъ А. К. Разумовскій—министръ народнаго просвѣщенія при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

[2]) Вставки, напечатанныя курсивомъ, не находится въ рукописи.

[3]) Поздѣевъ, какъ видно, хотѣлъ вести свою рѣчь по пунктамъ; но, вѣрно, перевернувши страницу, уже забылъ о своемъ намѣреніи: ни 2-го, ни 3-го пункта не встрѣчается.

онъ безопаснѣе и выгоднѣе захочетъ имѣть этакое государство лучше другомъ, нежели врагомъ. И онъ же знаетъ, сколько у насъ на границѣ, по всей границѣ войскъ и магазиновъ. Не такъ, какъ при Волконскомъ [4]. Истинно вамъ сказать, что я не думаю, чтобы Французы подумали напасть на Россію: ибо, нападая прежде, крайне испытали и весьма расшиблись; да и мы вѣдь задирали. А намъ воевать съ ними (*теперь*) какая стать (*съ ними*), живущими далеко [5])?

2. *Къ Сергѣю Степановичу Ланскому* [6]).

Изъ Вологды, 19-го Сентября 1812-го года.

Письма ваши я всѣ исправно получилъ, за которыя покорно благодарю. И если будете писать ко мнѣ, то уже прошу писать въ Вологду [7]), ибо мы сюда пріѣхали по взятіи Москвы, о которой послѣднее извѣстіе имѣемъ отъ 5-го Сентября, что она горитъ, зажжена съ Рогожской и продолжаетъ горѣть. Увѣдомляйте меня о вашемъ здоровьи; пишите просто на мое имя въ Вологду, и то дойдетъ: ко мнѣ въ деревню перешлютъ. Сюда всѣ ѣдутъ изъ Ярославля, Рыбной, Углича и прочихъ (*городовъ*). Ризницу отъ Троицы сюда привезли, Московская сюда же ѣдетъ.

[8])..... Дорога отъ Москвы въ Петербургъ открыта; вы на такомъ же призѣ, какъ Москва: войскъ отъ Москвы до Петербурга нѣтъ, кромѣ мужиковъ съ рогатинами, какъ противъ медвѣдей, кои суть жертвы, да и тѣ (*т. е. мужики*) отягощены наборомъ рекрутъ и налогами до крайности. Одни дворяне и ихъ прикащики побуждаютъ къ повиновенію къ Государю, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать. А дворяне къ мужикамъ остужены разсѣяніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности, и все это поддерживалось головами Французскими и изъ Русскихъ, а нынѣ и паче Французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, и именно связь Государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборомъ рекрутъ, милиціей и такъ названнымъ ополченіемъ нынѣ [9]) и особливо съ Московской губерніи, которая уже теперь не наша. И, слышу, пишутъ теперь изъ подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовыхъ всѣхъ въ однѣхъ рубашкахъ вонъ теперь; а нынѣ уже зима—куда идти безъ хлѣба и одежды? Въ лѣса? Замерзнутъ и погибнутъ съ голоду. Вотъ состояніе Россіи! А сердце государства Москва взята, сожжена! Войска мало, предводители

---

[4]) Не тотъ ли это кн. Волконскій, о которомъ такъ строго отзывается гр. Растопчинъ въ письмахъ къ кн. Циціанову (XIX Вѣкъ кн. 2)? *П. Б.*

[5]) Далѣе идутъ разсужденія касательно взгляда нѣкоторыхъ на Божество Спасителя и т. п., совершенно не касающіяся нашего плана.

[6]) С. С. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ при Императорѣ Александрѣ II-мъ.

[7]) Нашествіе Французовъ на Москку заставило О. А. Поздѣева со всѣмъ семействомъ выбраться изъ подмосковнаго села Чистякова и направиться въ болѣе безопасный край, въ Вологодскую губернію, гдѣ у него, въ 50 верстахъ отъ губерн. города, находился стеклянный заводъ и имѣніе „Нелюбовское". Стеклянный заводъ не для химическихъ ли масонскихъ розысканій? *П. Б.*

[8]) Выпускаемъ мѣсто, гдѣ Поздѣевъ рекомендуетъ Ланскому своего старшаго сына Николая (вступившаго въ масонство) и наставленія, какъ Ланской долженъ нравственно самосовершенствоваться.

[9]) Послѣднюю фразу надо читать такъ: „и такъ называемымъ нынѣ ополченіемъ".

пятятся назадъ, научились на разводахъ только, а далѣе не смыслятъ; войска потеряли прежній духъ, а Французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ, то и ожидай всеобщаго (*возстанія*); при этакомъ частомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго бунта противъ Государя и дворянъ и прикащиковъ, кои власть Государя подкрѣпляютъ.

Теперь множество и наѣхало, и ѣдетъ въ Вологду, которая имъ кажется далѣе отъ Французовъ. А принцъ [10]) въ Ярославлѣ и своихъ подчиненныхъ городахъ отдалъ повелѣніе: коли Французы будутъ приближаться, то все зажигать [11]); а селенія и города зажигать, а послѣ отъ стужи умирать!

О семъ, что̀ я пишу, прошу не говорить обо мнѣ; ибо теперь надобно молчать и ожидать, какъ придетъ всеобщее рѣзанье [12]). Вотъ что произвели молодыя головы, когда Богъ не положитъ конца!

3. *Къ графу А. К. Разумовскому.*

Изъ Вологды. Сентября 21-го, 1812 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше, полученное мною съ г. Курбатовымъ [13]), коему я, пріѣхавъ не надолго въ Москву, при спросѣ его: куда ему ѣхать, если случится опасность, совѣтовалъ ѣхать далѣе, если уже нельзя будетъ въ Москвѣ оставаться; то думаю они и поѣхали. А я, подождавъ въ Подмосковной до 4-го Сентября, и поѣхалъ по Углицкой дорогѣ въ Вологду и за Вологду на заводъ свой. Дожидался я до 2-го Сентября и, слыша, что Москва взята, что уже нечего было больше ожидать и я оставилъ три дома въ Москвѣ и все, что̀ есть въ домахъ, ибо некогда было вывезти ничего. Въ Москву вошли непріятели (слышу отъ проходящихъ) 2-го Сентября въ 4 или 5 часовъ пополудни, и (*она*) зажжена ночью съ Рогожской; и какъ полиціи никакой уже нѣтъ, ибо вся полиція выѣхала, то все и горѣло; и по сю пору сгорѣла Покровка, всѣ ряды, Воспитательный домъ и 7 частей Москвы [14]), и догорѣло и Воронцово поле и до вашего дома [15]), загорѣлись службы. Тогда и пошелъ человѣкъ изъ Москвы, бывши употребленъ Французами изъ Поляковъ для выноски разныхъ вещей за заставу, а тутъ отпущенъ и пришелъ въ Вологду, и самъ всѣмъ пересказывалъ, будучи спрашиваемъ. И мои люди вышли изъ дому и пришли въ подмосковную, а оттуда сюда третьяго дни. Вотъ до чего довело преобразованіе, назвавшееся философіею! И Москва теперь подлинно преобразована: всѣ выѣхали, и она горитъ, пока Господь не положитъ конца. Въ Вологду теперь множество наѣхало, и изъ Ярославля, Москвы, Рыбной, Углича, и всякій

---

[10]) Принцъ Георгій Ольденбургскій былъ генералъ - губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ.

[11]) Приписка Поздѣева: „То-теперь случай ворамъ и желающимъ все замѣшать, обокрасть".

[12]) Надо замѣтить, что Поздѣевъ до крайности былъ во всемъ остороженъ; съ С. С. Ланскимъ и еще очень немногими онъ говорилъ откровеннѣе, но и то больше при свиданіи, чѣмъ письменно.

[13]) Петръ Александровичъ Курбатовъ (масонъ) коллежскій совѣтникъ, сынъ директора народныхъ училищъ Московской губерніи (который, при Екатеринѣ, долженъ былъ ревизовать Новиковскія изданія) и потомокъ знаменитаго Петровскаго прибыльщика и Архангельскаго вице-губернатора. *П. Б.*

[14]) Арбатская, Пятницкая, Якиманская, Городская, Пречистенская, Тверская, Мясницкая (Воспоминанія о 1812 года П. Г. Кичеева).

[15]) Домъ Разумовскаго на Гороховомъ полѣ, гдѣ нынѣ малолѣтное отдѣленіе Воспитательнаго Дома.

день множество ѣдутъ. Вотъ сдѣлались вещи небывалыя! Такъ Богомъ опредѣлено за грѣхи наши. И сюда привезена ризница изъ Троицы-Сергіева монастыря, и везется ризница изъ Москвы, (*везутся*) воспитанники и все..... [16]).

Пока о томъ же скажу: такъ государства преобразуются, и Москва, бывшая столько лѣтъ сердцемъ Россіи, сдѣлалась пустыремъ. Что-то будетъ съ Петербургомъ?

Графъ Растопчинъ, думаю, самъ крайне не доволенъ, что впросился въ командиры Московскіе и началъ правленіе свое тѣмъ, что, пріѣхавъ къ Ключареву и объявивъ императорскій гнѣвъ, не сказавъ причины, арестовалъ его и сослалъ въ Воронежъ [17]). Повидимому, Ключареву было тогда великое несчастіе, а теперь онъ долженъ считать за милость, ибо не видалъ несчастія и конца Москвы. Мы такъ близко предвидимъ несчастіе наше, что за два дни до взятія Москвы былъ театръ, хотя, слышу, въ немъ было токмо 8 человѣкъ.

Всѣ эти происшествія учатъ насъ, чтобы мы къ мѣсту не привязывались, какъ Священное Писаніе говоритъ и учитъ, что *не имамы пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ*. Жизнь наша и по лѣтамъ уже не долга [18]), и вотъ дожили до какихъ перемѣнъ! Вотъ строенья наши! Вотъ украшенія наши! Не знаю, что съ нашими морскими [19]) будетъ, гдѣ они будутъ? Гдѣ Богъ велитъ оканчивать и вамъ дни свои? Ибо гдѣ теперь безопасность? Потому-что и мужики наши, по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности; хотя и видятъ разореніе совершенное, но очаровательное слово вольности кружитъ ихъ, ибо мало смыслящихъ, а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды.

Религія, искаженная наружностью, пьянствомъ и прочими пороками, до того испортилась въ нашемъ духовенствѣ, что за день до входа непріятелей въ Москву и наканунѣ не слышно было въ воскресный день колокола ни заутренняго, ни обѣденнаго, а попы толпами бѣжали изъ Москвы отъ своихъ церквей. Кто повѣритъ, что въ короткое время все это произошло? Афишками отъ г. Растопчина и князя Кутузова обманывали весьма часто, на день раза по два: что никакой опасности нѣтъ, что наши все разбиваютъ Французовъ; сами все назадъ пятились и Москву оставили Французамъ и огню. Афишками увѣряли, что 26-го Августа

---

[16]) Выпускаемъ мѣсто, гдѣ Поздѣевъ рекомендуетъ Разумовскому своего сына Николая, который былъ въ морской службѣ, сперва на Черномъ морѣ, а въ это время переводился въ Балтійское.

[17]) Федоръ Петровичь Ключаревъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, почтъ-директоръ въ Москвѣ.

Ѳ. П. Ключаревъ по распоряженію графа Растопчина былъ удаленъ отъ управленія Московскимъ почтамтомъ; Руничь, Дмитрій Павловичь, занялъ его мѣсто. Въ 1816 г. Ѳ. П. Ключаревъ возвращенъ изъ ссылки „даже съ почестью, но безъ экипажа", говоритъ Поздѣевъ въ письмѣ къ С. С. Ланскому отъ 13 Іюля 1816 г., причемъ разсказываетъ анекдотъ о капитанѣ Прусскаго короля: „Когда король пожаловалъ его въ капитаны, то онъ спрашиваетъ: съ экипажемъ или безъ экипажа? то онъ (т. е. король) сказалъ: съ экипажемъ, т. е. съ доходомъ отъ роты. А Ѳ. П. разоренъ, пишетъ, до рубашки: сожжены два двора въ Москвѣ; имущество, которое было съ нимъ въ казенномъ домѣ, гдѣ жилъ при его (т. е. своей) ссылкѣ, все осталось во власти враговъ его; а черезъ нѣсколько денъ при входѣ Французовъ все разграблено и пропало".

[18]) Поздѣеву было въ это время около 70 лѣтъ, а гр. А. К. Разумовскому уже 70.

[19]) Т. е. дѣтьми Поздѣева: Николаемъ и Алексѣемъ.

разбили Французовъ тѣмъ, что наши не уступили ни шагу назадъ, и князь Кутузовъ все пятился назадъ.

А прежде того какъ были въ Смоленскѣ, то этотъ Барклай и Багратіонъ (который, слышу, отъ ранъ умеръ) увѣряли жизнію, что Французы въ Смоленскѣ не будутъ. И при всей глупости и незнаніи своего дѣла и силы нашего оружія, имѣя Наполеона со ста тысячами въ пятнадцати верстахъ отъ Смоленска и торжествуя пустяшную побѣду Тормасовымъ, надъ семью тысячами Саксонцевъ при Кобринѣ, стрѣляютъ изъ 101-й пушки; а къ Наполеону, въ 15 верстахъ стоящему, посылаютъ сказать, чтобы онъ не безпокоился, что у нихъ не сраженіе происходитъ, а они торжествуютъ побѣду (*подъ*) Кобринымъ. Это мнѣ расказывалъ бывшій на торжествѣ самъ вицъ-губернаторъ Смоленскій, Аркадій Ивановичъ Алымовъ, ѣхавшій чрезъ мою подмосковную съ казною изъ сожженнаго Смоленска, котораго овраги, слышу, такъ наполнены убитыми людьми, что ходили по нихъ, яко по мосту, и послѣ за 17 верстъ нельзя было подойти къ Смоленску отъ вони убитыхъ тѣлъ.

А послѣ 26-го Августа, при Можайскѣ, послѣ сраженія, князь Кутузовъ ѣздилъ по полю и видѣлъ, по его замѣчанію, 50 тысячъ тѣлъ, лежащихъ на полѣ. А въ Москву ввезено послѣ раненыхъ тяжело и легко девятнадцать тысячъ, и на моемъ дворѣ стояло 70 человѣкъ. Вотъ несчастье государства! Сами вы слышали, что наши войска сильны артилеріею и штыками. А, видно, стояли и мушкетною пальбою отстрѣливались, яко тарухтаны, и дали себя столько перегромить. Для чего бы послѣ артилеріи не броситься на штыки, чѣмъ всегда брали, а особливо Суворовъ—недавній примѣръ. А князь Кутузовъ, слышу, всегда противъ этого и не любитъ сражаться на штыкахъ; а наши войска тѣмъ и были непобѣдимы. А стрѣлять наши не умѣютъ и егеря. Рекрутами крайне мужики отягощены, а нынѣшній годъ третій разъ рекрутство. А церковниковъ шесть комплектовъ; а князь Голицынъ не удерживаетъ, что съ нихъ рекрутства совсѣмъ нѣтъ. Одинъ Вологодскій архіерей давалъ добровольно тысячу церковниковъ, но взято только четверо по охотѣ. А это самые большіе тунеядцы, только, слышу, отъ праздности шалятъ и воруютъ, то бы излишнихъ церковниковъ могло набраться рекрутовъ тысячъ пятьдесятъ и несравненно больше. Пришло на Россію смиреніе, чтобы завоеваніевъ своихъ не простирала далеко и о Грузіи и другихъ мѣстахъ не помышляла бы.

Нѣкоторые Петербургскіе враждовали на Москву. Вотъ теперь ея и нѣтъ. Но какъ-то хлѣбомъ пробавится Петербургъ? Ибо Французъ хитеръ, перерѣжетъ комуникацію. Изъ Рыбной [20]) всѣ выѣхали, а Французъ до нея добирается. Только нельзя надивиться нынѣшнимъ дѣйствіямъ: Москва взята и горитъ, жители въ близъ-лежащихъ городахъ укладываются и бѣгутъ; въ Угличѣ, въ Ростовѣ и другихъ суды закрыты. И принцъ отправилъ своихъ дѣтей въ Даниловъ городъ [21]), а, слышу, беретъ подъ караулъ тѣхъ, кои въ Ярославлѣ говорятъ, что Москва взята Французами. Видно напало нынѣ то на насъ, что копилось давно. Мы должны терпѣть, предаваться Богу и уповать на Него, ибо

[20]) Т. е. изъ Рыбинска.
[21]) Уѣздный городъ Ярославской губерніи.

въ Немъ только надежда! А человѣки губятъ себя до тѣхъ поръ, пока общимъ пожаромъ все загорится. Богъ наша надежда!

Сдѣлайте милость, увѣдомляйте меня о вашемъ здоровьи; сюда почта прямо теперь ходитъ изъ Петербурга.

Братецъ вашъ, Левъ Кириловичъ, поѣхалъ на Коломну и Рязань; а Французы туда, слышу, пошли, ибо тамо депо коммиссаріатское. Его я видѣлъ малыми днями прежде взятія Москвы. Сынъ мой, вручитель письма сего, во все это время былъ, выздоравливая отъ жестокой своей болѣзни, со мной и видѣлъ братца, который все, что̀ въ Москвѣ было и въ Петровскомъ, бросилъ и принужденъ ѣхать, можно сказать, куда глаза глядятъ; а деревни его около Можайска и все разорено и сожжено.

Теперь спѣшатъ рекрутъ набирать: велѣно въ двѣ недѣли кончить и везти на почтовыхъ изъ Вологды въ Выборгъ; видно, опасность есть отъ Шведа.

4. *Къ С. С. Ланскому.*

Изъ сельца Нелюбовскаго, близъ стекляннаго завода, за Вологдой. 25 Октября 1812 года.

Благодарю покорно за письмо ваше отъ 7-го Октября. Весьма я обрадованъ письмомъ вашимъ. Слава Богу, что вы здоровы. Правда, что передъ отъѣздомъ изъ подмосковной (*я*) былъ весьма не здоровъ, но слава Богу не на долго. Успѣлъ въ Москвѣ побывать не за долго передъ Французами. Весьма жаль, что барометръ у васъ по человѣку, который въ прошлую войну весьма худо себя рекомендовалъ, а и нынѣ въ Москвѣ не лучше дѣйствуетъ. Слава Богу, что г. Витгенштейну разрѣшено дѣйствовать наступательно: въ войнѣ выкажутся полководцы. Въ Англіи, во время опасности высадки, заповѣданъ былъ постъ на три дни, и Господь бурю отвратилъ. Что̀ надлежитъ до васъ, то вы рѣшаете ѣхать, по слуху обстоятельствъ, кажется, рано. А если придется ѣхать, то бы я совѣтовалъ въ нашу сторону; а именно—нѣтъ ли у васъ деревень въ Вологодской губерніи, въ Ярославской, по сю сторону Волги-рѣки, т. е. въ Вологдѣ, или въ Углицкомъ уѣздѣ, или въ Пошехонскомъ, хоть небольшая деревня, то велѣли бы нынѣ зимою построить небольшой домикъ, и въ деревнѣ никто не осудитъ. А ежели бы хотя недалеко отъ Вологды и принуждено было вамъ жить, я бы радъ былъ. А домикъ себѣ велите построить, сдѣлавши планецъ, комнатъ (*въ*) пять, не для церемоній, а для покоя. Къ здѣшнему краю государства многіе уѣхали, ибо онъ далѣе отъ непріятеля и ему не завиденъ. А въ Кострому пріѣхало, пишутъ ко мнѣ, 560 лучшихъ государственныхъ (не однихъ мужчинъ, а фамиліевъ) семействъ, то и вы подумайте; а домикъ въ деревнѣ много ли стоитъ? Постройте зимою, пошлите надежнаго человѣка, изъ своего лѣсу или купите избы 4, да сведутъ вмѣстѣ и выдетъ домъ; а кухню сдѣлаютъ изъ крестьянской избы. Теперь намъ надо привыкать жить по лагерному. Видите, какое время! Не намъ, а кто и лучше насъ, и тѣ въ мѣстѣ пребыванія не увѣрены. Впрочемъ доро̀га и почта изъ Петербурга до Вологды теперь самая по сю пору безопаснѣйшая; даже и Лодейное Поле для чего назначено близъ Вытегры, сами вы, я думаю, знаете: оно отсюда 300 только верстъ. А если уже придется вамъ ѣхать, весьма бы я радъ былъ, коли бы близко меня вы жили. Жаль весьма, что вы не написали адресса, гдѣ

вашъ домъ въ Петербургѣ; какъ надписывать къ вамъ письмо, безъ чего невѣрно писать, и я не увѣренъ, что письмо мое до васъ вѣрно дойдетъ, ибо Петербургъ не Вологда... ([22]) Желаю вамъ здоровья и во всемъ милости Господней и есмь вашъ и проч. На случай нынѣшній укажу на 30-ю главу 2-й стихъ Притчей Соломоновыхъ: «Треми трясется земля, аще рабъ воцарится»; то смотрите на Бонапарте, какъ онъ трясетъ землю, тоже какъ.... исполнится пищею [23]).

5. *Къ нему же.*

От 25-го Ноября 1812.

Благодарю покорно за письмо ваше отъ 12-го Ноября. Вы пишете, что несчастія Московскія могли бы побудить насъ ѣхать въ Петербургъ; но и Петербургъ развѣ въ лучшемъ ожиданіи былъ, когда все оттуда выѣзжало, и остальное готовилось выѣхать? Да и мнѣ же въ Петербургъ никакой возможности съ моимъ семействомъ не можно ѣхать, и у меня тамъ ничего нѣтъ; а въ здѣшнюю сторону я переѣхалъ только изъ одной деревни въ другую. Да видно и надобно было меня изъ Москвы сюда выжить, дабы запущенное по моей давней небытности поправлять: ибо во всякой фабрикѣ безъ себя дѣло идетъ худо; а я по старости моей и болѣзненному состоянію все ѣхать сюда откладывалъ; а теперь уже, пока Богъ велѣлъ побыть здѣсь, кажется, слѣдуетъ до будущей зимы или какъ Богъ велитъ.

Хотя въ Москвѣ домà Господь чудесно и сохранилъ, такъ что всѣ люди отъ страху чужіе и свои разбѣжались, и осталась одна женщина-старуха, та одна дома не оставила на Францу, зовъ, топила печки, щипала галокъ-да воронъ, а ночь дома ночевала, а во время пожара вездѣ. Богъ пожаловалъ, что отъ дому нашего и другихъ, подлѣ близко стоящихъ, вѣтръ отвратилъ, и тѣмъ спасено. Уже кто это сдѣлалъ, кромѣ Господа, Который хотѣлъ помиловать? А третій домъ въ дальней улицѣ, тотъ сгорѣлъ до чиста. Богу благодареніе! Онъ наказалъ, и Онъ помиловалъ. Ветлуга ваша все къ здѣшней же сторона принадлежитъ; но видно, Богъ опредѣляетъ вамъ жить въ Петербургѣ. Живите благополучны и цѣлы; исканія вѣдѣнія, которое доставляетъ вѣчное благо человѣку, не теряйте.

Благодарю покорно за увѣдомленіе о состояніи непріятеля. Богъ довелъ его до сего, дабы ихъ смирить. Уже нашей немощи стихіи начали помогать. А если въ Парижѣ возмущеніе до того (*дошло*), что министръ Наполеоновъ арестованъ, то почему знать— можетъ быть, Провидѣніе устало сносить наши эгоизмы: ибо Наполеона коли не разрушить, то онъ, духъ міра сего въ себѣ расширяя, радъ полѣзть на Него...... [24]).

6. *Къ Петру Степановичу Лихонину* [25]).

Заводъ стеклянный. Отъ 19-го Декабря 1812 г.

[26]) Горестныя обстоятельства, слу-

([22]) Выпускаемъ порученія, сдѣланныя С. С. Ланскому: о покупкѣ «самой детальной» Русской ландкарты, барометра, Гарлемскихъ капель.

([23]) Точки находятся въ самой рукописи.

[24]) Выпускаемъ: наставленіе о необходимости мирить ссорящихся масоновъ; наставленіе какъ переслать купленную ландкарту и барометръ; денежный разсчетъ о покупкахъ; совѣтъ заботиться о познаніи человѣка и природы.

[25]) Лихонинъ занимался переводами для Моск. Вѣдомостей и книгъ, издаваемыхъ Новиковымъ.

[26]) Это письмо переписано съ копіи, въ которой, какъ и у насъ, нѣтъ начала.

чившіяся для насъ, жителей Московскихъ, хотя и случились, но кто не разсмотритъ руку Провидѣнія, противъ которой ни роптать, ничѣмъ-либо стоять нельзя? И разсматривая ея резоны, въ кои она завертываетъ и тѣхъ людей, кои ей предаются, считаютъ дѣйствія ея праведными и благодарятъ; кои, если такъ думаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ, то къ нимъ между прочимъ принадлежатъ слова эти: «вы есте соль земли», не токмо по морали, но и по физикѣ; ибо, если соль, очищающая, лишается своей сланости, то чѣмъ земля осолится? Предавая себя Господу и Царю Царей, уповаемъ, что въ свое время не будемъ оставлены, хотя и нынѣ не кинуты совсѣмъ.

Плѣнные здѣсь разсказывали, что когда они были въ Москвѣ, будучи побѣдителями, то всегда чувствовали какой-то страхъ и тѣмъ паче, когда кто изъ нихъ всходилъ [27]) на колокольню Ивановскую, то къ сторонѣ Троицы-Сергія видѣли великое ополченіе; а потому къ этой сторонѣ не были они, даже и въ Алексѣевскомъ, которое отъ Москвы только въ 5 верстахъ [28]),—сами знаете. Какое же ополченіе наводило этотъ страхъ? Извѣстно это только тѣмъ, кои вѣдаютъ о войскахъ при Елисеѣ, который держащему при немъ сказалъ: «видишь ли, что большее число съ нами, нежели съ ними?»...

7. *Приписка въ письмѣ къ С. С. Ланскому.*

От 25-го Февраля 1813 года. Съ заводу стекл. [29])

.... Что изъ нашихъ армій ничего нѣтъ? Не слышно ли, куда Цесарцы приступаютъ? Пишетъ большой сынъ изъ Англіи отъ 27-го Декабря (изъ Ширнесса) [30]), что Наполеонъ ушелъ чрезъ Германію въ лакейскомъ кафтанѣ съ Коленкуромъ, и въ Англіи собрано уже 200 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, что̀ сдѣлаетъ-де на наши деньги 50 милліоновъ рублей, и сборъ все еще продолжается. А это уже собрано на помощь разоренным Московскимъ жителямъ..... [31])

8. *Къ С. С. Ланскому.*

Съ стеклян. заводу. 27 Февраля, 1814 го года.

[32]) Нынѣ происшествія удивительныя, небывалыя почти въ исторіи. Богу угодно было дать Наполеону выросте и чудесно его сокрушить. И какъ-то Господь его и поборниковъ его смиряетъ! Все въ рукахъ Всемогущаго! Чрезъ Него усмиренъ тотъ, который давалъ цѣловать ногу, потрясалъ престолами царей; чрезъ Него уничтожена инквизиція; чрезъ Него принуждены были ухватиться за Того, Чей знакъ на коронахъ своихъ носятъ; а какъ полѣзъ еще выше, вотъ и стихіи поднялись. Въ Россіи морозъ, а тамъ, гдѣ Вандамъ взятъ, дождитъ: то ихъ ружья не дѣйствовали, а наши штыки дѣйствовали; словомъ, тоже такая же помощь на-

---

[27]) Въ рук. „всходили“.

[28]) Собственно говоря въ 3 верстахъ.

[29]) Этотъ отрывокъ взятъ изъ книжки, состоящей изъ выписокъ, сдѣланныхъ рукою Ланскаго, выписокъ изъ писемъ О. А. Поздѣева къ разнымъ лицамъ.—Самое письмо не помѣщаемъ, потому что по содержанію своему (дѣло идетъ о медицинскихъ наставленіяхъ для жены Ланскаго, которая только что родила) не входитъ въ нашъ планъ.

[30]) Въ рукоп. Шернесса (Scheerness)—военная гавань въ Англіи.

[31]) Далѣе слѣдуютъ порученія, которыми переполнены всѣ письма Поздѣева къ Ланскому. Въ концѣ опять помѣщается наставленіе на счетъ отношеній къ женѣ.

[32]) Выпускаемъ начало: благодарность за письмо, за покупку очковъ; нравственныя наставленія Ланскому; просьба разузнать о личности Н. Е. Кастарскаго, сдѣлавшагося сосѣдомъ Поздѣева по имѣнію.

шимъ, какъ при императорѣ Ѳеодосіи Греко-Римлянамъ противъ Галловъ, то есть теперешнихъ Французовъ.

9. *Къ нему же.*

От 22 Марта, 1814 г. [33]).

Потрудитесь съѣздить къ графу Льву Кириловичу съ письмомъ (ему время есть часу въ 11 и въ 12 по утру; въ это время можно застать его и одного) и отдайте мое письмо, въ коемъ я пишу, что на Москву, не смотря на ея разореніе и сожженіе многихъ, конечная положена подать, прежняя поземельная, коя весьма тяжела и въ спокойное время; даже не выключено и то время, въ кое Москва была не наша, да и послѣ многое время жители скитались внѣ Москвы, кое-гдѣ; то поклонитесь отъ меня и отдайте письмо и увѣдомьте меня, чтò будетъ говорить графъ Левъ Кириловичъ о семъ, ибо и онъ въ томъ же казусѣ; а мы въ окружности Москвы и паче: ибо самая большая тягость наложена на окружность Москвы, ибо раскладку дѣлалъ прежде въ комитетѣ Соловой, дружа купцамъ, кои въ центрѣ, лавочникамъ, и хотя побольше положилъ на нихъ, но въ уравненіе съ окружностью весьма мало положилъ, и потому вся тягость пала на окружность Москвы, гдѣ и наемъ былъ самый малый, и земля ни во что, а я платить долженъ былъ каждый годъ съ того дому въ полѣ [34]), гдѣ вы были, каждый годъ 930 р; а потому судите; ибо сборъ съ Москвы положенъ тяжелѣ, нежели въ Петербургѣ [35]).

10. *Къ нему же.*

Отъ 19 Апрѣля, 1814 г.

Чтò надлежитъ до собиранія поземельныхъ денегъ съ Москвы, то если уже и это людямъ, каковы графы и и ихъ знакомые, не можно вступиться за себя даже, чтобы не собирали денегъ хотя за то время, какъ Москва была Французская, а не наша, то чтò уже намъ дѣлать? Видно Господь насъ наказываетъ и тѣмъ, что далъ такого начальника Москвѣ [36]), который и отозвался даже, что никому не любитъ дѣлать добра. А чтобы Московскіе жители послали депутацію къ Государю о поземельныхъ деньгахъ или о начальникѣ—это не можетъ быть: ибо у дворянъ нѣтъ корпусу. Развѣ купцы? У тѣхъ корпусъ нѣкоторый есть......

Стеклянный заводъ.

11. *Къ нему же.*

Стекл. заводъ. 26 Апрѣля, 1814 г.

Богу благодареніе, творящему насъ побѣдителями надъ врагомъ всѣхъ тѣхъ, кого досталъ! Хорошо весьма, что Государь не останется долго въ Парижѣ: Французу вѣрить нельзя, а противъ Наполеона послалъ бы Блюхера, тотъ бы управился; а самъ бы такъ глядѣлъ, чтобы ничто не досталo. Талейранъ, видно, не дремалъ въ

---

[33]) Выпускаемъ начало письма: благодарность за полученное письмо (чѣмъ начинается каждое посланіе Поздѣева къ Ланскому) утѣшеніе по поводу несогласій, происходящихъ въ масонскихъ ложахъ; о какомъ-то листкѣ изъ газетъ; объ отъѣздѣ сыновей Поздѣева въ Петербургъ.

[34]) Т. е. съ того дома, который находился на Гороховомъ полѣ.

[35]) Поздѣевъ не разъ въ своихъ письмамъ жалуется на бѣдность, хотя мы знаемъ, что у него, кромѣ стекляннаго завода, трехъ домовъ въ Москвѣ, были двѣ деревни; въ послѣдствіи, сильно захворавши, онъ пишетъ Ланскому, что по неимѣнію средствъ онъ не въ состояніи даже удерживать при себѣ доктора.

[36]) Къ графу Ростопчину очень неблаговолилъ Поздѣевъ; онъ даже въ нѣкоторыхъ письмахъ называетъ его „недоброхотомъ“.

военной оглушающей славѣ.—О предсказаніи старика [37]) *(оно)* похоже на то, какъ въ Россіи діаконъ видѣлъ во снѣ и намѣрился убить Наполеона; онъ въ воображеніи своемъ натянулъ, ибо ему пріятнѣе заниматься съ Наполеономъ, нежели съ своимъ стихаремъ. Слава и выгода Сперанскаго до многихъ церковниковъ достала!.... [38])

12. *Къ нему же.*

От 2 Мая, 1814 года.

Государь скоро возвратиться не можетъ, пока, думаю, при себѣ не уладитъ всѣхъ по мѣстамъ. А титулъ самый лучшій Государю—храмъ хотя кирпичный построить Богу-Спасителю отъ него въ Москвѣ, который и обѣщанъ за избавленіе; и надпись сообразная въ стихахъ; а въ Петербургѣ храмъ же за спасеніе съ подписью въ стихахъ же. Это самые лучшіе титулы; а вещественные титулы и богоугодные—уменьшить винные откупа, праздновать въ Москвѣ тотъ день, какъ Французы выгнаны, а въ Петербургѣ, когда Наполеона взяли,—вотъ самый лучшій титулъ [39]).

...И прошу прислать лучшіе портреты: графа Витгенштейна, Блюхера, наслѣднаго принца Шведскаго, князя Шварценберга [40]).

13. *Къ нему же.*

Отъ 12 Сентября, 1814 г.

....[41]) Теперь вотъ объ чемъ поручаю и прошу увѣрительнѣйше и наиприлежнѣйше постараться, а особливо имѣя случай, именно: какъ въ манифестѣ всѣ разоренные и преступники даже вспомнены, всѣ или прощены, или облегчены [42]); а жители Московскіе самая большая часть въ корень разорены, сожжены домы, имущества, а у коихъ домы и не сожжены остались, то всѣ разграблены, Растопчинъ съ городскою думаю требуетъ поземельныхъ денегъ даже и за то время, когда Москва была Французская: то слѣдовало бы требовать съ Бонапарта, а не съ жителей: судите! А требуютъ потому, что дума городская всегда многими изъ этихъ денегъ корыстовалась: по прошу васъ постараться весьма о семъ, чтобы Александръ Петровичъ [43]) въѣздъ свой въ Москву этимъ ознаменовалъ и

---

[37]) Неизвѣстно, въ чемъ состояло это предсказаніе.

[38]) Выпускаемъ: просьбу о присылкѣ Гарлемскихъ капель, которыя Поздѣевъ употреблялъ для глазъ; о пребываніи у Поздѣева М. Ю. Віельгорскаго и А. П. Римско-Корсакова; просьбу похлопотать о Шарыгинѣ.

[39]) Объ этомъ же самомъ находимъ еще мѣсто въ письмѣ Поздѣева къ неизвѣстному (въ копіи): „Что Господь даровалъ изгнать Французовъ изъ Россіи, такъ они изгнаны—это чудо будетъ во многіе вѣки; а что хотятъ соорудить храмъ Спасителю, хотя кирпичный, то это лучше театру и клубу, и тутъ то бы, подлѣ хотя, и въ память князю Кутузову, но подлѣ храму сдѣлать пирамиду изъ пушекъ, взятыхъ у непріятеля“.

[40]) Въ письмѣ отъ 13-го Іюля 1814 г. Поздѣевъ благодаритъ Ланскаго за полученные портреты, причемъ проситъ не жалѣть денегъ на покупку портрета Веллингтона; „ибо значительныя физіономіи происходятъ отъ дѣйствій, а дѣйствія происходятъ отъ свойствъ, а свойствы всѣ добрыя. Изъ какого высшаго корня происходятъ? Сами размыслите. Слѣдовательно все это принадлежитъ къ познанію себя, природы и высшаго существа“.

[41]) Выпускаемъ: совѣтъ на счетъ кормленія новорожденнаго сына Ланскаго; объ отношеніи Тормасова, новаго генералъ-губернатора, къ масонству; совѣтъ Ланскому, какъ отнестись къ предлагаемому Тормасовымъ мѣсту; благодарность за присылку какихъ-то коробочекъ.

[42]) Въ манифестѣ 1814 г. 5 Сентября крестьяне увольнялись отъ набора, имъ прощались пошлины; преступники выпускались на свободу.

[43]) Александръ Петровичъ Тормасовъ.

сердца жителей къ себѣ обратилъ, исходатайствуя тѣмъ, у коихъ домы до тла сожжены, навсегда увольненіе отъ платы; а тѣмъ, у коихъ домы остались, но всѣ разграблены, то неужели не слѣдуетъ на нѣсколько лѣтъ дать льготы за ихъ убытки и разореніе? По крайней мѣрѣ лѣтъ бы на десять.

Прошу о семъ внушить ему наединѣ и постараться. Вамъ это ближе сдѣлать. А «наединѣ» для того, чтобы другіе не стали дѣлать пустаго противорѣчія, а (*такъ какъ*) онъ новый человѣкъ, то скоро не разберетъ. Прошу объ этомъ, любезнѣйшій другъ, постараться, чтобы дѣло было сдѣлано[44]).

А Государю не внушено и въ манифестѣ пропущено, вѣрно, не съ намѣреніемъ; а онъ *(т. е. Александръ Петровичъ)* при первомъ донесеніи, если представитъ Государю, то Государь радъ еще будетъ свою столицу тѣмъ облегчить.

Посылаю выписку публикаціи Московскихъ Вѣдомостей о платежѣ поземельной съ разоренныхъ. Это продолженіе того же: всѣ облегчены, а Москва, потерпѣвшая больше, нѣтъ.

Сельцо Нелюбовское.

14. Къ нему же.

Съ Заводу, отъ 21 Августа 1815 г.

[45])...Когда будете видѣться съ Александромъ Петровичемъ, то уже не уѣзжайте безъ того, чтобы не постараться его убѣждать наединѣ—быть благодѣтелемъ Москвы разоренной, сожженной, разграбленной; чтобы своими искусными представленіями и убѣжденіями согласить Государя, чтобы съ Москвы всякій поземельный сборъ сложить на казну, что̀ и было прежде; а это зачалось при князѣ Долгоруковѣ и Архаровѣ, чтобы облегчить жителей, а сдѣлали тяжелѣ, собрали страшныя суммы съ дворовъ: милліоны! И дума городская, то есть купцы, дѣлаютъ еще тяжелѣ; взяли деньги, чтобы платы никакой не было, избавили отъ постоя, а сдѣлали тяжелѣ постоя [46]). То постой на тѣ домы и не ставятъ, но берутъ поземельныя деньги для содержанія полиціи и освѣщенія, и прочаго. И эти поземельныя положены на окружности города несравненно тяжелѣ, хотя за каждую квадратную сажень и больше положено на внутренность, центръ города; но тамъ и земли больше. Въ окружности земля доходу даетъ мало, и строеніе нанимается дешево, потому что внѣ города, вдали; а къ центру города хотя земли и меньше, и плата за поземельныя дороже, но все тамъ и дороже отдается въ наймы, и мѣста дороже, и продать дороже несравненно.

15. Къ неизвѣстному.

Изъ Нелюбовскаго. Отъ 16 Апрѣля 1816 г.

[47])....Вотъ судите о людяхъ: мнѣ сказывалъ князь Горчаковъ, который

---

[44]) Изъ письма Поздѣева отъ 2-го Октября 1814 г. видно, что Ланскому не удалось исполнить его порученія. Вотъ слова Поздѣева: „Жаль, письмо мое не застало (т. е. не застало въ Петербургѣ А. П. Тормасова), такъ что вы могли бы поговорить Александру Петровичу о Москвѣ, а уже писать неловко. Богъ милостивъ! Хорошо, что и къ адъютанту писали. У него письмомъ спросите: говорилъ ли и что̀ сказалъ Александръ Петровичъ?"

[45]) Выпускаемъ: благодарность за письма, увѣдомленіе о своемъ нездоровьи, совѣтъ Ланскому не спѣша переводить жизнь Аполлонія Тіанскаго; богословскія и теософическія разсужденія.

[46]) Приписка на сторонѣ письма: „Когда сбору поземельнаго при Государынѣ покойной не было, а былъ постой содержанъ и то не всякій годъ; то мнѣ постой стоилъ сто рублей, а теперь 930 р. въ годъ."

[47]) Выпускаемъ: благадарность за письмо; два слова о красномъ человѣкѣ; о газетныхъ

при Дибичѣ, что когда касалось до спасенія цѣлой нашей арміи во Франціи, а дѣло еще было критическое, то Барклай не смѣлъ идти къ Государю представлять; то Дибичъ, увѣренъ будучи въ пользѣ дѣла, выпросилъ у Барклая позволенія идти самому къ Государю. Барклай позволилъ, и Дибичъ пошелъ: представилъ, расказалъ, объяснилъ. И Государь и сдѣлалъ такъ, и армія спасена, и Наполеона осилили.

А Барклай, можно сказать, облитъ почестями, а въ этакомъ дѣлѣ не смѣетъ идти! А какъ велѣно докладъ его подать другому, за то смѣетъ разсердиться и уѣхать, не откланявшись. Вотъ въ этакихъ случаяхъ люди видны....

16) Къ неизвѣстному.

Съ Заводу. Отъ 1 Сентября 1816 г.

....Пишутъ ко мнѣ изъ Москвы, что тамъ по частямъ были повѣстки, чтобы самобѣднѣйшіе люди подавали просьбы на имя Императора и опредѣленъ для пріема штатсъ-секретарь Кикинъ [48]), то столько нашлось въ Москвѣ таковыхъ просителей [49]), что всякій день многое множество людей стоитъ передъ глазами Государя и что подлѣ лѣстницы задняго крыльца часто задавливаютъ не по одной старухѣ, а вчерашняго числа задавили до смерти старика, не взирая на поставленную тутъ команду отъ полиціи. И говорятъ, что прислано изъ Петербурга отъ патріотическаго общества 70 тысячъ рублей для раздачи бѣднымъ. Такъ было прежде, когда велѣно было Плещееву при Государѣ Павлѣ Петровичѣ раздавать бѣднымъ, то одиннадцать человѣкъ такъ раздавили до смерти, что головы и руки раздавили и переломали.

Вотъ съ простымъ народомъ и при раздачѣ помощи и приниманьи просьбъ даже объ этомъ какое надобно искусство! А еще только просьбы принимаютъ, а денегъ не раздаютъ.

Съ простымъ народомъ не таково легко дѣло имѣть какъ съ людьми значащими; имъ и милость безъ великаго искусства обратится въ пагубу. Простой народъ таковъ, что безъ величайшаго искусства они себя самихъ и того, который даетъ, задавятъ [50]). Вотъ теперь пишутъ въ газетахъ, что отъ голоду и недостатку хлѣба (въ Англіи давно уже) и теперь только вздумали раздать бѣднымъ 2 тысячи десятинъ земли, лежавшей давно въ пустѣ, чтобы они находили для себя; а это

извѣстіяхъ; о томъ, что жизнь не есть веселье; о какомъ-то унтеръ-офицерѣ; просьба прислать тарифъ.

[48]) Въ письмѣ отъ 9 Сен. 1816 г. къ С. С. Ланскому, гдѣ сообщаются тѣже новости и высказавается на нихъ свой взглядъ, прибавлено: „Государь столько былъ доволенъ (Московскими жителями), что публично сказалъ и говорилъ: „Теперь никому не повѣрю, чтобы Московскій народъ меня не любилъ“, и учредилъ комиссію на недѣлю подъ смотрѣніемъ штатсъ-секретаря Кикина, рѣшась бѣдному народу раздать 500 т. рублей.“

[49]) Собраны были подъячіе изъ присутственныхъ мѣстъ записывать устныя просьбы, и всякій день до 5 тысячъ принимаемо было просьбъ“. (ib.)

[50]) Поздѣевъ не высказываетъ здѣсь ясно, куда онъ клонитъ свою рѣчь: все это приведено, чтобы убѣдить во вредѣ, какой долженъ быть отъ воли крестьянъ; въ означенномъ выше письмѣ къ С. С. Ланскому онъ яснѣе высказываетъ: „Какъ доведутъ народу великую часть до нищеты, тогда увидятъ, станутъ разсуждать, какъ въ Англіи дѣлать сборы. Да сборами не пропитаешь: сборы денежные не скоры, а хлѣбъ споръ. Богу надобно вразумить и сохранить черезъ генія, хранителя государства. Намъ уже старикамъ не долго жить, а испытаютъ тѣ, кои помоложе, какъ этою *вольностію* иностранные своими интригами Россію растащатъ: имъ польза, ибо Россія дѣлаетъ имъ зависть. Богъ да сохранитъ, да вразумитъ и да отвратитъ! Примѣръ близокъ: когда во Франціи уничтожили дворянство, то что вышло?“ (ib)

вѣдь еще не довольно: а надобно имъ подумать, гдѣ имъ жить, откуда завести сбрую для хлѣбопашества, а паче лошадей, ибо руками вспахать нельзя. Вотъ какая нужда въ хлѣбѣ! Хлѣбъ всему голова. Денегъ много, но у малаго числа; а прочимъ чѣмъ жить? И кто станетъ этакую трудную работу, какъ хлѣбопашество, работать изъ доброй воли? Всякій, какъ хлѣбопашествомъ разживется, то его бросаетъ, а употребляетъ на это бѣдныхъ, кои его рабы. Такъ какъ въ Англіи—что работникъ? Онъ вольный, да не можетъ жениться, потому что жены кормить нечѣмъ, а одежи имѣетъ парусинный балахонъ, рубашку, чулки, деревянные башмаки, да шляпу; а онъ вольный, а идти некуда, ибо вездѣ больше не дадутъ какъ то, что̀ онъ уже имѣетъ. Вотъ вольность! Славны бубны за горами! У насъ, слава Богу, Румфортовымъ супомъ еще не кормятъ.

..... Павелъ Ивановичъ [51]) пишетъ и другіе пишутъ, что онъ отъ радости внѣ себя, что Государь былъ въ Пансіонѣ, все осматривалъ, все, всѣмъ былъ доволенъ, съ великимъ терпѣніемъ все выслушивалъ и между прочимъ сказалъ, что основаніе всего есть религія и Евангеліе, на что-де я сказалъ (т. е. *Павелъ Ивановичъ*): «Такъ, всемилостивѣйшій Государь, на это я все вниманіе мое обращаю, образуя ввѣренное мнѣ стадо; и Евангеліе есть свѣтъ величайшій всѣхъ свѣтовъ». И Государь-де этимъ словомъ былъ доволенъ. И пишутъ ко мнѣ, что за столомъ Государь у себя объяснялся съ удовольствіемъ, въ какомъ онъ порядкѣ все нашелъ въ Университетскомъ Пансіонѣ.

---

[51]) Кутузовъ, бывшій кураторомъ Московскаго университета (доносчикъ на Карамзина).

17. Къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому.

Изъ Москвы. Сентября 27 дня. 1816-го.

...... Что̀ надлежитъ до зла, то развѣ Господь сталъ бездѣйственъ? Развѣ Ему все не видно? Развѣ геній государства оставленъ? Взгляните на времена при Екатеринѣ: при началѣ ея царствованія она сначала дышала желаніемъ сдѣлать народъ свой вольнымъ, не зная напередъ, что должно сообразоваться Богу: ибо цари земные — образы Царя Небеснаго. Онъ печется высвободить человѣковъ отъ страстей, кои суть истинные тираны, а не отъ начальствъ, кои Онъ самъ же установилъ. А нынѣ Баденскій герцогъ утѣшается, что будетъ править народомъ свободнымъ, до чего еще и самъ Богъ не достигъ: ибо истинная, паки говорю, есть свобода отъ страстей, а не отъ начальствъ. И ему хорошо это разговаривать въ уголку, въ маленькомъ семействѣ своего народца; а какъ говоритъ, слышу, графъ Стройновскій, что хорошо бы это въ Россіи, чтобы привести въ то состояніе, какъ была Россія за 200 лѣтъ,—то онъ не ложь говоритъ, что для Поляковъ было бы это хорошо, ибо они ходили въ сіе время свободно по Россіи, брали, что̀ хотѣли, женъ и дочерей у Русскихъ и разныя человѣколюбія показывали, даже и (*въ*) Вологодской сторонѣ сажали младенцевъ на колья;—то Полякамъ не худо желать привести Россію въ такое положеніе, когда они и сами умнымъ своимъ правленіемъ магнатовъ подошли подъ Россію.

Россія не то, что̀ Польша еще. Россія все еще Татарщина, въ которой долженъ быть Государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ, а въ отсутствіе ихъ, тако-

выхъ же почти дворянъ, ихъ прикащиковъ, кои малѣйшія искры неповиновенія, неплатежа податей и поставки рекрутъ, воровства, грабежа, разбоевъ и всякаго насильства, тушатъ въ началѣ эти искры, не давая имъ возгорѣться до того, что и никакія войска въ этакой обширной имперіи съ крестьянами не сладятъ, а особливо при внѣшней войнѣ, когда почти все принуждено бываетъ выслать за границу. Да и сосѣди государства, узнавши, что въ Россіи загорѣлись бунты, не дадутъ отдѣлить полковъ для потушенія пожара, а займутъ столько войною, что не упустятъ внутреннихъ бунтовщиковъ подкрѣпить и ободрить деньгами и подкупить кочующихъ народовъ, какъ то Киргисцовъ и прочихъ, войти въ Россію, такъ что ежели и пошлютъ войска съ границъ, то они не успѣютъ, гдѣ тушить возгорѣвшійся пожаръ бунта. У насъ это больше вѣдаютъ, нежели Баденскій герцогъ и графъ Стройновскій!

Въ Россіи Пугачевъ, вѣдая это, вездѣ разсѣявалъ, что еслибы въ Россіи подпоры подрубить, то заборъ самъ упадетъ, а потому и возсталъ на дворянъ, началъ крестьянъ дѣлать вольными; и будучи самъ изъ раскольниковъ и отъ раскольниковъ подкрѣпляемъ будучи деньгами и всѣмъ, и отъ крестьянъ посаженъ былъ въ императоры; такъ и назывался, и указы разсылалъ. Кто же тогда вступился за Тронъ? За Государя? Дворяне, изъ коихъ никто къ нему не присталъ, а раскольники и крестьяне всѣ, и многіе возстали явно, а другіе всѣ были готовы, кабы скоро приблизился только къ Москвѣ. То графъ Стройновскій мыслитъ и проповѣдуетъ одно съ раскольниками, кои весьма умножаются. И теперь хотя не надобно сектъ гнать и тѣмъ ихъ за невѣжество ихъ раздражать, но спокойными глазами на размноженіе ихъ смотрѣть; а допущеніемъ ихъ во всѣ подряды обогащать—опасно: ибо они уже разъ посадили своего царя, и тогда ихъ была 10-я часть государства, а теперь несравненно больше; посадятъ грамотнаго, да еслибы случился какой и безграмотный, то уже теперь чужой сосѣдъ сыщетъ, научитъ, который будетъ годиться и въ совѣтники. Покойная Государыня, увидя опытомъ сама, въ комъ состоитъ сила государства, уже послѣ Пугачевскаго бунта перестала думать о вольности крестьянъ, а начала разными привиллегіями утверждать право и собственность дворянъ и усиливать ихъ, коихъ подъ владѣніемъ Пугачева, орудія раскольниковъ, истреблено не персонъ, а фамиліевъ дворянскихъ девять сотъ. Тако несчастными случаями своими и Государи научаются, како править народами: ибо, не разумѣя, о какой свободѣ должно пещись, принимаются за слово. По сему-то неразумѣнію слова свободы и законовъ устремился несчастный Людовикъ Шестнадцатый,—и гдѣ послѣ получилъ свободу? Пить кровь его на эшафотѣ свободно безъ препятствія [52]), кто хотѣлъ?

Говоритъ Святое Писаніе: «О, царіе! Научитесь премудрости, да не падете!» Магнаты Французскіе старыхъ законовъ не читали и ихъ не знали, то давай новые! А сосѣдямъ то и на руку. А шалуны изъ дворянъ, путешествующіе, проматывая

---

[52]) Сноска въ самой рукописи: „Наши крестьяне не хуже Французскихъ: они во время Пугачева вырѣзывали младенцевъ изъ утробъ матерей“.

чужія деньги въ иностранныхъ земляхъ, хвалятъ, что̀ тамъ хорошо, тамъ законы хороши, и давай новые сочинять. Вотъ Людовику и сочинили гильотину. Покойная Екатерина уже не подумала собирать паки государственныхъ чиновъ. Россія такова, что эту Татарщину исправниками, да палками не усмиришь. Нынѣ и въ полкахъ, думаю, раскольниковъ весьма размножилось. До сихъ поръ Богъ Россію по единому милосердію не оставляетъ и избавляетъ. Надежда на Него!

Сосѣди наши, конечно, всѣ завиствуютъ на Россію и рады бы привести Россію такъ, какъ она была за 200 лѣтъ. А гдѣ же будетъ Императоръ? Вѣдь его тогда не было. Кто отвѣчаетъ, что тѣ, кои стараются развести связи государственныя (чрезъ кои Россія столько лѣтъ торжествуетъ надъ сосѣдями) не подкуплены? Что они, очаровывая ложно понятымъ словомъ свобода, хотятъ всѣ связи, суставы государства, развести и Россію погубить, яко государство, какое крайне они завиствуютъ и на власть Императора, и на подкрѣпленіе его дворянами: ибо всѣ дворяне и называются, потому что они люди двора Государева. А что они имѣютъ собственности, то не въ натурѣ одному имѣть собственности, одному, а другіе чтобы не имѣли, — кто же? И за что сего одного подкрѣплять станутъ, какъ ни за то, что онъ подкрѣпляетъ ихъ собственности? Прежніе Государи это вѣдали и пріобрѣтеніемъ себѣ земель и народовъ съ своими сотрудниками дѣлились, потому-то такъ Россія и возросла. Потому-то и Екатерина, покоря Польшу, раздѣлила столько тѣмъ, кои животъ свой за нее клали, за ея деспотство; она имъ удѣляла изъ своего. Тако и всѣ прежніе деспоты дѣлали, и Россія процвѣтала..... [53])

18 Къ С. С. Ланскому.

Съ Заводу. Отъ 28 Марта 1817 года.

....Что̀ надлежитъ до освобожденія крестьянъ, о чемъ вы пишете, то, видно, хотятъ взять съ циркумференціи, или окружности, да такъ и дойти до центра, до Москвы. Чрезъ это освобожденіе всякія крѣпости, купчія, сдѣлки, капиталы и плата процентовъ рушатся: ибо не земля платитъ, а люди съ земли платятъ. Словомъ сказать, дворяне будутъ сравнены съ крестьянами, и должно будетъ дворянамъ съ крестьянами судиться у крестьянъ же, такъ какъ у Эстляндскихъ это написано... Не можно себѣ представить, какая каша будетъ изъ воли нижняго состоянія; такъ какъ ежели бы дать волю солдатамъ въ полкахъ, то что̀ изъ этого ожидать? Кѣмъ ихъ принуждать? А безъ принужденія кто станетъ дѣло дѣлать и кто станетъ служить? И выдетъ хуже, нежели во Франціи.

Вы пишете, что Толстой привезъ эту вѣсть въ Москву объ вольности; но Николай Алексѣевичъ [54]) пишетъ, что это генералъ графъ Толстой, а не тотъ, котораго вы знаете изъ брр. И представить себѣ не можно, какая изъ этого выдетъ каша; такъ какъ бы солдатамъ въ полкахъ дать волю, то что̀ изъ этого выдетъ [55])? Кто станетъ слушаться? А что̀ надлежитъ до

---

[53]) Выпускаемъ: разсужденіе о сопротивленіи Феслеровой системѣ; нравственныя наставленія, наставленія о болѣзни; о Кутузовѣ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а также и о Козловскомъ.

[54]) Николай Алексѣевичъ Дьяковъ.

[55]) Поздѣевъ видимо уже начинаетъ терять память: въ одномъ письмѣ повторяетъ два раза одно и тоже.

крестьянъ, то это разсадная школа для приготовленія въ солдаты: они тутъ научаются повиноваться; ибо повиновеніе не есть малость; къ этому надо много пріучать человѣка, ибо вдругъ въ этакое повиновеніе войти, какъ повинуются солдаты, не скоро можно и не вдругъ введешь. Видно слѣдствія этого кровавыя должны научить тѣхъ, которые не хотятъ разумѣть; словомъ сказать, это общая бѣда. Тѣ, которые весьма разумѣютъ слѣдствія этого, должны весьма молиться, чтобы Господь эту бурю отвратилъ. Ибо при этой волѣ кто станетъ унимать отъ грабежей и убійства? Ибо полиція уѣздная теперь у помѣщиковъ и у прикащиковъ ихъ, а тогда уже не будетъ; то кто станетъ унимать? Исправниками одними 40 тысячъ уѣзду, которые ихъ же грабятъ и за пользу ихъ никакой не имѣютъ нужды стоять? Ихъ не уймешь тѣмъ паче, давши всѣмъ вдругъ волю, разорвавъ всѣ связи повиновенія. Вѣдь войсками одними этакое обширное государство, какова Россія, не охватишь, которыя (*т. е. войска*) изъ тѣхъ же мужиковъ, да только научены повиноваться, а тутъ и они свои связи разорвутъ. Невозможно себѣ представить, какіе это выдутъ безпорядки? Это завистники цѣлости Россіи, которые хотятъ ее совсѣмъ въ корень разорить, тѣхъ это дѣло. Нельзя иначе думать, какъ это дѣло все иллюминатовъ. Они и во Франціи эту же кашу произвели, а здѣсь тотъ же духъ дѣйствуетъ. Богу надо придти на помощь и отвратить это несчастіе: ибо всѣмъ извѣстно, что народъ въ Россіи крайне развратился пьянствомъ..... и обманами. А въ простомъ народѣ еще меньше стыда и меньше морали, то есть дается воля, это значитъ -дѣлать всякіе безпорядки, грабежи и убійства, такъ какъ Поляки говорили: «наша золотая вольность есть та, что вольно всякому насъ за волосы драть», и кончилось тѣмъ, что сосѣди всю Польшу по себѣ раздѣлили.....

19. Къ нему же.

Изъ сельца Чистякова [56]). Отъ 25 Сентября 1817 г.

..... Что̀ надлежитъ до вольности, о которой вы пишете, то воля Государева; мы рады все исполнить, что̀ Государь прикажетъ. И потому (*и*) называются дворяне, что они двора Государева и должны помогать, чтобы воля его исполнялась; а крестьяне, которыми мы управляемъ, повиновеніемъ помѣщикамъ приготовляются къ повиновенію въ войскахъ, когда они будутъ; ибо вдругъ ли грубаго человѣка поставишь на эту ногу повиновенія, какъ въ войскахъ требуется? А если они отъ зависимости дворянъ освобождены будутъ, слѣдовательно останутся подъ зависимостью непривыкшей власти, то есть подъ одними исправниками; то они войдутъ въ такое своевольство и такое распутство, что тѣмъ начнется, что зачнутъ всѣхъ грабить, рѣзать, то кто съ ними сладитъ? Земская полиція весьма слаба для этого, и это же пастыри, имъ же не суть овцы своя. А дворяне — они чиновники же Государевы, кои объ нихъ пекутся, какъ отцы во время ихъ страстнаго и болѣзненнаго состоянія; а какъ скоро они изъ-подъ этой зависимости будутъ выведены, то это будутъ самые несчастные люди. Тогда будетъ на дѣлѣ видно; но ужъ послѣ налаживать будетъ трудно, и не черезъ что Россія не придетъ въ сла-

[56]) Сельцо Чистяково—имѣніе Поздѣева, въ 50 верстахъ отъ Москвы.

бость и безпорядокъ, ежели эту зависимость не только отнять, но даже и ослабить опасно. Это я не для себя говорю, ибо я уже одной ногой въ гробу стою и по лѣтамъ моимъ и по болѣзненному состоянію; мнѣ все равно, отъ той ли руки умереть или отъ другой. И на постели умереть вѣдь не легче. Уже опытъ многихъ лѣтъ, правленіе многихъ прежнихъ Государей, укрѣпленіе и распространеніе Россіи уже это доказало. Дворяне въ государствѣ, такъ какъ пальцы у рукъ. Высвободи вожжи, то лошади куда понесутъ и самаго сѣдока! А кто сѣдокъ, уже сами разумѣйте. Такъ и во Франціи недавно это было.

Мнѣ по старости лѣтъ моихъ и многимъ опытамъ видно, что больше всѣхъ желаютъ этого завистники цѣлости Россіи и иллюминаты, кои все хотятъ переворотить. По моей опытности у меня нѣтъ надежды ни на кого, кромѣ на Бога.

Въ добавокъ къ прежнему о вольности скажу. Во время бывшаго бунта противъ Пугачева въ 74 году, когда графъ Панинъ былъ посланъ для усмиренія, я при немъ тогда правилъ дежурство, то мнѣ всѣ эти дѣла извѣстны. Наши Русскіе мужички таковы, что они младенца изъ утробы матерней вырѣзывали, то судите— это паче, нежели звѣри. Да кѣмъ ихъ усмирять? Солдатами? Да солдаты вѣдь изъ тѣхъ же? То кѣмъ усмирять? Вѣдь внутренняя война хуже внѣшней, страшнѣе: тогда и съ кѣмъ идешь усмирять, и того страшись. Съ бригадира Толстаго подъ Казанью кожу содрали. То вотъ что наши мужички, какъ имъ дать вольность. Россія не что Пруссія или Нѣмецкія земли. А раскольники, тѣ дремать не станутъ. Хорошо, что при входѣ Наполеона въ Москву голова безпоповщины, Илья Алексѣевъ, уже умеръ. Я его зналъ; онъ бы весьма захотѣлъ бы, да и далъ бы Наполеону совѣтъ, чтобы раздробить Россію, и сдѣлать его царемъ какой-нибудь части. То что не сдѣлалось при Пугачевѣ, Боже сохрани, нынѣ станутъ дѣлаться этакія варварства,—то гдѣ будетъ эта слава? Вѣдь наши мужики не тише могутъ катать человѣчьими головами, какъ и Французы въ Парижѣ. Внутренняя война вездѣ страшнѣе и опаснѣе внѣшней.

Кромѣ воспоминаній своей молодости и службы при графѣ П. И. Панинѣ во время Пугачевщины, Поздѣевъ въ мнѣніи объ уничтоженіи крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ былъ пристрастенъ уже потому, что собственные его Вологодскіе крестьяне бунтовали, и потребовалась военная сила для ихъ укрощенія. (См. о томъ статью М. Ѳ. де Пуле въ Русскомъ Архивѣ 1869, стр. 532 и слѣд.) *П. Б.*

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ *).

II.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

By mię sądzić, nie ze mną trzeba być, lecz we mnie.

Mickiewicz.

(Чтобъ меня судить, надобно быть не со мною, а во мнѣ).

Великій Польскій поэтъ, родившійся около 1800 года, былъ сыномъ присяжнаго адвоката при гласныхъ въ то время судахъ Новогрудскаго уѣзда, принадлежавшаго къ Гродненской и только въ сороковыхъ годахъ присоединеннаго къ Минской губерніи. Отецъ Адама происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, но одного изъ тѣхъ, которые, обѣднѣвши, обратились въ состояніе, означаемое обыкновенно выраженіемъ *мелкой или околичной шляхты.* Онъ имѣлъ въ Вильнѣ двоюроднаго брата, прелата тамошняго капитула и заслуженнаго профессора университета. Послѣдній взялъ къ себѣ молодаго Адама и помѣстилъ его въ число казеннокоштныхъ студентовъ, предназначаемыхъ для учительскаго званія.

Пріѣхавъ въ Вильну въ Сентябрѣ 1815 года для слушанія курсовъ въ тамошнемъ университетѣ, я засталъ уже тамъ Адама Мицкевича. Мы съ нимъ были студентами одного, физико-математическаго, факультета и на лекціяхъ видались каждый день, но почти не были знакомы. Въ этомъ факультетѣ насъ слушателей было до 800. Мы, своекошные студенты, считали себя аристократіею и неохотно сближались съ этими *казенными* товарищами. Послѣдніе также не искали съ нами сближенія и, съ сыновьями профессоровъ, составляли особый кружокъ, отличавшійся прилежаніемъ и благонравіемъ отъ вольныхъ студентовъ, изъ которыхъ многіе порядочно пошаливали. При томъ же Адамъ жилъ у своего дяди, старика прелата Мицкевича, который былъ деканомъ нашего факультета и котораго мы не любили за его строгость и взыскательность. Всѣ студенты снабжены были свидѣтельствами о своемъ званіи; ихъ надо было всегда носить съ собою, и каждый мѣсяцъ представлять декану для подписанія. При исполненіи этой формальности, ксендзъ Мицкевичъ требовалъ отъ каждаго студента письменнаго удостовѣренія, что онъ былъ у исповѣди и допущенъ къ Св. Причастію. Понятно, какъ намъ было скучно выполнять это правило, тѣмъ болѣе, что это была собственная выдумка нашего декана-фанатика и что этого не требовалось въ другихъ отдѣленіяхъ университета. Мы, покрайней мѣрѣ по разу въ мѣсяцъ, злились на него, и тѣнь отъ нашего неудовольствія къ дядѣ упадала на ни въ чемъ неповиннаго племянника.

---

*) См. выше, стр. 1705.

Въ университетѣ Адамъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Это былъ скромный, прилежный студентъ; онъ не участвовалъ въ студенческихъ увеселеніяхъ; на прогулкахъ всегда мы его видѣли въ парѣ съ Францискомъ Малевскимъ, сыномъ профессора естественнаго права, потомъ ректора (1.) Мицкевичь учился хорошо, держалъ экзамены не хуже и не лучше многихъ другихъ, но ничто въ немъ не предвѣщало будущаго генія.

Я окончилъ двухлѣтній курсъ, получивъ степень кандидата философіи, и оставилъ университетъ въ 1817 году. Возвратившись въ свой (Слонимскій) уѣздъ и вступивъ въ службу, я потерялъ изъ виду Мицкевича и другихъ товарищей.

Чрезъ годъ послѣ того въ Виленскомъ университетѣ основались, исключительно между прилежными и благонравными студентами, общества, сперва явное, *Променистыхъ* (лучистыхъ), извѣстное университетскому начальству и имъ одобряемое, а потомъ такъ сказать полутайныя, *Филаретовъ* и *Филоматовъ* *). Мицкевичь былъ уже старшимъ учителемъ Польской словесности въ Ковенской гимназіи, когда, за принадлежность къ означеннымъ обществамъ, былъ привлеченъ къ производившемуся объ нихъ въ 1823 году сенаторомъ Новосильцевымъ слѣдствію. Онъ былъ приговоренъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, въ числѣ ихъ и съ неразлучнымъ его другомъ Малевскимъ, къ высылкѣ изъ западныхъ губерній во внутреннія на службу.

Они первоначально прибыли въ Петербургъ и прибыли именно на другой день послѣ достопамятнаго наводненія 7 Ноября 1824 года. Но Мицкевичъ оставался не долго; онъ въ началѣ 1825 года отправился въ Одессу для поступленія профессоромъ въ Ришельевскій Лицей. Когда же это не осуществилось, то онъ былъ, въ исходѣ тогожъ года, обращенъ на службу въ Москву, въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора и считался въ ней по 1828 годъ. Въ этомъ году онъ, съ Малевскимъ, возвратились въ Петербургъ.

Между тѣмъ Мицкевичъ успѣлъ уже прославиться своими геніальными стихотвореніями, которыми онъ первый далъ примѣръ освобожденія Польской литературы отъ узъ стѣснявшаго ее строгаго классицизма. Первые опыты его, баллады, двѣ части поэмы Дзяды (Поминки), Гражина и другія, были напечатаны въ двухъ небольшихъ томахъ, въ Вильнѣ, въ 1822 году. Общество Польское такъ мало было приготовлено къ перевороту, вводимому его твореніями, что онъ съ трудомъ нашелъ издателя (книгопродавца Завадскаго), который рѣшился напечатать ихъ на свой счетъ. Однакожъ, на своей родинѣ, въ Литвѣ, Мицкевичь былъ понятъ съ перваго разу, и поэзія его возбудила всеобщій восторгъ.

Въ Москвѣ Мицкевичъ познакомился близко съ знаменитѣйшими Русскими литераторами. Въ числѣ ихъ были князь Вяземскій, Баратынскій, Полевой, извѣстный Соболевскій и др.

Пріѣхавъ въ 1828 году въ Петербургъ, Мицкевичъ и Малевскій устроились такъ, чтобы жить вмѣстѣ; они наняли квартару въ большой Мѣщанской, въ домѣ Іохима и завели свое маленькое хозяйство. Имъ, конечно, завѣдывалъ Малевскій, а не Мицкевичь, который не имѣлъ никакого понятія о практической жизни.

Вскорѣ послѣ того Малевскій вступилъ въ службу, при Сперанскомъ, во II-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Мицкевичь же признавалъ, что послужилъ довольно и остался отставнымъ губернскимъ секретаремъ. Въ этотъ чинъ онъ былъ переименованъ изъ степени кандидата философіи по физико-математическому факультету. Эту степень мы получили съ нимъ въ одно время и по тѣмъ же экзаменамъ, въ

*) О подробностяхъ, смотри мои Воспоминанія о Новосильцевѣ, Калейдоскопъ, въ Р. Арх. 1872 г., стр. 1745.

1816 году; Малевскій же, перешедшій послѣ того въ юридическій факультетъ, получилъ тамъ степень магистра правъ. И по вступленіи Малевскаго въ службу, онъ продолжалъ жить вмѣстѣ съ Мицкевичемъ до самаго его отъѣзда за границу, въ Іюлѣ 1829 года.

Я жилъ въ Петербургѣ съ Іюля 1822, пріѣхавши по дѣлу, которое по прибытіи моемъ продолжалось въ Государственномъ Контролѣ и въ Сенатѣ около трехъ лѣтъ. Съ первой же недѣли по пріѣздѣ въ столицу, я сталъ жить вмѣстѣ съ другомъ и университетскимъ товарищемъ Александромъ Парчевскимъ. Онъ имѣлъ также чрезвычайно запутанный процессъ съ графинею Тышкевичевой, о наслѣдствѣ послѣ перваго ея мужа Жуковскаго. Это самое то дѣло, общее Парчевскимъ съ Булгаринами, которое, отъ имени послѣднихъ, велъ слишкомъ извѣстный Ѳаддей Бенедиктовичъ (2), которое доставило ему главные мотивы для его Ивана Выжигина и о которомъ упоминаетъ Гречъ въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ.

Когда Мицкевичъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ, я въ тотъ же день случайно встрѣтился съ нимъ въ гостинницѣ бывшей Лондонъ, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Тутъ мы сблизились какъ университетскіе товарищи, и я привѣтствовалъ его какъ перваго Польскаго поэта. Съ той минуты завязалась между нами тѣсная дружба и, когда Мицкевичъ вторично, въ 1828 году, прибылъ въ Петербургъ, мы уже почти не разставались, покрайней мѣрѣ видались каждый день до самаго его отъѣзда. Такимъ образомъ настоящая глава будетъ заключать живыя воспоминанія о пребываніи Мицкевича въ Петербургѣ и о средѣ, въ которой онъ тамъ вращался.

Я уже сказалъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на другой день послѣ наводненія.

На другой же день послѣ его пріѣзда, мы отправились съ нимъ осматривать мѣстности, которыя наиболѣе пострадали. Это зрѣлище, по истинѣ ужасающее и невыразимо-грустное, глубоко поразило поэтическое воображеніе моего спутника. Во всѣхъ улицахъ въ самомъ городѣ, заключающихся между Невою и далѣе Екатерининскаго канала, Большею Садовою, наканунѣ нашего осмотра нижніе этажи были залиты, а теперь стояли пустые. Тоже самое на всемъ Васильевскомъ островѣ, Петербургской и Выборской сторонахъ. А какъ на другой же день послѣ наводненія наступилъ довольно сильный морозъ, а потомъ установилась зима: то этажи эти остались необитаемыми во всю зиму 1824 – 1825 года.

Я ограничусь этой одной чертой катастрофы и не стану описывать наводненія, котораго всѣ ужасы я близко видѣлъ, живши тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, на углу Замятина переулка; но не могу не записать здѣсь факта, который, въ другомъ порядкѣ явленій, представляетъ феноменъ, неменѣе быть можетъ замѣчательный, чѣмъ и самое наводненіе и достаточно характеризуетъ Аракчеевское время. Ни въ одной Петербургской газетѣ (ихъ, правда, всего было три: Сѣверная Почта, Русскій Инвалидъ и Французскій Conservateur Impartial), ни слова не напечатано о наводненіи. Дѣлали секретъ изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Только чрезъ годъ послѣ него, позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, издать брошюру съ описаніемъ подробностей происшествія. Да немного ранѣе, графъ Хвостовъ напечаталъ по этому случаю диѳирамбъ, въ которомъ говорилось, между прочими ужасами,

„Какъ тогда свирѣпствовалъ Борей,
И сколько въ этотъ день погибло лошадей?“

и представлялась страшная картина, какъ

......„по разнымъ стогнамъ валялось много кравъ,
Кои лежали тамъ, ноги къ верху вздравъ“.

Я тогда состоялъ уже на службѣ и, кончивши мое дѣло въ Сенатѣ, на чет-

вертый день послѣ наводненія, отправился въ отпускъ къ матушкѣ въ Гродненскую губернію. Вездѣ по дорогѣ на почтовыхъ станціяхъ распрашивали меня съ большимъ любопытствомъ о случившемся. Я остановился дня на три въ Вильнѣ, гдѣ еще былъ сенаторъ Новосильцевъ и оканчивалось слѣдствіе о студенческихъ обществахъ. Я пошелъ къ знакомымъ на вечеръ и засталъ тамъ человѣкъ десять гостей. Отвѣчая на распросы, я разсказывалъ что́ видѣлъ въ день наводненія; только замѣчаю, что одинъ изъ гостей, мнѣ незнакомый, дѣлаетъ мнѣ знаки. Выбравъ время, я вышелъ въ другую комнату и ждалъ тамъ моего таинственнаго сигналиста. Онъ явился и сказалъ: „Я вижу, что вы не здѣшній и долженъ васъ предостеречь, что г. сенаторъ (такъ всѣ звали Новосильцева) *не любитъ*, чтобы говорили о наводненіи; вчера арестовали г. Квѣцинскаго, который *получилъ* (sic) письмо объ этомъ отъ брата изъ Петербурга“. Я поблагодарилъ и сказалъ, что когда предъ отъѣздомъ я откланивался моему начальнику, министру внутреннихъ дѣлъ, то его высокопревосходительство ничего мнѣ не приказывалъ на счетъ храненія тайны о наводненіи, и что, не зная о теперешнихъ Виленскихъ порядкахъ, такъ какъ объ нихъ не было публиковано, я не могу подвергаться отвѣтственности за ихъ нарушеніе.

Я пробылъ въ отпуску около шести недѣль и возвратился въ Петербургъ, гдѣ между мною и Мицкевичемъ установились каждодневныя сношенія. Я часто заходилъ къ нему и у него познакомился съ княземъ Петромъ Вяземскимъ, княземъ Григоріемъ Волконскимъ и съ Соболевскимъ. У него же я въ первый разъ встрѣтилъ Сенковскаго, тогда уже профессора восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ не игралъ еще въ Россійской литературѣ и критицизмѣ той важной роли, которую занялъ въ послѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ, какъ основатель и редакторъ Библіотеки для Чтенія. Мицкевичъ не любилъ его, особенно за его саркастическій взглядъ на все Польское. Сенковскій, также бывшій Виленскій студентъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Востоку и пробылъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ, на счетъ денегъ жертвуемыхъ частными лицами въ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, по иниціативѣ извѣстнаго ревнителя просвѣщенія, адъюнкта и библіотекаря Виленскаго университета Контрима. Еще до возвращенія изъ своего вояжа, Сенковскій издалъ на Польскомъ языкѣ книжку, подъ заглавіемъ „Сборникъ (Collectanea) изъ Турецкихъ хроникъ, мѣстъ относящихся до Польской исторіи“. Книжка эта, кромѣ историческихъ фактовъ, наполнена ѣдкими насмѣшками якобы Турецкихъ лѣтописцевъ надъ образомъ правленія бывшей Рѣчи-Посполитой, надъ Польскою арміею и ея вождями. Были добродушные читатели, которые повѣрили этой дурной шуткѣ. Но въ этихъ мнимо-турецкихъ сужденіяхъ и остротахъ явно проглядывала „Сенковіана“, и ни Мицкевичь, да и никто изъ насъ не сомнѣвался, что авторъ коллектанеи все это „собственнымъ умомъ“ выдумалъ. Я былъ при томъ, какъ Мицкевичь заставилъ Сенковскаго признаться въ этомъ и какъ живо упрекалъ его за такой историческій подлогъ. „Это тяжкій грѣхъ, это профанація священной вещи, исторіи (говорилъ взволнованный Адамъ). Если тебѣ непремѣнно хотѣлось излить твою желчь на прошедшее родины, то что́ тебѣ мѣшало высказать все это отъ твоего же имени? Вѣдь отъ этого хуже бы не было, всѣ тебя хорошо знаютъ за ренегата; говорятъ, даже, что ты перешелъ въ магометанскую вѣру, и чего добраго, можетъ быть это и правда“. Сенковскій отдѣлывался шутками; но смѣхъ его, какъ Французы говорятъ, былъ „желтаго цвѣта“. Не помню, кто еще, кромѣ меня, былъ при этой *экзекуціи*, когда Мицкевичь такъ безпощадно бичевалъ Осипа Ивановича. „Впрочемъ (заключилъ Адамъ), быть можетъ, ты и не совсѣмъ виноватъ; это,

пожалуй, просто органическій недостатокъ. Я подозрѣваю, что твоей матери, когда она была тобой беременна, попался въ руки альбомъ съ рисунками Гогарта; она заглядывалась на нихъ, и вотъ теперь все тебѣ видится въ карикатурѣ". Сенковскій однакожъ не поссорился съ Мицкевичемъ (онъ никогда не ссорился съ сильнѣйшими себя) и не переставалъ ходить къ нему. Онъ сдѣлалъ для него подстрочный переводъ Арабскаго стихотворенія, изъ котораго у Мицкевича вышелъ его прелестный Шанфарій (Szanfary).

Когда Сенковскій ушелъ, я сказалъ Мицкевичу:

—Ну, славно же ты отдѣлалъ его!

—Вѣдь надо же, чтобы онъ отъ кого нибудь послышалъ verba veritatis. У него большой талантъ и много способностей, но ему недостаетъ той полноты и твердости ума, которая дѣлаетъ Гораціева justum ac tenacem propositi virum [1]). У него умъ шаткій, готовый бросаться, по обстоятельствамъ, во всѣ крайности. При томъ же онъ изъ тѣхъ, съ которыми отъ всякаго успѣха дѣлается головокруженіе. Онъ просто избалованъ и, какъ балованный ребенокъ, думаетъ, что ему позволено все.

—А знаешь, Адамъ, мнѣ кажется, что я открылъ въ Сенковскомъ настоящіе элементы его желчнаго настроенія вообще, а противъ всего Польскаго въ особенности.

—Voyons, Глябичъ (онъ часто меня такъ называлъ по моему гербу); ты ботаникъ, у тебя и по призванію, и по привычкѣ долженъ быть наблюдательный взглядъ.

—А вотъ что: во 1-хъ, онъ не *Кармазинъ* [2]); его Любичь (гербъ) купленъ у извѣстнаго торговца, заправляющаго нашими дворянскими дѣлами [3]). Нѣкоторые положительно знаютъ, что онъ изъ Видзкихъ мѣщанъ. Вотъ онъ, чувствуя себя чуждымъ нашей средѣ, и ожесточается противъ нея, а затѣмъ и противъ всего Польскаго, такъ какъ дѣйствительно Польша была не что иное какъ только *дворянское* олигархическое государство, въ которомъ плебейскій элементъ считался ни за что. Это одно; теперь во 2-хъ, онъ *рябой*, оспа глубоко изрыла ему лицо, а это наглядно доказываетъ происхожденіе его отъ одного изъ низшихъ, непросвѣщенныхъ слоевъ общества. Назадъ тому 40 лѣтъ, только низшіе классы не знали о предохранительной оспѣ, или по невѣжеству отвергали ее, тогда какъ въ высшихъ классахъ прививали ее всѣмъ, и дѣтямъ, и даже взрослымъ. Съ такимъ документомъ плебейства на лицѣ, онъ естественно завидуетъ всѣмъ гладколицымъ и злится на нихъ, то есть почти на все человѣчество.

Мицкевичъ выслушалъ меня съ усмѣшкою и сказалъ: „И чтожъ, въ самомъ дѣлѣ. Ты можетъ быть и правъ; чего, хорошенько порывшись, не найдешь иногда на днѣ человѣческихъ характеровъ!"…. (3).

Мы всѣ тогда были люди молодые, и Мицкевичъ, не смотря на грустное настроеніе, проглядывающее почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, охотно развеселялся въ обществѣ, и тогда выказывалъ замѣчательное остроуміе. Кромѣ нашего самаго близкаго кружка, состоявшаго изъ немногихъ (къ нему принадлежалъ также Александръ Ходзько, Константинъ Рдултовскій, Рафаилъ Слизень, Александръ Парчевскій и два или три бывшіе студенты Виленскаго университета), онъ любилъ разнообразить свои впечатлѣнія въ менѣе интимныхъ собраніяхъ. Хотя Мицкевичъ имѣлъ свою кухню, но мы съ нимъ часто ходили обѣдать къ одной Француженкѣ въ домъ Котомина у Полицейскаго моста. Въ то время рестораціонная часть въ Петербургѣ была еще въ дѣтствѣ. Въ лучшихъ Русскихъ трактирахъ почти нельзя было обѣдать. Кромѣ дурна-

[1]) Мужа честнаго и стойкаго въ своихъ намѣреніяхъ.

[2]) На Польскомъ дворянскомъ жаргонѣ это слово означаетъ хорошаго дворянина. *Кармазинъ* это чистый алый цвѣтъ, и такой долженъ быть цвѣтъ чисто-дворянской крови.

[3]) Подробности сказаннаго здѣсь будутъ объяснены въ другой главѣ.

го приготовленія, постоянно дурнаго масла, тамъ строго еще держались раздѣленія кулинарныхъ продуктовъ на допетровскія категоріи. И такъ даже у пресловутаго Палкина, вы читали на примѣръ слѣдующую карту обѣда: *горячее*, ботвинья и окрошка; *холодное*, бифштексъ и бёвъ-ламодъ; *соусъ*-раки; *жаркое*, всегда нѣчто вареное; *пирожное* компотъ. Единственное спасеніе холостякамъ, не имѣющимъ, какъ я, своей кухни, были Французскій table d'hôte у Андріе, на углу Малой Морской и Гороховой и такъ называемыя pensions bourgeoises (хозяйскіе столы) у нѣсколькихъ Француженокъ и Нѣмокъ на главныхъ улицахъ. Столъ у Андріе былъ хорошъ, но довольно дорогъ, и при томъ общество было слишкомъ смѣшанное, и въ немъ неизбѣжный одинъ или два фискала. Поэтому мы предпочитали уютную столовую мадамъ Rondeleux, пожилой Французской роялистки. Она отдавала двѣ или три меблированныя комнаты, и въ 5 часовъ у ней обѣдали знакомые, по строгой рекомендаціи. За столомъ, кромѣ хозяйки, была ея молоденькая дочь, Анжель, не знаю почему прозванная Chichette, и одна или двѣ перелетныя птицы, также Француженки, останавливавшіяся временно у хозяйки. Изрѣдка являлся одинъ изъ экземпляровъ такъ прекрасно переданнаго Бальзакомъ, типа странствующаго торговаго коммиссіонера (commis voyageur) въ его повѣсти „l'Illustre Gaudissart". Бесѣда за столомъ была общая, и особенно оживляемая двумя *завсегдатаями*: одинъ былъ Англичанинъ, учитель своего языка, Куперъ (Cooper); другой, врачь при театральной дирекціи, Корсиканецъ, претендовавшій на родство съ Бонапартами, докторъ Орнано (Ornano). У мадамъ Ронделё царствовало, вмѣстѣ съ веселостью, и строгое приличіе. Тутъ собирался часто и нашъ другаго рода кружокъ. Туркулъ, тогда еще директоръ канцеляріи министра статсъ-секретаря Царства Польскаго, чиновники его канцеляріи, Линовскій, братъ по матери предпослѣдняго министра статсъ-секретаря Ланскаго, Францискъ Шеміотъ, Маврицій Понятовскій, Готардъ Собанскій, графъ Александръ Завадовскій, кавалергардскій офицеръ Бобръ (4), Константинъ Рдултовскій. Эти господа составляли особый кружокъ, собиравшійся часто по вечерамъ для игры въ квинтичъ (5). Къ намъ еще присоединился, въ 1828 году, извѣстный графъ Валевскій, сынъ Наполеона (6). У мадамъ Ронделё часто обѣдывалъ съ нами теперь знаменитый государственный сановникъ, а тогда только капитанъ генеральнаго штаба и флигель-адъютантъ, присланный изъ Турецкой арміи курьеромъ отъ Государя съ извѣстіемъ о взятіи Варны.

Это веселое и умное общество Мицкевичу очень нравилось, и онъ находилъ въ немъ просторъ для своего большаго ума и замѣчательнаго юмора. Того, что̀ пофранцузски называется esprit, расходовалось тамъ немалое количество. Орнано забавлялъ насъ разсказами разныхъ анекдотовъ изъ закулисной жизни прима и секунда-доннъ тогдашней Итальянской оперы (7). Послѣ обѣда мы часто составляли партію въ вистъ и экарте, но Мицкевичъ въ нихъ не участвовалъ. Онъ игралъ только въ двѣ игры: *шашки*, въ которыя былъ непобѣдимъ и въ карты — въ старопольскую игру, называемую *дружбартъ*. Онъ бывалъ очень радъ, когда находилъ для нея партію, что̀ рѣдко случалось. Дружбартъ это игра очень оригинальная, ни на какую другую не похожая. Ее играютъ въ четверомъ по два партнера, какъ въ вистъ. Самая старшая карта, осьмерка пикъ, называется *доля*, послѣ нея идетъ бубновый король — *дружбартъ*. Масти по старшинству идутъ въ такомъ порядкѣ: трефы, пики, черви и бубны. Девятки этихъ мастей, очень вліятельныя карты, носятъ названіе: первая — *старка*, вторая— *винка*, третья *червонка*, послѣдняя—*гнилка*. Семерки играютъ большую роль, ихъ не бьетъ никакая карта; дружбартъ бьетъ все, но доля бьетъ

его. Самый большой выигрышъ состоитъ въ томъ, чтобы долей побить дружбарта. Игра эта имѣетъ ту особенность, что играется, какъ въ шахматы, не на деньги, а на *честь*. Разнымъ перипетіямъ проигрыша присвоены рисунки различныхъ изображеній. И такъ, тому, у кого въ концѣ партіи остался дружбартъ, рисуются очки; тому, чей дружбартъ будетъ побитъ долею, рисуется ведро. Еще есть изображеніе кота, рожна (вертела) съ пронизанною на немъ колбасою и т. д. Я часто игралъ въ эту игру съ Мицкевичемъ, но теперь почти совсѣмъ забылъ. Адамъ страстно любилъ ее и въ состояніи былъ заигрываться до поздней ночи.

Кромѣ кружковъ, гдѣ играли въ карты и къ которымъ Мицкевичъ не принадлежалъ, мы бывали съ нимъ почти въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Часто посѣщали мы, хорошо Петербургскимъ Полякамъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго, столичнаго старожила, помѣщика Виленской губерніи Гаспара Жельветра. Это былъ очень умный, практически-добродѣтельный человѣкъ. Онъ всѣмъ, кому только могъ, дѣятельно помогалъ, многихъ прибывшихъ изъ провинціи молодыхъ людей, съ хорошими качествами, вывелъ въ люди, а разъ удалось ему открыть блестящую карьеру истинно-художественному генію. Проѣзжая чрезъ Волынскую губернію, на возвратномъ пути съ Кіевскихъ контрактовъ въ Петербургъ, онъ въ одномъ мѣстечкѣ на почтовой станціи замѣтилъ какой-то предметъ, выдѣланный изъ простаго камня необыкновенно красиво. Онъ спросилъ, кто это дѣлалъ и когда ему назвали артиста-самоучку, то пожелалъ его видѣть. Послали за нимъ, и онъ явился. Это былъ молодой Викторъ Бродзскій; онъ показалъ еще и другія свои произведенія, доказывающія громадный природный талантъ. Жельветръ уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, для поступленія въ Академію Художествъ, привезъ его съ собою и постоянно помогалъ ему. И вотъ изъ этого молодаго провинціала вышелъ Европейской славы скульпторъ *).

Жельветръ жилъ постоянно въ Петербургѣ съ 1805 года и имѣлъ необыкновенный талантъ разсказывать. Онъ зналъ много личностей, игравшихъ важныя роли въ началѣ царствованія императора Александра I, въ томъ числѣ весь антуражъ Чарторижскаго, и чрезъ него зналъ много подробностей изъ частной и публичной жизни этого государственнаго человѣка. Мицкевичъ очень любилъ его слушать и часто бывалъ на его вкусныхъ Польскихъ обѣдахъ. Жельветръ былъ очень друженъ съ извѣстнымъ живописцемъ Орловскимъ, и имѣлъ большой альбомъ его рисунковъ и карикатуръ, начертанныхъ „inter pocula“ карандашемъ и перомъ. Иногда у него встрѣчался Мицкевичъ съ Булгаринымъ. Оба отдавали справедливость Ѳаддею Бенедиктовичу, но высказывали ему и „verba veritatis“.

Я ввелъ Адама въ домъ тогдашняго министра просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, который былъ женатъ на Юліѣ Осиповнѣ Нарбуттъ, вдовѣ д. с. с. Лобаржевскаго, состоявшаго нѣкогда въ свитѣ Станислава Августа, когда король этотъ прибылъ въ Петербургъ. Г-жа Шишкова была моя родственница и приходилась мнѣ бабушкой, но я называлъ ее ma tante, въ виду притязаній, которыя она, впрочемъ справедливо, какъ Ninon de l'Enclos, могла еще имѣть на красоту, не смотря на свои 50 лѣтъ. Кромѣ воскресеній, когда у Шишкова собирались рауты и завязывались партіи, близкихъ знакомыхъ принимали каждый вечеръ. Тогда общество раздѣлялось на два стана. Мы оставляли старика съ его дряхлыми академиками заниматься глубокими корнесловными изслѣдованіями и отправля-

*) Онъ теперь въ Римѣ. Лучшія его произведенія находятся въ Имп. Эрмитажѣ и въ Академіи Художествъ. У меня есть собственноручная рукопись Бродзскаго, его автобіографія.

лись пить чай къ умной и всегда любезной Юліѣ Осиповнѣ. Съ ней была молодая племянница, ея гувернантка, Англичанка и всегда какая нибудь гостья изъ многочисленной родни Александра Семеновича. Тутъ съ одной изъ такихъ барышенъ познакомился Мицкевичъ. Она была умная, образованная и чрезвычайно поэтически настроенная, такъ что даже и изъ плохихъ Русскихъ переводовъ „Конрада Валленрода“ и „Крымскихъ Сонетовъ“ поняла и оцѣнила поэта. Скоро между ними завязалась дружба, а извѣстно, къ чему ведетъ это чувство двухъ лицъ разнаго пола одинаково молодыхъ. Я хочу сказать, что изъ обыкновенной, она переходитъ въ нѣжную дружбу, что̀ произошло и въ настоящемъ случаѣ. Не думаю, чтобы эти строки, если попадутся когда нибудь на глаза умной и доброй А. М. Б*** ой, возбудили въ ней негодованіе ко мнѣ за мою нескромность. Прошло столько времени, да и предметъ *дружбы* былъ настолько ея достойный! Какъ дѣло идетъ о лицѣ историческомъ, то я въ моей нескромности пойду далѣе. Я былъ наперсникомъ Адама въ его отношеніяхъ къ дѣвицѣ Б.*** Онъ мнѣ признался, что она ему такъ симпатична, что попросилъ бы ея руки, если бы его не удерживали существенныя уваженія. Онъ сказалъ: „Съ тобою я не стану скромничать. Я не могу не сознавать, что глаза моего народа обращены на меня, я обязанъ оглядываться на его мнѣніе. Что̀ бы сказали мои земляки, еслибы я женился на Русской боярышнѣ, дочери сенатора, родственницѣ великаго Кутузова, и родственницѣ одного изъ министровъ? Никто изъ Поляковъ не понялъ бы этого иначе, какъ приписывая мнѣ низкія и отвратительныя побужденія. Я не въ правѣ такъ ронять себя, отъ этого потерпѣлъ бы духъ всего моего народа. Впрочемъ, (прибавилъ онъ съ улыбкою) зачѣмъ я тебѣ это говорю; почему знать, приняла ли бы А*** мое предложеніе?“ Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи былъ ли Мицкевичъ вполнѣ искрененъ? Не знаю. Онъ не открылъ мнѣ своихъ сердечныхъ тайнъ настолько, чтобы я самъ могъ рѣшить этотъ вопросъ.

Въ числѣ домовъ, въ которыхъ мы бывали вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, выдающееся мѣсто занимаетъ одинъ, по тому вліянію, которое знакомство это имѣло на будущее моего друга. Я говорю о домѣ г-жи Шимановской, извѣстной Европейской славы, піанистки, послѣ долгихъ странствованій поселившейся въ Петербургѣ. У нея были двѣ дочери, младшая Целина, довольно красивая. Пріемъ былъ самый радушный, и вскорѣ особенно для Мицкевича и Малевскаго домъ этотъ сдѣлался какъ бы семейнымъ кругомъ. Тамъ бывало довольно весело. Сама хозяйка угощала насъ своею прекрасною игрою, дочки напѣвали разные мазурки и краковяки. Бывало также нѣсколько молодыхъ и немолодыхъ людей и дамъ; даже изъ высшаго общества часто заѣзжали князь Григорій и княжна Алина Волконскіе, князь Петръ Вяземскій, князь Козловскій и другіе.

У Шимановской Мицкевичъ чувствовалъ себя какъ бы дома, но положительно могу увѣрить, что въ то время ни одна, ни другая изъ дѣвушекъ не сдѣлала на него впечатлѣнія, сколько нибудь сердечнаго. Изъ простой вѣжливости, какъ Литвинъ Варшавянкамъ, Мицкевичъ сдѣлалъ имъ маленькую поэтическую любезность. Это аллюзія къ красотѣ Полекъ въ балладѣ „Три Будриса.“ Изъ того, что̀ тогда было, никто не могъ предвидѣть, что̀ будетъ (8).

Въ 1831 году, по отъѣздѣ уже Мицкевича за границу, откуда онъ болѣе не возвращался, Шимановская умерла холерою, не оставивши дѣтямъ ничего. Дѣвушки остались круглыми, безпріютными сиротами; я уже былъ женатъ, вступивъ въ бракъ въ Іюнѣ тогожъ года, и по приглашенію моей жены дѣвицы Шимановскія нѣкоторое время жили у насъ. Скоро потомъ на старшей, Еленѣ, женился Малевскій. За

тѣмъ младшая, Целина поѣхала къ теткѣ въ Парижъ и тамъ вскорѣ вышла замужъ за Мицкевича,

Поэтическій даръ Мицкевича имѣлъ, какъ извѣстно, многія стороны. Въ немъ была не малая доза расположенія къ сарказму и, онъ, быть можетъ, произвелъ бы многое въ сатирическомъ родѣ, еслибы его не удерживала врожденная доброта души. Къ тому же родъ этотъ былъ слишкомъ тѣсенъ для полёта его всеобъемлющаго генія. Однакожъ его сатирическая способность доказывается нѣкоторыми произведеніями, которыя не могли войти въ Виленскія и Петербургскія изданія. Кромѣ того Мицкевичъ читалъ намъ отрывки изъ большой сатирической поэмы (на подобіе Байронова Донъ - Хуана) исполненной и соли, и желчи. Не знаю, окончилъ ли онъ ее; но она нигдѣ не была напечатана, ни въ цѣломъ, ни въ отрывкахъ.

Въ интимномъ обществѣ онъ былъ веселъ и охотно шутилъ. Такъ какъ я состоялъ на службѣ (въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), то онъ преслѣдовалъ меня насмѣшками надъ мнимымъ моимъ *чиновничествомъ*. Разъ пригласилъ онъ меня къ себѣ обѣдать; кромѣ меня былъ еще гость, на столѣ явилась бутылка шампанскаго. Я спросилъ Малевскаго, не годовщина ли это какая, и тотъ отвѣчалъ: „Если хочешь, это и годовщина, только не имянинъ и не рожденія“. Въ половинѣ обѣда налили бокалы, и Мицкевичъ, съ комическою торжественностью, обратясь ко мнѣ, произнесъ: „За здравіе новаго титулярнаго совѣтника Осипа......, вполнѣ достойнаго нести это высокое званіе“. Взрывъ дружнаго смѣха сопровождалъ это привѣтствіе; а я было и забылъ, что на дняхъ дѣйствительно вышелъ мнѣ этотъ чинъ. Но этимъ шутка не кончилась. Адамъ импровизовалъ въ честь мою стихи слишкомъ для меня лестные, чтобы ихъ повторить; приведу только рефренъ, повторявшійся послѣ каждой октавы; его съ Польскаго можно передать такъ:

На что тебѣ чинъ?
Ты дворянскій сынъ!

Аллюзіи насчетъ покойнаго моего отца растрогали меня до глубины души. Я бросился обнимать Адама. Объ немъ Мицкевичъ тутъ же разсказалъ слѣдующее. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Это былъ идеалъ гражданина по преимуществу, типъ котораго до того изгладился въ современныхъ нравахъ, что его теперь и понять трудно. Антоній П. посвятилъ всю жизнь на служеніе согражданамъ. Онъ занималъ разныя должности, въ своемъ Слонимскомъ уѣздѣ по выборамъ. Былъ предсѣдателемъ земскаго (уѣзднаго) суда, потомъ подкоморіемъ (межевымъ безапелляціоннымъ судьею, это званіе было въ такомъ почетѣ, что подкоморій назывался princeps nobilitatis); а за тѣмъ, по преобразованіи этой части, предсѣдателемъ межеваго аппеляціоннаго суда. Но не въ исполненіи этихъ должностей состояло наиболѣе полезное его поприще. Съ окончаніемъ срочныхъ засѣданій предсѣдательствуемыхъ имъ судовъ, (суды засѣдали по шести недѣль, съ большими промежутками) начиналась его существенная дѣятельность. Во всей Литвѣ, какъ бы по общему соглашенію, его признавали человѣкомъ необыкновеннаго ума, непоколебимой правоты и первымъ законовѣдцемъ. Сенатъ въ его время (1803 — 1812) былъ для жителей Литвы не только terra incognita, но какимъ-то пугаломъ. Никто не рѣшался, даже въ самомъ правомъ дѣлѣ, обращаться въ Сенатъ, о которомъ шла молва, что тамъ страшно обираютъ и что выигрываетъ только тотъ, кто оберъ-секретарямъ и секретарямъ дастъ больше денегъ. Слѣд. рѣшенія губернскаго суда (гражданской палаты) приводились въ дѣйствіе очень часто къ явной обидѣ правой стороны, такъ какъ составъ этого суда былъ менѣе чѣмъ удовлетворительный. Наконецъ помѣщики и шляхта догадались прибѣгнуть къ средству, избавляющему ихъ и отъ Па-

латы и отъ Сената. Пользуясь дозволеніемъ закона, они спорныя свои дѣла стали предавать на разбирательство и рѣшеніе одного Антонія П., обязываясь, формальнымъ актомъ, рѣшенія его принимать безусловно за окончательныя, не подлежащія ни аппеляціи, ни жалобѣ. Такимъ образомъ П., далеко ранѣе осуществленія мысли о мировыхъ учрежденіяхъ, сдѣлался фактически мировымъ судьею цѣлой провинціи, но судьею абсолютнымъ (arbiter) и разумѣется безвозмезднымъ. Многіе изъ тяжущихся пріѣзжали съ своими дѣлами къ нему въ деревню; но часто (особенно по межевымъ спорамъ) приходилось ему ѣздить на мѣста по своему, а нерѣдко и по отдаленнымъ уѣздамъ. Такимъ образомъ П. распуталъ и разсудилъ несмѣтное количество тяжебъ и всякихъ ябедъ, продолжавшихся иногда цѣлые десятки лѣтъ. Изъ этого количества онъ болѣе половины успѣлъ окончить миромъ.

Вотъ Мицкевичъ и разсказывалъ, что два помѣщика его родины, Новогрудскаго уѣзда, Керсновскій и Абламовичъ тягались между собою болѣе 15 лѣтъ и наконецъ додумались *записаться на компромиссъ на П.* Послѣдній принялъ ихъ приглашеніе; необходимо было пріѣхать для разбирательства на мѣсто. Отецъ Мицкевича былъ адвокатомъ одной изъ тяжущихся сторонъ. Что-то препятствовало арбитру прибыть въ назначенный имъ срокъ; стороны ждали его въ Новогрудкѣ. Изъ ихъ суетливаго ожиданія, изъ того, что говорилось объ арбитрѣ между адвокатами и въ городѣ, 10-ти лѣтній Адамъ съ своимъ уже поэтическимъ воображеніемъ возымѣлъ громадное понятіе объ Антоніѣ П. Наконецъ послѣдній пріѣхалъ, разсмотрѣлъ документы обѣихъ сторонъ и на другой же день объявилъ компромиссарскій судъ открытымъ. Всѣ удивлялись такой поспѣшности, весь городъ нахлынулъ въ судейскую камеру слышать адвокатовъ и рѣшеніе. Адамъ съ своимъ отцомъ былъ тутъ же. Арбитръ, указавъ тяжущимся на подлинную суть дѣла, которую они въ омутѣ 15-ти лѣтняго своего ябедничества сами даже перестали понимать, приглашалъ ихъ помириться на вполнѣ раціональныхъ условіяхъ. Но стороны упорствовали, добиваясь рѣшенія, и арбитръ принужденъ былъ произнести его со всѣми мотивами. Сторона, которую защищалъ Мицкевичъ, выиграла. Адамъ прибавилъ, что видъ Антонія П., сидящаго на судейскомъ креслѣ, далъ ему первое понятіе о человѣческомъ величіи, и впечатлѣніе это осталось у него на всегда. Этому еще способствовала замѣчательная красота лица, живо напоминавшая у моего отца Наполеоновскій типъ: Наполеонъ I, какъ извѣстно, былъ идеаломъ Мицкевича.

Мицкевичъ былъ знакомъ, какъ я уже сказалъ, съ замѣчательнѣйшими Русскими поэтами и литераторами того времени, преимущественно Московскими. Они высоко цѣнили и понимали его. Всѣмъ извѣстны стихи Баратынскаго къ Мицкевичу по случаю однихъ его стиховъ въ подражаніе Байрону.

Вотъ эти стихи:

Неподражай, своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ.
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творитъ себѣ кумира онъ.
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ.....
Я думаю, поклонникъ униженный
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты Богъ.

Въ то время однакожъ, то есть въ первое время по прибытіи въ Петербургъ, Мицкевичъ и Пушкинъ, хотя можетъ быть и встрѣчались, но не были близко знакомы.

Въ 1828 году пріѣхала въ Петербургъ извѣстная своимъ умомъ и красотою, Каролина Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, сестра знаменитаго писателя Генриха Ржевускаго, въ послѣдствіи вышедшая за генерала Чирковича, а теперь жена Французскаго драматическаго писателя Jules Lacroix, бра-

та извѣстнаго сочинителя, подписывающагося псевдонимомъ Jacob Bibliophile. Она дружна была съ Мицкевичемъ; они вмѣстѣ и съ цѣлой компаніей совершили поѣздку въ Крымъ, слѣдствіемъ которой были чудные Крымскіе Сонеты. Мы часто бывали у г-жи Собаньской. Она разъ сказала Мицкевичу: „Это непростительно, что вы и Пушкинъ, оба первые поэты своихъ народовъ, не сошлись до сихъ поръ между собою. Я васъ заставлю сблизиться. Приходите ко мнѣ завтра пить чай". Кромѣ насъ двухъ и Пушкина былъ приглашенъ только Малевскій и родственникъ хозяйки, Константинъ Рдултовскій. Мы явились въ назначенный часъ и застали уже Пушкина, который, кажется, неравнодушенъ былъ къ нашей хозяйкѣ, женщинѣ дѣйствительно очаровательной.

Первыя привѣтствія Пушкинъ принялъ съ довольно сухой, почти надменной, вѣжливостью. Тогда была мода на байронизмъ, который такъ много повліялъ на Пушкина и внутренно, и наружно. Онъ держалъ себя какъ Лара, или по крайней мѣрѣ, какъ Онѣгинъ. Мицкевичъ, по своему обычаю, былъ простъ и натураленъ; онъ никогда не позировалъ и не рисовался. За чаемъ шелъ общій разговоръ. Потомъ Собаньская стала особенно заниматься поэтическимъ дуетомъ своихъ гостей, дабы заставить поэтовъ поговорить съ собою. И дѣйствительно между ними завязался діалогъ о литературѣ и искусствѣ вообще. Мицкевичъ былъ человѣкъ рѣдкой, энциклопедической учености и громадной начитанности; Пушкинъ же, какъ извѣстно, былъ изъ тѣхъ, которые, по собственнымъ его словамъ: „учились по немногу, чему нибудь и какъ нибудь".

Мицкевичъ этого и не подозрѣвалъ; видя однакожъ въ продолженіи разговора, что многое кажется Пушкину какъ будто бы чуждымъ, спросилъ: Вы читали Газлита?—Нѣтъ. А Шлегеля?—Нѣтъ. А Сизмонди? — Нѣтъ. Тутъ Пушкинъ совершенно оставилъ протекціональный тонъ, съ которымъ съ начала всѣхъ насъ трактовалъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы. Затѣмъ Пушкинъ скоро удалился. Мицкевичъ въ интимномъ кружкѣ, въ которомъ мы остались, не скрывалъ своихъ впечатлѣній. Онъ удивлялся не столько недостатку литературнаго образованія въ Пушкинѣ, сколько тому, какъ онъ, съ такимъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и безъ нужныхъ руководствъ, могъ произвесть то, чтó произвелъ. Это истинный геній, прибавилъ онъ, и если онъ не почіетъ на лаврахъ и самъ возчувствуетъ необходимость дальнѣйшаго образованія, то пойдетъ далеко.

На третій день Пушкинъ первый пріѣхалъ къ Мицкевичу. Но это не былъ простой свѣтскій визитъ. Пушкинъ, гордый Пушкинъ, съ полною откровенностью, которая дѣлаетъ ему большую честь, сказалъ: „Вы не могли не замѣтить при нашемъ свиданіи третьяго дня моего невѣдѣнія (mon ignorance) въ дѣлѣ теоріи искусства. Но не удивляйтесь этому. Чувствую, что мнѣ надо доканчивать мое воспитаніе,—но не знаю, съ чего начать, за что взяться. Дайте мнѣ совѣтъ." Мицкевичъ былъ тронутъ этимъ благородствомъ и повторилъ то чтó намъ уже сказалъ: „Повѣрьте, что я не на столько удивлялся въ васъ недостатку свѣдѣній, сколько вашему генію. Да, вы геніальный поэтъ. А такъ какъ желаете знать мое мнѣніе о томъ, чтó дальше дѣлать, то скажу, что свѣдѣнія поэту необходимы. Этому примѣры Гёте и Байронъ; у нихъ ученость проглядываетъ во всѣхъ ихъ произведеніяхъ; безъ нея они остались бы на ступени какого нибудь хлѣбопашца Бернса и не написали бы и половины того, чтó составляетъ ихъ славу. Нужно бы вамъ знать Латинскій языкъ, но это уже поздно. Французская литература на немногое вамъ пригодится. Такъ прочитайте сперва хорошія теоретическія сочиненія, а потомъ выучитесь поанглійски, это будетъ стоить не много труда: языкъ этотъ очищенъ отъ всѣхъ грамматическихъ дрязгъ, которыя такъ затрудняютъ изученіе дру-

гихъ языковъ, хоть бы Французскаго. Недѣль черезъ пять вы будете свободно читать всякую прозу, а потомъ возьмитесь за поэзію. Сначала читайте Мильтона, Попе, потомъ Мура, Байрона и наконецъ Шекспира. Послѣдній поэтической душѣ открываетъ необъятный кругозоръ".

Не знаю, какъ Пушкинъ воспользовался совѣтомъ, но два поэта съ тѣхъ поръ подружились и стали переводить сочиненія другъ друга.

Въ пребываніе Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, къ его напечатаннымъ первымъ стихамъ, изданнымъ въ Вильнѣ, прибавились Крымскіе Сонеты и поэма Конрадъ Валленродъ. Эта поэма имѣла громадный успѣхъ въ Русской публикѣ. Въ короткое время одинъ за другимъ, появились пять ея переводовъ, правда одинъ другаго слабѣе. Поэма не прошла не замѣченною аргусомъ, наблюдавшимъ за всѣмъ Польскимъ. Н. Н. Новосильцевъ, императорскій комисаръ въ Царствѣ и тогда попечитель Виленскаго университета, осудившій и выславшій Мицкевича, написалъ кому слѣдовало въ Петербургъ, что основная мысль, завязка и развязка Валленрода ничто иное, какъ прозрачная иллюзія на отношенія Поляковъ и Русскихъ. Литвины поэмы означаютъ первыхъ, а притѣснители ихъ крестоносцы Нѣмцы, — послѣднихъ. Стоитъ только повсюду, гдѣ въ поэмѣ написано Нѣмцы, поставить Русскіе, и вся мысль автора ясно выйдетъ наружу.

Вслѣдствіе этого замѣчанія ценсоръ, пропустившій Конрада Валленрода, Анастасевичъ былъ удаленъ отъ должности. Впрочемъ это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Самая поэма, нѣсколько разъ переведенная на Русскій языкъ, не была запрещена и вошла въ полное изданіе твореній Мицкевича, напечатанное въ Петербургѣ, въ 1829 году.

Мицкевичъ сочинялъ чрезвычайно скоро и легко. Вотъ одинъ фактъ, доказывающій это. Разъ я зашелъ къ нему съ обѣда въ prima sera и засталъ его, какъ онъ, стоя у своего бюро, писалъ. Я хотѣлъ уйти, но Адамъ остановилъ меня. Возьми себѣ трубку, сядь и подожди немного, я сей часъ кончу и тебѣ прочитаю. Я такъ и сдѣлалъ. Перо его скрипѣло, онъ писалъ очень скоро. Прошло минутъ десять, и Мицкевичъ сказалъ: ну, конецъ; теперь слушай. И онъ прочиталъ своего чуднаго Фариса, котораго началъ въ тотъ же день. Я осмотрѣлъ эту черновую и изумился: на ней были переправлены *два слова*. Хочешь, сказалъ Мицкевичъ, я еще разъ прочитаю, и прошу, примѣчай хорошенько; не замѣтишь ли чего нибудь, что̀ нужно поправить (онъ всегда слушался дѣльныхъ замѣчаній). При второмъ чтеніи я таки (уже только для очистки совѣсти) нашелъ что̀ сказать и именно о стяхахъ, гдѣ онъ, описывая Аравійскую пустыню, говоритъ:

> Tylko sepy tam koczują,
> Tylko gwiazdy tam nocują.

т. е. Тамъ лишь коршуны кочуютъ,
Одни звѣзды тамъ ночуютъ.

По моему, едвали можно сказать, что коршуны *кочуютъ* въ степи, куда они только налетаютъ за добычею, но не останавливаются. Я самъ чувствовалъ слабость моего возраженія, и Мицкевичу легко было отстоять свое выраженіе. Онъ поэтому сказалъ: „Развѣ ты не помнишь изъ естественной исторіи, какъ намъ объяснялъ ксендзъ Юндзиллъ (профессоръ Виленскаго университета), что коршунъ, когда найдетъ падаль, то такъ объѣдается, что не можетъ подняться отъ земли и тутъ же на мѣстѣ засыпаетъ. Ну и довольно, чтобы сказать, что онъ кочуетъ".

Но тутъ вышло новое обстоятельство. Мицкевичъ обѣщалъ Пушкину указать что нибудь для своего перевода. Онъ назначалъ для этого новорожденнаго Фариса, который ему самому очень нравился, и дѣйствительно это былъ брилліантъ. Онъ просилъ меня помочь ему сдѣлать Французскій подстрочный переводъ. Мы взялись за работу, но тутъ опять „кочуютъ" стало запятою. Во

Французскомъ нѣтъ для этого глагола. Я предлагалъ camper, но оно не подходило къ случаю, и мы рѣшили написать его въ этомъ стихѣ порусски.

Не знаю, сдѣлалъ ли кто надъ людьми геніальными слѣдующее замѣчаніе, которое мнѣ кажется общимъ, къ нимъ примѣнимымъ, правиломъ и какъ бы однимъ изъ признаковъ геніальности. Въ то время, когда всѣ имъ удивляются и восхищаются ихъ произведеніями, они никогда не бываютъ ими вполнѣ довольны. То именно, что̀ составляетъ ихъ отличіе и истинное преимущество надъ другими, они не признаютъ по достоинству, ставятъ на второй планъ, а сами гоняются за чѣмъ нибудь такимъ, что̀ несравненно ниже всего, прямо, но какъ бы невольно вытекающаго изъ самой природы ихъ генія. Въ подтвержденіе этого положенія можно бы набрать немало примѣровъ, начиная съ Виргилія, который хотѣлъ сжечь свою Энеиду. Такъ изъ современныхъ: Вальтеръ Скоттъ, обезсмертившій себя творчествомъ, создавъ форму, сколько для искусства, столько и для исторіи важную и плодовитую, форму историческаго романа, произведенія свои въ этомъ родѣ трактовалъ очень легко и почти стыдился этихъ *бездѣлокъ*, долго въ нихъ не признаваясь, а за то думалъ прославиться своими стихотвореніями, которыя, хотя и прекрасны, но нисколько не выше его прозы; да и истинное ихъ достоинство заключается также въ ихъ историческомъ содержаніи. Байронъ всю свою жизнь оплакивалъ, что въ деликатной обработкѣ своего стихосложенія (versification) не можетъ достигнуть до высоты Попа. Гёте основывалъ свои права на безсмертіе не столько на своихъ поэтическихъ твореніяхъ, сколько на минералогическихъ познаніяхъ и изысканіяхъ. Мицкевичъ же вѣчно благоговѣлъ предъ Трембецкимъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ подражаніе манерѣ этого дѣйствительно искуснѣйшаго изъ версификаторовъ, и попытки эти, напримѣръ: Warcaby (игра въ шашки) несравненно ниже всѣхъ самостоятельныхъ произведеній Мицкевича. Это недовольство истинныхъ геніевъ собственными твореніями, эта своего рода прихоть имѣетъ, повидимому, глубокое психическое значеніе. Она ничто иное какъ вѣчное стремленіе искусства къ идеалу, котораго никогда не достигаешь на землѣ; это указаніе, что идеалъ лежитъ за предѣлами жизни, въ другомъ мірѣ: одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ матерьялизма и пантеизма.

Я здѣсь не стану говорить о достоинствѣ поэтическихъ твореній Мицкевича; они принадлежатъ всеобщей исторіи искусства, и это будетъ не мое собственное сужденіе, а отголосокъ всей Европейской мысли, когда скажу, что по окончаніи поэтическаго поприща престарѣлымъ Гёте, Адамъ Мицкевичъ сталъ первымъ поэтомъ вѣка.

Но тутъ мнѣ предстоитъ исполнить грустный долгъ современника, записывающаго историческіе факты. Для того, чтобы представить фактъ, о которомъ я намѣренъ говорить въ его полнотѣ, нужно сдѣлать отступленіе и перенестись въ довольно отдаленное прошедшее.

Съ давняго времени Поляки чувствовали исключительную симпатію къ Франціи и ко всему Французскому; въ царствованіе же послѣдняго Польскаго короля Станислава-Августа и, по его примѣру, симпатія эта перешла въ чувство еще болѣе нѣжное. Быть можетъ, это естественное слѣдствіе поразительнаго (вовсе для Славянъ не лестнаго) сходства характеровъ двухъ народовъ. Давно уже сами Французы назвали Поляковъ Сѣверными Французами, и этотъ эпитетъ чрезвычайно польстилъ самолюбію легкомысленныхъ Сарматовъ. Они дѣлали все, что̀ только могли, чтобы удержаться на этой параллели. Отъ своего образца перенимали не только языкъ, моды, нравы, но и все умственное и политическое направленіе,—старались даже подражать порокамъ и усвоивать себѣ явныя заблужденія Французовъ. Такимъ образомъ язва лжефилософіи энци-

клопедистовъ, а съ нею и революціонныя идеи, скорѣе и глубже, чѣмъ гдѣ либо, привились и укоренились на Польской почвѣ. Послѣднія 15—20 лѣтъ царствованія Станислава-Августа ознаменовались полною нравственною распущенностью и безвѣріемъ, порожденными этими идеями. (Прошу замѣтить, что подъ этой характеристикой я не разумѣю Литвы: въ ней большинство интелигенціи не поддалось этому увлеченію, и только Литовская аристократія не отставала отъ Варшавы, центра такого настроенія).

Сходство съ Французами распространяется въ Польшѣ даже на низшіе слои общества, не видавшіе никогда Франціи и Французовъ. Общественная жизнь въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ большихъ городахъ, коренныхъ Польскихъ или сдѣлавшихся Польскими вслѣдствіе Уніи, есть сколокъ въ жизни Парижа. Таже страсть къ разсѣянной уличной жизни, къ публичнымъ сборищамъ на открытомъ воздухѣ, ко всякимъ шумнымъ увеселеніямъ. Замѣчательнѣе всего то, что наиболѣе характеризованные мѣстные типы *гамена и гризетки* (gamin et grisette) извѣстны только въ Парижѣ, Варшавѣ и другихъ Польскихъ городахъ, и нигдѣ болѣе не увидите ни того, ни другаго. Вездѣ встрѣтите мальчишекъ-шалуновъ и кокетливыхъ швей и служанокъ; но это далеко не gamin (ulicznik, lobuz) и не grisette (modniarka, kawiarka, panna młodsza). Впрочемъ, какъ извѣстно, это сходство и симпатія всегда губили Польшу и Поляковъ (9).

Естественно, что при такомъ общемъ настроеніи, Польская литература послѣднихъ ста лѣтъ не только сформировалась по образцу Французской временъ Людовика XIV, но сдѣлалась рабскою ея подражательницею. Еще Красицкій, первый поэтъ своего времени (осмидесятые годы XVIII вѣка) не смотря на громадный талантъ, не произвелъ ничего истинно оригинальнаго. Лучшая его поэма „Монахомахія“, какъ и его сатиры сильно напоминаютъ Lutrin (Налой) и сатиры Боало. Большая часть его твореній въ стихахъ и прозѣ не менѣе отзываются Вольтеромъ; позволительно даже думать, что еслибы его не удерживалъ высокій духовный санъ князя-архіепископа Вармійскаго, онъ сдѣлался бы вполнѣ Польскимъ Вольтеромъ. Что же говорить о другихъ нестолько талантливыхъ? Какъ будто бы признавая, что недостаточно одного сколка съ „Налоя“, Венгерскій написалъ еще свои „Organy“. Всякій, что бы ни писалъ, всегда оглядывался на Французскій образецъ и ни на одинъ волосъ не позволялъ себѣ выйти за предѣлы, этимъ образцомъ начертанные. Французскій языкъ сдѣлался народнымъ языкомъ, а Французская словесность альфою и омегою Польской. Никто не учился другимъ Европейскимъ языкамъ, всѣ другія литературы какъ будто не существовали, и мало кому было извѣстно, что когда-то и гдѣ-то существовали Данте и Шекспиръ. Удачный переводъ съ Французскаго даже второстепенныхъ писателей, какъ Légouvé, Delille, J. B. Rousseau, признавался за верхъ искусства.

Все это, и въ первообразѣ Французскомъ и въ подражательной Польской литературѣ, было строгимъ классицизмомъ съ опредѣленными на все рамками, по масштабу, за который никакому вдохновенію не позволялось выходить. Если бы встали изъ гробовъ Пиндаръ и Данте, Гомеръ и Эсхилъ, то и они должны бы были эпическія поэмы начинать не иначе какъ со словъ: „Я пою“ и въ нихъ дать по меньшей мѣрѣ шесть пѣсенъ, въ трагедіяхъ имѣть не менѣе, но и не болѣе пяти дѣйствій, съ строгимъ соблюденіемъ единства мѣста и времени; оды писать не иначе, какъ октавами съ рифмами, перемежающимися по положенію.

Но и послѣ того, какъ уже и во Франціи стали появляться признаки протеста противъ классицизма, какъ насталъ періодъ байронизма, Польская литература твердо еще оставалась вѣрною старымъ традиціямъ. Фелинскій еще пи-

салъ свою „Варвару Радзивиллъ“ по выкройкѣ какой нибудь Меропы или Береники; Козьмянъ распѣвалъ свои оды по камертону Іоанна-Крестителя Руссо и лѣтъ пятнадцать или болѣе обработывалъ свое капитальное произведеніе „Ziemianstwo“, въ подражаніе Jardins, и L'homme des champs“ Делиля съ весьма поэтическими эпизодами о картофелѣ и цвѣтной капустѣ. Герардъ Витовскій восхищалъ Варшаву своимъ „Пустынникомъ Краковскаго предмѣстья“, сколкомъ съ Hermite de la Chaussée d'Antin“; княгиня Чарторижская писала свою „Мальвину“ по образцу романовъ m-me Cottin, а Кропинскій своихъ „Юлію и Адольфа“ въ подражаніе „Новой Елоизѣ“.

Теперь весь свѣтъ признаетъ, что ничего не могло быть лживѣе, противнѣе здравому понятію объ искусствѣ, какъ такой формализмъ съ его нелѣпыми требованіями, стѣсняющими полётъ свободной мысли, навязывающими такія, а не иныя формы всякому проявленію вдохновенія. Но дабы эту простую истину доказать, нуженъ былъ геній, а такой долгое время не являлся. Классицизмъ продолжалъ имѣть усердныхъ сторонниковъ по той простой причинѣ, что подъ его эгидой блаженствовала огромная масса посредственности. „Aurea mediocritas“ стояла за нее горой; истинное вдохновеніе было парализовано, а его замѣняла усидчивость въ отдѣлкѣ. Это былъ золотой вѣкъ для стиходѣевъ. Кому удалось надѣлать извѣстное количество стиховъ на общія мѣста, на всякіе избитые сюжеты, но съ богатыми рифмами, съ наборомъ громкихъ прилагательныхъ, изысканныхъ метафоръ и съ строгимъ соблюденіемъ условій формализма, тотъ прямо жалуемъ былъ въ *поэты*.

Такимъ геніемъ, поправшимъ сразу весь этотъ хламъ нелѣпыхъ правилъ и ограниченій, явился наконецъ въ Польской литературѣ Мицкевичъ. Первое изданіе его стиховъ упало въ самый центръ классицизма, въ Варшаву, какъ бомба, и подобно этому снаряду надѣлало неимовѣрной суматохи. Грустно сказать, но не нашлось *никого*, ктобы оцѣнилъ поэта. Всѣ въ одинъ голосъ возстали противъ него, провозгласили его полоумнымъ, дерзкимъ мальчишкою, неуважающимъ ничего священнаго. Профессоръ Польской словесности въ главной Варшавской школѣ и самъ псевдопоэтъ, Огинскій, сдѣлалъ изъ стиховъ Мицкевича предметъ своихъ лекцій и ex cathedrâ разбирая ихъ слово за словомъ, осмѣивалъ во всеуслышаніе, заклиная своихъ слушателей, чтобы не поддавались пагубнымъ нововведеніямъ этого сумасброда-Литвина.

Надо знать, что̀ такое Варшава, эта въ полномъ смыслѣ, какъ ее покойный Туркулъ называлъ, aurea mediocritas. Если вѣрить, что есть феи, то можно подумать, что фея ***золотой посредственности*** предсѣдательствовала при закладкѣ этого города и закабалила его себѣ на всегда. Поэтому въ ней и живется такъ легко, поэтому Варшава и есть современная Капуа. Въ интеллектуальномъ отношеніи тамошнее общество такъ мало требовательно, что всякая, сколько бы ограничена ни была, интеллигенція чувствуетъ себя тамъ на мѣстѣ, какъ бы у себя дома. Сто̀итъ только быть болѣе или менѣе приличнымъ человѣкомъ, чтобы быть безразлично принятымъ въ постоянные члены этого Панургова клуба *). Варшава имѣла своихъ люби-

---

*) Гербъ города Варшавы, это Сирена, съ поднятою правой рукою, вооруженною мечемъ. Разъ министръ Царства Польскаго Туркулъ, возвратясь изъ дворца отъ доклада, разсказалъ намъ, своимъ чиновникамъ: онъ подносилъ къ подписанію Императора Николая какой-то дипломъ, гдѣ въ главѣ листа былъ изображенъ упомянутый гербъ. Государь, засматриваясь на него, какъ бы въ раздумьѣ произнесъ: „C'est ça—armes parlantes — la Sirène et l'Epée, c'est bien votre Varsovie.“ (Такъ, такъ, гербъ выразительный. Сирена и Мечь, это точно ваша Варшава).

Сирена иногда такъ слѣпо, такъ безразсудно фехтовала своимъ мечемъ, что для бо̀льшей точности armes parlantes слѣдовало бы сдѣлать въ нихъ маленькую прибавку: изобразить Сирену съ завязанными глазами.

мыхъ литераторовъ, восхищалась своими стихотворцами, но всегда только *своими*, вышедшими изъ ея среды, вѣрными мѣстнымъ вкусамъ и принятымъ понятіямъ. Горе тому, кто захотѣлъ бы вознестись выше этого уровня и, заставляя членовъ клуба мыслить, нарушилъ бы этимъ пріятную общественною дремоту.

Это наглядно доказалъ примѣръ Мицкевича. Въ то время, какъ профессоръ съ каѳедры произносилъ на него анаѳему, Варшавскія газеты разбирали его творенія по мельчайшимъ фибрамъ и съ смѣшною важностью, безъ элементарныхъ понятій о здравой критикѣ, пускались въ нескончаемыя диссертаціи надъ ничтожными мелочами. Они, (какъ сказалъ Мицкевичъ, въ предисловіи къ Петербургскому изданію своихъ стиховъ), напоминали собою муравьевъ, которые соединенными силами тащатъ четверть червячка или тушу мухи и едва не упадаютъ подъ тяжестью такой огромной ноши.

Потомство съ трудомъ повѣритъ такому глубокому непониманію великаго поэта въ кругу родной его литературы. Къ вѣчному стыду Варшавы и большинства ея интелигенціи, единственная тамошняя ученая корпорація, „Общество любителей наукъ" (Towarzystwo Przyjaciół nauk,) которое хотя бы ради своего названія должно было понимать сколько нибудь болѣе чѣмъ толпа, и оно не пригласило Мицкевича въ свои члены.

Такое плачевное положеніе общественнаго вкуса и мышленія въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ Варшавѣ, чрезвычайно вѣрно и остроумно изображено Мицкевичемъ въ упомянутомъ предисловіи. Эпиграфъ къ нему изъ комедіи Нѣмцевича: „Крикнули *не позвалямъ*! Бѣжали на Прагу." (Krzyknęli Niepozwalam! Uciekli na Pragę). Сочиняя эту замѣчательную статью, онъ мнѣ ее показывалъ, и мы вмѣстѣ хохотали надъ Варшавскими критиками. Я даже подсыпалъ къ ней немного соли, подавъ мысль упомянуть о Шекспирѣ. Его въ Варшавѣ знали какъ какого-то Англичанина, писавшаго разныя театральныя піесы; знали, что Ducis перевелъ его „Ромео и Джульетту" и одобряли то, что переводчикъ вздумалъ поправить Шекспира и, найдя піэсу слишкомъ трагическою, вмѣсто смерти любовниковъ, окончилъ свадьбою (10).

Такое столкновеніе съ Варшавой представляетъ большое сходство между поэтическими судьбами Мицкевича и Байрона. Когда лордъ-поэтъ напечаталъ первыя свои произведенія „Часы Досуга", съ оговоркою, что авторъ еще несовершеннолѣтній (Hours of Idleness, by lord Georg Gordon Byron, the minor) въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи (Edinburgh Review) его безпощадно *отдѣлали*. Но критикъ имѣлъ несчастіе увлечься и сказать, что изъ автора, и по достиженіи совершеннолѣтія, не выйдетъ поэта. Извѣстно, какою ѣдкою сатирою Байронъ не только отмстилъ Эдинбургскимъ критикамъ, но осмѣялъ и всѣхъ современныхъ Англійскихъ стихотворцевъ (English Bards and Scotch Reviewers). Мицкевичъ въ своемъ предисловіи отвѣчалъ Варшавскимъ критикамъ, но ограничивался указаніемъ ихъ невѣжества, а не затронулъ болѣе никого. При этомъ сопоставленіи нужно еще указать и на ту разницу, что Байроновы „Часы Досуга" дѣйствительно очень слабы и заслуживали строгаго суда критики; тогда какъ геній Мицкевича высказалъ себя вполнѣ съ перваго своего появленія, такъ что неоцѣнившіе его сразу не могутъ ничего привести въ свое оправданіе. Такое непониманіе Мицкевича Польскими литераторами выдается еще болѣе рельефно, когда сравнить это съ тѣмъ, какъ онъ былъ оцѣненъ Русскимъ обществомъ.

„Предисловіе" произвело однакожъ свое дѣйствіе. Оно такъ живо выказало несостоятельность Варшавскихъ сужденій, что многіе, in petto, прозрѣли и перешли на сторону поэта; никому однакожъ недостало гражданскаго мужества

настолько, чтобы открыто заявить объ этомъ. Классики еще господствовали и упорно стояли на своемъ. Только тогда послѣдовалъ совершенный переворотъ, когда стихи Мицкевича стали извѣстны въ чужихъ краяхъ, и объ нихъ съ восторгомъ заговорили иностранные журналы; когда Гёте, къ которому Мицкевичъ заѣзжалъ во время своего путешествія въ 1830 году подарилъ ему перо *), которымъ писалъ Фауста и во всеуслышаніе провозгласилъ его первымъ поэтомъ вѣка. Тогда Панургово стадо, чтобы загладить свою прежнюю несправедливость, бросилось въ другую крайность. Хвалебнымъ гимнамъ въ честь Адама конца не было. Но это была уже „горчица послѣ ужина". Адамъ, убивъ на повалъ классицизмъ, заклеймивъ Варшаву своимъ Предисловіемъ и еще однимъ стихотвореніемъ, гдѣ предводители тамошняго „общественнаго мнѣнія" изображены въ самомъ комичекомъ свѣтѣ, забылъ совершенно о Варшавѣ.

Мицкевичъ въ высокой степени обладалъ даромъ импровизаціи. Онъ часто, послѣ веселаго обѣда, въ пріятельскомъ кружкѣ, импровизовалъ съ бокаломъ въ рукѣ много веселыхъ, часто сатирическихъ, нерѣдко грустныхъ строфъ. Онъ ихъ пѣлъ съ акомпаниментомъ фортепіана, всегда на ноту одной изъ двухъ Моцартовыхъ арій: „Fin' ch'al vino изъ Донъ Хуана, или „Più non andrai farfallon' amoroso" изъ Свадьбы Фигаро. Но то что мы слышали, были только прелюдіи; слѣдующій случай покажетъ, до какихъ размѣровъ импровизаціонный даръ могъ возноситься въ Мицкевичѣ, при возбужденіи его обстоятельствами.

Въ исходѣ 1828 года, министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Любецкій находился въ Петербургѣ по дѣламъ своего управленія, въ сопровожденіи двухъ блистательныхъ экземпляровъ

*) По словамъ покойнаго П. В. Нащокина, Гёте прислалъ перо свое и Пушкину, у котораго оно хранилось въ особомъ складнѣ. *П. Б.*

высшаго Варшавскаго общества. Это были князь Леонъ Сапѣга (теперь извѣстный въ Галиціи своею дѣятельностію по распространенію желѣзныхъ дорогъ) и Адамъ Лэнскій (въ послѣдствіи главный директоръ коммисіи, министръ финансовъ, за тѣмъ министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго, теперь членъ Государственнаго Совѣта). Они желали познакомиться съ Мицкевичемъ, и знакомство это сдѣлалось чрезъ мое посредство.

Наступали имянины Мицкевича (сочельникъ предъ Рождествомъ). Мы, бывшіе Виленскіе студенты, въ числѣ до десяти человѣкъ, согласились дать Мицкевичу обѣдъ. По его желанію, мы пригласили и двухъ Варшавянъ, изъ которыхъ Лэнскій былъ также имянинникъ. Но Мицкевичъ ничего не сказалъ намъ, какой готовитъ сюрпризъ. Гости явились; обѣдъ былъ очень веселъ, усердно опорожнялись бутылки, сперва венгерскаго, потомъ шампанскаго. Когда мы встали изъ за стола, то Малевскій сѣлъ за фортепіяно, и послышались первые аккорды „Più non andrai". Мицкевичъ, по собственной иниціативѣ, взявъ въ руки бокалъ и провозгласивъ тостъ „за здравіе *Литвина*, потомка Льва Сапѣги," спѣлъ прекрасную импровизацію въ честь знаменитаго творца Литовскаго Статута. За тѣмъ онъ спѣлъ другую въ честь имянинника, своего тёски *коронiяша* *) Лэнскаго, и братской любви, соединяющей Литву и Польшу. Всѣ были очарованы. Замѣтивъ, что одинъ изъ насъ записываетъ его стихи, Мицкевичъ просилъ перестать, говоря, что это эму мѣшаетъ. Мы начали догадываться, что Мицкевичу хочется произвесть на Варшавянъ большой эффектъ, но не предвидѣли всего. Отдохнувъ немного, Адамъ обратился къ нимъ и сказалъ: „Господа Варшавяне, въ честь посѣщенія вами нашего кружка, я хочу импровизовать трагедію или драму въ

*) Такъ Литвины называли жителей Великой и Малой Польши, которыя составляли край, называвшійся *Короною*.

пяти дѣйствіяхъ и прошу васъ выбрать и дать мнѣ для этого сюжетъ изъ Польской исторіи". Сапѣга и Лэнскій да и мы всѣ не мало удивились. Мицкевичъ просилъ, чтобы они совѣтовались только вдвоемъ, безъ участія другихъ гостей, и они, перебравъ разные драматическіе эпизоды, избрали сюжетомъ возстаніе Криштофа Зборовскаго въ царствованіе Сигизмунда III-го. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ которыя онъ обдумалъ планъ, завязку и развязку драмы, поэтъ сталъ декламировать Польскими александринами, то есть стихами въ тринадцать слоговъ, съ риѳмами и съ цезурою на седьмомъ слогѣ. Сцены слѣдовали за сценами, безъ малѣйшаго промежутка. Поэтъ нетолько не останавливался, не задумывался, но задыхался, не успѣвая выговаривать стихи по мѣрѣ того, какъ они толпились въ его мысляхъ. Онъ все болѣе и болѣе оживлялся, вызванное имъ вдохновеніе не покорялось уже ему, а овладѣло всѣмъ его существомъ. Онъ видимо страдалъ подъ его гнетомъ, какъ древнія Питіи страдали подъ наитіемъ вызваннаго ими духа. Глаза его пылали, лицо поперемѣнно краснѣло и блѣднѣло, между тѣмъ какъ стихи, исполненные высокой поэзіи, лились рѣкою изъ его устъ. Нѣкоторыя мѣста, особенно сцена Зборовскаго съ Гетманомъ, взявшимъ его въ плѣнъ, сцена въ подземельѣ, куда, подкупивши стражу, проникла его возлюбленная, нарѣченная невѣста и гдѣ онъ, въ цѣпяхъ, прощается съ нею предъ ожидавшею его казнью, вызвали у всѣхъ невольныя восклицанія.

Пораженные неслыханнымъ tour de force, Лэнскій и Сапѣга стояли въ безмолвномъ очарованіи. Когда импровизаторъ кончилъ третье дѣйствіе, замѣтно стало, что физическія его силы исчерпываются. Первые Сапѣга и Лэнскій бросились обнимать Адама и просили его не продолжать и отдохнуть. И они и всѣ мы поняли, что все это было сдѣлано Мицкевичемъ для того, чтобы предъ Варшавскими гостями показать полётъ своего поэтическаго дара. Поэтому-то онъ и требовалъ, чтобы никто другой, а они сами избрали предметъ драмы. Цѣль его была болѣе чѣмъ достигнута: надъ Варшавою, въ лицѣ двухъ ея представителей, Мицкевичъ одержалъ полный тріумфъ.

Лэнскій, болѣе прозаическаго характера или менѣе откровенный, съ жаромъ однакожъ отдавалъ справедливость Мицкевичу; но князь Сапѣга не находилъ словъ для выраженія своего восторга. Онъ повторялъ, что Мицкевичъ безспорно первый поэтъ своего времени, что, до нашего обѣда, онъ, Сапѣга, не имѣлъ понятія о высотѣ, до какой можетъ возвыситься поэтическій геній(11).

. . . .

Соболевскій совершенно правъ, говоря, что Мицкевичъ любилъ Русскихъ. Противъ этой черты его характера запротестовалъ г. Чумиковъ (Рус. Архивъ 1872, стр. 426 и слѣд.), на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ, взятыхъ изъ публичныхъ лекцій о Славянской литературѣ, читанныхъ Мицкевичемъ въ 40-хъ годахъ въ Парижѣ въ Collège de France. Цитата эта ровно ничего не доказываетъ и нисколько не опровергаетъ сказаннаго Соболевскимъ. Да и нельзя не принять въ соображеніе обстоятельствъ, въ которыхъ это было говорено. Великое большинство его слушателей составляли ожесточенные эмигранты, помѣшанные на извѣстныхъ пунктахъ, съ которыми никакое разсужденіе на этихъ пунктахъ невозможно; тѣ самые эмигранты, которые меня и трехъ другихъ бывшихъ студентовъ Виленскаго университета формально судили, приговорили къ смерти за то, что мы въ 1831 году остались въ Русской службѣ и казнили насъ по портретамъ (in effigie) на Батиньольскомъ полѣ. Еслибы Мицкевичъ передъ такими слушателями заявилъ свои симпатіи къ Россіи и къ Русскимъ: то дѣло съ нимъ вѣроятно не кончилось бы на портретѣ. (12.) И вотъ чего отъ него требовалъ

г. Чумиковъ! Впрочемъ я не буду здѣсь распространяться въ отвѣтъ на статью послѣдняго; его положенія побѣдительно опровергнуты г. Бергомъ (Рус. Архивъ, 1872, стр. 432.) Его защита Мицкевича такъ умна, что къ ней ничего прибавить нельзя. Г. Бергъ прекрасно понялъ, изучилъ и совершенно справедливо оцѣнилъ любимаго своего поэта. Онъ чрезвычайно метко схватилъ самую суть положенія, опредѣливъ въ Мицкевичѣ какъ бы двѣ личности, дѣйствующія различно подъ влеченіемъ мѣняющихся вліяній. И въ самомъ дѣлѣ, только помощью такого тонкаго анализа и можно объяснить неровности характера и перипетіи такого разнообразнаго, всегда тревожнаго существованія, какимъ была жизнь Мицкевича. Я зналъ именно только Мицкевича-поэта, частнаго человѣка, Мицкевича небольшаго кружка друзей, первую, домашнюю, кабинетную его половину. Въ моемъ Петербургскомъ другѣ „Мицкевичъ-политикъ, публичный человѣкъ, воинъ", былъ еще только въ зародышѣ, невидимомъ и для насъ, наиболѣе къ нему приближенныхъ. Да и онъ самъ вѣроятно не сознавалъ въ себѣ этого зародыша и не могъ предвидѣть ничего изъ того, что̀ съ нимъ случилось.

Я не думаю, какъ думаетъ г. Спасовичъ въ своемъ сочиненіи „За много лѣтъ" (1872), что Мицкевичъ потому уѣхалъ за границу, что его положеніе въ Петербургѣ сдѣлалось неловкимъ, въ слѣдствіе изданія поэмы „Конрадъ Валленродъ", въ которой наблюдательная власть видѣла будтобы политическія аллюзіи. Я уже сказалъ, что ни сама поэма, ни пять Русскихъ переводовъ, не были запрещены. Мицкевичъ, сколько я знаю, не испыталъ никакой непріятности по случаю этого сочиненія. Гораздо проще полагать, что онъ отправился за границу для того, для чего ѣдетъ туда громадное большинство путешествующихъ. Естественно, что такому человѣку какъ Адамъ, хотѣлось видѣть Германію, побывать въ Италіи, взглянуть на Парижъ, на Римъ, и т. п. Въ такомъ смыслѣ онъ съ нами и говорилъ о предстоящемъ вояжѣ. Правда то, что̀ говоритъ г. Спасовичъ, что паспортъ на выѣздъ, который не легко было получить, исходатайствовала ему княгиня Зинаида Волконская, съ которою они въ послѣдствіи съѣхались въ Римѣ.

Но я уклонился отъ того, что̀ хотѣлъ сказать по случаю замѣтки г. Чумикова, отрицающей руссофильство Мицкевича. Я, какъ уже сказано, зналъ только Мицкевича-поэта и могу засвидѣтельствовать, что въ этомъ фазисѣ своего воплощенія, онъ нетолько былъ всегда свободенъ отъ неразумнаго ультра-полонизма, недопускающаго ничего хорошаго во всемъ что̀ Русское, а напротивъ отдавалъ Русскимъ справедливость въ томъ, что̀ достойно похвалы; преимущественно же любилъ простой народъ. Онъ считалъ его несравненно болѣе развитымъ, болѣе ко всякому прогрессу способнымъ, чѣмъ простонародіе Литовское. Въ особенности онъ признавалъ въ Русскомъ мужикѣ природную доброту и высоко цѣнилъ ее, какъ евангелическую добродѣтель, весьма рѣдкую въ плебеѣ другихъ народностей. Кстати объ этомъ, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своего пребыванія въ Москвѣ.

Тѣло скончавшагося въ Таганрогѣ въ исходѣ 1825 года Императора Александра I-го должно было слѣдовать въ Петербургъ чрезъ Москву. Вдругъ, за недѣлю до прибытія печальнаго поѣзда, неизвѣстно откуда расходится слухъ, что въ день привоза тѣла въ городъ, возникнетъ народное возстаніе и рѣзня, которой жертвами сдѣлаются всѣ домовладѣльцы, дворяне и чиновники. Слухъ этотъ на столько утвердился, что произвелъ всеобщую панику; въ городѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о предстоящей катастрофѣ; кто только могъ, уѣзжалъ изъ Москвы. Власть дѣлала что̀ могла для успокоенія жителей; все было напрасно.

Мицкевичъ не вѣрилъ слуху и держалъ даже пари, что ничего такого не будетъ. Онъ жилъ близко отъ одной кондитерской и ходилъ туда пить кофе. Наканунѣ дня, въ который должно было быть привезено тѣло Государя, Мицкевичъ, по обыкновенію, сидѣлъ у окошка въ своей кондитерской и читалъ газету. Были тутъ Малевскій, Соболевскій и еще кое-кто изъ ихъ кружка. Мицкевичъ, послышавши шумъ на улицѣ, посмотрѣлъ въ окно и вдругъ закричалъ: „господа, скорѣй, скорѣй ко мнѣ!“ Всѣ бросились смотрѣть, и что́ же, видятъ, какъ будочникъ гонитъ предъ собою, вѣроятно въ полицію, двухъ дюжихъ мужиковъ съ топорами за спиной. Блюститель порядка плѣнниковъ своихъ погонялъ галебардою, а тѣ, безропотно покоряясь, и не думали противиться или защищаться. „Вотъ, господа, сказалъ Мицкевичъ, всѣ говорятъ о какой-то рѣзнѣ. Но повѣрьте, до тѣхъ поръ, пока уважается власть, выражаемая даже въ самомъ низшемъ своемъ представителѣ, намъ нечего бояться. Я предлагаю двойной закладъ, что завтра ничего не будетъ“. И дѣйствительно ничего не было.

Когда Мицкевичь мнѣ это разсказывалъ какъ примѣръ доброты Русскаго простолюдина, то онъ прибавилъ: „Можно бы подумать, что это малодушіе, рабство; вовсе нѣтъ. Мужики очень хорошо чувствовали, что они сильнѣе городскаго стража; но онъ для нихъ *начальство*. И вотъ народъ, который такъ инстинктивно уважаетъ власть, и, покоряясь ей, забываетъ о собственной силѣ —великій народъ. Онъ не даетъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, поступаетъ, положимъ, безсознательно; но все таки видно, что чувство это въ немъ есть, хотя и въ состояніи инкубаціи. Дай этому народу умную и добрую власть, и она съ нимъ совершитъ чудеса. Въ другихъ странахъ напрасно было бы искать чего нибудь подобнаго; всякая другая *plebs* не признаетъ ничего, кромѣ грубой силы; и когда сила на ея сторонѣ, то она употребляетъ ее противъ власти и противъ закона. Истинная сила не въ матеріи, а въ духѣ, въ идеѣ. Поэтому-то Русскій народъ и сильнѣе всякаго другаго, что индивидуальныя силы сосредоточиваются у него въ одну идею и дѣйствуютъ конкретно“.

. . . .

Гербъ Мицкевича назывался Поро́й (Poroj). Это бѣлая роза (одинъ цвѣтъ безъ стебля) въ красномъ полѣ. Извѣстно, что въ Польской геральдикѣ каждый гербъ имѣетъ свое названіе, и его можно считать настоящею фамиліею рода. Въ древнее время дворяне и назывались по гербамъ, напр. Потоцкіе Пилявитами, Замойскіе Елитчиками, Оссолинскіе, Тенчинскіе Топорчиками. Но когда лица, имѣвшія одинъ гербъ, разродились до того, что стало неудобнымъ носить всѣмъ одно названіе: то начали именоваться отъ помѣстій и даже отъ мѣстностей. И такъ Пилявиты назвались, отъ помѣстья Золотой Потокъ, Потоцкими; Елитчики, отъ города Замостья, Замойскими; одни Топорчики Тенчинскими, другіе Оссолинскими, и т. п. Кромѣ названія гербовъ, большей части Польскихъ дворянскихъ родовъ присвоены еще такъ называемые *придомки*. Такой придомокъ фамиліи Мицкевичей: *Рымвидъ*. Первые свои литературные опыты, критическія статьи, помѣщаемыя въ Виленскомъ Денникѣ (Dziennik Wileński) 1817 года и слѣд. Адамъ подписывалъ этимъ придомкомъ. Въ поэтической его повѣсти „Гражина“ есть также Рымвидъ, лице играющее важную роль.

Первые мѣсяцы 1829 года прошли въ приготовленіяхъ къ отъѣзду Адама за границу. Объ этомъ путешествіи мало кому изъ знакомыхъ Мицкевича было извѣстно; онъ хотѣлъ уѣхать не простившись ни съ кѣмъ, кромѣ самыхъ короткихъ друзей, да и тѣхъ просилъ не провожать его.

По отъѣздѣ Мицкевича, я съ нимъ изрѣдка переписывался; послѣднее письмо отъ него я получилъ изъ Рима въ 1830 году. Онъ между прочимъ писалъ, что хотѣлъ было написать что нибудь изъ

своихъ первыхъ впечатлѣній при видѣ „Вѣчнаго города", но что Байронъ, съ своимъ Чайльдъ-Гарольдомъ, какъ Горацiи Коклъ (Byron, zawalidroga) сталъ ему поперекъ моста на Тибрѣ. Вотъ еще одна черта того благоговѣнія передъ Байрономъ, въ которомъ его упрекаетъ Баратынскій.

Въ Римѣ Мицкевичъ, какъ уже сказано, съѣхался съ своею Московскою знакомою, княгинею Зинаидой Волконской и нѣкоторыми тамошними же друзьями, именно съ Соболевскимъ, также съ путешествовавшими личностями изъ западныхъ губерній. Съ графомъ Генрихомъ Ржевускимъ они были почти неразлучны. Г. Осипъ Пржецлавскій въ замѣткѣ своей на статьи г. Берга (помѣщенной въ Архивѣ 1872 г.,) разсказалъ о вліяніи Мицкевича на графа, слѣдствіемъ котораго было развитіе въ послѣднемъ авторскаго таланта.

Въ религіозномъ отношеніи, Мицкевичъ, какъ я зналъ его въ Петербургѣ, былъ такой, какъ почти все молодое поколѣніе того времени. Онъ далеко не былъ атеистъ, ни энциклопедистъ, но находился подъ вліяніемъ господовавшаго въ тотъ періодъ индифферентизма, противъ котораго такъ краснорѣчиво возставалъ Ламене. Только когда онъ познакомился съ извѣстнымъ живописцомъ Олешкевичемъ *), то перенялъ отъ него нѣкоторыя религіозныя теоріи, не принадлежалъ однакожъ къ числу его усердныхъ учениковъ. Не знаю, какъ подѣйствовало на Мицкевича въ религіозномъ отношеніи его пребываніе въ Римѣ, но кажется оно не сдѣлало изъ него правовѣрнаго католика, судя по тому, какъ онъ, свидѣвшись въ Парижѣ съ извѣстнымъ сектаторомъ Товянскимъ, легко поддался его лжеученію. Одна только чрезвычайно поэтическая и мечтательная организація можетъ до нѣкоторой степени объяснить и извинить заблужденія его въ такъ называемомъ мессіянизмѣ.

*) Объ немъ будетъ упомянуто подробнѣе въ одной изъ главъ „Калейдоскопа."

Дальнѣйшая жизнь Мицкевича и его дѣятельность не могутъ быть предметомъ настоящихъ воспоминаній. Мои съ нимъ сношенія со времени отъѣзда его въ Парижъ совершенно прекратились, и я зналъ объ немъ только то, что́ знали и всѣ, изъ его сочиненій, издаваемыхъ въ Парижѣ и изъ современныхъ журналовъ. Впрочемъ есть полная его біографія, написанная сыномъ его Владиславомъ.

Ципринусъ.

27 Іюня 1872 года.

Примѣчанія къ главѣ о Мицкевичѣ.

(1) Тѣсная дружба между ними продолжалась всю ихъ жизнь, считая со школьной скамьи. Они вмѣстѣ, по Виленскому студенческому дѣлу, были высланы сперва въ Петербургъ, потомъ въ Москву на службу. По разрѣшеніи имъ окончательно пріѣзда въ Петербургъ въ 1828 году, они жили вмѣстѣ, до самаго отъѣзда Мицкевича за границу.

Малевскій (род. въ 1800, ум. въ 1870 г.) знаменитый юристъ, по полученіи въ Вильнѣ степени магистра правъ, оканчивалъ еще свое юридическое образованіе въ Берлинскомъ университетѣ, когда внезапно былъ вытребованъ для Виленскаго дѣла. (см. мои Воспоминанія о Новосильцевѣ). Вскорѣ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ, при Сперанскомъ, поступилъ на службу во II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и прослужилъ тамъ до своей кончины, послѣдовавшей въ Апрѣлѣ 1870 года. Болѣе 20 лѣтъ онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ означенной канцеляріи. Главные начальники этой части очень цѣнили его обширныя свѣдѣнія и рѣдкія способности. Около десяти лѣтъ онъ пробылъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, но всегда отказывался отъ предлагаемаго ему званія сенатора.

Это былъ человѣкъ непоколебимой твердости въ правилахъ чести и безкорыстія. Послѣ отца, бывшаго ректоромъ Виленскаго Университета, ему, съ двумя се-

страми, доводилось довольно значительное состояніе; онъ взялъ изъ него очень немногое, а отъ остальнаго отказался въ пользу сестеръ. Но и съ тѣми средствами, которыя ему оставались, онъ дѣлалъ много добра, ведя посреди столицы жизнь самую скромную и почти уединенную.

Малевскій и Мицкевичъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, урожденныхъ Шимановскихъ. Малевскій оставилъ трехъ сыновей; всѣ они состоятъ въ государственной службѣ. Дочь его Марья, въ шестидесятыхъ годахъ, вышла въ Парижѣ замужъ за двоюроднаго брата своего Владислава Адамовича Мицкевича, Французскаго подданнаго, родившагося во время эмиграціи отца.

Владиславъ Мицкевичъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Хоецкимъ и другими выходцами или сынами Польскихъ выходцовъ, пользовался покровительствомъ принца Наполеона. Онъ участвовалъ въ редакціи „Opinion Nationale," и написалъ біографію отца.

Въ числѣ самыхъ первыхъ стихотвореній Адама Мицкевича, есть одно, посвященное Малевскому; это „Warcaby, do Franciszka". (Игра въ шашки, къ Франциску.)

Въ изданномъ въ 1872 году сборникѣ разныхъ сочиненій г. Спасовича: „За много лѣтъ" (а ихъ всего 12, т. е. 1859 — 1871) помѣщеное и „Очеркъ исторіи Польской литературы". Въ немъ есть много подробностей о Мицкевичѣ, и данныя эти вообще вѣрны, *кромѣ одной*, гдѣ авторъ сдѣлалъ матеріяльную ошибку. На стр. 293 г. Спасовичъ говоритъ о Мицкевичѣ: „Здѣсь (въ Петербургѣ) онъ познакомился съ семействомъ знаменитой піанистки Маріи Шимановской, на дочери которой, Селинѣ, *въ то время* (1828 г.) *еще малюткѣ*, онъ и женился пятнадцать лѣтъ спустя".

Это не такъ; когда Мицкевичъ бывалъ у Шимановской, m-lle Céline, была уже не малютка, а взрослая, и даже *рослая* дѣвица. Она выѣзжала въ свѣтъ, бывала на вечерахъ и балахъ, и какъ ни трудно опредѣлить съ точностью число лѣтъ дѣвицъ-невѣстъ, но вѣрно то, что Целинѣ Шимановской было тогда не менѣе 17-ти лѣтъ. Я это положительно знаю. Шимановская часто бывала съ дочерьми у меня въ домѣ; она давала уроки моимъ падчерицамъ.

(2) Я такъ пишу это имя, а не *Венедиктъ* потому, что послѣднее-явная ошибка отъ непониманія этимологіи Benedictus, есть имя составленное изъ двухъ словъ не Греческихъ, а чисто Латинскихъ: *bene* и *dictus* и значитъ благословенный. Если писать Венедиктъ, то, чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ, нужно бы такимъ же образомъ передѣлывать и всѣ собственныя имена тогожъ происхожденія, и писать Вонапарте, а не Бонапарте: этимологія ихъ одинакова.

Тоже самое должно сказать и о другихъ собственныхъ именахъ Латинскаго происхожденія, которыя пишутся ошибочно порусски съ Греческимъ произношеніемъ, съ чуждою Латинскому языку буквою К. таковы: Маврикій, Викентій (отчего уже не Винкентій?) Келестинъ, Маркеллій и другія. Слѣдовало бы, сохраняя въ нихъ Русскую форму окончанія, писать: Маврицій, Винцентій, Целестинъ, Марцеллій и т. п.

Тредьяковскій и его современники писали *Кикеронъ*; теперь, вѣроятно по соображенію, что это имя Римлянина, происходитъ отъ Латинскаго *cicero* (чечевица) и дано ему въ насмѣшку, по бородавкѣ на носу (какъ и современному дѣятелю въ послѣдней Неаполитанской революціи Ciceroyacchio,) мы пишемъ Цицеронъ. Почему бы, исправивъ одну ошибку, не распространить того же соображенія и на всѣ остальныя?

Пора, пора, очищать языкъ отъ такихъ и имъ подобныхъ осадковъ древней безграмотности. Заблужденіе, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, должно быть искореняемо безпощадно. Оно не подходитъ подъ законъ о земской давности, и истина эта выражена въ пословицѣ всѣхъ народовъ: „лучше поздно, чѣмъ никогда."

(3.) Кромѣ помѣщенныхъ въ текстѣ, вотъ еще нѣкоторыя подробности о Сеньковскомъ.

По пріѣздѣ изъ восточнаго путешествія въ Петербургъ, онъ былъ опредѣленъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ тамошнемъ университетѣ. Это было въ двадцатыхъ годахъ, когда вообще мало было слушателей университетскихъ лекцій, на курсѣ же Сенковскаго не было *ни одного*. Есть преданіе, что для того, чтобы не упразднили его каѳедры, профессоръ, по дешевымъ цѣнамъ, нанималъ себѣ трехъ или четырехъ слушателей, да еще лакею своему приказалъ исправно посѣщать авдиторію. Со временемъ однакожъ число студентовъ возрасло до десяти и болѣе.

Въ Петербургѣ уже, онъ развелся съ женою, съ которою вступилъ въ бракъ еще въ Вильнѣ, бывши студентомъ. Для этой размолвки онъ имѣлъ уважительныя причины. Тоже преданіе гласитъ, что эта жена бивала мужа, и были очевидцы, утверждавшіе, что однажды, всепублично, на Невскомъ проспектѣ, она совершила одну изъ такихъ операцій помощью зонтика.

Вскорѣ послѣ развода, Сенковскій женился вторично на одной изъ дочерей нѣкогда славившагося богатствомъ, но разорившагося Петербургскаго банкира барона Раля, Аделаидѣ. Старшая ея сестра была уже за мужемъ за генералъ-квартирмейстеромъ Шубертомъ; младшая, въ послѣдствіи вышла за архитектора Брюлова, брата извѣстнаго живописца. Этотъ бракъ ввелъ Сенковскаго въ котерію Петербургскихъ Нѣмцовъ высшаго разряда, и онъ постоянно уже принадлежалъ къ этой котеріи.

Мадамъ Аделаида была очень не красива и, по странной игрѣ природы, чрезвычайно похожа на своего супруга, mutatis mutandis. И такъ у него лицо было сально-желтаго, а у нея красно-желтаго цвѣта; у нея глаза черные, какъ ночь, а у него какого-то блѣдно-бутылочнаго оттѣнка, и взглядъ его имѣлъ что-то очень непріятное, но черты лица у жены и у мужа были тожественны. Словомъ, это была пара, которою любовался бы Дарвинъ: она такъ живо осуществляла проповѣдуемый имъ подборъ, только отрицательно. Вотъ фактъ, показывающій, что это не мое личное, а общественное сужденіе. Разъ, въ одномъ поѣздѣ я пріѣхалъ въ Павловскъ съ Сенковскимъ. Когда они съ женою, встрѣчавшею его на платформѣ, нѣжно обнимались, кто-то изъ заднихъ вагоновъ громко воскликнулъ: „господа, посмотрите, какъ лѣшій съ домовымъ цалуются!“ Платформа огласилась общимъ хохотомъ, одобрившимъ смѣлую метафору незнакомаго.

Сенковскій былъ снѣдаемъ страшнымъ честолюбіемъ и жаждою блестящей карьеры. Онъ стремился къ этой цѣли всякими правдами и неправдами. Свою каѳедру онъ считалъ только ступенью къ достиженію высшаго служебнаго положенія. Онъ, какъ случалось ему и проговариваться, хотѣлъ быть первымъ драгоманомъ при Турецкомъ посольствѣ, а тамъ, пожалуй, со временемъ онъ бы принялъ постъ повѣреннаго въ дѣлахъ, хотя бы и посланника. Онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Въ Турецкую кампанію, окончившуюся Андріанопольскимъ миромъ, онъ составилъ Турецко-русскій учебникъ и пожертвовалъ его въ пользу арміи. Въ крайнемъ случаѣ онъ удовольствовался бы мѣстомъ директора Азіятскаго департамента и даже начальника института восточныхъ языковъ. Но какъ-то ничего ему не удавалось. Отъ министерства народнаго просвѣщенія онъ былъ командированъ на визитацію училищъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Оттуда онъ рапортовалъ, что все найдено имъ въ наихудшемъ положеніи и предлагалъ коренныя преобразованія. Но и тутъ пересолилъ. Во время своего объѣзда, онъ, изъ одного уѣзднаго города, прислалъ эстафету въ собственныя руки министру Шишкову, со включеніемъ отобранныхъ отъ учениковъ какихъ-то стишковъ, гдѣ смѣя-

лись надъ слѣдствіемъ производимымъ Новосильцевымъ надъ студентами въ Вильнѣ. На эту депешу Сенковскій много расчитывалъ; но онъ получилъ отъ министра выговоръ за то, что утруждаетъ начальство бездѣлицами и былъ отозванъ въ Петербургъ.

Слышно было въ свое время, что Сенковскій подавалъ кому слѣдовало разныя мысли, очень важныя въ правительственномъ отношеніи; но ихъ присвоили себѣ другіе, дали имъ бо́льшее развитіе и примѣненіе, творцу же своему мысли эти не принесли никакой ощутительной пользы.

Сенковскій, разочарованный, озлобленный постоянными неудачами, испытавшій на себѣ Виргиліево „sic vos non vobis", оставилъ наконецъ свои честолюбивыя затѣи и всецѣло бросился въ Русскую литературу. Онъ прекрасно сдѣлалъ: послѣдствія показали, что такое было истинное его призваніе [1]). На этомъ поприщѣ онъ нашелъ для себя благодарность, который напрасно искалъ въ другихъ сферахъ дѣятельности. Всѣмъ извѣстны успѣхи его Русскихъ сочиненій, и особенно процвѣтавшей подъ его редакціею „Библіотеки для Чтенія" [2]). Тамъ онъ воевалъ противъ *сей* и *оный*, вообще противъ педантизма и другихъ ложныхъ идей, сдѣлался чуть ли не диктаторомъ въ современномъ критицизмѣ и вымещалъ накипѣвшую въ немъ злобу на вторгавшіяся въ литературу посредственности.

Сенковскій считалъ себя обиженнымъ въ своей служебной карьерѣ, именно по нерасположенію къ нему министра нар. просвѣщенія графа Уварова. И въ самомъ дѣлѣ, за все время его профессорства ему не было дано ни одного знака отличія, а чина статскаго совѣтника онъ дожилъ, получая всѣ предъидущіе чины за выслугу лѣтъ.

Но Сенковскій былъ не такой человѣкъ, чтобы терпѣливо сносить обиды. Накопившуюся въ немъ желчь онъ излилъ заразъ, въ день оставленія службы, по выслуженіи эмеритальной профессорской пенсіи. На прощаніе съ университетомъ, онъ сыгралъ съ нимъ дерзкую шутку и жестоко посмѣялся надъ этой ученою корпораціей.

Въ одинъ изъ 50-хъ годовъ назначенъ былъ въ университетѣ торжественный актъ для закрытія учебнаго года предъ каникулами. На такихъ актахъ, кромѣ отчета, читаются профессорами какіе нибудь ученые труды. На этотъ разъ объявлена была прощальная диссертація профессора Сенковскаго: „О древности имени Русскаго". Собралось много почетныхъ лицъ, въ томъ числѣ были министръ нар. просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, одинъ изъ архіереевъ, попечитель учебнаго округа, члены Академіи Наукъ, и два или три сенатора; извѣстные въ то время писатели и ученые были также въ полномъ комплетѣ. Ректоръ и всѣ профессора въ парадныхъ мундирахъ. Собраніе происходило въ большой университетской залѣ, сама эта зала и даже хоры были полны.

По прочтеніи отчета, у пюпитра, предъ рядами креселъ, сталъ какой-то господинъ, Нѣмецъ, и заявилъ, что онъ адъюнктъ профессора Сенковскаго, что послѣдній нездоровъ и диссертацію свою

[1]) Читатели наши чувствуютъ всю оскорбительность этого замѣчанія и припомнятъ статью кн. В. Ѳ. Одоевскаго о значеніи Сенковскаго и Булгарина въ Русской печати (Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр. 1015). Со временемъ исторія не оставитъ безъ упрека представителей тогдашней нашей словесности за то, что они допустили разныхъ проходимцевъ распоряжаться судьбами Русскаго печатнаго слова, и помянетъ съ благодарностью о противодѣйствіи, которое хотя отчасти оказывалъ баронъ Дельвигъ своею Литературною Газетою и позднѣе Пушкинъ Современникомъ; но перваго изъ нихъ погубилъ графъ Бенкендорфъ, а втораго—пуля проходимца-Француза. *П. Б.*

[2]) Странное заглавіе, какъ будтобы могла быть Библіотека *не для чтенія*. Когда я подсмѣивался надъ этимъ, то Сенковскій объяснилъ, что заглавіе взято отъ Русскаго названія Cabinet de lecture содержимаго Смирдинымъ, издателемъ его журнала и что Смирдинъ настаивалъ на сохраненіи этого названія.

поручилъ прочитать ему. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ Сенковскій былъ въ то время еще въ полномъ блескѣ своей писательской славы.

Съ первыхъ страницъ было видно, что положенія свои авторъ основываетъ на этимологіи собственныхъ именъ, названій странъ, городовъ, рѣкъ и самыхъ народовъ. Но этимологіи эти были до крайности натянуты и эксцентричны. Всѣ удивлялись этому, помня, какъ часто Сенковскій, въ своей „Библіотекѣ" издѣвался надъ неудачными словопроизводными опытами и даже надъ этимологіею вообще.

Все же это, только какъ прелюдія, вело къ тому заключенію, что Славянская нація, и въ главѣ ея Русское племя, есть первенствующее между народами, какъ самое древнее; что вся Европа и большая часть Азіи, въ отдаленной древности, была Скиѳская, главнымъ же изъ племенъ Скиѳскихъ есть Славяне, у древнихъ прозванные *Скиѳами-хвастунами* потому, что съ незапамятныхъ временъ привыкли превозносить и славить сами себя. Что̀ касается собственно имени Русскаго, то по словамъ автора, рукописи, заключающія самыя убѣдительные доводы древности этого имени, находятся въ Испаніи и заперты въ одной башнѣ извѣстнаго Мавританскаго дворца, ***Альямбры***, куда авторъ и посылаетъ желающихъ повѣрить его сказаніе (!).

Неменѣе странные выводы дѣлалъ авторъ изъ аналогій слова *Скальдъ*, (Скандинавскій бардъ). Онъ отнесъ его къ корню *Скіольдъ*, изъ котораго Нѣмецкое *Шильдъ*, то есть щитъ, а какъ *щитъ* есть почти *скитъ*, то отъ послѣдняго до названія *Скиѳъ*, или Славянинъ, уже только разстояніе на одну букву. Изъ этого заключеніе, что и Скандинавы были Славяне, а саги (пѣсни ихъ Скальдовъ) были поэмы, прямо или косвенно относящіяся къ исторіи Славянъ, и сто̀итъ только умѣть высмотрѣть въ обоихъ языкахъ натуральное сродство и опредѣлить законы обоюдныхъ отступленій и измѣненій звуковъ, чтобы помощью Славянскаго языка понимать и даже коментировать Скандинавскія саги, и на оборотъ. (Впрочемъ, я въ этотъ только одинъ разъ слышалъ знаменитое это разсужденіе; оно никогда не было напечатано, и я забываю много очень курьёзныхъ выводовъ и развитій главнаго положенія).

Однакожъ, до этихъ поръ всѣ слушали терпѣливо, удивляясь лишь странности и необыкновенной смѣлости выводовъ; только нѣкоторымъ ближе знавшимъ Сенковскаго, съ самаго начала чтенія, чувствовалась уже горькая иронія и дѣлалось яснымъ, что онъ, по тривіяльному, но энергичному выраженію, *дурачитъ* почтенное собраніе. Мы съ К. М. Малковскимъ (теперь сенаторъ) стояли у одной колонны залы и въ главныхъ мѣстахъ выходокъ автора давали себѣ знаки, на силу удерживаясь отъ смѣху.

Но когда адъюнктъ, читая съ невозмутимою Германскою флегмою, перешелъ къ тому мѣсту, гдѣ авторъ утверждаетъ, что вся древняя исторія есть не иное что, какъ Хроника Славянскаго племени, и что лѣтописцы перепутали только географическія данныя и названія мѣстностей; когда сказалъ, что кампаніи Кира происходили въ Бѣлоруссіи и главное сраженіе выиграно имъ близь города Орши, что̀ подтверждается кромѣ другихъ этимологическихъ доводовъ тѣмъ, что и Наполеонъ въ 1812 году признавалъ Оршу важнымъ стратегическимъ пунктомъ; когда это было прочитано, то уже удержаться далѣе отъ смѣху стало невозможнымъ. Первый, припадкомъ гомерическаго хохота, разразился сидѣвшій важно за столомъ университетскаго совѣта профессоръ и деканъ Игн. Іоакинѳ. Ивановскій, а за нимъ грянулъ и всеобщій смѣхъ, отъ котораго зазвенѣли даже окна залы.

Первый всталъ съ мѣста министръ нар. просвѣщенія, за нимъ поспѣшили удалиться архіерей и другія почетныя лица, между тѣмъ какъ Нѣмецъ, совѣ-

стливо выполняя свой долгъ, дочитывалъ до конца свою тетрадь, хотя никто не могъ уже слышать ни слова. Между собраніемъ пошли толки и разсужденія; одни говорили, что за такую кровную обиду, учиненную цѣлому ученому сословію, слѣдуетъ автора примѣрно наказать; другіе напротивъ утверждали, что это невозможно. потому что невозможно уличить автора въ умышленной мистификаціи, въ томъ, что онъ и самъ не убѣжденъ, что Киръ сражался подъ Оршой. Кончилось тѣмъ, „что диссертація" о древности имени Русскаго не была напечатана (какъ это всегда дѣлалось) въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ. Авторъ хотѣлъ помѣстить ее въ своей „Библіотекѣ для Чтенія", но цензура не пустила.

Такъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій простился навсегда съ Петербургскимъ университетомъ, въ которомъ прослужилъ 30 лѣтъ.

(4) Бобръ-Піотровицкій, гвардейскій офицеръ, личность замѣчательная, какъ истый „рыцарь безъ страха и упрека". Онъ былъ не только отъявленный врагъ, но дѣятельный гонитель всего, чтò хотя походило на нечестность. Онъ, подъ собственною отвѣтственностью, обличалъ необинуясь всякаго, попавшагося ему на дѣлѣ Загорѣцкаго или Кречинскаго, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы это ни случилось. Приведу здѣсь два его подвига въ этомъ родѣ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Первый разъ, это было на одномъ изъ воскресныхъ раутовъ, въ 1827 году, у Александра Семеновича Шишкова, правильнѣе у его супруги. Играли на нѣсколькихъ столикахъ. Князь Борисъ Юсуповъ игралъ въ двоемъ въ такъ называемыя *палки*, или тентере, по дорогой цѣнѣ, и много проигрывалъ. Партнеръ его былъ одна изъ тѣхъ темныхъ личностей, которыя неизвѣстно какъ успѣваютъ втереться въ свѣтскіе салоны. У Шишкова собиралось человѣка три или четыре такихъ господъ, и они безсовѣстно обыгрывали старика; онъ, не смотря на предостереженія жены и другихъ, продолжалъ играть съ ними, страстно любя игру въ вистъ.

Бобръ въ этотъ вечеръ не игралъ, но подходилъ къ столикамъ. Когда онъ подошелъ къ Юсупову, послѣдній, жалуясь на свою дурную *веку*, попросилъ присѣсть къ нему на счастье. Тутъ, послѣ двухъ трехъ сдачъ, Бобръ замѣтилъ продѣлку мошенника-партнера.

Она была самая незамысловатая и потому самая удачная, состояла же въ томъ, что шулеръ изъ своей колоды пряталъ двѣ карты, и всякій разъ, когда самъ вздавалъ, присчитывалъ ихъ себѣ. Такимъ образомъ, при равныхъ даже шансахъ самой игры, онъ, въ двѣнадцать королей, имѣлъ на своей сторонѣ громадный перевѣсъ. Юсуповъ считалъ только свои карты, и въ нихъ естественно находилъ всегда дефицитъ. Но Бобръ сосчиталъ наглядно карты, набираемыя партнеромъ и съ картами Юсупова, всѣхъ выходило двумя менѣе, то есть 50, а двѣ недостающія партнеръ считалъ для себя. Послѣ трехъ разъ, увѣрившись въ подлогѣ, Бобръ всталъ и, обращаясь къ Юсупову, сказалъ: „Напрасно жалуетесь, князь, что вы въ проигрышѣ, вы ровно ничего не сдѣлали. „Какъ такъ?" вскричалъ князь. —„А вотъ какъ!" Тутъ Бобръ взялъ щетку и стеръ всѣ счеты. Огорошенный партнеръ хотѣлъ протестовать, но Бобръ съ грозною миною сказалъ: „Молчите, м. г., я, во время игры сосчиталъ ваши карты; вы меня понимаете. Совѣтую вамъ по добру по здорову убираться отсюда, а то я позову людей; совѣтую вамъ также ни здѣсь, да и нигдѣ не показываться мнѣ на глаза». Шулеръ поспѣшно ушелъ. Князь Борисъ, не отличавшійся математическимъ соображеніемъ, только удивлялся храбрости Бобра, ничего не понимая. Когда же наконецъ смекнулъ въ чемъ дѣло, то обнявши Бобра съ чувствомъ благодарилъ. «Вообразите, сказалъ онъ, этотъ негодяй (я имени его не знаю), зная, что я только въ палки играю, два уже года слѣдитъ повсюду за

мною и вѣчно обыгрываетъ». Бобръ разсказалъ о случаѣ самой Шишковой, и она приказала людямъ не впускать въ домъ уличнаго шулера.

Другой *казусъ* съ Бобромъ случился у него въ домѣ, и уже не съ темною личностью, а съ субъектомъ высшаго общества и очень ему близкимъ, хотя и не по родству. Тутъ я уже былъ нетолько свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицемъ. Мы обѣдали у Бобра, человѣкъ пять изъ нашего играющаго кружка. Были Туркулъ, Шеміотъ, я и мало кому изъ насъ знакомый гость. Бобръ послѣ обѣда предложилъ партію въ квинтичь (quinze, quindici), а какъ день былъ жаркій, то хозяинъ попросилъ снять сюртуки; всѣ такъ и сдѣлали, только упомянутый гость остался въ сюртукѣ съ широкими рукавами.

Въ квинтичь, какъ извѣстно, самый высокій нумеръ есть 15 очковъ; фигуры, какъ и десятки, считаются по 10; поэтому кто имѣлъ бы всегда въ своемъ распоряженіи пятерки или десятки, тотъ долженъ выиграть на вѣрное.

Мы всѣ безъ-сюртуковые проигрывали постоянно, а сюртукъ также постоянно выигрывалъ: всякій разъ когда у него была пятерка, то неминуемо онъ давалъ себѣ фигуру. На Туркула, какъ обыкновенно, была уже записана почтенная цифра, да и я грѣшный спускалъ уже вторую сотню. Счастіе гостя было удивительное!

Было уже половина осьмаго, и мы взяли было ложу въ Италіянскую оперу. Но намъ было не до оперы: мы все болѣе и болѣе проигрывались. Только вдругъ Бобръ вскакиваетъ съ своего стула, желѣзною десницею (онъ былъ необыкновенно силенъ), схватываетъ гостя въ сюртукѣ за руку и изъ рукава его, въ виду всѣхъ насъ, вытряхиваетъ шесть или семь приготовленныхъ тамъ десятокъ и фигуръ. Затѣмъ, повторяя операцію сдѣланную въ пользу князя Юсупова, беретъ щетку и стираетъ всѣ записки. „Господа, мы всѣ сыграли ни въ чью, и пора въ оперу“, сказалъ онъ хладнокровно: „даютъ Семирамиду, и *моя* Бартолюччи (она дѣйствительно была его) поетъ Адзему. Расчитываю на ваши браво“. Когда мы одѣвались, а злополучный великосвѣтскій *мазурикъ* *) ускользалъ непрощаясь, нашъ амфитріонъ сказалъ: „Прошу васъ, чтобы сегоднишій случай остался между нами. Вы знаете меня, я негодямъ не спускаю; но на этотъ разъ, войдите въ мое положеніе...... Да оно и не личное мое положеніе“...... Мы эту просьбу исполнили и со временемъ, нашъ любитель фигуръ, сильно покровительствуемый, достигъ высокаго служебнаго положенія; однакожъ, въ 1871 году, кончилъ хотя и случайно, но дурно и теперь разъѣзжаетъ по Европѣ.

(5.) Изъ этого кружка Туркулъ умеръ въ Варшавѣ въ 1857 году министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, дѣйст. тайн. совѣтникомъ, членомъ Госуд. Совѣта и Комитета Министровъ; каммеръ-юнкеры Линовскій и Шеміотъ, въ 1831 году, присоединились къ Польскому мятежу и находятся въ эмиграціи; Собаньскій, кажется за покушеніе устроить побѣгъ изъ Петербургской крѣпости государственнаго преступника графа Мошинскаго, былъ заключенъ въ какую-то крѣпость въ Сибири, и умеръ сумасшедшимъ; Валевскій, Завадовскій, Бобръ и Рдултовскій умерли.

(6.) Графъ Александръ Валевскій былъ признаннымъ сыномъ Наполеона 1-го и

---

*) Слово взятое изъ *аргота* (argot) Петербургскихъ мошенниковъ и вошедшее въ общее употребленіе у простаго народа. Мы позволили себѣ это потому, что одно оно выражаетъ всѣ роды мошенничества, олицетворяемыя Французами въ ихъ Robert-Macaire. Французскіе лингвисты занимаются теперь изслѣдованіемъ *арго* и получили очень интересные результаты. Корень слова мазурикъ это *мазъ*, что значитъ вообще воръ; *мазьё*, это такъ сказать воровское сословіе, Французское la pègre; *Клёвый Мазъ* въ Русскомъ арготѣ, воровская знаменитость. Фр. Pègre de la haute, способный при случаѣ возвыситься на степень убійцы, Фр. escarpe, и т. д. (См. Mémoires de Vidocq, Mém. de Canler, Петерб. Трущобы.)

красавицы и аристократки Варшавской, болѣе еще извѣстной по своему уму, графини Валевской. Одна изъ остротъ ея принадлежитъ исторіи. Наполеонъ, прибывшій въ 1812 году въ Варшаву, съ огромной коалиціонной арміей, созвалъ Польскій сеймъ, но на адресъ этого сейма о возстановленіи Польши отвѣчалъ уклончиво и ничего не сдѣлалъ кромѣ учрежденія ничтожнаго Княжества Варшавскаго, да и его-то подарилъ королю Саксонскому. Это въ Полякахъ возбудило общее негодованіе.

На одномъ балѣ, данномъ для императора Французовъ, графиня разговаривала съ извѣстнымъ Наполеоновскимъ дипломатомъ архіепископомъ де-Прадтомъ (de Pradt) и изъявляла предъ нимъ удивленіе, почему Наполеонъ, въ то время всемогущій, не возстановляетъ Польскаго королевства. Прадтъ на это сказалъ, довольно неучтиво, что не легко было бы найти между Поляками способнаго быть королемъ. Графиня отвѣчала: „О, если въ этомъ только затрудненіе, то его легко устранить. Когда уже у насъ не найдется никого для занятія трона, то мы сдѣлаемъ какъ сдѣлали вы, господа Французы: мы пошлемъ поискать себѣ монарха на островъ Корсику“.

Какъ утверждаютъ современники, графиня Валевская была единственная женщина, которую, послѣ Жозефины, Наполеонъ любилъ истинно и даже страстно. Она послѣдовала за нимъ сперва въ Дрезденъ, а потомъ въ Парижъ. Связь эта продолжалась до окончательнаго паденія императора Французовъ. Сыну своему отъ Валевской, Александру, онъ оставилъ четыре миліона франковъ.

Лѣтомъ 1828 года графъ Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ для полученія паспорта на выѣздъ во Францію и, какъ подданный Царства Польскаго, обратился за этимъ къ тогдашнему министру статсъ-секретарю царства, генералу графу Грабовскому, но не сказалъ, что, по настоянію Великаго Князя Константина Павловича, Варшавскія власти отказали ему въ выдачѣ паспорта; какіе были къ тому мотивы, неизвѣстно; въ Петербургъ же онъ прибылъ тайно отъ Великаго Князя.

Грабовскій, по внушенію директора своей канцеляріи Туркула, пріятеля Валевскаго, отнесся къ военному генералъ-губернатору о выдачѣ паспорта. Для формальностей потребовалось около 10 дней, и это время Валевскій провелъ въ упомянутомъ нашемъ обществѣ. При первомъ своемъ вторичномъ докладѣ, Грабовскій сказалъ Государю о прибытіи Валевскаго, *сына Наполеона*. Императоръ и особенно Императрица, пожелали видѣть его. Валевскій былъ представленъ имъ же, Грабовскимъ и (какъ тотъ разсказывалъ) очень понравился Ихъ Величествамъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ прислалъ паспортъ, и Валевскій воспользовался имъ, не теряя ни одного дня. Это было въ одинъ понедѣльникъ; онъ поѣхалъ на ночь въ Кронштадтъ, прямо на Англійскій пароходъ, гдѣ его ждало уже готовое мѣсто, и на разсвѣтѣ, на другой день, отправился заграницу, откуда уже не возвращался.

Въ тотъ же день, то есть во вторникъ, Грабовскій съ обыкновеннымъ докладомъ поѣхалъ во дворецъ. Государь, какъ только увидалъ его, сказалъ: „A propos, j'ai reçu une dépèche de mon frère de Varsovie, il vient seulement d'apprendre que Walevski est ici, et me prie de ne pas lui délivrer de passeport pour l'étranger. Ecrivez en conseqence au gouverneur-général.“ (Кстати, я получилъ изъ Варшавы депешу отъ брата; онъ только узналъ, что Валевскій здѣсь и проситъ не выдавать ему заграничнаго паспорта. Напишите по этому генералъ-губернатору). „Sire, cet avis vient trop tard, сказалъ Грабовскій; ne connaissant aucun empéchement, j'ai obtenu et lui ai transmis le passeport hier, et aujourd'hui il a dû s'embarquer à Cronstadt au point du jour.“ (Государь, депеша опоздала; не зная ни о какомъ препятствіи, я вытребовалъ для него паспортъ и вручилъ ему вчерашняго дня, а сегодня, съ разсвѣтомъ, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Кронштадта).

Тѣмъ все и кончилось. Что̀ дѣлалъ Валевскій до 1852 года, не помню. Но когда Людовикъ Наполеонъ сдѣлался императоромъ, то, признавая Валевскаго за своего двоюроднаго брата, назначилъ его сенаторомъ, посланникомъ въ Лондонъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Одно время онъ былъ предсѣдателемъ законодательнаго собранія. Валевскій умеръ тому два или три года.

Мадамъ Ронделé перевела свои обѣды на лѣто на одну изъ дачь Аптекарскаго острова, гдѣ былъ большой паркъ. Мы ѣздили туда цѣлою компаніей, а съ нами и Валевскій, ждавшій своего паспорта. Онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ. До обѣда мы часто упражнялись въ гимнастикѣ и бѣгали въ паркѣ въ запуски. Валевскій всѣхъ насъ далеко оставлялъ за собою, особенно ловко перепрыгивая черезъ канавы и другія препятствія. Еще одно, что̀ мы въ немъ замѣчали: лицо его красиво и пріятно, но въ немъ не было никакого сходства съ отцомъ, ни малѣйшаго оттѣнка такъ всѣмъ извѣстнаго прекраснаго Наполеоновскаго типа. Притомъ же онъ имѣлъ стройную осанку и былъ гораздо выше ростомъ своего отца.

(7) Изъ этихъ анекдотовъ я разскажу одинъ, имѣвшій тутъ же, у мадамъ Ронделё, трагикомическую развязку. Орнано былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ одной секонда-донною оперной труппы, m-lle L.... ni, но разъ, зашедши къ ней ранѣе обыкновеннаго, увидѣлъ въ одномъ углу стоящую пару кирасирскихъ сапогъ. Онъ не сдѣлалъ въ домѣ скандала; поступилъ по словамъ поэта: „Le bruit est d'un fat, la plainte est d'un sot. L'honnête homme trompé s'en va et ne dit mot“, но написалъ своей невѣрной ужасное письмо, которое, послѣ обѣда въ тотъ же день, намъ прочиталъ. Оно начиналось: mademoiselle ou madame. Въ немъ Орнано напоминалъ своей бывшей возлюбленной между прочимъ, что сзади, на плечахъ, къ которымъ привѣшены ея прекрасныя ручки, выгравированы рукою палача роковыя Французскія литеры T. F. (travaux forcés). Правда ли это было? мы не знаемъ, не повѣряли; но вотъ къ чему повело это письмо.

Разъ, когда мы въ полномъ комплетѣ *) обѣдали у Ронделё (былъ тутъ и Мицкевичъ), приходитъ служанка и говоритъ Орнано, что два господина, изъ которыхъ одинъ больной, ждутъ въ его комнатѣ (смежной съ нашей столовой) и просятъ его прійти въ туже минуту. Докторъ, ничего не подозрѣвая, отправился туда, и въ слѣдъ за этимъ послышались громкіе голоса и стукъ передвигаемой мебели. Вбѣжала опять служанка и крикнула: доктора бьютъ! Мы всѣ встали и бросились выручать его; мой Мицкевичъ, съ ножомъ, впереди. Но выбѣжавъ чрезъ переднюю на большую лѣстницу, вотъ что̀ мы увидѣли. Докторъ, стоя въ дверяхъ своей комнаты, держитъ въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой.... сосудъ, такъ часто встрѣчаемый въ романахъ Поль де Кока, подъ названіемъ *ночнаго*. Дождавшись, чтобы его противники сошли по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ, съ высоты нашего третьяго, все вмѣщаемое въ сосудѣ выливаетъ на головы и на прекрасные юнкерскіе мундиры злополучныхъ посѣтителей. Хохоча, мы возвратились въ столовую доканчивать обѣдъ, и не одна пробка „вдовушки“ вылетѣла на воздухъ въ честь храбраго доктора. Онъ сказалъ: „Эти юноши присланы были отъ мамзель L. просто для того, чтобы меня побить за мое письмо. Холопская расправа! Но они забыли, что я Корсиканецъ и что, въ дѣлахъ вендетты, on ne me prend pas sans vert (не застаютъ меня въ расплохъ). Я сей часъ смекнулъ, въ чемъ

---

*) Я такъ пишу это слово, а не *комплектъ*, такъ какъ второе К-не находится въ родословной его ни Латинской, ни Французской (complelus, complet), а въ Русскомъ правописаніи включено вѣроятно лишь для большей пышности. Прежде писали же экспланада, экскизъ, даже мнѣ случалось видѣть экскадронъ. Но теперь пишутъ ужесъ происхожденіемъ этихъ словъ. Одинъ несчастный *комплектъ* остается еще неисправленнымъ изъ этого допотопнаго правописанія.

дѣло; схвативъ стулъ, проложилъ имъ себѣ дорогу къ постели и изъ подъ подушки вынулъ пистолетъ. Тутъ роли перемѣнились; нападающіе благоразумно ретировались, ну и получили на прощаніе душъ, послѣ котораго вѣроятно отправились уже въ баню. Они должны благодарить меня, что, за ихъ покушеніе на разбой, я не пожаловался начальству. Они получили бы не такую головомойку.

Исторія эта не помѣшала братьямъ, тогда гвардейскимъ юнкерамъ, достигнуть со временемъ высокихъ положеній въ гражданской службѣ. Но что значитъ быть старымъ человѣкомъ! Лѣтъ чрезъ 25 или 30, встрѣчая этихъ самыхъ господъ, уже въ звѣздахъ, сквозь ленты и шитые мундиры, мнѣ видѣлись ихъ прежнія юнкерскія курточки, и вся сцена, въ которой они играли такую жалкую роль, живо представлялась воображенію.

Вскорѣ послѣ описаннаго подвига доктора Орнано, мы потеряли его изъ виду, и отсутствіе его за столомъ было намъ чувствительно. Но мы сильнѣе поражены были тѣмъ, что̀ случилось съ другимъ постояннымъ пенсіонеромъ нашей мадамъ Ронделё, Англичаниномъ. Мистеръ Куперъ былъ въ большомъ ходу, наживалъ порядочныя деньги и былъ принятъ въ лучшемъ Англійскомъ и Русскомъ обществѣ. Онъ хорошо говорилъ пофранцузски и имѣлъ свѣтскія манеры. По рекомендаціи посланника, даже удостоился давать уроки Англійскаго языка царскимъ дѣтямъ. Только вдругъ, случайно, стало извѣстно власти наблюдающей за иностранцами, что онъ, бывши священникомъ Англиканской церкви, съ поддѣльнымъ паспортомъ бѣжалъ изъ своего отечества, гдѣ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Австралію за антифизическіе вкусы. Что-то въ томъ же родѣ открылось объ немъ и въ Петербургѣ, и онъ былъ высланъ за границу. Сказывали, что онъ отправился въ Англію, въ надеждѣ, что, благодаря искусной гримировкѣ, его тамъ не узнаютъ. Но онъ былъ признанъ и повѣшенъ какъ бѣглый ссыльный.

И такъ мы, съ полтора года, имѣли своимъ собесѣдникомъ каторжника, сидѣли съ нимъ за̀ однимъ столомъ, здоровывались съ нимъ дружескимъ shakehands'омъ. Въ большихъ городахъ подобныя встрѣчи не имѣютъ ничего слишкомъ удивительнаго. Нашъ случай былъ какъ бы эпизодъ изъ Бальзакова „Père Goriot", съ бѣглымъ каторжникомъ Vautrin, главнымъ лицомъ въ pension bourgeoise de maman Vauquer.

(8.) Имя Будрисъ Мицкевичъ взялъ по фамиліи своего друга, товарища по университету и по изгнанію, В. Будревича *). Это былъ такой оригиналъ, что даже и въ отечествѣ оригиналовъ, Англіи, обратилъ бы на себя вниманіе, съ тою разницею, что Англичане иногда обдумываютъ свои выходки, а мой Будрисъ былъ оригиналомъ, самъ этого не подозрѣвая, какъ Моліеровскій Bourgeois gentilhomme не зналъ, что рѣчь его есть проза.

Будревичъ былъ Променистымъ, Филаретомъ и Филоматомъ strictae obsevantiae, по цѣломудрію и другимъ качествамъ. (См. воспом. о Новосильцевѣ). За Виленское студенческое дѣло онъ былъ, въ одно время съ Мицкевичемъ, Малевскимъ и другими, высланъ на жительство во внутреннія губерніи именно въ гор. Тверь и какъ замѣчательный математикъ и кандидатъ на учительскія должности, назначенъ сперва младшимъ, потомъ старшимъ учителемъ математики въ тамошней губернской гимназіи.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ я по дѣламъ бывалъ въ Твери и видался съ Будревичемъ, какъ съ школьнымъ товарищемъ. Онъ и квартировалъ въ гимназіи; оригинальныя его выходки много забавляли меня; въ своей наивности и незнаніи жизни онъ на всегда остался студентомъ.

---

*) Мы лично знали Викентія Антоновича Будревича, проживавшаго и окончившаго жизнь у своего ученика Евгенія Александровича Поликарпова, въ селѣ Панафидинѣ, Старицкаго уѣзда. Это была въ полномъ смыслѣ слова честная душа. *П. Б.*

Однажды рано утромъ, когда я еще не вставалъ, входитъ Будревичъ весь разстроенный и сердитый. Я спрашиваю, какая непріятность съ нимъ случилась?

—Непріятность! Тебѣ надо непремѣнно и подобрать техническое названіе! восклицаетъ Будревичъ. Это не то, а просто лишнія хлопоты.

—Что́ же такое, говори наконецъ!

—А вотъ что̀; ни съ того ни съ сего, не спрашивая меня, прибавили мнѣ жалованье!

—Такъ это-то тебя сердитъ?

—И опять техника! Не то что сердитъ, а все таки разстройство.

—Не понимаю.

—Какъ можно не понимать! Я нѣсколько уже лѣтъ расчиталъ мой бюджетъ до копѣйки и распредѣлилъ его такъ, что приходъ съ расходомъ въ концѣ года прекрасно сходились. Теперь придется или всю таблицу передѣлывать, да и къ чему, когда дохода было довольно, или въ счетахъ будетъ у меня торчать излишекъ. Еслибы были родные, я бы имъ его отдалъ, а то я одинъ, какъ палецъ. Сегодня я усталъ, всю осьмиугольную площадь исходилъ, да и весь городъ обошелъ, искалъ купить цвѣтовъ; ничего хорошаго нѣтъ, одна сингенезія, все Zinnia, da Calliopsis, da Cineraria, а я ихъ терпѣть не могу.

Изливъ передо мною свое неутѣшное горе отъ прибавки жалованья, Будревичъ, нѣсколько успокоенный, отправился въ свою гимназію.

Разъ пришлось мнѣ прожить въ Твери около двухъ мѣсяцевъ. Я почти каждый день видѣлся съ старымъ товарищемъ, который тогда оканчивалъ важный трудъ. Онъ нашелъ, что въ Геометріи Евклида, преподаваемой во всѣхъ училищахъ, почти всѣ задачи можно значительно упростить и что къ нимъ нужно много новыхъ прибавить. При мнѣ же онъ свой трактатъ окончилъ и принялся было перебѣлять большую написаную имъ тетрадь и чертить фигуры. Но въ одну прекрасную ночь заснулъ надъ работою такимъ математическимъ сномъ, что отъ упавшей свѣтильни тетрадь вспыхнула и успѣла сгорѣть почти вся, покуда авторъ, закашлявшись отъ дыма, проснулся.

И чтоже? На слѣдующее утро онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о случившемся, и невзгода эта по видимому менѣе его огорчала, чѣмъ прибавка жалованья. Дня чрезъ два послѣ этого онъ мнѣ сказалъ: „Знаешь, я радъ, что мой трактатъ сгорѣлъ; еслибы я его такъ напечаталъ, какъ онъ былъ написанъ, то нужно было бы дѣлать другое изданіе. Я нашелъ много новыхъ упрощеній и новыхъ прибавокъ и сегодня началъ уже писать снова».

Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Будревича. Онъ, выслуживши полную пенсію, не захотѣлъ возвратиться на родину, въ Ковенскую губернію и поселился въ пріятельскомъ домѣ Старицкаго помѣщика г. Поликарпова, бывшаго своего ученика. Но вотъ знаменательный случай, который, лѣтъ чрезъ 25 послѣ послѣдняго съ нимъ свиданія, живо напомнилъ мнѣ о Будревичѣ.

Лѣтомъ 1862 года я былъ съ женою въ ея Старицкомъ имѣніи и вводилъ тамъ уставныя грамоты. Послѣ надѣла крестьянъ землею по Положенію, я имъ предлагалъ пойти на выкупъ и доплатить помѣщицѣ слѣдующее по обоюдному соглашенію количество денегъ. Крестьяне не соглашались, желая остаться на оброкѣ. Между ними былъ одинъ умный, грамотный мужикъ, имѣвшій на односельцевъ большое вліяніе. Онъ промышлялъ рытіемъ прудовъ и канавъ и былъ извѣстенъ въ своемъ и смежныхъ уѣздахъ. Работавши у гг. Поликарповыхъ, онъ нашелся тамъ въ сношеніи съ Будревичемъ и возымѣлъ къ нему неограниченное довѣріе и уваженіе. Разсказывалъ мнѣ, какъ онъ и своимъ и чужимъ крестьянамъ *даромъ* помежевалъ земли, какъ и барышенъ научилъ землемѣрству, какъ судилъ и мирилъ споры между крестьянами, какъ во всемъ околодкѣ его любятъ и слу-

шаются: „Викентій Антоновичъ слово скажетъ (говорилъ мой Михайло Ѳедоровъ), все равно что законъ“. Вотъ этотъ-то добрый мужикъ и уговорилъ своихъ товарищей принять мои предложенія. Когда же актъ былъ совершенъ, Михайло Ѳедоровъ сказалъ мнѣ по секрету: „Знаете ли, почему я такъ для васъ старался?“—Не знаю, вѣрно по тому, что мое предложеніе справедливо и законно —„Оно-то положимъ такъ, а все больше потому, что и васъ, какъ г. Будревича, зовутъ Антоновичемъ“.

Можетъ ли быть болѣе краснорѣчивый панегирикъ?

Это еще доказываетъ, какъ добрый Русскій народъ умѣетъ цѣнить хорошія качества души у старшихъ братьевъ своихъ и какъ награждаетъ своимъ довѣріемъ и уваженіемъ тѣхъ, которые относятся къ нему сочувственно и благонамѣренно.

(9). Я говорю о Варшавѣ, какъ она была назадъ тому около десяти лѣтъ. Быть можетъ, что теперь, послѣ повтореннаго въ 1862 году опыта возстанія съ расчетомъ на помощь Франціи и послѣ событій 1870 года, она прозрѣла наконецъ и вытрезвилась отъ своей несчастной галломаніи.

Вотъ кстати чтó мнѣ разсказывалъ одинъ хотя и Варшавскій сенаторъ, но никогда не принадлежавшій къ Панургову клубу. Когда въ Варшавѣ было получено извѣстіе о разгромѣ, въ 1870 году, Французской арміи Нѣмцами, г. Г., встрѣтивъ на улицѣ стараго разсыльнаго при Сенатѣ, отставнаго солдата бывшей Польской арміи, спросилъ его: Знаешь ли что дѣлается во Франціи?—„Знаю, ваше в. п. Что же, и по дѣломъ этимъ фанфоронамъ! Это Богъ наказываетъ ихъ за то, что они два раза вовлекли насъ въ пагубу“.

Если Варшавское общество и масса народонаселенія въ Царствѣ не менѣе этого стараго служиваго разсудительна, то надо полагать, что всѣ вылечились уже отъ безумной страсти къ Франціи и Французамъ. Одного этого было бы достаточно, чтобы общественной мысли дать самобытное, здравое направленіе, чтобы открыть глаза на истинные интересы страны и заставить народъ соображать съ ними свое поведеніе въ будущемъ.

(10). Всякій пойметъ, что все это говорится не абсолютно, не безусловно. Старый труизмъ, что „нѣтъ правила безъ исключенія“, находитъ себѣ широкое примѣненіе и въ настоящемъ случаѣ. Въ Царствѣ и въ Варшавѣ, конечно, были и есть туземные знаменитые таланты, ученые и даже мыслители; но дѣло въ томъ, что процентъ ихъ недовольно значителенъ, что злокачественная атмосфера міазмовъ, выдыхаемыхъ великимъ большинствомъ, вліяетъ и на этихъ высшихъ людей. Среда эта дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: разъ, подавляя проявленія болѣе свѣтлыхъ взглядовъ непониманіемъ, презрительнымъ безучастіемъ или, какъ случилось съ Мицкевичемъ, неразумнымъ противудѣйствіемъ; а потомъ, надо правду сказать, прививая и лучшимъ людямъ *эндемическую* апатію, Капуанско-варшавское „dolce far niente“. Въ подтвержденіе этого, довольно указать на мѣстную періодическую прессу. Съ незапамятныхъ временъ, съ краткими промежутками, она находится большею частію въ рукахъ людей бездарныхъ, преслѣдующихъ одни меркантильныя цѣли, плохо даже знающихъ Польскій языкъ и извращающихъ его немилосердно. Умное и талантливое меньшинство поглощаетъ безразлично всякія печатныя пошлости, изрѣдка пожимаетъ плечами, а само—все таки ничего не дѣлаетъ.

Исторгнуть óрганы гласности изъ ихъ *приземистаго* положенія (terre à terre), взять въ свои руки повременную печать для того, чтобы дѣйствовать на массы въ духѣ истиннаго прогресса, было бы со стороны высшихъ людей подвигомъ истиннаго же, то есть *полезнаго*, патріотизма.

(11). Ни одна изъ извѣстныхъ импровизацій не можетъ конечно сравниться

съ тѣмъ, что̀ мы здѣсь привели о Мицкевичѣ. Однакожъ кстати объ этомъ, разскажу одинъ очень замѣчательный опытъ въ подобномъ родѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ тридцатыхъ годовъ.

Извѣстный тамъ учитель Италіянскаго языка Джустиніяни (Justiniani) давалъ публичный импровизаціонный вечеръ, гдѣ, на задаваемыя ему темы и указываемый размѣръ, декламировалъ стихи на своемъ языкѣ. Я какъ-то сидѣлъ у самой эстрады, возлѣ Шведскаго посланника, барона Пальмштіерны (Palmstierna). Мой сосѣдъ сказалъ мнѣ въ полголоса, что въ талантѣ Джіустиніяни нѣтъ ничего слишкомъ удивительнаго, что на улицахъ Италіянскихъ городовъ встрѣчается много импровизаторовъ даже изъ простаго народа.

Профессоръ какъ-то услышалъ скасказанное и, кончивъ декламировать на данную кѣмъ-то тему, подошелъ къ Пальмштіернѣ со словами: „Eccelenza, вы изволили отозваться на мой счетъ такъ: (тутъ повторилъ его слова) Я не желаю, чтобы вы вынесли отсюда такое мнѣніе и прошу позволить мнѣ доказать, что меня не слѣдуетъ смѣшивать съ уличными импровизаторами. Какой, по вашему, самый трудный языкъ для стихосложенія?

— Это конечно Греческій и Латинскій, сказалъ немного сконфуженный дипломатъ.

— Извольте избрать одинъ изъ нихъ.

— Я очень слабъ въ Греческомъ, но Латинскій знаю довольно твердо.

— Очень хорошо; теперь извольте сказать, какой размѣръ для Латинскаго стихосложенія считаете самымъ труднымъ?

— Конечно гекзаметръ, шестистопный александринъ.

— Хорошо, такъ неугодно ли вамъ задать мнѣ тему?“

Пальмштіерна предложилъ темою извѣстный памятникъ Петру I, что̀ на Сенатской площади. Джіустиніяни, обратясь къ публикѣ, предупредилъ, что будетъ импровизировать полатыни и, не задумавшись, не заикнувшись, продекламировалъ болѣе ста безукоризненныхъ гекзаметровъ на языкѣ Виргилія и Горація о великомъ монархѣ, оригиналѣ знаменитаго памятника. Удивленный и восхищенный Пальмштіерна взошелъ на эстраду и отъ души пожалъ руку импровизатору, признавая себя побѣжденнымъ.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ Пальмштіернѣ. Это былъ человѣкъ умный, ученый и съ манерами истаго джентельмена. Онъ бывалъ въ однихъ домахъ съ Мицкевичемъ и со мною и былъ близко съ нами знакомъ. Къ томуже, не знаю какими судьбами, онъ хорошо зналъ Польскій языкъ, свободно говорилъ на немъ и былъ пламеннымъ поклонникомъ поэтическаго генія Адама. Онъ былъ пріятнымъ гостемъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, но до извѣстной степени. Онъ имѣлъ одинъ странный недостатокъ: не могъ хладнокровно играть въ карты, и какъ только взялъ ихъ въ руки, то вдругъ изъ джентельмена дѣлался грубымъ и дерзкимъ. Я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. На раутѣ у Шишковыхъ, онъ игралъ въ партіи съ самимъ хозяиномъ въ вистъ. Вдругъ причудилось ему, что одинъ изъ партнеровъ, всѣми уважаемый старый генералъ Албрехтъ (Иванъ) заглядываетъ ему въ карты. Пальмштіерна съ ожесточеніемъ оборачивается къ нему: „Вы хотите видѣть мои карты? Вотъ они!“ и сказавъ это, развертываетъ ихъ вѣеромъ предъ нимъ. На такое „dictum acerbum“ почтенный старикъ не зналъ что̀ отвѣчать и даже прослезился. Александръ Семеновичь, не менѣе взволнованный, поспѣшилъ ихъ помирить, и посланникъ, опомнившись, извинился. Хорошо что такъ кончилось; а то, еслибъ объ этомъ узналъ сынъ генерала, также генералъ, Карлъ Ивановичь Албрехтъ, то поединокъ былъ бы неминуемъ. Сказывали, что этотъ скандалъ сдѣлался извѣстнымъ королю и что Его Шведское Величество запретилъ

своему послу играть. Достовѣрно то, что съ тѣхъ поръ Пальмштіерна никогда уже не принималъ предлагаемыхъ ему партій.

Возвращаясь къ предмету импровизаціи, нельзя не упомянуть объ истинномъ феноменѣ въ этомъ родѣ, проявившемся въ 50-хъ годахъ въ Варшавѣ. Это дѣвица изъ высшаго тамошняго общества, Ядвига Лущевская, извѣстная подъ принятымъ ею именемъ *Деотимы* (богобоязненной). Даръ, ею обладаемый, по истинѣ изумителенъ; блестящія импровизаціи ея на всѣ возможныя темы выдерживаютъ даже опасную пробу печати: въ изданномъ сборникѣ ихъ есть много неподдѣльной поэзіи. Она была очень молода, когда я ее видѣлъ въ Варшавѣ въ 1851 году. Кромѣ высокаго поэтическаго дара, тогда уже она удивляла необыкновенною начитанностью и серіозною ученостью.

(12.) Этотъ приговоръ оказался очень полезнымъ въ моихъ путешествіяхъ за границей, для избавленія меня отъ всякаго соприкосновенія съ Польскою эмиграціей. Когда я былъ въ Парижѣ въ 1859 году, то на третій день по моемъ пріѣздѣ явился ко мнѣ какой-то господинъ съ большою книгою для собиранія подписки на сочиненіе, издаваемое имъ въ пользу эмиграціи. Подписная цѣна была 50 франковъ. Я сказалъ, что онъ напрасно обращается ко мнѣ, потому что *я не существую*. — Какъ это! воскликнулъ удивленный гость. — Вы сами, господа, выключили меня изъ сего міра. Тутъ я сослался на приговоръ и казнь, совершенную надъ моимъ портретомъ. Тѣмъ кончился разговоръ; когда же гость уходилъ, то я остановилъ его и просилъ, чтобы о нашемъ свиданіи онъ разсказалъ своимъ товарищамъ по эмиграціи, дабы и они знали, что между ними и мною не можетъ быть ничего общаго.

Въ тотъ же день я обѣдалъ у нашего посланника и разсказалъ ему мой случай. Графъ Киселевъ сказалъ: „Васъ можно поздравить съ тѣмъ, что имѣете такое вѣрное средство избавиться отъ этихъ господъ. Прибывающихъ изъ вашего края и даже изъ Россіи они не оставляютъ въ покоѣ, навязываясь съ своимъ знакомствомъ и выпрашивая деньги“.

Тоже самое послужило мнѣ охраною въ Карлсбадѣ, гдѣ я лечился въ 1863 году, въ самый разгаръ послѣдняго Польскаго возстанія... Тамъ было много господъ въ повстанскихъ чамаркахъ, которые, узнавъ изъ курлиста мою фамилію, искали знакомства со мною. Послѣ такого же объясненія, какъ съ Парижскимъ посѣтителемъ, они совершенно отстали отъ меня.

КЪ БІОГРАФІИ Е. А. ГОЛОВИНА.

Недавно довелось мнѣ прочесть въ 1-й книгѣ «Девятнадцатаго Вѣка» біографію генерала Евгенія Александровича Головина.

Имѣвъ честь служить подъ начальствомъ Евгенія Александровича, я пользовался особеннымъ его расположеніемъ и свято чту его память; понятно поэтому, съ какимъ интересомъ прочелъ я его жизнеописаніе. Оно дѣйствительно представило мнѣ нѣкоторыя подробности, которыхъ я не зналъ и которыя едва ли необходимы для читателя: я разумѣю здѣсь его религіозныя увлеченія и участіе въ собраніяхъ г-жи Татариновой, надъ которыми остановился авторъ съ какою-то особенною внимательностію. Головинъ былъ несомнѣнно человѣкъ религіозный и благочестивый; но въ біографіи, предназначенной къ представленію его внѣшней, общественной дѣятельности, едва ли необходимо развивать его внутреннія и духовныя убѣжденія, тѣмъ болѣе, что хотя онъ никогда не измѣнялъ имъ

и постоянно былъ вѣренъ правиламъ христіанской нравственности, но такъ какъ почтенный біографъ не призналъ нужнымъ уяснить этого въ своемъ трудѣ и провести въ жизни Головина христіанскую идею, его одушевлявшую, то едва ли было умѣстно останавливаться съ такими подробностями на странной, мистической практикѣ въ домѣ Татариновой. Личность этой во всякомъ случаѣ замѣчательной женщины доселѣ остается загадкою; все что̀ осталось о ней въ памяти публики чрезвычайно неопредѣленно и смутно, и еще существуютъ люди, не усматривающіе во всемъ этомъ дѣлѣ ничего, кромѣ шарлатанства или даже безумія: представленіе Головина однимъ изъ главныхъ адептовъ ея ученія бросаетъ на него, безъ нужды, невыгодную тѣнь.

Но если авторъ вдался въ эти излишнія, мнѣ кажется, и ненужныя подробности, то съ другой стороны онъ прошелъ молчаніемъ такіе фазисы изъ общественной дѣятельности Головина, каковы напримѣръ служеніе его въ Царствѣ Польскомъ и въ Балтійскомъ краѣ. Подробности о службѣ его въ Варшавѣ мнѣ неизвѣстны; но, зная свѣтлый умъ его и государственныя, можно сказать, способности, я не ошибусь, если скажу, что онъ не могъ не оставить тамъ слѣдовъ своей дѣятельности, и нельзя не пожалѣть, что авторъ не познакомилъ своихъ читателей съ этимъ періодомъ жизни Евгенія Александровича. Что̀ касается до службы его въ Балтійскомъ краѣ, то она извѣстна мнѣ, конечно, не менѣе чѣмъ и автору, такъ какъ я не только состоялъ въ то время на службѣ при особѣ генералъ-губернатора, но и до конца его жизни былъ принятъ въ его домѣ и пользовался назидательною его бесѣдою въ одно время съ авторомъ. Не знаю причинъ, заставившихъ сего послѣдняго миновать этотъ интересный эпизодъ изъ службы Головина [1]). Свѣдѣнія о немъ ему доступнѣе, чѣмъ всякому другому и по личнымъ его отношеніямъ къ покойному генералу, и по занимаемому имъ нынѣ мѣсту [2]). Не могу также согласиться съ нимъ, чтобы Головинъ не обладалъ качествами государственнаго дѣятеля; вся Рижская его служба обличаетъ въ немъ человѣка съ вѣрными и широкими воззрѣніями, а планъ задуманныхъ имъ реформъ отличается самою здравою внутреннею политикою. Если его имя (какъ полагаетъ г. біографъ) и не перейдетъ въ исторію Россіи, то несомнѣнно займетъ почетное мѣсто въ исторіи управленія Остзейскимъ краемъ. Никто конечно не будетъ спорить, что еслибы предположенныя Головинымъ преобразованія были тогда приведены въ исполненіе, то такъ называемый нынѣ «Остзейскій вопросъ» не могъ бы и возникнуть, и край этотъ давно бы вполнѣ слился съ Имперіею. Реформы Головина не осуществились не по его винѣ: справедливо ли лишать его за это заслуги? Ужели одинъ успѣхъ даетъ право на исторію?

Сожалѣю, что въ моемъ настоящемъ захолустьѣ я лишенъ матеріяловъ, чтобы изложить подробнѣе дѣятельность Евгенія Александровича за указанное время; но въ интересахъ правды спѣшу, на сколько это

[1]) Считаемъ долгомъ возразить, что авторъ не имѣлъ въ виду полной біографіи и назвалъ свою статью лишь „Очеркомъ жизни и службы Е. А. Головина“. *П. Б.*

[2]) Въ архивахъ какъ канцеляріи об. прокурора, такъ и свят. синода, хранится весьма любопытная переписка Головина по предмету присоединенія къ Православію Латышей и Эстовъ.

мнѣ возможно, пополнить этотъ важный пробѣлъ въ его біографіи, возстановивъ относящіеся сюда факты по личнымъ моимъ воспоминаніямъ. Быть можетъ, что нѣкоторыя черты изъ этого очерка ускользнули изъ моей памяти; но ручаюсь что все, что̀ въ немъ помѣщено, совершенно вѣрно, и я готовъ доказать это неоспоримыми документами. Сочту себя счастливымъ, если къ изображеннымъ біографомъ чертамъ честнаго человѣка, я присоединю величавый обликъ государственнаго мужа.

*

Въ 1845 году Лифляндская губернія была не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи. Съ одной стороны вызванное передъ тѣмъ голодомъ и неудовлетворительностію экономическаго и гражданскаго быта крестьянъ движеніе, хотя было подавлено и казалось совершенно конченнымъ, но въ сущности возникшія въ народѣ надежды только скрылись, ушли (такъ сказать) внутрь, а существовать не переставали; а съ другой—мѣстное дворянство сдѣлалось до крайности подозрительнымъ, конечно не къ правительству, которое вѣрно служило его интересамъ, предоставляя свою военную силу въ его полное распоряженіе, но къ крестьянамъ. Вообще край представлялъ странную картину несогласій, вражды и раздоровъ. Лютеранское духовенство враждовало между собою: городское, состоявшее почти исключительно изъ раціоналистовъ, не терпѣло сельскаго; а это, въ большинствѣ своемъ, принадлежа къ ученію Гернгутеровъ, не сочувствовало первому. Дворянство чванилось передъ бюргерами, а мѣщане ненавидѣли дворянъ. Всѣ эти сословія относились враждебно къ Русскому населенію края и вообще къ Русской идеѣ и давили ихъ, каждое въ своей сферѣ. Повинуясь узкимъ воззрѣніямъ своего провинціанализма, всѣ они крѣпко держались за свои устарѣлыя привилегіи, вѣруя въ несокрушимую силу этихъ извѣтшалыхъ и полусогнившихъ пергаменовъ. Только одни крестьяне, эти всѣми презираемые и забитые Латыши и Эсты, составляли свѣжій и нетронутый элементъ края и могли бы въ рукахъ государственнаго человѣка представить богатый матеріялъ для будущаго; но такого дѣятеля не встрѣчалось. До̀рого обошлась имъ попытка присоединиться къ Православію и такимъ образомъ слиться съ великою семьею Русскаго народа: у многихъ еще не изгладились слѣды шпицрутеновъ и не отросли обритые на головахъ волосы. Со всѣмъ тѣмъ они хранили еще въ душѣ глубокую вѣру въ правду Русскаго Царя и относили свои страданія къ злоупотребленію мѣстныхъ властей, наускиваемыхъ помѣщиками.

На мѣсто высланнаго тогда изъ Риги, перваго Православнаго епископа, Иринарха (викарія Псковскаго), назначенъ былъ Филаретъ, бывшій передъ тѣмъ ректоромъ Московской Духовной Академіи и оставившій тамъ самыя лучшія о себѣ воспоминанія. Пріѣхавъ въ Ригу и наученный печальнымъ опытомъ своего предшественника, онъ былъ не только крайне остороженъ, но можно сказать даже робокъ и строго держался данной ему инструкціи, не подавая ни малѣйшаго повода даже къ подозрѣнію себя въ пропагандѣ.

Въ Февралѣ 1845 г. нѣсколько человѣкъ Латышей-Гернгутеровъ, изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, недовольныхъ своимъ пасторомъ, запре-

щавшимъ имъ собираться для вечерняго молитвословія, явились къ преосвященному Филарету и просили его о принятіи ихъ въ лоно Православной церкви. Можно почти положительно сказать, что этотъ поступокъ не имѣлъ ничего общаго съ только что подавленнымъ стремленіемъ крестьянъ въ пользу Православія; со всѣмъ тѣмъ слухъ о немъ, какъ о новой попыткѣ, быстро распространился въ городѣ. Подозрительное дворянство, собранное въ то время въ Ригѣ по случаю конвента, всполошилось и послало отъ имени (in Namen und von Wegen) рыцарства герцогства Лифляндскаго всеподданнѣйшій адресъ къ Государю, сопровождавшійся рапортомъ генералъ-губернатора барона Палена, въ которомъ по прежнему и чуть не тѣми ли же словами какъ прежде, обвинялось наше духовенство въ злонамѣренной пропагандѣ, съ цѣлію взволновать только что усмиренныхъ крестьянъ. Но дворянство ошиблось въ разсчетѣ. Прежняго покровителя, гр. Бенкендорфа, не было уже на свѣтѣ; мѣсто его занималъ гр. Орловъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ гр. Л. А. Перовскій, высоко державшій знамя Русской народности. Результатомъ всего этого было назначеніе барона Палена членомъ Государственнаго Совѣта, а на мѣсто его генералъ-губернаторомъ Евгенія Александровича Головина. При этомъ Государь разрѣшилъ Латышамъ и Эстамъ присоединяться къ Православію, по желанію; а дворянству запретилъ величать свою губернію «Лифляндскимъ герцогствомъ».

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ генералъ Головинъ вступилъ въ свою новую должность. Если Лифляндское дворянство и все населеніе края справедливо видѣли въ новомъ назначеніи Палена его паденіе, то что̀ должны были заключить изъ него крестьяне? Въ ихъ глазахъ Паленъ не только палъ, но и не существовалъ болѣе; на мѣсто его назначенъ Русскій и православный, и имъ самимъ дозволено перемѣнять вѣру, за что̀ еще такъ недавно столь жестоко и безчеловѣчно ихъ преслѣдовали. Здѣсь (по ихъ понятіямъ) былъ явный обманъ: Паленъ за то̀ и отставленъ, что обманывалъ народъ и Государя; да и могло ли въ самомъ дѣлѣ быть, чтобы православный Царь запрещалъ принимать Его вѣру? Теперь за тѣмъ и прислали имъ Русскаго генералъ-губернатора, чтобы распространять Русскую вѣру.... Таково было естественное убѣжденіе крестьянъ, и мы съ намѣреніемъ нѣсколько распространились объ этомъ предметѣ, потому что Головину прежде всего привелось имѣть дѣло съ крестьянами, и религіозный вопросъ съ перваго же раза долженъ былъ поглотить значительную долю его дѣятельности.

При назначеніи своемъ, новый генералъ-губернаторъ былъ снабженъ отъ Государя особою секретною инструкціею, въ которой ему повелѣвалось:

1. «Сохранять ненарушимо всемилостивѣйше дарованныя Остзейскому краю преимущества, въ той мѣрѣ, въ какой они согласны съ общими государственными узаконеніями, и притомъ со строгимъ наблюденіемъ, дабы, подъ предлогомъ дѣйствительныхъ привилегій, не были присвоеваемы права мнимыя, съ государственными постановленіями несогласныя».

2. «Заботиться объ усовершенствованіи всѣхъ частей управленія, въ особенности по вѣдомствамъ полицейскому, муниципальному и торговому».

3. «Оберегать выгоды находящагося въ Остзейскомъ краѣ Русскаго народонаселенія, отнюдь не допуская притѣсненія его подъ предлогомъ мѣстныхъ правъ».

4. «Содѣйствовать улучшенію отношеній между помѣщиками и крестьянами, оказывая послѣднимъ неослабную защиту отъ всякихъ угнетеній».

5. «Обращать особое вниманіе на живущихъ въ Остзейскомъ краѣ раскольниковъ и наблюдать, чтобы люди эти, подъ личиною религіознаго разномыслія, не позволяли себѣ отступленія отъ законовъ».

6. «Принять мѣры, чтобы съ одной стороны не было допускаемо подстрекательство къ переходу Лютеранъ въ Православіе, а съ другой устранено всякое противодѣйствіе сему, равно какъ притѣсненіе перешедшихъ».

Извѣстно, что при назначеніи у насъ въ ту или другую государственную должность болѣе всего руководствовались степенью личной довѣренности Государя къ назначаемому лицу. Иначе въ монархическомъ правленіи и быть не можетъ. Но изъ самого свойства такого назначенія истекало во первыхъ, что *нерѣдко* избранный оказывался недостаточно подготовленнымъ для своей должности, и во вторыхъ, что онъ *всегда*, при началѣ своего новаго поприща, пользовался бо̀льшимъ довѣріемъ избравшей его власти и, по мѣрѣ своей дальнѣйшей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникающихъ противъ него интригъ (особенно, если служба его удалена отъ столицы) постепенно утрачивалъ это довѣріе, пока наконецъ смѣщался другимъ. Такимъ образомъ выходило, что чѣмъ опытнѣе становился человѣкъ, тѣмъ дѣлался безсильнѣе, тѣмъ менѣе могъ принести онъ пользы своему дѣлу. Головинъ не избѣгнулъ этой участи.

Еще до отъѣзда своего изъ Петербурга, Евгеній Александровичъ сдѣлался лицомъ, которому столичные Остзейцы посвятили все свое вниманіе. Они окружили его плотною стѣною и съ тѣмъ бо̀льшею ревностію старались за нимъ ухаживать, чѣмъ болѣе сознавали въ его назначеніи паденіе его предшественника и какъ бы торжество (!?) Русскаго начала. Стремясь навязать ему свои взгляды, они наперерывъ снабжали его записками на Нѣмецкомъ, Французскомъ и даже на Русскомъ языкѣ. Содержаніе ихъ было почти одно и тоже: въ нихъ прежде всего высоко цѣнилась Балтійская вѣрность къ Престолу, святость мѣстныхъ привилегій и высокая образованность туземнаго рыцарства; говорилось о его великодушномъ отношеніи къ освобожденнымъ имъ крестьянамъ и доказывалось, что при такихъ условіяхъ правительству нечего дѣлать въ этомъ благословенномъ краѣ, гдѣ царствуетъ образцовый порядокъ: оно можетъ во всемъ положиться на мѣстныя власти и само пребывать спокойно. Между записками встрѣчались и такія, въ которыхъ, чтобы отвести Головину глаза, указывалось на опасныя отношенія къ намъ Поляковъ, и приводились стихи Пушкина:

„Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ“.

Такимъ образомъ вопросъ о враждебныхъ отношеніяхъ мѣстнаго населенія къ Русской стихіи устранялся вовсе; онъ былъ не мыслимъ: вся опасность угрожала намъ со стороны Славянъ. Не должно забывать, что всѣ эти внушенія шли отъ лицъ, сильныхъ своимъ служебнымъ и обще-

ственнымъ положеніемъ, сближеніе съ которыми могло не только льстить самолюбію новаго генералъ-губернатора, но и обѣщало ему сильную поддержку въ Петербургѣ. Они не упускали и въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ укоренять и развивать въ немъ понятія, изложенныя въ запискахъ; а наше Русское Петербургское общество, по обычному своему невѣдѣнію Россіи, единодушно повторяло ихъ слова.

Подготовленный такимъ образомъ, Головинъ пріѣхалъ въ Ригу. Ему сдѣлали блистательную встрѣчу: кромѣ установленныхъ воинскихъ почестей отъ гарнизона, экипажъ его конвоировала мѣщанская гвардія; вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и не было недостатка ни въ факельцугахъ, ни въ серенадахъ, столь обычныхъ Рижанамъ. Дворянство, въ лицѣ своихъ ландратовъ и маршала, наперерывъ съ бюргерами, представляемыми магистратомъ и альдерманами гильдій, спѣшило заявить ему о своей вѣрноподданнической вѣрности къ Государю и личной преданности къ главному начальнику края. Лютеранское духовенство не уступило въ такихъ манифестаціяхъ другимъ сословіямъ. Словомъ, въ Ригѣ повторилось тоже, чтò въ Петербургѣ, только въ бòльшихъ размѣрахъ и съ непрерывнымъ постоянствомъ дѣйствія.

Обаяніе было сильно: Головинъ не устоялъ. Воспитанный въ господствовавшихъ тогда вообще понятіяхъ о превосходствѣ этихъ провинцій, считавшихся образцовыми, онъ поддался этому вліянію, и первыя сношенія его съ Петербургомъ почти ничѣмъ не отличались отъ бумагъ его предшественника.

Разрѣшеніе безпрепятственно присоединяться къ Православію прежде всего подѣйствовало, разумѣется, на крестьянъ. Мы уже сказали, что преслѣдованіе, которымъ они подвергались за перемѣну вѣры, они всецѣло (и не безъ основанія) приписывали своимъ помѣщикамъ и мѣстному начальству; теперь препятствія уничтожены, и они толпами повалили въ Ригу.

Здѣсь появленіе ихъ произвело діаметрально противоположное впечатлѣніе. Мѣстныя власти отнеслись къ нимъ совершенно враждебно. Рижская полиція, подъ начальствомъ Русскаго полицмейстера *), направленная прежними порядками, придиралась къ нимъ и затрудняла ихъ на каждомъ шагу; православное духовенство и епископъ, напротивъ, не могли не сочувствовать ихъ стремленію и приняли ихъ съ любовію. Генералъ-губернаторъ, подъ вліяніемъ еще свѣжихъ Петербургскихъ напутствій и окружавшаго его здѣсь высшаго общества, взглянулъ на это дѣло недовѣрчиво. Отсюда начало охлажденія между нимъ и преосвященнымъ Филаретомъ, продолжавшагося до того времени, пока здравый смыслъ Головина уяснилъ себѣ наконецъ интригу, старавшуюся его опутать. Русское населеніе города столь обрадованное сначала назначеніемъ Русскаго генералъ-губернатора, возлагавшее на него столько радужныхъ надеждъ, теперь начало разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ и видимо охладѣвало. Отношенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были натянуты.

Таково было положеніе генерала Головина при вступленіи его въ новую должность.

---

*) Полковника А. П. Языкова, нынѣ генералъ-лейтенанта, директора императорскаго училища правовѣденія.

Не смотря однакоже на всю силу этой интриги, Евгеній Александровичь не могъ во глубинѣ души своей отречься ни отъ своей національности, ни отъ своей религіи. Чѣмъ дольше жилъ онъ въ Ригѣ, чѣмъ внимательнѣе всматривался въ окружавшую его среду, тѣмъ яснѣе видѣлъ стѣсненное и приниженное положеніе Русскаго населенія въ краѣ. Если, не вполнѣ знакомый съ сословнымъ устройствомъ города, онъ и вѣрилъ, что причина тому лежала въ низкомъ уровнѣ умственнаго образованія Русскихъ Рижанъ, то что̀ же мѣшало поднять по крайней мѣрѣ положеніе Русскихъ чиновниковъ,—этихъ единственныхъ представителей здѣсь Русской власти? Высшая бюрократія края, представляемая канцеляріею генералъ-губернатора, была составлена почти исключительно изъ Нѣмцевъ, и то небольшое число Русскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ нельзя было обойдтись при сношеніяхъ съ центральными государственными учрежденіями, было набрано изъ кантонистовъ и военныхъ писарей и не могло внушить къ себѣ никому уваженія: напротивъ, они какъ бы умышленно назначались, чтобы служить густою тѣнью для возвышенія свѣтлыхъ сторонъ ихъ Нѣмецкихъ сослуживцевъ. Головинъ понялъ это, и первымъ самостоятельнымъ его дѣйствіемъ была забота окружить себя достойными сотрудниками изъ Русскихъ молодыхъ людей.

Стремленіе его ближе ознакомиться съ особенностями края не могло быть удовлетворено односторонними объясненіями мѣстныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ охраненіемъ прежнихъ порядковъ. Безпрестанныя ссылки на привилегіи также ничего не уясняли, а напротивъ запутывали вопросы: въ массѣ этихъ ссылокъ нельзя было различить, которыя изъ привилегій были подлинныя, и которыя, если не вымышленныя, то по крайней мѣрѣ сомнительныя. Какъ человѣкъ неоспоримо умный, Головинъ понялъ, что при такихъ условіяхъ онъ будетъ постоянно въ потьмахъ и ничего не увидитъ собственными глазами. Тогда, не смотря на холодныя отношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ обратился къ нему съ просьбою объ усиленіи его штата Русскими чиновниками. Графъ Перовскій, ясно сознававшій положеніе этихъ провинцій и ихъ отношенія къ Имперіи, не отказалъ Головину въ содѣйствіи и испросилъ высочайшее повелѣніе командировать въ его распоряженіе чиновниковъ изъ министерства, избравъ для сего людей наиболѣе способныхъ, дѣятельныхъ и высоко образованныхъ. Съ помощію ихъ, Евгеній Александровичь приступилъ къ серьёзному изученію ввѣреннаго ему края; онъ поручилъ имъ не только канцелярское, но и историческое изслѣдованіе организаціи мѣстнаго управленія. Муниципальное устройство г. Риги, положеніе крестьянъ и стремленіе ихъ присоединиться къ Православію, были первыми предметами, на которые Головинъ обратилъ строгое вниманіе. Особенно послѣднее, какъ вновь возникавшее и не имѣвшее ни въ административномъ, ни въ канцелярскомъ отношеніи никакихъ преданій, вызывало на каждомъ шагу новыя, самостоятельныя распоряженія и требовало полной и правильной организаціи. Головинъ учредилъ при себѣ особую для сей цѣли канцелярію и снабдилъ ее подробною инструкціею, приведя въ строгую соотвѣтственность всѣ изданныя дотолѣ отрывочно высочайшія повелѣнія и указанія цен-

тральнаго правительства по сему предмету. Наученный опытомъ какъ неравнодушно мѣстные дѣятели относились къ этому вопросу, онъ устранилъ отъ этой канцеляріи всякое ихъ вліяніе, ввѣривъ ея управленіе лицу, вызванному имъ изъ С. П-бурга.

Въ тоже время и по его иниціативѣ, командирована была отъ министерства внутреннихъ дѣлъ особая коммисія для ревизіи городскихъ учрежденій.

Появленіе въ Ригѣ такихъ Русскихъ чиновниковъ, какъ Петръ Александровичь Валуевъ, Яковъ Владиміровичь Ханыковъ, Юрій Өедоровичь Самаринъ и др., произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Не только бюргерство, владѣющее громадными капиталами, но и высшее общество, принадлежащее къ мѣстной аристократіи, гордое своими привилегіями, не могли равнодушно видѣть, какъ новые дѣятели сразу заняли въ Ригѣ почетное мѣсто, сколько по своей неутомимой дѣятельности, столько же и по образованности и знанію условій высшаго общества, къ которому они принадлежали. Это было первое въ этомъ краѣ проявленіе Русской національности въ свойственномъ ей свѣтѣ.

Изданіе въ тоже время (въ Іюнѣ 1845) двухъ первыхъ частей Свода Мѣстныхъ Узаконеній еще болѣе ознакомило Головина съ основными началами мѣстнаго права. Онъ увидѣлъ ясно, что всѣ привилегіи, которыя и понынѣ служатъ единственнымъ поводомъ къ обособленію этого края отъ остальной Россіи, суть не что иное, какъ исключенія изъ общаго государственнаго закона, который всецѣло долженъ прилагаться и здѣсь. Обнародованіе этихъ двухъ частей, относящихся къ законамъ объ учрежденіяхъ и о сословіяхъ, сняло, такъ сказать, завѣсу, скрывавшую дотолѣ отъ глазъ профановъ тайну мѣстнаго управленія и показало необходимость сообразоваться съ общимъ Сводомъ Законовъ Имперіи, доселѣ систематически игнорированномъ*). Это заставило Головина сознать всю пользу изданія мѣстныхъ узаконеній вполнѣ, и онъ не приминулъ ходатайствовать предъ Государемъ объ ускореніи изданія и остальныхъ частей.

Не то, однакоже, впечатлѣніе, произвелъ этотъ сводъ на мѣстныхъ администраторовъ. Они тотчасъ поняли, сколь невыгодна была для нихъ всеобщая доступность къ тайнику, такъ сказать, ихъ силы. Отсюда возникло съ ихъ стороны сначала глухое противодѣйствіе, а потомъ скоро перешло въ открытое пререканіе. Рижскій магистратъ первый подалъ сигналъ къ этой борьбѣ; за нимъ послѣдовали другія учрежденія. Они единодушно отрицали у вновь изданнаго свода обязательную силу закона и низводили его на степень простаго сборника, не имѣющаго никакого значенія тамъ, гдѣ онъ «противорѣчитъ существующему порядку или обычаямъ и постановленіямъ мѣстныхъ властей». Головинъ энергически возсталъ противъ такого превратнаго толкованія и представилъ о томъ Сенату, которымъ и разъяснена точная сила свода въ смыслѣ сдѣланнаго представленія.

Не вдаваясь въ излишнія подробности управленія генерала Головина

*) Силу общаго Свода Законовъ Имперіи отрицали не только учрежденія сословныя, но и коронные чиновники. Такъ Лифляндскій гражданскій губернаторъ на отношеніе къ нему ревизующаго чиновника министерства внутр. дѣлъ Штакельберга, оффиціально отвѣчалъ, что онъ „не знаетъ Свода Законовъ“.

Прибалтійскимъ краемъ, скажемъ только, что не было ни одного, сколько нибудь значительнаго, вопроса, котораго бы онъ не коснулся, приводя разрѣшеніе ихъ постепенно, безъ скачковъ и насилій, къ одной строго обдуманной дѣли—объединенію края съ Имперіей, и не лишая его ни тѣхъ привилегій, которыми онъ обязанъ единственно великодушію Русскихъ вѣнценосцевъ, ни правильнаго развитія историческихъ началъ, на сколько и тѣ и другія совмѣщались съ общимъ государственнымъ строемъ. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ, независимо отъ возбужденныхъ имъ ревизій по разнымъ частямъ управленія, одновременно коснулся: а) улучшенія присутственныхъ мѣстъ, б) разсмотрѣнія постановленій, относящихся къ дворянству, в) постановленій относительно Лютеранскаго духовенства, г) улучшенія состоянія и управленія городовъ, д) улучшенія быта сельскаго сословія, и наконецъ е) приведенія въ стройный порядокъ и организацію движенія крестьянъ, по поводу обнаруженнаго ими стремленія присоединиться къ Православной церкви. Вездѣ и всегда стремился онъ водворить строгую законность и уничтожить укоренившіяся злоупотребленія.

Всѣ эти предметы, какъ мы уже знаемъ, были указаны Головину въ высочайшей инструкціи Императора Николая I. Евгеній Александровичь не только разумно понялъ смыслъ этой инструкціи, но и самъ, какъ истинно Русскій человѣкъ, стремился связать край, столь облагодѣтельствованный Русскимъ правительствомъ, съ остальною Россіею. Понимая, какъ дорого для каждаго, особливо для цивилизованнаго, человѣка сознаніе и охраненіе своей народности, онъ не посягалъ на Нѣмецкую національность въ краѣ. Напротивъ, отдавая вполнѣ справедливость заслугамъ Балтійскаго дворянства, оказаннымъ имъ на разныхъ поприщахъ государственной службы, Головинъ (какъ доказываютъ его годичные всеподданнѣйшіе отчеты) постоянно отстаивалъ законные интересы этого сословія, равно какъ и выгоды мѣстныхъ гражданъ. Призваніе имъ Лифляндскаго дворянства къ участію въ пересмотрѣ и дополненіи «Положенія о крестьянахъ» лучше всего доказываетъ его довѣріе къ этому сословію; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобъ эти Германскіе выходцы, по историческому праву занявшіе первое мѣсто въ краѣ, оставаясь вѣрными своему происхожденію и религіи, признавали Россію своимъ отечествомъ, сливаясь съ нею въ единствѣ государственныхъ законовъ и оффиціальнаго языка. Сознавая превосходство Нѣмецкой культуры, онъ ясно видѣлъ, что полная ассимиляція ихъ съ Русскимъ народомъ невозможна; а по малочисленности Нѣмецкаго населенія во ввѣренныхъ ему губерніяхъ обрусеніе его не могло бы, и при успѣхѣ, представить особенной важности. Вотъ почему все вниманіе Головина въ этомъ отношеніи было обращено на многочисленныя племена Латышей и Эстовъ, коренныхъ обитателей края. Низкій уровень ихъ умственнаго развитія ставилъ ихъ самою силою вещей подъ непосредственное вліяніе Русской національности. Головинъ скоро понялъ ошибку мѣстныхъ высшихъ сословій, систематически державшихъ ихъ въ отчужденіи отъ Нѣмецкой цивилизаціи, и рѣшился этимъ воспользоваться ко благу какъ этихъ племенъ, такъ и къ государственной пользѣ

Россіи. Стремленіе ихъ къ Православію представляло большое удобство для этой цѣли. Человѣкъ по преимуществу религіозный, Головинъ глубоко уважалъ свободу совѣсти каждаго, и потому не вмѣшивался нисколько въ дѣло присоединенія; но, видя въ немъ залогъ тѣснѣйшаго союза новоправославныхъ съ Русскою національностію, онъ не могъ въ глубинѣ души имъ не сочувствовать, тѣмъ болѣе, что положеніе ихъ въ сущности было невыносимо. Помѣщики, терявшіе, съ перемѣною ихъ религіи, послѣднюю съ ними связь, наперерывъ съ пасторами, которые видѣли въ этомъ не только уменьшеніе своего стада, но и умаленіе руна [1]), преслѣдовали несчастныхъ. Ихъ лишали усадьбъ, отказывали даже въ погребеніи на общихъ кладбищахъ и хоронили въ мѣстахъ позорныхъ, отводимыхъ для самоубійцъ [2]). Головинъ всею силою своей власти отстаивалъ законныя права крестьянъ и исходатайствовалъ учрежденіе для нихъ особыхъ фискаловъ (стряпчихъ), должность которыхъ заключала въ себѣ обязанности учрежденныхъ впослѣдствіи для всей Имперіи мировыхъ посредниковъ [3]), и энергически противодѣйствовалъ совращенію ихъ въ Лютеранство, особенно сильно начинавшему проявляться въ послѣднее время его управленія вслѣдствіе происковъ помѣщиковъ и пасторовъ [4]).

---

[1]) При самомъ началѣ этого движенія состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы принявшіе Православіе крестьяне были въ тоже время избавлены отъ всѣхъ своихъ повинностей къ пасторамъ, духовныя обязанности которыхъ въ отношеніи къ нимъ прекращались и переходили сами собою къ Православному духовенству. Не смотря на всю абсолютную справедливость этой мѣры, она встрѣтила такое сильное противодѣйствіе на мѣстѣ, что никогда не была приведена въ исполненіе, и наконецъ, по увольненіи уже Головина, окончательно отмѣнена Остзейскимъ Комитетомъ. Замѣчательно, что возникшая послѣ Головина реакція не удовольствовалась простою отмѣною высочайшей воли; она добилась, что министерство вн. д. въ оффиціальномъ отзывѣ департамента дух. д. ин. исповѣд. назвало ее „преміей за переходъ въ Православіе". Такимъ образомъ Лютеранская партія заставила Русскаго министра обвинить собственное правительство въ небывалом подкупѣ къ перемѣнѣ вѣры! Справедливость требуетъ сказать, что министръ (Ланской) вѣроятно не читалъ этой бумаги; тѣмъ не менѣе она существуетъ и конечно будетъ небезполезна нашимъ доброжелателямъ.

[2]) Примѣры этому нерѣдки въ дѣлахъ особенной канцеляріи генералъ-губернатора.

[3]) Учрежденіе этихъ должностей стоило много труда генералу Головину; онъ преодолѣлъ наконецъ всѣ препятствія, благодаря только патріотическому содѣйствію гр. Пвл. Дм. Киселева и гр. Л. А. Перовскаго, но осуществить этой мѣры не успѣлъ, и чиновники при немъ опредѣлены не были. Если вѣрить слухамъ, то мѣста эти и доселѣ остаются вакантными.

[4]) Изъ многихъ примѣровъ приведемъ здѣсь одинъ. Военный министръ кн. Чернышевъ сообщилъ генералъ-губернатору въ секретномъ отношеніи высочайшее повелѣніе, чтобы тѣхъ изъ присоединившихся къ Православію крестьянъ, которые снова совратятся въ лютеранство, оставлять безъ преслѣдованія по законамъ. Вслѣдъ за тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроръ Св. Синода увѣдомили, также въ секретныхъ отношеніяхъ, что въ сообщеніе кн. Чернышева вкралось недоразумѣніе и что воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы не преслѣдовать, кто, по принятіи Православнаго исповѣданія, будетъ придерживаться нѣкоторыхъ Лютеранскихъ обрядовъ, пѣнія прежнихъ молитвъ и т. п. Между тѣмъ секретъ военнаго министерства, какимъ-то случаемъ, распространился между помѣщиками и пасторами въ первоначальной своей редакціи, и первый, кто имъ воспользовался, былъ Л.......скій помѣщикъ, полковникъ Г***, принадлежащій къ высшей аристократіи и сильный своими связями въ столицѣ. Когда свѣдѣнія о производимыхъ имъ совращеніяхъ дошли до генералъ-губернатора, Евгеній Александровичъ обратился къ нему съ конфиденціальнымъ письмомъ, въ которомъ, выставляя строгую отвѣтственность, положенную законами за совращеніе, излагалъ мнѣніе, что вѣроятно это было допущено Л... мызнымъ управленіемъ (Güterverwaltung) безъ его вѣдома, давая такимъ образомъ ему средство самому отвратить зло и не привлекая его къ прямой отвѣтственности. На это де-

Одно перечисленіе предметовъ, за которые взялся генералъ-губернаторъ, уже достаточно показываетъ, какъ жгучи и жизненны были поднятые имъ вопросы. При этомъ нужно замѣтить, что Головинъ, вопреки общему у насъ обычаю выказывать всю свою дѣятельность въ началѣ и потомъ ослабѣвать, напротивъ усиливалъ свою энергію по мѣрѣ ближайшаго изученія страны. Все это еще болѣе возбуждало противъ него всеобщее неудовольствіе сторонниковъ прежнихъ привилегированныхъ порядковъ, которые, теряя свое исключительное вліяніе, лишались съ тѣмъ вмѣстѣ и матеріяльныхъ выгодъ, особенно по безотчетному управленію городскимъ хозяйствомъ. Отказъ Головина отъ значительной суммы, получавшейся его предмѣстниками въ видѣ дара (don gratuit) отъ города, изъ особаго сбора съ приходящихъ къ Рижскому порту кораблей, заставилъ и другихъ служащихъ въ Ригѣ послѣдовать его примѣру и навсегда уничтожить этотъ обычай, сильно отзывавшійся подкупомъ, и тѣмъ усилить число недовольныхъ.

Не смотря однакоже на это, салоны генералъ-губернатора не пустѣли: радушный хозяинъ по прежнему принималъ въ нихъ своихъ мнимыхъ друзей; воскресные куртаги продолжали пестрѣть дворянскими и консульскими мундирами Рижскихъ гражданъ; а между тѣмъ интрига противъ него росла и усиливалась съ каждымъ днемъ. Въ Петербургѣ, въ свою очередь, благородные рыцари Балтійскаго происхожденія не стѣснялись и въ салонахъ высшаго общества распускали сплетни самаго невѣроятнаго свойства; имъ продолжали вѣрить единодушно. Но Государь еще держался; еще время отъ времени появлялись въ Ригѣ резолюціи Императора, отрезвлявшія неумѣстность провинціальнаго патріотизма...

Между тѣмъ главнѣйшія предположенія Головина начинали созрѣвать и угрожали скорымъ осуществленіемъ. Такъ ревизія городскихъ учрежденій была окончена, и предположенныя коммисіею реформы отосланы въ С. Петербургъ съ благопріятнымъ отзывомъ генералъ-губернатора. Проектъ о распространеніи нѣкоторыхъ преимуществъ матрикулованнаго дворянства на дворянъ нематрикулованныхъ былъ представленъ Государю, вмѣстѣ съ предложеніями о преобра-

---

ликатное письмо г. Г*** отвѣчалъ, что никто кромѣ его самого не управляетъ и не распоряжается въ его имѣніи, что все дѣлается имъ самимъ и за все онъ принимаетъ лично на себя всю отвѣтственность; что если законъ запрещаетъ совращенія, то это неизвѣстно крестьянамъ по ихъ невѣжеству, и потому не угодно ли будетъ генералъ-губернатору публиковать этотъ законъ на общепонятномъ языкѣ. Этотъ рыцарскій отвѣтъ очевидно былъ основанъ на полной вѣрѣ въ непогрѣшимость военнаго министерства, и Л.....ій помѣщикъ съ тѣмъ бо́льшею дерзостію отнесся къ генералъ-губернатору, что былъ твердо увѣренъ въ совершенномъ его безсиліи въ этомъ случаѣ. Генералъ Головинъ не замедлилъ исполнить требованіе полковника Г***: статьи изъ уложенія о наказаніяхъ за совращеніе изъ Православія были напечатаны на мѣстныхъ языкахъ и разосланы въ мызныя управленія, а поступокъ г. Г*** переданъ на разсмотрѣніе Губернскаго Правленія, которое, сколь ни стремилось оправдать его, сваливая всю отвѣтственность на Л....го пастора, однако, въ виду собственнаго признанія г. Г***, должно было предать его суду Гофгерихта. Не нужно прибавлять, что этотъ дворянскій трибуналъ вполнѣ оправдалъ его, но самый фактъ преданія его суду надѣлалъ тогда много шума и подалъ поводъ къ новымъ клеветамъ на Головина въ Петербургѣ. Впослѣдствіи, когда Г.*** былъ избранъ въ ландраты, онъ публично говорилъ, что генералъ-губернаторъ изъ мести къ нему не утвердитъ его въ этой должности; но онъ ошибся: Евг. Ал. не затруднился утвердить выборъ, не смотря на то, что злостные отзывы Г*** и его клевретовъ были ему извѣстны.

зованіи губернскихъ правленій и другихъ коронныхъ мѣстъ и о введеніи въ нихъ Русскаго языка. Выработано новое крестьянское положеніе, и приступлено къ постройкѣ Эсто-латышскихъ Православныхъ церквей и училищъ. Наконецъ болѣе ста тысячь душъ Латышей и Эстонцевъ присоединилось къ Православію: Русское знамя было поднято высоко. Нельзя, кажется, не согласиться, что для краткаго управленія Головина (менѣе трехъ лѣтъ) сдѣлано имъ не мало!

Опасенъ однакоже былъ видимый успѣхъ этихъ предпріятій; онъ еще болѣе возбуждалъ дѣятельность враговъ Евгенія Александровича. Они ясно видѣли, что для окончательнаго торжества Русской идеи въ краѣ, сильно поддержанной въ столицѣ гр. Перовскимъ, не доставало только утвержденія проектовъ Головина въ законодательномъ порядкѣ, что̀ при единодушіи главнаго мѣстнаго управленія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не могло встрѣтить важныхъ затрудненій. Нужно сознаться, что опасность была велика! Она угрожала съ одного разу уничтоженіемъ мѣстной олигархіи введеніемъ законности и инкорпораціею края въ общую систему государственнаго управленія. Нужно было употребить всѣ усилія, чтобы во что бы ни стало сломить опаснаго врага. И вотъ къ прежнимъ клеветамъ рѣшились пустить новую. Начали доказывать, что Головинъ, противъ энергическихъ распоряженій котораго еще такъ недавно вопіяли, называя его пашею и сатрапомъ, вдругъ оказался слишкомъ слабъ, что не онъ управляетъ краемъ, а имъ управляютъ окружающіе его Русскіе чиновники. Кто знако̀мъ съ нашею администраціею, кто знаетъ (такъ сказать) ея нравы и обычаи, тотъ пойметъ, какъ легко подобное обвиненіе находило у насъ вѣру. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ на немъ нѣсколько остановиться.

Кто были лица, которые близко окружали Евгенія Александровича? Прежде всего мы должны сказать, что весь личный составъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ генералъ-губернаторомъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, бывшій при баронѣ Паленѣ, сохранился и при Головинѣ; къ нему прибавилось только (какъ мы уже говорили) нѣсколько Русскихъ чиновниковъ, вызванныхъ имъ изъ Петербурга. Прежній правитель канцеляріи, Богд. Андр. Тидебель, человѣкъ несомнѣнно честный, но едва ли способный, оставался въ этой должности почти до конца служенія Головина въ Ригѣ, и только въ исходѣ 1847 г. былъ уволенъ, когда преобразованіе канцеляріи сдѣлало дальнѣйшее служеніе его невозможнымъ. Интимное общество Головина почти исключительно составляли мѣстные жители: мы можемъ указать на общеуважаемыхъ ландратовъ Самсона ф. Гиммельштирна, ф. Ренненкампфа, вице-губернатора Кубе, совѣтника ф. Рихтера, какъ на ежедневныхъ почти собесѣдниковъ Евгенія Александровича. Если онъ дѣйствительно былъ такъ слабъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что увлекался «всякимъ вѣтромъ ученія», то что̀ же мѣшало этимъ лицамъ воспользоваться этою слабостію и направить его дѣятельность въ видахъ собственныхъ цѣлей. Всѣ знавшіе ихъ отдадутъ конечно полную справедливость необыкновенному ихъ уму, особенно гг. Самсона и Кубе; въ недостаткѣ доброй воли съ ихъ стороны также не встрѣтится сомнѣній. Ужели тѣ два-три Русскихъ чиновника, которые ближе другихъ сто-

яли къ Головину, были такъ неодолимы, что могли совершенно парализовать единодушныя усилія мѣстныхъ олигарховъ и вести его по своему личному желанію, куда хотѣли? Но для сего, кромѣ тѣхъ достоинствъ, которыми они безспорно обладали, потребно было по меньшей мѣрѣ съ ихъ стороны полнѣйшее согласіе въ собственныхъ убѣжденіяхъ, а изъ приведенныхъ нами выше именъ видно, что, напротивъ, они далеко не были единодушны въ своихъ воззрѣніяхъ....

Мы не отрицаемъ доли участія ихъ въ дѣятельности Головина, и въ этомъ именно видимъ ихъ заслугу: они своими изслѣдованіями много содѣйствовали правильности его взглядовъ, представляя ему дѣло въ его истинномъ, неискаженномъ свѣтѣ; имъ главнѣйшимъ образомъ обязанъ онъ былъ ближайшимъ знакомствомъ съ нуждами края и съ недостатками и погрѣшностями его соціальнаго устройства, обнаруженнаго произведенными ими ревизіями, изслѣдованіями и изысканіями. Но если такое ихъ участіе можетъ быть названо вліяніемъ, то справедливость требуетъ сказать, что такое вліяніе было принимаемо Головинымъ небезсознательно: никто не въ правѣ сказать, что его можно было водить за носъ. Рѣдко можно встрѣтить человѣка въ его положеніи, который бы столь охотно выслушивалъ противорѣчія своимъ мнѣніямъ *). Онъ внимательно взвѣшивалъ высказываемыя при докладахъ мнѣнія pro и contra и всегда рѣшалъ вопросъ безпристрастно, хотя бы съ пожертвованіемъ собственнаго самолюбія. Самый строгій судья не обвинитъ его въ умышленномъ нарушеніи правосудія.

Все это не могло однакоже спасти Головина отъ интриги. Не знаемъ, политическія ли событія, возникшія въ то время въ западной Европѣ, ловко примѣненныя Остзейскими патріотами къ обстоятельствамъ своего края, утомленіе ли наконецъ самого Государя, которому не могли не надоѣсть постоянныя сплетни, а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ, произвели то, что Головинъ въ самое это время былъ отозванъ изъ Риги и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ сошелъ со сцены путемъ своего предшественника, и надъ нимъ сбылось то, о чемъ мы упомянули въ началѣ нашей статьи: съ теченіемъ времени интрига противъ него выросла, а довѣріе къ нему ослабѣло!

«Головинъ палъ», повторимъ слова его біографа. Вмѣстѣ съ нимъ пало и его дѣло, оцѣнка котораго день ото дня становится яснѣе и нагляднѣе. Время сдѣлало и продолжаетъ дѣлать свое. Не при Головинѣ возникло и развилось то «Deutschthum», которое составляетъ теперь главную черту не Нѣмецкаго, а Эсто-латышскаго края, и если въ короткое время управленія своего Балтійскими губерніями не многое успѣлъ онъ довершить изъ того, что̀ началъ, то покрайней мѣрѣ ему первому принад-

*) Въ доказательство, какъ высоко цѣнилъ Евг. Александр. высказываемую ему правду, не лишнимъ считаемъ привести слѣдующій случай. Рижскій жандармскій штабъ-офицеръ Гильдебрандтъ разсказывалъ намъ, что въ бесѣдѣ съ нимъ Евг. Ал. жаловался на одного, удостоиваемаго имъ особаго довѣрія, чиновника, который по угловатости своего характера позволялъ себѣ иногда слишкомъ рѣзко высказывать ему свое мнѣніе. „В. в-ву легко отъ этого избавиться; стоитъ только обратно командировать его въ министерство вн. дѣлъ, откуда онъ присланъ“.—„Не могу, отвѣчалъ Головинъ, онъ говоритъ мнѣ правду!“ Часто ли встрѣчаются такіе начальники?

лежитъ честь «положить начало водворенію законности и необходимымъ общественнымъ улучшеніямъ въ краѣ, важномъ для остальныхъ частей Имперіи, но который, не смотря на 150-лѣтнее почти присоединеніе къ Россіи, еще далеко не сроднился съ нею» *).

Графъ Дмитрій Н. Толстой.

Августъ 1872.
Село Каллистово,
близь Сергіевой Лавры.

ПѢСНЬ НЕВСКАЯ

1837.

(*Неизданное стихотвореніе княгини З. А. Волконской*).

Стоитъ царскій дворецъ на Невѣ-рѣкѣ,
Передъ нимъ лежитъ площадь бѣлая,
А на ней стоитъ царь-гранитный столпъ.
Петербургскій мужикъ притащилъ его,
Притащилъ его изъ пороговъ лѣсныхъ.
На столпѣ томъ стоитъ ангелъ родственный.
Заглядѣлся родной на старинный свой домъ.
И себѣ на умѣ: «Благодарствуй, братъ!
«Хорошо-высоко ты поставилъ меня.
«Наводненій, огня не терпѣть мнѣ здѣсь».

*

У дворца въ глазахъ рѣка бурная,
Рѣка бурная, безпокойная.
На другой сторонѣ люди вѣщіе,
А за ними лежатъ прахи царскіе.
Тамъ палаты стоятъ и купеческія,
Гдѣ купцы послѣ думы собираются,
И мудренымъ издѣліямъ цѣну кладутъ;
Милліонъ языковъ тамъ коверкаютъ.
А причина всему — изба вѣтхая,
Изба вѣтхая на Невѣ видна.

*

Стоялъ царской дворецъ на Нѣвѣ-рѣкѣ,
Стѣны крыты всѣ тканью шелковою,
Зеркала на стѣнахъ исполину въ ростъ.
А подъ ними столы все Сибирскіе,
Малахитовы, чудо дивное;
А въ окнахъ все цвѣты Кашемирскіе,
Итальянскіе и Голландскіе.
Вился плющъ на ширмахъ рѣшетчатыхъ,
А подъ плющемъ Царица сиживала,
Думу думала съ дѣтенышками.
Поджидала царя, какъ проглянетъ на нихъ,
Промежъ дѣлъ и заботъ государственныхъ.
Тамъ бывало народъ начиналъ съ Царемъ
Новый Русской годъ въ гридняхъ свѣтлыхъ, златыхъ.
Тамъ царицы въ фатахъ да въ повойникахъ
Говорили купцамъ слово ласково.
Изъ Порусьи давно тамъ являлася
Королева-краса чужеземная,
Словно лунный цвѣтъ въ окна царскія *).
Она много терпѣла за свой край родной,
И въ день черный ему всѣмъ пожертвовала!

---

*) См. всепод. отчетъ Головина. Чтенія въ импер. общ. истор. и древн. Москва, 1871. кн. 2-я.

*) Говорится о бабкѣ Государя Императора, королевѣ Луизѣ, пріѣзжавшей въ Петербургъ на святки 1808 года. Сочинительница, будучи еще княжною Бѣлосельскою, въ то время была пожалована фрейлиною и состояла при королевѣ Луизѣ. *П. Б.*

Ему все отдала, камни, золото
И одни жемчуга сохранила себѣ.
Въ жемчугахъ и въ слезахъ она помнится мнѣ!

*

Что гудитъ рѣка? Что ворчитъ Нева?
«Охъ ты Ладога! Ты зачѣмъ на меня
«Повалила свой ледъ? Онъ мѣшаетъ мнѣ!
«Ты не слышишь тамъ что-то кроется,
«Словно въ крѣпость тать забирается,
«Тамъ трещитъ вездѣ.... мнѣ не нравится.
«Скоро воды мои всѣмъ понадобятся;
«Не всегда-жъ отъ меня злу потопному быть!
«Ой готовьте вы, братцы, ломы острые,
«Топоры, да пешни, ведры новыя!
«Да смотрите-жъ въ ведрахъ, чтобъ не мерзла вода!»

*

Загорѣлся дворецъ, и сгорѣлъ дворецъ.
И народъ готовъ, какъ вездѣ за Царя,
Положить свои тамъ головушки.
Золы черныя ужъ надъ ними курганъ.
Гдѣ надёжамъ-Царямъ хорошо было,
Тамъ валятся снѣга въ жерло черное!

*

Вы зачѣмъ собрались люди умные,
Люди умные, мастера-столяры,
А и плотники Новгородскіе!
Ужъ не новый дворецъ-ли затѣяли?
Ахъ и впрямъ ужъ дворецъ въ мысли строится.
Скоро сказывается сказка Русская,
Скоро дѣлается дѣло съ Русскими.
Станетъ скоро дворецъ что волшебный домъ,
Живописный дворецъ и весь мраморный.

*

А искусство у насъ вѣдь привозный цвѣтъ;
Хоть привозный цвѣтъ, да сроднился онъ
Съ почвой Русскою, съ Русскимъ разумомъ.
Грудь ея ужъ полна семянъ собственныхъ.
Ахъ рости, южный цвѣтъ, ты на Сѣверѣ!
Ты въ теплицѣ цвѣти, какъ на солнышкѣ!
И туда вѣдь глядитъ оно ясное,
Вѣтеръ ласковый, сила южная,
Благодатная роса райская!

Княгиня Зенаида Волконская.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

отъ княжны В. Н. Репниной [1]).

...Вы надѣялись получить отъ меня свѣдѣніе о портретѣ Петра I-го? — Но я о немъ ничего не знаю: нѣсколько лѣтъ онъ висѣлъ въ гостинной у моего отца въ генералъ-губернаторскомъ домѣ въ Полтавѣ. Какъ онъ попался къ намъ, кто его рисовалъ, ничего этого я не знаю. Петръ I-й никогда меня не интересовалъ, даже когда я не знала того что знаю теперь объ этомъ государѣ, котораго я никакъ не сознаю великимъ. Но вотъ о чемъ я буду просить васъ: какъ вы вѣроятно знакомы съ редакторомъ Русской Старины, то сообщите ему [2]), что фамилія отца моего *Репнинъ* безъ всякаго прибавленія. Въ Словарѣ Достопамятныхъ Людей Д. Н. Бантышъ-Каменскаго на-

[1]) Въ отвѣтъ на запросъ о портретѣ Петра Великаго, перешедшемъ изъ дома князей Репниныхъ въ Полтавскую военную гимназію (Р. Старина 1872, стр. 958).

[2]) Симъ исполняемъ.

ходится указъ Сенату императора Александра I-го, гдѣ говорится: «чтобъ «родной внукъ Николая Васильевича «Репнина, отъ дочери его рожденный, «полковникъ князь Николай Волкон«скій, принялъ фамилію его и отны«нѣ потомственно именовался *княземъ «Репнинымъ*, да родъ князей Репни«ныхъ, столь славно Отечеству послу«жившихъ, съ кончиною послѣдняго «въономъ, не угаснетъ, но обновясь «пребудетъ навсегда съ именемъ и «примѣромъ его въ незабвенной па«мяти Россійскаго дворянства»....

Репнины были *хорошіе люди* въ широкомъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова, и я очень дорожу этимъ именемъ. Репнинское сердце—просторное сердце; никому въ немъ не было тѣсно, и какъ хорошъ Репнинъ, который Іоанну Грозному сказалъ: «личины не надѣну». Дѣдъ фельдмаршала князя Репнина, который узналъ отъ камердинера-дядьки, что его молодой сынъ ухаживаетъ за дочерью бѣднаго сельскаго пастора въ Финляндіи или Курляндіи, пріѣхалъ къ сыну и потребовалъ, чтобы онъ женился на этой дѣвушкѣ, говоря, что за гостепріимство отца неужели возблагодаритъ ему позоромъ его дочери; и тотъ женился на дѣвицѣ Поль; она и была матерью моего прадѣда, князя Николая Васильевича Репнина, котораго фамилію принялъ мой отецъ, не отставшій отъ дѣда въ благородствѣ и горячности. Поэтому вы поймете, что я дорожу, чтобы отца моего называли *Репнинымъ* безъ прибавленія Волконскаго; онъ такъ подписывался и имѣлъ гербовую печать Репниныхъ.

Княжна Варвара Репнина.

9 Іюля 1872.

ЭПИГРАММЫ М. А. ДМИТРІЕВА.
(1830).

Разговоръ цензора съ пріятелемъ-стихотворцемъ.

1.

«Не пропущу стиха, и ты бранишь не право:
Я не о двухъ вѣдь головахъ!»
— Я знаю, другъ, ты недвуглавый,
И вѣкъ тебѣ не быть въ орлахъ!

2.

Другъ цензоръ, пропусти безгрѣшные стихи!
Гдѣ встрѣтится въ нихъ мысль, гдѣ встрѣтится въ нихъ сила—
Сквозь пальцы пропусти, какъ Фебъ твои грѣхи *),
Какъ самого тебя природа пропустила.

---

*) Этотъ цензоръ самъ писалъ стихи. *П. Б.*

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ,

УМЕРШИХЪ ВЪ 1870 ГОДУ *).

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Геннади).

Абрамовъ. Н. Л., совѣтникъ Семипалатинскаго областнаго правленія, ум. лѣтомъ 1870 г. (Всем. Иллюстрація IV, стр. 495).

Онъ печаталъ матеріалы и статьи, особенно археологическія и біографическія, во многихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочими въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др., Москвитянинѣ, Извѣстіяхъ Арх. Общ., Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, Странникѣ и изданіяхъ Геогр. Общества. Есть его: Описаніе Березовскаго края. Спб. 1857. 8° (Изъ Записокъ Геогр. Общ. кн. XII.)

Бартоломей. Иванъ Алексѣевичь, нумизматъ, ум. 5-го Окт. 1870 въ Тифлисѣ (Всем. Иллюстр. IV, 96 стр.).

Брошюры его:

1. Notice sur les médailles de Timarque, roi de la Babylonie. Berlin, 1847. 8°.

2. Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firoux. Sptb. 1847. 8°.

3. Classemment des médailles géorgiennes au type sassanide, au point de vue de l'art. Sptb. 1847. 8°.

4. Discours prononcé à la 10-me séance de la société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersb. 1847. 8°.

5. Réponse à M-r Droysen sur ses conjectures concernant les premiers rois de la Bactriane. St. Pétersb. 1847. 8°.

6. Recherches sur la numismatique des rois Arsacides. St. Pét. 1849. 8°.

7. Lettres sur la numismatique géorgienne. St. Pét. 1857. 8°

8. Description d'une trouvaille de 200 dirhems koufiques, faites aux environs de Tiflis. St. Pét. 1858. 8°

9. Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie. St. Pét. 1859. 4° Avec 4 tables.

— Статьи въ Извѣстіяхъ Археол. Общества.

Бессель. Александръ Васильевичь, профессоръ Новороссійскаго унив-та. Ум. 3 Мая 1870 (Спб. Вѣдом. № 128).

Богословскій-Платоновъ. Ипполитъ Михайловичь, одинъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ священниковъ Москвы, съ 1851 при церкви Успенской, на Могильцахъ, а съ 1866 Троицкой, на Арбатѣ. Онъ былъ сынъ священника, окончилъ курсъ въ Моск. дух. академіи магистромъ въ 1844 и оставался въ ней шесть лѣтъ въ дол-

*) Свѣдѣнія о писателяхъ умершихъ въ 1857 г. напечатаны въ Библіогр. Запискахъ т. 1-й (1858, № 12); въ 1858 г. тамъ же т. 2-й (1859, № 20); въ 1859 г. тамъ же т. 3-й (1861, № 4); въ 1860—1869 гг. въ Рускомъ Архивѣ 1864—1871 годовъ. *П. Б.*

жности баккалавра логики и исторіи средней и новой философіи. Потомъ былъ законоучителемъ 4-й гимназіи, изъ которой переведенъ въ 1863 въ 1-ю и преподавалъ въ нѣкоторыхъ частныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того исполнялъ разныя порученія начальства и Думы, въ которой состоялъ гласнымъ.

Отрывокъ изъ его магистерской диссертаціи: «Изъясненіе пророчества Исаіи объ избранномъ отрокѣ Іеговы», напеч. въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ 1850, т. IX. Нѣсколько проповѣдей въ Правосл. Обозрѣніи и Душеполезномъ Чтеніи. Ум. 15 Декабря 1870 г. Некрологъ, *С. С-ва*, въ Соврем. Лѣтописи 1871, № 4.

Вельтманъ. Александръ Ѳомичь, романистъ и археологъ, р. въ Петербургѣ 8 Іюля 1800, ум. въ Москвѣ 11 Янв. 1870.

Предки его изъ Шведской фамиліи Weldman, были уроженцы г. Ревеля. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ Московскихъ пансіоновъ, В. поступилъ въ 1816 въ военную службу колонновожатымъ, потомъ состоялъ въ свитѣ Государя (въ ген. штабѣ), командированъ былъ по межевой части въ Бессарабію, участвовалъ въ Турецкой кампаніи и въ 1831 уволенъ, по болѣзни, подполковникомъ. Съ этого времени онъ посвятилъ себя словесности. Первыя его произведенія имѣли большой успѣхъ и поставили его наряду съ нашими лучшими романистами. Съ 1842 г., поступивъ на службу въ Моск. Оружейную Палату, онъ занялся археологіею. Кромѣ сочиненій указанныхъ ниже, его статьи появлялись въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ былъ членомъ комитета (1845—1854) для изданія Древностей Росс. Государства, которыя выходили подъ его редакціею и въ которыхъ текстъ 2, 3 и 5 отдѣленій принадлежитъ ему. Въ 1852 г. онъ назначенъ былъ директоромъ Оружейной Палаты и составилъ ея описаніе, равно какъ и Моск. Кремлевскаго дворца.

Въ Справочномъ Словарѣ Крайя, III, 119 сказано, что, будучи въ свитѣ Е. И. В., онъ составилъ курсъ чистой математеки, изъ коего напечатана въ 1816 г. Ариѳметика.

Начертаніе древней исторіи Бессарабіи, съ присовокупленіемъ историч. выписокъ и карты. М. 1828. 8°.

Бѣглецъ, повѣсть въ стихахъ. М. 1831.

Странникъ 3 ч. М. 1831—32.; 3 ч. М. 1840. 12°; 3-е изд. 3 ч. М. 1840, въ 32 д.

Муромскія лѣса. Повѣсть въ стихахъ. М. 1831.

MMMCDXLVIII годъ. Рукопись Мартына Задеки, 3 ч. М. 1833. 12°.

Пѣснь ополченія Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведено съ древняго Русскаго языка XII стол. М. 1833. 8°. 2-е изд. съ текстомъ, М. 1867.

Кощей безсмертный, былина стараго времени. 3 ч. М. 1833. 8°.

О Господинѣ Новгородѣ Великомъ (письмо), съ приложеніемъ вида Новгорода въ 12 столѣтіи и плана окрестностей. *А. В.* М. 1834. 8°.

Святославичь, вражій питомецъ. Диво временъ краснаго солнца Владиміра. 2 ч. М. 1835. 12°.

Лунатикъ. Случай. 2 ч. М. 1836.

Предки Каломероса, Александръ Филипповичь Македонскій. 2 ч. М. 1836. 12°.

Картины свѣта, энциклопедич. живописный альманахъ на 1836 съ политипажными рисунками. М. 1836. 4° ч. 2-я, 1837.

Виргинія, или поѣздка въ Россію. 2 ч. М. 1837. 8°.

Ротмистръ Чернокнижниковъ, или Москва въ 1812 г. Романъ. 3 ч. М. 1837, 12°.

Повѣсти. М. 1837. 12°. (Составляютъ 5-й томъ, Библіотеки романовъ, изд. Глазуновымъ).

Сердце и думка. Приключенія. 4 ч. М. 1838. 8°.

Очерки Рус. литературы. Статья I. Изустная Словесность. М. 1840. 8°.

Древнія Славянскія собственныя имена. М. 1840. 8°.

Генералъ Каломеросъ, романъ 2 ч. М. 1840. 8°.

Портфель служебной дѣятельности М. В. Ломоносова изъ собственноручныхъ бумагъ, хранящихся у наслѣдниковъ, издалъ Вельтманъ. М. 1840. 8°. (Изъ Очерковъ Россіи Пассека кн. II)

Ратиборъ Холмоградскій. М. 1841. 12°. (Въ стихахъ, драматич. піеса).

Повѣсти. Изд. Ольхина. Спб. 1843. 12°.

Достопамятности Московскаго Кремля. М. 1843. 8° Съ 14 лит. картинками, двумя видами и планомъ.

Отзывъ на разборъ «Достопамятностей Моск. Кремля», помѣщенный въ 11 №. Москвитянина. М. 1843. 8°. (Изъ Москвитянина № 12).

Московская Оружейная Палата. М. 1844. 8°. (Съ 50 изображеніями древностей). 2-е изд. М. 1860.

Новый Емеля или превращенія. 4 ч. М. 1845. 8°.

Троянъ и Ангелица. Повѣсть, разсказанная Свѣтлой Денницей Ясному Мѣсяцу. М. 1846. 8°. (Въ стихахъ).

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. I. Саломея. М. 1848. 8°. Изд. 2-е 1864. II. Чудодѣй. М. 1849. 8° (Изъ Москвитянина); 2-е Изд. 1864. III. Воспитанница Сара. М. 1862 и 1864 (Изъ Рус. Вѣстника). IV. Счастье-несчастье 2 ч. М. 1863.

Обновленіе храма Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Дубровицахъ, основаннаго въ 1690 г. и освященнаго въ 1705 г. М. 1850. 4°. Съ видомъ (Статья изъ Моск. Вѣдомостей).

Описаніе новаго имп. дворца въ Кремлѣ Московскомъ. Съ картинами. М. 1851. 2°.

Изслѣдованія о Свевахъ, Гуннахъ, и Монголахъ. I. Индо-Германы или Сайване М. 1856 (Изъ Чтеній) съ картою. II. Аттила и Русь IV и V в. (сводъ историч. и народныхъ преданій) М. 1858 (Изъ Чтеній.) III. Маги и Мидійскіе каганы XIII вѣка. М. 1860. Съ картами.

Донъ, мѣсто ссылки Овидія. М. 1866. (Изъ Чтеній).

Переводы: Райна Болгарска царкына. Пер. отъ Рускы Елена Мутьева. Спб. 1852. Souvenirs historiques du Kreml de Mouscou. Trad. du russe par le baron Léon de Bode. Moscou, 1843. 8°.

Свѣдѣнія о Вельтманѣ въ Справ. Энц. Словарѣ Крайя, ч. III. Біографич. статья о немъ съ портретомъ въ Всемірной Иллюстраціи т. III, (1870, № 61). Замѣтка о немъ *И. Срезневскаго* въ Запискахъ Ак. Наукъ, т. XVII, кн. I, протоколы, стр. 185. Справочный Энц. Словарь. т. III, 119. *Погодина* Р. Стар. 1871, кн. 10.

Врангель. Фердинандъ Петровичь, вице-адмиралъ (Ferdinand Ludwig v. Wrangel). Изъ древней Эстляндской фамиліи, р. 29 Дек. 1796 во Псковѣ, воспитывался съ 1809 въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1817 онъ былъ прикомандированъ къ военной шлюпкѣ Камчатка, отправлявшейся подъ начальствомъ Головнина въ кругосвѣтное путешествіе для осмотра

Американскихъ нашихъ колоній и Берингова моря. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, ему поручена была новая экспедиція (съ Матюшкинымъ и Анжу), къ устью Колымы для изученія береговъ къ востоку отъ ея устья, за Шелагинскій мысъ. Эта экспедиція продолжалась съ конца 1820 до 1824, и Врангель убѣдился въ существованіи земли къ сѣверу отъ мѣстечка Яканъ; она была открыта въ 1867 г. Англичаниномъ Лонгомъ и названа «землею Врангеля». Сдѣланныя имъ физическія наблюденія изданы Парротомъ, а путешествіе, по его запискамъ, описано Е. А. Энгельгардтомъ на Нѣмецкомъ и издано Риттеромъ. Въ 1825 Врангель предпринялъ вторичное кругосвѣтное плаваніе и возвратился въ Петерб. въ 1827. Послѣ того онъ былъ назначенъ губернаторомъ Русск. колоній на сѣверо-зап. берегу Америки, куда отправился въ 1829 и, прослуживъ тамъ пять лѣтъ, собралъ много данныхъ для науки и описалъ свое обратное путешествіе. Въ послѣдствіи произведенный въ контръ-адмиралы, онъ долго завѣдывалъ департамент. лѣсовъ принадлежащихъ морскому министерству, и съ 1856 управлялъ морскимъ министерствомъ, а въ 1847 произведенъ въ вице-адмирала; онъ въ 1857 сдѣланъ членомъ госуд.совѣта. Получивъ отпускъ, по болѣзни въ 1866 г., онъ жилъ въ Дерптѣ, гдѣ сконч. 25 Мая 1870.

1) B. v. Wrangel, Physikal. Beobachtungen während seiner Reisen auf d. Eismeere in d. I. 1821--23. Herausg. von. G. F. Parrot. Mit. 4 Kupf. und 1 Karte. Berlin, 1827. 8°.

Высотскій. Леонидъ Григорьевичъ, ст. сов., главный докторъ дѣтской больницы въ Москвѣ, въ которой служилъ съ 1843, по окончаніи курса въ Моск. унив-тѣ и подъ руководствомъ отца своего, извѣстнаго профессора хирургіи, и въ 1862 назначенъ главнымъ докторомъ. Ум. 21 Янв. 1870. Некрологъ *Е. Покровскаго*, въ Моск. Вѣдом. 1870 № 23.

Герценъ, Александръ Ивановичъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Искандера*, сынъ богатаго помѣщика Ивана Алексѣевича Яковлева и привезенной имъ изъ чужихъ краевъ Нѣмки, р. въ 1812, 25 Марта въ Москвѣ. По выходѣ изъ Моск. университета, онъ былъ замѣшанъ въ исторію политическаго характера и сосланъ въ Вятку, откуда, по ходатайству Жуковскаго, переведенъ и опредѣленъ на службу во Владимірѣ. Въ 1839 онъ былъ помилованъ, числился въ министерствѣ вн. дѣлъ и назначенъ совѣтникомъ губ. правленія въ Новгородѣ. Въ 1842 онъ вышелъ въ отставку. По смерти отца, получивъ значительное состояніе, отправился въ 1847 г. за границу и уже не возвращался въ Россію. Въ 1848 году онъ принималъ участіе въ Парижскомъ переворотѣ и сблизился съ Прудономъ и другими вожаками революціи, о коихъ въ послѣдствіи напечаталъ свои воспоминанія. Потомъ онъ жилъ въ Италіи, въ Ницѣ и наконецъ поселился на долго въ Лондонѣ. Съ 1868 онъ жилъ въ Женевѣ, гдѣ издалъ послѣдніе листки «Колокола». Прибывъ во Францію по семейнымъ дѣламъ, онъ скончался $^{9}/_{21}$ Янв. въ Парижѣ, отъ воспаленія въ легкихъ.

Литературная дѣятельность Герцена началась еще въ 30-хъ годахъ. Въ Атенеѣ 1830, т. II, встрѣчаемъ его имя подъ переводомъ съ Французскаго. Въ началѣ 40-хъ годовъ печатались въ Отеч. Запискахъ его философскія статьи: Дилетантизмъ въ

наукѣ, Письма объ изученіи природы. По поводу одной драмы, и др. Статьи эти теперь перепечатаны въ Москвѣ. При новой редакціи Современника въ 1847 г. онъ принялъ въ немъ участіе. Записки доктора Крупова, Сорока-Соровка и въ особенности романъ Кто Виноватъ, поставили его въ ряды нашихъ лучшихъ бельлетристовъ. Въ 1848 году онъ сотрудничалъ въ газетѣ Прудона Ami du peuple. Основавъ типографію въ Лондонѣ, онъ началъ печатать листки и брошюры революціоннаго характера (Юрьевъ день и проч.), потомъ съ Іюля 1857, по два раза въ мѣсяцъ, издавалъ вмѣстѣ съ Огаревымъ, газету «Колоколъ», прекращенную имъ самимъ въ Женевѣ въ Декабрѣ 1868. При ней нѣкоторое время выходили прибавленія «Подъ Судъ» и Листокъ для раскольниковъ. Здѣсь же печатались съ его предисловіями сборники: Голоса изъ Россіи (VIII книгъ, 1858 — 1860), Полярная Звѣзда (8 книгъ, 1855 — 1868), въ которой онъ помѣщалъ свои мемуары и Историч. Сборникъ (2 книги, 1859—1861). Съ его же предисловіями вышли Записки Имп. Екатерины II на Франц. и Русс. языкахъ, Записки кн. Дашковой въ Русс. переводѣ, Щербатовъ и Радищевъ, Записки Декабристовъ, Сборникъ Кельсіева, Постановленія по части раскола, Записки Лопухина и пр.

1. Рѣчь, сказанная при открытіи публичной библіотеки для чтенія въ Вяткѣ 6 Дек. 1837 г. 4°. (Очень рѣдкая нынѣ брошюра; она была перепечатана въ Сѣв. Пчелѣ, 1862, № 143 и см. Моск. Вѣд. 1862, № 102).

2. Кто Виноватъ, романъ изд. книжкою при Современникѣ 1847 г. — Перепеч. въ Лондонѣ, потомъ въ Спб. — Голл. переводъ: Aan wien ligt de Schuld? Haarlem 1853. 8°.

3. Vom andern Ufer. Hamb. 1850. 8°. Съ того берега. Лондонъ, 1855.

4. Briefe aus Italien u. Frankreich von einem Russen. Hamb. 1850. 8°. Письма изъ Франціи и Италіи, Лондонъ. 2-е изд. 1858.

5. Du développement des idées révolutionnaires en Russie, par A. Iskander. Nice. 1851. 8°.—Paris, 1851. 8°.—2-e éd. Londres 1858.—Id. Ib, 1858. На Нѣм. въ Deutsche Monatsschrift von 1851.—Russlands sociale Zustände. Hamb. 1854.

6. Крещеная собственность, Лондонъ, 1853. 8°. 2-е изд. тамъ же, 1857 (два тисненія).

7. Прерванные разсказы Искандера. Л. 1854 и 1857. 8°. Unterbrochene Erzählungen, üb. von Malwina v. Maysenburg. Hamb. 1858. 8°.

8. Le peuple russe et le socialisme. Nice. 1851.—(съ портретомъ). 2-e éd. Iersey, 12° (безъ году, 1854). The russian people and their socialism. L. 1855. 12°. Русскій народъ и соціализмъ. Письмо къ И. Мишле. Съ Франц. Л. 1858.

9. La Russie et le vieux monde. Iersey, 1854. 8°. — Старый міръ и Россія. Съ Фр. Л. 1858. 16°.

10. Тюрьма и ссылка, Лондонъ 1858.—Aus d. Memoiren eines Russen. 4 B. 1 Im Staatsgefängniss u. in Sibirien. Hamb. 1855. — Neue Folge, Ib. 1856. — Dritte Folge, Ib. 1856.—4-e Folge, Ib. 1859.—En Russers Memoirer eller Statsfaengselet og Siberien. 2 Th. Kjarenharn. 1856. — My exile, L. 1855, 2 г. 12°.

11. La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 Ianv. Londres 1858. 8°. Frankreich oder England? Hamb. 1858. 8°. Франція и Англія. Съ Франц. Л. 1858.

12. Вольная Русская община въ Лондонѣ. Русскому воинству въ Польшѣ. 8°.

13. Былое и Думы. Лондонъ и Женева 1861 и 1867. 4 т.

14. Camicia Rossa, la chemise rouge, ou Garibaldi à Londres. 1865. 8°.

15. 14 Декабря 1825 и Императоръ Николай, издано редакціею Полярной Звѣзды по поводу книги барона Корфа. La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie. Londres 1858. 8°. — Die Russ. Verschwörung und der Aufstand vom 14 December 1825. Hamb. 1858. 8°.

16. Еще разъ. Сборникъ статей съ приложеніемъ ненапечатаннаго разсказа: «Трагедія за стаканомъ грока».

17. Краткое общепонятное изложеніе сравнительной анатоміи и зоологіи. Выпускъ I. Л. 1862.

18. Концы и начала...

19. За пять лѣтъ (1855 — 1860). Соціальныя и политическія статьи Искандера и Огарева 2 т. Л.

Bibliothèque Universelle de Genève. 1851. Iuin, p. 207. — Allgemeine Zeitung 1855. № 63.—Athenaeum français 1854, Mars 18.—France litt. de Quérard T. XI, (1853). p. 183.—Біографія въ Unsere Zeit. B. III, 128 — 140. — Искандеръ-Герценъ. Берлинъ 1859, 16° 216 стр. (Здѣсь статьи направленныя противъ Герцена и собранныя *Н. Елагинымъ*. Статья *М. Архангельскаго* по поводу этой книги въ Странникѣ 1862, № 10).—Gartenlaube 1861, № 48.—Замѣтки для издателя Колокола *М. Каткова* въ Русс. Вѣстникѣ т. 39 (1862, № 6), 834 — 852. По поводу этой статьи: Сѣв. Пчела 1862, № 203, 212, 213 и 239; Р. Листокъ 32, 33; Книжный Вѣстникъ 15 №; Домашняя Бесѣда № 32. Герценъ и Огаревъ, 1862, № 166, 169, 188 и 196. 248 и 1863, № 11. — Герценъ и Бакунинъ; Кронштадтскій Вѣстникъ 1863, № 57. — Вѣстникъ юго-запад. Россіи 1862 № 6, статья *Н. К-го.*—Невольное объясненіе съ издателемъ «Колокола» *Н. К. Ренненкампфа*, въ Русс. Вѣстникѣ т. 79 (1869, № 1, 264 — 290 (По поводу прекращенія Колокола).

Некрологич. статьи. Иностранныя газеты о Герценѣ, Недѣля 1870, № 5, стр. 181 — 182.—Allgemeine Zeitung, № 30 (Изъ Кёльнской газеты).—Illustrirte Zeitung 1870, № 1390 (съ портретомъ)—The Athenaeum, № 2205, стр. 160.—Брошюра: A. Herzen. A. И. Герценъ. Нѣсколько словъ отъ Русскаго къ Русскимъ. 1870. Paris-Leipzig, librairie internationale. 8°. 20 стр. — Воспоминанія о немъ Д. Н. *Свербѣева* въ Русс. Архивѣ 1870 стр. 674 — 686. — Вѣстникъ Европы 1870, № 2, хроника, стр. 935—945.— Статья *Ральстона* въ Temple-Bar-Magazine, Апрѣль 1870.

Письмо А. И. Герцена къ Русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями Д. К. Шедо-Ферроти.—2-е изданіе. Берлинъ. 8°. 45 стр. на Русс. и Франц, (См. замѣтку *А Пятковскаго* въ Книжномъ Вѣстникѣ 1862, № 7) 3-е. изд. тамъ же 1862.

Гогель, Николай Валеріановичъ (р. 1838, ум. 13 Ноября 1870). Изъ воспитанниковъ Моск. Кадет. Корпуса выпущенъ въ 1855 въ военную службу, въ 1863 былъ назначенъ членомъ особой Виленской Коммиссіи по политическимъ дѣламъ, въ которой состоялъ до упраздненія ея въ 1867 г.

Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Вильна, 1866. 12°. Второе, умноженное вдвое изданіе (Вильна 1867) не было выпущено въ свѣтъ и составляетъ библіографическую рѣдкость. Некрологъ въ

Голосѣ № 321 (Изъ Виленскаго Вѣстника).

Грифцовъ, Василій Павловичь, педагогъ, уроженецъ Рязанской губ. и воспитанникъ Рязанской семинаріи, а съ 1829 г. педагогич. института. Онъ былъ преподавателемъ исторіи въ западныхъ губерніяхъ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ былъ въ послѣдствіи инспекторомъ 1 и 2-й гимназій, директоромъ 3-й гимназіи и наконецъ директоромъ Ярославскаго Демидовскаго лицея, Ум. 29 Марта 1870. Некрологъ въ Моск. Вѣд. 1870, № 72.

Дейчъ фонъ, Карлъ Θедоровичь, д. с. сов., гофъ-акушеръ (Karl Friedr. Vilh. von Deutsch). Род. въ Эрлангенѣ 25 Іюня 1801, изучалъ медицину въ Дерптѣ, гдѣ былъ ассистентомъ въ унив. клиникѣ, и получилъ въ 1826 г. степень доктора медиц. (Diss. de versione foetus in pedes, 1826), потомъ путешествовалъ, съ 1831 поселился въ Москвѣ, гдѣ служилъ съ 1832 при дворцовой конторѣ и при сиротскомъ домѣ и извѣстенъ былъ своею практикою. Сконч. 23 Дек. 1870 (Рус. Вѣдом. № 279).

Лучшее приданое или необходимыя наставленія для беременныхъ, роженицъ и родильницъ, съ присовокупленіемъ правилъ перваго физическаго воспитанія дѣтей, календаря беременности и двухъ рисунковъ. 2 ч. М. 1841. 8°. Изд. 3-е Совѣты матерямъ или необх. наставленія и проч. М 1866. (Переводъ съ Нѣмецкой рукописи, сдѣланный Н. Х. Кетчеромъ). *Recke und Napiersky* Lexicon, I, 425; Nachtrag, I, 149. Callisen's Medic. Schrifsteller-Lexicon V (1831), 158 стр.

Дельвигъ, баронъ Николай Ивановичь, генералъ-лейтенантъ (двоюродный братъ извѣстнаго писателя). Ум. 22 Іюня 1870 г. на 56 году. Онъ извѣстенъ подвигами на Кавказѣ и въ Севастополѣ и статьями въ Военномъ Сборникѣ. Всем. Иллюстрація 1870, т. III, стр. 543.

Демидовъ, Анатолій Николаевичъ, сынъ Демидова, памятнаго значительными пожертвованіями въ Моск. университетъ. Въ молодости онъ служилъ въ министерствѣ ин. дѣлъ; жилъ долго близъ Флоренціи, въ роскошной виллѣ своей Санъ-Донато, и въ Парижѣ. Онъ есть учредитель Спб. дома призрѣнія трудящихся и дѣтской больницы, на которую пожертвовалъ капиталъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Павломъ. Онъ состоялъ при министерствѣ ин. дѣлъ. Былъ женатъ на принцессѣ Матильдѣ, племянницѣ Наполеона I-го, но скоро развелся съ нею. Ум. 16 Апрѣля 1870 въ Парижѣ.

1. Esquisse d'un voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée en 1857. Paris, 1838. (Письма напеч. въ Journal des Débats).

2) *Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837, sous la direction de M. Anatole de Démidoff. Par M. M.* de *Sainson, Le Play, Huot, Léveillé, Raffet, Rousseau, de Nordmann, et du Ponceau. Dédié á S. M. Nicolas I-er, Empereur de toutes les Russies.* Paris. Bourdin A. C°. éditeurs. 4 v (8) 1840—1842. Съ рисунками Раффета. Къ этому изданію принадлежитъ альбомъ 78-ми видовъ и атласъ 95-ти рисунковъ естественныхъ предметовъ, въ листъ.

Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en *1837 par M. Anatole de Démidoff.* Paris. 1840 gr. in 8° de VIII et 621 p. Edition d'Ernest Bourdin et C°. illustré de 64 dessin par Raffet.

2-ое изданіе, пересм. и увеличенное, вышло въ Парижѣ въ 1854 году.

Переведено на Итальянскій (Torino, 1841), Польскій (Warszawa, 1845), Нѣмецкій (Breslau, 1854), Русскій (Москва, 1853) и Англійскій (London, 1853, 2 v).

3) *La Crimée par le prince Anatole de Démidoff.* Illustrée par Raffet. Paris. 1855. (8º) 267 pag.

Извлеченіе изъ путешествія, вышедшее также на Англійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

4) Lettres sur l'Empire de Russie publiées dans le Journal des Débats en 1838 et 1839 par N.—T. Paris, 1840. 8º. (Предисловіе подписано: Ni-Tag. т. е. Нежне-Тагильскъ, псевдонимъ, принятый Демидовымъ).

Джунковскій. Степанъ Степановичъ. Будучи кандидатомъ правъ Спб. университета, командированный министерствомъ нар. просв. за границу, онъ, послѣ трехъ лѣтняго путешествія, 21 года отъ роду (въ 1845 г) былъ совращенъ въ Латинство и поступилъ въ общество іезуитовъ. Мнѣніемъ госуд. совѣта, состоявшимся въ 1854 г., онъ былъ признанъ изгнанникомъ изъ предѣловъ Россіи съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Обратившись въ ревностнаго католика, онъ шесть лѣтъ пробылъ въ іезуитской коллегіи въ Римѣ, пріобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія, изучилъ шесть Европейскихъ языковъ, кромѣ Латинскаго и послѣдовательно проходилъ должности проповѣдника, экстр. духовника при Парижскихъ монастыряхъ: Sacré-coeur, Visitation, Bon-pasteur и другихъ, былъ учредителемъ и директоромъ Нѣмецкаго общества св. Женевьевы, начальникомъ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ въ окрестностяхъ города. Онъ напечаталъ въ это время болѣе 300 статей въ l'Univers, la Voix de la vérité, l'Ami de la Religion и другихъ, Въ 1852 онъ оставилъ общество Лойолы и задумалъ, однако безъ успѣха, основать въ Парижѣ нѣсколько религіозныхъ обществъ, потомъ въ Римѣ получилъ въ 1854 г. важныя порученія отъ папы. Когда основана была миссія для сѣверныхъ народовъ, то Джунковскій въ 1855 былъ назначенъ ея начальникомъ съ титуломъ «апостольскаго префекта арктическихъ странъ». Въ 1861 онъ женился на Англичанкѣ и, поселясь близъ Стутгардта, занялся изученіемъ писаній отцовъ церкви и окончилъ составляемый имъ съ Лакруа Dictionnaire des missions catholiques (2 ч. 1864). Его занятія отвратили его отъ папизма и привели къ родной его церкви. Въ Январѣ 1866 г. въ придворной церкви въ Стутгардтѣ совершено было протоіереемъ Базаровымъ возсоединеніе его къ православію и разрѣшено ему возвратиться въ Россію, съ дарованіемъ ему прежнихъ правъ состоянія (См. объ этомъ Странникъ 1866, № 5, хроника, 103 — 108 стр). Тогда же онъ напечаталъ Энциклику. Lettre pastorale d'adieu du premier et ancien préfet apostolique des régions arctiques etc., которая содержитъ въ себѣ его автобіографію, весьма любопытныя свѣдѣнія и признаніе несостоятельности Римской церкви (См. Странникъ 1866, № 11, хроника, изъ Вил. Вѣстника). Сконч. въ Петербургѣ 25 Февр. 1870.

Журковскій. Францъ Осиповичъ, старшій докторъ Калинкинской больницы, бывшій 30 лѣтъ помощникомъ доктора Тильмана при Петропавловской больницѣ, одинъ изъ основателей Общества Русск. практич. врачей, опытный врачь, ум. 30 Дек. 1870. (Илл. Календарь 1872, некрологъ, стр. 56).

1) Превращенія въ мірѣ животныхъ. Перев. Спб. 1859.

2) Бальнеодіететика. Руководство для пользующихся за границею минер. водами, сывороткою, виноградомъ, морскими ваннами и климатомъ. Съ Нѣм. Спб. 1859.

Каземъ-бекъ, мирза, Александръ Касимович, Персіанинъ, родомъ изъ Решта, сынъ одного изъ бековъ Дербентскихъ, получилъ Европейское образованіе у Англійскихъ миссіонеровъ въ Астрахани въ 1822—1825 г. и принялъ христіанство (онъ былъ пресбитеріанскаго исповѣданія). Въ Январѣ 1826 онъ поступилъ въ Казанскій унив-тъ лекторомъ Персидскаго языка, съ 1837 занималъ каѳедру Турецко-татарской словесности въ званіи орд. профессора, а въ 1844—1849 каѳедру Арабско-персидской словесности. Въ Ноябрѣ 1849 онъ перешелъ въ Петерб. унив-тъ на каѳедру Персидской словесности и преподавалъ иногда и Арабскій языкъ. Ум. 27 Ноября 1870.

Первые его литер. опыты (съ 1819 г.) были на Арабскомъ и Персидскомъ языкахъ въ рукописяхъ; изъ нихъ въ 1822 напечатанъ въ Астрахани трактатъ объ истинѣ христіанской религіи. Въ Казани онъ напечаталъ нѣсколько текстовъ восточныхъ писателей, переводовъ съ Русскаго на восточные языки и руководство для студентовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ исчисленныхъ здѣсь книгъ, напечаталъ онъ много статей въ журналахъ, которыя наименованы въ Ист. Пет. Унив. Григорьева (стр. 257). Своими статьями въ Journal Asiatique онъ извѣстенъ Европейскимъ оріенталистамъ, и объ немъ говорится въ Histoire des orientalistes de l'Europe par Dugat, 1868. I, 169—185.

1) Тюхфе, разсужденіе на Персидскомъ языкѣ о литературѣ Арабовъ. Казань, 1831.

2) Ассабъ-ус-Сейяръ или «Семь Планетъ»: Исторія Крымскихъ хановъ, соч. на Турецкомъ языкѣ Сеидъ Ризою, съ введеніемъ на Русскомъ. Казань, 1832. 4°.

3) Грамматика Турецко-татарскаго языка. Казань 1839.—2º изд. 1846.

4) Планъ ученаго путешествія по Востоку для молодыхъ оріенталистовъ, кончившихъ курсъ въ Каз. унив-тѣ. 1840.

5) Мухтесеръ-уль-вигкаіе или «Сокращенное вигкаіе: курсъ Мусульманскихъ законовъ по школѣ Ханифитовъ, съ введеніемъ на Русскомъ и примѣчаніями на Арабскомъ. К. 1845. 4º.

6) Мухаммедійѐ, съ предисловіемъ и примѣч. (Поэма написанная въ XV в. на Турецкомъ). К. 1845. 4º

7) Себатъ-уль-Аджизинъ (поэма на Джагатайскомъ нарѣчіи) съ предисловіемъ и примѣч. К. 1847. 8º.

8) Derbend-Nameh, translated from a select turkish version, and publisched with the texts and with notes... St. Pt. 1851. 4°.

9) Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка въ И. Военной Академіи 1854. 3 ч. въ л.

10) Мифтаху-Кунзуль-Курванъ, то есть полный конкордансъ Корана или ключь ко всѣмъ словамъ и выраженіямъ Корана. Спб. 1859, въ л. (Concardance complète du Coran).

11) Бабъ и Бабиды: религіозно-политическія смуты въ Персіи 1844—1852. Спб. 1865.

Кромѣ того изданы Синодомъ его переводы съ Русскаго на Татарскій: Сельскаго Полицейскаго устава, Казань, 1841; Началъ изобразительныхъ и Чина бож. литургіи св. Іоанна Зла-

тоуста, К. 1850; Часослова, К. 1852; Четырехъ Евангелистовъ, Спб. 1855; Дѣяній и Посланій Апостоловъ, 1861.

О немъ въ Исторіи Спб. Унив-та *В. Григорьева*, стр. 256—261.

Кауфманъ. Николай Никалаевичь, ботаникъ, сынъ Моск. аптекаря, р. 8 Фев. 1834, учился въ 3 Моск. гимназіи и Спб. унив-тѣ. Послѣ путешествія за границу въ 1856 г. онъ вступилъ преподавателемъ въ 2-ю Моск. гимназію, потомъ префессоромъ въ Моск. университетъ, гдѣ завѣдывалъ ботаническимъ садомъ; ум. 15 Дек. 1870.

Какъ членъ общества испытателей природы, онъ привелъ въ порядокъ обширный гербарій общества, обновилъ ботаническій садъ университета, изслѣдовалъ и описалъ растительность окрестностей Москвы.

1) Объ анатомич. и химическихъ свойствахъ волоконъ ласточника и достоинствѣ ихъ въ прядильномъ искусствѣ (Изъ Журн. Моск. Общ. Сельскаго Хоз.) М. 1865. 8°, въ 9 рис.

2) Московская флора или описаніе высшихъ растеній и ботанико-географич. обзоръ Московской губерніи съ картою, М. 1866.

3) Вмѣстѣ съ Штраусомъ онъ опредѣлилъ растенія вышедшія въ изданномъ Московск. обществомъ любителей естествознанія Гербаріи Московской флоры, 2 полсотни. М. 1866.

Некрологъ *А. Петунникова* въ Рус. Лѣтописи 1870, № 51.—Памяти Кауфмана *В. Минина*, въ Моск. Вѣдом. № 279.

Кирѣевскій, Николай Васильевичь, помѣщикъ Карачевскаго уѣзда. Ум. 10 Фев. 1870.

Въ Моск. Вѣдом. 1870, № 43, въ некрологѣ его, сказано, что онъ издалъ книжку: „Сорокъ лѣтъ охоты".

Крашенинниковъ. С. П. Ум. 21 Апр. 1870 въ Швейцаріи (Всем. Иллюстраціи т. III стр. 367).

Его статьи въ Сѣв. Пчелѣ, Морскомъ сборникѣ, Военно-Энц. Лексиконѣ и проч. Изъ брошюръ его мнѣ извѣстны: 1 Крушеніе Французскаго линейнаго корабля Сюпербъ. Спб. 1834. 8. (Изъ Сына отеч. N 49). и Некрологія генералъ-маіора В. Б. Броневскаго. *С. К.* Спб. 1835. 8. (Изъ Рус. Инв. №118—119).

Кушелевъ-Безбородко, графъ Григорій Александровичь. Род. 20 Янв. 1832, воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ, служилъ въ канцеляріи комитета министровъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько значительныхъ пожертвованій для Нѣжинскаго лицея князя Безбородки, въ которомъ былъ поч. попечителемъ съ 1855 г., устроилъ на Васильевскомъ острову пріютъ для вскармливанія дѣтей и снабженія Петербурга кормилицами и положилъ капиталъ на основаніе и содержаніе женской богадѣльни на Малой Охтѣ. Ум. 1 Мая 1870 (см. Всем. Иллюстраціи т. III, № 351).

Любя искусства и литературу, онъ писалъ критическія статьи и печаталъ повѣсти (Очерки и разсказы. Спб. 1857), подъ псевдонимомъ *Грыцко-Григоренко*. Въ 1859 году онъ основалъ журналъ: «Русское Слово», въ которомъ есть и его статьи. На его счетъ изданы Памятники Старинной Русской литературы, сочиненія Мея, стих. Ап. Майкова, повѣсти Полонскаго, рисунки къ соч. Гоголя.

Собранія любителей шахматной игры въ его домѣ послужили началомъ учрежденія шахматнаго клуба въ Петербургѣ и печатанія при Рус. Словѣ перваго Русскаго періодическаго изданія, посвященнаго этому предмету

и выходившаго подъ редакціею В. М. Михайлова.

Объ немъ, какъ о попечителѣ Нѣжинскаго Лицея, свѣдѣнія сообщены *Меемъ* въ книгѣ: Лицей Князя Безбородко. Спб. 1859. 4°.

Ласковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, инженеръ, ген. лейт. Окончилъ въ 1822 г. курсъ въ инженерномъ училищѣ, гдѣ потомъ былъ преподавателемъ, а впослѣдствіи профессоромъ фортификаціи, которую преподавалъ также въ военной академіи и въ другихъ заведеніяхъ. Ум. 8 Апр. 1870 въ Петербургѣ, на 69 г. (Всем. Иллюстрація 1869, № 52 и 1870, № 68, стр. 299).

1) Курсъ фортификаціи. Ч. I. Долговременная фортификація, съ атласомъ на 28 листахъ. Спб. 1864 (составленъ вмѣстѣ съ Н. Болдыревымъ).

2) Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 3 ч. Спб. 1859—1861. Съ атласомъ чертежей (Доведено до ц. Екатерины II; на юбилей инженерной академіи 1869 г. имъ представленъ былъ 4-й томъ этого сочиненія вмѣстѣ съ оконченною имъ «Полевою фортификаціею»).

Львовъ. Алексѣй Ѳедоровичъ, оберъ-гофмейстеръ, сынъ т. сов. Ѳедора Петровича, р. 1799. Окончивъ курсъ первымъ ученикомъ въ институтѣ путей сообщенія въ 1818, онъ служилъ у гр. Аракчеева адъютантомъ и по иженерному вѣдомству, съ 1818 у гр. Бенкендорфа, съ 1824 флигель-адъютантомъ, а въ 1837 назначенъ директоромъ придворной пѣвчевской капеллы, которою управлялъ 25 лѣтъ. Участвовалъ въ Турецкой войнѣ; съ 1828 по 1839 слѣдовалъ за Государемъ во всѣхъ его путешествіяхъ, съ 1851 г. назначенъ былъ управляющимъ дѣлами имп. главной квартиры и конвоя. Впослѣдствіи переименованъ былъ въ тайные совѣтники, съ званіемъ гофмейстера, въ 1855 назначенъ сенаторомъ, потомъ оберъ-гофмейстеромъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ былъ пораженъ глухотою. Скончал. 16 Декабря 1870 въ имѣніи своемъ, близъ Ковны.

Львовъ сочинилъ въ 1833 извѣстный гимнъ «Боже Царя храни», нѣсколько оперъ, хоровъ, переложеній для оркестра, множество церковныхъ піесъ, писалъ для скрипки, изучилъ и преобразовалъ наше церковное пѣніе.

1) О пѣніи въ Россіи. Спб. 1834. 12°.

2) О церковныхъ хорахъ. Спб. 1853. 8°.

3) О свободномъ или не метрическомъ ритмѣ. Спб. 1858. съ нотами. Ueber den freien Rhytmus des Altrussischen Kirchengesanges von Alexis v. Lvof. St. Pet. 1859. 8°; съ 11 листами нотъ.

Новыя подробности о Россійск. капеллѣ и трудахъ ея директора *А. Львова*. (Изъ статьи Берліоза въ Journ. des Débats) Спб. Вѣдом. 1852 № 10. Фестиваль 17 Янв. 1862 въ память двадцатипятилѣтняго управленія Львовымъ придворною пѣвческою капеллою. Спб. тип. III отд. 1862. 8°. 7 стр.—Справ. Энц. Словарь VII, 305.—Голосъ 1870, № 353.—Записки М. И. Глинки.—Біогр. очеркъ *Д. Столыпина* въ Всем. Иллюстраціи 1871, № 107 и 108, съ портретомъ (извлечено изъ біографіи составленной къ 25 лѣтнему юбилею его управленія капеллою, съ оцѣнкою его заслугъ какъ композитора и музыканта). Статья гр. Д. Н. Толстаго въ Р. Архивѣ 1871, стр. 1306.

Матчерскій. Петръ Ивановичъ, профессоръ душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ Моск. унив-тѣ.

Воспом. о немъ *Д. Х.* въ Соврем. Лѣтописи. Моск. Вѣдомостей 1870 № 33.

Медемъ, баронъ Николай Васильевичь, генералъ отъ артиллеріи. Род. въ 1796. Получивъ университетское образованіе, поступилъ въ 1813 г. въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію и участвовалъ въ заграничной кампаніи. Послѣдующая служба его вся посвящена была дѣятельности военно-ученой и военно-учебной. Въ 1823, поступивъ преподавателемъ въ артиллерійское училище, онъ въ 1826 г. назначенъ инспекторомъ его классовъ. При учрежденіи военной академіи, ему поручено было приготовить преподавателей, и въ 1833 онъ назначенъ профессоромъ стратегіи, военной исторіи и военной литературы, потомъ присутствовалъ въ совѣтѣ академіи. Въ 1847 онъ былъ откомандированъ за границу для наблюденія за посылаемыми, для практическаго образованія, офицерами. Въ концѣ 1848 назначенъ предсѣдателемъ военнаго цензурнаго комитета (упраздненнаго въ 1858). Въ 1858 снова былъ за границею для составленія описанія военно-учебныхъ заведеній. По возвращеніи назначенъ въ 1860 членомъ главнаго правленія цензуры и предсѣдателемъ Спб. цензурнаго Комитета; въ 1862 членомъ совѣта мин. вн. дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, а въ 1864 предсѣдателемъ главнаго военно-учебнаго комитета. Ум. 24 Фев. 1870.

1) Тактика, 2 ч. (I, чистая и II, прикладная). Спб. 1837—38. 8°, съ 3 планами. Изд. 2-е части 1-й 1838.

2) Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи. Спб. 1836. 8°.

3) Описаніе военно-учебныхъ заведеній Пруссіи. Спб. 1851. 8°.

4) Записки о замѣчат. перемѣнахъ, усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ по части тактики, предст. барономъ Медемомъ въ 1843 г. Спб. 1857. 8° (Изъ Рус. Инвалида, № 90 и 91).

Біографія въ Справочномъ Энц. Словарѣ Старчевскаго, т. 9, ч. I, 358. Некрологъ въ Рус. Инвалидѣ, № 50. *А. Л.*

Метлинскій, Амвросій Лукьяновичь, кандидатъ (1835), магистръ (1843), адъюнктъ по каѳедрѣ Рус. словесности въ Харьковскомъ университетѣ, изъ котораго въ 1850 переведенъ въ унив-тъ св. Владиміра, гдѣ получилъ степень доктора Славяно-русской филологіи, въ 1851 опредѣленъ профессоромъ, а въ 1854 снова переведенъ въ Харьковскій ун., изъ коего уволенъ, по болѣзни, въ 1858 г. Застрѣлился въ припадкѣ ипохондріи въ Ялтѣ 17 Іюня 1870 г. (Всем. Иллюстрація, III, 559).

1) Думки и пѣсни — Та ште де исчо, *Амвросія Могилы*. Харьковъ, 1839.

2) О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ Х. 1839. 8° (Магистерская диссертація).

3) Рѣчь объ истинномъ значеніи поэзіи. Х. 1843. 12°.

4) Южный Русскій сборникъ. Х. 1848. (на Малоросс. нарѣчіи).

5) Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи. Х. 1850.

6) Народныя южно-русскія пѣсни. Кіевъ. 1854.

Онъ же издалъ: Байки и прибаутки. Боровиковскаго 1850.

Объ немъ въ отчетѣ Харьк. унив. 1857—1858 г., *И. Коссова*, стр. 27.

Морошкинъ. Михаилъ Яковлевичь, сынъ священника Бѣжецкаго у. Твер. г. села Андреевскаго. По окончаніи курса въ Тверской семинаріи, онъ въ 1841 поступилъ въ Спб. дух. академію; потомъ баккалавромъ математики въ Казанскую академію, но черезъ полгода занялъ каѳедру Рус-

ской исторіи и съ того времени полюбилъ историческія занятія. Въ 1848 г. (въ Декабрѣ) онъ опредѣленъ священникомъ въ Казанскій соборъ. Сконч. 18 Апрѣля 1870 г. 49 лѣтъ.

Ему принадлежитъ починъ въ возбужденіи вопроса о выборномъ началѣ въ церковнослуженіи: онъ напечаталъ объ этомъ статью въ Духѣ Христіанина: «Правила Синода 1825 г. по поводу предложенія митрополита Евгенія», и потомъ замѣчательную статью въ Голосѣ 1869, № 284 и слѣд. Занимаясь, по вызову графа М. А. Корфа, собираніемъ матеріаловъ для исторіи церкви въ царствованія Николая I, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ данныя для своихъ изслѣдованій о Іезуитахъ въ Россіи. Есть его статьи въ Извѣстіяхъ Арх. Общ. и въ разныхъ журналахъ; они указаны въ статьѣ о немъ въ Всем. Иллюстраціи т. III, 474.

1) Іезуиты въ Россіи въ ц. Екатерины II и до нашего времени. 2 ч. Спб. 1867—1870. 8°.

2) Славянскій именословъ или собраніе различныхъ Славянскихъ именъ. Спб. 1867.

Біографія. Всем. Илл. т. III, № 71 и 79 (1870), съ портретомъ.

Нейкирхъ, Иванъ Яковлевичь, (Ioh. Henr. Neukirch). Курляндецъ, р. 1803, получилъ образованіе въ Дерптскомъ унив., потомъ былъ посланъ за границу и получилъ въ 1833 г. степень доктора философіи въ Лейпцигѣ. По возвращеніи изъ за границы былъ въ Дерптѣ приватъ-доцентомъ, въ 1837 выдержалъ экзаменъ на степень доктора философіи и опредѣленъ профессоромъ Греческой словесности и древностей въ университетъ св. Владиміра. Въ 1838 онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; былъ избираемъ нѣсколько разъ ректоромъ и деканомъ. Каѳедру онъ занималъ до увольненія, по болѣзни, въ 1868 г. умеръ 3 Окт. 1870 г.

1) De descrimini mimi, qui proprie dicitur explanipediae, Dorpati, 1829.

2) De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae, Lipsiae, 1833.

3) In Platonis politiam quaestionum philologicarum particula I. Lipsiae, 1834; part II, Dorpati, 1835. 8°.

4) De indicativo et conjuctivo modo in utenda *quum* particula disputationis pars prima, Dorpati, 1837.

5) Рѣчь о важности изученія древней Греческой словесности. Кіевъ, 1840.

6) Dichtercanon. Ein Versuch, die vollendesten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen aufzuzeichnen, nebst gedrängter Vorbereitung auf das Lesen der angeführten Schriften und Angabe der gewandtesten deutschen Ueberstzungen. Kiew. 1853.

7) Historiae litterarum graecarum summarium. 1863.

В. Шульгина: Ист. Унив-та св. Владиміра, стр. 116.—Кіевскія Унив. Извѣстія 1870, № 10, стр. 1—16, некрологъ и рѣчь *А. Линниченко*, гдѣ указаны и оцѣнены заслуги Нейкирха университету.

Поповъ, Николай Егоровичь, молодой ученый, профессоръ лѣсоводства въ Петровской Моск. академіи; ум. въ Авг. 1870 (Бирж. Вѣдом. № 368).

Онъ написалъ курсъ лѣсной технологіи и перевелъ вмѣстѣ съ Ѳ. К. Арнольдомъ соч. Россмесслера: Лѣсъ Спб. 1866.

Поповъ, Николай Ивановичь. Родомъ изъ дворовыхъ людей, р. 1834 г., лѣтъ 20-ти поступилъ переплетнымъ мастеромъ при типографіи Моск. унив-та. Онъ любилъ чтеніе, особенно ду-

ховныхъ книгъ и по своему религіозному направленію полемизировалъ съ раскольниками, для чего собралъ значительную библіотеку рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя издалъ, и напечаталъ нѣсколько статей. Собраніе своихъ рукописей онъ пожертвовалъ, по завѣщанію, Московскому музею, о чемъ есть извѣстіе *Е. Барсова*, съ исчисленіемъ главнѣйшихъ рукописей (Голосъ 1871, № 163). Онъ издалъ: Сборникъ для исторіи старообрядчества, Т. I (3 выпуска) М. 1864—1866. 8°. (Свѣдѣнія о поповщинѣ Рогожскаго кладбища и безпоповщинѣ Преображенскаго и статья Попова: Что̀ такое современное старообрядчество). Т. II, выпуски IV и V М. 1866. (Историческіе очерки бѣглопоповщины на Иргизѣ въ 1762—1866 г. съ приложеніемъ Словаря и Каталога старовѣрческой церкви Павла Любопытнаго). Съ портретами.

Прохоровъ, Е. Е. извѣстный въ Петербургѣ устройствомъ домашнихъ спектаклей, авторъ нѣсколькихъ пьесъ: Брантмейстеръ, Мастеровой и проч. Ум. въ Окт. 1870. (Всем. Илл. IV, 751 стр.)

Рачь, Василій Ѳедоровичь, генералъ-маіоръ, въ отставкѣ съ 1869. Ум. въ Козловскомъ уѣздѣ 2 Янв. 1870.

1) Свѣдѣнія объ артиллеріи Гатчинскихъ войскъ. Спб. 1851. 8°. Съ атласомъ рисунковъ.

2) Публичныя лекціи, читанныя при гвард. артиллеріи въ 1859. Тоже за 1860 и 1861. (Изъ Артилл. Журнала).

3) Свѣдѣнія о Ермоловѣ. Изъ Артилл. Журнала 1861. № 7 и 11.

4) Свѣдѣнія объ Аракчеевѣ. Спб. 1864. (Изъ Военнаго Сборника 1861 и 1864).

5) Свѣдѣнія о Польскомъ мятежѣ 1863 въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. 2 ч. Вильно. 1867 — 1868. La Russie lithuanienne jusqu'à la chute de la Pologne. Materiaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863 Trad. du russe. Paris, 1869. 8°.

6) Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1836. Вильна, 1866. 8°.

7) L'Autriche et le polonisme. Matériaux pour servir à l'histoire de l'insurrectiou de 1863. Paris. 1869. 8°. Иллюстр. Газета 1870, № 10.

Розоновъ, С. М. главный ботаникъ Спб. ботаническаго сада по части растительной біологіи, написавшій нѣсколько статей по ботаникѣ, ум. въ концѣ 1870. (Всем. Иллюстрація, IV, № 103, стр. 866).

Рупрехтъ, Францъ Ивановичъ, д. мед.. д. ст. сов., академикъ и директоръ ботаническаго сада акедеміи наукъ. Р. въ Фрейбургѣ, въ Брейзгау, 1 Ноября 1814, сынъ Австрійскаго офицера, учился въ Пражскомъ унив-тѣ, по медиц. факультету и занимался ботаникою. Первый трудъ его: Tentamen agrostographiae universalis послужилъ ему докторскою диссертаціею. Въ 1837 онъ познакомился съ Триніусомъ, который доставилъ ему мѣсто консерватора ботаническаго музея при Спб. академіи, и онъ въ началѣ 1839 переселился въ Петербургъ. Въ 1847, женившись, онъ поступилъ въ Русское подданство. Избранный въ 1848 въ адъюнкты академіи, онъ былъ повышенъ въ экстр. (1853) и орд. академики (1857), съ 1851 по 1855 былъ старшимъ помощникомъ директора ботанич. сада, съ 1855 директоромъ ботанич. музея, и профессоромъ ботаники въ педагогическомъ институтѣ съ 1854 по 1859. Ум. 23 Іюля 1870.

Начавъ съ изученія злаковъ и монографіи о бамбуковыхъ, описалъ во-

доросли, собранныя во время кругосвѣтной экспедиціи подъ начальствомъ Ѳ. П. Литке, въ 1841 объѣхалъ для ботанич. изслѣдованій мало-земельную тундру Самоѣдовъ, потомъ занялся изученіемъ тайнобрачныхъ и водорослей и приступилъ къ описанію Петербургской флоры и къ изслѣдованіямъ ботанической литературы. Послѣдними занятіями его были флора Кавказа, куда онъ ѣздилъ въ 1860 и изслѣдованіе Русскаго чернозема, для онъ чего совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи. Кромѣ отдѣльно изданныхъ трудовъ Рупрехта (изъ коихъ нѣкоторыя весьма обширныя и цѣнныя по критической и подробной разработкѣ матеріала) онъ оставилъ множество статей въ изданіяхъ академіи. Полный списокъ его сочиненій (числомъ 78) приложенъ г. Максимовичемъ къ его статьѣ о Рупрехтѣ, въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, т. XX.

Собко. Петръ Ивановичъ, д. с. с., инженеръ. Род. въ Кіевѣ, въ 1819 г., учился въ Нѣжинской гимназіи (потомъ въ лицеѣ) и въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ по окончаніи курса (въ 1840 году) былъ репетиторомъ, потомъ профессоромъ нѣсколькихъ предметовъ. Кромѣ того онъ преподавалъ теоретич. механику въ горномъ институтѣ (1843 — 1855) и практич. механику и аналитич. геометрію въ 1-мъ кад. корпусѣ (1846 — 1849) и читалъ лекціи въ горномъ институтѣ и въ строительн. училищѣ. Онъ участвовалъ въ составленіи проэкта моста черезъ Неву, сооруженнаго Кербедзомъ. Въ послѣдніе годы онъ былъ главнымъ инженеромъ при ремонтѣ путей и зданій, подвижнаго состава и тяги на Петербургско-варшавской линіи. Ум. въ Ноябрѣ 1870 (Моск. Вѣд. № 255).

Его статьи въ журналѣ Гл. Управленія Путей Сообщ. съ 1841 года.

—Памятная книжка для инженеровъ и архитетекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, физикѣ, геодезіи, строительному искусству и практической механикѣ. Ч. I. Чистый математич. анализъ. Общая геометрія. Общая механика. Физика (Составилъ съ Вл. Глуховымъ). Спб. 1854. 12°.

Біографія, *Д. Журавскаго* въ книгѣ: Лицей кн. Безбородко. Спб. 1859, стр. 133 — 136 и списокъ статей, стр. 205.

Устряловъ, Николай Герасимовичъ, историкъ, тайн. сов., поч. членъ Спб. унив-та и академикъ. Уроженецъ Мало-архангельскаго у. Орлов. г. (р. 4 Мая 1805), воспитанникъ Орловской семинаріи и Спб. унив-та, онъ въ 1824 г. поступилъ въ канцелярію министерства финансовъ, но черезъ шесть лѣтъ перешелъ на ученое поприще учителемъ (1827) Спб. 3-й гимназіи, потомъ черезъ два года лекторомъ Спб. унив-та, прежде Русскаго языка, потомъ исторіи. Съ 1834 г. онъ сталъ читать Русскую исторію и получилъ извѣстность въ литературѣ изданіемъ нѣсколькихъ историческихъ источниковъ и учебниковъ и изслѣдованіями, особенно о царствованіи Петра Великаго, которыми онъ занялся преимущественно съ 1842, работая въ архивахъ Русскихъ и иностранныхъ. Въ 1834 онъ утвержденъ былъ экстр. профессоромъ Русской исторіи, которую преподавалъ до 1859 г. и кромѣ унив-та въ педагогич. институтѣ и военной академіи. За диссертацію: о системѣ прагматической Рус. исторіи, 1836 получилъ степень доктора философіи и званіе адъюнкта

академіи, въ которой въ послѣдствіи былъ орд. академикомъ. Ум. 8 Іюня 1870 въ Царскомъ Селѣ.

1) Состояніе Россійской державы и Великаго Княжества Московскаго, съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ государей, съ 1590 г. по Сент. 1606. Соч. капитана *Маржерета*. Пер. Н. У. Спб. 1830. 12° (съ снимкомъ подписи Самозванца).

2) Сказанія князя Курбскаго. Ч. I. Исторія Іоанна Грознаго. Ч. II. Переписка. Спб. 1833. 8°, съ портретомъ Іоанна. 2-е изд. доп. Спб. 1842. 8°. Изд. 3-е, Спб. 1870.

3) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ 5 ч. Спб. 1831—1834 8°. Переводъ съ примѣч. ч. I Берова лѣтопись Московская. ч. II Георгій Паерле; ч. III Маржеретъ и Де-Ту. ч. IV Дневникъ Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ. ч. V. Маскевичъ. Съ портретами Самозванца, Марины и картою Изд. 2-е 1837. 3-е 1859.

4) Русская исторія. 3 ч. Спб. 1837—1838, 8°, съ картами. 2-е изд. 1839, части IV и V, 1840—41. 12° 3-е изд. съ 5 картами и 36 планами 2 ч. (Прежнія пять) Спб. 1845, 8°. 4-е съ обозрѣніемъ ц. Николая I съ 5 картами и 45 планами, 2 ч. 1849. 8°. 5-е изд. 2 ч. 1855. 8°. Die Geschichte Russlands. Aus dem rus. v. E. W. Wiedemann. Stuttg. u. Tüb. 1840—1843. 2 ч. 8°.

5) Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ Русской Исторіи должно занимать великое княжество Литовское? Спб. 1838.

6) Начертаніе Русской Исторіи для учебныхъ заведеній. Спб. 1839 (два изд.), 1840, 1842, 1845, 1847, 1848, 1850, 1851, 1854 (Принято учебникомъ въ гимназіяхъ. Переведено на Нѣм. Бракелемъ, Рига, 1841).

7) О монастырскихъ имѣніяхъ въ Россіи (Mémoires de l'Acad. IV série, T. IV, 1840.)

8) Руководство къ первоначальному обученію Русской исторіи. Спб. 1840 (два изданія); 3-е 1843, въ 16 д. съ атласомъ; 4-е 1845, 5-е 1847, 6-е 1848 7-е 1851; 9-е 1854, 12°; 11-е 1859. Anleitung zur ersten Erlernung der Russ. Geschichte. Mitau, 1842 8°. (v. Kuhlberg), Id. ibidem, 1846; Grundriss der Gesch. Russlands fürmittl. Lehranstalten übers. v. Brackel, Riga 1841, 8°. Польскій переводъ Заторскаго, Варшава 1841 и 1850. 12°.

9) Именитые люди Строгановы. Спб. 1842. 8°, съ портретомъ Петра Великаго, картою и проч.

10) О состояніи Россіи предъ восшествіемъ на престолъ Петра Великаго, рѣчь въ академіи, 1842.

11) Историческое обозрѣніе царствованія Г. И. Николая I. Спб. 1847. 8°. Переводы: Obraz historyczny panowania naijasniéjszego cesarza Mikolaja I. przel. przez *Kumelskiego*. Warszawa, 1847. Przegląd historyczny panowania Nikolaja I przel. P. D. (Дубровскій). W. 1847. N. Ustrialoff historisk ôfversigt of Kejsar Nicolai I regering. Helsingfors, 1850. Revue historique du règne de l'emp. Nikolas I. Trad. par *E. Babouchkine*. St. Pét. 1851 (Этотъ переводъ не былъ выпущенъ въ обращеніе). An historical review of the reign of the emperor Nikolai. Transl. by *W. Roberts*. London, 1854. Historische Uebersicht der Regierung Nikolaus I. Ueb. v. *Alex. Andrejanoff*. Mitau u. Leipzig. 1855.

12) Русское войско до Петра Великаго, рѣчь на актѣ Спб. унив. 1856.

13) Разсказъ Штелина о письмѣ Петра Великаго къ Сенату съ бере-

говъ Прута. Спб. 1859. (Мѣсяцословъ на 1859 г.)

14) Исторія царствованія Петра Великаго. Спб. 1858. 8°. Ч. I. Господство ц. Софіи. Съ портретомъ и снимкомъ. Ч. II. Потѣшные и Азовскіе походы. Ч. III. Путешествіе и разрывъ съ Швеціею. Ч. IV (битва подъ Нарвою и начало побѣдъ). 1864. Ч. VI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ 1859 съ 5 снимками, съ 2 картинами, родосл. таблицею и портретомъ. Le procès du tsarévitch Alexis Petrovitch. Trad. du russe par C. de White. Leipzig, 1860. Отрывки этого труда были печатаны въ Журналѣ Мин. Н. Пр. и въ другихъ журналахъ.

Отмѣтимъ также Русскую Исторію по руководству Устрялова, 1 часть, Варшава, 1838. 8°. (Реестръ Ольхина № 1643) и *Rittersberg*, Dějiny Ruske od nějstaršich dob až do nejnowejšeho miru Parižkeho. Hlavně však podle Ustrjalova. Praha, 1857. 12°, въ каталогѣ И. Пуб. Б-ки по иноязычн. отд., гдѣ еще указано подъ его именемъ: Die Schlachten Russlands von 1700 bis 1831, Riga u. Leipzig. 1857. 8°.

Свѣд. о немъ *Григорьева* Ист. Спб. Унив. стр. 222—225. Справочный Энц. Словарь Старчевскаго X, 676.—Отчетъ Академіи Наукъ за 1870, въ Запискахъ Академіи т. XIX, кн. 1, стр. 3—7. Краткая біографія въ Портретной Галлереѣ Мюнстера т. II (Спб. 1869), стр. 54—56.

Ушинскій, Константинъ Дмитріевичь, педагогъ. Сынъ дворянина, р. въ Тулѣ, въ 1824; учился въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, въ 1840 — 1844 въ Моск. унив-тѣ, изъ котораго поступилъ въ Ярославскій Демидовскій лицей, гдѣ преподавалъ энциклопедію законовѣдѣнія, государственное право и науку финансовъ. Около 1850 онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ служилъ въ министерствѣ вн. дѣлъ и занялся литературою. Нѣсколько рецензій и серьозныхъ статей его напечатано въ Современникѣ (1852—1854); потомъ онъ участвовалъ въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ 1855 онъ поступилъ въ Гатчинскій институтъ учителемъ, потомъ былъ инспекторомъ классовъ. Съ этого времени начинается его вліятельная педагогическая дѣятельность. Изучая педагогич. литературу, онъ изрѣдка сообщалъ статьи по занимавшему его предмету въ Журналѣ для Воспитанія, съ 1857 (одна изъ нихъ: три элемента школы, подписана псевдонимомъ *Виссаріона Жукова)*. Затѣмъ появились его извѣстныя книги: Дѣтскій міръ и Родное Слово, имѣвшіе огромный успѣхъ и значеніе. Служба Ушинскаго была замѣчена, и въ 1859 онъ переведенъ былъ инспекторомъ классовъ въ и. воспит. общество благор. дѣвицъ и Александровское училище. Кромѣ того, при преобразованіи въ 1860 г. Журнала Мин. Нар. Пр., которому тогда данъ былъ характеръ спеціально-педагогическій, Ушинскому поручена была его редакція, и онъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей. Въ Ноябрѣ 1861 онъ оставилъ службу по министерству нар. просв., продолжая однако печатать статьи въ его журналѣ. Съ 1862 по 1867 онъ прожилъ съ семействомъ за границею, преимущественно въ южной Европѣ, изрѣдка пріѣзжая въ Россію по дѣламъ. Онъ лечился и изучалъ устройство школъ народныхъ, особенно въ Швейцаріи (см. письма его объ нихъ въ Журналѣ М. Н. Пр. 1862—1863). Въ 1867 онъ возратился въ Петербургъ, изъ котораго ѣздилъ на югъ Россіи и въ свою деревню Новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Внезапная смерть его 17 лѣтняго сына сильно подѣйствовала на

его здоровье; онъ переѣхалъ изъ деревни въ Кіевъ, потомъ въ Одессу, гдѣ сконч. 21 Дек. 1870.

1) О камеральномъ образованіи. М. 1848.

2) О нравственномъ элементѣ въ Русс. воспитаніи. 8°. (Изъ Журнала М. Н. Пр. 1860, № 11 и 12).

3) Воскресныя школы. Письмо въ провинцію. Спб. 1861.

4) Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Назначается для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, 2 ч. Спб. 1861. (Изд. 1-е и 2-е). Съ таблицами. Изд. 4-е 1863; Изд. 5-е 1864, 6-е 1865, 8-е съ 205 рис. 1868.

5) Родное Слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ первый. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ. Спб. 1864. 8°. Изд. 2 и 3-е исправл. 1865. Изд. 4-е 1867.— Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 2-е испр. 1865; 3-е 1866.—Годъ третій. Начальная практич. грамматика съ хрестоматіею. 1870.—Родное Слово. (Книга для учащихъ). Совѣты родителямъ и наставникамъ о преподаваніи роднаго языка по учебнику: Родное Слово, годъ 1 и 2. Спб. 1864.—Изд. 2-е и 3-е 1865.

6) Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. 2 ч. Спб. 1868.

Біогр. очеркъ ***Ю. Рехневскаго***, въ Вѣстникѣ Европы 1871, № 2, хроника, 883-902 (Здѣсь указаны его соч. и журнальныя статьи). Біогр. ***В. Стоюнина***, въ Спб. Вѣдом. 1871, № 49. Некрологъ, съ портретомъ въ Журналѣ: Семья и Школа 1871, № 2.

Филимоновъ, Николай Ивановичъ. Драматическій писатель. Ум. 16 Фев. 1870 на 65 г. Первая піеса, поставленная на Петербургской сценѣ, была водевиль: Билетъ пятиклассной лотереи. Успѣхомъ пользовались его водевили: оригинальный «Молодая Мачиха» и переводный «Мельничиха въ Марли». Въ его драмѣ въ стихахъ «Князь Серебряный» дебютировала извѣстная драматическая актриса Вѣра Вас. Самойлова. Онъ перевелъ съ Нѣм. драму Гольма: Философскій камень и съ Французскаго Школу мужей и Мнимый рогоносецъ. Всего онъ поставилъ на сцену 14 пьесъ; нѣкоторыя были напечатаны въ Пантеонѣ и Репертуарѣ.

Статья о немъ ***Л. Трефолева*** въ Яросл. Г. Вѣдом. 1870, № 11.

Фонъ-Юнкъ, Алфредъ, издатель Кіевскаго Телеграфа, ум. 13 Авг. 1870, въ Кіевѣ (Бирж. Вѣдом. № 319).

Его статьи встрѣчаются въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ и въ Сѣв. Пчелѣ. Изъ изданныхъ имъ книгъ въ моихъ библіогр. листкахъ значатся слѣд.:

1. Тетушка-невѣста, комедія-водевиль. К. 1850. 12°.

2. Стихотворенія и куплеты изъ ненапечатанныхъ водевилей. Кіевъ. 1851. 8°.

3. Проказы Кіевлянина въ Васильковѣ, ком. въ 1 д. К. 1855. 8°.

4. Басни Ив. Андр. Крылова, драма-водевиль въ 1 д. К. 1855.

5. Полное практическое руководство приготовленія Кіевскихъ сиропныхъ вареньевъ, повидлъ, постилы и сухихъ плодовыхъ конфектовъ. К. 1858.

6. Практическое руководство къ приготовленію Польскихъ бабъ, пляцковъ и мазурковъ. К. 1860.

Харашъ, Яковъ Давидовичь, студентъ Одесскаго универтитета, извѣстный статьями и брошюрами по Еврейскому вопросу, какъ сказано во Всем. Иллюстраціи (III, 543), ум. въ Одессѣ 13 Іюля 1870 г. на 23 году.

Шакѣевъ Александръ Венедиктовичь д. с. с. ум. 13 Сент. 1870. Начальникъ пансіона при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Онъ участвовалъ съ И. Шульгинымъ въ составленіи Руководства всеобщ. и Рус. исторіи. Курсъ 4-го общаго класса Изд. 2-е Спб. 1856. Памяти А. В. Шакѣева, *К. Тимоѳѣева.* Спб. 1870. 12°, 4 стр.

Шопенъ, Иванъ Ивановичь, ст. сов., Французъ, прибывшій въ Россію въ 20-хъ годахъ, бывшій долго на службѣ на Кавказѣ, потомъ состоявшій при министерствѣ госуд. имуществъ. Ум. въ Спб. 5-го Авг. 1870, въ глубокой старости. Онъ занимался исторіею и этнографіею Востока, особенно Грузіи и Арменіи, и оставилъ много матеріаловъ и значительную библіотеку (Бирж. Вѣдом. № 314).

1. Объ ирригаціи и о пользѣ распространенія искусств. орошенія полей въ большомъ размѣрѣ въ Россіи. Спб. 1845.

2. Хозяйственные очерки части Аракской долины, вошедшей въ составъ Грузино-Имеретинской губерніи. Спб. 1843. 8° (Изъ Трудовъ Вол. Эк. Общ.).

3. Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Росс. имперіи, 5 ч. Спб. 1852.

Штакельбергъ, графъ Эрнестъ Густавовичь, ген. лейт. Род. 2 Апр. 1814, второй сынъ графа Густава Магнуса и внукъ Екатерининскаго дѣятеля. Въ молодыхъ лѣтахъ, поступивъ въ 1832 г. въ военную службу, былъ адъютантомъ князя Чернышева. Будучи нѣсколько разъ на Кавказѣ, онъ занялся этнографическимъ его описаніемъ, послужившимъ текстомъ къ великолѣпному изданію князя Гагарина: Caucase. Находясь въ Алжирѣ, онъ составилъ замѣчательную записку о Французской арміи и назначенъ былъ въ 1848 военнымъ агентомъ въ Парижъ, потомъ переведенъ въ 1851 въ Вѣну. Во время Крымской войны онъ находился въ Севастополѣ, а по заключеніи мира посланъ былъ въ 1856 г. въ Туринъ для возобновленія дипломатическихъ сношеній съ королемъ. Въ 1861 и 1862 состоялъ при Мадридскомъ дворѣ, откуда возвращенъ снова въ Туринъ, въ 1864 опредѣленъ посломъ въ Вѣну и въ 1868 въ Парижъ, гдѣ скончал. 12 Мая (30 Апр.) 1870. Онъ напечаталъ книжку Франц. стихотвореній, кажется подъ загл. Sylvia.

Le Caucase pittoresque, dessiné d'après nature par le pr. Grégoire Gagarine, avec une introduction et un texte explicatif par le comte Ernest Stackelberg. Paris, 1857, in fol. (Сто литографій, частію пѣч. красками, въ 20 выпускахъ). Некрологъ: Neue Preussische Zeitung № 113. — Всем. Иллюстрація т. III, № 73, стр. 370, съ портретомъ.

Щеглвъ, Николай Тихоновичь, р. 1800. Уроженецъ Тульской губ., воспитывался въ Тульской семинаріи и педагогич. институтѣ. Въ 1823 назначенъ былъ преподавателемъ физики и геометріи и въ 1829 утвержденъ адъюнктомъ. Физику онъ читалъ до 1831 какъ адъюнктъ профессора Щеглова (Ник. Прокофьича), потомъ одинъ до 1835, когда вступилъ въ унив-тъ Ленцъ, послѣ чего читалъ до 1840 «физику невѣсомыхъ тѣлъ»; кромѣ того съ 1825 по 1831 начертат. геометрію. Съ 1836 былъ

профессоромъ въ Александровскомъ лицеѣ. Это былъ дѣльный преподаватель, усердно преданный наукѣ. Ум. 31 Дек. 1870.—Ариѳметика. Спб. 1832, 1834, 1835, 1837, 1840, 1842, 1844. 8° съ испр. и дополненіями, 1848.—9-е изд. 1854; послѣднее 12-е 1866 г.

1) Химія, Спб. 1841. 8° (для военно-уч. заведеній). Начальныя основанія физики 2 ч. 1834. 8°, 2-е изд. передѣланное и увелич. Спб. 1838—39. 8. Новое изд 2 ч. Спб. 1845.—Продолженіе 2-й части. 2) Метеорологія, 1846. 3) Начальныя основанія алгебры, съ таблицами степеней числъ отъ 1 до 1000. Спб. 1853 и 1857. 4) Таблица Бригговыхъ логориѳмовъ числъ и тригонометрич. линій, о семи десятичныхъ, съ подробнымъ наставленіемъ ихъ употребленія и съ прилож. различныхъ вспомогат. таблицъ, формулъ и проч. Спб. 1856.

Справочный Энц. Словарь XII, 344.—Записка о Спб. Унив. *В. Григорьева.*—Иллюстр. Календарь 1872, некрологъ, стр. 79.

В. И. ДАЛЬ.

22 Сент. 1872 г. кончилъ въ Москвѣ трудовую, многополезную жизнь свою Владиміръ Ивановичъ Даль, одинъ изъ старѣйшихъ Русскихъ писателей, полигисторъ, этнографъ, филологъ, естествоиспытатель, врачъ и въ то же время пріобрѣтшій почетную извѣстность дѣятельностью въ государственной службѣ.

В. И. Даль родился 10-го Ноября 1801 года, въ Екатеринославской губерніи, въ Лугани, гдѣ отецъ его, человѣкъ отлично образованный, богословъ и лингвистъ, состоялъ докторомъ при литейномъ заводѣ. Отсюда псевдонимъ *Казака Луганскаго*, съ которымъ долгое время являлись въ печати сочиненія Даля. Отецъ Даля былъ по происхожденію Датчанинъ. Онъ умеръ около 1823 года въ Николаевѣ, генералъ-штабъ-докторомъ Черноморскаго флота. Мать Даля была Нѣмка, родомъ Фрейтагъ, по женскому колѣну происходившая отъ Французскихъ протестантовъ Де-Мальи. Любовь къ ученію и къ словесности была, такъ сказать, въ крови Даля: его бабка, Марья Ивановна Фрейтагъ, переводила и печатала порусски Нѣмецкія драмы (въ Росписи Смирдина №№ 7207 и 7268).

Даль учился въ Петербургѣ, въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда опредѣленъ въ 1819 г. на службу въ Черноморскій флотъ. Покойникъ разсказывалъ намъ, какъ, ѣдучи изъ Петербурга въ Николаевъ, почти мальчикомъ, онъ удивлялся разницѣ между языкомъ Русскимъ, какимъ говорили у нихъ въ корпусѣ и въ Петербургѣ и языкомъ простонародья, съ которымъ онъ тутъ въ первый разъ встрѣтился на пути изъ одного конца Россіи въ другой. Съ дѣтства любознательный и привыкшій уяснять себѣ получаемыя впечатлѣнія, онъ тогда же началъ записывать слова народныя и положилъ первое начало будущему великому труду своему въ изученіи Русской рѣчи.

Въ Николаевѣ не посчастливилось молодому мичману вслѣдствіе гоненія отъ адмирала Грейга: юноша написалъ какіе-то стихи про одну Еврейку, покровительствуемую его начальникомъ, и долженъ былъ оставить Николаевъ. Его перевели въ Балтійскій флотъ. Черезъ два года онъ произвольно бросилъ морскую службу и

отправился въ Дерптъ, гдѣ въ Январѣ 1826 года поступилъ въ Университетъ, прошелъ медицинскій курсъ подъ руководствомъ Мойера, въ товариществѣ съ Иноземцевымъ и Пироговымъ и получилъ ученую степень доктора медицины. Судьба бросила его опять на оконечность Россіи: въ 1829 году видимъ его подъ Силистріею и Кулевчею ординаторомъ въ подвижномъ гошпиталѣ главной арміи. На перевязочныхъ пунктахъ прошелъ онъ дѣятельную школу врачебнаго искусства, и тутъ, по его словамъ, окончательно извѣрился въ обыкновенномъ, алопатическомъ способѣ леченія. Будучи человѣкомъ безъ всякаго состоянія, онъ однако нашелъ въ себѣ довольно твердости, чтобы строго послѣдовать внутреннему убѣжденію и бросить дѣло, въ которое болѣе не вѣрилъ. При первой возможности, онъ совершенно оставилъ медицинскую практику и сдѣлался ревностнымъ гомеопатомъ.

По окончаніи Польской войны, его перевели въ Петербургъ ординаторомъ военнаго гошпиталя, и тутъ впервыя Даль выступилъ на поприще словесности съ небольшою книжкою, содержавшею въ себѣ пять народныхъ, имъ изложенныхъ, сказокъ: «Русскія сказки. Пятокъ первый. Спб. 1832». *). Нежданно-негадано, и книжка, и ея авторъ были арестованы, потому что въ одной сказкѣ открыли какіе-то намеки. То было тяжелое время для Русской словесности. Передъ тѣмъ погибъ баронъ Дельвигъ за помѣщенные въ его литературной газетѣ четыре Французскіе стиха объ Іюльской революціи, а въ сущности за то, что вмѣстѣ съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ и другими лучшими дѣятелями словесности противодѣйствовалъ на журнальномъ поприщѣ Булгарину, умѣвшему стать подъ покровительство графа Бенкендорфа. Подозрительность власти, питаемая тайными внушеніями такихъ людей какъ Булгаринъ, усиливалась; но къ счастію Даля, его зналъ еще по Дерпту Жуковскій и успѣлъ его спасти. (Вотъ еще заслуга Жуковскаго передъ Россіею). Общественное вниманіе обратилось на молодаго писателя, который съ этихъ поръ сталъ помѣщать въ журналахъ разнаго рода повѣсти, разсказы и очерки, уже не подвергаясь преслѣдованію. Сближеніе съ Жуковскимъ, а чрезъ него съ Пушкинымъ утвердило Даля въ мысли собрать словарь живаго народнаго Русскаго языка. Въ особенности Пушкинъ дѣятельно ободрялъ его, перечитывалъ вмѣстѣ съ нимъ его сборникъ и пополнялъ своими сообщеніями. За нѣсколько дней до своей кончины, Пушкинъ пришелъ къ Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртукъ, сказалъ: «Эту *выползину* я теперь не скоро сброшу». Выползиною называется кожа, которую мѣняютъ на себѣ змѣи, и Пушкинъ хотѣлъ сказать, что этого сюртука надолго ему станетъ. Онъ дѣйствительно не снялъ этого сюртука, а его спороли съ него 27 Января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку отъ раны (сюртукъ съ дырою отъ пули въ правой полѣ хранится у М. П. Погодина). Случайно находясь въ Петербургѣ, Даль провелъ съ Пушкинымъ всѣ три дни его предсмертныхъ страданій и получилъ отъ него съ его руки изумрудный перстень, такъ называемый талисманъ. Пушкинъ умеръ на рукахъ Даля, въ буквальномъ смыслѣ слова.

*) Эта рѣдкая книжечка имѣется въ Чертковской библіотекѣ. 16°. 201 стр. съ рисунк.

Небольшому кружку лучшихъ писателей и ихъ друзей были извѣстны необыкновенныя способности Даля, разнообразіе его познаній, честная самостоятельность характера и скромное, упорное трудолюбіе. Во время Польскаго похода, въ Іюлѣ 1831 г., отряду генерала Ридигера необходимо было переправиться черезъ Вислу, чтобы прикрыть главную армію съ тылу и съ боку. Какъ навести мостъ? Умѣющихъ не нашлось. Отставной флота лейтенантъ, докторъ медицины Даль взялся за дѣло и выполнилъ его: у мѣстечка Юзефова необыкновенный мостъ былъ наведенъ и потомъ, когда понадобилось, разрушенъ подъ непріятельскими выстрѣлами самоучкою-инженеромъ. Переправа Ридигера была важнѣйшимъ шагомъ къ потушенію мятежа *).

У Жуковскаго Даль познакомился съ другомъ его В. А. Перовскимъ, который въ Маѣ 1833 пригласилъ его къ себѣ на службу въ Оренбургъ. Даль въ это время женился первымъ бракомъ на дѣвицѣ Юліи Андре (отъ которой имѣлъ единственнаго сына, Льва Владиміровича, нынѣ архитектора въ Нижнемъ Новгородѣ, и дочь, скончавшуюся въ Римѣ въ 1863 г). Дѣятельность его какъ чиновника была изумительна. Онъ былъ настоящимъ секретаремъ Перовскаго, и мы видѣли цѣлые томы черновыхъ докладовъ, записокъ, писемъ и пр., исписанныхъ рукою Даля по указаніямъ тогдашняго его начальника. Въ Оренбургскомъ краю Даль пробылъ около семи лѣтъ. Онъ изъѣздилъ его вдоль и поперекъ, сопровождая между прочимъ вмѣстѣ съ Перовскимъ въ 1837 году Государя Наслѣдника-Цесаревича въ путешествіи по тѣмъ мѣстамъ. Даль не пропускалъ случая повсюду записывать мѣстныя выраженія простонародной рѣчи, наблюдать народные обычаи, повѣрья и т. д. Доводя простоту своего быта почти до бѣдности, относясь ко всему прямо, Даль легко сходился съ простонародьемъ и пріобрѣталъ его довѣріе, необходимое для этнографическихъ наблюденій. Въ Уральской степи, перемѣняя лошадей, забѣжалъ онъ въ избушку напиться и спросилъ у старухи-казачки, подавшей ему крынку съ молокомъ: «А давно, бабушка, не видали вы царскаго корени?».—«Давненько, батюшка, съ самаго Государя Петра Өедоровича», отвѣчала ему современница Пугачевщины.

Даль раздѣлялъ съ Перовскимъ ужасы Хивинскаго похода 1839 года и оставилъ, такъ сказать, фотографическое изображеніе онаго. Отправляясь въ походъ, онъ догадался взять съ собою снимочную тетрадь тонкой Китайской бумаги, на которой, по способу, дающему два подлинника вдругъ, отпечатлѣлись письма, посланныя имъ въ это время къ роднымъ и знакомымъ. Письма эти напечатаны въ Р. Архивѣ 1867. Далю же принадлежитъ и Докладная Записка о военномъ предпріятіи противу Хивы (Чтенія, 1860). По своей скромности и осторожности, онъ конечно не высказывалъ всего и не хотѣлъ назвать главнаго виновника тогдашней нашей неудачи, Поляка Ціолковскаго, начальника кавалеріи, воспользовавшагося для своихъ злобныхъ цѣлей довѣріемъ прямодушнаго В. А. Перовскаго и погубившаго верблюдовъ въ снѣжной степи.

Въ 1841 году братъ В. А. Перовскаго, товарищъ министра удѣловъ

*) Рѣдкая брошюра, съ описаніемъ моста и его наведенія (Спб. 1833, 46 стр.) находится въ Чертковской библіотекѣ.

и министръ внутреннихъ дѣлъ, Левъ Алексѣевичъ убѣдилъ Даля перейти къ нему на службу въ Петербургъ. Въ должности секретаря и чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ, Даль прослужилъ восемь лѣтъ, при чемъ въ товариществѣ съ Н. А. Милютинымъ составлялъ и вводилъ Городовое Положеніе Петербурга. Современники передаютъ, что онъ былъ, что̀ называется, правою рукою Перовскаго, въ достопамятное управленіе его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ множества порученій, напечаталъ онъ тогда (1844) чрезвычайно рѣдкія нынѣ книжки о скопческой ереси и розысканіе о убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ *), Даль находилъ время, кромѣ занятій служебныхъ, участвовать въ трудахъ Географическаго Общества и составить для военноучебныхъ заведеній учебники зоологіи и ботаники.

Утомленный службою, въ Іюлѣ 1849 г. Даль испросилъ себѣ сравнительно болѣе легкую должность управляющаго Удѣльною Конторою въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ и оставался въ теченіи десяти лѣтъ, пока столкновенія съ губернаторомъ тамошнимъ А. Н. Муравьевымъ не побудили его выдти въ отставку. Въ Нижнемъ, въ безпрестанномъ обращеніи съ подвѣдомственными ему крестьянами, въ разнообразіи ярмочнаго люда, представлялось наиудобнѣйшее поприще для филологическихъ наблюденій Даля. Онъ до того изучилъ нарѣчія и говоры Русскаго языка, всѣ оттѣнки произношеній и словоудареній, что, находясь въ толпѣ народа, могъ отличать по звукамъ, кто откуда уроженецъ.

*) Та и другая, по экземпляру, находятся въ Чертковской библіотекѣ,

28 Октября 1859 года переселился Даль въ Москву, съ цѣлью опознаться наконецъ на досугѣ съ громаднымъ запасомъ накопленныхъ въ теченіи цѣлой жизни замѣтокъ и приступить къ ихъ обнародованію. Пѣсни отдалъ онъ въ собраніе Кирѣевскаго, Сказки предоставилъ Аѳанасьеву, Пословицы Бодянскому, бумаги служебныя и историческія подарилъ въ Чертковскую библіотеку (гдѣ онѣ и хранятся переплетенныя съ отмѣткою Даля: «Книжницѣ Г. А. Черткова»); самъ же исключительно занялся «Толковымъ Словаремъ живаго Великорусскаго языка». На седьмомъ десяткѣ лѣтъ, великій трудолюбецъ, съ ревностью юноши, приступилъ къ печатанію этого обширнаго творенія. Кто знакомъ съ типографскимъ дѣломъ вообще (а въ Москвѣ въ особенности) тотъ знаетъ, что самое печатаніе разнообразными шрифтами такого Словаря сопряжено съ трудомъ немалымъ. Даль все дѣлалъ самъ; ему приходилось сначала править по 12 корректуръ одного и того же листа. Онъ едва надѣялся дожить до конца печатанія, жилъ анахоретомъ, отказывалъ себѣ во всѣхъ развлеченіяхъ, чтобы только дѣло не останавливалось. Наконецъ въ Январѣ 1867 г. могъ онъ сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко»: послѣдній выпускъ Словаря вышелъ изъ типографіи Риса.

Должно упомянуть къ чести Русскаго общества, что Словарь Даля, не смотря на то, что по самой обширности своей, онъ не могъ продаваться дешево, нынѣ почти весь раскупленъ. Покойный Даль имѣлъ утѣшеніе видѣть, что соотечественники оцѣнили трудъ его. Въ послѣдніе годы жизни онъ успѣлъ сдѣлать исправленія въ Словарѣ и вполнѣ приготовилъ его ко второму изданію, кото-

рое вѣроятно не замедлитъ появиться. За недѣлю до кончины, умирающій труженикъ приказалъ дочерямъ внести въ словарь еще четыре, услышанныя имъ отъ прислуги, слова.

9 Февраля 1872 года Даль лишился второй супруги своей Екатерины Львовны (ур. Соколовой, внучки князя Путятина, отъ коей онъ имѣлъ трехъ дочерей). Не за долго передъ тѣмъ, въ Декабрѣ 1870 года, онъ, по внутреннему убѣжденію, сознательно и съ твердымъ упованіемъ, присоединился къ вѣрѣ того народа, просвѣщенію коего такъ усердно послужилъ.

Память великаго подвижника Русскаго слова и Русской мысли съ благодарностью перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. *П. Б.*

ЗАМѢТКА КЪ СТАТЬѢ: «ИСТОРІЯ ИЗДАНІЯ ОПЫТА О ЧЕЛОВѢКѢ».

Въ напечатанной въ № 7 и 8 Русскаго Архива 1872 г. статьѣ г. *Тихонравова* объ изданіи перевода *Поповскаго* „Опыта о человѣкѣ,“ приводятся въ первоначальномъ видѣ стихи, измѣненные духовною цензурою для печатнаго изданія. У меня есть печатное 2-е изданіе этой книги (Москва, 1763 г.), съ современными, по видимому, вписками искаженныхъ въ печати стиховъ. Поправки сдѣланы въ 28 мѣстахъ, и изъ нихъ 23 *буквально* совпадаютъ съ текстомъ, напечатаннымъ нынѣ г. Тихонравовымъ, 1 разнится отъ приведеннаго имъ текста и 4 вовсе у него не указаны. Именно, во 2-мъ письмѣ ст. 283—284 у г. Тихонравова выписаны такъ:

284. Какъ лекарь, мня, что онъ очистилъ лишню кровь,

Иль внутренность, или подагру вводитъ вновь.

Въ моемъ-же экземплярѣ послѣдній стихъ читается: *больнаго въ внутренность* подагру вводитъ вновь. Неуказанныя-же у г. Тихонравова поправки всѣ относятся къ 3-му письму:

Ст. 265. Не представляй того, о человѣкъ, въ умѣ.

Что *при созданіи ходила* тварь во тьмѣ. (Вм. напечатаннаго: „что *по созданіи осталась* тварь во тьмѣ).

Ст. 438. Потомъ сталъ человѣкъ безумный суевѣръ

И вздумалъ почитать *тирана* выше мѣръ. (Въ печатномъ явилось: „*Немврода*“ вм. „тирана“).

Ст. 476. И имя Божіе въ машину превращали.

Которою своихъ противниковъ пугали. (Въ печатномъ изданіи „*за котору*“ вмѣсто „которою“).

Ст. 509. Писателямъ *стиховъ, гражданамъ* мысль дала. (Напечатано: „писателямъ *святыхъ законовъ* мысль дала“).

Что эти поправки, вѣроятно, взяты съ подлинной рукописи, доказывается отчасти сходствомъ остальныхъ 23-хъ моего экземпляра съ текстомъ „Русскаго Архива“, отчасти-же и тѣмъ, что *замѣняемые ими стихи*, подобно прочимъ, измѣненнымъ духовною цензурою, напечатаны *болѣе крупнымъ шрифтомъ* противъ остальнаго текста, какъ въ 1-мъ, такъ и во 2-мъ изданіи „Опыта“.

Спбургъ. 6 Сентября 1872.

П. Ефремовъ.

ОБРАЩИКИ СТАРИННАГО ОСТРОСЛОВІЯ. [1]

I.

НА БЫВШАГО ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ ДИРЕКТОРОМЪ ГОСПОДИНА ДОМАШНЕВА

И. Днесь предстоитъ со страхомъ Герасимовичъ Герасимовичу [2]), и ве-

---

[1]) Найдены въ спискѣ прошлаго вѣка въ бумагахъ покойнаго Александра Степановича Ефремова (имѣвшаго библіотеку до 10 т. томовъ и скончавшагося 30 Іюня 1856) и сообщены намъ его сыномъ П. А. Ефремовымъ. Безпорядки Домашнева по управленію Академіею довольно извѣстны по Запискамъ его преемницы, княгини Дашковой. *П. Б.*

[2]) Домашнева звали Сергѣемъ Герасимовичемъ.

легласно вопіетъ къ нему: Ваше превосходительство! Не ужасайся странному моему зраку, ассесоръ бо есмь, его же ты единъ и единаго въ маіорское одѣяніе облещи возмоглъ еси; вѣруй истиннымъ моимъ глаголамъ, се бо́ пріидохъ возвѣстити тебѣ: Радуйся, яко Прусскія страны царевича протяженно сложенными писаніями едва смерти не предалъ еси [3]). Радуйся, яко прачкѣ чревосодѣланіе сотворилъ еси. Радуйся, яко въ банѣ Сарацынской въ домѣ тамъ скверны тѣла омылъ еси. Радуйся, яко для прихотей на распещреніе стѣнъ своихъ иконописцевъ упразднилъ [4]) еси. Радуйся, яко оцеты во снѣдь профессору употребити повелѣлъ еси. Радуйся, яко юношей, веселящихъ тя мусикіею при трапезѣ твоей, отъ ученія отвлеклъ еси. Радуйся, лопато, пѣнязи академическіе на нищету развѣвающая. Радуйся, яко письмена чуждая съ тиснѣніе за свои выдавалъ еси. Радуйся, яко самъ себѣ похвальныхъ пѣсней приношеніями удостоилъ еси. Радуйся, яко чужестранцевъ съ три пропасти въ члены вмѣстилъ еси. Радуйся, яко по міру таскаться художниковъ пустилъ еси. Радуйся, яко воеводою Греческихъ и Албанскихъ воевъ самъ себѣ ложно нарѣклъ еси [5]). Радуйся, яко Свейскія страны царя въ глобусѣ едва не удушилъ еси, а Кесарю во оной внити возбранилъ еси. Радуйся, яко градъ сей иллюминаціею, яко солнцемъ, озарилъ еси. Радуйся, ручко, ею же ко асингклиту *(sic)* съ поддѣланнымъ ключемъ внити не возгнушался еси. Радуйся, яко и во отчизнѣ его юродивымъ неправедно сродникомъ его возвѣстити не посрамился еси. Радуйся, яко во ономъ оклеветаніи демонскому стремленію уподобился еси. Радуйся, яко въ мзду удобрительныхъ подвиговъ твоихъ почести сосуда скудельна пріобрѣлъ еси, о нихъ же преклонше колѣна царя Свейскаго умолилъ еси, и о нихъ же предстоятели твои радующееся глаголятъ вкупѣ: Ваше превосходительство, господинъ кавалеръ— слава тебѣ!

Припѣвъ академическихъ крылосовъ:
Се грядетъ малоумный въ Академію.
И съ мудрыми присутствуетъ на сѣдалищѣ.

Время, время лишатися его, да не до конца погибнетъ Академія.

Т. Правило ера и образъ буйности, пышности учителю, яви тя стаду Академіи. Ты же, гордости поборниче, истинный Герасимовичъ! Сего ради стяжалъ еси поддѣланный ключъ, великій дудикъ нашъ!

К. Избранный воеводо! Убѣдительныя пѣсни приносимъ ти: потщися ополчитися противу Россійскихъ еровъ, яко же изгнати еръ восхотѣлъ еси, да зовемъ ти: попрателю и истребителю ера! слава тебѣ.

Величаемъ тя, велемудре предсѣдателю, и чтемъ подвиги твоя, яко на мѣсто президента возгнѣздился еси и букву еръ доблественно попралъ еси.

А. Отъ глупости твоея мнози врутъ тебѣ напрасно, но самъ себѣ сложи похвальную пѣснь.

Ненавидящіе ера, соберемтеся вкупѣ на попраніе его, яко мѣста многи въ книгахъ занимаетъ ерь.

Съ ключемъ, да съ сосудомъ всякъ кавалеръ есть, свѣтлѣется, въ кавалерахъ напыщается, дуется и возносится.

---

[3]) Относится къ посѣщенію Академіи принцемъ Прусскимъ Генрихомъ въ 1770 году.

[4]) Т. е. упражнилъ, заставилъ работать.

[5]) Домашневъ пользовался покровительствомъ Орловыхъ, которые учредили, въ первую Турецкую войну, Греческіе и Славянскіе отряды.

II. Да возвеселится радуяся Парнаская муза, зря козлище облеченно въ броню пастыря хитра.

II.

ЧЕЛОБИТНАЯ ОТЪ ЕРА.

Всепрезнаменитѣйшая, всезнающая и достопочтеннѣйшая Академія Наукъ! Премногомилостивая моя госпожа!

Бьетъ челомъ гонимый изъ Россійской азбуки ъ; а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Я вышепоименованный родился въ Россіи въ давнихъ еще лѣтахъ, а какъ именно давно, того не упомню, и около уже тысячи лѣтъ, какъ внесенъ въ Россійскую азбуку, гдѣ съ прочими буквами служилъ къ начертанію заключительныхъ словъ весьма кудряво.

2.

А нынѣ невѣдомо по какимъ причинамъ, по злобѣ ли, или по невѣдѣнію, а можетъ быть слѣдуя Французской модѣ, меня вышеупомянутаго господинъ предсѣдатель Домашневъ, обходясь со мною не по домашнему, въ своихъ писаніяхъ и начертаніяхъ не только что не употребляетъ, а чрезъ то письма его и сочиненія его неясны, но и уграживаетъ совершеннымъ изгнаніемъ изъ Россійской азбуки, что̀ въ разныя времена и въ разныхъ лѣтахъ видѣть можно.

3.

И хотя не имѣется мнѣ выше имянованному большаго страха, понеже давность моя и нѣжность извѣстна во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, а наипаче въ Разрядномъ Архивѣ доказана моя старость и безпорочная служба, такожде въ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ: но случившійся съ подобными мнѣ примѣръ, яко то съ ижицею, кси и пси, а особливо съ забвеннымъ уже юсомъ, чинитъ мнѣ такую опасность.

Того ради всезнающую Академію нижайше и препокорнѣйше прошу сіе мое челобитье принять и ему вышерѣченному господину Домашневу впредь истреблять меня изъ Россійской азбуки запретить, дабы ежели учиненъ ему будетъ поводъ, то бъ онъ и прочую мою братью не истребилъ и чрезъ то не лишилъ бы всѣхъ Русскихъ людей ихъ грамоты. Къ поданію надлежитъ въ типографію Академическую. Челобитную писалъ оной же типографіи тередорщикъ Елисей Еролюбовъ.

ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Д. А. БУЛЫГИНУ *).

Ваше превосходительство! Милостивый государь Дмитрій Александровичъ! Всевышнее существо, сотворившее насъ, не всѣмъ намъ опредѣлило ровное счастіе: одному оное дано въ одной части, а въ другой отнято, какъ и я, ваше превосходительство, получилъ въ жизни своей очень много счастія; но любовь отъ подобныхъ мнѣ

*) Съ подлинника, сообщеннаго Александромъ Николаевичемъ Булыгинымъ, внукомъ артиллерійскаго генерала Д. А. Булыгина, къ коему письмо это писано. Д. А. Булыгинъ род. въ 1758 году, служилъ при баронѣ Меллерѣ-Закомельскомъ, проходилъ боевую службу и подъ Очаковымъ былъ заваленъ обрушившеюся на него стѣною. Въ 1799 г. назначенъ шефомъ артиллерійскаго баталіона въ Ригу, потомъ въ Казань, гдѣ у него были имѣнія: этотъ переводъ выхлопоталъ ему Аракчеевъ. Въ 1813 г. онъ былъ избранъ главнымъ начальникомъ резервнаго ополченія въ губерніяхъ Пензенской и Казанской (Записки Вигеля II, 80—86). Скончался 23 Марта 1830 г. *П. Б.*

товарищей не дана: ибо во всю мою службу я всегда былъ не любимъ, за требуемый мною по службѣ порядокъ. А какъ я имѣлъ удовольствіе (имѣть) вашего превосходительства ближе всѣхъ къ себѣ подъ командою, то всегда думалъ, что я вамъ, милостивому государю, можетъ быть, нанесъ какое неудовольствіе, почему и не хотѣлъ васъ безпокоить моими письмами. А какъ нынѣ вижу ясно хорошее ваше ко мнѣ расположеніе, то и охотно всегда себѣ за честь буду поставлять вести мою переписку и, начиная оную, приношу мою благодарность за ваши дружескія письма, желая нельзя чаще оныя получать. — Впрочемъ свидѣтельствую мое должное высокопочитаніе ея превосходительству милостивой государынѣ дражайшей вашей супругѣ и пребуду на всегда съ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя, покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

1802 году
28 Августа
С. Петербургъ.

Прошу вашего превосходит. сдѣлать мнѣ одолженіе отправить вѣрнѣе прилагаемое у сего письмо по надписи: оно для меня очень нужно.

ДВА ДУХОВНЫЯ ЗАВѢЩАНІЯ ГРАФА АРАКЧЕЕВА *).

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ составилъ духовное завѣщаніе, которое 11 Декабря 1816 года Высочайше утверждено, бывъ написано въ видѣ всеподданнѣйшаго прошенія.

*) Копіи съ этихъ духовныхъ завѣщаній графа Аракчеева находятся въ архивѣ Военной Нижегородской „графа Аракчеева" Гимназіи (Дѣло № 136).

Завѣщаніе это такого содержанія:

«Неизмѣнный законъ природы обязываетъ христіанина благовременно помышлять о той минутѣ, въ которую долженъ онъ оставить суетную жизнь міра сего. Проведя полвѣка и шествуя по стезѣ, годъ отъ году приближающей къ смерти, дерзаю открыть тебѣ, Монархъ, чувства мои, Тебѣ, благодѣтельный Государь, нелицемѣрно чтимый мною! Вамъ извѣстно благосостояніе мое, щедротами родителя Вашего сдѣланное. Не прилѣпляясь къ роскоши, я 20 лѣтъ устраивалъ имѣніе пожалованное мнѣ, обращая на то всѣ доходы съ онаго, и былъ столько счастливъ, что Ваше Императорское Величество изволили сами видѣть плоды попеченія моего. Вамъ извѣстно также, что я не имѣю дѣтей; одинъ братъ только у меня, и тотъ равно бездѣтный. Грамота, дворянству пожалованная, даетъ благородному свободную власть и волю благопріобрѣтенное имѣніе дарить, завѣщать или продать, кому заблагоразсудится. Въ семъ положеніи находится пожалованное мнѣ имѣніе, село Грузино съ деревнями. Оно требуетъ предварительнаго о себѣ распоряженія къ сохраненію устроеннаго мною чрезмѣрными трудами и пожертвованіями счастія крестьянъ, если не навсегда, такъ по крайней мѣрѣ на толикое время, сколько доброму помѣщику можно. По многимъ изысканіямъ лучшею къ сему мѣрою призналъ я избраніе себѣ наслѣдника на слѣдующемъ основаніи: 1) Чтобы онъ принялъ титулъ и фамилію мою. 2) Чтобы Грузинская волость, сообразно мудрому намѣренію Государя Петра I-го, въ указѣ 23 Мая 1714 года изъясненному, переходя изъ рода въ родъ, оставалась вѣчно нераздѣленною въ родѣ старшаго сына, подобно тому, какъ ука-

зомъ 4 Января 1774 года учреждено по имѣнію генералъ-фельдмаршала графа Чернышова, изъ распоряженій коего и я пріемлю 3, 4, 5 и 9 статьи. 3) Чтобы владѣлецъ Грузинской волости содержалъ крестьянъ не иначе, какъ въ нынѣшнемъ заведенномъ мною устройствѣ и на той же степени обилія, до какой они доведены мною. Я при жизни моей стараться буду избрать наслѣдника и оставлю запечатанный о томъ актъ; но ежели бы угодно было Всевышнему прекратить дни мои прежде, то избраніе на вышеизъясненномъ основаніи достойнаго наслѣдника предоставляю Вашему Императорскому Величеству».

«Государь! Я осмѣливаюсь испрашивать завѣщанію сему Высочайшаго утвержденія въ награду службы моей, ежели она достойна вниманія Вашего. Благо подданныхъ твоихъ есть предметъ весьма близкій благодѣтельной душѣ твоей! Я стремлюсь приблизиться къ сей цѣли завѣщаніемъ своимъ. Соблаговолите же, Монархъ! удовлетворить желанію моему, и послѣдніе часы жизни моей усладятся мыслію, что подъ высокимъ покровительствомъ твоимъ успѣлъ я устроить жребій крестьянъ своихъ».

11-го Іюня 1821 г. графъ Аракчеевъ представилъ Государю Императору новый докладъ, тоже удостоившійся Высочайшаго утвержденія:

«Ваше Императорское Величество! Удостоивъ въ 11 день Декабря 1816 года Высочайшаго утвержденія духовное мое завѣщаніе о недвижимомъ имѣніи, состоящемъ во всемилостивѣйше пожалованной мнѣ родителемъ Вашимъ Грузинской волости, обезпечили тѣмъ самымъ недѣлимость сего имѣнія и переходъ онаго во всей цѣлости какъ отъ меня къ моему наслѣднику, такъ и отъ него изъ рода въ родъ къ старшему сыну или къ старшему въ родѣ. Но, Всемилостивѣйшій Государь! никому лучше неизвѣстно, какъ Вамъ самимъ, сколь часто завѣщанія подвергаются толкованіямъ, ниспровергающимъ намѣренія завѣщателя въ самомъ ихъ основаніи. Мысль, что завѣщаніе, мною сдѣланное, можетъ быть также обойдено происками и можетъ имѣть тѣже послѣдствія, для меня тѣмъ поразительнѣе, что я во всю жизнь свою не терпѣлъ тяжбъ, обращающихся всегда въ раззореніе бѣднымъ крестьянамъ и не желаю вовлечь въ оныя моего наслѣдника. Всякому дворянину законы представляютъ всю свободу располагать по волѣ своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ вообще и особенно имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ службою, каково есть мое. Признавъ нужнымъ, для упрежденія неправильнаго истолкованія воли моей и послѣдствій онаго, сдѣлать нѣкоторыя поясненія въ духовномъ моемъ завѣщаніи, я тѣмъ рѣшительнѣе дерзаю всеподданнѣйше представить ихъ монаршему воззрѣнію, что они совершенно согласуются съ общими государственными законами и справедливостію, столь драгоцѣнною Вашему Императорскому Величеству. Поясненія сіи состоятъ въ двухъ слѣдующихъ статьяхъ: 1) На основаніи Высочайше утвержденнаго въ 11 день Декабря 1816 года завѣщанія и по точному разуму онаго, наслѣдникъ мой по смерти моей долженъ получить Грузинскую волость въ томъ самомъ пространствѣ земли, въ томъ самомъ числѣ душъ и, однимъ словомъ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она послѣ меня останется, не обязываясь и не имѣя права отдѣлять изъ всего заключающагося въ сей волости никому и никакой части, подъ какимъ

бы то видомъ или предлогомъ ни было. 2) Все движимое имѣніе, въ домахъ С. Петербургскомъ и Грузинскомъ и заведеніяхъ находящееся, какого бы оно званія и роду ни было, яко доходами Грузинской волости составленное, ей принадлежащее и съ владѣніемъ онаго неразлучное, равнымъ образомъ получаетъ одинъ мой наслѣдникъ, и кромѣ его никто другой, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ никакого права и ни на какую часть онаго. Всемилостивѣйшій Государь! Статьи сіи важны для будущаго благосостоянія моихъ крестьянъ, моего наслѣдника и для собственнаго моего спокойствія—въ послѣднюю минуту жизни. Осмѣливаюсь испрашивать онымъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія, какъ особенной къ себѣ милости въ награду службы моей. И ежели просьба моя удостоится монаршаго уваженія, то статьи сіи должны служить равносильнымъ дополненіемъ къ моему завѣщанію. Я сохраню оныя у себя въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, съ тѣмъ, чтобы онѣ по кончинѣ моей были явлены правительству, или представлю самъ въ Правительствующій Сенатъ въ томъ конвертѣ, въ которомъ долженъ я означить имя моего наслѣдника».

Кого графъ Аракчеевъ предполагалъ назначить наслѣдникомъ своихъ обширныхъ владѣній, находящихся въ Грузинской волости Новгородской губерніи, своихъ домовъ, богатой библіотеки и разныхъ рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, неизвѣстно*). Во все остальное продолженіе жизни своей онъ не представилъ того запечатаннаго конверта, о которомъ упоминалъ какъ въ своемъ завѣщаніи, такъ и въ дополненіи къ нему. Въ оставшихся послѣ смерти его бумагахъ и документахъ никакого акта также не найдено. Да и врядъ ли гр. Аракчеевъ имѣлъ въ виду какое либо лице, которому хотѣлъ передать свое состояніе; по всей вѣроятности, въ послѣдніе годы жизни, мысли его остановились на юридическомъ лицѣ. Подобное мнѣніе можетъ потвердиться тѣмъ фактомъ, что въ 1833 году Аракчеевъ внесъ въ Императорскую Сохранную Казну государственными ассигнаціями 300 тыс. рублей «на вѣчныя времена, неприкосновенно» съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала открыть Кадетскій Корпусъ для дѣтей бѣдныхъ дворянъ Новогородской губерніи. 15 Марта 1834 года корпусъ былъ открытъ, а 21 Апрѣля того же года Аракчеевъ умеръ, и такъ какъ обѣщаннаго имъ запечатаннаго конверта съ именемъ наслѣдника нигдѣ не оказалось, то указомъ 6-го Мая 1834 г. Высочайше повелѣно отдать навсегда Грузинскую волость Новгородскому Кадетскому Корпусу.

Доставилъ А. Сергѣевъ, преподаватель военной Нижегородской Графа Аракчеева Гимназіи.

---

*) Аракчеевъ долгое время разсчитывалъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ Шумскаго и до того заботился объ этомъ молодомъ человѣкѣ, что въ 1823 году вмѣсто себя заставлялъ его читать доклады Государю (Басаргинъ, XIX Вѣкъ, кн. I, стр. 85). Дурное поведеніе Шумскаго удерживало Аракчеева отъ рѣшительнаго въ этомъ отношеніи шага. За тѣмъ онъ узналъ, что Шумскій ему не сынъ. Мысли его останавливались и на другихъ лицахъ. Такъ напр своему пріятелю А. Ѳ. Малиновскому онъ выражалъ намѣреніе завѣщать Грузино единственной его дочери Екатеринѣ Алексѣевнѣ (впослѣдствіи вышедшей въ замужство за кн. Ростисл. Алексѣев. Долгорукаго и скончавшейся 14 Авг. 1872). *П. Б.*

ДѢВИЦА КАВАЛЕРИСТЪ.

Изъ письма Н. Дурова, отца Надежды Черновой, отъ 27 Августа 1807 года.

. . . . . (подробности о болѣзни и смерти его жены). Ради Бога узнайте объ Надеждѣ и дайте ей объ этомъ знать; она вѣрно прiѣдетъ домой, незамай будетъ дѣтямъ матерью, а мнѣ другомъ; я ее очень люблю. Вотъ тебѣ извѣстiе, приведшее меня въ крайнее сокрушенiе; не знаю, когда успокоюсь, а теперь крайне тяжело. Время конечно все въ забвенiе приводитъ, но память объ ней будетъ вѣчная. Прости, вѣрно и ты слезу чувствительности выронишь объ ней. Братъ твой Н. Дуровъ. P. S. Крайне бъ хотѣлось знать объ Надеждѣ.

Всеподданнѣйшiй докладъ Сентября 28 дня 1817.

Коллежскiй совѣтникъ Дуровъ, въ Вятской губернiи въ городѣ Сарапулѣ жительствующiй, ищетъ повсюду дочь Надежду по мужу Чернову, которая по семейнымъ несогласiямъ принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ своихъ, и отъ которой было письмо изъ Гродно, что она, записавшись, подъ именемъ Александра Васильева сына Соколова въ конной Польской полкъ, служитъ товарищемъ и была во многихъ съ непрiятелемъ сраженiяхъ.

Отецъ ея и братъ его, въ Санктпетербургѣ находящiйся, всеподданнѣйше просятъ Высочайшаго повелѣнiя о возвращенiи имъ сей несчастной.

(Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОУМѢНIЕ.

Въ 9-й книжкѣ Русской Старины сего года помѣщено письмо святителя Дмитрiя Ростовскаго къ «его милости, пану Михаилу Григорьевичу Грохольскому», съ благодарностью за какую-то сообщенную книгу и съ посылкою своего сочиненiя противъ раскольниковъ. Въ замѣткѣ, сопровождающей это письмо, сообщено, что своеручный подлинникъ письма вмѣстѣ съ иконою святителя Дмитрiя принесены генералъ-адъютантомъ Потаповымъ въ даръ Святодуховскому Виленскому монастырю (гдѣ «угодникъ Божiй своими вдохновенными рѣчами возбуждалъ мужество въ православныхъ»); но при этомъ сказано, что М. Г. Грохольскiй есть прадѣдъ (по матери) Александра Львовича Потапова, къ которому письмо и св. икона перешли, какъ *къ правнуку, по прямому наслѣдству*. Слѣдовательно, родительница нынѣшняго Виленскаго генералъ-губернатора происходила изъ фамилiи Грохольскихъ; между тѣмъ извѣстно по Родословной Книгѣ (I, 157), что она была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ. Какимъ же образомъ дворяне Грохольскiе могутъ быть родня дворянамъ Потаповымъ? Просимъ нашихъ генеалоговъ разъяснись это недоумѣнiе.

Н. Невѣдомцевъ.

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библіографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу* или въ *книжный магазинъ И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ.

Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

XI. ПРИ 1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),

на Страстномъ бульварѣ.

1872.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1873 году съ доставкою и пересылкою семь рублей.

Рожденіе и дѣтство Петра Великаго до четырехъ-лѣтняго возраста.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 12 Іюня 1872 г.).

Царь Алексѣй Михайловичъ, на сороковомъ году отъ роду, въ порѣ совершеннаго мужества, лишился первой супруги своей, изъ рода Милославскихъ, которая, въ продолженіи двадцатилѣтней супружеской жизни, принесла ему 13 человѣкъ дѣтей, почти погодковъ, пять сыновъ и восемь дочерей.

Царица скончалась вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, въ 1669 году, Марта 2-го. Черезъ три мѣсяца скончался 4-хъ-лѣтній сынъ Симеонъ (Іюня 18-го), еще черезъ полгода старшій Алексѣй, шестнадцати лѣтъ (1671 Января 17-го).

Прошли скорбные дни. Царь по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ вступить во второй бракъ, и родители взрослыхъ и подходящихъ дочерей изъ бояръ и вообще служилаго сословія уже начали думать про себя, не поищетъ ли Богъ кого нибудь изъ нихъ милостью, и не падетъ ли счастливый жребій на ихъ безприданницъ, — а съ этимъ жребіемъ отецъ, и мать, и все родство, возвысятся, обогатятся, прославятся; они молились, и ворожили, и готовили своихъ красавицъ къ будущимъ смотринамъ, когда онѣ взяты будутъ на Верхъ, подвергнутся испытаніямъ довѣренныхъ людей, бояръ, боярынь и бабокъ, „прочны ли для государевой радости“, и наконецъ самаго царя, который подастъ избранницѣ платокъ и кольцо.

Другой ходъ дѣлу вздумалъ дать любимецъ и совѣтникъ царскій, начальникъ Посольскаго и Малороссійскаго Приказовъ, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Человѣкъ бывалый, заслуженный, расположенный къ иностранцамъ, онъ хотя и не изъ знатнаго рода, съумѣлъ приблизиться и пріобрѣсть неограниченную довѣренность своего государя, который называлъ его не иначе, какъ Сергѣичемъ, и пріѣзжалъ къ нему часто запросто въ гости. Домъ Матвѣева, у Николы въ Столпахъ, между Покровкою и Мясницкою, сложенный по преданію изъ стрѣлецкихъ надгробныхъ камней, былъ украшенъ картинами, часами и всякими заморскими диковинками. Царь, охотникъ до развлеченій, любилъ здѣсь мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и тѣшиться комедіями, музыкою и другими забавами, которыя придумывалъ изобрѣтательный хозяинъ.

Дочерей у Матвѣева не было, но у его сверстника и друга, съ которымъ онъ служилъ долго вмѣстѣ, дѣлилъ труды и опасности военныхъ походовъ и происходилъ въ чины, Кирилы Полуектовича Нарышкина, Тарусскаго помѣщика, была дочь красавица, чернобровая, черноглазая, бѣлая-румяная, высокая, стройная.

Матвѣевъ пользовался, конечно, совершенною довѣренностью царскою, но вмѣстѣ имѣлъ много завистниковъ и враговъ, въ особенности изъ родственниковъ покойной царицы, которыхъ давно уже загораживалъ онъ предъ свѣтлыми очами царскаго величества. Ему хотѣлось закрѣпить, обезпечить для себя высочайшее благоволеніе, и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ тому было, разумѣется, женить царя на своей свойственницѣ. Матвѣевъ убѣдилъ деревенскаго благопріятеля отдать ему дочь на воспитаніе или житье, въ надеждѣ, что царь увидитъ ее—и прельстится.

Такъ и случилось. Царь посѣтилъ однажды Матвѣева и остался ужинать по семейному. Жена его съ молодою пріемною дочерью явились въ столовой; красавица поднесла по обычаю съ поклономъ царю передъ ужиномъ чару зелена-вина на серебряномъ блюдѣ. Въ верхней сорочкѣ изъ шелковой ткани яркаго цвѣта, вышизанной по швамъ мелкимъ жемчугомъ, съ длинными рукавами кисейными, вышитыми на плечахъ и у запястьевъ золотомъ, подпоясанная кушакомъ Шемаханскимъ, съ распущенной по плечамъ длинной, роскошной косою, она была вѣрно заглядѣньемъ, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Вдовецъ, вечеромъ, увидѣлъ ее неожиданно... и сердце у него защемило. За ужиномъ онъ развеселился, вступилъ въ разговоръ съ нею, услышалъ ея голосъ сладкій, привѣтливый, получилъ отвѣты разумные, и на прощаньѣ сказалъ хозяевамъ, что найдетъ жениха для ихъ воспитанницы...

Между тѣмъ смотрины уже начались чрезъ восемь мѣсяцевъ съ небольшимъ по кончинѣ царицы: съ ноября 28-го по 18-е Апрѣля собирались дѣвицы на Верхъ. Февраля 1-го явилась между ними, въ исполненіе обычая, и Наталья Кирилова дочь Нарышкина. Собирались красавицы и изъ другихъ городовъ: Рязани, Суздаля, Владиміра, Костромы, Новгорода.

Вторыя смотрины, изъ отобранныхъ дѣвицъ, отмётныхъ соболей, начались 18-го Апрѣля; между ними находилась, разумѣется, воспитанница Матвѣева, и слухъ прошелъ, что выборъ уже рѣшенъ, и ей быть царицей.

На Верху произошелъ переполохъ. Зависть, ревность, а теперь уже и страхъ, обуяли противную сторону. 22-го Апрѣля найдены были два подметныхъ письма въ родѣ тѣхъ, изъ за какихъ погибли первая невѣста царя Михаила Ѳеодоровича и первая невѣста самого царя Алексѣя Михайловича. Одно письмо поднялъ сторожъ предъ грановитою палатою въ сѣняхъ, а другое усмотрѣно прилѣпленное у дверей шатерной палаты, гдѣ ходятъ на постельное крыльцо.

Въ письмахъ возводилось подозрѣніе на Матвѣева въ колдовствѣ и употребленіи какихъ-то кореньевъ для привороту царя къ дочери его пріятеля.

Началось строгое слѣдствіе съ жестокими пытками на дыбѣ, встрясками, жженіемъ на огнѣ несчастнаго, который, по стеченію обстоятельствъ, могъ показаться виноватымъ.

По этой причинѣ, вѣроятно, задержалось и бракосочетаніе которое совершилось уже черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ начатаго слѣдствія, Января 22-го 1671 года.

Совершеніе обряда, обѣды, пиры за нимъ слѣдовавшіе, отличались обычною торжественностію и великолѣпіемъ.

Придворныя отношенія измѣнились немедленно. Взрослымъ дочерямъ царя Алексѣя Михайловича, царевнамъ, тя-

жело было принять и чествовать матерью мачиху, которая притомъ была всѣхъ ихъ моложе и красивѣе. Старшимъ сестрамъ царскимъ еще болѣе было это не по сердцу. Молодая жена не только раздѣлила съ ними со всѣми любовь пожилаго мужа, но овладѣла имъ совершенно, такъ что онъ не могъ насмотрѣться на нее, не отлучался отъ нея ни на минуту, бралъ ее съ собою даже на охоту. Милославскіе, родственники покойной царицы, должны были уступить мѣсто Нарышкинымъ, къ которымъ принадлежала новая царица. Можетъ быть, они дали неосторожно чувствовать свое преимущество. Явились приверженцы той и другой стороны, съ своими надеждами, средствами, цѣлями. Не обошлось дѣло безъ сплетней, клеветъ, выдумокъ, тайныхъ шушуканій во внутреннихъ покояхъ, съ глазу на глазъ, между присными людьми;—а снаружи все обстояло благополучно.

Дѣла по приказамъ шли заведеннымъ порядкомъ. Матвѣевъ былъ душею управленія, и къ счастію, ничто, ни внутри, ни внѣ, не нарушало общественнаго спокойствія. Молодые веселились, въ сосѣднихъ селахъ: Измайловѣ, Коломенскомъ, Воробьевѣ, особенно въ селѣ Преображенскомъ, любимомъ пребываніи царя Алексѣя Михайловича, на берегу тихой, свѣтлой Яузы, среди долинъ и рощей, откуда ѣздилъ онъ часто въ Сокольники, тѣшиться въ ближайшемъ сосновомъ лѣсу соколиною охотою. Обычныя богомолья отправлялися своимъ чередомъ.

Общее удовольствіе распространилось вскорѣ извѣстіемъ: молодая царица беременна!

Кого Богъ дастъ ей? О если бы сына наслѣдника! желали всѣхъ болѣе Нарышкины и ихъ покровитель, руководившій всѣми дѣлами государственными, Матвѣевъ: новорожденнымъ сыномъ закрѣпилось бы и утвердилось настоящее положеніе не только новаго семейства, но и всѣхъ дѣлъ, его собственныхъ; онъ вѣрно сдѣлался бы наслѣдникомъ, потому что старшихъ братьевъ, Ѳедора и Ивана, больныхъ и слабыхъ, никто не считалъ долговѣчными.

И общее желаніе исполнилось: 30 Мая 1672 года, на память преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ четвергъ, въ *отдачу часовъ ночныхъ* (по знаменательному выраженію въ одной современной записи) то есть передъ разсвѣтомъ, родился въ Кремлевскомъ дворцѣ сынъ, нашъ великій Петръ.

Рожденіе его облеклось въ народѣ поэзіей: разсказывали, что Симеонъ Полоцкій, первый ученый мужъ своего времени, наблюдалъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, и за девять мѣсяцевъ до рожденія Петрова замѣтилъ пресвѣтлую звѣзду близь Марса. Онъ предрекъ царицѣ рожденіе славнаго сына.

Разсказывали еще, что во время ея беременности приходилъ въ палаты какой-то странникъ, который, отстраняя поданную ему руку царицы, хотѣлъ поклониться сущему еще въ утробѣ матери младенцу. „Той Пахомій будетъ ворочать большимъ костылемъ, да и бояться его всѣ будутъ. Пятьдесятъ три сажени—высота его, и много онъ шире будетъ своего отца.“

При началѣ родильныхъ скорбей, Симеонъ Полоцкій пришелъ во дворецъ и сказалъ, что царица будетъ мучиться трое сутокъ. Онъ остался въ покояхъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Они плакали вмѣстѣ и молились. Царица изнемогала такъ, что на третій день сочли нужнымъ пріобщить ее Св. Таинъ; но Симеонъ Полоцкій ободрилъ всѣхъ, сказавъ, что она родитъ благополучно черезъ пять часовъ. Когда наступилъ пятый часъ, онъ палъ на

колѣна, и началъ молиться о томъ, чтобъ царица помучилась еще часъ. Царь съ гнѣвомъ рекъ: „что вредно просишь!“ „Если въ первомъ получасѣ родится царевичъ, отвѣчалъ онъ, то вѣку его будетъ 50 лѣтъ, а если во второмъ, то доживетъ до 70“. И въ эту минуту, увы, принесено царю извѣстіе, что царица разрѣшилась отъ бремени, и Богъ далъ ему сына.

Тогда же въ соборѣ совершалось торжественное молебствіе о здравіи царицы. Іеродіаконъ, возглашавшій ектеніи, задремалъ; вдругъ онъ слышитъ, что кто-то его будитъ: „иди молиться о царѣ, царицѣ и новорожденномъ царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ,“ между тѣмъ какъ повѣстки еще не было, и царевичь не явился еще на свѣтъ. На вопросъ послѣ молебна, почему онъ возгласилъ неслыханное имя, онъ сослался на другаго сослужившаго іеродіакона, а тотъ отвѣчалъ, что не говорилъ ему ни слова.

Какъ обрадовался царь, какъ обрадовалась царица, и ея родные, какъ доволенъ, счастливъ былъ Матвѣевъ, вообразить не трудно. Гонцы съ повѣстками разосланы были по всей Москвѣ. Тотчасъ собралось въ Успенскомъ соборѣ все высшее духовенство и повѣщенныя лица.

Въ 5 часовъ утра заблаговѣстили въ большой Успенскій колоколъ, гдѣ все уже было готово къ торжественному богослуженію. Въ сопровожденіи Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскаго царевичей, бояръ, окольничьихъ, стряпчихъ дворянъ, полковниковъ, царь А. М. пришелъ въ соборъ, и совершено было благодарственное молебствіе. Засимъ принесено было ему поздравленіе отъ всѣхъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Потомъ обошелъ онъ соборы и слушалъ обѣдню у Благовѣщенія.

Отецъ царицынъ, Кирила Полуектовичъ Нарышкинъ и Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ изъ думныхъ дворянъ были пожалованы въ окольничьи. Прочіе родственники были всѣ также повышены.

Начались родинные угощенія и пиры у царя и царицы отдѣльно, большею частію безъ зову и безъ мѣстъ. Въ день крестинъ и имянинъ новорожденнаго царевича, 29 Іюня, данъ торжественный обѣдъ въ грановитой палатѣ. Столъ, кромѣ яствъ, былъ загроможденъ всякаго рода сахарами, пряниками и овощами. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарные орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полтора, попугай полпуда. Былъ сдѣланъ также и городъ сахарный, Кремль съ людьми, конными и пѣшими, и другой городъ четвероугольный съ пушками. Праздники долго слѣдовали одни за другими.

Привязанность мужа къ молодой женѣ, принесшей ему сына, здороваго крѣпкаго (онъ былъ ростомъ, длиною одинадцати, а шириною трехъ вершковъ) усиливалась, а вмѣстѣ съ нею ненависть падчерицъ, пожилыхъ царевенъ. Родственники ихъ съ матерней стороны и прочіе знатные царедворцы злобились болѣе и болѣе на Нарышкиныхъ, которые изъ Тарусы поднялись вдругъ на такую высоту, и въ особенности на Матвѣева, произведшаго этотъ придворный переворотъ.

Новорожденный младенецъ сдѣлался для однихъ предметомъ любви, радости, надежды, а для другихъ предметомъ помѣхи, страха и отвращенія, въ знаменіе прерѣкаемо.

Немедленно приставлены къ нему: кормилица, Ненила Львова, мамы (боярыня Леонтьева и княгиня Голицына), дядьки (Стрѣшневы, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ и думный дворянинъ,

Тихонъ Никитичъ), стольники и прочіе прислужники.

Первые года Петровой жизни представляютъ совершенную противоположность съ послѣдующими: его держали, какъ говорятъ, въ хлопкахъ; на него не надохли; приближенные не знали, во что нарядить его и чѣмъ забавить.

Колыбель была устроена изъ Турскаго бархата, по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебренными. Подбита она была хлопчатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ, краснымъ Венеційскимъ, яблоко у пялецъ объярью по серебреной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ и чистымъ лебяжьимъ пухомъ.

Черезъ полгода младенцу сшиты кафтанчики, зимніе и лѣтніе, изъ бѣлаго атласа, алой объяри, на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные Нѣмецкимъ кружевомъ, съ запонами низанными жемчугомъ, съ серебрянными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ спняхъ или закрѣпахъ.

Особые покои для царевича, пристроенные къ дворцовымъ палатамъ, были убраны съ такимъ же богатствомъ. Полы, стѣны и оконныя рамы были обиты алымъ сукномъ Амбургскимъ. Полáвочники сшиты изъ бѣлаго сукна, съ узорочными каймами. Кромѣ лавокъ и скамей въ новыхъ хоромахъ Петра было поставлено вызолоченное мѣсто (въ родѣ креселъ) обитое рудожелтымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ галуномъ.

Могли ли думать нѣжные родители, что ихъ ненаглядному дѣтищу, котораго начали они въ золотѣ водить, въ чисто серебро рядить, ничто на свѣтѣ не станетъ такъ противно, какъ эта роскошь, какъ эта пышность, какъ это великолѣпіе; могли ли вообразить они, что не бархатъ, не атласъ, не объярь, не парча, придутся ему по нраву, а посконная холстина, а сермяжное сукно, а сыромятная кожа,—вотъ изъ чего составится любимое его убранство и одѣяніе, которое сіять будетъ на немъ ярче всякихъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ!

Ребенокъ росъ и развивался быстро, не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится въ сказкахъ. На шестомъ мѣсяцѣ онъ началъ ходить. Игрушки всякаго рода приносились безпрестанно съ Верху въ его покой: черезъ годъ къ имянинамъ сдѣлана потѣшная лошадка во всемъ уборѣ; сѣдло съ стремянами было вызолочено и высеребрено; сдѣлано было нѣсколько мелкихъ игрушекъ противъ сахарныхъ образцевъ; устроенъ потѣшный стулецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которыхъ царевичъ катался въ хорóмахъ; клавикорды, струны мѣдныя и всякіе другіе струменты, гусли, цимбалы.

Въ 1676 г. къ святой недѣли велѣно живописцу Ивану Салтанову росписать для царевича красками: гнѣздо голубей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо канареекъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо чижей, гнѣздо барановъ, а у барашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нихъ сущая. Тогда же царевичу устроены были въ хоромахъ качели на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ бархатомъ.

Не мало изготовлялось и военныхъ игрушекъ, которыя также вызолачивались и расписывались красками: лучки, барабаны, бубны, топорки, чеканцы, пищали, пистоли, пушечки, булавы.

1675 года въ Маѣ, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ударилъ челомъ царевичу Петру „карету маленькую, и въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархáтныя, пряжки вызолочены, начелники и гривы и нахвостники шитые.....

вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочена, да кругъ кареты стекла хрустальныя, а на стеклахъ писаны цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ, а въ ней рѣзи,а кругъ кареты бахромы золотыя."

Въ этой самой кареткѣ царевичъ, уже трехлѣтній, слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ, 19 Сентября 1675. Очевидецъ этого выѣзда, цесарскій посланникъ Лизекъ, пишетъ что „вслѣдъ за поѣздомъ царя показался изъ другихъ воротъ дворца поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ стольникъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели 12 рослыхъ бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки крошечной породы: по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади, верхомъ на крохотномъ конькѣ."

Отецъ и мать брали, кажется, вездѣ свое дорогое дитя съ собою. Тотъ же современникъ разсказываетъ, что когда онъ представлялся царю Алексѣю Михайловичу въ селѣ Коломенскомъ, вдругъ увидѣлъ онъ царицу въ растворившуюся дверь смежнаго покоя: это Петръ, имѣя только около трехъ лѣтъ отъ рожденія, толкнулъ дверь, у которой стоялъ съ матерью, смотрѣвшею посольскій пріемъ, и дверь отворилась къ общему изумленію всего чопорнаго двора.

Любимое пребываніе царскаго семейства было въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, въ особо построенныхъ хоромахъ на подобіе Кремлевскихъ, по мысли Матвѣева и подъ его управленіемъ, начались представленія такъ называемыхъ комедій. Онъ выписалъ Нѣмецкихъ актеровъ, которымъ отдалъ въ ученіе нѣсколько своихъ дворовыхъ людей и мальчиковъ изъ подъяческихъ дѣтей съ Мѣщанскихъ улицъ, гдѣ были поселены выходцы изъ Бѣлоруссіи и другихъ западныхъ губерній. Первая комедія представлена была, какъ Юдиѳь Олоферну голову отсѣкаетъ. Въ другой разъ какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну (Есѳирину) челобитью и по Мардохееву наученію. Эти комедіи были не безъ примѣненій къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ Мардохеѣ примѣтенъ былъ Матвѣевъ, Есѳирь напоминала царицу Наталью Кириловну. Въ Аманѣ хотѣли узнавать кого-нибудь изъ Милославскихъ. Была еще малая „прохладная"комедія объ Іосифѣ, о младшемъ Товіи, и наконецъ нѣчто историческое о нападеніи Темиръ-Аксака. Послѣ комедіи являлись выписанные Нѣмцы, которые умѣли на высокихъ трубахъ танцы трубить; другіе играли на органахъ, фіоляхъ и разныхъ струментахъ, танцовали и всякими потѣхами разными тѣшили. Призывались разные фокусники въ дополненіе къ домашнимъ шутамъ и скоморохамъ, которые показывали разныя штуки. Комедіи продолжались по пяти, по семи часовъ сряду, а веселье вообще очень часто до разсвѣта.

Такъ прохладно проводили время родители Петровы,внѣ засѣданій Думы. Поутру слушаніе литургіи въ соборахъ по случаю праздниковъ или чьихъ либо именинъ изъ царскаго дома, молебны и панихиды, странствія по церквамъ, во дни мѣстныхъ праздниковъ, длинные обѣды, очень часто съ приглашеніемъ многихъ гостей изъ бояръ и прочей знати. Послѣ ранняго обѣда вечерни и всенощныя, потомъ шуты, скоморохи, музыка и комедіи. Разнообразіе доставляли путешествія по селамъ дворцевымъ, изъ коихъ любимыя были Преображенское, гдѣ они по долгу живали, особенно осенью; Измайлово,

Воробьево, и наконецъ отдаленныя богомолья къ Троицѣ-Сергію, въ Савинъ монастырь, къ Іосифу Волоколамскому, къ Пафнутію Боровскому, на Пѣсноши на Угрѣшу,—богомолья, которыя сопровождались также разными удовольствіями.

Царица, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ Петра, родила дочь Наталью (1673 г.), еще черезъ годъ дочь Ѳеодору (1674 г.).

Внѣшнія событія не представляли никакихъ затрудненій, а еще менѣе опасностей. На небѣ не показывалось не единой тучки.

Старшій царевичъ Ѳедоръ въ началѣ еще новаго 1674 года былъ объявленъ, по обычаю, своимъ подданнымъ и иностранцамъ какъ совершенно-лѣтній и, разумѣется, какъ наслѣдникъ; но это объявленіе не возбуждало никакихъ опасеній. Матвѣевъ, а за нимъ царица и ея родные, не оказывали вѣроятно никакаго возраженія, увѣренные, что это есть только исполненіе обряда, ни сколько для нихъ не опасное: царь былъ совершенно здоровъ и крѣпокъ; объявленный наслѣдникомъ, равно какъ и братъ его, слабые отъ рожденія, не могли по всѣмъ вѣроятностямъ пережить отца; зачѣмъ же было обнаруживать свои тайныя чувствованія, раздражать понапрасну противную сторону явнымъ покушеніемъ на ея законныя права, тогда какъ имъ по всѣмъ вѣроятностямъ несуждено было придти въ силу никогда? Такъ безъ сомнѣнія разсуждалъ Матвѣевъ съ своими друзьями, оставляя дѣла идти естественнымъ порядкомъ, совершенно спокойный за ихъ благополучный исходъ, какъ вдругъ царь Алексѣй Михайловичъ въ Январѣ 1676 года занемогъ. Шестаго еще числа, въ полномъ облаченіи, ходилъ онъ на Іордань; 12-го, въ день имянинъ сестры царевны Татьяны Михайловны, былъ у обѣдни и жаловалъ бояръ имянинными пирогами; 19 Января была во дворцѣ комедія съ музыкою, но онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и слегъ въ постель. Болѣзнь не представляла сначала повидимому никакой опасности, но потомъ усилилась, и черезъ 10 дней онъ скончался, благословивъ на царство, какъ объявлено было народу, старшаго сына Ѳедора, которому было только 14 лѣтъ отъ роду.

Точно-ли такое было объявленіе, сдѣлалъ ли его царь по собственному своему побужденію, не смѣя нарушить родоваго обычая, или былъ подвигнутъ къ тому сестрами и дочерьми, которыя не отходили отъ его смертнаго одра и не допускали никого изъ противниковъ, неизвѣстно. Молодая царица ни въ какомъ случаѣ не посмѣла бы оспоривать патріаршаго и боярскаго заявленія или распоряженія, подтвержденнаго царевнами. Она должна была молчать и покориться своей судьбѣ. Какъ бы то ни было, Матвѣевъ, застигнутый врасплохъ, не успѣлъ видно принять нужныхъ мѣръ, хотя можетъ быть и не умѣлъ скрыть своихъ намѣреній и дѣлалъ какія-нибудь попытки.

Погребеніе покойнаго и вѣнчаніе новаго царя отправлены были по обычаю, и на Верху все вдругъ измѣнилось: Нарышкины пріуныли съ своими пріятелями, царевны разцвѣли, Милославскіе, ихъ родственники, восторжествовали и взяли въ свои руки правленіе, распоряжаясь именемъ новаго царя.

Долго впрочемъ не предпринималось ничего важнаго, но втайнѣ обдумывался

предлежащій образъ дѣйствій, и чрезъ полгода ударъ разразился рѣшительнымъ дѣйствіемъ: ссылкою Матвѣева на воеводство въ самый сѣверный Сибирскій городъ Верхотурье (4 Іюля 1676 г.).

Матвѣевъ—это былъ опасный соперникъ для новыхъ временщиковъ по своему уму, опытности, свѣдѣніямъ и связямъ. Онъ былъ начальникомъ и руководителемъ всей партіи, которая безъ него, какъ безъ головы, не могла предпринять ничего, не смотря на родственныя связи съ вдовствовавшей царицей и ея семействомъ.

Такое начало не предвѣщало для нихъ ничего добраго. Тяжело было царицѣ разстаться съ своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ: на кого можетъ она положиться безъ него, съ кѣмъ посовѣтоваться? Что будетъ съ нею, съ ея сиротами, и въ особенности съ ея любезнымъ первенцемъ? Слезы матери должны были произвести глубокое впечатлѣніе въ душѣ воспріимчиваго мальчика, 4-хъ лѣтняго уже Петра, который и самъ вѣрно былъ горячо привязанъ къ доброму, ласковому старику, потѣшавшему его такими прекрасными игрушками.

Не успѣлъ Матвѣевъ доплыть Волгою до Лаишева, какъ былъ остановленъ, обвиненный въ намѣреніи извести молодаго царя во время послѣдней его еще при отцѣ болѣзни, въ призываніи нечистыхъ духовъ, въ занятіяхъ волшебствомъ по какой-то черной книгѣ, лишенъ имѣнія и всѣхъ почестей и сосланъ, какъ государственный преступникъ, на житье въ отдаленный и дикій Пустозерскъ.

Ужасное извѣстіе должно было усилить горесть обитателей Преображенскаго. Толки, жалобы, догадки, брани, проклятія падали въ душу маленькаго Петра злыми сѣмянами.

Новыя событія прибавляли безпрестанно страху: стѣсненъ, въ заточеніи, сверженный патріархъ Никонъ, наказанъ духовникъ царскій Андрей Савиновъ; родные братья царицы Натальи Кириловны, Иванъ и Аѳанасій, были сосланы, сама она подвергалась всяческимъ оскорбленіямъ и униженіямъ. Оставалось, кажется, Преображенскому сдѣлаться Угличемъ.

Но Богъ милостивъ Преображенское сдѣлается для даровитаго мальчика наилучшею школою, гдѣ онъ, на просторѣ, среди полей и рощей, вдали отъ придворнаго тунеядства, праздношатанія, безпечности и закоснѣлыхъ обычаевъ, выучится, разовьется, познакомится съ людьми, съ нуждою и приготовится на царственное дѣланіе, *по своему*, какъ на святой Руси никто прежде не думалъ-не гадалъ, и какъ во снѣ никому присниться никогда не могло. Птенецъ здѣсь оперится, заматорѣетъ, расправитъ крылья, и изъ Преображенскаго гнѣзда вылетитъ орломъ на всю святую Русь.

М. Погодинъ.

Извѣстія о Матвѣевѣ находятся въ «Исторіи объ его невинномъ заточеніи». Списокъ дѣвицъ, собранныхъ на смотрины предъ вторымъ бракомъ царя Алексѣя Михайловича, напечатанъ академикомъ Пекарскимъ въ V томѣ Академическихъ извѣстій. Извѣстіе о рожденіи Петра I, 30-го Мая, въ отдачу нощныхъ

часовъ, помѣщено въ дворцовой запискѣ, напечатанной у Туманскаго, т V, стр. 181. У него же (I, 237) преданія, относящіяся къ рожденію Петра I въ «Повѣсти о зачатіи,» и проч. Изслѣдованіе о рожденіи Петра I въ Кремлѣ, а не въ Коломенскомъ и не въ Измайловѣ, сдѣланное еще за сто лѣтъ Миллеромъ, напечатано у Туманскаго, т. V, стр. 117, и пополнено Забѣлинымъ. Описаніе крестиннаго пира у Туманскаго, т. V, стр. 185. Всѣ свѣдѣнія объ одеждѣ, игрушкахъ и учебныхъ пособіяхъ собраны Забѣлинымъ (въ его прекрасной статьѣ о дѣтствѣ Петра I), изъ разныхъ дворцовыхъ документовъ. Изъ нихъ я привелъ нѣсколько, равно какъ воспользовался и разными извѣстіями разсѣянными въ его важномъ трудѣ о бытѣ Русскихъ царей. Замѣчательное разсужденіе Забѣлина о развитіи понятій Петра о долгѣ, о службѣ, о дисциплинѣ, среди военныхъ игръ, подъ руководствомъ Менезіуса, не можетъ относиться къ трехлѣтнему съ небольшимъ Петру, и потому не принято мною къ соображенію: оно должно быть переставлено ближе къ девятилѣтнему его возрасту, что и постараюсь я доказать въ свое время. Дворцовые документы о дѣтствѣ и молодости Петра изданы недавно г. Есиповымъ въ особомъсборникѣ, но я не могъ еще имъ воспользоваться.

М. П.

Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II-й къ А. В. Храповицкому, 1783—1793.

(Изъ бумагъ Н. В. Сушкова, подаренныхъ Д. И. Сушковою Московскому Публичному Музею *).

1.

1783 г. 7 генваря. Реестръ контрактовъ всѣхъ музыкантовъ, пѣвицъ, пѣвчихъ, комедіянтовъ и танцовщиковъ, съ прописаніемъ сроковъ и жалованья, и съ того времени, кому прибавлено сколько и для чего. Равномѣрно, какъ велика годовая сумма, опредѣленная на содержаніе театра.

2.

1784 г. 24 апрѣля. Александръ Васильевичъ, прикажи выписать изъ бар-

*) Подробный библіографическій очеркъ бумагъ, оставшихся послѣ извѣстнаго нашего писателя, Н. В. Сушкова, сообщенъ нами въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нынѣшняго года, № 107. Самую драгоцѣнную часть этихъ бумагъ, безспорно, составляетъ, хранившійся въ фамиліи Сушковыхъ и теперь отъ одной изъ достойнѣйшихъ представительницъ этой фамиліи переданный въ общественную собственность, портфель съ бумагами роднаго дяди (по матери, извѣстной писательницѣ, М. В. Сушковой) покойнаго Н. В. Сушкова, статсъ-секретаря Императрицы Екатерины II-й Храповицкаго. Въ составъ этого портфеля между прочимъ входятъ: 1. Собственноручныя письма и записки Императрицы къ Храповицкому и другимъ лицамъ. 2. Собственноручные или поправленные рукою Императрицы указы, манифесты, резолюціи на докладахъ и проч. 3. Собственноручныя, отчасти бывшія доселѣ неизвѣстными, ея сочиненія литературныя. Изъ документовъ перваго разряда нѣкоторые (не многіе впрочемъ), были напечатаны частію въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., частію въ вышеупомянутомъ нашемъ очеркѣ. Но здѣсь письма Императрицы къ Храповицкому печатаются въ полномъ ихъ составѣ. При письмахъ прилагаются необходимыя объяснительныя примѣчанія. *А. Викторовъ.*

хатной книги, буде въ ней есть, о родѣ Ланскихъ [1] и привези ко мнѣ.

3.

1784 г. 26 мая. 1. О площади, гдѣ дрова класть, послать приказаніе въ Измаиловскій полкъ. 2. Губернатору запретить, чтобъ, безъ аттестата отъ обер-полицеймейстера, не представлялъ въ сенатъ полицейскихъ офицеровъ къ возвышенію, и въ сенатъ приказать, чтобъ безъ аттестата не производили.

4.

1784 г. 9 іюня. Достаньте для меня писаніе Курбскаго, буде порусски есть [2].

5.

1784 г. 2 іюля. 1. Спросить въ дворянскомъ банкѣ, много ли денегъ лежитъ безъ употребленія. 2. Всѣ по банкамъ, отъ ихъ учрежденія, выданныя узаконенія.

6.

1784 г. іюля 13. Герберштейна изъ Миллеровы библіотеки взять.—Chronique его, хотя полатыни. Мы переведемъ здѣсь порусски, буде на иномъ языкѣ имѣть не можно,—о чемъ навѣдаться [3].

7.

1784 г. 21 декабря. Канкрейну [4] показать лѣсной заготовленный уставъ.

8.

1785 г. 26 апрѣля. Бронзовыя медали на соединеніе Крыма и на монументъ Петра перваго, да золотая медаль о соединеніи Крыма, да золотая четыре-угольная, при мирѣ данная солдатамъ.

9.

1785 г. 12 декабря. Вопросы: 1. Имѣла ли вотчина и обѣ юстицъ-коллегіи утвержденіе или проэктированные наказы, какъ главный магистратъ имѣлъ. 2. При учрежденіи главнаго магистрата издано было Петромъ Первымъ о семъ обширное изданіе, которое на Москвѣ [5], между моими бумагами, въ 1774 и 1775 г., находилось. Оное прошу отыскать. Помнится, заглавіе его: Регламентъ главнаго магистрата. 3. Обрядъ, какой наблюдается при отказѣ кѣмъ недвижимаго имѣнія,—сей требовать откуда надлежитъ? Также требуетъ объясненія, чего судебное мѣсто разумѣетъ точно подъ словомъ: *справлено* и подъ словомъ: *от-*

---

[1] Тогдашній любимецъ, генералъ-адъютантъ и генералъ-поручикъ Александръ Дмитріевичъ Ланской, умеръ 25 іюня этого 1784 г., на 27 году возраста. Не думала ли Императрица дать Ланскому, тогда уже больному, какой либо титулъ? *П. Б.*

[2] Какъ извѣстно, Екатерина знала въ подлинникахъ памятники древней Русской словесности и даже изучала слово о полку Игоревѣ. Относительно Курбскаго, въ дневникѣ у Храповицкаго 2 Ноября 1791 г. записано: „Исторію Курбскаго приказали мнѣ для прочтенія отослать къ Евграфу Александровичу Черткову.“ *П. Б.*

[3] Русскій переводъ въ то время не состоялся; но позднѣе (1796) Императрица приказала вновь напечатать съ Базельскаго изданія (1567) нѣмецкій подлинникъ знаменитаго, сю оцѣненнаго, сочиненія (См. печатный каталогъ Чертковской библіотеки, № 1411). Вѣроятно Императрицѣ не было извѣстно первое самимъ авторомъ приготовленное изданіе Вѣнское 1557 года (оно также имѣется въ Чертковской библіотекѣ № 1410). *П. Б.*

[4] Т. е. Канкрину, отцу знаменитаго нашихъ временъ министра, графа Егора Францовича. *П. Б.*

[5] Живя въ Москвѣ и въ Царицинѣ (тогда еще Черной Грязи) Екатерина много занималась законодательствомъ и выдала учрежденіе о губерніяхъ. *П. Б.*

казано, и есть ли на каждое изъ тѣхъ словъ утвержденной или обычной обрядъ, и требуется точное и подробное описаніе утвержденнаго или обычнаго обряда того.

10.

1785 г. 23 декабря. О движимомъ имѣніи есть ли выпись?

11.

1786. г. 22 февраля. Раскрывайте при самомъ Арндтѣ, чтобъ не разронять множество замѣтокъ, кои всѣ по листамъ положены для исправленія [6].

12.

1786, le 4 Mars S'il y a un dictionaire de rime Russe imprimé, faites le acheter pour moi et envoyez le moi, comme les autres livres [7].

13.

1786 г. апрѣля 21. Первое дѣйствіе служитъ къ показанію умоначертанія дѣйствующихъ лицъ; второе къ продолженію умоначертанія и къ начатію sujet, о чемъ дѣло идетъ; третье—къ продолженію sujet-а и къ начатію, что̀ называютъ амброгліо; четвертое—къ амброгліо; пятое—catastrophe, или окончаніе [8].

14.

1786 г. 19 іюля. Заготовьте къ моему подписанію указъ, что Преображенскаго полку капитана-поручика, Александра Мамонова жалую въ полковники, и включить его въ число флигель-адъютантовъ при мнѣ [9].

15.

1786, le 24 Juillet. Faites dire à Lebrecht qu'il cherche une améthiste de Sibérie d'une belle couleur violete et qu'il y grave mon profil aussi bien qu'il peut et aussi ressemblant qu'il pourra inbuglio, après quoi qu'il cherche aussi une autre pierre pour faire un camée [10].

16.

1786 г. 18 октября. Просить Вейдбрехта снова сдѣлать изданіе Записки касательно Россійской исторіи и для того прислалъ (бы) пробныя литеры, и листы оные послать къ господину Пастухову съ тѣмъ, чтобы потрудился надсматривать, или кому повѣрить, лишь бы съ точностію напечатано было. Современниковъ къ нему возвратить [11].

17.

Купилъ графъ Воронцовъ въ Лондонѣ каменья лорда Алгерноона Перси; но здѣсь изъ каталога Тессье примѣ-

---

[6] Арддтъ переводилъ комедіи Екатерины на нѣм. языкъ; упомянутыя замѣтки относятся къ комедіи „Обольщенный“ (см. Зап. Храп. подъ 22 и 23 Февр. 1786) *П. Б.*

[7] Т. е.: 4 Марта 1786. Если есть наРусскомъ языкѣ напечатанный Словарь риѳмъ, велите его купить и пришлите ко мнѣ какъ и остальныя книги.“—13 Марта А. В. Храповицкій записалъ: „Поднесъ первыя тетради лексикона риѳмъ.“

[8] Относится къ оперѣ Февей. *П. Б.*

[9] 27 лѣтній преемникъ Ермолова, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, по Запискамъ Храповицкаго, явился въ первый разъ на поклонъ 15 Іюля 1786. *П. Б.*

[10] Т. е.: 24 Іюля 1786. Скажите Леберехту, чтобъ сыскалъ Сибирскій аметистъ хорошаго фіолетоваго цвѣта и вырѣзалъ на немъ мой профиль какъ можетъ лучше и какъ можетъ похожѣе, инбугліо; послѣ чего пусть сыщетъ также другой камень сдѣлать камею.

[11] Подъ современниками Екатерина, можетъ быть, разумѣетъ помѣщенныя въ ея запискахъ касательно Россійской Исторіи указанія на то что̀ одновременно съ событіями Русскими происходило въ чужихъ краяхъ. *П. Б.*

чается, что лордъ Алгерноонъ Перси многіе лучшія каменья не продалъ. О семъ извѣстенъ ли гр. Воронцовъ, или договоръ былъ оные исключить?

18.

1786 г. 6 декабря. Возьмите съ собой, что у меня на столѣ лежатъ, переводы съ старинныхъ авторовъ; также Ломоносова, русскія пѣсни, и лексиконъ двухсоть-язычный.

19.

1786 г. 26 декабря. Aportez moi une carte de la Livonie et Estionie [12].

20.

1787 г. 5 генваря. Заготовить надобно приказаніе въ сенатъ, чтобъ дѣло генерала Ферзена, кавалера св. Георгія, скорѣй и немедленно рѣшили.

21.

1787 г. 18 февраля. 1. Золотой лампадъ съ кистью бриліантовой и съ жемчужиной. О семъ написать къ Соймонову. Величина лампада напримѣръ, какъ предъ царскими дверьми въ зимнемъ дворцѣ, въ большой церкви, а кисть да будетъ вершка въ полтора длины, а внизу шириной вершокъ. Сіе св. великому князю Владиміру.

22.

Батюшкѣ-духовнику дать деньги, чтобъ на святыхъ Печерскихъ сдѣлалъ парчевыя пелены съ позументомъ съ бахрамами и кистями, какъ водится [13].

23.

1787 г. 20 февраля. Пришли ко мнѣ фальшивую ассигнацію, присланную изъ Питербурга.

24.

1787 г. 28 февраля. Седьмъ тысячъ рублей, да сто червонныхъ; въ числѣ седьми двѣ золотомъ внести въ комнату, а въ числѣ ассигнацій одну тысячу особо.

25.

1787 г. 2 марта. Напиши пожалуй къ Соймонову, чтобъ досталъ изъ Эрмитажа два моихъ портрета во весь ростъ. Для Екатеринославской губерніи, Тавриды князь Потемкинъ оные проситъ. Буде готовыхъ нѣтъ, чтобъ заказалъ и прислалъ ихъ сюда.

26.

1787 г. 14 марта. Я зачала было списывать, но скучно стало. Пожалуй спиши.

27.

1787 г. 16 апрѣля. Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда сядутъ, дабы видѣли во всей Европѣ, какъ врутъ газеты, когда пишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился [14].

28.

Le 17 avril 1787. 28 Mr. de Ségur m'a demandé hier, si l'auteur du Schaman n'avait point fait d'ouvrage sur l'édu-

---

[12] Т. е. Принесите мнѣ карту Ливоніи и Эстоніи.

[13] Писано въ Кіевѣ, гдѣ, по запискамъ Храповицкаго, 15 Февр. 1787: „Были въ обѣихъ пещерахъ и прикладывались ко всѣмъ мощамъ.“ Батюшкою-духовникомъ былъ тогда Іоаннъ Памфиловъ, бумаги коего въ Р. Архивѣ 1870 г. *П. Б.*

[14] 22 Апрѣля Екатерина выѣхала изъ Кіева на галерахъ. Въ столичныя вѣдомости посылался дневникъ путешествія; а въ Кіевѣ печатались послѣ вечернихъ бесѣдъ особыя газеты (зап. Храп. подъ 10 Апрѣля 1787). Газеты эти нынѣ составляютъ великую рѣдкость. *П. Б.*

cation. Je lui ai repondue que non. Mais ce matin je me suis ressouvenue qu'il y a de lui (outre la Grande Instruction du général Saltikof) deux ou trois livres pour les enfans-mêmes qu'ils lisent avec une singulière avidité et qu'ils se font relire continuellemet, particulièrement quand ils sont malades. Ses livres ont épargnés beaucoup de pleurs aux enfans et aux bonnes bien des altercations inutiles. Je pense que ses livres sout imprimés en Allemand. L'un est un A B C. accompagné de Maximes, l'autre des contes d'enfans, le troisième est une espèce de Géographie des frontières de la Russie en forme de narration à la portée des enfans. Tout ceci a été fait pour Alexandre quand il n'avait que quatre à cinq ans, et le succès en a été etonnant. Montrez ce billet au comte de S [15].

29.

Ce 17 avril 1787. Il faut dire la vérité, ce pauvre manifeste est cruellement massacré dans cette traduction. Au lieu de l'éloquence peut être noble, mâle (je n'ose pas dire remplie d'agrement), coulante, mais riche en expression et plus gentile encore en chose qu'en parole, le traducteur a été d'une paresse inouie dans le choix de ses termes, dans de certains endroits, et dans d'autres il a ajouté des phrases, par lesquelles loin de rendre l'original plus intelligible il s'est éloigné du sens et surtout de l'énergie. J'en ai marqué plusieurs par une croix en marge, mais on pourrait marquer chaque ligne, car la pièce n'est pas reconnoissable; il aime beaucoup le mot de principes, il lui sert partout. J'ai perdu patience à la septième page, et je n'ai pas continué l'examen. Pour avoir une bonne traduction, je conseille d'attendre l'Allemande, d'Arndt, qui saisit mieux que tout autre et est accoutumé au stile de l'Auteur [16].

30.

1787 г. Іюня 20. Съ крайнимъ удивленіемъ услышала я, вышедши изъ за

[15] Т. е.: 17 Апр. 1787. Госп. Сегюръ спрашивалъ меня, не писалъ сочинитель Шамана чего либо о воспитаніи. Я ему отвѣчала, что нѣтъ; но сегодня утромъ вспомнила, что кромѣ большаго наставленія генералу Салтыкову, написаны имъ двѣ или три книжечки для самихъ дѣтей, которыя они читаютъ съ особенною жадностью и постоянно заставляютъ себѣ перечитавать, особливо во время болѣзни. Эти книжечки уняли у дѣтей много слезъ, и благодаря имъ няньки часто избавлялись отъ безполезной воркотни. Я думаю, что эти книжечки напечатаны по нѣмецки. Одна изъ нихъ Азбука съ наставленіями; другая дѣтскія сказки, также родъ Географіи Русскихъ предѣловъ, въ видѣ разсказа въ дѣтскомъ понятіи. Все это было написано для Александра, когда ему было отъ 4 до 5 лѣтъ, и успѣхъ былъ удивительный. Покажите эти строки графу Сегюру.

[16] Т. е.: 17 Апр. 1787. Надо сказать правду: этотъ несчастный манифестъ страшно искаженъ въ этомъ переводѣ. Вмѣсто краснорѣчія, можетъ быть благороднаго, мужественнаго (не смѣю сказать исполненнаго веселости), плавнаго, но выразительнаго и болѣе еще любезнаго по дѣлу, чѣмъ въ словахъ,—переводчикъ былъ въ однихъ мѣстахъ несказанно лѣнивъ относительно выбора словъ, а въ другихъ понабавилъ фразъ, коими не только не сдѣлалъ подлинника понятнѣе, напротивъ уклонился отъ смысла и отъ энергіи. Я отмѣтила многія мѣста на поляхъ крестомъ; но можно бы отмѣчать каждую строку, потому что сочиненіе вышло неузнаваемо. Онъ очень любитъ слово: *начала* и безпрестанно его употребляетъ. Я вышла изъ терпѣнія на седьмой страницѣ, и перестала читать дальше. Чтобы имѣть хорошій переводъ, совѣтую подождать нѣмецкаго, который будетъ сдѣланъ Арндтомъ; онъ лучше всѣхъ понимаетъ и привыкъ къ слогу автора."—Строки эти относятся къ переводу знаменитаго манифеста о дуеляхъ, изданнаго въ Кіевѣ, 21 Апрѣля 1787, и о нихъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ подъ тѣмъ же 17 Апрѣлемъ 1787. *П. Б.*

стола, что вы положили съ М. Н. Кречетниковымъ сегодня еще быть комедіи [17]. Подобное положеніе, не доложась мнѣ, не подобаетъ дѣлать; понеже о томъ, что̀ мнѣ угодно или не угодно, никто знать не можетъ; а я въ опекунствѣ ни чьемъ быть не желаю.

31.

1787 г. іюля 9. Въ Валдаѣ. Сей домъ, сказываютъ, казенный. Давно сказано писанно (sic) и словесно, чтобъ въ казенныхъ домахъ панели и у окошекъ и дверей коробки деревянныя не клали, и почтено сіе за излишній убытокъ: понеже за панелями клопы лишь водятся и иныя гадины, а коробки морозъ деретъ; здѣсь же подѣланы коробки и панели. Сіе не оставьте безъ примѣчанія для переду. А сей домъ строенъ еще, чаю, при Сиверсѣ.

32.

1787 г. 13 іюля. Царское Село. Александръ Васильевичъ, изъ Эрмитажа получила я *записку*, что портретъ мой, то есть esquisse Петергофскаго, въ 1784 г. княземъ Вяземскимъ взятъ чрезъ живописца на фарфоровой заводъ. Я васъ прошу съѣздить на тотъ заводъ и мой портретъ ко мнѣ привезти; ибо подобныя вещи три года продержать слишкомъ нахально. И потеряться можетъ. Сей же оригиналъ Эриксона.

33.

1787 г. 7 Августа. Чтобъ Стрекаловъ послалъ приказаніе къ Бакстеру, чтобъ имѣлъ въ готовности для Фицгерберта [18] до трехъ тысячъ рублей на покупку лошадей, и чтобъ лошади, кои Фицгербертъ купитъ, Бакстеръ бы принялъ, и отправлялъ сюда къ Судерланду, а какъ прибудутъ, чтобъ сей увѣдомлялъ Александра Матвѣевича Мамонова.—Капитану Ендаурову чтобъ комната дана была въ Брюсовомъ дворѣ.

34.

1787 г. 11 августа. Пожалуй сыщите кого, ктобы перевелъ на нѣмецкій языкъ сію комедію аглинскую. (Приписка Храповицкаго: Die Lästerschule).

35.

1787 г. августа 24. Сдѣлай милость еще перепиши, и койчасъ перепишешь, пришли ко мнѣ.

36.

1787 г. 27 августа. На сіи деньги, употребленныя по моему приказанію, заготовьте квитанцію генералу майору Дмитріеву-Мамонову.

37.

1787 г. 19 сентября. Выправься пожалуй: сенатомъ сняты ли генералъ-губернаторскія и губернаторскія прещенія о невывозѣ хлѣба изъ губерній, и когда посланы указы; а буде не посланы, то напомните о семъ Колокольцову отъ меня [19].

38.

Le 28 Octobre 1787. Le second tome de la Flora Rossica faites moi avoir en belle et bonne relieure de maroquin rouge [20].

---

[17] Это было на обратномъ пути, въ Тулѣ, гдѣ намѣстничалъ М. Н. Кречетниковъ. *П. Б*

[18] Тогдашняго англійскаго подлинника при нашемъ Дворѣ. *П. Б.*

[19] Θедоръ Михаиловичъ Колокольцовъ (впослѣдствіи баронъ, отецъ Е. Θ. Муравьевой) былъ тогда оберъ-прокуромъ Сената. *П. Б.*

[20] Т. е.: Достаньте мнѣ вторую часть Россійской Флоры въ хорошемъ и красивомъ переплетѣ, въ красной кожѣ.

39.

1787 г. 21 ноября. Освѣдомьтесь, много ли пудъ золота отложено на сервисъ золотой. Спросите о семъ у Степана Ѳедоровича [21] и у оберъ-маршала, и чтò скажутъ, скажите мнѣ,— такъ же, гдѣ то золото?

40.

1787 г. 27 декабря № 80. Симбирскаго и Уфимскаго—объ отдачѣ Меленскихъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ на аренду купцу Устинову.

41.

1788 г. 6 генваря. Въ 4-мъ дѣйствіи есть малое прибавленіе, которое я бъ желала, чтобъ актеры выучили, какъ скорѣе, такъ и лучше [22].

42.

1788 г. 15 генв. Въ Эрмитажѣ находятся фонари, кои выписаны для ложи Рафаелевой, но не поставлены, а отданы спрятать, о чемъ можете навѣдаться у тамошнихъ камердинеровъ; изъ нихъ возьмите шесть такихъ, кои не выбраны изъ уклажи, и отдайте ихъ совсѣмъ увязанные, такъ чтобы ихъ везти можно было, генералу-майору Дмитріеву-Мамонову, а *Кваренгію* прикажите на мѣсто тѣхъ выписать другіе такіе же.

43.

1788 г. 20 генваря. По слѣдующимъ реестрамъ прикажите, чтобъ росписки.... *(неоконч.)*, и Вейтбрехтъ прислалъ ко мнѣ, чтò скорѣе, то лучше, требуемыя мною книги.

44.

1788 г. 29 генваря. Достань пожалуй золотую медаль на рожденіе Александра Павловича. Онъ меня просилъ: у него нѣту.

45.

1788 г. 1 февраля. Къ кн. Потемкину писать, чтобъ доктору Майеру далъ дозволеніе пріѣхать сюда.

Un bonnet fouré de zabel [23], чай Китайскій и кофе Меккскій,—все сіе съ моимъ письмомъ отправьте къ Циммерману.

46.

1788 г. 7 февраля. Александръ Васильевичъ, скажите батюшкѣ - духовнику, что Александръ Матвѣевичъ [24] у меня проситъ мощей въ золотой крестъ, который онъ посылаетъ къ своей матери. Мнѣ помнится, что у меня въ церкви есть образа многіе съ мощами, и чтобъ онъ отобралъ нѣсколько частицъ для того.

47.

1788 г. 29 февраля. Sticrneld [25] пишетъ къ Александру Матвѣевичу, что къ нему изъ дворца кто-то приходилъ, когда онъ не былъ дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ сего вечера былъ въ Эрмитажѣ, прося знать дать, когда ему пріѣхать. Я думаю, что галиматью подобную составляютъ отъ ослышки слугъ, и для того васъ о семъ извѣщаю, чтобъ вы отнюдь не сего дня и не въ такой часъ, когда я дòма, но во время бытности моей у обѣдни водили его посмотрѣть днемъ Эрмитажъ и антресоли, какъ я вамъ сего утра приказывала при графѣ Брюсѣ.

---

[21] Стрекалова.

[22] Эта записка относится къ комедіи „Разстроенная семья", которую тогда писала Екатерина. *П. Б.*

[23] Шапка собольяго мѣху.

[24] Мамоновъ. Мать его, Анна Ивановна (ур. Бабарыкина) жила въ Москвѣ. *П. Б.*

[25] Шведъ-путешественникъ. *П. Б.*

48.

1788 г. 5 марта. Приказать конторѣ надъ строеніемъ приготовить покои, кои позади покоевъ великой княжны Маріи Павловны, чтобъ въ оныхъ въ августѣ или въ концѣ іюля можно было жить.

49.

1788 г. 7 марта. Александръ Васильевичъ, прошу навѣдаться, нѣтъ ли на городовой верфи готовыхъ двѣ или три лодки такія, какъ въ Царскомъ Селѣ на прудѣ, и что онѣ стоятъ. А буде нѣтъ, то пошлите взять изъ царскосельскихъ, хорошихъ, крѣпкихъ и хорошо выконопаченныхъ, и пошлите ихъ прямо къ Москвѣ, къ Карачинскому [26]; а сему отъ меня писано будетъ, что съ ними дѣлать.

50.

1788 г. 22 марта. Написать въ отвѣтъ, что правило всякаго суда есть: въ чемъ застану, въ томъ и сужу. Ни майорскій патентъ, ни дипломъ на неизвѣстный здѣсь орденъ...... не можетъ тутъ служить ко остановленію теченія правосудія, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ уже подозрѣнія являются во лживыхъ поступкахъ, какъ-то: фальшивый пашпортъ, двойное названіе и тому подобное. И для того, не смотря на предъявленный абшидъ и дипломъ, дать теченіе суду.

51.

1788 г. 30 апрѣля. Александръ Васильевичъ, вы найдете въ двухъ ящикахъ моего стола, на креслахъ и около меня всѣ тѣ запечатанные пакеты, письма и книги, кои вы ко мнѣ привезти имѣете въ Царское Село.

[26] Карачинскій завѣдывалъ подмосковными дворцовыми селами. *П. Б.*

52.

1788 г. 9 мая. Я въ городѣ еще выбрала двухъ кандидатовъ на вице-губернаторскія мѣста, но до нынѣ объ нихъ ничего не слышу.

53.

1788 г. 11 мая. Чтобъ сенатскіе доклады отъ 1767 по 1786 г. были присланы отъ графа Безбородко къ Александру Васильевичу Храповицкому.

54.

1788 г. 31 мая. Писать къ Черткову, чтобъ прислалъ ко мнѣ реестръ, кому розданы въ Саратовской губерніи земли, отъ кого и по какому указу въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ [27].

55.

1788 г. 1 іюня. Кавалергардскіе капралы: Исаевъ, Леманъ, Ласунскій. Объ нихъ доложить.

56.

1788 г. іюня 1. Написать къ Пассеку, чтобъ прислалъ реестръ по именамъ, какихъ лѣтъ и какой націи ученики у іезуитовъ въ Полоцкой и другихъ сего ордена школахъ, и новиціяты учатся какъ давно и съ какимъ успѣхомъ.

57.

1788 г. 2 іюня. Карту Балтики съ обѣими берегами и Финляндіи прошу положить ко мнѣ въ горницу [28].

58.

1788 le 3 juin. Dites au c-^{te} Czernischew, que je le prie de remercier

[27] Василій Алексѣевичъ Чертковъ, прадѣдъ нынѣшняго владѣльца Чертковской библіотеки. *П. Б.*

[28] Тогда начиналась война съ Швеціею. *П. Б.*

la comtesse de Wynne Rosemberg de sa lettre, de ses sentimens pour moi et de son livre: Les Morlaques. Si je puis trouver du temps, je tacherai de le lire. Presentement je suis trop occupée [29].

59.

24 juin 1788. Une medaille d'or pour M-r Meister; les silhouettes d'Alexandre et de Constantin [30].

60.

1788 г. іюня 25. Переводить понѣмецки реляцію. Дворцовые штаты въ досужіе часы.

61.

1788 г. іюня 28. Вице-губернатору заготовьте письмо, чтобъ изъ водяной коммуникаціи, сколько можетъ, доставилъ людей способныхъ въ гвардію.

62.

1788 г. іюня 28. Реляція для чтенія въ церкви при молебнѣ въ пятницу.—Объявленіе войны, манифестъ—поспѣетъ ли къ воскресенью?

63.

1788 г. іюня 29. Изъ приписанныхъ къ Софѣйску есть ли охотники въ солдаты, пока продолжится Шведская война? Кой часъ будетъ миръ, велю отпустить изъ службы.

Скажите городничему: рослыхъ велю брать въ гвардію. Ему же Токареву: что (чѣмъ) болѣе поставитъ, или уговоритъ, то почту́ за большую услугу [31].

64.

1788 г. іюля 1. Пошли пожалуй къ вице-канцлеру сказать, что когда сумасшедшая шведская, Шляфомъ подписанная, нота ему не нужна уже будетъ, чтобъ онъ ее на часъ ко мнѣ прислалъ [32].

65.

1788 г. іюля 1. Заготовьте указъ, чтобъ корабль Побѣдоносецъ, который Грейгъ возвратилъ съ больными, и еще другой, вооружили и послали Грейгу въ подкрѣпленіе.

66.

1788 г. іюля 1. Когда можно будетъ, начавъ со всѣхъ Финляндскихъ крѣпостей, оныя приводить въ самое лучшее состояніе, какъ-то: 1) Фридригсгамъ. 2) Вилманстрандъ. 3) Давидъ-городъ. 4) Выборгъ. 5) Нейшлотъ. 6) Кексгольмъ. 7) Шлиссельбургъ. 8) Кронштадтъ. 9) Санктпетербургскую.

Вездѣ подѣлать чугунные палисадники, платформы, лафеты запасные, пороху, ядеръ тройной комплектъ. Дополнить гарнизоны комплектъ. Провіантъ на годъ.

67.

1788 г. іюля 2. Копію списать съ сумасшедшей шведской ноты.

---

[29] Т. е. Скажите графу Чернышеву, что я прошу его поблагодарить графиню Винне-Розембергъ за ея письмо, за ея чувства ко мнѣ и за ея книгу о Морлакахъ. Если найду время, постараюсь прочитать ее. Теперь я слишкомъ занята.

[30] Т. е.: 28 Іюня 1788.Золотую медаль г.Мейстеру, силуеты Александра и Константина.

[31] Объ этихъ наборахъ, производимыхъ Петербургскимъ полицмейстеромъ Рылѣевымъ и Царскосельскимъ городничимъ Токаревымъ, см. отзывъ гр. Безбородки въ письмѣ къ В. С. Попову, въ Р. Арх. 1872, стр. 947. *П. Б.*

[32] Секретарь Шведскаго посольства Шлафъ подалъ ноту, быть или не быть войнѣ, и ставилъ неумѣренныя условія мира. См. Зап. Храп. подъ 1-мъ Іюля 1788. *П. Б.*

68.

1788 г. іюля 3. Прикажите сумасшедшую ноту порусски перевести. Да спросите у оберъ-полицеймейстера, сколько съ каждой городовой части подписано дать рекрутъ вчерась и сегодня, и чтобъ попроворнѣй поторопили сіе дѣло.

69.

1788 г. іюля 3. Одинъ экземпляръ манифеста о войнѣ, одинъ экземпляръ сумасшедшей ноты,—оба для кн. Потемкина. Хочу приложить къ моему сегодняшнему письму.

70.

1788 г. іюля 11. Съ сей реляціи копію спишите и (напишите) письмо къ адмиралу Грейгу съ тѣмъ, что я ему сообщаю вѣсти черноморскія, и что еще четвертое было сраженіе, и что курьеръ съ симъ ѣдетъ и везетъ трофеи, а что было, не знаю. А происходило оно въ виду стана генералъ-фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго подъ Очаковомъ, гдѣ пятый день какъ траншеи уже открыты. Также напишите, что Пушкинъ и Михельсонъ начали Шведовъ щелкать въ Финляндіи, и что надѣюсь, что Богъ насъ повсюду не оставитъ.

71.

1788 г. іюля 11. Александръ Васильевичъ, изъ медицинской коллегіи прикажите къ Кельхену отпустить двухъ лекарей, воспитанниковъ моего училища: Древиса и Шмидта; а ему отъ меня приказано устроитъ въ Ораніенбаумѣ госпиталь для раненыхъ.

72.

1788 г. 13 іюля. Золотое блюдо съ надписью: командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, яко строителю военныхъ судовъ.

На блюдо положить богато украшенную шпагу съ лаврами и надписью: командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, успѣхами увѣнчанному.

73.

1788 г. іюня 18. Письмо графа Пушкина о Пардококскомъ дѣлѣ, въ коемъ имена офицеровъ отличившихся, принесите завтра поутру ко мнѣ.

74.

1788 г. августа 4. По вложенной *запискѣ* увидите, что въ Преображенской полкъ нужно отпустить на сентябрьскую треть мелкими ассигнаціями и мѣдными деньгами. Теперь прошу потребовать и отъ прочихъ трехъ гвардейскихъ полковъ, чево имѣютъ, либо не имѣютъ, дабы приказанія заготовить вамъ можно было къ моему подписанію, что къ нимъ изъ казначейства слѣдуетъ отпустить по теперешнимъ нуждамъ полковъ гвардіи.

75.

1788 г. августа 8. Сенату сказать надлежитъ во второй департаментъ, что Якобій сюда пріѣхалъ и что онъ меня проситъ, чтобъ до него касающіяся дѣла скорѣе окончаніе получили. И для того сенатъ имѣетъ сочинить изъ дѣлъ тѣхъ допросные пункты, по коимъ выслушать надлежитъ его отвѣты, дабы дѣло кончить можно было оправданіемъ праваго, либо обвиненіемъ виннаго.

76.

1788 г. августа 10. Имѣетъ ли судъ свое теченіе и до чего уже дошолъ,—который наряженъ въ изслѣдованіи непослушанія, индисциплины, и чрезъ

то общее дѣло гибели въ такой отважной битвѣ, какъ была оборона самой, такъ-то сказать, столицы въ 6 д. іюля 1788 г. Ибо кто тутъ не дѣлалъ свою должность и не боролся всѣми силами, тотъ уже къ чему можетъ быть способенъ, и какую отъ него въ какомъ дѣлѣ ожидать можно ревность и усердіе?

77.

1788 г. августа 11. Изъ приложеннаго письма увидите, въ какомъ состояніи конногвардейская при дворѣ конюшня, и для того имѣете отъ меня изготовить приказаніе, чтобъ немедленно приступили къ совершенной починкѣ оной, и чтобъ починка окончена была до зимы.

78.

1788 г. августа 11. Скажите Степану Ѳедоровичу, чтобъ онъ не услалъ въ армію шпагу, какъ золотую, такъ и съ бриліянтами, также и блюдо золотое для кн. Потемкина, не показавъ мнѣ самой. Также навѣдайтесь, когда кіевское паникадило поспѣетъ.

79.

1788 г. августа 16. Спиши пожалуй копіи двѣ [33].

80.

1788 г. августа 20. Сафонова проэктъ, поданной генваря 6-го 1787 г., принесите ко мнѣ на прочтеніе [34].

81.

1788 г. 22 августа. Бауръ клалъ силу соли въ градирѣ.

— Не всѣ варницы суть казенныя. Слѣдовательно частные люди варятъ, какъ имъ выгоднѣй, управители же на свою руку; приказанія же о семъ частные заводы примутъ за отягощеніе, и отъ того подымутъ цѣну на соль.

— На старорусскомъ заводѣ сырены, кажется, кирпичныя, а не желѣзныя, а еще менѣе мѣдныя. Варить соль въ мѣди, кажется, и опасно.

— У Кашкина и у здѣшняго вице-губернатора навѣдываться о Сафоновѣ, что сенатъ сдѣлалъ по его представленіямъ и проэктамъ?

— Вольнопромышленники, кои морскую соль варятъ, въ которой болѣе быть должно сырости, нежели въ вываренной, усушки и утечки не знаютъ.

82.

1788 г. августа 26. Сіе письмо, сего дня полученное, пошлите казать вице-канцлеру. Я думаю писать къ Пушкину, чтобъ онъ Шведамъ и Финнамъ далъ выразумѣть, что какъ Датчане войну имъ объявили, то уже о мирѣ и перемиріи теперь не время говорить, развѣ Финны отстанутъ отъ Шведовъ.

83.

1788 г. августа 27. Пожалуй прикажи переписать, и когда переписано будетъ, то отдайте актерамъ, чтобъ выучили, буде можно, къ Александрову дню, чтобъ surpris-ою играть у гр. Мамонова въ комнатахъ. Буде же не могутъ выучить къ тому времени, то лучше отдать самому Александру Матвѣевичу [35].

84.

1788 г. 12 сентября. Есть Шведамъ теперь чѣмъ справедливо чваниться,

[33] Съ стихотворенія Императрицы на короля Шведскаго. (Зап. Храп.). *П. Б.*

[34] Проэктъ Сафонова касался добыванія соли. *П. Б.*

[35] Говорится о Французской комедіи, сочиненной Екатериною: Les voyages de m—e Bontemps. *П. Б.*

понеже взяли у насъ слишкомъ сто пушекъ на Кильдюмѣ. Какимъ образомъ сіе транспортное судно отправлено было изъ Копенгагена и зачѣмъ, понынѣ не понятно. Знали, что шведскіе фрегаты тутъ крейсируютъ,—три (тремъ?) стопушечнымъ кораблямъ въ виду. Шведы увели оное, а стопушечные были зрителями. Повалишинъ былъ столь близокъ, что ему можно было доѣхать и свои пушки взять въ Копенгагенѣ съ транспортныхъ. Буде же шли къ городу, то на что̀ ихъ отпустили безъ конвоя до безопасной вышины?

85.

1788 г. 12 сентября. Что̀ вѣстей о гребной флотиліи? Графу Брюсу приказать, чтобъ Петербургской и Выборгской губерніи исправники побережные дали сюда знать о благополучномъ ея пути.

86.

1788 г. Сентября 13. Отошлите къ гр. Чернышеву, что̀ ему надлежитъ.

87.

1788 г. сентября 18. Къ Еропкину написать надлежитъ, чтобъ онъ графовъ Вахмейстеровъ обоихъ послалъ жить въ Калугу, о чемъ и дать знать Кречетникову, чтобъ онъ ихъ тамъ помѣстилъ, и приличной имѣлъ за ними присмотръ.

88.

1788 г. сентября 21. Съ сихъ бумагъ прикажите копіи списать. Также надлежитъ требовать ноту гр. Разумовскаго, поданную 18 іюня шведскому министерству и, списавъ копію, возвратить гр. Остерману.

89.

1788 г. Октября 7. Дайте о семъ приказаніи знать Сутерланду, чтобъ онъ видѣлъ, что я, кой часъ до меня доходитъ, умѣю взять мѣры для исправнаго платежа, чрезъ что̀ возстановила и сохраняю кредитъ двадцать седьмой годъ.

90.

1788 г. ноября 2. Много ли такихъ, кои въ послѣдней морской баталіи такъ изранены, какъ морскіе, такъ и сухопутные, кои службы никакой отправлять не могутъ, и много ли, послѣ умершихъ, осталось вдовъ и сиротъ, и много ли на ихъ содержаніе надобно, чтобъ мнѣ представлено было?

91.

1788 г. ноября 13 NB. Въ уставѣ о соли сказано: къ которой соли народъ привычнѣе, ту и подрядить. NB. Елтонская соль народомъ не любима, и сія соль была ненавидима и тогда, когда графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ ее повсюду вводить хотѣлъ, тому лѣтъ съ 30 назадъ [36]. Оная соль же съ грязью смѣшана, и возить ее трудно, ибо вверхъ по рѣкѣ идти должно.

92.

1788 г. ноября 15. Въ нѣмецкомъ иное убавлено, другое прабавлено, и для того надлежитъ съ точностію свидѣтельствовать [37].

93.

1788 г. нобря 27. Пожалуй достань отъ князя Вяземскаго извѣстія, къ нему доставленныя отъ Сутерланда.

---

[36] Подъ этимъ числомъ въ Запискахъ Храповицкаго читаемъ еще про гр. П. И. Шувалова: „уничтожая многія варницы для прибытка своего". *П. Б.*

[37] Относится до перевода Русскаго возраженія на упомянутую выше Шведскую ноту Шлафа. *П. Б.*

94.

1788 г. декабря 26. Чтобъ казенныя палаты прислали, за кѣмъ по городамъ, селеніямъ и уѣздамъ отданы кабашные откупа, и за кѣмъ цѣлыя губерніи?

Чтобъ при отдачѣ наблюдалась 94, 95, 96 статьи устава.

Какихъ причинъ ради казна подряжаетъ винò, а не откупщикъ кабашной,—мнѣ теперь на память не приходитъ; а помнится, что тѣмъ обузданы откупщики въ вѣрномъ откупа платежѣ; а народъ получаетъ вино лучше, чище и безъ примѣси.

95.

1786 г. 6 генваря. Объ отсылкѣ къ гр. Сегюру книги доктора Тейльса.

96.

1789 г. генваря 7. Напишите къ Кречетникову, чтобъ онъ сію каналью оставилъ у себя, понеже она такъ ему мила, что онъ прилагаетъ толикое стараніе его отъ каторги освободить; но напередъ выправьтесь о дѣлѣ [38].

97.

1789 г. генваря 26. Прикажите Кельхену, чтобъ онъ либо самъ поѣхалъ на часъ къ Москвѣ осмотрѣть и приводить Екатерининскую больницу на здѣшнюю ногу, либо избралъ къ тому кого способнаго. Такожде освѣдомьтесь, на какомъ основаніи та больница, подъ кѣмъ и на какомъ содержаніи.

98.

Le 26 Janvier, 1789. Au milieu, comme j'ai dit, une couronne de laurier et d'un coté de trophée maritime et de l'autre de trophée militaire [39].

99.

1789 г. генваря 31. Заготовьте объ немъ указъ, что жалую его въ камеръюнкеры ко двору.

100.

1789 г. февраля 6. Долго (ли) быть подобной срамотѣ, что ѳеатральные люди не заплачены осьмой мѣсяцъ! Я думаю разстаться съ господиномъ Стрекаловымъ вовсе, чтобъ лишиться сего безпокойства, при всѣхъ прочихъ хлопотахъ. Прошу о семъ навѣдаться подробно.

101.

1789 г. февраля 8. Почему сенатъ разсудилъ, — Анненкову опредѣлилъ пенсіонъ, за благо не разсуждено мнѣ сообщить, хотя не по разсужденію, но по законамъ судить сенатъ долженствуетъ. 1) Анненковъ 35 лѣтъ не выслужилъ. 2) Увѣчье не получилъ. И такъ о Анненковѣ не.... *(недописано)* [40].

102.

1789 г. февраля 8. Изготовьте увольненіе Стрекалова отъ кабинета ради возстановленія кредита и запрещеніе Каратыгину [41], чтобъ неокладныхъ выдачъ не производилъ отнюдь безъ моего собственнаго подписанія, и при-

[38] Кречетниковъ ходатайствовалъ о какомъ-то Евреиновѣ, лишенномъ чиновъ за взятки. *П. Б.*

[39] Т. е. „26 Января 1789. Посрединѣ, какъ я говорила, лавровый вѣнокъ; съ одной стороны морскія, а съ другой воинскія трофеи.“— Это награда Потемкину. *П. Б.*

[40] Не о Курскомъ ли вицегубернаторѣ Абрамѣ Ивановичѣ Анненковѣ идетъ здѣсь рѣчь? См. Зап. Храп. подъ 2 Марта 1788. *П. Б.*

[41] Предокъ артистовъ Каратыгиныхъ? Въ написаніи Императрицы явственнѣе ихъ восточное имя. *П. Б.*

кажите, чтобъ онъ ко мнѣ принесъ самъ счеты долгамъ и по числамъ, которые старые, чтобъ я могла видѣть и приказать, какъ ихъ платить.

103.

1789 г. февраля 24. Пришлите ко мнѣ нѣмецкое письмо, мною полученное на четверговой почтѣ отъ того человѣка, который пишетъ, что братъ его, бывъ докторомъ у насъ, попалъ въ Царьградъ и застрѣлился.

104.

1789 г. марта 12. Envoyé cela au gen. Sprengporten [42].

105.

1789 г. марта 13. Аренду Реку, генералъ-майору.

106.

1789 г. марта 14. Александръ Васильевичъ, напишите къ Архарову, чтобъ узнать, правда ли въ приложенномъ письмѣ написано, и буде правда, чтобъ сюда далъ знать о числѣ душъ той деревни, чтобъ имъ можно было дать, какъ я давала, по 20 р. на дворъ [43].

107.

1789 г. апрѣля 4. Финскихъ крѣпостей починка. Арендная раздача: 1) по именнымъ указамъ; 2) вдовамъ и сиротамъ; 3) заслуженнымъ просителямъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ. Указъ о запрещеніи сухопутнаго ввоза шелковыхъ и проч. товаровъ. Придворной конторы долги. Кабинетные долги.

108.

1789 г. апрѣля 4. Сказываютъ, что въ городѣ и въ лавкахъ офицерское сукно, какъ-то: зеленое, синее, красное, желтое сукно по 10 и 11 рублей аршинъ. Спросите, дѣлается ли на Ямбургской фабрикѣ таковыхъ цвѣтовъ и доброты сукно и прикажите сюда прислать и пустить въ продажу за обыкновенную цѣну, и то, чтò скорѣе, то лучше. Также прикажите въ Финляндію послать на продажу.

109.

1789 г. апрѣля 13. Вдовѣ Мансуровой, у которой сынъ убитъ, дать три тысячи рублей.

110.

1789 г. 23 апрѣля. Откажите сего вечера комедіевъ (sic) Эрмит....

111.

1789 г. 1 іюня. Александръ Васильевичъ, поговорите съ преосвященнымъ Евгеніемъ о печатаніи его перевода Виргилія, да напишите къ Лужкову [44], чтобъ книгу, большой инъ фоліо (sic) о Турецiи, которую я нынѣшнюю зиму купила, послалъ къ тому же архіерею.

112.

1789 г. 30 іюня. На взятіе Очакова: *Усердіемъ и храбростію.* На занятіе Крыма: *Кротостію смирень противникъ.* На населеніе и устроеніе Екатеринославской губерніи: *Степи населилъ, устроилъ.*

---

[42] Т. е. Пошлите это къ генералу Спренгпортену.

[43] Говорится о разоренныхъ крестьянахъ деревни Князевой, подавшихъ письмо Мамонову. *П. Б.*

[44] Александръ Ивановичъ Лужковъ, членъ Академіи и библіотекарь Екатерины. *П. Б.*

113.

1789 г. іюля 3. NB. Майора Бабарыкина перевесть изъ Семеновскаго въ Конную гвардію.
(Было написано, потомъ зачеркнуто).

Корсакова въ Семеновскій полкъ.

Принца Гессенъ-Филипсдаля выпустить въ армію полковникомъ.

Фитингофова сына, майора легкоконнаго, въ камеръ-юнкеры.

Конной гвардіи секундъ-ротмейстера Платона Зубова арміи полковникомъ и флигель-адъютантомъ [45].

114.

1789 г. іюля 7. Возьмите изъ генеральнаго кригсрехта реестръ морскихъ и сухопутныхъ, содержащихся тутъ, и принесите ко мнѣ. Мнѣ должно десятерыхъ простить.

115.

1789 г. 12 іюля. Сей столпъ созданъ по повеленію благочестивой, самодержавной великой государыни императрицы Екатерины II, на память усердія Рыбачей Слободы поселянъ, добровольно пятаго человѣка нарядившихъ въ службѣ Ея Величества и Отечества въ 1788 году, во время Свейской войны.

116.

1789 г. 29 іюля. Прикажи отыскать Галупіеву музыку, а именно оперу Дидону.

117.

1789 г. 5 сентября. Скажите Дмитревскому и Крутитскому, чтобъ во второмъ дѣйствіи не примѣчали слова Потачкина, а говорили между собою, какъ будто ихъ тутъ нѣту [46].

118.

1789 г. 17 сентября. Вы можете отвѣтствовать святителю, что менѣе всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы, осыпанной, отличенной и возведенной щедростію и щедротами, безразсудный толкъ извѣстной переписки, которой одно злобой наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе; понеже сама собою та переписка весьма невинна, и въ такое время, когда тотъ осьмидесяти-лѣтній старикъ старался своими, во всей Европѣ жадно читаемыми, сочиненіями прославить Россію, унизить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего Отечества, въ чемъ и предуспѣлъ. Въ такомъ виду и намѣреніи письма, писанныя къ безбожнику, кажется, не нанесли вреда ни церкви, ни Отечеству.

119.

1789 г. 13 октября. Скажите гоф маршаламъ, чтобъ послали камеръ-юнкера съ симъ письмомъ въ Гатчину, которой бы (посланный) завтра поутру великому князю и великой княгинѣ отъ меня кланялся и поздравлялъ ихъ со днемъ рожденія великой княгини и ей бы отдалъ мое письмо.

120.

1789 г. 30 ноября. Медали мѣдныя историческія, кои у Александра Пав-

[45] 22-хъ лѣтній П. А. Зубовъ появляется во дворцѣ съ 21 Іюня 1789. *П. Б.*

[46] Кто этотъ святитель, намъ неизвѣстно. Говорится по поводу появленія въ свѣтъ сочиненій Вольтера и его переписки съ Екатериною. *П. Б.*

ловича, прошу достать для меня. Записки касательно Россійской исторіи, сколько напечатано, положите ко мнѣ на столъ; также Татищева послѣдній томъ и Лѣтописецъ третьенадесятаго вѣка.

121.

1789 г. Декабря 6. Тѣснота велика у банка ассигнаціоннаго по причинѣ размѣна мелкихъ ассигнацій. Нельзя ли умножить выпускъ оныхъ?

122.

Le 6 de Janvier 1790 г. Faites imprimer en Russe la traduction de Tatischef, des Discours de Reynolds.

123.

Le 17 Février 1790 г. Faites moi avoir le Dictionnaire philosophique de Voltaire relié comme le reste que vous m'avez aporté [47].

124.

1790 г. 17 марта. Утѣха во укрѣпленіе смысла посреди хлопотъ.

125.

Le 1 d'Avril 1790 г. Le soir je voudrais qu'on joua la comédie Francoise à l' Hermitage [48].

126.

1790 г. Апрѣля 22. Подписанныя (бумаги) отошлите къ графу Безбородкѣ, а не подписанныя привезите ко мнѣ въ Царское Село; также мой переводъ.

127.

1790 г. 27 іюля. Александръ Васильевичъ, позовите къ себѣ конюшенныхъ подрядчиковъ и спросите у нихъ, сколько имъ должна конюшня, а у конюшенныхъ, — для чего имъ не платятъ помѣсячно, или понедѣльно. Тогда люди меня не безпокоили бы. А потомъ мнѣ скажите, что̀ выйдетъ.

128.

1790 г. августа 31. Приказано воспитательнаго дома попечителямъ разсмотрѣть и разобрать дѣло Киршбаума съ Іоанномъ І. Бецкимъ. Сей нынѣ пишетъ и присылаетъ непрестанно ко мнѣ, говоря, что остается дѣло безъ разсмотрѣнія, а домъ воспитательный безъ попеченія. Освѣдомьтесь, въ какомъ положеніи то дѣло.

129.

1790 г. сентября 1. Увѣдомьте Ар. И. Кашкина, что архитектору Кваренгію мною приказано нѣкоторыя дѣлать перемѣны въ комнатахъ, кои по концу Китайской залы около малой лѣстницы, — чтобъ ему дали помочи, когда потребуетъ [49].

130.

1790 г. le 23 Sept. Abraham Gerrit, fleuriste à Amsterdam vend des arbres d'Amerique, avec le nom de chaque arbre, à fl. 50 le 100, et les plus assortimens de fleurs, comme doubles hiacinthes en toutes les couleurs, tulipes, renoncules, anemones, narcisses, semences de fleurs Américaines.—Faites moi

[47] Т.-е. 6 Января 1790 г. Прикажите напечатать по-русски переводъ Татищева: Разговоры Рейнольдовы. 17 Февраля 1790 г. Достаньте мнѣ Философическій Лексиконъ Вольтера, переплетенный также, какъ и остальное что̀ вы мнѣ приносили.

[48] Т.-е.: я желаю, чтобы вечеромъ играли французскую комедію въ Эрмитажѣ.

[49] Аристархъ Петров. Кашкинъ управлялъ Царскимъ Селомъ. *П. Б.*

avoir de cela pour un millier de florins pour le printems prochain [50].

131.

1790 г. le 14 Dec. N'oubliez pas de dire au compositeur que le

Эхъ, эхъ, не ладно!

Ахъ не складно — du Père peut être une parodie ou doit tourner en ridicule les:

Эхъ, Эхъ,
et
Ахъ,—des Enfans [51].

132.

1791 г. 28 марта. Прикажите мнѣ добрый компасъ сдѣлать на подобіе большихъ карманныхъ часовъ золотыхъ.

133.

1791 г. 3 апрѣля. Была у меня книжка въ синей бумагѣ: les Causes de la revolutions française. Велите отыскать между тѣми, кои я отдавала на прошедшей недѣлѣ.

134.

1791 г. мая 23. Напишите сами отвѣтъ къ Спренгпортену и велите отписать отвѣтъ къ нему отъ графовъ: Остермана и Безбородки.

135.

1791 г. 21 іюля. Прошу къ завтрему достать третій томъ Щербатова гисторіи.

136.

1791 г. іюля 18. Выправьтесь, нѣтъ ли въ Лифляндіи деревни съ именемъ: Беренвигъ, либо Бардарикъ. Оно-то (sic) медвѣжью голову.

137.

1791 г. ноября 15. Отошлите сіе письмо обратно къ Апраксину [52] и скажите ему, что я оное прошеніе не принимаю; понеже четыре судебныя мѣста, рѣша одинаково, тѣмъ самымъ опровергли его о семъ частное и пристрастное сужденіе.

138.

1791 г. ноября 20. Вообще ото всѣхъ новыхъ затѣй, перебивокъ и расходовъ послѣ мира, который еще не заключенъ, на шесть лѣтъ прошу всѣхъ поудержаться.

О запискѣ иностранныхъ и отдачѣ оныхъ въ рекруты, надлежитъ военной коллегіи и сенату сдѣлать разсмотрѣніе и положеніе и вносить докладомъ.

139.

1791 г. декабря 9. Написать отъ меня письмо къ преосвященному Черниговскому съ просьбою, дабы приказалъ для меня сію книгу списать отъ

---

[50] Т.-е.: 23 Сент. Абрагамъ Герритъ, цвѣтоводъ въ Амстердамѣ, продаетъ американскія деревья, съ названіемъ каждаго дерева, по 50 флориновъ за 100, и сверхъ того подборы цвѣтовъ, какъ напр. двойные гіацинты всѣхъ цвѣтовъ, тюльпаны, ренонкулы, анемоны, нарцисы, семена американскихъ цвѣтовъ. Достаньте мнѣ этого на тысячу флориновъ къ будущей веснѣ.

[51] Т.-е. 14 Дек. Не забудьте сказать композитору, что: „Эхъ, эхъ, не ладно! Ахъ не складно," слова отца, могутъ быть пародіею или должны обратить въ смѣхъ слова дѣтскія: „Эхъ, эхъ и ахъ."—Относится къ оперѣ „Өедулъ съ дѣтьми," сочиненной Екатериною. *П. Б.*

[52] Графу Матвѣю Өедоровичу. Въ Запискахъ Хрhuп. прибавленъ по этому поводу еще отзывъ Императрицы: „c'est l'opinion publique et je suis inébranlable." (Это общественное мнѣніе, и я непоколебима). *П. Б.*

слова до слова, и чтобъ далъ мнѣ знать, по сему списанію что̀ разсудитъ заплатить писцамъ и за бумагу и прочія издержки, и просить, чтобъ по тетрадямъ, по мѣрѣ какъ спишутъ, ко мнѣ прислалъ [53].

140.

1791 г. декабря 11. У меня былъ каталогъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ. Онъ же печатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ. Но понеже каталогъ (т.-е. рукописный) обстоятельнѣй, прошу, отыскавъ, положить ко мнѣ на столъ.

141.

1791 г. 22 декабря. Въ повытье у Еремѣева какіе-то Татары ходятъ болѣе года по дѣлу о рекрутскомъ наборѣ, — вмѣсто того деньги дать хотятъ. Спросите, что̀ за дѣло.

142.

1792 г. 21 февраля. Пошлите спросить, что̀ за живописецъ Французъ Доанъ выписанъ для Академіи художествъ, кѣмъ рекомендованъ и почему принятъ, отъ кого имѣетъ предстательство.

143.

1792 г. 24 февраля. Сравнительнаго словаря обѣихъ едицій по два экземпляра.

144.

1792 г. 26 февраля. Родословныя книги изъ Щербатовой вивліоѳики.

145.

1792 г. 21 марта. Рѣка Припеть и рѣка Горинъ,—укажите мнѣ на картѣ географической.

[53] Рѣчь идетъ о лѣтописцѣ, 1699 года, соч. Боболинскаго. *П. Б.*

146.

1792 г. 22 марта. Пожалуй возвратите Арндту. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ моихъ записокъ, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des reflexions qui me sont venues en lisant. Dites lui de ma part, que j'ai trouvé son ouvrage très intéressant et que la lecture m'en a amuse. Vous pouvez lui montrer ce billet [54].

147.

1793 г. 7 іюля. Достаньте отъ вице-канцлера, или отъ Безбородки, буде не уѣхалъ, и завтра сюда не будетъ вчерашней почты, министерскія донесенія.

148.

1793 г. 16 августа. Все сіе въ Таврическій дворецъ взять съ собою, а прочее, что̀ на столахъ, въ зимній дворецъ. Державину велите забрать его бумаги, въ углу на столѣ лежащія.

149.

(Безъ озн. года и числа). Напишите письмо къ Тверскому воеводѣ, или къ Новгородскому губернатору, отъ имени моего, содержанія такого, чтобъ призваны были къ воеводѣ Тверскіе жители, кои подписали челобитную сію, и оная имъ именемъ моимъ была возвращена съ тѣмъ, что какъ ихъ просьбы ни воеводскимъ позволеніемъ, ни губернаторскимъ о ихъ нуждахъ мнѣніемъ, какъ попечителя, не провож-

[54] Т.-е.: Какъ размышленія, пришедшія мнѣ въ голову, когда я читала. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень занимательнымъ, и чтеніе его меня забавило. Вы можете показать ему эту записку.

даема, сверхъ того оная незаконнымъ образомъ писана и минуя порядокъ до моихъ рукъ дошла, я приказала, наддравъ оную, имъ возвратить.

150.

(Безъ озн. года и числа). NB. Всѣ выписи изъ Блакстона прочесть (съ) перомъ въ рукахъ и замѣчая приличное для внесенія въ законы. Потомъ прочесть узаконенія наши по частямъ, и выписи, по тѣмъ частямъ поданныя генералъ - прокуроромъ, равномѣрно (съ) перомъ въ рукахъ, замѣчая, что̀ внести въ новое узаконеніе, что̀ оставить безъ внесенія.

Эти полтораста записочекъ, писанныхъ великою трудолюбицею на первыхъ попадавшихся подъ руку бумажкахъ, при всей ихъ отрывочности и несвязности, такъ и переносятъ насъ въ кабинетъ Екатерины, къ тому полукруглому столику, за которымъ неустанно просиживала она долгіе часы, обнимая заботою дѣла Имперіи, на все находя время, удивляясь, какъ можно провести день, не исписавши нѣсколькихъ листовъ, и электризуя своею дѣятельностью и усердіемъ ко благу Россіи не только ближайшихъ лицъ, но и отдаленныхъ исполнителей ея воли. Подобныя записочки писались и къ Панину, и къ Безбородкѣ, и къ Вяземскому, и къ Бецкому, и къ Потемкину, и къ жившимъ внизу любимцамъ. Благодарное потомство сберегаетъ эти мелкія и отрывочныя черты ея жизни и ея благотворной дѣятельности, и по мысли и вчинанію Государя Наслѣдника Цесаревича нынѣ печатается Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ Петербургѣ полное, хронологически расположенное собраніе всѣхъ писемъ и бумагъ Его великой Прародительницы. Первая часть этого собранія уже вышла и содержитъ въ себѣ драгоцѣннѣйшія показанія. Друзья Русской науки надѣятся, что неожиданною кончиною издателя (академика Пекарскаго) не остановится это изданіе, столь достойно предпринятое и въ значеніи своемъ не уступающее памятнику, который воздвигается Екатеринѣ въ Петербургѣ.

Выше помѣщенныя письма Екатерины къ Храповицкому служатъ документальнымъ подтвержденіемъ и дополненіемъ извѣстныхъ его Записокъ. Записки эти были изданы Г. Н. Геннадіемъ въ 1862 году, и ради ихъ исторической важности, мы напечатали въ Р. Архивѣ 1864 азбучный указатель къ нимъ. Но г. Геннади печаталъ, по необходимости, со списка не совсѣмъ вѣрнаго, и ошибки этого изданія были указаны Д. В. Полѣновымъ (Р Арх. 1867).

Недавно, въ Петербургѣ найденъ подлинникъ драгоцѣнныхъ Записокъ, въ 1837 году поднесенный Государю Императору племянникомъ автора П. В. Сушковымъ. Государю угодно было пожаловать эти тетради В. А. Жуковскому, который подарилъ ихъ князю П. А. Вяземскому, передавшему ихъ нынѣ въ собственность члену Императорской Археологической Коммиссіи Н. П. Барсукову, о чемъ и было напечатано въ Голосѣ и другихъ газетахъ сего 1872 года. Казалось, чего бы лучше! Историческій памятникъ перешелъ въ руки надежныя и опытныя. Но въ тѣхъ же газетахъ появилось заявленіе Д. П. Сушкова о томъ, яко бы право собственно-

сти на Памятныя Записки Храповицкаго принадлежитъ ему г. Сушкову. Жаль будетъ, если заявленіе это помѣшаетъ новому ихъ изданію. Желаемъ, чтобы вышенапечатанныя письма Екатерины, имѣющія совершенно тотъ же характеръ какъ и Записки Храповицкаго, убѣдили г. Сушкова, что эти Записки суть исключительное достояніе науки и не могутъ имѣть никакой иной цѣнности. Сушковы всегда были друзьями просвѣщенія, и конечно Д. П. Сушковъ не захочетъ, чтобы изъ-за его заявленія пріостановилось строго-ученое изданіе Записокъ его дѣда-дяди.

Мы имѣли случай видѣть подлинный текстъ этихъ Записокъ. Это двѣ тетради въ современныхъ переплетахъ, въ четвертку, писанныя отъ начала до конца своеручно, весьма четкимъ почеркомъ, почти безъ помарокъ, такъ что трудно предположить, чтобы Храповицкій въ этомъ точно видѣ велъ дневникъ свой въ теченіи одинадцатилѣтней своей близости къ Государынѣ. Скорѣе надобно думать, что эти тетради переписаны имъ на бѣло уже въ послѣдствіи съ первоначальныхъ черновыхъ отмѣтокъ.

П. Б.

Письма князя Павла Дмитріевича Циціанова къ Василію Николаевичу Зиновьеву.

Читатели Русскаго Архива и его изданій уже знакомы нѣсколько съ княземъ П. Д. Циціановымъ (1754—1806) по письмамъ графа Ростопчина, помѣщеннымъ во 2-й книгѣ «Девятнадцатаго Вѣка». Неоднократно дѣлались попытки полной его біографіи, но къ сожалѣнію онѣ до сего времени остались лишь попытками. Наибо́льшаго вниманія изъ написанныхъ о немъ статей заслуживаетъ статья Военно-Энциклопедическаго Лексикона (XIII ч. 1-го изд. 1849 года); но и въ ней разсматривается дѣятельность князя лишь съ военной точки зрѣнія, такъ что остаются все-таки малоизвѣстными его воспитаніе, среда, въ которой онъ вращался, и все, что́ имѣло вліяніе на его развитіе какъ полководца и государственнаго человѣка. Не подлежитъ сомнѣнію, что, помимо военной дѣятельности, во время его пребыванія въ Грузіи, въ немъ, въ значительной степени, проявились дипломатическія способности, а дипломатія съ Азіатскими народами требовала, разумѣется, особенныхъ, исключительныхъ качествъ. Эти-то качества высказались блистательно въ дѣйствіяхъ князя на Кавказѣ. Часто миролюбивыя, но исполненныя достоинства и стойкости, отношенія, въ которыхъ находился онъ къ владѣтельнымъ лицамъ Грузіи, Имеретіи, и проч., оканчивались тѣмъ, что, безъ пролитія крови, единственно лишь силою его нравственнаго превосходства, многія отдѣльныя части, по сосѣдству находившіяся съ управляемымъ имъ кра-

емъ, поступали въ подданство Россіи * и оставались ей вѣрными до самой смерти князя: лишь со времени его кончины начинаются отдѣленія вновь присоединенныхъ владѣній.

Славная и громкая дѣятельность князя Циціанова заставляетъ насъ думать, что его письма къ другу его и ровеснику Василію Николаевичу Зиновьеву, будутъ умѣстны на страницахъ Русскаго Архива, гдѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія и о Зиновьевѣ (1870, стр. 932). Да и самое содержаніе этихъ писемъ заключаетъ въ себѣ любопытныя показанія о жизни Петербургскаго общества въ концѣ прошлаго столѣтія и о многихъ извѣстныхъ дѣятеляхъ того времени, съ которыми князь находился въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ.

Письма извлечены изъ Архива села Вытебети (Орловской губ., Болховскаго у.) и въ подлинникахъ были получены нами, вмѣстѣ съ дозволеніемъ напечатать ихъ, отъ недавно скончавшагося владѣльца ихъ, Степана Васильевича Зиновьева, одного изъ сыновей Василія Николаевича. Да приметъ выраженіе признательности нашей оставшееся семейство покойнаго, Аделаида Генриховна, Степанъ и Александръ Степановичи Зиновьевы, всегда съ сочувствіемъ и довѣріемъ относившіеся къ трудамъ по разработкѣ богатаго семейнаго ихъ архива.

Всѣ письма писаны рукой самого князя, и хотя не изъяты отъ грамматическихъ погрѣшностей, но читаются довольно легко. Мы не нашли достаточно уважительныхъ причинъ, чтобы оставлять неисправленными эти орѳографическія ошибки; но, дорожа точностью въ смыслѣ и складѣ рѣчи, не позволяли себѣ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго измѣненія, опуская лишь частныя мелочи и ничего не значущія повторенія одного и того же.

Н. Барышниковъ.

24 декабря 1870.
С. Александровское.

* Достаточно упомянуть объ Имеретинскомъ царѣ Соломонѣ и о ханѣ Ширванскомъ, которые по убѣжденію князя присягнули на вѣрность Россіи; первый 25-го апрѣля 1804 года, а второй 25-го декабря 1805 года. (См. Исторію царствованія Имп. Александра. Соч. Богдановича).

1.

15-го іюля 1785 года. Санктпетербургъ.

Писалъ къ тебѣ, Васинька, въ Геную; не знаю, дошло ли оно до тебя; а чаю, что если дошло, то поздно, для того, что Александръ Николаевичъ [1] уговорилъ меня съ нимъ вмѣстѣ послать, и вмѣсто того въ тотъ день не послалъ. Братецъ твой еще здѣсь; я его недавно видѣлъ и ѣду сейчасъ къ П. Ивановичу Новосильцеву [2] ужинать, гдѣ твой братецъ правитъ свое рожденіе. Увѣдомь, какъ ты весело проводишь время. Твое путешествіе весьма, какъ чаю, весело; вездѣ тебѣ представляется перемѣна предметовъ и наипріятнѣйшихъ, вездѣ новое удовольствіе. Когда это будетъ, что мы будемъ вмѣстѣ? И если ты будешь та-

[1] Старшій братъ В. Н. Зиновьева.

[2] Петръ Ивановичъ Новосильцевъ началъ около 1774 года свою службу секретаремъ Саратовской Колоніальной Конторы и, благодаря рѣдкому уму и дарованіямъ, достигъ званія сенатора и должности генералъ-провіантмейстера. Въ свое время онъ былъ извѣстенъ какъ опытный дѣлецъ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Александровнѣ Тарсуковой (Записки Вигеля ч. 1, стр. 24-я). Онъ былъ отцомъ недавно умершаго Петра Петровича.

ковыхъ же ко мнѣ (т. е. чувствъ) какъ былъ, какое восхищеніе для того, который всё свое благополучіе почитаетъ быть съ тобой связану неразрывной дружбой. Пріѣзжай скорѣе, — усовѣстись. Когда-то это сбудется? Право, мнѣ невѣрится. Братецъ твой мнѣ сказывалъ и увѣрялъ, что если тебѣ достанется въ камергеры, то ты, не дождавшись срока, сюда пріѣдешь. И такъ чины тебя, можетъ, притянутъ къ нашимъ сторонамъ. Прости, любезный мой, болѣе писать нечего. Нѣтъ есть, я забылъ было. Тетушка Осипа Петровича [3] весьма жалка и крылышки опустила. Племянница [4] новая приняла племянничка въ руки, а ей поджала хвостъ. Я у нихъ обѣдалъ и, сколько примѣтить могъ, видѣлъ, что она имѣетъ въ мужѣ раба благороднаго, а въ теткѣ старуху ничего незначащую .Прости, цѣлую тебя мысленно сто тысячъ разъ, желаю тебѣ совершеннаго здоровья, а съ нимъ и всевозможнаго веселья. Прости, безподобный мой другъ, если смѣю, по недостаткамъ своимъ, дать тебѣ это имя.

На большинствѣ писемъ надпись: „A Monsieur Monsieur de Zinovieff Gentilhomme de la chambre de S. M. I. de toutes les Russies.

[3] Анна Осиповна Бобрищева-Пушкина, тетка Осипа Петровича Козодавлева. Состояла въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣмъ семействомъ Зиновьевыхъ. Она еще въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, была въ милости при Дворѣ. Едва ли не по ея просьбѣ О. П. Козодавлевъ былъ отправленъ за границу воспитываться. (О ней Русск. Архивъ 1870, стр. 1774-я. Замѣтка академика Я. К. Грота).

[4] Супруга Осипа Петровича Козодавлева, Анна Петровна, рожденная княжна Голицына, внучатная сестра извѣстнаго князя Александра Николаевича Голицына.

2.

9-го сентября 1785 года. Санктпетербургъ.

Послѣднія два твои письма меня въ несказанное замѣшательство привели, 1-е потому, что я тебя давно, по твоимъ письмамъ, не только въ Римѣ считалъ, но въ Парижѣ; 2-е, я по твоему же письму давно считаю, что ты отсрочку имѣешь. Въ первомъ изъ сихъ писемъ т. е. изъ Рима $^5/_{16}$ іюля, пишешь именно сими словами: „Съѣзди „къ гр. А. Романовичу [1]; пиши ко мнѣ „въ Геную, пожалуй не полѣнись сіе „въ точности исправить; недѣлю, по „полученіи сего спустя, пиши въ Мар„сель, и въ оба мѣста пиши à la po„ste restante; послѣ Марсели на 4 не„дѣли позволяю тебѣ писать въ Ліонъ, „а потомъ въ Парижъ.“ Вотъ твои слова. Несмотря, сверхъ того, что ты прежде въ одномъ письмѣ сіе жъ самое написалъ, и посему я и съ твоимъ братцемъ и именно: К). мая 6-го въ Парижъ: о безпорядочномъ полученіи писемъ, о вышедшемъ правѣ дворянства и о городовомъ [2], тоже, о производженіи, обѣщалъ графу С. Романовичу [3] послать о военномъ со-

[1] Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (род. 1741, ум. 2-го декабря 1805 года), въ это время былъ президентомъ Комерцъ-Коллегіи.

[2] 1785 года 21-го апрѣля послѣдовало дарованіе Дворянству „Жалованной Граматы“ и объявленіе „Граматы на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“.

[3] Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ въ это время онъ уже былъ русскимъ посланникомъ въ Англіи. Онъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ В. Н. Зиновьеву и видѣлся съ нимъ незадолго до этого въ Италіи, гдѣ они прожили вмѣстѣ нѣкоторое время. Отношенія ихъ столько были близки, что Василій Николаевичъ, во время пребыванія своего въ Англіи, преподавалъ начальные уроки Русскаго языка дѣтямъ Семена Романовича, т.-е. князю Михайлѣ Семеновичу и графинѣ Елизаветѣ Се-

стояніи (NB которое теперь посылаю; за нѣкоторымъ указомъ остановился). Л.) мая 27-го во Флоренцію: о замѣшательствѣ въ полученіи писемъ, о струнахъ, о табакѣ, когда будешь въ Парижѣ, о отбытіи государыни въ Новогородъ и Вышній-Волочекъ [4] М.) іюня 17-го въ Медіоланъ: о пріѣздѣ Ал. Николаевича. Н.) іюня жъ 21-го туда жъ: о пріемѣ дѣлъ твоихъ Ал. Ник., посланъ маленькій мой силуетъ, и проч. О.) іюля 5-го въ Геную: о полученіи струнъ и благодарность за то; пенялъ, что не пишешь куда деньги перевесть, жаловался на судьбу, и проч. П.) іюля 15-го въ Ліонъ: о состояніи Осипа Петровича, въ разсужденіи его женитьбы, или лучше, о его новомъ рабствѣ. Вотъ, Васинька, и содержаніе ихъ, какъ я изъ журнала ихъ тебѣ по порядку выписалъ. Итакъ теперь самъ суди, виноватъ ли я? Стою ли такихъ твоихъ выговоровъ? Заслуживаю ли я твой гнѣвъ и угрозы, что ты принужденъ будешь, какъ ты говоришь, выбрать другаго корреспондента обо мнѣ тебя увѣдомлять. Да и самое послѣднее твое письмо меня оправдать можетъ. Съ гнѣвомъ пишешь, чтобы я на оное, ни единой почты не пропустя, по полученіи его, тебѣ отвѣчалъ,—а куда ?—ни слова. Куда жь мнѣ писать?.. Оно 17/6 августа, получилъ его вчера, т. е. ты въ день моего рожденія огорчилъ крайне, и я тѣмъ 32-й годъ своей жизни началъ, отвѣтомъ симъ на гнѣвное твое письмо. Пишу сіе письмо на удачу въ Римъ и если ты недогадался приказать его отправить, то оно и пропало, что навѣрно и считаю, не воображая тебя такъ долго пребывающимъ въ Римѣ.

Оставя сіе все, повторяю, что прискорбно мнѣ, и такъ, что со слезами тебѣ говорю, что больно мнѣ быть понапрасну обвинену тѣмъ, кого я столько много люблю, и къ кому я душею привязанъ, такъ много, какъ къ тебѣ. Увѣдомляю снова, что братецъ твой уѣхалъ, что съ 500 душъ одинъ, то есть съ тысячи два рекрута, сегодня указъ вышелъ; что графа А. Романовича здѣсь нѣтъ: онъ поѣхалъ осматривать порядокъ производства дѣлъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ, будетъ къ 15 числу сего мѣсяца, и тогда я буду его просить и напоминать.

3.

30-го сентября 85-го года. Санктпетербургъ.

Совѣтую ихъ (пропавшія письма) вамъ отыскать для двухъ причинъ: 1) для того, что дурно, если они вѣчно останутся въ чужихъ краяхъ, попадутся въ чьи нибудь руки и потомъ откроютъ дружескіе разговоры и откровенія домашнія. Вы скажете, что порусски тамъ читать неумѣютъ, да вѣдь они къ русскому попасть могутъ; ибо почтмейстеръ видя, что вы въ русской службѣ, отдастъ ихъ для доставленія вамъ; 2), для того, что я не могу здѣсь вмѣстить того, что въ семи письмахъ, или лучше сказать, на семи листахъ кругомъ написалъ. А если вы получите или достанете письмо послѣднее, писанное въ Римъ, то вы тутъ увидите и журналъ всѣхъ прежнихъ 6 писемъ, что я принужденнымъ на-

---

меновнѣ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за лорда Пемброка. (Неизданныя рукописи Вытебетскаго архива).

[4] Здѣсь говорится о посѣщеніи Императрицею Боровичей и Вышняго-Волочка для осмотра работъ по Вышневолоцкому водяному сообщенію; она проѣхала отсюда въ Москву и въ село Богородицкое Тульской губ., въ будущее имѣніе графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, гдѣ осматривала постройку дома и разведеніе сада. Въ Петербургъ Императрица возвратилась 19-го іюня.

шелся выписать изъ своего журнала [1].

Теперь отвѣчаю на ваши вопросы, по порядку оныхъ. На 1-е, посылку вашу съ гр. Воронцовымъ не получалъ, и извѣстія не имѣю, гдѣ онъ живетъ. Съ Цейтеномъ—получилъ и благодарилъ васъ покорнѣйше за нее, въ письмѣ посланномъ въ Геную. На 2, письмо, въ которомъ бы было включено письмо къ графу Александру Роман., не получалъ. А онъ въ маѣ мѣсяцѣ, уѣхавъ осматривать губерніи, возвратится сего мѣсяца къ 20 числу, которому я, по приказанію вашему, напоминалъ о вашей отсрочкѣ и разъ пять у него уже былъ. Онъ мнѣ сказалъ, что письмо ваше получилъ, будучи въ Москвѣ, такъ не чрезъ графа ли Лар. Ивановича [2] вы ему послали? А онъ, можетъ быть, мое письмо и кинулъ. Говорилъ мнѣ онъ, что писалъ изъ Москвы къ графу Безбородкѣ, котораго; по пріѣздѣ, еще-де не спрашивалъ, то и сегодни я за отвѣтомъ ѣздилъ, какъ онъ мнѣ приказалъ, но не засталъ: онъ въ деревню уѣхалъ. И такъ еще съѣзжу и въ пятницу, то есть чрезъ три дни отъ сего, буду объ ономъ писать въ Ліонъ. На 3, къ Александру Николаевичу письма не только получилъ, но и по нимъ уже давно и исполнено.

22-го сего мѣсяца была перемѣна, которую въ пятницу тоже пришлю; а теперь увѣдомляю о знакомыхъ вашихъ: 2-го класса Владиміра: графу Николаю Петровичу Румянцеву и Степану Степановичу Зиновьеву [3], 3-го класса Петру Ивановичу Новосильцеву.

[1] Существуетъ ли онъ, и у кого и гдѣ находится?

[2] Графъ Иларіонъ Ивановичъ Воронцовъ, сынъ графа Ивана Иларіоновича, камергеръ и въ послѣдствіи сенаторъ.

[3] Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, русскій полномочный министръ въ Мадритѣ, съ 1773 по 1794 годъ, въ которомъ скончался.

4.

3 октября. Санктпетербургъ. 85 года.

Послѣ двухъ бранныхъ писемъ, которыя къ тебѣ въ Римъ и Туринъ писалъ (послѣднее послано третьяго дни), намѣренъ перестать браниться, прося и тебя мнѣ въ ономъ подражать, тѣмъ болѣе, что ты меня бранишь безвинно. Начинаю тѣмъ, что поздравляю тебя съ отсрочкой. Вчера былъ у Александра Романовича, который приказалъ тебѣ отписать, что тебѣ отсрочено, и когда (я) спросилъ, на долго ли, то онъ отвѣчалъ, что безсрочно, о чемъ даже, отъ лица Государыни, А. А. Безбородко будетъ писать къ Ивану Ивановичу Шувалову [1]. Чтоже касается до него, то обѣщалъ во вторникъ писать къ тебѣ самъ; я поѣду за нимъ *(т.-е. за письмомъ)* и адресую его на Ліонъ, то прошу приказать его тебѣ прислать, въ такомъ случаѣ, когда ты оттоль уѣдешь.

Теперь благодарю тебя нижайше за сочиненіе и за перстень, который я вчера получилъ отъ графа, пріѣхавшаго на сихъ дняхъ сюда, котораго я увидать завтра или послѣ завтра постараюсь; но какую услугу ему показать могу, я не знаю, хотя и вызовуся на то, потому что онъ былъ съ тобою такъ друженъ, постараюсь выиграть его; но сомнѣваюсь, потому что онъ будетъ жить въ большемъ свѣтѣ, а образъ моей жизни тебѣ знакомъ. Чтоже касается до твоихъ двухъ подарковъ, что ты мнѣ прислалъ, обрадованъ я былъ болѣе первымъ, т.-е сочиненіемъ, 1) потому,что мысли святыя

[1] Который, въ званіи оберъ-камергера, былъ начальникомъ по придворной службѣ В. Н. Зиновьева.

и съ моими всегда сходны, 2, что хорошо написано и ясно, и 3, что ты то писалъ что̀ сердце тебѣ сказало, и по образу твоихъ мыслей послѣднее заключало; а кто такъ думаетъ какъ тутъ написано, тотъ будетъ виновникомъ другаго подарка, то есть будетъ другой Муціусъ. Кто такое упованіе имѣетъ на Бога, кто учреждаетъ всѣ дѣла свои, ожидая будущей жизни, въ которой и угрызеніе и удовольствіе по дѣламъ его встрѣтитъ, тотъ, говорю я, можетъ и долженъ имѣть твердость Муціуса. Не думай, чтобъ пристрастіе мое къ тебѣ вмѣшивалось въ сужденіе о твоемъ сочиненіи; оно написано божественно, и если есть погрѣшности, такъ онѣ въ слогѣ, т.-е. грамматикальныя. Многіе, которые его уже читали, у меня вчера просили списать; но я не смѣю давать, хотя взялъ на свой страхъ, отдавъ списать одной бригадиршѣ Ниловой [2], женщинѣ весьма разумной, прилѣпившейся къ сей мысли, просвѣщенной и пожилой. „Пожилой,“ примолвилъ для того, чтобы ты, сдѣлавъ надъ душей женщины побѣду, не влюбился, и тѣмъ бы не отвлекъ себя отъ вещей примѣчанія достойныхъ въ путешествіи. Она другъ Натальи Өедоровны Дубянской [3], которая также изъ числа твоихъ похвалительницъ за то, что ты, какъ говоритъ она, гдѣ-то ее защитилъ, когда соболѣзнованіе о мужѣ гдѣ-то оборачивали ей въ дурное и называли притворствомъ. Повторяю еще, что я отъ сочиненія твоего внѣ себя; только много періодовъ обернутыхъ иностраннымъ слогомъ и глаголы неопредѣленныхъ временъ не тутъ поставлены. Не велишь ли оное сочиненіе показать Завадовскому, когда онъ возвратится изъ своихъ деревень?

[2] Елизаветѣ Кирилловнѣ. Она извѣстна какъ переводчица съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ.

[3] Наталья Өедоровна Дубянская была супругой Захара Өедоровича Дубянскаго, старшаго сына Өедора Яковлевича Дубянскаго, духовника Имп. Елисаветы Петровны, возведеннаго въ потомственное дворянство 10-го августа 1761 года. Захаръ Өедоровичъ былъ бригадиромъ л.-гв. Преображенскаго полка (род. 1743 года, ум. 1765 г.). Сынъ Захара Өедоровича и Натальи Өедоровны Дубянскихъ извѣстенъ какъ музыкантъ. Онъ утонулъ въ Невѣ 3-го августа 1796 года. (XVIII Вѣкъ, кн. 3-я. „Нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II“. Статья М. Н. Лонгинова).

5.

Октября дня 85 года. Санктпетербургъ.

Сегодня былъ у гр. Ал. Романовича, который при семъ посылаетъ къ тебѣ письмо, а на будущей недѣли отъ г. Безбородки обѣщалъ также къ тебѣ чрезъ меня отправить. И такъ отсрочка твоя вѣрна; а я, который тѣмъ лишаюсь первѣйшаго удовольствія быть съ своимъ другомъ, старался о томъ, ѣздилъ за оной. Не превратно ли это? Искать того, что̀ неудовольствіе себѣ самому дѣлаетъ. Но нѣтъ, вѣрь мнѣ любезнѣйшій изъ человѣковъ, что гдѣ твое удовольствіе, твои выгоды и твое веселье говоритъ, тамъ и мое блаженство молчитъ, тамъ я предпочитаю тебя себѣ. Вотъ до какой крайности я къ тебѣ привязанъ, любезный мой; а сей привязанности опытъ и сегодня еще чувствовалъ. Не ломай головы, не добирайся узнать причину, я тебѣ ее сейчасъ скажу. Я былъ у графа Ларіона Ивановича, который мнѣ такъ понравился, что я съ нимъ такъ какъ будто самъ съ собой говорилъ, и готовъ былъ открыть ему всю внутренность сердца своего. Образъ мыслей его, образъ изъясненія и чистосердечное обхожденіе (какъ кажется), конечно произвели во мнѣ то пріятное чувствованіе; но не

меньше всѣхъ достоинствъ его, твоя рекомендація, твоя съ нимъ пріязненная связь, участвовали въ ономъ. Вотъ чистое признаніе въ моемъ къ тебѣ пристрастіи. Все то, чтò ты одобряешь, мнѣ кажется совершеннымъ, все то чтò тебѣ нравится, мнѣ кажется любезнѣйшимъ. Сколько бы я былъ счастливъ, еслибъ достоинъ былъ твоей дружбы. Хотя признаться долженъ, что твоя со мною связь пріязни и много исправила меня въ слабостяхъ и (чтò сердечно скажу) въ порокахъ. Перестаю говорить объ этомъ, только для того, чтобы не оскорбить тѣмъ твою кротость. Похвалы друга не есть лесть, слѣдовательно и не боюсь, чтобъ ты принялъ ихъ за оную. Теперь прошу дать отвѣтъ, для чего ты называлъ своимъ сочиненіемъ то, чтò ты перевелъ съ англійскаго? Сіе мнѣ графъ Ларіонъ Ивановичъ твой товарищъ сказалъ.

6.

2 De-bre 85. St. Pétersbourg.

О табакѣ ты мнѣ не писалъ, и я незнаю, да и та достойная барыня, къ кому ты его послалъ, т.-е. Прасковья Ѳедоровна Соловая, скончалась мѣсяца три тому назадъ. Твой Иванъ, жившій у гр. Остермана, занемогъ было рожей, и чуть было не умеръ, но попеченіемъ лекаря Голубаго выздоровѣлъ почти; я его навѣщалъ. И мой Сережка, его братъ, выдержалъ горячку, чтò мнѣ много грусти сдѣлало; я, его любя много за его доброе поведеніе, положилъ возлѣ своей спальни и самъ за нимъ ходилъ; теперь, слава Богу, совсѣмъ здоровъ.

Наконецъ, прошу изъяснить графу Семену Романовичу мою душевную къ нему преданность и отмѣнное почитаніе, сказавъ притомъ, что по волѣ его я о мундирахъ и состояніи здѣшняго войска, сколько можно, достаточно сдѣлалъ описаніе и, мѣсяца два тому назадъ или около того, вручилъ братцу его, для пересланія къ нему. По чести ничѣмъ столько не буду доволенъ, какъ тѣмъ, что если его сіятельству оно понравится *.

1786 годъ.

7.

9 января 1786 года. Санктпетербургъ.

Отставка моя отмѣнилась, хотя, скрѣпивши сердце, и въ новый годъ ожидалъ произвожденія, которое однакожъ не вышло; говорятъ, что, при разрѣшеніи отъ бремени **, оно будетъ, только мало тому я вѣрю: оно никогда при таковыхъ случаяхъ не выходило. Въ полковники мнѣ достанется, какъ всѣ увѣряютъ, потому что я 6-й человѣкъ въ гвардіи, въ отпуску не былъ, и всѣ обо мнѣ въ городѣ, знакомые и незнакомые, жалѣютъ и ставятъ въ примѣръ, какъ я давно въ одномъ чинѣ. Это меня не только утѣшаетъ, но и льститъ моему самолюбію. О братѣ, въ разсужденіи перевода въ Англію, жалѣю о невозможности; ты бъ не отрекся сей милости сдѣлать. Но не входя въ тайну, коей ты дозволенія не имѣешь, не хочу знать того, чего не можно, желалъ бы знать чтó это значитъ. Вотъ твои слова: "но самое сіе можетъ тебѣ лучше служить, нежели ты думаешь". Одна эта рѣчь меня замучила;

---

* Графъ С. Р. Воронцовъ извѣстенъ преимущественно какъ дипломатъ; но первоначальная служба его была военная. Онъ былъ однимъ изъ любимыхъ подручниковъ Задунайскаго и до конца жизни сохранилъ страсть къ военному искусству. *П. Б.*

** 4-го февраля 1786 родилась великая княжна Марія Павловна.

ты знаешь, сколько я любопытенъ, то можешь вообразить, сколько бродило это у меня въ головѣ; но совсѣмъ тѣмъ, какъ я ее ни вертѣлъ, добраться не могъ. Увѣдомь, объясни сіе.

Здѣшнія новости: въ новый годъ вышло гвардейское произвожденіе. На сихъ дняхъ представляли новую комедію подъ названіемъ „Обманщикъ." Хотя сочинитель не извѣстенъ, но всѣ вообще (думаютъ), что онъ тотъ, который писалъ „Были и Небылицы." Она состоитъ въ осмѣяніи тѣхъ, кои вѣрятъ шарлатанамъ и паче вѣрили Каліостру; касается нѣсколько сектъ „Мартинистовъ," кои говорятъ съ духами и здѣсь въ великой славѣ. Нарышкинъ Петръ Петровичъ овдовѣлъ, и, пріѣхавъ сюда изъ Москвы, помолвилъ на гр. Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной, и разошлись въ оба раза, т.-е. какъ сходились и разошлись. Докладывано было Государынѣ. Вотъ все. Прости. Простившись съ тобою, прошу тебя мою преданность сказать его сіятельству гр. Семену Романовичу, такъ какъ и то, что я послалъ, или отдалъ братцу его, для пересылки къ нему, еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, книгу о мундирахъ Россійскаго войска (послалъ) при моемъ письмѣ; не знаю получилъ ли, и если получено, то я бы желалъ знать, согласно ль оно съ волей его сіятельства?

8.

30 января 86 года. Санктпетербургъ.

Твоя скромность мнѣ давно извѣстна, и потому не удивляюсь я тому, что ты похвалы, мной сдѣланныя, относишь къ моей дружбѣ,—пусть такъ; хорошъ ли ты или дуренъ, мнѣ слишкомъ то извѣстно. Кто тебѣ сказалъ, что я тебя считаю человѣкомъ не имѣющимъ слабостей? Ты ихъ имѣешь, я въ томъ не сомнѣваюсь, да или мало, или стараешься истреблять и властвуешь надъ собой, сколько можно. Вотъ чѣмъ я тебя превозношу, вотъ въ чемъ я тебѣ завидую, стараюсь подражать и неудачей огорчаюсь. „Повинную голову и мечь не сѣчетъ" — старая русская пословица, а я тебѣ винюсь въ томъ, что твое сочиненіе показалъ, — да кому-жъ? — своимъ, или еще такимъ, въ комъ я много увѣренъ. Еще больше виноватъ, далъ списать одному, какъ я тебѣ и прежде признавался. Прости, любезный мой; у меня есть оборона, о которой ты знаешь и въ письмѣ своемъ упомянулъ, это любовь моя къ тебѣ, дружба и привязанность; они меня подожгли, они меня заставили показать, похвалиться своимъ выборомъ, и они меня защитятъ. Ты сбираешься въ Лондонъ, гдѣ обѣщаешь себѣ веселье. Дай Богъ, Васинька, мой любезный, чтобы оно провожало тебя вездѣ, и чтобъ ты съ его непріятелями нигдѣ не встрѣчался! Спрашиваешь, какъ зовутъ Новосильцеву жену? Ее зовутъ, такъ точно, какъ ты зналъ и написалъ ко мнѣ, т. е. Катериной Александровной, которой Богъ далъ сына; поздравь ихъ съ нимъ, не забудь.

Потомъ на второе твое письмо изъ Ліона же, отъ 20 (31) декабря 85 года писанное, отвѣчать буду; не скучай, любезный, длиннымъ письмомъ. Я все по немъ на другой день исполнилъ, т. е. призвалъ своего духовника, какъ умнаго и честнѣйшаго человѣка, далъ ему записку, сказалъ, чтобъ по пятницамъ, не исключая ни одной въ круглый годъ, онъ отправлять долженъ поминовеніе, и за то обѣщалъ ему 50 р.—Не дорого ли? Мнѣ такъ кажется, не дорого. О его честности сомнѣнія не малѣйшаго нѣтъ, и въ доказательство его благородства скажу тебѣ одно происхожденіе, весьма для меня прі-

ятное, потому что я имѣю такого духовника. Призвавъ его къ себѣ, спрашивалъ я его (не говоря прежде, для чего и для кого) почему за подобное служеніе во весь годъ платятъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что по 30, по 40 и болѣе, смотря по человѣку и по произволу желающаго то; потомъ я ему сказалъ на сіе, что, по приказу моего пріятеля, долженъ я сіе сдѣлать, и избираю его на то; то онъ весь покраснѣлъ какъ сукно и раскаявался, что онъ цѣну назначивалъ себѣ. Сія его стыдливость меня тронула до крайности. Если-жь имя его вѣдать хочешь, его зовутъ отецъ Лукьянъ, ключарь и священникъ Преображенскаго собора. Деньги эти велишь ли отъ Петра Ивановича взять, сказавъ на что, или утая причину? Теперь позволь, по дружбѣ твоей ко мнѣ, потребовать отъ тебя откровенности: что̀ значатъ твои слова, начинающія твое письмо: „Пробывъ здѣсь двѣ недѣли, употребилъ полезнѣе, нежели вся моя жизнь до сихъ поръ“. Въ чемъ состоитъ польза? Увѣдомь меня, прибавь радость къ радости, восхищеніе къ восхищенію того, который такое участіе беретъ, какого, можетъ быть, и въ себѣ не принимаетъ. Тебѣ это странно покажется, однако не менѣе вѣроятно, потому что иное у себя сквозь пальцы пропускаешь, вмѣсто того, что любя тебя, я все замѣчаю, и все умножаетъ мою къ тебѣ любовь *.

На третье твое письмо, т. е. изъ Парижа отъ 25 декабря 85 г. (9 января 86 г.), за желаніе, чтобы я утвердился въ добродѣтели, за наставленія и за изъясненныя правила, благодарю тебя отъ всего сердца. Будь увѣренъ,

---

* Достойно замѣчанія, что князь Циціановъ, отзываясь въ своихъ письмахъ съ такой рѣзкостью о Мартинистахъ, не зналъ, что его другъ В. Н. Зиновьевъ вполнѣ сочувствовалъ ихъ ученію. Вѣроятно, что о представленіи на театрѣ въ Петербургѣ комедіи „Обманщикъ“ (вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія, или отъ князя, или отъ кого нибудь другаго), Василій Николаевичъ увѣдомилъ Сенъ-Мартена, потому что между бумагами архива села Вытебети, мы нашли отвѣтное письмо къ нему изъ Парижа, отъ 23-го марта 1786 года, за подписью „St. Martin“. Вотъ что по этому поводу пишетъ Сенъ-Мартенъ: „Ce que vous me mandez des frères, que l'on „joue en Russie d'après certains ouvrages ne „me surprend point; ce n'est pas le seul end„roit où on les ait bafouées. Laissons faire „les pauvres humains et attachons nous for„tement à la seule ancre irrésistible qui est „I. C.“ („Увѣдомленіе ваше о томъ, что на„шихъ братьевъ осмѣиваютъ въ нѣкоторыхъ „сочиненіяхъ въ Россіи, меня не удивляетъ; „это не единственное мѣсто, гдѣ ихъ поно„сятъ. Оставимъ же бѣдныхъ смертныхъ въ „покоѣ, и прилѣпимся къ единственному не„одолимому якорю, I. Христу“). Изъ „Воспоминаній Зиновьева“ озаглавленныхъ 1806 годомъ, видно, что онъ прибылъ въ Ліонъ въ концѣ 1784 года, и посредствомъ рекомендательныхъ писемъ герцога Брауншвейгскаго, вступилъ въ сношенія съ Виллермозомъ (Villermos), Саварономъ (Savaron), Миллане (Millanais), Периссомъ (Perisse), Мольеромъ (Molière), Леруа (Leroy), Ренаніеомъ (Renand), Рашессомъ (Rachesse), и проч. и былъ принятъ въ члены ихъ общества. Около этого же времени онъ познакомился съ Сенъ-Мартеномъ, съ которымъ совершилъ поѣздку въ Парижъ; „но“ прибавляетъ Зиновьевъ, „я былъ съ нимъ остороженъ, сдержанъ и мало искрененъ“; проживъ въ Парижѣ лишь нѣсколько дней, они возвратились въ Ліонъ. Во время этого путешествія Зиновьевъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія о своемъ знаменитомъ спутникѣ: „Si je n'avais pas été sur mes gardes; cet homme, plein de feu céleste, m'aurait tellement influéncé, que j'aurais perdu, je crois, l'esprit, ou abrégé mes jours par le fanatisme, qui se serait emparé de moi et tandis que je savoure ses ouvrages à présent, je suis persuadé que dans le temps,que je le connaissais son intimité ne ma'aurait fait que du mal“. („Если бы я недостаточно осто„рожно относился къ тому, что̀ говорилъ этотъ, „исполненный небеснаго огня, человѣкъ, онъ „возымѣлъ бы такое на меня вліяніе, что я „или сошелъ бы съ ума, или фанатизмомъ

что я отъ самаго младенчества расположенъ былъ къ нимъ, и если отдалялся иногда, то отъ слабости душевной, которая, какъ думаю, происходитъ отъ слабости тѣлесной, мною самимъ произведенной. Les femmes m'ont perdu, et la perte est irréparable: voilà ce que je

„сократилъ бы свои дни; онъ овладѣлъ бы „мной и вмѣсто того, чтобы наслаждаться „его сочиненіями, какъ я это теперь дѣлаю); „я увѣренъ, что въ то время, какъ былъ съ „нимъ знакомъ, его тѣсная дружба причинила бы мнѣ лишь вредъ". Кромѣ этого отрывка „Воспоминаній 1806 года", въ которыхъ самъ авторъ признается, что память нѣсколько измѣняетъ ему, относительно годовъ и мѣсяцевъ; мы имѣемъ въ рукахъ журналъ В. Н. Зиновьева, и изъ него усматривается, что еще въ началѣ ноября 1784 года, бывъ въ Берлинѣ, онъ былъ принятъ въ ложу „New-Iork" (вѣроятно „Royal-Iork"), съ посвященіемъ въ мастера, чрезъ секретаря нашего посольства въ Берлинѣ Мальцева, который и обѣщалъ ему сообщить и Катихизисъ, но за отъѣздомъ не исполнилъ своего обѣщанія. То возбужденное и восторженное состояніе, религіозно-мистическое настроеніе и среда, въ которой вращался В. Н. Зиновьевъ въ Ліонѣ, были причиной, что Виллермозъ и Ренанъ, для удовлетворенія его духа, уговорили его дважды исповѣдываться и причаститься, по обряду Католической церкви, что̀ его дѣйствительно и успокоило. В. Н. Зиновьевъ обратился даже въ это время за совѣтомъ къ Виллермозу, прося его объясненія на возникшее въ немъ сомнѣніе: „не помѣшаетъ ли ему его вѣроисповѣданіе унаслѣдовать Царство Небесное, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что хотя онъ, Виллермозъ, и не оправдываетъ раздѣленіе церквей, учиненное при Фотіѣ, но что ему не нужно измѣнять религію. Къ этому-то времени, т.-е. ко времени его исповѣди и причащенія въ Ліонѣ, по нашему мнѣнію, и должно быть отнесено письмо В. Н. Зиновьева, изъ котораго мѣсто, выражающее сознаніе спокойствія духа и нравственное собой довольство, осталось для кн. Циціанова неразгаданнымъ и вызвавшимъ его просьбу, о разъясненіи. (Неизданныя рукописи села Вытебети).

crois *. За обѣщаніе твое прислать мнѣ табаку и табакерку съ твоими волосами, по возвращеніи во Францію, благодарю попремногу, только признаюсь, что послѣднее я бы и поранѣе имѣть хотѣлъ.

Остается мнѣ на послѣднее твое письмо отвѣчать, писанное изъ Парижа же отъ 2 (13) генваря 86 года. Описаніе твое о Парижѣ такъ хорошо было изъяснено, такъ меня прельстило, что не могъ опять удержаться, на твое слово „между нами сказано", не показать своимъ; шутки твои заставили другихъ смѣяться также, какъ и меня, а описаніе отвратило насъ ѣхать туда; ты спросишь, на чемъ? Въ Монгольфіеровомъ шару, который было сюда привезли, однако кромѣ таможни никто его не видалъ, для того, что его на воздухъ здѣсь пустить не позволили. Итакъ любезный шаръ, умовъ высокихъ даръ, не могъ въ Россіи возгордиться и принужденъ во свояси возвратиться.

Письма твои къ Новосильцеву, вчера же какъ получилъ, отослалъ къ Протасовой. Самъ отвезъ, дома ея не засталъ; къ г. Безбородкѣ завтра поѣду, а гр. К. Васильевнѣ Скавронской здѣсь нѣтъ и если правда, что она у Браницкой, то перешлю; если-жъ узнаю, что скоро сюда будетъ, то оставлю здѣсь. Сколько мнѣ пріятно слышать, что ты говоришь о возвращеніи своемъ, столько и прискорбно, когда я подумалъ, что слишкомъ годъ того дожидаться надобно и что Богъ знаетъ, гдѣ я буду тогда, для того что 21 апрѣля выйдетъ, говорятъ, наше произвожденіе и увѣряютъ, что за меня еще многимъ достанется. Нашъ полкъ отсюда чрезъ мѣсяцъ идетъ стоять въ

* Женщины меня сгубили, и гибель не поправима: вотъ что̀ я думаю.

Московскую дивизію, гдѣ намъ назначены квартиры, и мнѣ хочется очень отвилять отъ похода для того, что если мнѣ въ апрѣлѣ достанется, то я промаширую даромъ, да и въ самое то время, когда здѣсь быть должно. Со всѣмъ тѣмъ не переставай ко мнѣ по прежнему писать, доколь я тебя не увѣдомлю, куда адресовать письмы и когда я отсюда отправлюсь. Ну, братъ Василій, не жалуйся, что мало пишу; однажды, да путнымъ образомъ измаралъ два листа, да за третій принимюсь, — готовься читать, только не посѣтуй, пожалуй.

Окончивъ отвѣты на твои письма, скажу тебѣ здѣшнія новости. Большая часть людей повредилась здѣсь на одной сектѣ, которую называютъ „Секта Мартинистовъ". Въ чемъ же состоитъ, это все ханжество взяли они за маску, читаютъ священныя книги, самыя древнія, кажутся быть прилѣпленными къ Богу (въ чемъ однакожъ сомнѣваюсь, видя, что образъ ихъ жизни, ихъ поведеніе и дѣла ихъ не согласуются съ истинною, почитающею Божію премудрость, Его благость и Его о насъ попеченіе родительское), потомъ кажутся отчуждающимися отъ сего міра и занимающимся духами, однимъ словомъ больше нежели платонисты. Tout est spirituel. Книги, т. е. „Des erreurs et de la vérité", и „Les merveilles du ciel et de l'enfer" * почитаются ими за предводителей имъ любезныхъ, изъ коихъ первая и порусски переведена, да я понимать не могъ, не будучи просвѣщенъ, т. е. масонъ. Для того говорю не понимаю, что тутъ доказательства совсѣмъ для меня незнакомыя, какъ напр. „сіе столь вѣрно какъ 4 къ 9 и проч." Она (т.-е. первая книга) тебѣ должна быть извѣстна, для того, что и тамъ, я чай, въ модѣ. Послѣднюю же я читалъ; она мнѣ еще непонятнѣе показалась, а паче когда онъ (т.-е. авторъ) желаніе ангеловъ описываетъ, ихъ города, улицы, домы, и чему онъ самовидецъ. Я, всего того разумѣть не могши, счелъ, что аллегорія должна заключаться въ ономъ, хотя увѣренъ, что есть существа выше насъ и совершеннѣе, раздѣляющія насъ съ Богомъ, то есть между нашими недостатками и Его всесовершенствомъ. Однако не могу вѣрить, чтобъ то вещество было сходное съ нашимъ, и чтобы Шведенбургъ катался по улицамъ у нихъ въ городахъ. Что же эти Мартинисты здѣсь дѣлаютъ, подъ маской сей набожности, обманывающей глупцевъ? Также развратную жизнь ведутъ, какъ и другіе, менѣе по наружности набожные; также съ женами разводятся; также любовницъ при своихъ женахъ содержать, также бѣдныхъ угнетаютъ, также безсильныхъ грабятъ и также могутъ почитаться бичами рода человѣческаго. И такъ я долженъ заключить: или сія секта есть произведеніе плутовства и злаго разума, для

* Первая изъ нихъ „О заблужденіяхъ и истинѣ" соч. философа неизвѣстнаго (т.-е. Сенъ-Мартена), переводъ съ французск. (П. И. Страхова) М. въ типографіи И. В. Лопухина, 1785 года, цензоръ г. Островскій. Эта книга внесена въ реестръ книгъ, признанныхъ въ 1786 году архіепископомъ Платономъ „сумнительными и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденію и разгоряченію умовъ". У Сопикова она показана подъ № 4.138, (Новиковъ и Московскіе Мартинисты, М. Н. Лонгинова Приложенія, стр. 36-я). Въ настоящее время весьма рѣдка.

Вторая книга написана Сведенборгомъ (род. 1688 года, ум. 1772) Шведскимъ философомъ и мистикомъ, на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Arcana celestia" 1749—1757, Londres, 8 vol, in 4-°; ея переводъ намъ неизвѣстенъ.

корысти прикрываемая благочестіемъ, или доброе намѣреніе, во зло употребляемое. Вотъ все что̀ я о Мартинистахъ сказать хотѣлъ. Не спорю, можетъ быть я ошибаюсь, однакожъ я предметомъ благочестія принимаю добрыя правила и чистую совѣсть.

9.

5 февраля 86 года. Санктпетербургъ.

Начну тѣмъ, что̀ еще по первымъ письмамъ твоимъ исполнить долженъ былъ. Къ г. Безбородкѣ самъ отвезъ письмо; онъ меня принялъ и при мнѣ его читалъ, спрашивалъ, гдѣ я тебя считаю на тотъ часъ, и при томъ сказалъ, что ты долженъ возвратиться въ семъ году, то есть въ исходѣ, такъ какъ ты будто къ нему писалъ. Сколько я ни обрадованъ былъ такою вѣстью, однако не мало удивился я, зная, что ты не прежде будущаго года возвратиться намѣренъ. И такъ я совѣтую тебѣ осмотрѣться, какъ тебѣ о возвращеніи и о срокѣ написано. А можетъ быть, что это онъ, чтобы сказать что нибудь, сказалъ. Дай Боже, чтобы пророчество его сбылось. Гр. К. В. Скавронской письмо, для доставленія полковнику и правителю канцеляріи княжеской Попову *(т.-е. „я передалъ“)*, который вѣрно доставить его обѣщалъ, о чемъ я ни мало и не сомнѣваюсь.

Здѣшнія новости: что Богъ далъ намъ великую княжну Марью Павловну, и вчера мы великаго князя поздравляли. Потомъ новость, что княжна Барятинская дочь князя Ивана Сергѣевича и принцессы * помолвлена за графа Толстаго ** меньшаго, племянника роднаго Николая Ивановича Салтыкова, ты, чай, ихъ не знаешь; они не давно здѣсь были у него адъютантами, а теперь капитанами гвардіи. Свадьба отложена на два года, для того что ей только 13 лѣтъ. Отецъ ея не согласенъ на то; только не знаю, будетъ ли его несогласіе дѣйствительно; я сейчасъ отъ нея, обѣдалъ и поздравлялъ. Мать довольна, а дочь, какъ ребенокъ, по застѣнчивости или по отвращенію, бѣгаетъ отъ жениха. Онъ собой молодецъ изрядный, да кажется, что антресоли не убраны. Вотъ браки нынѣшняго вѣка! Честью клянусь, мнѣ это досадно. Корысть и тщеславіе, т.-е. богатство, чины и родъ дѣлаютъ все достоинство жениховъ и невѣстъ нынѣшняго времени. Еще новость не очень пріятная: Левъ Александровичъ Нарышкинъ *** при смерти боленъ, и говорятъ, что жизнь его въ опасности, не обѣщая много надежды. По человѣчеству жаль, а по дѣламъ его утѣшеніе въ такой печали встрѣтить мо-

---

* Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій (ум. 24-го декабря 1811 года) генералъ-лейтенантъ. Занималъ должность нашего министра въ Парижѣ, имѣлъ въ супружествѣ принцессу Екатерину Петровну Голштейнъ-Бекскую, дочь русскаго фельдмаршала, принца Петра Августа. Въ 1762 году, 28-го іюня принималъ дѣятельное участіе въ восшествіи на престолъ Екатерины II, бывъ ея сторонникомъ, за что̀, какъ полагаютъ, и находился въ немилости у имп. Павла. Княгиня, его супруга умерла за нѣсколько дней до его смерти; но они много лѣтъ жили въ отдаленіи другъ отъ друга.

** Толстыхъ графовъ было два брата, оба адъютанты Николая Ивановича Салтыкова. Въ Русск. Архивѣ 1864 года на стр. 540-й, напечатано письмо императр. Екатерины къ Н. И. Салтыкову о разрѣшеніи взять ихъ въ Семеновскій полкъ.

*** Левъ Александровичъ Нарышкинъ (род. 1733, ум. 1799 года) оберъ-шталмейстеръ, двоюродный племянникъ Петра I, былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, родной племянницы графовъ Алексѣя и Кирилла Григорьевичей Разумовскихъ.

жно. Вообрази себѣ, любезный, ты, который правду любишь; онъ не давно у сосѣда своего бригадира Нилова *, землю, которою за сто лѣтъ тому назадъ владѣли, по самое гумно отрѣзалъ, и 1000 душъ оставилъ безъ питанія. Дѣло изъ суда въ судъ переходило, и выигрышъ былъ въ колебаніи, а Сенатъ рѣшилъ въ пользу знатнаго барина и заставилъ Нилова за безцѣнокъ продать крестьянъ и въ ноготокъ свистать.

10.

14 февраля 86 года. Санктпетербургъ.

Любезный камергеръ, прими усердное поздравленіе отъ новопожалованнаго полковника. Вотъ, братъ, день счастливый, сколько мнѣ радостей однимъ разомъ: ты, я, братъ и дядя пожалованы. Перемѣну посылаю, читай и радуйся. Ищу теперь, совался вездѣ, спрашивая курьера въ Англію, чтобъ тебѣ послать ключъ, которыхъ у меня четыре, что̀ ты оставилъ. О себѣ ничего не знаю; какъ будетъ, увѣдомлю. Ты не переставай ко мнѣ писать, какъ прежде. Его сіятельству скажи мою преданность. Прости, Василокъ, прости ваше превосходительство. Болѣе писать некогда, затѣмъ что ѣду на поклоны. Прости, обрадованъ до крайности, любезный, камергерскимъ чиномъ.

11.

4 марта 86 года. Санктпетербургъ.

Спѣшу тебѣ, любезный другъ, два слова сказать, для того что курьеръ скоро ѣдетъ, и я узналъ о томъ очень поздно. Посылаю тебѣ два ключа, изъ оставленныхъ тобой дядюшки твоего покойнаго; другіе же два Елисаветы Петровны. Извини, душенька, что я тебѣ ленты не посылаю; съ охотой бы послалъ, да рано: купить негдѣ. Когда ты возвратишься, увѣдомь пожалуй. О себѣ скажу, что еще полки намъ никому не назначены. О Александрѣ Николаевичѣ отъ Новосильцевой жены дурныя вѣсти слышалъ, что онъ самъ писалъ, что съ Кречетниковымъ его смутили и поссорили, что заводъ его разстроивается и хлѣбъ нынѣ по 1 руб. 60 коп. Однимъ словомъ, много дурнаго. Если ты, какъ я, говѣлъ на первой недѣли и, можетъ быть, по прежнему, то поздравляю тебя пріобщившись Святыхъ Таинъ. Я оное исполнилъ съ великимъ удовольствіемъ душевнымъ и радостію сердечною. Теперь позволь употребить нѣсколько наглости и попросить, чтобы ты потрудился и въ Англіи (*отыскать*) всѣ сочиненія г-на Генделя * для піано-форте и чимбало, кромѣ ораторіевъ; купи и пришли, какъ можно скорѣе. Дядюшка кн. Е. Михайловичъ тебя о томъ проситъ, а кой часъ пришлешь, сдѣлай милость, увѣдомь или приложи реестръ имъ, почему каждое заплочено, то всю оную сумму тужъ минуту онъ отдастъ Новосильцеву. Я за него такъ тебя прошу, какъ за себя, для того что цѣну его узналъ еще больше, и ничего бы не желалъ, какъ имѣть

* Ниловъ, Андрей Михайловичъ, извѣстенъ какъ штабсъ - капитанъ, который вмѣстѣ съ маіоромъ Текутьевымъ остановилъ роту Преображенскаго полка, въ день возсшествія на престолъ импер. Екатерины; а впослѣдствіи, уже въ чинѣ бригадира и Тамбовскаго помѣщика, по упоминаемому здѣсь дѣлу, о которомъ имѣются свѣдѣнія во II томѣ, соч. Державина, стр. 478-я, изд. Я. К. Грота.

* Гендель (Haendel Georges Fridric) род. 1684 года въ Галле, ум. 1759 въ Лондонѣ. Извѣстный музыкантъ-композиторъ. Англичане имъ гордятся какъ своимъ соотечественникомъ. Онъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

его правила и его сентименты. Прости, любезный мой, будь здоровъ и веселъ.

12.

3 апрѣля 86 года. Санктпетербургъ.

Много и много благодаренъ, любезный мой другъ, за твое дружеское одолженіе: поблагодари графа Семена Романовича за его милость, о чемъ я самъ къ нему писалъ; но ты еще приложи то, что̀ у меня недостаточно. Тебѣ извѣстно, какъ я привязанъ къ роднымъ, особливо къ тѣмъ, которые на моихъ рукахъ, то легко можешь вообразить, сколько я цѣню его милость, а тѣмъ болѣе, что она можетъ быть будетъ причиной того счастья брату, котораго я и самъ добиваюсь, и о которомъ ты старался, любезный мой, такъ много. Ты, я чай, увидишь изъ письма его сіятельства, повторять же нахожу (*излишнимъ*), для того что скуплюсь бумагой, и хочу занять другимъ. Извини меня только предъ графомъ, что я въ особый пакетъ не запечаталъ, а такъ просто: rendez la chose telle qu' elle est et qu'on ne me prend ni pour un impoli, ni pour un avare; je me fie à vous, mon aimable chambelan; soyez toujours le même indulgent envers moi *. Поздравляю тебя отговѣвши и пріобщась Святыхъ Таинъ (какъ ты въ послѣднемъ написалъ, что ты сбираешься). Дай Боже, чтобы сей случай влилъ въ душу твою новую радость и новое божественною премудростію просвѣщеніе. Я сіе же самъ сдѣлалъ на первой недѣли великаго поста; поспѣшилъ затѣмъ, что думалъ, пора быть отправлену, и не имѣть случая быть у моего отца духовнаго, котораго я много почитаю, хотя духовникъ каждый равенъ, и что исповѣдь предъ Богомъ, при свидѣтелѣ, кто бы то ни былъ, должна быть равна. Напрасно я боялся того: я, чай, успѣлъ (бы) сорокъ разъ отговѣть, для того что росписаніе о сю пору еще не вышло, и мы безъ полковъ. Оно лежитъ у князя Г. А. * и лежать будетъ, пока онъ кинуть изволитъ око свое на него; а мы ждемъ, и тѣмъ скучнѣе, что я не знаю, гдѣ я буду, какой дадутъ полкъ? Никого не имѣя и никого не прося, я положился на Бога. Буди Его святая воля! Благо есть уповати на Господа.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что Анна Осиповна Пушкина, говорятъ, хочетъ идти въ монастырь, а Анна Петровна **, считая мѣсяцевъ шесть себя беременною, нашла, что все пустое: c'est le sort des maris épuisés. ***. Потомъ всѣ мои благодарятъ тебя за приписаніе и свидѣтельствуютъ свою искренность. Братъ князь Дмитрій собирался тебя благодарить самъ, и я было обѣщалъ ему оставить бумаги, да съ тобой говоря нельзя ее оставить для другаго; виноватъ въ томъ я, а не онъ, а лучше сказать виноватъ не я, а ты, для того, что я тебя столько люблю. Прости.

13.

21 апрѣля 86 года. Санктпетербургъ.

Твои письма, твоя радость и участіе, въ нихъ изъясненныя, мнѣ великимъ утѣшеніемъ служатъ: по чести,

---

* Т.-е. „Передай все такъ какъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобы меня не сочли ни за невѣжду, ни за скупца. На тебя полагаюсь, мой любезный камергеръ; будь всегда, какъ прежде, снисходителенъ ко мнѣ.

* Князя Потемкина.

** Козодавлева, рожденная княжна Голицына, супруга Осипа Петровича.

*** „Такова участь мужей, истощившихъ свои силы“.

не менѣе нежели чинъ мой меня восхищаютъ. За лошадь попремногу тебѣ благодаренъ. Мнѣ совѣстно, что ты такъ меня даришь. Однако если ты, по скромности, придираешься будто за то, что я первый возвѣститель твоего чина, то пожалуй, чтобы она не спотыкалась; а если она съ хвостомъ, то еще больше мнѣ подарка. Видишь ли, любезный другъ, какой наглецъ твой полковникъ новый! Теперь тебѣ сообщу, что росписаніе полковниковъ уже вышло, только я еще никуда не написанъ въ полкъ, хотя всѣ получили и братъ мой, по просьбѣ моей, получилъ тотъ полкъ, который онъ желалъ и о которомъ я здѣсь для него просилъ. Не огорчайся любезный, по любви своей ко мнѣ; оно, говорятъ, для моей выгоды. Мнѣ было предложено, не хочу ли я въ Херсонскій, 4-хъ баталіонный, мушкетерскій, гдѣ шефомъ Александръ Николаевичъ Самойловъ; но я губу понадулъ, то все перемѣнилось, и отдали его, пожеланію шефа, г-ну Текутьеву *, а я тому и радъ. Братъ получилъ Старооскольскій, который однакожъ въ Херсонѣ; но я надѣюсь, что чрезъ годъ вытащу его опять въ дивизію графа, безподобнаго фельдмаршала. Ты разумѣешь, что рѣчь идетъ о Петрѣ Александровичѣ. Худое въ моемъ состояніи то, что я долженъ, я чай, мѣсяцевъ 5 или менѣе, погулять безъ полку и безъ жалованья, для того, что нынѣшній день никакого произвожденія не было **.

Потомъ, любезный другъ, сдѣлай одолженіе, попроси графа, своего друга и моего милостивца, чтобы онъ своего братца за меня поблагодарилъ. Г. Александръ Романовичъ мнѣ неописанную милость сдѣлалъ пожаловать письмо къ генер. поручику артиллеріи Матвѣю Семеновичу Бѣгичеву *, о помѣщеніи моего брата къ себѣ въ старшіе адъютанты, и надѣюсь, что успѣхъ будетъ (если обыкновенное мое несчастіе во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ не помѣшаетъ) потому, что графъ выпросилъ ему здѣсь Аннинской орденъ. А я, братецъ, жалѣю, о чемъ могу сказать тебѣ чистосердечно, что гр. С. Ром. на эту пору не въ военной службѣ, и я не могу подъ его повелѣніемъ быть и научиться тому, въ чемъ онъ прославился. Скажу послѣ сего хорошую новость, именно: Григорій Никитьевичъ ** говорилъ, что пожалованіе твое, т.-е. ключъ, онъ считаетъ за особенную милость Государыни къ тебѣ, для того что двоихъ именно, Головкина *** и Корсакова оставили за то, что они въ отпуску были, и менѣе еще нежели ты. Сообщу тебѣ наконецъ брата князя Дмитрія твердость и упованіе на Бога и справедливость стоическую. Получа отъ графа письмо, говорилъ я ему, что я сомнѣваюсь о успѣхѣ, по

* Текутьевъ Николай, произведенъ изъ подполковниковъ въ полковники 12-го февраля 1786 г. изъ военнаго списка на 1779 годъ видно, что онъ по службѣ состоялъ съ 1761 года, и въ чинѣ подполковника съ 1778 года.

** День написанія настоящаго письма, — 21-го апрѣля, былъ днемъ рожденія имп. Екатерины II.

* Матвѣй Семеновичъ Бѣгичевъ, генералъ-поручикъ артиллеріи, кавалеръ орденовъ св. Георгія 4-й степени и св. Анны. На службѣ съ 1740 года, произведенъ въ генералъ-поручики въ 1784 году ноября 24-го. (Списокъ генералитету и штабъ - офицерамъ, а также кавалерамъ Военнаго Ордена, напечатанный въ исходѣ декабря 1789 года).

** Григорій Никитьевичъ Орловъ (ум. 22-го марта 1803 года) гофмаршалъ. При императорѣ Павлѣ, находясь уже въ отставкѣ, пожалованъ Андреевскимъ кавалеромъ.

*** Вѣроятно графъ Юрій Александровичъ Головкинъ (ум. 21го января 1846 года), впослѣдствіи оберъ-камергеръ.

обыкновенному моему несчастію, и для чего онъ мало молится; онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ, о чемъ Бога и просилъ, все получалъ; а когда я его спросилъ, для чего онъ Его объ этомъ не просилъ, то онъ мнѣ сказалъ, что не просилъ затѣмъ, что считаетъ несправедливой просьбой и чрезъ то обидитъ старшихъ. Вотъ, любезный мой, мое восхищеніе, имѣя такого брата и съ такими правилами.

14.

12 мая 86 года. Санктпетербургъ.

Сколько бы я доволенъ былъ, еслибъ имѣть могъ твое философическое расположеніе ко всѣмъ здѣшняго свѣта вещамъ, посредствомъ чего, принимая все за суету суетъ, не оскорбился бы ничѣмъ, и столько еще чувствительно. Предисловіе, мной теперь писанное, вотъ къ чему. Всѣхъ полковниковъ росписали, меня же оставили для лучшаго, какъ сказали; я считалъ лучшимъ то, что мнѣ дадутъ Сибирскій гренадерскій, вновь формировать назначенный, въ которомъ шефомъ будетъ г. Валентинъ Платоновичъ Пушкинъ *; но такъ какъ князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ ** (*одно слово неразобрано*) тоже помѣшалъ изъ подъ руки и хотя графъ всѣмъ тѣмъ, которые за меня просили, обѣщалъ, меня написали въ Вологодскій мушкетерскій полкъ, сверхъ комплекта. Дожидаться долженъ до перваго произвожденія, чрезъ которое бригадиръ Вязмитиновъ *, командующій теперь полкомъ, выйдетъ въ генералъ-маіоры, будучи первымъ по старшинству и тѣмъ очиститъ мнѣ мѣсто, а до того времени долженъ, сколько бы то долго ни продолжалось, жить безъ жалованья. Все бы это меня, любезный другъ, не такъ трогало, еслибы не оскорблялась моя чувствительность тѣмъ, что хуже меня полковники получили гренадерскіе полки. Честолюбіе и досада, съ первыхъ дней, меня, по истинѣ, раздирали, а теперь уже полегче.

Я знаю, что ты скажешь: „имѣй терпѣніе, сноси великодушно, знай, что все суета, что высшее благополучіе не въ чинахъ, не въ достоинствахъ состоитъ, что все должно презирать.“ Узналъ ли я твою мысль? Знаю, братъ, что все это правда; да противно ли то Богу, чтобы я имѣлъ честолюбіе, чтобы ожидалъ награжденія за мою ревность и за мое прилежаніе къ узнанію службы? И потомъ, можно ли не оскорбляться, что хуже меня люди отличены? Совсѣмъ тѣмъ, я, во всемъ положась на власть Творца моего, смирилъ свою досаду, и начинаю равнодушно на то смотрѣть. Изъ всего худшаго, лучшее, что полкъ, говорятъ, не разоренъ, что онъ стоитъ въ Бѣлой Россіи и стоять послѣ будетъ въ Смоленскѣ. И такъ я съ терпѣніемъ, сжавши сердце, дожидаюсь, и можетъ быть еще полгода буду ждать полученія его въ командованіе.

---

* Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ. При имп. Павлѣ пожалованъ фельдмаршаломъ (род. 6-го декабря 1735 года, ум. 8-го іюля 1804 года).

** Князь В. В. Долгорукій (род. въ 175?, ум. 1812 году) дѣйств. тайный совѣтникъ. Онъ былъ сынъ кн. Долгорукаго-Крымскаго, имѣлъ въ супружествѣ княжну Екатерину Ѳедоровну Барятинскую (22-го августа 1826 года она пожалована статсъ-дамой, род. 29-го октября 1769 года, ум. 30-го октября 1849).

* Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ (ум. 1819 года 15-го октября). При императорѣ Александрѣ, съ 8-го сентября 1802 года, по 13-е января 1808 года, былъ военнымъ министромъ, а въ 1818 году С.-Петербургскимъ г. губернаторомъ. Имѣлъ въ супружествѣ Александру Николаевну Энгельгардтъ, сестру Льва Николаевича, оставившаго послѣ себя извѣстныя Записки, изданныя Р. Архивомъ.

Теперь, какъ по приказанію Анны Осиповны, такъ и потому, что я чувствительно будучи тронутъ ея состояніемъ, которое тѣмъ жалчѣе, что̀ встрѣтилось съ ней при вечерѣ ея жизни, сообщить за должность почитаю, что она идетъ въ здѣшній Новодѣвичій монастырь жить, не въ монашенки, а такъ какъ обыкновенно бѣлицы живутъ. Она уже о томъ просила, чрезъ Ив. Ивановича Шувалова и А. П. Ермолова * государыню, да не знаю, что-то не выходитъ; я чай, за тѣмъ, что они видно хотятъ ей доставить игуменское жалованье, и видно на то не соглашаются. Она велѣла мнѣ тебѣ о ея принятомъ твердо намѣреніи сказать, а мы съ дядюшкой третьяго дни у ней были. По чести, любезный другъ, что безъ жалости и слезъ ее слушать нельзя. Она призывала дядюшку и просила его помощи въ томъ, что ей надобно всѣмъ своимъ заводиться, что не хотя просить и зависѣть отъ тѣхъ, которые ее до онаго довели (т. е. г-жа жена Осипа Петровича), просила, что бы онъ все ей купилъ, и хотя въ долгъ оное на себя взялъ. Онъ, такъ какъ рѣдкій въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ, отъ себя, что̀ можетъ, хочетъ сдѣлать, забывъ, что во время своей славы, она на него и не смотрѣла и не ѣздила къ нимъ. Прости, что я такъ много говорю похвалъ о кн. Семенѣ Михайловичѣ. Честью тебѣ божусь, судя безпристрастно, что это рѣдко-честный и рѣдко-умный человѣкъ. Онъ такъ послѣ смерти извѣстной тебѣ (къ кому онъ былъ столько привязанъ) барыни перемѣнился, что по чести узнать его нельзя, и хотя онъ всегда расположенъ былъ дѣлать добро и былъ чрезвычайно чувствителенъ, но все это теперь еще виднѣе. Однимъ словомъ, послѣ тебя, онъ у меня первый въ сердцѣ моемъ. Обратимся на прежнюю рѣчь о Аннѣ Осиповнѣ. Если осмѣлюсь дружескій дать тебѣ совѣтъ, увѣренъ будучи, что ты бѣднымъ помогать расположенъ, чтобы ты опредѣлилъ ей пенсіонъ, который по ея дряхлости не долго продолжиться можетъ. Она мнѣ ничего больше не повторяла, какъ то, чтобы я тебѣ о ея намѣреніи написалъ; но отъ стыдливости или отъ того, что всякій разъ, когда она начинала объ ономъ мнѣ приказывать, то слезы прерывали ея рѣчь, она даже не продолжала, и послѣ много разъ говорила, что она жалованія отъ Государыни, для того что оно затруднительно, и не просила бы, надѣясь, что добрые люди не оставятъ (NB. при семъ словѣ всегда на меня оглядывалась, изъ чего я заключаю, что и ты въ томъ же числѣ у нея считался). Что̀ же до меня касается, то кой-часъ я буду въ состояніи, то буду ее снабжать, и тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что знаю, что она до меня не была охотница. Я было знаешь какую дерзость сдѣлалъ, что хотѣлъ у Новосильцева, взявъ безъ твоего вѣдома 100 руб., отослать на заведеніе подъ неизвѣстнымъ именемъ, и послѣ сказать, что оно отъ тебя. Что̀ же (до) пенсіона, зависѣть будетъ отъ твоей щедрости; если ты къ тому расположенъ будешь, то для Бога, хотя десятью рублями больше Іоганова опредѣли, для того чтобъ она не оскорбилась, зная, что тому отъ тебя идетъ 200 руб. Вотъ все что̀ я тебѣ хотѣлъ сказать. Теперь прошу тебя увѣдомить, долго ли ты еще пробудешь въ

---

* Александръ Петровичъ Ермоловъ (род. 1754 года, ум. 1836) генералъ-поручикъ. Случай его при дворѣ продолжался съ начала 1785 года по іюнь 1786; послѣ чего, не поладивъ съ кн. Потемкинымъ, онъ удалился отъ двора.

Англіи и въ чужихъ краяхъ. Когда я дождусь, что тебя увижу и обойму тогоже моего друга, котораго проводилъ. Я здѣсь жить до произвожденія буду, для того что при бригадирѣ, командующемъ полкомъ, мнѣ жить не за чѣмъ: мнѣ и такъ наскучило быть подполковникомъ.

15.

22-го іюня 86-го г. Санктпетербургъ.

По стеченію множества разныхъ досадныхъ обстоятельствъ, желчь разлившись по мнѣ заставляетъ меня начать письмо свое къ тебѣ, братъ. И для того скажу, любезный другъ, что я въ великомъ неудовольствіи на тебя.—За что же?—А за то, сударь, что Ваше превосходительство съ тѣмъ намѣреніемъ хотѣли вести со мной на русскомъ языкѣ переписку, чтобы привыкнуть къ языку, или учтивѣе сказать не забыть (что̀ и необходимо), какъ кажется, для человѣка, готовящагося съ усердіемъ посвятиться службѣ своего отечества, которое есть „Русское", и гдѣ по милости мудрой (безъ лести сказать можно) Государыни всѣ науки вводятся, для всеобщаго народа просвѣщенія, на родномъ своемъ языкѣ, и вмѣсто того ты часъ отъ часу хуже пишешь, прости моей откровенности и въ дружескихъ письмахъ ставишь столько мѣстоименій, указательныхъ „сей" и возносительныхъ „оный", „оныхъ", что портишь совсѣмъ письмо. Я же, хотя и самъ не слишкомъ великій мастеръ въ нихъ, однако знаю, что правиломъ пріемлется въ дружескихъ письмахъ то, чтобы писать точно такъ, какъ говоришь, чему я въ прежнихъ твоихъ письмахъ завидовалъ. А все это отъ чего происходитъ? Оттого, что ты спѣшишь и не даешь себѣ труда учреждать свои періоды, связывая ихъ пріятно, а потому и правильно. Не нужна къ тому тонкость грамматики, которую такъ скоро нельзя выучить да по крайней мѣрѣ, чтобъ было написано такъ, какъ можно сказать изустно. Иногда же все нескладица выходитъ отъ переноса личныхъ мѣстоименій и прилагательныхъ именъ и прочаго, какъ напр., „вчера видѣлъ я дѣвицу прекрасную",—не пріятнѣе ли для уха когда скажешь: „вчера я видѣлъ прекрасную дѣвицу;" что́ же пріятно для слуха, то должно быть и правильно, и вотъ простое доказательство: „я вчера," что съ тобой случилось вчера? — „видѣлъ" — что видѣлъ?—„прекрасную,"—что прекрасную? — „дѣвицу." И такъ одно изъ другаго выходитъ, плавно, гладко и пріятно. Тому же, что ты спѣшишь, и безъ большаго вниманія пишешь, доказательствомъ твой описки и недописки. Вмѣсто „творца," написалъ „цворца," много выпустилъ складовъ изъ словъ. Легко вообразить, что все это дружеское наставленіе для собственной твоей пользы, для того что, какъ бы ты ни написалъ, я прочесть могу.

Занявъ столько бумаги грамматикой, съ которой я еще не сочетался бракомъ, чѣмъ занять любезнаго друга? Если благодареніемъ за его полезные совѣты, такъ онъ благодаренія не любитъ; если разсказомъ о положеніи своихъ дѣлъ, разстроенныхъ и разстраивающихся, о несчастіяхъ въ предпріятіяхъ, такъ, можетъ быть, дамъ причину, хотя на одну минуту, оскорбиться принятіемъ участія, или заставлю утѣшать себя тѣмъ же, чѣмъ уже я себя утѣшаю, то есть упованіемъ на Бога, безъ помощи Котораго и безъ Его подкрѣпленія, отчаяніе бы давно меня сокрушило. Я бы и не роп-

талъ на судьбу, если бы менѣе имѣлъ слабости; „духъ бодръ, но плоть немощна“. И такъ начну увѣдомлять о твоихъ собственныхъ дѣлахъ: Софья, что у Іогана живетъ, обеременѣла и сказала, что Іоганнъ тому причиной, а онъ божится, что не правда, и что она ему и женѣ на другого открыла. (NB. Очной ставки не было). Заказалъ я доску мѣдную съ позолотою, для положенія на гробницу твоего батюшки, какъ ты уже давно мнѣ писалъ; она будетъ стоить по контракту, мной съ мастеромъ заключенному, 400 руб., да фундаментъ, да камень гранитъ, на который она прибьется, около 75 руб. или 100 обойдется. Я бы и прежде исполнилъ твое приказаніе, да мастеровъ найти не могъ, или очень дорогіе встрѣчались. А теперь если и долженъ буду прежде отдѣлки уѣхать, то поручу князю Семену Михайловичу, который не хуже меня исправитъ. Потомъ скажу тебѣ о твоемъ Яковѣ; онъ жилъ у какого-то секретаря банковой конторы, который ему за цѣлый годъ не заплатилъ, а когда я за него вступился, то онъ сказалъ, что онъ у него укралъ часы въ 250 руб. „Секретарскія души крючкомъ“, это всѣмъ извѣстно, и хотя никакихъ слѣдовъ къ обличенію Якова нѣтъ, но онъ заспорилъ; я же, чтобы въ судахъ дѣло не волочилось, написалъ ему письмо къ Петру В. Завадовскому, отъ его лица, которое онъ и подавалъ. Его высокопревосходительство обѣщалъ, но ничего по тому не вышло, и люди его болѣе не допускаютъ до него. И такъ Новосильцевъ далъ ему новый паспортъ, съ которымъ онъ обѣщалъ выслужить свой оброкъ. Я къ тебѣ писалъ давно, что княжны Давыдовы, сестры мои, твои по деревнямъ сосѣдки, продаютъ деревни, и что Лазарь совѣтовалъ купить, но оставшись безъ отвѣта, продаю теперь двумъ, которые очень охотно торгуютъ. Я прошу за 400 душъ 32.000 р. и надѣюсь, что скоро кончится, если Богъ поможетъ. Такъ не пеняй, если тебѣ ихъ хотѣлось, и если послѣ деревни дороже будутъ, потому что говорятъ новые банки будутъ, слѣдовательно деньги дешевле, а деревни дороже должны быть.

Поговоря о твоихъ дѣлахъ, принимаюсь благодарить за обѣщаніе купить мнѣ, по пріѣздѣ своемъ, лошадь у гр. А. Гри. Повѣрь, честью, любезный другъ, что ничто такъ не грызетъ мою душу, какъ то, что ты мнѣ столько даришь и дарилъ. Богъ тому свидѣтель, что едва теперь отъ того изъ глазъ слезы не покатились. Быть одолжену другу конечно пріятно, но, не чувствуя себя быть въ состояніи когда-нибудь отплатить, боюсь, и прискорбно. Братъ къ тебѣ намаралъ отвѣтъ, при семъ сообщаемый. Я божусь за него, что онъ все чувствовалъ, что писалъ. — Хотя выше я сказалъ, что не хочу описывать тебѣ дурнаго моего положенія; но не могъ удержаться, чтобы не сообщить, считая должностью дружбы открывать чувствуемую скорбь и радость. Полкъ мнѣ данъ былъ Вологодскій, то есть я написанъ былъ сверхъ комплекта и не могъ имъ командовать до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ бригадиръ, командовавшій имъ. Оставя то, что хуже меня люди, менѣе знающіе (безъ похвальбы сказать могу) службы, получили гренадерскіе полки, теперь новое открывается, что бригадиръ выходитъ изъ полку, да съ чѣмъ же? Для формированія гренадерскаго полку, имѣть будетъ ордеръ, — изъ Вологодскаго полку, въ тотъ новый полкъ взять годныхъ въ гренадеры людей, почему онъ воленъ будетъ всѣхъ лучшихъ солдатъ, всѣхъ стеровыхъ

и всѣхъ офицеровъ взять. Да и нельзя ему того и не сдѣлать для своей славы и по необходимости, заводя новый полкъ. Потомъ, какъ бы то ни было, надо будетъ скоро ѣхать, ни чѣмъ не экипированъ, и всѣ люди въ гошпиталѣ кромѣ Сережки и братнина одного человѣка, котораго онъ завтра долженъ взять въ лагерь съ собой, куда ихъ полкъ уже выступилъ. Вотъ часть описанія моего положенія, въ которомъ однако-жъ я не дохожу до отчаянія, по уму ли, — презирая, или по глупости, — не чувствуя. Итакъ прошу не занимать цѣлаго листа утѣшеніями, а лучше напиши, скоро ли ты будешь сюда, и готовъ ли Отечеству быть полезнымъ въ службѣ; не забылъ ли ты, будучи отсутственъ отъ Россіи 4 года, что покровительство часто дѣлаетъ достоинство, и что Государынѣ никакъ нельзя всѣхъ людей самолично знать. Пусть твой чинъ и открываетъ къ тому счастливый путь, но посмотрѣлъ бы я тебя безъ подпоры со всей твоей честностью и со всѣмъ твоимъ знаніемъ, — далеко ли ты вылетишь? Извини: огорченный человѣкъ не знаетъ, что говоритъ, и потому забудь все, если я чѣмъ тебѣ досажу. Анна Осиповна переѣхала уже въ монастырь и хотѣла къ тебѣ писать, да некого за письмомъ послать. Кн. Николай Михайловичъ Голицынъ *, что былъ гофмаршаломъ, умеръ, оставя много денегъ, да мало (какъ говорятъ) о себѣ сожалѣнія.

* Князь Николай Михайловичъ Голицынъ (род. 8-го января 1729 года, ум. 1786), сынъ генералъ-фельдмаршала, князя Михаила Михайловича (старшаго), отъ перваго его брака съ Евдокіей Ивановной Бутурлиной. Кн. Николай Михайловичъ имѣлъ въ супружествѣ Екатерину Александровну Головину (умерла 8-го сентября 1769 года).

16.

30 іюня 86 г. Санктпетербургъ.

Много и премного благодаренъ за готовалку, столько укромную и столько полную; ты меня крайне одолжилъ и тѣмъ больше, что точно такую прислалъ, какую я давно хотѣлъ. Итакъ благодарю еще и обѣщаю во всѣхъ своихъ путешествіяхъ и походахъ весь тобой подаренный туалетъ возить въ карманѣ, обернувъ всегда его прежде въ благодарность (чтобы не повредился). Хотя ты, любезный Васинька, не любишь, чтобы тебя благодарили, да я не въ томъ счету, и отъ друга бладарность не должна оскорблять скромности твоей. И для того въ ножки тебѣ челомъ бью за письмо твое къ князю Семену Михайловичу и за ноты, за которыя онъ самъ тебя благодарить будетъ, досадуя на меня, что я прежде не взялъ денегъ, и говоритъ, что если бы зналъ, то бы не безпокоилъ; за что тебѣ убытчиться! Довольно, что и трудъ на себя взялъ купить. А я (пусть онъ сердится, что въ убытокъ тебя ввелъ) благодарю тебя нижайше и тѣмъ больше, что сію твою аттенцію къ дядѣ, котораго я такъ много люблю, пріемлю на свое лице. Честью моей божусь, что сей твой поступокъ я принимаю за вещь, подаренную мнѣ и которой цѣны нѣтъ. Тебѣ повѣрить этому не трудно, зная, сколько я привязанъ къ роднымъ. За сочиненіе твое много благодаренъ. Прекрасно, добродѣтельно и достойно подражанія. Прочтя его раза четыре, никому по твоему приказанію не показывалъ; „никому“ говорю для того, что только брату кн. Дмитрію Дмитріевичу читалъ; его почитаю я за человѣка достойнаго послѣдовать нравоученью, тобою писанному, зная его расположенье; потому, такъ какъ ты по милости своей къ

нему, называешь его „добрымъ“ моимъ братомъ, то я посмѣлъ ему показать. И такъ если оно противно твоей волѣ, то прости пожалуй мнѣ вину мою.

Слабый человѣкъ ловитъ все то, что потворствуетъ его слабостямъ, и потому я въ Русскомъ твоемъ сочиненіи, поймавъ писанное тобою, пришедъ съ гулянья, замѣтилъ, и твоимъ оружіемъ тебя по усамъ, любезный другъ, щелкаю, и вотъ чѣмъ. Когда мой Васинька, строгій наблюдатель добродѣтели, имѣя такія твердыя правила, наполненъ будучи христіанскими достоинствами, хотѣлъ итти въ отставку, если не достанется въ камергеры, то скажи пожалуй, какъ намъ, развратнымъ и слабымъ людямъ, не оскорбиться тѣмъ, что насъ обижаютъ? Вотъ напр. кн. Дмитрій, съ тѣхъ поръ какъ въ артиллеріи служитъ, безотлагательно, то изъ ничего купецкіе, фабрикантскіе дѣти сдѣлались его капитанами, какъ Кокушкинъ, Ширяевъ, Никласъ и нынѣ Баташовъ. Всѣ эти люди, сидѣвшіе годъ тому назадъ въ лавкахъ съ аршиномъ или молотомъ, ковали на заводѣ желѣзо. Совсѣмъ тѣмъ, хотя онъ не ропчетъ, но нельзя, чтобы, хотя минуту не чувствовать онаго. Окончу сію фразу тѣмъ, что скажу, что твои нравоучительныя сочиненія меня много исправляютъ, и для того прошу ими не урѣживать. А наконецъ не могу не умолчать, чтобъ тебя не пожурить за грамматику. Пусть Русской не у кого въ чужихъ краяхъ научиться (хотя она весьма нужна). Если не забылъ какъ гр. Сергѣй Петровичъ * былъ осмѣянъ, когда онъ въ Собесѣдникѣ написалъ по по-русски на французскомъ нарѣчіи статью; то, я чай, не захочешь быть осмѣянъ, да еще и достойно, потому что, будучи Русскій, отечественнаго языка не знаешь. Пусть такъ, что тамъ, повторяю я, нѣтъ случая научиться, да, по крайней мѣрѣ, пофранцузски бы можно и легко научиться писать. Сдѣлай одолженіе, любезный Васинька, возьми къ себѣ учителя для грамматики; мнѣ это больно, что, на извѣстныхъ мнѣ двухъ языкахъ, такъ пишешь, а ежели и на всѣхъ таковъ, то мнѣ еще оскорбительнѣе. Что можетъ быть грустнѣе, какъ имѣть хорошія мысли, хорошее знаніе, хорошее о вещахъ понятіе и не умѣть его сообщить другимъ? Называю „не умѣть,“ потому что дурно изъясненное затмѣваетъ мысли и существо изъясняемаго. Французское твое письмо, хотя и довольно складно, да такъ написано, что и вообразить нельзя; ошибки неисчисленныя и, однимъ словомъ какъ женщины французскія, которыя писать не учились. Вотъ тебѣ скучное нравоученіе отъ меня и выговоры, которые однако отъ друга оскорбить не должны. Воля твоя, сердись или нѣтъ, а я утерпѣть не могъ, чувствуя отъ того, право, крайнюю досаду и огорченіе.

Въ городѣ новая свадьба, и уже объявлена. Графъ Николай Николаевичъ Головинъ женится на княжнѣ Варварѣ

* Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ (ум. 23-го января 1838 года). См. его автобіографію въ Русск. Архивѣ 1869, стр. 850). Въ I № Собесѣдника, который появился 20-го мая 1783 года, по поводу статьи „Письмо нѣкоторой женщины“, неизвѣстнаго автора, есть примѣчаніе издателей журнала, подсмѣивающихся надъ тѣмъ, что въ этой статьѣ много французскихъ словъ и выраженій. Извѣстно также, что гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ занимался литературой и писалъ „Проверби“. (Записки гр. Комаровскаго. Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 335-я); есть его статьи въ любопытномъ и малоизвѣстномъ журналѣ прошлаго вѣка: „Растущій Виноградъ“.

Николаевнѣ Голициной [1], племянницѣ Шувалова.

И такъ скажу тебѣ еще новость: я лѣчусь отъ цынготной и другой болѣзни, чищу кровь, съ тѣмъ чтобы болѣе ея не портить и послѣ, когда укрѣплюсь, пріищу бѣдненькую, умненькую и вѣрненькую дѣвочку и сочетаюсь бракомъ; а какъ послѣднее должно не прежде двухъ лѣтъ исполниться, то ты, любезный другъ, будешь, уповаю, присутствовать на свадьбѣ. Ничего, какъ я воображаю, не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть другихъ самихъ себя, имѣть удовольствіе ими радоваться, а иногда и сокрушаться.

47.

11 іюня 86 года. Санктпетербургъ.

Письмо твое, любезный Васинька, получилъ отъ 23 (12-го) іюня и комиссію твою исполнилъ, только еще не имѣю отвѣта, какъ до нея дошло. Послалъ вѣрнѣйшаго человѣка, и по твоему приказу не только кн. Семену Михайловичу [2] не сказывалъ о семъ подаяніи, но ниже брату кн. Дмитрію. И никто изъ людей въ посылку не былъ употребленъ, а чтобы удобнѣе отъ Петра Ивановича Новосильцева скрыть о причинѣ сей комиссіи, по коей я получилъ отъ него 200 руб., то я написалъ въ роспискѣ или письмѣ о полученіи оныхъ, что онѣ для дѣланія надгробной доски. Сей образъ подаянія мнѣ и образъ твоихъ мыслей, чтобы не обязываться „на дачу онаго на всегда,“ по прописаннымъ тобой причинамъ, мнѣ безмѣрно нравится, для того что, первое, съ моимъ сходно, а послѣднее меня заставляетъ согласиться на твое мнѣніе „о Творцѣ“ и отношеніяхъ къ Нему, тобой почасту ко мнѣ сообщаемое. Я пріемлю отъ друга безцѣннаго съ благодарностію, и нетерпѣливо ожидаю его, чтобы изустно узнать о томъ, чего не знаю, просвѣтиться въ томъ, что̀ мнѣ пріятно, а потому сдѣлать несчастія и огорченія безсильными къ поколебанію твердости, и смерть безстрашною, когда жизнь временную свою могу ознаменовать добрыми дѣлами, безъ тщеславія и удалиться отъ слабостей, сколь немощь человѣческаго рода позволитъ, полагаясь во всемъ на Бога. Къ слову здѣсь внесу часто употребляемое покойнымъ батюшкою, въ письмахъ своихъ къ намъ, изреченіе изъ Святаго Писанія: „возверзи печаль твою на Господа, и Той тя утѣшитъ.“ Безъ сего, по тѣснымъ моимъ обстоятельствамъ, я долженъ зачахнуть, сокрушиться и рановременно умереть. Продолжай, любезный другъ, другъ пріятный и безпристрастный, меня питать симъ ученьемъ: оно мнѣ много пользы доставило.

Теперь сообщу тебѣ новость здѣшнюю. Какъ въ письмѣ предъ симъ сказалъ тебѣ я о милостяхъ и пожалованіяхъ за новое изобрѣтеніе банка, то вотъ вкратцѣ его состояніе и сила. Московскій банкъ уничтожается, въ Петербургѣ будетъ одинъ для всего государства, и названіе будетъ не Дворянскій, а „Государственный Заемный Банкъ.“ Въ немъ будетъ 22 милліона для дворянъ и 11 милліоновъ для купцевъ. Даваться будутъ (*деньги*) подъ деревни и каменные домы, считая по 40 руб. на душу, т.-е. на 25 душъ 1000 рублей; дворянамъ на 20 лѣтъ, купцамъ на 22 года, безъ возврата капитала, а вмѣсто того по 8 процентовъ, т.-е. по 5 процентовъ и по 3

[1] Дочь генерала-поручика кн. Николая Өедоровича Голицына, женатаго на Прасковьѣ Ивановнѣ Шуваловой.

[2] Давыдову, дядѣ кн. Циціанова.

въ уплату. Манифестъ вышелъ [1], который хотѣлъ бы къ тебѣ прислать, если бы былъ случай. Подачи объявленіевъ о займѣ съ декабря, а дѣйствіе начнется съ 28 іюня будущаго года. Слѣдовательно тебѣ надобно будетъ подумать о своемъ долгѣ, и тѣмъ больше, что хотя и дано на волю, по старому, занимать до истеченія срока; но оно бы было безразсудно, для того что обыкновенно по 5 выходитъ. Милость Государыни велика; но она вашимъ братьямъ и богатымъ хороша, а мнѣ прибыли нѣтъ: деревень нѣтъ, дома нѣтъ, а честь подъ закладъ не берутъ, хотя сей залогъ гораздо повѣрнѣе. Говорятъ, что моды нѣтъ этакую мягкую рухлядь принимать. Ноты еще не получали, да и не знаю, какъ и найти; не вѣдаю имени съ кѣмъ послано, хотя Радищевъ распрашивалъ всѣхъ. Также и Петръ Ивановичъ жалуется на Погенполя [2], что Анны Степановны посылку не получилъ, а ты къ нему о ней пишешь, а онъ отдалъ какую-то Г. Ни. И такъ, дѣлая одолженія и милости, впередъ додѣлывай ихъ, чтобы также какъ чашки не пропадали, хотя не ты, а твой комиссіонеръ въ чашкахъ виноватъ. Бѣда приходитъ, всю бумагу исписалъ, а кажется, что еще теперь началъ; да что̀ дѣлать, прошу меня любить, прошу не забывать. А я теперь въ крайнихъ хлопотахъ: надобно необходимо ѣхать въ Малороссію самому, для продажи въ казну мужиковъ и земли подъ дачи всѣхъ этихъ денегъ бѣдной сестрѣ, которая хоть дочь мѣстнаго гражданина и истиннаго христіанина, но не признана Государыней; такъ мы положили, чтобы хотя такое ей собравъ отдать. Совсѣмъ тѣмъ ѣхать боюсь, чтобы по отсутствію, когда бригадиръ выйдетъ, то другаго бъ не опредѣлили въ полкъ.

[1] Манифестъ послѣдовалъ 28 іюня 1786 года, т.-е. въ день восшествія на престолъ.

[2] Погенполь впослѣдствіи былъ секретаремъ миссіи въ Лондонѣ. Его двоюродная сестра дѣвица Гомъ (Home) была приглашена состоять надзирательницей при меньшихъ дѣтяхъ Англійскаго короля. (Воспоминанія В. Н. Зиновьева, озаглавленныя „1806-мъ годомъ." Рукопись Витебетскаго архива).

48.

24 іюля 86 года. Санктпетербургъ.

Давно отъ тебя я, любезный Васинька, не получалъ твоихъ писемъ; однакожъ я причитаю то молчаніе твоему изъ Лондона отъѣзду, какъ ты самъ ко мнѣ писалъ. По комиссіи твоей деньги отданы, чрезъ одного солдата, прежде у меня служившаго, который, чтобы лучше скрыть, когда спросили откуда онъ, или гдѣ живетъ, то онъ сказалъ, что въ Академіи; то швейцаръ сказалъ: „знаю, что отъ Осипа Петровича." И такъ я думаю онѣ (т.-е. деньги), въ ея мысляхъ отъ него, а послѣ того я не видалъ. Она теперь живетъ или гоститъ у графа Пушкина, на Мызѣ; какъ увижусь, узнаю искусно, получила ли? Ноты получены и, можетъ быть, давно бы получили, да письмо было положено въ посылку, а на ящикѣ было только имя того купца, отъ котораго отправлено. Онѣ такъ славны и такъ рѣдки, что первыми и важнѣйшими здѣсь отъ лучшихъ мастеровъ почитаются. А больше для ученья весьма славныя. Дядюшка самъ будетъ тебя благодарить. Она (*вѣроятно сестра*) невѣсть какъ хотѣла ихъ имѣть, и здѣсь, ни подъ какимъ видомъ, достать нельзя. А чтобы тебѣ лучше дать мысль объ ея игрѣ, то ее учитъ на клавикордахъ не Прачь [3], котораго ты не мастеромъ, по его сочиненію „Вольскому," почиталъ, а „Mademoiselle Mariche," славная и первая

здѣсь, и училась у Памшо, который тебѣ извѣстенъ. И такъ не жалѣй, думая, что ноты эти будутъ безплодно употреблены.

Новости здѣшнія: князя Николая Михайловича, покойнаго, Голицына послѣдняя дочь идетъ замужъ за камеръ-юнкера графа Пушкина, т.-е. Аполлоса Епофродитовича сына [4], съ прекраснымъ приданымъ; камергеръ кн. Шаховской, вошедшій въ тотъ чинъ съ тобой, опредѣленъ за унтеръ-шталмейстера, то-есть на мѣсто Василія Михайловича Ребиндера [5], который, по указу объ уничтоженіи Конюшенной Конторы, по причисленіи заводовъ конскихъ подъ присмотръ Казенныхъ Палатъ, поѣхалъ осматривать заводы и распоряжать ихъ на новомъ положеніи. Въ Павловскомъ былъ третьяго дня, для дня ангела Великой Княгини, публичный маскарадъ. NB. Я не былъ, сдѣлавшись совсѣмъ чуждымъ къ подобнымъ весельямъ. Александръ Петровичъ Ермоловъ отпущенъ на 3 года въ чужіе края, и съ нимъ Алексѣй Андріановичъ Левашовъ (полковникъ при Великихъ Князьяхъ). Первому, какъ говорятъ, дано 100,000 на домъ, 30,000 на подъемъ и 4000 душъ; а онъ, говорятъ, послѣднему, также и Василію Ивановичу Левашеву [6], далъ по 10,000 рублей. На сихъ дняхъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ [7], что̀ былъ у кн. Потемкина адъютантомъ, потомъ капитаномъ-поручикомъ Преображенскаго полка, пожалованъ въ флигель-адъютанты; а чтобъ тебѣ лучше узнать, кто это, такъ это тотъ самый, о которомъ я столько хлопоталъ и возилъ къ графинѣ Скавронской письмо, когда онъ, въ бытность твою здѣсь, былъ сержантомъ. Онъ теперь на дежурствѣ въ Царскомъ Селѣ. Я у него былъ, и онъ меня такъ точно принялъ, какъ пріятеля и давно знакомаго его дому. Думаю, не перемѣняя пріязни, ѣздить почаще къ нему. На сихъ дняхъ пріѣхала сюда граф. Скавронская (Катерина Васильевна), которая не знаю получила ли твое письмо, къ ней отъ тебя присланное и мной отданное, для пересылки къ ней, правителю княжеской канцеляріи. И такъ, если хочешь къ ней писать, теперь свободно можешь, будучи увѣренъ, что я ей вѣрно доставлю.

49.

3 сентября 86 года. Санктпетербургъ.

Барона Синклера принялъ, такъ какъ человѣка тобой рекомендованнаго; былъ у него не разъ, возилъ его въ крѣпость, показывалъ все, что̀ есть достойнаго, и видѣлъ его удивленіе отъ всего. Былъ съ нимъ въ арсеналѣ и

---

[3] Прачь Иванъ, родомъ вѣроятно Чехъ, (ум. 1818 г.) надворный совѣтникъ, былъ капельмейстеромъ въ Петербургѣ; напечаталъ въ 1790 году текстъ лучшихъ Русскихъ пѣсенъ съ музыкой подъ названіемъ: „Собраніе народныхъ Русскихъ пѣсенъ съ голосами.“ Н. А. Львовъ сочинилъ предисловіе къ сему изданію. Его есть и другія музыкальныя сочиненія. (Словарь свѣтскихъ писателей митроп. Евгенія).

[4] Княжна Анна Николаевна Голицына, была въ замужествѣ за графомъ Аполлосомъ Аполлосовичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, который впослѣдствіи былъ тайнымъ совѣтникомъ. Извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями по части естественныхъ наукъ. (Словарь Бантыша-Каменскаго, 2-е изд. 1847 года).

[5] Василій Михайловичъ Ребиндеръ, шталмейстеръ. Онъ сопровождалъ Императрицу въ путешествіе въ Крымъ.

[6] Василій Ивановичъ Левашевъ, флигель-адъютантъ и генералъ-маіоръ; онъ былъ также въ числѣ лицъ сопровождавшихъ Императрицу въ Крымъ.

[7] Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19 сентября 1758 года, ум. 29 сент. 1803 года).

наконецъ простился съ нимъ. Онъ поѣхалъ въ Москву, куда къ Петру Дмитріевичу Еропкину, къ начальнику тамошнему, взялъ, по совѣту моему, отъ княгини Дашковой письмо, а оттуда поѣдетъ въ Варшаву и въ Кіевъ, и заѣдетъ также, по моему совѣту, въ Тулу, славящуюся оружейной фабрикой. Вотъ все, что я могъ съ добрымъ Синклеромъ сдѣлать. Другое тебѣ скажу, то-есть здѣшнія новости. Графиня Екатерина Васильевна пріѣхала сюда, княземъ очень хорошо принята, или лучше сказать такъ, какъ прежде была любимою племянницею, и недѣли двѣ тому пожалована статсъ-дамой *. Я думаю, что такой молодой статсъ-дамы никогда или рѣдко бывало и, по своей догадкѣ, я считаю, что Алек. Матвѣевичъ Мамоновъ много участвовалъ въ ономъ, для того, что она нѣкогда выпросила его изъ сержантовъ въ флигель-адъютанты къ князю. Я это коротко знаю, потому что цѣлый годъ возилъ къ ней отъ отца его письма. Потомъ Мамонова отецъ пожалованъ въ сенаторы съ старшинствомъ, а въ Александровъ день кавалеромъ того ордена; сынъ его въ корнеты кавалергардскаго корпуса, то-есть въ генералъ-маіоры.

Другу говорить должно о всемъ откровенно, и для того скажу тебѣ, любезный, что я въ великомъ огорченіи. Отчего же? Ты знаешь мою съ нимъ связь; ты самъ знаешь, какъ я о немъ хлопоталъ, какъ онъ былъ сержантомъ; совсѣмъ тѣмъ я не только, по наружности, не отличенъ отъ другихъ, но еще и наравнѣ долженъ ѣздить, и для того, что онъ пѣняетъ, если два дни пропущу, и для того, чтобы не счелъ, что я сержусь за то, что онъ не помогаетъ; а ѣздить духа нѣтъ: лесть и подлость таковыхъ бояръ (хотя и новопроизведенныхъ бояръ) окружаетъ, я же къ ласкательству не пристаю, какъ ты меня знаешь, а это, я думаю, одна изъ причинъ его холодности. Пусть не холодность, но учтивость лишняя и прежде небывалая. Да чему дивиться! Кто не удостовѣренъ, что свѣтъ и житье здѣшнее ничтожное, какъ мигъ противъ вѣчности, тотъ счастіемъ, которое встрѣчается съ нимъ, возносится и забывается, а несчастіемъ отчаевается. Мой великій человѣкъ (т.-е. мой идеалъ великаго человѣка) тотъ, который въ обоихъ случаяхъ равнодушенъ безъ нечувствительности и благоразуменъ безъ педанства. Оставимъ это разсужденіе,— поговоримъ о здѣшнемъ. Жилинъ, вахмистръ кавалергардскій, отставленъ съ полнымъ нынѣшнимъ жалованьемъ, т.-е. 2800 руб. и 6000 награжденія, да всегдашній ходъ за кавалергардовъ. Послѣ сихъ новостей скажу печальную: у Петра Васильевича Завадовскаго умеръ братъ его, и онъ въ неописанной, говорятъ, печали. Забылъ еще великую новость сказать: графъ Безбородко пожалованъ гофмейстеромъ, только не на мѣсто Елагина, для того, что тотъ остался попрежнему оберъ-гофмейстеромъ.

Теперь тысячу извиненіевъ приношу въ моей смѣлости. Я, зная, что ты помогать бѣднымъ за удовольствіе свое принимаешь, взялъ смѣлость изъ твоихъ денегъ, которыя у меня за проданныя вещи, 50 руб. отдать человѣку,

* Въ статсъ-дамское достоинство возведена 17 августа 1786 года. (См. Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII столѣтіи, въ Русск. Старинѣ 1870 года. Т. II, стр. 477). Пользуемся съ тѣмъ вмѣстѣ случаемъ, чтобы исправить ошибку „Списковъ П. Ѳ. Карабанова,“ напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ Общест. Истор. и Древн. Россійск.“ 1860 г. въ кн. I, гдѣ пожалованіе гр. Екатерины Васильевны Скавронской въ статсъ-дамы показано ровно годомъ позднѣе.

который былъ въ такомъ случаѣ, что ты самъ меня похвалишь. И вотъ тебѣ подробно скажу. Княгиня Баратова, та самая, которой ты сдѣлалъ добро, выпрося чрезъ Безбородку, чтобы сына ея, занявшаго въ банкѣ, не сослали на каторгу, а велѣли у него изъ жалованья (вычитать), эта княгиня лишилась того сына, который дней пять какъ умеръ, и не имѣя чѣмъ его похоронить, прибѣгла ко мнѣ; то я, въ такомъ случаѣ, столько былъ тронутъ и не имѣя своихъ и зная, что тебѣ пріятно будетъ, взялъ оныя деньги, и еще, получа отъ дядюшки нѣсколько, учредилъ похороны порядочно безъ излишества, утѣшая ее въ той горести, отмѣнно почитая ее за твердость ея въ законѣ и имѣя случай то видѣть, а именно, что она, потерявъ перваго сына среди его счастья и человѣка достойнаго, оплакивая его, въ ту минуту, какъ онъ умеръ, съ веселымъ лицомъ обращалась къ образу и благодарила Бога. Вотъ такой-то женщинѣ я отдалъ твои 50 руб. и увѣренъ, что ты на меня не осердишься.

Теперь скажу тебѣ о себѣ, что я о сю пору здѣсь живу и безъ жалованія. Полкъ, въ которомъ я написанъ сверхъ комплекта, совершенно разореннымъ сдѣлали. Дали бригадиру, (который имъ командовалъ и которому велѣно сформировать Сибирскій гренадерскій полкъ), ордеръ—взять изъ стараго своего полку все то, что захочетъ. Онъ началъ съ того, что 22 офицера взялъ, музыку, мастеровыхъ и унтеръ-офицеровъ множество, а солдатами, я чай, окончитъ. Я знаю, что разстроенный полкъ взять и его исправить чести больше, и по самолюбію надѣялся бы успѣть въ томъ; но кто спасибо скажетъ и кто уважитъ, если покровителя нѣтъ? Ты скажешь, что награжденіе въ самомъ себѣ найти можно; но, въ свѣтѣ живучи, нельзя всегда сему правилу слѣдовать. Мамоновъ самъ вызвался мнѣ помочь и другой полкъ повыгоднѣе выходить; но я ему не напоминалъ, и не прошу, да и просить не намѣренъ, не хотя быть одолженъ. Точно жить безъ жалованья тяжело приходитъ, весь въ долгу, ничѣмъ не завелся и маленькой суммой исправиться не могу, да и полковникомъ будучи, вижу, что не въ состояніи исправиться. Надобно красть, а красть свойства не имѣю; кражу называть, по обыкновенію, экономіею пріучиться не могу; безъ экономіи жалованьемъ жить полковнику не можно. Чтобы имѣть хорошій полкъ, надобно имѣть хорошихъ офицеровъ; чтобы имѣть, надлежитъ всегда съ ними обращаться; обращаться всегда надобно для нихъ имѣть столъ, а сіе требуетъ денегъ. Все сіе соображая, видя за плечами долгъ, по моимъ доходамъ неоплатный, ужасаюсь по чести. Вотъ состояніе твоего друга, которое его терзаетъ, но надеждою на Всевышняго подкрѣпляюсь; буди Его святая воля!

20.

25 сентября 86 года. Санктпетербургъ.

Ты спрашиваешь, поставленъ ли камень надъ батюшкою, то если помнишь подробное описаніе подряду, такъ еще и рано спрашивать. Это правда, что они обѣщали въ нынѣшній мѣсяцъ; но не свѣдавъ, можно ли здѣсь достать такую мѣдную доску, они въ срокѣ ошиблись, и были принуждены писать въ Москву и оттолѣ дожидаться; совсѣмъ тѣмъ уже начата работа, и надѣюсь, что хорошо будетъ, но поспѣть и поставить нынче средствъ нѣтъ, и для того до весны оставляю на попеченіе дядюшки, который не хуже

моего сдѣлаетъ. Говорю оставлю, для того что самъ, чаю, мѣсяца чрезъ два быть отправленъ, потому что производденіе (которое посылаю при семъ) вышло, и много полковъ очистилось. Не знаю, что-то будетъ? Можетъ быть и въ Крымъ придется ѣхать, хотя не хотѣлось бы. Теперь тебѣ скажу нѣкоторое происхожденіе. Извѣстно тебѣ, любезный другъ, что Мамоновъ знакомъ мнѣ; писалъ я къ тебѣ нѣкоторыя неудовольствія въ разсужденіи обхожденія, посему и рѣшился, поддержавъ свой благородный характеръ, изъясниться съ нимъ и сказать, что я хожу къ нему изъ дружбы, а не изъ того, чтобы ожидалъ чего. По просьбѣ моей, онъ далъ мнѣ приватную аудіенцію, на которую явясь, соблюдая всю учтивость, далъ ему чувствовать, что я въ числѣ тѣхъ, которые потакаютъ, подличаютъ, переносятъ все, быть не намѣренъ; что я ни о чемъ его не просилъ и просить не буду, а что онъ самъ вызвался доставить мнѣ хорошій полкъ, то я и къ тому бы не примолвилъ, еслибы не считалъ, что это ему очень легко и что не нужно о томъ Государыню трудить. Онъ на все на это ничего иного сказать не могъ, какъ тысячу увѣреній въ прежней дружбѣ. Я же, по правдѣ тебѣ сказать, хотя и доволенъ его учтивостію, но довольнѣй бы былъ, получа полкъ, имѣть отговорку отсель уѣхать и не быть принужденну таскаться, видѣть толпу подлецовъ, потакальщиковъ и играть роль нѣмаго. Графиня Екатерина Васильевна видно муженьку ленту выпросила, а сама здѣсь, какъ ангелъ во плоти хороша, молода и прекрасна *. Два бала сряду на меня такъ уставила глаза, что меня удивляла и, какъ видно, знавъ меня, что я къ ней съ письмами о Мамоновѣ ѣзжалъ, спрашивала у Чернышева [1] камергера: кто я? и наконецъ такъ уставилась, что принудила меня себѣ поклониться. Не думаю, чтобы страсть ее ко мнѣ привязывала. Воображаю, какъ ты хочешь на этомъ словѣ (*меня поймать*), да полно, и я со смѣхомъ пишу. Мои всѣ тебѣ кланяются, а я въ горестяхъ отъ карманныхъ обстоятельствъ, скружился совсѣмъ. Прости, люби того, который тебя больше всѣхъ любитъ, и любитъ чистосердечно, и подражать тебѣ во всемъ хочетъ.

Князь С. З. Херхеулидзевъ у меня живетъ и велѣлъ тебѣ отписать, что онъ тебѣ преданъ былъ, есть и будетъ. Онъ здѣсь бѣдный живетъ; все обѣщаютъ, ничего не дѣлаютъ, обманываютъ и завтракомъ подчуютъ. А онъ 15 лѣтъ подполковникомъ, руку потерялъ, какъ знаешь, на войнѣ, и этотъ патріотъ служитъ, ожидая награжденія только въ душѣ своей.

21.

20-го октября 86 года. Санктпетербургъ

Молль [2] сюда пріѣхалъ посмотрѣть городъ и нашелъ здѣсь старыхъ своихъ знакомыхъ господъ Фридриксовъ, которые перевезли его изъ трактира къ себѣ и возятъ его вездѣ. Между тѣмъ я съ нимъ познакомился, не рѣдко съ нимъ бывалъ; онъ у насъ обѣдалъ и всѣмъ понравился, а ужъ мнѣ онъ слиткомъ серебра чистаго кажется и тѣмъ больше, что онъ тебѣ

* О наружности гр. Екатерины Васильевны Скавронской, графъ Сегюръ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что ея головка могла бы служить для художника образцомъ головки Амура.

[1] Графъ Григорій Ивановичъ (род. 1762 года, ум. 1830) въ камергеры пожалованъ въ 1786 году.

[2] Молль, неизвѣстное намъ лицо.

мѣры не ставитъ. Да еслибъ онъ мнѣ это говорилъ, я бы ему не повѣрилъ, хотя и знаю, что ты паче стоишь; а то онъ, не знавши, что Фридриксы мнѣ знакомы, тебя превозносилъ, и вотъ тебѣ отъ него письмо. Онъ мнѣ подарилъ портретъ твой, карандашемъ рисованный, да не подумай, что графской работы; нѣтъ, онъ съ него самъ рисовалъ и тотъ-то мнѣ подарилъ, а оригиналъ оставилъ у себя; разница есть, это правда, однако довольно (*видно*) что это твой.

Здѣшнія новости за онымъ слѣдуютъ. Графъ Головинъ уже женился, и я ихъ у маіора Арбеньева [1] видѣлъ, во образѣ мужа и жены. Тарсуковъ [2], тебѣ извѣстный человѣкъ, шуринъ Новосильцева (женится) на племянницѣ Перекусихиной Марьи Савишны, которая жила во дворцѣ; за ней даютъ фрейлинское приданое, и богатства довольно: одна дочь у отца, къ мотовству не расположеннаго. Поликарповъ [3] подполковникъ женился на княжнѣ Щербатовой, племянницѣ князя Андрея Николаевича [4], вышедшей съ первымъ выпускомъ изъ монастыря. Новѣйшая новость потомъ, что сегодня кн. Потемкинъ, собираясь долго, отправился въ Херсонь, для встрѣчи Государыни, которая, говорятъ, или сказать смѣло можно по заготовленію лошадей, изволитъ ѣхать въ генварѣ. Теперь же честь имѣю донесть вашему превосходительству, что письмо, князю Семену Михайловичу писанное, имѣлъ честь (сколько честей,—подивись) читать; приложенное письмо къ гр. Скавронской, живущей во дворцѣ, въ княжескихъ чертогахъ, отвезъ самъ, но она меня принять не могла и выслала капитана князя Волконскаго, отправляющаго должность, какъ видно, швейцара, который у меня письмо принялъ и извинился за нее, потомъ объявилъ, что ея сіятельство сама благодарить будетъ. Хотя я, по благородной гордости, и осердился было на нее, что она меня не допустила, но она такъ хороша, такъ говорятъ расположена къ добру, что я въ мысляхъ своихъ тотчасъ ее простилъ.

Примемся теперь за обѣщанную пріятную вѣсть. Ты меня любишь, и любишь нелицемѣрно. И такъ долженъ тебѣ сообщить свое удовольствіе, которому виновникомъ никто кромѣ любезнаго и милостиваго моего Отца и Бога не почитаю. Вчера мнѣ данъ Санктпетербургскій гренадерскій полкъ. До вчерашняго дня меня терзали и говорили, что я въ Вологодскій написанъ и что̀ въ самомъ дѣлѣ было для того, что и коллегія мнѣ было то предписала. До вчерашняго утра я былъ огорченъ до безконечности. Воображаю, что ты меня бранишь, что я мало имѣю твердости и прилѣпля-

---

[1] Вѣроятно Іосафъ Іевлевичъ Арбеневъ. Былъ впослѣдствіи командиромъ Измайловскаго полка (Записки гр. Комаровскаго).

[2] Ардаліонъ Александровичъ Тарсуковъ (ум. 1810 г.) впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ Высочайшаго двора, былъ женатъ на племянницѣ Марьи Савишны Перекусихиной, Екатеринѣ Васильевнѣ. Дочь отъ сего брака вступила въ супружество съ сенаторомъ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ. (Словарь Бантыша-Каменскаго, изд. 1847 года).

[3] Подполковникъ Поликарповъ Александръ Васильевичъ. Вступилъ въ службу въ 1763 г. произведенъ въ полковники 1-го Генваря 1787 года; 5-го Февраля 1790 онъ былъ бригадиромъ во Владимірскомъ драгунскомъ полку. (Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ 1789 и 1792 годовъ). Позднѣе былъ намѣстникомъ въ Твери.

[4] Князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ, (род. 1721, ум. 1813 года) Пожалованъ 1795 года 1-го Января дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, былъ женатъ на Антонинѣ Войновнѣ Яворской.

юсь къ суетамъ; не брани, любезный, признаюсь виноватъ, да что дѣлать, честолюбіе глупое, что хуже меня полковники получили гранадерскіе полки, что я 8 мѣсяцевъ здѣсь жилъ бы по пустому и разоренный полкъ (*получилъ бы*). Разсуди, что и въ тотъ самый день, до того какъ мнѣ объявили о Петербургскомъ, генералъ-маіоръ Энгельгардтъ [1], у котораго Вологодскій въ бригадѣ, сказалъ мнѣ радость, что изъ него 500 человѣкъ взято, и даны на мѣсто ихъ самые скверные люди, 22 офицера, вся музыка, всѣ мастеровые и однимъ словомъ все хозяйство разорено. Радость моя была чрезмѣрна, и благодареніе Творцу такъ искренно, что я, отъ князя поѣхавъ, лишь сѣлъ въ карету и сталъ благодарить Бога, то слезы сами собой на глазахъ моихъ появились. Вышедъ отъ князя, первая встрѣча была бѣдная вдова, которой и отдалъ то, что́ могъ. Этимъ благодарность оказывать Богу научилъ меня покойный батюшка, который и въ завѣщаніи своемъ къ намъ объ томъ упомянулъ. Не должно бы объ ономъ говорить, но говоря съ тобой, говорю съ другимъ собой, и ты мнѣ то велѣлъ. Въ дополненіе моего удовольствія шефомъ у меня г. Иванъ Петровичъ Салтыковъ [2], человѣкъ всѣми за честнаго признанный въ дивизіи у гр. Румянцева, котораго я, если можно сказать, боготворю. Еще полкъ стоитъ въ Орлѣ, какъ говорятъ, гдѣ, покрайней мѣрѣ, годъ простоитъ. Вотъ всѣ мои радости. Теперь только стало дѣло за деньгами, которыя надѣюсь получить, при помощи Божіей, по милости дядюшки, который самъ ѣздитъ, порукой хочетъ быть и трудится безъ мѣры. Остается просить Бога, чтобы поставилъ въ состояніе заплатить весь долгъ и остаться честнымъ человѣкомъ. А чтобы ты и среди радости вспоминалъ состояніе „человѣка“ рожденнаго на несчастіе за праотцевъ грѣхъ, скажу тебѣ несчастіе князя Семена З. Херхеулидзева, который у меня живетъ: онъ потерялъ на войнѣ руку, какъ тебѣ извѣстно, имѣетъ имя хорошаго и храбраго офицера, 15 лѣтъ служитъ въ подполковничьемъ чину, провелъ два года въ Таманѣ, на пустомъ острову почти, съ своимъ баталіономъ, пріѣхалъ сюда просить. Его водили до послѣдняго дня, потомъ сказали, что ни деревень, ни чина ему дать нельзя. Онъ тотчасъ подалъ челобитную въ отставку, въ чаяніи войти въ гражданскую, и если можно въ банкъ, т. е. къ П. В. Завадовскому. Князь уѣхалъ, не сдѣлавъ резолюціи по челобитнѣ, и велѣлъ ему до 24 Ноября ждать, тогда-то отставятъ. Вотъ состояніе жалостное, которое всякаго тронуть можетъ. Не знаю, твердъ ли онъ въ вѣрѣ, но сноситъ довольно еще великодушно.

Теперь, на закуску, скажу любезному другу нѣсколько бранныхъ словъ за то, что твои письма коротки, что ты ничего не пишешь о твоихъ упражненіяхъ и о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Милостивому моему графу мою искреннюю преданность скажи. Поздравляю тебя возвратясь въ Лондонъ. Возвратись-ка этакъ поскорѣй въ Россію! Хотя разлука съ такимъ безцѣннымъ другомъ, какой тебѣ графъ, и при-

---

[1] Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (род. 10 Февраля 1766 года, ум. 4 Ноября 1836 года) оставившіи любопытныя Записки, изданныя Русскимъ Архивомъ.

[2] Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (род. 1730, ум. 14 Ноября 1805 года) въ это время былъ корпуснымъ генераломъ и Костромскимъ и Владимірскимъ генералъ-губернаторомъ.

скорбна будетъ, да вѣдь обязанъ ты Отечеству своему и, по твоимъ строгимъ правиламъ, ты долженъ быть ему полезнымъ. Ты скажешь, что ты для этого-то и путешествуешь; да ужъ пора, братъ, въ 4 года довольно научиться можно: пріѣзжай. Если долгомъ я расплачусь, такъ мы и заживемъ весело, — кто малымъ доволенъ тотъ счастливъ, а я очень къ тому расположенъ, и деньги терять не охочь.

1787 годъ.

22.

Елецъ. 15 февраля 87 года.

Подлинно невѣсть, какъ давно я къ тебѣ не писалъ, любезный мой и безцѣнный другъ Василій Николаевичъ; да позволь въ оправданіе сказать, что въ Москвѣ, проживъ сверхъ ожиданія моего два мѣсяца, искавъ денегъ, не съ чѣмъ было ѣхать; наконецъ сюда пріѣхалъ, принялъ полкъ и не знаю, какъ справиться. Мой предмѣстникъ господинъ Вадковскій [1], такъ запустилъ полкъ, что не знаю, какъ голова съ круга не сойдетъ. Что̀ касается до ученья, то я объ этомъ не тужу—справимся какъ нибудь. Да вотъ главнѣйшее: по новому положенію въ полку 1500 челов. рекрутъ, которые ни въ чемъ не обмундированы, а по возвращеніи Государыни, можетъ быть, захотятъ насъ выставить на станцію [2]. Обозъ совсѣмъ не начатъ дѣлаться, а онъ страшно великъ. Ундеръ-офицеровъ нажаловано близь половины полку; разжаловать совѣстно, а имѣть сверхъ комплекта ежечасно подтверждаютъ запрещенія. Полкъ совсѣмъ разграбилъ, т. е. лучшихъ людей побралъ въ деньщики, капельмейстера въ писаря къ себѣ (*взялъ*), сѣдельника въ сторожа, лучшаго писаря—въ деньщики къ адъютанту. Совсѣмъ тѣмъ я ему много добра сдѣлалъ, и вотъ какое: по замедленію моему въ Москвѣ велѣно было отъ него полкъ принять подполковнику, который съ нимъ въ ссорѣ, слѣдовательно онъ отъ него принималъ безъ снисхожденія или, лучше сказать, прижималъ; я засталъ конецъ сдачи, и по его жалобѣ велѣлъ тому уступить иное, за что онъ безъ мѣры меня благодарилъ.

Важнѣйшее зло въ полку, что солдатъ не знаетъ ничему срока, ничто до него во́время не доходитъ, или, лучше сказать, иное совсѣмъ. Ротные командиры избалованы и считаютъ роту за деревню, а солдаты, мужиковъ у которыхъ стоятъ, почитаютъ за оброчныхъ крестьянъ. Я одного солдата уже принужденъ былъ, въ страхъ другимъ, прогнать сквозь строй за то, что онъ мужика, при-

[1] Илья Ѳедоровичъ Вадковскій пожалованъ генералъ-маіоромъ 22 сентября 1786 года, въ службу поступилъ въ 1756 году. Въ исходѣ 1789 года онъ числился при соединенной арміи. (Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ, напечатанный въ исходѣ декабря 1789 года).

[2] Вѣроятно для встрѣчи Императрицы на опредѣленныхъ пунктахъ, при ея путешествіи въ Крымъ? Она выѣхала изъ Петербурга 2 января 1787 года и, пробывъ пять дней въ Царскомъ Селѣ, отправилась въ дальнѣйшій путь на Великіе Луки, Смоленскъ и пр. Въ Кіевъ она прибыла 29 января. Вѣроятно кн. П. Д. Цаціановъ предвидѣлъ, что его полкъ могъ быть выставленъ на какомъ нибудь пунктѣ, для встрѣчи Императрицы при ея возвращеніи, и дѣйствительно мы видимъ, что его предположеніе сбылось, потому что при въѣздѣ Императрицы въ Орелъ 16 іюня, ее встрѣтилъ, между другими частями войскъ, и баталіонъ Санктпетербургскаго гренадерскаго полка; но самаго князя, при оной встрѣчѣ Императрицы, не видно. (См. Журналъ высочайш. путеш. Импер. Екатерины II, въ полуденныя страны Россіи въ 1787 году).

нудя вести себя отсель въ роту, да еще на дорогѣ избилъ его, а самъ уѣхалъ. Мужикъ пришелъ прямо ко мнѣ, я ему обѣщалъ все отыскать, отыскалъ и велѣлъ ему быть при экзекуціи; послѣ позвавъ его спросилъ: „доволенъ ли онъ?“ Онъ бѣдный такъ этимъ былъ тронутъ, что говоритъ мнѣ, что онъ если бы это зналъ, то лучшебъ у него лошадь пропала. Теперь суди: каковы здѣсь мужики и каковы мои гренадеры! Надѣясь на Бога, думаю, что и мужики и солдаты мною довольны будутъ. Я только и твержу офицерамъ, чтобы до солдатъ все доходило. Вообрази, что иные нѣсколько третей жалованья не получали, а я велѣлъ каждому въ руки раздать, и приставилъ маіора, а то бывало отдадутъ ротному командиру, а онъ ихъ причтетъ къ своимъ деньгамъ. Только, пока не оснуюся, много мнѣ будетъ хлопотъ, и много досады ожидаю.

Виноватъ, Васинька, что я тебя такъ занялъ своими полковыми дѣлами. Теперь скажи, любезный другъ, вѣрное давъ извѣстіе, куда и какъ надписывать письмо? Ты весной хотѣлъ оставить Англію и ѣхать домой, возвращаясь чрезъ Парижъ, то чтобъ не пропали мои письма; а тебѣ можно надписывать какъ хочешь, т. е. и въ Петербургъ и въ Елецъ, гдѣ я, по крайней мѣрѣ, до осени пробуду, для того что обозу совсѣмъ нѣтъ. Еще таки о полку: офицеры привыкли видѣть Вадковскаго, что онъ изъ горницы не выходитъ, дивятся моему донкишотству, которое я дѣлаю, безъ всякаго чувствованія безпокойства. Ѣздилъ по всѣмъ ротамъ осматривать, для того, что полкъ очень обширно стоитъ, а къ себѣ приводить, — это бы было имъ (т. е. ротамъ) мученье. И такъ, объѣзжая ихъ, около 500 верстъ сдѣлалъ въ одной кибиткѣ, въ шляпѣ и мундирѣ безъ постели, а морозъ градусовъ 16 навѣрное былъ. Вчера ѣздилъ разводъ смотрѣть, который идетъ въ Орелъ, rendez-vous верстъ 60 отсель назначенъ, тамъ гдѣ роты на большую дорогу выйти должны были, и вчера же ввечеру возвратился въ той же точно формѣ.

23.

Елецъ. 3 марта 1787 года.

Письмо твое, любезный мой другъ Васинька, получилъ вчера изъ Петербурга, писанное отъ 5 (16) генваря, которое дважды меня плакать заставило, только отъ разныхъ и противныхъ причинъ. Одни слезы были отъ удовольствія, что ты меня такъ любишь, и что отъ большой любви ты заставляешь меня то сказать, чего бы я не могъ, еслибы ты не принудилъ такимъ чувствительнымъ средствомъ, сказавъ, что если я васъ люблю, то скажу, что долженъ, и возьму отъ него по 5-ти процентовъ. Другія слезы, оставившія слѣды того, такъ что весь день сегодня какъ къ смерти приговоренный хожу, отъ того, что ты перемѣнилъ свое намѣреніе и хочешь еще продолженія отпуска просить. Свидѣтель Богъ, что я отъ того въ отчаяніи. Я дни считалъ, а не мѣсяцы и, честью клянусь, восхищался, чая тебя скоро увидѣть и, просвѣщеніемъ твоимъ воспользовавшись, научиться еще больше познавать Творца, Котораго я сколько ни люблю, сколько ни почитаю, но можетъ быть еще мало, оттого что не умѣю оного чувствовать. Какое я себѣ удовольствіе обѣщалъ, воображая наши будущіе о существѣ Его и совершенствѣ разговоры! Ты знаешь, какое я воображеніе имѣю, а потому и суди, больно ли мнѣ слышать о твоемъ намѣреніи, столько

огорчительномъ для меня, сколько, если я могу сказать, по слабому и, можетъ быть, пристрастному разсужденію, и для тебя не вовсе полезномъ. Согласенъ я на то, что твои успѣхи въ гидравликѣ и механикѣ могутъ быть полезны твоему Отечеству; но возможно ли въ одинъ годъ еще, или положимъ въ два года, и при самомъ прилежнѣйшемъ стараніи, дойтить до такой совершенной степени въ такой высокой и трудной части математики тому, который еще теперь проходитъ практическую геометрію? Пусть такъ, не спорю и увѣренъ, что твоего ума слишкомъ нежели станетъ. Да нужна ли ко всякой теоріи большая практика? И Государыня, сколько бы ни милостиво была расположена къ тебѣ, можетъ ли тому вѣрить, чтобъ ты, въ 4-ре года своего отсутствія, только успѣвъ дойти до геометріи, въ два года еще дошелъ до высокой науки? А при томъ не забылъ ли ты того, что здѣсь „сапожникъ шьетъ кафтанъ, а портной играетъ на скрипкѣ?“ Кто бы думалъ, что Самойловъ былъ воинъ и частью въ Херсонѣ командовалъ? Кто бы думалъ, что кн. Алексѣй Степановичъ Мещерскій *, который съ трудомъ имя свое подписываетъ, былъ сенаторъ? Да и много такихъ, которые умными слывутъ „заурядъ“, пока въ должности пребываютъ. Коли этого мало, скажу тебѣ лучшій примѣръ: Корсаковъ *, маіоръ артиллеріи, который нѣсколько лѣтъ былъ въ инженерномъ корпусѣ славнѣйшимъ учителемъ математическаго класса, потомъ, по его въ той же наукѣ способности, посланъ былъ въ Англію, на государевомъ иждивеніи, учиться гидравликѣ,—заплачено 10.000 рублей,—выучился совершенно, пріѣхалъ, имѣя покровительницей своей кн. Дашкову, во всей своей силѣ бывшую, употребленъ былъ къ строенію Фонтанки; потомъ что-жъ изъ него вышло? Полковникъ пѣхотнаго полка и строитель Херсона! Къ крѣпостному строенію какая нужда въ гидравликѣ? Кромѣ развѣ когда она при рѣкѣ, то чтобъ рвы не слишкомъ ниже горизонта рѣчной воды были. Теперь увѣрь ты меня, пожалуйста, любезный мой, что гидравлика тебѣ много пользы сдѣлаетъ. Дай Боже! Тебѣ въ моемъ усердіи сомнѣваться нельзя. Что̀ же касается до земледѣлія, похвалю и похвалю не одинъ разъ, для того, что чрезъ то ты можешь быть полезенъ, открывъ со временемъ своимъ единоземцамъ то, чего они, можетъ быть, еще не знаютъ; чрезъ то можешь доставить отъ тебя зависящее крестьянамъ богатство и блаженство, чрезъ то обогатишь свои способности дѣлать добро людямъ достойнымъ, а не такимъ однакожъ каковъ я. Со всѣмъ тѣмъ ты, я

* Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій пожалованъ сенаторомъ 22 сентября 1786 года, а на службу поступилъ въ 1751 году. Онъ былъ сыномъ кн. Степана Ивановича, генералъ-маіора, и младшій братъ кн. Платона Степановича Мещерскаго, — военнаго губернатора Казани. Послѣдній пользовался особеннымъ расположеніемъ Императрицы, которая его называла „почтеннымъ старцемъ“. (Родосл. сборн. кн. Долгорукаго и Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ, напечатанный въ исходѣ декабря 1789 года.)

* Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, инженеръ, поступилъ на службу въ 1760 году. 14 апрѣля 1789 года пожалованъ подполковникомъ артиллерійскихъ полковъ, числился при Кадетскомъ Корпусѣ; затѣмъ встрѣчаемъ его уже полковникомъ артиллерійскаго корпуса. (Русск. Архивъ 1867 года, статья „Жизнь и дѣянія кн. Потемкина-Таврическаго“, соч. гр. А. Н. Самойлова, стр. 1206-я и 1224-я. Списокъ генералитету и штабъофицерамъ 1789 года и Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ 1796 года).

думаю, и то знаешь, что самое это хлѣбопашество требуетъ большой практики. Удобриванiе земли, посѣвъ и жнитво рѣдко бываетъ сходное, по причинѣ разности въ климатѣ, и проч. Напримѣръ, во многихъ сочиненiяхъ рекомендуется удобривать землю голубинымъ навозомъ. Для чего же это?—Для того, что Англія и Франція малоземельны, и потому нужно имъ, чтобы маленькій клочокъ земли произвелъ много хлѣба, безъ чего будутъ голодны. У насъ же, при такомъ изобиліи земли, оставя такое большое иждивенiе, довольно и того на иныхъ земляхъ, чтобы два года послѣ нынѣшняго года засѣва *(земля)* отдыхала. И такъ, любезный мой, и эта наука сколько тебѣ ни полезна, но не нужно будетъ употребить на нее еще годъ или два. Прости меня, я за должность счелъ сказать, что̀ я думаю; не спорю, можетъ быть, я не справедливо разсуждаю. Привыкши-жъ быть съ тобой искреннимъ, признаться долженъ, что я почитаю намѣренiю твоему долѣе остаться въ Англіи, главнѣйшею причиною,—дружбу твою съ графомъ Семеномъ Романовичемъ. Повѣрю и тому, что та же самая дружба и нашла прицѣнку справедливую остановить тебя. Чего дружба не можетъ вымыслить! Всему найдетъ она причину и все можетъ оправдать. А мнѣ остается грустить, что долго не увижу того, котораго, право, больше себя люблю; Бога моего въ свидѣтели ставлю. Ахъ, еслибы ты, любезный мой, могъ чувствовать хотя сотую часть привязанности ко мнѣ, сколько я, то бъ легко представить себѣ могъ мое огорченiе. Ты мнѣ часъ отъ часу милѣе. О Боже, какой несносный, подозрительный нравъ я имѣю! Мнѣ кажется, что ты сочтешь, что благодарность одна, за твои ко мнѣ услуги, причиной таковымъ изъясненiямъ. Нѣтъ, опять опомнился и увѣренъ, что ты мое расположенiе довольно знаешь. Слезы хотятъ идти отъ огорченiя и не въ силахъ, клянусь честью, писать; позволь отдохнуть. Теперь-то я узналъ, что я тебя люблю и люблю какъ никого на свѣтѣ, могу смѣло сказать. Принимаюся за перо и не могу себя переувѣрить, что ты осенью не будешь въ Россіи, что я тебя не увижу такъ скоро, не обойму тебя, любезнаго своего и безцѣннаго друга. Однакожъ, чтобы тебѣ доказать, что я тебя больше себя люблю, говорю тебѣ чистосердечно, что если ты находишь свои въ томъ выгоды, и дружба ваша съ графомъ не первая къ тому причина, оставайся тамъ; я буду доволенъ и тѣмъ, что ты въ полномъ удовольствiи наслаждаешься дружбой такого благороднаго и почтеннаго человѣка, дѣлающаго тебѣ честь; онъ мнѣ любезенъ, потому что тебѣ другъ: не можетъ быть тотъ дуренъ, кто съ тобой связанъ дружбой. Пусть и себя я тутъ похвалилъ. Однако могу признаться, что твоя дружба мнѣ много пользы принесла и во многомъ исправила, благодаря Всевышняго.

О себѣ тебѣ скажу, что я въ преужасныхъ хлопотахъ и ежедневныхъ досадахъ отъ того, что полкъ избалованный трудно исправить. Мнѣ хочется ввести, чтобы всѣ были довольны, и солдатъ бѣдный, не имѣющій никакой перспективы, не былъ обиженъ хотя въ томъ что̀ отъ Государя на него положено. А у меня много такихъ молодцевъ, что̀ грабятъ ихъ; перемѣнить же некѣмъ, для того что офицеровъ мало. Вообрази себѣ, что я поймалъ одного, что изъ рубашечнаго холста у бѣднаго рекрута $1/2$ аршин. увелъ, а и всего 12 арш. на двѣ рубашки отпускается. Нѣтъ, не въ силахъ болѣе о полку писать, такъ

они меня бѣсятъ (т. е. офицеры), что какъ вспомню, то уже досада меня мучаетъ. Дай Боже, чтобы скорѣе привести въ порядокъ, избѣжавъ строгости! На Его святую волю полагаюсь, и благонадеженъ.

Теперь еще новая мысль вошла мнѣ въ голову, просить тебя, чтобы ты тамъ женился, если отъ прежнихъ проказъ совсѣмъ избавился, чтобы мнѣ скорѣе видѣть твоихъ дѣтей. Ты не можешь вообразить, какъ это состояніе меня прельщаетъ, и признаю Божьимъ наказаніемъ за мое малое къ Нему почтеніе то, что, по болѣзненному состоянію, я лишенъ этого удовольствія и сладости жизни. Правда, что воспитаніе, болѣзни ихъ намъ много огорченія наводятъ; только сколько же и удовольствія видѣть самихъ себя, видѣть плодъ своего труда, снимать богатую жатву, своими руками посѣянную; и для того хвалю тѣхъ, которые женятся прежде 35 лѣтъ: они могутъ быть увѣрены, что ихъ дѣти, если Богъ соизволитъ, достигнутъ здраваго разсудка при ихъ жизни, что они не оставятъ ихъ въ неспѣлыхъ лѣтахъ на жертву порочныхъ людей. Женись, братъ Василій, и привези мнѣ маленькаго Васиньку, котораго бы я расцѣловалъ. Я не знаю, какъ тебя не прельщаетъ сынъ графскій *. Я воображаю, что ты имъ утѣшаешься, какъ куколкой, а отцу-то какое должно быть удовольствіе! И такъ не совѣтую тебѣ возвращаться безъ жены, а то у насъ ссора выйдетъ.

* Здѣсь говорится о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ (род. 18 мая 1781 года, умеръ 7 ноября 1856), впослѣдствіи фельдмаршалѣ. Онъ воспитывался при своемъ родителѣ гр. Семенѣ Романовичѣ въ Англіи. Достойно, замѣчанія что кн. Михаилъ Семеновичъ, которымъ издали любуется авторъ писемъ, получилъ первые уроки военнаго дѣла (подъ Ганжей 2 декабря 1803 года) подъ начальствомъ и руководствомъ князя Павла Дмитріевича Цыціанова. (Біографія кн. М. С. Воронцова, сочиненіе М. П. Щербинина).

24.

7 апрѣля 87 года. Елецъ.

Готовься слушать: извѣстно тебѣ сколько я слабъ; что̀ же наконецъ я выдумалъ? Обѣщалъ Богу воздержаться, и сказалъ самъ въ себѣ, что я оскорблю Его милосердіе, если не сдержу слова,—и теперь вотъ уже другой мѣсяцъ, что я побѣждаю. Въ добавокъ къ сему добру, я отъ этого чувствую благополучіе свое, видя, что имѣю къ Нему вѣру, и вѣру имѣющую надо мной силу. Я помню крѣпко Священнаго Писанія слова: „что побѣда надъ собою предъ Богомъ больше емленія городовъ“. Если не знаешь что̀ такое „емленіе“, такъ я тебѣ скажу: это „взятіе городовъ“. Къ одному, любезный другъ, не могу себя принудить, чтобы по утру стоять на молитвѣ. Ложась, я всегда, какъ и прежде, на постелѣ молюсь и думаю, что оно не столь сильно, какъ добрыя дѣла. Опять Священное Писаніе меня на это поставило и утвердило. Апостолъ горорить: „Не постомъ, не молитвою, но дѣлами добрыми да славятъ Бога“. Куда бы, братъ, мнѣ хотѣлось тебя видѣть здѣсь,—то-то бы поговорили объ этакихъ вещахъ. Я бы почерпнулъ и занялъ бы отъ твоего знанія. Между тѣмъ, такъ какъ эта рѣчь о набожности не покончена, попрошу тебя объ одной книжкѣ, чтобы ты мнѣ ее прислалъ. Сестра княжна Наталья Михайловна ко мнѣ пишетъ, что она читаетъ съ восхищеніемъ Французскую книжку, и хотѣла бы ко мнѣ прислать, да очень рѣдка, и не продаютъ, а она ужъ у кого-то взяла, и то второй томъ.

Книжки титло: „La vérité de la religion Chrétienne“, писана par Abbadie *.

1788 годъ.

25.

3 генваря 88 года. Брацлавскаго воеводства, мѣстечко Межаковъ.

4 сентября выступилъ я съ полкомъ изъ Ельца, тогда когда у меня третьей части обоза и 280 лошадей недоставало, по милости Каменскаго, который меня все лѣто, для какихъ-то маневровъ, съ двумя баталіонами держалъ въ Орлѣ. Маневровъ не было, и роты все хозяйство разстроили. Хотя графъ Петръ Александровичъ за то и носъ прислалъ, но пособить нечѣмъ было, какъ положиться на волю Бога моего, милующаго меня не по дѣламъ моимъ и прегрѣшеніямъ. Занялъ, перевернулся, какъ бѣшеный день и ночь не спалъ, и въ 10 дней, съ объявленія повелѣнія, какъ приказано было, выступилъ. 13 октября пришелъ подъ Кіевъ, гдѣ до генваря, съ великимъ безпокойствомъ, простоялъ и нѣсколько обозу сдѣлалъ, котораго знатная часть прибавилась для подвижнаго магазина, возложеннаго на наше попеченіе. 8 ноября пошелъ, въ прескверную осень, сюда, и 26 тогожъ мѣсяца пришелъ сюда. Перевертываюсь, исправляюсь и дрожу, какъ прежде весны походъ скажутъ. Отъ границы Турецкой мы не болѣе какъ въ 15 миляхъ, т. е. 180 верстъ. Турки насъ боятся, говорятъ, даже и имени нашего. Дай Боже, чтобъ это было истинная правда!

Графъ Иванъ Петровичъ, мой шефъ, съ самаго Кіева уже со мной и мой корпусный командиръ, обходится весьма милостиво и не похожъ на другихъ шефовъ, слегка даетъ наставленія и свои мысли, однако весьма доброй манерой. Все это вмѣстѣ заставляетъ меня думать, что Всевышній, по милосердію Своему, не смотря на беззаконія мои, печется обо мнѣ. Чтобы было, еслибы съ моей чувствительностію, тебѣ извѣстною, имѣлъ шефомъ Каменскаго или Суворова, у которыхъ полковники ихъ вмѣсто капраловъ? Еще еслибъ не явное милосердіе Его и Промыслъ вспомоществовалъ невидимо, какъ бы я могъ исправиться, тогда когда всѣ знавшіе положеніе моего, вновь формируемаго, полка, не хотѣли вѣрить, что я изъ Ельца выступилъ, и ждали, что я отзовуся, имѣя достаточныя причины, такъ какъ самъ Каменскій то было сдѣлалъ, но его не послушали, и велѣли его полку идтить! Вотъ, любезный, какъ въ Россіи „шило брѣетъ“ по старой и весьма справедливой пословицѣ.

Сказавъ много о себѣ, скажу тебѣ о своемъ товарищѣ, тебѣ знакомомъ, князѣ Дашковѣ *, который велѣлъ тебѣ кланяться. Онъ со мной въ одномъ корпусѣ, т. е. у графа Ивана Петро-

---

* Аббади (Abbadie Iacques) род. въ Беарнѣ въ 1657 году, ум. въ 1727, въ Лондонѣ. Знаменитый протестанскій богословъ и обильный теологическій писатель. Изъ его сочиненій, болѣе другихъ пользуются извѣстностію: „La vérité de la religion Chrétienne“, „De la divinité de Iesus Christ“ и „L'art de se connaitre soi-même“.

* Князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ (род. 1761, ум. въ 1807 году) состоялъ командиромъ Сибирскаго гренадерскаго полка. Женился безъ согласія своей матери кн. Екатерины Романовны Дашковой на дѣвицѣ Алферовой, что произвело между нимъ и матерью его неудовольствіе и заставило князя на долгое время поселиться въ Кіевѣ, вдали отъ двора и своихъ близкихъ родственниковъ. Впослѣдствіи онъ былъ генералъ-маіоромъ и Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. (О немъ смотри Записки Храповицкаго, Записки Ф. Ф. Вигеля т. I, стр. 59-я и Записки Современника: Дневникъ студента).

вича, гдѣ часто видимся, имѣя 10 верстъ квартиру свою отъ главной квартиры. Онъ много добрыхъ свойствъ, кажется, имѣетъ, а также отъ молодости много и дурнаго, вездѣ на него жалуются, и полкъ прежній его (онъ теперь въ Сибирскомъ гренадерскомъ) Днѣпровскій. Да таки такъ занятъ своимъ занятіемъ, что настоящая горячка, и кажется со всякимъ готовъ до сабли.

Ты во Франціи, слѣдовательно прошу не забыть о моемъ широкомъ носѣ, по обѣщанію своему. Если добрый табакъ тамъ дешевъ, такъ здѣсь или въ Россіи совсѣмъ онъ рѣдокъ.

О себѣ сказать нечего, кромѣ удара, которымъ я въ ужасную тоску поверженъ *; не знаю что̀ дѣлать, не знаю право, что̀ и пишу. Посылаю теперь въ Крымъ офицера съ письмомъ и ожидаю, что на мою шею покрайней мѣрѣ тысячи три навалится. Однако графъ Ив. Петровичъ Салтыковъ сдѣлаетъ, уповаю, милость, по отмѣнному своему доброму ко мнѣ расположенію, что напишетъ къ кн. Потемкину о покойномъ и о призрѣніи оставшихъ письмо.—Графъ же Петръ Александ. Румянцевъ, нашъ предводитель, теперь, когда надобно выходить въ кампанію, дѣлаетъ реформу во всей арміи, и наши полки, т. е. гренадерскіе, изъ 4000 обращаетъ въ прежніе, то есть въ 1700 человѣкъ, не смотря, что полкамъ много стоитъ приведеніе обоза и всего въ гренадерское положеніе. Мнѣ первому и бѣдному, если не больше, такъ не меньше 2000 рублей стало, и сколько спѣшилъ, сколько мучилъ (*вѣроятно мучился*), теперь весь трудъ втунѣ. Вотъ служба наша на чемъ основана:—два начальника не въ согласіи, а нижніе должны страдать, или быть безстыдными ворами. *

* Кончина брата.

(Нельзя не пожалѣть, что съ предыдущаго письма начинается весьма продолжительный перерывъ въ письмахъ князя. Мы не можемъ допустить, чтобы, въ теченіе 17 лѣтъ, В. Н. Зиновьевъ и кн. П. Дмитріевичъ Циціановъ не переписывались. По всей вѣроятности, письма этого 17 лѣтняго пробѣла или затерялись вовсе, или находятся въ другомъ мѣстѣ. *Н. Б.*).

26.

1805 годъ.

1805 года, 29 генваря. Тифлисъ.

Я получилъ отъ тебя 21 ноября письмо, когда я былъ въ Оссетинскихъ горахъ съ отрядомъ, и велъ тамъ цѣлый мѣсяцъ войну, по необыкновенію нашего войска къ сего рода войнѣ; но Богъ милосердный, безъ заслугъ моихъ, и тутъ мнѣ показалъ Свою благость и помогъ поселить страхъ въ сихъ народахъ, разорявшихъ нѣсколько вѣковъ Карталинію, помогъ пройти къ такимъ лѣсамъ, что, назадъ шедши, самъ себѣ не вѣрилъ и безъ Его святой помощи никогда бы пройти не могъ.

Я прошедшую простудную горячку выдержалъ въ первой деревнѣ, выѣхавъ изъ горъ, которая меня попугала было. Кашель сухой, грудь какъ чирій, бокъ болѣлъ смертельно; не смотря, что на 8 день былъ переломъ горячки по̀томъ; но теперь, слава Богу, все прошло. Я боюсь, что въ болѣзнь мою отправивъ фелдъегеря и описавъ мою, болѣзнь, по словамъ лекаря: „горячка, съ воспаленіемъ въ лекихъ“, не напугалъ бы Государя болѣзнію,

который весьма милостивъ ко мнѣ, и обѣщаетъ отсель меня взять къ себѣ. Со всѣмъ тѣмъ я писалъ, что какъ бы я ни боленъ былъ, мнѣ должно остаться здѣсь на нѣкоторое время, по тому уваженію, которое Богъ помогъ мнѣ пріобрѣсть отъ сосѣдей, и Бабиханъ, по разнесшемуся слуху, что я умеръ, въ Тегеранѣ стрѣлялъ викторію, и 3 дни былъ иллюминованъ городъ, и объявлено было народу о моей смерти. О семъ извѣстіи, и письменно, и словесно, увѣдомляютъ отовсюду. И такъ надобно посмотрѣть, что весна откроетъ.

Посылаю милой и почтенной Устиньѣ Өедоровнѣ [1] шаль весьма рѣдкую по цвѣту, о чемъ и ей писать буду; а тебя прошу желтый шалевый платокъ отдать отъ меня милой моей Наташѣ [2], о которой, такъ какъ о Ванюшѣ и о другихъ дѣтяхъ, пожалуй удостой мнѣ подробно написать: ты знаешь, какъ я къ нимъ привязанъ. Напиши также, какъ вы живете и гдѣ? Письмо твое, писанное съ Агарьевымъ, и послѣ иное, писанное чрезъ Сперанскаго [3], до меня не дошло, а изъ Москвы твое и Устиньи Өедоровны, по прекратившейся коммуникаціи съ линіей, поздно очень дошло. Сего лѣта, отъ глупости Волконскаго и хитрости Бабихана, здѣсь весьма большое замѣшательство было, и явное покровительство Божіе спасло и выручило изъ бѣды. Со вступленіемъ моимъ въ Грузію все утихло и вошло въ порядокъ. Прости; почта нынѣшняя цѣлыхъ двѣ дести репортовъ и ордеровъ отъ меня везетъ, и такъ нѣтъ силъ писать. Я твой другъ и слуга, прося Бога о тебѣ и о твоемъ домѣ.

27.

16 октября 1805 г. Елисаветполь.

За какими причинами я такъ долго къ тебѣ, Васинька, не пишу? Для того, что писалъ къ Устиньѣ Өедоровнѣ. Ей далъ твои, т. е. мужскія комиссіи, а тебѣ женскія. Купи Англійскаго шелку въ палочкахъ, хотя пять, разнаго цвѣта; увѣдомь, почему ихъ продаютъ. Здѣсь все живутъ четвероногіе, — невѣжество превеликое. Хотя просвѣщеніе не нужно для Бога, но они Его не знаютъ, поступая противъ Его заповѣдей и святой воли. Я безмѣрно радъ твоему согласному и страстному житію съ Устиньей Өедоровной; видно, Богъ заслуги твои призналъ и здѣшнее путешествіе хотѣлъ сдѣлать тебѣ пріятнѣе другихъ. Шелкъ въ палочкахъ, сученый, я хочу здѣшнихъ научить. Напиши, шьетъ ли Устинья Өедоровна въ тамбурѣ, или по канвѣ, я ей пришлю шелку; здѣшній славится красками, а ты мнѣ пришли табаку: я мучаюсь по жестянкамъ; съ собою привезеннаго мнѣ стало на цѣлый годъ. Помолись, чтобы я цѣлъ выѣхалъ или живъ. Я выведу тебѣ славную лошадь, подъ именемъ „Зеидъ-ханъ," росту большаго, ѣзды прекрасной, и тебѣ по завѣщанію на-

---

[1] Устинья Өедоровна Зиновьева, рожденная Брейткопфъ, вторая супруга Вас. Николаевича Зиновьева.

[2] Наталья Васильевна Зиновьева, дочь Василія Николаевича, отъ перваго брака съ Варварою Михайловной Дубянской. Она впослѣдствіи вышла за мужъ за Шулепникова.

[3] Объ этихъ обстоятельствахъ упоминается въ письмѣ гр. С. П. Румянцева къ Новосильцеву, отъ 27 Ноября 1804 года (Вѣстникъ Европы 1870 года кн. 4. Приложенія къ статьѣ А. Н. Пыпина: „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ 1," стр. 721).

значена, хотя бы я здѣсь умеръ или убитъ былъ (*). Я считаю тебя ѣздокомъ и охотникомъ, а она моя любимая лошадь, и я всегда на ней въ сраженіяхъ бывалъ. Вотъ все о моихъ дѣлахъ сего лѣта или кампаніи въ Карабагѣ; я думаю чрезъ газеты извѣщенъ. Остается мнѣ увѣрить, что я весь твой по гробъ и далѣе.

Что̀ будешь посылать, пожалуй не чрезъ Сперанскаго, который за то, что я не принялъ имъ покровительствуемаго вора, на меня дуется. Богъ съ нимъ.

Желаю
Я: да будетъ Богъ съ тобою.
Слѣди въ Его святую волю;
Такъ Онъ устроитъ твою долю,
Обогатитъ твой домъ
Во всёмъ.

---

* Предчувствіе это сбылось через мѣсяцъ, а именно 8 Февраля 1806 года кн. Павелъ Дмитріевичъ былъ измѣннически убитъ у воротъ Баку. Прахъ его изъ Армянской церкви въ Баку перенесенъ, по волѣ государя, маркизомъ Паулуччи въ Тифлисъ, и въ Декабрѣ 1811 года похороненъ въ Сіонскомъ соборѣ, возобновленномъ кн. Ціціановымъ, гдѣ и воздвинутъ ему памятникъ.

ПИСЬМА

графа Семена Романовича Воронцова къ графу Ѳ. В. Растопчину *).

Біографическая замѣтка о графѣ Воронцовѣ.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, младшій братъ государственнаго канцлера графа Александра, родился 15 Іюня 1744 года. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ своего отца, сдѣланъ пажемъ въ 1753 г., каммеръ-пажемъ въ 1760 г.; произведенъ въ поручики л.-гв. Преображенскаго полка въ 1762 г., въ маіоры въ 1764 г., въ подполковники въ 1767 году. Во время Турецкой кампаніи онъ командовалъ первымъ гренадерскимъ полкомъ и за блестящія заслуги во многихъ сраженіяхъ удостоенъ военнаго ордена Св. Георгія 3-й степени. Въ 1774 г. онъ произведенъ въ бригадиры, въ 1776 г. въ генералъ-маіоры, въ 1783 г. въ генералъ-лейтенанты; а при восшествіи на престолъ императора Павла назначенъ генераломъ отъ инфантеріи и въ коронацію получилъ орденъ Св. Андрея

---

* Писанные на Французскомъ языкѣ подлинники этихъ писемъ получены нами отъ графа Андрея Ѳедоровича Растопчина. Отвѣты сего послѣдняго также сохранились и войдутъ со временемъ въ одну изъ книгъ „Архива Князя Воронцова.“ Для оцѣнки этихъ писемъ не мѣшаетъ припомнить, что графъ Семенъ Романовичъ былъ почти на двадцать лѣтъ старше графа Растопчина. Они сблизились въ Англіи во время путешествій сего послѣдняго. При Павлѣ, въ управленіе Иностранною Коллегіею, графу Растопчину пришлось быть начальникомъ своего друга. Примѣчанія, не обозначенныя буквами *П. Б.*, принадлежатъ графу Андрею Ѳедоровичу, издавшему эти письма въ числѣ другихъ бумагъ отца своего въ Брюсселѣ на Французскомъ языкѣ въ 1864 году, но лишь въ 12 экземплярахъ. *П. Б.*

Первозваннаго. Въ 1782 году, князь Потемкинъ, который не былъ къ нему расположенъ, отправилъ его въ Италію, гдѣ онъ вскорѣ былъ назначенъ министромъ въ Венецію и оттуда въ томъ же званіи былъ переведенъ въ Лондонъ, а въ 1796 году тамъ же назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Въ 1800 году императоръ Павелъ предлагалъ ему почетное званіе государственнаго канцлера; но онъ отъ него отказался, чѣмъ и навлекъ на себя негодованіе Государя, который отозвалъ его отъ занимаемой имъ должности посланника и приказалъ конфисковать все его имущество. Императоръ Александръ, немедленно по воцареніи, отмѣнилъ крутую мѣру своего родителя и вновь назначилъ графа Семена Романовича на должность посланника въ Лондонѣ, каковую онъ и занималъ до 1806 года, когда подалъ въ отставку и уволенъ. За исключеніемъ поѣздки въ Россію въ 1802 году и двухъ кратковременныхъ посѣщеній Франціи, графъ Воронцовъ постоянно проживалъ въ Англіи, гдѣ и умеръ въ Іюнѣ 1832 года, 88-ти лѣтъ отъ роду.

Графъ Семенъ Романовичъ былъ одаренъ отлично просвѣщеннымъ умомъ и постоянно отличался прямотою характера и откровенностью. Онъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Питтомъ и лордомъ Гранвиллемъ и пользовался въ Англіи всеобщимъ уваженіемъ; когда, послѣ его увольненія при императорѣ Павлѣ, было наложено запрещеніе на всѣ его имѣнія въ Россіи, ему были дѣлаемы всякаго рода дружескія предложенія со стороны многихъ знатнѣйшихъ Англійскихъ вельможъ.

Въ частномъ быту графъ Семенъ Романовичъ отличался живостью ума, привѣтливостью и такимъ обаятельнымъ добродушіемъ, что послѣ первой встрѣчи съ нимъ всякій исполнялся къ нему чувствомъ любви и высокаго почтенія. Красивою головою, украшенною густыми, снѣжными кудрями, высокимъ стройнымъ ростомъ, онъ являлъ собою образецъ прекраснаго старца. Пребываніе за границею не мѣшало его преданности и пламенной любви къ Отечеству. Онъ былъ рѣдкимъ другомъ и сохранилъ до послѣднихъ дней жизни замѣчательную нѣжность чувствъ и необыкновенную сердечную теплоту, что̀ подтверждается нижеслѣдующими письмами. Пользоваться уваженіемъ такого человѣка, какъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, было въ высшей степени лестно. *Графъ А. Растопчинъ.*

Здѣсь кстати привести слѣдующую выписку изъ одной старинной Французской книжки, сочиненія нѣкоего Дюшиллу (Duchillou), присланную намъ изъ Англіи А. О. Смирновою.

«У господина Маккензи въ Петерсгомѣ собиралось лучшее общество и нѣсколько весьма достойныхъ иностранныхъ министровъ; между ними былъ графъ Воронцовъ, Русскій посланникъ и впослѣдствіи посолъ при Лондонскомъ дворѣ. Они познакомились въ Неаполѣ и съ радостью встрѣтились снова въ Лондонѣ и Петерсгомѣ. Маккензи любилъ графа Воронцова, какъ сына и всегда былъ счастливъ, когда его видѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не знавалъ человѣка, который бы имѣлъ столько пріятныхъ и блестящихъ достоинствъ. Съ привлекательною, благородною наружностью графъ Воронцовъ соединялъ благосклонный и предупредительный видъ, горячее сердце, возвышенный умъ и прекрасную, добродѣтельную душу. Онъ былъ вѣренъ въ дружбѣ, услужливъ и правдивъ. Чувства его были

деликатны, соображеніе быстро и скромность необыкновенна. Я приведу въ примѣръ этой послѣдней добродѣтели случай, сильно меня поразившій. Графъ рано поступилъ въ военную службу и въ 18 лѣтъ командовалъ ротою гренадеровъ въ гвардіи императора Петра III. Утромъ того дня, въ который Екатерина взошла на престолъ Россіи, Воронцовъ, узнавъ, что происходитъ, спѣшитъ къ войску, уговариваетъ его не измѣнять вѣрности, должной Государю, ведетъ его за собою; но вскорѣ оставленъ всѣми. Онъ чувствуетъ, что его схватили сзади, ранитъ шпагою того, кто его задерживалъ; но онъ окруженъ и посаженъ подъ стражу. Это былъ единственный ударъ шпаги въ тотъ день. Графа освободили черезъ восемь дней. Онъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ, а когда въ 1770 году была объявлена война съ Турціей, снова призванъ въ Россію и отличился неустрашимымъ мужествомъ. Я обѣдалъ съ нимъ однажды у герцога Нортумберландскаго. Генералъ Клинтонъ, бывшій волонтеромъ въ Русской арміи, находился тутъ же. Послѣ обѣда говорили о знаменитыхъ походахъ этой войны, особенно о битвѣ при Кагулѣ, 1-го Августа 1770 г. Я спросилъ графа Воронцова, былъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ очень просто, что былъ. Выходя изъ-за стола, генералъ Клинтонъ сказалъ мнѣ: «Знаете ли вы, какъ онъ тамъ былъ? Участь сраженія рѣшена имъ. Войско Русское состояло всего изъ 18.000, Турки имѣли 150.000 человѣкъ. Графъ Воронцовъ, во главѣ двухъ баталіоновъ, нападаетъ на непріятелей, съ неустрашимымъ мужествомъ врубается въ ихъ ряды, обращаетъ ихъ въ бѣгство; остальные полки слѣдуютъ за нимъ и одерживаютъ полную побѣду. Вотъ какъ онъ тамъ былъ». Графъ, оставшись вдовцомъ съ двумя дѣтьми, занялся воспитаніемъ ихъ, съ такимъ стараніемъ и постоянствомъ, что имѣлъ счастіе рано воспользоваться плодами своихъ нѣжныхъ попеченій. Какъ только сыну его исполнилось 20 лѣтъ, онъ послалъ его въ Россію. Молодой Воронцовъ былъ назначенъ каммергеромъ; но, желая служить въ военной службѣ, поступилъ въ гвардію, постарался пріобрѣсть познанія необходимыя въ его званіи и держалъ себя такъ хорошо, что, 22 л. отъ роду, велъ съ успѣхомъ войну въ Персіи, гдѣ исправлялъ должность дежурнаго штабъофицера подъ начальствомъ князя Ціціанова, который называлъ его своею правою рукою».

1.

Лондонъ, 1 Іюня н. ст. 1798 г.

Грейгъ вручилъ мнѣ Ваше письмо, любезный Ѳедоръ Васильевичъ; я позабочусь объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Ваше увольненіе [1] меня глубоко огорчаетъ, и я скорблю въ этомъ случаѣ несравненно болѣе объ Императорѣ и государствѣ, чѣмъ о васъ самихъ. Они лишатся слуги вѣрнаго, дѣятельнаго и съ высокими дарованіями, — слуги незамѣнимаго. Что-же до васъ касается, то съ вашимъ взглядомъ на вещи, съ вашею возвышенною душею и съ такою чистою совѣстью какъ ваша, вы будете счастливы всюду. Пользуясь счастіемъ быть въ супружествѣ съ

[1] Вслѣдствіе разногласія съ императоромъ Павломъ, отецъ мой отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и уѣхалъ въ Москву; но онъ не пробылъ тамъ болѣе трехъ дней, какъ явился курьеръ отъ имени Государя и вызвалъ его вновь на службу.

существомъ, обладающимъ ангельскимъ характеромъ и преданные дѣлу воспитанія своихъ дѣтей, вы предпочтете пребываніе въ деревнѣ городскимъ и придворнымъ заботамъ. Надѣюсь, что во время вашего пребыванія въ зимніе мѣсяцы въ Москвѣ, мой братъ [2] будетъ часто пользоваться вашимъ обществомъ. Вы созданы другъ для друга и чѣмъ ближе вы сойдетесь, тѣмъ болѣе полюбите одинъ другаго.

Мнѣ также особенно отрадно остановиться на вашей предполагаемой поѣздкѣ за границу [3], и ваше пребываніе въ Англіи представляется мнѣ въ числѣ наипріятнѣйшихъ эпохъ въ моей жизни. Я увижусь съ старымъ другомъ, съ человѣкомъ, которому я многимъ обязанъ [4] и къ которому питаю чувства глубочайшей привязанности, уваженія и признательности. Вѣрьте, мой добрый другъ, что я сохраняю къ вамъ чувство искренней благодарности, и память о томъ, чѣмъ я вамъ обязанъ, никогда не изгладится изъ моего сердца. Прошу васъ сообщить мнѣ о вашемъ житьѣ-бытьѣ, подробно описать мнѣ мѣстность вашего имѣнія, вашъ домъ и вашъ предполагаемый образъ жизни. Не расчитывая на то, чтобы это письмо застало васъ въ Петербургѣ и не зная вашего адреса, я прошу моего стараго друга,—Анну Степановну (Протасову) вамъ его доставить. Прошу васъ поцѣловать за меня ручку любезнѣйшей супруги вашей и расцѣловать отъ моего имени вашихъ дѣтей; обнимаю васъ мысленно отъ всей души.

[2] Сличи нѣсколько позднѣйшіе отзывы о немъ гр. Растопчина въ письмахъ его къ кн. Циціанову во 2-й кн. XIX Вѣка. *П. Б.*

[3] Эта поѣздка не состоялась.

[4] Сколько намъ извѣстно, гр. Растопчинъ, по своей близости къ императору Павлу, въ самые первые дни его царствованія, успѣлъ остановить Государя въ его намѣреніи вызвать гр. Воронцова изъ Англіи и водворить при себѣ въ Петербургѣ, къ чему гр. Семенъ Романовичъ не былъ способенъ. *П. Б.*

2.

Лондонъ 14 (25) Мая 1799 г.

Ваше письмо, начатое 18 и оконченное 19 Апрѣля, получено мною третьяго дня, и оно произвело въ высшей степени успокоительное дѣйствіе на человѣка, испытывающаго жестокія, жгучія страданія. Вы мнѣ жизнь возвратили, мой добрый другъ. Я уже писалъ вамъ, что если вамъ удастся спасти меня, то я воздвигну вамъ алтарь, какъ спасителю моему. Онъ уже сооруженъ въ моемъ сердцѣ; но я намѣренъ выстроить храмъ въ одномъ изъ моихъ имѣній, гдѣ я вѣроятно окончу свои дни, когда мое здоровье еще болѣе разстроится, чѣмъ въ настоящую минуту. Этотъ храмъ будетъ посвященъ дружбѣ и благодарности, и въ числѣ лицъ, которыя внушили мнѣ эти чувства, вашъ образъ займетъ почетное мѣсто.

Хотя я еще и не получилъ письма отъ Государя, вами мнѣ возвѣщеннаго; но, зная отъ васъ о его содержаніи, считаю дѣло рѣшеннымъ, слѣдовательно мое счастье упроченнымъ, и этимъ я вамъ обязанъ мой добрый другъ. Это сознаніе усиливаетъ мое счастье, потому что оно удвоивается, когда имъ обязанъ другу.

Я уже пишу вамъ другое письмо; оно будетъ очень длинно и будетъ отправлено отсюда черезъ три дня съ Португальскимъ курьеромъ, который изъ Лиссабона поѣдетъ въ Петербургъ. До тѣхъ поръ обнимаю васъ отъ глубины души [1].

[1] Не смотря на всѣ мои поиски въ бумагахъ моего отца и на разспросы у моей ма-

3.

Сугамптонъ, 26 Февраля(10 Марта) 1801 г.

Это письмо, любезный графъ, вручитъ вамъ мой племянникъ г. Жеребцовъ; поручаю его вашему благосклонному вниманію и покровительству. Въ теченіи трехъ лѣтъ, въ которые онъ состоялъ при этомъ нынѣ угасшемъ

тери, я никогда не могъ дознаться, въ чемъ именно заключалась эта услуга, которую отецъ оказалъ графу Воронцову; но она по видимому была немаловажная, судя по благодарности, которую онъ ему непрестанно высказывалъ. По нѣкоторымъ даннымъ я предполагаю, что императоръ Павелъ сильно прогнѣвался на графа Семена Романовича за какую-то ноту, представленную имъ Англійскому кабинету и что мой отецъ успѣлъ отклонить гнѣвъ Государя.

Я нахожу умѣстнымъ помѣстить здѣсь одинъ анекдотъ, который характеризуетъ отношенія моего отца къ императору Павлу и, дѣлая честь подданному, въ тоже время свидѣтельствуетъ о величіи души Монарха. Однажды, на парадѣ, Государь нашелъ, что сукно на солдатскихъ мундирахъ никуда не годно, вернулся въ страшномъ гнѣвѣ во дворецъ, послалъ за моимъ отцемъ и приказалъ ему немедленно въ его присутствіи написать графу Воронцову, чтобы онъ созвалъ Англійскихъ фабрикантовъ и предложилъ имъ годовую поставку сукна на всю Русскую армію. Отецъ возразилъ ему, что подобное распоряженіе равняется закрытію всѣхъ нашихъ фабрикъ, что оно послужило бы къ разоренію всѣхъ нашихъ фабрикантовъ и пр. и пр.; но такъ какъ его возраженія еще болѣе раздражали Государя, то онъ долженъ былъ въ эту минуту покориться и написалъ письмо, которое Императоръ прочелъ, подписалъ и приказалъ запечатать. Но отецъ, выполняя послѣднее приказаніе, успѣлъ прибавить въ письмѣ подъ подписью Государя: „не выполняйте этого повелѣнія, потому что онъ не въ своемъ умѣ!“ Императоръ, который въ это время ходилъ по комнатѣ, примѣтилъ, что мой отецъ снова взялся за перо.—„Мнѣ „сдается, милостивый государь,“ „сказалъ онъ, „что вы осмѣлились что-то прибавить къ моему приказанію.“—„Это правда, отвѣчалъ отецъ“ и подалъ ему письмо. Императоръ прочелъ, поблѣднѣлъ, началъ опять ходить взадъ и впередъ и затѣмъ, спустя нѣсколько мгновеній, бросилъ письмо въ каминъ и сказалъ моему отцу, обнимая его: — „Спасибо тебѣ, ты правъ; молю Бога, чтобы всѣ мои слуги могли походить на тебя!“

посольствѣ [1], онъ постоянно держалъ себя съ достоинствомъ и какъ истинному дворянину подобаетъ. Онъ очень несчастливъ по службѣ, числится до сихъ поръ только переводчикомъ, и онъ всегда служилъ безъ жалованья на свои собственныя средства, не смотря на то, что онъ скорѣе бѣденъ, чѣмъ богатъ. При всемъ томъ онъ желаетъ быть употребляемъ по заграничной службѣ и если бы вы могли при случаѣ доставить ему повышеніе и должность при нашихъ министрахъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ или Неаполѣ съ соотвѣтствующимъ его чину содержаніемъ, вы сдѣлали бы доброе дѣло для него и явили бы новое доказательство вашей дружбы ко мнѣ.

Повидимому, я вправѣ былъ бы ожидать, что мнѣ будетъ дозволено оставаться въ этомъ скромномъ мѣстечкѣ, въ совершенномъ уединеніи, въ 80 миляхъ разстоянія отъ Лондона, и посвятить себя исключительно заботамъ о слабомъ здоровьи моей дочери [2]. Да примется во вниманіе ,что больнымъ не отказываютъ въ возможности поддержать свое существованіе и что король Испанскій разрѣшаетъ командующему его флотомъ Мендозѣ не только оставаться со времени войны въ этой странѣ, но даже въ самомъ Лондонѣ съ сохраненіемъ своего званія, содержанія, арендъ и окладовъ.

[1] Вслѣдствіе мира заключеннаго императоромъ Павломъ съ первымъ консуломъ, наши дипломатическія сношенія съ Англіею были прерваны, и посланники съ обѣихъ сторонъ отозваны.

[2] Эта единственная дочь графа Воронцова вышла за мужъ за лорда Пемброка.

Но я знаю, что по вашему мнѣнію я долженъ отсюда уѣхать, и я это исполню; мнѣ только невозможно совершить этого ранѣе Мая мѣсяца, потому что моя бѣдная дочь не была бы въ состояніи перенести морскую бурю. Я не рѣшаюсь подвергать ее этому и вынужденъ ожидать, чтобы прошла та бурная пора, которая обыкновенно предшествуетъ на морѣ весеннему равноденствію. Я готовъ принести всѣ жертвы, лично до меня касающіяся; но я никогда не дозволю себѣ подвергать опасности мою дочь. Правда, что лишеніе морскихъ ваннъ будетъ для нея весьма пагубно; но по крайней мѣрѣ перемѣна климата, образа жизни и способа леченія совершится для нея въ благопріятное время года. Я отправлюсь черезъ Кале въ Пирмонтъ и, если къ осени отношенія между Россіею и Англіею исправятся, то я буду расчитывать на васъ, чтобы исходатайствовать мнѣ дозволеніе вернуться сюда, такъ какъ жизнь моей милой Катеньки зависитъ отъ здѣшнихъ цѣлебныхъ средствъ. При этомъ случаѣ я долженъ вамъ сказать, что изъ числа множества услугъ, вами мнѣ оказанныхъ, высшая заключается въ томъ, что я вамъ обязанъ жизнью этого дорогаго ребенка: если бы она занемогла на материкѣ Европы тою смертельною болѣзнію, которая приключилась съ нею здѣсь въ прошломъ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, то она навѣрное не осталась бы въ живыхъ. Она не умерла единственно потому, что оставалась въ Англіи, такъ какъ здѣшній докторъ былъ ей рекомендованъ кавалеромъ Вальтеръ-Фаркеромъ, который пользовалъ мою дочь со времени прибытія ея въ Англію, т. е. съ 20 мѣсяцевъ, знаетъ подробно ея организмъ, состоялъ въ ежедневной перепискѣ съ Сугамптонскимъ ея врачемъ и направлялъ его дѣйствія. А правомъ оставаться здѣсь я обязанъ вамъ. И такъ вы мнѣ сохранили мою дочь; посудите же послѣ этого, могу ли я забыть когда нибудь подобное благодѣяніе.

Если между нашими двумя государствами добрыя отношенія не возстановятся, то я осенью изъ Пирмонта проѣду въ Италію, а именно въ Пизу, гдѣ климатъ теплый и гдѣ есть нѣсколько изрядныхъ врачей, которыхъ я знаю. Но я молю Бога, чтобы дѣла уладились; потому что въ сущности дочь моя можетъ существовать только здѣсь. Ей необходимо продолжать еще въ теченіи трехъ лѣтъ морскія купанья, чтобы возстановить свою чрезвычайно разстроенную нервную систему; а эти купанья возможны только въ этой странѣ, гдѣ по всему берегу существуютъ особыя машины къ тому приспособленныя, и особыя лица, которыя имѣютъ на то снаровку и знаютъ, когда и сколько надобно купаться.

Нужна большая съ моей стороны увѣренность въ вашей дружбѣ ко мнѣ, чтобы написать къ вамъ такое длинное письмо, исключительно наполненное подробностями обо мнѣ и моемъ семействѣ, въ особенности въ виду того множества занятій, которыми вы обременены. Мой дружескій привѣтъ графинѣ, ея тетушкѣ и нашему доброму Рожерсону. Прощайте, любезный другъ, обнимаю васъ [1].

4.

Лондонъ, 7 (19) Марта 1813 г.

Позвольте мнѣ, любезный графъ, поручить вашему благосклонному вни-

[1] Къ сожалѣнію вслѣдъ за этимъ письмомъ наступаетъ продолжительный перерывъ: Воронцовскихъ писемъ за первые годы столѣтія не нашлось у графа А. Ѳ. Растопчина. *П. Б.*

манію полковника Скотта, который передастъ вамъ это письмо; я лично съ нимъ не знакомъ, но знаю его по его репутаціи, которая приноситъ ему большую честь. Онъ происходитъ отъ весьма знаменитаго рода, и его родители чрезвычайно дружны съ моею дочерью и ея мужемъ, во имя чего, а равно и вслѣдствіе его отличной репутаціи, я не могъ отказать ему въ этомъ письмѣ, тѣмъ болѣе, что онъ отправляется въ Россію подъ вліяніемъ благороднаго увлеченія. Онъ ѣдетъ, чтобы ближе ознакомиться и заплатить дань удивленія той націи, которая превзошла всѣ другія въ прошедшемъ и въ будущемъ своимъ великодушіемъ, мужествомъ, твердостью и патріотизмомъ. Къ кому же могу я въ этомъ случаѣ лучше всего обратить его, какъ не къ тому, кто былъ главнымъ орудіемъ при проявленіи всѣхъ этихъ добродѣтелей? Онѣ постоянно существовали въ Русскомъ народномъ духѣ, точно также какъ огонь заключается во всѣхъ составныхъ частяхъ земнаго шара, и хотя эта основная стихія и сосредоточена преимущественно въ селитрѣ, въ углѣ и въ сѣрѣ, но она вѣчно оставалась бы незримою въ этой комбинаціи, если бы она не была вызываема случайною искрою къ проявленію своей могучей силы во всемъ ея блескѣ. Вамъ предстояло быть тою благотворною искрою, которая вызвала проявленіе высокаго духа нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ, тѣхъ, кого мы называемъ кровными Русскими, т. е. говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдующихъ одну вѣру. Я могу сравнить васъ только съ княземъ Пожарскимъ; но ваше призваніе было труднѣе его задачи. Его время слыветъ вѣкомъ невѣжества и простоты; но наше время, торжественно провозглашаемое вѣкомъ просвѣщенія и философіи, едва-ли въ извѣстномъ смыслѣ не носитъ въ себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія; потому что наше полупросвѣщеніе, наше ложное образованіе, эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ, развиваемое нашимъ правительствомъ въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, уже давно успѣли бы затушить въ насъ всякую искру патріотизма (также какъ она затушена у другихъ народовъ) если бы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающею его силою, такъ сказать, вопреки правительству, которое, руководимое Нѣмцами и Лифлянцами, само вводило къ намъ пороки. Ваша задача была трудная, но вы ее выполнили во славу и во спасеніе Отечества. Если уже появился или имѣетъ появиться достовѣрный разсказъ всего того, что̀ происходило въ Москвѣ со времени вступленія Французовъ и до минуты ихъ выступленія, умоляю васъ прислать мнѣ оный, адресуя вашъ пакетъ на имя г. Лонгинова, секретаря императрицы, проживающаго въ Петербургѣ въ моемъ домѣ.

Дочь моя проситъ не забывать ея. Тысячу разъ благодарю васъ за милости, оказанныя сыну моему Михаилу, въ проѣздъ его черезъ Москву. Здѣсь отлитографировали копіи съ маленькаго портрета вашего, который хранится у меня, и я пришлю вамъ нѣсколько экземпляровъ. Сохраните мнѣ вашу дружбу и пр.

5.

Лондонъ, 7 (19) Іюня 1814 года.

Я давно уже выжидаю удобнаго случая, чтобы писать къ вамъ, любезный графъ; нынѣ пользуюсь отъѣздомъ молодаго Раевскаго, состоящаго адъ-

ютантомъ при Михаилѣ *. Онъ возвращается къ своимъ родителямъ, такъ какъ сыну моему разрѣшено пробыть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Какое великое утѣшеніе для Катеньки и для меня видѣться съ нимъ послѣ того, что еще такъ недавно онъ подвергался со дня на день случайности погибнуть въ этой войнѣ, столь ожесточенной и кровавой. Мнѣ сдается, что я уже въ послѣдній разъ пользуюсь счастіемъ его видѣть, потому что въ семьдесятъ лѣтъ будущность уже опредѣляется не годами, а мѣсяцами и недѣлями. Онъ не нахвалится тѣмъ вниманіемъ, которое вы ему оказывали въ оба раза, когда онъ имѣлъ счастье васъ видѣть въ Андреевскомъ и въ Москвѣ; я въ этомъ узналъ моего добраго друга, графа Ростопчина. Весьма сожалѣю, что не былъ утѣшенъ знакомствомъ съ вашимъ сыномъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его знающіе утверждаютъ, что онъ одаренъ мужествомъ, живостью ума и возвышенностью души своего отца. Есть Латинская пословица, смыслъ которой заключается въ томъ: „что орлы никогда не выводятъ голубей.“ Нѣжныя его чувства, по отношенію къ родителямъ, дѣлаютъ ему честь; онъ не захотѣлъ видѣть Лондонъ въ самую блестящую его эпоху и предпочелъ объятія отца и матери, которыхъ онъ спѣшилъ утѣшить своимъ присутствіемъ за всѣ испытанныя ими тревоги, когда они знали, что онъ подвергался ежедневно величайшимъ опасностямъ, въ продолженіи этой ужасной войны. Раздѣляю вашу радость, мой добрый другъ, тѣмъ живѣе, что мнѣ хорошо извѣстны тѣ ощущенія, которыя испытываешь, когда единственный сынъ постоянно подвергается смертельнымъ опасностямъ.

Наконецъ-то она кончена, эта ужасная война! Государь, вся нація и Русская армія увѣнчаны безсмертною славою. Насъ считали варварами, а Французы, неизвѣстно почему, прослыли самымъ образованнымъ народомъ. Они сожгли Москву, а мы сохранили Парижъ.

Постоянство, съ которымъ нашъ Монархъ боролся не только противъ непріятеля, но и противъ ложныхъ соображеній, мелочности и даже низкихъ интригъ со стороны нѣкоторыхъ его союзниковъ, желавшихъ было заключить миръ въ Шатильонѣ и сохранить тронъ Франціи презрѣнному Корсиканцу, приноситъ ему великую честь, потому что имъ все совершено. Надобно надѣяться, въ немъ проявится сознаніе, что наступило уже время учредить порядокъ и водворить правый судъ въ его собственномъ государствѣ, которое можетъ погибнуть, если не будетъ возстановленъ государственный строй, существовавшій со времени учрежденія Сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной Императрицы. Она начала производить нововведенія; сынъ ея низвергъ все, не замѣнивъ ничѣмъ; а внукъ ея имѣлъ несчастье быть окруженнымъ мечтателями, которые, будучи исполнены самолюбія и тщеславія, считали себя выше великаго основателя Русской Имперіи. Эти господа начали свои опыты надъ бѣдною Россіею путемъ узаконеній, ежедневно издаваемыхъ; эти господа уподоблялись машинамъ узаконеній; они ничего другаго не дѣлали, изобличая при этомъ столько же быстроты, сколько и невѣдѣнія и легкомыслія. Всѣ эти распоряженія были основаны на предвзя-

* Михаиломъ графъ Воронцовъ называетъ здѣсь и ниже своего сына, тогда уже славнаго нашего генерала.

П. Б.

тыхъ мечтаніяхъ воображенія и на лживо-усвоенномъ чтеніи. То были опыты, производимые надъ несчастною Россіею, и они не подозрѣвали, что опыты только приложимы къ физикѣ и химіи, но что они гибельны въ примѣненіи къ правосудію, администраціи и политической экономіи. Но въ нихъ страсть къ нововведеніямъ была такъ сильна, что, чувствуя себя стѣсненными тою первобытною властью, которую Государь возвратилъ Сенату въ Сентябрѣ 1802 г., они нашли способъ обойти ее и потомъ уничтожить ее нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Россія устояла противъ наплыва всего Европейскаго материка, который Бонапартъ увлекъ за собою; но она не устоитъ противъ внутренней неурядицы, и одинъ лишь Сенатъ и установленныя Петромъ Великимъ Коллегіи могутъ устранить тотъ вредъ, который приносятъ и всегда будутъ приносить министры, когда они занимаются глазъ на глазъ съ Государемъ и могутъ вводить его въ заблужденіе или намѣренно, или невольно, по незнанію, или подъ вліяніемъ другихъ неблагонамѣренныхъ лицъ. Никакой министръ не воспротивится никогда неправильнымъ распоряженіямъ своего собрата, опасаясь его вмѣшательства въ свои собственныя дѣйствія. Это напоминаетъ двухъ врачей Мольера: „Passez-moi le séné et je vous passe l'émétique“ [1]!

Я видѣлъ Государя въ его кабинетѣ только въ продолженіи трехъ минутъ; но если бы я могъ пробыть съ нимъ полчаса, я непремѣнно высказалъ бы ему все что̀ думаю о бѣдственномъ состояніи Россіи, не стѣсняясь соображеніемъ о томъ, понравилось бы ему это или нѣтъ; потому что во всемъ, касающемся до своего Царя и Отечества, лесть составляетъ гнусное преступленіе, и я нахожу, что слѣдуетъ высказать все что̀ считаешь полезнымъ для того или другаго. Лишенный случая говорить съ Государемъ, я успѣлъ однако сообщить мои мысли Великой Княгинѣ, его сестрѣ, которую я нашелъ преисполненною благихъ желаній для родины; но я сомнѣваюсь, чтобы ея вліяніе могло равняться ея усердію. Она говорила мнѣ о васъ въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ слѣдуетъ говорить, когда васъ хорошо знаешь и когда понимаешь, наравнѣ съ другими, сколько вы проявили способностей, усердія, дѣятельности и самоотверженія, чтобы содѣйствовать къ спасенію государства отъ того бѣдствія, которое угрожало ему два года тому назадъ.

Вы мнѣ высказываете, любезный графъ, что вы были бы польщены какимъ-нибудь выраженіемъ вниманія со стороны города Лондона. Если бы я еще находился въ должности, то я бы вамъ это доставилъ, при первомъ вашемъ желаніи; но я уже началъ уклоняться отъ большаго свѣта, даже до увольненія отъ моей должности. Мои лѣта, недуги и отчужденіе отъ всякой толпы, а равно и поздніе часы этихъ собраній и торжественныхъ обѣдовъ, вынудили меня ограничиться сношеніями съ министрами, съ которыми я имѣлъ столкновенія по службѣ и съ тремя или четырьмя семействами старыхъ друзей, въ обществѣ которыхъ я проводилъ время, и когда, послѣ смерти г. Питта, я получилъ разрѣшеніе оставить мой посланническій постъ, то я пересталъ видѣться даже съ министрами. Я жилъ и теперь живу болѣе, чѣмъ когда-либо, въ совершенномъ уединеніи, проводя три четверти года внѣ самого Лондона и даже,

---

[1] „Простите мнѣ Александрійскій листъ, а я вамъ прощаю рвотное“.

когда я въ немъ нахожусь, то проживаю въ кругу моихъ старинныхъ друзей и еще двухъ или трехъ семействъ, находящихся въ близкихъ сношеніяхъ съ мужемъ моей дочери. Г. Алопеусъ и графъ Ливенъ думали и теперь думаютъ, что я желаю вмѣшиваться въ политическія дѣла; они меня не знаютъ, иначе они бы этого не предположили и не обнаруживали бы той ревности, которая ихъ такъ странно тревожила. Только съ прибытіемъ Великой Княгини и Государя, когда дворъ и главнѣйшіе государственные сановники учреждали въ честь ихъ празднества, я счелъ себя вынужденнымъ принять нѣкоторое участіе во всей этой суматохѣ, которая непремѣнно свалила бы меня съ ногъ, если бы продолжалась еще дней десять. Но Государь уѣзжаетъ дня черезъ три или четыре, и я вернусь къ своей обычной мирной жизни. Изъ этого вы ясно поймете, любезный графъ, что я не имѣю никакихъ сношеній съ министрами, которые, пользуясь своею нынѣшнею популярностью, могли бы внушить городскому управленію исполнить то, что бы ему слѣдовало самому сдѣлать тотчасъ послѣ 1812 года и что оно непремѣнно бы и сдѣлало, если бы имѣло во главѣ своей личности болѣе достойныя. Я долженъ пояснить вамъ, что когда говорятъ объ общественномъ управленіи города Лондона („the City of London“), то не слѣдуетъ разумѣть всѣхъ жителей столицы, но только корпорацію извѣстныхъ гражданъ города Лондона. Эта корпорація состоитъ: изъ лорда-мера, алдерменовъ и общественнаго совѣта, въ числѣ слишкомъ двухъ сотъ человѣкъ; изъ этихъ лицъ первый и всѣ послѣдніе избираются ежегодно различными ремесленными цехами, пользующимися правами гражданства и назначающими тѣхъ четырехъ членовъ, которыхъ городъ Лондонъ посылаетъ засѣдать во всякомъ новомъ Парламентѣ; алдермены также избираются, но только пожизненно. Въ подобномъ учрежденіи вся власть сосредоточена въ ремесленныхъ цехахъ, и чернь въ нихъ преобладаетъ, вслѣдствіе чего, въ послѣдніе шесть лѣтъ, эта корпорація заслужила всеобщее презрѣніе, будучи управляема якобинцами, которые ее унизили, раздавая права гражданства съ помощью подарковъ табакерками или золотыми кубками въ пользу нѣкоторыхъ мятежныхъ членовъ Нижней Палаты, людей, изобличенныхъ въ мошенничествѣ тѣми судами, гдѣ у нихъ имѣлись процессы и уже никогда вновь не избираемыхъ въ члены Парламента. Не слѣдуетъ смѣшивать гражданъ Сити съ его жителями вообще; всѣ богатые негоціанты и банкиры тамъ живутъ и имѣютъ тамъ свои конторы, но не желаютъ принадлежать ни къ какой корпораціи, ни числиться гражданами Лондонскаго Сити. Всѣ эти Петерсы, Томсоны, Бонары, Рейки, Торнтоны, Гармаки, Беринги никогда не принадлежали къ корпораціи. Нѣкоторые богатые честолюбцы желаютъ сдѣлаться лордъ-мерами, чтобы почваниться въ теченіи одного года; но впрочемъ самые малодушные изъ богачей стремятся къ удовлетворенію этого столь же ничтожнаго, сколько и кратковременнаго пустаго тщеславія. Если бы существовалъ иной порядокъ вещей или я сохранилъ бы по прежнему какія-либо сношенія съ министрами или съ нѣкоторыми членами городской корпораціи, я бы употребилъ всѣ старанія, не взирая на ревнивое неудовольствіе посланника, чтобы васъ не забыли, на подобіе того, какъ едва не забыли фельдмаршала Барклая де Толли, ко-

торый получилъ права гражданства и почетную саблю, послѣ Платова и Блюхера и быть можетъ бы вовсе ихъ не удостоился, если бы какой-то мѣщанинъ не вздумалъ заявить, что Платовъ служилъ подъ начальствомъ маршала Велингтона и что оба они въ то время находились въ Лондонѣ. Странно отличать подчиненнаго и забывать того, кто надъ нимъ начальствовалъ. Еслибы Лондонскій Сити, т.-е. городская корпорація была бы нынѣ столь же достойна уваженія, какъ она, говорятъ, была прежде, но каковою я уже не засталъ ея, то всякое отличіе съ ея стороны было бы лестно.

Я пользуюсь теперь тѣмъ же удовольствіемъ, какъ и вы: свиданіемъ съ сыномъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ, мы не смѣли и мечтать о томъ; до того эта война представлялась безконечною и при этомъ такою кипучею, ожесточенною и кровавою, что мы страшились за дѣтей нашихъ. Мы играли въ тяжелую игру, но Божіе милосердіе сохранило намъ нашихъ сыновей, и я пользуюсь утѣшеніемъ видѣть моего подлѣ себя, и онъ пробудетъ здѣсь еще нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ по милости Государя, который обѣщалъ мнѣ, что будетъ дозволять ему, въ мирное время, проводить со мною два или три мѣсяца ежегодно. Я не смѣю надѣяться, чтобы я могъ долго пользоваться этимъ счастіемъ, и я полагаю, что вижу въ послѣдній разъ моего милаго Михаила, потому что въ 70 лѣтъ, которыя минули мнѣ на дняхъ, не слѣдуетъ уже считать жизнь годами, но мѣсяцами и даже недѣлями. Мнѣ кажется, что я повторяюсь; но я разсчитываю на ваше снисхожденіе къ старику, потерявшему память. Я совершенно ея лишился и сохранилъ ее только въ одномъ случаѣ, самомъ для меня драгоцѣнномъ: при воспоминаніи о благодѣяніхъ и выраженіяхъ дружбы, мнѣ оказанныхъ. Судите сами послѣ этого, могу ли я когда-нибудь забыть все то, что̀ вы при первой возможности сдѣлали для меня въ царствованіе императора Павла и всѣ изъявленія дружбы съ вашей стороны. Когда меня не станетъ, то не забывайте, что вы имѣли во мнѣ человѣка искренно вамъ преданнаго. Я умоляю васъ перенести вашу дружбу ко мнѣ на моего Михайла: онъ честный малый (brave garçon), добрый и истинно Русскій; онъ никогда не совершитъ ничего недостойнаго и будетъ всегда такъ поступать, какъ Русскому дворянину надлежитъ.

Прощайте, любезный графъ; мои дѣти свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Прошу васъ передать мое уваженіе вашей супругѣ; обнимаю васъ отъ глубины души, и пр.

6.

Лондонъ, 18 (30) Іюня 1814 г.

Пользуясь тѣмъ, что отъѣздъ г. Раевскаго отложенъ и получивъ ваше письмо отъ 28 Апрѣля, я вновь распечаталъ этотъ пакетъ, чтобы увѣдомить васъ о томъ. Ваше письмо, несмотря на все то, что̀ оно заключаетъ въ себѣ любезнаго относительно меня, нѣсколько меня опечалило. Вы жалуетесь въ немъ на ваше здоровье, и я даже замѣчаю въ васъ нѣкоторое утомленіе, которое, быть можетъ, и весьма законно, но пожалуй побудитъ васъ оставить службу. Хотя вы ни на что не пеняете, но вы имѣли бы полное основаніе не быть довольнымъ, потому что для васъ ничего не сдѣлали, не взирая на все то, что̀ вами совершено на пользу государства съ опасностью жизни и съ лишеніемъ вашего состоянія при вступленіи непріятеля въ Мо-

скву и послѣ того. Я не могу обвинять въ томъ Государя; озабоченный войною, которою онъ руководилъ лично, постоянно преслѣдуя свою великую цѣль, т. е. низложеніе всеобщаго угнетателя Европы, онъ не имѣлъ ни одной минуты досуга, чтобы оглянуться и вѣроятно отложилъ до своего возвращенія въ Россію заботы о внутреннихъ дѣлахъ и о вознагражденіи на мѣстѣ тѣхъ лицъ, которыя, подобно вамъ, такъ дѣятельно помогли ему въ созиданіи громадныхъ средствъ и вооруженной силы, и доставили ему возможность спасти Европу. Но если даже, вопреки всѣхъ ожиданій, васъ бы не оцѣнили по достоинству (что впрочемъ трудно предположить), то человѣкъ вашего склада долженъ стать выше этого. Вы уже принесли великія жертвы, любезный графъ, принесите еще высшую изъ всѣхъ: послужите Отечеству, продолжая быть ему полезнымъ. Вы находитесь въ самой блестящей порѣ жизни, когда человѣкъ съ вашимъ характеромъ, съ вашимъ умомъ и высокою душею, особенно необходимъ длл пользы государства. У насъ весьма мало людей; едва ли найдется еще человѣка три на всемъ протяженіи этого громаднаго царства (гдѣ бы слѣдовало быть сотнямъ подобныхъ лицъ), чтобы приносить пользу и постановить преграду тѣмъ безпорядкамъ, которые проникли во всѣ отрасли управленія и въ особенности въ область правосудія. Когда остановишься на этой послѣдней мысли, то просто содрогаешься. Кто лучше васъ можетъ судить о той всеобщей неурядицѣ, которая водворилась на Руси? Кто другой дерзнетъ высказаться на этотъ счетъ передъ Государемъ и скажетъ ему правду съ тою искренностью, съ которою князь Яковъ Долгорукій говорилъ съ Петромъ Великимъ? Продолжайте служить Отечеству и если вамъ не удастся принести ту пользу, которую бы вы могли принести, если даже вамъ удастся на десятую долю только отвратить зло, которое могли бы совершить неопытные или коварные совѣтники, то и тогда бы вы доставили существенную пользу государству. Умоляю васъ не покидать его. Прощайте, обнимаю васъ отъ души.

7.

Лондонъ, 18 (30) Іюля 1815 г.

Ваше письмо было мнѣ доставлено нашимъ общимъ другомъ Р. уже нѣкоторое время тому назадъ, и я сдѣлалъ изъ него то употребленіе, которое вы мнѣ указали. Душевно благодарю васъ, любезнѣйшій графъ, за то, что вы его написали; потому что я прочелъ въ немъ выраженіе вашей неизмѣнной дружбы и вашего довѣрія— двухъ чувствъ, для меня столь лестныхъ со стороны человѣка, котораго я привыкъ такъ давно уважать и которому я преданъ, какъ по душевной благодарности за все для меня сдѣланное во времена его значенія, такъ и по удивленію, внушенному мнѣ его образомъ дѣйствій въ 1812 году: едва ли кто-нибудь успѣлъ принести болѣе существенную пользу Отечеству въ ту страшнѣйшую годину испытаній, какую оно когда-либо проживало. Вашъ энергическій характеръ воодушевилъ нашихъ соотечественниковъ, а принесенныя вами жертвы довершили возбужденіе національнаго духа! Поэтому и достойное воздаяніе за эти заслуги не можетъ соразмѣряться съ милостями двора, а должно состоять въ благодарности будущей Россіи и въ томъ удивленіи, которое на скрижаляхъ истины и исторіи неразрывно

сольется съ вашимъ именемъ, чтобы передать его послѣдующимъ вѣкамъ.

На счетъ положенія вещей въ прошедшемъ и въ настоящемъ, я совершенно вашего мнѣнія; а что̀ предстоитъ намъ въ будущемъ, можетъ рѣшить одно Провидѣніе. Мнѣ слишкомъ 71 годъ, и я радуюсь, что достигъ возраста лишающаго меня возможности дожить до такихъ явленій, которыя съ нѣкоторою достовѣрностью можно предвидѣть, если по прежнему и настоящему судить о будущемъ—крайне неутѣшительномъ!

Отношенія съ Франціею были повреждены еще въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ они еще ухудшились. Паденіе этого Корсиканскаго чудовища еще не великое событіе для всеобщаго спокойствія Европы; послѣ всѣхъ пораженій, непобѣдимость его уже была сокрушена. Его политическія предпріятія доказали, что, при великомъ умѣ и лукавствѣ, ему недоставало благоразумія; послѣдняя его попытка обнаружила это въ глазахъ вселенной. Приставая къ берегамъ Франціи, онъ возмечталъ вернуть всю власть, которою пользовался въ 1813 году; онъ думалъ, что найдетъ сильную армію, что застанетъ союзниковъ, разъединенныхъ между собою и не приготовленныхъ къ вторичному вступленію во Францію. Всѣ его расчеты оказались ложными; онъ былъ введенъ въ заблужденіе своими шпіонами; ихъ донесенія были неправильно имъ истолкованы; онъ очутился во власти якобинцевъ, взявшихъ верхъ даже надъ военными, и онъ былъ вынужденъ беречь ихъ и подчинять ихъ волѣ свою собственную. Онъ нашелъ армію, ослабленную въ численности и во всѣхъ для войны необходимыхъ потребностяхъ. Сознавая нужду въ поддержкѣ якобинцевъ, онъ долженъ былъ признать верховенство народа и отказаться отъ всякихъ суровыхъ и беззаконныхъ мѣръ, и кромѣ того засталъ союзниковъ вполнѣ согласныхъ между собою на счетъ необходимости продолжать съ нимъ войну. Поэтому онъ и поспѣшилъ собрать войска сколько могъ, чтобы аттаковать Пруссаковъ и Англичанъ, покуда остальные еще не подошли. Его армія была сильнѣе, чѣмъ арміи Блюхера и Веллингтона взятыя вмѣстѣ; онъ напалъ на разбросанные корпуса перваго изъ нихъ 15 Іюня и разбилъ ихъ; 16 онъ аттаковалъ соединенныя вмѣстѣ Прусскія и Англійскія силы и опять одержалъ верхъ; но 18 Веллингтонъ и Блюхеръ рѣшились твердою ногою ожидать его нападенія въ выгодной позиціи. Онъ напалъ на нихъ съ превосходными силами, съ увѣренностью, пріобрѣтенною побѣдами двухъ предшествующихъ дней и съ ожесточеніемъ человѣка, который всю свою будущность ставитъ на карту. Два раза сраженіе было имъ почти выиграно; но искусство и распорядительность Англійскаго полководца успѣли возстановить порядокъ. Веллингтонъ подвергалъ себя величайшимъ опасностямъ и совершалъ чудеса храбрости. Наконецъ Пруссаки зашли во флангъ и, ударивши съ тылу на правое крыло Французовъ, довершили пораженіе, какого не запомнятъ со временъ знаменитой битвы при Росбахѣ. Бонапартъ велъ себя героемъ, покуда дрались; но какъ только возникло смятеніе, онъ потерялъ голову, ускакалъ въ Парижъ, куда прибылъ 20, а 21 или 22 испугался и отрекся отъ престола. Съ этой минуты онъ велъ себя какъ трусъ, мечталъ только о томъ, чтобы бѣжать въ Америку, и когда это оказалось невозможнымъ, то, опасаясь вернуться въ Рошфоръ, гдѣ его хотѣли схва-

тить и предать во власть короля, покинулъ судно, на которомъ уже отплылъ и отдалъ себя въ распоряженіе Англійскаго флота, блокировавшаго порты. Онъ пытался вступить въ переговоры, но Британскій адмиралъ отказалъ ему наотрѣзъ и предложилъ сдаться безусловно или вернуться въ Рошфоръ. Устрашенный тѣмъ, что ожидало его во Франціи, онъ сдался безъ всякихъ условій. Еслибы ему удалось выиграть сраженіе при Ватерлоо, онъ овладѣлъ бы Нидерландами, возстановилъ бы свою прежнюю власть во Франціи, сокрушилъ бы якобинцевъ и удвоилъ бы свою армію національною гвардіею. Тогда онъ могъ бы дать отпоръ Русскимъ войскамъ, никогда искренно неподдержаннымъ Австрійцами, которые, пожалуй, присоединились бы даже къ Франціи, въ силу ненависти Вѣнскаго двора къ Россіи и въ надеждѣ поладить съ Корсиканцемъ, возвративъ ему жену и сына. И такъ вы понимаете, любезный графъ, какое значеніе имѣетъ битва при Ватерлоо; но зачѣмъ только все испортили, пощадивъ якобинцевъ и предоставя имъ всю власть во Франціи? Неужели союзные государи не сознаютъ, что господство якобинцевъ несравненно опаснѣе владычества Корсиканца, который обладаетъ лишь неодолимымъ стремленіемъ все покорять себѣ, что неминуемо влекло за собою его собственное паденіе, тогда какъ партія якобинцевъ придерживается неуклонной системы подтачивать основы установленнаго правительства и возмущать народы? Неужели союзники не понимаютъ того, что такъ ясно? Для меня это непостижимо. Можетъ быть, для тѣхъ, которые лучше моего знакомы съ личными свойствами союзныхъ монарховъ, эти причины понятны. Между тѣмъ Корсиканецъ находится на Англійскомъ корабѣ въ Плимутѣ и будетъ отправленъ противъ своей воли на островъ св. Елены, по ту сторону экватора и на разстояніи 1800 в. отъ материка.

Моя дочь очень польщена вашею памятью о ней; она пишетъ мнѣ изъ деревни, куда я къ ней отправляюсь, и проситъ передать вамъ самый дружескій привѣтъ. Мы надѣемся, любезный графъ, что вы не вернетесь въ Россію, не побывавши въ Англіи: эта страна заслуживаетъ того, чтобы ее посѣщать сколько возможно часто. Дочь пишетъ мнѣ, что на скачкахъ въ Салисбюри, происходящихъ во владѣніяхъ ея мужа, лошадь, выигравшая призъ, называлась Растопчинъ; вамъ должно быть извѣстно, что владѣльцы лучшихъ рысистыхъ лошадей постоянно даютъ имъ имена, самыя знаменитыя, самыя громкія и самыя извѣстныя, какъ напримѣръ: Нельсонъ, Суворовъ, Блюхеръ, Веллингтонъ и пр.

Прощайте, любезный графъ; или, лучше сказать, не хочу прощаться съ вами, потому что не теряю надежды, что вы пріѣдете сюда и что прежде чѣмъ умереть, я еще буду имѣть утѣшеніе обнять васъ.

Адресовано въ Берлинъ.

8.

Мобёжъ, 11 Ноября 1816 г.

Такъ какъ я былъ боленъ и страданія не позволяли мнѣ писать, то вы вѣроятно узнали отъ Михаила, какъ обрадовало меня ваше письмо отъ 4 (16) Октября съ извѣщеніемъ, что я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Парижѣ. Вы не могли бы, мой милый и добрый другъ, ничѣмъ такъ меня порадовать, какъ доставивъ мнѣ случай еще разъ передъ смертью увидѣть и обнять того, кто оказывалъ

мнѣ такую постоянную дружбу, сдѣлалъ мнѣ столько добра, къ кому я сохраню во всю мою жизнь живѣйшую благодарность, не говоря уже о томъ удивленіи, которое вашъ образъ дѣйствій въ 1812 году долженъ внушать всякому Русскому, на столько преданному своему Отечеству какъ я.

Я былъ вынужденъ отложить мой отъѣздъ въ Парижъ ради Великаго Князя Николая Павловича, котораго мнѣ надлежало посѣтить въ Брюсселѣ; между тѣмъ я вынесъ такую болѣзнь, отъ которой только что отдѣлался три или четыре дня тому назадъ и послѣ которой ощущаю еще такую слабость во всемъ тѣлѣ, что не въ состояніи ѣхать въ Брюссель, и мнѣ нельзя будетъ предпринять мое путешествіе въ Парижъ прежде десяти или одинадцати дней и то подвигаясь весьма медленно, такъ что едва ли я могу туда доѣхать ранѣе 28 числа. Михаилъ уѣхалъ въ Брюссель третьяго дня и вернется завтра или послѣ завтра; что-же касается до моей квартиры въ столицѣ Франціи, то я уже далъ честное слово одному искреннему другу, съ которымъ состою въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ въ теченіи 25 лѣтъ. Онъ заслуживаетъ сближенія съ вами, и моя дружба съ вами и съ нимъ обязываетъ меня способствовать вашей взаимной связи: вы достойны другъ друга. Я разумѣю князя Кастелчикала, Неаполитанскаго посланника во Франціи, бывшаго въ продолженіи 25 лѣтъ министромъ двора въ Неаполѣ.

Михаилъ занимаетъ въ Парижѣ домъ присвоенный тому корпусу, надъ которымъ онъ начальствуетъ; онъ нанятъ Государемъ для помѣщенія комисаровъ и другихъ офицеровъ этого корпуса. Изъ нихъ первые проживаютъ тамъ, чтобы получать отъ Французскаго правительства суммы, потребныя на содержаніе нашихъ войскъ; а остальные командируются туда по разнымъ другимъ надобностямъ и потребностямъ для тѣхъ-же войскъ. Сынъ мой также имѣетъ въ этомъ домѣ небольшое помѣщеніе, на тотъ случай, когда служебныя обязанности вызываютъ его туда и его задерживаютъ, въ особенности зимою, во время пребыванія тамъ его начальника—герцога Веллингтона. Это помѣщеніе весьма незначительное; но если-бы даже оно былъ и обширно, я не желалъ бы никогда въ немъ останавливаться, потому что въ Петербургѣ найдутся, пожалуй, такіе добрые люди, которые не преминутъ разгласить, что онъ съ намѣреніемъ нанялъ большой домъ весьма дорого стоющій, чтобы помѣстить въ немъ своего отца на счетъ казны. Ваша квартира приготовлена въ очень хорошей мѣстности, какъ разъ между квартирою Михаила и домомъ князя Кастельчикала, гдѣ я намѣренъ остановиться.

Вы пишете мнѣ, что я васъ найду постарѣвшимъ. Вѣрю: въ 14 лѣтъ, которыя мы съ вами не видѣлись, не могутъ не произойти большія перемѣны; но такъ какъ я гораздо старѣе васъ, то вы меня найдете еще болѣе состарѣвшимся, очень опустившимся тѣломъ и душею. Этотъ упадокъ силъ еще болѣе обнаружился послѣ испытанной мною нынѣ болѣзни, которая оставила послѣ себя такое изнеможеніе во всемъ моемъ тѣлѣ, что я не въ силахъ вынести ни малѣйшей усталости или физическаго стѣсненія.

Прощайте, любезный и старый другъ; надѣюсь увидѣться съ вами и обнять васъ въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца. Между тѣмъ мысленно обнимаю васъ отъ глубины души.

9.

Лондонъ, 8 Октября н. ст. 1817 г.

Несказанно благодарю васъ, мой добрый другъ, за ваше письмо, написанное изъ Эмса и тысячу разъ прошу извинить, что запоздалъ отвѣтомъ. Я желалъ знать, что вы уже въ Парижѣ, чтобы съ большею увѣренностью сообщить вамъ все что имѣю передать. Лишь на другой день послѣ отхода почты узналъ я, по письму Махаила отъ 17 (29) числа прошлаго мѣсяца, что вы въ этотъ день прибыли въ Парижъ, что онъ васъ видѣлъ, что онъ долженъ былъ обѣдать съ вами у Вери и что онъ къ величайшему своему сожалѣнію долженъ былъ тутъ-же вернуться въ свою главную квартиру, по случаю смотра, который герцогъ Веллингтонъ намѣренъ былъ произвести его корпусу и къ которому онъ едва успѣлъ-бы приготовиться.

Поздравляю васъ, мой добрый другъ, что вы имѣли счастье застать въ сборѣ все ваше семейство, и я бы еще полнѣе оцѣнилъ вашу радость, если-бы вы не присовокупили, что здоровье вашего старшаго сына неудовлетворительно и что дыханіе его прерывистое и стѣсненное, не смотря на то, что грудь его не слаба. Если это не происходитъ отъ поврежденія легкихъ, все-же свидѣтельствуетъ о разстройствѣ какого либо сосѣдняго мускула или дыхательной горловой артеріи; во всякомъ случаѣ этимъ пренебрегать не слѣдуетъ, и оно можетъ быть съ точностью опредѣлено только такимъ врачемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій анатомъ. Не знаю, имѣются ли таковые врачи въ Парижѣ; но если вашъ другъ, докторъ Галль, столь-же свѣдущъ по другимъ частямъ человѣческаго тѣла, какъ по мозговымъ, то онъ будетъ полѣзнѣе другихъ для вашего сына; а въ немъ я принимаю участіе, потому что онъ вашъ сынъ и потому что я много слышалъ о его умѣ, и еще болѣе о возвышенности его души, безъ коей умъ не имѣетъ никакого значенія. Эта возвышенность чувствъ у насъ такая рѣдкость по милости нашей формы управленія и еще болѣе благодаря тому воспитанію, которое отцы, ею не одаренные, даютъ своимъ дѣтямъ! Это коренное зло, подрывающее всѣ основы Россіи. Всѣ тѣ, которые управляли страною въ эти послѣднія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высокихъ чувствъ, но одна лишь крутая деспотическая воля, плохо прикрываемая внѣшнею оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія. Эти люди, находя, что подобныя понятія и подобный характеръ согласуются съ ихъ собственнными, пользуются ими, и это направленіе еще усилилось и распространилось, благодаря тѣмъ, кто пришелъ къ убѣжденію, что всякаго повышенія можно достигнуть только путемъ подлости, ведущимъ яко бы къ счастью.

Сожалѣю, что не могу покинуть эту страну ранѣе четырехъ недѣль; я долженъ былъ отложить свое первоначальное намѣреніе по случаю болѣзни моей внучки Лизы, которая, хотя и выздоровѣла, но еще очень слаба и поправляется весьма медленно. Она еще не въ состояніи предпринять путешествіе; но очевидно, что оно будетъ возможно черезъ нѣсколько недѣль, такъ какъ ея силы медленно, а все же ежедневно возрастаютъ. Мы пріѣдемъ въ Парижъ цѣлымъ караваномъ, съ Катенькою, ея мужемъ, ея пятью дѣтьми, гувернанткою и мною.

Мы употребляемъ всѣ возможныя усилія, чтобы убѣдить мадемуазель Жардинъ присоединиться къ намъ, но едва ли намъ это удастся.

Я душевно радуюсь знакомству съ вашимъ семействомъ, мой добрый другъ, и надѣюсь провести большую часть времени посреди его.

То, что̀ вы мнѣ говорите о Германскихъ принцахъ, напоминаетъ изрѣченіе Арлекина: „Tutto il monde é come la nostra famiglia“.

Нельзя довольно восхищаться тѣмъ, что главное занятіе великихъ монарховъ Европейскаго материка состоитъ въ поддержаніи и усовершенствованіи обмундированія войскъ. Между тѣмъ какъ преемникъ Фридриха Великаго стрижетъ волосы своимъ солдатамъ, наслѣдникъ Петра Великаго, слава Богу, занялся кройкою мундировъ своимъ генераламъ. Мнѣ кажется, что мундиры уже четыре раза измѣнялись въ продолженіи его царствованія; посудите же, какое преимущество, какое превосходство это должно намъ доставить надъ всѣми арміями въ мірѣ!

Поведеніе короля Прусскаго относительно При-рейнскихъ его подданныхъ, повидимому, никого не удивляетъ; его путешествіе въ Парижъ вполнѣ его изобличило. Онъ туда явился безъ всякой видимой цѣли, вопреки здраваго смысла, и потѣшался по утрамъ катаніемъ съ деревянныхъ горъ на деревянной лошадкѣ (что̀ развѣ позволительно вашему маленькому Андрюшѣ), а вечеромъ посѣщеніемъ театровъ въ ту самую пору, когда разстроенное его государство громко взываетъ къ нему съ требованіемъ конституціи, которая могла бы опредѣлить права всѣхъ сословій и сокрушила бы произволъ, присущій монархамъ, ихъ министрамъ и любимцамъ.

Ожидаю, какія будутъ послѣдствія пребыванія Двора въ Москвѣ. Увидимъ, въ чемъ будутъ заключаться великія идеи, привезенныя туда для обнародованія? Не слѣдуетъ ли предполагать, что, поддержавъ Французскую конституцію и водворивъ таковую же въ Польшѣ, намъ будетъ даровано нѣчто несравненно лучшее, потому что имѣлось много времени, чтобы взвѣсить и испытать на практикѣ все то, что̀ было примѣнено къ Франціи и Польшѣ.

Вы должны быть довольны, что достигли великаго Виѳлеема въ такую любопытную эпоху; я радуюсь заранѣе при мысли, что услышу съ вами вмѣстѣ Цицероновъ, Демосѳеновъ, Бюрковъ и Питтовъ великой націи.

Благодарю васъ за выполненіе моего порученія, относительно великой княгини Маріи Павловны, и мнѣ весьма лестно все то, что̀ было высказано на мой счетъ этою жемчужиною всей царствующей семьи.

Вѣроятно вамъ надоѣдаютъ наши знаменитые соотечественники своими посѣщеніями, за которыя приходится отплачивать тѣмъ же. Кромѣ находящихся уже въ Парижѣ, еще прибудутъ другіе, какъ напримѣръ Кочубей. Когда вспомнишь, какъ вели себя въ Парижѣ Куракинъ и Кочубей во времена Бонапарта, какъ они въ немъ заискивали, то становится непонятнымъ ихъ возвращеніе туда послѣ того, что воцарились вновь Бурбоны.

Опредѣлите мнѣ, мой другъ, кварталъ, улицу и № того дома, въ которомъ вы помѣстились. Я адресую это письмо на имя кавалера Стюарта и прошу васъ переслать ему и отвѣтъ вашъ: онъ будетъ отправленъ съ Англійскимъ курьеромъ. Впрочемъ князь Кастельчикала не всегда отправляетъ ихъ этимъ путемъ, а иногда отсылаетъ съ Французскими курьерами.

Михаилъ занятъ теперь приготовле-

ніями къ смотру, который герцогъ Веллингтонъ намѣренъ произвести войскамъ, состоящимъ подъ начальствомъ моего сына. Онъ пишетъ мнѣ, что этотъ смотръ имѣетъ произойти въ будущую субботу, 11 числа, между Камбре и Кенуа.

Засвидѣтельствуйте мою глубочайшую преданность графинѣ, которая уже прибудетъ въ Парижъ ко времени полученія этого письма; я съ нетерпѣніемъ готовлюсь познакомиться съ нею и со всѣми вашими дѣтьми. До тѣхъ поръ обнимите за меня маленькаго Андрюшу, который узналъ васъ и плакалъ отъ радости при свиданіи съ вами. Что остальные проливали при этомъ слезы, меня нисколько не удивляетъ; но въ этомъ ребенкѣ оно имѣетъ большое значеніе и изобличаетъ прелестную душу.

Напомните обо мнѣ герцогу д'Ескаръ, герцогинѣ Дамасъ, графамъ Бартелеми и Андреосси; кланяйтесь также Старынкевичу и Орлову, если они еще въ Парижѣ.

Моя дочь поѣхала на короткое время въ Вильтонъ, откуда вернется черезъ восемь дней; ея дѣти съ гувернанткою остались въ Гампстедѣ (Hampstead) въ четырехъ миляхъ отсюда, на возвышенности, гдѣ самый чистый воздухъ, какой только себѣ вообразить можно и куда я къ нимъ ѣзжу черезъ каждые три дня. Прощайте, мой любезнѣйшій и добрѣйшій другъ; обнимаю васъ отъ всей души.

10.

Лондонъ, 14 Октября 1817 г.

Едва могу успѣть увѣдомить васъ о полученіи вашего письма отъ 11 числа, доставленнаго мнѣ сегодня. Чистый воздухъ Гампстеда принесъ большую пользу Лизочкѣ, и я увѣренъ, что ея мать, которая должна вернуться черезъ четыре дня, пожелаетъ удержать ее при себѣ до конца этого мѣсяца; такъ что намъ едва ли удастся покинуть эти окрестности и пуститься въ путь ранѣе первыхъ чиселъ будущаго мѣсяца. Горю нетерпѣніемъ познакомиться съ вашею достойною супругою и съ вашими дѣтьми, въ особенности съ маленькимъ Андрюшею, который, узнавъ васъ, заплакалъ отъ радости и который такъ успѣшно разрѣшилъ задачу о сотвореніи человѣка.

Могу васъ увѣрить, что (за исключеніемъ васъ и вашего семейства) мнѣ совершенно все равно, кто именно изъ Русскихъ проживаетъ въ Парижѣ и кого еще туда ожидаютъ. Я намѣренъ жить въ Парижѣ, какъ и прежде это дѣлалъ, не входя съ ними ни въ какія сношенія. Тысячу разъ благодарю васъ за ваши заботы о прiисканіи мнѣ квартиры; я получилъ сегодня письмо на этотъ счетъ отъ Жанти (Genty), который сообщитъ вамъ, чего я желаю. Священникъ Смирновъ выполнитъ ваше порученіе относительно звѣзды. Обнимаю васъ и пр.

11.

Лондонъ, 28 Октября н. с. 1817 г.

Нашъ огромный караванъ тронется съ мѣста въ будущую Субботу, 1-го Ноября и такъ какъ онъ состоитъ слишкомъ изъ пятнадцати лицъ, въ томъ числѣ изъ пяти дѣтей и между ними одинъ грудной ребенокъ, то мы намѣрены подвигаться весьма медленно; и вмѣсто того, чтобы добраться до Парижа въ четыре дня, мы совершимъ эту поѣздку въ восемь дней и то если не случится ничего неблагопріятнаго ни съ нами, ни съ нашими экипажами по лучшей дорогѣ во всей

Франціи, которая все таки не можетъ равняться съ Англійскими самыми совершенными въ мірѣ, какъ вы вѣроятно и сами хорошо помните.

Жанти писалъ мнѣ, что онъ нанялъ мнѣ указанную и избранную вами квартиру; такъ какъ она расположена въ самой удобной для меня мѣстности, вблизи отъ Михаила, не вдалекѣ отъ князя Кастельчикала и что̀ всего пріятнѣе близко отъ помѣщенія, которое вы будете занимать, то я тысячу разъ благодарю васъ, мой добрый другъ, за то, что вы мнѣ пріискали такое жилище, которое соединяетъ въ себѣ столько пріятныхъ для меня условій. Меня только тревожитъ, что̀ я прочелъ вчера въ одной изъ Парижскихъ газетъ, будто вы заняли для себя отель Монтебелло; а такъ какъ я не знаю этого отеля, ни той мѣстности и ни той улицы, въ которой онъ находится, то боюсь, чтобы онъ не оказался весьма отдаленнымъ отъ Вандомской площади. Если вы захотите успокоить меня на этотъ счетъ, то пришлите мнѣ нѣсколько строкъ черезъ князя Кастельчикала, въ Кале или Булонь, съ сохраненіемъ на почтѣ, впредь до востребованія.

Надѣюсь, что графиня, всѣ ваши дѣти и вы сами находитесь въ добромъ здоровьи и что вашъ старшій сынъ укрѣпился въ силахъ, благодаря отдыху, которымъ онъ теперь пользуется. Если легкія не повреждены, то одышка—просто слѣдствіе слабости. Ожидаю съ нетерпѣніемъ той минуты, когда познакомлюсь со всею семьею лучшаго изъ друзей, которому я столько обязанъ и пр.

12.

Лондонъ, 11 (23) Іюня 1818 г.

Ваше письмо изъ Парижа, отъ 9 Іюня, не доставило мнѣ того удовольствія, съ которымъ я обыкновенно получаю ваши письма, мой добрый другъ. Мнѣ не нравятся эти столь часто возобновляющіеся припадки болѣзни, хотя и неизлѣчимой къ несчастію, но противъ которой имѣются извѣстныя средства, для утоленія ея мучительныхъ проявленій и смягченія ихъ на столько, чтобы существованіе не сдѣлалось тревожнымъ и невыносимымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы, по пріѣздѣ вашемъ сюда, вы посовѣтовались съ однимъ изъ знаменитыхъ Ескулаповъ, которыми эта страна изобилуетъ; потому что вашъ Галль, съ его теоріею о черепѣ, мнѣ кажется просто хвастунъ. Я также очень сожалѣю, что графъ Сергѣй, во цвѣтѣ лѣтъ, такъ страдаетъ отъ разстройства нервовъ и обреченъ на постоянное болѣзненное состояніе, столь несвойственное молодому человѣку. Оно также заслуживало бы совѣщанія съ опытными врачами.

Я не жалуюсь, что вы отложили вашу поѣздку въ Англію; если бы вы осуществили ваше первоначальное намѣреніе, то бы очутились здѣсь (вы именно этого не желали) во время пребыванія Великаго Князя въ Лондонѣ, что̀ всегда болѣе или менѣе стѣснительно. Къ тому же у насъ теперь открылась болѣзнь, которая господствуетъ во всей странѣ; она сопровождается и благопріятными и вредными явленіями, но въ большей части случаевъ исходъ ея благопріятенъ, и потому ея проявленіе терпѣливо сносится въ теченіи пяти или шести недѣль, черезъ каждыя шесть или семь лѣтъ. Вы понимаете, что я разумѣю подъ этимъ всеобщіе выборы (elections générales). Въ это время не найдешь ни почтовыхъ лошадей, ни пріюта въ гостинницахъ тѣхъ городовъ, гдѣ производятся выборы. Единствен-

ное средство путешествовать теперь, это въ дилижансахъ съ ночлегами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ избирательныхъ собраній. Впрочемъ все это должно кончиться черезъ двѣ недѣли.

Моя дочь уѣхала сегодня навѣстить одну свою пріятельницу въ деревнѣ; оттуда она отправится въ Брайтонъ повидаться съ своими дѣтьми, которыхъ она послала туда, чтобы они пользовались здоровымъ морскимъ воздухомъ и чтобы маленькая Катя могла подкрѣпить силы купаньемъ. Эта крошка тамъ процвѣтаетъ и очень любитъ море, по словамъ миссъ Торнель, ея гувернантки. Недѣли черезъ двѣ дѣти отправятся въ Вильтонъ, а Катенька вернется сюда на нѣсколько дней; послѣ чего и мы уѣдемъ въ Вильтонъ, откуда я тотчасъ возвращусь, какъ только узнаю, что вы прибыли въ Кале. Мы вмѣстѣ осмотримъ все чтò заслуживаетъ вниманія и чтò совершено здѣсь со времени Вашего пребыванія въ Лондонѣ; мы нѣсколько ознакомимся съ окрестностями и черезъ Сугамптонъ отправимся въ Вильтонъ. Моя дочь и ея мужъ съ величайшимъ удовольствіемъ предоставятъ въ ваше распоряженіе свой домъ и все помѣстье, которое вы найдете совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ вы его прежде видѣли. Мы надѣемся, что полковникъ Орловъ будетъ васъ сопровождать, кланяйтесь ему отъ меня. Почему бы вамъ не привести съ собою графа Сергѣя?

Нашъ юный Великій Князь [1] добродушный ребенокъ; солдатчина—его господствующая страсть, которую привили ему съ дѣтства. Слѣдовало-бы продержать его здѣсь (чтò невозможно) года четыре или лѣтъ пять, чтобы излечить. Но у насъ не допустятъ его проникнуться Англійскими понятіями, столь противоположными тѣмъ евангельскимъ началамъ, съ помощью которыхъ у насъ страна управляется.

Мой привѣтъ всему вашему семейству; но милаго Андрюшу поцѣлуйте особенно нѣжно за меня. Я очень тронутъ и благодаренъ ему за то, что онъ меня помнитъ, спрашиваетъ, когда я пріѣду и предлагаетъ себя въ чтецы для меня. Это доказываетъ, что онъ меня любитъ, и я плачу ему тѣмъ же.

Кочубей вѣроятно поспѣшитъ сообщить своему правительству всю массу административныхъ и законодательныхъ познаній, заимствованныхъ имъ у самой просвѣщенной, самой благоразумной, самой нравственной націи, словомъ у единственной великой націи!

Великій Князь положительно одаренъ однимъ прекраснымъ свойствомъ—онъ чистосердеченъ и не сердится, когда смѣются надъ его страстью къ парадамъ.

13.

Лондонъ, 16 Іюля н. с. 1818 г.

Такъ какъ я не желаю предполагать, что вы отказались отъ намѣренія доставить мнѣ удовольствіе увидѣть васъ здѣсь, обнять васъ и навѣки проститься съ вами въ здѣшнемъ мірѣ, который служитъ намъ лишь временнымъ жилищемъ; то и прошу васъ, мой добрый другъ, обдумать предположенную вами поѣздку сюда. Великій Князь долженъ былъ сегодня уѣхать, чтобы совершить свой объѣздъ внутри государства, и мнѣ кажется, что онъ уже отбылъ; онъ вернется сюда не ранѣе, какъ черезъ семь недѣль. Я надѣюсь, что вы не будете откладывать вашего путеше-

---

[1] Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

ствія и прибудете сюда въ началѣ Августа. Чтобы не быть ограбленнымъ въ Кале, совѣтую вамъ не останавливаться у прославленнаго Кильяка, а у Дюкрока, *отель Бурбонъ*. Михаилъ снабдитъ васъ письмомъ къ г. Пиго - Моберліякъ, который будетъ вамъ полезенъ на случай какихъ либо затрудненій и также дастъ вамъ письмо къ одному Англійскому морскому капитану, наблюдающему за перевозкою Англійскихъ войскъ; онъ отличный человѣкъ, очень услужливъ, укажетъ вамъ лучшій пароходъ и сообщитъ, сколько вамъ слѣдуетъ заплатить за проѣздъ; потому что, если сами станете уговариваться съ капитаномъ, онъ непремѣнно запроситъ съ васъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Вамъ совершенно не нужно брать для себя отдѣльный пароходъ. Вамъ также будетъ хорошо, если вы возьмете только по одному мѣсту для себя и для вашихъ людей, отчего переѣздъ обходится дешевле. Въ Дуврѣ совѣтую вамъ лучше остановиться въ *отель Іоркъ*, гдѣ менѣе грабятъ и какъ только вы вступите на берегъ, то отправьтесь къ г. Виксъ, въ таможнѣ (Custom House) къ которому прилагаю при семъ письмо. Онъ очень образованный, очень усердный человѣкъ, который непремѣнно самъ отправится въ таможню, чтобы присутствовать при вскрытіи вашихъ вещей и самъ же ихъ оттуда выручитъ. Онъ исполняетъ всѣ мои порученія при моихъ частыхъ переѣздахъ между Кале и Дувромъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда я выписываю какія либо вещи изъ Франціи. Но я васъ въ особенности прошу извѣстить меня, когда вы выѣдете изъ Парижа, чтобы я могъ быть въ Лондонѣ къ вашему пріѣзду. Прежде всего увѣдомьте меня, кто именно будетъ васъ сопровождать, чтобы я могъ знать, сколько постелей слѣдуетъ приготовить въ томъ помѣщеніи, которое вы займете въ Лондонѣ.

Только отъ васъ, любезный другъ, и могу я получить ясное понятіе о томъ, что̀ совершается въ столицѣ великой Французской Имперіи. Французскія газеты рѣшаются высказывать свои мысли лишь въ томъ духѣ, который имъ дозволяется; и Англійскія газеты также неудовлетворительны: первыя на содержаніи у Парижской полиціи, а вторыя получаютъ свои свѣдѣнія отъ Англичанъ, которые криво видятъ все что̀ видятъ и собираютъ всѣ свои новости въ кофейныхъ Пале-Рояля и на бульварахъ.

Я посылаю нѣсколько пустыхъ порученій къ Жанти и прошу васъ заплатить ему за меня, а я вамъ возвращу это здѣсь. Мое почтеніе всему вашему семейству и поцѣлуйте за меня милаго моего друга Андрюшу. Обнимаю васъ отъ души. Моя дочь съ мужемъ и дѣтьми три дня какъ въ Вильтонѣ, а дней черезъ пять и я къ нимъ присоединюсь.

14.

Вильтонъ, 5 (17) Августа 1818 г.

Сперва вы мнѣ обѣщали въ Парижѣ, что пріѣдете сюда въ Іюнѣ, потомъ въ Іюлѣ; послѣ того, въ письмѣ вашемъ отъ 8 Іюля, вы мнѣ сообщили, что выѣзжаете изъ современнаго Вавилона, между 10-мъ и 15-мъ; а теперь вдругъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа, пишите мнѣ, что я васъ увижу въ Англіи до конца этого мѣсяца. Всѣ эти перемѣны и эта неопредѣленность меня тревожатъ, мой добрый другъ; увѣдомьте меня, имѣете ли вы въ виду что-нибудь положительное относительно времени вашего пріѣзда

къ намъ. Такъ какъ я здѣсь совсѣмъ поселился, то не тронусь отсюда и прошу васъ, по прибытіи въ Лондонъ, остановиться тамъ лишь для ночлега и прямо пріѣхать сюда, гдѣ моя дочь и мужъ ея ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ. Здѣсь въ окрестностяхъ можно увидѣть кое-что любопытное, и потомъ я отправлюсь съ вами въ Лондонъ, чтобы познакомить васъ съ нѣкоторыми лицами, которыя желаютъ съ вами познакомиться и которыя живутъ вблизи города, какъ напримѣръ лордъ Гренвиль и другіе. Вамъ остается только написать Смирнову на счетъ квартиры, безъ которой впрочемъ вы очень могли бы обойтись на одну или двѣ ночи въ томъ случаѣ, если вы одобрите мое предположеніе о немедленномъ пріѣздѣ въ Вильтонъ; тогда для васъ лучшимъ пристанищемъ можетъ служить Портландскій ресторанъ (Portland-Café-House), въ сосѣдствѣ съ графомъ Ливеномъ, съ моимъ домомъ и не вдалекѣ отъ почтеннаго Смирнова. Тотчасъ по прибытіи вашемъ, возвѣстите о томъ въ моемъ домѣ, и немедленно къ вамъ явится Сусловъ, который нѣчто въ родѣ моего дворецкаго и который будетъ служить вамъ, если не съ такою сметливостью, то уже конечно не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ Жанти.

Опасаюсь, чтобы присутствіе нѣкоего Великаго Князя не побудило васъ отложить вашъ пріѣздъ; вы могли бы здѣсь быть до конца Августа, а Великій Князь не явится въ Вильтонъ ранѣе 20 Сентября. Мое глубочайшее почтеніе вашимъ дамамъ; мой привѣтъ графу Сергѣю, поцалуйте за меня милаго Андрюшу. Напомните обо мнѣ полковнику Орлову. Кстати объ Орловѣ: спросите его, прошу васъ, какъ идетъ дѣло о напечатаніи „Исторіи Неаполя“, составленной однимъ изъ его родственниковъ, который вѣроятно прибудетъ въ Парижъ, чтобы наблюдать за ея изданіемъ. Катенька съ мужемъ вамъ кланяются. Напомните обо мнѣ при свиданіи герцогу Ескаръ, маршалу Віомениль, графу Бартелеми, генералу Андреоси. Прощайте или скорѣе до свиданія и пр.

15.

Вильтонъ-Гаусъ, 1 Октября н. с. 1818 г.

Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 10 числа прошлаго мѣсяца, полученное мною вчера, могу васъ увѣрить, что, не взирая на все мое желаніе васъ видѣть, я первый готовъ дать вамъ совѣтъ не покидать то мѣсто, гдѣ вы находитесь и не подвергать себя опасности взволновать по дурнымъ дорогамъ кровь, что̀ весьма опасно при той болѣзни, отъ которой вы страдаете. Надѣюсь, что вы созывали на консультацію трехъ или четырехъ лучшихъ Парижскихъ докторовъ; у насъ въ Россіи существуетъ добрая пословица: „одинъ умъ хорошъ, а два лучше!“ Главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы получить облегченіе, не прибѣгая къ операціи; а для этого-то именно и нужна консультація. Только съ помощью наружныхъ и внутреннихъ средствъ, освѣжающей діэты, совершеннаго покоя, отсутствія по возможности всякаго движенія, хоть сколько-нибудь напряженнаго или продолжительнаго, вы можете ощутить значительное облегченіе безъ операціи, и быть можетъ даже и совершенно оправиться, обрекши себя вполнѣ спокойному образу жизни и легкой пищѣ.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что̀ толкуютъ о предполагаемомъ пріѣздѣ трехъ Монарховъ въ Парижъ, послѣ мнимаго окончанія ими своей задачи. Ихъ пребываніе не можетъ быть про-

должительно, такъ какъ надобно полагать, что они не отложатъ на долго возвращеніе свое домой, ради этой поѣздки, и потому вамъ не предстоитъ другаго труда кромѣ представленія Государю, по его пріѣздѣ. Онъ узнаетъ, что вы больны и уволитъ васъ отъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

Только по письму барона Николаи, который былъ здѣсь съ Великимъ Княземъ и то лишь по возвращеніи ихъ въ Лондонъ, узналъ я, что вдовствующая Императрица, которая вполнѣ руководитъ путешествіемъ своего младшаго сына, писала ему, что онъ можетъ уѣхать изъ Лондона черезъ десять дней и что по прибытіи въ Кале, если онъ узнаетъ, что великій князь Константинъ Павловичъ въ Мобёжѣ, то и онъ долженъ присоединиться къ нему, оттуда проѣхать въ Аахенъ и затѣмъ въ Брюссель, куда и она сама прибудетъ къ тому времени. Безъ этого письма я бы не узналъ, что и великимъ княземъ Костантиномъ Павловичемъ овладѣла страсть къ путешествіямъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что кромѣ его званія главнокомандующаго Польскою арміею, онъ еще на дняхъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ четырехъ или пяти лучшихъ губерній Россіи, гдѣ разумѣется пропасть дѣла, особенно въ началѣ, при организаціи этого пашалыка.

Замѣчательно, какимъ образомъ творится судъ во Франціи. Этотъ знаменитый заговоръ, о которомъ возвѣщали съ такимъ трескомъ въ Англіи, во Фландріи и въ Германіи почти въ то же время и даже ранѣе чѣмъ въ Парижѣ, до сихъ поръ еще не обнаружилъ ничего такого, что̀ могло бы удовлетворить всеобщія ожиданія. Правда, одна важная цѣль уже достигнута: удалось возобновить гнуснѣйшія клеветы противъ всего, что̀ есть священнѣйшаго для Франціи. Дай Богъ, чтобы тѣ, которые пускаютъ въ ходъ подобныя средства, не превратились сами же въ раздувателей пламени, способнаго вновь объять Францію и истребить поджигателей безъ пощады и предавъ ихъ проклятію—какъ орудіе для возобновленія тѣхъ неистовствъ и опустошеній, которыя могутъ повториться въ цѣломъ мірѣ лишь среди этой несчастной націи.

Очень радъ, что графъ Сергѣй чувствуетъ себя лучше и развлекается чтеніемъ Тасса — величайшаго эпическаго поэта, который когда-либо существовалъ. Мое почтеніе графинѣ и вашимъ дочерямъ; мой поклонъ гр. Сергѣю и поцѣлуйте за меня милаго Андрюшу. Черезъ двѣ недѣли собираюсь въ Лондонъ, гдѣ пробуду пятьнадцать дней; потомъ вернусь сюда и проведу здѣсь зиму. Моя дочь, мужъ ея и мадемуазель Жардинъ благодарятъ за память и просятъ ихъ не забывать.

Боюсь, чтобы Михаилъ не совершилъ какихъ-нибудь промаховъ на вахтъ-парадахъ великаго князя Константина Павловича. Если онъ будетъ недоволенъ, то повредитъ корпусу и навлечетъ на него неудовольствіе со стороны старшаго брата.

Мой привѣтъ Павлу Васильевичу * и если вы увидите его дочь, то поцѣлуйте ее за меня. Я любилъ ея мать, на которую она походитъ.

17.

Вильтонъ, 6 Ноября н. с. 1818 г.

Это письмо будетъ вамъ вручено, любезнѣйшій графъ, моимъ старымъ другомъ г-мъ Лансъ. Онъ совершилъ путешествіе по Фландріи, Швейцаріи,

---

* Чичагову. *П. Б.*

Италіи, былъ въ Парижѣ, откуда завернулъ сюда на нѣсколько дней по дѣламъ, оставивъ жену въ Парижѣ, гдѣ онъ намѣренъ пробыть нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть и до весны. Я не хотѣлъ разстаться съ нимъ, не оказавъ ему участія, которое я въ немъ принимаю, и я не могъ лучше оказать ему мое желаніе быть ему полезнымъ, какъ доставивши ему случай сдѣлаться вамъ извѣстнымъ.

Рекомендуя вамъ г. Ланса, я увѣренъ, мой добрый другъ, что вы останетесь довольны знакомствомъ съ нимъ. Онъ долго пробылъ въ Китаѣ, по дѣламъ Индійской компаніи и, вернувшись оттуда, поселился въ Сугамптонѣ, гдѣ я и подружился съ нимъ въ 1800 году. Нѣсколько лѣтъ спустя, Остиндская компанія, находя, что ея дѣла въ Макао и Кантонѣ ведутся плохо и въ большомъ безпорядкѣ, просила его вновь туда отправиться, чтобы устранить всѣ злоупотребленія и привести дѣла въ порядокъ. Она предложила ему пробыть тамъ одинъ годъ, облекла его самыми обширными полномочіями съ уплатою всѣхъ его расходовъ какъ на пути, такъ и во время пребыванія его въ Макао и Кантонѣ и съ вознагражденіемъ въ 10.000 фунт. стерл. за его труды. Онъ изъявилъ согласіе, отправился туда и по истеченіи условленнаго срока вернулся, устроивъ дѣла въ лучшемъ видѣ, къ совершенному удовольствію и выгодѣ компаніи. На обратномъ пути съ нимъ приключился весьма странный случай: онъ находился на одномъ изъ купеческихъ кораблей компаніи, которымъ командовалъ старшій изъ капитановъ, начальствовавшій надъ всѣми судами, плывшими вмѣстѣ. Въ Индійскомъ океанѣ на нихъ напала эскадра Бонапартовскаго флота подъ командою Французскаго адмирала, находившагося на 80-ти пушечномъ кораблѣ „Маренго“. Торговыя суда защищались такъ упорно, что Французскій адміралъ былъ вынужденъ обратиться въ бѣгство.

Вамъ уже должно быть извѣстно все то, что̀ происходило въ Валансіенѣ и Мобёжѣ, любезный другъ. Въ какой степени удалось хорошо зарекомендовать Михаила въ глазахъ Его Императорскаго Величества и въ какой мѣрѣ нашъ Августѣйшій Монархъ отнесся сочувственно къ тѣмъ трудамъ, которые потрачены моимъ молодцомъ въ продолженіи трехъ лѣтъ и къ тѣмъ 300.000 слишкомъ, которые употреблены имъ изъ собственныхъ средствъ—очевидно изъ того, что онъ ему далъ орденъ св. равноапостольн. Владиміра 1-й степени. Я никакъ не могъ ожидать подобной чрезвычайной милости, тѣмъ болѣе, что, уже пять лѣтъ тому назадъ, онъ пожаловалъ ему за Лейпцигское сраженіе св. Александра Невскаго. Надобно полагать, что Его Императ. Величество соображается не только съ достоинствами, но даже и съ личными вкусами тѣхъ, кого считаетъ нужнымъ награждать и что имъ замѣчена въ характерѣ Михаила положительная наклонность къ орденамъ: потому что за Бородинское сраженіе онъ былъ удостоенъ брилліантовыхъ знаковъ ордена св. Анны, который онъ уже имѣлъ за какое-то сраженіе въ Турціи. Какъ все это утѣшительно!

Прошу васъ меня увѣдомить, видѣли ли вы Государя въ Парижѣ. Его Величество провелъ тамъ лишь нѣсколько часовъ, изъ которыхъ главную часть въ Тюльери; такъ что легко могло случиться, что ни одному Русскому не удалось имѣть счастье повергнуть къ его стопамъ свою почтительнѣйшую преданность...

Каковъ вашъ образъ жизни, кого вы видаете чаще другихъ? Остаетесь ли вы вѣрны театру „Variétés", не смотря на отсутствіе Потье? Что онъ подѣлываетъ „à la Porte-Saint-Martin?" Когда увидите герцога д'Ескаръ, то напомните ему обо мнѣ, а равно и Жерару, художнику. Подвигается ли его картина, первоначальный очеркъ который мы съ вами видѣли? Продолжаете ли вы пріобрѣтать картины и рисунки? Кланяйтесь отъ меня полковнику Орлову.

Не могу не сообщить вамъ, что нашъ добрый Михаилъ писалъ ко мнѣ на другой день послѣ отъѣзда Государя изъ Мобёжа; повидимому онъ вполнѣ доволенъ приказомъ, подписаннымъ Государемъ въ Валансіенѣ, въ день большихъ маневровъ, тѣми лестными словами, которыхъ его удостоили и въ особенности тѣмъ, чего ему удалось добиться для генераловъ Лисаневича и Понсета. Относительно же ордена св. Владиміра, онъ пишетъ только слѣдующее: „*Государь соблаговолилъ прислать мнѣ орденъ св. Владиміра 1-й степени.*" Могу васъ увѣрить, что по тону его письма видно, что онъ вполнѣ доволенъ; приказъ по войскамъ и въ особенности милости, оказанныя его генераламъ, очень его обрадовали. Я читалъ письмо, писанное изъ Аахена, въ которомъ говорится, что, не взирая на всю мелочную строгость, съ которою смотръ производился, Государь остался очень доволенъ. Тѣмъ болѣе причинъ для Михаила, чтобы считать себя удовлетвореннымъ.

Одинъ лишь добрый другъ мой князь Кастельчикала недоволенъ тѣмъ, что происходило въ Мобежѣ, какъ я вижу изъ его письма, полученнаго мною сегодня.

Моя дочь и ея мужъ посылаютъ вамъ свой привѣтъ; намъ не хочется отказаться отъ удовольствія видѣть васъ въ Англіи будущею весною. Обнимаю васъ и пр.

18.

Лондонъ, 17 Января 1819 года.

Немедленно по прибытіи сюда сегодня изъ Вильтона, я узналъ, что г. Поггенполь отправляется черезъ нѣсколько часовъ курьеромъ въ Парижъ; этотъ случай слишкомъ удобенъ, чтобы не воспользоваться имъ и не написать къ вамъ, мой добрый другъ, начавъ свое письмо съ самыхъ искреннихъ пожеланій, да начинающійся годъ окажется для васъ счастливѣе прошлаго и принесетъ вамъ бодрое и надежное здоровье, на сколько оно возможно для нашей немощной природы. Вамъ положительно недостаетъ одного здоровья; остальнымъ, при вашемъ умѣ и высокихъ чувствахъ, вы должны быть довольны: служба, слава, безукоризненная совѣсть, все это принадлежитъ вамъ нераздѣльно. Напрасно всѣ благонамѣренные Русскіе стали бы сожалѣть, что вы обречены скитаться на чужбинѣ, вмѣсто того, чтобы подвизаться для блага родины съ подобающимъ вамъ довѣріемъ и вліяніемъ; это сожалѣніе оказалось бы, излишнимъ, какъ всякая несбыточная мечта. Нужно только знать возвышенность вашей души и тѣхъ, кому бы слѣдовало искать вашего содѣйствія (столь полезнаго для ихъ собственной славы) чтобы убѣдиться въ невозможности успѣха для васъ; и потому избранный вами образъ дѣйствій самый благоразумный и достойный. Вамъ остается только въ качествѣ зрителя наблюдать за игрою актеровъ и, смотря по игрѣ, свистать или рукоплескать имъ. Вдали отъ театра дѣйствій, вамъ

удобнѣе будетъ судить въ общихъ чертахъ о плохихъ представленіяхъ, дурно игранныхъ и еще болѣе искаженныхъ слабою игрою актеровъ; но вы будете избавлены отъ непріятнаго созерцанія тѣхъ мелочныхъ подробностей, которыя производятъ еще болѣе возмутительное впечатлѣніе.

За то вы находитесь въ первыхъ рядахъ, чтобы видѣть, какъ разыгрываются комедіи тамъ, гдѣ вы теперь находитесь; никакія подробности не могутъ ускользнуть отъ васъ, и потому я прошу васъ сообщать мнѣ, насколько возможно, чего слѣдуетъ ожидать въ будущемъ отъ этой безпутной, чванливой и въ конецъ развращенной націи. Какую роль играетъ Кремпенъ во всемъ этомъ? При его страсти вмѣшиваться всюду, едва-ли онъ можетъ оставаться сложа руки. Съ возвращающимся Поггенполемъ, который пробудетъ въ Парижѣ только дня два или три, вы совершенно безопасно можете мнѣ отвѣчать.

19.

Лондонъ, 29 Января 1819 г.

Г. Гамильтонъ доставилъ мнѣ, любезный другъ, ваше письмо отъ 4-го и то, которое вы мнѣ писали девять или десять недѣль тому назадъ. Мы сошлись съ вами въ мысляхъ, и въ то время, какъ вы мнѣ писали весьма недовольнымъ тономъ о результатѣ смотровъ въ Валансіенѣ, я говорилъ вамъ въ томъ же духѣ объ орденѣ св. Владиміра. Вотъ почему я и не отвѣчалъ вамъ, такъ какъ мы предварительно уже высказались на этотъ счетъ, и я очень хорошо помню, что въ другомъ моемъ письмѣ, вскорѣ послѣ того написанномъ, я уже не коснулся этой странной награды лентою съ красными и черными полосами. Нашъ молодецъ, положительно добрый малый, съ свѣтлою головою и добрымъ сердцемъ, не счелъ себя вправѣ жаловаться и даже почитать себя обиженнымъ; онъ только радовался, что достигъ всего того, чего домогался, а онъ домогался многаго. Если бы его произвели, то сочли бы себя вправѣ отказать ему въ большей части наградъ, просимыхъ имъ для тѣхъ, кто служилъ подъ его начальствомъ, и его сокрушила бы мысль, что, въ глазахъ большинства, онъ прослылъ бы человѣкомъ на столько польщеннымъ собственнымъ производствомъ, что мало заботился о другихъ и весьма слабо ходатайствовалъ за нихъ передъ Государемъ. Мнѣ говорятъ, что герцогъ Веллингтонъ принялъ болѣе къ сердцу, чѣмъ Михаилъ, это невниманіе къ его заслугамъ и что, по возвращеніи своемъ въ Англію, онъ высказывался на этотъ счетъ. Онъ просилъ принца Валлійскаго пожаловать Михаила кавалеромъ военнаго ордена Бани 1-й степени.

Я не могу до сихъ поръ уяснить себѣ поведеніе Великаго Князя Константина Павловича относительно моего сына, который въ то время писалъ мнѣ, что онъ остался очень доволенъ. Полковникъ Д. Нарышкинъ также писалъ мнѣ, что Великій Князь былъ весьма доволенъ всѣмъ, что̀ видѣлъ въ Мобежѣ и Валансіенѣ; но многіе изъ здѣшнихъ и изъ бывшихъ въ Аахенѣ утверждаютъ, что, уѣзжая оттуда на смотры, всѣ, начиная съ владыки и кончая послѣднимъ лакеемъ (и много даже генераловъ съ лакейскими душами) были предубѣждены противъ бѣднаго главнокомандующаго и предводимыхъ имъ во Франціи войскъ, разсчитывая, что все, что̀ они увидятъ, будетъ негодно, дурно одѣто (главная статья!), плохо содержано, безъ ди-

сциплины, при полномъ незнаніи знаменитыхъ маневровъ великаго....; словомъ войска, недостойныя Русскаго имени. Отнеслись весьма снисходительно къ главному вопросу о недостаточно вытянутыхъ носкахъ; а всѣмъ прочимъ повидимому остались довольны. Но, кажется, сдѣлалось совѣстно въ мнѣніи на счетъ достоинства войскъ, ихъ генераловъ и корпуснаго командира расходиться съ герцогомъ Веллингтономъ, который не переставалъ ихъ расхваливать, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ и восхищаться ихъ маневрами. Столь рѣшительно высказанное мнѣніе со стороны величайшаго полководца нашего времени, замкнуло уста всѣмъ завистникамъ и вынудило Государя милостиво отнестись къ войскамъ и ихъ начальнику. Онъ весьма лестно отозвался о немъ и обѣщалъ дать ему почетное и пріятное назначеніе; это мы еще увидимъ. Если Великій Князь Константинъ Павловичъ не былъ доволенъ, какъ мнѣ кажется (потому что я не слыхалъ о томъ ни отъ кого изъ бывшихъ въ Мобежѣ и Валансіенѣ), то меня это не удивляетъ, потому что онъ придерживается совершенно противуположной съ Михаиломъ системы: у послѣдняго палки не употребляются, а у перваго нѣтъ иной мысли какъ палки и все палки. Они думаютъ, что только съ ихъ помощью можно имѣть дѣло съ людьми, всему ихъ выучить и что безъ этого всемогущаго и чуднаго средства никакой успѣхъ невозможенъ. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, что̀ этотъ сердечный Князь дѣлалъ и говорилъ и высказывался ли онъ въ Парижѣ на счетъ Мобежа и Валансіена.

Мнѣ всегда особенно пріятно видѣть, что мы съ вами сходимся въ мысляхъ. Я совершенно съ вами согласенъ, что, подрывая монархическое начало закономъ о выборахъ, о рекрутскомъ наборѣ и объ организаціи національной гвардіи на всемъ протяженіи Франціи и лишивъ „Monsieur“ дѣйствительнаго начальства надъ арміею, подготовляютъ паденіе Монархіи; и что король, даже безъ особенныхъ усилій, можетъ оказаться низверженнымъ съ престола, на коемъ возсѣдаетъ такъ не твердо и такъ шатко, что достаточно толкнуть его пальцемъ въ спину, чтобы онъ слетѣлъ, не возбудивъ этимъ ни малѣйшаго удивленія. Если бы государи обдумывали и болѣе взвѣшивали свѣдѣнія, сообщаемыя ихъ агентами, то имъ слѣдовало бы убѣдиться или въ томъ, что ихъ жестоко обманули и ввели въ заблужденіе увѣреніемъ, будто вышеприведенные законы послужатъ новымъ основаніемъ къ спокойствію Франціи или что ихъ агенты—глупцы.

А между тѣмъ Поццо-ди-Борго именно за законъ о выборахъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и обошелъ двѣсти генералъ-маіоровъ!

Теперь, когда этотъ человѣкъ уже набилъ свои карманы, онъ можетъ откланяться Императору Александру, и мы вѣроятно увидимъ его при предстоящихъ революціяхъ разыгрывающимъ различныя роли, или по честолюбію или по скупости, потому что многіе, коротко его знающіе, утверждаютъ, что онъ скупѣе аббата Сіеса.

Не могу кончить, не поблагодаривъ васъ, мой добрый другъ, за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ, изъ коего я вижу, что въ будущемъ Мартѣ мѣсяцѣ настанетъ столь желанный мною срокъ вашего пріѣзда сюда. Да вознаградитъ васъ Богъ за то удовольствіе, которое доставило мнѣ это обѣщаніе. Прощайте и пр.

20.

Лондонъ, 26 Февраля 1819 г.

Вы уже вѣроятно узнали отъ князя Кастельчикала причину, по которой Михаилъ не могъ повѣрить ни ему, ни вамъ задуманное имъ намѣреніе обратиться письменно къ матери той личности, которая казалась ему способною составить его счастіе, чтобы узнать, отдала ли уже ея дочь свое сердце кому-либо другому или, если оно еще свободно, согласна ли она будетъ выдти за него замужъ и пожелаетъ ли ея мать назвать его своимъ зятемъ? Отправивъ это письмо въ самую минуту своего отъѣзда изъ Парижа, онъ ожидалъ здѣсь отвѣта съ величайшимъ нетерпѣніемъ, не будучи увѣренъ, что онъ будетъ благопріятенъ, въ томъ случаѣ, если эта молодая особа уже чувствовала прежде сердечную склонность къ другому. Отвѣтъ прибылъ сюда шесть дней послѣ его пріѣзда и вполнѣ согласовался съ его желаніями. Онъ ни разу не писалъ ко мнѣ изъ Парижа на этотъ счетъ, потому что ему хорошо извѣстно, что я никогда не желалъ дѣйствовать на моихъ дѣтей въ дѣлѣ столь важномъ, какъ ихъ бракъ, полагаясь на ихъ благоразуміе гораздо болѣе, чѣмъ на мое собственное; а такъ какъ онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, то и хотѣлъ сообщить мнѣ о томъ лишь по пріѣздѣ сюда. Я доволенъ, даже очень доволенъ, видя его влюбленнымъ въ такую особу, о которой я слышалъ много хорошаго съ разныхъ сторонъ. Я опасался, чтобы независимое положеніе холостяка не слишкомъ подѣйствовало на его характеръ и не сдѣлало бы его неспособнымъ ко всякой перемѣнѣ; а потому я въ восхищеніи, что онъ возъимѣлъ подобное намѣреніе и что ничто не препятствуетъ его счастью, которое въ тоже время и мое.

Вы вѣроятно не удивитесь, мой добрый другъ, что я васъ прошу отложить вашу поѣздку въ Англію до половины Мая, потому что я предполагаю прибыть въ Парижъ въ концѣ Апрѣля и пробуду тамъ три недѣли, послѣ чего мы можемъ вмѣстѣ вернуться сюда и, нѣсколько времени спустя, Михаилъ съ женою также къ намъ присоединятся. Вы застанете здѣсь самую лучшую пору; Парламентъ еще въ сборѣ, окрестности Лондона блестящими и сельскіе виды въ полной ихъ красѣ.

21.

Лондонъ, 2 Марта 1819 г.

Въ тотъ день, когда я писалъ мое послѣднее письмо, голова моя была еще въ бо́льшемъ безпорядкѣ, чѣмъ обыкновенно, а это не бездѣлица, и потому я перепуталъ время, числа измѣняющихся праздниковъ нынѣшняго года и вообразилъ себѣ, что уже насталъ Мартъ мѣсяцъ; однимъ словомъ я обнаружилъ полное отсутствіе разсудка и большую необдуманность, что̀ составляетъ принадлежность дѣтей и старика „rimbambinito“ (впадшаго въ дѣтство) какъ говорятъ Итальянцы. Богъ знаетъ, почему я вообразилъ себѣ, что Святая Недѣля наступитъ ранѣе въ этомъ году и что поэтому свадьба совершится еще въ концѣ Апрѣля. Прошу васъ отложить вашъ пріѣздъ въ Англію до конца Мая, такъ какъ я располагаю вернуться сюда къ этому времени: все это чистѣйшій вздоръ съ моей стороны. Прошу у васъ тысячу извиненій за всѣ эти натворенныя мною ошибки; но въ видѣ извиненія вспомните, что я доживаю свой семьдесятъ

шестой годъ, а это даетъ нѣкоторое право дѣлать глупости.

Прощайте, мой любезный другъ, да хранитъ васъ Господь; кланяйтесь всѣмъ вашимъ. Посылаю моему другу Андрюшѣ мостъ, который Михаилъ ему передастъ; ему останется только пріискать рѣку, чтобы примѣнить его къ дѣлу.

22.

Лондонъ, 29 Іюня 1819 г.

Вы довершили, мой добрый другъ, мое благополучіе вашимъ письмомъ, которое принесло мнѣ согласіе ваше, вашей супруги и графини Натальи на ходатайство моего племянника Митюши. Я вижу изъ его письма, что онъ внѣ себя отъ радости и повидимому выражается въ томъ же духѣ и въ своемъ письмѣ къ Михаилу, благодаря его столько же, сколько и меня за то, что мы его ободряли отважиться просить руки вашей дочери, въ которую онъ влюбленъ. Но онъ постоянно опасался что ему откажутъ. Наконецъ намъ съ Михаиломъ удалось его убѣдить, что, еслибы даже это и случилось, то онъ по крайней мѣрѣ не могъ бы упрекнуть себя, что не искалъ своего счастья; а если онъ получитъ согласіе, то закрѣпитъ его за собою навѣки; и теперь онъ въ полной радости. Я всегда любилъ Митюшу за его благородное поведеніе, его хорошія способности и любовь къ порядку. Искреннее расположеніе и довѣріе, питаемыя къ нему Михаиломъ, при которомъ онъ состоитъ уже слишкомъ семь лѣтъ, усилили мои добрыя чувства къ этому молодому человѣку. Я увѣренъ, что графиня Наталья Ѳедоровна будетъ счастлива и что онъ сдѣлается вашимъ третьимъ сыномъ. Еще усугубляетъ мое удовольствіе то, что къ дружбѣ, связывающей насъ въ теченіи 30 лѣтъ, дружбѣ, основанной съ моей стороны на глубокомъ уваженіи и признательности за драгоцѣнныя услуги, мнѣ оказанныя, присоединяются теперь узы родства; а въ нашъ вѣкъ эгоизма и невниманія ко всякому благородному и достойному чувству, во многихъ семействахъ попадаются родственники, которыхъ презираешь, и число тѣхъ, кого любишь и уважаешь и съ кѣмъ пріятно жить, рѣдко бываетъ значительно. И потому подобное пріятное приращеніе къ моимъ родственнымъ связямъ во многомъ способствуетъ къ усиленію моего семейнаго благополучія, которое одно и достойно вниманія на этомъ свѣтѣ. Примите-же вновь выраженіе моей благодарности, мой добрый другъ, за доставленное Митюшѣ счастіе; я надѣюсь, что послѣ свадьбы вы привезете сюда съ собою моего племянника и мою новую племянницу, съ которою я очень желаю ближе познакомиться [1].

Все что̀ вы мнѣ говорите о графѣ Сергѣѣ Ѳедоровичѣ, меня сильно тревожитъ на счетъ его здоровья; не слѣдуетъ терять времени: ему необходимо совершить поѣздку въ Италію, поселиться въ Пизѣ до Ноября мѣсяца и пробыть тамъ до Мая. Это самый здоровый климатъ во всей Европѣ для всякаго рода грудныхъ болѣзней.

Михаилъ совершаетъ поѣздку внутри страны и послѣ завтра прибудетъ въ Вильтонъ, куда я отправляюсь завтра утромъ. Мы останемся тамъ до половины Августа, послѣ чего всѣ вернемся сюда, потому что моя дочь долж-

[1] Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ, женившійся въ 1819 г. на графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Нарышкиной, скончался въ 1830 г. въ должности Таврическаго гражданскаго губернатора.

на родить въ Сентябрѣ, а ея акушеръ никогда не выѣзжаетъ изъ Лондона, гдѣ у него огромная практика. Мое почтеніе графинѣ и мой поклонъ вашимъ дѣтямъ. Поцѣлуйте за меня моего маленькаго друга Андрюшу и скажите ему отъ меня, что ему слѣдуетъ выучиться столькимъ иностраннымъ языкамъ, сколько ему удастся, чтобы перечесть, а въ случаѣ нужды и перевесть, для васъ тотъ избытокъ книгъ, которыя вы, по его мнѣнію, накупили. Поклонитесь отъ меня полковнику Орлову [2] и пр.

23.

Вильтонъ-Гаусъ, 1 Авг. 1819 г.

Вы меня очень обрадовали, любезный другъ, возвѣстивъ мнѣ въ вашемъ письмѣ, что съ будущею почтою вы уже назначите день вашего выѣзда изъ Парижа для прибытія въ здѣшнюю страну. Надѣюсь, что путешествіе принесетъ вамъ пользу, перемѣною воздуха и климата вообще, потому что въ Англіи, хотя зима и менѣе сурова, чѣмъ въ Парижѣ, но лѣто не такъ знойно; оттого и фрукты здѣсь не такъ хороши, какъ въ самыхъ сѣверныхъ полосахъ Франціи. Такъ какъ чрезмѣрный жаръ вредно дѣйствуетъ на геморой, то я надѣюсь, что вы будете останавливаться въ полдень до четырехъ часовъ и будете подвигаться только въ часы утренней и вечерней прохлады. По пріѣздѣ въ Дувръ, совѣтую вамъ отправиться въ отель „Іоркъ" и ночевать между Дувромъ и Лондономъ, въ Рочестерѣ, въ гостинницѣ „Корона", не дозволяя почтарямъ везти васъ въ другую потому что она лучшая, и видъ изъ нея великолѣпный. Въ Дуврѣ явится къ вамъ личность, именуемая мистеръ Виксъ, агентъ, котораго я, Михаилъ и лордъ Пемброкъ постоянно употребляемъ для надзора за вещами и полученія ихъ изъ таможни. Онъ очень дѣятельный господинъ и если при васъ не будетъ подобной личности, то всѣ ваши вещи перевернутъ верхъ дномъ и будутъ всячески придираться къ вамъ въ таможнѣ, какъ это творится во всѣхъ проклятыхъ таможняхъ, во всемъ мірѣ.

Благодарю васъ за ваши отвѣты на всѣ мои вопросы. Катинька, мужъ ея и Лиза благодарятъ васъ за память и радуются вашему скорому пріѣзду. Если вы прибудете въ Лондонъ до 10 числа, то еще можете насъ порадовать вашимъ пріѣздомъ сюда, потому что мы пробудемъ въ Вильтонѣ до 15 и уже никакъ не позднѣе 16 числа, потому что Катенька въ своей беременности такъ близка къ сроку, что спѣшитъ въ Лондонъ къ акушеру.

Все что̀ вы съ такимъ чувствомъ говорите мнѣ о вашихъ ощущеніяхъ при разлукѣ съ вашими двумя дочерьми, которыя вышли за мужъ на одной недѣлѣ, мною испытано еще въ сильнѣйшей степени, потому что у меня всего двое дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ разлученъ со мною въ теченіи шести лѣтъ, уже подвергался большимъ опасностямъ въ Грузіи и Эривани, и равно и подъ Пултускомъ и долженъ былъ вновь рисковать жизнью. При мнѣ оставалась только моя дочь, которая съ самаго дѣтства меня не покидала. Мой домъ сдѣлался мнѣ ненавистенъ, отъ ощущаемаго мною одиночества; три дня спустя я его бросилъ, чтобы бѣжать въ Брайтонъ и соединиться съ однимъ другомъ, покойнымъ Вортлеемъ, который,

---

[2] Отставной полковникъ Григорій Ѳедоровичъ Орловъ, лишившійся ноги подъ Бородинымъ. Онъ умеръ во Флоренціи въ 1853 г.

лишившись нѣсколько недѣль тому назадъ своей жены, также не могъ вынести пребыванія въ своемъ Лондонскомъ домѣ и отправился въ Брайтонъ, чтобы оставаться въ уединеніи, потому что въ Январѣ мѣсяцѣ въ этомъ городѣ почти совсѣмъ нѣтъ жителей. Два лица, тѣсно связанныя дружбою и удрученныя горемъ въ равной степени, болѣе чѣмъ когда либо сближаются другъ съ другомъ: взаимное участіе смягчаетъ нашу печаль. Его несчастіе было безвозвратно, но у него оставался женатый сынъ съ дѣтьми и двѣ дочери, изъ которыхъ младшая была замужемъ и также имѣла дѣтей, а такъ какъ онъ любилъ свою семью, то и пришлось о ней заботиться. Чтò до меня касается, то я весьма ясно сознавалъ, что несравненно лучше жить одному у себя, или въ обществѣ дочери, въ городѣ, или въ деревнѣ у нея, видя ее счастливою съ достойнымъ мужемъ, котораго даровало ей Провидѣніе и который искренно привязанъ къ ней, чѣмъ удерживать ее у себя въ домѣ, постоянно озабоченную тѣмъ чтò съ нею будетъ послѣ моей смерти; при ея сознаніи, что одной ей въ чужой странѣ оставаться нельзя и что въ Россіи она будетъ несчастлива: потому что братъ ея, находясь въ арміи, оставаться съ нею не можетъ, а отъ родственниковъ и родственницъ она ожидала мало утѣшенія при совершенномъ несогласіи ихъ взглядовъ и обычаевъ съ ея воспитаніемъ, ея правилами и ея образомъ жизни. Всѣ эти соображенія возстановили мое обычное равновѣсіе, и я благословлялъ судьбу за то счастіе, которымъ она пользовалась и доставила мнѣ своимъ замужствомъ. Только что совершившійся бракъ моего милаго Михаила довершилъ мое счастье, благодаря нраву его жены, столь открытому и сходному съ характеромъ Катеньки и лорда Пемброка, которые очень ее полюбили. Это согласіе между моими четырьмя дѣтьми доставляетъ мнѣ высокое наслажденіе. Надѣюсь, любезный другъ, что оба ваши зятя столько же васъ порадуютъ, сколько я утѣшенъ мужемъ моей дочери; покрайней мѣрѣ я смѣло могу отвѣчать вамъ за Нарышкина, что его поведеніе, относительно вашей дочери, сдѣлаетъ ее счастливою, а васъ довольнымъ.

Лондонъ, 31 Авг. 1819 г.

Посылаю вамъ эти немногія строки, чтобы принести вамъ жалобу на васъ самихъ, любезный другъ. Начинаю думать, что мнѣ приходится отказаться видѣть васъ въ здѣшней странѣ въ нынѣшнемъ году. Мнѣ это очень тяжело, въ особенности когда подумаю, что вы собираетесь въ Италію, гдѣ красоты природы и сокровища искусства задержатъ васъ долѣе, чѣмъ вы теперь предполагаете *; и когда при этомъ я вспоминаю, какъ старъ я становлюсь, то могу ли ожидать, что еще увижусь съ вами? Какъ бы то ни было, суждено ли мнѣ еще увидѣться съ вами или нѣтъ, не забывайте, что нѣтъ въ мірѣ человѣка болѣе меня вамъ преданнаго и благодарнаго.

Вы знаете, что восемь дней тому назадъ у Катеньки родилась дочь и что она и малютка обѣ здоровы. Михаилъ и жена его, которая беременна, вамъ кланяются. Поклонитесь отъ меня всему вашему семейству, а также и Нарышкину; я благодарю его добрую, милую жену за его счастье. Да хранитъ васъ Господь; обнимаю васъ отъ всей души.

---

* Эта поѣздка не состоялась, и гр. Ѳ. В. Растопчинъ не бывалъ въ Италіи.

24.

Лондонъ, 15 Сентября 1819 г.

Я посылаю вамъ эти строки, любезный другъ, съ Михаиломъ, который черезъ полчаса оставляетъ насъ, и посылаю ихъ единственно, чтобы напомнить вамъ обѣщаніе ваше навѣстить насъ.

Отъѣздъ Михаила и его жены, какъ вы легко можете себѣ представить, насъ очень огорчаетъ. Лиза овладѣла нашими сердцами; я разстаюсь съ нею какъ съ дочерью, а Катенька и мужъ ея какъ съ сестрою; она много выигрываетъ при бо́льшемъ сближеніи съ нею. Михаилъ—прямое сокровище въ смыслѣ всего благоразумнаго, добраго, высокаго и благороднаго. Мнѣ не стыдно такъ выражаться о немъ передъ такимъ другомъ, какъ вы, который его хорошо знаетъ. Искренно желаю, чтобы ему удалось осуществить непремѣнное обѣщаніе вернуться сюда черезъ двѣнадцать или тринадцать мѣсяцевъ; но когда подумаю о моихъ годахъ, то эта надежда становится весьма шаткою. Напомните обо мнѣ вашему семейству и пр....

25.

Вильтонъ, 11 Января 1821 г.

Вы можете себѣ представить, мой добрый другъ, какъ я счастливъ, окруженный моими дѣтьми: Михаилъ, Лиза, Катенька и мужъ ея составляютъ счастье моей жизни и на старости лѣтъ заставляютъ меня испытывать такія сладостныя ощущенія, какихъ не зналъ я въ такой мѣрѣ въ теченіи всего моего долгаго земнаго поприща.

Михаилъ и Лиза сообщили мнѣ, что вы страдали отъ болѣзни, которая вынудила васъ не выходить изъ дома; но при этомъ они меня успокоили, присовокупивъ, что при ихъ отъѣздѣ вы уже чувствовали себя гораздо легче, Они также увѣдомили меня, что вы лишены помощи доктора Галля, къ которому питаете такое довѣріе и что онъ куда-то уѣхалъ, но что въ Парижѣ его нѣтъ. Неужели же не сыщется другихъ хорошихъ врачей въ Парижѣ, по ихъ опытности равныхъ этому доктору, который всю свою жизнь посвятилъ изученію человѣческаго мозга и написалъ книгу, доставившую ему извѣстность въ ущербъ здравому смыслу, благодаря его теоріи о черепѣ, на основаніи коей, по мнѣнію его, познаются наши добродѣтели и пороки.

Михаилъ утвердилъ меня въ надеждѣ видѣть васъ нынѣшнею весною. По пріѣздѣ сюда вы убѣдитесь, что настроеніе умовъ неблагопріятно со времени прибытія этой распутной королевы, которая повергаетъ „Jean Torreau“ въ негодованіе. Будемъ надѣяться, что его здравый смыслъ, доселѣ столь прославленный, еще возобладаетъ. Дай Богъ, чтобы этотъ здравый смыслъ вернулся здѣсь къ пасомымъ, а во многихъ другихъ странахъ къ пасущимъ.

Поклонитесь отъ меня адмиралу (Чичагову) и полковнику Орлову. Тотъ кто носитъ тоже имя, украшенное титуломъ *, вѣроятно тревожится теперь за своихъ друзей - карбонаріевъ, которые едва ли покойны въ виду предстоящей развязки затѣянной ими комедіи.

---

* Говорится о графѣ Григоріѣ Владиміровичѣ Орловѣ, жившемъ въ Неаполѣ.

26.

Писано вѣроятно въ концѣ 1822 г. или въ началѣ 1823 г.

Душевно благодарю васъ, мой добрый другъ, за ваше письмо ото 13 числа. Послѣ того что̀ произошло въ Неаполѣ и что̀ несравненно хуже Испанскаго возстанія, потому что Неаполитанцы не обладаютъ ни хладнокровіемъ, ни благородствомъ Испанцевъ, а еще менѣе ихъ монархическою преданностью, въ Неаполѣ совершатся ужасы, которые немыслимы въ Мадридѣ. Неминуемымъ послѣдствіемъ будетъ революція въ папской области, которая распространится и до Тосканы. Піемонту угрожаетъ также великая опасность и если Австрія не поспѣшитъ выслать 50,000 Нѣмцевъ въ свои владѣнія по ту сторону Альповъ, то Миланъ и Венеція для нея пропали, потому что тамъ-то именно и зародышъ возстанія.

При подобныхъ обстоятельствахъ, вамъ бы слѣдовало отложить намѣреніе посѣтить Италію, гдѣ вы будете менѣе безопасны, чѣмъ въ Парижѣ. Почему бы вамъ не отправиться въ Брюссель, откуда, въ случаѣ возмущенія во Франціи и неизбѣжной затѣмъ революціи въ Нидерландахъ, вы могли бы перебраться въ Вѣну, гдѣ революція невозможна, благодаря твердости правительства и тяжелымъ, но добродушнымъ свойствамъ народонаселенія. Если климатъ вамъ покажется непріятнымъ, вы можете провести зиму въ Тріестѣ. Если Вѣнскій дворъ подкрѣпитъ тотъ слабый отрядъ, который размѣщенъ въ Ломбардіи и вручитъ главное начальство надъ нимъ Біанки, лучшему своему генералу, то онъ сохранитъ за собою свои Итальянскія владѣнія, обезпечитъ Піемонтъ и защититъ Тоскану. Тогда Неаполитанская революція не можетъ продлиться долго, и союзные монархи будутъ имѣть время прійти къ соглашенію относительно потушенія пламени, которое, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ ихъ всѣхъ погубить. Но если Австрія замедлитъ выслать свое войско, то она лишится своихъ Итальянскихъ областей; потому что совсѣмъ иное дѣло удержать за собою что̀ либо или быть изгнаннымъ, и вновь завоевывать страну, которая поголовно ополчится

Я вижу, по газетамъ, что мой добрый и достойный Кастельчикала будетъ отозванъ и конечно подвергнется преслѣдованію. По письму его, полученному вчера, замѣтно, что онъ ко всему готовъ и всему покоряется. Онъ боленъ и страдаетъ ревматизмомъ, который знаменитый Дюпьютренъ взялся вылечить съ помощью мушекъ, причиняющихъ ему сильную боль. Но такова сила его души, что, совершенно разстроенный въ матеріальныхъ средствахъ двумя революціями, совершившимся въ его Отечествѣ, нисколько не вознагражденный за нихъ королемъ, который обязанъ своимъ престоломъ его усердію и стараніямъ,—онъ никогда не упоминаетъ о своихъ бѣдствіяхъ и объ утратѣ состоянія, и я узналъ о нихъ отъ лицъ, которымъ всѣ эти обстоятельства хорошо извѣстны. Самъ же онъ теперь единственно озабоченъ несчастіемъ своего государя и когда этотъ вопросъ достаточно между нами исчерпанъ, то онъ говоритъ мнѣ о разныхъ книгахъ, посылаетъ брошюры и выполняетъ порученія, данныя ему его друзьями. Вотъ уже почти 28 лѣтъ, что я съ нимъ друженъ, и никогда не знавалъ его иначе какъ самымъ почтеннымъ человѣкомъ, среди лучшихъ умовъ своего времени, одареннымъ познаніями и самымъ утончен-

нымъ безкорыстіемъ, благороднымъ, щедрымъ въ оффиціальномъ и частномъ быту, человѣкомъ безусловной преданности и честности. Прибавьте къ этому чрезвычайную скромность, откровенность, доброту и веселость. Какъ же послѣ этаго не любить подобнаго человѣка и не принимать живѣйшаго участія во всемъ до него касающемся? А потому и прошу васъ, любезный графъ, узнать отъ Пигнателли, который въ Парижѣ, все что̀ только можетъ относиться до моего друга и сообщить мнѣ что̀ вы узнаете. Прощайте и пр.

27.

Лондонъ, 5 (17) Ноября 1823 г.

Въ письмѣ, полученномъ мною третьяго дня изъ Тульчина отъ 6 Октября, Михаилъ съ радостью возвѣщаетъ мнѣ, что ему удалось исходатайствовать у Государя назначеніе Дмитрія Нарышкина гражданскимъ губернаторомъ въ Крымъ. Ему трудно было бы найти человѣка болѣе достойнаго по уму, благоразумію, дѣятельности и честнымъ правиламъ и на добросовѣстность котораго онъ вполнѣ можетъ расположиться; къ тому же онъ его двоюродный братъ, его воспитанникъ, человѣкъ весьма любезный и чрезвычайно любимъ Михаиломъ. Я предполагаю и надѣюсь, что это побудитъ васъ провести зиму въ столь тепломъ климатѣ, какъ Крымъ, съ великою пользою для вашего здоровья. Зная свойства вашей болѣзни, я тревожусь при мысли, что вамъ придется провести пять мѣсяцевъ въ заперти, съ топленными печами, не пользуясь свѣжимъ воздухомъ, потому что ѣзда въ закрытой каретѣ не доставляетъ нужнаго движенія вашему организму; а при ходьбѣ пѣшкомъ въ шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ, вы все-таки рискуете отморозить себѣ носъ и уши, тогда какъ въ благорастворенномъ климатѣ Крыма, вы будете пользоваться въ комнатѣ свѣжимъ, возобновляемымъ воздухомъ и будете совершать прогулки пѣшкомъ и верхомъ при яркомъ солнцѣ 45% широты, т. е. на 3% южнѣе Парижа и на 9% теплѣе Москвы. Весь южный берегъ этого полуострова заслоненъ горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Михаилъ, который совершилъ объѣздъ вдоль морскаго берега, пишетъ мнѣ, что оливковое дерево растетъ тамъ на открытомъ воздухѣ и что онъ видѣлъ лимонное дерево покрытое плодами. При состояніи вашего здоровья, любезный другъ, вамъ постоянный и теплый климатъ нужнѣе, чѣмъ лекарства и врачи. Молю Бога, чтобы Онъ внушилъ вамъ мысль покинуть Москву на зиму и провести это суровое время года съ вашею дочерью и ея мужемъ.

По поводу дочерей, я долженъ вамъ сказать (по письму ко мнѣ Лонгинова) что по пріѣздѣ графини вашей супруги въ Петербургъ, всѣ пришли въ восторгъ отъ моей возлюбленной, милой Лизы *. Ея наружность, ея стройный ростъ, ея граціозныя манеры, ея не натянутое и не изученное и врожденное изящество, соединенное съ природною скромностью, все это вмѣстѣ взятое возбудило всеобщее восхищеніе во всѣхъ, кто ее видѣлъ. Онъ кончаетъ свое письмо словами: „*Здѣсь у насъ ничего нѣтъ подобнаго.*“ Я въ этомъ убѣжденъ и увѣренъ, что и въ столицѣ Россіи, гдѣ кругъ высшаго, образованнаго общества въ двадцать разъ

* Говорится о младшей дочери гр. Ростопчина, въ слѣдующемъ году скончавшейся въ Москвѣ, въ дѣвицахъ. *П. Б.*

обширнѣе, чѣмъ въ резиденціи, не найдется подобной моей возлюбленной, несравненной Лизѣ. Поцѣлуйте ее за меня и скажите ей, что судьба обрекла меня уже не видѣть ея болѣе; но что при искреннемъ моемъ сочувствіи ко всему, что̀ до нея касается, я творю пламенныя молитвы о ея счастіи.

Михаилъ обремененъ дѣлами и поѣздками; но при этомъ онъ все таки пишетъ ко мнѣ аккуратно, чтобы я зналъ, что онъ здоровъ; а жена его извѣщаетъ меня о поѣздкахъ своего мужа и о состояніи всего семейства. Она писала ко мнѣ, что Михаилъ получилъ отъ васъ письмо изъ Кіева, писанное въ вашъ проѣздъ черезъ этотъ городъ и что это письмо было исполнено игривымъ и любезнымъ оживленіемъ, что̀ меня не удивило, но сильно обрадовало, потому что когда человѣкъ веселъ, то онъ здоровъ. Конечно исторія говоритъ намъ, что Скарронъ былъ веселъ, испытывая физическія страданія, и я самъ видѣлъ, какъ генералъ Замятинъ смѣшилъ насъ веселостью и оригинальностью своихъ разсказовъ въ то время, когда съ лица его падали капли холоднаго пота, вслѣдствіе желудочныхъ спазмовъ, причинявшихъ ему нестерпимую боль. Но это такіе рѣдкіе примѣры, что, въ теченіи всего моего 80-ти лѣтняго прозябанія на землѣ, я не знавалъ другаго Замятина, который былъ бы въ состояніи сохранить, во время физическихъ страданій, невозмутимую веселость духа. Ваше письмо изъ Кіева, доставившее такое удовольствіе Михаилу и его женѣ, произвело такое же пріятное дѣйствіе на меня по сочувствію и, не зная ничего о его содержаніи, я все таки пришелъ къ убѣжденію, что вы должны быть здоровы, любезный другъ.

28.

Лондонъ, 11 (23) Апрѣля 1824 г.

Увы! Я слишкомъ рано узналъ о невозвратимой потерѣ вашей, мой добрый и почтенный другъ; мнѣ сообщилъ о томъ Лонгиновъ, который, какъ и всѣ, знавшіе милую Лизу (это небесное созданіе!) былъ пламеннымъ поклонникомъ ея прелести и ангельскаго характера. У меня не доставало силъ писать вамъ объ этомъ тяжеломъ и невознаградимомъ несчастіи; я откладывалъ со дня на день рѣчь объ этомъ ужасномъ событіи, отравляющемъ вашу жизнь и повергшимъ и меня въ такую скорбь, которую я не умѣю вполнѣ выразить. Эта милая Лиза, которую я называлъ возлюбленною моего сердца, которая обладала всѣми душевными прелестями, умная, кроткая, до того скромная, что лишь одна она не примѣчала всеобщаго восхищенія, которое она внушала всюду, гдѣ находилась! Какъ отецъ, какъ самый преданный вашъ другъ, какъ человѣкъ, сознававшій всю цѣну этой милой Лизы, я постигаю всю горечь вашего несчастья! Было бы безразсудно предлагать вамъ какое-либо утѣшеніе! Будемьте плакать вмѣстѣ, но покоримся безъ ропота опредѣленіямъ Божественнаго Промысла.

Я писалъ къ вамъ, любезный другъ, когда вы были на пути въ Богемію и послалъ мое письмо Ивану Воронцову, въ Мюнхенъ для доставленія вамъ. Онъ мнѣ сообщилъ въ то время, что письмо было вамъ передано; но такъ какъ вы мнѣ не отвѣчали, то мнѣ остается предполагать, что оно затерялось въ одной изъ Австрійскихъ почтовыхъ конторъ. Если бы вы его получили, то прочли бы въ немъ мое безпокойство о вашемъ здоровьѣ, при мысли, что вы подвергаетесь дѣйстві-

ямъ климата, столь неблагопріятнаго для той главной и важной болѣзни, которою вы страдаете въ теченіи стольких лѣтъ. Эта ужасная температура на 56 градусѣ широты заставляетъ меня за васъ содрогаться. Лонгиновъ можетъ засвидѣтельствовать, что я весьма часто выражалъ ему, насколько опасаюсь для васъ Московскаго климата. Я всегда относился враждебно къ вашему возвращенію въ такія мѣстности, которыя могутъ только усилить разстройство вашего здоровья; какъ будто я предчувствовалъ еще сильнѣйшее горе, и оно сбылось. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Лонгиновъ пишетъ мнѣ, что Андрюша страдалъ отъ лихорадки, которая продолжалась долго, но наконецъ прошла; мнѣ кажется, что это утѣшеніе должно бы нѣсколько усладить вашу скорбь. Повидимому, вы направляетесь на югъ Россіи; я желалъ бы, чтобы вы какъ можно скорѣе добрались до Одессы и пробыли тамъ до половины Августа; а потомъ отправились бы прямо въ Италію и поселились съ Ноября мѣсяца въ Пизѣ, гдѣ самый теплый климатъ во всей Европѣ въ теченіи пяти мѣсяцевъ, отъ Ноября до Апрѣля. Я говорю вамъ это по собственному опыту, такъ какъ я провелъ три зимы въ Пизѣ, разъ съ покойнымъ дядюшкою, другой по заключеніи Канарджійскаго мира послѣ продолжительной болѣзни и въ третій по смерти жены моей, когда я долго и тяжело былъ боленъ. Въ Пизѣ знаменитый университетъ, гдѣ болѣе сорока профессоровъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько искусныхъ врачей. Тѣ, которые были при мнѣ, уже не существуютъ, потому что я покинулъ Пизу въ Апрѣлѣ 1785 г., тому 39 лѣтъ; но конечно въ этомъ университетѣ всегда будутъ хорошіе врачи.

Дочь моя, хотя она и мало знала нашу дорогую Лизу, отъ души раздѣляетъ ваше горе, будучи сама мать и зная вашу неизмѣнную дружбу ко мнѣ и къ ея брату. Кастельчикала, доставившій мнѣ ваше письмо и который искренно вамъ преданъ, также глубоко огорченъ. Нашъ почтенный отецъ Смирновъ, который столько вамъ обязанъ, пріобщается къ нашему горю. Прощайте, мой уважаемый и неизмѣнный другъ; да хранитъ Господь васъ и всѣхъ близкихъ вашему сердцу; поцѣлуйте за меня моего пріятеля Андрюшу; обнимаю васъ отъ души.

29.

Лондонъ, 1 (13) Іюля 1825 г.

Не могу долѣе оставаться въ невѣдѣніи гдѣ вы находитесь, любезный другъ, что̀ вы дѣлаете и что̀ намѣрены дѣлать. Я искренно сочувствую и никогда не перестану сочувствовать вашему несчастію, потому что оно непоправимо и что я вамъ преданъ по дружбѣ, по уваженію и по той благодарности, которую питаю къ вамъ въ душѣ. Какъ бы я желалъ, чтобы вы покинули страну, которая, не говоря уже о климатѣ, вообще не благопріятна для вашей хронической болѣзни и для вашего организма и напоминаетъ вамъ безвозвратную потерю возлюбленной, дорогой дочери, этимъ климатомъ погубленной! Почему же вы упорствуете въ вашемъ намѣреніи тамъ оставаться? При вашей независимости, вы можете отправиться куда хотите; вы можете избрать страну наиболѣе соотвѣтствующую вашей болѣзни, гдѣ вы найдете нѣкоторое облегченіе и гдѣ Андрюша съ пользою можетъ продолжать занятія и, не разставаясь съ своимъ достойнымъ отцемъ, заимствовать у него познанія

и правила любви къ Отечеству и преданности ко всему благородному, великому и добродѣтельному.

Не зная ничего о вашехъ намѣреніяхъ, я писалъ о томъ Михаилу, но онъ ничего не могъ сказать мнѣ на этотъ счетъ; я писалъ Нарышкину въ Симферополь, но еще не получилъ отвѣта. Умоляю васъ, любезный и почтенный, старый, 36 лѣтній другъ и благодѣтель, увѣдомьте меня, что̀ вы намѣрены дѣлать, и успокойте мои тревоги на вашъ счетъ.

Что̀ до меня касается, то могу только сообщить вамъ, что я все старѣю, но безъ всякихъ страданій: я постепенно и замѣтно слабѣю, безъ физической боли и безъ душевнаго потрясенія. Умственныя способности, всегда не блестящія, все болѣе и болѣе притупляются съ потерею памяти и сопряженною съ нею разсѣянностью и забывчивостью; а зрѣніе мое никуда бы не годилось, если бы нѣсколько вѣковъ тому назадъ нѣкій благодѣтельный Тосканецъ во Флоренціи не изобрѣлъ очковъ. Поздніе часы обѣдовъ и собраній уже мнѣ не подъ силу, и потому я отказался отъ большаго свѣта и провожу время въ кругу четырехъ или пяти семействъ и семьи моей дочери. Я остаюсь въ Лондонѣ, покамѣстъ моя дочь тамъ проживаетъ, т. е. около пяти мѣсяцевъ; остальное время въ году я проживаю съ нею въ Вильтонѣ, и когда она совершаетъ небольшія поѣздки въ Брайтонъ, Кембриджъ, Вельсъ или Левингтонъ, то и я сопровождаю ее. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ надѣюсь имѣть утѣшеніе повидаться съ Михаиломъ и Лизою и такъ какъ они пріѣдутъ съ дѣтьми, то я буду имѣть удовольствіе свидѣться снова съ ихъ старшею дочерью и узнать мальчика и дѣвочку, которые родились уже съ тѣхъ поръ, что̀ Михаилъ вернулся въ Россію.

Прощайте, любезный другъ, увѣдомьте меня о себѣ. Обнимаю васъ отъ все души и молю Бога, чтобы Онъ доставилъ мнѣ утѣшеніе еще разъ повидаться съ вами.

Автобіографическая записка В. И. Даля *.

Прадѣды мои по отцѣ были Датчане и отецъ Датчанинъ, вызванный Екатериною изъ Нѣмецкаго университета (кажется изъ Іены) въ библіотекари. Онъ былъ богословъ, зналъ древніе и новые языки, даже Еврейскій и въ Петербургѣ съ помощью вельможъ (кажется Ахвердова и другихъ) разсудивъ, что ему нуженъ хлѣбъ, отправился въ Германію, въ университетъ въ Іену и вышелъ докторомъ медицины.

Послѣ этого онъ женился на Маріи Фрейтагъ, дочери бывшаго на Русской службѣ чиновника ломбарда и, вступивъ на службу, назначенъ врачемъ по горному вѣдомству въ Петрозаводскъ. Не знаю по какому поводу, онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Петербургъ въ кирасирскій полкъ, стоявшій въ Гатчинѣ. Отецъ мой былъ горячъ иногда до безумія и съ Великимъ Княземъ (Павломъ) не ладилъ, а по обязанности являлся ежедневно къ нему съ рапортомъ. Однажды маіоръ того полка опоздалъ на какой-то смотръ или парадъ. В. К., наскакавъ на него, до того ему выговаривалъ, что тотъ, покачавшись на лошади, свалил-

* Продиктовано покойнымъ Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ въ Мартѣ 1872 года. Получено нами отъ дочери его Ольги Владиміровны Демидовой. *П. Б.*

ся снопомъ: съ нимъ сдѣлался ударъ. Павелъ Петровичъ бросился къ нему, приказалъ отцу моему неотступно о немъ заботиться и когда, черезъ нѣсколько дней, маіоръ поправился и могъ лично явиться къ нему, то В. К., подавъ ему руку, сказалъ: „Sind sie ein Mensch?“ Тотъ отвѣчалъ: „Ja, Hochheit“.—„So können Sie auch verzeihen *.“

Я слышалъ отъ матери, что она была во все время послѣ этого въ ужасномъ страхѣ, потому что отецъ мой постоянно держалъ заряженные пистолеты, объявивъ, что еслибы съ нимъ случилось что-нибудь подобное, то онъ клянется застрѣлить напередъ виновнаго, а потомъ и себя.

Оттуда отецъ мой былъ переведенъ по горному же вѣдомству въ Лугань, Екатеринославской губерніи, гдѣ я и родился, послѣ двухъ старшихъ сестеръ, въ 1801 году 10 Ноября. За мною слѣдовали, кромѣ умершихъ въ малолѣтствѣ сестеръ, братья: Карлъ, Левъ и Павелъ. Карлъ былъ морякъ и умеръ въ Николаевѣ; Левъ артиллеристъ—убитъ при взятіи Варшавы въ 1831 году, и товарищи поставили ему пямятникъ. Павелъ, не кончивъ курса въ Дерптскомъ университетѣ, умеръ чахоткою въ Римѣ (гдѣ ему племянникъ Левъ Даль поставилъ памятникъ уже гораздо позже). Меня съ Карломъ отдали въ морской корпусъ; это было лѣтомъ въ 1814 году, 13½ годовъ.

Чтò скажу объ этомъ воспитаніи, о которомъ въ понятіи остались однѣ розги, такъ называемыя дежурства, гдѣ дневалъ и ночевалъ барабанщикъ со скамейкою, назначенною для этой потѣхи. Трудно нынѣ повѣрить, что не было другаго исправительнаго наказанія противъ ошибки, шалости, лѣни, и даже въ случаѣ простой безсмысленной досады любаго изъ числа 25 офицеровъ. Разскажу нѣсколько случаевъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. По обычнымъ преданіямъ, кадеты сообща устраивали въ огромной обѣденной залѣ въ новый годъ родъ иллюминаціи, ставили раскрашенныя и промасленныя бумажныя саженныя пирамиды, освѣщенныя огарками внутри. Какого труда и заботы дѣло это стоило, особенно потому, что оно должно было дѣлаться тайно! Дѣти прятались для этого на чердакѣ и въ другихъ малодоступныхъ мѣстахъ, расписывая подъ охраной выставленныхъ махальныхъ бумажные листы вензелями начальниковъ своихъ и наклеивали на лучинныя пирамиды. Объ этомъ конечно знали всѣ офицеры, но не менѣе того какъ всякая безъ изъятія забава или занятіе кромѣ научнаго были запрещены, то въ 1816 году офицеръ 1-й роты Миллеръ (онъ стоитъ того, чтобы его назвать) своими руками въ умывалкѣ 1-й роты изломалъ въ щепы и изорвалъ въ клочки изготовленныя къ новому году пирамиды. Не безъ слезъ конечно изготовлены были въ замѣнъ вторыя, по недосугу гораздо меньшія, а въ послѣдствіи, на самой иллюминаціи и маскарадѣ, сами офицеры прохаживались по залѣ, любовались картинными вензелями своими на пирамидахъ, будто ни въ чемъ не бывало.

Другой примѣръ.

Директоръ нашъ, дряхлѣйшій адмиралъ Карцевъ, выжившій уже изъ лѣтъ, замѣтивъ въ сумеркахъ, что кадеты расчистили себѣ на дворѣ катокъ и катаются немногіе на конькахъ, другіе скользя на подошвахъ—приказалъ купить и раздать на каждую роту по десяти паръ коньковъ. Казалось бы

* Вы человѣкъ?—Да, Ваше Высочество.—Ну, стало быть, вы можете и прощать.

затрудненіе и самое запрещеніе этимъ было устранено, и раздачу коньковъ нельзя было принять иначе какъ за поощреніе; а между тѣмъ, если кадета ловили на такой забавѣ, которая считалась въ числѣ шалостей, если они не успѣвали скрыться черезъ безконечно длинныя галлереи, то ихъ непремѣнно сѣкли. Иногда нельзя было не подумать, что люди эти не въ своемъ умѣ. Тоже можно сказать о лейтенантѣ Калугинѣ, вертлявомъ щеголѣ и ломакѣ. Всякаго кадета, который смѣлъ при немъ смѣяться, онъ допрашивалъ подъ розгами: о чемъ ты смѣешься, вѣроятно подозрѣвая, что смѣются надъ нимъ. Послѣдствія такого воспитанія очевидны. Не было того порока, который бы не входилъ въ обиходъ кадетской жизни. Это было тѣмъ тяжелѣ, что о самой возможности такой жизни и не слыхивали дома. Отецъ былъ строгъ, но очень уменъ и справедливъ. Мать добра и разумна и лично занималась обученіемъ нашимъ, на сколько могла. У насъ были только учителя Штурманскаго училища, къ которымъ мы ходили на домъ: учителя рисованія и математики. Прочему учила мать, которая знала кромѣ Нѣмецкаго и Русскаго еще три языка. Бабушка по матери, М. Ив. Фрейтагъ даже была Русская писательница, по крайней мѣрѣ переводчица и значится въ Смирдинскомъ каталогѣ.

Но что сказать о наукѣ въ корпусѣ? Почти тоже что о нравственномъ воспитаніи: оно было изъ рукъ вонъ плохо, хотя для виду учили всему. Марко Филипповичъ Горковенко, ученикъ извѣстнаго Гамалеи и нашъ инспекторъ классовъ, былъ того убѣжденія, что знаніе можно вбить въ ученика только розгами или серебряною табакеркою въ голову. Эта табакерка всякому памятна.

„Тамъ не такъ сказано, говори тѣми же словами“ и затѣмъ тукманку въ голову—это было привѣтствіе Мар. Фил. при вступленіи въ безконечный рядъ классовъ.

3 Марта 1819 года, послѣ трехъ кампаній въ Маркизовомъ морѣ, мы выпущены въ мичмана, и я по желанію написанъ въ Черное море въ Николаевъ. На этой первой поѣздкѣ моей по Руси я положилъ безсознательно основаніе къ своему Словарю, записывая каждое слово, которое дотолѣ не слышалъ. Послѣ корпуснаго воспитанія не было у меня никакихъ разумныхъ наклонностей: я шатался съ ружьемъ по степи, не бралъ книги въ руки, но при всемъ томъ по какому-то чутью искалъ знакомства и товарищества съ лучшими людьми: назову Скарабели, братьевъ Рогулей, отчасти Зайцевскаго и другихъ.

Лучшіе годы жизни, убитые мною при корпусномъ воспитаніи, не могли поселить во мнѣ никакихъ добрыхъ, нравственныхъ наклонностей; ими я обязанъ домашнему воспитанію. Отецъ мой былъ прямой и въ самомъ строгомъ смыслѣ честный человѣкъ, но въ обращеніи съ нами нѣсколько сухъ и иногда даже суровъ; но мать, разумнымъ и мягкимъ обращеніемъ своимъ, а болѣе всего примѣромъ, съ самаго дѣтства, поселила во мнѣ нравственное начало, окрѣпнувшее съ годами и не покидавшее меня во всю жизнь Не умѣю объяснить, какъ и чѣмъ это сдѣлалось; но чувствую и сознаю, что это такъ и нынѣ, когда мнѣ уже исполнилось 70 лѣтъ и когда сыну моему уже 35. Я сознаю это благое вліяніе материнскаго воспитанія, и сынъ мой, ею же воспитанный, говоритъ о себѣ тоже.

(Продолженія не было).

Замѣчанія на вторую книгу Девятнадцатаго Вѣка *.

Стр. 223. *Впрочемъ какъ комедія Крылова* и пр. Это явная описка. Вмѣсто Крылова должно было сказать: Княжнина. Какъ же Крылову глядѣть исполиномъ, когда въ предъидущихъ строкахъ сказано, что его *Проказники*—полное отсутствіе таланта, шутки плоскія и прямо холопскія?

Стр. 233. *Но догадливый министръ....* По самому смыслу фразы ясно видно, что должно сказать *недогадливый* министръ.

Стр. 240. Въ выпискѣ стиховъ Дмитріева должно было бы выставить и два предъидущіе стиха, а безъ того и самый разсказъ анекдота оказывается неправдоподобнымъ. Вотъ эти стихи:

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, Россійска мочь!

Стр. 23. *Маленькій буфа Голицынъ* и пр. Что-то не такъ: во 1-хъ). Онъ кажется никогда не засѣдалъ въ Сенатѣ и во всякомъ случаѣ не могъ одинъ возвратить бумаги, потому что въ ней много погрѣшностей противъ грамматики. Во всякомъ случаѣ не въ Сенатѣ, а развѣ въ Сунодѣ, котораго былъ онъ оберъ-прокуроромъ, могъ онъ играть большую роль. Да и эти взысканія за погрѣшность противъ языка въ тѣхъ же письмахъ Растопчина приписываются Державину.

Стр. 30. Въ примѣчаніи. Правдивостью своею славилась въ Москвѣ не Небольсина, а Офросимова; кажется она и изображается въ *Войнѣ и Мирѣ*.

Стр. 36. Запятая не у мѣста искажаетъ смыслъ: не Головина, сестра кн. Голицына, а напротивъ *Головина сестра, княгиня Голицына.*

Стр. 15. Не можетъ быть, чтобы здѣсь шла рѣчь о портретахъ Пугачева. Могъ ли Растопчинъ сказать: *Я нашелъ, что подвигъ сіо столь важенъ и пр?* Къ тому же выраженіе *я нашелъ* указываетъ, что здѣсь говорится о событіи современномъ. Вѣроятно это какая-нибудь описка. И съ какой стати Растопчину разсылать портреты въ Кавказскую армію и между прочими къ кн. Козловскому, котораго *онъ и въ глаза не знаетъ.*

* Мы получили эти замѣчанія отъ одного изъ читателей XIX Вѣка. Нѣкоторыя изъ ошибокъ могутъ быть отнесены къ нашему недосмотру. Извиняемся тѣмъ, что „Старая Записная Книжка“, къ которой относятся три первыя замѣчанія, печаталась не съ подлинника, а со списка. Какъ и ожидали мы, книжка эта прочтена съ любопытствомъ, и нами получено уже нѣсколько благодарственныхъ писемъ за ея обнародованіе. Въ каждомъ изъ писемъ спрашиваютъ, кто авторъ этихъ живыхъ, остроумныхъ и наблюдательныхъ замѣтокъ; но мы доселѣ еще не въ правѣ открыть анонима. Между тѣмъ приводимъ ниже новыя полученныя нами выдержки изъ нея.
П. Б.

Еще выдержки изъ «Старой Записной Книжки».

„Вы готовите себѣ печальную старость“, сказалъ кн. Талейранъ кому-то, кто хвастался, что никогда не бралъ карты въ руки и надѣется никогда не выучиться никакой карточной игрѣ. Если опредѣленіе Талейрана справедливо, то нигдѣ не можетъ быть такой веселой старости, какъ у насъ. Мы съ малолѣтства пріучаемся и готовимся къ ней окружающими насъ примѣрами и собственными попытками. Нигдѣ карты не вошли въ такое употребленіе, какъ у насъ: въ Русской жизни карты одна изъ непреложныхъ и неизбѣжныхъ стихій. Ве-

здѣ болѣе или менѣе встрѣчается въ отдѣльныхъ личностяхъ страсть къ игрѣ, но къ игрѣ, такъ называемой азартной. Страстные игроки были вездѣ и всегда. Драматическіе писатели выводили на сценѣ эту страсть со всѣми ея пагубными послѣдствіями. Умнѣйшіе люди увлекались ею. Знаменитый Французскій писатель и ораторъ Бенжаменъ-Констанъ былъ такой же страстный игрокъ, какъ и страстный трибунъ. Пушкинъ, во время пребыванія своего въ южной Россіи, куда-то ѣздилъ за нѣсколько сотъ верстъ на балъ, гдѣ надѣялся увидѣть предметъ своей тогдашней любви. Пріѣхавъ въ городъ, онъ до бала сѣлъ понтировать и проигралъ всю ночь до поздняго утра, такъ что прогулялъ и всѣ деньги свои, и балъ, и любовь свою. Богатый графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, блестящій вельможа временъ Екатерины, человѣкъ отмѣннаго ума, большой образованности, любознатель по всѣмъ отраслямъ науки, былъ до глубокой старости подверженъ этой страсти, которой предавался, такъ сказать, запоемъ. Онъ запирался иногда дòма на нѣсколько дней съ игроками, проигрывалъ имъ баснословныя суммы и переставалъ играть впредь до новаго запоя. Подобная игра, родъ битвы на жизнь и смерть, имѣетъ свое волненіе, свою драму и поэзію. Хороша и благородна ли эта страсть и эта поэзія, это другой вопросъ. Одинъ изъ такихъ игроковъ говаривалъ, что послѣ удовольствія выигрывать, нѣтъ бòльшаго удовольствія какъ проигрывать. Но мы здѣсь говоримъ о мирной, такъ называемой комерческой игрѣ, о карточномъ времяпровожденіи, свойственномъ у насъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ званіямъ и обоимъ поламъ. Одна Русская барыня говорила въ Венеціи: „Конечно климатъ здѣсь хорошъ; но „жаль, что не съ кѣмъ сразиться въ „преферансикъ“. Другой нашъ соотечественникъ, который провелъ зиму въ Парижѣ, отвѣчалъ на вопросъ, какъ доволенъ онъ Парижемъ: „очень доволенъ, у насъ каждый вечеръ была своя партія“. Карточная игра въ Россіи есть часто оселокъ и мѣрило нравственнаго достоинства человѣка. „Онъ пріятный игрокъ“—такая похвала достаточна, чтобы благопріятно утвердить человѣка въ обществѣ. Примѣты упадка умственныхъ силъ человѣка отъ болѣзни, отъ лѣтъ, не всегда у насъ замѣчаются въ разговорѣ или на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности; но начни игрокъ забывать козыри, и онъ скоро возбуждаетъ опасеніе своихъ близкихъ и состраданіе общества. Карточная игра имѣетъ у насъ свой родъ остроумія и веселости, свой юморъ съ различными поговорками и прибаутками. Можно бы написать любопытную книгу подъ заглавіемъ: физіологія колоды картъ. Впрочемъ значительное потребленіе картъ имѣетъ у насъ и свою хорошую и нравственную сторону: на деньги, вырученныя отъ продажи картъ, основаны у насъ многія благотворительныя и воспитательныя заведенія.

*

Послѣ несчастныхъ событій 14 Декабря, разнеслись и по Москвѣ слухи и страхи возмущенія. Назначили даже ему и срокъ, а именно день, въ который вступитъ въ Москву печальная процессія съ тѣломъ покойнаго императора Александра I. Многіе принимали мѣры, чтобы оградить дома свои отъ нападенія черни; многіе хозяева домовъ просили знакомыхъ имъ военныхъ начальниковъ назначить у нихъ на этотъ день постоемъ нѣсколько

солдатъ. Эти опасенія охватили всѣ слои общества, даже и низшія. Въ это время, какая-то старуха шла по улицѣ и несла въ рукѣ что-то съѣстное. Откуда ни возьмись мальчикъ, пробѣжалъ мимо ея и вырвалъ припасы изъ рукъ ея. „Ахъ ты бездѣльникъ, ахъ ты головорѣзъ", кричитъ ему старуха въ слѣдъ: „еще тѣло не привезено, а ты уже начинаешь бунтовать".

*

Дмитріевъ съѣхался гдѣ-то на станціи съ бариномъ, котораго провожалъ жандармскій офицеръ. Улучивъ свободную минуту, Дмитріевъ спросилъ его, за что ссылается проѣзжій?

— Въ точности не могу доложить вашему высокопревосходительству, но кажется худо отзывался на счетъ холеры.

*

Чиновникъ, оклеветанный попугаемъ.

По какому-то вѣдомству высшее начальство представляло нѣсколько разъ одного изъ своихъ чиновниковъ то къ повышенію чиномъ, то къ денежной наградѣ, то къ кресту, и каждый разъ императоръ Александръ I вымарывалъ его изъ списка. Чиновникъ не занималъ особенно значительнаго мѣста, и ни по какимъ даннымъ онъ не могъ быть особенно извѣстенъ Государю. Удивленный начальникъ не могъ рѣшить свое недоумѣніе и наконецъ осмѣлился спросить у Государя о причинѣ неблаговоленія его къ этому чиновнику. „Онъ пьяница", отвѣчалъ Государь. „Помилуйте, Ваше Величество, я вижу его ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ теченіи дня; смѣю удостовѣрить, что онъ совершенно трезваго и добронравнаго поведенія и очень усерденъ къ службѣ; позвольте спросить, что̀ могло дать вамъ о немъ такое неблагопріятное и, смѣю сказать, несправедливое понятіе". — А вотъ что, сказалъ Государь: — Однимъ лѣтомъ, въ прогулкахъ своихъ я почти всякій день проходилъ мимо дома, въ которомъ у открытаго окошка былъ въ клѣткѣ попугай. Онъ безпрестанно кричалъ: „Пришелъ Гаврюшкинъ — подайте водки".

Разумѣется Государь кончилъ тѣмъ, что далъ болѣе вѣры начальнику, чѣмъ попугаю и что опала съ несчастнаго чиновника была снята. (Слышано отъ Петра Степановича Молчанова; но, можетъ быть, фамилія чиновника немножко искажена).

*

У многихъ любовь къ Отечеству заключается въ ненависти ко всему иноземному. У этихъ людей и набожность, и религіозность, и православіе заключается въ одной безсознательной и безцѣльной ненависти ко власти папы.

*

Иной и не прямо лжетъ, и лжецомъ слыть не можетъ, но мастерски умѣетъ обходить правду. Нѣкотораго рода обходы иногда нужны для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли; но опасно слишкомъ вдаваться въ эти обходы: кончишь тѣмъ, что запутаешься въ проселкахъ и на прямую дорогу никогда не выйдешь.

Одинъ баринъ не имѣлъ денегъ, а очень хотѣлось ему деньги имѣть. Говорятъ, — голь на выдумки хитра. Нашъ баринъ запасся двумя или тремя подорожными для разъѣзда по дальнимъ губерніямъ, и на этихъ подорожныхъ основывалъ онъ свои денежныя надежды. Пріѣдетъ онъ въ селеніе, по виду довольно богатое, отдаленное отъ большаго тракта и, вѣроятно, не имѣв-

шее никакого понятія о почтовой гоньбѣ и о подорожныхъ; пойдетъ къ старостѣ, объявитъ, что онъ чиновникъ, присланный отъ правительства, велитъ священнику отперетъ церковь и созвать мірскую сходку. Когда всѣ соберутся, онъ начнетъ важно и громко читать подорожную: „По указу Его Императорскаго Величества“; при этихъ словахъ онъ совершитъ крестное знаменіе, а за нимъ крестится и весь народъ. Когда же дойдетъ до словъ: *выдавать ему столько-то почтовыхъ лошадей за указные прогоны, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то брать изъ обывательскихъ*. Тутъ скажетъ онъ, что у него именно *оныхъ*-то и нѣтъ, т. е. прогоновъ, т. е. денегъ, а потому и требовалъ отъ обывателей такую-то сумму, которую назначалъ онъ по усмотрѣнію своему. Получивъ такую подать, отправляется онъ далѣе въ другое селеніе, гдѣ повторяетъ туже продѣлку. *

Когда побываешь въ Англіи, то убѣдишься, что въ нравахъ, обычаяхъ и условіяхъ Англійскаго общества и общежитія есть довольно много *гнилыхъ посадовъ*, буквальный переводъ Rotten-Boroughs, что впрочемъ и у Французовъ переводится bourg pourri *. Легкомысленно было бы признавать за несомнѣнное слѣдствіе образованности все, что здѣсь видишь. Напротивъ, многое ускользнуло отъ образованности и осталось въ первобытной своей неуклюжести и дикости: потому что Англичане упрямы, самолюбивы и сознательно, и умышленно односторонни. Они преимущественно консерваторы въ домашнемъ быту и во внутренней политикѣ. Позволяютъ они себѣ ломать и очень смѣлы въ ломкахъ своихъ только во внѣшней политикѣ. Французскій писатель Сюаръ гдѣ-то разсказываетъ, что на Гебридскихъ островахъ присутствіе иностраннаго путешественника заражаетъ воздухъ и даетъ кашель всѣмъ обывателямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и присутствіе иностранца въ Англійскомъ обществѣ, пока онъ себя не совершенно *выанглизируетъ*, должно производить въ Англичанахъ раздраженіе, какъ присутствіе разнородной и даже противуродной стихіи. Кашель, не кашель, а должно кожу ихъ морозомъ подирать: такъ всѣ привычки жизни и весь день ихъ тѣсно вложены въ законную и тѣсную мѣрку и рамку. Оттого въ Англійской жизни нѣтъ ничего нечаяннаго (imprévu), скоропостижнаго. Оттого общій результатъ долженъ быть скука. Не даромъ сказано: l'ennui naquit un jour de l'uniformité *. Нечего и говорить, что нѣкоторыхъ словъ и выраженій нѣтъ ни на Англійскомъ языкѣ, ни въ Англійскихъ понятіяхъ. Напримѣръ: *какъ-нибудь*, *покуда*, *по домашнему*, *по дорожному*, *запросто* и т. п. Въ Англіи все вылито въ одну форму или въ извѣстныя формы. Англичанинъ въ извѣстные часы входитъ въ эти формы, которыя переноситъ съ собою или, лучше сказать, благодаря общему благоустройству въ Англіи, находитъ готовыми изъ одного края Англіи до другаго: дóма, въ Лондонѣ, у себя въ деревнѣ, въ гостяхъ, на большихъ дорогахъ, въ гостинницахъ. Между Па-

* Гнилымъ посадомъ до избирательной реформы въ Англіи называлась мѣстность, которая пользовалась старыми избирательными привилегіями, хотя народонаселеніе этой мѣстности и значительно убавилось: такимъ образомъ ограниченное число обывателей, поддаваясь вліянію или подкупу, располагало назначеніемъ члена въ нижнюю палату.

* Скука нѣкогда родилась отъ единообразія.

рижемъ и провинціею лежатъ столѣтія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вся Англія есть продолженіе Лондона. Англичане никогда не скажутъ: Что̀ же намъ теперь дѣлать? За что приняться? Давнымъ давно уже внесено въ общее уложеніе что̀ дѣлать въ такой-то часъ и въ такое-то время года. „Прошу васъ, не безпокойтесь“ — для меня континентальное выраженіе, которое иностранцу не приведется и не придетъ на умъ сказать Англичанину: ибо Англичанинъ ни для кого не безпокоится и не *жеманится*; а если онъ что̀ и сдѣлаетъ похожее на учтивость, на уступчивость и общежитейское жертвоприношеніе, то вовсе не для васъ, а для себя, какъ исполненіе обязанности и потому, что такъ заведено и такъ быть должно. Ваша личность предъ нимъ всегда въ сторонѣ, и если вздумается вамъ ее выставить, то Англичанинъ вытаращитъ глаза на васъ и васъ не пойметъ. Англичанина никакъ не собьешь съ родной почвы, какъ ни переноси его на чужую, въ Парижъ, Римъ, Петербургъ. Французъ податливѣе и сговорчивѣе. Русскій, съ легкой руки Петра I, легко поддается чужимъ обычаямъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Англичанинъ вездѣ одѣвается, завтракаетъ, ходитъ и мыслитъ по-англійски. Это почтенно, но вчужѣ досадно и обидно. Смотря на Англичанина, особенно въ Англіи, чувствуешь его нравственное достоинство и силу. И этимъ, хотя и съ грустью пополамъ, объясняешь себѣ превосходство и тяжеловѣсность Англійской политики въ дѣлахъ Европы и всего міра. Англійскій деспотизмъ обычаевъ превосходитъ всякое понятіе. Въ оперную залу не впустятъ иностранца, если у него сѣрая шляпа въ рукахъ. Если ѣдешь въ омнибусѣ и поклонишься знакомому на улицѣ, онъ приметъ это за неприличіе и за обиду. За обѣдомъ ѣсть не какъ ѣдятъ другіе, ставить рюмку не на ту сторону гдѣ должно, рѣзать, а не ломать свой ломоть хлѣба: все это можетъ погубить человѣка въ общественномъ мнѣніи; и какъ ни будь онъ уменъ и любезенъ, а прослыветъ дикаремъ.

Что за прелесть Англійская ѣзда! Катишься по дорогѣ какъ по бархату, не зацѣпишься за камушекъ. Колесъ и не слыхать. Дорожную четырехмѣстную карету, въ которой покойно сидятъ шесть человѣкъ, везетъ пара лошадей, но за то какихъ? Около 35 верстъ проѣзжаешь въ 2 ч. съ половиною. У насъ ѣздятъ скорѣе, но часто позднѣе доѣзжаешь до мѣста. Здѣсь минута въ минуту пріѣзжаешь въ извѣстный часъ. Здѣсь на дѣлѣ сбывается пословица: тише ѣдешь, дальше будешь. Къ тому же нѣтъ мучительства для лошадей. Не слыхать кучерскаго ругательства и голоса. Бичемъ своимъ онъ лошадей не погоняетъ, лошади пользуются также личными и гражданскими правами. Огромная машина словно катится сама собою.

Изъ Брайтона ѣздили мы въ близкій городокъ Левисъ. Послѣ моря и голыхъ Брайтонскихъ береговъ глаза отдыхаютъ на зелени пригорковъ, деревьевъ и луговъ, окружающихъ Левисъ. Въ Англіи зелень имѣетъ особую свѣжесть и прелесть. Мы попали на скотскій рынокъ или ярмарку. Коровы, бараны, свиньи и мясники всѣ были на лицо и въ движеніи. Англійскій скотъ имѣетъ также свое особенное дородство и достоинство. Во время нашего luncheon (завтрака) въ гостинницѣ, подъѣзжаетъ къ крыльцу четвероместная карета очень красивая, пара хорошихъ лошадей, кучеръ одѣтъ порядочно. Вылѣзаютъ четыре

человѣка также весьма пристойной наружности по виду и по одеждѣ. Кто это? Джельтмены ли они, или поселяне, т. е. по нашему мужики? Зашелъ о томъ споръ между нами. На повѣрку вышло мужики, но мужики, вольные хлѣбопашцы, т. е. *фермеры*. Выпивъ по стакану портера, отправились они на свой скотскій базаръ. Эти господа могли намъ дать мѣрку и обращикъ всего того, чѣмъ Англія отличается отъ другихъ государствъ.

Когда и видишь солнце въ Англіи, то не иначе, какъ сквозь туманъ и дымъ: словно парная и испаряющаяся рѣпа.

Разсказы и воспоминанія Н. И. Лорера.

I.

Въ 1822 или 1823 году (не помню хорошо) служилъ я въ лейб-гвардіи Московскомъ полку. Мнѣ случилось тогда вступить въ караулъ съ моею ротою на главную гаубвахту въ зимній дворецъ. Не успѣлъ я разставить своихъ часовыхъ и ефрейторовъ, какъ является ко мнѣ придворный лакей, съ запиской отъ коменданта *Башуцкаго*, чтобъ „по волѣ Его Величества, содержать подъ арестомъ лейб-кучера Илью, впредь до приказанія.“ Зная Илью лично, видавши его часто, то на козлахъ въ коляскѣ, то зимою въ саняхъ, я обрадовался принять такого знаменитаго гостя, который слишкомъ двадцать лѣтъ имѣлъ счастіе возить Государя по всей Европѣ и по всей Россіи (потому что обыкновенно почтовый ямщикъ не садился на козлы, а только запрягалъ лошадей; правилъ же ночь и день лейб-кучеръ Илья).

Всякому извѣстно, какъ несносно стоять цѣлые сутки въ караулѣ, не снимая ни знака, ни шарфа. Со мною были два младшіе офицера моей роты, по установленнымъ правиламъ. Я принялъ почтеннаго Илью Ивановича Байкова самымъ радушнымъ образомъ, увѣренный, что мнѣ и моимъ товарищамъ не будетъ съ нимъ скучно. Я приказалъ придворному лакею подать завтракъ, къ коему пригласилъ и Илью. Онъ поблагодарилъ и сказалъ мнѣ впрочемъ, что „нашему брату есть особенныя коморки.“ — „Нѣтъ, почтенѣйшій, вы будете съ нами“, возразилъ я и налилъ ему рюмку водки и двѣ рюмки вина. Я радовался, что онъ кушалъ съ апетитомъ и, замѣтивъ, что у него выступалъ потъ, я его пригласилъ снять кучерскую одежду и облегчить себя что̀ онъ охотно исполнилъ: на немъ оказался бархатный черный жилетъ и бархатныя шаровары, спущенныя въ сапоги.

— „Скажите мнѣ, за что васъ посадили?“ — Онъ улыбнулся и сказалъ: „За слово *знаю*! Извѣстно вамъ, что Его Величество никогда не скажетъ куда именно изволитъ ѣхать; но я безпрестанно поворачиваюсь къ нему, и онъ мнѣ кивнетъ то на право, то на лѣво, то прямо. Не понимаю, какъ скользнуло у меня съ языка сказать: „Знаю, Ваше Величество.“ Госуда̀рь вдругъ сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ: — „Кучеръ ничего не долженъ знать кромѣ лошадей!“ Пріѣхали мы благополучно, и я доставилъ его во дворецъ къ его маленькому крыльцу, откуда Государь обыкновенно выѣзжать и куда пріѣзжать изволитъ. Двадцать лѣтъ вожу его какъ на ладонѣ; но прежнія силы мнѣ измѣняютъ, теперь не то! Поѣздка Его Величества въ Швецію въ 1812 году, на свиданіе къ Шведскому королю, гдѣ я не слѣзалъ почти съ козелъ день и ночь, между скалами и обрывами, меня

изнурила; тутъ я лишился и силы моей, и моего здоровья. Бывало, цѣлую четверку на всемъ скаку мигомъ останавливалъ, такъ что она осядетъ на заднія ноги.“

Подали намъ обѣдъ, и мы сѣли весело обѣдать. Илья Ивановичъ сталъ разговорчивѣе.

„Мой прежній господинъ былъ извѣстный силачъ, морякъ *Лукинъ*. Силачъ! Онъ ломалъ подковы, изъ желѣзной кочерги дѣлалъ крендель. Однажды флотъ долженъ былъ выступить. Государь взошелъ на корабль и нашелъ моего барина грустнымъ. Его Величество изволилъ это замѣтить. Спросилъ, отъ чего? Лукинъ сказалъ ему, что онъ чувствуетъ, что не воротится на родину. „Къ чему такъ думать? Конечно мы всѣ подъ властью Божьею. Подари мнѣ что нибудь въ память свою“. „Что мнѣ вамъ подарить, Ваше Величество?“ И поискавши въ своемъ карманѣ цѣлковый, слѣпилъ ему чашечку, какъ будто изъ воску и поднесъ. Государь любилъ моего барина. Предчувствіе его сбылось: онъ не возвратился на родину; ядромъ были у него оторваны обѣ ноги!„

Наступилъ вечеръ, я потребовалъ чаю и сдѣлалъ хорошій пуншъ. Илья Ивановичъ, прихлебывая, разказалъ намъ замѣчательный анекдотъ.

„Я былъ у моего прежняго господина, и за кучера, и за камердинера, иногда и нянчилъ его маленькую дочь. Такъ въ старину это дѣлалось; теперь уже не то время. Тогда господа и люди были лучше. Мой баринъ былъ не богатъ. Поѣхали мы одинъ разъ на своихъ въ отпускъ въ Курскъ; онъ съ женою и съ дитятею, я за кучера. Передъ ночью застигла насъ большая буря, и летѣли мы такъ, что свѣта не видать было. Мы въѣхали въ лѣсъ, наткнулись на избу, взошли туда. Она была довольно просторная и теплая. Поставили самоваръ. Я пошелъ въ противъ лежавшую хату. Тутъ увидѣлъ я троихъ людей, сидѣвшихъ за столомъ, съ кнутами въ рукахъ. Лица ихъ мнѣ не понравились, они звѣрски на меня поглядывали. Я вышелъ и, взойдя къ барину, сказалъ ему, что тутъ что-то не ладно. Онъ мнѣ сказалъ: „пойди къ дверямъ, Илья, и послушай что̀ они говорятъ.“ Я потихоньку подкрался и, услыша, что они сговариваются убить прежде меня, а потомъ барина и госпожу, и обокрасть ихъ кибитку, я вызвалъ барина, чтобъ жена не слышала и не перепугать ея, и разсказалъ ему слышанное. „Пойдемъ туда оба.“ Мы взошли оба къ нимъ. Баринъ спросилъ: „Что̀ вы за люди?“ Они отвѣчали грубо: „Какое тебѣ дѣло?“ Одинъ изъ нихъ подошелъ къ нему и хотѣлъ взять барина за грудь. Не думая долго, какъ свиснетъ баринъ его кулакомъ въ лицо, тотъ и упалъ безъ чувствъ. Двое соскочили, баринъ закричалъ мнѣ: „Илья, принимай!“ Схватилъ близь стоявшаго, встряхнулъ его такъ, что онъ потерялъ умъ и бросилъ его ко мнѣ. Я схватилъ его и стукнулъ головою объ стѣну, и онъ присѣлъ. Такимъ образомъ мы управились со всѣми, перевязали ихъ и отвезли ихъ въ ближающій городъ. Не будь баринъ такъ силёнъ, мы можетъ быть погибли бы.“

„Однажды Ея Величество императрица Марія Ѳеодоровна пригласила барина обѣдать въ Павловскъ и за обѣдомъ просила, чтобъ Лукинъ показалъ свою силу. „Ваше Величество, съ радостію исполнилъ бы ваше милостивое желаніе, но начего не найду что̀ бы вамъ показать.“ Въ это самое время, какъ онъ оглядывался, поставилъ ему придворный лакей серебря-

ную тарелку. Онъ потребовалъ другую. Государыня обратила свое вниманіе. Онъ взялъ въ руки обѣ тарелки, свернулъ въ дудочку самымъ легкимъ образомъ, всталъ и поднесъ сверченныя обѣ тарелки, и такъ искусно, что нельзя было сказать, что тутъ двѣ тяжелыя серебрянныя тарелки.“

— „Скажите, Илья Ивановичъ, говорятъ, что вы дѣлали много добра тѣмъ, которымъ трудно приблизиться къ нашему доброму Государю.“ — „Иногда бывало,“ отвѣчалъ Илья самымъ простодушнымъ образомъ. „Разскажите, разскажите! “сказали всѣ насъ трое въ одинъ голосъ. Онъ говорилъ очень хорошо, но нѣкоторыя фразы и слова были кучерскія. Былъ бы онъ грамотенъ, какія бы онъ записки могъ написатъ для нашихъ журналовъ и для отечественной исторіи!

Такъ онъ началъ. „Въ 1805 годѣ, передъ *Астерлицемъ*, гдѣ насъ въ пухъ разбили, и вся армія бѣжала, я едва могъ отыскать Государя. Онъ былъ боленъ, лежалъ на соломѣ, въ Нѣмецкой избушкѣ. Я привезъ ему его шинель. За недѣлю до открытія кампаніи, генералъ Лошаковъ женился на очень хорошенькой Полькѣ. Однимъ словомъ была красотка! Послѣ сраженія онъ безъ спроса уѣхалъ къ женѣ, которая была очень близко отъ нашихъ границъ, и за такой поступокъ главнокомандующій Кутузовъ отдалъ его подъ судъ, а Императоръ приказалъ посадить въ Кіевскую крѣпость въ казематъ. Послѣ окончанія войны, когда уже все успокоилось, госпожа Лошакова пріѣхала въ Петербургъ хлопотать о своемъ мужѣ. Она бѣдная ходила по всѣмъ министрамъ, даже къ Аракчееву. Только и слышно: не принимать, не принимать! Какъ чумную! Бѣдная генеральша скиталась по улицамъ, а полиція во всѣ глаза за нею. Однажды, какая-то старушка, встрѣчая очень ее часто на улицѣ и видя её молодость и красоту, сказала ей: „Эхъ, матушка родная, не ищите въ нихъ покровительства и сходите лучше къ лейбъ-кучеру Ильѣ Ивановичу: онъ добрый человѣкъ и пожалѣетъ васъ.“ Она показала домъ мой, что на Фонтанкѣ. Лошакова, выслушавъ старуху, отправилась туже минуту ко мнѣ, взошла и плачевнымъ голосомъ сказала: — „Милостивый государь, я генеральша Лошакова, пришла къ вамъ просить вашего покровительства, доставьте мнѣ свиданіе съ Императоромъ, чтобъ я могла подать ему мою просьбу.“ Признаюсь вамъ, господа, я задумался; просилъ ее сѣсть и успокоиться; подумалъ и сказалъ: „Съ Богомъ берусь за это дѣло, хотя для меня это весьма опасно. Я не иначе могу доставить вамъ свиданіе, какъ по моему дѣлу, по кучерскому. Теперь слушайте меня внимательно, чтобъ намъ не ошибиться! Завтрашній день Императоръ въ троечныхъ саняхъ выѣзжаетъ въ Царское Село. Остановитесь вы на Адмиральтейскомъ бульварѣ, противъ маленькаго подъѣзда Зимняго Дворца, надѣньте на себя что-нибудь яркое или цвѣтное, чтобъ я могъ замѣтить васъ, потому что тутъ народъ и зѣваки стоятъ: прохожіе, какъ увидятъ, что сани Государевы стоятъ для отъѣзда, то ожидаютъ его выхода, взглянуть на Императора. Да чтобъ прошеніе ваше о мужѣ вашемъ было готово у васъ! Вы отдѣлитесь немного отъ толпы, чтобы лучше мнѣ распознать васъ. Надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ“. Настало утро пасмурное, пошелъ снѣгъ. Надобно, господа, знать, что Императоръ не любитъ останавливаться въ толпѣ народа, до того, что мы иногда объѣзжаемъ толпу. Садясь въ

сани, когда Его Величество бываетъ въ хорошемъ нравѣ, всегда изволитъ сказать: „Здорово Илья!“ Но тутъ не поздоровавшись сѣлъ въ сани, и мы тронулись. Ну плохо! подумалъ я. Какъ только я увидѣлъ Лошакову и поровнялся съ нею, я дернулъ правую лошадь, и она переступила постромку. „Какъ вы это сдѣлали?“ спросилъ я. „Вы это не поймете, это наше кучерское дѣло.“—„Сани остановились: другой кучеръ, который стоялъ поодаль прибѣжалъ и освободилъ лошадь; я же, не слѣзая, стоялъ въ саняхъ готовый. Лошакова бросилась къ ногамъ Императора. Государь поспѣшно вышелъ изъ саней, поднялъ ее, сталъ съ нею говорить милостиво, на иностранномъ языкѣ. Она подала ему прошеніе свое; онъ взялъ его, ласково поклонился, и мы быстро помчались. Когда проѣхали мы Московскую заставу: „Илья, сказалъ Государь, это твои штуки?“ Тогда я осмѣлился разсказать ему все дѣло. „Спасибо тебѣ! Я прощу Лошакова, произведу его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, пошлю фельдъегеря, чтобъ его освободили изъ Кіевской крѣпости; но строго приказываю впредь не доводить меня до такихъ свиданій“, и при этомъ самъ улыбнулся. Тогда я снялъ шляпу и перекрестился. „Слава Господу Богу! все кончилось благополучно!“ На другой день генеральша пришла со слезами благодарить меня и была въ восторгѣ отъ нашего Императора. Она принесла гостинца моимъ дѣтямъ, игрушекъ, пряниковъ, два ящика конфектъ, а на другой день уѣхала въ Кіевъ, чтобъ встрѣтить своего счастливаго мужа, освобожденнаго изъ крѣпости.“

Теперь, да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ моего собственнаго сужденія на счетъ Ильи. Если мы читали съ любопытствомъ и интересомъ записки камердинера Наполеона Констана: если мы съ удовольствіемъ прочли о вѣрномъ слугѣ и камердинерѣ Наполеона Маршанѣ, который добровольно и съ самоотверженіемъ оставилъ свою родину и сопутствовалъ своему господину въ изгнаніе на островъ Елену, гдѣ до самой смерти Наполеона неотлучно находился при немъ, успокоивалъ его по возможности, развлекалъ его, утѣшалъ, и тотъ по своей признательности за его вѣрную службу называлъ его своимъ другомъ, и онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, — то почему же мы Русскіе не почтимъ память умершаго кучера Александра I? Байковъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ; но сколько благородныхъ чувствъ въ этой простой оболочкѣ, сколько чистой преданности къ Монарху! Судьба возложила на него печальную и послѣднюю обязанность проводить тѣло Государево на траурной колесницѣ изъ Таганрога до Петербурга *

* Прекрасный портретъ Ильи Ивановича Байкова въ кучерской одеждѣ (масляными красками) случилось намъ видѣть у бывшаго профессора Московскаго университета С. А. Рачинскаго. *П. Б.*

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библіографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу* или *въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ

Въ С.-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ (Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на прежнихъ основаніяхъ) ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

12. ПРИ 1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречист. вор., д. Шиловой.

1872.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива **семь** рублей.

(АДРЕСЪ: МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ № 7-Й)

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1])

1811 и 1812 ГОДЫ.

.....the dance of being,
A mask fantastical and strange,
To the hearing and the seeing.

Diekens [2]).

Я очень немногимъ моложе настоящаго вѣка, и поэтому ясныя воспоминанія о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ мнѣ современныхъ начинаются у меня съ 1810—1811 годовъ. Мы тогда жили въ Ружанѣ, мѣстечкѣ Слонимскаго уѣзда, принадлежавшемъ князю Франциску Сапѣгѣ [3]), отъ котораго мой отецъ арендовалъ большое имѣніе изъ Ружанскаго графства и самое мѣстечко. Я очень хорошо помню 1811 годъ: онъ отличался тропическими жарами и, если не повсемѣстно въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ западныхъ губерніяхъ, страшною засухою, причинившею въ тамошнемъ краѣ всеобщій неурожай, лѣсные пожары и разныя болѣзни. Воздухъ наполненъ былъ дымомъ; во все лѣто солнце, не затемняемое ни малѣйшимъ облакомъ, являлось сквозь густой дымъ, въ видѣ большаго раскаленнаго шара; отъ восхода до заката можно было смотрѣть на него невооруженнымъ глазомъ.

Въ концѣ лѣта явилась знаменитая комета, какъ бы въ подтвержденіе народнаго повѣрья, что эти небесныя тѣла предвѣщаютъ войну и другія общественныя бѣдствія. Тогда уже было извѣстно о натянутыхъ отношеніяхъ между нашимъ и Французскимъ правительствами, и носились слухи о близкой войнѣ. Комета 1811 года была очень замѣчательна по своей величинѣ и блеску; она имѣла большое ядро, хвостъ не длинный, но очень густой и свѣтлый; когда не было луны, то отъ кометы освѣщалась часть неба. Орбита ея должна быть невообразимо велика, такъ какъ она до сихъ поръ, послѣ 60-лѣтняго бѣга, не возвращалась еще и не показывалась во второй разъ.

Слухамъ о приближающейся войнѣ всѣ въ тамошнемъ краѣ, болѣе или менѣе, сквозь страхъ, радовались. Пламенные Польскіе патріоты предусматривали въ ней шансы возстановленія прежней Польши, люди же болѣе положительные видѣли уничтоженіе ненавистной, введенной Наполеономъ, такъ называемой *континентальной системы*. Страстно возненавидѣвъ Англію, неизвѣстно почему, а вѣроятнѣе всего изъ зависти и антагонизма ея либеральному образу правленія, императоръ Французовъ сперва намѣревался дѣйствовать противъ нея открытою силою и устроилъ было для нападенія на Англію пресловутый Булонскій лагерь; но потомъ раздумалъ и перемѣнилъ тактику и, соображая, что богатство и могущество Великобританіи имѣютъ основу въ ея

---

[1]) См. выше стр. 1887.

[2]) Скачка бытія, фантастическое и странное лицедѣйство слуха и зрѣнія. *Дикенсъ.*

[3]) См. выше, стр. 1765. Воспом. о Новосильцевѣ.

всемірной торговлѣ, положивъ разрушить то и другое, заставилъ государства всего Европейскаго материка заключить союзъ, въ слѣдствіе котораго всѣ торговыя сношенія ихъ съ Англіею были прекращены. Система эта безъ сомнѣнія нанесла много вреда Англіи въ финансовомъ отношеніи, но она неменѣе тягостна была и для континента. Изъ всѣхъ же Европейскихъ государствъ всѣхъ болѣе потерпѣла, быть можетъ, Россійская Имперія. Ею парализована была въ большей части Россійская отпускная торговля, такъ какъ Русскія сырыя произведенія находили сбытъ преимущественно въ Англіи. Наиболѣе такой искусственный торговый застой наносилъ вреда западнымъ окраинамъ Имперіи. Для Литвы и Бѣлоруссіи отпускная иностранная торговля составляла почти единственный источникъ дохода съ помѣщичьихъ имѣній и снабжала край товарами необходимыми для комфорта въ домашнемъ быту. Ежегодно, по Нѣману и Западной Двинѣ, сплавлялось въ Кенигсбергъ, Мемель и Ригу, огромное количество всякого хлѣба, семени, льна, пеньки, шерсти, корабельнаго и строеваго лѣса, поташа, смолы, и т. п. Все это сбывалось Англійскимъ купцамъ, а въ упомянутыхъ портахъ закупались для Литовскихъ и Бѣлорусскихъ губерній провизіи на цѣлый годъ колоніяльныхъ товаровъ, Французскихъ винъ, портера, суконъ, всякихъ матерій и другихъ издѣлій, такъ какъ въ краю не было почти никакихъ фабрикъ. Всѣ при такомъ обмѣнѣ жили хорошо, и денегъ было много. Вдругъ, со введеніемъ континентальной системы, въ слѣдствіе которой и Англія съ своей стороны блокировала моря, все это благосостояніе рушилось, и повсемѣстно далъ себя почувствовать недостатокъ и денегъ, и предметовъ первой потребности для жизни хотя нѣсколько утонченной. Кофе, сахаръ, Французскія вина, пряности, сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, тонкія полотна и т. п. стали предметами роскоши. Развилась до неслыханныхъ размѣровъ контрабанда, обогащающая только Жидовъ и таможенныхъ чиновниковъ. Мѣста въ таможняхъ на Европейской границѣ стали самыми прибыльными мѣстами въ государствѣ. Это породило отвратительныя искательства и интриги, непотизмъ въ высшей степени, административную деморализацію, доходившую до цинизма. Сами чиновники хвастали своими доходами и вели Сарданапальскую жизнь: Шампанское вино прозывалось у нихъ *таможеннымъ квасомъ*.

Вредъ, нанесенный Россіи и ея окраинамъ континентальною системою, не ограничился временемъ продолженія ея; она повліяла и на дальнее будущее отпускной торговли; это вліяніе чувствуется и теперь, и такое положеніе едвали когда либо можетъ улучшиться, по крайней мѣрѣ на этомъ пути. Такъ какъ Англія не могла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получать нужныхъ ей сырыхъ произведеній изъ Россіи и изъ другихъ участвовавшихъ въ континентальномъ союзѣ государствъ: то она стала искать себѣ этихъ продуктовъ въ другихъ частяхъ свѣта. И такъ для шерсти, кожъ и сала разведены огромныя стада въ Австраліи и другихъ колоніяхъ; хлѣбомъ Англія стала снабжаться изъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады; въ самой Англіи, въ слѣдствіе правительственныхъ мѣръ, раціональное хлѣбопашество доведено до совершенства. Изъ южныхъ колоній доставлялась пенька; тамъ стали въ большихъ размѣрахъ воздѣлывать растеніе Phormium tenax, дающее волокно несравненно лучше и крѣпче коноплянаго.

Извѣстно, что когда торговля однажды покинетъ путь, по которому многіе годы слѣдовала и проложитъ себѣ новый, то уже чрезвычайно трудно привлечь ее обратно на прежній. Такимъ образомъ неблагопріятный для Россіи балансъ иностранной торговли, установившійся со времени введенія въ ней континентальной системы, продолжается и до сихъ поръ и не престаетъ также неблагопрі-

ятно вліять на денежные курсы, не смотря на то, что съ Англіею возобновлены торговыя сношенія, но естественно не въ такихъ уже размѣрахъ, какъ было прежде.

Въ описанномъ положеніи, Литовскимъ помѣщикамъ оставалось одно: ограничить по возможности свои расходы и обходиться тѣмъ, что производитъ самая мѣстность. Очень трудно имъ было отстать отъ старой привычки комфорта и даже роскоши, но дѣлать было нечего. Одно, отъ чего они не отказались, это кофе и сахаръ. Но всѣ перестали покупать Французскія вина, привозъ которыхъ сухимъ путемъ обходился слишкомъ дорого. Въ краѣ распространились Нѣмецкія столовыя вина, особенно Франконскія, Венгерскаго же запасы съ давнихъ лѣтъ находились въ каждомъ порядочномъ домѣ *). Во время подоспѣлъ свекловичный сахаръ, изобрѣтенный по инниціативѣ Наполеона. Но сукна и всякія матеріи были чрезвычайно дороги. Почетнѣйшіе помѣщики и ихъ жены условились дать собою примѣръ экономіи и носить платья изъ мѣстныхъ произведеній. Князья Любецкіе, Пусловскій, мой отецъ, графъ Солтанъ, Микульскіе, Стровинскіе сшили себѣ венгерки для лѣта изъ домашняго небѣленаго холста, а для осени и зимы изъ простаго толстаго сукна. Жены ихъ и дочери нарядились также въ платья изъ простаго холста; я помню, какъ матушка вышивала цвѣтною шерстью пелеринки къ капотамъ изъ такой же матеріи для себя и для дочерей; насъ мальчиковъ нарядили подобнымъ же образомъ. Вскорѣ это сдѣлалось всеобщею модою, и одѣваться иначе считалось дурнымъ тономъ. Прежнія платья всѣ донашивали уже только у себя дома, но на званый обѣдъ, вечеръ или на балъ, никто не смѣлъ показаться иначе, какъ въ принятомъ новомъ костюмѣ. Странный контрастъ у дамъ составляли съ такими нарядами золотые серги, браслеты, брошки и фермоары съ бриліянтами и другими дорогими камнями.

Ружана лежитъ на почтовомъ трактѣ, который въ то время былъ главнымъ, если не единственнымъ, путемъ сообщенія Россіи чрезъ Варшаву съ западною Европою. Тогдашнія власти, не смотря на недавно окончившіяся Наполеоновскія войны въ Германіи и на готовившуюся новую въ Россіи, были какъ нельзя болѣе снисходительны на счетъ паспортовъ. По этому множество всякихъ рыцарей промышленности скиталось по краю и, благодаря мѣстному положенію Ружаны, не мало ихъ, подъ разными предлогами, перебывало въ домѣ моихъ родителей и въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Изъ нихъ въ памяти у меня остался одинъ, нѣкто Дроздовскій, очень красивый мущина. Онъ явился въ качествѣ туриста, въ блестящей обстановкѣ великосвѣтскаго денди. Онъ разсказывалъ о себѣ, что онъ сынъ короля Станислава - Августа и одной Варшавской красавицы-Жидовки. Онъ слылъ Донъ-Хуаномъ: все время, когда гостилъ онъ въ нашемъ околодкѣ, у разныхъ помѣщиковъ, маменьки находились постоянно въ страхѣ за своихъ взрослыхъ дочерей. Послѣ узнали, что это былъ шулеръ, а въ 1816 г., бывши въ университетѣ, я его встрѣчалъ въ Вильнѣ, какъ онъ, спившись съ кругу, шатался по улицамъ въ лохмотьяхъ и просилъ милостыни.

Извѣстно, что въ этомъ періодѣ времени первые авантюристы въ свѣтѣ были изъ Поляковъ. Таковы историческія личности: Фіялковскій, который былъ нѣкоторое время королемъ на островѣ Мадагаскарѣ, Арцишевскій, сдѣлавшійся адмираломъ въ Бразиліи, а по преимуществу Хацкевичъ, Французскій

*) Всѣмъ извѣстенъ широко развитый въ Польшѣ вкусъ къ Венгерскому вину и умѣніе *воспитывать* его. Сложилась даже у Венгерцевъ поговорка: Non est potus nisi vinum; non est vinum nisi Hungaricum; non est vinum Hungaricum, nisi in Polonia educatum. (Нѣтъ напитка кромѣ вина, нѣтъ вина кромѣ Венгерскаго, нѣтъ Венгерскаго вина кромѣ того, которое воспитано въ Польшѣ.)

генералъ десятыхъ годовъ нашего столѣтія, извѣстный во Франціи подъ именемъ le général Lodoiska, Европейской славы шулеръ и герой несмѣтнаго числа самыхъ отчаянныхъ выходокъ, всегда почти *acum acumine* [1]), такъ какъ это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума. Въ одно время онъ былъ посланъ отъ Наполеоновскаго правительства въ Вѣну, съ огромнымъ количествомъ фальшивыхъ банкоцетлей, которые долженъ былъ пустить въ обращеніе и тѣмъ уронить Австрійскіе финансы. Хацкевичъ почти вполнѣ достигъ этой цѣли, но на послѣдней операціи былъ пойманъ и приговоренъ къ смертной казни. Онъ однакоже успѣлъ убѣжать изъ крѣпости, гдѣ содержался. Таковъ былъ, на гораздо меньшую ногу, и нашъ Дроздовскій [2]). Подвиги нѣкоторыхъ изъ этихъ рыцарей, чрезвычайностью, смѣлостью и эксцентричностью своею, нерѣдко доходили почти до легендарной чудесности.

Источника этихъ явленій напрасно было бы искать въ стихіяхъ народнаго характера Поляковъ. Онъ есть смѣсь почти противуположныхъ элементовъ: Славянской безпечности, природной храбрости, съ Французскою способностью увлекаться первыми впечатлѣніями. Но силы этихъ составныхъ элементовъ было бы недостаточно для произведенія такихъ субъектовъ, о какихъ мы говоримъ. Нужно искать другой, внѣшней причины, такъ какъ она, по моему мнѣнію, заключается не въ постоянныхъ качествахъ народнаго характера, а въ случайныхъ, временныхъ обстоятельствахъ, и именно вотъ въ чемъ. Многіе Поляки изъ образованнаго класса, въ данной эпохѣ, нашлись въ исключительномъ положенія. При самомъ началѣ военной карьеры Наполеона, они поступили во Французскую службу и составили легіоны. Это отборное войско Наполеонъ водилъ по всюду за собой въ своихъ экспедиціяхъ и даже посылалъ въ Америку. Такимъ образомъ легіонисты, справедливо можно сказать, „прошли сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы". Эти воины-космополиты закалились до твердости адаманта въ безпрерывныхъ побѣдоносныхъ бояхъ, въ сношеніяхъ, въ неисчислимыхъ перипетіяхъ войны всѣхъ возможныхъ родовъ и во всѣхъ климатахъ. Неудивительно, что, при господствовавшемъ тогда безвѣріи, среди такой жизни, притупились въ нихъ всякія человѣческія чувства и что изъ нихъ выходили тякіе полу-демоны, какъ напр. Хацкевичъ. Это объясненіе подтверждается a posteriori тѣмъ фактомъ, что всѣ историческіе Польскіе авантюристы были въ свое время легіонисты или служили въ другихъ Наполеоновскихъ войскахъ. Sublata causa tollitur effectus (съ прекращеніемъ причины прекращаются послѣдствія.) Съ тѣхъ поръ какъ Наполеона не стало, и подобные Польскіе герои перестали являться.

При тогдашнемъ административномъ бездѣйствіи, выродился и въ самомъ краѣ странный бродячій элементъ, исключительный продуктъ мѣстности. Это были являвшіеся по временамъ въ помѣщичья усадьбы, такъ называемые „философы". По этому названію они могли претендовать развѣ только на причисленіе ихъ къ школѣ древнихъ Циниковъ. Нѣчто въ родѣ Русскихъ „юродивыхъ", но безъ религіозной примѣси, это были все шляхтичи, получившіе нѣкоторое образованіе, но предавшіеся пьянству, полу помѣшанные, промышляющіе выпрашиваніемъ милостыни. Нѣкоторые декламировали при этомъ какіе нибудь выученные стихи или рѣчи, другіе же и сами ихъ сочиняли. Изъ нихъ я помню четверыхъ: Познинскаго, Семирадзкаго, Мѣлешко и Омульскаго. Послѣдній былъ уроженецъ не Слонимскаго уѣзда, бродилъ по цѣлой Литвѣ,

[1]) Съ остріемъ

[2]) Подробные разсказы о тѣхъ и другихъ Польскихъ авантюристахъ собраны въ сочиненіи графа Генриха Ржевусскаго: „Польскій Теофрастъ (Teofrast Polski), напечатанномъ въ 50-годахъ въ Петербургѣ.

но кромѣ своего философскаго промысла имѣлъ другой, болѣе полезный. Онъ хорошо настроивалъ фортепіяны и этимъ, по помѣщичьимъ домамъ, зарабатывалъ деньги. Мѣлешко, совершенный идіотъ, происходилъ изъ знатнаго рода: одинъ изъ его предковъ былъ воеводою. Семирадзкій былъ проживщійся помѣщикъ и отъ пьянства на половину сумасшедшій; одежду, которую ему давали, онъ пропивалъ и тогда ходилъ весь обмотанный соломою. Бывали философы и въ городахъ; такъ въ Вильнѣ, въ мое университетское время, были помѣшанные на стихотворствѣ Шурловскій и Кришталевичъ, также Соболевскій. Но послѣдній былъ не столько истинный Литовскій философъ, сколько довольно острый шутъ. Ему дѣлали разные фантастическіе костюмы, и онъ парадировалъ въ нихъ по Вильнѣ съ важностью Испанскаго гидальга. Разъ, когда я еще былъ въ университетѣ, онъ сыгралъ слѣдующій фарсъ. Чрезъ Вильну проѣзжалъ какой-то Германскій принцъ. Половина города вышла ему на встрѣчу за Острую-Браму; въ толпѣ былъ и Соболевскій, но никто не замѣтилъ что такое у него было подъ альмавивой. Принцъ, въ экипажѣ, остановился предъ Остро-Брамой для принятія привѣтствій отъ офиціальныхъ лицъ, послѣ чего долженъ былъ отправиться прямо во дворецъ. Какъ только кончились привѣтствія, Соболевскій, стоявшій въ первомъ ряду зрителей, подбѣжалъ къ экипажу и, ставъ на одно колѣно, съ глубокимъ поклономъ поднесъ принцу—горшокъ съ вареным картофелемъ, сказавъ при томъ попольски, что для того дѣлаетъ это приношеніе, чтобы его высочество считалъ себя въ Вильнѣ какъ бы на родинѣ *) Соболевскій сдѣлалъ это такъ ловко и такъ скоро, что полиція схватила его послѣ уже совершившагося факта. Принцу, который не въ шутку разсердился, сказали, что это сдѣлалъ сумасшедшій. Соболевскаго взяли въ полицію; но это ему было ни почемъ: онъ былъ хорошо знакомъ съ кутузкою, куда его нерѣдко отводили, поднявши пьянаго на улицѣ.

*) Въ Россіи Нѣмцовъ обзываютъ *колбасниками*, а въ Польшѣ *картофельниками* (kartoflarze.)

Провинціяльные философы иногда зарабатывали себѣ небольшія деньги еще слѣдующимъ промысломъ. Во время моей первой молодости доживали свой вѣкъ кое-гдѣ по деревнямъ старики помѣщики, которые недовѣряли *казенной* почтѣ и письма свои, даже въ другіе уѣзды и губерніи, давали носить кому нибудь изъ странствующихъ философовъ. Это стоило имъ нѣсколько злотыхъ и, странное дѣло, философъ, преобразованный въ письмоносца, не смотря на свое пристрастіе къ водкѣ, всегда, хотя и очень не скоро, доставлялъ письмо по адресу и приносилъ отвѣтъ. Когда же такому недовѣрчивому господину случалась надобность посылать деньги, то для этого онъ нанималъ одного изъ Татаръ. Въ Слонимѣ была цѣлая населенная ими улица; ихъ было также немало и въ Новогрудкѣ.

Кстати о Татарахъ. Отъ самаго древняго нашествія Азіатскихъ народовъ на Европу, въ Литвѣ осталось много Татаръ; они поселились въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ занимаются разными ремеслами, преимущественно кожевеннымъ. Многіе изъ высшаго класса (мурзы) приняли христіянство и со временемъ, въ военной службѣ, пріобрѣли дворянство. Таковы Азаревичи, Аслановичи, Кенскіе, Азулевичи, Лукашевичи, Уланы, Крымскіе, Бѣляки, Ордынскіе, и др. Простые Татары большею частью остались магометанами, но и у тѣхъ и у другихъ сохранились непоколебимо традиціи строгой честности; по крайней мѣрѣ въ описываемое время, такое было общее о нихъ мнѣніе. И дѣйствительно, никто не помнилъ примѣра, чтобы кто нибудь изъ этого племени былъ замѣшанъ въ уголовномъ дѣлѣ, никто не могъ назвать развратной женщины изъ Татарокъ. Литовскіе Татары счи-

таютъ себя потомками воиновъ Золотой Орды, и замѣчательно то, что физіономіи ихъ, кромѣ нѣсколько смуглаго цвѣта лицъ, не имѣютъ ничего общаго съ типомъ физіономій другихъ Русскихъ Татаръ, напримѣръ Казанскихъ. У Литовскихъ черты лица правильныя, глаза прямые, вообще черные и выразительные.

Отъ 1811 года живо у меня сохранились въ памяти нѣкоторые болѣе замѣчательные случаи, и я ихъ здѣсь разскажу: въ нихъ есть характеристическія черты мѣста и времени.

Извѣстно уже, что наше мѣстопребываніе было на самомъ большомъ трактѣ. Поэтому въ мѣстечкѣ, гдѣ была и почтовая станція, безпрестанно появлялись новыя лица. Одинъ разъ вечеромъ, послѣ жаркаго Іюньскаго дня, мы цѣлымъ семействомъ вышли на прогулку, направляясь къ кузницѣ, стоявшей между мѣстечкомъ и палацомъ, гдѣ мы жили. Предъ кузницей стоялъ какой-то странный экипажъ, родъ одноколки въ одну лошадь, а около него суетился какой-то господинъ въ неменѣе странномъ костюмѣ. Онъ имѣлъ черную шляпу съ большими полями, какія носили Евреи, а въ рукахъ большую палку, и показывалъ кузнецу что-то поврежденное въ экипажѣ. Подошедши ближе, мы увидѣли, что проѣзжій монахъ какого-то иностраннаго ордена. На немъ была старая коричневая ряса, съ краснымъ крестомъ на лѣвой груди. Самъ онъ былъ менѣе чѣмъ обыкновеннаго роста, плотнаго сложенія; смуглое выразительное лицо рѣзко было ознаменовано Итальянскимъ типомъ. Отецъ мой мало говорилъ пофранцузски, но, видя духовнаго, обратился къ нему полатыни: на этомъ языкѣ незнакомый объяснялся свободно. Мы узнали, что онъ монахъ ордена Камилліанъ, отъ своего монастыря въ Аппенинскихъ горахъ посланъ для собиранія подаяній на выкупъ христіянскихъ невольниковъ отъ Мароканцевъ, Алжирцевъ и Тунисцевъ.

Отецъ пригласилъ странника ночевать у насъ и просилъ не безпокоиться объ экипажѣ, который будетъ починенъ. Монахъ поблагодарилъ, говоря, что онъ и безъ того зашелъ бы въ палацъ за подаяніемъ и пошелъ съ нами; онъ немного хромалъ, опираясь на палку. Пришедши въ домъ, отецъ Амвросій за стаканомъ Венгерскаго разговорился. Онъ объѣхалъ всю Гродненскую губернію; въ другія губерніи посланы другіе монахи его ордена, а онъ возвращается въ монастырь. Онъ оказался человѣкомъ образованнымъ, разсказывалъ много интереснаго о своихъ путешествіяхъ, но главнымъ предметомъ его рѣчей были жалобы на императора Французовъ за порабощеніе Италіи, а особенно за притѣсненіе Папы. Онъ все болѣе и болѣе горячился, бранилъ и проклиналъ Наполеона, предсказывая ему близкое паденіе именно потому, что онъ заставилъ Св. Отца произнесть на него анаѳему. Отецъ и матушка защищали Наполеона, но монахъ не хотѣлъ ничего слушать и не переставалъ повторять, что этотъ извергъ, этотъ антирхистъ долженъ скоро погибнуть.

По утру на другой день, одноколка отца Амвросія была готова, и онъ, получивъ отъ родителей моихъ подаяніе, отправился къ Бресту-Литовскому. Недѣли чрезъ двѣ мы узнали, что по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ нашего посланника въ Парижѣ, Камилліяна задержали близъ самой границы. Оказалось, что это былъ переодѣтый офицеръ Французскаго генеральнаго штаба, посланный для съемки главныхъ мѣстностей и дорогъ Гродненской губерніи. Въ палкѣ у него нашли срисованные имъ планы.

Около того же времени, въ половинѣ лѣта, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ружаны, въ лѣсу, по дорогѣ къ слѣдующей станціи Межевичи, завелись разбойники. Ихъ было трое, они останавливали и грабили проѣзжающихъ. Разъ нашли въ лѣсу убитаго съ признаками жестокаго истязанія бѣднаго Пинскаго мѣщанина изъ тѣхъ, которые по дворамъ

разносятъ огородныя сѣмяна Два раза дѣлали въ лѣсу облаву съ участіемъ военной команды, но оба раза безуспѣшно. Наконецъ, для поимки бандитовъ, командированъ былъ губернаторомъ засѣдатель отъ дворянства Слонимскаго Земскаго Суда (полицейскаго управленія) Леопольдъ Лагевницкій и, прибывъ на мѣсто, онъ остановился у насъ. Онъ слылъ хорошимъ детективомъ и, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ довольно трудныхъ слѣдствіяхъ оказалъ талантъ, напоминающій Лекока *). Онъ употреблялъ разныя средства, посылалъ въ лѣсъ людей съ коробами; тѣ притворялись пьяными, а чиновникъ слѣдилъ за ними лѣсомъ съ вооруженными людьми, по ночамъ разъѣзжалъ самъ по большой дорогѣ, нарядившись Жидомъ въ скрыпучей немазанной фурѣ, наполненной „фиктивнымъ“ товаромъ, а тамъ скрывались люди съ ружьями. Ничто не удавалось: бандиты не поддавались ни на какія хитрости. Мы, дѣти, ужасно боялись разбойниковъ и по ночамъ не спали отъ страху.

Лагевницкому стало ясно, что они тайными путями узнаютъ обо всемъ что предпринимается. Онъ перемѣнилъ тактику, распустилъ слухъ, что уѣзжаетъ совсѣмъ, не надѣясь исполнить губернаторское порученіе, и дѣйствительно уѣхалъ отъ насъ, но, отъѣхавъ версты двѣ, своротилъ въ сторону тракта къ сосѣднему помѣщику. Скрываясь у него, онъ сталъ дѣйствовать по новому плану: переодѣвался то крестьяниномъ, то Жидомъ, искусно гримируясь, ходилъ по окрестнымъ селамъ и часто бывалъ въ Ружанѣ, тамъ ходилъ по кабакамъ и лавкамъ и самъ, и чрезъ довѣреннаго, смышленаго человѣка, котораго съ собою привезъ, собиралъ разные слухи.

Въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ подвизались разбойники, въ двухъ верстахъ отъ большаго тракта, на проселочной дорогѣ, была корчма, содержимая Жидовкою, молодою красивою вдовою. Естественно было полагать, что мошенники бываютъ въ этой корчмѣ, а можетъ быть она служитъ имъ притономъ. Сдѣлали обыскъ, но ничего подозрительнаго не оказалось. Лагевницкій самъ два раза наѣзжалъ внезапно ночью, но всякій разъ издалека встрѣчалъ его лай большой собаки и, пріѣхавши, онъ не заставалъ никого, кромѣ хозяйки, ея 8 ми лѣтняго *бахура* и служанки, также Жидовки.

Разъ, когда всѣ уже были увѣрены, что чиновникъ уѣхалъ, онъ въ мѣстечкѣ узналъ, что въ тотъ же день корчмарка закупала провизію, вовсе не Жидовскую, какъ то говядину у мясника-христіянина и свинину, говоря, что у нея ночуютъ проѣзжіе господа *). Онъ тотчасъ послалъ своего человѣка въ корчму, велѣлъ пить тамъ водку и пиво и далъ пилюли, которыми онъ, въ кускѣ жаренаго мяса, долженъ былъ отравить собаку. Человѣкъ въ точности все исполнилъ и ушелъ вечеромъ, собака не вдругъ околѣла, но была больна и не выходила изъ сарая. Чиновникъ отъ стоявшаго въ Ружанѣ полка вытребовалъ команду, 12 солдатъ; она обошла корчму лѣсомъ и расположилась въ лѣсу же близь самой корчмы. Въ туже ночь Лагевницкій съ пятью вооруженными людьми отправился на мѣсто. Собака не лаяла. Они обошли корчму кругомъ; огня въ ней не было. Пробуя окна, нашли одно не плотно затворенное; отворили его; всѣ шестеро вошли въ него, безъ малѣйшаго шума, и очутились въ большой общей комнатѣ, гдѣ на полу, вѣроятно послѣ порядочныхъ возліяній, спали богатырскимъ сномъ нераздѣтыми три человѣка. При

*) Въ романахъ Габоріо (Gaboriau).

*) Извѣстно, что свинина строго запрещена Моисеевымъ закономъ, говядину же Евреи могутъ брать только у присяжнаго мясника-Еврея, который продаетъ одну *кошерную* (то есть чистую, отъ скотины, во внутренностяхъ которой не нашлось никакого поврежденія и ничего посторонняго). Говядина безъ такой гарантіи называется *трефъ*, и правовѣрный Еврей не станетъ ее ѣсть не за что.

каждомъ лежалъ большой ножъ, а при одномъ и пистолетъ. Убравъ эти оружія, чиновникъ и его спутники вдругъ накинулись по двое на каждаго и еще полусонныхъ стали вязать привезенными съ собою бичевками. Атаманъ, тотъ у котораго былъ пистолетъ, защищался отчаянно. Онъ укусилъ руку у Лагевницкаго; но тотъ, сильный молодой человѣкъ, скоро съ нимъ справился. Между тѣмъ по данному свистку подоспѣла и команда. На шумъ прибѣжала въ одной рубашкѣ изъ смежной свѣтелки съ зажженною свѣчкою сама шинкарка и, увидя, что дѣлается, заломала руки и стала неподвижна, какъ бы пораженная каталепсіею. Она, по разсказамъ Лагевицкаго, была прекрасна и могла бы служить лучшею моделью для статуи отчаянія. Ее также связали. Чиновникъ сдалъ всѣхъ на руки унтеръ-офицеру съ своимъ подручнымъ и отослалъ въ мѣстечко подъ арестъ, къ начальнику тамошняго гарнизоннаго этапа, а самъ пріѣхалъ къ намъ и все разсказалъ. Атаманъ, по прозванію Жигаръ, былъ Волковыскій мѣщанинъ, два другіе—бѣглые солдаты. Шинкарка была любовницею атамана, и чрезъ нее онъ получалъ нужныя ему вѣсти. Благодаря имъ, разбойники все время облавы просидѣли на высокихъ деревьяхъ, скрываясь въ густой листвѣ. У разбойниковъ найдено денегъ немного, двое серебряныхъ часовъ и еще кой-какія вещицы. Но что странно, въ ихъ вещахъ найдены бутылка сапожной ваксы, початая банка помады и печатный in *4-to* экземпляръ трехъ первыхъ одъ извѣстнаго Польскаго поэта Козьмяна. Эту книжечку чиновникъ подарилъ мнѣ, такъ какъ я въ то время пописывалъ стишки; она сохранилась у меня до сихъ поръ.

Но вотъ эпизодъ, который сдѣлалъ еще гораздо большее впечатлѣніе на все наше семейство; тутъ дѣло шло о жизни и смерти одного изъ его членовъ.

Матушка получила письмо отъ своего брата Ѳаддея Г., жившаго въ Минской губерніи, извѣщавшее, что онъ ѣдетъ къ намъ провести нѣкоторое время. Мы, дѣти, обрадовались этому: добрый дядя привозилъ намъ всегда прекрасные гостинцы. Тогда никто почти не ѣздилъ на почтовыхъ, а на своихъ или нанятыхъ у Жидовъ или у Татаръ лошадяхъ. Дядя ѣхалъ въ своей коляскѣ, на тройкѣ своихъ же лошадей, съ человѣкомъ и велъ съ собою хорошенькую верховую лошадку въ подарокъ для меня, старшаго своего племянника. На одномъ отдыхѣ въ корчмѣ, не доѣзжая до насъ верстъ за сорокъ, онъ засталъ незнакомаго господина, который также тамъ обѣдалъ и кормилъ лошадей. Тотъ отрекомендовался какъ помѣщикъ Виленской губерніи, Зборомирскій. Это былъ умный, пріятный человѣкъ; они скоро сблизились, и какъ оба ѣхали въ одну сторону, то Зборомирскій предложилъ ѣхать обоимъ вмѣстѣ, въ его покойной бричкѣ на рессорахъ, а коляску дяди съ служителями отправить впередъ. Дядя принялъ предложеніе; спутникъ былъ пріятный, веселый собесѣдникъ. Верстъ за девять не доѣзжая Ружаны, въ хорошей гостинницѣ они заночевали, для того, чтобы дядя могъ прибыть къ намъ на другой день утромъ. Они оба спали въ одной большой комнатѣ; ночь была жаркая, дядя не могъ уснуть, но, чтобы не разбудить товарища, лежалъ спокойно. Онъ замѣтилъ, что тотъ тоже не спитъ, время отъ времени привстаетъ на постелѣ, оглядывается и прислушивается. Это удивило моего дядю. Потомъ онъ увидѣлъ, какъ Зборомирскій, сѣвъ на постелѣ и взявъ въ обѣ руки подушку, протягивалъ уже одну ногу, какъ бы намѣреваясь встать; но дядя кашлянулъ, и товарищъ, взбивъ только подушку въ рукахъ, положилъ ее на мѣсто и самъ легъ. Г. старался уже не уснуть. Такъ прошла ночь. „Вы, кажется худо спали“, сказалъ вставая дядя.—„Да, душно было, да и не могъ справиться съ моей подушкой“.

Путешественники уѣхали довольно рано и, прибывъ въ Ружану въ 9 часу утра, заѣхали на почтовую станцію, гдѣ

уже ждали лошади моего дяди; отъ смотрителя онъ узналъ, что родители мои дома. Станція стояла среди рынка, а какъ это было воскресенье, торговый день, то на рынкѣ собралось много народу изъ мѣстечка и окрестностей. Покуда дядя разговаривалъ съ смотрителемъ, Зборомирскій кликнулъ своего слугу. Это былъ парень лѣтъ 17-ти, его крѣпостной. Но тотъ, вмѣсто того чтобы послушаться, изъ сѣней кинулся опрометью въ толпу народа и оттуда сталъ кричать: „Держите моего барина, онъ убійца!“ Народъ бросился къ почтѣ, но смотритель заперъ входную дверь, а чрезъ другую позвалъ ямщиковъ и велѣлъ не выпускать никого. Зборомирскій хотѣлъ уйти, но его задержали. Случилось такъ, что у насъ былъ тогда земскій исправникъ, пріѣхавшій къ отцу по какому-то дѣлу. За нимъ послали. Исправникъ снялъ тутъ же первые допросы съ обвиняемаго, слуги и съ моего дяди. Оказалось, что промышлявшій такимъ образомъ по большимъ дорогамъ бандитъ былъ не Зборомирскій, а нѣкто Зеньковичь, дворянинъ Витебской губерніи. Слуга уличалъ его въ трехъ убійствахъ. По его указанію задержали и кучера, какъ сообщника. Тотъ было уже протискался сквозь толпу и хотѣлъ скрыться. По показанію мальчика, первою жертвою Зеньковича былъ его двоюродный братъ; онъ по немъ получилъ наслѣдство. Потомъ онъ убилъ какого-то богатаго подрядчика Жида; а третьяго Виленскаго помѣщика Войшвило или Ворошило. Злодѣянія свои онъ совершалъ такъ. Разъѣзжалъ въ задъ и впередъ по большимъ трактамъ, останавливаясь въ лучшихъ корчмахъ и гостинницахъ, гдѣ вѣроятно имѣлъ сообщниковъ. Заставъ тамъ проѣзжаго, у котораго предполагалъ хорошія деньги, онъ знакомился съ нимъ и, угостивши его виномъ съ какою-то наркотическою приправою, заманивалъ къ себѣ въ бричку, а когда тотъ крѣпко заснулъ, тогда, остановясь на дорогѣ, обыкновенно ночью и преимущественно въ лѣсу и давъ ему, Ивану, держать лошадей, въ двоемъ съ кучеромъ Ѳомою, душили спутника подушкою. Трупъ брата Зеньковичь привезъ въ городъ и заявилъ, что онъ умеръ отъ апоплексіи; никто не повѣрялъ этого показанія, и его тутъ же похоронили. Двухъ другихъ убійцы зарыли близь дороги въ лѣсу. Слуги убитыхъ, съ ихъ экипажами, усланы были впередъ и дожидались за какихъ нибудь десять или болѣе верстъ въ указанной имъ Зеньковичемъ корчмѣ. Самъ Зеньковичь, сдѣлавъ свое дѣло, поворачивалъ назадъ или ѣхалъ въ сторону проселочными дорогами, и тѣмъ все оканчивалось. Теперь такіе нехитрые пріемы къ сокрытію убійствъ могутъ показаться фантастическою сказкою; но при тогдашней администраціи, этого было слишкомъ достаточно, и все легко сходило съ рукъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Иванъ прибавилъ, что въ бричкѣ, подъ новымъ тикомъ, которымъ она обита, должны быть слѣды крови, бросившейся изъ носа у одного изъ убитыхъ, когда его душили. Сняли тикъ и дѣйствительно подъ нимъ, на войлокѣ, нашли большія кровяныя пятна. Иванъ сказалъ, что онъ давно искалъ удобнаго случая, чтобы отдать убійцу въ руки правосудія, тѣмъ болѣе, что рано или поздно Зеньковичь непремѣнно убилъ бы или отравилъ бы и его и кучера.

Зеньковичь, послѣ краткаго раздумья, во всемъ признался, ровно какъ и кучеръ Ѳома, также его крѣпостной. Показанія свидѣтелей онъ слушалъ хладнокровно, съ циническою улыбкою. По временамъ только дѣлалъ страшные глаза Ивану. Обратясь къ моему дядѣ, онъ сказалъ: „Счастіе ваше, что вы не пьете вина, не спите въ дорогѣ и имѣете карманные пистолеты“.—„Что же вы бы сдѣлали съ моимъ слугою и кучеромъ?“ спросилъ Г.—„Я бы ничего не сдѣлалъ, а пріѣхавши на Ружанскую станцію, сдалъ бы тѣло вашимъ людямъ и сказалъ бы, что вы умерли отъ удара“.

Зеньковичу надѣли на ноги колодки, и исправникъ посадилъ его, предварительно за крѣпкимъ карауломъ, въ одну изъ особыхъ келій Ружанскаго Базиліянскаго монастыря. Жители мѣстечка ходили смотрѣть его; онъ былъ разговорчивъ и привѣтливъ, особенно съ дамами. Я также выпросился къ нему, и меня отпустили съ гуверперомъ. Въ физіономіи его не было ничего замѣчательнаго, кромѣ выраженія какой то непріятной моложавости (ему было за сорокъ лѣтъ) и чрезвычайно угрюмаго взгляда бѣгающихъ на всѣ стороны глазъ. Это самое выраженіе несвоевременной моложавости и такой взглядъ я потомъ замѣчалъ у *всѣхъ* убійцъ, которыхъ много въ жизнь свою видѣлъ. Случалось встрѣчать тѣже признаки и у другихъ такихъ, которые никогда не были подъ уголовнымъ судомъ, и даже у субъектовъ принадлежащихъ къ обществу: это все были люди недобрые.

Не могу также не упомянуть объ одной исторической личности изъ числа обитателей окрестностей Ружаны. Это былъ знаменитый Цейзигъ, въ послѣдствіи прославившійся двукратнымъ поддѣлываніемъ Россійскихъ ассигнацій. Въ 1811 году, онъ, обще съ своимъ шуриномъ Тюркомъ, содержалъ въ арендѣ одну изъ мызъ Ружанскаго графства. Онъ родился превосходнымъ артистомъ во всѣхъ родахъ искусства: былъ музыкантъ, рисовальщикъ, скульпторъ, гравёръ, неподражаемый каллиграфъ. По праздникамъ сосѣдніе помѣщики и арендные содержатели имѣній князя Сапѣги съѣзжались въ Ружану къ обѣднѣ, а потомъ собирались у насъ на завтракъ. Въ числѣ ихъ постоянно бывалъ Цейзигъ. Намъ дѣтямъ онъ привозилъ разныя свои издѣлія; это были рѣзныя коробочки, вещицы изъ слоновой кости и янтаря, клѣтки для птицъ, все самой изящной отдѣлки. Отцу нашему, курившему табакъ, онъ дарилъ трубки, глиняныя и деревянныя и чубуки, съ рѣзьбою и всѣми возможными украшеніями: это были вполнѣ художественныя произведенія. Смѣло можно сказать, что если бы Цейзигъ посвятилъ себя исключительно искусству, то изъ него вышелъ бы второй Бенвенуто Челлини. Къ сожалѣнію удивительныя его способности приняли преступное направленіе.

Оставя сельское хозяйство, Цейзигъ поступилъ на службу въ канцелярію Виленскаго университета. Каллиграфическія его работы славились повсюду и цѣнились дорого; на примѣръ за дипломы на ученыя степени, то есть за заголовокъ и 8 или 9 строкъ письма, онъ получалъ по десяти и болѣе червонцовъ. Дальнѣйшая біографія его въ главныхъ чертахъ слѣдующая.

Въ Вильнѣ еще онъ дебютировалъ къ своей несчастной карьерѣ тѣмъ, что и самъ и его пріятели постоянно бывали въ театрѣ по билетамъ его фабрикаціи. Это было возможно въ Вильнѣ, гдѣ тогда былъ и долго еще потомъ просуществовалъ партеръ съ скамейками безъ нумерованныхъ мѣстъ. Вскорѣ потомъ, въ исходѣ 20-хъ годовъ, Цейзигъ взялъ въ аренду маленькое имѣніе въ Слуцкомъ уѣздѣ (Минской губ.) и тамъ на большую ногу завелъ фабрику ассигнацій стараго образца. Бумагу для этаго онъ приготовлялъ самъ изъ веленевой. Тюркъ пускалъ въ обращеніе издѣлія своего шурина, но разъ какъ-то, мѣняя ихъ неосторожно, былъ пойманъ; въ домѣ Цейзига произведенъ былъ обыскъ, и оба они попали въ тюрьму въ Минскѣ. Дѣло объ этомъ, какъ и всѣ дѣла того времени, тянулось долго. Между тѣмъ Цейзигъ такъ умѣлъ расположить къ себѣ полицмейстера, что ему позволено было, на честное слово, ходить гулять одному. Цейзигъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе и бѣжалъ. Вскорѣ потомъ бѣжалъ и Тюркъ; оба очутились въ Вѣнѣ. Тамъ Цейзигъ сталъ дѣлать банкоцетли. Не смотря на безукоризненную отдѣлку Австрійскихъ ассигнацій, Вѣнская полиція стала ихъ подозрѣвать, и они съ шуриномъ подъ чужими именами, по сфабрикованнымъ паспортамъ, перебрались въ Подольскую губернію,

гдѣ, поселясь въ уединенномъ хуторѣ, нашъ артистъ взялся поддѣлывать ассигнаціи, выпущенныя уже по новому, будто бы усовершенствованному образцу. Для того, чтобы ихъ безопасно пускать въ обращеніе, они придумали слѣдующую хитрость. Въ теперешнемъ Царствѣ Польскомъ, на границѣ Галиціи, есть мѣстечко Влодава, гдѣ бываютъ большія ярмарки лошадей, особенно откормленныхъ на убой воловъ. Тюркъ постоянно закупалъ тамъ цѣлые ихъ гурты, которые потомъ продавалъ въ розницу по городамъ и мѣстечкамъ. Такъ онъ мѣнялъ Цейзиговскія деньги на настоящія. Они промышляли такимъ образомъ около двухъ лѣтъ и собрали большія деньги. Поддѣлка была верхъ совершенства, такъ что подобная операція могла бы продолжаться неопредѣленное время, еслибы не случилось слѣдующее. Тюркъ, по дѣламъ своей торговли, былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ подъ принятымъ псевдонимомъ и по паспортамъ работы своего шурина. Въ одинъ изъ такихъ вояжей онъ проѣзжалъ чрезъ городъ Кобрынь, Гродненской губерніи. Тутъ, на почтовой станціи, гдѣ ему перемѣняли лошадей, нашелся человѣкъ, который, во время поимки Цейзига въ Слуцкомъ уѣздѣ, служилъ у него лакеемъ. Онъ узналъ Тюрка въ лицо и сталъ требовать уплаты 300 злотыхъ, которые будто бы онъ, съ Цейзигомъ, остались ему должны. По всему вѣроятію это была ложь, и бывшій лакей, знавшій ихъ дѣла, хотѣлъ этимъ воспользоваться. Еслибы Тюркъ отдалъ ему требуемыя небольшія деньги, все, быть можетъ, этимъ и кончилось бы. Но онъ счелъ за лучшее, на основаніи подорожной, отпереться отъ своей личности и утверждать человѣку, что видитъ его въ первый разъ. Тогда человѣкъ, предупредивъ станціоннаго смотрителя, чтобы медлилъ перемѣною лошадей, заявилъ обо всемъ городничему, и Тюрка задержали. Пошли справки и, не смотря на запирательство арестованнаго, добрались и до Цейзига и обоихъ препроводили въ Гродну.

Любопытны отвѣты Цейзига на дѣланные ему въ Губернскомъ Правленіи допросы. Видя себя окончательно погибшимъ, онъ уже былъ вполнѣ откровененъ и даже позволялъ себѣ сарказмы. Вотъ сущность его показаній. Послѣ побѣга въ Германію, онъ пробовалъ дѣлать банкоцетли въ Вѣнѣ; но, замѣтивъ, что полиція зорко слѣдитъ за нимъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что только въ одной Россіи, при тогдашнемъ устройствѣ администраціи, можно долго уклоняться отъ дѣйствія закона и потому перевелъ свою мастерскую въ Подольскую губернію. Онъ хотѣлъ собрать большую сумму и переселиться въ Парижъ или Лондонъ, гдѣ таланты его были-бы оцѣнены по достоинству. Его мечта была сдѣлаться начальникомъ монетнаго учрежденія, императорскимъ или королевскимъ медальёромъ. Онъ горько издѣвался надъ мнимыми ухищреніями въ рисункѣ ассигнацій новаго образца. „Для такого артиста, какъ я, говорилъ онъ, гораздо труднѣе было поддѣлываться подъ первобытную простоту и грубую отдѣлку прежнихъ ассигнацій, чѣмъ копировать неудачныя затѣи новыхъ, тѣмъ болѣе, что на старыхъ ассигнаціяхъ были три подлинныя подписи, которыя нужно было поддѣлывать особо на каждомъ экземплярѣ, что̀ много замедляло работу, на новыхъ же подписи эти замѣнены печатными гриффами, которые стоитъ только хорошо сфабриковать одинъ разъ на всегда“. Когда его спросили, какъ различать его кредитные билеты отъ настоящихъ, Цейзигъ отвѣчалъ. что по наружному осмотру онъ и самъ не въ состояніи найти какую нибудь разницу; но качество его бумаги лучше казенной, и потому единственное средство оторвать кусокъ ассигнаціи: если края отрыва совершенно ровны, какъ бы отрѣзанные, то это его издѣліе, въ казенной же ассигнаціи будутъ по краямъ неровности и ниточки. Онъ прибавилъ: „Правительство истратило два или болѣе милліона на устройство машины, печатающей новыя ассигнаціи; деньги—брошенныя даромъ“. Онъ же дѣлалъ

слѣдующее предложеніе: если его простятъ и обезпечатъ хорошимъ содержаніемъ, то онъ устроитъ снарядъ своего изобрѣтенія, съ извѣстнымъ ему одному секретомъ, и будетъ дѣлать такіе кредитные билеты, что правительство можетъ не опасаться никакой поддѣлки. Когда ему возразили, что то что̀ сдѣлалъ одинъ человѣкъ, можетъ быть повторено другимъ, то онъ съ улыбкою невыразимой самонадѣянности сказалъ: „Вы не такъ говорите; скажите, что̀ сдѣлалъ Цейзигъ, можетъ сдѣлать другой Цейзигъ, и будете правы; только дѣло въ томъ, что этаго другаго прійдется долго ждать“.

Предложеніе не было принято.

Процессъ Цейзига, не смотря на явныя улики и собственное признаніе, длился безконечно. Подсудимый содержался въ тюрьмѣ въ Минскѣ. Ему не давали никакихъ металлическихъ инструментовъ; но онъ, съ помощью простой щепки, выдѣлывалъ изъ черной и желтой глины множество чудныхъ предметовъ, чашекъ, кружекъ, трубокъ, подсвѣчниковъ, съ рѣзьбою и барельефами. Вещи эти хранятся въ домахъ у тамошнихъ помѣщиковъ, какъ драгоцѣнная рѣдкость. Въ проѣздъ императора Александра I чрезъ Минскъ, губернаторъ поднесъ Его Величеству какую-то группу, сдѣланную Цейзигомъ, и эта работа заслужила особенное вниманіе Государя; однакожъ приношеніе это не повело къ тому, для чего было учинено. Государь не помиловалъ современнаго Бенвенуто.

Цейзигъ, за старостью, былъ приговоренъ только къ ссылкѣ на поселеніе, да и тамъ получилъ позволеніе проживать въ Тобольскѣ. Докторъ Садовскій, (извѣстный потомъ практикъ въ Петербургѣ) зналъ его тамъ и лечилъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что дѣланіе ассигнацій перешло у Цейзига съ лѣтами въ мономанію; онъ занимался этимъ и въ Тобольскѣ, но поддѣлка его стала уже такая неискусная, что никого не вводила въ обманъ, такъ что власть, признавая его впавшимъ въ дѣтство, не преслѣдовала его за это.

*

Теперь перехожу къ достопамятному 1812 году*). Кругозоръ мой, правда, въ то время ограниченъ былъ одною небольшою мѣстностію, и взглядъ не могъ быть глубокимъ, тѣмъ не менѣе я думаю, что когда воспроизведено будетъ вѣрно то, что̀ я самъ видѣлъ и что̀ доходило до моего слуха, то и это найдетъ себѣ, хотя и очень скромное, мѣсто въ огромной исторической картинѣ вѣковаго событія и не будетъ признано излишнимъ для общей его характеристики.

Въ началѣ 1812 года все наше семейство изъ мѣстечка Ружаны переселилось въ купленное отцомъ моимъ имѣніе, по другую сторону города Слонима, въ 15 верстахъ отъ него, въ мѣстность расположенную среди первобытныхъ лѣсовъ, простиравшихся во всѣ стороны, сплошною массою, съ небольшими промежутками мызъ и деревень, на нѣсколько десятковъ верстъ.

Война уже была объявлена; главныя силы Наполеоновской арміи были, какъ извѣстно, направлены чрезъ Вильну; въ нашемъ же околодкѣ появлялись одинъ за другимъ отрядъ войскъ Австрійскихъ, Прусскихъ и Саксонскихъ. Они встрѣчались иногда съ отрядами арміи князя Багратіона и имѣли съ ними незначительныя стычки; но тогда уже было замѣтно, что этотъ Германскій контингентъ Наполеона дѣйствовалъ, правильнѣе бездѣйствовалъ, съ предвзятымъ намѣреніемъ. Слышно даже было, что отряды эти встрѣчались на большой дорогѣ съ Русскими войсками, и оба войска расходились каждое въ свою сторону безъ выстрѣла. Часто также Австрійцы и Пруссаки ходили, безъ видимой надобности, взадъ и впередъ, возвращаясь на оставленные ими пункты, какъ бы только для того, чтобы выиграть время. Одни Саксонцы, корпусъ генерала

*) Съ этого года я началъ писать мои замѣтки, изъ которыхъ составились статьи Калейдоскопа.

Ренье (Regnier), поступали добросовѣстно, дрались когда только могли, и за это не разъ дорого поплатились, не бывъ поддерживаемы своими псевдо-союзниками. Да и какъ Наполеонъ могъ думать, что Германскія государства, которыя онъ столько разъ побѣждалъ и унижалъ, будутъ ему служить вѣрно въ сумасбродной экспедиціи, предпринятой имъ противъ Россіи? Не надо быть стратегомъ, чтобы понимать, что изъ войскъ такихъ народовъ, на симпатію которыхъ нельзя расчитывать, не слѣдовало дѣлать своего аріергарда.

Я конечно не имѣю претензіи писать новую исторію или подробную критику кампаніи 1812 года; но, какъ современникъ, не могу не замѣтить въ нѣсколькихъ словахъ того, что́ бросалось въ глаза всякому профану. Въ этомъ историческомъ событіи подтвердилась какъ нельзя нагляднѣе поговорка древнихъ: „Quem Jovis vult perdere, prius dementat*). Вся кампанія, начиная съ ея нелѣпаго повода (casus belli) до самой развязки, представляетъ рядъ непонятныхъ ошибокъ, грубыхъ заблужденій, отсутствія всякаго соображенія, неумѣнія выбирать людей. Самый планъ дѣйствій, по свидѣтельству современныхъ мемуаровъ, основанъ былъ на данныхъ совершенно ложныхъ. Наполеонъ, смѣшивая понятіе о Русскомъ Сенатѣ съ понятіемъ о древнемъ Римскомъ институтѣ тогожъ названія, приписывая первому власть и значеніе послѣдняго и полагая при томъ, что мѣстопребываніе главнаго Сената есть Москва, сердце Россіи, вообразилъ себѣ, что, взявъ Москву и плѣнивъ Сенатъ, заставитъ послѣдній составить актъ, низлагающій Императора съ трона и превозглашающій его, Наполеона, властелиномъ Россіи. Для привлеченія же къ себѣ народа онъ полагалъ, по взятіи Москвы, оповѣстить уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Вотъ главныя пружины его стратегическихъ дѣйствій въ 1812 году. Но и къ осуществленію такого фантастическаго плана онъ приступалъ непослѣдовательно и даже самъ себѣ противодѣйствовалъ. Онъ хотѣлъ расположить въ свою пользу народъ, а въ тоже время войска его повсемѣстно грабили и оскорбляли такъ глубоко въ Русскомъ народѣ поселенное религіозное чувство. Ограбивъ встрѣчавшіяся по пути церкви, Французскіе солдаты сами въ нихъ располагались и ставили своихъ лошадей. Вмѣсто того чтобы снискать себѣ любовь, Наполеонъ у Русскаго народа прослылъ Антихристомъ, и, поведеніемъ своей арміи, обыкновенную войну превратилъ въ самую ожесточенную—въ войну религіозную.

*) Кого Господь захочетъ наказать, того напередъ лишаетъ ума.

Равно, крайне-неполитично было поведеніе императора Французовъ относительно Поляковъ и Литвиновъ, то есть населенія западныхъ губерній. Извѣстно, какимъ пламеннымъ Польскимъ патріотизмомъ пылала Литва въ то время; она, быть можетъ, превосходила въ этомъ коренныхъ Поляковъ. Для Литвиновъ Наполеонъ былъ полу-богомъ, идеаломъ земнаго величія и могущества, ниспосланнымъ свыше для возстановленія исторической Польши въ единствѣ съ Литвою, а предпринятую кампанію считали они средствомъ къ осуществленію этой задушевной мечты. По этому они готовы были на всевозможныя жертвы. Женщины были буквально *влюблены* въ Наполеона до того, что, не видавши его никогда, на вѣру изображеній на портретахъ и деньгахъ, рожали дѣтей удивительно похожихъ на императора Французовъ. Это замѣчательный физіологическій фактъ: въ поколѣніи того времени считалось много лицъ обоего пола съ физіономіями, живо всепроизводившими извѣстный Наполеоновскій типъ. И что́ же, этотъ общій восторгъ вдругъ охладѣлъ. Вступивъ въ Варшаву, Наполеонъ созвалъ Сеймъ, но на адресъ его о возстановленіи Польши отвѣчалъ уклончиво, не обѣщая даже ничего положительно, и наконецъ создалъ маленькое Варшавское Герцогство (Duché de

Varsovie), да и то вмѣсто того, чтобы назначить герцога изъ Поляковъ, присоединилъ къ Саксонскому королевству.

Это крайне разочаровало и оскорбило Поляковъ, а еще болѣе Литвиновъ, послѣднихъ особенно потому, что коаліціонная армія вела себя на ихъ землѣ, какъ въ краѣ непріятельскомъ: войска и ихъ начальники грабили и налагали контрибуцію. Вотъ что́ я видѣлъ своими глазами.

Городъ Слонимъ, по своему положенію на большой дорогѣ, составлялъ такой проходный пунктъ, что въ немъ одни войска безпрестанно смѣнялись другими. Послѣ Прусаковъ, Австрійцевъ, Саксонцевъ, появлялись Русскіе, а за ними опять разные Германцы. Въ краѣ, по распоряженію главнаго правителя великаго княжества Литовскаго, находившагося въ Вильнѣ, дюка де Бассано (Maret), введены уже были учрежденія и формы Наполеоновскаго правленія. Въ Слонимѣ былъ подпрефектомъ тамошній помѣщикъ Феликсъ Броньскій (въ послѣдствіи бывшій долго уѣзднымъ предводителемъ дворянства, см. II главу Калейдоскопа, Воспом. о Новосильцевѣ). У него всегда были готовы два мундира: одинъ по Французской, другой по Русской формѣ, и онъ надѣвалъ то тотъ, то другой, дѣлаясь попеременно, какъ Протей, то подпрефектомъ, то предводителемъ, смотря по тому, которой изъ воюющихъ державъ войска вступали въ его городъ. Онъ былъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ, одинаково привѣтливый и ладившій и съ тѣми, и съ другими. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и до того способенъ былъ проникаться по обстоятельствамъ своею двойною ролью, что въ имянины Наполеона (15 Августа), когда въ Слонимѣ были Саксонцы, онъ въ церкви „каноников регулярныхъ“ сказалъ прекрасную рѣчь и отъ сердечнаго умиленія плакалъ; потомъ, когда осенью наступилъ какой-то царскій праздникъ, и въ Слонимѣ были уже Русскіе, онъ, въ тойже церкви, произнесъ неменѣе трогательный спичь, также съ акомпаниментомъ слезъ.

Въ первые мѣсяцы кампаніи, въ Слонимѣ была нѣкоторое время главная квартира командира Австрійскаго корпуса, фельдмаршала-лейтенанта князя Шварценберга. Отецъ мой былъ тогда предсѣдателемъ коммисіи для удовлетворенія потребностей войскъ (Kommissya potrzeb wojskowych), учрежденной главнымъ Литовскимъ правленіемъ въ каждомъ уѣздѣ. Шварценбергъ, на другой же день по своемъ прибытіи, вызвалъ къ себѣ моего отца и объявилъ, что нужно съ города Слонима взять 1000 червонныхъ контрибуціи. Антоній П. отвѣчалъ, что онъ не дастъ ни одного червонца, такъ какъ контрибуціи налагаются на города только въ непріятельскомъ краѣ, а въ Слонимѣ введена уже Французско-императорская организація, и потому городъ этотъ и уѣздъ не могутъ считаться непріятельскими. Отецъ прибавилъ, что коммиссія, въ которой онъ предсѣдательствуетъ, обязана исполнять законныя требованія начальниковъ войскъ, но такъ какъ въ ея инструкціяхъ не упоминается о контрибуціяхъ, то онъ рѣшительно отказываетъ въ этомъ вымогательствѣ. Въ случаѣ же употребленія княземъ какихъ нибудь принудительныхъ мѣръ, будетъ объ этомъ донесено императорскому коммисару, управляющему Гродненскою губерніею, генералу Шансенону (Chansenon).

Шварценбергъ, встрѣтивъ такое неожиданное сопротивленіе, не хотѣлъ однакожъ показать, что онъ уступаетъ передъ нимъ; велѣлъ отца моего взять подъ арестъ и отвести на гаубтвахту. Помню, какъ матушка и мы дѣти плакали, видя отца идущаго мимо нашихъ окошекъ между двумя Австрійскими солдатами, и какъ онъ, улыбаясь, дѣлалъ намъ знаки, чтобы насъ успокоить. И въ самомъ дѣлѣ на другой день его выпустили. О контрибуціи уже не было рѣчи; но Шварценбергъ, озлобленный своею неудачею, чтобы какъ нибудь

отомстить за нее, обратился къ отцу съ требованіемъ уже мнимо законнымъ. Ему понадобилось будто бы 35 лошадей подъ пушки, но не простыхъ крестьянскихъ лошадей, а сильныхъ и рослыхъ. Отецъ принужденъ былъ исполнить это требованіе, хотя и неслишкомъ вѣрилъ въ необходимость требуемаго. Онъ сдѣлалъ раскладку на болѣе зажиточныхъ помѣщиковъ, а въ томъ числѣ изъ своей конюшни ассигновалъ двухъ самыхъ рослыхъ лошадей изъ подъ кареты. Мы съ матушкой были уже въ деревнѣ, когда съ открытымъ листомъ за подписью отца прибыли четыре Австрійскихъ улана и увели двухъ коней. Матушкѣ особенно жаль было одной, любимой ея, соловой кобылы съ гривой и хвостомъ чернымъ. Всѣ собранныя лошади были потомъ проданы Жидамъ, и такимъ образомъ Шварценбергъ выручилъ почти всю сумму, которой требовалъ себѣ въ контрибуцію. Помѣщики, давшіе лошадей, откупали ихъ потомъ у Жидовъ.

Этотъ самый князь Шварценбергъ, проходя разъ къ подпрефекту Броньскому, увидѣлъ, какъ на дворѣ люди выколачивали прекрасную медвѣжью шубу. Потолковалъ о дѣлѣ, князь вдругъ сказалъ: „Г. подпрефектъ, я видѣлъ на дворѣ хорошую шубу; она ваша?“ Да, моя. „Сколько она стоитъ“? Я заплатилъ за нее въ Вильнѣ сто червонцевъ. „Это недорого“, сказалъ князь. „Мы, я думаю, пробудемъ въ Россіи до зимы; мнѣ понадобится шуба, но не знаю, гдѣ бы купить. Не можете ли мнѣ уступить свою за то, что̀ вы за нее дали?“. Броньскій, хотя неохотно, по свойственной ему дипломатіи, согласился. Князь велѣлъ отнести шубу къ себѣ, но вскорѣ потомъ, выступивъ въ походъ, деньги отдать забылъ. И это былъ членъ высшей Австрійской аристократіи!

Но что̀ говорить о коалиціонныхъ князьяхъ, когда короли Наполеоновской мануфактуры поступали не лучше, если еще не хуже. Въ городкѣ Несвижѣ (Минской губерніи), въ историческомъ замкѣ князей Радзивиловъ, была главная квартира короля Вестфальскаго, Іеронима Бонапарте (отца извѣстнаго принца Plon-Plon и принцессы Матильды, разведенной жены Анатолія Демидова, дюка de San Donato). Мѣстное дворянство вздумало въ честь императорскаго брата дать большой обѣдъ, который онъ благосклонно принялъ. Обѣдъ былъ данъ въ самомъ же замкѣ, такъ какъ въ Несвижѣ не сыскалось помѣщенія для многочисленныхъ гостей изъ королевской свиты.

Коронованный гость былъ за столомъ очень любезенъ, ему и его генераламъ особенно нравилось столѣтнее Венгерское. Но когда встали отъ стола, то прислуга его Вестфальскаго величества, по приказанію его гофмаршала, вѣроятно на память о веселомъ пиршествѣ, убрала весь сервизъ и все серебро, бывшее за обѣдомъ. О томъ же королѣ разсказывали, что онъ, лечась въ Несвижѣ отъ какой-то болѣзни, бралъ ванны изъ краснаго вина. Это вино, быть можетъ по распоряженію тогоже заботливаго гофмаршала, продавалось Жидамъ, а тѣ переливали его въ бутылки и, снабдивъ прекрасно гравированными ерлыками, пускали въ продажу.

Вотъ какія воспоминанія оставилъ по себѣ въ тамошнемъ краю король Іеронимъ, старшій братъ императора Наполеона *великаго*.

Слѣдуя примѣру своихъ достойныхъ начальниковъ, Австрійскіе и Прусскіе солдаты преусердно грабили кого могли; всѣ жалобы на нихъ оставались безъ послѣдствій. Да правду сказать, солдатамъ нельзя было и не грабить; потому что начальники, хотя и получали для войскъ провизіи натурою и деньгами, но первыя тутъ же продавали Жидамъ, а деньги брали себѣ, предоставляя солдатамъ кормиться, какъ сами знаютъ. Это однакожъ не относится къ Саксонцамъ. Они во всю компанію и во всѣхъ отношеніяхъ вели себя какъ нельзя лучше. Корпусный ихъ командиръ, Ренье, подъ страхомъ смертной казни, воспретилъ войскамъ всякое насиліе и само-

управство. Въ Слонимѣ, одинъ Саксонскій унтеръ-офицеръ спросилъ себѣ въ кондитерской чашку кофе, и уходя унесъ серебрянную ложечку. Хозяинъ догналъ его на улицѣ и отобралъ украденное. Но къ несчастью унтеръ-офицера, сцену эту видѣли два проходившіе офицера и донесли корпусному командиру. Несчастный, не смотря на мольбы хозяина, былъ въ тотъ же день разстрѣлянъ на рынкѣ, противъ самой кондитерской.

Французскія войска, слѣдуя чрезъ Виленскую и теперешнюю Ковенскую губернію, не рѣдко также пускались въ грабительство. Вотъ замѣчательный примѣръ ихъ дисциплины.

По объявленіи войны, тётка моя, сестра матушки, г-жа Х. пріѣхала къ намъ въ деревню на все время продолженія войны. Пламенная почитательница Наполеона и Французовъ, она управляющему своимъ имѣніемъ, расположеннымъ близъ Прусской границы, приказала сторожить Французовъ и первый эскадронъ или первую роту, которая переступитъ чрезъ границу, пригласить къ ней въ деревню и угостить на славу. Первый на Литовскую землю вступилъ драгунскій эскадронъ, который, съ дозволенія полковаго командира, управляющій и повелъ въ деревню. Тамъ, въ саду, былъ уже приготовленъ пиръ. Драгуны, угостившись какъ слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы поѣхать на свои квартиры, вздумали пойти въ господскій домъ, и тамъ, не смотря на увѣщанія амфитріона, забрали все, что̀ могли увезти съ собою, а все прочее разорили; переломали мебель, изрубили палашами ройяль и картины, перебили зеркала и стекла въ окнахъ. Тетушка однакожъ этимъ не разочаровалась и сказала, что это исключеніе, что управляющій имѣлъ несчастіе попасть на такой эскадронъ, и т. п.

Такой недостатокъ всякой дисциплины въ краѣ, который Наполеонъ считалъ преданнымъ ему, былъ очень вреденъ его интересамъ. Поведеніе и Французскихъ и коалиціонныхъ войскъ не могло не возстановить всѣхъ противъ затѣявшаго войну. Не всѣ же такъ слѣпо были влюблены какъ тетушка Х. И въ самомъ дѣлѣ, полки Литовскихъ охотниковъ, на которые Наполеонъ много разсчитывалъ, формировались очень вяло; въ нашемъ и пяти или шести смежныхъ уѣздахъ, на силу составилось всего два пѣхотныхъ полка: Биспинка въ Слонимскомъ и Раецкаго въ Новогрудскомъ уѣздахъ.

Все, какъ бы по систематически обдуманному плану, складывалось на то, чтобы кампанія 1812 года повела Наполеона къ конечной гибели. Не говорю уже о самой побудительной причинѣ къ войнѣ, о географически-несбыточной мечтѣ покорить Россію; но образъ веденія войны, распоряженія и мѣропріятія представляютъ одни несообразности, недостатокъ предусмотрительности, незнаніе всякаго рода. Могло ли быть что нибудь неполитичнѣе того плана, по которому войска, враждебныя императору Французовъ, составляли (какъ уже сказано) аріергардъ его арміи, или того, что и этимъ и Французскимъ войскамъ позволялось разорять край, считающійся союзнымъ и чрезъ который, во всякомъ случаѣ, армія, побѣдивъ ли, или бывъ побѣждена, должна была возвращаться?

При томъ трудно повѣрить, что̀ дѣлалось по части интендентуры и до какихъ размѣровъ доходило въ ней дерзкое, систематическое казнокрадство. Только послѣдняя Франко-германская война, гдѣ тоже самое со стороны Французовъ повторилось, можетъ дать объ этомъ нѣкоторое понятіе. Правители западнаго края, избранные самимъ Наполеономъ, обманывали и обкрадывали его безсовѣстно. Главнымъ правителемъ края былъ въ Вильнѣ дюкъ де Бассано; подъ его начальствомъ Гродненскою губерніей управлялъ генералъ Шансенонъ. Оба они усердно набивали свои карманы и болѣе ни о чемъ не заботились, оставляя армію на произволъ судь-

бы, то есть на произволъ грабежа и мародерства. Такъ напримѣръ по заготовленію быковъ для арміи. Эта операція большею частію совершалась на бумагѣ, а казенныя деньги, отпускаемыя на закупку фиктивныхъ быковъ, раздѣлялись интендантами съ поставщиками-Жидами. Всему городу Вильнѣ извѣстенъ слѣдующій фактъ. Въ Виленскихъ цейгаузахъ хранились заготовленные заранѣе 600,000 штукъ бараньихъ полушубковъ, столько же паръ теплыхъ рукавицъ и кенегъ для арміи на зимнее время. Когда же въ центрѣ Россіи солдаты буквально замерзали, то полушубковъ, рукавицъ и кенегъ уже не было: они, въ виду всего города, были проданы Жидамъ. Послѣ этого неудивительно, что генералъ Морозъ имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи.

Все это—элементы, ведущіе къ тому заключенію о кампаніи 1812 и о Наполеонѣ вообще, которое выскажемъ ниже.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1812 года прибылъ въ Слонимъ Французскій генералъ Конопка. Онъ былъ уроженецъ тамошняго уѣзда. Ихъ было четыре брата и три сестры. Трое изъ братьевъ, генералъ Иванъ, старшій братъ его Августъ и средній Винцентій, служили во Французской арміи и отличились въ Испанской войнѣ; четвертый, Ѳедоръ, былъ тогда еще малолѣтній и въ послѣдствіи служилъ въ гвардейскомъ уланскомъ полку въ Варшавѣ, при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ. Винцентій, въ 20-хъ годахъ, былъ Слонимскимъ исправникомъ и городничимъ (см. Калейд. Воспом. о Новосильцевѣ). Изъ сестеръ, старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, котораго фамилію я забылъ, овдовѣла и поселилась въ Слонимѣ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица; послѣ перваго мужа генерала Безобразова, овдовѣвъ, вышла за Дм. Павл. Татищева, нашего посланника въ Вѣнѣ. Младшая, Аделаида, была за мужемъ за Слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья отличалась необыкновенною вѣтреностью, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ; а между ними болѣе всѣхъ, быть можетъ, обладалъ этими качествами генералъ. Только Ельцова выдавалась между ними умомъ и образованіемъ.

Генералъ прибылъ въ Слонимъ съ порученіемъ набрать и сформировать уланскій полкъ для гвардіи Наполеона. Это долженъ былъ быть третій гвардейскій полкъ этого оружія (3-e régiment de chevaux légers, lanciers de la garde impériale), и главное условіе къ составленію его было то, что онъ долженъ былъ весь состоять изъ дворянъ. Несмотря на все, что Наполеономъ и его союзниками сдѣлано было въ тамошнемъ краѣ, какъ-бы нарочно для того, чтобы охладить порывы наполеонизма, на первый призывъ явилось множество молодыхъ людей лучшихъ фамилій, добиваясь чести быть рядовыми 3-го легкоконнаго полка. Изъ моихъ родныхъ, два двоюродные братья Алоизій и Карлъ П. и дядя Фердинандъ Б. были приняты въ числѣ первыхъ. Мнѣ тогда былъ 12-й годъ, и я помню, какъ горько плакалъ я, что не могъ быть товарищемъ брата Карла, который у насъ воспитывался. И ему было не болѣе 17 лѣтъ. Вскорѣ мой дядя и оба брата были произведены въ вахмистры (maréchaux de logis). Всѣмъ въ полку заправлялъ данный какъ бы въ няньки Конопкѣ, старый служивый, гро-мажоръ (gros-major) Таньскій; безъ него, при неимовѣрной вѣтрености генерала, ничего бы сдѣлано не было.

Въ скоромъ времени набралось болѣе 800 человѣкъ высшаго и титулованнаго дворянства. Князья Воронецкіе, графы Залускіе, графы Твинкевичи и др. преусердно, посреди улицъ Слонима, чистили скребницами лошадей, учились фехтовать пиками, маршировать повзводно и поэскадронно. Слонимское общество, да и самъ генералъ Конопка, по происхожденію мелкій шляхтичъ, за честь себѣ считали принимать въ домѣ такихъ рядовыхъ.

Грустно подумать, какая судьба ожидала эту фалангу, составлявшую самый цвѣтъ молодежи тамошняго края. Судьба эта совершилась еще до окончательнаго разгрома большой арміи. Да и не могло быть иначе съ такимъ сумасбродомъ, каковъ былъ генералъ.

Глухіе слухи о неудачахъ Наполеона расходились уже въ краѣ. Полковникъ Биснинкъ съ своимъ пѣхотнымъ полкомъ вышелъ изъ уѣзда и успѣлъ соединиться съ отрядомъ Саксонскаго войска, а Конопка все оставался на мѣстѣ. Стало даже извѣстно, что Русскій генералъ Чаплицъ, съ цѣлою дивизіею, кавалеріею, пѣхотою и артиллеріею, идетъ къ Слониму, а Конопка, который могъ свободно ретироваться къ Вильнѣ, не трогался съ мѣста. Когда ему говорили, что онъ рискуетъ потерять весь свой полкъ, то онъ отдѣлывался шутками и говорилъ, что хочетъ, чтобы молодцы-уланы познакомились съ запахомъ пороха. Охотники-лазутчики каждый день приходили къ нему съ донесеніями о наступательномъ движеніи Чаплица, но ничто не могло вывести его изъ непонятной апатіи. Наконецъ, въ одинъ день, когда мой братъ Карлъ И. былъ у генерала на ординарцахъ, прибѣжалъ Еврей съ донесеніемъ, что непріятель уже только за нѣсколько верстъ и по тремъ дорогамъ идетъ на городъ. Братъ поспѣшилъ доложить генералу и просилъ его приказаній, но Конопка не отвѣчалъ ничего. Тогда гро-мажоръ Таньскій вошелъ къ нему и настоятельно требовалъ принятія мѣръ. Тутъ только генералъ рѣшился отдать приказъ сѣдлать лошадей. Но уже было поздно: едва полкъ успѣлъ собраться, какъ войска Чаплица по тремъ направленіямъ вошли въ городъ и окружили полкъ со всѣхъ сторонъ. Завязалось жаркое дѣло; оно продолжалось очень недолго. Молодые гвардейцы дрались отчаянно, но не могли устоять противъ превозмогающихъ сверхъ всякой соразмѣрности силъ. Добрый генералъ Чаплицъ отдалъ приказъ, чтобы сколько можно щадить жизнь этихъ недорослей и забирать ихъ въ плѣнъ. Ему было ихъ жаль тѣмъ болѣе, что они были едва на половину вооружены одними саблями и пиками. У немногихъ только были пистолеты. Наполеоновскіе уланы, потерявъ много людей, большею частію плѣнными, разбѣжались въ разныя стороны. Тѣмъ, которые побѣжали по Виленскому тракту, удалось уйти и въ самой уже Вильнѣ присоединиться къ Французскимъ войскамъ. Но тѣ, которые спасались по другимъ дорогамъ, всѣ были настигнуты и взяты въ плѣнъ. Генералъ Конопка съ нѣсколькими уланами бѣжалъ по черному Новогрудскому тракту. Въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Слонима, лошадь подъ нимъ пала, и онъ, со всѣми спутниками (въ томъ числѣ былъ и братъ мой Алоизій И.) былъ взятъ въ плѣнъ. Жена его, направившись по Виленскому тракту, доѣхала благополучно до Вильны. Плѣннаго генерала отправили въ главную квартиру, а уланы, взятые вмѣстѣ съ нимъ, отосланы были на Кавказъ, гдѣ пробыли въ плѣну болѣе года.

Объ этой катастрофѣ съ 3-мъ полкомъ шво-лежеровъ Наполеоновской гвардіи ходили разные слухи. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было объяснить поведеніе Конопки, который, какъ будто бы умышленно, предалъ свою команду въ руки непріятеля. Говорили, что онъ, растративъ полковую кассу, хотѣлъ покрыть это отдачею своего полка на жертву. Но тѣ, которые его близко знали, утверждали, что такое предположеніе было не нужно для объясненія того, что̀ случилось, что для этого достаточно было одной безразсудной самонадѣянности и хвастливости Конопки. Но какъ понять, что такому человѣку поручено было формировать полкъ и въ такомъ пунктѣ, который, при бездѣйствіи союзныхъ войскъ, легко могъ быть занятъ Русскими войсками! Это одна изъ тѣхъ ребяческихъ ошибокъ, которыя въ такомъ множествѣ ознаменовали экспедицію Наполеона.

Послѣ разбитія полка Конопки и очищенія околодка отъ непріятельскихъ войскъ, онъ къ осени былъ окончательно занятъ Русскими войсками, и на мѣсто введенныхъ тамъ формъ Французскаго управленія возстановлены прежнія. Подпрефектъ Броньскій изъ этого званія переименованъ былъ въ уѣздные предводители, временно отъ короны, до новыхъ выборовъ; отецъ мой по прежнему остался предсѣдателемъ межеваго апелляціоннаго суда. Но съ этою перемѣною для несчастной страны начался новый рядъ невзгодъ. Начальники военныхъ отрядовъ нашлись въ невозможности удержать дисциплину, особенно въ иррегулярныхъ войскахъ. Казаки стали разъѣзжать по деревнямъ и помѣщичьимъ дворамъ и грабить, всякій разъ, когда къ этому представлялась возможность. Для этого они даже имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ край, въ которомъ введено было Французское управленіе и гдѣ формировались полки для непріятельской арміи, могъ считаться непріятельскимъ.

У насъ въ деревнѣ, съ самаго объявленія войны, приняты были мѣры къ охраненію имущества отъ расхищенія. Я уже сказалъ, что наша усадьба находилась посреди большихъ лѣсовъ. Призванъ былъ на совѣщаніе лѣсничій моего отца, шляхтичъ г. Грохольскій, и онъ назвалъ одну мѣстность (урочище) въ главномъ лѣсу, самую недоступную. Это была небольшая поляна, окруженная со всѣхъ сторонъ непроходимою пущею, чрезъ которую не было никакой дороги, ни даже тропинки. Туда довѣренные люди изъ прислуги, подъ предводительствомъ Грохольскаго, перенесли ночами все, что было болѣе цѣннаго въ домѣ, серебро, бронзы, картины, зеркала и т. д. Построенъ былъ на скоро шалашъ, въ которомъ все было сложено, и ночевалъ лѣсничій съ двумя стражниками. Всѣ они имѣли по два заряженныхъ ружья. Мои родители сказали объ этомъ тремъ ближайшимъ сосѣдямъ и пригласили ихъ спрятать ихъ пожитки вмѣстѣ съ нашими. Сосѣди такъ и сдѣлали, и каждый далъ отъ себя по одному довѣренному человѣку съ ружьемъ. Провизіи приносили имъ по ночамъ.

Такимъ образомъ наша и нашихъ сосѣдей движимость была застрахована отъ военныхъ случайностей. Но кромѣ того въ нашемъ домѣ для насъ и для всего околодка явилась еще болѣе надежная охрана. Служившій въ Русскомъ войскѣ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Ксаверій П., племянникъ моего отца, старшій братъ Наполеоновскихъ гвардейцевъ Алоизія и Карла П., не помню уже по какому случаю имѣлъ безсрочный отпускъ и, по уходѣ союзныхъ войскъ, все остальное время кампаніи оставался у насъ въ домѣ, въ пріятной для молодаго человѣка обстановкѣ. Мы, братья и сестры, были еще дѣти; но у насъ гостили двѣ красавицы, племянницы моей матушки, и къ намъ часто съѣзжались сосѣди съ хорошенькими сосѣдками. Молодой офицеръ не скучалъ. А между тѣмъ онъ служилъ громоотводомъ отъ всякихъ казацкихъ покушеній, и районъ противу-электрическаго его дѣйствія простирался довольно далеко на околодокъ. Казаки, зная о пребываніи у насъ Русскаго офицера, ниразу не заглядывали къ намъ, позволяя себѣ разныя шалости лишь въ окрестныхъ дворахъ и деревняхъ. Нашъ артиллеристъ вскорѣ отъучилъ ихъ отъ этого. Для Ксаверія и его подручнаго, всегда на конюшнѣ стояли осѣдланныя лошади. Въ подручные онъ выбралъ себѣ молодаго прикащика Корзуна, отличавшагося необыкновенною силою. Какъ только гдѣ нибудь, въ двухъ, трехъ, пяти верстахъ, появлялись казаки съ намѣреніемъ грабить, ихъ угощали покуда водкой и отправляли нарочно къ намъ. Тогда Ксаверій надѣвалъ мундиръ съ орденомъ Св. Анны 4 степени и, въ сопровожденіи Корзуна, снабженнаго порядочною плетью, мчался къ мѣсту происшествія. Когда казаки еще ничего не сдѣлали, то онъ только спрашивалъ, за чѣмъ заѣхали, тре-

бовалъ письменнаго приказа и неимѣвшихъ его прогонялъ къ командѣ. Но если они уличались уже въ какомъ нибудь насиліи, то офицеръ, смотря по важности вины, приговаривалъ ихъ тутъ же къ извѣстному числу ударовъ плетью, каждому виновному приказывалъ по очереди ложиться, соучастникамъ держать, а Корзунъ, отчетливо и очень внушительно, исполнялъ приговоръ. Послѣ трехъ четырехъ такихъ экзекуцій, слухъ объ этомъ разнесся далеко, и нашъ околодокъ, въ районѣ какихъ нибудь 15 верстъ, становился совершенно безопасенъ. Виновные покорялись безпрекословно, жаловались только на тяжелую руку исполнителя и обыкновенно пѣшкомъ уже, ведя за собою лошадей, возвращались къ командѣ.

Въ одномъ случаѣ однакожъ Ксаверій П. самъ былъ въ опасности. Дали ему знать, что у крестьянъ нашей деревни два солдата угнали двухъ воловъ. Ксаверій, догнавъ ихъ на дорогѣ, остановилъ и спросилъ: по чьему приказанію забираютъ крестьянскій скотъ, а если не имѣютъ на это письменнаго приказа, то потребовалъ, чтобы погнали воловъ обратно. Но одинъ изъ нихъ, драгунъ, отвѣчалъ ругательствами и бросился на офицера съ дубиною П., шибко своротивъ коня, ускользнулъ отъ удара и въ ту же секунду, вынувъ саблю, отрубилъ драгуну лѣвое ухо. Другой между тѣмъ убѣжалъ въ лѣсъ. П. съ Корзуномъ связали солдата и привели его въ усадьбу, гдѣ раненному домашнимъ фельдшеромъ оказана была помощь. Въ тотъ же день драгунъ подъ стражею былъ отправленъ въ городъ при рапортѣ къ полковому командиру, для отдачи подъ военный судъ.

Вообще грабительство въ Слонимскомъ уѣздѣ не совсѣмъ удавалось казакамъ. Воинскими начальствами отданы были строгіе приказы, запрещавшіе всякія насильственныя дѣйствія. Многіе помѣщики запаслись такъ называемыми *залогами*, то есть солдатами, удѣляемыми отъ военныхъ командъ для охраны господскихъ домовъ и деревень отъ заѣзжихъ хищниковъ. Не смотря на это, по разнымъ мызамъ и фольваркамъ, находившимся въ уединенныхъ мѣстахъ, случалось, что два или даже одинъ казакъ, отдѣлявшійся отъ посланнаго куда нибудь взвода. наѣзжалъ во всеоружіи и отъ струсившаго хозяина отбиралъ деньги, часы и т. п.

Но это обстоятельство дало поводъ къ тому, что одинъ отчаянный сорванецъ шляхтичъ, нѣкто Кучукъ, выдумалъ себѣ своеобразный промыселъ, напоминающій нравы извѣстныхъ породъ птицъ, которыя сами рыбы не ловятъ, но живутъ тѣмъ, что отнимаютъ ее у другихъ птицъ рыболововъ. Онъ почти постоянно жилъ въ лѣсу, близь дорогъ и, вооруженный двухствольнымъ ружьемъ, спрятавшись въ чащѣ лѣса, слѣдилъ за проѣзжавшими казаками. Когда увидитъ ѣдущаго одного изъ нихъ, то, подпустивши очень близко, онъ убивалъ на повалъ. Если казакъ возвращался изъ прибыльной экспидиціи, то все похищенное дѣлалось добычею Кучука. Во всякомъ случаѣ онъ оттаскивалъ убитаго далеко въ лѣсъ, обиралъ до нитки и зарывалъ, — а лошадь, сѣдло и сбрую продавалъ на ярмаркахъ въ другихъ городахъ. Этотъ флибустіерскій промыселъ былъ, повидимому, довольно производительный; ибо Кучукъ, не имѣвшій ничего кромѣ двухъ или трехъ десятинъ земли, которыя отдавалъ въ наймы, и пробивавшійся до того со дня на день, послѣ кампаніи самъ взялъ въ аренду порядочную мызу и сталъ жить припѣваючи. Были такіе, знавшіе хорошо Кучука, которые догадывались объ истинѣ; были также дѣлаемы военными начальниками дознанія о пропавшихъ казакахъ; но какъ Кучукъ совершалъ свои разбои, подобно Тропману одинъ и искусно скрывалъ концы: то дознанія не повели ни къ чему, и ничего не было бы положительно объ этомъ извѣстно, еслибы года через два послѣ кампаніи самъ Кучукъ не похвасталъ своею удалью, какъ патріотическимъ подвигомъ. „Я дѣлалъ

это безъ зазрѣнія совѣсти, говорилъ онъ, какъ дѣлали Испанцы съ Французами". По его словамъ, онъ отправилъ на тотъ свѣтъ одиннадцать человѣкъ казаковъ и на нѣкоторыхъ нашелъ порядочныя деньги. Никто однакожъ не донесъ на него, а вскорѣ потомъ онъ умеръ.

Прошелъ 1812-й годъ; взволнованные умы въ нашемъ краѣ успокоились; исчезли, какъ сонъ, несбыточныя мечты, все вошло въ обычную колею. Съ самой весны 1813 г. стали появляться въ помѣщичьихъ дворахъ по одному, а иногда по нѣскольку бродячихъ Французскихъ солдатъ и офицеровъ *traînards*, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома большой арміи.

Отецъ мой рѣдко бывалъ въ деревнѣ дома во время сессій судовъ, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ. Мы жили цѣлымъ семействомъ въ городѣ, потомъ отецъ отправлялся или на предсѣдательство конкурсовъ (эксдивизій) въ своемъ, а часто въ смежныхъ и даже отдаленныхъ уѣздахъ, или къ разнымъ помѣщикамъ, избиравшимъ его арбитромъ третейскаго (компромиссарскаго) суда въ своихъ нескончаемыхъ процессахъ (См. Калейдоскопъ, Воспом. о Мицкевичѣ).

Запрещено было давать пристанище Французскимъ тренарамъ, а велѣно доставлять ихъ къ ближайшимъ воинскимъ командамъ. Этого, разумѣется, никто не дѣлалъ, да и власть смотрѣла сквозь пальцы на неисполненіе приказанія и забирала только тѣхъ, которые сами попадались ей въ руки.

Деревня наша была на самомъ Слонимско-Новогрудскомъ трактѣ; тренары изъ подъ Березины путешествовали большею частью по ночамъ, чрезъ лѣса, оріентируясь по звѣздамъ. Много ихъ перебывало у насъ въ усадьбѣ; но мы, дѣти, рѣдко ихъ видывали. Отъ матушки было приказано управляющему принимать ихъ въ довольно отдаленномъ отъ господскаго дома флигелѣ, гдѣ жилъ онъ, прикащикъ и лѣсничій и, накормивъ бѣдныхъ представителей бывшаго Наполеоновскаго величія, давши имъ на дорогу провизій и по нѣскольку злотыхъ, отправлять въ дальнѣйшій путь.

Но это человѣколюбіе имѣло грустныя послѣдствія. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ, на силу дотащившійся къ намъ, слегъ во флигелѣ, и тутъ же съ нимъ сдѣлался бредъ. Послали за домашнимъ докторомъ нашей сосѣдки Броньской (матери предводителя), жившей въ двухъ верстахъ отъ насъ. Онъ объявилъ, что у Француза тифозная горячка, заразительнаго свойства, и предписалъ всему дому предохранительныя средства. Не смотря на медицинскую помощь, Французскій солдатъ умеръ и, не смотря на средства предосторожности, тифъ распространился и въ самой нашей усадьбѣ, и въ близъ лежащей деревнѣ, а оттуда перешелъ и въ двѣ другія. При всемъ стараніи искуснаго медика Крапивницкаго, изъ заболѣвшихъ 26 крестьянъ умерло 10; у насъ въ усадьбѣ больныхъ было восемь человѣкъ, въ томъ числѣ нашъ гувернеръ; но онъ выздоровѣлъ; умерло же четверо: двѣ женщины, форейторъ и тотъ прикащикъ, сподвижникъ артиллериста, о которомъ было говорено.

При этомъ всѣ замѣтили одно обстоятельство, значеніе котораго скептиками обыкновенно причисляется къ суевѣріямъ, но въ настоящемъ случаѣ простонародное повѣріе подтвердилось имъ вполнѣ. Всякій разъ, когда, въ самой ли усадьбѣ, или въ деревняхъ, отстоявшихъ не болѣе какъ въ 200—300 шагахъ, кто нибудь изъ заболѣвшихъ тифомъ долженъ былъ умереть, изъ лѣса ночью прилетала въ нашъ садъ птица изъ рода совъ, называемая сычъ (sycz) *) и всю ночь голосила своимъ невыразимо-жалобнымъ воемъ. Когда больной долженъ былъ выздоровѣть, сыча не было. И вѣщая птица ни разу не ошиблась, такъ что не только всѣ домашніе, но и „человѣкъ науки", док-

*) Сова воющая, Strix Ulula, *Lin.*

торъ, принуждены были покориться очевидности факта, повторившагося *четырнадцать* разъ.

Это явленіе совершенно необъяснимо наукою и обыкновеннымъ пониманіемъ феноменовъ природы. Если и допустить съ тѣми, которые имѣютъ претензію все понимать и все объяснять, что сычъ въ такой непонятной степени одаренъ чувствомъ обонянія, что на разстояніи нѣсколькихъ верстъ чуетъ міазмы, исходящіе изъ больнаго смертельно: то и это пониманіе не поведетъ ни къ чему. Сова воющая кормится исключительно живыми существами (мышами, лягушками, ящерицами, большими насѣкомыми изъ семейства скарабеевъ), падали же не трогаетъ никогда. Слѣдовательно, еслибы и былъ испускаемъ больнымъ какой нибудь предсмертный запахъ, то для этой птицы онъ не имѣлъ бы ничего привлекательнаго.

Разъ, когда весна стала уже переходить въ теплое лѣто, а отца не было дома, позднимъ вечеромъ явились и какъ-то, не встрѣтивъ никого изъ прислуги, прямо въ покои прошли три Французскихъ солдата, въ состояніи совершеннаго изнеможенія. Они умоляли пріютить ихъ на нѣсколько дней, такъ какъ они не въ состояніи идти далѣе, не отдохнувши и не отъѣвшись нѣсколько. Матушка боялась помѣстить ихъ во флигелѣ, или въ строеніи, гдѣ была кухня и прачешная: ихъ видѣла бы тамъ вся дворня. При томъ же во флигелѣ обыкновенно останавливался заѣзжавшій по временамъ земскій исправникъ, а въ послѣднее время отъ начальства строго было подтверждено о недержаніи по помѣщичьимъ дворамъ Французовъ.

Призванъ былъ для совѣта управляющій, старый, бывшихъ Польскихъ войскъ, артиллеріи поручикъ Липницкій. По соображенію всѣхъ pro et contra, онъ наконецъ придумалъ, что какъ уже было тепло, то лучше всего помѣстить Французовъ въ старомъ сараѣ, служившемъ нѣкогда для выдѣлки кирпича, находившемся въ лѣсу, въ полторы версты отъ дома. На заднемъ дворѣ господскаго дома былъ небольшой цвѣточный садикъ, кругомъ палисадникъ, мимо котораго шла проселочная дорога, а за нею цѣлое поле околосившейся уже ржи, простиравшееся до самаго лѣса, гдѣ былъ упомянутый сарай. Посреди поля, близь самаго дома, была маленькая круглая лужайка; мы дѣти называли ее *оазою*. По межѣ, сквозь рожь, можно было прямо пройти въ лѣсъ.

Было положено, что когда стемнѣетъ, самъ управляющій, не сказывая никому, отведетъ странниковъ на мѣсто. Въ сараѣ, гдѣ часто ночевали стражники (подлѣсничіе) была готовая солома для постели незваныхъ гостей. Чрезъ каждые три дня Французы должны были вечеромъ приходить на лужайку и подавать условленный знакъ. Тогда старушка, родственница наша, г-жа Шатенская, завѣдывавшая женскимъ хозяйствомъ, сама изъ чулановъ набирала провизій на три дня и передавала мнѣ; а я, высмотрѣвъ, чтобы никто меня не увидалъ, долженъ былъ относить все это на лужайку. Я очень гордился такимъ порученіемъ матушки, особенно таинственностью обстановки, доказывавшей, по моему пониманію, что я уже не ребенокъ.

Липницкій, отведя Французовъ, оставилъ имъ ружье, пороху и пуль, для защиты отъ медвѣдей и рысей, которые, особенно первые, въ такомъ множествѣ водились въ нашихъ лѣсахъ, что въ нихъ нельзя было имѣть бортей и по близости сѣять овесъ. Извѣстно, что эти Литовскіе львы очень любятъ медъ и овесъ, а послѣдняго не столько съѣдаютъ, сколько истребляютъ своего рода медвѣжьими играми. Они садятся въ овесъ и ѣздятъ по немъ во всѣхъ направленіяхъ, находя въ этомъ катаніи большое удовольствіе.

Французы, вѣроятно находя свое положеніе пріятнымъ, не торопились уходить и, вмѣсто трехъ или четырехъ дней, пробыли болѣе двухъ недѣль. Съ ихъ и съ моей стороны все исполня-

лось пунктуально, и они благодушествовали себѣ посреди лѣса, гдѣ находили много ягодъ и грибовъ.

За мѣсяцъ или болѣе до ихъ прихода, одинъ изъ стражниковъ принесъ мнѣ, какъ старшему *паничу*, рѣдкость изъ лѣсу. Это былъ до половины уже доросшій большой породы филинъ *). Я очень обрадовался этому подарку. Съ дозволенія матушки, для него нарочно построили и въ цвѣтникѣ, на возвышеніи поставили большую клѣтку; крылья ему подстригли. Днемъ клѣтка была покрываема соломой для того, чтобы яркій свѣтъ не ослѣплялъ ночной птицы, равно и для защиты отъ воробьевъ и другихъ птичекъ, которыя во множествѣ слетаются, увидя сову или филина, дразнятъ его своимъ чириканіемъ и даже щиплютъ, издѣваясь надъ его близорукостью. Я самъ кормилъ моего *бубо*; онъ скоро выучился узнавать меня и сдѣлался до того ручнымъ и домашнимъ, что по вечерамъ я его выпускалъ гулять. Онъ тотчасъ отправлялся въ рожь, всю ночь охотился тамъ на полевыхъ мышей, а съ разсвѣтомъ самъ возвращался въ свою клѣтку, обставленную елками и зеленью. Можно себѣ представить, какъ я, 12-ти лѣтній мальчикъ, любилъ свою рѣдкую птицу и какъ заботливо за ней ухаживалъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, слышимъ условный знакъ (удары палкою въ деревянную доску, по три раза съ промежутками). Набравъ отъ г-жи Шатенской провизій, иду я въ рожь. Я не дошелъ еще до *оазы*, какъ одинъ изъ Французовъ встрѣчаетъ меня и, принявъ театральную позу, съ подобающимъ паѳосомъ говоритъ: „Enfin, monsieur, pour vous remercier, nous avons trouvé l'occasion de vous rendre un service. Nous vous avons débarassé d'un monstre affreux, qui se cachait dans votre blé. Le voici!“. (Наконецъ мы нашли случай поблагодарить васъ, оказавъ вамъ услугу. Мы васъ избавили отъ страшнаго чудовища, скрывавшагося въ вашей ржи: вотъ оно!)“ Тутъ указали на моего прекраснаго бубо, избитаго палками, трепетавшаго въ предсмертной агоніи. Я ничего имъ не сказалъ и, схвативъ бѣдную птицу, побѣжалъ домой. Мы употребляли всѣ средства, какія намъ пришли въ голову, спрыскивали водкой, поили Валеріановыми каплями; ничто не помогло. Минервина птица, смотря мнѣ въ глаза своими гіяцинтовыми глазами, на моихъ рукахъ испустила послѣднее дыханіе. Я не могъ послѣ этого терпѣть Французовъ, и съ того вечера сама уже г-жа Шатенская носила имъ припасы. Скоро потомъ они ушли отъ насъ.

Кромѣ солдатъ, по временамъ, являлись и Французскіе офицеры и жили себѣ свободно въ помѣщичьихъ домахъ. Вообще это было золотое время для всѣхъ, которые затруднялись въ предъявленіи письменнаго вида. Не смотря на свои грозныя предписанія, власть, въ этомъ отношеніи, была очень снисходительна. Множество авантюристовъ изъ состава бывшей большой арміи, неизвѣстно откуда являлись и, повертѣвшись немного въ уѣздѣ, исчезали безслѣдно. Но были и порядочные люди изъ этой же арміи, которые болѣе или менѣе долго проживали въ помѣщичьихъ домахъ. Я зналъ одного капитана Французскаго генеральнаго штаба, m-r Baver-Nion; онъ жилъ болѣе года, не помню уже у кого, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, но бывалъ и въ нашемъ домѣ. Это былъ умный, образованный человѣкъ, давалъ уроки Французской литературы и математики. Замѣчательно въ немъ было то, что, въ противность другимъ Французамъ, которые, живя вѣкъ въ Россіи или Польшѣ, не могутъ усвоить себѣ мѣстнаго языка, онъ, въ короткое время, такъ хорошо выучился по-польски, что говорилъ и даже писалъ почти безъ ошибокъ.

Къ намъ, въ исходѣ лѣта, отецъ привезъ изъ Минской губерніи, гдѣ пред-

---

*) Strix Bubo *Lin.*, Bubo Maximus *Tem.*, Grand Duc *Fr.*

сѣдательствовалъ на одномъ конкурсѣ, доктора медицины и хирургіи, г. Петацци (Pelazzi), старшаго врача при штабѣ короля Неаполитанскаго, подъ принятою имъ фамиліею Борда (Borda). Онъ былъ человѣкъ ученый и прекрасный медикъ. Отецъ мой въ то время началъ уже страдать водяною болѣзнью, и это было очень благопріятное обстоятельство, что мы имѣли въ домѣ врача, который много способствовалъ къ облегченію страданій этой тяжкой болѣзни. Петацци имѣлъ большую практику въ уѣздѣ и, живя у насъ, собралъ порядочныя деньги, съ которыми, весною 1813 года, отправился на родину. Онъ напрасно выдумалъ себѣ псевдонимъ, не зная, что у насъ могъ оставаться безопасно и подъ своимъ именемъ. Мѣстныя власти во всемъ угождали отцу, при томъ же онъ былъ друженъ съ Гродненскимъ губернаторомъ и легко могъ получить позволеніе держать у себя нужнаго ему человѣка.

Петацци былъ Піемонтскій уроженецъ и заклятый врагъ Наполеона. Мы, дѣти, очень его любили. Онъ вообще былъ веселъ и пріятенъ въ обществѣ. Съ нами, дѣтьми, часто бесѣдовалъ о научныхъ предметахъ и такимъ языкомъ и методою принаровленною къ нашему возрасту, что мы его совершенно понимали. Ему-то я обязанъ тѣмъ, что страстно полюбилъ естественныя науки, особенно ботанику и химію, и общія начала, почерпнутыя въ его бесѣдахъ, очень пригодились мнѣ въ послѣдствіи, при прохожденіи университетскихъ курсовъ. При томъ онъ былъ большой оригиналъ, откровенный до крайности, всякому говорилъ въ глаза, что̀ объ немъ думалъ, но дѣлалъ это какъ-то добродушно и такъ умѣлъ смягчать свои замѣчанія, что нельзя было на него сердиться. Всѣ жалѣли о томъ, что онъ не остается въ нашемъ краѣ.

Докторъ былъ страстный любитель псовой и всякой охоты. Онъ почти каждый день рыскалъ по лѣсамъ и болотамъ и приносилъ много дичи. По случаю этой его привычки я имѣлъ съ нимъ ученый диспутъ и выигралъ дѣло. Разъ, зимою, въ довольно сильный морозъ, началъ падать небольшой снѣгъ, и докторъ сталъ сбираться съ ружьемъ въ лѣсъ. Его уговаривали, въ особенности я, не ходить, но онъ не послушался и еще выговаривалъ мнѣ, что я не помню общаго физическаго начала, что когда идетъ снѣгъ, то не должно быть морозу. Онъ это вѣрно взялъ изъ какого нибудь трактата, писаннаго на Піемонтскій, а не на Литовскій климатъ. Термометръ показывалъ 7 градусовъ холода, и былъ при томъ вѣтеръ. Часа чрезъ полтора Петацци возвратился, весь продрогшій, съ примороженною щекою и концомъ носа, такъ что надо было оттирать снѣгомъ. „О проклятая страна! восклицалъ онъ съ комическимъ гнѣвомъ: здѣсь природа не признаетъ даже законовъ науки“. Я ему осмѣлился замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ не на оборотъ ли дѣло выходитъ, и если изъ двухъ одно ошибается, то уже конечно не природа. Петацци погладилъ меня по головкѣ и, говоря: tu as raison, mon garçon (ты правъ, мой мальчикъ) продолжалъ тереть носъ и лицо.

Это былъ первый случай, внушившій мнѣ, въ самомъ юномъ возрастѣ, недовѣріе къ непогрѣшимости научныхъ аксіомъ, абсолютно рѣшающихъ вопросы, касающіеся дѣйствія силъ природы. И сколько разъ въ послѣдствіи довелось мнѣ видѣть, какъ практика изобличала въ несостоятельности провозглашаемыя ex cathedra, всѣми принятыя, теоріи, какъ часто одинъ ничтожный, вновь явившійся фактъ, въ одно мгновеніе разрушалъ пышное зданіе какого нибудь ученія, просуществовавшее цѣлыя столѣтія. Сколько на моемъ вѣку я пережилъ подобныхъ научныхъ катастрофъ. . . . . .

Когда зима приближалась уже къ концу и начались Февральскія оттепели, докторъ сталъ все болѣе и болѣе оказывать нетерпѣнія. Онъ уже ни объ

чемъ не думалъ и не говорилъ, какъ о своемъ отъѣздѣ, а между тѣмъ смѣшилъ насъ, разбивая съ ожесточеніемъ остатки снѣга и льда на дворѣ и по дорогамъ, какъ бы думая этимъ скорѣе привлечь весну. Въ послѣднихъ числахъ Марта, хотя еще въ лѣсахъ лежалъ снѣгъ, удержать его не было уже возможности. Онъ купилъ себѣ лошадь и какой-то кабріолетъ и, не слушаясь никакихъ замѣчаній, простился и отправился въ свой дальній путь, одинъ, безъ возницы и служителя. Онъ написалъ намъ изъ Бреста-Литовскаго, куда, по словамъ его, прибылъ благополучно. Послѣ того мы уже не получали ни отъ него, ни объ немъ никакого извѣстія, и не знаемъ, счастливо ли онъ достигъ своей обѣтованной земли, роднаго Піемонта.

Отъѣздъ г. Петацци былъ намъ всѣмъ очень чувствителенъ; мы какъ будто бы породнились съ нимъ. Послѣ него отецъ мой лечился у другаго доктора, также оставшагося отъ большой арміи. Это былъ г. Парціялисъ (Partialis), медицинская знаменитость. Но болѣзнь отца была неизлечима: онъ скончался въ Іюнѣ 1814 года.

Теперь покончивъ съ изложеніемъ фактовъ, оставшихся у меня въ памяти отъ описаннаго времени, я хочу изобразить мой взглядъ на самаго дѣятеля, то есть сказать собственныхъ моихъ

Нѣсколько словъ о Наполеонѣ I-мъ.

Чѣмъ щедрѣе человѣкъ надѣленъ качествами и средствами, тѣмъ болѣе отъ него требуется. Было почти десять лѣтъ такого могущества Наполеона, какого, сосредоточеннаго въ одной личности, не было до него примѣра. Спрашивается: какъ и на что употребилъ онъ эту власть, доставшуюся ему въ руки, что̀ съ нею сдѣлалъ для блага человѣчества, для улучшенія его матерьяльнаго быта и для возвышенія умственнаго уровня, словомъ для истиннаго прогресса?

Напрасно во всемъ поприщѣ, пройденномъ Наполеономъ, будемъ искать на этотъ жизненный вопросъ удовлетворительнаго отвѣта.

Я позволю себѣ употребить форму сценическую, форму интимнаго диспута. Она признана самой удобной для изложенія всѣхъ *pro et contra* съ значительнымъ сокращеніемъ, такъ какъ ею устраняются оговорки при переходахъ отъ положеній къ возраженіямъ и отъ послѣднихъ къ опроверженіямъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1820 году, по возвращеніи уже моемъ изъ университета, въ деревнѣ у нашей матери, за завтракомъ; разговаривающіе: мать, двѣ мои сестры, проѣзжій священникъ, монахъ и я.

Мать (продолжая начатой разговоръ), Да и какія могутъ быть теперь политическія новости, когда стерли съ лица земли единственнаго человѣка, который оживлялъ нашъ міръ? Англичане герметически замкнули его между моремъ и небомъ.....

Монахъ. Вы, сударыня, говорите о Наполеонѣ. О это такъ: онъ не давалъ міру дремать; отъ него никому не было покоя.

Мать. Не было и не будетъ такого великаго человѣка. Это признано всѣмъ свѣтомъ. А повѣрите ли, батюшка, что есть одинъ....... да еслибъ это былъ человѣкъ, а то мальчишка (съ усмѣшкою указывая на меня), молоко еще на губахъ не обсохло, который смѣетъ съ этимъ не соглашаться......

Я. Милая маменька, ужели вы хотите вызвать меня на споръ; вѣдь былъ уговоръ, что между нами не будетъ объ этомъ рѣчи.

Мать. Ну, ну, на этотъ разъ позволяю тебѣ нарушить уговоръ; пусть насъ разсудитъ духовный отецъ. Неправда ли, mon père, это не грѣхъ, что разрѣшаю сыну объявить убѣжденіе противное моему?

Монахъ. Конечно нѣтъ. Иное дѣло уваженіе къ родителямъ, а иное свобода мысли въ общихъ спорныхъ предметахъ.

Я. Обѣщаете ли, maman, не сердиться на меня, что̀ бы я ни сказалъ? Я хочу

предъ батюшкою высказать все, что думаю.

Мать. Говори все.

Я. Этого будетъ немного. Никогда, даже еще недорослемъ, я не восхищался Наполеономъ, а теперь тѣмъ менѣе принадлежу къ его почитателямъ. Во всей его метеорической карьерѣ не столько меня удивляло его величіе, сколько покорное подобострастіе поколѣнія, которое поддалось ему такъ безусловно.

Сестра Эмилія. Ну, уже надо быть болѣе чѣмъ чудакомъ, чтобы не признавать величія Наполеона!

Я. Это зависитъ отъ того, какое составимъ себѣ понятіе объ истинномъ величіи. Есть такіе, и, признаюсь, я принадлежу къ ихъ числу, которые степень возвышенія и достоинства человѣка соразмѣряютъ количеству добра имъ сдѣланнаго. Если съ этой точки будемъ судить о Наполеонѣ: то сомнѣваюсь, чтобы можно было признать его *великимъ*.

Мать. Ты ставишь вопросъ такъ коварно, что прямо отвѣчать на него трудно.

Я. Извините, maman, я постановляю вопросъ какъ нельзя яснѣе, я привожу его къ простѣйшему выраженію; это вѣрнѣйшій путь къ достиженію истины.

Мать. Ты все опредѣляешь моральною заслугою, даже утилитарностью дѣяній..... Но согласись, что есть же дѣянія и сами по себѣ великія, удивительныя.....

Я. Такія явленія *великія* и *удивительныя* мы видимъ въ природѣ. Ничего не можетъ быть величественнѣе лѣтней грозы, морской бури, изверженія вулкана. Но все это величіе безсмысленныхъ силъ безсмысленной матеріи. Отъ дѣяній же человѣка, одареннаго разумомъ и волею, а особенно отъ такого, который мнилъ поставить себя выше человѣковъ, мы въ правѣ требовать болѣе чѣмъ однихъ поражающихъ эффектовъ. Мы имѣемъ право требовать *мысли*, слѣдовательно *цѣли* и именно мысли разумной, цѣли полезной. Между тѣмъ, во всемъ поприщѣ Наполеона что же мы видимъ, кромѣ одной необузданной гордости, неистоваго властолюбиваго эгоизма? Войны его не имѣли даже разумнаго предлога, всѣ явно стремились къ одной цѣли хищническихъ завоеваній и расширенія круга личной его власти. Для этого онъ, попирая вѣковыя традиціи и чувства народовъ, свергалъ съ троновъ законныхъ государей и замѣщалъ ихъ своими братьями и свойственниками, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ нужныхъ качествъ для такого положенія *). Всѣ мѣропріятія его внутри Имперіи имѣли одну цѣль: порабощеніе народа, который слѣпо предался ему, воспрепятствованіе проявленія всякой свободной мысли и упроченіе такого положенія за своею династіею. Никакое уваженіе общественной пользы, правъ человѣка, потребности просвѣщенія, протестующее противъ его деспотизма, ни на минуту не остановило его въ предвзятомъ стремленіи. На человѣческій родъ онъ такъ смотрѣлъ и такъ трактовалъ его, какъ будто бы родъ этотъ былъ созданъ для него, для его произвола и личныхъ выгодъ.

Мать. Ктоже однакожъ, если не онъ, положилъ преграду кровавой революціи, кто ввелъ и упрочилъ порядокъ, кто возстановилъ религію?

Я. Рѣкамъ крови, проливаемой революціею, онъ вырылъ только новое русло, самъ же пролилъ ея болѣе, чѣмъ всѣ революціи въ свѣтѣ. Это была бы весьма курьёзная статистическая данная, еслибы кто нибудь исчислилъ, сколько, по инниціативѣ Наполеона, было убитыхъ и искалѣченныхъ людей. Онъ возстановилъ не религію, а обряды культа и предоставилъ ихъ массамъ, самъ не принимая въ нихъ участія. Онъ признавалъ эти обряды необходимымъ

---

*) Въ этомъ Наполеонъ великій нисколько не былъ выше Фамусова, который имѣлъ правиломъ: „какъ не помочь родному человѣчку?“.

элементомъ въ организмѣ государства и также полезнымъ, какъ полезны пути сообщенія, почты, фонари на улицахъ и висѣлицы или гильотины. Порядокъ же ввелъ для того, чтобы провозгласить себя абсолютнымъ властелиномъ.

Ты, Эмилія, упрекнула меня въ томъ, что я не признаю Наполеона великимъ. Я отвѣчалъ уже на это общимъ положеніемъ, не терпящимъ никакого исключенія; но вотъ что еще прибавлю. Первое качество, требуемое въ характерѣ высшаго человѣка, это отсутствіе всякой страсти. Одно что̀ позволяется ему любить страстно, это тресвятую правду, а страстно ненавидѣть неправду. Наполеонъ же былъ подъ вліяніемъ многихъ страстей. Не говоря уже о его ненасытной жаждѣ власти и военной славы, онъ страстно ненавидѣлъ Англію, правильнѣе завидовалъ ей. Эта страсть увлекала его не разъ въ необдуманныя предпріятія, въ родѣ Испанской и Россійской войны; она внушила ему нелѣпую мысль такъ называемой континентальной системы. Онъ завидовалъ Англіи, а никогда не могъ или не хотѣлъ уразумѣть, что могущество этого образцоваго государства основано не на матеріальной, а на моральной силѣ разумныхъ свободъ народныхъ, образованности массъ и истиннаго патріотизма. Эта зависть, дѣйствуя какъ и всякая страсть, помрачала разсудокъ и наконецъ довела императора Французовъ до гибели

Кстати объ Англіи: распространилось одно ложное понятіе, которое слѣдуетъ опровергнуть. Лица, составлявшія свиту Наполеона въ его послѣднемъ изгнаніи, а за ними разные Бонапартистскіе писатели, наполнили Европу плаксивыми жалобами на Англійское правительство за обращеніе начальства острова св. Елены съ *великимъ человѣкомъ*. Мы читаемъ только Французскія газеты и книги, и поэтому такое же мнѣніе и у насъ пріобрѣло право гражданства, а никто не дастъ себѣ труда оцѣнить положеніе хладнокровно и безпристрастно. Губернаторъ острова, сэръ Гудсонъ Лауе (Gudson Lowe) представляется какъ чудовище, приставленное нарочно къ Наполеону, для того чтобы скорѣе уморить его. Во всемъ этомъ много преувеличеннаго и несправедливаго. Всѣ какъ будто забываютъ, что когда не одна Англія, а вся Европа признала нужнымъ удалить на всегда бывшаго императора изъ Франціи и даже изъ Европейскаго континента, то его водворили на островѣ Эльбѣ, который и по климату, такому же какъ и на его родинѣ, и по другимъ обстоятельствамъ, представлялъ условія удобнаго и даже пріятнаго мѣстопребыванія. Обыкновенно военно-плѣннымъ, людямъ порядочнымъ, на одно ихъ честное слово, что не будутъ стараться убѣжать, даютъ на мѣстѣ пребыванія почти полную свободу. Наполеонъ далъ болѣе чѣмъ честное слово, онъ подписалъ торжественный актъ отреченія отъ трона; но, не смотря на то, на подосланномъ его сторонниками суднѣ, бѣжалъ, явился во Франціи, собралъ армію и снова сталъ возмущать спокойствіе Европы. Когда послѣ этого онъ былъ вновь побѣжденъ, то всѣ признали необходимымъ водворить его въ такой мѣстности и съ такой обстановкой, чтобы новый побѣгъ содѣлать невозможнымъ и отнять у него всякія средства сообщаться съ его приверженцами. Отсюда и выборъ мѣстопребыванія, и всѣ тѣ мѣры, на которыя такъ горько сѣтуютъ Наполеонисты, изображая ихъ грубыми и жестокими, тогда какъ они были только необходимы. Никто не подумалъ, что въ такомъ ухудшеніи своего положенія виноватъ самъ же плѣнникъ. Самая простая вещь, что бѣжавшій изъ тюрьмы, по поимкѣ его, содержится строже, чѣмъ содержался до побѣга. И чѣмъ тутъ виноватъ сэръ Гудсонъ, что онъ наряжалъ каждый разъ конвой, когда бывшій императоръ прогуливался верхомъ по морскому берегу, что вскрывалъ письма, получаемыя лицами свиты и что

принималъ строгія предосторожности относительно кораблей, пристававшихъ къ св. Еленѣ. Поступая иначе, онъ неисполнялъ бы своего долга и, чего добраго, Наполеонъ бѣжалъ бы еще разъ. Нужно еще замѣтить, что Англія никогда не поддалась обаянію, которымъ былъ отуманенъ континентъ Она никогда не признала Наполеона законнымъ монархомъ: для нея онъ просто былъ и остался генераломъ Французской Республики, измѣнившимъ своему знамени *) и при томъ заклятымъ врагомъ Англіи, нанесшимъ ей много вреда. По всему этому эпизодъ острова св. Елены безпристрастному взгляду не представляетъ ничего нераціональнаго и ничего несправедливаго.

Эмилія. Какъ, ты вздумалъ оправдывать этого тирана, этого ненавистнаго Гудсона! Но говори чтó хочешь: съ тобою нельзя спорить, у тебя нѣтъ сердца.

Мать. Ты много наговорилъ; скажи однакожъ, кто, если не самъ Богъ, далъ ему такую властѣ надъ людьми, такое могущество?

Я. Это ничего не доказываетъ; по догматамъ нашей вѣры есть еще нѣкто — другой, который, съ Божьяго допущенія, обладаетъ по временамъ большою властью..... Но на сей разъ оставимъ это въ сторонѣ. Скажу только, что на этомъ пути дѣло Наполеона немного выиграетъ. Я согласенъ съ вами, маменька, признаю, что онъ имѣлъ назначеніе свыше, но въ этомъ качествѣ онъ былъ ничто иное какъ бичъ Божій. Отъ времени до времени, Промыселъ, для достиженія неисповѣдимыхъ цѣлей Своихъ, признаетъ нужнымъ истребить опредѣленное число человѣковъ и тогда ссылаетъ на землю страшные катаклизмы: наводненія, землетрясенія, голодъ, моровую язву..... или такихъ *великихъ* людей, однимъ изъ какихъ былъ Наполеонъ Бонапарте.

Мать (съ гнѣвомъ) Ахъ, можешь ли ты это говорить!

*) Въ оффиціальномъ актѣ о кончинѣ и погребеніи Наполеона, составленномъ властями, онъ названъ „the late general Bonaparte“.

Я. И удивительно, какое близкое сходство существуетъ между феноменальнымъ, промысловымъ (providential) характеромъ поприща Наполеона и образомъ дѣйствія другихъ язвъ, напримѣръ эпидемическаго мора, имѣющихъ такое же опредѣленное назначеніе. Во все время, пока Бонапарте исполнялъ его, ничто не могло устоять противъ него. Самыя дерзкія покушенія удаются, какъ бы геометрическая необходимость, самая неразчетливость и грубыя ошибки обращаются для него въ пользу и тріумфъ. Но когда миссія его стала уже приближаться къ выполненію: то послѣдовалъ цѣлый рядъ всякихъ невзгодъ. Строго расчитанные планы не удаются, обаяніе начинаетъ меркнуть, и наконецъ не то уже геній, простой разсудокъ оставляетъ его. Наполеонъ великій дѣлаетъ ошибку за ошибкой, но они производятъ уже не такъ какъ прежде полезныя для него, а естественныя свои пагубныя послѣдствія; самъ онъ, кажется, трудится на свою гибель. Не то ли самое видимъ мы съ эпидеміями, истребляющими десятаго человѣка? При появленіи и въ прогрессивномъ ихъ ходѣ, до самаго перехода чрезъ зенитъ, никакія средства не помогаютъ; но когда моръ забралъ уже такое число жертвъ, какое ему было предназначено, тогда больной вылечивается стаканомъ воды. Въ зимѣ 1812 года Русская баба метлою гоняла непобѣдимыхъ воиновъ старой гвардіи, на знаменахъ которой записаны были Аркола, Маренго, Аустерлицъ.

Монахъ. По истинѣ, вы правы. Промыселъ въ Своихъ дѣйствіяхъ многихъ цѣлей достигаетъ за разъ. Наполеонъ былъ безъ сомнѣнія одною изъ тѣхъ язвъ, которыя Богъ посылаетъ въ непонятныхъ намъ предопредѣленіяхъ Своихъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, примѣръ его заключаетъ глубокое поученіе для гордыхъ. Онъ наглядно показалъ, чтó такое, сколько можетъ и къ чему окончательно ведетъ величіе человѣческое, только человѣческое, когда въ немъ нѣтъ ничего Божьяго.

Сестра Марья. И въ самомъ дѣлѣ, понимая такъ, какъ понимаетъ братъ, все совершенно ясно. Иначе, въ исторіи Наполеона ничего уразумѣть нельзя. Какъ, напримѣръ, объяснить ребяческія ошибки, незнаніе самыхъ простыхъ вещей, съ которымъ онъ велъ Россійскую войну? Онъ въ ней напоминалъ того сказочнаго, состарѣвшагося волка, который самъ ищетъ смерти.

Монахъ. И для того, чтобы бичъ Божій могъ выполнить свою миссію истребленія, Богъ поразилъ современное поколѣніе слѣпотою, и это позволило ему опутать міръ на данное время. Въ исторіи нѣтъ примѣра такого сердечнаго благоговѣнія, такой любви, какою большинство Французской націи къ нему пылало.

Я. Извините, батюшка: Поляки далеко въ этомъ отношеніи превзошли Французовъ. За десять и болѣе лѣтъ, кто изъ насъ не боготворилъ бы его, могъ быть побіенъ камнями, какъ *измѣнникъ отечества*. Какъ эти идеи: Наполеонъ и отечество сошлись съ собою въ умахъ Поляковъ, никто не въ состояніи объяснить. Женщины въ особенности отличались пламенною любовью къ императору Французовъ.

Мать. Онъ былъ идеалъ и величія, и мужской красоты.

Я. Это до извѣстной степени объясняетъ энтузіазмъ Полекъ; но не угодно ли вамъ, maman, объяснить, за что его обожали Поляки? Онъ не только для нихъ ничего не сдѣлалъ и сдѣлать не хотѣлъ, но съ полною увѣренностью скажу, никто не сдѣлалъ имъ столько зла, сколько онъ. Трактовалъ ихъ съ такимъ презрѣніемъ, что даже тотъ мыльный пузырь, который создалъ онъ будтобы для нихъ, не назвалъ именемъ народа; что герцогство Варшавское не отдалъ въ управленіе Варшавянину, и все это въ такое время, когда былъ всемогущимъ. О, что касается до Польскихъ солдатъ, тѣхъ онъ удостоивалъ своего вниманія, кровь ихъ расточалъ щедро. Они-то брали приступомъ всевозможныя позиціи. *), онъ спускалъ ихъ, какъ стаю гончихъ, на всѣ народы, на которые охотился.

Мать. Охотился!

Я. Да, maman, это настоящее выраженіе; онъ самъ не стыдился сознавать, что охотится на людей.

Мать. Какъ, когда?

Я. Когда для стрѣлецкихъ полковъ выдумалъ названіе охотниковъ. *Chasseur* прямо происходитъ отъ *chasse*. И такъ, войны Наполеона — это была громадная охота. Наполеонъ былъ новый Немвродъ, маршалы были ловчіе, генералы доѣзжачіе и псари, его армія облава, а народы съ которыми воевалъ — дичь.

Мать. Да, ты порешь дичь, ты просто ужасный человѣкъ!

Я. Такъ, маменька, по истинѣ ужасный, называю вещи по имени. Но возвратимся къ Полякамъ. Такъ спуская ихъ по очереди на всѣ народы, Наполеонъ во всей Европѣ поселилъ къ нимъ невыразимую ненависть, которая и чрезъ сто лѣтъ не погаснетъ, ненависть тѣмъ болѣе ожесточенную и справедливую,

---

*) Одинъ Русскій артиллерійскій офицеръ разсказывалъ мнѣ слѣдующее, чего самъ былъ свидѣтелемъ. Готовилось сраженіе подъ Б..уценомъ (B..utzen). Только что были изобрѣтены конгревскія ракеты, и ни разу еще не были въ дѣлѣ. Когда, въ союзной арміи обсуждался планъ сраженія и одно возвышеніе признано было самымъ важнымъ пунктомъ, то защищать его было поручено одному Англійскому капитану съ ротою ракетниковъ. Никто еще не узналъ дѣйствія этого страшнаго снаряда. Наполеонъ тотчасъ оцѣнилъ всю важность этого пункта и, удивляясь, что онъ защищается такимъ малымъ числомъ войска безъ артиллеріи, послалъ отрядъ своей старой гвардіи для взятія его. Англичанинъ подпустилъ Французовъ такъ близко, что разсказывавшій думалъ, что онъ предастъ позицію. Но вдругъ менѣе чѣмъ въ 100 шагахъ онъ открылъ свой адскій огонь. Многіе Французы упали на землю и валялись, крича отчаянно, сожигаемые впившимися въ нихъ ракетами. Остальные убѣжали, разсказывая о случившемся. Наполеонъ послалъ другой гвардейскій отрядъ, но результатъ былъ такой же. Тогда послали отрядъ Поляковъ, и позиція была взята; но большая ихъ часть погибла, а не бѣжалъ ни одинъ.

что въ войнахъ бывшаго императора Поляки участвовали не какъ его подданные, а какъ дилеттанты. И вотъ почему имя Поляка возбуждаетъ повсюду антипатію и еслибы когда нибудь Поляки нашлись въ необходимости прибѣгнуть къ сочувствію и помощи иностранцевъ, то они встрѣтили бы вездѣ одно отвращеніе и непримиримую вражду.

Мать. Что ты, что ты! Неужели это такъ?

Монахъ. Непремѣнно такъ. Сынъ вашъ говоритъ сущую правду.

Я. Батюшка, вѣдь въ Писаніи сказано „познаете древо по плодамъ его". Такъ-то заслугу и достоинство людей мы узнаемъ по тому, что̀ по нимъ осталось. А чѣмъ власть и кругъ дѣйствія былъ обширнѣе, тѣмъ обильнѣе, тѣмъ полезнѣе и прочнѣе должны быть послѣдствія ихъ перехода на землѣ. Наполеонъ, правда, совѣстливо исполнилъ свою миссію истребленія, онъ покрылъ Европу могилами людей. Но кромѣ этихъ памятниковъ, прошу мнѣ сказать, что̀ еще оставилъ онъ по себѣ?

Монахъ. Немало горькихъ плодовъ.

Я. Это такъ, и они со временемъ должны произвести весьма ядовитые отпрыски. Осталось, правда, много горькихъ плодовъ; но я буду справедливъ и скажу, что остался одинъ и сладкій и вѣковѣчный.

Мать. Во первыхъ, кодексъ.

Я. Нѣтъ, не кодексъ. Съ него обыкновенно начинаютъ всѣ панегиристы. Много кое-чего можно бы сказать объ этой рапсодіи. Прежде всего то, что тому, котораго именемъ называется, онъ не стоилъ большаго труда. Довольно ему было приказать, чтобы былъ кодексъ, и кодексъ есть. Такимъ образомъ слишкомъ легко было бы прослыть Солономъ или Ликургомъ. Участіе его въ этомъ трудѣ ограничивалось наблюденіемъ, чтобы новое уложеніе заключало всѣ ручательства для его ненасытнаго деспотизма и для интересовъ его династіи. Да и не человѣка дѣло создавать законъ. Онъ былъ, есть и будетъ всегда и вездѣ, и чѣмъ его менѣе на письмѣ, а болѣе въ общественномъ сознаніи, тѣмъ лучше. Что̀ написано и приведено въ систему, то уже изъято изъ жизни и набальзамировано какъ мумія. Можетъ ли кто думать, что съ изданія Наполеонова кодекса умножилась масса правосудія, практикуемаго во Франціи? Не прибыло его отъ этого ни на одинъ атомъ. Въ Англіи кодекса нѣтъ, однакожъ понятія справедливости нигдѣ не развиты и не распространены и въ обществѣ, и въ судебной практикѣ на столько, и нигдѣ законность не уважается такъ свято, какъ въ этой странѣ. И къ тому же, какъ можетъ кто нибудь дать то, чего не имѣетъ? Наполеонъ, попиравшій безразлично всякія права, не могъ вдохновить чувства правоты, и хотя бы имъ были изданы не одинъ, а десять кодексовъ, все правосудіе нисколько бы отъ этого не выиграло. Но Богъ съ нимъ, съ кодексомъ, покончимъ съ нимъ. Не то осталось на всѣ вѣка по Наполеонѣ 1-мъ.

Мать (съ нетерпѣніемъ). Такъ что̀-же такое, говори наконецъ.....

Я. Не скажу, извольте угадать сами.

Монахъ. Что жъ, безъ сомнѣнія, послѣ такого явленія какимъ былъ Бонапарте, много должно было остаться послѣдствій. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на свою эпоху.

Я. Дѣло тутъ не о какомъ либо косвенномъ вліяніи. Я говорю о видимомъ, осязательномъ памятникѣ. Ну, и что-же, ничего вамъ на умъ не приходитъ?

Монахъ. Право, ничего. Все, что̀ онъ сдѣлалъ, вскорѣ было передѣлано, даже все, что̀ онъ было награбилъ для Парижскихъ музеевъ, Франція со стыдомъ должна была возвратить. (Подумавъ). А, знаю, Вандомская колонна?

Я. Фи, стану ли я говорить о ржавомъ чугунѣ или вонючей бронзѣ? Мой памятникъ это нѣчто aere perennius *), нѣчто такое, за что человѣчество никогда не перестанетъ благодарить соору-

*) Прочнѣе мѣди.

дившаго его. Воспоминаніе о его кровопролитныхъ войнахъ погаснетъ со временемъ, но памятникъ, о которомъ я говорю, останется на всегда живымъ, на всегда свѣжимъ какъ подъ соломенной крышей, такъ равно и въ позлащенныхъ чертогахъ. Маменька, вы, которая такъ любите Наполеона, каждый день пользуетесь доставленнымъ имъ добромъ, и не можете догадаться. Стоитъ ли послѣ этого быть благодѣтелемъ человѣчества!

Мать. Ну полно, это вѣрно какой нибудь злой сарказмъ, говори же наконецъ.

Я. Сарказмъ? Вовсе нѣтъ. (Я беру изъ сахарницы кусокъ сахару и, поднявъ его торжественно вверхъ): А это что такое?

Мать. Что же это значитъ?

Я. Что значитъ? Неужели вы не узнаете кирпича изъ вѣковѣчнаго монумента Наполеона великаго? Это и есть истинный дипломъ его на безсмертіе. Вѣдь онъ, чтобы досадить Англіи, велѣлъ найти вещество, замѣняющее колоніальный сахаръ, и химикъ Ашаръ (Achard), нашелъ его въ свеклѣ. Вотъ это-то и есть памятникъ прочнѣе всѣхъ возможныхъ металловъ. Имя Наполеона, напечатанное на головѣ свекловичнаго сахара, останется на всегда въ храмѣ славы и въ отдаленнѣйшихъ поколѣніяхъ не престанетъ возбуждать *сладкое* о немъ воспоминаніе.

(Всѣ смѣются.)

Этимъ заключился нашъ разговоръ о Наполеонѣ, и теперь, по прошествіи съ тѣхъ поръ болѣе полувѣка, мы не находимъ ничего, что могло бы измѣнить самую его характеристику, какъ она изложена выше; но вотъ что признаемъ нужнымъ прибавить.

Изъ видимыхъ фактическихъ послѣдствій царствованія бывшаго императора Французовъ, кромѣ свекловичнаго сахара осталась еще по наше время водворенная имъ на Шведскомъ тронѣ династіи Бернадотовъ.

Этимъ конечно не могло ограничиться вліяніе такого крупнаго историческаго событія, какимъ было это царствованіе. Оно глубоко выразилось на судьбахъ грядущихъ поколѣній, и потомство теперь уже собираетъ горькіе его плоды. Преслѣдуя логически естественную связь причинъ со слѣдствіями, не трудно будетъ установить филіяцію между тѣмъ, что теперь происходитъ въ Европѣ и вліяніемъ Наполеоновской эпохи. Бонапарте обуздалъ революцію, онъ остановилъ ее въ дальнѣйшемъ развитіи, которое неминуемо повело бы ко всеобщей коммунѣ, такой, какой характеристическій специменъ мы видѣли въ 1871 году въ Парижѣ. Наполеонъ затормозилъ это стремленіе силою, но ничего не сдѣлалъ для того, чтобы уничтожить его въ самомъ корнѣ, въ сущности. Для этого нужна была не матеріальная сила, а моральное, разумное, неутомимое противодѣйствіе. Если нельзя было перевоспитать современное поколѣніе, то слѣдовало тщательно озаботиться о морализованіи грядущаго, о вытрезвленіи сыновъ отъ революціоннаго чада, обуявшаго отцовъ. Но чтобы подумать объ этомъ, Наполеонъ слишкомъ былъ занятъ своими властолюбивыми замыслами, своимъ неразумнымъ антагонизмомъ съ Англіей; его болѣе интересовало то, чтобы Европа не покупала кофе и сахара, привозимаго изъ колоній и издѣлій Англійскаго произведенія, чѣмъ-то, что дѣлалось у него дома. Оно полагалъ, что довольно одного деспотическаго режима, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ его неограниченной власти и условіямъ внутренняго порядка. Введя самую строгую, самую щепетильную ценсуру, оковавъ выраженіе всякой свободной мысли, онъ мечталъ задавить этимъ и самое мышленіе. Но такое вынужденное спокойствіе было только наружное, искусственное. Этими капральскими мѣрами народная жизнь была пріостановлена въ своемъ развитіи, общественный бытъ во Франціи сдѣлался какимъ-то офиціяль-

нымъ, далеко не нормальнымъ и неестественнымъ. Это положеніе было однакожъ такъ сказать позлащено блескомъ военной славы, величія и могущества, которыя пріобрѣлъ Наполеонъ своими побѣдами: за эти успѣхи, Французы прощали ему гнетъ, подъ которымъ жили. Между тѣмъ успѣхи эти развили въ народномъ характерѣ чувство непомѣрной гордости и смѣшной самонадѣянности. Эта стихія, дѣлавшая Французовъ несноснымъ народомъ, осталась въ ихъ характерѣ, по крайней мѣрѣ оставалась до послѣдней войны съ Германіею, гдѣ они были побиты, какъ мало кто, когда либо, бывалъ битъ и гдѣ разгромъ нельзя имъ уже было, какъ въ кампаніи 1812 года, сваливать на генерала Мороза.

Во время всѣхъ этихъ перипетій, революціонный духъ, оставаясь живымъ и невредимымъ, притаился, созрѣвалъ и терпѣливо выжидалъ удобнаго для себя момента. Между тѣмъ Наполеонъ сдѣлалъ одну капитальную ошибку. Онъ, естественно, не могъ терпѣть Фран-масоновъ: въ такой системѣ правленія, какую онъ принялъ, орденъ этотъ, широко распространенный во Франціи, былъ вопіющей аномаліей, фальшивой нотою въ стройномъ концертѣ деспотизма. Считая ли себя не довольно для этого сильнымъ, или по другимъ уваженіямъ, онъ однакожъ не принималъ противъ него обычныхъ себѣ крутыхъ мѣръ, а возъимѣлъ странную мысль способствовать всѣми средствами къ наибольшему его распространенію. Онъ думалъ, что когда такимъ образомъ въ масонство будетъ принято великое множество всякаго сброда, то орденъ этотъ будетъ опошленъ въ глазахъ образованныхъ, мыслящихъ классовъ, уроненъ въ своемъ моральномъ значеніи и потеряетъ всякое вліяніе. Онъ совершенно ошибся въ разсчетѣ, не зналъ, что творилъ. Умножая число адептовъ, онъ съ одной стороны не достигалъ предположенной цѣли, а съ другой увеличивалъ силы ордена. Наполеонъ не понялъ того, что введеніе въ среду масонскаго общества, въ какомъ бы то ни было числѣ, даже самыхъ негодныхъ членовъ, не въ состояніи опошлить или уронить этотъ тайный институтъ, потому что въ немъ существуетъ строгій разборъ. Только избранные посвящаются въ существенныя тайны, и имъ сообщается истинная цѣль ордена. Остальнымъ членамъ преподаются одни общія мѣста обыкновенной морали и очень искусно составленныя аллегоріи, которыя они всю жизнь стараются разгадать и не разгадываютъ никогда. Они остаются какъ бы рядовыми огромной Фран-масонской арміи, а между тѣмъ и тѣ и другіе даютъ страшную клятву въ слѣпомъ, безусловномъ исполненіи приказаній начальниковъ. Слѣдовательно чѣмъ членовъ болѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ орденъ, когда наступитъ время дѣйствовать. Такимъ образомъ Наполеонъ способствовалъ лишь къ значительному умноженію средствъ ордена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ распространеніе его по всему государству, привилъ, такъ сказать, народу расположеніе къ составленію тайныхъ обществъ и подготовилъ почву, на которой не замедлили при немъ еще зародиться и съ удивительною быстротою развиваться самыя зловредныя явленія, въ родѣ карбонаризма, Вейсгауптова иллюминизма, Маріанны, Amis du peuple, соціялизма и коммунизма. Такое положеніе порождено царствованіемъ Наполеона и не только прямо, чрезъ громадное умноженіе числа Франмасоновъ, но и косвенно, и то не въ одной Франціи, но и въ государствахъ, съ которыми онъ воевалъ. Въ самой Франціи тяжкій деспотизмъ, гнетомъ своимъ, естественно вызывалъ стремленіе къ составленію тайныхъ сборищъ, гдѣ адепты могли по крайней мѣрѣ подышать свободно и высказать свои мысли. Этотъ же абсолютный произволъ, распространяемый на завоеванныя страны, произвелъ въ Германіи буршеншафты и тугендбунды, а въ Италіи второй фазисъ карбонаризма *). Извѣстно, что перво-

*) Прежній карбонаризмъ имѣлъ цѣлью ниспровергнуть правленіе короля Фердинанда,

начальною основою тѣхъ и другихъ была похвальная, чисто-патріотическая цѣль свергнуть иго Наполеона. И только со временемъ, послѣ уже паденія бывшаго императора, тайныя общества эти, вѣроятно подъ вліяніемъ масонства, приняли предосудительное направленіе, выродились изъ патріотическихъ въ чисто-революціонные центры. Нѣсколько политическихъ убійствъ въ Италіи, а въ Германіи убійство Коцебу студентомъ Зандомъ, обнаружили такое перерожденіе карбонаризма и Нѣмецкихъ студенческихъ обществъ.

И такъ я не колеблюсь сказать съ полною увѣренностью, что если и не признать царствованіе Наполеона единственнымъ источникомъ всего, подъ различными формами проявляющагося теперь, обще-революціоннаго стремленія, то нельзя не видѣть, что царствованіе это въ большей части вызвало настоящее движеніе и подготовило для него и матерьялы, и самыя благопріятныя обстоятельства. Къ пагубнымъ порожденіямъ Наполеоновскаго времени нельзя не причислить еще одно немаловажное. Это оба Польскія возстанія. Ясно видится прямая ихъ филяція съ традиціями бывшихъ легіоновъ. Отъ нихъ между Поляками и Французами завязалось братство по оружію (fraternité d'armes) и взаимная симпатія двухъ народовъ. Традиція легіоновъ сохранилась живая до послѣдняго времени и, поддерживаемая симпатіею Французовъ и надеждами Поляковъ на ихъ помощь, составила тотъ элементъ, коего конечнымъ выраженіемъ и были оба эти возстанія сколько безразсудныя, столько и гибельныя.

Заключая рѣчь о Наполеонѣ, слѣдовало бы, можетъ быть, отвѣчать тѣмъ, которые утверждаютъ, что онъ на много подвинулъ военную *науку*. Я не стратегъ, знаю однакожъ, что военное дѣло, хотя и вспомоществуется разными науками, само по себѣ никогда не признавалось и не называлось *наукою*, а лишь искусствомъ. Такъ назвалъ его экспертъ, составляющій въ этомъ предметѣ авторитетъ, Фридрихъ Великій, когда свою поэму озаглавилъ „Art militaire“.

а за тѣмъ переродился въ заговоръ противъ Мюрата, шурина Наполеона.

Ципринусъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О ТАТАРИНОВОЙ И О ЧЛЕНАХЪ ЕЯ ДУХОВНАГО СОЮЗА.

Прочитавъ въ историческомъ сборникѣ Девятнадцатый Вѣкъ (книга 1-я) біографію генерала отъ инфантеріи Е. А. Головина, записную книжку художника-академика Владиміра Лукича Боровиковскаго и статью о духовномъ союзѣ г-жи статской совѣтницы Екатерины Филиповны Татариновой, въ поясненіе и дополненіе означенныхъ статей сообщаю нижеслѣдующее. *)

1. Статская совѣтница Екатерина Филиповна Татаринова родилась 29-го Августа 1783 года отъ знатныхъ родителей: фонъ-Буксгевдена и урожденной баронессы Екатерины Ѳедоровны Малтицъ; образованіе получила въ Смольномъ Институтѣ, будучи принята, по слабости здоровья и за кроткій характеръ, начальницею, графинею Адлербергъ, въ ея семейство; за отличное образованіе и совершенное владѣніе Русскимъ, Французскимъ и Нѣмецкимъ языками, осчастливлена фрейлинскимъ приданымъ. За тѣмъ Екат. Филип. гостила у старшаго бра-

*) Первые семь параграфовъ были напечатаны въ № 113-мъ Петербургской Газеты, отъ 29 Іюля 1872 года и помѣщаются здѣсь для полноты. Авторъ, судя по сообщаемымъ подробностямъ, очевидно былъ самъ близокъ къ членамъ духовнаго союза, и показанія его имѣютъ въ глазахъ нашихъ значеніе свидѣтельства историческаго. *П. Б.*

та своего, полковника лейб-гвар. Измайловскаго полка Ивана Филиповича Буксгевдена, гдѣ стекалась знать: флигель адъютанты, Паскевичъ, Чернышевъ, зять ея, ст. сов. Эттингенъ съ старшею сестрою ея, и другіе. Блистать она не желала, а посѣщала бѣдныхъ и больныхъ, надѣляя ихъ, чѣмъ могла, будучи сопровождаема неуклоннымъ спутникомъ, младшимъ братомъ своимъ, Петромъ Филиповичемъ Буксгевденомъ, въ послѣдствіи инженеръ-капитаномъ. Въ бракъ Ек. Фил. вступила съ Иваномъ Михайловичемъ Татариновымъ. Въ 3-й день послѣ Бородинскаго дѣла, повстрѣчалъ этого послѣдняго, въ полѣ съ повязкою на головѣ, генер.-фельдмарш. князь Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій и на спросъ,— кто вы и куда слѣдуете?—получивъ отвѣтъ, что онъ гренадерскаго полка капитанъ Татариновъ, контуженъ подъ Бородинымъ и, получивъ облегченіе, возвращается въ полкъ,—поздравилъ его съ чиномъ маіора и кавалеріею св. Анны 2 ст. Братъ же Татариновой, командиръ полка гренадерскаго корпуса, Иванъ Филиповичъ Буксгевденъ, былъ убитъ въ Бородинскомъ дѣлѣ.

Единственный восьмилѣтній сынъ ея умеръ. Она слѣдовала за полкомъ, въ коемъ служилъ супругъ ея, и за арміею, вдалекѣ, при чемъ претерпѣвала, съ опасностію жизни, всякія лишенія и скорби. По окончаніи кампаніи, возвращаясь въ Россію чрезъ Варшаву, Татаринова познакомилась съ дѣйст. ст. сов. Багинскимъ, который совѣтовалъ ей: «Возлюбите, су«дарыня, Спасителя, паче всѣхъ и «паче всего. Онъ одинъ утѣшитъ и «успокоитъ сокровищное сердце ваше; «читайте на первый разъ вотъ эту кни«жечку: Капли Меда; за тѣмъ, вручи«те отъ меня въ Ригѣ письмо это дѣй«ств. ст. сов. фонъ-Гюне *): онъ вамъ «откроетъ дальнѣйшій путь къ Іису«су Христу». Г. Гюне спросилъ ее: „Желаете-ли, я познакомлю васъ съ людьми, которые имѣютъ въ себѣ духа любви Божіей?» «Ахъ, какъ вы осчастливите меня этимъ», отвѣчала ему Екатерина Филиповна. «Они помогутъ вамъ на пути Христовомъ, и духъ Его просвѣтитъ васъ во всемъ и утѣшитъ». Изъ Риги проѣхала она въ Дерптскій округъ, въ помѣстье старшей сестры своей, г-жи Эттингенъ, для свиданія съ нею и матерью, которая просила ее ѣхать въ Петербургъ, пользоваться квартирою ея въ Михаиловскомъ замкѣ и устроить нѣкоторыя гражданскія дѣла ея.

2. Императоръ Павелъ Петровичъ опредѣлилъ г-жу Буксгевденъ къ великой княжнѣ Александрѣ Александровнѣ главною дамою. По кончинѣ в. княжны (отъ труднаго прорѣзыванія зубовъ) императоръ Александръ I-й оставилъ квартиру за г-жею Буксгевденъ со всѣми угодьями и пожалованіемъ пенсіи.

3. Вскорѣ потомъ, отверзлись уста Екатерины Филиповны. Къ ней приходили: нѣсколько штабъ и оберъофицеровъ гвардіи, нѣсколько гражданскихъ знатныхъ лицъ и дворянъ и немного служащихъ обоего пола; слушали съ вѣрою слово любви Божіей и исполнялись сами, «любленія Іисуса Христа, ближняго и Св. Православной Церкви», къ которой присоединялась и она сама.

4. Но, усумнившись, есть-ли на явный глаголъ ея воля Божія, она уединилась въ деревню, верстъ за

*) Бывшій адъютантъ князя Н. В. Репнина: вотъ связь Татариновскаго союза съ теософами Екатерининской эпохи. О Гюне см. выше, стр. 151 въ Запискахъ Лубяновскаго. *П. Б.*

20-ть. Къ ней, узнавъ это, пріѣхали гг. Милорадовичи, Миклашевскій и другіе, прося: «не оставляйте насъ, вы показали намъ путь Господень, по коему, безъ поддержки вашей, слѣдовать не можемъ; умоляемъ васъ, возвратитесь; на это есть несомнѣнная воля Божія». По этому первому знаменію — дѣтскому призыву, она удостовѣрилась въ волѣ Божіей.

5. По приглашеніямъ императора Александра I, г-жа Татаринова два раза представлялась съ однимъ изъ слышавшихъ ея чиновниковъ. Государь, послѣ продолжительной бесѣды, сказалъ: „Продолжайте! Нынѣ распространились на Западѣ карбонаріи и проникли уже въ мою державу (намекая тѣмъ, что ему извѣстны подготовлявшіеся Декабристы). Я вами очень доволенъ за ученіе ваше о Спасителѣ нашемъ. Братъ Николай проситъ у меня Михайловскій дворецъ подъ инженерное училище (нынѣ Академія), въ чемъ я ему не могъ отказать; посему прошу васъ занимаемую вами во дворцѣ квартиру очистить. Я ассигновалъ для васъ квартирныя деньги изъ моего кабинета, на наемъ квартиры со всѣми удобствами, которыя будутъ доставляемы вамъ чрезъ посредство князя А. Н. Голицына". Это было окончательное разрѣшеніе, принятое г-жею Татариновою свыше: не отказывать въ пріемахъ стремящихся къ ней, ради Бога.

6. Вслѣдъ за тѣмъ, императоръ собственноручно писалъ къ тайному совѣтнику Григорію Петровичу Милорадовичу: „Я старался проникнуть сына вашего Алексѣя связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, что̀ бы отводило отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности". Возвратясь изъ отъѣзда, во время смотра гвардейскаго корпуса и церемоніальнаго марша лейб.-гвард. Семеновскаго полка, государь позвалъ изъ фронта: „Поручикъ Милорадовичъ! Я былъ у вашихъ родителей, въ Черниговѣ, они здоровы и кланяются вамъ; я ихъ на вашъ счетъ успокоилъ". При чемъ повторилъ слова, написанныя въ письмѣ, предъ всею блестящею свитою. Проѣзжая черезъ Рязань, государь пригласилъ откушать директора гимназіи, супруга г-жи Татариновой, и за обѣдомъ, большею частію, разговаривалъ съ нимъ.

7. Ст. сов. Татариновъ *) отъ полученной въ Бородинскомъ дѣлѣ въ голову контузіи и сотрясенія мозга, имѣлъ одышку, пріѣзжалъ въ Петербургъ для совѣтовъ отъ главнаго по арміи медицинскаго инспектора и другихъ военныхъ врачей; посѣщалъ нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ ближними, Екатерину Филиповну, оказывалъ ей уваженіе и дружески одобрилъ ближнихъ ея; по духовному его завѣщанію, ей достался послѣ него домикъ въ Рязани.

8. Екатерина Филиповна, получивъ даръ пророчества, разувѣряла глубокихъ лѣтъ старика, начальника скопческой ереси, въ его заблужденіи и неправильномъ пониманіи ученія Св. Православной Церкви и ея писаній; но какъ онъ упорно оставался въ своемъ мнѣніи, то она прекратила съ нимъ свиданія **).

---

*) Бывшій директоромъ гимназіи въ Рязани, подъ которою у него была деревня. *П. Б.*

**) Это знаменитый Андрей Ивановъ или Кондратій Селивановъ, самозванецъ и лжехристъ, представитель изувѣрства, какихъ не знаетъ никакая другая исторія, разсылавшій своихъ апостоловъ не только по Россіи, но

Императоръ Александръ назначилъ депутацію подъ предсѣдательствомъ Сп.-бургскаго ген. губернатора графа М. А. Милорадовича, статскаго совѣтника Мартына Степановича Пилецкаго (который часа два разубѣждалъ главнаго скопца съ его безмолвствовавшими клевретами, наполнявшими огромную залу) и тайн. совѣтника Василія Михайловича Попова, который, по окончаніи рѣчи Пилецкаго, провозгласилъ: „Ваше сіятельство! Я слышалъ Духа Божія, говорящаго чрезъ г. Пилецкаго" (не бывшаго до тѣхъ поръ въ знакомствѣ съ нимъ). Затѣмъ, съ одобренія цензуры, 6 Октября 1819 г., напечатана была брошюра въ количествѣ 11,000 экземпляровъ О Скопцахъ *) и ложныхъ дѣвственникахъ и, по Высочайшей волѣ, разослана начальникомъ главнаго штаба княземъ П. М. Волконскимъ въ мѣста наиболѣе зараженныя этою жалости достойною сектою. Руководитель ея отвезенъ въ монастырь **), гдѣ, въ 1832 г., исповѣдалъ себя въ заблужденіи и сознался, что онъ не „искупитель, а скопитель", былъ сподобенъ причащенія плоти и крови Господней и въ непродолжительномъ времени скончался, послѣдствіемъ чего оскопленіе въ гвардейскомъ корпусѣ нижнихъ чиновъ прекратилось, а въ другихъ мѣстахъ уменьшилось.

9. Свидѣтельства достовѣрныхъ лицъ о истинѣ, удѣляемой Е. Ф. Татариновою ближнимъ, суть ея знакомства сіи:

а) За полгода до совершившейся катастрофы лейб.-гвардіи Семеновскаго полка, поручикъ Милорадовичъ, по испрошеніи увольненія изъ онаго, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Милорадовичѣ, и на замѣчаніе, что онъ рѣдко у него, внѣ служебныхъ обязанностей, бываетъ, пояснялъ: „Какъ же мнѣ у васъ, дядюшка, бывать, когда вы принимаете обо мнѣ самые нелѣпые доносы". „Я имъ не вѣрю, отвѣчалъ графъ, тебя люблю, г-жу Татаринову уважаю, „бывай у меня чаще". Родной дядя его, кн. В. П. Кочубей, графиня Безбородко, гр. М. М. Сперанскій и другіе знатные родственники принимали его съ нѣжною любовію, видя въ немъ возрастающую любовь къ Богу, кротость и смиренномудріе. Родители его, хотя, до заступленія за него императора Александра I, лишали его содержанія, но таковое онъ имѣлъ, живя у г. директора Института Слѣпыхъ Пилецкаго и его помощника Петра Филиповича фонъ-Буксгевдена (почти въ одно время съ сестрою своею Екатериною Филиповною принявшаго православіе), въ ихъ квартирѣ на Литейной, ни въ чемъ не нуждаясь.

б) Князь А. Н. Голицынъ посѣщалъ Екатерину Филиповну и слушалъ года четыре пророческое слово, съ сокрушеніемъ и благочестіемъ, поддерживалъ при томъ вѣру и любовь въ оберъ-гофмейстерѣ Иродіонѣ Александровичѣ Кошелевѣ къ Господу Спасителю и союзъ въ Немъ съ Екатериною Филиповною заочно.

и въ чужіе края. Быстрое распространеніе скопчества между гвардейцами было, кажется, главною причиною его ссылки; до того же времени не только знатнѣйшія лица, но и самъ императоръ Александръ Павловичъ оказывали ему знаки вниманія и почтенія. См. Люди Божіи и Скопцы, соч. Реутскаго. *П. Б.*

*) Она имѣется въ Чертковской библіотекѣ. *П. Б.*

**) Суздальскій.—Тамъ онъ жилъ въ полномъ довольствѣ. Онъ попросилъ архимандрита, чтобы ему дозволили остричь волосы. Тотъ, ничего не подозрѣвая, не возразилъ. Волосы розданы для ношенія въ ладонкахъ, какъ святыня. — Показаніе автора о предсмертномъ раскаяніи Искупителя требуетъ подтвержденія. *П. Б.*

в) Живописецъ-академикъ Владиміръ Лукичъ Боровиковскій признавалъ Екатерину Филиповну матерью своею, какъ видно изъ записной его книжки.

г) Священникъ о. Алексій Маловъ въ подобномъ расположеніи находился къ Екатеринѣ Филиповнѣ, что̀ и на дѣлѣ доказалъ; ибо проповѣди его, именуемыя Св. Церковію: „Слово Благодатное“, имѣли помазаніе Духа Божія и вразумляли вѣрующихъ, ка̀къ надо подражать жизнію нашею Спасителю.

д) Принятый съ вечера въ продолженіи часовъ около трехъ, по просьбѣ л. г. Измаиловскаго полка поручика (впослѣдствіи генер.-маіора) П. П. Бутовскаго Екатериною Филиповною, членъ Израильскаго Комитета М. С. Пилецкій, получивъ позволеніе посѣщать ее, прійдя на другое утро, призналъ: „Вы моя матушка“.

е) Когда на пріемы истощалось до конца фрейлинское приданое Екатерины Филиповны, то во второе представленіе ея, Государь Императоръ благоволилъ объявить ей: „Я, на молитвѣ, получилъ расположеніе предложить вамъ по 8,000 р. асс. ежегодно для вашего вспомоществованія; прошу васъ принимать ихъ чрезъ князя А. Н. Голицына.“

10. Назначенный Высочайшимъ приказомъ полковымъ командиромъ л. г. Егерскаго полка (на мѣсто г. л. Карла Ивановича Бистрома, командовавшій 1-ю гренадерскою дивизіею) генералъ-маіоръ Е. А. Головинъ прибылъ въ мѣстечко Бѣшенковичи Витебской губерніи послѣ произведеннаго смотра гвардейскаго корпуса императоромъ (въ 1821 году) откуда полкъ перешелъ въ Вильну, гдѣ Головинъ оказалъ важную услугу Престолу и пріобрѣлъ особое довѣріе и расположеніе августѣйшаго бригаднаго начальника, впослѣдствіи императора, Николая I. По возвращеніи корпуса въ 1822 г. въ С. Петербургъ, къ одному изъ любившихъ Евгенія Александровича было лѣтомъ 1823 г. слово: „Приведешь къ Богу вельможу.“ „Кто̀ онъ, полагаешь ты?“ спросила Екатерина Филиповна. „Думаю, что это генералъ Е. А. Головинъ!“ „Жалѣй его“, предложила Екатерина Филиповна. Вскорѣ за этимъ, Е. А. Головинъ открывался ему наединѣ: „Ты видишь обстановку мою: изобиліе, почести, благоволеніе, сынъ мой Павелъ пожалованъ въ пажи, часто ѣздитъ къ Великому Князю (нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Александру Николаевичу), надаренъ подарками, приличными его шестилѣтнему возрасту отъ вдовствующей импер. Маріи Ѳеодоровны; но если бы ты видѣлъ, въ какомъ растерзанномъ состояніи находится душа моя, ты ужасался бы“, при чемъ прослезился.

1 Октября 1823 г. генералу Головину приключился приступъ апоплексическаго удара съ пораженіемъ глаза и опасностію жизни. Полковый штабъ-лекарь Коссовичъ пользовалъ генерала недѣлю; затѣмъ пригласилъ перваго изъ военныхъ врачей, искуснѣйшаго практика, лейб-хирурга Ѳ. Ѳ. Гейнродта, который опредѣлилъ: „намъ съ тобою нечего тутъ дѣлать, нуженъ лейб-окулистъ Груби.“ Методъ леченія остался прежній. Тогда же и чрезъ три дни повторены, при всѣхъ трехъ, кровопусканія, фунта по три за каждый разъ до обморока; учащены слабительныя, и опредѣлена строгая діэта (уха изъ ершей и ломоть бѣлаго хлѣба); душевныя волненія тише.

„Я сего дня сподобился принятія Св. плоти и крови Господней, и какъ мнѣ хорошо!" удѣлялъ генералъ своему ближнему, который пояснялъ: „Извольте продолжать пребывать съ Нимъ всю жизнь вашу. Его никто замѣнить намъ не можетъ ни здѣсь, ни въ вѣчности...; по писаніямъ и явнымъ знакамъ видно, что вы должны принадлежать Ему и слѣдовать за Нимъ; да и особа есть, чрезъ которую Господь даетъ силу нести крестъ Его." Е. А. Головинъ, глубоко просвѣщенный въ познаніяхъ Св. Писанія и толкованій текстовъ Закона Божія, какъ никто яснѣе его не толкуетъ, неоднократно говаривалъ, что онъ, безъ особой помощи Божіей, нести креста Его, т. е. отстать отъ немощей своихъ, не можетъ, почему рѣшительно ближнему своему отвѣтствовалъ: „Ты это не отъ себя произнесъ мнѣ. Богъ побудилъ тебя къ тому"; при чемъ, вознеся къ Нему благодареніе, поручилъ кланяться отъ него Екатеринѣ Филиповнѣ, цѣловать ея руку и объявить, что онъ съ братомъ ея Иваномъ Филиповичемъ Буксгевденомъ былъ дружески знакомъ по гренадерскому корпусу.

Е. А. Головинъ, принятый Е. Ф. Татариновой 24 Ноября 1823 года, слушалъ ее, не прерывая, часа два. На возвратномъ пути домой, онъ произнесъ ближнему своему: „чрезвычайно умна!" Въ кабинетѣ его, слезы сокрушенія, умиленія, любви и благодарности къ Богу полились изъ глазъ его. „Ты будешь еще сего вечера у Екатерины Филиповны; удѣли ей происходящее со мною, и что я цѣлую руки ея."

25 Декабря 1823 г. въ первый разъ явилось къ нему пророческое слово, торжественно - божественное, коимъ онъ безпредѣльно былъ сокрушенъ, утѣшенъ, наставленъ и укрѣпленъ душевно и тѣлесно.

Одинъ разъ, въ 1824 г., когда Евгеній Александровичь простился и вышелъ въ залъ, Екатерина Филиповна позвала его обратно изъ своего кабинета, сообщая: „Огромная „сила взятà отъ меня и отражена на „васъ; но я не знаю нынѣ, чтò это „значитъ." Евгеній Александровичъ перекрестился, въ знакъ преданности къ Богу, и откланялся. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь, онъ, по побужденію сердца своего, положилъ 25 земныхъ поклоновъ, объявилъ объ этомъ событіи Екатеринѣ Филиповнѣ, восходя потомъ до сотенъ, тысячъ и наконецъ до пяти тысячъ еженощно, какъ побуждалъ его духъ съ легкостію полета птицы, въ теченіи пяти часовъ, перемѣняя потное бѣлье каждый часъ и чувствуя себя потòмъ чрезвычайно хорошо, душевно и тѣлесно; чтò и есть, отчасти, отраженная и принятая имъ съ довѣренностію сила, дѣйствію коей онъ не воспротивился. Поклоны продолжаемы были съ перемежками нѣсколько мѣсяцевъ.

Полковый штабъ-лекарь Коссовичъ постоянно посѣщалъ генерала; но лейб-окулистъ Груби, полгода спустя, пересталъ ѣздить, хваля и превознося вѣру своего паціента въ Бога.

Воздвиглось гоненіе. Генералъ Головинъ, назначенный въ армію дивизіоннымъ начальникомъ, просилъ аудіенціи у императора. „Садитесь, „Евгеній Александровичь; чтò вамъ „угодно; всё для васъ сдѣлаю!"

—„Ваше Величество! Единственнаго милосердія прошу, оставить меня на службѣ въ С-Петербургѣ", при чемъ въ подробности донесъ о вышеизъясненномъ, присовокупивъ, что онъ не утвердился еще на пути и, безъ

пророческаго слова, Духа Утѣшителя, не можетъ внутренно существовать. — „Извольте, Евгеній Александ-„ровичь. Сего же числа отдано бу-„детъ въ приказахъ о назначеніи „васъ бригаднымъ начальникомъ лейб-„гвардіи егерскаго Финляндскаго пол-„ковъ; довольны ли вы?“ Милосердный монархъ напутствовалъ обрадованнаго и благодарнаго генерала еще и одобреніемъ: „Уважаю вѣру вашу, Евгеній Александровичь“.

По окончаніи Турецкой кампаніи, генералъ Е. А. Головинъ, не пожелавъ принять назначеніе Оренбургскимъ корпуснымъ командиромъ, по прошенію уволенъ отъ службы и отъ званія генералъ-адъютанта, въ которое возведенъ былъ въ 1825 г. императоромъ Николаемъ I, при восшествіи на престолъ; но въ мятежъ бывшаго Царства Польскаго, по письму изъ г. Нарвы къ Великому Князю Михаилу Павловичу о испрошеніи Высочайшаго соизволенія на поданіе прошенія о принятіи его въ военную службу, тогда же назначенъ былъ дивизіоннымъ начальникомъ въ дѣйствующую армію, куда и слѣдовалъ чрезъ Ригу. И хотя былъ остановленъ въ пути Рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, въ ожиданіи разрѣшенія государя императора (вслѣдствіе представленія его, что генералъ Головинъ, по объятію всей той страны мятежемъ, не можетъ далѣе слѣдовать и нужна ему помощь для того края) государь, буквально изволилъ повелѣть: „Генералу Головину, всѣми способами и окольными мѣстами, пробираться въ дѣйствующую армію“.

Генералъ Головинъ, укротивши всѣ скопища въ Бѣловѣжской пущѣ, принялъ начальствованіе надъ авангарднымъ отрядомъ (тысячъ въ шесть) Литовскаго корпуса и отвлекалъ на себя мятежный корпусъ Раморино, тысячъ въ двадцать восемь. Между тѣмъ главнокомандующій (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій) безпрепятственно переправился со всею арміею на лѣвый берегъ рѣки Вислы и громилъ укрѣпленіе—Волю. Тогда только мятежный сеймъ отозвалъ Раморино отъ генерала Головина; но уже поздно: Варшава сдалась по взятіи Воли и окоповъ.

Государь императоръ, произведя въ 1833 г. смотръ корпусу, коимъ командовалъ генералъ Головинъ въ имперіи, объявилъ: „Евгеній Александровичь! Тебя проситъ у меня князь Варшавскій, и я назначилъ тебя къ нему главнымъ директоромъ, предсѣдательствующимъ въ правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“.

Всѣ сословія Царства Польскаго были имъ довольны за его доступность, правосудность, кротость, гостепріимство и благочестіе. Польскіе вельможи свидѣтельствовали: „Не мо-„жемъ стоять противъ генерала Го-„ловина, касательно религіи“. Публика оставалась благодарна въ особенности за то, что генералъ отдѣлилъ въ костелахъ мужчинъ отъ женщинъ, посадя однихъ на скамьяхъ слѣва, а другихъ справа; провелъ необходимую улицу и нѣсколько водопроводовъ, улучшилъ госпитали, велъ переписку съ папою, касательно Римско-католической церкви, по званію главнаго директора. По просьбѣ уважавшихъ его миссіонеровъ, обращавшихъ въ Варшавѣ въ христіанство Евреевъ, частнымъ образомъ писалъ въ защиту миссіонеровъ, вѣровавшихъ въ Духа Бо-

жія противу Аугсбургскихъ лицъ, соперничествовавшихъ имъ; исправлялъ должность намѣстника во время ежегодныхъ поѣздокъ фельдмаршала за границу и въ С.-Петербургъ, въ коемъ и самъ Евгеній Александровичь былъ два или три раза въ отпуску.

Въ Маѣ 1837 г. фельдмаршалъ-намѣстникъ, возвратясь изъ С. Петербурга, объявилъ: „Евгеній Алек„сандровичь! Связь ваша разрушена; „Елисавета Павловна *) ѣдетъ къ „вамъ; дайте мнѣ знать о пріѣздѣ ея „и изложите для меня на бумагѣ, въ „чемъ союзъ вашъ заключался; я „о немъ ничего существеннаго не „знаю".

Е. А. Головинъ въ меморіи своей изложилъ все вышеизъясненное, до него касающееся, въ подробности и съ цитатами въ томъ, что всѣ дѣйствія Екатерины Филиповны Татариновой согласны съ уставами Св. Православной Церкви, писаній и происходили отъ Духа Божія; что преосвященный архіепископъ Варшавскій Антоній (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій) по справкѣ въ уставахъ св. отецъ удостовѣрилъ его, что о земныхъ поклонахъ, болѣе 800, примѣровъ нѣтъ; что нынѣ онъ еженедѣльно по два раза прогуливается по городу съ 5 часа утра въ продолженіи двухъ часовъ, съ великою для его духа и тѣла пользою, ибо не допускается дородность, бывшая почти вдвое до его болѣзни и чрезвычайно удручавшая его; что супруга его Елисавета Павловна неоднократно предполагала младшихъ дѣтей подвергнуть взысканію; но Екатерина Филиповна всегда останавливала ее, совѣтуя „вести ихъ мѣрами кротости", будучи сама безпредѣльной кротости и принимая ихъ и всѣхъ съ материнскою любовію и снисходительностію ко всѣмъ; что Елисавета Павловна, свидѣтельница событій, удостовѣрила его: а), когда тайный совѣтникъ Василій Михайловичь Поповъ пожелалъ переѣхать изъ дома почтоваго вѣдомства на жительство на дачу, то Ек. Фил. Татаринова неоднократно объявляла ему: „что на это нѣтъ воли Божіей"; но онъ отвѣтствовалъ: „я за это отвѣчаю"; б). Какія же истязанія дѣлалъ онъ надъ одною изъ своихъ трехъ дочерей, ей неизвѣстно; в) извѣстно ей только то, что слуга Василія Михайловича, за нѣсколько недѣль, обворовалъ его тысячи на три ассигн. и бѣжалъ; что Василій Михайловичь оставилъ это безъ послѣдствія, хотя и сдѣлалъ объявленіе; что за шесть дней предъ катастрофою, сбывшеюся въ первой трети Мая 1837 г., происходило у нихъ собраніе, состоявшее изъ 7 — 10 лицъ и дѣтей Головина и В. М. Попова и было пророческое слово ко всѣмъ: „крышу раскрою, посрам„лю, разошлю". Духъ въ самомъ пророчествующемъ застоналъ: охъ-охъ! Рыданія и вопль слушающихъ выражались въ словахъ: „Батюшка, Отецъ Небесный!" Генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ говорилъ Елисаветѣ Павловнѣ: „Ка̀къ она (г-жа „Татаринова) умна, съ какимъ при„сутствіемъ духа она отвѣчаетъ и ве„детъ разговоръ и какъ доказатель„но, выразить невозможно, ни опро„вергать ее".—„Графъ! свидѣтельствовала Елисавета Павловна, вы при-

*) Супруга Головина, урожд. фонъ Визинъ, жившая подъ Петербургомъ вмѣстѣ съ Татариновой. Первыя слова Паскевича относятся къ ссылкѣ Татариновой, съ ея дачи за Московскою заставою, въ Кашинскій женскій монастырь, что̀ послѣдовало въ Маѣ 1837 года. *П. Б.*

писываете уму то, что̀ проистекаетъ изъ нея отъ премудрости Божіей". д) Екатерина Филиповна всѣ тѣ три дни скорбей, при возможномъ удобствѣ, посылала сказать ближнимъ, жившимъ на ея дачѣ въ большомъ домѣ: „чтобы они были покойны, „приняли событіе это отъ руки Бо„жіей и отнюдь никого не судили, „утѣшая, что все это пройдетъ бла„гополучно". Кромѣ того, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, Екатерина Филиповна всѣмъ говаривала: „всё, что̀ „здѣсь находится, мебели, образа̀... „кажется мнѣ не мое". „Что же наконецъ касается до моей отставки и непринятія должности корпуснаго командира и Оренбургскаго военнаго генералъ-губернатора (писалъ Головинъ), то услуги мои, оказанныя Престолу и Отечеству въ Польскій мятежъ превышаютъ услуги, какія я могъ бы оказать въ томъ краѣ"; и пр.

Генералъ-фельдмаршалъ князь намѣстникъ, прочитавъ меморію, лично Е. А. Головину съ соучастіемъ выразился: „Екатерина Филиповна г-жа „Татаринова, истинная христіанка, „каковыми должны быть всѣ".

Къ 1 Декабря 1837 г. государь императоръ Николай Павловичъ писалъ къ фельдмаршалу князю намѣстнику: „Полагаю назначить генерала Головина командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ областяхъ. Надѣюсь, онъ управится съ тѣмъ краемъ, съумѣетъ управлять войскомъ и успѣшно дѣйствовать противу непріятелей". Къ 6 Декабря 1837 г. послѣдовалъ высочайшій приказъ о таковомъ назначеніи.

Подвѣдомственные генералу Головину чины и городъ, надъ которымъ онъ былъ по смерти генерала Панкратьева и генералъ-губернаторомъ, дали ему порознь обѣды; а первенствующій архіепископъ, со всѣмъ подвѣдомственнымъ духовенствомъ, поднесли ему крестъ: кристаллъ, оправленный въ золото, на піедесталѣ коего вырѣзаны слова: а) „Предсѣда„тельствовавшему въ правитель„ственной коммисіи внутреннихъ и „духовныхъ дѣлъ и народнаго про„свѣщенія генералу Евгенію Алек„сандровичу Головину въ знакъ глу„бочайшей признательности и безпре„дѣльнаго уваженія отъ всего духо„венства Царства Польскаго; и б) имена первыхъ духовныхъ особъ.

Государь императоръ принялъ Е. А. Головина въ С.Петербургѣ благосклонно, соизволяя удовлетворить представленія его касательно увеличенія Казвказскаго войска; пожелалъ видѣть крестъ, который Евгеній Александровичъ имѣлъ при себѣ и остался очень доволенъ; но меморіи, имѣвшейся при немъ, Евгеній Александровичъ не представилъ, предоставивъ это, кажется, времени; и мнѣ неизвѣстно, была ли она впослѣдствіи представлена Его Величеству.

Е. А. Головинъ, подвергшись лѣтъ чрезъ пять въ Грузіи приступу апоплексическаго удара, вынужденъ былъ испросить отпускъ на годъ; путешествовалъ въ Италіи, представлялся въ Римѣ папѣ Григорію вмѣстѣ съ дочерью и Елисаветою Павловною (владѣвшею совершенно сверхъ Французскаго и Русскаго, Италіанскимъ языкомъ и бесѣдовавшею на немъ съ его святѣйшествомъ); за тѣмъ, по выздоровленіи, назначенъ Рижскимъ, Лифляндскимъ Эстляндскимъ и Курляндскимъ в. генералъ-губернаторомъ; а потомъ членомъ Государственнаго Совѣта.

11. Между тѣмъ М. С. Пилецкій велъ переписку съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода г. а. графомъ Протасовымъ, представляемую графомъ Его Величеству. Приложивъ собственноручное къ нему письмо преосвященнаго архіепископа Владиміра, Пилецкій присовокупилъ: „Ваше сіятельство! Высокій членъ нашей святѣйшей Православной Церкви свидѣтельствуетъ, „что во мнѣ пребываетъ истина". Государь повелѣлъ дать ему свободу.

Графъ Протасовъ, при представленіи Пилецкаго въ С.Петербургѣ, встрѣтилъ его съ радостію сими словами: „Вы имѣете любовь Духа Божія", и дважды произнесъ эти слова.

Когда Екатеринѣ Филиповнѣ Татариновой ниспосланъ былъ даръ пророчества (въ 1817) г., то на нее возложена была чрезъ нѣсколько времени болѣзнь, казалось, смертельная, съ ужасными головными болями, по ея объясненію, „для очищенія ея", которыя облегчались только Словомъ къ ней, дѣлаемымъ чрезъ другаго пророка, прорекавшимъ при томъ: „не „сниму тебя еще съ земли, но до того вооружу противу тебя родство, „возбужду гоненіе, имя Божіе прославлю, тебя не оставлю, отряжу „тебя въ Москву и тогда сниму тебя „съ земли".

Кто видѣлъ ее въ Москвѣ, по перемѣщеніи изъ Кашина, тѣ свидѣтельствуютъ, что она до конца дней сохраняла всѣ вышеизъясненныя качества: кротость, тишину сердца, свѣжесть и красоту, любовь и молитвенное состояніе, вполнѣ въ ней сложившееся, извѣстное по книгѣ О должностяхъ Христіанина, подъ названіемъ „внутренняя молитва". Она отошла „съ миромъ" 73 лѣтъ жизни, на рукахъ безпредѣльно возлюбившей ее воспитанницы ея, Анны Александровны, 12 Іюля 1856 г. въ Москвѣ.

12. Вѣрный, смирившій себя, братъ ея, инженеръ-капитанъ Петръ Филиповичъ Буксгевденъ, по кончинѣ ея, жаловался генеральшѣ Е. П. Головиной на скуку и тоску; затѣмъ, какъ извѣстно, просилъ: „Маминька моя, голубица моя! Возьми меня къ себѣ". 4 Декабря 1856 г. онъ скончался и близь нея, на Пятницкомъ кладбищѣ, погребенъ попеченіями друга его, воспитанницы Анны Александровны, имѣвшей въ Москвѣ собственный домъ *).

13. Живописецъ Кокуляръ, въ Варшавѣ, въ 1836—1837 гг., изобразилъ Головина. Портретъ этотъ изъ сходнѣйшихъ.

14. Что̀ же касается до того, какимъ образомъ такой кроткій, многосторонне-образованный, великій, многолѣтній дѣятель въ имперіи, тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ могъ дозволить себѣ истязаніе своей дочери, то сіе можно приблизительно изъяснить, по описанію на страницѣ 229-й 1-й книги Девятнадцатаго Вѣка:

„Онъ въ супругѣ своей не встрѣ„тилъ никакого сердечнаго сочувствія; „она требовала отъ него роскоши, из„держекъ, и въ то время какъ онъ „служебнымъ трудомъ обезпечивалъ „жизнь своего семейства, осыпала его „укорами въ томъ, что онъ не забо„тился о доставленіи свѣтскихъ удо„вольствій". В. М. Поповъ, а) сно-

*) Эта воспитанница Татариновой, для того чтобы не остаться безъ всякаго положенія въ обществѣ, вышла за мужъ за престарѣлаго Урбановича-Пилецкаго, и въ его домѣ, на 3-й Мѣщанской, скончалась Екатерина Филиповна. Сколько намъ извѣстно, Анна Александровна, овдовѣвъ, вступила съ кѣмъ-то во второй бракъ. *П. Б.*

силъ упреки какъ подруги своей и супруги, оправдавшей себя лишь за нѣсколько сутокъ предъ кончиною глубочайшимъ раскаяніемъ и испрошеніемъ отъ него полнаго во всемъ прощенія"; б) слѣдуя по пути жизни Христовой и памятуя, что старшая дочь его незадолго предъ тѣмъ преселилась въ вѣчность въ ангельскомъ совершеніи; с) съ дочерью своей, вѣроятно, наслѣдовавшей темпераментъ матери и притомъ возстановлявшей противъ него другихъ сестеръ, могъ, въ порывѣ родительскаго соревнованія, прiити въ нетерпѣніе.

15. *Заключеніе.* Наша Св. Православная Церковь осыпаетъ насъ безпредѣльными милостями въ многообразныхъ видахъ. Господь Спаситель предоставилъ однакожъ ей и Себѣ дѣлать нѣкоторыя души, „соучастниками Своего креста, по Его усмотрѣнію"; посему и остается отдавать честь и славу Ему во всемъ, здѣсь и въ нескончаемыхъ вѣкахъ.

Вотъ что писалъ Головинъ, между прочимъ, къ одному искреннему своему изъ Смоленска отъ 7 Іюня 1855 г.: „Возвратясь изъ послѣдняго объ„ѣзда моего дружинъ *) по уѣздамъ, „я нашелъ здѣсь письмо твое, любез„ный другъ ***, отъ 31 Мая. Прі„ятно было мнѣ письмо это: оно на„поминаетъ мнѣ то время, когда ты „былъ каналомъ, чрезъ который со„общались мнѣ благодатныя ощуще„нія на мою долю М. (т. е. маминь„кѣ Екатеринѣ Филиповнѣ) ниспосы„лавшіяся, между тѣмъ какъ того же „самаго прямо отъ нея я получать „не могъ, а вкушалъ только Слово. „Любовь твоя ко мнѣ была проводни„комъ сказанныхъ ощущеній, мое „сердце согрѣвавшихъ и въ сладкихъ „слезахъ сокрушенія обильно изли„вавшихся...... Господь да укрѣпитъ „союзъ этотъ во славу Свою.... Обни„маю тебя съ посильною любовію во „Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. „Евгеній Головинъ".

*) Головинъ велъ тогда Смоленское ополченіе въ Одессу. *П. Б.*

Статскій совѣтникъ
Іоанновъ.

29 Сент. 1872
Спбургъ.

ТРИ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ [1]).

1.

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда [2]), былъ я всѣми [3]) встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ таже участь. П., назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго. *П. Б.*

[2]) Въ Августѣ 1824 года изъ Одессы, въ Михаиловское, не видавшись съ родителями четыре года и три мѣсяца и въ это время успѣвъ сдѣлаться извѣстнымъ и любезнымъ каждому грамотному человѣку въ Россіи. *П. Б.*

[3]) Въ Михаиловскомъ Пушкинъ засталъ въ сборѣ все свое семейство, т. е. отца, мать, сестру Ольгу и брата Льва. *П. Б.*

я преподаю ему безбожіе [1]). Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла. Иду къ отцу; нахожу его съ матерью и высказываю все, что̀ имѣлъ на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца. Кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ.......

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня?... Рудниковъ Сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что̀ терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня.

31 Окт. (1824) А. П.

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что̀ будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

2.

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что̀ мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что̀ было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: *Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ.*“ За чѣмъ же обвинять было сына? *Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками?* Это дѣло десятое. *Да онъ убилъ отца словами*.... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

[1]) Обвиненіе, объясняемое, въ устахъ Сергѣя Львовича Пушкина, тогдашнимъ настроеніемъ императора Александра Павловича, распространявшимся въ ближайшихъ ко двору сферахъ. Это было именно то время, когда первенствовалъ Магницкій и архимандритъ Фотій, клеймившіе именемъ безбожника даже самаго кн. Александра Николаевича Голицына. Въ добавокъ, поводомъ къ ссылкѣ Пушкина послужило перлюстрированное письмо его въ Москву къ издателю Бахчисарайскаго Фонтана, съ шутливо-похвальнымъ отзывомъ объ Англичанинѣ докторѣ Гучинсонѣ, *глухомъ атеѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что забавное ханжество высшихъ лицъ, еще такъ недавно глумившихся надъ святынею, вызывало противодѣйственные отзывы въ душахъ искреннихъ, каковою была пылкая душа А. С. Пушкина. Онъ былъ, что̀ называется, бѣльмо въ глазу для мундирно-богомольствовавшей власти, тѣмъ паче, что съ выходомъ въ свѣтъ Бахчисарайскаго Фонтана (въ началѣ 1824 г.) его имя всюду произносилось съ восторгомъ. А тутъ еще въ добавокъ, онъ друженъ съ Раевскими и Давыдовыми, онъ ѣздитъ въ Каменку, онъ воленъ духомъ и вполнѣ независимъ въ своемъ творчествѣ.—Всего этого не зналъ Сергѣй Львовичь, и мы не въ правѣ даже обвинять его за то. Съ сыномъ у него было мало общаго. Поступивъ въ Лицей 12 лѣтъ отъ роду, онъ выросъ и развился вдали отъ родительскаго дома, почти что ему чуждый. Вскорѣ по пріѣздѣ Александра Сергѣевича въ Михаиловское, его вызывали (въ томъ же Августѣ мѣсяцѣ) въ Псковъ, гдѣ онъ долженъ былъ дать губернатору Адеркасу письменное обязательство „жить безотлучно въ деревнѣ родителя и вести себя благонравно“.

Чтожъ, милый? Будетъ ли что нибудь для моей маленькой Гречанки? Она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! Она родня поэтамъ по поэзіи; но N. даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего..

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно-смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

24 Ноября (1824)

Его высокоблагородію м. г. Василію Андреевичу Жуковскому. Въ С. Петербургѣ. Въ Аничковомъ дворцѣ.

Почтовое клеймо: 1 Декабря 1824. Опочка.

3.

Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ кратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живо. Восмилѣтняя Родося Сафіоносъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшаго вицъ-губернатора Бессарабіи. Нельзя ли сиротку пріютить? Она племянница Русскаго полковника, слѣд. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ Провидѣнье. О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть тебя разсержу, вываливая, что̀ у меня на сердцѣ. Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ же; обними изъ нихъ кого можно; прочимъ—всю душу.

ДВА ПИСЬМА

Прасковьи Александровны Осиповой. къ В. А. Жуковскому.

1.

Милостивый государь Василій Андреевичь.

Искреннее участіе (не свѣтское), которое я, съ тѣхъ поръ какъ себя понимать начала, принимаю въ участи Пушкина, пусть оправдываетъ въ сію минуту передъ вами меня, милостивый государь, въ томъ, что, не имѣя чести быть вамъ знакомою, рѣшилась начертать сіи строки. Изъ здѣсь приложеннаго письма усмотрите вы, въ какомъ положеніи находится молодой, пылкой человѣкъ, который, кажется, у́влеченный сильнымъ воображеніемъ, часто къ несчастію своему и всѣхъ тѣхъ, кои берутъ въ немъ участіе дѣйствуетъ прежде, а обдумываетъ послѣ.—Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, или лучше сказать разныхъ мнѣній, по одному же однако предмету, съ отцемъ своимъ, вотъ какую просьбу послалъ Александръ къ нашему Адеркасу. Я все то сдѣлала, что̀ могла, чтобы предупредить слѣдствіе оной; но не знаю, удачно ли; потому что г. Адеркасъ, хотя человѣкъ и добрый, но былъ прежде полицемейстеръ. Я трепещу слѣдствій для нѣжной матери, да и отца! Можетъ вогнать прежде времени во гробъ. Не смотря на все, что̀ теперь происходило, Александръ, кажется, имѣетъ счастіе пользоваться вашимъ доброжелательствомъ. Не дайте погибнуть сему молодому, но право хорошему любимцу Музъ. Помогите ему тамъ, гдѣ вы; а я, пользуясь нѣсколько его дружбою и довѣренностью, постараюсь, если не угасить вулканъ, по крайней

мѣрѣ направить путь лавы безвредно для него.

Если вамъ угодно отвѣчать А. С-чу такъ, чтобы кромѣ его никто не видалъ вашихъ писемъ, то мое имя да служитъ имъ эгидою.

Позвольте при семъ случаѣ засвидѣтельствовать вамъ то отличное, искреннее почтеніе, которое давно, давно имѣетъ къ вамъ, милостивый государь, ваша покорная къ услугамъ

Прасковья Осипова.

Мой адресъ:

Пр. Александровнѣ Осиповой, черезъ городъ Опочку въ село Тригорское

Копія съ черноваго письма А. С. Пушкина къ Б. А. Адеркасу, Псковскому губернатору

Милостивый государь Борисъ Александровичъ.

Государь Императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ протчимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Е. И. В., да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства и пр.

2.

Милостивый государь Василій Андреевичь!

Вчерашній день получила я письмо ваше и пріятною обязанностью себѣ поставлю исполнить желаніе ваше на счетъ положенія дѣлъ любезнаго нашего поэта. Къ похожденію письма его можно смѣло сказать, что на сей разъ Pouschkine fût plus heureux que sage *). У васъ былъ ужасный потопъ, а у насъ распутица; нигдѣ нѣтъ проѣзду. Посланный его, не нашедъ губернатора во Псковѣ, черезъ недѣлю возвратился, не отдавъ письма никому. Теперь отдалъ его А. С-чу, и онъ сказалъ мнѣ вчера, что его уничтожилъ, и душѣ моей стало легче.

Желаю искренно, чтобъ совѣты ваши приняты были Сергѣемъ Львовичемъ и исполнены. Мнѣ пріятно было замѣтить изъ письма вашего, что мы съ вами совершенно согласны во мнѣніи на счетъ несогласія сихъ двухъ особъ, отца и сына. А причина сихъ вѣчныхъ между ними несогласій есть странная мысль, которая, не знаю отъ чего, вселилась съ обѣихъ сторонъ въ ихъ умахъ. Сергѣй Львовичъ думаетъ, и его ничѣмъ не можно разувѣрить, что сынъ его не любитъ, а Алекс. увѣренъ, что отецъ къ нему равнодушенъ и будто бы не имѣетъ попеченія о его благосостояніи. Отъ сего происходитъ, что они обоюдно толкуютъ каждый въ свою очередь поступки одинъ другаго ложно, а потому дѣйствуютъ равно ошибочно. Бывъ лишь чуждая и посторонняя совершенно между ими, я болѣе правды говорила любезному нашему анахорету, чѣмъ бы онъ выслушалъ отъ своей нѣжной Надежды Осиповны.

Я живу въ двухъ верстахъ отъ с. Михайловскаго, гдѣ теперь А. П., и онъ бываетъ у меня всякій день. Желательно бы было, чтобъ ссылка его сюда скоро кончилась; иначе я боюсь быть нескромною, но желала бы, чтобъ вы, милостивый государь Василій Андреевичь, меня угадали. Если Алекс. долженъ будетъ оста-

*) Пушкинъ болѣе счастливъ, нежели благоразуменъ.

ваться здѣсь долго, то прощай для насъ Русскихъ его талантъ, его поэтическій геній, и обвинить его не можно будетъ. Нашъ Псковъ хуже Сибири, а здѣсь пылкой головѣ не усидѣть. Онъ теперь такъ занятъ своимъ положеніемъ, что безъ дальняго размышленія изъ огня вскочитъ въ пламя; — а тамъ поздно будетъ размышлять о слѣдствіяхъ.

Все здѣсь сказанное не пустая догадка, но прошу васъ, чтобы и Левъ Серг. не зналъ того, что я вамъ сіе пишу. Если вы думаете, что воздухъ и солнце Франціи или близь лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель, полезенъ для Русскихъ орловъ, — и оной не будетъ вреденъ нашему, то пускай останется то, что̀ теперь написала, вѣчною тайною. Когда же вы другаго мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлётъ [1]).

Я не буду извиняться передъ вами, что пишу такъ много. Сердце было на концѣ пера, и я слишкомъ искренно привержена къ семейству Пушкиныхъ, чтобъ равнодушно видѣть ихъ въ горестяхъ. Я забывала въ недавнемъ времени всю грусть души своей и каждую минуту думала только о Серг. Льв. и Надеждѣ О. Я сумнѣваюсь, чтобъ они и теперь пріѣхали въ Пбургъ скоро; да и что̀ они тамъ найдутъ! Дорога должна быть ужасна, а въ городѣ еще ужаснѣе.

Я много обязана А. С., что черезъ него теперь могу сама имѣть удовольствіе изъяснить вамъ то чувство отличнаго почитанія, съ коимъ всегда именоваться буду, милостивый государь, готовая ко услугамъ П. Осипова.

22 Ноября (1824)

[1]) Послѣ наводненія 7 Ноября *П. Б.*

И такъ вотъ въ какомъ положеніи очутился несчастный поэтъ. Осенью 1824 года, къ которой относятся выше приведенныя (изъ бумагъ Жуковскаго извлеченныя) письма, началось для него время полной опалы: до того онъ только удаленъ былъ изъ столицы и, вспоминая Петербургъ, могъ говорить:

Тамъ нѣкогда гулялъ и я,
Но вреденъ *сѣверъ* для меня.

Теперь уже было не до шутокъ. Въ формуляръ его занесены слова: „исключается изъ службы за дурное поведеніе“; онъ преданъ тройному надзору мѣстнаго губернатора, мѣстнаго дворянскаго предводителя и ближайшаго архимандрита, коему вмѣнено въ обязанность присматривать за его нравственностью (дѣдушка-игуменъ былъ ли намъ пріятенъ!) Жандармскій чиновникъ, по составленному впередъ маршруту, коимъ воспрещалось заѣзжать въ Тульчинъ и Каменку, привезъ Александра Сергѣевича въ село Михаиловское, гдѣ тогда проводили лѣтнее время его родители. Вотъ пропасть, въ которую ввергнулъ его Одесскій демонъ:

Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ....
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты,
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ... *)

Понятно, что Сергѣй Львовичь не ласково встрѣтилъ сына.

Поэтъ нашелъ себѣ нравственное убѣжище у Прасковьи Александровны Осиповой, которая, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, съумѣла понять чуткимъ, всеизвиняющимъ сердцемъ, что за вспышками юношеской необузданности, за рѣзкими отзывами, сохранялись во всей чистотѣ не одна геніальность, но и глубоко-доброе, благородное сердце и та искренность, которая и доселѣ даетъ его твореніямъ чарующую силу и власть надъ людьми.

*) Писано именно осенью 1824 года и относится несомнѣнно къ А. Н. Раевскому. *П. Б.*

Да проститъ намъ великая тѣнь обнародованiе этихъ подробностей. Самъ онъ виною, что все къ нему относящееся дѣлается достоянiемъ общеизвѣстности. Его трудно судить по нашей мѣркѣ, и изъ напечатанныхъ выше писемъ мы убѣждаемся, какъ много жгучихъ ощущенiй перегорѣло въ страдальческой груди, дабы разлилось изъ нея благоуханiе поэзiи.

....Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михаиловскiя рощи,
Являлся я!.... Вы во мнѣ прiяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила.
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ;
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькiя кипѣли въ сердцѣ чувства!

Эти стихи очевидно относятся къ первымъ, тяжкимъ мѣсяцамъ ссылки 1824 года. *П. Б.*

ДѢТСКIЯ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ЕГО МАТЕРИ *).

1.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Я весьма радъ, что узналъ, что вы слава Богу здоровы; что жъ касается до меня, то и я также, по Его милости, здоровъ и веселъ. Здѣсь я со многими офицерами свелъ знакомство и много обязанъ ихъ ласками. Всякую суботу я смотрю разводъ, за которымъ слѣдую въ крѣпость. Въ прошедшую суботу, шодши такимъ образомъ за разводомъ, на подъемномъ мосту вѣтромъ сорвало съ меня шляпу и снесло прямо въ воду, потому что крѣпость окружена водою, однако по дружбѣ одного изъ офицеровъ ее достали.

Еще скажу вамъ, что я перевожу съ Нѣмецкаго и учусь ружьемъ. Въ прочемъ, прося вашего родительскаго благословенiя и цалуя ваши ручки, остаюсь навсегда вашъ послушный сынъ Васинька.

20 Ноября
1795-го года
Кекзгольмъ.

2.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Имѣю честь васъ поздравить съ праздникомъ и желаю, чтобъ вы оной провели весело и здорово. О себѣ честь имѣю донести, что я слава Богу здоровъ. Недавно у насъ былъ графъ Суворовъ, котораго встрѣчали пушечною пальбою со всѣхъ бастiоновъ крѣпости. Сегодня у насъ маскерадъ, и я также пойду, ежели позволитъ Дмитрiй Гавриловичъ *). Въ прочемъ, желая всякаго благополучiя, остаюсь вашъ послушный сынъ Васинька.

1795-го года
Декабря 20 дня
Кекзгольмъ.

3.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Имѣю честь васъ поздравить съ наступившимъ новымъ годомъ и желаю, чтобъ вы оной и множество таковыхъ провели благополучно и здорово.

---

*) Сообщены съ подлинниковъ Константиномъ Степановичемъ Сербиновичемъ. Первыя три письма Жуковскiй писалъ на 13 году возраста. *П. Б.*

*) Постниковъ, Тульскiй помѣщикъ, по просьбѣ Марьи Григорьевны Буниной, возившiй Жуковскаго въ Кексгольмъ явиться на службу въ Нарвскiй пѣхотный полкъ, куда онъ былъ записанъ съ рожденiя и гдѣ также нѣкогда служилъ и отецъ его. *П. Б.*

О себѣ честь имѣю донести, что я слава Богу здоровъ и веселъ. У насъ здѣсь, правду сказать, очень весело; въ Крещенье была у насъ Іордань, куда ходили съ образами, и была пушечная пальба, и солдаты палили изъ ружей. Въ прочемъ, желая вамъ всякаго благополучія, остаюсь на всегда вашъ послушный сынъ Васинька.

4

Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементеевна!

Григорій приготовилъ деньги за себя, только дѣло остановилось за тѣмъ, что онъ не знаетъ, куда онъ приписанъ по подушному окладу, и какимъ образомъ намъ укрѣпленъ; и такъ извольте потрудиться объ этомъ освѣдомиться и поскорѣе ко мнѣ прислать. Да не худо бы было, когда бъ вы попросили Михайлу Ивановича *), чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе написалъ черную отпускную, ибо я хотя и пустился въ статскіе скрипоперы, но ничего такого написать не умѣю, за что я ему отвѣшу земной поклонъ. Григорій не можетъ теперь дать болѣе 625 рублей, а другихъ 25-ти проситъ подождать, ибо теперь ихъ у него нѣтъ и—такъ какъ и Богъ кающихся прощаетъ, я чистосердечно признаюсь, что изъ вышерѣченныхъ 625 рублей взялъ 25.—На что? вы спросите.—На книги, отвѣчаю я и уже вижу, что вы сердитесь.—Но вы конечно меня въ томъ простите; я увѣренъ въ этомъ совершенно, ибо учивши меня столько времени тому-сему, вы не захотите, чтобъ я это забылъ и всѣ деньги, которыя вы за меня платили въ пансіонъ, были бы брошены понапрасну.—И такъ,какъ бы то ни было,вы конечно простите меня за то, что изъ 625 рублей взялъ я 25 на *нужныя* книги.—Съ этою сладостною надеждою остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и *преданностію*, милостивая государыня матушка вашъ послушнѣйшій сынъ... Хорошъ послушный! скажете вы: 25 рублей взялъ! На это отвѣчаю еще громче—препослушный сынъ В. Жуковскій.

*) Звѣревъ, управляющій у Петра Николаевича Юшкова, зятя Марьи Григорьевны Буниной, которая по кончинѣ супруга своего Аѳанасія Ивановича Бунина, по его завѣщанію, укрѣпила за Жуковскимъ деревню съ крестьянами въ Орловской губерніи. *П. Б.*

5

Цѣлую ваши ручки, милый другъ матушка. Имѣю честь вамъ доложить, что я слава Богу здоровъ и что надѣюсь черезъ двѣ недѣли васъ увидѣть. Бумаги, касательно до дому, послалъ по вашему приказанію на прошедшей еще почтѣ къ Катеринѣ Аѳанасьевнѣ; очень радъ, что домъ *) продается. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня завелось очень много денегъ (въ воображеніи) чувствую, что богатѣть очень весело; мнѣ хочется привыкнуть имѣть деньги. Эта болѣзнь имѣетъ свои пріятности, хотя лѣкарствъ отъ нея очень много и хотя я самъ не изъ послѣднихъ лѣкарей. Думаю однако, что мои ближніе не заплакали бы, когда бы я занемогъ богатствомъ и занемогъ *неизлѣчимо*. Пошли мнѣ Господи эту черную немочь! Покуда, скажу вамъ еще разъ, что я здоровъ и здоровъ во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣлую ваши ручки. Дай Богъ, чтобъ я нашелъ васъ спокойными, веселыми, здоровыми, и пр. и пр. Вашъ покорный и послушный сынъ В. Жуковскій.

*) Домъ въ Бѣлевѣ. — Мать Жуковскаго скончалась въ 1811 году. *П. Б.*

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ *).

Ужъ нѣсколько дней, какъ я душевно счастливъ извѣстіемъ, полученнымъ объ васъ, милая, улетѣвшая душа моей здѣшней жизни. Ваше счастіе сдѣлалось полнымъ; ваше сердце получило наконецъ то, чего еще ему недоставало: вы мать. Какъ жаль, что вы далеко, что нельзя вамъ обоимъ пожать крѣпко, крѣпко руку и въ этомъ пожатіи передать вамъ всѣ желанія и благословенія вѣрной дружбы. Вчера я обѣдалъ у графини Бобринской; она два раза читала мнѣ прекрасное письмо Лагрене, и у меня навертывались слезы, и сердце билось, слушая это чтеніе. Въ немъ такая простая правда, оно такъ вѣрно выражаетъ глубокое счастіе. Я вижу въ немъ васъ и прежнюю мнѣ знакомую, веселую, живую, острую и добродушную (но уже безъ примѣси Бальзака и ком.) и теперешнюю, образованную годомъ спокойной домашней жизни, глубокими чувствами и мыслями, развитыми исполненіемъ строгаго долга, и сердечнымъ, раздѣленнымъ счастіемъ, которое всегда такъ нравственно-религіозно образуетъ. — Пожалѣйте обо мнѣ: я все это время къ вамъ не писалъ (и не знаю, буду ли писать впередъ); но какъ же многаго лишила меня эта неспособность къ постоянной перепискѣ! Вамъ не до меня; вы не можете имѣть никакой во мнѣ необходимости при томъ богатствѣ счастья, какое имѣете. Это не значитъ, чтобъ я почиталъ себя отъ васъ забытымъ; нѣтъ, я увѣренъ въ вашемъ воспоминаніи; но оно иначе и быть не можетъ. Для меня же совсѣмъ иное. Ваше отсутствіе сдѣлалось мнѣ какъ-то теперь замѣтнѣе. Я объ этомъ говорилъ вашему брату (который впрочемъ совершенный волкъ, все въ лѣсъ); я просилъ его вамъ сказать, что я спохватился нѣсколько поздно и что моя къ вамъ дружба того и гляди что сдѣлается любовью: такъ мнѣ иногда вы бываете надобны въ моемъ одиночествѣ. Любовь не любовь, а правда то, что безъ васъ я сталъ еще болѣе похожъ на изсохшее дерево; на этомъ сухомъ деревѣ по вашей милости появлялись еще иногда отпрыски; теперь и тѣхъ нѣтъ. Гуляю по свѣту скелетомъ. Но мысль объ васъ меня всегда и веселитъ и трогаетъ. Я воображаю васъ теперь, какою вы стали, какою еще будете: у васъ такъ много запасу. Въ счастливый часъ порылись вы въ лотерейной кубышкѣ жизни, и вамъ вынулся билетъ по желанію. *Вдругъ разбогатѣть* прекрасно тому, кто приготовленъ пользоваться богатствомъ: теперь вы можете все свое устроивать по волѣ, по собственному плану. Есть все, что̀ нужно душѣ, но не столько, чтобы она могла облѣниться отъ бездѣйствія и довольства. Счастливъ то̀тъ, кто можетъ созидать свою жизнь, какъ поэтъ поэму: съ трудомъ, съ напряженіемъ, но по тому именно съ бо̀льшею сладостью (ибо главная прелесть поэтическаго труда есть самъ трудъ); а не такъ какъ бѣдный поденщикъ, строющій подъ дождемъ и градомъ свою хату, въ которой и послѣ ея построенія будетъ всегда и тѣсно, и темно; или какъ милліонщикъ, за котораго мыслятъ и работаютъ другія головы и, который, войдя въ палаты свои и ни въ чемъ не стараясь видѣть себя, найдетъ во всемъ чужое... Слагайте

*) Печатается съ черноваго подлинника. *П. Б.*

вдвоемъ свою поэму, милые друзья. Это подобіе совершенно справедливо: жизнь должна быть поэма. Это не исключаетъ изъ нея ничего существеннаго, вѣдь для поэмы нельзя же обойтися безъ словъ, безъ каракулекъ изображающихъ слова, безъ чернилъ, которыми эти каракульки пишутся, безъ пера, которое часто непріятнымъ образомъ скрыпитъ на бумагѣ и которое иногда жуешь съ досады, даже безъ чернильныхъ пятенъ, безъ помарокъ, и проч. Не смотря на это, поэма все поэма: только она... Мысли кипятъ, душа живетъ и возвышается, міръ украшенъ; а вмѣстѣ съ поэтомъ живутъ его жизнью и тѣ, кои его понимаютъ; и при томъ, что̀ онъ выражаетъ словомъ и звукомъ, есть еще въ запасѣ и то, чему нѣтъ выраженія, но что̀ по тому-то и прекрасно. Il n'y a de beau que ce qui n'est pas [1]). А когда поэма дописана.., но basta! — Я читалъ уже въ воображеніи ту милую поэму, которая сочиняется теперь въ Дармштадтѣ блаженными (хотя и не во святыхъ), Ѳеодоромъ и Варварою. Желаю чтобъ они долго не поставили заключительнаго слова: *консцъ;* но когда они поставятъ его, то уже конечно это будетъ: *консцъ и Богу слава!* Простите! Прошу васъ обоихъ не забывать въ цвѣтникѣ своемъ о бѣдномъ сухомъ деревѣ.

ПИСЬМО ГОГОЛЯ КЪ М. П. ПОГОДИНУ. [2])

Февраля 20 (1834).

Я получилъ твое письмо еще Февраля 12-го и почти недѣлю промедлилъ отвѣтомъ. Винюсь, прости меня! Журналъ дѣвицъ я потому не послалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ *Земля* и *Люди*; но я не знаю, отъ чего на меня нашла тоска.. Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю, и что нибудь соверши изъ Ист., уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣе объему, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ и тотъ одинъ другъ. Почему не.... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ. До другаго спокойнѣйшаго времени! Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой, толстой тетради: „Владиміръ 3-ей степени“, и сколько злости, смѣха и соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что̀ изъ того, когда піеса не будетъ играна: драмма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неконченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать

[1]) Прекрасно только то, чего нѣтъ подъ руками.

[2]) Съ подлинника, на коемъ не означено года, печатается вполнѣ. *П. Б.*

сюжетъ самой невинной, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и — Исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей.

Беттигера я не читалъ на Нѣмецкомъ, прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя? Мнѣ нравится въ ней то, что есть покрайней мѣрѣ хоть нѣсколько вѣрный анатомическій скелетъ. У насъ и этого нигдѣ не найдешь. Не будетъ ли еще чего нибудь у васъ историческаго, переведеннаго университетскими. А что Европейская исторія?

Пушкинъ недавно говорилъ о тебѣ съ Государемъ на счетъ Петра и желанія твоего трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Государь напередъ желалъ узнать о трудахъ твоихъ, и когда ему вычислили длинный рангъ твоихъ изданій, то онъ тотчасъ согласился, и Пушкинъ говоритъ, что ты можешь, живя здѣсь или въ Москвѣ, издавать все выкапываемое въ архивахъ и брать за это деньги. Какъ же велико будетъ твое жалованье, это ему еще неизвѣстно.

Крыловъ нигдѣ не попалъ, чтобы напомнить ему за портретъ. Этотъ блюдолизъ, несмотря на то, что породою слонъ, летаетъ, какъ муха по обѣдамъ. Смирдину напоминалъ. Читалъ ли ты Смирдинское Новоселье? Книжище ужасная, человѣка можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, и всего. Я слышалъ, у васъ въ Москвѣ Альманахъ составляется и участвуютъ люди такіе, которыхъ статьи непремѣнно будутъ значительны. Будешь ли тамъ? Мнѣ нравится Комета Галлея. Есть что-то чертовски утѣшительное въ минуты нѣкоторыхъ мыслей...

У меня голова страшно забита кучею хлопотъ вчера и сегодня, такъ что я.. я думаю пишу довольно безтолково и спѣшу отправить.

Отъ всей души обнимаю. Остаюсь

Твой Г.

Хотѣлъ было предложить для Исторіи вопросы сильно меня занимавшіе: не разрѣшишь ли, но послѣ. Они требуютъ много бумаги, видишь я.... все таки не могу совершенно освободиться отъ Исторіи.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

1812 ГОДА

Отъ Маріи Аполлоновны Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской.

1.

11-го Апрѣля 1812 г. Москва.

Вчера мы снова появились въ свѣтѣ, на ужинѣ у графини Разумовской: это былъ день ея рожденія. Я слышала у нея Штейбельта, который однако отнюдь не привелъ меня въ восторгъ. Что касается игры, то онъ Фильдова мизинца не стоитъ. При этомъ хвастунъ, всѣхъ презираетъ, лицо у него препротивное и окончательно не понравилось мнѣ. Вотъ какое впечатлѣніе сдѣлалъ на меня вашъ лучшій Петербургскій артистъ. Кромѣ его я слышала братьевъ Бауеръ, изъ которыхъ одинъ играетъ на віолончели, а другой на скрипкѣ. У перваго дѣйствительно премилый

талантъ. Я слушала его съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на то, что другъ Ромбергъ избаловалъ мой слухъ. Вечеръ закончили длиннымъ и вовсе не интереснымъ макао. Нынче я ѣду ужинать въ небольшомъ обществѣ у г-ни Соллогубъ, которая сидитъ постоянно дома, такъ какъ собирается родить. Мама отправляется на ужинъ къ Апраксиной, и я очень рада, что могу провести вечеръ у Соллогубъ, которая жалуется, что я совсѣмъ у нея не бываю. Мнѣ очень весело въ ея обществѣ.

Говорятъ, что на Пасхѣ въ собраніи будетъ большой праздникъ въ честь статуи Императрицы Екатерины. Если это правда, то я буду имѣть случай обновить мой шифръ.

2.

22 Апрѣля.

Христосъ воскресе, мой милый другъ. Вчера былъ праздникъ въ собраніи и весьма неудачный. Графъ Мишо очень дурно распорядился, такъ что празднество это своею нелѣпостію вполнѣ соотвѣтствовало уродливымъ украшеніямъ залы. Вообрази себѣ тысячу особъ разряженныхъ какъ куклы, которыя ходятъ изъ одного угла въ другой, на подобіе тѣней, не имѣя другаго развлеченія кромѣ заунывнаго пѣнія хора, состоящаго изъ 30 человѣкъ. Не было ни ужина, ни танцевъ, словомъ ничего. Двѣнадцать болвановъ, стоящіе во главѣ нашего бѣднаго собранія, вчера вполнѣ выказали свою глупость. Надѣюсь, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ ихъ царствованія. Четырехъ уже смѣнили, и поступившіе на ихъ мѣсто хотятъ начать съ того, что велятъ нынѣшнимъ лѣтомъ уничтожить страшныхъ чудовищъ, поставленныхъ въ видѣ украшенія ихъ предшественниками.

Какъ видишь, я весьма неудачно дебютировала съ моимъ шифромъ.

Вотъ тебѣ новость. Камеръ-юнкеръ Мухановъ женится на маленькой княжнѣ Мещерской, племянницѣ графини Головкиной, которая слѣдовательно приходится тебѣ сродни.

3.

29 Апрѣля.

Нынче вечеромъ Пушкина выходитъ замужъ за Гагарина*). Мама, въ качествѣ тетки жениха, будетъ присутствовать на свадьбѣ, которая будетъ пышная и великолѣпная на подобіе свадьбъ, которыя праздновали 50 лѣтъ тому назадъ. Пушкина**) непремѣнно хочетъ показать всѣ кружева, купленныя ею въ приданое дочери, и ради этого наши маменьки должны подчиняться несносному этикету. Къ счастію моему я исключена изъ этого праздника, чѣмъ и воспользуюсь, чтобы провести вечеръ у г-ни Соллогубъ, которая еле двигается; она жестоко обсчиталась, предполагая, что родитъ въ концѣ Марта.

Графиня С-тъ При, пріѣхавшая изъ Каменецъ-Подольска, распустила слухъ о моей свадьбѣ съ герцогомъ де-Граммонъ, отцомъ г-жи Давыдовой. Когда это извѣстіе, облетѣвъ всю Москву, дошло до меня, я отъ души посмѣялась. Впрочемъ я понимаю, въ чемъ дѣло. Герцогъ въ родствѣ съ семействомъ Полиньякъ. Фамиліи перепутали и произвели меня въ герцогини. Что за страсть пріискивать мнѣ жениховъ!

4.

6 Мая.

У насъ нѣтъ другихъ новостей кромѣ дуэли Мордвинова съ Шатиловымъ, (въ которой первый велъ себя прескверно, а послѣдній былъ раненъ), и еще свадьбы Даши Нащокиной съ Бахметьевымъ, котораго здѣсь мало знаютъ, но извѣстно, что у него прекрасное состояніе.

У Гудовичъ родился сынъ. Всѣ наши дамы беременны. Нынѣшнее лѣто акушерки заработаютъ много денегъ.

---

*) Варвара Михаиловна за кн. Сергія Ивановича—родители Ивана Серг. Гагарина. *П. Б.*

**) Наталья Абрамовна, ур. кн. Волконская, мать невѣсты.

5.

9-го Мая.

Меня очень разсмѣшило все что̀ ты писала про Марію Гагарину. *) Родные ея говорятъ, что она скоро вернется сюда. Будь увѣрена, что мы ее проучимъ; она должна будетъ измѣнить свое обращеніе: иначе ей придется всюду быть одной или сидѣть дома. Она принуждена будетъ сдѣлаться обходительнѣе, чтобы ей не приходилось на балѣ весь вечеръ не покидать своего кресла. Впрочемъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы она на первыхъ порахъ выказала свою спѣсь; мнѣ желательно видѣть, какой она придастъ ей видъ. Она и безъ того далеко не красива собой.

6.

13-го Мая.

Я вовсе не знаю молодую Мещерскую, женихъ же ея совершенный олухъ. Въ началѣ зимы мы имѣли удовольствіе видѣть его почти на всѣхъ нашихъ вечерахъ, и онъ постоянно служилъ предметомъ насмѣшекъ. Особенно потѣшались надъ нимъ братъ мой Николай и Олсуфьевъ; однако, не смотря на свою глупость, онъ дѣлаетъ прекрасную партію. Истинная правда, что дураки самые счастливые люди на свѣтѣ.

Отправляюсь на балъ къ г. Архарову; онъ нынче имянинникъ. Много будетъ народу, много шуму и по всей вѣроятности мало удовольствія.

Пренія въ собраніи окончились смѣною всѣхъ прежнихъ старшинъ. Новыхъ выбрали изъ числа самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ и извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Толстый графъ Мишо пришелъ въ такую ярость, что даже жаловался брату своему. Послѣдній похорохорился, надѣясь этимъ помѣшать высказаться всеобщему неудовольствію; но, по своей неловкости, навлекъ лишь себѣ непріятности и рѣшился сидѣть смирно, предоставляя дворянству дѣйствовать, какъ ему вздумается.

*) Урожденную гр. Бобринскую?

7.

18-го Мая.

Если ты хочешь знать Московскія новости, скажу тебѣ, что сосѣдка наша Соковнина при смерти вслѣдствіе родовъ. Соллогубъ родила сына *). Вотъ недѣля, какъ я не видала Вяземскихъ. И мужъ и жена оба больны. На нашихъ вечерахъ постоянно бывало много гостей, такъ какъ изъ всѣхъ знакомыхъ домовъ только въ одномъ нашемъ аккуратно принимаютъ каждый день.—Нынѣшній годъ мы первые уѣзжаемъ въ деревню, къ великому неудовольствію нашихъ ежедневныхъ посѣтителей. Даже Апраксина, не смотря на свою гордость и богатство, сознается, что не знаетъ куда ей дѣться на будущей недѣлѣ, такъ какъ она привыкла ужинать у насъ каждый Божій день.

Изъ этого ты можешь заключить, дружокъ, что мы играемъ маленькую роль и кое-что значимъ для нѣкоторой частицы Московскихъ жителей.

8.

Высокое, 26 Мая.

Мы уже повидались со всѣми сосѣдями. Нынче ждемъ къ ужину Соймоновыхъ, Соловую и Левашеву. Въ концѣ недѣли пріѣдетъ дядя Кошелевъ. Тогда я не вѣдаю, что̀ съ нами станется, такъ какъ при немъ все и всѣ подчиняются его волѣ. Мать моя съ дѣтства воспитывалась въ его домѣ и почитаетъ его какъ отца; потому когда онъ бываетъ у насъ, то его воля служитъ закономъ для всѣхъ. Со смерти отца онъ всегда былъ защитникомъ и благодѣтелемъ нашей семьи.

9.

1 Іюня.

Соллогубъ родила въ день нашего отъѣзда изъ Москвы.—Желая имѣть из-

*) Графа Владиміра Александровича?

вѣстія о ея здоровьи, я писала ей послѣ девяти дней. Сегодня получила отъ нея письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что она и сынокъ ея здоровы, и что Московскіе обитатели ломаютъ себѣ голову, стараясь отгадать, кого назначатъ на мѣсто друга твоего Гудовича, который, получивъ отставку, отправляется въ имѣніе свое въ Малороссію, гдѣ и намѣренъ поселиться.

Ты вѣрно уже слышала, что сосѣдка наша Соковнина умерла отъ послѣдствій апоплексическаго удара. Мужъ ея въ отчаяніи. Она оставила трехъ дочерей, изъ которыхъ старшей четыре года.

10.

7 Іюня.

Вообрази, Растопчинъ нашъ Московскій властелинъ! Мнѣ любопытно взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. То-то онъ будетъ гордо выступать теперь! Куріозно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣть, глупо влюбленнымъ. Для меня всегда было непонятно твое высокое о немъ мнѣніе, котораго я вовсе не раздѣляю. Теперь всѣ его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ и не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ. Извини, что я на него нападаю; но вѣдь тебѣ извѣстно, что онъ никогда для меня не былъ героемъ ни въ какомъ отношеніи. Я не признаю въ немъ даже и авторскаго таланта. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія.

11.

14 Іюня.

Пріѣздъ дяди разстроилъ порядокъ моихъ занятій. Знаешь ли, что я начинаю привыкать къ дядѣ; я даже не разъ пускалась съ нимъ спорить. Въ будущую среду мы должны быть въ Москвѣ, чтобы свидѣться съ семействомъ Віельгорскихъ.

Мнѣ интересно знать подробности перевода Димитрія Донскаго на Французскій языкъ. Признаюсь, я не высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи.

12.

Москва, 24 Іюня.

Вотъ я снова въ Москвѣ, мой милый другъ. Я познакомилась съ моей невѣсткой *) и со всѣмъ ея семействомъ. Они всѣ очень пріятные люди. Жена Михаила Віельгорскаго **) болѣе дитя, нежели обыкновенно бываютъ въ ея годы; но она такъ мила, такъ старается всѣмъ угодить, что невольно находишь прелесть въ ея наивности. Пока я еще не могу произнести опредѣленнаго сужденія о моей будущей невѣсткѣ, Дашѣ. Она исключительно занята моимъ братомъ. Впрочемъ, изъ всего что замѣчаю, я вывожу заключеніе обѣщающее много хорошаго въ будущемъ. Надѣюсь, что я близко сойдусь съ нею.

Мы дожили до такой минуты, когда исключая дѣтей никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Насъ, быть можетъ, ожидаетъ страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе Его неисповѣдимымъ приговорамъ—единственныя чувства могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! Предстоящая война причиняетъ мнѣ много безпокойствъ. Нынче писали къ Сен-При, прося его взять къ себѣ брата моего Николая въ адъютанты. Съ минуты пріѣзда моего сюда я не слышу другаго разговора, какъ о войнѣ.

---

*) Сестра гр. Віельгорскихъ Дарья Юрьевна вышла за Сергѣя Аполлоновича Волкова, брата писавшей эти письма.

**) Луиза Карловна ур. принцесса Биронъ.

Я каждый день видаюсь съ семействомъ Віельгорскихъ, даже съ Іосифомъ, который пересталъ дичиться и рѣшился появляться въ обществѣ. Я также часто видала Софью Оболенскую, но теперь она на недѣлю уѣхала въ деревню. Третьяго дни вечеромъ у насъ былъ Растопчинъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Мундиръ его не украсилъ, и онъ ужасно уродливъ безъ пудры. Громадный лобъ его весь открытъ. До сихъ поръ имъ довольны, быть можетъ потому, что все новое нравится; впрочемъ, я никогда не сомнѣвалась, что у него въ тысячу разъ болѣе ума и дѣятельности, чѣмъ у бывшаго нашего фельдмаршала. Остается знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Вчера я провела день въ Царицынѣ. Въ субботу я опять отправляюсь туда, такъ какъ это будетъ день имянинъ дяди Валуева, и по всей вѣроятности тамъ соберется весь городъ. Мнѣ также предстоитъ ѣхать въ Петровское къ гр. Разумовскому, чтобы быть представленной сестрѣ его г-жѣ Загряжской.

Дядя мой Кошелевъ не любитъ долго сидѣть по вечерамъ, и потому мы вечеромъ никого не принимаемъ кромѣ Віельгорскихъ.

Поговорю съ тобой о трехъ жалкихъ парочкахъ: о Гагариныхъ и Соллогубъ. Князь N. въ то время, какъ мы были въ деревнѣ, давалъ ужины, на которые истратилъ 120 тысячъ рублей. Жена его ужасно безумствуетъ, но нельзя не пожалѣть о ней, видя, какъ мало мужъ обращаетъ на нее вниманія. Правда, что сама-то она мало это замѣчаетъ и совершенно бываетъ довольна, говоря о своей беременности и о 70 тысячахъ мужнина дохода. Но, ежели мужъ ея будетъ продолжать играть, то она лишится удовольствія хвастать своимъ богатствомъ. Гагарины тоже достойны сожалѣнія. Кн. Андрей рѣшается отправиться въ походъ и предоставляетъ женѣ справиться съ родами какъ знаетъ. Онъ да П. развратили Соллогуба, который, будучи не дальняго ума, быть можетъ не вдался бы въ излишества, если бы эти господа не увлекли его. О женѣ его жалѣешь болѣе чѣмъ о другихъ, такъ какъ съ ея умомъ, тактомъ и вообще умѣніемъ держать себя ей должно казаться невыносимымъ все что́ ей приходится видѣть.

Это общество мужей - холостяковъ устроило за городомъ пикники, на которые дамъ не приглашаютъ, а на мѣсто ихъ берутъ Цыганокъ, карты и вообще не стѣсняются. Спрашиваю тебя, каково видѣть это женщинѣ, у которой есть хотя сколько нибудь чувства. N. слишкомъ глупа и безалаберна, а Гагарина слишкомъ молода, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ. Одна Соллогубъ все понимаетъ. Я ее застала съ опухшими глазами; она призналась мнѣ, что плакала, не говоря причины, но я готова пари держать, что толстый графъ причина ея слезъ. Меня приводятъ въ негодованіе подобныя вещи. Спрашивается, какъ же не бояться замужества, имѣя подобные примѣры передъ глазами.

Свадьба моего брата назначена 5-го Іюля.

13.

1 Іюля, Москва.

Ты вѣроятно тревожишься о своемъ братѣ и потому не пишешь мнѣ, милый другъ.

Мы здѣсь всѣ грустны и пріуныли. Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ. До сихъ поръ до насъ доходятъ лишь ложные слухи. Въ Москвѣ говорятъ, что Французовъ побили разъ пять или шесть. Хорошо бы, если бы мы въ дѣйствительности одержали хотя одну побѣду, тогда бы мы скоро отдѣлались отъ жестокаго врага человѣчества. Слѣдуетъ желать, чтобы въ настоящемъ случаѣ оправдалась Русская пословица: Гласъ народа гласъ Божій. Въ настоящее время я чувствую болѣе чѣмъ когда либо, какое счастіе не быть лишенною вѣры въ Провидѣніе: она не даетъ впадать въ отчаяніе, что́ непремѣнно случилось

бы, если бы полагались на силы и геній жалкаго человѣчества.

Въ пятницу вечеромъ, мы были въ гостяхъ у гр. Растопчиной, которая плѣнила меня. До сихъ поръ я видала ее лишь вскользь и потому не могла о ней судить. Но этотъ разъ, заставъ ее одну, мы съ мама просидѣли у нея довольно долго, и я была въ восторгѣ отъ ея бесѣды. Она мнѣ нравится въ милліонъ разъ болѣе мужа своего, который тоже выходилъ къ намъ; онъ ужасно теряетъ при сравненіи съ женою. Впрочемъ до сихъ поръ имъ очень довольны въ нашей доброй Москвѣ. Онъ очень дѣятеленъ, справедливъ и если не измѣнится, то его очень полюбятъ здѣсь.

Въ субботу, въ Петровъ день, дядя Валуевъ былъ имянинникъ, и я обѣдала у него въ Царицынѣ. Было множество гостей. Вчера я ужинала въ Петровскомъ у Разумовскихъ. Кромѣ насъ гостей никого не было, такъ что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-ой Загряжской, о которой я постоянно слышала разговоры, съ тѣхъ поръ какъ себя помню и которую мнѣ вчера пришлось видѣть въ первый разъ. Недоставало четвертаго партнера, и меня усадили играть въ бостонъ съ ней, съ Апраксиной и съ самимъ графомъ Львомъ. Это три особы нисколько не похожія другъ на друга, но всѣ они такъ любезны, что я съ удовольствіемъ играла съ ними въ скучнѣйшую игру, которую я очень плохо знаю.

14.

8-го Іюля.

Тебѣ интересно знать мое мнѣніе о семействѣ Віельгорскихъ. Вотъ три недѣли, какъ я вижусь съ ними съ утра до вечера и потому могу судить о нихъ. Жена В. премилый ребенокъ, но не болѣе какъ ребенокъ, котораго необходимо руководить; ей нужно давать совѣты, сдерживать ее подъ часъ, такъ какъ у нея довольно упрямый характерецъ; я замѣчаю, что въ семействѣ о ней имѣютъ мнѣніе одинаковое съ моимъ. Мужъ ея добрѣйшій изъ людей, но безхарактерный; ему не справиться съ ней, тѣмъ болѣе что онъ даетъ вертѣть собой какъ угодно, почти всегда исполняетъ волю Катиши, и я ему предсказываю, что черезъ два или три года онъ постоянно будетъ плясать по ея дудкѣ. Впрочемъ она очень мила и въ обществѣ весьма пріятна. Что́ же касается до ея ребячества, не могу дать тебѣ лучшаго образчика его, какъ разсказавъ, что она понять не можетъ, почему настоящая война всѣхъ интересуетъ. Я изъ силъ бьюсь, объясняя ей, что отъ этого зависитъ общее спокойствіе; слова мои даромъ пропадаютъ: она гораздо болѣе думаетъ о кружевахъ и тряпкахъ, нежели о судьбѣ страны, въ которой живетъ. На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать Петербургскую барыню, (впрочемъ со мной она всегда очень вѣжлива) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, оставшись одна съ ней и Дашей, я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ Москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми покинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что̀ говорится про насъ въ Питерѣ; но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастію, ни спокойствію, ни удовольствіямъ, то мы мало обращаемъ вниманія на то, что̀ объ насъ говорятъ. Но, коль скоро попадаютъ въ наше общество, мы хотимъ, чтобы дѣйствовали по нашему. Катиша раздѣлила мое мнѣніе, и до сихъ поръ мы съ ней большіе друзья. Что̀ касается Даши, она такъ кротка, такъ добра, что такого рода мысли ей и въ голову не приходятъ. Изъ младшихъ братьевъ я больше всѣхъ

люблю Матвѣя. Іосифъ слишкомъ дикъ. Впрочемъ теперь онъ болѣе общителенъ; прежде, говорятъ, онъ кромѣ какъ съ своей сестрой ни съ одной женщиной не разговаривалъ. Самый младшій премилый. Вообще все семейство препріятное; они всѣ дружны между собою, что̀ такъ рѣдко встрѣчаешь въ нашемъ вѣкѣ. Мари Гагарина уже пріѣхала. Я не берусь ее вразумлять; пусть надъ этимъ потрудится ея мужъ. Онъ, говорятъ, собирается увести ее на нѣкоторое время въ дальнее имѣніе къ матери своей. Сердца, умъ и глаза устремлены у всѣхъ на берега Двины. Только объ этомъ и говорятъ.

15.

15-го Іюля.

Въ теченіи прошлой недѣли я столько видѣла, слышала и перечувствовала, что при всемъ моемъ желаніи, милый другъ, я не могу передать тебѣ словами всего мной испытаннаго въ послѣднее время. Я всегда была того мнѣнія, что не должно слишкомъ заботиться о будущемъ; намъ сказано: довольно для каждаго дня своей заботы. Никогда я такъ живо не чувствовала справедливости сихъ словъ, какъ въ настоящее время. Что̀ Богу угодно, то и случится, говорю я себѣ, не дѣлаю никакихъ предположеній и лишь стараюсь какъ можно полезнѣе проводить время, которымъ могу располагать. Въ понедѣльникъ была свадьба брата. Во вторникъ и среду у насъ были семейные обѣды, и въ среду же вечеромъ дядя и братъ Николай отправились въ имѣніе въ Смоленскую губернію. Черезъ два часа по ихъ отъѣздѣ, мы получили извѣстіе о прибытіи Государя Императора. Его ожидали въ четвергъ, вечеромъ, и все дворянство собралось въ Кремлѣ. Его Величество прибылъ ночью. Его Высочество, Великій Князь тоже здѣсь со вчерашняго дня. Никто навѣрное не знаетъ, сколько времени они пробудутъ и куда отправятся отсюда. Я ниразу не была ни при дворѣ, ни въ соборѣ, и никуда мнѣ не хочется: много охотницъ и безъ меня. Соборъ всегда набитъ здѣшними барынями. Пусть такъ, а мнѣ дома покойнѣе. Государю я искренно, отъ души желаю всякаго счастія и молиться за него всегда и вездѣ готова, что̀ и могу дѣлать въ другихъ церквахъ; но толкаться, лѣзть въ толпу и духоту не вижу никакой нужды. Матвѣй Вельегор. вступилъ въ козачій полкъ, сформированный кн. Оболенскимъ; туда, въ качествѣ офицеровъ, принимаютъ лишь молодыхъ людей, имѣющихъ какой либо гражданскій чинъ. Все семейство Архаровыхъ здѣсь, но я еще съ ними не видалась. Не до визитовъ.

16.

22-го Іюля.

Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что̀ ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра будемъ Богъ знаетъ гдѣ. Я много ожидаю отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побила камнями одного Нѣмца, принявъ его за Француза. Здѣсь принимаютъ важныя мѣры для сопротивленія въ случаѣ необходимости; но до чего будемъ мы несчастны въ ту пору, когда намъ придется прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Все въ рукахъ Божіихъ, слѣд. пока зло не совершилось, мы не должны отчаяваться и сомнѣваться въ Божіемъ милосердіи.

Въ Москвѣ не остается ни одного мущины: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ видно движеніе, приготовленія. Видя все это, приходишь въ ужасъ. Сколько трауровъ, слезъ! Бѣдная Муханова, рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человѣкъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ Раевскаго, выказалъ храбрость, такъ что о немъ представляли кн. Багратіону; но въ тотъ же вечеръ онъ отправился на рекогносцировку, одѣтый въ Французскій мундиръ и былъ смертельно раненъ козакомъ, принявшимъ его за непріятеля. Послѣ этого онъ прожилъ нѣсколь-

ко дней и скончался на рукахъ шурина своего, который прибылъ сюда два дня тому назадъ, чтобы сообщить грустное извѣстіе матери и сестрѣ. Послѣдняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

17.

29 Іюля.

Мы все тревожимся. Лишь чуть оживитъ насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что либо устрашающее. Признаюсь, что ежели въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, за то нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ разсказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось, что это выдумка. Нынче утромъ дошла до насъ вѣсть о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе это пришло изъ вѣрнаго источника, такъ какъ о побѣдѣ этой разсказываетъ гр. Растопчинъ, и между тѣмъ никто не смѣетъ вѣрить. Къ тому же побѣда эта можетъ быть полезна вамъ, жителямъ Петербурга; мы же Москвичи остаемся по прежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи. Что относится до выборовъ и приготовленій всякаго рода, скажу тебѣ, что здѣсь происходятъ такія же нелѣпости какъ и у васъ. Я нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все что мы видимъ, что ежедневно происходитъ передъ нашими глазами, а также и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться. Но къ несчастію этого-то желанія я ни въ комъ не вижу, и признаюсь тебѣ, что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріятели. Богу все возможно. Онъ можетъ сдѣлать, чтобы мы ясно видѣли; объ этомъ-то и должно молиться изъ глубины души, такъ какъ сумазбродство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны Французовъ.

18.

5 Августа.

Мы съ мама пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога. Мнѣ вполнѣ понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ. Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ. Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало бы журналистовъ, если бы описывать всѣ доказательства преданности Отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ, и даже въ разныхъ губерніяхъ.

Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а Французы отступаютъ, Москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ. А между тѣмъ вѣсти не слишкомъ утѣшительны, особенно какъ вспомнишь, что мы три недѣли жили среди волненій и въ постоянномъ страхѣ. Въ прошлый вторникъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ и объ удачахъ, которыя имѣли Платовъ и графъ Паленъ. Мы отложили нашу поѣздку въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человѣкъ одного берутъ въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевыя работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи. Мужики не ропщутъ, напротивъ говорятъ, что они всѣ охотно пойдутъ на враговъ и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонутъ и вопятъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ раздирающихъ душу. Мама получила отвѣтъ отъ С-нъ При: онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на службу брата моего Николая. Придется разстаться съ

милымъ братомъ; еще прибавится горе и новое безпокойство!

Каждый день къ намъ привозятъ раненыхъ. Андрей Ефимовичъ опасно раненъ, такъ что не будетъ владѣть одной рукой. У Татищева, который служитъ въ Коммисаріатѣ и слѣдовательно находится во главѣ всѣхъ гошпиталей, не достало корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ наготовить ему корпію. Меня первую засадили за работу, такъ какъ я ближайшая его родственница, и я работаю цѣлые дни. Масловъ искалъ смерти и былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ; люди его вернулись. Здѣсь также нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, два или три пѣхотныхъ полковника; всѣ они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненыхъ, только и слышишь что объ нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться.

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи между Могилевымъ и Витебскомъ. Сама посуди, въ какомъ видѣ онѣ должны быть теперь. Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана за мужъ, въ разсчетѣ, что у мужа ея будетъ 6,000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6,000 рублей доходу; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстаго, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6,000 душъ у него осталось всего триста душъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да раззореніи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что видишь и слышишь.

19.

12 Августа.

Душевно рада, милый другъ, что вы отчасти успокоились; что же касается до насъ, мы тревожимся болѣе, чѣмъ когда либо и готовы рѣшиться на все, лишь бы избѣжать ужасной участи, которую намъ готовятъ. Моли Бога, милый другъ, чтобы Онъ простилъ тѣхъ несчастныхъ, которые продаютъ свое Отечество. Вотъ все что могу сказать тебѣ касательно положенія, въ которомъ мы находимся. Я не смѣю сказать тебѣ, что мы предвидимъ въ будущемъ, ежели Господь не сжалится надъ нами и не пошлетъ намъ неожиданной помощи.

Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобой въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что я твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы снискать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебенъ Божіей Матери. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому готовится поступить на службу. Онъ и жена оба плакали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины! Я сама теперь ежеминутно готова плакать, съ трудомъ удерживаю слезы и иногда поддаюсь этой слабости человѣческой. Если черезъ недѣлю ты не получишь отъ меня другого письма, значитъ меня уже не будетъ въ Москвѣ. Куда мы поѣдемъ, не знаю, а равно не вѣдаю, какимъ образомъ буду получать твои письма и сама писать къ тебѣ.

Объявляю тебѣ, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе твоего мужа о г-жѣ Сталь. Она недѣлю пробыла въ Москвѣ, бывала въ знакомыхъ мнѣ домахъ, и я не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣть ее и ни чуть не искала встрѣтиться съ нею. Что же она сдѣлала такого прекраснаго, чтобы возбуждать восторгъ? Сочиненія ея безбожны и безнравственны или безалаберны (extravagantes): послѣднія по моему лучше, по крайней мѣрѣ онѣ никого не совратятъ съ истиннаго пути. Свѣтъ

погибъ именно потому, что люди думали и чувствовали такъ, какъ эта женщина. Я почти того же мнѣнія о Коцебу. Правда, они оба извѣстные писатели; но, признаюсь, не стоятъ того, чтобы ими восхищались.

Сію минуту узнала, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Поблагодаримъ Бога за Его милосердіе и будемъ усердно молиться о будущемъ.

20.

15 Августа.

По всему видно, что намъ приходится поплатиться за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отмѣнившаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчиненіе между генералами. Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, находится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ; а Барклай, который, по службѣ моложе Платова, Багратіона и двѣнадцати генералъ-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Если такъ легко было нашему доброму Царю уничтожить порядокъ, существовавшій изъ-поконъ-вѣку, съ другой стороны не легко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по которому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила невыносимы для насъ Русскихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ взяты у Французовъ. Негодяи, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія тѣхъ злодѣевъ, которые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго Монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по своему, то мы и потерпѣли страшное пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, еслибы другъ другу помогали или бы нашелся человѣкъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взятъ въ три дня, и вотъ теперь наше войско и Французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба войска на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересѣ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Багратіона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Могилева, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ тоже съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100,000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30,000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибъ получили поддержку. Но, такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по Русской пословицѣ: „Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ", то этихъ несчастныхъ кинули на произволъ судьбы. Когда Французы подожгли Смоленскъ, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили безсмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причиною несчастія была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая. Отрядъ корпуса сего послѣдняго отбилъ багажъ маршала Нея, и въ его бумагахъ нашелся новый планъ, который уже былъ представленъ Наполеону. Еще никого не называютъ, но подозрѣніе падаетъ на адъютанта Государева Вольцогена. Вотъ тебѣ всѣ новости изъ арміи. Ты можешь ихъ считать достовѣрными, такъ какъ я съ утра до вечера вижусь съ людьми, находящимися въ слу-

жебныхъ сношеніяхъ съ арміей. Къ тому же и главная квартира близко отъ насъ, въ Дорогобужѣ, въ 20 верстахъ отъ огромнаго имѣнія дяди Кошелева. Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имѣнія. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи. Какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ раззоренія, въ случаѣ, ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны ихъ предадутъ огню и мечу. Надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ мама́, что они бы бѣжали, чтобы спастись, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока Французы не смѣнятъ нашихъ войскъ. Посуди, до чего больно видѣть, что злодѣи въ родѣ Балашова и Аракчеева продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ ненавидятъ въ Петербургѣ также какъ и въ Москвѣ, то имъ не сдобровать въ послѣдствіи. Растопчинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадій. Онъ выслалъ отсюда Ключарева, почтъ-директора и одного изъ его помощниковъ Дружинина, которые находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ. Растопчинъ перехватилъ переписку Ключарева, весьма подозрительнаго свойства. Кромѣ того ежедневно ловятъ Французскихъ шпіоновъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить пофранцузски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить пофранцузски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпіоновъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ уже ловили Французовъ одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона, словомъ смущавшихъ народъ.

Вчера мы простились съ братомъ и его женой. Они поспѣшили уѣхать, пока еще есть возможность достать лошадей, такъ какъ у нихъ нѣтъ своихъ. Чтобы проѣхать 30 верстъ до имѣнія Віельгорскихъ, имъ пришлось заплатить 450 рублей за девять лошадей. Въ городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и Ярославль. Какъ мнѣ ни горько оставить Москву съ мыслію, что, быть можетъ, никогда болѣе не увижу ея, но я рада буду уѣхать, чтобы не слыхать и не видать всего, что здѣсь происходитъ.

21.

Рязань, 20 Августа.

Почти два часа какъ мы пріѣхали въ Рязань. Я узнала, что завтра идетъ почта въ Москву и пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ, дорогой другъ. Скрѣпя сердце, переѣзжаю я изъ одной губерніи въ другую, ничего не хочу ни видѣть, ни слышать. 16-го числа нынѣшняго мѣсяца выѣхала я изъ родного, милаго города нашего. Сутки пробыли мы въ Коломнѣ, думаемъ пробыть здѣсь завтрашній день, а потомъ отправимся въ Тамбовъ, гдѣ поселимся въ ожиданіи исхода настоящихъ событій. Мы ѣдемъ благополучно, но ужасно медленно двигаемся, такъ какъ не перемѣняемъ лошадей. Вездѣ по дорогѣ встрѣчаемъ мы только что набранныхъ солдатъ, настоящихъ рекрутовъ, и города въ центрѣ страны имѣютъ совершенно военный видъ. Не могу выразить тебѣ, какое непріятное впечатлѣніе все это производитъ на меня. Въ особенности безпокоитъ насъ, что, отдаляясь отъ Москвы, мы лишаемся возможности получать извѣстія. Съ пятницы мы рѣшительно ничего не слыхали и не знаемъ, что дѣлаетъ армія. Намъ предстоитъ пробыть въ невѣдѣніи еще съ недѣлю. Хорошо бы было услышать добрыя вѣсти! Я смертельно тоскую, но здорова. Изъ четырехъ ночей я лишь одну спала какъ слѣдуетъ и, не смотря на то, не чувствую усталости. Не буду

разсказывать тебѣ, какъ мы разставались съ матушкой-Москвой. Дай Богъ, чтобы никогда болѣе не пришлось мнѣ испытать что либо подобное. Бываютъ до того горькія минуты, что о нихъ тяжело вспоминать. Прощай, мой милый другъ; въ настоящее время я не желаю другого счастія какъ только снова увидѣть Московскія стѣны.

22.

Тамбовъ, 27 Августа.

Вотъ уже шесть часовъ какъ я въ Тамбовѣ, милый другъ. Пятидневное путешествіе наше было весьма непріятное; наконецъ мы дотащились сюда и намѣрены здѣсь ожидать рѣшенія нашей участи. Если матушка-Москва счастливо вырвется изъ когтей чудовища, мы вернемся; а ежели погибнетъ родимый городъ, то отправимся въ Саратовское наше имѣніе. Не могу выразить тебѣ, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли. Въ Рязани мы нашли семейство Кологривыхъ; они третью недѣлю живутъ тамъ по дѣламъ. Хотя мы никогда съ ними не были дружны, а въ нынѣшнемъ году у насъ даже много было причинъ для ссоры; но, узнавъ, что мы пріѣхали изъ Москвы, они явились узнать что новаго, любопытство взяло верхъ; сами же они насказали намъ такое множество грустныхъ новостей, что у насъ чуть голова не закружилась. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы выѣхали изъ Рязани. Погода была дурная; ѣхавъ все на однѣхъ лошадяхъ, мы принуждены были останавливаться въ теченіи пяти съ половиной дней. Не можешь себѣ представить, чего мы натерпѣлись на грязныхъ станціяхъ. Самая плохая лачужка въ окрестностяхъ Москвы—дворецъ въ сравненіи съ здѣшними избами. Намъ приходилось спать среди кошекъ, свиней, телятъ, куръ; мы задыхались отъ дыму; блохи, тараканы и всевозможныя насѣкомыя не давали намъ покою. Все это конечно не могло насъ развеселить. Мы только отдохнули въ Козловѣ, красивомъ городкѣ Тамбовской губерніи. Тутъ услыхали мы пріятныя вѣсти: впослѣдствіи онѣ оказались ложными, но на минуту онѣ насъ успокоили, и намъ даже захотѣлось осмотрѣть городокъ. Онъ наполненъ плѣнными Турками, которые, завидѣвъ красивыя дорожныя кареты наши, пришли на нихъ полюбоваться и увѣряли, что они никогда не видывали такихъ экипажей. Въ четверть часа насъ окружило до 50 мусульманъ; всѣ они проклинали Французовъ и съ радостными возгласами повторяли, что теперь они наши друзья, такъ какъ миръ съ ними заключенъ. Двое изъ нихъ влюбились въ Полину Валуеву и въ меня и пришли предложить мама обмѣнить насъ за двухъ полковниковъ. Матушка замѣтила, что дружба ихъ зашла слишкомъ далеко и отослала насъ.

Наконецъ нынче утромъ мы пріѣхали сюда, гдѣ намъ подтвердили извѣстія, сообщенныя Кологривыми еще съ нѣкоторыми прибавленіями. Мама выбрала Тамбовъ для мѣстопребыванія потому, что здѣсь въ судѣ служитъ бывшій адъютантъ отца, преданный душой и сердцемъ всей нашей семьѣ. Этотъ добрый человѣкъ не медля посылаетъ намъ всѣ извѣстія, получаемыя по почтѣ изъ Москвы. Вѣсти не радостны; но можно надѣяться, что, когда удалятъ подлыхъ начальниковъ, ходъ дѣлъ измѣнится. Впрочемъ будетъ, что̀ Богу угодно. Вся наша надежда на Его милосердіе. Ростопчинъ отлично дѣйствуетъ; за это я его полюбила болѣе, чѣмъ ты когда либо любила его. Не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая. Да проститъ ему Богъ и дастъ ему сознать и раскаяться во всемъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ. Вотъ три недѣли, что я не имѣю о тебѣ извѣстій, жду будущей почты и пріѣзда Сержа; въ пятницу или субботу онъ долженъ быть здѣсь; авось онъ привезетъ мнѣ отъ тебя вѣсточку.

23.

3 Сентября.

Здѣсь мы узнали, что Кутузовъ засталъ нашу армію отступающую и остановилъ ее между Можайскомъ и Гжатскомъ, то есть во ста верстахъ отъ Москвы. Изъ этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспѣшилъ сдать Французамъ все, что̀ могъ и если бы имѣлъ время, то привелъ бы Наполеона прямо въ Москву. Да проститъ ему Богъ, а мы долго не забудемъ его измѣны. До сегодняшняго дня мы были въ постоянной тревогѣ, не имѣя вѣрныхъ извѣстій и не смѣя вѣрить слухамъ. У насъ дыбомъ стали волоса отъ вѣстей 26 и 27 Августа. Прочитавъ ихъ, я не успѣла опомниться, выхожу изъ гостиной, мнѣ на встрѣчу попался человѣкъ, котораго мы посылали къ губернатору, чтобы узнать всѣ подробности. Первую вѣсть, которую я услыхала, была о смерти братца Петра Валуева, убитаго 26-го. У меня совсѣмъ закружилась голова; удивляюсь, какъ изъ сосѣдней комнаты не услыхали моихъ рыданій несчастныя двоюродныя сестры. Домъ нашъ не великъ; я выбѣжала во дворъ, у меня сдѣлался лихорадочный припадокъ, дрожь продолжалась съ полчаса. Наконецъ, совладѣвъ съ собой, я вернулась, жалуясь на головную боль, чтобы не поразить кузинъ своихъ грустнымъ лицомъ. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастныхъ моихъ кузинъ. Онѣ не получали извѣстій отъ матери, ясно почему. Каждую минуту жду, что кто нибудь изъ семьи пріѣдетъ съ горестнымъ извѣстіемъ; больно видѣть, какъ онѣ тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умѣю притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

Въ моемъ грустномъ настроеніи я далеко не-благосклонно встрѣтила твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, что̀ сталось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты, когда намъ грозитъ бѣдствіе. Вѣдь ежели Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными наши обѣ столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти тоже, что̀ всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь, въ далекѣ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая извѣстій о матушкѣ-Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не поминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга, вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются г-жею Сталь; имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство—приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь! Это меня крайне огорчаетъ. Я этого отъ тебя не ожидала. Да что же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Корина сумасшедшая, безнравственная, ее бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ капюшономъ на головѣ, въ намѣреніи отъискать своего дурака Освальда. Послѣдній-такая личность, которой я не могу себѣ вообразить; онъ меня бѣситъ, я не терплю этихъ нерѣшительныхъ характеровъ, которые вѣчно колеблятся; въ мужчинѣ это болѣе чѣмъ нестерпимо. Дельфина, по моему, въ тысячу разъ хуже Корины. Этотъ отвратительный романъ представляетъ смѣсь беззаконій и сумасбродства, его и нельзя читать хладнокровно. Можно ли восхищаться женщиной, осмѣлившейся изобразить такую скверную сцену въ церкви, а именно: женатый Леонсъ требуетъ отъ Дельфины клятвы передъ алтаремъ, что она будетъ принадлежать ему? Развѣ

это не отвратительно? И ты восторгаешься авторомъ такой гадости? Меня это крайне огорчаетъ; я понимаю, что мужъ твой долженъ радоваться, что ты противъ собственной воли излечилась отъ этого восторга! Если Богъ дастъ намъ встрѣтиться въ болѣе счастливую пору, я обѣщаю доказать тебѣ, что романъ этотъ съ начала до конца представляетъ собраніе самыхъ ужасныхъ идей; въ немъ все никуда не годится, даже слогъ, которымъ онъ написанъ. Сдѣлай милость, повѣрь мнѣ, что не обстоятельства мѣшаютъ мнѣ восторгаться госпожею Сталь. Во всякую другую пору я была бы на столько же справедлива въ отношеніи къ ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. Какъ онъ ни былъ дуренъ, все же онъ геніаленъ, онъ гадости говорилъ и проповѣдывалъ прелестнымъ слогомъ; но и этого достоинства нѣтъ у г-жи Сталь. Я сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы толковать съ тобой о постороннемъ предметѣ: лишь одно занимаетъ меня; я не знаю ни минуты покою, и еслибы не вѣра въ Божіе милосердіе и убѣжденіе, что Богу все возможно, я бы сошла съ ума какъ Зинаида.

21.

17 Сентября.

Что́ сказать тебѣ, съ чего начать? Надо придумать новыя выраженія, чтобы изобразить, что́ мы выстрадали въ послѣднія двѣ недѣли. Мнѣ извѣстны твои чувства, твой образъ мыслей; я убѣждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатлѣніе; но не могутъ твои чувства равняться съ чувствами лицъ жившихъ въ нашемъ родномъ городѣ, въ послѣднее время передъ его паденіемъ, видѣвшихъ его постепенное разрушеніе и наконецъ гибель отъ адскаго могущества чудовищъ, наполняющихъ наше несчастное отечество. Какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость посреди несчастій, ища прибѣжища въ Богѣ, но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать и ничѣмъ заниматься. Окружающіе не могли поддержать меня, какъ я предвидѣла: ударъ на всѣхъ одинаково подѣйствовалъ, на лица всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всевозможныхъ губерній, произвелъ ужасное впечатлѣніе. Извѣстіе о битвѣ подъ Можайскомъ окончательно сразило насъ, и съ этихъ поръ ни одна радостная вѣсть не оживляла насъ. До сихъ поръ намъ еще неизвѣстны всѣ жертвы 26 Августа. Намъ назвали Валуева, Корсакова старшаго и Кутайсова. Пока не предвижу возможности получать здѣсь новости и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мнѣ какъ можно болѣе свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ. Сообщенія съ Москвой прерваны, не знаемъ откуда получать извѣстія, къ кому обратиться; событія такъ быстро смѣняются, мы даже не знаемъ, что́ сталось съ лицами, которыхъ мы оставили въ Москвѣ. Надо полагать, что вамъ извѣстно болѣе чѣмъ намъ; вы должны знать хотя число убитыхъ. Въ положеніи, въ которомъ мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ея ни себѣ ни другимъ, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ слишкомъ сожалѣть о тѣхъ, кого Богъ къ себѣ призываетъ: они умираютъ, исполняя самый священный долгъ, защищая свое Отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословеніе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно и внушить его моимъ бѣднымъ кузинамъ Валуевымъ.

Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Не смотря на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если не случится непредвидѣнныхъ событій и обстоятельства намъ позволятъ сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ тепломъ и чистомъ домикѣ; въ прежнее время мы бы нашли его очень жалкимъ, а теперь довольствуемся имъ. Кромѣ нашего семейства здѣсь находятся Разумовскіе, Щукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много другихъ Москвичей, которыхъ мы мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе груст-

ные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться: съ меня достаточно и своего горя.

Меня тревожитъ участь прислуги, оставшейся въ домѣ нашемъ въ Москвѣ, дабы сберечь хотя что нибудь изъ вещей, которыхъ тамъ тысячь на тридцать. Никто изъ насъ не заботится о денежныхъ потеряхъ, какъ бы велики онѣ ни были; но мы не будемъ покойны, пока не узнаемъ, что люди наши, какъ въ Москвѣ такъ и въ Высокомъ, остались цѣлы и невредимы. Когда я думаю серіозно о бѣдствіяхъ причиненныхъ намъ этой несчастной Французской націей, я вижу во всемъ Божію справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія, въ скверныхъ книгахъ ихъ почерпнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня; это то, что несчастія не служатъ намъ урокомъ: не смотря на все что дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточеніи сердечномъ.

25.

23 Сентября.

Отъ времени до время сюда пріѣзжаютъ курьеры изъ арміи, то за провіантомъ, то за лошадьми. Намъ отъ этого не легче, потому, что они или ничего не говорятъ, или слова ихъ, повторяемыя однимъ лицомъ другому, доходятъ до насъ совершенно искаженными. Да и что могутъ знать провіантскіе или коммисаріатскіе офицерики? И такъ мы пробавляемся слухами, распускаемыми въ народѣ, которые большею частію не что иное какъ выдумки. Судьба Москвы и арміи намъ одинаково невѣдома. Каждый день слышишь новый разсказъ.

Тамбовъ наполненъ Московскими купцами; многихъ изъ нихъ я знаю, разговаривала съ ними, ни одинъ нечего не вѣдаетъ. Дня два повторяютъ, что слѣдуетъ ожидать чего-то важнаго. Да избавитъ насъ Богъ отъ извѣстій въ родѣ всѣхъ предъидущихъ!

Въ числѣ другихъ пріятностей, мы имѣемъ удовольствіе жить подъ однимъ небомъ съ 3000 Французскихъ плѣнныхъ, съ которыми не знаютъ что дѣлать: за ними некому смотрѣть. На дняхъ ихъ отправятъ далѣе, чему я очень рада. Всѣ солдаты Поляки, Нѣмцы, Итальянцы и Испанцы. Больше всего Поляковъ; они дерзки; многихъ побили за шалости. Офицеровъ человѣкъ 40 и одинъ генералъ. Послѣдній Французъ, равно и человѣкъ 10 офицеровъ. Нельзя шагу сдѣлать на улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ этими бѣшеными. Его Высочество принцъ Гогенлое тоже здѣсь содержится. Нынче утромъ я его встрѣтила, бѣжитъ по улицѣ, а за нимъ гонится солдатъ. Впрочемъ самые многочисленные отряды плѣнныхъ отправили въ Нижній, тамъ ихъ умираетъ по сотнѣ ежедневно; одѣтые кое-какъ, они не выносятъ нашего климата. Не смотря на все зло, которое они намъ сдѣлали, я не могу хладнокровно подумать, что этимъ несчастнымъ не оказываютъ никакой помощи, и они умираютъ на большихъ дорогахъ, какъ безсловесныя животныя.

Я совсѣмъ глупа стала. Умъ, понятіе, все, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила.

26.

30 Сентября.

Нашъ милый, родимый городъ, нѣкогда пріютъ мира и счастія, представляетъ лишь груды пепла! Два или три купца, бѣжавшіе изъ Москвы 15-го 17 и 19 чиселъ нынѣшняго мѣсяца, сообщили намъ подробности способныя растрогать каменное сердце. Не успѣвшіе бѣжать изъ города до вступленія враговъ постоянно подвергаются ужас-

нымъ пыткамъ. Они лишены способовъ существованія, одежду у нихъ отобрали и безпрестанно заставляютъ ихъ трудиться, обращаясь съ ними варварски. Несчастные умираютъ отъ голода. Въ ихъ глазахъ жгутъ и раззоряютъ дома ихъ господъ, для спасенія коихъ многіе изъ нихъ остались. Всѣ наши церкви обращены въ конюшни. Наполеонъ, иначе сатана, началъ съ того, что сжегъ дома съ ихъ службами, а лошадей поставилъ въ церкви. Знаешь ли, что, не смотря на отвращеніе, которое я чувствую къ нему, мнѣ становится страшно за него въ виду совершаемыхъ имъ святотатствъ. Нельзя было вообразить ничего подобнаго, нигдѣ въ исторіи не встрѣчаешь похожаго на то, что совершается въ наше время. Про армію мы ничего не знаемъ. Въ Тамбовѣ все тихо, и еслибы не вѣсти Московскихъ бѣглецовъ да не Французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны. До насъ доходитъ лишь шумъ, производимый рекрутами. Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія, каждое утро насъ будятъ тысячи крестьянъ: они плачутъ, пока имъ не забрѣютъ лба, а сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго и отдаю ему полную справедливость. Здѣсь климатъ гораздо теплѣе Московскаго. До сихъ поръ мы проводимъ полдня съ открытыми окнами. Каждое утро ходимъ пѣшкомъ къ обѣднѣ въ монастырь, который находится въ верстѣ отъ города; я ничего не беру съ собой кромѣ шали и той почти никогда не надѣваю.

Мы готовимъ корпію и повязки для раненыхъ; ихъ множество въ губерніяхъ Рязанской и Владимірской и даже здѣсь въ близкихъ городахъ. Губернаторъ посылаетъ наши запасы въ мѣста, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Такъ провожу я время, другъ мой; даю также уроки Мишелю. Признаюсь, въ состояніи, въ которомъ нахожусь, я неспособна къ большой умственной дѣятельности. Домъ нашихъ Пушкиныхъ былъ однимъ изъ первыхъ сгорѣвшихъ домовъ.

27.

7 Октября.

Съ третьяго дня мы подверглись новаго рода мученію: намъ приходится смотрѣть на несчастныхъ раззоренныхъ войной, которые ищутъ прибѣжища въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, чтобы не умереть съ голоду. Вчера прибыло сюда изъ деревни, находившейся въ 50 верстахъ отъ Москвы (по Можайской дорогѣ) цѣлыхъ девять семействъ: тутъ и женщины, и дѣти, и старики, и молодые люди. Всѣ помѣщики, имѣвшіе земли въ этой сторонѣ, позаботились во время о спасеніи своихъ крестьянъ, давъ имъ способы къ существованію. Государственные же крестьяне принуждены были дождаться, покуда у нихъ все отнимутъ, сожгутъ ихъ избы и тогда уже отправились, по Русской пословицѣ, куда глаза глядятъ. Крестьяне, видѣнные нами вчера, были раззорены нашими же войсками; мнѣ ихъ стало еще жалче оттого, что, разсказывая о всемъ съ ними случившемся, они не жаловались и не роптали. Въ такія минуты желала бы я владѣть милліонами, чтобы возвратить счастіе милліону людей; имъ же такъ мало нужно! Право, смотря на этихъ несчастныхъ, забываешь всѣ свои горести и потери и благодаришь Бога, давшаго намъ возможность жить въ довольствѣ посреди всѣхъ этихъ бѣдствій и даже думать объ излишнемъ, между тѣмъ какъ столько бѣдныхъ людей лишены насущнаго хлѣба. Пребываніе мое въ Тамбовѣ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыло мнѣ глаза на счетъ многаго. Находись я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ и пріятностяхъ жизни, мнѣ здѣшніе добрые люди непремѣнно показались бы глупыми и очень смѣшными. Но, прибывъ сюда съ

разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ за ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги, и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь молодыхъ людей, которыхъ все достоинство заключается въ изящной осанкѣ, которые украшаютъ своимъ присутствіемъ гостиныя, занимаютъ общество остроумнымъ разговоромъ, но послушавъ ихъ черезъ пять минутъ забудешь объ ихъ существованіи. Вмѣсто нихъ сталкиваешься съ людьми, быть можетъ, неуклюжими, рѣчи коихъ не цвѣтисты и не игривы, но которые умѣютъ управлять своимъ домомъ и состояніемъ, здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое Отечество, нежели многіе министры. Сначала, привыкшіе къ свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало по малу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серіозныхъ предметахъ. Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человѣкъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, нѣкогда занимавшій довольно значительные посты и вынужденный оставить службу *). Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна. Онъ часто насъ посѣщаетъ и вполнѣ очаровалъ меня. Разумовскіе тоже поселились здѣсь на всю зиму. Графъ премилый, жена далеко не стòитъ его. Каждый разъ когда мы встрѣчаемся, она выводитъ меня изъ терпѣнія. Они занимаютъ самый большой домъ въ городѣ и, не смотря на это, графиня вѣчно недовольна и все ворчитъ. Богатство избаловало голубушку.

28.

15 Октября.

Ты и не подозрѣваешь, добрый другъ мой, что въ настоящую минуту я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ Шаховскими. Признаюсь тебѣ, я не воображала, что меня можетъ ожидать что либо пріятное, и потому вся эта недѣля исполнена радости для меня. Шесть недѣль не имѣли мы извѣстій отъ сестры, и наконецъ въ прошлый вторникъ я получила отъ нея длинное письмо, которому очень обрадовалась. Теперь мы убѣдились, что есть возможность переписываться съ близкими людьми, въ чемъ мы уже начинали отчаяваться. Въ середу мы получили письмо отъ нашего толстаго дворецкаго, о которомъ мы ужасно тревожились. Этотъ честный человѣкъ дождался послѣдней минуты, и 2-го Сентября въ 11 часовъ утра, когда войска наши, возвращаясь съ Бородинскаго поля, проходили черезъ Москву, въ которую должны были вступить Французы, онъ оставилъ городъ и отправился вслѣдъ за войскомъ. На улицахъ была такая давка, тутъ шли полки, везли пушки, бѣжали жители, тащились раненые, такъ что отъ нашего дома до Владимірской заставы, онъ пробирался цѣлыхъ шесть часовъ. Передъ выходомъ изъ города онъ услышалъ первый выстрѣлъ Французской пушки на Кремлевской площади. Письмо его раздираетъ душу; онъ описываетъ чувства свои; въ эту минуту вѣрно у него совсѣмъ закружилась голова, протому что, находясь на Тамбовской дорогѣ, онъ сбился съ пути и попалъ во Владиміръ 10-го Сентября. Часть дороги прошелъ онъ пѣшкомъ, неся съ собой бумаги и деньги. Во Владимірѣ онъ заболѣлъ лихорадкой, и потому мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Все таки въ нашемъ домѣ еще остались двое или трое старыхъ служителей съ женами; они говорятъ, что слишкомъ стары, потому Французы не возмутъ ихъ въ солдаты; а они все же хотя что нибудь да сберегутъ въ домѣ. Имѣніе наше, говорятъ, уцѣлѣло; а все находившееся въ Москвѣ сожжено, потому я надѣюсь, что люди наши перебрались въ Высокое. Я въ жизнь свою не утѣшусь, ежели хотя одинъ изъ нихъ

*) См. его Записки въ Р. Архивѣ 1867. *П. Б.*

погибнетъ отъ руки бѣшеныхъ злодѣевъ. Съ Москвой же надо на вѣки проститься, милый другъ. Не выскажешь всего, что тамъ творится. Ежедневно сюда являются бѣглецы; послѣдніе изъ нихъ оставили Москву 26 Сентября. Своими глазами видѣли они, какъ Французы обращали церкви въ кухни и конюшни, иконы употребляли на дрова или бросали въ ретирады, обобравъ всѣ украшенія. Они обѣдаютъ и ужинаютъ на престолахъ и всячески святотатствуютъ. Легко вообразить, чему подвергаются наши соотечественники, попавшіе въ руки этихъ злодѣевъ. Шаховскіе еще остаются здѣсь на сегодняшній день, слѣдовательно мы все будемъ вмѣстѣ. Завтра они ѣдутъ къ сестрѣ во Владимірскую губернію, а зиму еще не знаютъ, гдѣ проведутъ. Валуевы все съ нами. Тетка пишетъ имъ изъ Владиміра, но не говоритъ имъ о братѣ; по слогу я вижу, что она знаетъ о смерти сына, но дочерямъ желаетъ сообщить какъ можно позднѣе это грустное извѣстіе. Намъ говорятъ, что между тѣмъ какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ, у васъ даютъ представленія въ театрѣ и что въ Петербургѣ въ Русскій театръ ѣздятъ болѣе чѣмъ когда либо. Нечего вамъ дѣлать! Не знаю, какъ Русскій, гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ! Не такъ смотрятъ на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе изъ далека, разсказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ, что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что кто эти газеты пишетъ, у того въ Москвѣ волосу нѣтъ. Французы, не смотря на то, что они негодяи, не такъ судятъ. Поймали нѣсколькихъ курьеровъ, отправленныхъ во Францію, между прочимъ одного, посланнаго до вступленія Французовъ въ Москву. Онъ везъ письма, въ которыхъ эти подлецы обѣщали своимъ соотечественникамъ описать подробно всѣ удовольствія, ожидавшія ихъ въ столицѣ Россіи, воображая, что они будутъ тамъ танцовать и веселиться. Они говорятъ о своемъ нетерпѣніи увидать самыхъ хорошенькихъ женщинъ. Другой же курьеръ, отправленный уже изъ Москвы, везъ извѣстія иного рода. Они писали, что не видывали болѣе варварскаго народа, что онъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріятелемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ Русскихъ, если бы даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ. Когда слышишь это и читаешь Петербургскія вѣсти въ родѣ вышеупомянутой, руки упадаютъ. Но не угодно ли подивиться этимъ негодяямъ Французамъ, называющимъ насъ варварами, потому что мы не принимаемъ ни ихъ любезностей, ни ихъ законовъ? Можно ли завираться до такой степени! Какъ осмѣливаются они называть варварами народъ, сидящій тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападаютъ и скорѣе соглашается всего лишиться, чѣмъ быть въ порабощеніи. Образованными они зовутъ орду бродягъ, вырвавшихся изъ ада, чтобы все жечь, раззорять и проливать кровь. Что̀ они не говори, а быть Русскимъ или Испанцемъ есть величайшее счастіе; хотя бы мнѣ пришлось остаться въ одной рубашкѣ, я бы ничѣмъ инымъ быть не желала, *вопреки всему*. Знаешь ли, что нашъ генералъ, у котораго въ Турецкую кампанію ноги были въ параличѣ, окончательно лишился одной изъ нихъ въ битвѣ 26 Сентября? Братъ его, женатый на Нарышкиной, былъ контуженъ въ голову и оглохъ. Понемногу узнаёмъ о судьбѣ знакомыхъ, но далеко не всѣхъ. Мы часто видимся съ Разумовскими. Графъ теперь неоцѣненный собесѣдникъ. Вездѣ ему рады, куда онъ ни придетъ. Двое или трое людей изъ его прислуги, оставившіе Москву, по вступленіи Французовъ, привезли извѣстіе, что дома

его въ городѣ и Петровскомъ истреблены со всѣмъ, что̀ въ нихъ находилось, то есть милліона на два вещей. Это нисколько не омрачило его. Онъ по прежнему всегда добродушно любезенъ, за что всѣ и любятъ его. Скажи мнѣ, видѣла ли ты Растопчина? Каковъ онъ? Его потери тоже значительны.

29.

22 Октября.

Французы оставили Москву. Растопчинъ пишетъ изъ Владиміра, что вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ, онъ намѣренъ вернуться въ Москву. Хотя я убѣждена, что остался лишь пепелъ отъ дорогаго города, но я дышу свободнѣе при мысли, что Французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что Французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ будто тяжкое бремя свалилось съ плечь. Намедни три бѣглыя крестьянки, раззоренныя какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного Француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго Русскаго. Не выразишь чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго Отечества. Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути, посмотрѣть что̀ съ ней сталось и по мѣрѣ силъ возстановить потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что приходится на вѣки отказаться отъ счастія вновь увидать ихъ. О! какъ дорога и священна родная земля! Какъ глубока и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе Отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ, словомъ все, что̀ такъ дорого каждому существу, одаренному душой и разумомъ. Растопчинъ пишетъ Разумовскому, что какимъ-то чудомъ домъ его уцѣлѣлъ, за то въ немъ все въ дребезги разбито до послѣдняго стула. Письмо это привезъ Ипполитъ *), котораго ты вѣрно встрѣчала у графа Льва въ Москвѣ. Онъ сказалъ намъ также, что Наполеонъ обѣщаетъ три милліона тому, кто принесетъ ему голову Растопчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Растопчину; не то что̀ отличіе, оказанное нѣкоторымъ личностямъ, которыхъ дома̀ остались неприкосновенными потому, что у дверей разставлены были часовые, лишь только Французы вступили въ Москву. Не знаю, извѣстна ли тебя прокламація Растопчина, привѣшанная у его церкви въ Вороновѣ? Передъ тѣмъ какъ удалиться нашимъ войскамъ, въ ожиданіи приближенія Французовъ, графъ сжегъ все, что̀ ему такъ дорого стоило, всѣ избы крестьянскіе, отправилъ крестьянъ въ Воронежское имѣніе и напечаталъ листъ, въ которомъ высказываетъ Французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются негодяю и насильнику, каковъ Наполеонъ и что онъ самъ сжегъ все ему принадлежащее, чтобы этотъ ужасный человѣкъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Повидимому, Наполеону не по вкусу пришелся комплиментъ, и съ этой поры, надо полагать, ему захотѣлось достать голову человѣка, который такъ вѣрно его цѣнитъ. Шаховскіе уѣхали въ середу утромъ. Михайло Віельгорскій уже три дня какъ здѣсь, и нынче ѣдетъ въ Пензенское свое имѣніе, гдѣ оставилъ жену и намѣренъ пробыть тамъ до зимы. Вѣроятно по первому снѣжному пути вернется въ Тамбовъ. Катиша, Даша, Ва-

*) Подчасскій.

луевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжемъ. Въ нынѣшнее переходное время надо ко всему привыкать.

Теперь это служитъ намъ развлеченіемъ, а со временемъ быть можетъ станетъ необходимостію. Вообрази, что домъ Разумовскихъ *) со всѣмъ что̀ въ немъ находилось остался нетронутымъ; такъ какъ его начали разламывать для перестройки, то Французы вообразили, что въ домѣ безъ оконъ вѣрно ничего нѣтъ и не совали туда носу. Это удивительное счастіе, что онъ и не сгорѣлъ; все цѣло, даже вино въ погребахъ. За то Петровское все раззорено; шуточка эта стоитъ милліонъ. О нашемъ домѣ мы не вѣдаемъ: Богъ съ нимъ, лишь бы Французовъ истребили.

30.

28 Октября.

Ни отъ чего я такъ не страдаю, какъ отъ холоду. Какъ нарочно я попала въ Тамбовъ въ такіе холода, которымъ сами старожилы дивятся. Всѣ дома насквозь проморожены. Нашъ какъ погребъ. Мы всѣ спимъ въ одной комнатѣ и льнемъ къ печкамъ. Вотъ каково наше житье, дружокъ. Все это испытанія, ихъ надо переносить терпѣливо и покорно, ожидая лучшаго въ будущемъ. Наконецъ Валуевы узнали о смерти брата; ихъ такъ жалко особенно потому, что онъ умеръ вдалекѣ отъ семьи.

Со времени сраженія подъ Малоярославцемъ мы ничего не слыхали о нашей арміи.

Нѣсколько дней тому назадъ я ужинала у губернаторши; тамъ я слышала прекрасную музыку, которая, напомнивъ мнѣ прошлое, причинила мнѣ страданіе. Наполеону мы обязаны тѣмъ, что страдаемъ отъ того, чѣмъ прежде наслаждались. Впрочемъ все что̀ намъ суждено испытать не отъ насъ зависитъ, а назначено свыше.

*) На Тверской (нынѣ И. П. Шаблыкина), гдѣ помѣщается Англійскій клубъ.

31.

11 Ноября.

Я чувствую, что съ Іюня мѣсяца состарѣлась на десять лѣтъ. Все что̀ вижу, до сихъ поръ не таково, чтобы мнѣ помолодѣть. Письма твои принесли мнѣ большую пользу: они вывели меня изъ глубокой грусти, въ которую я была погружена. Увы, милый другъ, какъ и ты, я въ постоянной сердечной тревогѣ. Брата Николая назначили адъютантомъ въ 6-й саперный баталіонъ, которымъ командуетъ храбрый Эммануилъ Сенъ-При. 29 Октября получили мы извѣстіе объ этомъ назначеніи. Братъ наскоро экипировался, что̀ стоило ему большого труда, ибо здѣсь въ степяхъ ничего нельзя достать, и уѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Сначала онъ отправится въ Москву, оттуда на 3 или 4 часа съѣздитъ въ Высокое, потомъ поѣдетъ въ слѣдъ за арміей, которая вѣроятно очень уже далеко ушла, потому что 26-го Октября она находилась въ окрестностяхъ Смоленска, а съ той поры она не переставала идти усиленнымъ шагомъ.

Двоюродные братья мои Валуевы теперь у родителей. Мы ежедневно ожидаемъ Александра, который долженъ пріѣхать за сестрами. Съ 30-го Октября тетка моя въ Москвѣ. Лишь по прибытіи ея въ раззоренный городъ, объявили ей о смерти сына, и впечатлѣніе произведенное этимъ извѣстіемъ было тѣмъ ужаснѣе, что она окружена была развалинами; письмо ея полно отчаянія. Отъ дома ея остались лишь стѣны, службы всѣ сгорѣли, и ей пришлось остановиться въ Запасномъ дворцѣ у Красныхъ Воротъ: это единственное казенное зданіе, оставшееся неповрежденнымъ. Поэтому всѣ городскія власти, какъ высшія такъ и низшія, помѣстились въ этомъ дворцѣ; всѣхъ ихъ тамъ человѣкъ до 500. Теткѣ пришлось перейти въ домѣ Яковлева, въ Леонтьевскій переулокъ. Сыновья ея должны будутъ отправиться въ окрестности Ярославля. Когда началось всеобщее вооруженіе, они посту-

пили въ полкъ, который Мамоновъ началъ организовать на свой счетъ; тутъ случилась Московская катастрофа, полкъ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль, гдѣ долженъ былъ найти всѣ способы для окончательнаго сформированія.

При воззваніи Растопчина двоюродные братья мои, равно Лунинъ и Барановъ просили о переводѣ ихъ въ армію. Имъ было отказано, потому что, будучи придворными, они были не подвластны ни Растопчину, ни кому другому. Тогда они по одиночкѣ вышли въ отставку, а потомъ снова вступили въ свой полкъ. Потому я и полагаю, что имъ придется тоже послѣдовать за арміей, что̀ приводитъ сестеръ въ отчаяніе, то есть Анету и Полину, потому что Софи ничего не чувствуетъ: пока другіе плачутъ, она позвала къ себѣ парикмахера, бѣжавшаго изъ Москвы какъ и мы, велѣла обрѣзать себѣ волосы и завивается. Мнѣ кажется, что она кончитъ тѣмъ, что сойдетъ съ ума, какъ ея старшая сестра. Что́ касается двухъ другихъ, на нихъ жалко смотрѣть. Онѣ такъ и убиваются, страшно исхудали. Кстати о полкѣ Мамонова: въ немъ находится большая часть извѣстной Московской молодежи, тутъ Левашовъ, Гусятниковъ и кн. Вяземскій. Сей послѣдній возымѣлъ дерзскую отвагу участвовать въ качествѣ зрителя въ Бородинскомъ сраженіи*). Подъ нимъ убили двухъ лошадей, и самъ онъ не разъ рисковалъ быть убитымъ, потому что Валуевъ палъ возлѣ него. По окончаніи сраженія, онъ вернулся въ Москву. Не слыхавъ никогда пистолетнаго выстрѣла, онъ затесался въ такое адское дѣло, которому, какъ всѣ говорятъ, не было подобнаго. Не понимаю, какъ это несчастное сраженіе могло хотя на минуту обрадовать васъ. Хотя по словамъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ (нѣкоторыхъ я встрѣчала) это не потерянное сраженіе, однако на другой же день всѣмъ ясны были его послѣдствія. Въ Москвѣ напечатали извѣстія, дошедшія до насъ, въ которыхъ говорилось, что, послѣ ужаснаго кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, ослабѣвшій непріятель отступилъ на 8 верстъ, но что для окончательнаго рѣшенія битвы въ пользу Русскихъ, на слѣдующей день, 27-го, сдѣлаютъ нападеніе на Французовъ, дабы принудить ихъ къ окончательному отступленію. Таково было оффиціальное письмо Кутузова къ Растопчину, которое и помѣстили въ печатное извѣстіе. Вмѣсто всего этого, 27-го наши войска стали отступать, и доселѣ неизвѣстна причина этого неожиданнаго отступленія. Тутъ кроется тайна. Быть можетъ, мы ее когда нибудь узнаемъ, а можетъ и никогда; но что̀ вѣрно и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, это въ существованіи важной причины, по которой Кутузовъ измѣнилъ планъ касательно 27 числа, торжественно имъ объявленный вечеромъ 26-го числа.

Какъ бы то ни было, мы не имѣли даже и тѣни надежды на блестящую побѣду; ибо три дня спустя по прочтеніи вышеупомянутаго извѣстія мы узнали, что войско находится въ 15 верстахъ отъ Москвы, а 7-го Сентября получили ужасное извѣстіе о гибели дорогаго города. Въ теченіи шести недѣль мы постоянно находились въ тревогѣ и глубокой горести, не получая ни единой отрадной вѣсти.

Послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, мы стали получать болѣе удовлетворительныя новости, непріятель не могъ идти на Калугу и долженъ былъ возвращаться по той же дорогѣ, по которой пришелъ, тѣснимый со всѣхъ сто̀ронъ. Въ Бѣлоруссіи Французовъ ожидаютъ наши войска, такъ что врядъ ли они ускользнутъ отъ насъ. Надо надѣяться, что они будутъ окончательно разбиты. Я не прихожу въ отчаяніе на счетъ нашей будущности, надѣясь на

---

*) A fait l'extravagance d'assister, comme simple spectateur, à l'affaire de Borodino.

Божіе милосердіе. Не тревожься и ты о будущей веснѣ, милый другъ.

Я не сержусь на Растопчина, хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, за то сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что̀ было въ Москвѣ съ конца Іюля. Лишь человѣкъ подобный Растопчину могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи и тѣмъ предупредить вредные и непоправимые поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодяя и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Растопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимомъ, пришлось пожертвовать богатствами, потому что если-бы для сохраненія ихъ онъ напугалъ заранѣе толпу, Богъ знаетъ, что̀ бы изъ этого вышло. Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и клялся, что онъ не подпуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось и безъ сомнѣнія имѣло болѣе вѣсу, нежели могли имѣть слова Растопчина, который однако никого не удерживалъ и радовался, видя, что господа и прислуга уѣзжаютъ изъ города. Онъ напечаталъ объявленіе, которое я читала и въ которомъ онъ говоритъ, что его удивляютъ слухи, будто онъ препятствуетъ выѣзду жителей изъ Москвы, что ему это и въ голову не приходило, напротивъ онъ радъ былъ, что уѣзжаютъ люди, опасавшіеся остаться. Между тѣмъ онъ зналъ то, чего вы не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій бѣгущихъ изъ Москвы, говорили дерзости проѣзжающимъ и могли бы зайти далѣе, если бы за ними не было бдительнаго присмотра. Ты знаешь, что я никогда не была ослѣплена Растопчинымъ, потому не можешь упрекать меня въ лицепріятіи. Но, увѣряю тебя, что я чувствую къ нему величайшую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ что̀ бы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи.

Я бы желала, чтобы ты послушала, какъ говорятъ здѣсь о Москвѣ, здѣсь, то-есть въ губерніяхъ составляющихъ коренную Россію, гдѣ почти не подозрѣваютъ о существованіи иной столицы кромѣ Москвы, въ которой питаютъ какое-то священное благоговѣніе. Что̀ касается недовольства Растопчинымъ, оно меня нисколько не удивляетъ; къ несчастію, люди никогда не видятъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Мы досадуемъ на свои потери и ищемъ кого бы за это обвинить, нисколько не руководствуясь справедливостью въ обвиненіяхъ нашихъ.

Нашъ Московскій домъ сгорѣлъ въ ночь съ 4-го на 5-е Сентября, сгорѣлъ также домъ Шаховскихъ и всѣ смежные дома. 2-го числа вечеромъ нѣсколько голодныхъ негодяевъ пришли просить хлѣба у нашихъ людей и у дворецкаго. Утоливъ голодъ, они ушли. Точно таже исторія повторилась на другой день, при чемъ они украли вещи дворецкаго, который имѣлъ глупость разложить ихъ передъ ихъ глазами. День прошелъ довольно спокойно. Ночью подожгли Нѣмецкую Слободу и лавки. 4-го числа пришли требовать вина; у насъ въ погребахъ было много винъ и варенья, потому угощеніе долго продолжалось, и гостей было много. Потомъ они все обобрали у людей и велѣли открыть кладовыя; не найдя въ нихъ ни-

чего съѣдомаго, они ничего не взяли, хотя тутъ находилось тысячь на тридцать вещей. Въ этотъ вечеръ подожгли Большую Никитскую, Арбатъ, Пречистенку, Остоженку и всѣ смежные кварталы. Нашъ домъ все держался. Наконецъ въ часъ, толпа негодяевъ ворвалась въ домъ; сломавъ двери, они поднялись въ мои комнаты, гдѣ я оставила книги, фарфоръ и множество другихъ вещей. Они начали все рвать, ломать, люди внизу слышали адскій шумъ, потомъ эти канибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взявъ. Такъ какъ сосѣднія зданія уже были въ огнѣ, то нашъ домъ вскорѣ сгорѣлъ со всѣмъ въ немъ заключавшимся (чему я очень рада, ибо по моему лучше, что все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ). Тогда люди наши полунагіе отправились въ Высокое, куда однако прибыли здоровыми. Это милое убѣжище, благодаря Бога, осталось въ цѣлости, хотя его положеніе было не безопасно, такъ какъ оно находится между Клиномъ, гдѣ расположены наши войска, селомъ Пятницей, наполненнымъ казаками, порядочными грабителями, Волоколамскомъ, Рузой, городами раззоренными Французами, и наконецъ вблизи Можайска, такъ что пушечные выстрѣлы 26-го числа слышны были въ Высокомъ. Мы полагали, что имѣніе это погибнетъ ранѣе Москвы, и потому я велѣла перевести множество вещей въ Москву. Ты видишь, какъ ошибочны человѣческія предположенія! Москва почти не существуетъ, а Высокое цѣлехонько. Въ деревняхъ, находящихся верстахъ въ 12 и 14 отъ Высокаго, ежедневно убивали сотни мародеровъ, а въ Высокомъ не видали ни одного солдата, какъ будто война велась въ Америкѣ. Урожай былъ прекрасный, хлѣбъ убрали какъ по обыкновенію, скотъ процвѣтаетъ, такъ что люди наши нашли и убѣжище и обильное пропитаніе въ нашемъ миломъ имѣніи, которымъ мы всѣ дорожимъ, потому что батюшка самъ занимался его устройствомъ. Мы многимъ обязаны нашему управляющему. Будучи вполнѣ свободенъ, онъ добровольно остался на мѣстѣ и своею твердостью и присутствіемъ духа сберегъ намъ все до послѣдней нитки. Во всей Московской губерніи врядъ ли найдется два имѣнія уцѣлѣвшія подобно нашему.

Съ Божіею помощію, на будущее лѣто мы намѣрены посѣтить эти милыя мѣста, бывшія нѣкогда свидѣтелями нашего благоденствія. Зиму мы проведемъ здѣсь. Квартира наша невыносима, печи дымятъ, и я по крайней мѣрѣ два дня въ недѣлю лежу съ головной болью. Собираемся искать другую квартиру. Віельгорскіе и не думаютъ ѣхать въ Петербургъ. Очень можетъ быть, что Катиша сюда пріѣдетъ родить, такъ какъ вскорѣ здѣсь соберется вся ихъ семья. Пребываніе здѣсь не представляетъ ровно никакихъ пріятностей, да кто о нихъ и думаетъ въ настоящее время! Я желала бы побывать въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ тобой, вообще же я предпочитаю мѣста самыя удаленныя отъ шума.

Всѣ наши Московскіе знакомые въ Нижнемъ, исключая Пушкиныхъ и г-жи Лобковой съ матерью. живущихъ въ Ярославлѣ. Никто не думаетъ ѣхать въ Питеръ. Въ началѣ волненія всѣ бросились въ Нижній, считая его бозопаснымъ убѣжищемъ, а теперь, поуспокоившись, стараются забраться въ отдаленныя мѣста, гдѣ можно жить съ маленькими средствами, не дѣлая долговъ и стараясь поправить свои финансы. На прошлой недѣлѣ меня закидали письмами изъ Нижняго. Лица, ежедневно посѣщавшія насъ въ Москвѣ, узнавъ гдѣ я нахожусь, всѣ написали ко мнѣ. Меня очень тронуло ихъ вниманіе, но я пугаюсь при видѣ множества писемъ, на которыя нужно отвѣчать. Гагарина благополучно родила въ деревнѣ, не имѣя другой помощницы кромѣ своей горничной; она сама пишетъ мнѣ, равно и всѣ Оболенскіе, Соллогубъ, Небольсина и т. д. Не вѣдаю, гдѣ Вяземскіе; полагаю, онъ

въ полку. Мы знаемъ, что были безсовѣстные негодяи, услуживавшіе Наполеону въ Москвѣ. Не знаю, съ чего ты взяла, что Визапуръ Русскій дворянинъ; онъ ни что иное какъ Мулатъ, явившійся Богъ знаетъ откуда и годный только стоять на запяткахъ у кареты вмѣсто негра. Загряжскій давно съ ума сошелъ; не знаю, кто такой Бестужевъ; довольно вѣрно то, что большая часть измѣнниковъ купцы, иностранцы всѣхъ націй, вообще люди ничего не значующіе, дворянъ же весьма немного.

32.

18 Ноября.

Мы остались въ одиночествѣ. Валуевы уѣхали вчера съ своимъ братомъ. Большая часть нашихъ знакомыхъ уѣхали въ Москву или въ ея окрестности. Осталась наша семья, состоящая изъ пяти лицъ, считая и Мишеля, да Разумовскіе. Общество сихъ послѣднихъ весьма удовлетворительно для матушки, но не для меня. Предстоящая зима кажется мнѣ весьма жалкою въ сравненіи съ прошлыми зимами. Однако я не отчаяваюсь и увѣрена, что съ Божіею помощью не буду слишкомъ тосковать. Я такъ распредѣлила свои занятія, что не имѣю ни минуты свободной и не вижу, какъ идетъ время. Пока мнѣ не приходилось страдать отъ холода въ нашей гадкой квиртирѣ, я смотрѣла равнодушно на изодраныя драпировки, парусинную мебель, кривые столы, теперь же все это мнѣ кажется невыносимымъ. Впрочемъ надъ нами сжалился одинъ здѣшній помѣщикъ и велѣлъ намъ привести мебель изъ своего имѣнія. Я достала себѣ теплые ботинки, которыхъ не снимаю съ ногъ; эта обувь, равно и весь мой нарядъ, придаетъ мнѣ видъ пятидесятилѣтней старухи. Я никогда не была щеголихой, и потому мнѣ ничего не значитъ обойтись безъ щегольства. Но я не могу, съ такой же философіей отказаться отъ талантовъ, которые развивала съ самаго дѣтства и коими забавляла тѣхъ, кому желала доставить удовольстіе. Я болѣе не буду въ состояніи позабавить тебя пѣніемъ, потому что я совершенно потеряла голосъ. Вчера я попробовала коечто спѣть и рѣшительно не могла взять ни одной ноты. Прощайте всѣ мои романсы, аріи, дуэты, которыми я потѣшала моихъ добрыхъ друзей! Помнишь ли ты наши ужины у дяди? Гдѣ-то онъ теперь, милый дядя! Говорятъ, домъ его сгорѣлъ. Кстати, я отказываюсь отъ многаго изъ сказаннаго мной о Растопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ безукоризненъ, какъ я полагала. Судя по послѣднимъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ о всемъ случившемся до и по отдачѣ Москвы, я вижу, что есть причины сердиться на графа. Ему особенно повредила его полиція, которая, выйдя изъ города въ величайшемъ безпорядкѣ, грабила во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвой и Владиміромъ. Много есть другихъ мелочей, не дѣлающихъ ему чести. Онъ съ Кутузовымъ какъ кошка съ собакой. Бенигсенъ одно время не въ ладу былъ съ Кутузовымъ, но они скоро помирились и теперь другъ съ другомъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Я обѣщала тебѣ сообщить подробности о старикѣ Кульманѣ, вотъ онѣ. Не будучи извѣщенъ полиціей о сдачѣ Москвы, онъ остался въ городѣ. Въ первые же три дня по вступленіи Французовъ, его ограбили, сожгли его домъ, словомъ онъ всего лишился. Въ лохмотьяхъ, питаясь тѣмъ, что Французы выбрасывали на улицу, въ отчаяніи, онъ просилъ принять его въ лѣкаря въ одинъ изъ Наполеоновскихъ гошпиталей. Это доставило ему способъ существованія въ теченіе шести ужасныхъ недѣль, которыхъ не забудетъ ни одинъ Русскій. Когда Французы удалились и наши власти вернулись въ городъ, Кульмана схватили и посадили въ тюрьму. Оттуда онъ написалъ матушкѣ письмо раздирающее душу. Этотъ несчастный человѣкъ, служившій нашему Отечеству сорокъ лѣтъ, занимая мѣста, на которыхъ онъ могъ разжиться въ теченіи

года, не взялъ ни гроша. Уѣзжая изъ Москвы, мы оставили его въ довольно жалкомъ положеніи. Не смотря на свою честность и безкорыстіе, онъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго лишь Богъ можетъ его вывести, и все это благодаря вѣтренности и неразумію столь страннымъ въ старикѣ, и столь намъ извѣстнымъ. Нѣмецъ нашего Мишеля, бѣдный Кленсенъ, сгорѣлъ въ нашемъ домѣ, гдѣ остался послѣ нашего отъѣзда. Съ отчаянія онъ началъ пить и въ тотъ роковой день, когда подожгли Никитскую, онъ былъ такъ пьянъ, что его никакими силами не могли вытащить изъ угла, въ которомъ онъ спрятался, и такимъ образомъ онъ сталъ жертвою своей глупости и адскаго неистовства націи, считаемой за самую образованную во всей Европѣ.

Ежедневно сюда приводятъ плѣнныхъ; они крайне дерзки, такъ что губернаторъ, человѣкъ очень порядочный, обращается съ ними какъ съ собаками.

33.

25 Ноября.

Сколько пріятныхъ новостей, милый другъ! Сколько причинъ надѣяться, что Господь сжалился надъ нашими страданіями и что мы будемъ имѣть счастіе отмстить за гибель милой столицы, унизивъ и окончательно уничтоживъ тирана, бывшаго причиною всѣхъ нашихъ мукъ!

Нынѣ мы получили извѣстія отъ 8-го Ноября, настолько удовлетворительныя, что можемъ себѣ позволить предаться чувству похожему на радость! Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы такъ давно не радовались, что даже забыли что̀ значитъ радоваться. Какъ бы то ни было, дышется свободнѣе и можно надѣяться, что снова настанутъ миръ и спокойствіе, которыхъ мы такъ жестоко были лишены. Если бы не попалъ братъ Николай въ тотъ омутъ, отъ котораго зависитъ наша общая участь, мнѣ кажется, мнѣ бы нечего было желать. Однако, скажи мнѣ кто либо прошлый годъ, какъ проведу я зиму 12-го года, я навѣрное стала бы жаловаться на горькую участь меня ожидающую. Вообрази, что я нахожусь посреди трехъ старцевъ (одинъ изъ нихъ отъ меня безъ ума); подъ носомъ у меня колода картъ для игры въ бостонъ, въ вечеръ я проигрываю два или три рубля. Чтобы разнообразить удовольствія, я и мой старый поклонникъ играемъ въ пикетъ по пятаку за очокъ. Затѣмъ, взгляни на мое прошлое, сравни обстановку, въ которой ты меня знала и теперешнюю мою жизнь и скажи, что̀ ты думаешь объ этомъ сравненіи.

Каждый день я катаюсь въ саняхъ и потомъ вышиваю безъ устали. Это, признаюсь, мнѣ служитъ отдыхомъ и составляетъ любимѣйшее мое занятіе.

Ты желаешь знать, не приведутъ ли насъ въ Питеръ общія несчастія и потеря дома въ Москвѣ. На это я скажу тебѣ, что вашъ блестящій городъ увидитъ насъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно: ежели служба Николиньки принудитъ его поселиться въ Питерѣ, тогда матушка все броситъ, чтобы послѣдовать за милымъ сыномъ, дабы своимъ присутствіемъ охранить его отъ соблазновъ, словомъ отъ безчисленныхъ пороковъ, коими богата ваша сторона, и которымъ 17-ти лѣтній юноша не въ силахъ противустоять. Николай такъ добръ, такъ довѣрчивъ, что болѣе другаго нуждается въ руководителѣ, что̀ онъ и самъ сознаетъ. До сихъ поръ онъ радуетъ всѣхъ насъ своимъ хорошимъ поведеніемъ, прекраснымъ характеромъ; ты понимаешь, что мы все забудемъ, коль скоро явится случай быть ему полезными.

Еще, быть можетъ, встрѣтимся мы на берегахъ Невы, ежели дядя Кошелевъ потребуетъ насъ; но я надѣюсь что онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ такъ несчастливъ во многихъ отношеніяхъ, что матушка не въ силахъ будетъ долго противиться его просьбѣ, ежели онъ серіозно того пожелаетъ; иначе лишь служ-

ба Николая можетъ насъ вызвать въ Питеръ. Мы — Москвичи болѣе чѣмъ когда либо!

Странно, что со времени несчастія, Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ. Многія лица, между прочемъ Апраксины, предполагая, что мы можемъ перебраться въ Петербургъ, написали матушкѣ, совѣтуя ей не покидать Москвы, говоря, что должно стараться сгладить слѣды бѣдствій, которыя потерпѣла милая столица, жертвуя собою для общаго блага. Вотъ наши планы. Зиму мы проведемъ здѣсь, и старый Нѣмчиновъ будетъ за мной ухаживать сколько ему угодно. Весной мы намѣреваемся посѣтить принадлежащее намъ имѣніе въ Саратовской губерніи, котораго никто изъ насъ не знаетъ. Потомъ отправимся въ наше милое Высокое, пробудемъ тамъ до зимы и тогда вернемся въ дорогую Москву, гдѣ уже строятся нѣсколько зданій и на будущую зиму можно будетъ нанять домъ. Москва, говорятъ, полна народу; въ нее съѣзжаются изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній.

Я одного боюсь, чтобы весной житье въ Москвѣ не сдѣлалось опаснымъ, такъ какъ во время шестинедѣльнаго пребыванія въ городѣ Французы перебили множество народа. Не только городъ, но и окрестности усѣяны трупами, заражающими воздухъ. Представь, что̀ будетъ весной, когда растаетъ снѣгъ. Николай пишетъ, что за пятнадцать верстъ отъ Москвы уже становится тяжело дышать; колодцы, овраги и рвы вокругъ Кремля, все наполнено мертвыми тѣлами; ихъ даже трудно отыскивать, и потому мѣры, принимаемыя противъ зла, недостаточны. Къ тому надо прибавить, что въ началѣ Ноября еще не похоронены были убитые 26-го Августа; Богъ знаетъ, схоронены ли они теперь. За 25 верстъ слышно было зловоніе и ежели не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, весною запахъ слышенъ будетъ и въ Высокомъ, находящемся не болѣе какъ въ пятидесяти верстахъ отъ несчастнаго Бородина, что̀ разрушило бы наши планы, и не знаю куда бы мы дѣлись лѣтомъ въ такомъ случаѣ. Невѣстка моя беременна, и къ 1-му Іюня намъ необходимо гдѣ нибудь устроиться, чтобы она могла спокойно родить.

Впрочемъ я стараюсь какъ можно менѣе думать о будущемъ. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было бы неблагодарностію съ нашей стороны, ежели бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полной увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо.

Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ Французы до и по вступленіи своемъ въ Москву? Во всемъ видѣнъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе Провидѣнія, которое, наказавъ насъ, по правосудію Своему, не допустило однако до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, что̀ случилось. Божія благость спасла насъ отъ горя, которое для насъ было бы тяжелѣ многихъ другихъ. Ты помнишь, что при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, мнѣ пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ разсказали, что чудовища эти откапывали мертвецовъ, чтобы грабить могилы. Я съ отчаяніемъ вспоминала о Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоится лучшій и любимѣйшій изъ отцовъ. Николай по прибытіи въ Москву тотчасъ отправился въ монастырь и пишетъ намъ, что памятникъ батюшки, равно и всѣ другіе памятники, остались въ цѣлости. У насъ какъ камень съ сердца свалился. Въ женскихъ монастыряхъ совершались мерзости; но, что̀ для насъ наиважнѣйшее, то цѣло, благодаря Бога.

Въ реляціи Кутузова сказано, что въ дѣлѣ 8-го числа Финляндскій гвардейскій полкъ отличился храбростью. Въ

этомъ полку находится братъ Даши Ухтомской; потрудись, милый другъ, узнать, не въ числѣ ли раненыхъ или убитыхъ значится князь Ухтомскій. Послѣ Бородинскаго дѣла въ этомъ полку осталось въ живыхъ семь офицеровъ, въ числѣ ихъ былъ и Ухтомскій. Богъ знаетъ, посчастливилось ли ему и на этотъ разъ. Бѣдная сестра его, которую я люблю съ дѣтства, въ ужасномъ страхѣ. Я получила отъ нея письмо и, судя по нему, вижу, что она страшно тревожится. Письмо ея отъ 16-го Октября; ей еще, значитъ, не было извѣстно, что произошло сраженіе подъ Мало-Ярославцемъ.

34.

27 Ноября.

Мы снова подверглись всѣмъ ужасамъ степной вьюги: это страшная мука, особенно когда живешь въ картонномъ домикѣ. Невольно вспомнишь о нашемъ тепломъ, уютномъ Московскомъ домѣ, который былъ извѣстенъ своимъ удобствомъ въ самыхъ дальнихъ частяхъ города. Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ ихъ посѣщающихъ. Чтó же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ, или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы Русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На Французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ!

Я знаю, что въ Москвѣ до 31 Августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ Іюня, то есть со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись двѣ кареты, не болѣе. Дирекція была въ отчаяніи, она раззорялась и ничего не выручала. Играли Русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправѣ ненавидѣть Москву и нетерпѣть всего въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилостивить Бога за себя и своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то по крайней мѣрѣ всѣ мы, Русскіе, за исключеніемъ Петербурга разумѣется, одинаково заблуждались.

Здѣсь въ Тамбовѣ, мѣстѣ болѣе безопасномъ чѣмъ другія мѣста, балы, начинающіеся обыкновенно съ Сентября, открыты были лишь послѣ сраженія подъ Вязьмой. До сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; крестьяне лишь только услышатъ, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Въ Москвѣ съ Августа мѣсяца Французы не осмѣливались показываться на улицахъ: ихъ побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на нихъ смотрѣть въ театрѣ? Шаховскіе разсказывали мнѣ, что во всю дорогу отъ Кавказа до сюда они были какъ на иголкахъ; если забывшись, по привычкѣ, начинали говорить пофранцузски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву?

Я забыла разсказать тебѣ о перемѣнѣ моихъ отношеній къ двоюродному брату Валуеву. Изъ заклятаго врага онъ сдѣлался моимъ поклонникомъ. Я получила отъ него такое посланіе изъ Рязани, въ концѣ коего недостаетъ лишь предложенія; въ послѣднемъ случаѣ оно было бы вполнѣ трогательно. Во время трехдневнаго пребыванія своего у насъ, онъ преслѣдовалъ меня комплиментами

и ласками; стараясь оправдаться передо мною въ своихъ прежнихъ ошибкахъ въ отношеніи меня и зная, что онѣ мнѣ извѣстны. Я не избѣгала объясненія и вечеромъ наканунѣ его отъѣзда высказала ему откровенно мое мнѣніе о разныхъ вещахъ. Онъ весьма покорно выслушалъ мои замѣчанія, сознавался, что былъ невыносимъ, говорилъ, что исправился и. т д. Въ заключеніе всего этого я получила вышеупомянутое письмо. Эта перемѣна мнѣ кажется чудомъ въ родѣ переворота въ судьбѣ Наполеона.. Насталъ годъ чудесъ!

Еслибы не твое великодушіе, мы рѣшительно не вѣдали бы, что̀ на свѣтѣ происходитъ. Нынче получили мы извѣстіе, что Николай съ Ипполитомъ отправились въ армію 19-го числа; теперь они уже доѣхали.

Знаешь ли, что̀ сдѣлали Французы изъ гостинныхъ Разумовскихъ, о которыхъ ты упоминаешь въ письмахъ твоихъ (надѣюсь, что мы когда нибудь въ нихъ встрѣтимся) Въ третьемъ этажѣ, въ кабинетѣ графа, они устроили бойню; по уходѣ ихъ тамъ нашли зарѣзанныхъ коровъ и телятъ. Въ нижнемъ этажѣ были конюшни: въ среднемъ, на убранство котораго графъ прошлымъ лѣтомъ положилъ огромныя деньги, они все истребили.

Петровское исчезло; тамъ происходили ужасы, отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Московскія кладовыя были въ цѣлости до Октября; въ эту пору одна изъ служанокъ, влюбившись въ какого-то негодяя Поляка, открыла ихъ разбойникамъ, равно и погреба, словомъ мѣста, гдѣ что либо хранилось. Потери Разумовскихъ простираются почти до двухъ милліоновъ.

Если желаешь составить себѣ понятіе объ образованнѣйшемъ народѣ, называющемъ насъ варварами, прими къ свѣденію, что во всѣхъ домахъ, гдѣ жили Французскіе генералы и высшіе чины, спальни ихъ служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чѣмъ хуже. У Валуевыхъ въ этомъ отношеніи такъ домъ отдѣлали, что въ немъ дышать нельзя и все ломать надобно, а эти свиньи тутъ жили.

35.

2 Декабря.

Вчера въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Тамбовѣ, была я на обѣдѣ, данномъ для матушки однимъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Здѣсь для меня все ново, и есть что изучать. Я замѣтила, что есть возможность составить кружокъ изъ мужчинъ; они не щеголи и не отличаются любезностью, но за то разумные и даже пріятные собесѣдники. Что̀ касается женщинъ, только губернаторша милая особа, остальныя нестерпимы. Всѣ съ претензіями крайне смѣшными. У нихъ изысканные, но нелѣпые туалеты, странный разговоръ, манеры какъ у кухарокъ; при томъ онѣ ужасно жеманятся, и ни у одной нѣтъ порядочнаго лица. Вотъ каковъ прекрасный полъ въ Тамбовѣ! Ты понимаешь, что я какъ можно рѣже буду видѣться со всѣми этими лицами, развѣ въ случаѣ необходимости. Мы каждый день видимся съ Разумовскими: она по прежнему безалаберна, а мужъ ея любезнѣе чѣмъ когда либо. Нынче мы у нихъ будемъ ужинать. Щукина не слишкомъ пріятная особа, я съ ней мало знаюсь, мы только вмѣстѣ играемъ въ карты; мужъ ея претошный. У нихъ живетъ племянница, которая замужемъ за какимъ-то Ивановымъ, глупое и невыносимое существо, какъ разъ подъ пару здѣшнимъ чопорнымъ дамамъ; она уже успѣла съ ними подружиться. Все это общество мнѣ не по вкусу, я бы его себѣ не избрала; но за неимѣніемъ лучшаго, приходится имъ довольствоваться.

Вчера я видѣла пріѣхавшаго изъ арміи; онъ оставилъ главную квартиру 19 Ноября. Извѣстія имъ привезенныя такъ хороши, что, будучи Русскимъ, нельзя не забыть о своихъ потеряхъ и не радоваться, думая о безсмертной славѣ, которую пріобрѣтаетъ наше милое Отечество. Французы, особенно злодѣй Напо-

леонъ и его приверженцы, растерялись. Я согласна, пусть эти дураки называютъ Россію варварской страной, коль скоро ихъ цивилизація привела ихъ къ добровольному подчиненію гнуснѣйшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными: Австрія Пруссія и Франція.

Сюда прислали четверыхъ плѣнныхъ Французскихъ генераловъ. Князь Кутузовъ особенно рекомендовалъ одного изъ нихъ здѣшнему губернатору, родственнику своему, присовокупляя, что, слышавши, что съ плѣнными обращаются сурово, онъ желаетъ, чтобы измѣнили эту систему, ибо жестокое обращеніе съ обезоруженнымъ врагомъ не согласно съ Русскимъ характеромъ. Потому съ большими генералами будутъ обращаться, какъ обращались въ Москвѣ съ Клерфельтомъ и Левенгеймомъ. Добраго старика Кутузова армія обожаетъ, вездѣ его встрѣчаютъ съ восторженными привѣтствіями. Растопчину съ нимъ тягаться не подъ силу.

Знаешь ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все что я видѣла, слышала и чувствовала, что мнѣ приходила мысль идти въ здѣшній монастырь, для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ.

36.

10 Декабря.

Ты удивишься, узнавъ, что я собираюсь на балъ. Да, послѣ завтра я буду выплясывать съ Тамбовскими щеголями. 12-е Декабря, какъ тебѣ извѣстно, празднуется во всей Россіи. Вотъ и здѣшній губернаторъ *), добрѣйшій человѣкъ, вздумалъ потѣшить общество и даетъ балъ, къ которому готовятся всѣ наши франтихи.

Признаюсь, меня удивляетъ, что мнѣ приходится явиться на балъ послѣ всѣхъ тревогъ и скорбей, испытанныхъ мною въ теченіи шести мѣсяцевъ; однако я не прочь взглянуть на провинціальныя собранія. Съ тѣхъ поръ какъ извѣстія изъ арміи сдѣлались утѣшительнѣе, въ Россіи снова начали веселиться. Вотъ уже три недѣли какъ здѣсь пляшутъ по воскресеньямъ, въ жалкомъ, уродливомъ домѣ, въ которомъ жители Тамбова веселятся болѣе, нежели веселились мы въ прекрасномъ Московскомъ зданіи.

Наше Московское собраніе только что собирались отдѣлать и украсить на нынѣшнюю зиму, а негодяи Французы превратили его въ пепелъ.

Ты вѣрно видала г-жу Болговскую, рожденную Салтыкову; у нея было большое имѣніе въ Смоленской губерніи. Жила она открыто, пользуясь всѣми удобствами жизни. Теперь же съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ одинъ меньше другаго, она принуждена продавать платья и бѣлье, чтобы не умереть съ голоду. И сколько такихъ случаевъ!

Я часто получаю посланія отъ Валуевыхъ; онѣ такъ привязались ко мнѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ проведенныхъ съ нами, что при всякомъ удобномъ случаѣ посылаютъ мнѣ дружескія письма. Подробности, которыя онѣ сообщаютъ мнѣ о Москвѣ, крайне интересны для человѣка, любящаго этотъ городъ, какъ я его люблю. Меня радуетъ привязанность народа, вообще всей націи Русской къ этой древней и почтенной столицѣ нашего милаго Отечества. Москва теперь какъ муравейникъ. Въ нее стекаются отовсюду. Туда идутъ транспорты даже изъ здѣшнихъ мѣстъ; поэтому тамъ жизнь дешевле прежняго. Въ Москвѣ теперь можно все достать, даже предметы роскоши; какъ-то: шелковыя матеріи, вина, овощи и т. д.; даже общество, говоритъ Аннета, лучше прежняго. Всѣ лица, которыхъ дома уцѣлѣли, занимаются ихъ устройствомъ.

Кстати, я тебѣ не упоминала о великолѣпномъ проэктѣ благотворительности, составленномъ нашими дамами. Каково

*) Статскій совѣтникъ Петръ Андреевичъ Ниловъ, какъ значится въ Мѣсяцословѣ на 1812 годъ. *П. Б.*

твое мнѣніе о немъ? Право, женское судилище, съ предсѣдательницей во главѣ, напоминаетъ мнѣ сенатъ фей Уржели, во главѣ коего находилась королева Берта. Не знаю, видѣла ли ты эту піесу; но увѣряю тебя, что предполагаемый комитетъ мнѣ ее напоминаетъ. Откровенно говоря, если хотятъ дѣлать добро и благотворить, то можно обойтись безъ гласности. Въ предпріятіи же этихъ дамъ я вижу желаніе выказаться. Это признакъ тщеславія, непріятнаго и въ мужчинѣ и которое вовсе не нравится мнѣ въ женщинѣ, назначеніе коей держаться въ сторонѣ.

У насъ въ гостиной съ десятокъ помѣщиковъ, явившихся сообщить намъ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна.

37.

17 Декабря.

Я ѣздила на балъ, чтобы не обидѣть Тамбовскихъ обитателей, старалась быть веселой и до четырехъ часовъ утра танцовала, Богъ знаетъ съ какими рожами. Праздникъ былъ блестящій; даже въ столицѣ онъ бы имѣлъ успѣхъ. Никогда не встрѣчала я такой коллекціи оригиналовъ, какую пришлось мнѣ видѣть въ этотъ день.

Тамбовъ теперь въ полномъ блескѣ. Все дворянство собралось на выборы, отъ бѣдняка до богача. Пора выборовъ самая веселая въ губернскихъ городахъ. На балѣ графъ Левъ*) насчиталъ до двадцати мундировъ одинъ другаго оригинальнѣе. Тутъ, судя по мундирамъ, находились представители четырехъ царствованій; были нѣкоторые и въ сюртукахъ. Цѣлыхъ три дня послѣ балу мнѣ нездоровилось. Я отвыкла поздно ложиться, устала я вообще не охотно ѣхала на балъ. Вѣсти Московскія не утѣшительны. Тамъ свирѣпствуютъ повальныя болѣзни, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Несчастная столица переходитъ отъ одного бѣдствія къ другому. Надо надѣяться, что приняты будутъ строгія мѣры къ отвращенію зла и что въ стѣнахъ милаго города снова водворится здоровіе, миръ и счастіе, которыми онъ пользовался въ теченіи вѣковъ.

*) Разумовскій.

Нашъ старый маіоръ, котораго ты знаешь, умеръ вслѣдствіе непріятностей, перенесенныхъ имъ во время пребыванія въ Москвѣ извергокъ. Однако мы очень счастливы: изъ нашихъ никто не погибъ кромѣ Клемана и маіора. У Разумовскихъ же умеръ лучшій ихъ управляющій, похоронивъ въ теченіи недѣли жену, трехъ дѣтей и имѣвъ несчастіе видѣть звѣрскіе поступки извергокъ въ отношеніи къ его одинадцатилѣтней дочери. Несчастная тоже при смерти. Много подобныхъ случаевъ; въ Голицынской больницѣ, въ церкви, на алтарѣ, нашли мертвую дѣвочку одинадцати лѣтъ, бывшую жертвою самаго гнуснаго злодѣйства. Сначала отъ подобныхъ новостей меня била лихорадка, но мы обязаны Французамъ привычкою къ самымъ непріятнымъ ощущеніямъ: онѣ такъ часто повторяются, что не могутъ производить постоянно сильнаго впечатлѣнія.

Сумарокова въ Москвѣ и пишетъ мнѣ, что она объѣздила весь городъ и преимущественно ту сторону, гдѣ мы жили. Съ трудомъ отыскала она развалины нашего милаго дома*). Она говоритъ, что невидавшій настоящаго положенія Москвы еще не можетъ вполнѣ ненавидѣть злодѣевъ. Я не хочу ненавидѣть ихъ, прошу Бога простить имъ ихъ злодѣйства; но положительно можно сказать, что съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи не найдешь поступковъ подобныхъ преступнымъ дѣйствіямъ ихъ въ нашемъ Отечествѣ.

Графиня Орлова, Лобкова съ племянницей, гр. Апраксина и многія другія намѣрены провести зиму въ Москвѣ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Растопчину вслѣдствіе послѣдней его выходки, о которой мнѣ

*) Въ Леонтьевскомъ переулкѣ, нынѣ графини Зокревской. *П. Б.*

сообщили. Ты вѣрно слышала, что мадамъ Оберъ-Шальмé, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600000 рублей товару, послѣдовала за Французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ Волковъ отказался отъ своей доли. Спиридовъ, Московскій комендантъ и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна *).

Я еще не говорила тебѣ, что я достала дрянные фортепьяны и ноты; матушка заставляетъ меня пѣть. Если у тебя есть какія нибудь хорошенькія піесы, пришли ихъ мнѣ, дружокъ. Здѣсь подобныя вещи нужнѣе чѣмъ гдѣ либо. Трудно веселиться въ Тамбовѣ; благодаря всѣмъ моимъ усиліямъ, я дошла до того, что не скучаю. Слава Богу, у меня характеръ, которому скука невѣдома.

О Николаѣ не имѣемъ извѣстій, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ походѣ. Сестра тоже не можетъ часто писать, потому что слѣдуетъ за Чичаговской арміей. Послѣднее ея письмо было изъ Пинска отъ 2-го Ноября. Что дѣлать, надо терпѣть: горю ничѣмъ не поможешь.

Не стыдно ли вамъ отнимать у насъ Віельгорскихъ? Впрочемъ берите ихъ. Катиша непремѣнно хочетъ ѣхать, вопреки всему семейству и своему безхарактерному мужу.

38.

24 Декабря.

Плѣнные, разсѣянные по всей Россіи, заносятъ всюду заразу, потому что сами они почти что чумные. Прислуга наша, пріѣхавшая изъ Высокаго, разсказываетъ, что по большой дорогѣ во многихъ деревняхъ есть дома, въ которые никто не смѣетъ входить; находящіеся въ нихъ умираютъ или оживаютъ, будучи оставлены на произволъ судьбы. Принцъ Ольденбургскій умеръ на третьи сутки.

Не могу выразить тебѣ, до чего меня растрогали нынче утромъ разсказы нашей бѣдной прислуги о всемъ, что она вытерпѣла съ конца Августа до конца Октября. Московскіе пожары и пожары въ деревняхъ, лежащихъ по Можайской дорогѣ, освѣщали Высокое въ теченіи трехъ недѣль такъ, что ночью тамъ было свѣтло какъ въ полдень. Въ теченіи мѣсяца, наши и крестьянскія вещи лежали въ телѣгахъ. Люди насушили сухарей и собирались скрыться въ лѣсъ, единственное надежное убѣжище отъ Французовъ. Непріятели были въ пятнадцати верстахъ отъ Высокаго. Рѣшительно чудомъ спасся этотъ милый уголокъ!

Съ истинной радостью думаю я, милый другъ, что намъ остается всего недѣля до новаго года. Уповаю на милосердіе Божіе и надѣюсь, что наступающій годъ не похожъ будетъ на тотъ, съ которымъ мы разстаемся.

Тамбовъ наполненъ плѣнными. Французы считаютъ понесенный ими разгромъ за поправимую неудачу. Поляки, зная какъ ихъ ненавидятъ у насъ, выдаютъ себя за Голландцевъ или за Нѣмцевъ. Жалки Испанцы и Португальцы: они на свободѣ и ежедневно приходятъ просить милостыни. Я съ ними говорила. Они Россію превозносятъ до небесъ, а Наполеона ненавидятъ и радуются его паденію. Между прочими тутъ есть одинъ генералъ Португальскій; съ нимъ было два сына, одного убили у него на глазахъ, другой пропалъ безъ вѣсти; да дома осталась у него семья, о которой онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ не имѣетъ извѣстій. Несчастный старикъ слова не можетъ сказать безъ слезъ. Сама

*) Сличи въ Р. Архивѣ 1866 г., стр. 705 и 729 въ письмахъ о 1812 годѣ А. Я. Булгакова. *П. Б.*

я ни одного генерала не видала и сержусь на тѣхъ, кто заговариваетъ съ Французами, отъ которыхъ дождешься лишь дерзостей. Когда ихъ отщелкаютъ, они тотчасъ осядутъ и становятся низкопоклонными. Прелестный характеръ, нечего сказать!

39.

31 Декабря.

Ты не поняла меня относительно взгляда моего на монашескую жизнь, милый другъ. Еслибы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то, живя въ уединеніи, мы приближались бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Но лучшія учрежденія искажаются подъ рукой человѣческой. Многое достойно осужденія въ жизни монаховъ, однако нѣкоторые изъ нихъ приносятъ пользу. Въ свѣтѣ же, посреди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Что бы ты мнѣ ни говорила, я все таки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ многихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствительность, напрашиваемся на разнаго рода непріятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутительна потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всѣхъ привязанностей. Между ними есть такія, которыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣдуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого либо болѣе чѣмъ Его Самого, но повелѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ.

Впрочемъ не бойся: пока я нужна кому либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастіе посвящать матушкѣ все мое время.

Цѣлую недѣлю мы возились съ крестьянами изъ Саратовскаго имѣнія, посланными отъ сельскаго міра. Весною отправимся въ Саратовъ, оттуда въ Сарепту къ Гернгутерамъ. Они всего въ 150 верстахъ отъ насъ. Нынче утромъ получили мы два письма отъ сестры изъ Минска. Она говоритъ, что у нихъ всѣ гошпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни полны больными, такъ что крестьяне убѣгаютъ въ лѣса и мертвыхъ оставляютъ безъ погребенія. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Да сохранитъ насъ Богъ отъ чумы! Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ тоже свирѣпствуютъ болѣзни, равно и въ Казани, гдѣ умеръ бѣдный князь Петръ Салтыковъ. Сегодня отправили къ вамъ партію плѣнныхъ Испанцевъ и Португальцевъ. Берегитесь, чтобы они васъ не зачумили. У насъ остались Поляки, Французы и Нѣмцы.

Вообрази: теперь открывается, что величайшія неистовства совершены были въ Москвѣ Нѣмцами и Поляками, а не Французами. Такъ говорятъ очевидцы, бывшіе въ Москвѣ въ теченіи шести ужасныхъ недѣль.

Я теперь ненавижу Растопчина и имѣю на то причины. О! ежели мы съ тобой когда нибудь увидимся, сколько мнѣ придется разсказать тебѣ. Мнѣ кажется, въ мѣсяцѣ всего не передашь

*

Письма эти извлечены изъ Французскихъ подлинниковъ, сохранившихся у дочери Варвары Ивановны Ланской, Анастасіи Сергѣевны Перфильевой. Писавшая ихъ, М. А. Волкова, дочь дѣйствител. тайн. совѣтника Аполлона Андреевича Волкова и Маргариты Александровны (ур. Кошелевой) скончалась въ дѣвицахъ въ 1859 году и похоронена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Высокими нравственными качествами пріобрѣла она уваженіе самаго императора Николая Павловича, который выслушивалъ ея правдивыя рѣчи и около 1839 г. вызывалъ ее къ себѣ въ гости въ Петербургъ, гдѣ приказалъ отвести ей помѣщеніе

въ зимнемъ дворцѣ и окружалъ вниманіемъ. М. А. Волкова не должна быть забыта въ историческихъ преданіяхъ, какъ благороднѣйшая представительница стариннаго Московскаго быта. Съ образомъ мыслей ея и со взглядомъ на событія 1812 года вполнѣ согласуются тѣ молитвы, которыя написалъ покойный митрополитъ Филаретъ для молебствія 25 Декабря, въ память изгнанія изъ Россіи Наполеона и его рабовъ. Великій церковный витія былъ въ этомъ случаѣ (какъ видно изъ вышенапечатанныхъ писемъ) лишь выразителемъ того, что̀ думало народное большинство, за одно съ лучшими своими представителями. Къ сожалѣнію, молебствіе это или „Послѣдованіе благодарственнаго и молебнаго пѣнія", дѣлается нынѣ уже достояніемъ исторической библіографіи; съ 1870 года печатается оно и потому отправляется не въ первоначальномъ, полномъ своемъ видѣ, и въ немъ опущено напр. слѣдующее мѣсто: „Оставихомъ путь правды Твоея и ходихомъ въ воляхъ сердецъ нашихъ и не искусихомъ имѣти въ разумѣ и сердцѣ Тебе, Бога разумовъ и сердецъ, еще же и отеческая преданія ни во что же вмѣнивше, прогнѣвахомъ Тя" и пр. Вѣроятно это произошло въ новѣйшемъ изданіи „Послѣдованія" по типографскому недосмотру.

Письма М. А. Волковой напоминаютъ собою извѣстный отрывокъ Пушкина: „Рославлевъ." Не ее ли, можетъ быть, и имѣлъ въ виду поэтъ, и не отъ нея ли такъ искусно собралъ бытовыя черты 1812 года? *П. Б.*

ПОЯСНЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ: „МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ".

Достоуважаемый нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ почтилъ нашу статью о Мининѣ и Пожарскомъ (напечатанную въ Русскомъ Архивѣ этого года) подробнымъ и внимательнымъ разсмотрѣніемъ*). Это вызываетъ въ насъ тѣмъ бо̀льшую и тѣмъ живѣйшую признательность, что исторія Смутнаго Времени, въ дѣйствительности, требуетъ всесторонней перевѣрки и самыхъ подробныхъ и точныхъ изысканій, такъ что всякое новое слово по этому поводу получаетъ вѣсъ и силу и неизмѣнно служитъ спутникомъ къ открытію исторической истины. Наши взгляды на эпоху, по выраженію уважаемаго историка, діаметрально-противоположны. Но между ними находится истина, къ которой иначе невозможно приблизиться, какъ послѣ многихъ и долгихъ разбирательствъ, объясненій и поясненій, если и проводимыхъ иногда съ обѣихъ сторонъ съ излишнею настойчивостію и даже съ нѣкоторою запальчивостью (въ чемъ однако выражается только неминуемое свойство всякаго спора быть живымъ отголоскомъ живыхъ же людей), за то всегда способныхъ въ бо̀льшей или меньшей степени раскрыть предъ читателемъ, какая изъ сторонъ наиболѣе достигаетъ желанной истины. Вотъ почему мы почитаемъ долгомъ и съ своей стороны представить нѣсколько поясненій къ тѣмъ соображеніямъ и фактамъ, ка-

*) Въ статьѣ: Кто виноватъ въ Смутномъ Времени? (Вѣстникъ Европы, Сентябрь, 1872 г.)

кими руководились, объясняя Смуту —этотъ любопытнѣйшій эпизодъ нашей Исторіи.

*

Достоуважаемый историкъ не находитъ правильнымъ нашъ взглядъ, что Смута начала XVII ст. порождена и распространена на всю Землю боярствомъ и вообще служилымъ сословіемъ, и что, напротивъ, неслужилое сословіе, коренное Земство, народъ, не только не участвовалъ въ сочиненіи и распространеніи Смуты, но, крѣпкій и здоровый нравственно, въ полной мѣрѣ испытавши, что̀ значитъ государственная безурядица, поднялся наконецъ, угасилъ Смуту и спасъ отечество, т. е. собственными силами и средствами совершилъ великій государственный подвигъ. Уважаемый историкъ отмѣчаетъ, что „такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и какъ будто показываетъ, что тѣ и другіе были людьми инаго племени, языка, словно Турки и Греки въ Оттоманской имперіи или какіе-нибудь Остъ-Готы, либо Лонгобарды съ одной стороны и Римляне съ другой въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся (продолжаетъ онъ) въ возможности такого раздвоенія въ Русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые *казались бы* враждебными и *какъ бы* разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ". Затѣмъ историкъ тщательно доказываетъ, что если и были на той и другой сторонѣ свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ, что родовитые и служилые были тоже Русскіе и имѣли съ народомъ одни нравы, одинакія понятія, одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, одни пороки и т. д.

Надѣемся, что за чужую фантазію мы не отвѣтчики, и приводимыя историкомъ выраженія (*какъ будто, какъ бы*) освобождаютъ насъ вполнѣ отъ доказательствъ, что въ нашей статьѣ ничего мы не говорили о воображаемомъ какъ бы разноплеменномъ раздвоеніи служилыхъ и неслужилыхъ.

Надѣемся также, что еслибъ мы стали „задаваться мыслію отыскивать *вездѣ* враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ", еслибъ въ самомъ дѣлѣ задали себѣ спеціальную задачу „накладывать какъ можно болѣе чер-„ноты на бояръ и служилое сословіе, „и какъ можно болѣе въ привлека-„тельномъ видѣ изображать своего Си-„роту-народъ", какъ свидѣтельствуетъ уважаемый историкъ (стр. 11, 16) то намъ вовсе не было бы нужды прибѣгать къ фантастическимъ преувеличиваніямъ. Обставленное надлежащими неоспоримыми фактами одностороннее разрѣшеніе такой задачи постояло бы само за себя. Только стоитъ попасть на одну какую либо точку зрѣнія и направить свои соображенія по одной какой либо линіи, то самый строгій умъ, безъ всякой помощи фантазіи, всегда можетъ придти къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Изъ всѣхъ наукъ Исторія—наука самая гостепріимная и благодарная въ этомъ отношеніи. Она широко растворяетъ двери своего храма всякому приходящему, и на столько же тому, кто съ великою ученостью усердно изучаетъ и обработываетъ ея необозримый матеріалъ, какъ и тому, кто съ познаніями краткаго учебника вчера только прочелъ какую либо историческую статью. Въ ея гостепріимномъ храмѣ всѣмъ свободно; въ немъ всякій чувствуетъ себя какъ дòма, всякій и обо всемъ свободно и беззастѣнчиво мыслитъ, обо всемъ свободно

и беззастѣнчиво судитъ и рядитъ по той именно причинѣ, что Исторія занимается разслѣдованіемъ и изображеніемъ человѣческихъ дѣлъ, а въ человѣческихъ дѣлахъ всякій человѣкъ полноправный и вполнѣ независимый судья и рѣшитель. Отъ этой же причины Исторія, какъ наука, до сихъ поръ не могла выработать себѣ своей собственной ученой техники, если можно такъ сказать. Она еще не выработала своихъ условныхъ знаковъ и именъ, для обозначенія своихъ непогрѣшимыхъ истинъ, такихъ знаковъ и именъ, при указаніи которыхъ всѣ были бы согласны, что обозначаютъ они именно только тотъ смыслъ, какой разумѣетъ въ нихъ наука. Во всякой другой наукѣ вновь приходящій всегда чувствуетъ тѣсноту и неловкость, пока не освоится съ ея началами и съ ея техническимъ языкомъ. Какъ я могу разсуждать съ толкомъ въ Физикѣ, Химіи, Астрономіи, въ наукахъ естественныхъ, юридическихъ, филологическихъ, математическихъ, когда не знаю ни ихъ техники, ни ихъ основаній? Съ первыхъ же словъ я долженъ буду сознаться въ своемъ невѣдѣніи и замолчать. Какъ я могу разсуждать хотябы о дробяхъ въ Ариѳметикѣ, если напередъ не узнаю хорошо, что̀ значатъ числитель и что̀ знаменатель? и т. п. Но за то, пріобрѣтая технику такой науки, всякій тотчасъ убѣдится, что дознанныя въ ней истины для всѣхъ ясны и точны и никакъ не могутъ возбуждать даже и малѣйшихъ недоразумѣній и споровъ. Какъ скоро скажутъ: числитель, знаменатель, то эти имена во всѣхъ умахъ изобразятъ одно и тоже безспорное понятіе.

Совсѣмъ другое происходитъ въ ученомъ храмѣ Исторіи, по крайней мѣрѣ у насъ. Здѣсь нѣтъ такихъ техническихъ именъ, которыя нельзя было бы съ той или съ другой стороны подвергнуть спору. Здѣсь все шатко и валко, и все можно погнуть на сторону. Казалось бы, что такія общія слова какъ—народъ, общество, государство, свобода и т. п., по безпрестанному употребленію въ историческихъ сочиненіяхъ, давно уже стали техническими и потому для всѣхъ и каждаго ясными и понятными; а выходитъ, что они-то больше всего и возбуждаютъ толки, споры, пререканія и именно о томъ, какая истина должна въ нихъ заключаться. Они-то больше всего и вносятъ непроходимую путаницу понятій въ историческія возрѣнія на историческія личности и событія. Не говоримъ о словахъ частнаго значенія и смысла, въ родѣ словъ: дружина, бояринъ, казакъ и т. д. И тѣ еще далеко не уяснены и не опредѣлены окончательно и подаютъ нерѣдко поводъ растягивать ихъ смыслъ въ любую сторону. Вотъ почему изъ историческаго матеріала, при извѣстной сноровкѣ, очень легко вырабатывать какія угодно положенія и доказательства, и вотъ почему историческія сочиненія всегда могутъ возбуждать самыя разнообразныя недоразумѣнія и слѣдовательно безконечныя пререканія и споры.

Есть, однако, въ Исторіи великая сила, которая настойчиво противится этой собственной же способности и наклонности Исторіи, какъ искусства, превращаться время отъ времени въ одно лишь приманчивое и заманчивое, не рѣдко даже художественное сплетеніе фантазій, басенъ, сказокъ, легендъ и т. п. Эта сила называется критикою, не въ смыслѣ той критики, какая въ обычномъ понятіи ограничивается только значеніемъ слова *осуждать* или *огуждать* (какъ еще

до сихъ поръ нѣкоторые её разумѣютъ), а въ смыслѣ особой науки или особаго искусства правильно и разборчиво сомнѣваться, правильно и разборчиво разчленять и раздроблять для повѣрки не только свидѣтельства, но и самыя понятія, заключащіяся въ тѣхъ или другихъ словахъ; вообще въ смыслѣ той судительной силы ума, которая вѣруетъ въ одну только истину, изыскиваетъ только одну истину, а потому не принимаетъ никакихъ свидѣтельствъ безъ строгой и самой разборчивой, такъ сказать, истязательной повѣрки.

Но, къ великому сожалѣнію, должно согласиться, что эта сила Исторіи, составляющая существенное и прямо научное ея основаніе, не весьма распространена даже и между спеціалистами, которые точно также, какъ и профаны, очень рѣдко прибѣгаютъ къ искусству правильно и разборчиво сомнѣваться и по большой части добываютъ свои выводы такимъ порядкомъ умозаключеній, какой употребителенъ только въ обыкновенныхъ житейскихъ такъ называемыхъ *пересудахъ*. Ясно, что и съ этой стороны не заперты двери къ смѣлымъ и рѣшительнымъ упражненіямъ выдѣлывать изъ историческаго матеріала самыя замысловатыя фигуры.

Вовсе не задаваясь спеціальною мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ и накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, мы старались только возстановить очень простой и естественный фактъ, что въ Смутное Время Русскій материкъ-народъ, какъ политическое цѣлое, въ общей бытовой и государственной раздѣльности, состоялъ изъ трехъ пластовъ (богомольцы, холопы, сироты), что эти пласты отдѣлялись другъ отъ друга существомъ и характеромъ своихъ интересовъ и задачь жизни; что вслѣдствіе особаго характера дружинныхъ или вообще служилыхъ интересовъ, дружина искони производила въ Землѣ смуты и, затѣмъ, хотя и превратившись изъ друзей въ холоповъ, но нисколько не измѣняя своей старинѣ, она же произвела Смуту и въ началѣ XVII ст. Мы можемъ сказать больше. Мы скажемъ, что по тѣмъ началамъ или истокамъ жизни, какіе скрывались въ нѣдрахъ дружиннаго сословія, это сословіе неизмѣнно должно было произвести общую Смуту, точно такъ, какъ крестьянское и посадское сословіе, согласуясь съ своими началами и истоками жизни, тоже неизмѣнно должно было унять Смуту и успокоить государство всемірнымъ избраніемъ Государя. И то, и другое обстоятельство являлось только непреложнымъ историческимъ выводомъ изъ множества историческихъ жизненныхъ посылокъ. И приводили къ этому не враждебные, а лишь противоположные интересы, которые, разумѣется, если съ какой либо стороны переходили за свои предѣлы, то, конечно, очень нерѣдко становились и враждебными.

Если смотрѣть на исторію нашихъ сословныхъ отношеній съ одной только политической точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ уважаемый историкъ, то мы ничего политически-особнаго тамъ не увидимъ, кромѣ сплошной массы одинакихъ условій жизни, одинакихъ нравовъ, понятій, добродѣтелей, пороковъ и т. д. Но перейдя на точку зрѣнія экономическую, мы тотчасъ можемъ разглядѣть, пожалуй, нѣчто въ родѣ Турокъ и Грековъ, Остъ-готовъ и Римлянъ. Одною политикою исторію народа объяснить невозмож-

но. Она несравненно лучше и точнѣе объясняется культурою, въ которой экономическимъ интересамъ принадлежитъ чуть не первое мѣсто.

Наши народные пласты еще точнѣе можно разсматривать только въ двухъ видахъ: пластъ верхній или *служилый*, кормовой, который за свою службу, сначала исключительно военную, кормился отъ Земли. Другой пластъ—нижній, черный, сирота и въ тоже время *кормилецъ*. Экономическою жизненною задачею служилаго пласта было право кормить себя на счетъ Земли, стало быть собирать дани и пошлины, *брать* кормленье за все и про все. Такою же жизненною задачею для сиротскаго пласта была обязанность *давать* кормленье —дани, дары, уроки, оброки и т. д., *давать* за все и про все. Брать и давать, конечно, интересы значительно противоположные.

Служилый пластъ, имѣя въ рукахъ право, правду суда и защиты внутренней и внѣшней, правилъ землею, управлялъ, что̀ значило также владѣть, властвовать, откуда и названіе волости, какъ опредѣленнаго мѣста для дѣятельности этого права. Мы хорошо не знаемъ, что̀ было до пришествія Варяговъ; но видимо, что Варяги были нарочно выписаны изъ заморя, дабы крѣпче и прочнѣе утвердить владѣнье, управленье, чтобъ оно не шаталось ни на ту, ни на другую сторону. Сироты усердно давали за все и про все, лишь была бы въ Землѣ защита и безопасность. Для того они и призвали новыхъ властителей. Съ властителями пришла *дружина*, разные Карлы, Фарлофы, Веремуды, Вуефасты и пр., которые сѣли по городамъ и соединились съ Русскою дружиною, каковая по всѣмъ вѣроятіямъ тоже существовала. Лѣтъ черезъ сто они сами сдѣлались совсѣмъ Русскими и стали прозываться Ратиборами, Остроміромами, Радославами, Мирославами, Жирославами и т. д. Уже одно прибавленіе къ личному имени выраженія *славъ*, показываетъ, что это были *славные* люди, въ смыслѣ отличныхъ, передовыхъ дѣятелей страны, въ смыслѣ архонтовъ и аристократовъ. Если дружина и впослѣдствіи пополнялась всякими добрыми и храбрыми людьми, приходившими служить князьямъ съ разныхъ сторонъ, какъ отъ Русскихъ, такъ и отъ иноземныхъ, то понятно, что ея роды и люди несовсѣмъ были браты сиротамъ-туземцамъ, у которыхъ они оставались дружинничать и на которыхъ смотрѣли больше всего, какъ на средство своего кормленья, оберегая (въ интересѣ того же кормленья) своихъ и безъ пощады раззоряя (все для того же кормленья) чужихъ. На этомъ, намъ кажется, держалась вся исторія дружинныхъ отношеній.

Однако со стороны дружины никакой вражды къ сиротамъ быть не могло. Кому придетъ въ голову враждовать противъ своего же хлѣба! Она всегда смотрѣла на нихъ, какъ на лакомый или вообще какъ на питательный кусокъ, который можно было объѣдать во всякое время. Другое дѣло со стороны сиротъ. Имъ иной разъ приходилось не-въ-терпѣжъ, и они вставали и производили всякія варварства, начиная со времени Древлянъ и оканчивая самыми поздними событіями въ томъ же родѣ. Вражды политической никогда никакой не было, развѣ въ эпоху перваго покоренія племенъ. Но вражда экономическая не угасала въ теченіе всей Исторіи. Вотъ что̀ необходимо различить, и смѣшеніе понятій въ томъ и за-

ключается, что, упуская совсѣмъ изъ виду экономическія условія быта, мы въ каждой избѣ желаемъ находить только политику, а въ ней, кромѣ куска хлѣба, добытаго проливнымъ пóтомъ, никогда и никакой политики не было. За этотъ-то кусокъ хлѣба Сирота, доведенный иной разъ до-зелà, и производилъ неслыханныя варварства.

Экономическія затрудненія народа происходятъ отъ различія и противоположности экономическихъ же началъ, вошедшихъ въ его жизнь. Мы указали, что экономическимъ началомъ дружиннаго быта было право кормиться, а коренное земство стояло на обязанности кормить. Отсюда неизбѣжная борьба интересовъ — одному больше взять, другому меньше дать, причемъ самый судъ и защита находились въ рукахъ тогоже, кто больше бралъ. Вотъ отчего народъ и сталъ прозываться Сиротою, какъ лишенный необходимой точки опоры.

Существуетъ также чуть не физіологическій законъ, что когда человѣкъ или цѣлый порядокъ людей поставленъ въ условія жить на чужой счетъ, поставленъ въ необходимость брать дани, дары и т. п., то въ немъ, по естествéннымъ причинамъ, развивается мало по малу безграничная алчность и жадность, съ родною ихъ сестрою—зàвистью къ чужимъ выгодамъ. Дружина перваго Игоря, собравши съ Древлянъ обычную дань, затребовала у князя новаго похода къ нимъ же, указывая, что „вотъ Свѣнельдовы отроки разодѣлись оружіемъ и портами, а мы наги; пойдемъ съ нами опять за данью къ Древлянамъ, да и ты добудешь, и мы!" Этотъ одинъ примѣръ въ полной мѣрѣ рисуетъ и всю послѣдующую исторію дружины, рисуетъ ея отношенія къ князю—наводить его на новыя дани и кормленья, и отношенія другъ къ другу, къ другой сторонней дружинѣ—не уступать ей въ пріобрѣтеніи богатства. „Сама князя млада суща, слушая бояръ, а бояре учахуть на многая иманья," отзывается о дѣйствіяхъ дружины даже и XII вѣкъ.

Здѣсь намъ необходимо сдѣлать поясненіе на счетъ самаго слова дружина. Достоуважаемый историкъ упрекаетъ насъ въ смѣшеніи понятій, что, употребляя слово „дружина", мы не обратили вниманія на обширность его значенія. „Задавшись мыслію отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщинѣ, говоритъ онъ, можно и не обратить вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ дружиною разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкомъ, въ значеніи кружка людей вліятельныхъ или благопріятствующихъ", т. е. говоря однимъ словомъ, въ значеніи кружка друзей. Слѣдуютъ доказательства и между прочимъ, что у св. Владиміра, когда онъ засѣдалъ въ думѣ съ дружиною, находились и епископы, которые стало быть тоже принадлежали къ дружинѣ. „Такимъ образомъ (продолжаетъ авторъ), самое слово дружина на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, чтò подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ *осторожно* приступать къ какимъ бы то ни было выводамъ по этому вопросу", заключаетъ уважаемый историкъ (стр. 12). Очень понятно также, замѣтимъ и мы, что намъ вовсе не было никакой надобности вдаваться въ особенныя разысканія о словѣ дружина и растягивать его смыслъ до нѣта, до-

казывая, что оно и еще имѣло множество значеній, что напр. и монашествующая братія и даже мужняя жена назывались тоже дружиною и т. д. Мы бесѣдовали объ историческомъ значеніи сословія, и потому для насъ достаточно было знать, что лѣтописи въ словѣ дружина главнымъ образомъ разумѣютъ сословіе военное, которое за одно съ княземъ владѣло и управляло Землею, кормилось земскою данью; что въ тѣсномъ смыслѣ это слово означало бояръ, дружину старшую, а въ пространномъ всѣхъ воиновъ. Такое значеніе этого слова въ наукѣ Русской Исторіи сдѣлалось уже какъ бы техническимъ, и потому, не вдаваясь въ его археологію, мы остановились только на его спеціальномъ, историческомъ смыслѣ.

Напрасно также достоуважаемый историкъ находитъ у насъ и другое смѣшеніе понятій, относительно слова бояринъ. Онъ говоритъ: „Не слѣдуетъ смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ тоже время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали Землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ *земскихъ аристократовъ*“. О такихъ земскихъ аристократахъ мы встрѣчали указанія и въ статьяхъ г. Бѣляева, но не придавали этому большаго значенія, такъ какъ мало ли какихъ фантазій встрѣчается въ измышленіяхъ о Русской исторіи. На основаніи всѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и всѣхъ изслѣдованій, чуждыхъ подобнымъ измышленіямъ, не возможно утверждать, что бояринъ, оставаясь бояриномъ, могъ и не быть дружинникомъ. Такого боярина древняя Русь не видывала, а потому и поздняя Русь никогда не давала этого имени даже и такимъ земскимъ аристократамъ, каковы были напр. Строгановы или Вятскіе и другіе богатые земцы. Она именемъ боярина всегда обозначала только передоваго дружинника и никого болѣе. Что были бояре въ Новгородѣ, во Псковѣ и во многихъ другихъ городахъ, управлявшихся иногда безъ князя, это доказываетъ лишь то, что въ городахъ (и отнюдь не въ селахъ) жила дружина, что города были гнѣздами дружины, что и строились они собственно для дружины, хотя принимали въ себя и торговое и промышленное населеніе, но въ коренномъ значеніи, относительно этого населенія, все таки больше всего походили на Гоголевское губернское правленіе, обстроенное домами. Поэтому оставался ли князь въ городѣ или уходилъ изъ него, съ дружиною или безъ дружины, временно или навсегда, являясь только по призыву,—въ городѣ все таки оставалась дружина; ибо городъ безъ дружины существовать не могъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ и дружина не могла существовать безъ князя и готова была отыскивать его даже за моремъ, какъ Новгородцы грозили древнему Святославу и какъ они вѣрны были этому обычаю въ теченіи всей своей исторіи. Для чего имъ нуженъ былъ князь? Настоящее земство, въ родѣ Вятки, обходилось же до конца своей исторіи безъ князя. Но Новгороду необходимъ былъ князь, какъ главный дружинникъ, по

той причинѣ, что владѣющая среда въ Новгородѣ составилась изъ дружины, т. е. изъ военнаго сословія, пришедшаго туда съ княземъ во главѣ. Князь былъ надобенъ по особому мятежному характеру дружинныхъ отношеній; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, когда при войскѣ не было князя, то *боярина* не всѣ слушали. Это вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и мѣсто, какое занималъ бояринъ посреди дружины. Итакъ, дружина безъ князя, а городъ безъ дружины существовать не могли. Городъ въ древнемъ смыслѣ означалъ именно дружину, которая всегда и дѣйствовала подъ именемъ Кіевлянъ, Черниговцевъ, Переяславцевъ и т. д. Городъ владѣлъ своею волостью, своимъ княжествомъ; это значитъ, что владѣлъ волостью и княжествомъ не кто иной, какъ таже дружина, особенно первая, старшая, бояре. Такимъ образомъ каждый бояринъ былъ прежде всего дружинникъ, но отнюдь не *земскій* аристократъ, отнюдь не крупный землевладѣлецъ изъ сельскихъ или посадскихъ мужиковъ. Такой землевладѣлецъ никогда не могъ называться бояриномъ по той причинѣ, что въ то время пустыхъ титуловъ еще не существовало и каждое обозначеніе лица прямо и непосредственно указывало на его спеціальное значеніе и назначеніе, на его родъ должности или занятія. Бояринъ былъ воевода, передовой ратникъ, водитель ратныхъ, зачинатель битвы и боя, отъ котораго слова по всему вѣроятію произошло и его прозваніе, какъ обозначеніе боевой спеціальности лица. Земскій мужикъ, сколько бы ни былъ онъ богатъ, чтобы получить санъ и имя боярина, долженъ былъ напередъ всего пріобрѣсти эту честь впереди ратныхъ, на боевомъ полѣ. Въ такомъ случаѣ онъ естественно уже становился дружинникомъ, ибо особой земской рати, отдѣльной отъ дружины, въ древней Руси не существовало. Мы нисколько не отрицаемъ того, что богатыри бывали и изъ мужиковъ и вообще изъ земскихъ людей; но какъ скоро они становились впереди рати, прославляли себя дружинными подвигами, ставили военное дѣло спеціальностію своей жизни, то неизмѣнно и поступали въ составъ дружины и неизмѣнно должны были служить ея жизненнымъ цѣлямъ и задачамъ. Ихъ интересы неизмѣнно отходили на противоположную сторону отъ земскихъ интересовъ.

Само собою разумѣется, что каждое жизненное начало всегда выводитъ къ дѣятельности и свои особые нравы, т. е. свои особые спеціальные добродѣтели и пороки, которые никакъ не должно смѣшивать вообще съ христіанскими или общечеловѣческими, такъ сказать генеральными, добродѣтелями и пороками. Добрый человѣкъ значитъ одно, добрый князь совсѣмъ другое, добрый дружинникъ — третье и т. д.

Мы сказали, что жизненнымъ началомъ дружины было право кормить себя на счетъ земли. Кормить себя можно было хорошо и худо, въ довольствѣ или бѣдно, только, какъ говорится, въ обрѣзъ. Кто добывалъ себѣ хорошее кормленіе, ясно, что, въ глазахъ дружины, тотъ былъ хорошій человѣкъ.

Но что это значило, добывать себѣ хорошее кормленье? Это значило — изыскивать случаи, поводы, средства дабы овладѣть новою данью или новою лучшею волостью, слѣдов. за все и про все начинать *брань*, *рать*, ходить другъ на друга войною, отнимать другъ у друга волости, поло-

нить, опустошать, жечь чужую волость, уводить населеніе изъ чужой волости въ плѣнъ въ свою волость, какъ напр. Всеславъ Полоцкій однажды завелъ къ себѣ изъ Новгородской области цѣлый *погостъ*, т. е. цѣлый округъ населенія; вообще грабить не только волостныхъ жителей или горожанъ, но обдирать и церкви, какъ тотъ же Всеславъ ободралъ Новгородскую Софію, какъ ободрала Кіевская дружина Владимірскую Богородицу (1176 г.) и т. д.

Дружинники въ этихъ походахъ отличались храбростью, отвагою и всякими военными добродѣтелями, за что имъ пѣлась слава до вѣку, а князья чтили ихъ доблести до позднѣйшаго колѣна. Честь своему роду и доброе имя себѣ самому пріобрѣтались только впереди рати съ храбрыми, гдѣ всегда и пребывали эти *славы*, эти славные люди. И конечно, и между дружиною, какъ и у князя, добрымъ дружинникомъ бывалъ тотъ, кто много пота утиралъ, добывая князю и себѣ, т. е. и всей дружинѣ, хорошее кормленье. А для Земли эти дружинныя добродѣтели значили, что она даже и страшныя физическія бѣдствія, желая выразить степень произведеннаго ими опустошенія, уподобляла опустошеніямъ отъ ратныхъ. „Бысть буря велика (въ 1143. г.) ака же не была николиже (говоритъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ) разноси хоромы, и товаръ (имущество), и клѣти, и жито изъ гуменъ и *просто рещи, яко рать взяла*, и не остася у клѣтехъ ничтоже.“

Для Земли эта рать, гремѣвшая по всѣмъ ея угламъ цѣлыя столѣтія, означала: напрасное истребленіе цѣлыхъ поколѣній, всеобщую бѣдность, полнѣйшее отсутствіе безопасности, а отсюда полнѣйшее равнодушіе къ улучшенію своего быта во всѣхъ его видахъ, полнѣйшее равнодушіе даже къ жизни, и т. д., всѣ тѣ невзгоды, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, выросли различныя достойныя сожалѣнія черты народнаго характера, надъ коими теперь иные весело посмѣиваются, другіе искренно плачутъ.

Идеалы дружинныхъ добродѣтелей, какъ и нача́ла самой дружинной жизни скрывались въ дѣятельности первыхъ князей, собравшихъ или отыскавшихъ съ великимъ трудомъ Землю для новаго государства. Этотъ великій трудъ очертилъ и идеальные характеры добраго князя, какъ и добраго дружинника, тѣ характеры, которые остались надолго образцами въ жизни цѣлаго ряда поколѣній. Существенною чертою такого характера была беззавѣтная храбрость и отвага въ захватѣ чужихъ земель, новыхъ даней, новыхъ кормленій, беззавѣтная храбрость грабежа въ переводѣ на простое и болѣе сжатое понятіе. Герои метались во всѣ стороны, во всѣ углы земли, отвоевывая, примучивая дани, покоряя сосѣднія племена. Въ интересахъ созданія новаго народнаго общества или государства, это былъ въ дѣйствительности героизмъ, и люди этого великаго труда по справедливости именуются героями. Ихъ жизнь была историческимъ подвигомъ, имѣла великій историческій смыслъ и великое значеніе для потомства. Но, по ходу исторіи и народнаго развитія, сплошь да рядомъ бываетъ такъ, что добродѣтели и героизмъ дѣдовъ и отцовъ, оставаясь и во внукахъ, оказываются никуда негодными и даже положительно вредными; ибо историческія обстоятельства съ каждымъ вѣкомъ измѣняются и требуютъ новыхъ добродѣтелей и новаго героизма. Однако, по закону нравственной

косности и нравственнаго застоя, которому также всегда подвергается народное развитіе, старыя добродѣтели живутъ очень долго и очень долго заправляютъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Такъ случилось и въ нашей исторіи. Послѣ первыхъ двухъ сотъ лѣтъ крѣпкаго и здороваго движенія упомянутыхъ добродѣтелей, мы прожили еще четыреста лѣтъ съ тѣми же добродѣтелями, сохраняя ихъ, какъ непреложный завѣтъ дѣдовъ и отцовъ, и вовсе забывая, что историческія обстоятельства совсѣмъ уже измѣнились, что собранная Земля была уже христіанскимъ обществомъ и требовала если не государственнаго, то общественнаго устройства, а не военныхъ походовъ по ней вдоль и поперекъ за пріискомъ волостей и даней.

Но что же намъ было дѣлать съ старыми добродѣтелями, которыя составляли нашъ нравственный капиталъ, нажитый дѣдами и отцами? Куда было ихъ дѣвать, эти добродѣтели? Весь служилый отрядъ народа, начиная съ волостнаго князя, объ нихъ только и помнилъ, на нихъ только и воспитывалъ себя, да въ добавокъ, что̀ важнѣе всего, одними ими только и могъ существовать въ своемъ экономическомъ быту. Какъ въ первыя столѣтія князья и дружина ими кормились, такъ и теперь они же одни доставляли кормленіе, и хорошее и худое. Вотъ почему по прежнему и въ XI, и въ XII, и въ XIII, и въ XIV столѣтіяхъ въ дружинномъ отрядѣ народа остается таже задача жизни—доставать всѣми способами хорошее кормленіе, искать волостей, ***волоститься***, т. е. зачинать ссоры, споры, войны изъ за волостей, изъ за власти надъ волостями или землями. Первичные идеалы жизни не только не угасаютъ, но даже образуютъ изъ себя какъ бы особую практическую философію, нравственное ученіе, которому добрые князья, если хотѣли быть добрыми, должны были неизмѣнно слѣдовать и всегда слѣдовали, получая за то назидательныя для потомства загробныя похвалы отъ лѣтописцевъ. По завѣту св. Владиміра, что дружину должно любить паче золота и серебра, ибо золотомъ и серебромъ дружины не добудешь, а лишь дружиною добывается золото и серебро, по этому завѣту распространяется дружинное ученіе, которое становится убѣжденіемъ цѣлыхъ вѣковъ, что князь долженъ дружину любить и беречь выше всего и ничего не долженъ жалѣть для своей дружины, не собирать имѣнія себѣ, а все отдавать дружинѣ. Это и почитается высотою добрыхъ качествъ самаго добраго князя, который любя дружину, „злата (себѣ) не сбирашеть, имѣнія (своего) не щадяшеть, но даяшеть дружинѣ; имѣяше дружину, имѣнья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружинѣ...." Кто же распространялъ такое ученіе и вперялъ его въ умъ добрымъ князьямъ? Конечно, не сироты-земледѣльцы и не посадскіе, проливавшіе потъ, дабы только доставить и свое зерно, и свою деньгу во многое имѣнье князя. Извѣстный Данила Заточеникъ, въ своемъ моленіи къ посадившему его въ затокъ князю, рисуетъ эти дружинныя идеи слѣдующимъ образомъ: „Какъ паволока, многими шелками испестренная, красивое лице являетъ, такъ и ты, нашъ князь, многими человѣки (дружинниками) славенъ и честенъ явись во всѣхъ странахъ. Какъ неводъ не удерживаетъ воды, а забираетъ только множество рыбъ, такъ и ты, нашъ князь, не ***удерживай бо-***

гатства, но раздавай сильнымъ(!), совокупляй храбрыхъ, — *злата бо и градовъ тьмъ добудешь*! Такъ Езекій, царь Израилевъ, похваляясь передъ послами царя Вавилонскаго, показалъ имъ множество своего золота, а послы отвѣчали: наши цари богатѣе тебя, не множествомъ золота, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ". Обрисовывая вообще значеніе дружины для князя, Заточеникъ говоритъ между прочимъ: „Не море топитъ корабли, но вѣтры; такъ и князь, не самъ впадаетъ во многія злыя вещи, но думцы вводятъ. Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцемъ думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ!" Въ этихъ немногихъ словахъ сказано все для характеристики дружинныхъ отношеній. Золото, городъ, высокій столъ, старшая, богатая, могущественная волость или старшее княженье— вотъ дружинные идеалы, которымъ служатъ дружинныя поколѣнія цѣлые вѣка. Цѣлые вѣка проходятъ въ исканіи другъ у друга волостей, такъ что вырабатывается даже особый терминъ для обозначенія такого рода дѣятельности, упомянутый уже глаголъ *волоститься*. Управленіе Землей, ея устройство разнесено было розно, на мелкія части; части терзали, рвали другъ друга на новыя части, и сильная вначалѣ Земля, отъ которой всѣ сосѣднія страны трепетали, теперь едва-едва справляется съ Половцами, съ Нѣмцами, и совсѣмъ является безсильною при нашествіи Татаръ.

Взваливать весь грѣхъ такого порядка на однихъ лишь князей, какъ это до сихъ поръ представляется въ Исторіи, мы не имѣемъ основаній, по той причинѣ, что если лѣтописцы и приписываютъ поле дѣйствій исключительно князьямъ и только ихъ именами обозначаютъ движенія волостныхъ интересовъ, то тѣже лѣтописцы объясняютъ, что князь безъ дружины ничего предпринять не могъ, а если что и начиналъ безъ ея думы, то дружина его покидала, оставляла одного. „Ты о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали!" Вообще сами же лѣтописцы до точности объясняютъ, что князь безъ дружины, да и дружина безъ князя жить не могли, и князь, давая отвѣтъ на приведенное возраженіе дружины, грозитъ только перемѣнить лица, изъ дѣтскихъ, т. е. изъ младшей дружины сдѣлать тѣхъ же бояръ; но онъ не мыслитъ, чтобы возможно было существовать безъ дружины. И дѣтскіе, сдѣлавшись боярами, конечно стали бы поступать тоже по боярски, т. е. ограничивать волю князя своею думою. Изученіе дружинныхъ отношеній во всей ихъ совокупности необходимо приводитъ къ тому заключенію, что всѣми дѣйствіями князей управляла дружинная дума, что въ большинствѣ случаевъ князь является только козломъ-грѣхоносцемъ, такъ какъ всѣ кровавыя дѣла обозначаются лишь его именемъ, что слѣдоват. грѣхъ многовѣковыхъ смутъ и усобицъ коренился главнымъ образомъ не въ князьяхъ, а именно въ дружинѣ. Къ тому же очень много путаетъ наши понятія и то обстоятельство, что мы смотримъ на волостныхъ князей, какъ на самостоятельныхъ, независимыхъ владѣтелей въ родѣ князей первой эпохи, или въ родѣ Московскихъ государей, а въ сущности это были только первые дружинники: не болѣе, какъ предводители своихъ дружинъ. Вся исторія между-княжескихъ дѣлъ указываетъ, что по смерти Ярослава полемъ дѣйствія овладѣла дружина. Она сдѣла-

лась водительницею своихъ князей на добро и на зло. Въ интересахъ кормленья она *вабила*, подманивала своихъ князей, какъ вабятъ подманиваютъ соколовъ на хищничество и на многое иманье, и князья стали дѣйствительно какъ бы ловчими птицами, которыхъ дружина носила на рукахъ и спускала при первомъ случаѣ за добычею.

Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, и хорошее и худое въ исторіи князей принадлежитъ столько же и дружинѣ, сколько князьямъ. Она достославно, съ безграничною храбростью, теряла свои головы въ защитѣ родной земли отъ хищныхъ сосѣдей; но она же безславно предъ лицемъ Исторіи терзала свою родную землю княжескими смутами и усобицами, разрознила ея общіе интересы на мелкія своекорыстныя доли, въ которыхъ только по особому смѣшенію понятій можно находить какой-то федеративный строй Земли, какую-то федерацію особыхъ народцевъ или особыхъ племенъ, когда у одного и того же народца или племени сидѣло на плечахъ по нѣсколько особыхъ княжествъ, имѣвшихъ каждое особую дружину и дававшихъ каждое особое кормленіе и князю и этой дружинѣ. Это былъ не болѣе, какъ широкій разгулъ надъ Землею княжескаго и дружиннаго самоволія и самовластія, отъ котораго всего больше страдали конечно не тѣ, кто искалъ и находилъ волости для своего кормленія, собиралъ дани и пошлины, а только тѣ, кто обязанъ былъ давать и давать, да сверхъ того переживать еще періодическія разоренія и опустошенія, испытывать весь точный смыслъ лѣтописныхъ словъ: „людей плѣнующе, сѣкуще и села жгуще... села пожгоша и жита попосоша (потравиша)... села взяша и пожгоша и люди изсѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша, и скоты поимаша....“ Не въ облакахъ, а по землѣ ходили дружинные полки. Земля-сирота и чувствовала всю тяжесть этихъ походовъ. Геройскія добродѣтели князей и дружинниковъ приходились ей очень солоны. Среди этого федеративнаго устройства не пахарь въ полѣ покрикивалъ, раздирая землю, чтобъ добыть золотое зерно для дара и дани тому же герою-дружиннику, а вороньё въ полѣ кричало, раздирая трупы побитыхъ. Въ княжихъ крамолахъ вѣки человѣкамъ сокращались, а княжія крамолы выростали (какъ свидѣтельствуетъ Данила Заточеникъ) отъ лихихъ, какъ и отъ хорошихъ, думцевъ-дружинниковъ же.

Это было, по замѣчанію уважаемаго историка, тоже варварство, но варварство Европейское, которое „шло на пути къ идеалу личной свободы человѣка (только для бояръ), къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ (т. е. своевольныхъ) правъ (тоже для бояръ); понятій о чести (боярской) и о долгѣ (дружинника—добывать князю золото и городы, доискиваться съ княземъ волостей)“. Но вотъ пришли Татары, началось (по мнѣнію историка) Азіатское варварство. Однако добродѣтели Европейскаго варварства оставались и въ эту пору. Во времена Европейскаго варварства, для добыванія высокихъ столовъ и волостей князья-федераты приводили на Русь Половцевъ; теперь они стали приводить Татаръ, стали взапуски другъ передъ другомъ, опережая одинъ другаго, раболѣпствовать, холопствовать передъ ханомъ, лишь бы завладѣть высокимъ столомъ. Дружина работала за одно съ князьями, даже безъ князей, въ ихъ отсутствіе или при ихъ малолѣтствѣ, въ Твери при

Михаилѣ, въ Москвѣ при Донскомъ, и отстаивала всѣми мѣрами высоту и старшинство своего княжескаго стола передъ всѣми остальными, остаивала такимъ образомъ не одни княжескіе интересы, а еще болѣе и собственные свои; ибо дѣло шло уже о томъ, кому изъ князей быть Государемъ всей Земли и слѣд. какой изъ княжескихъ дружинъ быть первою и старшею во всей Землѣ. Въ Москвѣ она работала точно также, какъ въ Твери, въ Переяславлѣ, въ Городцѣ и т. д., работала точно также, какъ и въ предыдущія столѣтія, до Татаръ, съ тою лишь разницею, что тогда кровавые счеты велись по правамъ родства, а теперь они ведутся по правамъ сильнаго. И совершенно справедливо говоритъ уважаемый историкъ, что боярство, вообще дружинное, служилое сословіе было главнѣйшимъ органомъ при образованіи государственнаго единства (стр. 14), что въ малолѣтство Донскаго „бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто приросшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью". Сохраняя свое боярское первенство предъ остальными княжествами, они иначе и не могли дѣйствовать. Въ этомъ случаѣ интересы Московскихъ бояръ далеко разошлись съ интересами бояръ остальныхъ княжествъ и тѣсно сошлись съ интересами будущаго Государства. Но такъ шло лишь до тѣхъ поръ, пока Московскій государь не заговорилъ съ боярами инымъ языкомъ, уже не дружиннымъ, а прямо государственнымъ. Тутъ-то и обнаружилось, что бояре думали вовсе не о Государствѣ, а о своихъ кормленіяхъ, о своихъ старозавѣтныхъ правахъ ограничивать волю самодержца не обще-земскою, а только одною своею Думою, вслѣдствіе чего самъ Самодержецъ (Грозный) первый же сталъ искать опоры въ этой Земской Думѣ, первый собралъ ее и первый же нажаловался ей на тѣхъ же бояръ. Вотъ почему знаменитая рѣчь Грознаго къ народу съ Лобнаго Мѣста принадлежитъ къ великимъ моментамъ нашей Исторіи. Это было необыкновенно смѣлое, необыкновенно либеральное слово, когда либо сказанное народу не кѣмъ инымъ, а именно самимъ Государствомъ. Въ сущности это слово представляетъ дѣйствительную жалобу предъ Сиротою-народомъ на дружинное сословіе и въ особенности на бояръ и вельможъ. „Я былъ малолѣтенъ, пустъ и безпомощенъ, говоритъ Государь, какъ бы устами самого Государства. Сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и были во всемъ самовластны. Моимъ именемъ сами себя награждали высокими чинами, сами себѣ похищали великія должности и упражнялись только во многихъ корыстяхъ, въ хищеніяхъ и въ обидахъ. Возбраняющаго имъ не было! Безсильный своею юностію и пустотою, я былъ глухъ и нѣмъ, ничего не слышалъ и не имѣлъ слова, дабы обличить ихъ неправды... Они же продолжали властвовать. О неправедные лихоимцы и хищники и несправедливаго суда поборники! Что теперь намъ скажете въ отвѣтъ на эти всенародныя слезы, которыя повсюду вы на себя воздвигли? Не я въ нихъ виновенъ... Вамъ должно ожидать за нихъ воздаянія."

„Люди Божіи и Богомъ намъ врученные! (сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь прямо къ народу и поклонясь на всѣ стороны). Вашихъ обидъ, раззореній и налоговъ, надѣланныхъ вамъ неправдами моихъ бояръ и властей, теперь исправить уже не возможно. Умоляю васъ вашею вѣрою къ Богу

и къ намъ любовью! Оставьте другъ другу вражды и тяжбы, на сколько это для каждаго возможно. Впередъ я вамъ самъ буду судія и оборона и неправды буду раззорять и хищенія возвращать."

Поистинѣ это было зрѣлище удивительное, торжественное для народа, какъ и для Исторіи.

Какъ было этому не удивиться, что Царское Величество соединяло свои цѣли съ цѣлями всенароднаго множества и совокупляло царскую душу съ интересами народнаго устроенія. „И бѣ чудно видѣніе и всякаго ужаса исполнено", замѣчаетъ Стоглавъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела таже по содержанію рѣчь Грознаго при открытіи Стоглавнаго Собора въ 1551 году.

Здѣсь дружинному сословію устами Государя произносился приговоръ, присужденный самою Исторіею. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—исполненіе этого приговора, т. е. упраздненіе дружинной стихіи въ жизни народа, протянулось на цѣлыя столѣтія, чуть не до настоящихъ дней.

Извѣстно, что, прося у народа забыть всѣ обиды, Грозный и самъ простилъ всѣ прежнія вины боярамъ и заповѣдалъ имъ помириться съ крестьянами, назначивши для этого особый срокъ. „И бояре мои всѣ и приказные люди и *кормленщики* со всѣми землями помирилися", извѣщалъ онъ потомъ Стоглавному Собору, и тѣмъ объяснялъ, съ кѣмъ именно враждовало въ его лицѣ Государство.

По ходу Исторіи, Русскому народу, идя отъ такъ называемой федеративной, т. е. отъ степной, кочевой свободы къ свободѣ гражданской, необходимо было пройдти сквозь тѣсныя, мрачныя, скалистыя ущелья Государства. Говорятъ, таковъ неизбѣжный законъ всего прогрессивнаго въ народномъ, а не въ боярскомъ только развитіи (какъ было напр. въ Польшѣ), и самъ уважаемый историкъ свидѣтельствуетъ, что „остатки Византійскихъ государственныхъ понятій не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго *механизма*" (стр. 14). Вотъ этими - то остатками государственныхъ идей и воспользовалась Москва, найдя ихъ далеко заброшенными въ прапрадѣдовскихъ сундукахъ подъ разнымъ изношеннымъ тряпьемъ такъ называемаго федеративнаго строя Земли. Она смѣло и настойчиво повела народъ съ широкаго поля своей воли въ тѣсныя, скалистыя ущелья воли государевой, какъ тогда понималась вообще воля государственная, воля интересовъ пригодныхъ для всей Земли, а не для одного какого либо отряда ея дѣятелей. Сирота-народъ пошелъ за ней охотно, не обнаруживъ нигдѣ никакого сопротивленія, какъ напротивъ того онъ сопротивлялся постоянно даже грознымъ Татарамъ. Онъ хаживалъ и не по такимъ трущобамъ во времена федераціи. Но первые уперлись бояре, а за ними все то, что̀ чувствовало потребность жить на чужой счетъ, на земскій счетъ, всякій человѣкъ, который чувствовалъ себя вольнымъ казакомъ. Бояре однакожъ не потянули въ степь вмѣстѣ съ казаками, а вѣдь могли бы они на Днѣпрѣ или на Дону устроить настоящую федерацію свободныхъ, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга общинъ и надѣлать Государству не такихъ хлопотъ, какія дѣлывались одними казацкими общинами. Нѣтъ, они потянули къ удѣльнымъ князьямъ Москвы или въ Литву (больше было не

куда) все на новыя кормленья въ родѣ цѣлыхъ городовъ и княжествъ. Совершенно справедливо, что они спасали самихъ себя отъ крутой и кровавой воли государя; но мы ничего больше и не имѣемъ въ виду, какъ обнаружить фактъ, что дружина весь свой вѣкъ мыслила только о спасеніи самой себя, переходя своевольно отъ князя къ князю, заводя усобицы и вовсе забывая, что точно также было необходимо спасать и народъ отъ безобразій власти, отъ экономическихъ и всякихъ гражданскихъ неурядицъ и напастей. Мы имѣемъ въ виду только тотъ фактъ, что дружинное сословіе, въ верхнемъ его слоѣ, весь свой вѣкъ заботилось о чечевичной похлѣбкѣ Исава, изъ за которой заводило постоянныя смуты вездѣ, во всѣхъ княжествахъ и вольныхъ городахъ и въ теченіи всей Исторіи. Оно знало одно, какъ наивыгоднѣе кормиться Земствомъ. «И многіе промежъ ихъ бяше вражды о корыстехъ и о племянехъ (родствѣ) ихъ, всякъ своимъ печется, а не государскимъ, ни земскимъ", отмѣчаетъ лѣтопись уже XVI вѣка, т. е. говоритъ тоже самое, что говорила въ XII вѣкѣ. Самое понятіе о Земствѣ тогда только стало распространяться, когда государь всея Руси самъ же сталъ отдѣлять это понятіе отъ своихъ личныхъ государскихъ интересовъ, до чего дружина въ теченіи Исторіи не успѣла ни разу додуматься. Она до послѣднихъ дней своей жизни почитала Земство все еще обычнымъ матеріаломъ своего кормленія, въ родѣ всякаго хлѣбнаго зерна или говяжьихъ и свиныхъ тушъ. Въ этомъ отношеніи, отъ смерти Ярослава Правдосуда до смерти Василія Темнаго миновавшія четыреста лѣтъ прошли даромъ, и Исторія, т. е. Москва должна была начать историческое дѣло съизнова. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ первые князья именемъ Руси объединяютъ разноплеменную землю около Кіева, такъ и Московскіе князья тоже именемъ Руси, *всея* Руси, объединяютъ землю около Москвы. Точно также и Новгородъ, вслѣдствіе тѣхъ же внутреннихъ боярскихъ смутъ и усобицъ (веста родъ на родъ) призываетъ себѣ Рюрика, теперь уже изъ Москвы. Точно также дружина Московскихъ князей (этихъ новыхъ Олеговъ, Владиміровъ, Ярославовъ) всѣми силами работаетъ за одно съ княземъ даже съ малолѣтнымъ, съ Дмитріемъ Донскимъ (какъ при Олегѣ съ Игоремъ), не выпускаетъ изъ рукъ главенства надъ Землею, присоединяетъ къ стольному княжеству разрозненныя земли. Точно также, какъ Ольга, упраздняя независимость и самостоятельность Древлянскаго племени, истребляетъ его дружину, выводитъ отъ него лучшихъ людей, такъ и Москва, упраздняя самостоятельность вольныхъ городовъ и земель, тоже казнитъ ихъ дружину и выводитъ изъ нихъ лучшихъ людей. Все происходитъ такъ точно, какъ дѣлали далекіе отцы и дѣды, и Исторія, сдѣлавъ обширную и неудачную околесицу, въ сущности вступаетъ съизнова на старую колею, дабы повернуть уже прямо, при помощи славнаго плотника Петра, на путь дѣйствительнаго прогресса и гражданскаго совершенствованія. Но пока можно было достигнуть этого поворота, пришлось еще довольно долго ѣхать по глубокимъ и безобразнымъ колеямъ старозавѣтныхъ положеній жизни, въ числѣ которыхъ дружинныя отношенія занимали не послѣднее мѣсто. Они и разразились бурею такъ называемаго Смутнаго Времени. Дружинники XI, XII, XIII, XIV вѣковъ какъ будто встали изъ гробовъ, потребовали себѣ

особыхъ князей (которые обозначают-ся теперь царями), стали водить этихъ князей-царей изъ стороны въ сторону, производя ихъ именемъ тѣже опустошенія, людей сѣкуще, а городы, домы и села жгуще, стали переходить, отъѣзжать отъ царя къ царю, добывая себѣ тѣже волости, тѣже боярскіе саны, стали по прежнему отдѣлять отъ Русской земли цѣлыя государства, Новгородское, Казанское, лишь бы занять въ этихъ государствахъ подобающее мѣсто. Словомъ сказать, дружинный духъ въ Смутное Время всталъ страшнымъ чудищемъ и готовъ былъ совсѣмъ погубить родную землю, собранную великимъ трудомъ первыхъ князей. И что особенно замѣчательно, новаго послѣ многихъ столѣтій жизни онъ ничего не принесъ, новаго онъ ничего ни сказалъ Землѣ, а только безобразно и до конца весь выразился въ старыхъ же своихъ формахъ и началахъ. Онъ не стерпѣлъ государственной новины, единства власти, которое по характеру времени иначе выразиться не могло, какъ въ единодержавіи и самодержавіи. Онъ всѣми силами отбивался отъ этого государственнаго начала, по той причинѣ, что оно посягало на уничтоженіе именно дружинной власти надъ Землею, т. е. въ сущности дружиннаго самовластія. Изъ за того, съ конца XV до конца XVI ст., шла темная борьба, такъ сказать, въ подпольяхъ государева дворца, законченная упраздненіемъ династіи.

Что государственное начало земскаго единства вело съ дружиннымъ началомъ земской розни безпощадную борьбу именно за единодержавіе и самодержавіе государева лица, это послѣ Карамзина наука раскрыла въ достаточной ясности и подробности. Карамзинъ этого факта усмотрѣть еще не могъ, ибо въ его воззрѣніяхъ на Исторію на первомъ мѣстѣ были лица, а не начала, люди, а не стихіи ихъ жизни. Онъ объяснялъ Исторію посредствомъ лицъ, а не при помощи жизненныхъ началъ; а потому у него всегда и правы и виноваты были только лица; оттого и всякая борьба по понятіямъ такой Исторіи должна совершаться непремѣнно походомъ, войскомъ, громомъ орудій, штурмомъ крѣпостей. „Гдѣ эта безпощадная борьба за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее!" восклицаетъ г. Костомаровъ. „Покажите намъ хотя одинъ примѣръ (продолжаетъ онъ) когда представитель самодержавной власти *выходилъ съ войскомъ* противъ полчища враговъ самодержавія?" (стр. 15) Но достоуважаемому историку очень хорошо извѣстно, что внутренняя, всегда темная, собственно культурная борьба очень рѣдко ознаменовывается военными походами и собраніемъ полчищъ съ той и съ другой стороны. Культурная борьба, какъ перемѣна одного жизненнаго начала другимъ, совершается по большой части безъ грома и треска оружій. Она ведется тихо, очень медленно, при всеобщемъ даже убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно. А между тѣмъ люди, какъ представители извѣстныхъ началъ, падаютъ, ряды ихъ съ теченіемъ лѣтъ рѣдѣютъ, остальные слабѣютъ въ своей энергіи, иные же совсѣмъ утекаютъ съ поля битвы, никому не видимой. Въ этой борьбѣ, походы можно дѣлать не съ войскомъ и не съ полчищемъ, а напр. съ наказомъ или съ указомъ, какъ и въ данномъ случаѣ со стороны Самодержца съ дополнительными указами къ Судебнику, посредствомъ которыхъ боярство обездоливалось от-

носительно владѣнія родовыми вотчинами; можно было дѣлать походы съ уставными грамотами Земству, по которымъ совсѣмъ отнималась власть кормленщиковъ надъ землею и т. д.; точно такъ, какъ съ другой стороны, со стороны дружинной, въ тишинѣ можно было употреблять всяческія средства, дабы совсѣмъ прекратить самое существованіе династіи, такія средства, изъ за которыхъ самый дворецъ государевъ сталъ походить на недоступную крѣпость; можно было заводить такія крамолы, изъ за которыхъ самъ же Государь губилъ своихъ родичей; можно было пустить въ народъ шумиху въ родѣ той, что неродившійся государичь именно родился отъ разведенной супруги (отъ Соломоніи у Василья Ив.) и готовъ со временемъ искать своего права быть прямымъ наслѣдникомъ престола; можно было пустить въ народъ другую шумиху, что умершій царевичь вовсе не умиралъ, а живъ и со временемъ придетъ на царство, какъ даже и исполнилось, и т. д.

Нашу мысль, что династія въ этой борьбѣ сама истощила силы и должна была угаснуть, уважаемый историкъ обозначаетъ *болѣе, чѣмъ непонятною*, и въ опроверженіе такой нелѣпости отмѣчаетъ: „у Ѳедора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножился!“ прибавляя, что „фактъ прекращенія династіи чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій въ связи съ политическими событіями!“ Но у Ѳедора, хотя и могли быть дѣти и въ дѣйствительности были (дочь Ѳеодосія), но именно по политическимъ событіямъ времени они не должны были быть, такъ какъ и его братъ, царевичъ Дмитрій, тоже не долженъ былъ существовать. Да и мало ли что могло быть на мѣсто тѣхъ событій, которыя на самомъ дѣлѣ случились. Объ этомъ Исторія разсуждать не имѣетъ досуга. Она знаетъ, что въ Московскомъ княжескомъ родѣ съ того времени, какъ государь сталъ тягаться за свои новыя права съ старозавѣтною дружинною стихіею и даже въ то время, какъ государствомъ владѣли бояре (при Еленѣ Глинской) государевы родичи, кромѣ случайныхъ утратъ по волѣ Божіей, погибали и систематически по волѣ людей, въ темницахъ, страдальческою смертію. Она знаетъ, что цѣлое столѣтіе ознаменовано такою гибелью людей и съ той и съ другой стороны. Стòитъ только сравнить въ этомъ отношеніи конецъ XV съ концомъ XVI ст. въ первое время поле битвы полно ратоборцами, а въ послѣднее оно чуть совсѣмъ не опустѣло.

Объясняя Исторію только побужденіями и дѣяніями лицъ, конечно, ничего больше и нельзя увидать въ такой борьбѣ, какъ лишь одни подвиги безсмысленнаго восточнаго деспотизма, и стало быть въ лицѣ государей одни лишь вѣрныя и точныя фотографіи хановъ Золотой Орды, такъ какъ въ лицѣ бояръ такія же фотографіи съ раболѣпныхъ и безмолвныхъ предстоятелей этому деспотизму, какъ все это и представляется уважаемому историку (стр. 13,15.) Однако здравый смыслъ не можетъ удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ и не можетъ согласиться, чтобы люди оставались глупыми цѣлое столѣтіе. Они, напротивъ, были очень умны и только съ особою горячностью отстаивали свои самые жизненные интересы, за которые дѣйствительно требовалось постоять крѣпко. Государь хотѣлъ Государства, т. е. безграничной воли въ устройствѣ Земли. Онъ

хотѣлъ, чтобы Государство было сильнѣе сильныхъ Земли, чтобы никакая другая власть по землѣ не ходила. А дружина-бояре эту-то именно другую власть и отстаивали; они отстаивали свое самовластіе надъ Государемъ и надъ Землею, и потому употребляли всѣ ухищренья, дабы Государство было слабо, дабы въ немъ существовали и такіе углы, куда можно бы при случаѣ уходить отъ опалы Государства и затѣмъ очень радовались, когда оно попадало въ руки малолѣтнаго возрастомъ или умомъ, ибо тутъ наставала своя воля: что хочешь, то и дѣлай! „Это явленіе черезъ чуръ общеисторическое (замѣчаетъ историкъ), и на немъ основывать характеристику цѣлаго сословія нельзя.“ Да мы и не говорили, что это явленіе исключительно Московское, и указывали только, что въ этомъ случаѣ въ наибольшей силѣ разыгрывались дружинные инстинкты, никогда не выроставшіе выше личныхъ своекорыстныхъ интересовъ, какъ они не выросли выше такихъ интересовъ и въ Смутное Время, когда представилась полная возможность дать Землѣ какое угодно политическое устройство. Мы указывали только, что дружина какъ была, такъ и осталась только съ одними узкими понятіями о своемъ кормленьѣ. Отъ этого, съ своей точки зрѣнія, она совсѣмъ была права, что смотрѣла на Государство, какъ на деспотію, на Государя какъ на хищника, который ради окаянныхъ вотчинъ истребляетъ цѣлыя поколѣнія. Между тѣмъ мы видимъ, что Государство, даже въ лицѣ Грознаго, шло къ общимъ цѣлямъ, ставило впереди общеземскіе интересы. Пусть, при Грозномъ, это дѣлали мудрые совѣтники, а не самъ Государь; но здѣсь важно, изъ какой среды бывали эти совѣтники и еще важнѣе то, что Государь всегда бывалъ на ихъ сторонѣ, слѣд. въ его мысляхъ, какъ бы ни были онѣ личны и деспотичны, всегда присутствовали и общія цѣли. Надѣемся, что мы, далекіе потомки, вовсе не заинтересованные въ борьбѣ, не можемъ подобно боярамъ смѣшивать государство съ деспотіей, и вообще съ личностью Ивана III или его внука Ивана Грознаго. Какъ личность, такъ и всякая форма государства въ сущности есть только его одежда, которая можетъ быть и худа и хороша, можетъ перемѣняться, какъ перемѣняются костюмы. Но какъ бы разнообразны и даже безобразны ни были костюмы государственнаго начала, оно, какъ начало, всегда носитъ въ себѣ неизмѣнныя общечеловѣческія цѣли, къ которымъ рано ли, поздно ли, всегда также неизмѣнно и приводитъ свой народъ.

Нашъ Сирота-народъ, добывавшій въ потѣ лица насущный хлѣбъ не концемъ копья или меча, какъ добывала дружина, а концемъ плуга, сохи, косы, топора,—въ движеніи государственнаго начала и въ его борьбѣ съ дружинною стихіею, очень хорошо чуялъ эти общечеловѣческія цѣли и охотно, безропотно шелъ къ нимъ, неся на созданіе Государства всякіе поборы и всякія жертвы. Онъ въ иныхъ случаяхъ уходилъ изъ Государства, но не отъ развитія государственнаго начала, а отъ его слабости, отъ того, что не кто иной, а только старое же дружинное начало было исполнителемъ и водворителемъ въ Землѣ государственныхъ требованій, что старое же дружинное начало, по старому же продолжало обращать всякое государственное постановленіе въ новый способъ кормленія Зе-

млею, и подлѣ государевыхъ указовъ пристроивало тысячи новыхъ уловокъ, дабы собрать съ земца елико возможно больше своего кормленья, дабы затруднить его жизнь со всѣхъ сторонъ, чтобъ никакимъ способомъ не высвободился онъ изъ подъ тягла этого кормленія. Крестьяне брели розно, кто куда, не отъ силы, а отъ слабости Государства, не имѣвшаго еще способовъ защитить ихъ отъ кормящихся на чужой счетъ разнообразныхъ служилыхъ дружинъ, начиная съ бояръ и приказныхъ и оканчивая боярскими холопами и козаками. По мѣрѣ того, какъ Государство пріобрѣтало силу, пріобрѣталъ силу, осѣдлость и относительную независимость и Сирота-народъ. Вотъ почему мы совсѣмъ уже не можемъ понять отмѣтки историка что „если единодержавіе и самодержавіе вело съ кѣмъ безпощадную борьбу, то именно съ этимъ Сиротою (стр. 19).“ Народъ, какъ живой человѣкъ, конечно не могъ выносить гнета, но не отъ государственныхъ порядковъ, а именно отъ государственныхъ безпорядковъ, и вставалъ и поднимался иной разъ страшными бунтами. Но будемъ справедливы, разберемъ хорошенько, изъ за чего народъ приходилъ въ такое отчаяніе? Всякія великія и малыя возстанія поднимались изъ за того, что не было, не то, что скораго и праваго, но и никакого суда; что правящая и судящая власть, въ лицѣ своихъ представителей, дѣлала что̀ хотѣла; крѣпостное право, какъ и взяточничество доводимы были до Геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ притязаніяхъ и поборахъ; защиты нигдѣ, ни отъ кого и никакой не являлось, и естественно возникала необходимость защищать себя собственными средствами, т. е. разрушать безпорядокъ безпорядкомъ же, выбивать клинъ клиномъ. Служилое сословіе, какъ и понятно, всякое возмущеніе, а тѣмъ паче бунтъ, объявляло возстаніемъ противъ Государя и Государства: а народъ, напротивъ, въ одно только и вѣрилъ, что Государство-то непремѣнно его защититъ и спасетъ отъ всякихъ напастей и, въ залогъ этой непоколебимой увѣренности, совершалъ даже съ Государствомъ рукобитье, ударялъ по рукамъ съ самимъ Государемъ, какъ это случилось въ селѣ Коломенскомъ во время бунта при царѣ Алексѣѣ. Такое отношеніе къ государевой особѣ краснорѣчивѣе всего показываетъ, какъ вообще народъ смотрѣлъ на государственную власть. Это рукобитье лучше всего объясняетъ, что цѣли и задачи государевой власти по народнымъ понятіямъ сходились съ цѣлями и задачами Сироты-народа, въ чемъ его увѣрилъ самъ же государь, Грозный, на Лобномъ мѣстѣ, при всенародномъ множествѣ, предъ лицемъ церкви, митрополита и духовныхъ властей, послѣ торжественнаго богослуженія. Приведенная выше рѣчь Грознаго съ необычайною ясностью и простотою раскрывала, что у обоихъ, у Народа и Государства, было одно великое неудобство въ дѣйствіяхъ жизни, именно служилое кормленіе, на которое по временамъ обѣ стороны и поднимались, а потомъ успѣли и совсѣмъ его упразднить, дѣйствуя и положительно (какъ Государство) установленіями, и отрицательно (какъ дѣйствовалъ Народъ) бунтами и возстаніями, послѣдствіемъ которыхъ являлись и самыя установленія.

Окончательное закрѣпощеніе крестьянъ произведено Государствомъ, но именно въ то время, когда Государствомъ владѣли бояре и когда на престолѣ

возсѣдалъ добрѣйшій изъ государей. При деспотѣ Иванѣ Грозномъ этого произойдти никакъ не могло. Ясно, что здѣсь установленіемъ руководили дружинные интересы, которые безъ всякихъ интригъ установили только то, что представлялось рѣшительною необходимостью для ихъ жизни. Государство, какъ начало, никогда не бываетъ отвѣтчикомъ за ту напасть, въ какія руки попадаетъ его управленіе; а въ настоящемъ случаѣ, по своей слабости, оно не видѣло другаго выхода изъ обстоятельствъ, созданныхъ дружинною жизнію.

Прикрѣпленіе крестьянъ послужило одною изъ важнѣйшихъ причинъ къ распространенію въ народѣ всеобщей смуты. Стоитъ только сообразить извѣстные доселѣ указы по этому случаю, чтобы понять, какимъ перекрестнымъ боярскимъ и вообще дружиннымъ вѣтрамъ и вліяніямъ подвергалось это дѣло. По видимому оно началось съ холопскихъ отношеній. Въ разрядной книгѣ 1586 г. читаемъ: „Іюня 1-го почели кабалы имать служилые на людей и въ книги записывать". Такое распоряженіе, стало быть, представляло для служилаго сословія особую важность, если оно было занесено, хотя бы какъ извѣстіе, даже въ число служебныхъ разрядовъ. Объясненіе этой мѣры и ея послѣдствій находимъ у Палицына. Въ своемъ Сказаніи онъ пишетъ между прочимъ „о началѣ разбойничества во всей Россіи" и говоритъ, что въ то время многіе отъ вельможъ многихъ человѣкъ ввели къ себѣ въ неволю на службу (въ холопы), иныхъ ласканіемъ и дарами въ свои домы притянули и не токмо отъ простыхъ, ради искуснаго рукодѣлія или какова хитраго художества, но даже и отъ честнѣйшихъ (вѣроятно дѣтей боярскихъ) съ селами и съ вотчинами, а наипаче избранныхъ меченосцевъ и крѣпкихъ во оружіи, свѣтлыхъ тѣлесами, красныхъ образомъ и возврастомъ. Многіе другіе чины, слѣдуя вельможамъ, порабощали въ неволю кого только можно и *написаніе служилое* силою и муками брали". Таково объясненіе приведенной разрядной отмѣтки [*]). Такимъ образомъ владѣющее и правящее сословіе наполнило свои домы разнородными рабами, укрѣпивъ ихъ за собою служилыми кабалами. Оно здравствовало и высилось множествомъ холоповъ, собирая для нихъ съ Сироты-народа жирное кормленіе. Народъ конечно долженъ былъ побѣжать въ разныя стороны, по крайней мѣрѣ туда, гдѣ кормленья собиралось меньше. Но, какъ тутъ является указъ о воспрещеніи стараго свободнаго выхода крестьянъ? Очевидно, что указъ, какъ необходимость, долженъ былъ явиться не въ то время, когда дѣла шли обычнымъ порядкомъ, а именно въ то время, когда сталъ происходить безпорядокъ, т. е. когда крестьяне отъ особыхъ качествъ боярскаго управленія стали съ особымъ напряженіемъ пользовать-

[*]) Припомнимъ кстати указъ 1597 г., приводившій вообще въ порядокъ прикрѣпленіе слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлявшій очень важное постановленіе, по коему всякій свободный человѣкъ, прослужившій у кого либо въ слугахъ полгода, становился крѣпостнымъ холопомъ и долженъ былъ безъ отговорокъ дать на себя служилую кабалу, по тому случаю (какъ говоритъ указъ) что господинъ кормилъ, обувалъ и одѣвалъ того холопа. Но вѣдь холопъ за господскую хлѣбъ-соль и одежу тянулъ холопскую службу и слѣд. каждую минуту и съ избыткомъ уплачивалъ свои долги. Объ этомъ указъ не говоритъ ни слова и потому вполнѣ обнаруживаетъ свое одностороннее, чисто боярское происхожденіе. Такая возмутительная мѣра, конечно, должна была въ послѣдствіи явить свои плоды, распространяя въ людяхъ обиду и злобу и всякую готовность къ смутѣ.

ся своимъ правомъ перехода. Сколько помогъ этотъ указъ, неизвѣстно; но какъ будто въ возмездіе за него разразилась надъ *владомыми* физическая гроза. Насталъ великій голодъ. Тутъ только *владомые* обозрѣлись до одного всѣ, что невозможно кормить многую челядь и начали рабовъ своихъ на волю отпускать, одни истинно, съ заручными отпускными, другіе лицемѣрно, т. е. просто выгоняли изъ дому, да вдобавокъ писали должно быть тайныя явки объ нихъ, какъ о бѣглыхъ ворахъ, дабы, къ кому придетъ на житье такой человѣкъ, затребовать отъ того *сносы* (уворованное имущество) и всякіе убытки *). Многіе и того хуже дѣлали: имѣя чѣмъ пропитать своихъ домашнихъ, они, ради скопленія богатства, тоже отпускали и отгоняли свою челядь и даже сродниковъ и ближнихъ. Было еще и это зло у многихъ: все лѣто холопы у нихъ работали (въ поляхъ), а на зиму они ихъ прогоняли, и тѣ въ зимнее студеное время не знали гдѣ головы подклонить, надѣясь только, что на лѣто снова будутъ страдать-работать у тѣхъ же господъ. Кромѣ того, домы опальныхъ бояръ (а опалъ довольно было по милости Бориса) были распужены, всѣ ихъ многочисленные рабы распущены съ строгою притомъ заповѣдью никому ихъ не принимать. И вотъ бродили эти люди, питаясь кто и какъ чѣмъ могъ; иные, въ негодованіи на царя, злѣ распыхахуся и времени ждуще; которые же на коняхъ обыкше и воинственному дѣлу искусни, тѣ всѣ валили въ украинные городы, въ казаки. Палицинъ свидѣтельствуетъ, что, въ осадномъ сидѣніи, въ Калугѣ и въ Тулѣ, набралось такихъ воровъ больше 20 тысячь, кромѣ старыхъ воровъ. Всѣ эти воры однако созданы были воровствомъ владомыхъ, и сами по себѣ сначала вовсе не были ворами.

*) Такъ мы понимаемъ не совсѣмъ ясное и опредѣленное свидѣтельство Палицына о снесахъ и убыткахъ.

Самый указъ о запрещеніи крестьянскаго выхода не въ томъ имѣетъ особую важность, что имъ крестьяне были навсегда прикрѣплены къ землѣ. Въ этомъ распоряженіи не лежало еще никакихъ основаній сдѣлать ихъ крѣпостными рабами, и правительство во всякое время могло до точности опредѣлить ихъ отношенія къ кормленью дружины, сохраняя за ними право гражданской свободы и разсматривая прикрѣпленіе къ землѣ, какъ особаго рода службу тому же Государству. Но конечно правительство, постоянно находившееся въ боярскихъ рукахъ, этого не сдѣлало, и крѣпостное право впослѣдствіи развилось до полнаго рабства. Указъ о запрещеніи выхода особенно значителенъ по тѣмъ озлобленіямъ, крамоламъ, ябедамъ, насиліямъ, безконечнымъ тяжбамъ и раззореніямъ, которыя охватили все тогдашнее общество и преимущественно его служилую среду, бросившуюся отнимать другъ отъ друга и сидящаго и бѣгущаго крестьянина. По всей Землѣ встала обида и злоба! Если въ періодъ княжескихъ усобицъ люди геройски двигались за цѣлыми волостями и княжествами, то и теперь, съ тою же отвагою въ ябедѣ, крючкотворной крамолѣ и тяжбѣ, они двигались, добывая себѣ на кормленье своего-ли, чужаго-ли крестьянина, одного только крестьянина! Такая дѣятельность обурѣвала все дружинное, служилое сословіе съ верху до низу; а на верху кромѣ того двигались интересы болѣе обширные и замысловатые. Ха-

рактеризуя общими чертами состояніе нравовъ и умовъ верхняго слоя дружины, лѣтописецъ разсказываетъ между прочимъ: „Во время то, Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, во множайшихъ *владомыхъ* сугубу зависть и гордость и неправды, но и паче же, не токмо другъ друга ненавидяще, но койждо единъ (на единѣ) и на самого государя помышляху смертнымъ убивствомъ, и не правду дѣяху.... Искони діяволъ, ненавидяй добра роду человѣческому..., вложи діяволъ во *владомыя*, но обаче другъ подъ другомъ чести желаста; ни единъ единаго (одного только) отческаго достоинства хотяху, но единъ отъ нихъ (каждый изъ нихъ) своею мыслію тщахуся самодержство восхитить и старѣйшимъ хотяху быти въ Русскомъ царствѣ".

Вотъ изъ какихъ нравственныхъ стихій образовалась Смута начала XVII ст. Мы видимъ, что Сирота-народъ, или все тяглое земство было только жертвою этихъ стихій, исходившихъ по преимуществу изъ сословія владомыхъ.

Опровергая наше мнѣніе, что Смута XVII ст. произведена служилымъ сословіемъ, уважаемый историкъ утверждаетъ: „Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ Смуту распространялъ тотъ самый Сирота-народъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему". За тѣмъ историкъ продолжаетъ: „Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ, значеніи вольнаго человѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей". Охотно соглашаемся, что именно казаки, если и не сочинили Смуту XVII ст., то значительно её распространяли. Одно только для насъ не совсѣмъ понятно—это широкое распространеніе смысла въ словѣ: „Казачество". Намъ извѣстно, что казаками назывались, особенно въ сѣверныхъ предѣлахъ, деревенскіе, волостные жители, равнявшіеся по своему значенію бобылямъ и батракамъ. Затѣмъ казачествомъ обозначался именно только особый родъ войска. И потому вся та масса народа, которая, по словамъ историка, искала воли и принимала имя казака, неизмѣнно становилась въ ряды этого войска, становилась казацкою военною силою. Болѣе общее значеніе вольнаго человѣка въ старину опредѣлялось словомъ: *гулящій* и никогда словомъ казакъ, которое на югѣ спеціально обозначало воина. И самъ авторъ, начертивши широкою кистью идеалъ казака (стр. 17) опредѣляетъ его тоже воиномъ, Днѣпровскимъ и Донскимъ, хотя были и еще такіеже воины Волжскіе, Яицкіе (Уральскіе), Терскіе. Все искавшее воли, ерыжное, безъименное, гулящее, разбойное, и по большой части, какъ видѣли, боярское холопство, все это примыкало къ упомянутымъ воинамъ и высилось даже именемъ казака, стремилось пріобрѣсти его себѣ правительственнымъ указомъ, какъ особый чинъ, что̀ Ляпуновъ въ дѣйствительности и устроилъ, какъ мы говорили въ нашей статьѣ. Такимъ образомъ, какъ бы ни была велика народная масса искавшая воли и хотя бы самозванно принявшая имя казака, она все таки разумѣла себя въ этомъ случаѣ ничѣмъ инымъ, какъ особымъ

родомъ войска, т. е. особымъ отрядомъ народной массы, имѣвшимъ свое спеціальное назначеніе, и потому намъ очень трудно понять, какимъ образомъ казачество (не болѣе, какъ только военная сила) можетъ пойдти въ нашихъ разсужденіяхъ съ значеемъ народа. Конечно и оно тоже народъ, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. и дружина, и помѣщики, и духовенство, и боярство тоже народъ. Надо же согласиться въ одномъ какомъ либо смыслѣ употребляемыхъ въ историческомъ языкѣ словъ. Въ добавокъ, мы недаромъ приставили къ слову народъ и его чинъ: Сирота. Это въ дѣйствительности былъ чинъ въ смыслѣ исключительно - *тяглаго* отряда или разряда народныхъ единицъ. Въ древности Сироты назывались смердами, потомъ сами князья все чаще и чаще стали ихъ обозначать христіанами-крестьянами, въ отличіе отъ поганыхъ или иновѣрныхъ. Въ началѣ XIII в., въ Суздальской землѣ, они обозначаются уже сиротами, какъ называетъ ихъ и Новгородъ въ началѣ XIV и въ началѣ XV в. Въ послѣдующее время юридическій языкъ утратилъ это имя, но сами сироты сохраняли его до конца XVII вѣка, постоянно обозначая имъ все тяглое населеніе Государства. Вотъ этотъ-то народъ и разумѣемъ мы въ Государствѣ основнымъ, материковымъ, почитаемъ его народомъ въ собственномъ смыслѣ, ибо на немъ всегда, какъ на прочномъ фундаментѣ, основывается и самое Государство. Казакъ, какъ особый родъ войска, весьма бы оскорбился, еслибъ пришлось въ юридическомъ языкѣ обозначить его *сиротою.* Такого малаго чина онъ не позволялъ себѣ писать и въ своихъ челобитныхъ къ Государству, въ которыхъ всегда именовалъ себя *холопомъ*, обозначая тѣмъ, что онъ не тяглый, а служилый человѣкъ. Онъ никогда не причислялъ себя къ этому сиротскому Земству, а напротивъ чуть не презиралъ его по случаю весьма очевидной высоты и противоположности своихъ съ нимъ интересовъ. Сущностью сиротской жизни было *черное* тягло; сущностью казацкой жизни было: „по чисту́ полю или по синю́ морю—гулять, зипуновъ-то доставать,“ т. е. эта сущность, по просту и точнѣе, можетъ именоваться грабежомъ или же благороднѣе—добываніемъ кормленья посредствомъ копья и меча. По своимъ инстинктамъ и существеннымъ качествамъ, это былъ древній дружинникъ, и начертанный авторомъ казацкій идеалъ въ полной мѣрѣ обрисовываетъ и идеалъ дружинника. Казакъ, по исторической необходимости, принужденъ былъ жить, какъ самъ онъ выражался, *на травѣ и на водѣ* и всегда не прочь былъ послужить Государству *съ травы и съ воды*, обозначая тѣмъ, что у него ничего другаго не было, даже и хлѣба, и потому слѣдовало обезпечивать его всякимъ продовольствіемъ. Хлѣбопашество въ жизни казаковъ являлось элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ, и потому пахать землю, сѣять хлѣбъ, напр. у Донцовъ, строго воспрещалось: „а станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить,“ говоритъ одна войсковая грамота, разосланная въ 1690 г. по Хоперскимъ и Медвѣдицкимъ городкамъ. Ясно, такимъ образомъ, что казацкое сословіе есть сословіе служилое. Оно само такъ себя разумѣло, и мы не можемъ, вопреки этому разумѣнію, присвоивать ему другое, никогда не существовавшее въ дѣйствительности, значеніе. Оно сложилось въ земство,

но въ земство особаго рода, въ земство травы и воды, такъ какъ и дѣти боярскіе тоже составляли своего рода земство, земство помѣстное. И оба они были земствомъ дружиннымъ, происходили изъ дружиннаго начала и держались въ своей жизни тѣмъ же началомъ, т. е. кормленьемъ на счетъ осѣдлой, тяглой земли. Казаки прямо и намекаютъ на свою траву и воду, какъ на особый видъ помѣстья, всегда требовавшій отъ Государства всякой матеріальной помоги. Вообще это былъ народъ, уходившій отъ Государственнаго тягла, освобождавшій себя отъ внутренней постройки Государства, и всегда готовый служить тому же Государству, но только на правахъ стараго дружинника. Уважаемый историкъ, упрекая насъ въ идеализаціи Сироты-народа, которая (надѣемся) если и оказывается, то идетъ вовсе не отъ нашего намѣренія, а выростаетъ сама собою изъ раскрытія связи событій и народныхъ отношеній въ Смутное Время, упрекая насъ въ томъ, что мы возводимъ въ идеалъ этого Сироту, самъ, какъ упомянуто, широкою кистью чертитъ уже настоящій идеалъ казака, придавая этому, въ сущности разбойному, элементу смыслъ элемента политическаго, ставя его сильнымъ противникомъ Государству именно въ политическомъ отношеніи; а онъ, по нашему мнѣнію, въ теченіе всей своей свободной жизни былъ противникомъ только экономическимъ, въ родѣ пожара, наводненія, бури, саранчи и всякихъ подобныхъ физическихъ невзгодъ. Въ Малороссіи отношенія къ Польшѣ создали казакамъ политическое положеніе; но тѣже Черкасы въ отношеніи къ Руси въ Смутное Время являлись простою физическою напастью, какъ ихъ собраты съ Дона и Волги. Всѣ они никогда и ничего политическаго съ собою не несли, а приносили въ Государство только грабежъ, разбой по всѣмъ волостямъ Сироты-народа. Историкъ свидѣтельствуетъ, что „казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, разъѣдая и истощая ненавистное ему Государство“ (стр. 18), а нѣсколько выше на той же страницѣ говоритъ, „что только по отношенію къ самимъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить“. Слѣд. возникаетъ вопросъ, какое же Государство, подъ какимъ видомъ Государство они разъѣдали и истощали? Противъ какихъ государственныхъ порядковъ они творили свои Азіатскіе набѣги?

По свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, они это ненавистное Государство находили въ каждой крестьянской клѣти, сколько нибудь полной одеждою или хлѣбомъ или деньгами, собранными бережливостью и проливнымъ пòтомъ земледѣльца или промышленника; въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ, который съ тѣхъ же клѣтей собиралъ свое добро; въ каждой сельской церкви, построенной и украшенной бѣдною утварью по большой части на мірскія же деньги. Вотъ гдѣ изливалъ казакъ свою политическую ненависть къ Государству, безъ пощады раззоряя и сожигая и клѣть и церковь. Съ такою политикою именно Черкасы, уже по усмиреніи Смуты, доходили чуть не до Студенаго моря, много земли запустошиша и сами всѣ пропадаша, ибо были побиты народомъ въ Заонежскихъ погостахъ и на Олонцѣ. Мы не станемъ приводить тѣхъ скорбящихъ и вопіющихъ свидѣтельствъ, которыми лѣтописцы изображаютъ казацкія войны въ ненавист-

номъ Государствѣ. Мы скажемъ одно, что вся эта казацкая политическая ненависть противъ Государства выражалась по преимуществу раззореніемъ крестьянина, опустошеніемъ земли крестьянской. Съ коронованными особами казаки враждовали иначе. Они всегда готовы были имъ служить и помогать. Стало быть за все и про все отвѣчалъ одинъ только Сирота-крестьянинъ.

Извѣстно, что гнѣздомъ всяческихъ смутъ въ эту эпоху была Сѣверская сторона, Сѣверскіе города и волости, лежавшіе на югъ отъ истоковъ Оки и въ XVI ст. составлявшіе Татарскую украйну. Тамъ гнѣздилось вольное казачество, и набралось оно туда, по свидѣтельству историка, слѣдующимъ образомъ: „народъ, видите ли, почуялъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеалъ свободнаго человѣка былъ только идеалъ казака или подобіе его (идеалъ грабителя, разбойника?). Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ... сосѣдство съ казаками увлекало жителей, бѣдныхъ, но отважныхъ“. Такъ разсказываетъ историкъ; но и лѣтописи, и даже старецъ Аврамій, говорятъ не то. Они свидѣтельствуютъ, что по этой Украйнѣ, въ виду Татарскихъ нашествій, само Государство постоянно заботилось о заселеніи мѣстъ казаками, т. е. особымъ родомъ войска. При Грозномъ туда, какъ на опасное мѣсто, выводились изъ Государства въ казаки всякіе лихіе люди, именно ябедники, крамольники, составщики крамольныхъ и рокошныхъ ябедъ, жалобницъ, доносовъ и т. п., изъ дѣтей боярскихъ, изъ холопей боярскихъ и изъ иныхъ чиновъ. Ихъ наказывали торговою казнью и ссылали именно въ казаки, въ украинные города, а Палицынъ прибавляетъ: „кто отъ злодѣйствующихъ, осужденный даже къ смертной казни, если уходилъ въ эти города, то тѣмъ избывалъ смерти.“ Онъ прямо называетъ Сѣверское казачество собраніемъ злодѣевъ и говоритъ, что разумомъ и жесточью Грознаго „таковіи зміеве“ двигаться не смѣли, а царь Ѳедоръ удерживалъ ихъ, какъ крѣпкою связью, своею молитвою. При Ѳедорѣ и Годуновѣ тамъ, для защиты отъ Татаръ, снова были укрѣплены и вновь построены многіе города и населены именно казаками и стрѣльцами. Такимъ образомъ это украинное казачество, дававшее всегда значительную силу смутамъ, разведено самимъ правительствомъ въ извѣстной долѣ посредствомъ ссыльныхъ, именно изъ людей крамольныхъ, отчего становится объяснимымъ и этотъ мятежный духъ тамошняго населенія. Вотъ какой, искавшій воли и свободы отъ государственныхъ цѣпей, народъ населилъ тамошніе города и волости! Къ нему Палицынъ присоединяетъ и всѣхъ обыкшихъ сидѣть на конѣ холоповъ, прогнанныхъ боярскимъ сословіемъ во время голода, въ сущности тоже служилыхъ и сдѣлавшихся казаками не по своей волѣ, а по насилію боярства.

Какъ бы ни было, остается всетаки вѣрнымъ одно, что казачество, и по народнымъ, и по казацкимъ, и по государственнымъ понятіямъ, значило не другое что, какъ только особый родъ войска, ратныхъ людей особаго состава, коихъ назначеніе было—служить, брать, а не давать кормленье. И если, какъ и было въ дѣйствительности, казачество по преимуществу распространяло Смуту, то наше положеніе, что Смуту завело и распространяло служилое сословіе, еще больше укрѣпляется и съ

этой стороны. Поэтому мы никакъ не съумѣемъ понять, о какомъ именно народѣ говоритъ уважаемый историкъ, излагая слѣдующее: „Черный народъ, именно тотъ Сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смутъ, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіею тогдашней смуты. *Онъ-то* приставалъ къ Тушинскому вору, *онъ* наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же Сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворамъ той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и Поляки и свои удальцы *проучили* его — онъ опомнился; однако все таки, склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, *сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени* и доставлять изъ своей массы контингентъ для разъѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачова включительно„. (стр. 19). Въ этомъ разсужденіи понятіе о казакѣ такъ слито съ понятіемъ о народѣ, что не представляется и малѣйшей возможности разчленить его на точныя и ясныя составныя части. Замѣтимъ только, что такая плачевная характеристика народа всегда жила въ умахъ лишь родовитыхъ и служилыхъ людей, которые, заводя въ народѣ смуты, по пословицѣ: „поссорь Богъ народъ, *накорми* воеводъ", всегда и ловили въ мутной водѣ рыбу. Мы вполнѣ согласны, что герои смутъ выдѣлялись изъ недостойнаго меньшинства въ этомъ сословіи, и что въ большинствѣ, какъ утверждаетъ историкъ, оно всегда составляло консервативный элементъ. Но по нашему мнѣнію именно это-то почтенное качество прежде всего слѣдовало приписать большинству народа, а не выставлять подъ именемъ народа однихъ только казаковъ, а главнымъ образомъ всякихъ безъименныхъ, ерыжныхъ, бездомныхъ, гулящихъ, зернщиковъ, крамольниковъ и всякихъ дѣйствительныхъ воровъ и разбойниковъ, которыхъ во всякое время въ народѣ бываетъ довольно. Да и консерватизмъ народа съ консерватизмомъ дружины въ своихъ интересахъ весьма несходны. Народъ охраняетъ единственно только свой кусокъ хлѣба и работу и потому охраняетъ въ своемъ устройствѣ самыя вопіющія напасти, лишь бы онѣ не вырывали изъ рукъ этотъ кусокъ хлѣба. Между тѣмъ изъ Исторіи мы видимъ, что консерватизмъ дружины никогда не простирался далѣе ея личныхъ выгодъ, ибо она охраняетъ не кусокъ хлѣба, а служебную честь, богатство, свою власть надъ народомъ, и даже надъ Государствомъ, и потому какъ скоро Государство выдвигало что либо новое, ограничивающее личныя выгоды дружины, хотя бы очень надобное, совсѣмъ необходимое для массы народа, то дружина не упустительно начинала крамолы и смуты, именно смущая Государство всякими навѣтами относительно способности и готовности народа при всякомъ случаѣ приставать къ воровскому знамени.

Впрочемъ, достоуважаемый историкъ, раскрывши старательно и другую сторону медали Смутнаго Времени, т. е. „взваливши вину смутъ на черный народъ" не хочетъ признавать правыми и родовитыхъ и служилыхъ, и въ концѣ концовъ самъ же говоритъ слѣдующее: „Ужъ если кого обвинять, то *прежде всего* послѣднихъ (родовитыхъ и служилыхъ) вмѣстѣ съ вер-

ховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ *получилъ наклонность производить смуты*".

Мы одно то самое и ставили на видъ разумному читателю, что въ эту эпоху всестороннимъ банкротомъ оказалась вся правящая и владѣющая среда, съ верху до низу, но не народъ; что Смута началась въ этой средѣ и распространялась по Землѣ дѣяніями этой же среды. Народъ если и являлъ въ иныхъ случаяхъ наклонность производить смуты, то всегда дѣйствовалъ подъ вліяніемъ служилой же среды, возбуждавшей его къ смутѣ или гражданскими насиліями, въ родѣ воеводскихъ и приказныхъ притѣсненій, или такими сплетеніями политическихъ слуховъ, что у него голова кружилась, въ глазахъ темнѣло и самъ онъ не зналъ, куда подымался и куда шелъ.

Въ заключеніе, достоуважаемый историкъ отмѣчаетъ, что онъ обвинять кого нибудь считаетъ неумѣстнымъ. „Виноваты ли тѣ и другіе, продолжаетъ онъ, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ?.." Исторія, конечно, не прокуроръ и не занимается обвиненіемъ. Она старается только во тьмѣ фактовъ раскрыть свѣтъ, найдти ихъ смыслъ и разумъ, какой въ дѣлахъ человѣческихъ всегда бываетъ, какъ бы безтолковы, безсмысленны и нелѣпы они ни казались. Но Исторія не можетъ бѣлое называть чернымъ, кривое прямымъ, и на оборотъ. Какъ наука, она является только свѣточемъ и, внося свѣтъ во тьму фактовъ, вовсе не отвѣчаетъ за то, какими эти факты кажутся по своей внутренней природѣ. Раскрывая въ безтолковыхъ фактахъ ихъ разумъ, она раскрываетъ собственно начала, истоки, идеи жизни, т. е. начала и идеи всякихъ человѣческихъ дѣлъ. Кто же станетъ обвинять начала, идеи! Но всякій принужденъ будетъ сказать, что вотъ это начало бѣлое, это черное, это прямое, это кривое, и только. Другое дѣло, если видѣть въ Исторіи одни только лица; тогда по необходимости придется утверждать: этотъ виноватъ, этотъ не виноватъ, этому можно поставить въ вину одно, а этому другое.

Въ частомъ употребленіи этихъ словъ: вина, винить, виноватъ, лучше всего и обнаруживается этотъ, такъ сказать, *личный* взглядъ на Исторію, который всегда вноситъ въ нее много страстности и пристрастія. Достоуважаемый историкъ говоритъ дальше: „люди дѣйствовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ." Весьма справедливо. Но отчегоже авторъ, въ виду этой оправдательной теоріи, однихъ оправдываетъ, напр. Палицына, другихъ обвиняетъ, и обвиняетъ именно тѣхъ, напр. Минина и особенно Пожарскаго, дѣянія которыхъ для ихъ правильной оцѣнки требуютъ самаго обширнаго приложенія этой теоріи? Вообще же говоря, эта теорія надлежащаго мѣста въ Исторіи имѣть не можетъ, ибо по ней можно оправдать все на свѣтѣ. Истинное призваніе Исторіи не оправдывать и не обвинять, а только объяснять неясное, вносить свѣтъ во тьму человѣческихъ дѣлъ, предоставляя окончательный судъ

надъ ними совѣсти и разумѣнію каждаго.

Уважаемый историкъ настаиваетъ, что легенда о Мининѣ есть достовѣрное свидѣтельство, драгоцѣнное, до чрезвычайности правдоподобное сказаніе, безъ всякой легендарности. Называя ее лѣтописнымъ разсказомъ, онъ говоритъ, что смыслъ, къ чему относится слово сумняшеся, черезъ чуръ ясенъ. „Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ Нижегородцамъ: мнѣ являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; за тѣмъ говорится, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, что и толковать-то нечего!" заключаетъ авторъ, и вовсе забываетъ, что *затѣмъ* говорится еще не о сомнѣніи Биркина, а о томъ, чтобъ прочли грамоту въ соборѣ, и прибавляется въ заключеніе: „а что Богъ велитъ". Вотъ ужъ за тѣмъ непосредственно и говорится — сумняшеся. Слѣд. Биркинъ ближе всего и прямо сомнѣвался не въ томъ, что Минину являлся св. Сергій, а именно въ томъ, „что Богъ велитъ", ибо въ этихъ послѣднихъ словахъ заключался весь смыслъ рѣчи Минина; въ нихъ же заключался и самый вопросъ о Нижегородскомъ подвигѣ, котораго Биркинъ не желалъ и вполнѣ доказалъ это впослѣдствіи своимъ поведеніемъ. Онъ сомнѣвался и думалъ, что Богъ не велитъ ничего. Минину соперникомъ онъ никогда не былъ и быть не могъ, ибо былъ служилый, стряпчій, и если мѣтилъ на первое мѣсто, то скорѣе всего мѣтилъ на мѣсто Пожарскаго, а не Минина, хотя и выборнаго человѣка отъ всей Земли, но все таки посадскаго мужика, мѣсто котораго вовсе не соотвѣтствовало мѣсту воеводы, куда именно и мѣтилъ Биркинъ.

Въ опроверженіе нашихъ сомнѣній, что Мининъ былъ диктаторомъ и демагогомъ, что открылъ аукціонную продажу бѣдныхъ богатымъ, что былъ взяточникомъ, достоуважаемый историкъ не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ, ограничиваясь тѣмиже разсужденіями, какими исполнена его прежняя статья: Личности Смутнаго Времени. Желая по прежнему доказать, что Мининъ былъ крутымъ старостою, кулакомъ въ полномъ смыслѣ, и не имѣя на то свидѣтельствъ, историкъ отрицаетъ и самое достоинство тогдашняго крестьянскаго мірскаго управленія, именно съ его финансовой стороны, давая понять, что вообще оно не имѣло той важности и того значенія, какое выставляли мы, и что по этому характеръ земскихъ старостъ вообще рисовался качествами насильника и притѣснителя или самоуправнаго диктатора, а слѣдовательно таковъ могъ быть и Мининъ. Въ подтвержденіе такого общаго вывода проводится частный случай, челобитная Шуянъ на своего старосту въ томъ, что онъ, „*стакався съ воеводою* и откупщикомъ, а *воевода, стакався* съ нимъ земскимъ старостою, производили людямъ многія притѣсненія, продажи и убытки". Но эта самая челобитная, показывая характеръ иныхъ старостъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, что *міръ* всегда былъ крѣпокъ и никакъ не терпѣлъ у себя диктаторовъ и насильниковъ, отыскивая въ такомъ случаѣ защиты у царя даже противъ самаго воеводы. Не смотря на поддержку сильныхъ лицъ, воеводы и откупщика, Шуяне просили совсѣмъ вывесть отъ нихъ этого старосту,

который и диктаторомъ-то могъ сдѣлаться не самъ собою, а только по случаю стачки съ воеводою.

Понятно, что и Нижегородскій міръ, еслибъ худъ былъ Мининъ, тотчасъ бы откинулъ его, какъ откинула Нижегородская рать и самого Биркина. Тогда и этотъ міръ и эта рать были вполнѣ свободны въ своихъ дѣйствіяхъ: царя не было, слѣдовательно и воеводы были уже не тѣ въ своемъ самоуправствѣ. Именно такой вѣсъ и значеніе міра заставили Минина очень хлопотать о всеобщемъ заручно́мъ приговорѣ относительно сбора казны, по которому у иныхъ богатыхъ, не хотѣвшихъ давать положеннаго или возможнаго, и силою отнимали. Это свидѣтельство приводится въ слѣдъ за разсказомъ, какъ одна вдова отдала возможное, изъ 12000 капитала вдругъ отдала 10000, оставивъ у себя только 2000. Такимъ поступкомъ она привела въ страхъ многихъ людей, замѣчаетъ сказаніе, именно тѣхъ людей, которые прятались съ своими капиталами, давая положенное, но не желая дать возможнаго. Остается только доказать, что Мининъ отнялъ у ней и остальныя 2000.

Относительно взяточничества Минина по дѣлу Толоконцевскихъ бортниковъ, уважаемый историкъ снова утверждаетъ, что „по обыску, бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы“. Но въ чемъ? Въ томъ ли, что Толоконцевскій монастырь принадлежалъ имъ, а не Печерскому монастырю, или въ томъ, что Мининъ былъ взяточникъ? Документъ не изданъ вполнѣ, и мы покуда увѣрены, что жалоба была на весь посадъ съ его старостами, а не на одного Минина, ибо старосты безъ посада подобными дѣлами распоряжаться самолично не могли.

Такимъ же образомъ историкъ не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ въ подтвержденіе своего невысокаго мнѣнія о Пожарскомъ. Онъ указываетъ, между прочимъ, о сплетнѣ Лыкова, что изъ одного и того же извѣстія мы принимаемъ то, что̀ не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаемъ. Но эту сплетню мы не отвергали, а замѣтили только, что не выслушавши обѣихъ сторонъ (ибо со стороны Пожарскаго отвѣта не имѣемъ) ничего не можемъ сказать, гдѣ здѣсь правда. Мы взяли себѣ въ строку одно только свѣдѣніе, что и Пожарскій былъ въ приближеньи у царя, и не видѣли въ томъ ни особой чести, ни безчестья, а приводили это свѣдѣніе, какъ голый фактъ.

По прежнему историкъ утверждаетъ, что Пожарскій „по своимъ способностямъ былъ человѣкомъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ, что случай временно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственныя ошибки не принесли вреда.“ Историкъ такъ наконецъ убѣжденъ въ ничтожествѣ Пожарскаго, что прямо свидѣтельствуетъ: „избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ Московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому.“ Въ глубокомъ, идеальномъ смыслѣ, это вполнѣ справедливо: ибо святые Московскіе чудотворцы, начиная съ святителя Петра, были основателями и созидателями той великой нравственной и политической силы, которая корнемъ своей жизни почитала Москву, какъ единственную и истинную представительницу всея Руси, всего Русскаго отечества. Въ этомъ смыслѣ они были настоящею причиною, что народъ под-

нялся и спасъ Москву-отечество отъ враговъ. Но-все таки идеальная сила требовала реальнаго воплощенія, все таки нужны были люди и дѣйствія людей. Передовымъ дѣятелемъ спасенія былъ все-таки съ Мининымъ Пожарскій. Отрицаніе его способностей на это великое дѣло у нашего достопочтеннаго историка основывается главнымъ образомъ на томъ, что „Сигизмундъ и Владиславъ не пришли въ пору—и Московское государство было избавлено...; что еслибы напр. Владиславъ былъ коронованъ, то произошло *бы* даже коренное перерожденіе Русскихъ; все начало *бы* полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ; тогда наступило *бы* на самомъ дѣлѣ (воображаемое нами) раздвоеніе народа... но конечно Польскому торжеству наступилъ *бы* конецъ... народъ нашелъ *бы* готовый элементъ для противодѣйствія давленію сверху въ казачествѣ, нашелъ *бы* въ немъ опору и средоточіе; поднялось *бы* страшное народное возстаніе, произошло *бы* тоже, что̀ происходило черезъ полвѣка въ южной Руси, только въ бо̀льшемъ размѣрѣ... Все это и многое другое произошло *бы*, еслибы Владиславъ былъ коронованъ. Но случай былъ упущенъ, дѣло попорчено, однако еще *могло* поправиться... Сигизмундъ съ Владиславомъ *могли* пріѣхать въ Кремль; казаки не выдержали *бы*... бояре разослали *бы* грамоты о прибытіи законнаго царя... Появленіе царя произвело *бы* сильное волненіе, образовалась *бы* многочисленная партія въ его пользу. Владиславъ могъ *бы* скоро короноваться... Что̀ же (вообще) было бы, еслибы Владиславъ прибылъ во время? Что̀ дѣлалъ бы тогда Пожарскій въ Ярославлѣ?“ Вотъ длинный рядъ доказательствъ, объясняющихъ ничтожество роли Пожарскаго. Въ 80 строкахъ къ ряду (стр. 28 — 30) историкъ употребилъ частицу *бы* 32 раза, кромѣ словъ могъ, могли. Но эта частица въ Исторіи, какъ и въ простомъ употребленіе, отличается тѣмъ достоинствомъ, что ее съ равнымъ успѣхомъ можно передвигать и въ ту и въ другую сторону. Кабы дѣдушка не дѣдушка, такъ бы дѣдушка былъ бабушка! Еслибъ пришелъ Сигизмундъ съ Владиславомъ, то Пожарскій тутъ-то *бы* и показалъ свои военные и дипломатическіе таланты. Съ нимъ, разумѣется, поголовно пошелъ бы весь Сѣверъ Руси, и онъ разбилъ бы королей въ прахъ, взялъ бы ихъ въ плѣнъ и за выкупъ отмежевалъ бы у нихъ къ Москвѣ множество старыхъ Русскихъ областей. Государство тотчасъ бы успокоилось, и Пожарскаго непремѣнно бы всею Землею единогласно выбрали бы въ цари и т. д., и т. д. Что̀ можно отвѣчать противъ такихъ полновѣсныхъ доводовъ!

Достоуважаемый историкъ, утвердивши, что Пожарскій человѣкъ *совершенно* рядовой, дюжинный, присовокупляетъ между прочимъ: „Тѣмъ не менѣе однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произнести объ немъ такой приговоръ“. Но тѣмъ не менѣе приговоръ произнесенъ, скажетъ всякій разсудительный читатель, даже поддерживается новыми доводами и къ сожалѣнію оставляетъ безъ оцѣнки существующія налицо и весьма достаточныя свидѣтельства источниковъ. Это тѣмъ не понятнѣе, что старца Аврамія Палицина историкъ защищаетъ даже противъ очевидности.

По словамъ достоуважаемаго историка, мы старца Аврамія *обвиняемъ* въ слѣдующемъ: „онъ беззастѣнчиво

сочинилъ, что Ляпуновское ополченіе собрано и подвинуто къ Москвѣ именно Троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ Московской разрухи.“ Это такъ и есть. Мы сказали только то, что въ дѣйствительности существуетъ и объяснили даже мотивъ, по которому явилась выдумка Аврамія. Уважаемый историкъ, въ опроверженіе якобы нашего навѣта на старца, развертываетъ его Сказаніе и находитъ не совсѣмъ то. Приводится вся 70-я глава Сказанія, изъ которой видно, что Рязанцы съ Ляпуновымъ переслались со всѣми Приволжскими городами, съ Казанью съ Татарами, обратили къ своей мысли даже и Заруцкаго съ казаками и Сѣверскими городами, и всѣ начали изъ городовъ изгонять Литву. Только! О грамотахъ, какъ и о собраніи подъ Москву, здѣсь ничего не говорится, и потому свидѣтельство вовсе не относится къ нашему обвиненію Палицына. Тоже подтверждаетъ и уважаемый историкъ, говоря: „До этого времени ни о какихъ грамотахъ отъ Троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впослѣдствіи, *когда Ляпуновъ былъ подъ Москвою* и Поляки зажгли столицу—разослаша грамоты во всѣ города...Но всѣмъ извѣстно, что Ляпуновъ еще далеко былъ отъ Москвы, когда она горѣла и когда дѣйствовалъ въ ней одинъ Пожарскій. Палицынъ прямо говоритъ, что это случилось 19 Марта 1611 г., что во вторникъ на Страстной, т. е. въ тотъ же день, прибѣжалъ въ монастырь съ извѣстіемъ сынъ боярскій Олехановъ и что *по семъ* разослаша грамоты, что сицевымъ грамотамъ достизающимъ въ городы, вси бояре и воеводы разгораюцеся духомъ, сославшеся и сподвигошася къ Москвѣ“. Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе пришедшихъ подъ Москву воеводъ и въ томъ числѣ отъ Коломны Ляпунова, который слѣдов., и по свидѣтельству старца, во время пожара подъ Москвою не былъ; а по собственному показанію пришелъ только 1 Апрѣля и, по тому же показанію, пришелъ по благословенію патріарха Гермогена, т. е. по его призывнымъ грамотамъ, разосланнымъ еще въ Генварѣ, о каковой пересылкѣ грамотъ, вѣроятно, и сказываетъ Аврамій въ приведенной 70 главѣ, вовсе не памятуя или не зная, или не желая знать, что это было дѣло Гермогена.

Совершенно справедливо (какъ обозначаетъ уважаемый историкъ), что сказанія Аврамія имѣютъ достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ, ибо самъ старецъ не заявлялъ претензіи написать правдивую лѣтопись съ точнымъ хронологическимъ обозначеніемъ дѣлъ и событій эпохи, или написать правдивую исторію въ теперешнемъ смыслѣ. Онъ писалъ „исторію благодѣяній Божіихъ, которыя показала Мати Слова Божія, совершивъ обѣщаніе Свое къ преподобному Сергію, что не отступна будетъ отъ обители его.“ Вотъ основная мысль его сказаній. Поэтому его исторія необходимо должна была выйдти Похвальнымъ Словомъ или эпопеей, гдѣ всѣ историческіе факты пошли только на подпору этой главной мысли. Оттого же, вмѣсто правдиваго описанія событій, происходившихъ въ дѣйствительности, онъ старательно изображаетъ событія, происходившія въ чувствѣ и воображеніи современниковъ, а болѣе всего тѣ событія, какія, согласно основной мысли сочиненія, возникали въ собственномъ его чувствѣ и воображеніи. Всякое простое дѣйствіе и дѣло онъ непремѣнно ведетъ изъ творчества чудесной стихіи и такъ наполняетъ повѣствованіе изображе-

ніемъ чудеснаго, что все оно является одною сплошною легендою, т. е. исключительно произведеніемъ фантазіи, хотя и съ употребленіемъ надобнаго историческаго матеріала. Его эпическіе тезисы или положенія таковы: избавленіе отъ враговъ Лавры и всей Россіи совершилось заступленіемъ Богоматери и предстательствомъ Св. Сергія и Никона; ясно, что и спасеніе Москвы должно было совершиться заступленіемъ Лавры, ибо здѣсь былъ Божій источникъ всякаго спасенія. А такъ какъ самымъ энергическимъ лицемъ въ Лаврѣ былъ ея келарь, старецъ Аврамій, то ясно также, что онъ и долженъ былъ являться всюду и во всѣ тѣ моменты, гдѣ дѣло спасенія колебалось или было сомнительно и могло устроиться лишь присутствіемъ, поученіемъ и движеніемъ этого старца. Великое событіе спасенія Лавры, Москвы и Отечества заступленіемъ Богоматери и предстательствомъ Прп. Сергія и Никона было дѣйствительнымъ событіемъ; оно совершалось именно въ чувствѣ и воображеніи народа, совершалось въ его религіозномъ духѣ и потому должно принадлежать къ такимъ же неоспоримымъ фактамъ Исторіи, какъ и всякій реальный ея фактъ. Историкъ имѣетъ обязанность изобразить это событіе во всѣхъ его болѣе или менѣе рѣшительныхъ положеніяхъ и явленіяхъ. Но историкъ въ этомъ случаѣ обязанъ также опредѣлить, какое мѣсто, въ фактахъ религіознаго духа, занимала личность старца Аврамія, который беззастѣнчиво выставилъ себя подвижникомъ на этомъ полѣ дѣйствій. Мы понимаемъ, что религіозная мысль народа могла приписать послѣдній важнѣйшій ударъ врагамъ въ Московской битвѣ съ Ходкѣвичемъ тому же Минину, рисуя въ этомъ Господню благодать, которая охрабряетъ слабыхъ и въ ратномъ дѣлѣ неискусныхъ, дабы показать, что не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю. Мы понимаемъ, что еслибы такого событія въ дѣйствительности и не было, то, по ходу религіозныхъ идей, оно должно было совершиться непремѣнно. Вотъ почему народъ съ особеннымъ чувствомъ и занесъ подвигъ Минина въ свои лѣтописи, между тѣмъ какъ о призваніи старца Аврамія быть исполнителемъ религіозной народной думы народъ не имѣлъ никакого понятія, и старецъ самъ уже постарался внести въ свою эпопею подвиги собственнаго чувства и воображенія, что онъ одинъ съ казаками именемъ св. Сергія нанесъ рѣшительный ударъ полкамъ Ходкѣвича. Уважаемый историкъ въ своей исторіи Смутнаго Времени однако далъ этому личному чувству и воображенію первое мѣсто предъ чувствомъ и воображеніемъ народа. Подвигъ старца поставилъ главнымъ, а подвигъ Минина придаточнымъ, дополнительнымъ, рядовымъ дѣйствіемъ и, не поминая о значеніи Мининскаго подвига, возвысилъ подвигъ старца слѣдующею отмѣткою: „Такъ, если только довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль,—одинъ человѣкъ (старецъ Аврамій) нравственною силою своей личности и своего слова спасъ тогда Русское дѣло!" Какъ будто не было другихъ свидѣтельствъ, что все это происходило иначе. Достоуважаемый историкъ и теперь увѣряетъ, что сказаній старца „повѣрить будто бы *нечѣмъ* и отвергать ихъ также будто бы нѣтъ основанія; что хотя и *чувствуется*, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласитъ (этотъ)

источникъ, но нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе—нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе". Основанія для повѣрки сказаній Аврамія лежатъ въ его же сочиненіи, а данныя, что дѣло со всѣмъ не такъ происходило, находятся въ лѣтописяхъ, гдѣ о подвигѣ Аврамія не говорится ни слова. Мало ли что можетъ написать о себѣ любая личность! Но и сущую правду изъ устъ самой личности о собственномъ ея геройствѣ Исторія принимаетъ всегда съ большимъ сомнѣніемъ и осторожностью и ни въ какомъ случаѣ не помѣститъ ее въ передній уголъ своего повѣствованія, въ виду свидѣтельствъ, отрицающихъ такую правду или вовсе о ней не вѣдающихъ.

И. Забѣлинъ.

ЗАМѢТКА.

Въ книгѣ 4-й „Бесѣды" 1872 года, въ началѣ своей статьи противъ моего мнѣнія о Варягахъ-Руси, М. П. Погодинъ замѣтилъ что „подстрочныя возраженія" онъ предоставляетъ молодымъ изслѣдователямъ. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Квашнинъ-Самаринъ, уже и выступилъ, также въ „Бесѣдѣ" (см. книгу 2-ю этого журнала).

Что̀ сказать о возраженіяхъ молодаго изслѣдователя, на котораго ссылается достоуважаемый М. П. Погодинъ?

Весьма много отваги и самоувѣренности, и очень мало логики. Что бы отзывъ нашъ не показался голословнымъ, позволяемъ себѣ привести цѣлую страницу изъ статьи нашего возражателя:

„Господинъ Иловайскій ставитъ на видъ, что здѣсь упомянуто о завоеваніи окрестныхъ народовъ, которое предшествовало походу на Грековъ; что, по словамъ того же Фотія, война произошла вслѣдствіе убійства какихъ-то Русскихъ Греками: значитъ, уже успѣла завязаться морская торговля; что, наконецъ, если Русскіе были пришельцами, то трудно понять, откуда могъ набрать Аскольдъ около десяти тысячъ Русскихъ воиновъ, когда его отрядъ составлялъ, если вѣрить лѣтописи, только меньшую часть Руси, и когда населеніе всей Скандинавіи, взятой вмѣстѣ, было въ ту пору очень еще не велико. Но намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія съ лѣтописью. Изъ словъ Фотія отнюдь нельзя вывести заключенія, чтобы между прибытіемъ Варяговъ въ Кіевъ и походомъ ихъ на Грецію непремѣнно должно было пройти болѣе времени, чѣмъ полагаетъ Несторъ (около года). Подъ завоеваніемъ окрестныхъ народовъ Фотій очень легко могъ разумѣть завоеваніе Русью Словенъ, Кривичей, Мери, Муромы, наконецъ Полянъ. Ему, кажется, представлялось, что Русь идетъ отъ Океана сплошною массою, покоряя на пути разныя земли. Онъ не обязанъ былъ знать, что Аскольдъ воевалъ отдѣльно отъ Рюрика. Древней торговли Русскихъ съ Греками тоже изъ его словъ не видать. Просто появились на Черномъ морѣ Русскіе -- не то купцы, не то корсары. Греки ихъ перебили; а Кіевскіе князья уже мечтали о разграбленіи Царяграда, были рады предлогу,—ну, и местью считали себя обязанными. Впрочемъ, за хронологію лѣтописи мы не стоимъ. Мало вамъ года,—ну, накиньте сколько нужно: хоть десять или двадцать. Это дѣло личнаго вкуса. А многочисленность Аскольдова войска мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что въ немъ много было Полянъ. Что они охотно пошли за нимъ, мудренаго въ этомъ нѣтъ: они приняли добровольно Русскихъ и кромѣ того надѣялись на богатую добычу. Да и собственная дружина Аскольда могла быть очень

многолюдна. Настоящихъ Русскихъ, конечно, было не много, но чуть только Рюрикъ занялъ Гардарикъ, онъ, понятное дѣло, кликнулъ кличь по всей Скандинавіи, и вы думаете, мало нашлось охотниковъ участвовать въ дѣлежѣ цѣлой Скиѳіи? Что въ тогдашней Скандинавіи можно было набрать не одно войско, видно изъ того, что въ 9 и 10 вѣкахъ Норманы покорили половину Англіи, половину Ирландіи и часть Франціи, да кромѣ того грабили отъ Шотландіи и Новгорода до Севильи и Сициліи. А народы, съ которыми они имѣли дѣло, были похрабрѣе Грековъ. Черное море не могло остановить Нормановъ, которые не стѣснялись неизвѣстностію путей. Имъ ли было выжидать времени, когда они ознакомятся ближе съ заливами, теченьями и вѣтрами? (одно изъ возраженій Иловайскаго).*) Вѣдь они и въ Америку плавали безъ компаса! Г. Иловайскій удивляется, какъ это Русскіе, т. е. Варяги могли такъ легко покорить такое огромное пространство и притомъ въ столь короткое время. А дѣло-то очень просто. Гардарикъ былъ населенъ множествомъ мелкихъ народовъ, не могшихъ дѣйствовать сообща. Поволжской Чуди не было причинъ стоять за свободу Новгорода. Кривичей было нѣсколько племенъ, и Русь покоряла ихъ по одиночкѣ; Вятичей она затронула только много лѣтъ спустя. Поляне, Сѣверяне и Радимичи и раньше платили дань чужеродцамъ; Древляне какъ ни были храбры, а все-таки противъ Нормановъ не могли стоять, да притомъ тоже были подѣлены на мелкіе роды. Что тутъ темнаго? Все ясно, какъ день.“ (стр. 51—52)

Тутъ цѣлый потокъ смѣлыхъ и разнообразныхъ домысловъ и соображеній. На предыдущей страницѣ авторъ склоняется къ тому, что для Фотія Руссы были неизвѣстный народъ; а на страницѣ, приведенной нами, Фотій уже *очень легко могъ разумѣть* завоеваніе Русью Славянъ, Кривичей, Мери и пр., и Русь представлялась ему *сплошною массою идущею отъ Океана*; въ тоже время онъ *не обязанъ былъ* знать, что Аскольдъ отдѣльно воевалъ отъ Рюрика. Далѣе, хотя Русь и шла сплошною массою отъ Океана, но многочисленность Аскольдова войска объясняется Полянами, которые *добровольно* приняли Русь и тотчасъ бросились подъ Константинополь (между тѣмъ, по замѣчанію Погодина, это было *тихое*, *смирное* племя, не умѣвшее плавать по морю). Впрочемъ можно обойтись и безъ Полянъ, такъ какъ Аскольдова дружина *могла быть* очень многолюдна. Многолюдство ея произошло отъ того, что Рюрикъ, *понятное дѣло*, кликнулъ кличъ по всей Скандинавіи, и охотниковъ нашлось очень много; ибо, во первыхъ имъ предстоялъ ни болѣе, ни менѣе какъ *дѣлежъ цѣлой Скиѳіи*, а во вторыхъ они въ это время покорили половину Англіи и грабили отъ Новгорода до Севильи.

Замѣчательно также слѣдующее соображеніе. Нормановъ не могло *остановить* Черное море (хотя между ними и этимъ моремъ лежалъ обширный материкъ): ибо они были такіе молодцы, что плавали безъ компаса еще въ то время, когда компасъ не былъ изобрѣтенъ. Но интереснѣе всего объясненіе, почему Норманы такъ легко и скоро покорили восточную Европу, хотя собственно это объясненіе казалось бы излишнимъ: для такихъ людей, которые плавали безъ компаса въ Америку, развѣ могло быть что нибудь труднаго? Оказывается однако, что для нихъ на Руси были еще и разныя облегчающія обстоятельства. А именно: *множество* мелкихъ на-

*) Мимоходомъ замѣчу, что ни о какихъ теченіяхъ и вѣтрахъ у меня не говорится. Д. И.

родовъ въ Гардарикіи, равнодушіе Чуди къ свободѣ Новгорода, отдаленность Вятичей, дѣленіе Кривичей на нѣсколько племенъ, такое же дѣленіе Древлянъ, которые хотя и были храбры, но не въ той степени какъ Норманны, и наконецъ совершенно парализованное состояніе Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей въ слѣдствіе уже платимой ими дани. Правда, *все это ясно какъ день*; но для вящей ясности мы бы желали еще знать: не имѣли ли Норманны уже до изобрѣтенія пороха какихъ либо огнестрѣльныхъ снарядовъ, которыми пугали упомянутыхъ туземцевъ, какъ это дѣлали завоеватели Америки и Сибири?

Однако, при всѣхъ этихъ блистательныхъ доказательствахъ въ пользу Норманской теоріи, новый ея защитникъ позволяетъ себѣ дѣлать отъ нея значительныя отступленія. Во первыхъ, онъ какъ бы отрицаетъ призваніе Варяговъ и прямо говоритъ о завоеваніи ими Новогородскихъ Славянъ (дѣйствительно, такіе люди, которые, спустя лѣтъ полтораста, плавали въ Америку, не нуждались въ призваніи). Во вторыхъ, онъ *не стоитъ* за хронологію нашей лѣтописи и готовъ подвинуть ее назадъ лѣтъ на десять, на двадцать, однимъ словомъ на *сколько нужно*. Удивляюсь, какъ Погодинъ, строго упрекавшій Шлёцера за его сомнѣніе относительно той же хронологіи, въ настоящее время допускаетъ такую ересь между защитниками норманизма?

Вотъ еще примѣръ весьма смѣлаго соображенія. Тамъ, гдѣ самъ Погодинъ рѣшается говорить только о соотвѣтствіи между Скандинавскими и Славянскими божествами и даетъ только понять, что имена первыхъ въ нашей лѣтописи могли быть подмѣнены именами послѣднихъ, тамъ его новый союзникъ не допускаетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. „Перунъ есть несомнѣнно Торъ, тутъ и споръ невозможенъ." А „подъ богомъ *вѣроятно* разумѣется верховный богъ Одинъ." (стр. 54). Дѣло въ томъ, что въ Игоревомъ договорѣ съ Греками есть выраженія: „да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна" или: „да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна." До сихъ поръ всѣ думали, что это просто значитъ: отъ бога Перуна. Никому и въ голову не приходило строить что либо на разстановкѣ частицъ въ данномъ случаѣ; тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ лѣтописи ясно сказано: „кляшася Перуномъ, богомъ своимъ". Оказывается, что всѣ ошибались; что подъ словомъ *богъ* тутъ разумѣется Одинъ, даже не Славянскіе Хорсъ или Дажбогъ, о которыхъ далѣе упоминаетъ лѣтопись, а именно Скандинавскій Одинъ.

Наука должна быть очень благодарна г. Квашнину-Самарину за такое важное открытіе. Вообще, хотя онъ и недавно выступилъ на поприще изслѣдованій, тѣмъ не менѣе уже сильно подвинулъ впередъ науку Русскихъ древностей. Особенно обращаемъ вниманіе читателей на его статью *Очеркъ Славянской миѳологіи* (Бесѣда, 1872. IV). Тѣ запутанныя и темныя стороны этого предмета, надъ которыми до сихъ поръ задумывался не одинъ серьёзный изслѣдователь, г. Квашнинъ-Самаринъ распуталъ и разъяснилъ съ удивительною легкостію, такъ что мы имѣемъ теперь свой стройный и свѣтлый Олимпъ, не уступающій Греческому. Еще нѣсколько подобныхъ изслѣдованій, и въ древней Русской исторіи не останется ни одного темнаго вопроса: все сдѣлается ясно какъ день.

Д. Иловайскій.

Дополненіе къ стр. 2042-й

(Духовныя завѣщанія графа Аракчеева.)

Мнѣ, какъ бывшему врачу его сіятельства (графа Аракчеева) и хорошо знакомому съ генераломъ фонъ-Фрикеномъ, извѣстно, что графъ только и мечталъ о передачѣ всего своего имѣнія бывшему камандиру его имени полка, начальнику пѣхотныхъ округовъ Новогородской губерніи, генералу-лейтенанту Ѳедору Карловичу фонъ-Фрикену, который просилъ у графа позволенія объявить о томъ Государю Николаю Павловичу и вмѣстѣ подать просьбу въ отставку; но графъ Аракчеевъ ни подъ какимъ видомъ на это не согласился.

Иванъ Европеусъ.

Въ будущемъ 1873 году мы можемъ *навѣрное* обѣщать читателямъ Русскаго Архива между прочими слѣдующія статьи.

Изъ писемъ о воспитаніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

(Отъ *Жуковскаго* къ покойной Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ).
Подробное жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова.
Записки Іакова Ивановича Ростовцева.
Обширныя выдержки изъ Записокъ Н. И. Греча.
Записки Ивана Алексѣевича Шестакова.
Бумаги и записки князя В. Ѳ. Одоевскаго.
Записки о жизни А. С. Пушкина.
Письма изъ Россіи въ Англію въ началѣ XIX столѣтія.
Еще главы изъ Калейдоскопа Воспоминаній г. Ципринуса.
Донесенія изъ Швеціи императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ графа Н. И. Панина.
Полный переводъ съ Англійскаго депешъ л. Мальмсбюри о Россіи при Екатеринѣ II-й.
Новыя главы изъ Записокъ Н. В. Берга о Польскомъ возстаніи.
Масонскія письма І. А. Поздѣева.
Новыя письма и бумаги Екатерины II-й, А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго.
Выдержки изъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго.
П. А. Плетневъ въ его перепискѣ съ малоизвѣстными дѣятелями словесности.
Памятныя Записки В. Н. Зиновьева.
Записки Прусака-очевидца о Петрѣ Великомъ и пр. и пр.
Это статьи, уже приготовленныя къ печати. Не считаемъ нужнымъ перечислять многосложной и обильный запасъ такъ называемыхъ сырыхъ историческихъ матеріаловъ, что могло бы занять не одну страницу.

По древней Русской исторіи въ Русскомъ Архивѣ 1873 года примутъ ближайшее участіе *А. Е. Викторовъ, И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій* и *Г. Ѳ. Карповъ.*

ОБЩАЯ ПРЕДМЕТНАЯ РОСПИСЬ

СОДЕРЖАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

ИЗДАННАГО

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

Петромъ Бартеневымъ

ЗА

ПЕРВЫЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ

(1863—1872)

1020 СТАТЕЙ СЪ АЗБУЧНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ РОСПИСИ ЛИЦЪ.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ воротъ, домъ Шиловой.
1873.

ОБЩАЯ РОСПИСЬ

СОДЕРЖАНІЮ РУССКАГО АРХИВА

ЗА ПЕРВЫЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЗДАНІЯ.

(1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871 и 1872).

Указанія страницъ на 1863, 1864 и 1865 годы сдѣланы по вторымъ болѣе распространеннымъ изданіямъ этихъ годовъ.

ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

1. Спасъ - Нередица. Церковь XII вѣка. Археологическое описаніе *Скалдина* (Псевдонимъ) **1871**, 1273—1280.
2. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное Время. *И. Е. Забѣлина.* **1872**, 353—424, 581—621 и 881—926. Дополнительныя страницы къ статьѣ *И. Е. Забѣлина* о Мининѣ и Пожарскомъ. **1872**, 1213—1215.
3. Поясненія къ статьѣ: „Мининъ и Пожарскій" (отвѣтъ Костомарову) *И. Е. Забѣлина.* **1872**, 2458—2499.
4. Правда о Сусанинѣ (сводъ мѣстныхъ преданій) Протоіер. *Алексѣя Домнинскаго.* **1871**, 01—034.
5. Еще отповѣдь г. Костомарову. (о Сусанинѣ) *В. И. Дорогобужинова.* **1871**. 1729—1734.
6. Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго (1614 года), съ замѣткою *К. Н. Бестужева-Рюмина.* **1863**, 42—82.
7. Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. *Л. И. Яковлева.* **1863**, 82—84.
8. Списокъ съ челобитной *Василія Васильева сына Полозова.* **1865**, 19—24.
9. Объ указѣ царя Алексѣя Михаиловича касательно Нѣмцевъ. Замѣтка *А. А. Гатцука.* **1871**, 0249.
10. Родъ Нарышкиныхъ. Генеалогическое изслѣдованіе *А. А. Васильчикова.* **1871**, 1487—1519.
11. Поправки къ статьѣ о родѣ Нарышкиныхъ. **1871**, 1960.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЕКАТЕРИНА I-Я.

12. Глава изъ біографіи Петра Великаго. (Первые годы жизни) академика *М. П. Погодина.* **1872**, 2045—2061.

трѣ I, съ придисловіемъ *М. Д. Хмырова*. **1866**, 1291—1300.

38. Путешествіе въ святую землю священника *Іоанна Лукьянова*. **1863**, 129—332.
39. Замѣтка о путешествіи Лукьянова, *П. И. Бартенева*. **1863**, 332—333.
40. Еще о путешествіи Лукьянова, *Г. А. Милорадовича*. **1864**, 1167—1168.
41. Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ Великомъ. Переписка директора Московской Синодальной типографіи *Ѳедора Поликарпова* съ начальникомъ монастырскаго приказа гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ (1715—1717). **1868**, 1041—1057.
42. Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя *Стефана Рамбурха*. **1867**, 1187—1188.
43. Письмо *Спафарія* къ боярину Головину. **1867**, 308—309.
44. Письма (*гр.*) *П. А. Толстаго* изъ Турціи къ брату его И. А. Толстому. **1864**, 144—160.
45. Похв. слово *Софронія Лихуды* Екатеринѣ I, съ замѣткою *В. М. Ундольскаго* **1863**, 337—356.
46. Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія. **1864**, 160—207.
47. Хозяйственныя распоряженія *Екатерины Іоанновны и Прасковьи Іоанновны*. **1865**, 323—330.
48. Письма герцогини Голштинской *Анны Петровны*, императрицы *Анны Іоанновны* и камеръ-фрау *Юшковой* къ П. И. Машкову. **1868**, 1861—1863.

ПЕТРЪ II-Й, АННА ІОАННОВНА И ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ.

49. Росписи царской охоты, утвержденныя импер. Петромъ II-мъ. **1869**, 1675—1681.
50. Прошеніе Малороссіянъ императору Петру II. **1864**, 207—217.
51. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ. **1867**, 321—332.
52. Ссылка графа Санти въ Сибирь. **1866**, 273—284.
53. Царствованіе Анны Іоанновны (изъ Германа), переводъ съ *Нѣмецкаго*. **1866**, 1—38, 137—171, 661—674, 1349 — 1374, 1508—1538.
54. Диспозиція и церемоніалъ торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургъ, 16 Генваря 1732 года. **1867**, 332—341.
55. Донесеніе Московскаго генералъ-губернатора *гр. С. А. Салтыкова* императр. Аннѣ о кн. Долгорукихъ. **1866**, 46—48.
56. Изъ жизни государыни-невѣсты княжны Е. А. Долгорукой, статья *Р. Г. Игнатьева*. **1866**, 38—46.
57. Памятныя записки книги *Натальи Борисовны Долгорукой* (полный текстъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями). **1867**, 1—64.
58. Челобитная княгини *Н. Б. Долгорукой*. **1867**, 1167—1168.
59. Бисмаркъ на Русской службѣ, *князя Авг. П. Голицына*. **1867**, 904—911.
60. Для біографіи герцога Бирона (сообщено *С. М. Соловьевымъ*). **1867**, 469—473.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

83. О выходѣ Минштейна изъ Русской службы. Подлинныя современныя бумаги. **1872**, 791—805.
84. Совѣтъ Фридриха Великаго имп. Елисаветѣ Петровнѣ (объ угнетеніи Брауншвейской фамиліи). **1866**, 1541—1544.
85. Русскіе солдаты въ Пруссіи. **1866**, 1539—1541.
86. Четыре письма Императрицы *Елисаветы Петровны* къ Ѳ. С. Вишневскому съ предисловіемъ *С. И. Лашкевича*. **1870**, 273—280.
87. Рескриптъ *Елисаветы Петровны* въ Парижъ графу Чернышеву, 1761 года. **1870**, 1417—1422.
88. Два письма Арсенія Мацѣевича къ имп. Елисаветѣ. **1866**, 50—52.
89. Къ характеристикѣ Арсенія Мацѣевича (его мѣры по Ярославской епархіи). **1863**, 376—380.
90. Письма о докторѣ Санхецѣ, устраненномъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства. **1870**, 280—284.
91. Письмо *герцога Бирона* къ его дочери, съ предисловіемъ *барона Ѳ. А. Бюлера*. **1871**, 1906—1914.
92. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758 г. Черта Русской политики Елисаветинскаго времени. **1869**, 737—740.
93. Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ (1760). **1864**, 227—274.
94. Михайло-Медвѣдь, разбойничій есаулъ. Статья *Н. П. Розанова*. **1869**, 1082—1088.
95. Къ исторіи Семилѣтней войны, Записки пастора Теге. **1864**, 274—336.
96. Письмо канцлера гр. Бестужева-Рюмина къ Константинопольскому патріарху о скоромной пищѣ въ посты. **1865**, 351—354.
97. Бумаги И. И. Шувалова. **1867**, 65—97.
98. Письма гр. Михаила Петровича Бестужева-Рюмина къ Ивану Ивановичу Шувалову. **1863**, 367—375.
99. Письма *И. И. Шувалова* и *М. Л. Воронцова* (1757—1761) и записка *Екатерины II-й* о денежныхъ дѣлахъ ея матери, съ предисловіемъ князя *М. А. Оболенскаго*. **1870**, 1393—1417.
100. Письма *графа М. Л. Воронцова* къ И. И. Шувалову. **1864**, 336—400.
101. Письма къ И. И. Шувалову: 1) *Графа А. Б. Бутурлина*. 2) *Графа М. Л. Воронцова*. 3) *Графа И. Г. Чернышева*. **1869**, 1767—1870.
102. Бумаги князя Михаилы Никитича Волконскаго. **1865**, 681—722.
103. Анатолій Мелесъ, епископъ. Историческій очеркъ, по новооткрытымъ бумагамъ, *Н. И. Григоровича*. **1870**, 689—743.
104. Салтычиха. Статья П. Г. Кичѣева. **1865**, 641—652.
105. Помѣстье Салтычихи. *Д. О. Шепинга*. **1871**. 1281—1286.

ПЕТРЪ III-й.

106. Письма *Петра III* къ И. И. Шувалову. **1866**, 580—583.
107. Мнѣніе бывшаго императора *Петра III-го*, посланное имъ въ Св. Синодъ. **1871**. 2055.
108. Вопросъ о Курляндскомъ гер-

ЕКАТЕРИНА II-я.

(*лично*)

ЕКАТЕРИНА II-Я.

(Ея время).

188. Матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи (1772—1814). **1863**, 500—603.
189. Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученаго Общества 1782 г., съ предисловіемъ *М. П. Полуденскаго*. **1863**, 610—620.
190. Ода Дружескому Ученому Обществу, *Ѳ. П. Ключарева*. **1863**, 621—626.
191. Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ". **1863**, 605—610.
192. О книгѣ *Сабатье де Кабра:* Catherine *II*. **1863**, 481—486.
193. Замѣтка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ 18 вѣкѣ. *Н. С. Киселева*. **1863**, 626—627.
194. Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка, съ замѣтками *А. В. Терещенка*. **1865**, 983—988.
195. Канцеляріи правительствующаго сената приказъ о говѣніи въ великій постъ. **1867**, 365.
196. О большомъ императорскомъ алмазѣ. **1866**, 644—646.
197. Черта нравовъ, сто лѣтъ назадъ. **1867**, 189—191.
198. Кое-что о временахъ Екатерины (Изъ Записокъ *Н. В. Сушкова*) **1865**, 614—624.
199. Мелочи изъ прошлаго. *Ю. В. Толстаго*. **1865**, 1375—1376.
200. Письма Германской принцессы (тещи в. кн. Константина Павловича) о Русск. Дворѣ 1795 г. **1869**, 1089—1102.
201. Разсказы князя С. М. Голицына, записанные *М. П. Полуденскимъ*. **1869**, 627—644.
202. Изъ давнихъ воспоминаній, статья *В. В. Селиванова*. **1869**, 153—174.

ЕКАТЕРИНА II-Я.

(*Люди ея времени*)

203. Случайные люди (изъ Гельбига). Переводъ съ Нѣмецкаго *М. Н. Лонгинова*, съ примѣчаніями и дополненіями. **1865**, 383—442.
204. Замѣтка о Гельбигѣ. **1865**, 443—444.
205. Сатирическій каталогъ при дворѣ *Екатерины II-й*. 1765 года. Съ объясненіями *М. Н. Лонгинова*. **1871**, 2039—2054.
206. Первые пособники Екатерины II. **1864**, 401—404.
207. Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1762 года. *М. Н. Лонгинова*. **1867**, 481—486.
208. Еще нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й. Замѣтки *М. Н. Лонгинова*. **1870**, 965—969.
209. Нѣсколько словъ о семействѣ Баташовыхъ. *Т. Толычевой*. **1871**, 2112 — 2118.
210. Письмо (кн.) *А. А. Безбородка* къ С. С. Зиновьеву о нашихъ сношеніяхъ съ Испаніею. **1869**, 210—213.
211. Записка о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго. *Гр. Д. Н. Блудова*. **1865**, 657—677.
212. Къ запискѣ о бунтѣ Беніовскаго. Письмо вице-канцлера *кн. А. М. Голицына* къ нашему резиденту въ Парижѣ Н. К. Хотинскому. **1865**, 677—678.
213. Замѣтка о Беніовскомъ, *К. П. Побѣдоносцева*. **1865**, 678—680.
214. Письмо *Бецкаго* къ имп. Екатеринѣ II. **1865**, 493—494.

242. Письмо гр. *Н. И. Панина* къ гр. Нессельроду-отцу. **1867**, 506—507.
243. Изъ архива графа В. Н. Панина. Бумаги о первомъ раздѣлѣ Польши. **1871**, 1761—1856.
244. Изъ бумагъ Диканьскаго архива: 1) Докладъ *графа Панина* о преобразованіи въ управленіи государства, 2) Двѣ бумаги *графа Панина* по поводу кончины Іоанна Антоновича. 3) Мысль *графа П. А. Румянцева-Задунайскаго* объ устройствѣ воинской части въ Россіи. **1871**, 1408—1446.
245. Изъ архива графа В. Н. Панина (дипломатическая переписка по дѣламъ Польскимъ; дневныя записки чрезвычайнаго сейма 1773 г.; Польскій символъ вѣры и десять заповѣдей; исчисленіе обидъ причиненныхъ Россіи и пр.) **1872**, 1—97.
246. Изъ бумагъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника *Екатерины II-й*: **1871**. Письма къ нему: Статсъ-секретаря Кузмина 201. Княгини Прасковьи Шаховской 203. Архимандрита Кіево-печерскаго Зосимы 209. Архитектора князя Макулова 210. Протоіерея Петра Алексѣева 211. Князя Безбородки 234. Г. Р. Державина. 236.
247. Отрывокъ жизни *Василія Пассека*, имъ самимъ сочиненный въ С.-Петербургской градской тюрьмѣ въ 1803 г. **1863**, 627—776.
248. А. Я. Полѣновъ, Русскій законовѣдъ XVIII вѣка. Статья *Д. В. Польнова*. **1865**, 557—614.
249. Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетиловскаго Архива. **1865**, 805—851.
250. Изъ бумагъ Василія Степановича Попова. **1865**, 771—804.
251. Замѣтка для разсказовъ между друзьями *В. С. Попова*. **1865**, 642.
252. Письма *С. А. Порошина* къ гр. Г. Г. Орлову. **1867**, 192—197 и **1869**, 64—66.
253. Собственноручныя бумаги кн. *Потемкина-Таврическаго*. **1865**, 721—744.
254. Жизнь и дѣянія генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Соч. *графа А. Н. Самойлова*. **1867**, 575—606, 993—1027, 1203—1262.
255. Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго. **1865**, 745—766.
256. Замѣтка (съ письмами кн. *Потемкина*) *П. С. Лебедева*. **1865**, 767—772.
257. Письмо *князя Потемкина* къ Екатеринѣ II-й. **1870**, 549—550.
258. Хозяйственное распоряженіе *князя Потемкина* (о висѣлицахъ). **1869**, 920—922.
259. Письмо *Петра Алексѣева* къ кн. Потемкину. **1863**, 603—605.
260. Потемкинскій праздникъ 1791 года. Письмо *Т. П. Кирьяка*. **1867**, 673—694.
261. Гробница князя Потемкина. *М. Ѳ. Шугурова*. **1867**, 203—218.
262. Дополненія къ статьѣ о гробницѣ князя Потемкина. **1867**, 1181—1184.
263. Два манифеста *Пугачева* (1774). **1870**, 291—294.
264. Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", статья *М. Н. Лонгинова*. **1868**, стр. 1811—1819.
265. Радищевъ и его книга. Изслѣдованіе *М. Ѳ. Шугурова*. **1872**, 927—953.

ПАВЕЛЪ I-й.

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

АЛЕКСАНДРЪ I-Й.

(*лично*).

341. Записка, поданная кн. *А. Б. Куракинымъ* императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. **1869**, 1125—1138.

342. Донесенія изъ Франціи *князя А. Б. Куракина* императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ I-мъ (1809—1811). Французскіе новооткрытые подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**, 1—136.

343. Письмо *князя А. Б. Куракина* къ государственному канцлеру графу *Н. П. Румянцеву* о томъ же (1811). **1870**, 135—162.

344. Донесенія императору Александру Павловичу сенатора *Каверина* о Смоленской губерніи въ 1812 году. **1871**, 1612—1636.

345. Письмо *В. С. Ланскаго* къ имп. Александру I о Польшѣ. **1863**, 839—842.

346. Донесенія *гр. М. А. Дмитріева-Мамонова* въ 1814 г. императору Александру Павловичу. **1871**, 0121.

347. Изъ письма *В. С. Попову* къ Александру I. **1864**, 570—571.

348. Записка о католическомъ духовенствѣ, поданная императору Александру Павловичу митрополитомъ *Сестренцевичемъ*. **1870**, 1745—1768.

349. О возстановленіи новаго Славяносербскаго государства. Записка митрополита *Стратиміровича* имп. Александру 1804 года. **1868**, 112—120.

350. Объ отношеніи императора Александра Павловичу къ католичеству, замѣтка *Д. Н. Свербеева*. **1870**, 1811—1818.

АЛЕКСАНДРЪ I-Й.

(Его время)

351. Неизданная ода графу Потоцкому 1803 года (о правахъ дворянства) съ предисловіемъ *М. Н. Лонгинова*. **1869**, 1377—1383.

352. Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 г. (Сообщено *К. М. Петровымъ*. **1870**. 954—959.

353. Переправа черезъ Березину. (Изъ Записокъ адмирала *Чичагова*). **1869**, 1147—1178.

354. Два листка изъ дорожной книжки Русской полковой дамы 1814 года. **1870**, 2071—2076.

355. Какъ былъ взятъ Русскими войсками городъ Соассонъ и какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ войну 1814 года. Изъ Дневника и Воспоминаній *Липранди*. **1868**, 903—925.

356. Свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза статскаго совѣтника *Іоаннова*. **1872**, 2334—2354.

357. Новое свѣдѣніе о кавалеристъ-дѣвицѣ. **1872**, 2043.

358. Къ исторіи библейскихъ обществъ въ Россіи (письма митрополита *Серафима*, епископа Пензенскаго *Иннокентія*, архим. *Фотія* и графа *Аракчеева*) съ примѣчаніями отца *М. Я. Морошкина*. **1868**, 940—951.

359. Дѣло объ открытіи въ Смоленскѣ отдѣленія библейскаго общества. **1868**, 1395—1403.

360. Списокъ членамъ совѣта и справы ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокѣ Мобежа. **1865**, 1091—1096.

361. Черты Русской политики въ 1819 году. Статья *М. Ѳ. Шугурова*, съ приложеніемъ диплома-

тическихъ бумагъ на Французскомъ языкѣ и Русскаго перевода ихъ. **1867,** 861—903.

362. Записка о крамолахъ враговъ Россіи, съ объяснительнымъ введеніемъ и примѣчаніями отца *М. Я. Морошкина*. **1868,** 1329—1391.

363. Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1820). **1865,** 553—558.

364. Частное письмо изъ С. Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года. **1868,** 1820—1828.

365. Семеновская исторія 1820 года. Мнѣніе (*князя) И. В. Васильчикова*, съ предисловіемъ *Д. А. Кропотова*. **1870,** 1777—1812.

366. О наводненіи 1824 г. *Баянуса*. **1870,** 1559—1566.

367. Письмо *князя П. М. Волконскаго* къ (гр.) А. А. Закревскому о кончинѣ императора Александра Павловича. **1870,** 627—630.

368. Памятныя замѣтки Вологжанина (Магницій, Сперанскій, Дюгуровъ, Словцовъ, Каразинъ, Макшеевъ, Монаковъ, Трощинскій и пр). *Ѳ. Н. Фортунатова*. **1867,** 1646—1707.

1812 ГОДЪ,

369. Новыя подлинныя черты изъ исторіи отечественной войны 1812 г. **1864,** 786—833.

370. Къ исторіи 1812 года. **1866,** 689—735. (Замѣтки *А. Я. Булгакова*).

371. Замѣтка о 2 Сентября 1812 г. *М. Ѳ. Шугурова*. **1867,** 304—307.

372. Изъ Записокъ гр. *Василія Алексѣевича Перовскаго*, о 1812 годѣ. **1865,** 1031—1058.

373. Бумаги изъ эпохи 1812—1814 годовъ съ предисловіемъ *Г. Н. Александрова*. (Письма *императора Александра Павловича къ* кн. Кутузову-Смоленскому и гр. Барклаю де Толли, Образованіе Верховнаго Совѣта для управленія Варшавскимъ герцогствомъ, докладныя записки графа Барклая де Толли и пр.) **1871,** 1537—1612

374. Письма изъ эпохи 1812—1815 годовъ: кн. *Ю. В. Долгорукаго, гр. Ѳ. В. Ростопчина, гр. М. И. Платова, гр. А. А. Аракчеева, гр. М. И. Барклая де Толли и кн. М. Л. Кутузова-Смоленскаго*. **1871,** 149—162.

375. Къ исторіи 1812 года. О фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ. **1865,** 1058—1062.

376. Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 года. *И. П. Липранди*. **1865,** 1061—1072.

377. Еще объ исторіи отечественной войны, сочиненной Богдановичемъ. *И. П. Липранди*. **1865,** 1077—1090.

378. Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812 году. Разсказъ очевидца, штатнаго служителя *Семена Климыча*. **1864**. 843—858.

379. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ (Изъ подлинныхъ донесеній императору Александру Павловичу.) **1869,** 1387—1399.

380. Разсказы изъ исторіи 1812 г. (собственноручная тетрадь *А. Н. Оленина*) **1868,** 1983—2000.

381. Два разсказа изъ исторіи 1812. **1868,** 1675—1676.

382. Три разсказа изъ исторіи 1812 года. *В. Б-ра*. **1868,** 1866—1872.

АЛЕКСАНДРЪ І-Й.

(*Люди его времени*)

433. Бумаги о кончинѣ и погребеніи патріарха Григорія. **1871**. 1920—1939.
434. Письма кн. *Михаила Петровича Долгорукова*. **1865**, 1009—1030.
435. 17 писемъ великой княгини *Екатерины Павловны* къ Ф. П. Деволану. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**, 1967—2014.
436. Замѣтки *А. П. Ермолова* объ его молодости, **1867**, 366—376.
437. Разговоръ съ *А. П. Ермоловымъ*. **1863**, 854—860.
438. Встрѣча моя съ А. П. Ермоловымъ. Изъ воспоминаній *Н. В. Берга*. **1872**, 985—992.
439. Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ А. А. Закревскомъ. **1865**, 1115—1124.
440. Изъ записной книжки *Алексѣя Осиповича Имберга*. **1870**, 373—404.
441. Воззваніе къ Грекамъ *кн. Александра Ипсиланти*, въ 1821 г. **1868**, 293—297.
442. Выписка изъ моихъ воспоминаній *А. И. Казначеева*. **1871**. 183—186.
443. Письма фельдмаршала *графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго* къ сыну его гр. Николаю Михайловичу, 1806—1809, съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями. **1868**, 1489—1528.
444. Театръ графа Каменскаго къ Орлѣ. (Изъ Записокъ *графа М. Д. Бутурлина*). **1869**, 1708—1714.
445. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. **1866**, 113—126.
446. Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 году, по повелѣнію Александра Павловича, *гр. Канкринымъ*. **1865**, 542—552.
447. Изъ записной книжки *П. М. Языкова* (о графѣ Е. Ф. Канкринѣ). **1867**, 392—395.
448. Записка *Н. А. Райка* объ убіеніи графа Каподистріи. **1869**, 881—919.
449. Письмо графа *И. А. Каподистріи* къ гр. А. Х. Бенкендорфу о Н. А. Райкѣ. **1868**, 313—317.
450. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта графа *Е. Ѳ. Комаровскаго*. **1867**, 219—248; 521—575; 748 788; 1276—1330.
451. Замѣтки и поправки а) *И. С. Ульянова* (о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ) и б) *С. Д. Комовскаго* (о Московской присягѣ 1825 года) **1868**, 1031—1040.
452. Письма *цесаревича Константина Павловича* къ маркизѣ де Кюбьеръ. **1870**, 401—430.
453. Письма къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу *графа Аракчеева* и *Н. М. Карамзина*, съ замѣткою *Г. Н. Александрова*. **1868**, 289—293.
454. По поводу статей о госпожѣ Крюднеръ, *князя Н. Н. Голицына*. **1870**, 901—908.
455. Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ, *Н. П. Шишкова*. **1866**, 460—474.
556. А. Ѳ. Лабзинъ, статьи *П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева*. **1866**, 817—860.
457. Баронъ К. Ѳ. Левенштернъ и письма къ нему *великаго князя Михаила Павловича*, *гр. Аракчеева* и пр. съ примѣчаніями *М. И. Семевскаго*. **1869**, 1649—1662.

486. Черты для біографіи Ѳ. В. Растопчина, замѣтки *М. Н. Лонгинова*. **1868**, 1674—1675.
487. Картина Франціи, представленная императору Александру 1-му *графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ*. **1872**, 965—985.
488. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и для біографіи гр. Ѳ. В. Растопчина. *М. Н. Лонгинова*. **1868**, 851.
489. Письма *графа Ѳ. В. Растопчина* къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1869**, 759—762.
490. Переписка *графа Ѳ. В. Растопчина* съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сообщено *Г. Н. Александровымъ*). **1869**. 763—766.
491. Письмо *Н. И. Рязанова* къ И. И. Дмитріеву. **1866**, 1331—1335.
492. Письмо *Алексѣя Куракина* къ кн. Ѳ. Н. Голицыну о Сперанскомъ, съ замѣткою *Я. К. Грота*. **1863**, 810—812.
493. Письма *Сперанскаго* къ Ф. И. Цейеру (1811—1818) **1870**, 174—200.
494. Письмо *Сперанскаго* къ *С. М. Броневскому*. **1870**, 199—202.
495. Письма *М. М. Сперанскаго* къ его дочери, изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь. **1868** 1103—1212.
496. Письма *Сперанскаго* къ его дочери, съ дороги въ Сибирь, изъ Сибири и съ возвратнаго оттуда пути. **1868**, 1681—1811.
497. Сперанскій въ его государственной дѣятельности, съ общимъ очеркомъ исторіи внутренняго управленія въ XVIII вѣкѣ. Статья профессора *Ѳ. М. Дмитріева*. **1868**, 1527.—1656.
498. Изъ бумагъ о гр. Сперанскомъ, въ дополненіе къ его жизни, изданной въ 1861 году. **1867**. 432—455. (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*).
499. Поправка свѣдѣнія о Сперанскомъ, *Я. К. Грота*. 812.
500. Письмо *Сперанскаго* къ И. В. Лопухину. **1870**. 623—626.
501. Письма *И. В. Лопухина* къ Сперанскому. **1870**, 609—622.
502. Письма *Сперанскаго* къ А. А. Столыпину, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина*. **1869**, 1682 и 1966.
503. Выдержки изъ писемъ *Сперанскаго* къ А. А. Столыпину съ предисловіемъ *Д. А. Столыпина*. **1870**, 880—893 и 1125—1156.
504. Письма *Сперанскаго* изъ Пензы и изъ Сибири къ А. А. Столыпину, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина*. **1871**. 431—484.
505. Письмо *Сперанскаго* объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщено барономъ *М. А. Корфомъ*). **1869**, 919—920.
506. Къ исторіи ссылки Сперанскаго, *Я. К. Грота*. **1871**, 2073 и 2121.
507. Къ біографіи Сперанскаго, *М. П. Погодина*. (Письмо *Сперанскаго* къ Самборскому и разсказъ о немъ Челищева). **1871**. 1942.—1948.
508. Сперанскій. Критико-историческое изслѣдованіе академика *М. П. Погодина* (Показанія Я. И. Де-Санглена). **1871**. 1097—1252.
509. Письмо *В. Ѳ. Тимковскаго* (1813) съ предисловіемъ *М. А. Максимовича* **1871**. 2118.
510. Николай Ивановичъ Тургеневъ. Статья *Д. Н. Свербеева*. **1871**. 1962—1984.
511. Письмо *архим. Фотія* къ Д. А.

Державиной объ А. И. Тургеневѣ. **1863**, 850—854.

512. Письма архимандрита *Фотія* къ брату и роднымъ. **1871**. 239—255.

513. Изъ Записокъ архимандрита *Фотія*. 1822 годъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. **1869**, 929—944.

514. Примѣчаніе къ свѣдѣніямъ о Фотіи. *Ф. Горбунова*. **1870**. 901.

515. Фотина Павловна, послушница архимандрита Фотія. Статья *П. С. К—го*. **1870**. 893—900.

516. Укорительное письмо *Фотія* къ князю А. Н. Голицыну. **1870**. 1159—1162.

517. Анна Григорьевна Хомутова: а) Жизнь ея, составленная г-жею Е. И. Розе, б) Два отрывка изъ ея Записокъ о 1814 г.. и объ А. С. Пушкинѣ и в) Замѣтка о ней *князя П. А. Вяземскаго*. **1867**, 1049—1071.

518. Дневникъ свитскаго офицера (*С. Г. Хомутова*). 1813 годъ. **1869**, 219—304.

519. Русскіе въ Парижѣ. Изъ Дневника свитскаго офицера. *С. Г. Хомутова*. **1870**, 161—174.

520. Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаадаева. Статья *М. Н. Лонгинова*. **1868**, 1318—1328.

521. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ, статья *Д. Н. Свербеева*. (1856). **1868**, 976—1000.

522. Письмо *кн. Адама Чарторижскаго* къ гр. Матусевичу, съ объяснительною замѣткою *Н. В. Сушкова*. **1863**, 824—839.

523. Изъ Записокъ адмирала *Чичагова*. Дѣла съ Турціею въ 1812 году. **1870**, 1522—1551.

524. Встрѣча съ Шишковымъ. Изъ Записокъ *Д. Н. Свербеева*. **1871**. 161—182.

525. *Баронъ Штейнъ* о состояніи Россіи. **1871**. 0126.

526. Воспоминанія о директорѣ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтѣ, сына его *В. Е. Энгельгардта*. **1872**, 1462—1491.

527. Педагогическія замѣтки *Е. А. Энгельгардта*. **1872**, 1595—1600.

НИКОЛАЙ I.

528. Нѣсколько словъ объ императорѣ Николаѣ I-мъ. Замѣтка *М. В. Юзефовича*. **1870**, 999—1008.

529. Еще черта для характеристики императора Николая. *М. В. Юзефовича*. **1870**, 1727—1728.

530. Изъ воспоминаній о прошломъ, *княжны В. Н. Репниной*. **1870**, 1724—1727.

531. Императоръ Николай I-й въ Св. Правительствующемъ Синодѣ. Статья *Н. И. Григоровича*. **1869**, 739—752.

532. Письмо *императора Николая Павловича* къ графинѣ Е. П. Потемкиной отъ 4 Апрѣля 1826. **1872**, 425—426.

533. Два письма (графа) *Д. Н. Блудова* къ его супругѣ въ 1826 г. изъ Москвы въ Спб., **1867**, 1046—1048.

534. Всеподданнѣйшее письмо графа Аракчеева къ императору Николаю Павловичу. **1866**, 1049—1052.

535. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государств. секретаря *А. Н. Оленина*). **1869**, 731—053.

536. Поимка В. К. Кюхельбекера (два распоряженія цесаревича Константина Павловича), съ предисловіемъ *М. Ѳ. Шугурова*. **1870**, 404—408.

537. П. И. Сухиновъ (одинъ изъ Декабристовъ). **1870.** 908—926.
538. Отвѣтъ на отзывъ о генералѣ Лепарскомъ, *М. В. Юзефовича*. **1870,** 1927—1936.
539. Изъ Записокъ *И. Д. Якушкина*. **1870.** 1566—1630.
540. По поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14 Декабрѣ и Декабристахъ. *П. Н. Свистунова*. **1870,** 1633—1668.
541. По поводу Записокъ И. Д. Якушкина и статьи о нихъ П. Н. Свистунова: а) Отвѣтъ автора „Записокъ Декабриста". **1871,** 0189. б) Отвѣтъ С. В. Максимова 322. в) Отповѣдь *П. Н. Свистунова*. 333.
542. Бунтъ Черниговскаго полка, современныя бумаги. **1871,** 257—288.
543. О смерти А. С. Грибоѣдова, статья *П. А. Ефремова*. **1872,** 1492—1538.
544. Письма *А. С. Грибоѣдова* къ К. К. Родофиникину. **1872,** 1538—1550.
545. Письма *князя Паскевича* и *графа Нессельроде* объ А. С. Грибоѣдовѣ. **1872,** 1551—1552.
546. О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года. Записка священника Софронія Гаврилова. **1867,** 1375—1384.
547. Записка *Бумакова* о дѣятельности князя Н. Г. Репнина въ 1831 году. **1872,** 953—965.
548. Замѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 года. *И. С. Ульянова*. **1867,** 695—712.
549. Холера въ Петербургѣ въ 1831 году. Разсказъ очевидца, *Ил. В. С-ва*. **1868,** 958—962.
550. Изъ памятныхъ замѣтокъ *В. Д. Давыдова*. (Кончина Дибича). **1871,** 0289.
551. Переписка епископа-князя *Симона Гедройца* съ (гр.) *Д. Н. Блудовымъ* и другими лицами во время Польскаго матежа 1831 года. **1869,** 1485—1542.
552. Записки генералъ - адъютанта *Отрощенки* о послѣдователяхъ Конарскаго. **1869,** 1207—1223.
553. Виленская коммиссія о послѣдователяхъ Конарскаго. Статья *М. И. Топильскаго*. **1870,** 1183—1198.
554. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта *Н. Н. Муравьева-Карскаго*. 1832 и 1833 г. Отправленіе въ Египетъ къ Мегметъ-Али-пашѣ и пребываніе Русскихъ на Босфорѣ.) **1868,** 733—794.
555. Изъ Записокъ графа *А. Х. Бенкендорфа* (о путешествіи имп. Николая по Россіи въ 1836 г.) въ переводѣ съ предисловіемъ барона *М. А. Корфа*. **1865,** 1167—1178.
556. Разсказы очевидцевъ (*гр. А. Х. Бенкендорфа*, *кн. А. Ѳ. Орлова*, *барона М. А. Корфа*, *А. Р. Барановича*, *гр. В. Ѳ. Адлерберга и барона Э. И. Мирбаха*), о пожарѣ зимняго дворца въ 1837-мъ году, съ примѣчаніями барона *М. А. Корфа*. **1865,** 1179—1204,
557. Еще разсказъ очевидца о Петербурскомъ пожарѣ 1837 года *И. Д. Лужина*, съ приложеніями. **1868,** 844—851.
558. Православные Латыши въ 1841 и 1842 годахъ. Историческій очеркъ *Ю. Ѳ. Самарина*. **1869,** 1224—1361.
559. Письмо великой княгини *Александры Николаевны* къ В. А. Жуковскому. **1868,** 107—108.
560. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. *И. Клингера*. **1869,** 964—1006.

АЛЕКСАНДРЪ II-й.

616. Н. А. Милютинъ. Некрологъ. **1872**, 447—448.
617. Девятнадцатое Февраля 1872 года въ Москвѣ (памяти Н. А. Милютина) *Ѳ. И. Тимирязева.* **1872**, 0866—0872.
618. Изъ письма *В. П. Боткина.* (1864). **1872**, 1055—1056.
619. Записки *Н. В. Берга* о Польскихъ возстаніяхъ съ 1831 года (изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ). **1870**, 201—268, 431—502, 631—674 и 1821—1928; **1871**, 509—576 и 1985—2038; **1872**, 622—706.
620. Заявленіе *Н. В. Берга*, по поводу его Записокъ о Польскомъ возстаніи. **1871**, 181.
621. По поводу Записокъ Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи. Замѣтки *О. А. Пржецлавскаго.* **1872**, 1031—1055.
622. Отвѣтъ *Н. В. Берга* О. А. Пржецславскому. **1872**, 1210—1813.
623. По поводу „Отвѣта" Н. В. Берга на замѣчанія объ его Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, *О. А. Пржецлавскаго.* **1872**, 1553—1576.
624. А. Н. Каховской, некрологъ. *В. В. Ильина.* **1870**, 1676—1682.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

625. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. Изъ словаря *Г. Н. Геннади.* **1864**, 1068 — 1102.
Тоже (въ 1863). **1865**, 1377—1388.
Тоже (въ 1864). **1866**, 561—580.
Тоже (въ 1865). **1867**, 953—981.
Тоже (въ 1866). **1868**, 2001—2026.
Тоже (въ 1867). **1869**, 1985—2017.
Тоже (въ 1868). **1870**, 2013—2043.
Тоже (въ 1869). **1871**, 483—510.
Тоже (въ 1870). **1872**, 1985—2023.
626. Словарь Русскихъ писательницъ. Составилъ *Николай Книжникъ* (князь Н. Н. Голицынъ). **1865**, 1389—1481.
627. Къ Русскимъ писательницамъ. Воззваніе *князя Н. Н. Голицына.* **1870**, 2138—2140.
628. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій:
Библіографическія розысканія *М. Н. Лонгинова.*
1) Баратынскаго. **1864**, 1103—1111.
2) Батюшкова. **1863**, 917—924.
3) Гнѣдича. **1863**, 910—916.
4) И. И. Дмитріева. **1863**,898—910.
5) Князя И. М. Долгорукаго. **1865**, 964—971.
6) Жуковскаго. **1864**, 1123—1135.
7) Карамзина. **1864**, 1135—1158.
8) Козлова. **1864**, 1111—1114.
9) Лермонтова. **1863**, 966—971.
10) Милонова. **1864**, 1114—1122.
629. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. *М. Н. Лонгинова.* **1866**, 1770—1777.

*

630. Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. По-

смертная статья *С. Т. Аксакова.* **1868**, 529—584.

631. Перечень трудовъ А. Н. Аѳанасьева, имъ самимъ составленный. **1871**, 1948—1955.
632. Воспоминанія *А. Н. Аѳанасьева* Глава первая. (До Гимназіи и въ Гимназіи). **1872**, 805—852.
633. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ В. А. Жуковскому. **1868**, 147—156.
634. О стихотвореніи Баратынскаго „Леда". *Н. В. Путяты.* **1864**, 1056—1057.
635. Письма *Е. А. Баратынскаго* къ Жуковскому и А. И. Тургеневу. **1871**, 0239—0241.
636. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ Н. А. Полевому. **1872**, 351—352.
637. Письма *Е. А. Баратынскаго* къ Н. В. Путятѣ. **1867**, 263—299.
638. Воспоминанія объ Е. А. Баратынскомъ *П. Г. Кичеева.* **1868**, 866—872.
639. Баратынскій и его сочиненія. *М. Н. Лонгинова.* **1867**, 248—264.
640. К. Н. Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни. **1867**, 1342—1360 и 1440—1536, съ портретомъ.
641. Прогулка по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе *К. Н. Батюшкова.* **1869**, 1191—1208.
642. Письмо *Булгарина* къ И. П. Липранди объ изданіи Сѣверной Пчелы. **1869**, 1553.
643. Письмо *Булгарина* къ Гречу. **1870**, 1943—1944.
644. Импровизація *Д. В. Веневитинова.* **1866**, 259—260.
645. Посланіе *А. Ѳ. Воейкова* къ Н. Н. Раевскому (старшему) **1871**, 0945—0948.
646. Письмо *А. Ѳ. Воейкова* къ А. И. Тургеневу (въ прозѣ и стихахъ). **1872**, 1184—1195.
647. Парнасскій адресъ-календарь. *А. Ѳ. Воейкова.* **1866**, 760—766.
648. Пѣснь Невская, стихотвореніе *княгини З. А. Волконской.* **1872**, 1979—1982.
649. Письмо *А. Х. Востокова* къ смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. **1864**, 1102—1103.
650. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива князя П. А. Вяземскаго. **1866**, 217—254 (Письма 1812 года); 473 — 512 (Арзамазскія литературныя шалости, письма *Д. В. Дашкова, Варнгагена* и *Сильвіо Пеллико*), 859—903 (Письмо Батюшкова, письма въ стихахъ *Жуковскаго*, письма *А. И. Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Давыдова*); 1065 — 1088 (бумаги *графа Уварова*; письма *Плетнева, Жуковскаго, Гоголя* и *Чадаева*).
651. Еще выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго Архива. Письма къ князю П. А. Вяземскому:
   а) *В. А. Жуковскаго.*
   б) *Сильвіо Пеллико.*
   в) *Профессора Баруффи.*
   г) *Сергѣя Львовича Пушкина.*
   д) *А. В. Кольцова.*
   е) *И. П. Мятлева*, съ объяснительнымъ введеніемъ *князя П. А. Вяземскаго.* **1868**, 436—461.
652. Изъ старыхъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго: 1) Письмо *Н. М. Карамзина* къ князю А. И. Вяземскому 1796; 2) Письмо *Н. В. Гоголя* къ князю П. А. Вяземскому, 1846, 3) Указъ *Петра Великаго* Курбатову. **1872**, 1323—1333.
653. Замѣчанія на вторую книгу

741. Записка *Карамзина* къ неизвѣстному лицу. **1866**, 1765—1766.
742. Записка *Н. М. Карамзина* о древней и новой Россіи, написанная въ 1811 году для Императора Александра Павловича. **1870**, 2225—2350.
743. Историческая замѣтка о запискѣ *Карамзина:* „Мнѣніе Русскаго гражданина“. **1869**, 303—304.
744. Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ (1801) изъ Записокъ *Ф. Ф. Вигеля.* **1863**, 788—793.
745. Мое представленіе исторіографу. *М. П. Погодина.* **1866**, 1766—1770.
746. О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина. *М. А. Дмитріева.* **1865**, 1373—1375.
747. Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. *М. Н. Лонгинова.* **1865**, 1370—1373.
748. Еще о годѣ рожденія Карамзина. *М. Ѳ. Шугурова.* **1866**, 1504—1507.
749. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ. *М. Н. Лонгинова.* **1867**, 467—470.
750. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ. *Н. А. Лавровскаго.* **1869**, 2017.
751. Выдержки изъ писемъ актера *В. А. Каратыгина къ* П. А. Катенину. **1871**, 0241.
752. Два письма *М. Т. Каченовскаго* къ Н. И. Гнѣдичу. **1868**, 970—972.
753. Къ біографія Е. П. Ковалевскаго (рѣчь *князя П. А. Вяземскаго*)**1872**, 1195—1199.
754. О подпискѣ на стипендію Е. П. Ковалевскаго. **1869**, 2106.
755. Неизданные стихи *А. В. Кольцова.* **1871**, 0250.
756. Неизданныя стихотворенія *А. В. Кольцова.* Статья *М. Ѳ. де-Пуле.* **1864**, 1045—1056.
757. Нѣсколько словъ о Костровѣ и его переводахъ, по поводу новаго изданія Апулеева Золотаго Осла. **1870**, 0709—0718.
758. Письмо *И. А. Крылова* къ молодой дѣвицѣ (1801). **1865**, 1316—1319.
759. Неизданная басня *И. А. Крылова* (Пестрыя Овцы). *В. Ѳ. Кеневича.* **1867**, 386—392.
760. Басня Крылова, Прихожанинъ *В. Ѳ. Кеневича.* **1866**, 255—259.
761. Маскерадныя стихотворенія И. А. Крылова. *В. Ѳ. Кеневича.* **1866**, 1335—1340.
762. О Крыловѣ, изъ Записокъ *Ф. Ф. Вигеля.* **1863**, 783—788.
763. Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова. *М. Н. Лонгинова.* **1864**, 1158—1162.
764. Любовь баснописца *Крылова*, замѣтка *П. В. Алабина.* **1872**, 860—866.
765. Левъ Андреевичъ Крыловъ, братъ баснописца и его переписка съ Иваномъ Андреевичемъ (1799—1823) *В. Ѳ. Кеневича.* **1868**, 239—266.
766. Замѣтка о книгѣ г. Кеневича: „Примѣчанія къ баснямъ Крылова“. *М. Н. Лонгинова.* **1868**, 1817—1819.
767. Хронологія басенъ Крылова. *В. Ѳ. Кеневича.* **1865**, 1323—1340.
768. Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова. *В. Ѳ. Кеневича.* **1865**, 1340—1348.
769. Разсказы объ И. А. Крыловѣ. *Н. М. Колмакова.* **1865**, 1319—1324.
770. Письмо *В. К. Кюхельбекера* къ

863. Библіографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Соболевскому *П. М. Строева*. **1865**, 1483—1488.
864. Новыя явленія въ Русской библіографіи *С. А. Соболевскаго*. **1869**, 921—935.
865. Библіографическая замѣтка и пополненіе. *С. А. Соболевскаго*. **1870**, 1935—1937.
866. Библіографическая замѣтка о „Матеріалахъ для библіографіи Я. Ф. Березина-Ширяева", *С. А. Соболевскаго*. **1870**, 2070—2071.
867. О вліяніи Смоленскаго бульвара въ Москвѣ на Португальскій парламентъ въ Лиссабонѣ, замѣтка *С. А. Соболевскаго*. **1868**, 330—334.
868. О С. А. Соболевскомъ. *Я. Ф. Березина-Ширяева*. **1871**, 1738. —1740.
869. Изъ разсказовъ С. А. Соболевскаго, *Н. В. Берга*. **1871**, 187.—0195.
870. Замѣтка на замѣтку (по поводу разсказовъ Соболевскаго) *Н. В. Берга*. **1871**, 1734—1737.
871. С. А. Соболевскій. Некрологъ. **1870**, 2140—2144.
872. Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины С. А. Соболевскаго. *Графа А. Ѳ. Растопчина*. **1871**, 383.
873. Собственноручная записка *А. П. Сумарокова* (сообщена М. М. Евреиновымъ). **1867**, 100.
874. Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова. Изслѣдованіе *М. Н. Лонгинова*. **1871**, 1637 — 1717.
875. Поправки къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ. **1871**, 1955.
876. Н. В. Сушковъ. Некрологъ. **1871**, 1743.
877. Нѣсколько объяснительныхъ словъ *графа Л. Н. Толстаго* (по поводу сочиненія его „Война и Миръ") **1868**, 515—528.
878. Письма разныхъ лицъ къ Александру Ивановичу Тургеневу. **1866**, 647—657.
879. Письма *Н. И. Тургенева* къ князю П. А. Вяземскому и П. Я. Чадаеву. **1872**, 1200—1207.
880. Библіографія сочиненій И. С. Тургенева. *П. Библіографа*. **1871**, 380—382.
881. Четыре письма высокопреосвященнѣйшаго *Филарета*, митрополита Московскаго: а) къ А. А. Полторацкой, б) Д. Б. Мертваго, в) В. М. Мертваго. **1868**, 137—141.
882. Воспоминаніе о митрополитѣ Филаретѣ. **1869**, 1177—1184.
883. Библіографическія замѣтки: неизвѣстныя стихотворенія Пушкина, Кольцова и Баратынскаго и эпиграмма Крылова. *И. И. Ханенки*. 186 073 и 2026.
884. Неизданное пятистишіе *А. С. Хомякова*. **1866**, 770—771.
885. Неизданныя стихотворенія *А. С. Хомякова*, съ замѣткою *П. И. Бартенева*. **1863**, 727—731.
886. О сочиненіяхъ П. Я. Чаадаева. *М. Н. Лонгинова*. **1863**, 871—873.
887. Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ. *М. П. Погодина*. **1865**, 1261—1269.
888. Письмо *С. П. Шевырева* къ М. А. Максимовичу. **1872**, 1208—1210.
889. О библіотекѣ С. П. Шевырева. **1872**, 445—446.
890. Мнѣнія *А. С. Шишкова* о разсматриваніи книгъ или о цензурѣ. **1865**, 1097—1116.
891. Анекдотъ о Шишковѣ. **1863**, 982—983.
892. Н. М. Языковъ 1803—1846. (Но-

вые стихи его и письма). Статья *М. И. Семевскаго.* **1867**, 712—748.

893. Два стихотворенія *Н. М. Языкова*, съ предисловіемъ *В. М. Княжевича.* **1871**, 1303—1306.

894. О стихотвореніяхъ Өеофана Прокоповича, статья *М. А. Максимовича.* **1872**, 997—1004.

СМѢСЬ.

895. Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны, съ замѣткою *Д. О. Шепинга.* **1863**, 31—42.

896. О притчахъ св. Кирилла. *О. И. Коларя.* **1864**, 17—29.

897. Притчи святаго Кирилла-философа, учителя Славянскаго. *С. А. Соболевскаго.* **1864**, 12—16.

898. Вѣтеръ (изъ Русской Символики). *Графа А. С. Уварова.* **1864**, 41—67.

899. Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями. *Графа А. С. Уварова* (съ рисункомъ). **1864**, 29—41.

900. Аника-воинъ. *Ильи В. Бѣляева.* **1864**, 67—70.

901. О храбромъ воинѣ Аникѣ и смерти (стихи). **1864**. 78—80.

902. Еще объ Аникѣ-воинѣ. *Ө. Н. Фортунатова.* **1864**, 70—72.

903. Для исторіи Русскаго народнаго театра. *А. А. Котляревскаго.* **1864**, 73—77.

904. Сказка о Шибаршѣ (изъ рукописи, относящейся къ 1730 г.). съ замѣткою *Ильи В. Бѣляева.* **1863**, 20—32.

905. Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисловіемъ *М. Ө. Шугурова.* **1865**, 13—18.

906. Подарокъ изъ Скандинавіи, *М. П. Погодина*, съ отвѣтнымъ замѣчаніемъ *Д. И. Иловайскаго.* **1872**, 438—440.

907. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году, *С. А. Соболевскаго.* **1868**, 2047—2050.

908. Русскія пытки, историческій очеркъ. **1867**, 1139—1167.

909. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзиныхъ) археологическая замѣтка *князя М. А. Оболенскаго.* **1869**, 1076—1082.

910. Челобитная протопопа *Аввакума.* **1864**, 83—90.

911. Посланія протопопа *Аввакума* къ боярынѣ Өеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой. **1864**, 90—99.

912. Подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. **1864**, 104—126.

913. Три старообрядческія стихотворенія, **1864**, 99—103.

914. Подлинные черты и случаи изъ исторіи раскола. (1792—1807). **1864**, 127—141.

915. Странники (изъ исторіи раскола). *Л. Н. Трефолева*, съ примѣчаніями *И. С. Аксакова.* **1866**, 602—627.

916. Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. *И. С. Аксакова.* **1866**, 627—644.

917. Корчма, историческій очеркъ *И. Г. Прыжова.* **1866**, 1053—1064.

918. Дѣло о дьячкѣ Васильѣ Ефимовѣ, сожженномъ за ложное чудо въ 1721 году. **1867**, 1708—1720.

919. Духовное завѣщаніе Колычева. **1869**, 2104.

920. О граверѣ Шомбекѣ. *Князя М. А. Оболенскаго.* **1870**, 1390—1392.

921. Русское письмо (epistola) XVII вѣка. **1864**, 80—82.

952. Литературная новость. *К. И. Жинзифова.* **1863**, 1023—1024.
953. Объ Исторіи Академіи Наукъ, замѣтка *М. Н. Лонгинова.* **1871**. 0246.
954. Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Д. И. Языкову (стихи). **1863**, 874—875.
955. Восемь старинныхъ стихотвореній. **1863**, 875—879.
956. Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка: Приходское духовенство и Монахи. Статья *А. М. Лазаревскаго.* **1871**. 1884—1905.
957. О Лафермьерѣ, замѣтка *князя М. А. Оболенскаго.* **1869**, 2090.
958. О трудахъ по исторіи Русскаго законодательства, статья *Ѳ. В. Чижова.* **1869**, 2045—2066.
959. Поправка, *В. Ѳ. Кеневича.* **1870**, 1944—1946.
960. Управленіе Русскими театрами въ Москвѣ и Петербургѣ, *М. Н. Лонгинова.* **1870**, 1551—1558.
961. Замѣтки для исторіи Русскаго театра, *М. Н. Лонгинова.* **1870**, 1348—1366.
962. Надпись подъ потретомъ графа А. П. Бестужева. **1869**, 2104.
963. Литературно-историческія замѣчанія. *М. П. Погодина.* **1869**, 2092.
964. О склоненіи Малороссійскихъ собственныхъ именъ. Замѣтка *Г. П. Галагана* **1869**, 1718.
965. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея). *Ѳ. Н. Фортунатова*, бывшаго директора Олонецкой гимназіи. **1869**, 305—340.
966. Воззваніе Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича о собираніи свѣдѣній касательно Севастопольской обороны. **1870**, 2350—2351.
967. По поводу біографіи Е. А. Головина, замѣчанія *М. П. Щербинина* о дѣятельности князя М. С. Воронцова на Кавказѣ. **1872**, 707—717.
968. Письмо короля *Людовика XVIII-го* къ графу Н. П. Румянцеву. **1872**, 186—197.
969. Соисканіе преміи за біографическое сочиненіе о князѣ Безбородкѣ. **1870**, 1197—1200.

БИБЛІОГРАФІЯ.

970. Копія съ росписи книгамъ, которыя обрѣтаются въ патріаршей ризницѣ (1718 г.). **1864**. Въ особомъ приложеніи.
971. Азбучный указатель къ Русскому Вѣстнику (1856—1864). **1863**, 1025—1040.
972. Полный указатель къ Русской Бесѣдѣ (1856—1860) и Московскимъ Сборникамъ (1846. 1847 и 1852). **1863**, 1041—1066.
973. Азбучный полный указатель къ Библіографическимъ Запискамъ. **1864**. Въ особомъ приложеніи.
974. Указатель къ повременнымъ изданіямъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ (1815—1865) **1866**. Особое приложеніе.
975. Указатель къ Запискамъ Храповицкаго. **1864**. Въ особомъ приложеніи.
976. Объ изданіи Памятныхъ Записокъ А. В. Храповицкаго. **1867**, 921—952 (Статьи. *Д. В. Польнова*).
977. Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы. Библіографическое описаніе *С. А. Соболевскаго.* **1867**. Въ особомъ приложеніи.

978. Общая роспись статьямъ „Русскаго Архива“ за первыя пять лѣтъ сего изданія. Въ приложеніи. **1868.**
979. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ. *Я. К. Грота*, съ замѣткою *А. А. Котляревскаго*. **1865**, 1481—1484.
980. Библіографическая лѣтопись. *П. А. Гильтебрандта*. **1863**, 991—993.
981. Библіографическій курьезъ. *П. А. Безсонова*. **1864**, 1175—1182.
982. А. Д. Чертковъ и его библіотека. **1863**, 1—19.
983. Нѣсколько словъ о Чертковской библіотекѣ. **1864**, 1—11.
984. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 году (краткій отчетъ). **1865**, 9—10.
985. О Чертковской библіотекѣ въ 1865 году. **1866**, 4 нен. стр.
986. О Чертковской библіотекѣ въ 1866 г. **1867**, 314—320.
987. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1868 году. **1869**, 039—044.
988. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1869 году. **1870**, 522—526.
989. Новыя полученныя въ Москвѣ книги на Славянскихъ нарѣчіяхъ и о Славянахъ. **1863**, 994—999.
990. Замѣчательнѣйшія новыя книги. **1863**, 984—991 и 994.
991. Книжныя вѣсти. **1863**, 999—1001.
992. Новыя сочиненія и изданія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россіи, **1865**, 1487—1494.
993. Книжныя замѣтки. *М. Ѳ. Шугурова*. **1866**, 771—776.
994. Книжныя заграничныя вѣсти. **1866**, 260—262.
995. Книжныя заграничныя вѣсти. **1868**, 317—330.
996. Книжныя заграничныя вѣсти за 1868 годъ. **1869**, 025—040.
997. Книжныя заграничныя вѣсти за 1869 годъ. **1870**, 501—518.
998. Книжныя заграничныя вѣсти. за 1870. **1871**, 0965—984
999. Книжныя заграничныя вѣсти за 1871 годъ. **1872**, 752—779.
1000. Отвѣтная замѣтка В. И. Собольщикову. *П. И. Бартенева*. **1864**, 1168—1169.
1001. О сборникѣ Муханова, замѣтка *А. Ѳ. Бычкова*. **1867**, 1180—1181.
1002. Юбилейныя изданія Московскаго университета. **1867**, 1177—1180.
1003. Объ юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи (Письмо къ издателю Русскаго Архива). *П. А. Безсонова*. **1867**, 914—921.
1004. Псевдо-переводы съ Русскаго. (По матеріаламъ императорской публичной библіотеки) *барона М. А. Корфа*. **1866**, 204—216.
1005. Замѣтка на статью „Псевдо-переводы съ Русскаго“. *П. А. Ефремова*. **1866**, 512.
1006. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*). **1869**, 613—628.
1007. Заявленіе издателей Полярной Звѣзды (1825). **1871**, 0964.
1008. Поправка. *М. А. Дмитріева*. **1863**, 879—880.
1009. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ“, замѣтка *М. И. Семевскаго*. **1869**, 053—060.

1010. О палеографическихъ снимкахъ, изд. преосв. Саввою. *А. Е. Викторова.* **1863,** 84—91.

1011. Дополненія и поправки *М. Н. Лонгинова.* **1863,** 1513—1516.

1012. Замѣтки на статьи Русскаго Архива. *М. Н. Лонгинова.* **1865,** 1495—1514.

1013. Дополненія, замѣтки и поправки. **1866,** 265—272.

1014. Замѣтки. **1866,** 1347—1348.

1015. Поправки. **1866,** 1506—1507.

1016. Дополненія и поправки. **1867,** 671—672.

1017. Дополненія и поправки. **1867,** 990—992.

1018. Дополненія, замѣтки и поправки. **1868,** 334—335, 528.

1019. Мелочи, замѣтки и поправки. **1869.** 1726 и 2091.

1020. Замѣтки и поправки. **1870,** 1199—1120.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ОБЩЕЙ РОСПИСИ.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 1535-й Р. Архива 1871 года. Николай Сергѣевичь Свѣчинъ скончался въ Парижѣ, а не въ домѣ Соймонова. (Эта поправка получена отъ г-жи Толычовой).

Во 2-й книгѣ XIX Вѣка, стр. 238 приведены и приписаны Политковскому стихи на новый годъ, принесшій автору.

Лишь новыя заплаты...

По словамъ С. А. Маслова, стихи эти принадлежатъ Кострову, который шелъ поздравлять съ новымъ годомъ куратора Университета и, споткнувшись на лѣстницѣ, разорвалъ свое нижнее платье.

Въ Р. Архивѣ 1872 года:

На стр. 1294-й вм. cygne слѣдуетъ cigue.

На стр. 1452, тамъ же, строка 8 сверху вм. Ивановичь—Ильичь.

На стр. 2063, 4-е письмо Екатерины не отъ 9 Іюня, а отъ 9 Іюля.

На стр. 2071, въ 18-мъ примѣчаніи вм. *подлинника* надо посланника

На стр. 2073, 39-е письмо Екатерины не отъ 21 Ноября, а отъ 21 Октября.

На стр. 2080., 73-е письмо Екатерины не отъ 18 Іюня, а отъ 18 Іюля.

На стр. 2086, въ 102-мъ письмѣ Екатерины вм. Каратыгиину, надо Карадыкину.

На стр. 2109-й, въ письмахъ князя Цпціанова къ Зиновьеву, не вѣрно означено отчество г-жи Ниловой: она была дочерью не Кирилы, а Корнилія Богдановича Бороздина, генералъ-аншефа.

На стр. 2171-й, въ тѣхъ же письмахъ, въ примѣчаніи 3-мъ, вм. гр. С. П. Румянцева, слѣдуетъ графа П. А. Строганова, и самое примѣчаніе это должно быть отнесено къ окончанію 26-го письма.

На стр. 2376-й, въ 7-мъ письмѣ М. А. Волковой говорится о рожденіи гр. Льва Александр. Соллогуба.

На стр. 2378-й, въ примѣчаніи надо вм. Луизы Карловны—Екатерины Карловны (Первой жены гр. М. Ю. Вьельгорскаго).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1872 ГОДА.

При Русскомъ Архивѣ 1872 года приложена Общая Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Для желающихъ переплести ее отдѣльно отпечатано особое заглавіе. Переплетающіе эту роспись вмѣстѣ съ полнымъ годовымъ изданіемъ 1872 года (по примѣру Р. Архива 1868 года, къ коему была приложена такая же роспись за первыя пять лѣтъ) уничтожаютъ этотъ заглавный листокъ.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА 1872 ГОДА.

ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

ЕКАТЕРИНА II-я.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ.

НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

СМѢСЬ.

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библіографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей **какъ въ Москвѣ и Петербургѣ**, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу* или въ *книжный магазинъ И. Г. Соловьева* на Страстномъ бульварѣ

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**